UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00306742 8

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

WILLIAM H. DONNER
COLLECTION

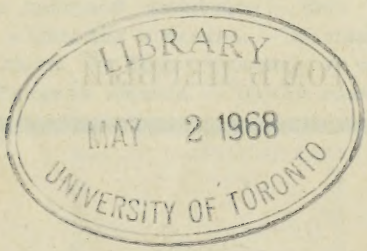
purchased from
a gift by

THE DONNER CANADIAN
FOUNDATION

PG
3337
P2
1888
t. 1-2

Полное собраніе сочиненій

Ивана Ивановича ПАНАЕВА.



Изданіе Н. Г. Мартынова.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ивана Ивановича

ПАНАЕВА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1888.

И. И. ПАНАЕВЪ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

1834—1840.

Спальня свѣтской женщины. — Она будетъ счастлива. — Сегодня и завтра. — Кошелекъ. — Какъ добры люди. — Дочь чиновнаго человѣка. — Раздѣлъ имѣнія. — Бѣлая горячка.

БИБЛІОТЕКА
Николая Михайловича
БЫВАЙЛОВА.
По Хрон. Кат. № ///

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1888.

Типографія В. Безобразова и К°. (В. О., 8 лин., д. № 45).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Отъ издателя	VII
	Некрологъ Ивана Ивановича Панаева	IX
1834.	Спальня свѣтской женщины. Эпизодъ изъ жизни поэта въ обществѣ	1
1836.	Она будетъ счастлива. Эпизодъ изъ воспоминаній петербургской жизни	44
1837.	Сегодня и завтра. Повѣсть	101
1838.	Кошелекъ. Сцены изъ петербургской жизни	144
1839.	Какъ добры люди! Разсказъ	184
1839.	Дочь чиновнаго человѣка. Повѣсть	207
1840.	Раздѣлъ имѣнія. Отрывокъ	276
1840.	Бѣлая горячка. Повѣсть	303

1841. Русский фельетонист (Зоологический очерк) — См. „Отеч. Записки" 1841, т. 15, № III, смѣсь, стр. 30–43.

„Сумерки у Камина", разсказ. См. Соч. Том. III, стр. 324–325

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изданіе сочиненій русскихъ писателей, еще недавнопрошедшаго времени, безспорно талантливыхъ, но уже забываемыхъ нынѣшнею публикою, составляетъ главную задачу моей издательской дѣятельности. — Стремленіе мое напомнить читателямъ сочиненія такихъ авторовъ, какъ С. Т. АКСАКОВЪ, Л. А. МЕЙ, И. И. ПАНАЕВЪ, П. Р. ФУРМАНЪ и др., надѣюсь, не только встрѣтитъ сочувствіе, но и заслужитъ полное одобреніе со стороны нашей читающей публики.

Изданные мною авторы почти всѣ принадлежатъ къ продолжительной эпохѣ съ 1830 до 1860 г., т. е. ко времени самому интересному въ исторіи русской литературы. — Во всѣ предпринимаемыя мною изданія я вношу дополненія, разсѣянныя въ забытыхъ старыхъ журналахъ, сборникахъ и альманахахъ за 40-лѣтній періодъ, иногда съ добавкою переписки и личныхъ воспоминаній автора.

Такимъ образомъ всѣ матеріалы, собранные и сгруппированные въ хронологическомъ порядкѣ, представляютъ читателямъ полное изображеніе развитія дѣятельности автора и всей окружавшей его среды, давая цѣнный матеріалъ для исторіи русской литературы.

Изданіе полнаго собранія сочиненій И. И. Панаева является впервые и въ особенности интересно именно въ этомъ отношеніи, такъ какъ не только его литературныя воспоминанія, но и многія изъ литературныхъ его очерковъ и замѣтокъ и изъ разсказовъ новаго поэта, а отчасти и нѣкоторыя изъ повѣстей представляютъ, сверхъ автобіографіи самого писателя, очеркъ общественной и литературной жизни 40—50 годовъ и, слегка прикрытые псевдонимами, очерки многихъ изъ дѣятелей того времени. И. И. Панаевъ издавалъ вмѣстѣ съ Н. А. Некрасовымъ журналъ „Современникъ" съ 1847 до 1862 г.; въ этомъ изданіи участвовали почти всѣ лучшіе писатели. Панаевъ со всѣми былъ близокъ и друженъ; эти отношенія воспроизводятся въ его очеркахъ и воспоминаніяхъ.

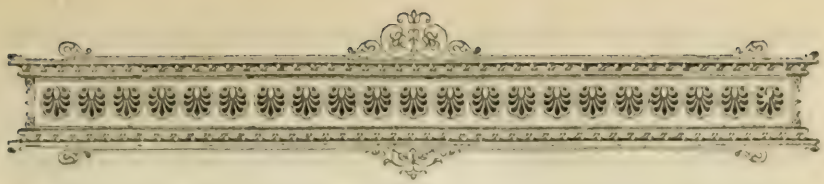
Чтобы не стѣснять читателя покупкою Полнаго собранія сочиненій И. И. Панаева, я издалъ отдѣльными оттисками всѣ его произведенія по цѣнѣ отъ 25 к. до 3 р.; кромѣ того въ условіяхъ подписки на Полное собр. соч. предложилъ разсрочку.

Нѣкоторая доля сочувствія и. читателей къ моимъ изданіямъ дастъ мнѣ возможность издать въ такомъ же видѣ со всѣми дополненіями еще и другихъ авторовъ, сочиненія которыхъ не были собраны до настоящаго времени.

Приношу мою искреннюю благодарность П. А. Ефремову за его совершенно безкорыстное участіе и въ этомъ изданіи.—Всѣ матеріалы къ изданію Перваго полнаго собранія сочиненій Ив. Ив. Панаева не только указаны мнѣ П. А., но большинство старыхъ журналовъ и альманаховъ, которыхъ я рѣшительно не могъ нигдѣ отыскать — любезно выдалъ мнѣ П. А. изъ своей обширной библіотеки; онъ же составилъ и весь распорядокъ статей въ этомъ изданіи.

Издатель-книгопродавецъ Н. Мартыновъ.

Февраль 25. 1888 г.



НЕКРОЛОГЪ

ИВАНА ИВАНОВИЧА ПАНАЕВА.

Въ воскресенье, 18 февраля 1862 г., за двадцать минутъ до полуночи, скончался Иванъ Ивановичъ Панаевъ. Для многочисленныхъ его друзей и читателей не будетъ лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о его внезапной смерти. Ему было 50 лѣтъ (онъ родился въ 1812 году), но онъ до послѣдняго полугодія своей жизни былъ постоянно здоровъ и бодръ такъ, что возбуждалъ не безъ основанія чувство зависти въ людяхъ однихъ съ нимъ лѣтъ. Только въ послѣдніе мѣсяцы сталъ онъ иногда жаловаться на удушье; впрочемъ оно его не настолько безпокоило, чтобъ возбуждать серьёзныя опасенія въ немъ или въ комъ-либо изъ окружавшихъ его. За двѣ недѣли до смерти (тоже въ воскресенье) съ нимъ сдѣлался ночью сильный и продолжительный припадокъ удушья, какого прежде не бывало; докторъ и близкія лица не отходили болѣе четырехъ часовъ отъ его постели. Послѣ этого Панаевъ два дня чувствовалъ слабость и оставался дома, а на третій день обратился къ обычному образу своей жизни: занятіямъ, прогулкѣ и т. п. Уступая убѣжденію близкихъ, онъ тогда позвалъ двухъ

врачей, которые подвергли внимательному изслѣдованію его грудь и нашли у него органическое поврежденіе въ сердцѣ. Они дали это понять женѣ покойнаго, сказавъ, что Ивану Ивановичу нужно серьёзно беречься и лечиться, а ему замѣтили вскользь, что сердце у него не совсѣмъ въ порядкѣ. „Плохо, братъ“, сказалъ Панаевъ за недѣлю до смерти одному изъ своихъ пріятелей, обѣдая у него: — „доктора не велятъ пить вина, ѣсть пряностей: кажется, они находятъ у меня аневризмъ.“ — Что жь, славная смерть! отвѣчалъ ему пріятель. — „Конечно! ужь если умирать, такъ умирать вдругъ, нечаянно!“ Оба смѣялись. По тону этого отвѣта и всего разсказа объ аневризмѣ видно было, что Панаевъ вѣрилъ докторамъ развѣ вполовину и вообще смотрѣлъ на это легко.

Въ день смерти Панаевъ до 3-хъ часовъ занимался у себя въ кабинетѣ и принималъ посѣтителей. Глядя на него, разговаривая съ нимъ, нельзя было и подумать, что смерть такъ близка къ нему. Обѣдалъ онъ не дома, сдѣлавъ до обѣда два или три визита по дѣламъ журнала. Вечеръ также провелъ у одного изъ знакомыхъ. Тамъ былъ веселъ и разговорчивъ, пока не почувствовалъ нѣкотораго стѣсненія въ груди. Хозяинъ дома (приходящійся ему сродни) сказалъ ему, что тутъ же, между гостями, есть докторъ. „Не безпокойтесь“, отвѣчалъ Панаевъ: — „мнѣ стоитъ только выдти на воздухъ и все пройдетъ“, и ушелъ. Это было въ половинѣ одиннадцатаго. Домой воротился онъ въ 11 часовъ, безъ десяти минутъ: когда человѣкъ отворилъ дверь, онъ сказалъ ему: „веди меня, я не могу идти.“ Человѣкъ довелъ его до постели и раздѣлъ. Панаевъ приказалъ сдѣлать себѣ горчишники и поставилъ ихъ. Въ четверть 12-го воротилась изъ театра его жена и прошла прямо къ нему. Онъ сидѣлъ на постели. „Со мной опять припадокъ“, сказалъ онъ

ей: — „но пожалуйста не безпокойся и не посылай за докторомъ: этотъ припадокъ гораздо легче, чѣмъ былъ тотъ, — пройдетъ такъ.“ Это было сказано твердымъ голосомъ. Однако, помня первый припадокъ, жена Панаева вышла и послала за докторомъ, а сама поспѣшила переодѣться. Отсутствіе ея изъ спальни мужа продолжалось не болѣе четырехъ минутъ, и когда она воротилась, Панаевъ уже не могъ говорить, онъ взялъ ея руку, прислонилъ къ ней голову, и съ нимъ началась агонія. Явились вслѣдъ одинъ за другимъ три доктора, но уже безполезны были всякія пособія: Панаевъ былъ мертвъ.

Иванъ Ивановичъ Панаевъ родился въ 1812 году, 15 марта, въ Петербургѣ, воспитывался въ бывшемъ благородномъ пансіонѣ, при С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1830 году, съ правомъ на чинъ 12-го класса. Службу свою началъ въ министерствѣ финансовъ, оттуда перешелъ въ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ до 1845 года состоялъ при редакціи этого журнала.

По происхожденію, по родству и связямъ, онъ могъ разсчитывать на блестящую служебную карьеру; понятія среды, въ которой онъ выросъ и воспитался, тогдашній взглядъ на литературу (далеко отличный отъ нынѣшняго), общее желаніе родныхъ, наконецъ и личный его характеръ, не чуждый въ молодости суетности и тщеславія,—казалось бы, все соединилось, чтобъ заставить Ивана Ивановича избрать эту торную дорогу, гдѣ ожидалъ его неизбѣжный и легкій успѣхъ. Однако, любовь къ литературѣ пересилила всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя: Панаевъ очень скоро оставилъ службу, и никогда уже не возвращался къ ней, и не жалѣлъ, что пренебрегъ служебной карьерой для литературы. Начало его литературнаго поприща легко прослѣдить по его собственнымъ

сочиненіямъ, особенно по „Литературнымъ Воспоминаніямъ“; но теперь мы пишемъ не біографію Панаева, и потому скажемъ только, что Панаевъ, въ теченіе своего тридцатилѣтняго поприща, имѣлъ въ литературѣ нашей свою долю вліянія и блестящаго, заслуженнаго успѣха: его повѣсти: „Дочь чиновнаго человѣка“, „Раздѣлъ имѣнія“, „Бѣлая горячка“, „Прекрасный человѣкъ“, „Русскій фельетонистъ“, „Онагръ“, „Актеонъ“, „Тля“, „Барышня“, „Барыня“ и др., помѣщавшіяся преимущественно въ „Отечественныхъ Запискахъ“,— читались съ жадностью. Когда, въ 1846 году, нѣкоторые сотрудники, задумавъ основать свой журналъ, покинули „Отечественныя Записки“, то въ публикѣ и въ литературныхъ кружкахъ того времени говорили, что послѣ Бѣлинскаго важнѣйшею потерею для „Отечественныхъ Записокъ“ будетъ потеря — Панаева. Публикѣ извѣстно, какія тѣсныя отношенія связывали Панаева съ Бѣлинскимъ, и какъ послѣдній любилъ въ Панаевѣ надежнаго товарища, даровитаго писателя и честнаго человѣка. Мы обращаемъ вниманіе на этотъ фактъ потому, что Панаевъ, горячо любившій и уважавшій Бѣлинскаго, самъ любилъ припоминать о своихъ отношеніяхъ къ нему, онъ гордился ими. Вообще же говоря, Панаева любили всѣ, кто только зналъ его: столько было въ немъ доброты, мягкости и той привлекательности, которая сообщается человѣку преобладаніемъ въ немъ хорошихъ душевныхъ свойствъ. Разумѣется, были у него и враги.

Тернисто поприще журналиста, на которое вступилъ Иванъ Ивановичъ въ 1847 году и на которомъ простоялъ онъ въ теченіе 14 лѣтъ во главѣ журнала, испытавшаго столько превратностей, любимаго публикою, нелюбимаго бо́льшею частью литературныхъ и журналь-

ныхъ кружковъ, неискавшаго себѣ опоры ни въ чемъ, кромѣ убѣжденій, которыя признавалъ истинными и которымъ служить считалъ себя призваннымъ. На этомъ поприщѣ, при извѣстныхъ данныхъ, легко пріобрѣтаются друзья — между читателями, и еще легче и *неизбѣжно* пріобрѣтаются враги — между собратами по ремеслу и вообще пишущими. Если названіе враговъ для этихъ послѣднихъ слишкомъ громко, то назовемъ ихъ недовольными. Этихъ недовольныхъ Панаевымъ въ теченіе 14 лѣтъ, конечно, накопилось не мало. Всѣ, кому журналъ отказывалъ въ помѣщеніи ихъ статей и которыя потомъ находили пріютъ въ другихъ изданіяхъ, всѣ, о комъ журналъ отзывался неблагосклонно, а затѣмъ фаланга ихъ сочувствователей, — вотъ изъ кого составляются эти толпы недовольныхъ. Отсюда неоспоримая истина, что еслибъ явился журналистъ, соединяющій въ себѣ всѣ идеальныя совершенства, то и о такомъ журналистѣ въ общей массѣ текущихъ ежедневныхъ толковъ преобладало бы сужденіе неблагосклонное, невыгодное для его репутаціи. Соображая все это, мы должны сказать, что недоброжелательство, клевета и вообще всякія неблаговидныя посягательства коснулись Панаева даже менѣе, чѣмъ можно было бы ожидать, въ его положеніи. А смерть мгновенно положила предѣлъ и этимъ посягательствамъ, пробудивъ сознаніе справедливости, присущее каждому. Глубокое всеобщее сожалѣніе, съ которымъ встрѣчена была внезапная вѣсть о смерти Панаева въ Петербургѣ (гдѣ онъ постоянно жилъ и гдѣ онъ былъ однимъ изъ популярнѣйшихъ людей, каждому извѣстныхъ если не по дѣятельности, то хоть по имени); многочисленныя толпы народа, всѣхъ званій, отъ лицъ значительныхъ до простонародья, приходившія поклониться Панаеву въ теченіе

трехъ дней, когда тѣло стояло въ его кабинетѣ; наконецъ огромное стеченіе публики, присутствовавшей при отпѣваніи тѣла покойника въ Преображенскомъ соборѣ и провожавшей гробъ его (несенный на рукахъ перемѣнявшимися почитателями Панаева до Невскаго монастыря),—все это показало, что истинныя заслуги покойнаго поняты и оцѣнены, что общество никогда не переставало уважать въ немъ даровитаго, честнаго дѣятеля, до послѣдняго дня жизни оставшагося вѣрнымъ своему призванію, по мѣрѣ силъ!

— Да, дѣйствительно,—независимо отъ даровитости, степень которой каждый вправѣ опредѣлять по своему, это былъ истинно-честный, кроткій, незлобивый человѣкъ. Какъ литераторъ, онъ представлялъ собою нѣчто особенное: онъ смотрѣлъ на дѣло, которому посвятилъ свою жизнь, серьёзнѣе, чѣмъ многіе думаютъ, и постоянно работалъ надъ собою, стараясь о собственномъ совершенствованіи,—это фактъ, извѣстный всѣмъ, кто зналъ его долго и близко. Не о многихъ изъ людей, какъ бы богато ни были они одарены,—можно сказать то же самое. Убѣжденія его не застывали въ неподвижную форму съ приближеніемъ старости; симпатіи его въ 50 лѣтъ, какъ и въ 25, были на сторонѣ молодаго поколѣнія.

Вѣчная память тебѣ, честный, безкорыстный человѣкъ, добрый товарищъ, полезный общественный дѣятель! Увѣренность, что русское общество изъ глубины души повторитъ за нами эти слова, смягчаетъ нѣсколько горечь потери, которую мы оплакиваемъ. Насъ эта потеря застигла слишкомъ неожиданно и потрясла глубоко. Да! и ты умеръ рано, ты могъ бы еще жить и работать съ нами....

За четыре мѣсяца до своей смерти, провожая на

кладбище Добролюбова (положеннаго въ дубовый, необитый гробъ), Панаевъ между прочимъ замѣтилъ: „Я желалъ бы, чтобъ меня положили въ такой же гробъ.“— Это желаніе его было исполнено. Похороны Ивана Ивановича не сопровождались пышностью, кромѣ той, которая сообщается погребальной процессіи присутствіемъ многочисленной толпы, пришедшей добровольно, безъ зова отдать послѣдній долгъ любимому человѣку. Тѣло Панаева погребено на кладбищѣ Фарфороваго завода, гдѣ схоронены его отецъ и дѣти.

СПАЛЬНЯ СВѢТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ.

(ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ПОЭТА ВЪ ОБЩЕСТВѢ.)

Посвящается В. И. Панаеву.

I.

. . . . . .
«Что жъ сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?»
Александръ Пушкинъ.

Въ свѣтлый и теплый день Апрѣля мѣсяца 183* года, въ началѣ 3-го часа, Невскій проспектъ суетился толпами пѣшеходцевъ, гремѣлъ скачущими экипажами и чопорно красовался вывозною мишурностью своего убранства, на которое глядѣло гордое солнце, съ истинно русскою щедростью разсыпая золото лучей своихъ. Пестрота, переливъ красокъ, пронзительные крики форейторовъ, карканье разнощиковъ, стукъ колесъ, хлопанье бичей, громъ барабана и пискъ флейты, возвѣщавшіе окончаніе развода,—все это съ перваго взгляда очаровывало зрѣніе и пріятно отзывалось въ ушахъ новопріѣзжаго провинціала, было такъ привычно слуху безсмѣннаго жителя столицы....

«Пади! пади!» грозно кричалъ плечистый и длиннобородый кучеръ, ловко управлявшій парою статныхъ коней, запряженныхъ въ щегольски отдѣланную коляску... «Пади!» повторялъ онъ; но молодой человѣкъ, къ которому относилось

это громозвучное: *пади*, будто окаменѣлый, стоялъ посреди улицы. Стремительный бѣгъ коней угрожалъ ему рѣшительной гибелью, — одна минута — и онъ былъ бы раздавленъ, какъ вдругъ кто-то сзади схватилъ его за руку и оттащилъ въ сторону. Онъ обернулся. То былъ адъютантъ съ плутовскимъ взглядомъ, съ ироническою улыбкою и съ блестящимъ аксельбантомъ.

— Что съ тобой, Громскій? тебя, милый, раздавятъ, — сказалъ онъ дружески молодому человѣку, подводя его къ тротуару. — Безпечно мечтать можно только въ своемъ кабинетѣ.

Тотъ будто очнулся отъ сновидѣнія, протеръ глаза, взглянулъ на своего избавителя, не произнесъ ни слова, крѣпко сжалъ его руку и исчезъ въ толпѣ....

Съ перваго взгляда этотъ молодой человѣкъ не былъ замѣчателенъ. Довольно мѣшковатая одежда его придавала ему странный, даже, если хотите, смѣшной видъ, а шляпа съ широкими полями бросала грубую тѣнь на лицо. Походка его была скора, связана неловкостью и не разсчитана модою. Но если бы вы взглянули на него въ ту минуту, когда онъ, пробѣжавъ до своей скромной квартиры, на углу Италіянской улицы, съ быстротою помѣшаннаго, усталый, кинулся на диванъ, сбросивъ свою шляпу, — о! васъ вѣрно поразили бы благородныя и привлекательныя черты его, не смотря на то, что онѣ выражали какое-то необыкновенное разстройство и были напряжены усталостью.

— Это опять *она!* произнесъ онъ съ энергическимъ восторгомъ, съ дикою радостью, какъ человѣкъ, долго искавшій чего-то и наконецъ нашедшій желанное.

— Это опять *она!* повторялъ онъ — и черные глаза его сверкали ослѣпительнымъ заревомъ страсти, и длинныя кудри темныхъ волосъ его распадались въ завидномъ безпорядкѣ....

Ему было не болѣе 20-ти лѣтъ!...

Читатели вѣрно не удивятся, если узнаютъ, что̀ поразило его до такого окаменѣнія и едва не подвергло безвременной смерти. То была, говоря изобрѣтательнымъ языкомъ свѣтскаго человѣка, очаровательная, какъ поцѣлуй, соблазнительная, какъ грѣхъ, задумчивая, какъ мечта, головка женщины, едва отѣненная легкою блондою шляпки и граціозно высунувшаяся

изъ окна богатой кареты, которую мчала четверня. Головка, которая уже въ третій разъ являлась юношѣ, какъ роскошное сновидѣніе, и которая такъ жестоко вскружила ему голову!...

Въ мучительномъ и отрадномъ волненіи провелъ онъ весь этотъ день; а ночь утопалъ въ волнистой, усладительной грезѣ, или вздрагивая отъ страшнаго замиранія сердца.... То передъ нимъ разстилался необозримый садъ съ невиданною роскошью цвѣтовъ, между коими была всѣхъ привлекательнѣе, всѣхъ душистѣе, пышная роза. Онъ хотѣлъ сорвать эту розу, но стебелекъ ея вырывался изъ рукъ его, а роза росла, росла, — и вдругъ сладострастно раскидывалась передъ нимъ чудною незнакомкою, идеаломъ души его.... То бурное море плескало у ногъ его съ воплемъ гибели — и изъ своей бездонной челюсти выкидывало трупъ женщины. И эта женщина была все *она*, она, далекая отъ него, невѣдавшая объ немъ, но такъ давно знакомая его распалявшемуся воображенію! она, — поэтическая греза его фантазіи, вырывавшейся на свободу. Она, — божество, передъ которымъ, колѣнопреклоненный, онъ залепеталъ первую гармоническую молитву!...

Но мы оставимъ до времени разложеніе внутренняго быта героя нашей повѣсти и перейдемъ къ наружному, въ нетерпѣніи короче познакомить съ нимъ нашихъ читателей.

Викторъ Громскій почти не зналъ своихъ родителей. Онъ лишился ихъ въ такіе годы, когда не могъ чувствовать вполнѣ муки этой потери. Порой, какъ сквозь фату сновидѣнія, мелькалъ передъ нимъ легкой тѣнью образъ его матери, простиравшей къ нему съ любовью руки; порой, съ неизъяснимою прелестію рисовались передъ нимъ сцены изъ его дѣтской жизни: старая его няня съ очками на носу, съ платкомъ на головѣ, скрывавшимъ ея сѣдые волосы, съ чулкомъ въ рукахъ, съ чудною сказкою въ устахъ, прерываемой брюзгливымъ ворчаньемъ при спусканіи петель; портретъ Кульнева съ длинными страшными усами, украшавшій обитыя пестрыми обоями стѣны гостиной, вмѣстѣ съ какими-то другими портретами, портретъ, который болѣе всѣхъ впечатлѣлся въ памяти юноши, потому что имъ пугали его дѣтское воображеніе, стараясь предупредить отъ шалостей, и который замѣнялъ ему страшанье трубочистомъ. Но воспоминаніе обо всемъ этомъ безотчетно и прихотливо пробѣгало по струнамъ его

сердца, не извлекая полнаго потрясающаго аккорда. Онъ не зналъ даже, что эти наивныя сцены первыхъ беззаботныхъ сознаній его бытія разыгрывались въ небольномъ домикѣ небольшой деревни его матери, въ одномъ изъ уѣздовъ П** губерніи. Ему передали объ этомъ послѣ. Яркая, благодѣтельная, часто неумолимая память вполнѣ начала освѣщать его только съ пребыванія въ Петербургѣ. Его привезли туда 9-ти лѣтъ для того, чтобы опредѣлить въ казенное заведеніе учиться, а учиться для того, чтобы, не препинаясь чиномъ титулярнаго совѣтника въ силу Указа, прямо быть произведену въ коллежскіе ассессоры, безъ роковаго экзамена, на 40-лѣтнемъ возрастѣ жизни; къ тому же, какія удивительныя привиллегіи: прямо чинъ *10-го класса* при вступленіи въ службу!... Это необъемлемо роскошная мысль для провинціальнаго чиновника.

Время отъ складовъ азбуки до *окончанія полнаго курса наукъ по аттестату* казалось другимъ вѣчностію, ему — мгновеніемъ. Въ 16 лѣтъ, при громѣ музыки, при многочисленномъ собраніи посѣтителей ему вручили аттестатъ — и распахнули предъ нимъ широкую парадную дверь, за которой манила его свобода и роскошно соблазняла своими объятіями.

Пансіонскія занятія его были слишкомъ ограничены для полнаго дарованія. Онъ стремился въ даль, онъ жаждалъ познаній и, неудовлетворенный, часто наказанный за опрометчивость, пристыженный товарищами, которые называли его *выскочкой*, — онъ горько плакалъ!...

Одно изъ укорительныхъ словъ, неразлучно связывавшихся съ его именемъ — было *поэтъ*. Такъ величали его школьные товарищи съ насмѣшливой улыбкой, потому что порой заставали молодаго человѣка задумавшагося надъ клочкомъ бумаги съ сверкающими очами, съ восторгомъ самозабвенія въ выразительныхъ чертахъ лица!

— Что, у кого укралъ? у кого выписалъ? съ хохотомъ кричали школьники, вырывая у него этотъ клочокъ, который онъ готовъ былъ защищать, какъ свое единственное сокровище.

Шумъ, громъ, неистовыя забавы дѣтства никогда не запутывали его въ тѣсный кружокъ свой. Отъ этого онъ былъ

нелюбимъ большею частію своихъ товарищей. — Льстюха! дразнили его нѣкоторые, — трусъ! кричали другіе.... — Да онъ фискалъ! съ таинственностью прибавляли третьи.

Громскій не оскорблялся всѣми этими титлами, которыми такъ щедро награждало его безразсудное и беззавѣтное дѣтство. Онъ былъ выше ничтожныхъ и неотразимыхъ мелочей ученическаго быта. Онъ уже тогда начиналъ жить въ другомъ мірѣ, въ заманчивомъ мірѣ воображенія, который онъ населялъ по своей прихоти очаровательными въ поэзіи, несбыточными въ существенности образами. Съ этими образами онъ любовно сжился — и думалъ всегда роскошно лелѣять ихъ у своего горячаго сердца. На нихъ онъ создалъ впослѣдствіи смѣшное и шаткое, высокое и прекрасное понятіе объ обществѣ!...

Несмотря на свою любовь къ одинокости и уединенію, онъ, съ свойственною благороднымъ душамъ пылкостію, жаждалъ дѣлиться чувствами и мыслями съ другимъ существомъ. Чувства и мысли переполняли его и вырывались наружу, будто пѣна кипящей влаги, льющейся чрезъ края бокала.

Между всѣми товарищами своими онъ давно отличалъ одного, — и этотъ одинъ безъ зова подалъ ему руку, и онъ крѣпко сжалъ ее въ знакъ согласія. Они прежде были раздѣлены классами, потомъ соединились въ одномъ и еще лучше поняли другъ друга. Съ той минуты они были неразлучны.

Графъ Вѣрскій, надѣленный способностями, гибкимъ умомъ, привлекательною наружностью, граціозный и ловкій съ-издѣтства, самодовольный знатностію своего рода, не упускавшій изъ виду мелкихъ блестокъ образованія и умѣвшій, несмотря на свою молодость, понимать въ другихъ безкорыстное стремленіе къ познанію науки, любившій гармонію поэтическихъ звуковъ, по противоположностямъ, такъ часто сходящимся въ природѣ, сошелся съ дикаремъ Громскимъ. Онъ подмѣтилъ въ немъ рѣзкій, хотя и нелюдимый умъ, и провидѣлъ пылкое дарованіе.

Съ этой минуты всѣ товарищи Громскаго перемѣнили свое насмѣшливое обращеніе съ нимъ, потому что они имѣли высокое понятіе о графѣ, а графъ сдѣлался его открытымъ другомъ.

Тотъ, чье воспитаніе выбѣгало одинокой струей изъ-за

четырехъ угловъ домашней комнаты и, упадая, сливалось съ шумящими безчисленными струями истока, стремящагося съ силою вдаль въ безграничное и неисчерпаемое море просвѣщенія, или, выражаясь проще и вѣрнѣе по-русски, кто высиживалъ въ общественномъ заведеніи время до полученія привиллегированнаго аттестата, тотъ хорошо знаетъ, что̀ такое школьная дружба и школьное первенство, рѣзко отличающее почему нибудь одного передъ десятками товарищей.

Школьная жизнь есть тѣсная рама будущей обширной жизни; литографированный листъ бумаги, въ жалкихъ размѣрахъ силящейся представить огромную картину великаго художника. На этомъ листѣ вы не видите ни бури души, ни молніи вдохновенія, ни восторга, который уноситъ художника, какъ летучую звѣзду въ объятія необъемлемаго неба, или, съ гигантскимъ свѣточемъ, низвергаетъ въ тьму преисподней; на этомъ листѣ только одинъ абрисъ, только одинъ очеркъ, только одна легкая тѣнь; но, несмотря на это, вы все-таки по немъ будете имѣть слабое, хотя запутанное, и изглаживающее понятіе о чудномъ величіи картины!

Школьная жизнь—это клубокъ нравственныхъ силъ человѣка, который со временемъ, по волѣ всемогущей судьбы — или развертываетъ вполнѣ безконечную нить свою, или останавливается на половинѣ, или иногда остается вовсе неразвернутымъ. Страшная игра! Судьба прихотливо и беззавѣтно, съ улыбкой забавы, держитъ въ рукѣ этотъ клубокъ — и небрежно бросаетъ его съ большею или меньшею силою!

Куда же укатывается онъ!

. . . . . .

Бѣдные! мы съ трепетомъ безумнаго ожиданія, въ нетерпѣніи юности, хотимъ, чтобы этотъ клубокъ катился вдаль, чтобы онъ развернулся скорѣе, и не заботимся, по какому направленію побѣжитъ онъ. Мы жаждемъ и ищемъ впечатлѣній, спѣшимъ мужать и въ раму 20-ти лѣтъ вмѣстить тяготу 40-лѣтней опытности.

Замѣтьте: съ самыхъ юныхъ и несознательныхъ лѣтъ, начиная играть съ неизмѣримою книгою жизни и перебирая листы ея, мы невольно, если хотите, инстинктно, останавливаемся на самыхъ заманчивыхъ главахъ этой книги. Слова: *дружба, любовь* — такъ утѣшительно ластятся около нашего

воображенія, которое съ каждымъ днемъ раскрывается сильнѣй и сильнѣй; такъ манятъ наше любопытство, что мы уже начинаемъ мечтать объ осуществленіи этихъ словъ. Эти слова дѣлаются для насъ новыми игрушками — и мы съ жаромъ принимаемся обновлять ихъ: мы ищемъ друга, еще не понимая значенія сего слова, и, кажется, находимъ его, создаемъ въ головѣ своей предметъ любви и обожаемъ его. Это забавная игра въ дружбу и любовь!

Въ школьной жизни вы встрѣтите всего человѣка въ миніатюрѣ, съ его честолюбіемъ, гордостью, самоотверженіемъ, эгоизмомъ. Отсюда проявленіе политической дѣятельности, заключенной въ четырехъ стѣнахъ классной комнаты; сила временщиковъ и низость льстецовъ, партіи, безпорядки и проч.

И все это, повторяю, не болѣе, какъ игра въ куклы!

Вѣрскій былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ временщиковъ — и его товарищи робко преклонялись предъ нимъ. Онъ былъ мускулистъ, силенъ и вмѣстѣ съ этимъ статенъ и ловокъ. Качества, почти несоединимыя, и всего болѣе замѣчательныя въ лѣта развитій... Сила всегда заставляетъ трепетать безсильныхъ, а тотъ, передъ кѣмъ мы трепещемъ, невольно дѣлается нашимъ идоломъ. Физическая сила — есть единственная аристократія пансіонскаго міра; другой въ немъ не существуетъ. Товарищи Вѣрскаго никогда не называли его графомъ, всегда силачемъ-Вѣрскимъ. — Дружба его была значительна и слѣдствія такой дружбы благодѣтельны для Громскаго: его перестали дразнить именемъ *поэта*; это имя придавали ему по-прежнему, но съ уваженіемъ, стали даже находить въ немъ множество другихъ достоинствъ, которыхъ не хотѣли замѣчать прежде, и съ гордостію присвоивать себѣ его рѣзкія, хотя часто опрометчивыя сужденія о предметахъ.

Поэтъ-Громскій и силачъ-Вѣрскій были всегда вмѣстѣ: — и во время отрадныхъ гуляній, и во время мимолетныхъ повтореній, и въ классахъ на безконечныхъ и монотонныхъ лекціяхъ профессоровъ. Дружба ихъ не колебалась.

Оставалось полгода до ихъ выпуска.

Въ одинъ вечеръ послѣ ужина, въ половинѣ 10-го часа вечера, Громскій, одинокій и задумчивый, сидѣлъ въ классѣ. На длинномъ и высокомъ столѣ, окрашенномъ темно-зеленою краскою, стояла въ низкомъ оловянномъ подсвѣчникѣ наго-

рѣвшая свѣча, едва освѣщая глубокую комнату. Въ послѣднее время, дозорные взгляды товарищей начали подмѣчать, что Громскій какъ-бы старался убѣгать своего друга, что онъ чаще прежняго уединялся и становился задумчивѣе.—Тихомолкомъ шли разные толки; вслухъ еще ничего не говорили.

Дверь скрипнула, Громскій вздрогнулъ и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ молодой графъ.

— Что съ тобою, Викторъ? безпечно произнесъ онъ, лѣвая... Вотъ уже три недѣли, какъ не одинъ я замѣчаю въ тебѣ страшную перемѣну. Ужъ не грядущій ли экзаменъ заставляетъ тебя задумываться? Право, тебѣ нечего бояться тупой ферулы профессора.

Викторъ горько улыбнулся.

— Ты слишкомъ мало знаешь меня, возразилъ онъ, иначе не вытаскивалъ бы грусти моей изъ такого мутнаго источника... Къ тому же, развѣ моя задумчивость диковинка?—развѣ я въ первый разъ бѣгу отъ шума и зажимаю уши отъ пусторѣчья? Мнѣ можно задумываться о будущемъ: передо мной еще лежитъ много труда: о-бокъ съ трудомъ долженъ я идти въ жизни, чтобы продлить существованіе. Тебѣ извѣстно: *я бѣденъ!* я не имѣю имени въ свѣтѣ.... Александръ! я не могу думать ни о жирныхъ обѣдахъ, ни о знаменитыхъ покровителяхъ, ни о *блестящихъ друзьяхъ*...

И произнеся эти послѣднія слова, юноша устремилъ боязливые и проницательные взоры на своего товарища.

— Вѣрно, ты всѣ эти дни вставалъ лѣвой ногой съ постели, шутя замѣтилъ Вѣрскій. Какія черныя мысли! передъ нами разстилается необозримая зала удовольствій: роскошь, нѣга, очаровательныя женщины. Мы будемъ дѣлиться всѣмъ, всѣмъ, даже и наслажденіями. Вѣдь ты мой единственный другъ, Викторъ? Я не измѣнюсь къ тебѣ никогда. Мы также, какъ теперь, будемъ неразлучны. Не правда ли?

— Мнѣ кажется, ты позабываешь, что не всегда одна кровля будетъ соединять насъ. Какой-нибудь домикъ на Пескахъ, вросшій въ землю, слишкомъ далеко отъ грандіозныхъ палатъ Англійской набережной... Знаешь ли, сколько верстъ разстоянія между ними? Для дружбы необходимо единодушіе, для единодушія—равенство... Раззолоченныя прихоти аристократа не сойдутся съ воздушными фантазіями плебея!

— Между нами нѣтъ никакого разстоянія, никакого различія! съ примѣтнымъ негодованіемъ воскликнулъ Вѣрскій... Въ моихъ понятіяхъ существуютъ однѣ только нравственныя границы между людьми... Я знаю, что умъ и глупость никогда не могутъ сойтись. Разсужденія въ сторону, прибавилъ онъ съ улыбкою. Если бы какой-нибудь фокусникъ изобрѣлъ нравственныя вѣсы и мы захотѣли бы узнать, чей мозгъ потянетъ тяжеле,—право, я остался бы въ накладѣ... Кто жъ, какъ не я, долженъ дорожить послѣ этого твоей дружбой?

— Такъ ты не измѣнишься ко мнѣ, такъ наша школьная дружба не будетъ казаться тебѣ смѣшною?

— Да избавитъ тебя Аполлонъ отъ такой мысли! Такая мысль недостойна тебя! Ты всегда смотришь на міръ изъ окна пансіона въ радужное стеклышко поэзіи, а на меня вздумалъ смотрѣть въ какія-то законченныя стекла! Брось ихъ ради Бога! взгляни на меня по прежнему своими глазами — и я вѣрно не буду тебѣ казаться арабомъ.

Мы привели здѣсь этотъ разговоръ для того, чтобы точнѣе показать читателямъ отношенія, которыя связывали Громскаго съ молодымъ графомъ. Наступило время выпуска — и они должны были поневолѣ разстаться: графъ вступилъ въ военную службу; Громскій нанялъ небольшую комнату въ Италіянской улицѣ. Графъ черезъ полгода произведенъ былъ въ офицеры; Громскій продолжалъ свое образованіе въ университетѣ. Графъ на лихой четвернѣ разъѣзжалъ по театрамъ и баламъ, кружился въ вихрѣ большаго свѣта и кружилъ другимъ головы; Громскій всякій день, несмотря на дождь и грязь, смиренно проходилъ пѣшкомъ опредѣленное пространство отъ Италіянской до Семеновскаго полка. Черезъ три года послѣ выпуска графъ былъ произведенъ въ поручики и назначенъ адъютантомъ къ своему дядѣ барону М**; Громскій получилъ аттестатъ на званіе кандидата. Графъ пріобрѣлъ много опытности, коротко ознакомясь со свѣтомъ; Громскій остался съ прежними понятіями о людяхъ, потому что онъ, также, какъ и прежде, былъ далекъ отъ нихъ. Несмотря на все это, въ свободное отъ занятій время, Громскій бывалъ у графа, графъ изрѣдка посѣщалъ Громскаго и одинаково былъ съ нимъ радушенъ. Но Громскій въ роскошномъ кабинетѣ графа, окруженный новыми его друзьями — знатною мо-

лодежью, чувствовалъ себя лишнимъ, боялся разстроивать его своимъ появленіемъ, но все не переставалъ любить его попрежнему. Графъ въ тѣсной и голой комнатѣ поэта былъ какъ-бы не на своемъ мѣстѣ, казался озабоченнымъ чѣмъ-то, нѣсколько принужденнымъ. Оба избѣгали разговора, который бы могъ напомнить имъ прежнюю ихъ короткость и оправдать Громскаго, котораго предположенія такъ скоро сбывались.

Онъ не скучалъ въ своемъ уединеніи, потому что ему нѣкогда было думать о скукѣ. Цѣлые дни просиживалъ онъ, углубленный въ чтеніе.... Наука широкимъ и вѣтвистымъ деревомъ раскидывалась надъ его головою, и онъ съ наслажденіемъ рвалъ плоды съ этого дерева. Любимымъ поэтомъ его былъ Шиллеръ; онъ изучалъ пламеннаго, вѣчно юнаго, вѣчно восторженнаго выродка изъ германцевъ.... Дѣвственная душа его отрадно разнѣживалась гармоніей небесныхъ звуковъ. Онъ дивился могущему, всеобъемлющему генію Шекспира и Гёте; онъ укрѣплялся въ борьбѣ съ исполинами нѣмецкой философіи, заимствуя отъ нихъ стальную крѣпость рѣчи, быстрый лаконическій напоръ идей, и все это закаляя пламенемъ своей души, ярко и блистательно вспыхивавшей.— Время летѣло для него незамѣтно, и уже весеннее солнце 183* года рѣзко вонзало лучи свои въ тонкія и грязныя льдины Невы. Мартъ былъ въ половинѣ. Утромъ 13-го Марта Громскій шелъ по Большой Морской.... Вдругъ карета, запряженная четвернею сѣрыхъ рысаковъ, съ шумомъ подкатилась къ подъѣзду дома, къ которому подходилъ онъ. То былъ магазинъ Сихлеръ. Ступеньки кареты хлопнули, показалась очаровательная ножка, затянутая въ черный атласный башмачокъ, потомъ маленькая свѣтлозеленая шляпка, съ развѣвающеюся блондою, подъ шляпкой темная тесьма каштановыхъ волосъ и личико, будто сейчасъ снятое съ картины Рафаэля... Мигъ.... Плѣнительная дама вспорхнула на лѣстницу и уже была въ магазинѣ.... Громскій, окаменѣлый, стоялъ у подъѣзда съ помутившимися глазами. Это было чудное, соблазнительное явленіе для затворника. Его идеалы: Теклы, Маріи, Маргариты, Дездемоны, вдругъ затѣснились въ головѣ его, путались, смѣшивались и уничтожались—предъ этимъ живымъ существомъ, предъ этою граціозною, едва мелькнувшею незна-

комкою, образъ которой неизгладимо съ перваго мгновенія врѣзался въ растопившееся сердце юноши. Минута любви прозвучала на часахъ его жизни.

Надобно имѣть 20 лѣтъ, душу, стремящуюся ко всему высокому, сердце, несознаемо жаждущее любви, воображеніе, освященное величественнымъ заревомъ поэзіи, чтобы понять такую неуловимую вспышку. Не помню кто-то сказалъ, что сердце юноши—пороховой ящикъ, и довольно одной пролетной искры, чтобы видѣть разрушающій взрывъ. Съ этого дня жизнь его совершенно измѣнилась: онъ большую часть своего времени сталъ проводить внѣ дома. Онъ взадъ и впередъ прохаживался по широкимъ улицамъ Петербурга, съ одною надеждою, съ одною цѣлію встрѣтить незнакомку. И надежда его сбылась только одинъ разъ въ длинный промежутокъ 2-хъ недѣль.

Наступилъ Апрѣль мѣсяцъ. Громскій не переставалъ быть на дозорѣ, и читатели въ началѣ сей повѣсти видѣли его среди улицы безумно слѣдящаго прогремѣвшую карету и подвергавшагося опасности быть раздавленнымъ.... То была его третья встрѣча съ прелестною дамою. Адъютантъ, отведшій его отъ опасности, былъ графъ Вѣрскій.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Громскій сидѣлъ въ своей комнатѣ, передъ нимъ на небольшомъ столѣ лежала развернутая книга. Онъ машинально перебиралъ страницы. Въ душѣ его кипѣла буря, страшная буря любви. Смута чувствъ, мыслей, фантазій въ эту минуту была въ немъ неизслѣдима. Образъ *ея* хотѣлъ вытѣснить изъ него и чувства, и мысли, и фантазію! Онъ извѣдывалъ неотразимую необходимость видѣть ее каждую минуту, топить свои взоры въ ея бирюзовыхъ очахъ. Она казалась ему ненаглядною, божественною. Ни одна грѣшная мечта не проскользала въ его лучезарной идеѣ объ ней; ни одно смѣлое желаніе не дерзало прикоснуться къ нему.... Она была для него и чиста, и недоступна въ существенности. Онъ даже не смѣлъ думать, что провидѣніе когда-нибудь доставитъ ему отраду слушать ея привѣтныя рѣчи, упиваться ея музыкальнымъ голосомъ, быть наединѣ съ нею. Эта мысль поглотила бы его своею необъятностію. Онъ только хотѣлъ, незамѣченный, любоваться ею издалека, какъ заключенный грѣшникъ любуется безпредѣль-

ною свободою лазореваго неба, безъ надежды быть когда-нибудь его избраннымъ.

Къ тому же — судьба, попросившая ее качаться на эластическихъ подушкахъ богатой кареты, заставила его растаптывать грязь тротуаровъ галошами. Между ними была страшная бездна, брошенная безжалостно людскимъ тщеславіемъ, эгоизмомъ и прихотью.

Кто живалъ и бывалъ въ Петербургѣ, тотъ знаетъ, какъ безчисленно раздѣлено его общество: знаетъ, какъ переходъ отъ одного къ другому невозможенъ. Первое впечатлѣніе, которое производитъ Петербургъ на новопріѣзжаго—это очарованіе.... Его великолѣпные дворцы; его широкія и прямыя улицы, обстроенныя высокими и гладкими домами; его тротуары и гранитныя набережныя; Нева, весело обхватывающая его станъ голубою лентою; его Петръ, взлетѣвшій вихремъ на обрывокъ скалы и въ нетерпѣніи осадившій коня, чтобы обозрѣть орлинымъ окомъ свое созданіе, кажется, смиряющій маніемъ руки бурю стихій—все и все поражаетъ васъ съ перваго взгляда. И хотя стоитъ оглядѣться и обсидѣться въ гранитномъ городѣ, чтобы волшебство изчезло, однако васъ долго будетъ увлекать его шумъ, его неумолкаемое движеніе, его просторныя гульбища, его парадные балы.... одного только тщетно будете искать вы—самобытности.

Среднія общества Петербурга, странно развѣтвившіяся, монотонны, изысканны. Изящная сторона удовольствій чужда имъ: группы дамъ и мужчинъ раздѣлены волшебною чертою, очерчены заколдованнымъ кругомъ, сходятся только для танцевъ и потомъ снова расходятся, говорятъ заученыя французскія фразы, смѣшанныя съ русскими, и, проговоривъ чинно, смолкаютъ.

Аристократическія гостиныя, разсѣянныя по всему городу, не имѣющія своего особеннаго центра, какъ предмѣстіе Saint-Germain въ Парижѣ, но старающіяся сближаться между собою по набережнымъ, по Морской и по Милліоннымъ, заключаютъ снимокъ парижской изящности.... Однако самый вѣрный, самый подробный снимокъ никогда не можетъ достичь красоты оригинала. Это аксіома, утвержденная на пьедесталѣ вѣковъ!... Въ этихъ гостиныхъ вы, разумѣется, встрѣтите роскошь, ослѣпляющую глаза, утонченность, свѣтящуюся блесткамо

образованія, свободное соединеніе обоихъ половъ, отборныя французскія фразы и невынужденную французскую рѣчь; но и здѣсь, къ несчастію господствуетъ духъ напыщенности, отъ котораго сжимается красота и образованіе будто листъ травы *не тронь меня!* — Какъ бы то ни было, аристократическія гостиныя вездѣ и всюду суть дивныя раковины, заключающія въ себѣ многоцѣнныя жемчужины!...

Жаль, что онѣ въ Петербургѣ вовсе лишены самобытности и рѣдко доступны для безсіятельныхъ именъ, хоть будь эти имена съ ногъ до головы позолочены червоннымъ золотомъ просвѣщенія.

Громскій зналъ это, и безнадежность когда-нибудь наслаждаться образомъ его чудной незнакомки сильнѣй и сильнѣй подтачивала его сердце.... Онъ только догадывался, что она должна принадлежить къ аристократическому кругу; все изобличало въ ней утонченность высшаго тона: и ловкость, и легкость, и изящность наряда. Экипажъ ея блестѣлъ мастерскою отдѣлкою, и два лакея, огромнаго роста, были облачены въ красную ливрею, отороченную золотымъ газомъ съ гербами. Все это Громскій успѣлъ замѣтить въ три мимолетныя съ нею встрѣчи: глазъ юноши всегда быстръ и объемлющъ.... Одну только догадку онъ утратилъ изъ виду въ первую встрѣчу: — спросить у лакея: «чья карета?»; отвѣтъ на этотъ вопросъ открылъ бы ему *ея* имя. Но въ ту минуту Громскому было не до того: онъ не могъ разсуждать, онъ не могъ бросать небрежно равнодушные вопросы проходящаго *фата*, который подмѣтилъ въ стеклышко своего лорнета хорошенькую женщину. Громскій былъ весь чувство и зрѣніе.

Почти черезъ мѣсяцъ послѣ первой встрѣчи, какъ мы сказали уже, онъ сидѣлъ задумчиво въ своей комнатѣ, машинально перебиралъ листы Гётева «Вертера».... вдругъ, съ силой ударивъ по столу сжатымъ кулакомъ, будто проникнутый искрою счастливой мысли, онъ соскочилъ со стула и быстрыми шагами прошелся по комнатѣ....

«Эта мысль ускользала отъ меня цѣлый мѣсяцъ!» — произнесъ онъ почти вслухъ. «Да! Вѣрскій долженъ вспомнить нашу старую дружбу. Онъ знаетъ ее, онъ мнѣ доставитъ случай видѣть ее!...»

II.

«Онъ такъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ. Какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена!»

Александръ Пушкинъ.

Въ 183* году въ Петербургѣ существовало только два театра. Одинъ, взгроможденный на огромной площади въ Коломнѣ возлѣ Коммиссаріата и такъ немилосердно удаленный отъ средины города. Этотъ театръ, нынѣ вовсе почти покинутый, назывался и называется до сей минуты *Большимъ*... Онъ посвящался зрѣлищамъ русскимъ и почти исключительно красовался неугомонною вереницею произведеній князя А. А. Шаховскаго, который въ послѣднее время такъ мило и удачно окунулся въ *національность*. Другой въ глубинѣ обширнаго двора между Аничкинымъ дворцомъ и Императорскою Библіотекою, немного лѣвѣе того мѣста, гдѣ стоитъ теперь Александринскій театръ. Предмѣстникъ его былъ весьма незавидной наружности, и потому, для приличія, скрытъ былъ полукаменнымъ, полудеревяннымъ заборомъ, который тянулся по Невскому проспекту вровень съ бесѣдкою дворцоваго сада и библіотекою. Онъ назывался *Малымъ* и былъ три раза въ недѣлю посѣщаемъ аристократическою публикою, которая пріѣзжала туда для препровожденія времени, посмотрѣть на игру французской труппы.

Теперь, вмѣсто скромнаго двора, гордо раскидывается Александринская площадь съ обширнымъ палисадникомъ; вмѣсто уничтоженнаго Малаго театра свѣтится новый небольшой театръ на Михайловской площади, устроенный Брюловымъ просто и изящно.

Вся эта метаморфоза совершилась незамѣтно передъ нашими глазами.

Но кто не помнитъ скромности и домашней уютности Малаго театра? Кто не жалѣлъ объ немъ, когда узнали, что онъ рѣшительно предназначался въ ломку?

2-го Апрѣля, въ семь часовъ вечера, въ послѣдній годъ его существованія, экипажъ за экипажемъ останавливался у его

незатѣйливаго подъѣзда, ножка за ножкой пролетомъ скользила по его сѣнямъ, дверь за дверью открывалась въ ложахъ 1-го яруса. Занавѣсъ еще не подымался, музыканты строили инструменты...

Въ 4-мъ ряду креселъ стояли два молодые человѣка почти одинаковыхъ лѣтъ: одинъ статскій, другой военный. Темные волосы, небрежно завитые природой, упадали на большой и открытый лобъ статскаго; лицо его, нѣсколько продолговатое, еще сохраняло рѣдкій и плѣнительный цвѣтъ нетраченной жизни: оно то вспыхивало яркимъ румянцемъ, то покрывалось рѣзкою блѣдностью. Черные глаза его сверкали, какъ тонкіе лучи звѣздъ въ морозную ночь. Они то съ волненіемъ устремлялись на незанятую ложу въ 1-мъ ярусѣ, возлѣ царской, то вопросительно обращались къ военному. Военный былъ адъютантъ, стройный и тонкій, блѣдный до изнеможенія, съ томными заманчивыми глазами, съ беззаботнымъ видомъ свѣтскаго человѣка.

Музыка загремѣла. Черезъ нѣсколько минутъ дверь ложи, на которую такъ постоянно и пристально глядѣлъ статскій, стукнула и медленно отворялась. Сердце его билось съ невыразимою силою. Въ ложу вошли двѣ дамы: одна лѣтъ 45-ти, одѣтая съ кокетствомъ 20-лѣтней женщины, другая... другая вполнѣ развернувшая блистательность красоты своей, съ бирюзовыми очами, подернутыми поволокою, съ темно-каштановыми прядями шелковистыхъ волосъ, которыя прятались подъ небольшимъ беретомъ чернаго бархата. Большая бѣлая роза, приколотая съ лѣвой стороны берета, страстно качалась на стебелькѣ своемъ—будто хотѣла дотронуться до розовой щечки красавицы. Она съ неуловимою ловкостью сѣла въ кресла своей ложи и съ невообразимо-упоительной улыбкой небрежно кивнула головкой кланявшемуся ей адъютанту.

— Это она! она! произнесъ статскій, не стараясь скрыть своего восторга, дергая адъютанта за его матовый аксельбантъ и не сводя съ нея глазъ.

— По твоему восторженному описанію я тотчасъ узналъ ее. Я не ошибся въ твоемъ вкусѣ. Княгиня Гранатская блещетъ въ кругу петербургскихъ красавицъ, будто луна въ толпѣ звѣздъ, по выраженію поэта!... Послѣ театра ты у меня—и мы на раздольѣ поговоримъ объ ней...

— Ея мужъ живъ? произнесъ юноша, съ примѣтно измѣнившимся лицомъ...

Въ эту минуту занавѣсъ поднялся и два друга разстались. Громскій не успѣлъ получить отвѣта.

Если бы на другой день вы вздумали спросить у него, что представляли на сценѣ? Драму, комедію, водевиль или балетъ? Въ русскомъ или во французскомъ театрѣ былъ онъ?— Викторъ вѣрно не могъ бы удовлетворить вашего любопытства. Онъ ни разу не взглянулъ на сцену; онъ не думалъ ни о сохраненіи приличія, ни о томъ, что нѣкоторые, посматривая на него, коварно улыбались, что другіе просто смотрѣли на него съ полупрезрительною гримасою, какъ на чудака. Онъ не воображалъ, что на другое утро будетъ предметомъ разговора, игрушкою свѣтскаго пусторѣчія... И что ему было до свѣта? Его свѣтъ, его рай, его жизнь заключались въ ней одной. Она была передъ его очами—и онъ ничего не видалъ, кромѣ ея... Онъ пилъ ея взоры, онъ слѣдилъ ея движенія, онъ хотѣлъ уловить въ измѣненіяхъ лица ея душу. Но она вся казалась ему *душою*.

Пылающія очи юноши, небрежныя волны его кудрей, дикое вдохновеніе, осѣнявшее чело его, неизысканная, можетъ быть, слишкомъ простая одежда—все заставило княгиню обратить на него невольное вниманіе... Она навела на него лорнетъ... Съ перваго взгляда, онъ показался ей чрезвычайно страннымъ. Эта странность задѣла ея любопытство, а говорятъ, будто бы женщины любятъ все, что выходитъ изъ ряду обыкновеннаго... И княгиня, желая вполнѣ удовлетворить эту слабость, — общую всѣмъ женщинамъ, начиная съ ихъ прабабушки Еввы, — начала внимательно разсматривать Громскаго.

Послѣ такого созерцанія, она задумчиво обратилась въ сторону; она угадала состояніе души молодаго человѣка, но и сквозь эту задумчивость можно было провидѣть самодовольство женщины, привыкшей побѣждать, потому что страстныя уста ея пошевелились улыбкою.

При разъѣздѣ, когда она садилась въ карету, ея взоръ нечаянно встрѣтился со взоромъ молодаго человѣка. Онъ стоялъ будто окаменѣлый въ толпѣ со сложенными руками, слѣдя шаги ея; она сѣла въ карету... Кони двинулись... И она два раза выглянула изъ окна, чтобы посмотрѣть на него.

Цѣлый этотъ вечеръ она была необыкновенно разсѣянна.— Это передала намъ раздѣвавшая ее горничная.

Когда послѣ театра Громскій, по приглашенію своего друга, явился къ нему, графъ съ необыкновеннымъ участіемъ бросился къ нему на встрѣчу.

— Я тебя искалъ вездѣ послѣ окончанья спектакля, говорилъ онъ,—обѣгалъ всѣ коридоры, и не могъ найти. Мы вмѣстѣ доѣхали бы въ каретѣ... И, схвативъ его за руку, онъ увлекъ его въ свой кабинетъ.

Кабинетъ графа красовался умышленно поэтическимъ безпорядкомъ. Вы сказали бы съ перваго взгляда, что это роскошное святилище поэта или заманчивая мастерская художника. Тамъ-и-сямъ на столахъ съ привлекательною небрежностью были разбросаны новѣйшія книги, журналы, эстампы; въ углу стояли: станокъ художника, зрительная труба; всѣ стѣны были увѣшаны снимками съ картинъ Рафаэля, Доминикино, Корреджіо, Мюрилло, въ богатыхъ золотыхъ рамахъ; въ амбразурѣ оконъ висѣли портреты великихъ поэтовъ и замѣчательныхъ современниковъ на политическомъ поприщѣ. На доскѣ мраморнаго камина стояли небольшіе бюсты: Петра Великаго, Екатерины, Наполеона, Говарда, Вольтера, Ньютона. Яркое отвѣщеніе прихотливо играло на вычурныхъ бездѣлкахъ бронзы. Но разсмотрѣвъ эту комнату, вы приняли бы ее за выставку вещей, продающихся съ публичнаго торга и соблазнительно разставленныхъ для глазъ покупателей.

Графъ посадилъ своего друга на широкій диванъ, который вѣроятно созданъ былъ для лежанья, и, придвинувъ къ дивану огромныя кресла, спинка которыхъ упадала назадъ, позвонилъ и разлегся въ нихъ.

— Чаю и трубокъ! сказалъ онъ вошедшему человѣку.

Чай и трубки были принесены.

Викторъ отбросилъ свою трубку — и устремилъ нетерпѣливыя очи на Вѣрскаго....

— Не правда ли, Александръ, произнесъ онъ,—ты сдержишь свое обѣщаніе и разскажешь мнѣ о *ней*...

— Ого! Княгиня видно не на шутку защемила твое сердце.... Въ самомъ дѣлѣ она чудесная женщина! Она создана быть идеаломъ поэта: ея образованность, ловкость, топ-

кое познаніе незамѣтныхъ оттѣнковъ свѣтскости, пламенная душа, огненное воображеніе....

— А ея мужъ? перебилъ влюбленный.

— Минута терпѣнія!... Я передамъ тебѣ хронологически короткую исторію этой женщины, короткую потому, что ей только 23 года.

Громскій придвинулся къ кресламъ графа, и послѣдній началъ разсказъ свой почти въ слѣдующихъ словахъ:

«Генералъ-адъютантъ Всеславскій имѣлъ одну дочь. Эту дочь звали — Лидіей. Говорятъ, малютка была такъ нѣжна и очаровательна, какъ мысль Ангела. Ея голубые глазки, ея бѣлокурая головка, разсыпавшаяся локонами, ея поразительная бѣлизна и легкій розовый оттѣнокъ на щечкахъ—все давало ей право, безъ всякаго ходатайства, быть включенною въ число прелестныхъ малютокъ. Она была неоцѣнимый брилліантъ. Мать ея, женщина съ необыкновеннымъ умомъ и съ утонченнымъ образованіемъ, любила ее до изступленія. Генералъ не могъ на нее наглядѣться.... Наступилъ 1812 годъ. Наполеонъ шелъ на Россію. Россія приготовляла гостю кровавое пиршество. Незабвенный Барклай очищалъ ему дорогу и заводилъ его въ самое сердце Россіи. Москва пустѣла, чтобы дать полный раздолъ несмѣтнымъ полчищамъ исполина. Генералу назначенъ былъ важный постъ въ арміи. Онъ простился съ женою, прижалъ къ сердцу 4-хъ-лѣтнюю Лидію и сѣлъ на коня.... Лидія съ каждымъ днемъ становилась милѣе, съ каждымъ днемъ проявляла удивительныя способности, необыкновенную смѣтливость для своихъ лѣтъ.... Генералъ, возвратившійся изъ похода, съ грудью увѣшанною орденами, ушпиленною звѣздами, съ одной ногой и съ двумя костылями, былъ въ восхищеніи отъ своей дочери.... Время шло. Событіе за событіемъ совершалось. Уже Русскіе успѣли прогуляться въ Парижъ и съ запасомъ французскихъ фразъ воротиться домой. Въ исходѣ 1819 года генералъ скончался. День 5-го Мая 1821 года палъ въ океанъ вѣчности — и Бурбоны вздохнули свободно на тронѣ...

«Въ исходѣ этого мѣсяца Всеславская уѣхала въ чужіе края, вмѣстѣ съ 14-лѣтнею своею дочерью, которая уже рѣшительно поражала остротою ума, красотою и ловкостью.

«Четыре года провели онѣ въ Парижѣ: три года Лидія

никуда не выѣзжала, эти три года были посвящены ея образованію; на четвертый яркая русская звѣзда блеснула на горизонтѣ парижскихъ обществъ, ослѣпляя взоры самыхъ взыскательныхъ парижанъ. Ея нравственное образованіе было кончено, начиналось образованіе свѣтское. Въ 1825-мъ году онѣ возвратились въ Петербургъ.

«Въ началѣ зимы 1826-го года гостиныя петербургскія ознаменовались новымъ явленіемъ.... Въ этихъ гостиныхъ показалась очаровательная, несравнимая дѣвушка. Эта дѣвушка была Лидія.... Ея блестящее образованіе, ея покоряющая красота неожиданно изумила всѣхъ. Дворъ обратилъ на нее свое благосклонное вниманіе — и на слѣдующую зиму она была пожалована во фрейлины. — Въ ту же зиму она лишилась матери. Въ 1828-мъ году она должна была выйти замужъ за полковника, князя Гранатскаго, который присоединилъ къ ея огромному состоянію свои милліоны. Этотъ бракъ не могъ быть выборомъ ея сердца: князь ничего не имѣетъ, кромѣ своего имени и золота. Вотъ уже годъ, какъ онъ посланъ съ какими-то порученіями на Кавказъ. Время его возврата не опредѣлено. Княгиня покуда дышетъ свободою....

При этомъ словѣ и Громскій, все время слушавшій разсказъ графа съ напряженнымъ вниманіемъ, вздохнулъ легче и свободнѣе.

«Молодая княгиня, продолжалъ графъ, два года сряду постоянная владичица обществъ самаго высшаго тона, неизмѣнимая законодательница модъ. Она окружена неотразимою толпою обожателей: ея взглядъ — жизнь, ея желаніе — законъ, ея вниманіе — рай.

«Можетъ быть, исторія княгини не имѣетъ поэтической стороны: это исторія многихъ свѣтскихъ женщинъ. Поэзія — сверкаетъ страстью и дышетъ любовью.... Но согласись, что такая женщина не можетъ долго существовать безъ любви....

— Настала ли пора ея любви или нѣтъ?...

— Во всякомъ случаѣ любовь должна быть тайною, прибавилъ съ странною улыбкою Вѣрскій....

Викторъ Громскій задумался. Было нѣсколько минутъ молчанія....

Графъ выпустилъ изъ рта длинную ленту дыма.

— Хочешь ли, я тебя представлю къ ней? сказалъ онъ.

Лицо Виктора подернулось страшною блѣдностью.... Сердце его било тревогу. Эта мысль доселѣ была для него такъ недоступна, что онъ оскорбился предложеніемъ своего товарища.

— Я не знаю, кстати ли твоя шутка? возразилъ холодно юноша.

— Что съ тобой, Громскій? я и не думалъ шутить. Я очень серьезно спрашивалъ и спрашиваю тебя: хочешь ли быть съ ней знакомымъ?

Юноша не могъ ничего отвѣчать, онъ соскочилъ съ дивана и съ непередаваемымъ волненіемъ чувствъ бросился на грудь графа.... Измѣненія лица его были неизслѣдимо быстры: въ это мгновеніе оно вдругъ вспыхнуло темнымъ румянцемъ.

Аристократъ снова улыбнулся; но эта улыбка, казалось, замѣнила въ немъ вздохъ. Онъ подумалъ: — я уже не имѣю наслажденія такъ сильно чувствовать; для меня не будетъ такой минуты!

— Я завтра же предувѣдомлю о тебѣ княгиню. Ручаюсь, что она приметъ тебя, какъ нельзя лучше....

— Неужели завтра? возразилъ Викторъ, котораго волненье едва начинало стихать.

— Да, но *одно условіе*, прежде чѣмъ ты представишься къ ней! Произнеся это, графъ сжалъ руку товарища въ своей рукѣ. — Ты не знаешь общества, его нелѣпыхъ предразсудковъ, его мишурныхъ прихотей, его ничтожныхъ мелочей. Я тебѣ говорю объ этомъ, какъ твой старый товарищъ, твой другъ, надѣясь, что слова мои будутъ имѣть вѣсъ въ твоихъ мысляхъ.... Чтобы не сдѣлаться страннымъ въ близорукихъ глазахъ общества, ты долженъ низойти до него и обратить вниманіе на мелочи. Знаешь ли, что эти мелочи иногда удивительно дѣйствуютъ и на самую умную, но свѣтскую женщину?... Тебѣ надобно одѣться, соображаясь съ теперешней модою. Покрой твоего платья годится только для уединеннаго кабинета. Онъ будетъ смѣшонъ въ роскошномъ будуарѣ женщины. Я берусь въ этомъ случаѣ быть твоимъ руководителемъ, несмотря на то, что я военный. Если же у тебя нѣтъ теперь денегъ: мой портфель ссудитъ тебя необходимымъ.... Ты не сердишься на меня за это замѣчаніе, не правда ли?

Слезы брызнули изъ глазъ молодаго человѣка....

— Александръ! произнесъ онъ съ чувствомъ, — этою откровенностью ты напоминаешь мнѣ старое время, нашъ школьный бытъ, который прошелъ невозвратимо. Я полагаюсь на тебя во всемъ. Я твой. Видѣть эту женщину сдѣлалось для меня необходимостью. Для нея, но только для нея, я готовъ сдѣлаться куклою....

Пробилъ часъ.... Старые школьные товарищи разстались. Съ самаго выпуска никогда графъ не казался такъ расположеннымъ къ Виктору, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ разжегъ въ Викторѣ отрадную надежду видѣть въ немъ по прежнему друга.... Восторженный, переполненный ожиданіями, онъ возвращался домой. Фантазіи его разыгрывались на слѣдующей мысли: я буду видѣть ее, говорить съ нею, дышать однимъ воздухомъ! Можетъ быть, я снова буду имѣть друга!

Когда Громскій вышелъ отъ графа, графъ зѣвнулъ, потянулся и подумалъ:

— Какъ неуклюжъ и неловокъ будетъ онъ въ обществѣ! Какой превосходный и поразительный контрастъ: влюбленный чудакъ-студентъ рядомъ съ свѣтской женщиной лучшаго тона! Право, я доставлю не одной княгинѣ случай отъ души посмѣяться!

Знаете ли вы, что̀ такое вполнѣ *свѣтскій человѣкъ?* Вы встрѣчаете его въ обществѣ въ разныхъ видахъ: или въ франтовскомъ фракѣ съ желтыми перчатками и тросточкой, или затянутаго въ мундиръ, гремящаго шпорами и махающаго бѣлымъ султаномъ. Свѣтскій человѣкъ — существо, дышащее только атмосферою гостиныхъ, вздумайте лишить его этой атмосферы: онъ уничтожается, гибнетъ. Вы у него отняли жизнь. Вы посадили комнатную птичку подъ пневматическій колоколъ. Свѣтскій человѣкъ ежедневно кружится безъ цѣли около лжи, сплетней, напыщенности, предразсудковъ, прихотей, выдумокъ,—словомъ, около всего толкучаго рынка жалкой человѣческой ничтожности, и наконецъ одурѣваетъ отъ круженія.... Онъ будто флюгеръ, вертящійся во всѣ стороны по прихоти вѣтра и погибающій отъ ярости бури. Въ этомъ человѣкѣ постепенно стираются самобытность и чувства, вѣрованія и мысли, какъ стирается вычеканенная поверхность монеты отъ долгаго употребленія. Онъ имѣетъ совершенно одинаковую съ нею участь: истертый свѣтскій человѣкъ и истер-

тая монета перестаютъ быть въ ходу, потому что всѣ начинаютъ бояться ихъ фальшивости. Въ самомъ дѣлѣ, сохрани васъ Богъ довѣриться опытному свѣтскому человѣку: для него нѣтъ ничего высокаго! Онъ топчетъ въ грязь все прекрасное, онъ смѣется надъ всѣмъ благороднымъ, онъ ни отъ чего не краснѣетъ, онъ ничему не удивляется, онъ не хочетъ ничего чувствовать! И со всѣмъ этимъ не воображайте, чтобы онъ походилъ на *Атамана разбойниковъ* г-жи Радклифъ или на *Саффи* Евгенія Сю.... Нимало! Дѣйствія свѣтскаго человѣка не имѣютъ никакой опредѣлительности, никакой цѣли.... Онъ безбожно растрачиваетъ свою душу и не подозрѣваетъ этой растраты. Порокъ и безчувствіе вкрадываются къ нему безъ сознанія и одолѣваютъ его безъ сопротивленія. Онъ не злодѣй,—это имя для него черезчуръ громко: онъ ничтожный рабъ случая, онъ жалкій поденщикъ моды... не болѣе!

Идеалы Виктора Громскаго о свѣтскихъ людяхъ и обществѣ никакъ не сходились съ существенностью.... Его выводы были извлечены изъ лучезарныхъ фантазій, а не основаны на гранитныхъ фактахъ! Хотя графъ Вѣрскій успѣлъ разочаровать его во многомъ, но онъ старался оправдывать его передъ собою, какъ могъ. Еще призракъ дружбы не распадался въ глазахъ молодаго человѣка, еще онъ былъ счастливъ.

Оставляя безъ сожалѣнія уединенность занятій, онъ съ трепещущимъ сердцемъ, съ неопредѣленными ожиданіями, вступалъ въ общество.

Ему готовилось испытаніе!

Мы едва не забыли сказать читателямъ, что около этого времени, имя Громскаго, разсѣяннаго по всѣмъ повременнымъ изданіямъ, дѣлалось извѣстнымъ не одному только записному цеху литераторовъ... Это имя зажигалось звѣздой надежды на безпривѣтномъ горизонтѣ русской литературы...

Черезъ полторы недѣли послѣ описаннаго нами свиданія Виктора съ графомъ, въ сумерки одного вечера, по Большой Милліонной съ громомъ катилась ямская карета, запряженная четвернею разгонныхъ коней... Въ этой каретѣ сидѣлъ графъ съ молодымъ поэтомъ, сердце котораго билось такъ сильно, будто хотѣло прорваться... Черезъ минуту громъ смолкъ. Карета остановилась у гранитныхъ колоннъ подъѣзда кня-

гини Гранатской. Подножки хлопнули... у Громскаго захватило духъ...

Княгиня сидѣла въ своемъ будуарѣ, ярко блестѣвшемъ огнями, на широкомъ оттоманѣ, окруженная махровыми розами, которыя роскошно красовались на тонкихъ стебелькахъ своихъ и плѣнительно оттѣнялись отъ ея лебединой груди... Маленькія ножки княгини завидно покоились на цвѣтистой ткани богатаго ковра; передъ ней стояло огромное трюмо въ золоченой рамѣ. Поодаль на малахитовой доскѣ стола красовались большіе бронзовые часы... Стѣны будуара были обиты волнистой шелковой матеріей бѣлаго цвѣта, отороченной вверху позолоченными карнизами. Надъ головой княгини висѣла широкая лента звонка съ золотою, искусно обдѣланною ручкою; возлѣ нея стоялъ небольшой столикъ, на столѣ развернутая книжка, а на книжкѣ большой перломутровый ножъ.

«Графъ Вѣрскій и г. Громскій», сказалъ размѣреннымъ голосомъ вошедшій лакей.

Княгиня посмотрѣлась въ трюмо.

Обѣ половинки зеркальной двери растворились.

Графъ Вѣрскій показался первый.

За нимъ шелъ поэтъ... но то не былъ поэтъ Громскій, старый знакомецъ нашъ, всегда непринужденный въ движеніяхъ, всегда небрегшій о своей одеждѣ, закутанный въ длинный сюртукъ или фракъ стариковскаго покроя съ короткими фалдами, съ таліей на спинѣ и съ буфами на рукавахъ, въ бѣломъ галстукѣ съ маленькимъ бантикомъ, затянутымъ съ нѣмецкою аккуратностію. Совсѣмъ нѣтъ! то былъ молодой человѣкъ, наряженный по послѣдней модѣ: въ узкій фракъ, совершенно обтягивавшій его, съ двумя лацканами, отлетѣвшими далеко отъ груди и выказывавшимися за спиною, будто остроконечныя крылья летучей мыши; съ небрежно развѣвавшимися концами чернаго галстуха, въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, съ обстриженною и завитою какъ у барашка головою, съ неловкою и странною поступью, съ руками, отпятившимися назадъ, будто просившимися вонъ изъ фрака... Вы нехотя улыбнулись бы, взглянувъ на эту фигуру, вы подумали бы, что это уморительная пародія на послѣднюю картинку Petit Courier des Dames, или нашего Телеграфа.

Кто же былъ этотъ молодой человѣкъ?

Краснѣя и потупляя глаза, мы должны признаться, что это точно былъ Викторъ Громскій.

До какихъ глупостей не доводитъ любовь 20-ти-лѣтняго юношу!

Княгиня, быстро осмотрѣвъ его съ ногъ до головы, едва скрыла улыбку, кусая нижнюю губу... Но видно было, что она тотчасъ узнала въ неуклюжемъ франтѣ того молодаго человѣка, который такъ сильно заманилъ ея любопытство въ театрѣ.

Послѣ улыбки первое ея чувство было — досада: она хотѣла видѣть его въ эту минуту точно такимъ же, какъ увидѣла его впервые.

Графъ подвелъ къ ней Громскаго: лицо поэта было подернуто заревомъ, онъ дрожалъ всѣми членами, будто преступникъ, приведенный передъ судьею, для того, чтобы выслушать изъ устъ его роковое слово: *смерти*.

Но въ эту минуту смѣшная сторона его незамѣтно уничтожалась: онъ возбуждалъ не жалость, а участіе.

Княгиня съ очаровательнымъ кокетствомъ, котораго ни уловить, ни выразить невозможно, предупредила бѣднаго юношу отраднымъ привѣтомъ, который сверкалъ позолотой ума и былъ распрысканъ обаятельнымъ ароматомъ гостиныхъ.

Она показалась ему какимъ-то божественнымъ видѣніемъ, какою-то плѣнительною грезою. Сердце его сжималось, расширялось и трепетало. Онъ залетѣлъ бы за предѣлы неба, но поневолѣ былъ прикованъ къ землѣ, потому-что мучительно чувствовалъ неловкость каждаго своего шага, каждаго движенія, каждаго взгляда.

Грустно, непередаваемо грустно, когда душа, трепещущая восторгомъ, хочетъ вспорхнуть въ свою родину — небо, и бьется, какъ голубь въ сѣтяхъ, въ грубой оболочкѣ тѣла! Она, расширивъ крылья и стрѣлой разрѣзавъ перловое пространство воздуха, взвилась бы далеко, далеко... Но нѣтъ! Существенность, едва прикрывшая наготу свою грязными лохмотьями, всюду слѣдитъ бытіе человѣка — и дерзко заслоняетъ передъ нимъ бездозорный, гигантскій яхонтъ — подножіе Божьяго престола! Существенность тянетъ его къ землѣ, указываетъ ему на землю, будто хочетъ сказать, что съ нею

сопряжено его грядущее... О, для чего же духъ и тѣло сцѣплены неразрывно, для чего переходъ отъ настоящей къ грядущей жизни — могила, стукъ заступа и пѣніе ангеловъ?

Громскій хотѣлъ бы безъ мысли о жизни, безъ трепетанія вѣкъ любоваться ея очами, подслушивать ея дыханіе, подмѣчать волненіе груди, а конецъ галстуха щекоталъ его подбородокъ и накрахмаленные воротнички рубашки рѣзали шею. Онъ заготовлялъ такія прекрасныя поэтическія фразы для разговора съ княгиней, — и ни разу не могъ отвѣчать связно на самые обыкновенные вопросы ея. Самолюбіе грызло его, какъ вампиръ; онъ чувствовалъ, что долженъ казаться чудакомъ въ глазахъ ея и глупцомъ въ мысляхъ... А между тѣмъ графъ разсыпался любезностью. Онъ говорилъ о самыхъ простыхъ вещахъ съ такою оборотливостью и ловкостью; рѣчь его заострялась ироніей, играла невынужденной веселостью и блистала красивой изысканностью, какъ вычурная бумажка, завертывающая самую простую конфекту.

Таковъ языкъ свѣтскаго человѣка!

Несмотря на все это, княгиня не казалась внимательною къ его разговору. Она была задумчива, она играла съ листкомъ стебелька розы...

Громскій немилосердно повертывалъ въ рукахъ свою новую модную шляпу.

Било одиннадцать.

Графъ Верскій всталъ съ креселъ. Громскій, поглядывая на него, приподымался.

Когда они оба раскланивались съ княгиней, она оборотилась къ поэту съ такимъ божественнымъ взглядомъ, который не всегда удается видѣть человѣку въ его земномъ существованіи.

— Г. Громскій, произнесла она своимъ музыкальнымъ голосомъ... Я надѣюсь васъ скоро видѣть у себя. По вечерамъ вы меня почти навѣрно можете заставать дома. Мнѣ всегда пріятно быть въ вашемъ обществѣ.

«Странно, подумалъ графъ, по вечерамъ она, кажется, очень рѣдко бываетъ у себя».

Громскій едва сдержалъ свое восхищеніе отъ послѣднихъ словъ княгини, и когда вышелъ изъ ея будуара, слезы упоительнаго самодовольствія брызнули изъ очей его.

Эти слезы были для него ярче и освѣжительнѣе небесной росы!

Когда онъ проснулся на слѣдующее утро, его знакомство съ княгинею, ея благодатный привѣтъ представлялись ему очаровательнымъ сномъ. Онъ протеръ глаза и старался распутать грезу съ вещественностію, и въ грезѣ и вещественности—была она, одна она, одинъ ея образъ! Послѣ пролетной минуты задумчивости, онъ быстро вскочилъ съ постели, онъ бѣгалъ по комнатѣ, онъ смѣялся, онъ плакалъ, онъ тысячу разъ повторялъ вслухъ: «мнѣ всегда пріятно быть въ вашемъ обществѣ».

Онъ походилъ на помѣшаннаго!...

Послѣ первыхъ минутъ такого волненія, молодой человѣкъ снова задумался.

— Можетъ быть, это заученая обыкновенная фраза, которую всѣ свѣтскія женщины повторяютъ изъ приличія? — мыслилъ онъ.

Воспользоваться ли мнѣ ея приглашеніемъ?

Можетъ ли общество бѣднаго, незначащаго человѣка, не имѣющаго понятія о свѣтскомъ приличіи, о свѣтскомъ языкѣ, нравиться блистательной княгинѣ, которая привыкла къ вѣчнымъ комплиментамъ паркетныхъ любезниковъ?

Я неловокъ, мои ноги измѣняютъ мнѣ на паркетѣ... Что, если я встрѣчусь въ ея гостиной съ какимъ-нибудь изъ этихъ франтовъ? Вѣдь я уничтожусь предъ нимъ?...

Сколько подобныхъ вопросовъ толпилось въ головѣ молодаго человѣка! Какъ кружилась голова его! Какъ жестоко страдалъ онъ!

— А ея взглядъ? ея взглядъ? продолжалъ онъ голосомъ постепенно звучнымъ и сильнымъ... Ея взглядъ, когда она произносила мнѣ этотъ привѣтъ!!

О, нѣтъ! нѣтъ! то не были заученыя слова необходимости... Нѣтъ! милліонъ разъ нѣтъ! Искра души художника, тонкій лучъ небесной радуги, серебристый блескъ луны, ничто не могло быть ярче, вдохновеннѣе взгляда! Взглядъ младенца — не благословеннѣй его.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, часовъ въ 8 вечера, Громскій съ тѣмъ же волненіемъ ходилъ взадъ и впередъ по Большой Милліонной и, блѣднѣя, нѣсколько разъ проходилъ мимо подъѣзда съ гранитными колоннами... Наконецъ рука

его крѣпко сжала ручку замка огромной двери подъѣзда — и онъ очутился лицомъ къ лицу съ разряженнымъ швейцаромъ...

— Княгиня дома? спросилъ молодой человѣкъ дрожащимъ голосомъ.

— Какъ объ васъ прикажете доложить?

— Громскій.

— Пожалуйте на верхъ. Княгиня принимаетъ, почтительно произнесъ швейцаръ.

— У нея есть кто нибудь?

— Княгиня *одна*.

Одна! это слово электрически объяло его сердце; онъ не хотѣлъ встрѣтить кого нибудь у княгини, но мысль быть съ ней одной... ужаснула его!

Мы предоставляемъ читателямъ вообразить положеніе его въ ту минуту, когда онъ всходилъ по ковру лѣстницы... и съ каждой ступенькой приближался къ княгинѣ.

— А! г-нъ Громскій! воскликнула она, при видѣ поэта, съ робостью отворявшаго дверь, — я думала, что вы забыли меня; признаться ли, я уже теряла надежду видѣть васъ у себя?

— Княгиня, я... не смѣлъ... не могъ... И онъ стоялъ передъ нею, несвязно лепеча что-то.

— Садитесь. Что жъ вы не сядете? — Княгиня немного привстала и придвинула къ себѣ стулъ.

Ободренный Громскій сѣлъ на кончикъ этого стула.

— Я думала, продолжала княгиня, что человѣку, такъ углубленному въ занятія, какъ вы, не достанетъ времени на пустые визиты, выдуманные нами отъ бездѣлья. Я очень хорошо знаю, замѣтила она съ улыбкою, какое различіе, какія границы между поэтомъ и свѣтскимъ человѣкомъ.

— Развѣ вы принимаете меня за поэта? осмѣлился возразить Громскій.

Она взяла со столика, стоявшаго возлѣ нея, какой-то печатный листъ, развернула его и, указывая своимъ пальчикомъ на средину листа...

— Кажется, это ваше имя? произнесла она.

Этотъ листъ — былъ одинъ изъ послѣднихъ №№ Литературной Газеты, которую издавалъ покойный Дельвигъ.

Громскій вспыхнулъ огнемъ: на этомъ листкѣ точно было

напечатано его имя, въ этомъ листкѣ было точно помѣщено его стихотвореніе.

— Видите ли вы, что я иногда читаю и русскія книги? молвила она съ той же улыбкой.

— Поэзія — мой отдыхъ отъ другихъ занятій, княгиня...

— О, это самый утѣшительный отдыхъ! Самыя отрадныя минуты, — перебила она... А вы меня познакомите съ вашими сочиненіями, не правда ли; вы будетъ такъ добры?...

— Я не думаю, чтобы мои легкіе опыты заслуживали ваше вниманіе, княгиня. Вы избалованы гармоніей европейскихъ писателей...

Видно было, что Громскій оживалъ подъ благотворнымъ ея вниманіемъ, и хотя рѣчь его еще не переставала вытягиваться принужденностію, однако онъ начиналъ говорить не запинаясь, а это было уже довольно на первый разъ!

— Развѣ у васъ нѣтъ желанія заохотить меня къ русскому чтенію? Я, не шутя, хочу знать литературу моей родины... Можетъ быть, вы слишкомъ нетерпѣливы? Можетъ быть, вы не возьмете на себя труда быть моимъ учителемъ? Право, я буду прилежною ученицей.

Можно ли передать, что̀ было тогда съ сердцемъ молодаго человѣка?

Онъ былъ такъ счастливъ, такъ полонъ, такъ упоенъ нѣгою ея взоровъ!

Его очи таяли отъ ея обаянія, выражались душою, сверкали страстію.

Не завидовать ему въ эту минуту было свыше силъ человѣческихъ!

Съ этого дня, Викторъ чаще и чаще посѣщалъ княгиню. Княгиня сильнѣй и сильнѣй чувствовала необходимость видѣть Виктора. Она стала рѣже появляться въ гостиныхъ. Между тѣмъ графъ Вѣрскій ничего не зналъ объ успѣхахъ своего неуклюжаго пансіонскаго товарища.—Въ это время появилась въ петербургскихъ обществахъ бароноса Р***—и онъ, предводителемъ толпы обожателей, преклонялся предъ новымъ свѣтиломъ!

Въ послѣднихъ числахъ Мая мѣсяца княгиня переѣхала на свою каменноостровскую дачу.

Любовались ли вы островами — этою лѣтнею жизнію петербургскихъ жителей? Всходили ли вы въ часъ утра на Каменноостровскій мостъ, въ тотъ часъ утра, когда просыпающаяся природа еще не возмущена шумомъ и громомъ людской суеты? Когда она еще не стряхнула съ своего личика капли алмазной росы? Когда она еще не успѣла запылиться прахомъ, взвѣваемымъ гордостью людскою? Когда она еще не успѣла затускнѣть отъ тлетворнаго дыханія людей?

Ничто не шелохнется. Солнце встаетъ, разрѣзая лучами своими вуаль, сотканныи туманами.... Природа-красавица трепещетъ пробужденіемъ и улыбается свѣтлою улыбкой солнца.... Туманъ разрѣдѣлся... Яхонтъ небесъ подернулся позолотою — и солнце, ослѣпивъ блескомъ, кокетничаетъ и смотрится въ зеркало Невки. Взойдите на правую сторону моста отъ дороги. Опаловыя струи Невки омываютъ изумрудный берегъ дворца и тѣнистый лѣсокъ дачи княгини Лопухиной, расходятся въ обѣ стороны и исчезаютъ вдали. Прямо противъ васъ, между кудрями лѣса, возвышается каменный двухъ-этажный домъ съ свѣтло-зеленымъ куполомъ; далѣе по всему противоположному берегу пестрѣютъ легкіе домики въ густой зелени. Обернитесь налѣво: по обѣимъ сторонамъ берега дача за дачей еще живописнѣй играютъ разноцвѣтностью красокъ, и все на той же зелени, *любимой краскѣ природы*.... Правда, не ищите здѣсь никакой торжественности, никакой величавости: это прекрасный ландшафтъ, не болѣе! Сама природа, будто примѣняясь къ мѣстности, дѣлается здѣсь немного изысканною, немного кокеткой, за то эта кокетка обворожительна ночью. Взгляните — луна, закраснѣвшись, будто дѣвственница, пойманная впервые наединѣ съ милымъ, будто разгорѣвшись отъ страсти, робко выглядываетъ изъ чащи деревъ и успокоенная безмолвіемъ, тишью земной, блѣднѣе выступаетъ, будто *пава*, по звѣздистому паркету.... Она не увѣрена въ самой себѣ, она робка — но ея поступь по гигантскому помосту небесъ и страстна, и соблазнительна! Какъ мило освѣщаетъ она тѣнистую аллею Строгановскаго сада, какъ задумчиво глядится въ Елагинскій паркъ, какъ серебритъ окна дачъ и какъ манитъ мечтательницу изъ душной комнаты погулять и повздыхать съ нею вмѣстѣ на раздольѣ.... Шалунья, она то окунется въ водахъ Невки, то, завернувшись въ прозрачную мантилью облака,

кажется, хочетъ играть въ жмурки, то переливомъ обманчивыхъ лучей свѣта строитъ такіе фантастическіе чертоги тамъ, вдали, за моремъ....

Небольшая двухъ-этажная дача княгини, расположенная съ тонкимъ и разборчивымъ вкусомъ образованной женщины, лежала налѣво отъ Каменноостровскаго моста, по дорогѣ, ведущей къ лѣтнему театру. Эта дача вверху обведена была кругомъ стеклянною галлереею, уставленною цвѣтами, которые совершенно закрывали ея стѣны и только давали мѣсто однимъ диванамъ, расположеннымъ перерывисто вдоль стѣны. Половина галлереи, выходившей въ садъ, отдѣлена была ширмами изъ разноцвѣтныхъ стеколъ, такъ что составляла совершенно особую прелестную комнату. Она украшалась обыкновенно, будто на заглядѣнье, отборными цвѣтами, была окружена эластическими диванами и устилалась превосходнымъ ковромъ, который былъ выписанъ мужемъ княгини въ подарокъ ей изъ чужихъ краевъ. Эта комната, освѣщенная лунною лампою, была невообразимо упоительна!

Вы сказали бы, взглянувъ на нее, что то святилище любви, созданное искусною рукою художника. Круглая, отвѣсная, витая лѣстница краснаго дерева, спускавшаяся незамѣтно изъ этой комнаты внизъ, была такъ легка, что казалась нечаянно наброшенною....

Здѣсь чаще всего сиживала княгиня, задумчивая, съ тяжелымъ укорительнымъ вздохомъ о прошедшемъ, съ яркою поэтическою мечтою о будущемъ!... Иногда слезы, слезы очень походившіяся на раскаяніе, туманили ея свѣтлыя очи; иногда грудь ея облегчалась долгимъ вздохомъ, иногда ея нѣжная, бѣлая какъ мраморъ ручка поддерживала отяжелѣвшую голову. Правда, такія минуты бывали рѣдки, потому что она рѣдко была одинока, но тѣмъ не менѣе онѣ показывали страдательное, болѣзненное состояніе души ея. Совсѣмъ не такова была она, сидя возлѣ Громскаго, который уже безъ всякой смуты любовался ею и говорилъ съ нею безъ принужденности. Молодой человѣкъ дышалъ воздухомъ будущей жизни; съ нѣкотораго времени онъ замѣчалъ въ очахъ княгини, устремленныхъ на него, пламя.... Но онъ не смѣлъ назвать это пламя—любовью; съ нѣкотораго времени въ очахъ ея прорывалась недвусмысленность страсти, но мысль—*быть любимымъ*

этою женщиною казалась ему слишкомъ дерзкою. Онъ не былъ избалованъ счастіемъ! И хотя Викторъ уже свыкся съ ея присутствіемъ, но ни одинъ взглядъ его, устремленный на нее съ невольно вырывавшеюся любовью, не былъ возмущенъ волненіемъ жаждущей страсти.... Нѣтъ! — душа его въ эти минуты растоплялась молитвою.

Да! Викторъ былъ очень неопытенъ! Она для него порой забывала музыкальные вечера, опаздывала на балы, рѣже выѣзжала въ театръ; его присутствіе у нея никогда и ни кѣмъ не было возмущаемо!... Боже мой! Да при такихъ признакахъ другой, на его мѣстѣ, выстроилъ бы тысячи воздушныхъ зàмковъ на своемъ сердцѣ!

Часто Громскій просиживалъ цѣлые вечера съ нею, читая ей Шиллера; въ немъ онъ хотѣлъ передать ей себя.... и она вполнѣ понимала *его!* Часто, вдругъ прерывая чтеніе, онъ проникалъ ее своимъ взглядомъ, будто выспрашивая у нея отвѣта на мысль свою. Часто она была такъ близка къ нему, что онъ ощущалъ вѣяніе ея дыханія на щекахъ своихъ. Часто при чтеніи вылеталъ изъ груди ея вздохъ, а изъ очей выкатывалась слеза, и въ немъ колыхалось желаніе коснуться устами этой слезы и испить ее... Эти вечера были несравненны!

Время шло быстро. Уже Августъ былъ въ послѣднихъ числахъ. Однажды вечеромъ, послѣ долгаго разговора, въ которомъ Громскій изливалъ свою восторженную душу, свой твердо образованный умъ, онъ и она сидѣли задумавшись. Послѣ минуты молчанія, юноша вынулъ изъ кармана исписанный листокъ бумаги и началъ читать княгинѣ стихи.... Въ этихъ стихахъ выражалось мучительное пламя любви, сердце глубоко раздраженное.... Поэзія радужными отливами сверкала въ нихъ, музыкальность заворожала слухъ.... Княгиня поняла, *кѣмъ* и *для кого* они написаны. Когда онъ кончилъ, она положила свою руку въ его руку и устремила на него проницательный взглядъ. Сердце ея тонуло въ нѣгѣ, было упоено восторгомъ; темныя кудри ея, развившись, упадали на лицо; грудь, стѣсненная полнотою дыханія, гордо вздымалась. Онъ крѣпко сжалъ ея руку и благоговѣйно поцѣловалъ ее..... Это было первое прикосновеніе его къ женщинѣ! Княгиня вздрогнула: ее проникалъ сладостный трепетъ.....

Въ первый разъ въ жизни она испытывала такое божественное чувство!... Когда звонъ часовъ напомнилъ имъ время разлуки, она произнесла: До-завтра, Викторъ!—Она впервые назвала его — Викторомъ....

Тогда онъ почувствовалъ, что онъ владѣетъ одною изъ тѣхъ минутъ, которыя рѣдко даются человѣку въ земномъ быту! Тогда онъ тихо повѣрялъ самому себѣ святую и страшную тайну; да, точно, *она* любитъ меня!

Не правда ли, любовь непорочнаго юноши не походитъ на любовь свѣтскаго человѣка?

Когда Громскій вышелъ, княгиня упала на диванъ — и залилась слезами....

— Боже мой! лепетала она сквозь слезы,—я недостойна его. Онъ свѣтелъ, какъ младенецъ, я темна, какъ грѣшница. Я уже разъ измѣнила клятвѣ, клятвѣ, которую давала я Богу! Я безумно разорвала обязанности супруги — и для кого? для кого?... Княгиня въ ужасѣ вскочила съ дивана; она трепетала, какъ въ лихорадкѣ; она подбѣжала къ небольшому столику, съ скоростью выдвинула ящикъ, выхватила изъ ящика связку писемъ, перевязанную розовою ленточкой, и съ дикою радостью бросила ихъ въ огонь топившагося камина. Съ жадностью слѣдила она испепелившіеся листки — и сердцу ея становилось легче и легче.

На другой день, когда Громскій явился въ опредѣленный часъ, онъ засталъ княгиню за флигелемъ. Она пѣла *Цвѣтокъ* Пушкина. Юноша, безмолвенъ, бездыханенъ, остановился въ дверяхъ, пораженный ея восхитительными звуками; онъ таялъ и млѣлъ.... Когда она кончила, онъ неслышно подошелъ къ ней.... Она почувствовала его присутствіе и вздрогнула.... Ахъ, это ты, Викторъ! вскрикнула она съ довольною улыбкою....—Это вы, произнесла она, одумавшись. А вы притаились, вы подслушивали меня?...

— Я не былъ здѣсь, я не былъ на землѣ, княгиня!...

— Это поэтическая фраза! замѣтила она.

— Это языкъ души, возразилъ онъ....

Она задумалась — и, будто увлеченная вдохновеніемъ, снова начала пѣть.... Онъ сѣлъ возлѣ нея....

Коротки часы жизни, но какъ не отдать и ихъ за такія минуты!

Упоительно слышать гармоническое пѣніе женщины, но внимать голосу той, которую любишь,—это значитъ уноситься отъ земли выше и выше, чувствовать расширеніе души!

О, какъ плѣнителенъ былъ юноша въ эту минуту, какъ говорилъ онъ безъ словъ, какъ роскошно жилъ безъ жизни!

Она смолкла.... Настало продолжительное молчаніе.... Тихо было въ комнатѣ, лишь слышалось перерывистое жаркое дыханіе двухъ любовниковъ..... Уста ихъ слились!

Это мгновеніе надобно было вычеркнуть изъ книги ихъ жизни. Въ это мгновеніе они не существовали!

— Я люблю тебя, Викторъ! Жизнь и ты, ты и жизнь! шептала она, замирая.

— Я не перенесу моего счастія! задыхаясь, говорилъ Громскій.

Вдругъ княгиня, подавленная какою-то мыслію, отскочила отъ Виктора и подбѣжала къ окну галлереи.... Она отворила окно, взоръ ея утонулъ во мглѣ, мелкій дождь кропилъ распаленное страстью лицо ея.

Минуты черезъ двѣ, она возвратилась къ нему....

— До-завтра, до-завтра, Викторъ, произнесла она, — но завтра мы будемъ благоразумнѣе. Ты еще не читалъ мнѣ Шиллерова «Донъ-Карлоса».

III.

«.....Говорятъ, что есть въ Швейцаріи дубы, коихъ корни раздираютъ скалы.»

№ IX Брошюрокъ Кронеберга.

Мы не беремся передать всѣхъ догадокъ, предположеній, сплетней, которыя кружились въ обществахъ насчетъ княгини. Сплетни начались, какъ вамъ извѣстно, съ Адамова семейства, и потомъ постепенно росли и укоренялись подъ благотворнымъ развитіемъ этого почтеннаго семейства въ поколѣніе, а изъ поколѣнія въ толпу народа, а изъ толпы народа въ отдѣльныя массы. Сплетни — необходимая принадлежность, если хотите, второй воздухъ, вторая жизнь грязной, закопченой избы крестьянина, свѣтлой и опрятной комнаты

чиновника и разволоченныхъ палатъ аристократа.... съ тою только разницею, что въ избѣ крестьянина сплетни обыкновенно одѣваются въ сарафаны, въ комнатѣ чиновника являются въ ситцевыхъ платьяхъ, а въ палатахъ аристократа изволятъ облекаться въ шелкъ и бархатъ.... Да и въ самомъ дѣлѣ согласитесь, можно ли жить безъ сплетней? Жизнь безъ того такъ скучна, такъ однообразна, такъ монотонна: ее необходимо надобно *прикрашивать, облекать вымыслами, фантазіями.* Предмета для этихъ фантазій мы должны искать въ вещахъ одушевленныхъ, которыя сподручнѣе, ближе къ намъ. Отъ этого-то наши ближніе — самый лучшій предметъ для сплетней, или утонченнѣе, для вымысловъ; къ тому же, вникните: сплетни — поэзія общества; въ сплетняхъ требуется изобрѣтеніе, творчество, а для изобрѣтенія—талантъ, а для творчества—геній! Большею частію такіе таланты и геніи проявляются между женщинами.

Г-жа М*, женщина лѣтъ сорока-пяти, находившаяся около десяти лѣтъ въ разъѣздѣ со своимъ мужемъ, принадлежала къ числу геніевъ по этой части. Въ одно октябрское утро она сидѣла съ своей пріятельницей, двадцати-пяти-лѣтней баронессой Р**, о которой уже мы говорили мимоходомъ читателямъ, и разсказывала ей со всѣмъ поэтическимъ энтузіазмомъ слѣдующую повѣсть:

— Какъ жаль, что княгиня Гранатская отказалась отъ обществъ въ такія лѣта, съ такой красотой, съ такимъ образованіемъ! Она была обворожительнымъ украшеніемъ гостиныхъ, какъ теперь ты, мой милый ангелъ!... Правда, въ ней не было этой легкости, этой граціозности, которая такъ необходима свѣтской женщинѣ; ея манеры были немножко небрежны.... однако, несмотря на то, она еще до сихъ поръ могла бы играть роль, хотя не такъ значительную, какъ прежде. Еще обиднѣе, что мы лишились, и безвозвратно, ея вечеровъ: а эти вечера были очень милы, очень одушевлены. Говорятъ, ея домъ навсегда запертъ для всѣхъ, кромѣ *одного*: вотъ уже четыре мѣсяца, какъ она никого не принимаетъ; около полугода, какъ едва показывается въ гостиныхъ, и двѣ недѣли, какъ рѣшительно никуда не выѣзжаетъ....

— Я была раза два у нея, когда она еще жила на своей дачѣ, перебила баронесса, и она оба раза принимала меня;

это было... кажется, въ концѣ Іюня... Въ Августѣ я ее видѣла на музыкальномъ вечерѣ у княгинѣ Л* и на балу у графини З**...

— Право? — то были ея послѣдніе выѣзды. Я тебѣ сказала, мой другъ, что ея домъ запертъ для всѣхъ, кромѣ *одного*... Знаешь ли, кто этотъ *одинъ?* Человѣкъ никуда невыѣзжающій, ни съ кѣмъ незнакомый, какой-то чудакъ, самаго простаго происхожденія, ужасно дурной собою... и къ тому же, говорятъ, поэтъ! А ты знаешь, Адель, какъ эти люди чудовищны въ обществѣ!... Бѣдный мужъ княгини! Она, кажется, совсѣмъ забыла о его существованіи!... Къ тому же, какой ужасъ, какое пятно для фамиліи князя: если бы зналъ онъ, что жена его имѣетъ связь съ человѣкомъ низкаго происхожденія!! другое дѣло, ея прежняя любовь... Баронесса нахмурила личико.—У насъ, кажется, нравы еще не такъ испорчены: наши дамы не позволяютъ ухаживать за собой людямъ, которые Христа ради поддерживаютъ свое существованіе, этимъ художникамъ, этимъ поэтамъ! Къ тому же, слава Богу, эти ремесленники почти и не показываются въ нашихъ обществахъ... Какъ бы то ни было, княгиня до того рѣшилась *компрометировать* себя, что отворила дверь своего будуара для этого чудака. Онъ топчетъ ея ковры грязью своихъ сапогъ, онъ, говорятъ, коптитъ ея комнаты табачнымъ дымомъ! Фи! одна мечта о такомъ невѣжествѣ ужасаетъ меня, мнѣ становится дурно. — Г-жа М* понюхала скляночку съ духами, которая стояла передъ нею. — Можно ли низойти до этого? Она проводитъ, запершись съ нимъ, цѣлые вечера... Онъ всегда ходитъ съ кинжаломъ; онъ дикъ, какъ индѣецъ, онъ страшенъ, какъ арабъ — и бѣдная княгиня, натурально, дрожитъ отъ страха, сидя возлѣ него... Послѣ этого ты видишь, милая, почему она не можетъ ни принимать къ себѣ, ни выѣзжать... Я воображаю, какая жестокая сцена будетъ разыгрываться въ ея домѣ по пріѣздѣ ея мужа. Мнѣ отъ души жаль добраго князя!

Въ это время вошедшій лакей подалъ г-жѣ М* запечатанную записку. Она прочитала и вся вспыхнула.

— Какая странность, милая! продолжала она, отдавая записку баронессѣ.—Какъ ты думаешь, что это? Пригласительная карточка на вечеръ отъ княгини! Непостижимо! И

вечеръ назначенъ послѣ-завтра! Неужели ея дикарь покажется въ обществѣ?

— Ты ошибаешься, Аделаида, произнесла наконецъ баронесса, — онъ вовсе не дикарь! мнѣ говорилъ объ немъ Александръ; напротивъ, онъ только странный, неловкій... Онъ былъ когда-то его пансіонскимъ товарищемъ... и графъ былъ такъ любезенъ, что хотѣлъ доставить случай посмѣяться всѣмъ надъ его неловкостью, представивъ его къ княгинѣ... Александръ увѣрялъ меня, что онъ хорошо знаетъ его характеръ, что онъ тихъ, какъ ягненокъ, и что княгиня вовсе не въ связи съ нимъ. Ей пришла одна изъ самыхъ странныхъ и невстрѣчаемыхъ прихотей: заниматься нѣмецкою литературой; онъ хорошо знаетъ этотъ языкъ—и въ ея домѣ не болѣе, какъ учитель. Впрочемъ, Александръ давно не видалъ его, нарочно же разспрашивать у этого чудака: какую роль играетъ онъ у княгини, вовсе незанимательно для графа!...

— Съ нѣкотораго времени я этому очень вѣрю, возразила съ насмѣшливою улыбкою г-жа М*. И я знаю, что ты имѣешь причины болѣе слушать графа Вѣрскаго, чѣмъ меня!

Черезъ день послѣ этого разговора, зала княгини Гранатской блистала огнями; въ этой залѣ собрано было все: роскошь, изящество, утонченная свѣтскость, образованіе, острота, умъ, гордость, тщеславіе, изысканность, любовь, волокитство, юность, дряхлость, красота... и все смѣшивалось, все сливалось, все кружилось въ глазахъ, оставляя въ памяти недоговоренныя фразы, недоконченныя мысли, недоясненные взгляды. Среди этого хаоса возставало одно существо упоительнѣе всѣхъ, совершеннѣе всѣхъ... То была хозяйка дома. Съ самаго появленія своего въ обществахъ никогда и нигдѣ она еще не была такъ поразительна... Казалось, она одушевлена была новою жизнію, доселѣ невѣдомою ей: жизнію души; новымъ чувствомъ, котораго она прежде тщетно искала: чувствомъ высокой любви!... Взглядъ ея сверкалъ искрами сердца, уста трепетали поцѣлуями, грудь волновалась полнотою сладостныхъ вздоховъ... Это было видѣніе, ниспосланное небомъ поэту. Это была мечта художника, мечта Рафаэля,

когда душа пробудила его—и въ волшебномъ заревѣ указала стоявшую предъ нимъ Мадонну!

Всѣ съ почтительнымъ удивленіемъ преклонялись предъ княгинею, всѣ были заворожены ею въ этотъ вечеръ...

Когда графъ Верскій, совершенно до того забывшій ее, вдругъ взглянулъ на нее и потомъ бросилъ испытующіе глаза на свою баронессу, она показалась ему такою жалкою, такою ничтожною! Онъ едва могъ скрыть свое волненіе — онъ обернулся въ сторону: прямо противъ него стоялъ статный, ловкій, заманчивый молодой человѣкъ, одѣтый съ самымъ тонкимъ, заботливымъ вкусомъ... Лицо его обведено было рѣзкими, поэтическими чертами; огненный взоръ его слѣдилъ въ ту минуту княгиню, будто говоря: «Дивитесь, дивитесь, безумные! Вѣдь я вложилъ въ это обворожительное существо душу, я раздулъ въ немъ искру огня! Это мое созданіе!»

Графъ невольно вздрогнулъ. Молодой человѣкъ былъ его прежній товарищъ—Викторъ Громскій.

Какая-то неопредѣленная мысль промелькнула въ головѣ графа.

— Княгиня сегодня очень интересна! говорила г-жа М* стоявшей возлѣ нея баронессѣ.

— Да, она не дурна, блѣднѣя, отвѣчала послѣдняя. — А хочешь ли, Аделаида, я тебѣ покажу ея любовника, этого страшнаго дикаря съ неразлучнымъ кинжаломъ. Вотъ онъ, направо отъ насъ, со сложенными руками...

Г-жа М* покрылась багровымъ румянцемъ... она вполнѣ поняла ядовитую иронію баронессы.

— Это онъ? сказала одна молодая дама стоявшему возлѣ нея камеръ-юнкеру, указывая на Громскаго.

— Кажется, *да*.

— Ah! qu'il est beau, ce jeune homme! Музыка гремѣла, все прыгало и вертѣлось съ беззаботнымъ самодовольствіемъ...

Княгиня, проскользнувъ незамѣтно мимо Виктора, устремила на него свой волшебный взглядъ,—взглядъ, который говорилъ ему: это все для тебя, для тебя одного, милый!...

Когда балъ приближался къ концу, когда утомительная мазурка была на исходѣ, нетанцовавшій графъ Вѣрскій, стоя возлѣ окна, разговаривалъ съ самымъ короткимъ своимъ другомъ, кавалергардскимъ ротмистромъ. Громскій, незамѣченный

ими, очутился нечаянно сзади ихъ въ амбразурѣ окна и сдѣлался невольнымъ слушателемъ разговора.

— Княгиня восхитительна! восклицалъ ротмистръ... Ты счастливецъ, Александръ! Но вмѣстѣ съ этимъ ты и безумецъ: можно ли было промѣнять ее на баронессу, разстаться съ ней! Какая нелѣпая мѣна!... Она не проститъ тебѣ оскорбленія, ты потерялъ ее, и навѣчно! Говорятъ, уже твое мѣсто занято: и непостижимо! какой-то неизвѣстный никому уродъ пользуется ея благосклонностью...

У Громскаго поднялся дыбомъ волосъ, но не отъ послѣднихъ словъ ротмистра.

— Вздоръ! отвѣчалъ съ небрежною задумчивостью и съ выразительною хвастливостью молодой графъ.—Сущій вздоръ! она моя, она не уйдетъ отъ рукъ моихъ! Она была—и будетъ моею! Я перешагну черезъ этого глупца—и снова брошусь въ ея объятія... Я завтра же буду въ ея будуарѣ!

Громскій былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, страшенъ, какъ помѣшанный; губы его синѣли; онъ весь дрожалъ въ лихорадкѣ; кулаки его были стиснуты, перчатки разорваны въ сгибѣ пальцевъ, и въ обоихъ кулакахъ онъ держалъ по половинкѣ батистоваго платка...

Когда всѣ разъѣхались, Громскій неслышно подошелъ къ княгинѣ....

— До-завтра! произнесъ онъ убійственнымъ голосомъ,— и какъ тѣнь скрылся.

Она вскрикнула.

Громскій сдержалъ обѣщаніе: на другой день, въ 11 часовъ утра, онъ былъ въ ея спальнѣ. Цвѣтъ лица его былъ такъ же страшенъ, какъ наканунѣ, въ ту минуту, когда онъ выслушивалъ роковыя слова, — будто жизнь его съ той минуты замерла въ немъ. Только глаза юноши сверкали молніей страсти, только походка была порывиста... Онъ засталъ княгиню, противъ обыкновенія, въ этотъ часъ уже совершенно одѣтую. Видно было по изнеможенію лица ея и по истомѣ во всѣхъ движеніяхъ, что она во всю ночь не смыкала глазъ. Онъ ходилъ по комнатѣ; она съ замираніемъ сердца слѣдила шаги его.

Онъ остановился противъ нея.

— Знаете ли, княгиня, произнесъ онъ ледянымъ голосомъ, — я теперь только понимаю, что такое жизнь.... Одна минута, только одна минута — и человѣкъ, слѣпецъ, стоитъ озаренный страшнымъ пламенемъ, пламенемъ, которое ниспосылаетъ ему само небо. Часто среди благодатной тиши лазореваго неба набѣгаютъ черныя тучи, спускаются ниже и ниже, захватываютъ дыханіе — и молнія, блеснувъ, распахнетъ гнѣвный свѣтъ свой по неизмѣримому пологу. Не правда ли, такая картина и неожиданна, и чудесна... Бури очищаютъ воздухъ, бури благодѣтельны, княгиня!...

Она, молча, съ темнымъ предчувствіемъ чего-то, смотрѣла на Виктора.

Онъ опять сталъ ходить поперегъ комнаты....

Былъ тяжелый промежутокъ молчанія.

Онъ сѣлъ возлѣ нея.

— Княгиня! дѣло о жизни или смерти двухъ человѣкъ. Ихъ приговоръ въ устахъ вашихъ. Вчера вечеромъ случай открылъ мнѣ многое. Я хочу стрѣляться....

— Что это значитъ, Викторъ? произнесла она дрожащимъ голосомъ.

— Вы не понимаете, а прежде вы такъ хорошо понимали меня! Что жъ вы не спрашиваете, съ кѣмъ я хочу стрѣляться?...

— Викторъ! Викторъ! лепетала она умоляющимъ голосомъ.

— Я долженъ вступиться за честь женщины, за честь той женщины (и онъ сжалъ ея руку), которая для меня дороже жизни. Ее клевещетъ....

Холодный потъ крупными каплями выступилъ на спинѣ княгини.

Онъ наклонился къ ея уху и произнесъ что-то.

Она простонала.

— Не бойтесь, княгиня, вы будете отмщены. Мщеніе со мной, я ношу его на груди моей.... Онъ вынулъ изъ кармана заряженный пистолетъ и брякнулъ роковою сталью о столъ.

— Дайте мнѣ напиться его кровью..... Я хорошо умѣю стрѣлять въ цѣль. О, рука не измѣнитъ мнѣ, наводя на него дуло этого пистолета.... Произнесите одно слово, благословите меня въ послѣдній разъ, можетъ быть, въ послѣдній. .. Кто вѣдаетъ волю Провидѣнія?... То будетъ благо-

словеніе отца, благословеніе матери, благословеніе любящей женщины. У меня нѣтъ никого, кромѣ васъ, княгиня....

Уста ея не шевелились.

— Ты молчишь, Лидія! заклинаю тебя, произнеси же одно слово, только одно слово....

Онъ упалъ на колѣни предъ нею.

— Вѣдь это кровавая, адская клевета? Вѣдь онъ не смѣлъ....

Юноша скрежеталъ зубами, плакалъ безъ слезъ, распростертый у ногъ ея.

Въ смертной тиши безмолвія, послышался звонъ колокольчика въ швейцарской....

— Это онъ, произнесъ Викторъ, вставая; лицо его было покрыто пятнами.

— Одно слово! одно слово!

Она молчала.

Тогда какая-то мысль горячею лавою разлилась въ немъ; въ изступленіи, онъ схватилъ ея руку и увлекъ за собою къ другому концу комнаты. Онъ подвелъ почти безчувственную княгиню къ небольшому дивану противъ трюмо.

— Вы можете стоять, ходить, сидѣть, все, что вамъ угодно, но только здѣсь, противъ этого зеркала. Вы должны принять графа.... Я стану за этой ширмой — и буду слѣдить оттѣнки вашихъ взглядовъ, желанія вашихъ движеній.... Зеркало будетъ вполнѣ отражать васъ; вы молчите, а оно будетъ говорить за васъ.... *Онъ* не долженъ знать, что я здѣсь. Хорошо ли вы поняли меня?

Она утвердительно кивнула головой, она безъ словъ повиновалась.

Пистолета на столѣ уже не было.

Графъ Вѣрскій впорхнулъ въ дверь....

Княгиня встрѣтила его съ улыбкой; это была улыбка на лицѣ трупа.

Графъ остолбенѣлъ отъ ужаса, взглянувъ на нее.

А одна только ночь раздѣляла ее отъ вчера!

— Ты нездорова, Лидія! произнесъ онъ.

— Да, я чувствую себя нездоровою, отвѣчала она едва слышно.

Это *ты* разрушительно коснулось Громскаго.... Взоры его

сковались съ зеркаломъ. Зеркало измѣняло тайнамъ княгини. Онъ недвижимъ и бездыханенъ стоялъ за ширмами, у самои ея постели.

— Я исцѣлю тебя, продолжалъ графъ, я согрѣю тебя моимъ дыханіемъ. Кающійся грѣшникъ у ногъ твоихъ.... Онъ сѣлъ возлѣ нея и хотѣлъ взять ее за руку... Княгиня отодвинулась.

— Вы забываетесь, графъ... я привыкла, чтобы ко мнѣ сохраняли уваженіе...

— О, я вижу, что ты на меня сердишься. Въ самомъ дѣлѣ, я не стою поцѣлуя ручки твоей... Но я куплю свое прощеніе, во что бы то ни стало, хотя самымъ тяжелымъ и долгимъ покаяніемъ!

Онъ сталъ разсматривать комнату.

— Кажется, это трюмо стояло у той стѣны, говорилъ онъ... Цвѣтъ занавѣсъ былъ гораздо темнѣе; кажется, новая ширма... я не знаю, что можетъ сравниться съ превосходной отдѣлкой *Гамбса*. Какой вкусъ, какое изобрѣтеніе! Вѣдь и какія-нибудь ширмы требуютъ созданія, а не работы. Какъ ты объ этомъ думаешь, Лидія?...

— Да перестань же сердиться...

Княгиня испытывала страшную муку пытки.

— Я много нашелъ перемѣнъ въ твоей спальнѣ. Это заставляетъ меня задумываться. Твоя спальня! помнишь ли ты тотъ вечеръ, когда я...

— Ради Бога... графъ! я васъ умоляю.

— Какъ это *вы* несносно отдается въ ушахъ. Ты можешь и сердясь называть меня ты...

— А можно ли заглянуть сюда?

Графъ приподнялся, съ намѣреніемъ сдѣлать шагъ за ширму...

Она собрала оставлявшія ее силы и громко произнесла:

— Я вамъ приказываю остаться здѣсь!

— Какъ мило!... О, произнеси еще разъ это слово! я такъ привыкъ его слушать изъ устъ твоихъ, я такъ привыкъ повиноваться тебѣ...

Онъ наклонился, чтобы поцѣловать ее въ грудь.

Въ эту минуту за ширмой раздался выстрѣлъ и пороховой дымъ окурилъ спальню.

Графъ устремилъ на нее вопросительный взглядъ.

Вслѣдъ за выстрѣломъ, будто эхо послышался на улицѣ громъ какого-то тяжелаго экипажа, остановившагося у подъѣзда.

Княгиня не слыхала этого грома. Когда выстрѣлъ отозвался смертью въ ушахъ ея, она бросилась къ ширмѣ, она уже ступила за ширму... Вдругъ къ ногамъ ея упалъ трупъ юноши, загородивъ ей дорогу; кровь забагровила узоры ковра.

Жизнь то вспыхивала, то застывала въ ней; она, казалось, еще не потеряла присутствія духа, потому что давно ожидала чего-то страшнаго. Предчувствіе не обмануло ее. Она схватила свой платокъ, чтобы зажать рану несчастнаго... Она припала къ лицу его, какъ-бы желая раздуть въ немъ искру жизни... Она произнесла только: я его убійца! Онъ дышалъ еще, онъ устремилъ на нее прощальный, безукорный взглядъ и старался схватить ея руку.

Пораженный такою сценою, такимъ феноменомъ, совершившимся въ спальнѣ свѣтской женщины, безмолвно стоялъ графъ, взирая на умирающаго товарища. Трудно было рѣшить, что происходило въ немъ.

Тогда послышался необыкновенный разгромъ суматохи во всемъ домѣ... мигъ — и въ спальню княгини вбѣжалъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, одѣтый по-дорожному, въ военномъ сюртукѣ безъ эполетъ.

То былъ мужъ ея!

Графъ невольно вздрогнулъ отъ такой нечаянности.

Княгиня увидѣла пріѣзжаго, но она не измѣнилась въ лицѣ, она даже не вздрогнула отъ страха, она по-прежнему стояла на колѣняхъ надъ трупомъ. Блѣдно, открыто, благородно, невыразимо-прекрасно было лицо этой женщины. Оно рѣзко обозначало ея нерушимый характеръ и силу любви ея.

Глаза бѣднаго мужа остолбѣнѣли, руки его опустились отъ картины, представившейся ему.

— Боже мой! произнесъ онъ, указывая на юношу, истекавшаго кровью... что̀ все это значитъ? убійство! кровь!! Лидія! Лидія!... Кто этотъ человѣкъ?

Она отвѣчала твердымъ голосомъ:

— Это мой любовникъ!

Говорятъ, будто бы рана Громскаго не была смертельна, будто бы послѣ 4-хъ-мѣсячныхъ страданій онъ совершенно выздоровѣлъ, и на другой день своего выздоровленія, неизвѣстно куда, уѣхалъ изъ Петербурга... Для княгини онъ не существовалъ болѣе: онъ не хотѣлъ вновь смущать ее своимъ появленіемъ! Кто знаетъ, поборолъ ли онъ страсть свою? Вѣрно только то, что любовь *ея* къ поэту была послѣднею очистительною жертвою, которую съ такимъ самоотверженіемъ принесла она на жертвенникъ любви; что остальная жизнь была для нея несносимою цѣпью, тяжкими веригами, страшною карою Провидѣнія, передъ которымъ лежала грѣшница во прахѣ съ кровавыми слезами раскаянія.

ОНА БУДЕТЪ СЧАСТЛИВА.

(ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.)

«. . . 'tis in ourselves, that we are thus or thus. . .»

Shakspeare.

I.

«Есть двѣ вещи безвкуснѣе и холоднѣе льда: юноша мудрствующій и старикъ молодящійся.»

Персидская пословица.

У одного изъ самыхъ модныхъ ресторaторовъ Петербурга, а это было, кажется, въ Февралѣ 183*, пировала въ особенной комнатѣ толпа молодежи. За столомъ, тянувшимся во всю длину небольшой, ярко-освѣщенной комнаты, сидѣло двѣнадцать человѣкъ. Столъ былъ уставленъ опорожненными и полуопорожненными бутылками, красовался стаканами, разкрашенными виномъ, которые мѣшались съ причудливыми рюмками рейнвейна. Видно было, что обѣдъ перешелъ за половину, потому-что уже лица застольниковъ одушевлялись румянцемъ, глаза ихъ сверкали огнемъ и движенія становились вольнѣй и вольнѣй. Уже послѣдовательность рѣчи смѣнялась вспышкой фразъ, разсказъ прерывался восклицаніями. Но во всемъ этомъ еще былъ какой-то порядокъ, еще выдавались минуты тишины, можетъ быть, предвѣстники бури.

Между этой разгульной гурьбой, между этими неразсчетливыми, дерзкими новичками жизни, безразсудно посмѣвавшимися надъ жизнію, былъ замѣшанъ одинъ человѣкъ: ему смѣло можно было дать сорокъ лѣтъ; его черные волосы слишкомъ посереблялись годами; его лицо слишкомъ было изрѣзано штрихами минувшихъ страстей; его глаза, мутные, маленькіе, странно свѣтились изъ-подъ навислыхъ бровей; въ его улыбкѣ, которая придавала ироническій очеркъ лицу его, было горькое разочарованіе, равнодушная безнадежность и еще какое-то ядовитое чувство. Въ петлицѣ темнаго фрака его, сшитаго со всею тонкостью модной взыскательности, пестрѣлъ разноцвѣтный, небрежный узелокъ орденскихъ лентъ.

— Шампанскаго! вскричалъ онъ стоявшему сзади лакею, опрокинувшись на задокъ стула. И его возгласъ повторился двѣнадцать разъ эхомъ.

Бутылку поставили передъ нимъ, онъ отвернулъ рукава и, съ искусствомъ опытнаго знатока, сталъ обрѣзывать ножомъ проволоку.

— Я никому никогда не даю откупоривать шампанскаго, говорилъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку, сидѣвшему противъ него. Теперь для меня осталось только одно это наслажденіе!

— О, гг., прибавилъ онъ черезъ минуту со вздохомъ, обращаясь ко всѣмъ, я долженъ бы смотрѣть на васъ съ завистью, но вмѣсто того, признаться ли, я сожалѣю объ васъ. Скажите, какъ проводите вы свое время въ ваши лѣта, съ вашими средствами! Вы являетесь въ залахъ съ нахмуренными бровями, съ важнымъ видомъ занятыхъ людей, съ мудрыми фразами на устахъ. Вы отыскиваете истину *въ книгахъ*, и забываете великое изреченіе, что истина *въ винѣ*. *In vino veritas!*

— Она здѣсь, гг., продолжалъ онъ, напѣнивая бокалы; напрасно вы будете искать ее въ книгахъ. Она смѣется надъ вашими усиліями. Она играетъ и звѣздится въ этой влагѣ, ловите ее здѣсь...

— Браво, браво! *In vino veritas!* раздалось хоромъ, и бокалы мигомъ были осушены.

Одинъ бокалъ оставался только непочатой. Этотъ бокалъ стоялъ противъ молодаго человѣка, который, облокотясь одною

рукою на столъ, казалось, былъ въ какомъ-то раздумьѣ. Его длинные темные волосы, красиво завитые природой, закрывали половину широкаго лба; его черные большіе глаза выражали раннее утомленіе; его осунувшееся лицо было безцвѣтно, но въ очеркѣ этого лица, но въ этой томности глазъ было такъ много привлекательнаго; еще онъ едва достигъ двадцати-трехъ лѣтъ, а казался пятью или шестью годами старѣе. Въ модномъ покроѣ его одежды было что-то собственно принадлежавшее ему: эта умышленная небрежность, эта невыразимая ловкость, которая скрашиваетъ моду и тотчасъ характеризуетъ человѣка, принадлежащаго къ избранному обществу.

— Ты и не начиналъ своего бокала, Горинъ? это худой знакъ! говорилъ, обращаясь къ нему, сосѣдъ его. Ты, видно, влюбленъ или безъ денегъ. И то, и другое дурно; но теперь не время думать ни о томъ, ни о другомъ. Въ весельѣ должно быть единодушіе, вѣдь ты знаешь:

... одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокалъ!

— Разумѣется! Мы собрались сюда не для того, чтобы мечтать! — Кто заговорилъ о слезахъ? — Къ чорту сентиментальность! — Горинъ, допивай свой бокалъ! кричали каждый отдѣльно и всѣ вмѣстѣ. И въ этомъ хаосѣ словъ громче всего раздавалось пѣнье одного изъ застольниковъ:

Будемъ пить и любить,
Припѣваючи жить
Жизнь на мигъ намъ дана,
Подавайте вина!
Безъ вина — Божій міръ
Не утѣха для глазъ;
Онъ постылъ и унылъ.
Разшатайся-жъ нашъ пиръ,
Чтобы каждый изъ насъ,
До утраты всѣхъ силъ,
Припѣваючи пилъ!

Онъ выпилъ свой бокалъ, и вино снова замахровило верхушки осушенныхъ бокаловъ.

Когда громъ пѣсенъ и восклицаній смолкъ, пожилой человѣкъ, улыбаясь, обратился къ Горину.

— Знаете ли, началъ онъ, глядя на него пристально и поддерживая рукою свой подбородокъ, знаете ли, что въ васъ я вижу представителя нынѣшней молодежи: вы человѣкъ, въ высшей степени заключающій въ себѣ всѣ ея достоинства и всѣ недостатки. Я всегда любуюсь вами и часто негодую на васъ: съ такимъ внутреннимъ образованіемъ, съ такими наружными средствами, съ такою свѣтскою ловкостью, вы часто хандрите, вы всегда бездѣйствуете въ обществѣ. Это непростительно! И между тѣмъ, повторяю, это общій порокъ нынѣшней молодежи. Эхъ, гг., не забудьте: вы призваны кружиться въ гостиныхъ, побѣждать, покорять, торжествовать побѣды, а вы лишаете общество души, тогда какъ должны быть душою его; вы безжалостно оставляете дамъ въ жертву тоски и одиночества: онѣ жаждутъ взглядовъ страсти, словъ любви, и что же находятъ вмѣсто всего этого? Недѣли двѣ тому назадъ, я нечаянно слышалъ, какъ одинъ молодой и, замѣтьте, чрезвычайно образованный и умный человѣкъ, въ продолженіе трехъ-часовой мазурки, очень серьозно разглагольствовалъ съ своей дамой о погодѣ, о скользкости паркета, объ удобствѣ освѣщенія улицъ газомъ....

Хохотъ прервалъ разскащика.

— Кто этотъ любезникъ? вскрикнуло вдругъ нѣсколько голосовъ. — Кто была эта дама? — Гдѣ это было? — И между тѣмъ *оттьчки* шампанскаго вторили крикамъ....

— Поневолѣ станешь хвалить свое время, началъ снова ораторъ, уловивъ минуту тишины. Я имѣю не слѣпое пристрастіе къ прошедшему, не это безотчетное и смѣшное стариковское: «а вотъ какъ при насъ-то бывало!» Нѣтъ, мы въ самомъ дѣлѣ жили не по вашему въ ваши лѣта: мы бѣгали за удовольствіями, мы ловили ихъ на лету, мы отыскивали ихъ на днѣ морскомъ; и ужъ зато намъ некогда было считать времени. Правда, мы иногда ставили послѣдній занятой грошъ ребромъ, но въ насъ кипѣла молодость. Мы извѣдали ее со всѣми безумствами, со всѣми бурями, со всею нѣгою.

— Ваша правда, Свѣтлицкій, перебилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, разваливаясь на стулѣ и заложивъ палецъ руки за жилетъ. Да! поколѣніе нашей молодежи жалкое; но развѣ мы виноваты въ томъ, что судьбѣ угодно было выбросить насъ

не прежде и не послѣ, а именно теперь? Мы составляемъ собою переходъ отъ невѣжества къ истинному просвѣщенію, отъ животности къ высокому познанію самихъ себя, отъ тьмы къ свѣту. Вы жили въ періодѣ младенчества, мы живемъ въ періодѣ дѣтства: вотъ разница между вами и нами! Въ насъ уже проявилось сознаніе, въ насъ уже есть порывы къ ученью, жажда къ познанью — конечно, это уже шагъ впередъ; но мы, дѣти, воображаемъ о себѣ гораздо болѣе и *желаніе* смѣшиваемъ съ *исполненіемъ*. Вотъ откуда должно вывесть тысячи неизбѣжно смѣшныхъ сторонъ нашихъ. Мы между бездѣльемъ и дѣломъ, въ вѣчномъ колебаніи между тѣмъ и другимъ. Я стою за крайности, гг.; разумѣется, крайности лучше; но отъ насъ ли зависитъ выборъ?

— Я не доискиваюсь причинъ вашей нелюбезности, гг., продолжалъ Свѣтлицкій, но говорю только, что̀ есть, что̀ вижу, что̀ мнѣ кажется; говорю потому, что принимаю во всѣхъ васъ участье. Вы черезъ себя теряете все въ обществѣ, вы выпускаете изъ рукъ собственное счастье. Я знаю одну прелестную женщину, одну изъ тѣхъ женщинъ, при появленіи которыхъ слышится въ гостиныхъ говоръ восторга и шипѣніе зависти, женщину съ ангельскою душою и съ огненнымъ сердцемъ, которая очень неравнодушна къ одному изъ сидящихъ здѣсь, съ нами за столомъ.

Свѣтлицкій обозрѣлъ всѣхъ и улыбнулся.

Любопытство выразилось на всѣхъ лицахъ. Лица юношей обратились къ пожилому человѣку съ вопросительными взглядами. Каждый принималъ слова его на свой счетъ, каждый былъ въ ту минуту и гордѣе, и самодовольнѣе. Фантазіи каждаго стали прихотливѣй разыгрываться, воспаляемыя виномъ. Вино заставило вѣрить и довѣрять, вино сорвало цѣпи съ воображенія и пустило его рыскать по волѣ.

— Кто этотъ счастливецъ? — Скажите, кто изъ насъ? пусть ея имя будетъ тайной! — Закладую сто противъ одного, что это или я, или графъ Вѣрскій! — За здоровье счастливѣйшаго изъ насъ! — За здоровье прекрасной незнакомки!

Наконецъ крики слились въ одинъ нестройный гулъ....

— О! въ эту минуту я отдамъ жизнь! воскликнулъ Горинъ, цѣлую жизнь съ безконечною цѣпью наслажденій за одинъ поцѣлуй любви, за одно пожатіе страсти! Скажите мнѣ,

что есть женщина, которая любитъ меня, и я окачу васъ шампанскимъ!

Этотъ возгласъ потерялся въ шумѣ раздвигавшихся стульевъ.

Нѣкоторые встали изъ-за стола и разлеглись на диваны, которые тянулись вдоль стѣнъ. Табачный дымъ, разстилаясь по комнатѣ, задергивалъ туманомъ эту картину.

Тогда пожилой человѣкъ незамѣтно подкрался къ Горину и съ видомъ участья схватилъ его руку. Вино не произвело на него замѣтнаго дѣйствія, онъ былъ свѣжѣе всѣхъ....

— Хотите ли знать имя счастливца? сказалъ онъ молодому человѣку, наклонясь къ его уху; но молчаніе, ради Бога — мертвое молчаніе! Я вамъ ввѣряю тайну женщины.

Онъ съ демонскою проницательностью посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Можете ли вы сомнѣваться?...

— Это вы, вы счастливѣйшій изъ людей! Знаете ли, что въ васъ безъ памяти влюблена Зинаида И*.

Какое-то неизъяснимо - сладкое ощущеніе пробѣжало по тѣлу молодаго человѣка. Онъ не думалъ допрашивать Свѣтлицкаго, какъ и почему извѣстна ему тайна этой женщины. Онъ вѣрилъ ему въ ту минуту вполнѣ; онъ крѣпко сжалъ его руку. Восторгъ задушалъ его. Онъ недавно узналъ эту женщину, но уже отличалъ ее между другими; въ послѣднее время даже замѣтилъ въ ней что-то необыкновенное въ отношеніи къ себѣ: и вдругъ, въ одинъ мигъ передъ нимъ все разгадано, все открыто: и въ какой мигъ? когда воображеніе разливалось по немъ струями огня, когда сердце его било тревогу, когда передъ очами его рисовался идеалъ пламенной женщины.... Онъ хотѣлъ что-то сказать неожиданному вѣстнику своего счастья, но слова не сходили съ языка его и мысли кружились. Онъ снова только сжалъ его руку.

— Шампанскаго! закричалъ тотъ.

— Скорѣй шампанскаго! повторилъ Горинъ, и глаза его засвѣтились полнымъ, невынужденнымъ весельемъ.

— Ай да молодецъ! кричали ему со всѣхъ сторонъ. — Давно бы такъ! — Славно! — Мы всегда видѣли въ тебѣ зачатки прекраснаго! — Ты понимаешь стихіи разгула!

Снова начались выстрѣлы откупориваемыхъ бутылокъ, въ громѣ несвязныхъ словъ, безтолковаго крика, буйныхъ орги-

ческихъ пѣсенъ.... Голоса смѣшивались, крикъ заглушался крикомъ; но въ этомъ хаосѣ голосовъ громче и звучнѣй всѣхъ раздавался голосъ Горина:

— *Она* будетъ моею! она моя!

Наконецъ все смолкло, и звонъ бутылокъ, и крикъ, и неистовыя пѣсни. Табачный туманъ еще ходилъ по комнатѣ, и въ этомъ туманѣ тускло, печально блистали нагорѣлыя свѣчи. Въ ихъ мерцающемъ блескѣ виднѣлись безобразные остатки вакханаліи, жалкія развалины страстей человѣческихъ. Пожилой человѣкъ осторожно пробрался между столомъ и ногами, которыя торчали съ дивановъ. Онъ взглянулъ на столъ, загроможденный пустыми бутылками и грудами битаго стекла, потомъ на помертвѣлыя лица молодыхъ людей, лежавшихъ на диванахъ.... и губы его искривились улыбкою....

— *Она* моя — бормоталъ полусонный Горинъ — моя!...

Это бормотанье дошло до слуха Свѣтлицкаго. Онъ протеръ глаза и, пошатываясь, вышелъ изъ комнаты.

Въ эту минуту стѣнные часы пробили десять....

II.

. . . . . .
«Et l'ange que le ciel commit à votre garde
N'a jamais à rougir, quand. rêveur, il regarde
Ce qui se passe en vous.»

V. Hugo.

Она въ самомъ дѣлѣ очаровательна!... Вы заглядѣлись бы на ея темные, роскошные волосы, иногда упадающіе прихотливыми локонами на мраморъ груди, иногда лежащіе на лбу гладкими, шелковистыми тесьмами; на ея брови, будто проведенныя тонкою, изящною кистью художника; на ея губы тонкія, розовыя, въ которыя бы такъ роскошно впился поцѣлуй; на ея черные глаза.... Но эти глаза, кажется, преслѣдовали бы васъ, какъ ваша собственная тѣнь, какъ судьба ваша, если бы вы хоть одинъ разъ взглянули на нихъ. Они выражали ту неизъяснимую прелесть дѣтскаго простодушія, которую всегда такъ отрадно, но такъ рѣдко встрѣчаешь въ женщинѣ, и между-тѣмъ томились огнемъ страсти, завѣряли въ существованіи земнаго блаженства....

Она въ самомъ дѣлѣ была очаровательна, хотя блѣдность, можетъ быть, слишкомъ рѣзко покрывала лицо ея, хотя въ ея пріемахъ не было этой аристократической, величавой недоступности, которая такъ нравится многимъ. Правда, она и не принадлежала къ аристократическимъ гостинымъ Петербурга: для ея личика, нѣжнаго, идеальнаго, былъ бы тяжелъ сіятельный вѣнецъ. Ея красота не нуждалась въ мишурномъ блескѣ, который слѣпитъ толпу; она не бросалась въ глаза, но говорила душѣ....

Она была очаровательна и въ простомъ утреннемъ пеньюарѣ, когда ея длинную шелковую косу едва придерживала небольшая гребенка, когда ея дивный, роскошный станъ и лебединая грудь скрывались подъ длинною шалью, когда ея маленькая ножка не сжималась башмакомъ, а покойно лежала въ бархатныхъ туфляхъ....

Она была еще очаровательнѣй въ залѣ, когда летала подъ ладъ музыки, едва касаясь паркета, и бѣлый эшарпъ, будто сотканный изъ воздуха, обвиваясь около ея шеи, развѣвался тѣнью облака вокругъ нея.

Многіе называли ее кокеткой, но эти люди не понимали различія между заученымъ кокетствомъ и простодушною игривостью характера. Она не умѣла быть притворною; она никогда не была подъ маской, она не скрывала ни грусти, ни веселья, изъ приличія, изъ познанія свѣтскости. Она покорялась вполнѣ состоянью души: или веселилась съ дѣтскимъ самозабвеніемъ, или открыто скучала... Вотъ почему нѣкоторыя женщины изъ общества, къ которому принадлежала она, собираясь иногда въ длинные зимніе вечера за круглымъ столомъ и, отъ нечего дѣлать, критически перебирая своихъ знакомыхъ, завистливо повторяли объ ней: «она такая простенькая!» Вотъ почему дамы высшаго круга, или, какъ говорятъ теперь, «*высшаго полета*», которыя иногда видали ее въ гостиныхъ, спускаясь изъ милости съ своей недоступной высоты одною ступенью пониже, тономъ отличающаго ихъ равнодушія, смѣшаннаго съ жалостью, говорили: «она была бы не дурна, но въ ея манерахъ такая мѣщанская откровенность!»

Она принадлежала къ одному изъ самыхъ скучныхъ и напыщенныхъ обществъ въ Петербургѣ, къ одному изъ тѣхъ обществъ, въ которыхъ, какъ я сказалъ уже, появляются

иногда дамы высшаго круга, изъ милости, на минуту, сопровождаемыя толпою своихъ поклонниковъ — для того, чтобы открыто показать, что онѣ хотѣли сдѣлать честь своимъ посѣщеніемъ, чтобы блеснуть и исчезнуть, чтобы потомъ отъ души посмѣяться надъ тономъ этого общества, надъ добродушіемъ хозяйки дома и надъ несносными вѣжливостями, которыя она расточала имъ. И согласитесь, что все это очень смѣшно! Женщина, которая готова сдѣлать всевозможныя пожертвованія для того, чтобы видѣть на своемъ вечерѣ даму высшаго тона; которая непремѣнно хочетъ, не разбирая средствъ, сама попасть въ аристократическія гостиныя, тянуться во всемъ наравнѣ съ аристократками, вымѣривать ихъ движенія, подмѣчать ихъ взгляды, подслушивать ихъ разговоры, и потомъ передразнивать ихъ при случаѣ; женщина, которая съ выраженіемъ необыкновеннаго тщеславія и невыразимаго самодовольствія говоритъ своей пріятельницѣ: «у меня была княгиня С*, ко мнѣ назвалась графиня Ф*, на моемъ завтрашнемъ вечерѣ будетъ баронесса Л*» — не правда ли, такая женщина неоцѣненное лицо для комедіи современныхъ нравовъ? Не правда ли, что такое лицо будетъ занимательно и необыкновенно ново на сценѣ?... А отыскать такихъ лицъ въ Петербургѣ вамъ не будетъ стоить многаго труда, если вы попадете въ общество, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь....

И послѣ всего этого, не мудрено, что молодая И* не могла быть любима женщинами ея круга. Ей вмѣняли въ непростительный порокъ простодушіе и самобытность: то, что она, нехотя, рельефомъ выдавалась изъ этого общества, тогда какъ другія, при всемъ стараньѣ выказаться, едва скользили по его поверхности. Между толпою разряженныхъ куколъ, между разцвѣченными автоматами, она одна сверкала жизнью, заворожала сердечностью, разливала окрестъ себя одушевленіе.

И все это несомнѣнно было слѣдствіемъ воспитанія. Воспитаніе развило въ ней чувства, образовало сердце, вложило въ нее душу.... А внутреннее образованіе надѣлило ее наружною прелестью. Вотъ отчего каждое слово этой женщины шло отъ сердца и къ сердцу, каждая рѣчь заставляла задумываться, каждый взглядъ говорилъ душѣ, каждое движеніе дивило непринужденностью. Здѣсь заключалась тайна ея оча-

рованія. Въ осьмнадцать лѣтъ, по приказанію отца, она должна была выити замужъ за гвардейскаго полковника И*, потому-что полковникъ имѣлъ въ виду большія связи. Вы вѣрно знаете, что̀ значитъ имѣть *большія связи*; и кто же не знаетъ этого? Дѣвушка, которая выходитъ замужъ за *человѣка съ связями — дѣлаетъ хорошую партію:* такъ говорятъ въ свѣтѣ. Но полковникъ имѣлъ такія связи только въ виду, а на этомъ бракѣ отецъ основывалъ свое будущее, и упивался восторгомъ при мысли, какъ ярко будетъ рисоваться звѣзда на его черномъ фракѣ, съ какою жадностью будетъ искать его дружбы какой-нибудь директоръ департамента, а иногда, при случаѣ, благосклонно пожимать ему руку даже генералъ-адъютантъ.

Дочь исчезала для него въ блескѣ звѣзды и въ сіяніи генералъ-адъютантскихъ эполетъ.

Зять его принадлежалъ къ тому разряду офицеровъ, которые щегольски носятъ миндиръ, опрыскиваются съ ногъ до головы духами, носятъ на вечерахъ лайковыя перчатки, ловко танцуютъ, ѣздятъ на рысакахъ, безжалостно расточаютъ слова и не могутъ связать въ головѣ ни одной мысли. Замѣчательно, что эти люди, большею частью, слывутъ въ обществѣ любезными. потому-что много говорятъ, и славными товарищами, потому-что много пьютъ. Ко всему этому, полковникъ, какъ говорятъ, былъ человѣкъ *хорошаго тона*, по своей важной осанкѣ и по едва замѣтному киванью головы, когда ему кланялся человѣкъ непринадлежавшій къ обществу, въ которомъ заблагоразсудила поставить его природа. Не знаю, гдѣ и какъ. года за два до того времени, съ котораго начинается мой разсказъ, полковникъ встрѣтилъ Зинаиду К*. *Влюбиться* было для него дѣломъ одного мгновенія. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, онъ съ самодовольной гримасой погладилъ усы, поправилъ хохолъ передъ зеркаломъ, надушился болѣе обыкновеннаго, и съ дерзкою самоувѣренностью отправился въ домъ К* съ рѣшительнымъ предложеніемъ. Тамъ онъ встрѣтилъ отца, который едва не принялъ его съ распростертыми объятіями; но, несмотря на это, желаніе полковника исполнилось не такъ легко и не такъ скоро, какъ онъ думалъ. Зинаида имѣла мать, которая любила ее со всѣмъ самоотверженіемъ, со всею нѣжностью и пылкостью!

Напрасно здѣсь я старался бы передать борьбу этого высокаго, святаго чувства съ бездушностью, съ ядовитымъ эгоизмомъ. Что̀ за польза поднимать закулисныя тайны семействъ для того, чтобы безвременно отнимать у людей, еще не замѣченныхъ рокомъ, еще счастливыхъ невѣдѣніемъ, ихъ теплыя вѣрованія, ихъ свѣтлыя надежды? Для чего говорить имъ, что иногда тамъ, гдѣ они видятъ образцы домашняго счастья, кажется, ничѣмъ ненарушаемаго, всегда такъ отраднаго сердцу — тамъ подъ пріятною улыбкою скрываются кровавыя слезы и въ мертвой тишинѣ ночей разыгрываются драмы, отъ которыхъ при одномъ разсказѣ леденѣетъ кровь и которымъ, право, порой, позавидовала бы современная французская литература.

Какъ бы то ни было, Зинаида К* сдѣлалась женой полковника. Она повиновалась волѣ отца безъ всякаго сопротивленія: она была въ такихъ лѣтахъ, въ которыхъ живутъ только настоящею минутою и увлекаются обольстительной радугой свѣтскихъ игрушекъ. Къ полковнику она не имѣла отвращенія, и этого было довольно. Сердце ея еще не умѣло биться. она еще не возчувствовала самой себя; она была цвѣткомъ, только еще пророчившимъ роскошное развитіе. И все прекрасное, посѣянное въ ней воспитаніемъ, и все высокое, дарованное ей свыше, должно было развиться тогда, когда уже заботливость людей опутала ее неразрываемыми цѣпями. Углублясь впервые въ самое себя, она ужаснулась: свобода ея далеко отлетѣла въ свою родину — небо.... и она даже не видала отлета ея!...

По желанію мужа, Зинаида должна была явиться въ общество. Этотъ скелетъ, обвѣшанный мишурою и побрякушками, принялъ ее въ свои ледяныя объятія. Здѣсь готовился ей второй ударъ: розовые листки ея воображенія сжимались отъ холода, блекли и постепенно облетали. На двадцатомъ году она успѣла испытать многое. Но прелесть жизни еще не такъ скоро оставляетъ насъ: ея черную сторону мы начинаемъ видѣть вполнѣ гораздо позже. Сначала грустныя, тяжкія минуты идутъ рука-объ-руку съ минутами отраднаго забвенія, чистой радости. Въ двадцатыхъ годахъ еще для насъ большая часть сторонъ жизни неразгаданныхъ, темныхъ, а потому привлекательныхъ; еще много развлеченій, еще много

надеждъ. Опытъ не вдругъ, а постепенно, съ истинно злодѣйскимъ наслажденіемъ вырываетъ эти надежды одна за другою.

Женщина въ эти лѣта, несмотря на испытанія, несмотря на душевную боль, еще легка и воздушна какъ Пери, еще радужна какъ бабочка. Она часто порхаетъ въ залахъ съ беззаботною радостью, забывая о тяготѣ своего положенія. Такова была двадцатилѣтняя Зинаида. Люди, толпами окружая ее и любуясь ею, думали: «о, какъ она счастлива!» Они не знали, эти люди, что̀ сторожило ее за дверьми бала. Толпа привыкла смотрѣть на одну только наружность.... такова всегда и вездѣ толпа!

Къ числу этой толпы принадлежалъ и молодой Горинъ, хотя онъ имѣлъ все право выйдти изъ толпы, и по своему уму, и по своему образованію, и по своей наружности. Правда, онъ и выходилъ изъ толпы, какъ *человѣкъ свѣтскій*, но упорно вертѣлся въ кругу ея, какъ *человѣкъ*.... Несмотря на это, тотъ, кто слѣдилъ людей и общество наблюдательными глазами, вѣрно подмѣтилъ бы въ Горинѣ что̀-то такое, много говорившее въ его пользу. Въ его рѣчахъ, покрытыхъ блестящимъ лакомъ свѣтскости, порой проявлялась природная энергія, блестки души. Въ его глазахъ изрѣдка блестѣла поэтическая молнія, страстное одушевленіе. Да! онъ понималъ прекрасное, въ немъ тлѣлась искра божественности, того, что̀ отличаетъ человѣка отъ тысячи людей: но эту искру надобно было отрыть въ пеплѣ ничтожности. Вмѣсто того, чтобы съ высокимъ самоотверженіемъ посвятить жизнь свою человѣчеству, онъ безжалостно истрачивалъ ее въ гостиныхъ. Онъ чувствовалъ пустоту своего положенія, хотѣлъ управлять самъ собою, и между-тѣмъ преклонялся предъ волею другихъ. Сегодня рѣшался онъ выѣхать изъ Петербурга, удалиться отъ развлеченій, уединиться въ самого себя, продолжать образованіе, начатое съ успѣхомъ; а завтра уже забывалъ объ этой мысли, примѣрялъ новый фракъ, вертѣлся передъ зеркаломъ, перемѣнялъ прическу, безпечно насвистывалъ аріи изъ «Донъ-Жуана».

Рожденный *быть чѣмъ-нибудь*, онъ добровольно дѣлался *ничѣмъ*, незамѣчаемо запутывался въ общественныхъ мелочахъ, и даже иногда доходилъ до того, что гордился своимъ

фракомъ, выписаннымъ изъ Парижа, и своимъ короткимъ знакомствомъ съ молодежью высшаго петербургскаго круга.

День уходилъ за днемъ, здоровье и состояніе Горина разстраивались. Театры, балы, раздольные обѣды, оргическіе ужины — это была цѣнь его жизни. Въ двадцать-три года онъ уже скучалъ, сквозь дремоту мечталъ о любви въ обществѣ, потомъ смѣялся надъ самимъ собою и говорилъ, что въ наше время любовь можетъ существовать въ однихъ только романахъ. Но это не была обдуманная мысль, а такъ — фраза, слова, произнесенныя отъ нечего дѣлать, за трубкой табаку, въ эластическихъ креслахъ... Порой, палящая мысль о трудѣ и наукѣ еще пробѣгала по немъ, и онъ вздрагивалъ; но эта мысль была мимолетнѣй зарницы въ черную августовскую ночь.

Было уже около полугода, какъ онъ сошелся съ полковникомъ и сталъ посѣщать его домъ. Въ Зинаидѣ нравились ему, какъ онъ признавался самъ: *миловидное личико* и *манеры хорошаго тона*. Но онъ готовъ былъ раздѣлять мнѣніе княгини М* и замѣчаніе графини Б*, что Зинаида слишкомъ *натуральна*, слишкомъ *наивна*, и что эта наивность часто переходитъ въ простоту. Вотъ до чего Горинъ увлекался свѣтскостью! Онъ готовъ былъ соглашаться съ самымъ нелѣпымъ мнѣніемъ, лишь бы оно было произнесено словами аристократки.

Можетъ-быть, все это покажется очень страннымъ нѣкоторымъ изъ моихъ читателей; но тотъ, кто живалъ въ Петербургѣ, видалъ и наблюдалъ общество, тотъ не станетъ сомнѣваться въ существованіи Гориныхъ.

Такія лица, къ сожалѣнію, не рѣдко встрѣчаются въ петербургскихъ гостиныхъ.... И кто знаетъ, сколько блестящихъ надеждъ погубили эти гостиныя?...

Зинаида, въ первое время знакомства съ Горинымъ, причисляла его къ разряду этихъ существъ, которыя отличаются только важною дипломатическою осанкою въ двадцать лѣтъ, желтыми лайковыми перчатками, богатыми тросточками въ рукахъ, круглыми бакенбардами и вычурными рѣчами; которыя стыдятся знакомствъ съ людьми не ихъ *тона*, хоть будь эти люди надѣлены всеобъемлющимъ умомъ Гёте; которыя, самодовольно прогуливаясь подъ руку съ какимъ-нибудь кня-

земъ, краснѣютъ до ушей, если имъ попадется навстрѣчу и поклонится человѣкъ, не посѣщающій высшихъ обществъ.... Зинаида подмѣтила этихъ безхарактерныхъ, жалкихъ куколъ общества и, какъ женщина, проникнутая высокими, благородными чувствованіями, презирала ихъ. Она съ холодною вѣжливостью обращалась съ Горинымъ и избѣгала случаевъ сближаться съ нимъ. Зато полковникъ былъ отъ него безъ ума, возымѣлъ къ нему безпредѣльную довѣренность, ставилъ его въ образецъ всѣмъ молодымъ людямъ и, разиня ротъ, выслушивалъ каждое его слово. Скоро Горинъ сдѣлался необходимою вещью для полковника, какъ щегольскіе, матовые эполеты для его мундира, какъ зыбкій, роскошный, бѣлый султанъ для его трехъугольной шляпы.

Однажды, въ началѣ длиннаго декабрскаго вечера, полковникъ привелъ Горина въ будуаръ жены своей. Она сидѣла на низенькомъ эластическомъ диванѣ, работы Гамбса, облокотясь одною рукою о столъ; между ея нѣжными бѣлыми пальчиками струились и ниспадали длинные, темные локоны. На столѣ передъ диваномъ стоялъ небольшой бронзовый подсвѣчникъ и въ безпорядкѣ лежали гравюры къ изданію Байрона, снятыя съ прелестныхъ картинъ братьевъ Жоанно. Видно было, что Зинаида, только за минуту передъ тѣмъ, разсматривала эти гравюры и погасила свѣчу. Напротивъ дивана, на мраморной доскѣ камина стояла алебастровая ваза съ томившимся свѣтомъ внутри.

Этотъ свѣтъ слабо, но привлекательно разливался по комнатѣ, будто поэтическій свѣтъ луны. Онъ тонко посеребрялъ тысячи изящныхъ бездѣлокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыхъ принадлежностей будуара. Онъ бросалъ свои блѣдные лучи на очаровательное лицо Зинаиды.

Она обратилась къ вошедшему мужу и легкимъ наклоненіемъ головы отвѣчала на поклонъ Горина....

Полковникъ началъ разсказывать, чрезвычайно важнымъ тономъ, о какомъ-то пустомъ происшествіи, случившемся въ то время въ городѣ, и безпрестанно посматривалъ на своего пріятеля, будто желая получить отъ него одобреніе за искусство разсказа.

Зинаида старалась казаться внимательною, но мысли ея были далеко.... И могли ли занимать эту женщину пошлые

разсказы, анекдоты, дурно сплетенные отъ праздности, которые ежеминутно бѣгаютъ по городу, безпрестанно обновляются и служатъ пищею толпѣ?

Горинъ стоялъ прислонясь къ доскѣ камина.

Утромъ этого дня онъ получилъ одно непріятное извѣстіе, которое было очень близко къ нему. Это извѣстіе заставило его придти въ себя, задуматься, даже вздохнуть о ничтожности своей жизни. Такъ справедливо то, что только въ горькія минуты человѣкъ вполнѣ сознаетъ самого себя, съ стѣсненнымъ сердцемъ развертываетъ передъ собою свитокъ своего прошедшаго и дѣлается собственнымъ, иногда неумолимымъ судьею. Въ эти только минуты онъ возносится надъ вседневными мелочами, окружающими его, и чувствуетъ свое высокое назначеніе.

О, какъ великъ, какъ гордъ, какъ прекрасенъ человѣкъ въ эти минуты! Будто орелъ, онъ величаво возносится духомъ, онъ смѣло говоритъ:

Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!

Смотрите на человѣка и любуйтесь имъ въ эти минуты.... Онѣ мимолетны.... Вдохновеніе вспыхиваетъ какъ молнія, исчезаетъ какъ падающая звѣзда....

Зинаида, выслушавъ длинный разсказъ мужа и разсѣянно перебирая листки гравюръ, спросила его о чемъ-то. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые часто предлагаютъ женщины для того, чтобы замѣстить нѣсколькими словами промежутокъ молчанья, вовсе не заботясь объ отвѣтѣ. Потомъ, можетъ-быть, удивленная тѣмъ, что Горинъ, всегда разсыпавшійся въ рѣчахъ, еще не произнесъ ни слова, она обернулась къ камину, у котораго стоялъ молодой человѣкъ: блѣднѣе обыкновеннаго казался онъ въ полу-свѣтѣ комнаты; грусть придавала невыразимую привлекательность лицу его; въ его глазахъ выражалась душа, въ его положеніи не было этой вынужденной картинности *фата*: онъ весь былъ проникнутъ мыслію, весь озаренъ чувствомъ.

Зинаида не вѣрила глазамъ своимъ: она не хотѣла вдругъ, безотчетно поддаться ихъ обману, и пристальнѣй стала вглядываться въ Горина. Но чѣмъ болѣе смотрѣла она на него,

тѣмъ болѣе открывала въ немъ привлекательности. Боже мой! думала она, неужели это тотъ Горинъ, который безпрестанно вертится какъ флюгеръ по движенію вѣтра, который съ тономъ педантства и безчувственности разлагаетъ теоретически всѣ чувства на длину мазурки или французской кадрили, неужели это тотъ ходячій адресъ-календарь князей и графовъ, каммергеровъ и каммеръ-юнкеровъ?

— Ты сегодня въ самомъ несносномъ расположеніи духа, Валеріанъ! воскликнулъ полковникъ, подходя къ Горину и ударивъ его по плечу. Что̀ съ тобой? Куда дѣвалась твоя обычная любезность? Вотъ ужъ полчаса, какъ ты въ будуарѣ женщины, и еще не вымолвилъ слова.

— Для чего же мнѣ было перебивать *тебя?* я слушалъ! равнодушно отвѣчалъ тотъ.

Полковникъ пріятно улыбнулся.

— Нѣтъ, это что̀-нибудь да значитъ, продолжалъ онъ.... Какая-нибудь тайна! — Я тебя оставлю одного съ Зинаидой.... Мнѣ надо кой-куда съѣздить. Надѣюсь, что ты будешь любезнѣе и не дашь ей почувствовать моего отсутствія.

— Ты, кажется, никуда не хотѣлъ выѣзжать сегодня? замѣтила Зинаида, глядя на мужа съ такимъ выраженіемъ, будто просила его остаться.

— Я тотчасъ ворочусь, произнесъ онъ, пожавъ ей руку и выходя изъ комнаты.

Здѣсь, можетъ быть, кстати будетъ замѣтить, что уже болѣе года прошло, какъ полковникъ былъ женатъ на Зинаидѣ: его любовь продолжалась не долго; онъ сталъ смотрѣть на жену, какъ на необходимую принадлежность своей квартиры.

И гдѣ же ему было оцѣнить эту женщину? Надобно имѣть сердце, чтобы понять другое сердце, надобно чувствовать въ себѣ душу, чтобы почувствовать ее въ другомъ существѣ. Для человѣка понимающаго любовь, для человѣка вполнѣ любящаго, цѣлый міръ заключается въ очахъ избранной имъ женщины; потому-что въ этихъ очахъ отражается душа ея, потому-что эти очи — языкъ сердца.

Полковникъ зналъ, что люди могутъ влюбляться, потому-что онъ самъ былъ влюбленъ. Въ этихъ двухъ словахъ: «*любить женщину*» для него заключался особенный смыслъ.

Часто слыхали, какъ полковникъ, съ важностью человѣка ученаго, говаривалъ, что онъ *матеріялистъ*.

Самое любимое препровожденіе времени его были карты. Въ картахъ онъ былъ истиннымъ артистомъ. Во время игры онъ забывалъ всѣхъ и все. Въ картахъ заключалась его жизнь, его надежды, его настоящее и будущее. На картахъ разыгрывались его фантазіи, развивались мысли. Небольшое вліяніе, которое имѣла Зинаида на мужа въ первое время послѣ брака, съ каждымъ днемъ уменьшалось. Полковникъ скучалъ оставаться наединѣ съ нею, хотя еще старался скрывать это отъ другихъ. Городская молодежь говорила, будто онъ мало измѣнилъ привычкамъ своей холостой жизни. Но на слухи, распускаемые молодежью, не всегда можно положиться....

Вотъ почему онъ такъ равнодушно оставлялъ ее наединѣ съ молодымъ человѣкомъ, раздушеннымъ и ловкимъ, любезнымъ и образованнымъ.

Когда полковникъ вышелъ изъ комнаты, Зинаида, проводивъ его глазами, съ лицомъ свѣтлымъ улыбкою, или, вѣрнѣе, съ лицомъ выражавшимъ желаніе улыбнуться, оборотилась къ Горину.

— Въ самомъ дѣлѣ, произнесла она, я замѣчаю въ васъ необыкновенную перемѣну....

— Вы угадали, отвѣчалъ онъ, не двигаясь съ мѣста и будто говоря съ самимъ собою.

Она посмотрѣла на него значительно.

— Мнѣ наскучило общество, продолжалъ онъ голосомъ, завѣрявшимъ въ истинѣ словъ его; я думалъ найдти въ обществѣ жизнь, облеченную въ мысль и чувство; вмѣсто того я увидѣлъ, что оно трупъ, только разукрашенный нарядными тряпками.

Зинаидѣ странно было слышать такое горькое замѣчаніе объ обществѣ изъ устъ человѣка, для котораго, казалось, все заключалось въ одномъ обществѣ. Могла ли она въ нарядномъ попугаѣ, какимъ до-сихъ-поръ считала Горина, подозрѣвать мысль и наблюдательность? Замѣчаніе это глубоко заронилось въ душу ея, потому-что въ голосѣ его была раздражительность чувства, потому-что въ выраженіи лица его была убѣдительность истины. Ктому же, она хорошо поняла слова молодаго человѣка, потому-что эти слова были выжжены и на

ея сердцѣ. Она впервые узнала, что такое сочувствіе; она догадалась, чего недоставало ей въ жизни: она нашла то, чего такъ давно и напрасно искала. Это была одна изъ счастливыхъ минутъ ея. Лицо Зинаиды загорѣлось румянцемъ, она была плѣнительнѣе и ненаглядѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете объ обществѣ? спросила она послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, глядя на Горина, съ этимъ невиннымъ любопытствомъ ребенка, которое не можетъ не нравиться.

— Я бы желалъ думать иначе, отвѣчалъ онъ, но для этого надобно сбросить пять лѣтъ опытности, пять лѣтъ ежедневныхъ наблюденій, которыя, право, не легко доставались мнѣ.

— А теперь, когда опытъ и наблюденія съ вами, когда вы извѣдали ничтожность, пустоту общества, для чего же вы все еще въ кругу его и, кажется, съ такимъ самодовольствіемъ?

Онъ улыбнулся.

— Потому-что человѣку дана здѣсь одна отрада, безъ которой существованіе его было бы тяжко; эта отрада — надежда. Кто знаетъ, можетъ быть, я встрѣчу въ обществѣ существо, которое пойметъ, отличитъ меня отъ толпы?... Вѣдь мы всѣ живемъ будущимъ....

— И развѣ до-сихъ-поръ я напрасно былъ въ обществѣ, когда въ немъ встрѣтилъ васъ?

Произнеся на вѣтеръ эту одну изъ тысячи свѣтскихъ любезностей, такъ нещадно расточающихся въ гостиныхъ, Горинъ бросилъ на Зинаиду проницательный взглядъ....

Она сидѣла съ поникнутою головкой и одной рукой прихотливо дергала бахрому голубаго платочка, который былъ небрежно кинутъ на ея бѣлую мраморную грудь; другая рука ея, опираясь о диванъ, рисовалась на темной шелковой ткани.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ слышался однозвучный стукъ маятника огромныхъ бронзовыхъ часовъ, стоявшихъ на пьедесталѣ.

Когда Горинъ выходилъ изъ будуара, было за половину двѣнадцатаго. Ни онъ, ни она не замѣтили, какъ пролетѣло время.... Онъ былъ плѣненъ ея свѣтлою, ангельскою наружностью, довѣріемъ ея младенческаго сердца; она, удивлен-

ная, была въ восторгѣ отъ его образованнаго ума, отъ его поэтической души.

Она давно составила въ мысляхъ своихъ идеалъ мужчины. И вотъ теперь этотъ идеалъ такъ неожиданно явился передъ нею, изъ-за отуманенныхъ очерковъ фантазіи; онъ, казалось, переходилъ въ образъ вещественный, изъ мечты въ жизнь....

Съ этого вечера Горинъ замѣтилъ, можетъ-быть, слишкомъ рѣзкую перемѣну въ обращеніи съ нимъ Зинаиды. Свѣтлицкій открылъ ему ея задушевную тайну, которую она боялась открыть даже самой себѣ, но которую тщетно старалась скрыть отъ людей.

И участь этой женщины, и участь этого ангела рѣшалась съ такою дерзостью въ чаду вина, въ безумствѣ опьяненія, въ грязныхъ развалинахъ оргіи!...

III.

. . . «I am not what I am.» . .
Shakspeare.

На другой день послѣ этого буйнаго обѣда, который я только очеркнулъ вначалѣ, избавляя читателей отъ слишкомъ рѣзкихъ и ненужныхъ подробностей, часовъ въ одиннадцать утра, Горинъ лежалъ въ огромныхъ эластическихъ креслахъ, игравшихъ самую важную роль въ его затѣйливомъ кабинетѣ. Такія кресла — необходимая вещь для свѣтскаго человѣка: взлелѣянный нѣгою, въ нихъ покоится онъ, утомясь мятежною игрою страстей, уставъ отъ неизбѣжныхъ своихъ обязанностей. Съ картинною небрежностью прислонивъ свою голову къ подушкѣ этихъ креселъ, такъ удобно падающихъ назадъ, онъ лѣниво развертываетъ въ памяти своей прошедшій день; собираетъ свои отборныя фразы, разбросанныя въ продолженіе этого дня; взвѣшиваетъ эффектъ, произведенный ими, самодовольно улыбается, прихотливо пускаетъ изъ своей длинной трубки огромные клубы дыма. Въ этихъ креслахъ истинно свѣтскій человѣкъ — эгоистъ болѣе чѣмъ когда-нибудь. Разнѣживая только свою физическую жизнь, окружая только свое тѣло роскошью удобствъ, онъ невольно грубѣетъ, онъ, не замѣчая, притупляетъ свои чувствованія, уничтожаетъ высокую

часть самого себя. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, соблазнительно, покойно развалившійся въ такихъ креслахъ, съ ногами, свѣсившимися на богатый коверъ, съ огромнымъ янтаремъ у рта, вдыхающій въ себѣ чары ароматическихъ испареній; человѣкъ, въ воображеніи котораго мелькаютъ разноцвѣтныя, плѣнительныя гирляиды женщинъ, огромныя мраморныя залы, освѣщенныя тысячами огней, ложи перваго яруса во французскомъ спектаклѣ, заказные обѣды у Дюме — не счастливѣйшій ли это человѣкъ въ мірѣ? Скажите, когда, и кстати ли, и не низко ли ему думать о людяхъ, лишенныхъ всего этого, можетъ-быть, со слезами вырабатывающихъ себѣ кусокъ хлѣба? Знаетъ ли онъ о существованіи такихъ людей? Можетъ ли онъ имѣть въ нихъ участіе? Понимаетъ ли онъ, что̀ такое значитъ на языкѣ человѣческомъ горе? О, это слово, вѣрно, съ трудомъ отыщешь въ аристократическомъ словарѣ!...

Къ счастію, Горинъ не былъ вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, онъ только принуждалъ себя быть имъ. Не аристократъ по рожденію, не имѣвшій милліоновъ въ виду, онъ держался въ этомъ раззолоченномъ кругу своимъ рѣзкимъ умомъ и замѣчательнымъ образованіемъ. Онъ могъ сочувствовать несчастію, потому-что могъ самъ легко испытать несчастіе; онъ зналъ людей съ ихъ нуждами, съ ихъ горемъ, и понималъ ихъ страданія. Аристократъ только по одной наружности, онъ былъ гражданинъ во сердцу. Онъ хотѣлъ казаться опытнымъ и равнодушнымъ ко всему, и не былъ ни тѣмъ, ни другимъ на самомъ дѣлѣ.

Пять лѣтъ свѣтской жизни не доставили ему ни одного отраднаго воспоминанія, ни одной счастливой минуты. Онъ только ловилъ на лету плѣнительные взоры этихъ роскошныхъ женщинъ, которыя достаются только или именамъ или выгодамъ, которыя, какъ мотыльки, летятъ на огонь, на блескъ, на золото.

Сердце Горина требовало любви; и какое сердце не требуетъ ея въ двадцатыхъ годахъ? Со всѣмъ жаромъ юноши онъ представлялъ себѣ счастіе быть любимымъ.

Вотъ почему на другой день послѣ извѣстнаго читателямъ обѣда, лежа въ эластическихъ креслахъ, какъ я сказалъ уже, одушевленный словами Свѣтлицкаго, Горинъ не чувствовалъ своего нездоровья. Онъ былъ любимъ: эта неразлучная съ

нимъ мысль, эта поэтическая греза его осуществлялась теперь! — Боже мой! Неужели то не обманъ, не сонъ, не призракъ услужливаго воображенія?... И тысячи этихъ придирчивыхъ *«неужели»* толпились въ отуманенной головѣ Горина.

Невозможно передать ощущеній юноши въ ту минуту, когда онъ въ первый разъ начинаетъ увѣряться въ томъ, что любимъ. Не два раза въ жизни бываетъ такая минута! Уловимы ли тѣ чудныя, пламенныя картины, которыя развиваются тогда передъ глазами его; тѣ яркіе, лазурные, очаровательные цвѣта, которыми разрисовывается для него весь міръ? О, въ эту минуту онъ легче мечты, быстрѣе времени! Онъ переходитъ изъ веществованія въ жизнь, изъ дѣйствительности въ миѳъ....

Горинъ испытывалъ все это. Зинаида была передъ нимъ, увѣнчанная чистыми вымыслами поэзіи: то ослѣпительная какъ солнце, то томная, упоительная какъ луна. Въ одно время — недоступная святыня христіанскаго и чувственная героиня миѳологическаго міра....

Послѣ такой минуты безотчетнаго восторга, цвѣтныхъ видѣній распаленнаго воображенія, въ головѣ его черною тѣнью пробѣжала досадная мысль, что Зинаида не принадлежитъ къ дамамъ высшаго круга, что имя ея не внесено въ бархатную книгу аристократическихъ гостиныхъ. И потомъ, когда онъ, можетъ-быть, устыдился этой мысли, въ немъ зародилось сомнѣніе. Точно ли я любимъ ею? спрашивалъ онъ самого себя, и старался припоминать выраженіе рѣчей ея, силу взглядовъ. Можно ли положиться на слова Свѣтлицкаго? думалъ онъ: и какимъ образомъ этотъ человѣкъ могъ проникнуть тайну женщины?

Но Свѣтлицкій былъ одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ людей, образцы которыхъ вы вѣрно иногда встрѣчаете въ Петербургѣ, и не можете дать себѣ отчета, къ какому разряду причислить ихъ. Являющійся то на именинномъ вечерѣ въ низенькихъ и душныхъ комнатахъ чиновника, то на затѣйливомъ балѣ помѣщика, пріѣхавшаго для взрослыхъ своихъ дочекъ пожить въ столицѣ, то въ пышныхъ палатахъ аристократа; играющій въ вистъ отъ пяти до двухъ-сотъ рублей роберъ; одинаково равнодушный въ выигрышѣ и проигрышѣ; всегда неумолчный говорунъ, движущееся собраніе анекдотовъ

въ разныхъ родахъ; родословная книжка и сводъ формулярныхъ списковъ всѣхъ жителей Петербурга: Свѣтлицкій представлялъ собою одушевленную шараду, которую разгадать было не такъ легко.... Путешествуя по чужимъ краямъ, онъ собралъ поверхностныя свѣдѣнія обо всемъ; могъ три часа сряду говорить непрерываемо о чемъ угодно и бросать пыль въ глаза *многимъ*, которые, дивясь его всеобъемлющимъ знаніямъ, слушали его, разинув рты. Такимъ образомъ, онъ слылъ въ городѣ за человѣка необыкновенно умнаго и даже *ученаго*. Никто не зналъ и не заботился узнать, служитъ онъ или нѣтъ; по крайней мѣрѣ, было достовѣрно то, что онъ служилъ прежде; это доказывали орденскія ленточки въ его фракѣ. Говорили, что онъ не имѣетъ никакого состоянія; но этотъ говоръ врядъ ли былъ основателенъ, потому-что карманъ Свѣтлицкаго былъ всегда набитъ деньгами; потому-что на рукѣ его былъ перстень съ огромнымъ сверкающимъ бриллiантомъ; потому-что онъ одѣвался съ изысканностью, былъ безпрестанно въ театрахъ и концертахъ, велъ большую игру и ѣздилъ въ славномъ наемномъ экипажѣ. Онъ былъ коротко знакомъ со всею петербургскою молодежью, которая, Богъ знаетъ почему, имѣла къ нему довѣренность и для которой онъ былъ чрезвычайно занимательнымъ и почти необходимымъ лицомъ. Носились темные слухи, будто Свѣтлицкій.... Но для чего говорить о слухахъ, которые не подтверждались ничѣмъ?

И Горинъ успокоился немного.... Зачѣмъ, кажется, выдумать Свѣтлицкому на Зинаиду, и именно на нее? Кому же, развѣ мудрено, что этотъ человѣкъ проникнулъ ея тайну: любовь невольно выскажется сама въ одномъ движеніи, въ одномъ взглядѣ.... надобно только умѣть подмѣтить это движеніе, этотъ взглядъ. А онъ проникалъ и не въ однѣ любовныя тайны.... Молодой человѣкъ улыбнулся: онъ пріискивалъ въ головѣ всевозможныя доказательства для подтвержденія отрадной для него мысли. Онъ не могъ вдругъ обнять своего счастія, и грустное сомнѣнье щемило его сердце.

Когда Горинъ дернулъ за ленту звонка и взглянулъ на лежавшіе возлѣ него часы, было уже половина третьяго.

Неохотно приподнялся онъ съ креселъ, и только приподнявшись почувствовалъ головную боль, слѣдствіе вчерашняго пира.

Черезъ день послѣ того, онъ гдѣ-то встрѣтилъ полковника и назвался къ нему обѣдать. Съ этихъ поръ онъ чаще обыкновеннаго сталъ посѣщать домъ его. А полковникъ былъ въ восторгѣ: онъ всѣмъ и каждому разсказывалъ о своей дружбѣ съ Горинымъ и прибавлялъ къ этому свое длинное разсужденіе о эгоизмѣ людей и о томъ, какъ трудно сдѣлать выборъ друга.

Между-тѣмъ Горинъ совершенно измѣнился. Онъ оставилъ эти разгульныя и разрушительныя игры юности, онъ пересталъ ѣздить въ общества, какъ прежде, отъ нечего дѣлать, для того, чтобы убить время. Жизнь его уже имѣла цѣль, имѣла мысль. Послѣ каждаго свиданія съ Зинаидою, онъ открывалъ въ ней какую-нибудь новую обворожительную сторону, которой не подмѣчалъ прежде. Съ каждымъ днемъ она становилась для него привлекательнѣе, и съ каждымъ мигомъ жажда любви росла въ немъ, распаляемая воображеніемъ; но онъ еще не былъ вполнѣ увѣренъ, точно ли она любитъ его. Ему нужны были уже не одни слабые признаки, а полная увѣренность. Это была первая эпоха любви — самая счастливая, самая усладительная! Передъ нимъ лежалъ вѣнокъ, составленный изъ душистыхъ цвѣтовъ мечты и надежды.

Зинаида сначала незамѣтно увлекалась пламенными рѣчами Горина, его роскошнымъ даромъ выраженія, часто этою заносчивостью юнаго чувства; потомъ она стала любоваться его сверкающими очами, привлекательнымъ очеркомъ лица его.... Ей хотѣлось вглядѣться въ него пристальнѣй, чтобы короче ознакомиться съ нимъ. Онъ заманилъ ея любопытство. То обыкновенный паркетный любезникъ, то человѣкъ глубокомыслящій, то досадно равнодушный ко всему, то проникнутый чувствомъ; въ одно время восхищающійся посредственною игрою французской актрисы и благоговѣющій передъ дивнымъ величіемъ Наполеона и Байрона: онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, занимательно страненъ.

Но стараться понять его, но разсматривать его вблизи, не было ли опасно для женщины, окруженной обстоятельствами Зинаиды? Ея любопытство въ этомъ случаѣ не походило ли на любопытство дитяти, которое невинно протягиваетъ свою рученку къ огню, и потомъ вскрикиваетъ отъ боли, обжигаясь?

Однажды, когда въ будуарѣ Зинаиды сомнительное мерцанье сумерокъ смѣшивалось съ красноватымъ фантастическимъ свѣтомъ огня, разгоравшагося въ каминѣ, она раздумчиво сидѣла противъ этого огня, и мысли ея, съ легкостію плѣнительной бабочки перелетая въ очарованный кругъ прошедшаго, порхали съ цвѣтка на цвѣтокъ, съ воспоминанія на воспоминаніе; когда она забывалась въ этомъ мірѣ, имѣвшемъ для нея уже всю поэтическую прелесть отдаленности; когда передъ очами ея возставали свѣтлые, святые образы ея дѣтства; когда грудь ея хотѣла облегчиться долгимъ вздохомъ; когда глаза ея начинали туманиться слезами, и эти слезы засверкали на длинныхъ, темныхъ рѣсницахъ.... дверь будуара скрыпнула.

Она вздрогнула, сердце ея сильно забилось; она съ судорожнымъ движеніемъ поднесла платокъ къ глазамъ и, тотчасъ отдернувъ его, оборотилась къ двери.

У этой двери стоялъ Горинъ, казалось, не смѣя сдѣлать шагъ впередъ, и будто выжидая ея привѣта.

Лицо Зинаиды примѣтно измѣнилось.

— Ахъ, это вы! произнесла она слабымъ, едва слышнымъ голосомъ.

— Простите меня, произнесъ онъ, бросая на нее испытующій взглядъ, можетъ быть, я не кстати прервалъ ваше уединеніе....

— О нѣтъ, нѣтъ.... ничего.... возразила она, но голосомъ замѣтно робкимъ.... Вы видѣли Вольдемара?

— Кажется, его нѣтъ дома, хладнокровно отвѣчалъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ вы правы, его нѣтъ съ самаго утра.... Что̀-жъ вы не сядете?

— Скажите откровенно: я помѣшалъ вамъ....

— Отчего вы такъ думаете? торопливо прервала она. — Право, нѣтъ! — Знаете ли, передъ вашимъ приходомъ я замечталась. — Со мной это часто случается. — Она улыбнулась. — Сегодня утромъ я получила письмо изъ деревни отъ матушки, и мои мысли невольно обратились къ прошедшему. Мнѣ такъ бы хотѣлось въ эту минуту видѣть ее, быть съ нею.... Не правда ли, это простительная прихоть? прибавила она послѣ минутнаго молчанія.

— Теперь я еще больше, еще сильнѣй вижу мою не-

ловкость. Но я, право, нехотя разрушилъ ваши мечты, и, несмотря на то, я безпощадно заслуживаю наказанія.... Неправда ли, я теперь похожъ на тѣхъ злодѣевъ, которые часто своими докучными посѣщеніями, вовсе не подозрѣвая того, вырываютъ лучшія минуты у поэта, минуты его вдохновенія? О, это безбожно! А мечтающая женщина — развѣ не поэтъ? Она еще выше поэта. Она сама вдохновляется и вдохновляетъ другихъ....

Зинаида потупила очи, пригладила рукою гладкія шелковистыя тесьмы волосъ — и отодвинулась отъ камина, потому-что лицо ея пылало....

Горинъ смотрѣлъ на нее и чувствовалъ, какъ могучими кольцами, будто змѣя, страсть обвивала его.... и сильнѣй и крѣпче давила въ своихъ кольцахъ и впускала въ него свое ядовитое жало.... Тутъ онъ впервые понималъ вполнѣ, что мужчина можетъ сдѣлаться рабомъ женщины.

Когда Зинаида подняла очи и украдкою, боязливо, взглянула на него, въ этомъ взглядѣ блеснулъ для него небесный лучъ, радужный лучъ надежды — и сердце его затрепетало, отозвалось на этотъ взглядъ....

— Отчего вы такъ задумчивы?... спросила Зинаида Горина, который, опустивъ свою голову на руку, смотрѣлъ на тѣнь ея ножекъ, соблазнительно лежавшихъ на богатомъ коврѣ.

— Я думалъ, отвѣчалъ онъ, о томъ, что я скоро долженъ или совершенно помириться съ жизнью, или разссориться съ нею навсегда....

— Зачѣмъ же разссориться? возразила она.

— Потому-что съ нѣкотораго времени... я не принадлежу самому себѣ....

Онъ остановился, онъ хотѣлъ договорить ей страстнымъ, пламеннымъ языкомъ очей то, чего не смѣлъ произнести словами, чего не могъ выразить бѣдными условными звуками.

Легкая дрожь пробѣжала по ея тѣлу.

Дрова почти догорѣли въ каминѣ, и только легкій огонекъ, разноцвѣтно и прихотливо перебѣгая, потухалъ, оставляя на черномъ пеплѣ яркія звѣздочки, будто на флерѣ, обсыпанномъ блестками.... Въ будуарѣ было темно....

Зинаида пришла въ себя.... Она теперь только замѣтила,

что будуаръ не былъ освѣщенъ, что она сидѣла наединѣ съ нимъ, и торопливо схватила лежавшій на столѣ колокольчикъ....

— Поскорѣй освѣтить комнаты! сказала она вошедшей горничной.

Черезъ четверть часа, Горинъ, лежа въ коляскѣ, мчался домой.

— Эта женщина несравненна.... но она, кажется, *недоступна* — мыслилъ онъ.

Кровь кипѣла въ юношѣ, и мысли его бродили въ какомъ-то туманѣ, и образъ ея роскошно обнималъ его воображеніе. Въ это время, онъ былъ готовъ на все — за одинъ любовный взглядъ ея....

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Горинъ сдѣлался уже необходимымъ лицомъ въ домѣ полковника. Онъ былъ, какъ говорятъ, *другъ дома*. Можетъ-быть, онъ не сомнѣвался болѣе въ любви Зинаиды, но эта любовь не подвинулась ни на шагъ противъ прежняго. Она съ тяжкою болью таила въ своемъ сердцѣ преступное чувство, она силилась побороть себя и желала отдалить Горина. А эта борьба распаляла его еще болѣе....

Разъ какъ-то, между довольно длиннымъ разговоромъ, который могъ служить прекраснымъ образомъ энциклопедической болтовни гостиныхъ, Свѣтлицкій намекнулъ Горину, что въ обществахъ стали замѣчать его отсутствіе. Горинъ молчалъ. Черезъ нѣсколько минутъ Свѣтлицкій подвелъ разговоръ къ тому же.

— Въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени, говорилъ онъ, васъ почти не встрѣчаютъ ни въ театрахъ, ни въ залахъ. Это добрый знакъ.... Видно вамъ наскучило безъ пользы расточать любезность передъ всѣми. Вы сосредоточились, вы посвятили себя одному предмету. Такъ и должно. Нельзя же вдругъ гоняться за нѣсколькими бабочками.... Не такъ ли?

Онъ засмѣялся и взялъ Горина за руку.

Брови Горина примѣтно надвинулись на глаза... Онъ кусалъ нижнюю губу.

Слова Свѣтлицкаго, равнодушныя, заостренныя холодной ироніей, прикрашенныя натянутымъ смѣхомъ, взбѣсили его, и онъ не могъ скрыть этого.

— А правда, продолжалъ Свѣтлицкій, будто не замѣчая

измѣненія лица молодаго человѣка, правда, я васъ-таки встрѣчалъ въ гостиныхъ.... Гдѣ-бишь это? Да, кажется, у И*. Полковникъ очень милъ, согласитесь? Боже мой! И онъ, онъ имѣетъ такую жену! вѣрьте послѣ этого въ вышнее правосудіе....

Голосъ и лицо Свѣтлицкаго приняли какую-то торжественность....

— Послушайте меня, Горинъ, вы мнѣ всегда нравились, я говорю это не всѣмъ и каждому, повѣрьте мнѣ. Вы человѣкъ благородный, я не сомнѣваюсь въ томъ. Мои лѣта и опытъ не обманутъ меня. Ради Бога, не подавайте всякому безперому птенцу руки для дружбы. Это не мой совѣтъ, я не смѣлъ бы совѣтовать вамъ. Такъ говорилъ старикъ Шекспиръ, а онъ, право, зналъ, что̀ говорилъ.... Не ввѣряйте вашихъ чувствъ никому, я сорокъ лѣтъ трусь съ людьми, я знаю, что̀ такое люди.... Но всего болѣе бойтесь молодежи. Она разнесетъ вашу тайну на своихъ вѣтреныхъ крыльяхъ.... и тогда....

— Я, право, не понимаю васъ; развѣ я имѣю какія-нибудь тайны?

— Полноте скрываться.... Вы знаете, что мнѣ извѣстны ея чувства къ вамъ. Не удивляйтесь, не спрашивайте меня, почему я знаю?... Я вамъ не могу дать другаго отвѣта, кромѣ того, что я живу сорокъ лѣтъ. Она любитъ васъ, это вѣрнѣе всѣхъ аксіомъ въ мірѣ. Подобной женщины вы не встрѣтите въ обществѣ, я ручаюсь вамъ.... Ея мужъ самое глупое животное. Ктому же, онъ день-ото-дня равнодушнѣй къ ней....

Свѣтлицкій осмотрѣлся кругомъ, наклонился къ уху молодаго человѣка и едва слышно произнесъ:

— *Она будетъ ваша!*... Вы вѣдь также любите ее?...

Горинъ видѣлъ, что скрываться ему отъ этого человѣка напрасно. Онъ даже былъ тронутъ его участіемъ и дружески пожалъ ему руку....

— Да, я люблю ее! произнесъ онъ сквозь зубы.

И вотъ одна минута рѣшила все. Свѣтлицкій сдѣлался его повѣреннымъ; онъ отдалъ себя въ его руки.

— Прекрасно! все покровительствуетъ вамъ. Мужъ съ утра до ночи внѣ дома, съ ночи до утра за картами.... О, вы должны развернуть передъ нею новый міръ, заставить

узнать ее, что̀ такое *счастіе*, окружить ее, эту бѣдную женщину, душистыми розами любви, задернуть для нея *прошедшее* и....

— Свѣтлицкій! вы забываетесь! прервалъ его молодой человѣкъ съ жаромъ. Она не принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, которыхъ встрѣчаете дюжинами повсюду: ее не ослѣпишь грудою брилліянтовъ, ее не расплавишь огнемъ очей. Ея нервы не раздражены ароматическими испареніями, какъ у княгини С*, она не распустится, какъ княгиня розовой водой, отъ одного прикосновенія страсти.... Нѣтъ! вы знаете, что Зинаида вооружена религіей, надѣлена высокими чувствованіями чистой души.

Свѣтлицкій наклонился, будто поправляя запонку рубашки: онъ улыбался.

— Гм! вы правы, возразилъ онъ. Чистая душа, религія, все это такъ: но вѣдь съ такими женщинами надобно и дѣйствовать иначе.... На одной половинѣ вѣсовъ небо, на другой земля.... О, вѣрьте мнѣ, земля тяжелѣе, земля всегда перетянетъ.... Можетъ быть, лишній мѣсяцъ колебанія, боренія, а страсть всегда возьметъ свое.... Ну, да это дѣло рѣшеное. Гдѣ вы сегодня обѣдаете, Горинъ?...

— А который часъ?

— Ужъ половина пятаго.

— Поѣдемте къ Дюме.

— Меня, было, звалъ сегодня обѣдать баронъ М*.

— О, нѣтъ! нѣтъ! я не пущу васъ.... Мы вмѣстѣ.

И вотъ Свѣтлицкій, почти всякій день, пировалъ такимъ образомъ на счетъ неопытности и дѣтскаго довѣрія ближнихъ. И послѣ этого не справедливо ли пользовался онъ громкимъ титломъ умнаго человѣка?

Слово «*умный*» на языкѣ свѣтскомъ имѣетъ особенное значеніе. Да и впрочемъ много ли словъ, которыя принимаются на этомъ языкѣ въ прямомъ ихъ смыслѣ? Свѣтскій языкъ совершенно условный, и надобно быть посвящену въ таинства этихъ условій, чтобы совершенно понимать его.

Кто не позавидуетъ тѣмъ, для которыхъ закрыта книга свѣта, для которыхъ непонятны и чужды условія общества? Пріятно глядѣть на Божій міръ свѣтлыми очами юности, видѣть во всѣхъ высокій идеалъ человѣка, возстающій такъ

гордо и привлекательно въ дѣвственномъ воображеніи юноши, обнимать людей отъ полноты сердца, носить въ груди святое желаніе принести себя въ жертву человѣчеству, не знать другой поэзіи, кромѣ поэзіи Шиллера!

Почему же называютъ несчастіемъ рановременную кончину?... Если вы когда-нибудь нечаянно зайдете на кладбище, если, утомленные, уснете на могилѣ, и сонъ вашъ будетъ легокъ и безмятеженъ какъ майское утро, и слухъ вашъ освятится гармоническимъ пѣніемъ ангеловъ въ воздушномъ пространствѣ: вѣрьте мнѣ, вы были на могилѣ семнадцатилѣтняго юноши!

Но небо только удѣлъ избранныхъ, остальные должны страдать и переносить страданія. Опытъ развернетъ передъ ними картину, отъ которой, можетъ быть, сердце ихъ обольется кровью; опытъ сорветъ маски съ людей, которые окружаютъ ихъ, и, вмѣсто сладкаго радушія и увѣреній въ горячей привязанности, они увидятъ ледяной эгоизмъ и невыносимую бездушность, вмѣсто восторженнаго поцѣлуя друга — ядовитый поцѣлуй Іуды. Опытъ покажетъ имъ на черныя, закулисныя дѣянія этихъ людей, которыхъ всѣ считаютъ героями правды, чистыми и непогрѣшительными, на людей, съ такимъ энтузіазмомъ проповѣдующихъ о добродѣтели и нравственности. Опытъ шепнетъ имъ на-ухо, что люди, въ теплотѣ души которыхъ они никогда не посмѣли бы сомнѣваться, эти чинные, тихіе, опрятные люди, которые ужасаются торжества порока въ романахъ и неизмѣняемо носятъ пѣтушій хохолокъ на головѣ, оскорбляясь всѣми нововведеніями, которые всегда сидятъ за книгой и говорятъ безпрестанно о книгахъ — непонятно равнодушны и къ людямъ, и къ книгамъ, и ко всему въ мірѣ, исключая собственной пользы. И въ заключеніе всего этого, разрушительный, мрачный геній Байрона стѣною наляжетъ на грудь ихъ!...

Надежды и очарованія юности зальются отравой познанія, увянутъ въ удушливомъ чаду общества. Юноша сдѣлается мужемъ.

Горинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ характеровъ, по которымъ впечатлѣнія могутъ долго скользить, не нарѣзывая морщинъ на челѣ. Ктому же жизнь такъ соблазнительно улыбалась передъ нимъ, и онъ съ самозабвеніемъ

кружился въ толпѣ, а невѣдомое грядущее *зрѣло* для него въ *лонѣ таинственныхъ судебъ.*

«Свѣтлицкій — человѣкъ чудесный!» думалъ онъ, стоя передъ зеркаломъ и поправляя булавку, которая запиливала длинные концы его галстуха: «совѣты его дышатъ мудростью, каждое его слово извлекается изъ опыта. Такіе люди, какъ онъ, чрезвычайно полезны!»

— Эй, велите подавать коляску!

И онъ, вооруженный совѣтами Свѣтлицкаго, несся, по обыкновенію, къ И*, и, по обыкновенію, просиживалъ съ Зинаидой цѣлый вечеръ. Если его не было до осьми часовъ въ ея будуарѣ, она всегда, съ примѣтнымъ безпокойствомъ, начинала поглядывать на часовую стрѣлку и прислушиваться къ стуку экипажа на улицѣ. Она такъ привыкла къ нему, онъ былъ такъ необходимъ для нея, потому-что ему одному она повѣряла съ младенческою довѣренностью свои мысли и замѣчанія. Онъ такъ хорошо понималъ ее. Она мечтала видѣть въ немъ — друга!

Иногда, увлеченная пылкостью спора, съ сверкающими очами, съ разгорѣвшимися щечками, она — вдохновенная и прекрасная — незамѣтно схватывала своей бѣлой, нѣжной ручкой его руку.... По немъ пробѣгалъ трепетъ отъ этого прикосновенія.

Равнодушный къ обязанностямъ религіи, какъ большая часть молодыхъ людей въ этомъ вихрѣ общественныхъ отношеній, Горинъ, казалось, вдругъ измѣнился. Конечно, то не было раскаяніе, сознаніе прежнихъ заблужденій, желаніе искупить грѣхи прошедшаго, а можетъ-быть новый и болѣе тяжкій грѣхъ. Церковь, домъ молитвы и покаянія, сдѣлалась для него средствомъ видѣть Зинаиду, которую онъ слѣдилъ повсюду. Но прислонясь къ колоннѣ храма, незамѣченный ею, Горинъ, не спуская очей, смотрѣлъ на нее, смиренную и молящуюся, и познавалъ, что̀ такое святыня.

Женщина, съ лицомъ ангела, на колѣняхъ передъ Божіимъ алтаремъ, въ прозрачномъ облакѣ куренія, съ слезами раскаянія или умиленія на очахъ, съ устами, лепечущими сердечную молитву, внимающая торжественное, звучное пѣніе, хвалебные гимны человѣка Богу, улетученные вѣщими звуками и возносящіеся къ престолу Его — женщина, въ эти минуты,

полная священнаго трепета, вся — покорность, вся — любовь, вся — вѣра: вотъ когда она несравнима, величественна!

Такова была Зинаида во храмѣ.

— Знаете ли, сказала она однажды Горину, я не могла бы существовать безъ религіи, мои дни были бы тяжки и грустны безъ молитвы. Но теперь я часто забываю обязанности къ Богу, а теперь-то болѣе чѣмъ когда-нибудь мнѣ нужна Его помощь.

Она вся вспыхнула, будто испугавшись, что молодой человѣкъ проникнетъ таинственный смыслъ ея словъ, и тотчасъ перемѣнила разговоръ.

Горинъ не слыхалъ ничего болѣе: эти слова и это смятеніе завѣряли его въ настоящемъ счастіи и, можетъ-быть, предзнаменовали будущее блаженство.

Въ это самое время полковникъ, заманенный большимъ выигрышемъ въ одномъ изъ такихъ домовъ, гдѣ собирались всѣ знаменитости картежнаго петербургскаго міра, лица прославленныя и ославленныя картами, предался игрѣ еще съ бо̀льшимъ энтузіазмомъ. Онъ составлялъ въ головѣ своей блистательную для себя будущность, ему всюду мерещились груды золота. И полковникъ былъ правъ. Одно только золото могло поддерживать его въ свѣтѣ, одна надежда на выигрышъ. Состояніе его не было такъ велико, чтобы могло поддерживать жизнь, какую онъ привыкъ вести, а обстоятельства успѣли измѣниться — и *связи* и *высшая протекція*, за которыя отецъ Зинаиды отдалъ ее полковнику, уже не могли болѣе лелѣять ихъ воображеніе. Бѣдный отецъ поздно увидѣлъ и почувствовалъ свою ошибку. Онъ поневолѣ сдержалъ свои честолюбивыя фантазіи, и сталъ заботиться только о вещественномъ и настоящемъ, т. е. объ удержаніи за собой подолѣе губернаторскаго мѣста, которое онъ получилъ вскорѣ послѣ замужества своей дочери.

Въ концѣ мая окна квартиры полковника были забѣлены мѣломъ, потому-что онъ и жена его переѣхали на дачу.

Старинный, деревянный домъ этой дачи, выстроенный со всѣми затѣями роскоши золотыхъ временъ Екатерины Великой, возвышался на горѣ, или, вѣрнѣе выражаясь, на искусственной насыпи. Окруженный сзади вѣтвистою рощею березъ, онъ былъ совершенно открытъ съ лицевой стороны,

мимо которой тянулась большая Петергофская дорога. Противъ самаго дома, на скатѣ пригорка, пестрѣли разноцвѣтныя клумбы — блѣдное богатство сѣверной флоры, а по другую сторону дороги исчезала вдали къ морю аллея, сжато обсаженная разросшимися ивами.

Внутренность дома гармонировала вполнѣ съ его наружнымъ видомъ: большія, мрачныя комнаты, обтянутыя полинялыми отъ времени штофомъ и обоями, и паркетъ, составленный изъ разноцвѣтныхъ разщелявшихся кусочковъ.

Въ залѣ, которой окна выходили на сторону дороги и изъ которой дверь, въ серединѣ фасада, вела на массивную галлерею передъ домомъ — въ этой залѣ прямо бросался въ глаза огромный каминъ изъ каррарскаго мрамора, изукрашенный самыми вычурными барельефами.

Зинаида, изо всѣхъ этихъ огромныхъ комнатъ, выбрала для своего будуара одну, которая располагалась чрезвычайно уютно надъ залой, въ широкомъ мезонинѣ дома. Изъ окна этой комнаты виднѣлась сизая, взволнованная полоса моря, утопавшаго въ туманѣ.

Ея взоръ часто, разсѣкая воздушное пространство, останавливался на этой полосѣ моря и, убаюканный его колебаніемъ, сливался съ неопредѣленностью. И долго, долго потомъ, пригорюнясь, съ очами, устремленными въ мутную даль, безъ мечты, безъ мысли, безъ думы, въ состояніи совершенно безотчетномъ, но глубоко поэтическомъ, она сидѣла у окна будуара.

Она любила море: его болѣзненный стонъ, его прихотливые всплески, его благородную гордость; все это было близко съ порывами ея души. И какъ не любить моря? И какъ не плѣняться порой дикою поэзіей сѣвера?... Взгляните на эту темную рощу елей у самаго поморья, такъ рѣзко отдѣляющуюся отъ сѣраго неба. То кажется грозный отрядъ великановъ, то отважная ватага черныхъ латниковъ, жаждущая бурь, посмѣвающаяся надъ вьюгами и морозами, и остановившаяся впервые, въ какомъ-то благоговѣйномъ раздумьѣ, передъ величіемъ и необъятностью моря, и угрюмо помавающая ему своими щетинистыми главами.

Выдаются минуты и въ жизни человѣческой, когда сердце требуетъ только впечатлѣній грустныхъ, когда глаза ищутъ величія и дикости, а въ такія минуты идите къ морю. Оно

своимъ стономъ заглушитъ стонъ вашего сердца, оно будетъ взрывать передъ вашими глазами страшныя, черныя бездны и подымать горы, ограняя серебромъ ихъ вершины....

О, въ такія минуты изучайте красоту русской природы и прислушивайтесь къ звучнымъ напѣвамъ заунывныхъ пѣсенъ русскаго народа!

Сроднитесь съ этой поэзіей, она прекрасна, потому-что истинна, потому-что невольно щемитъ сердце, потому-что невольно извлекаетъ слезу.... И послѣ улыбнитесь на эти жалкія усилія людей, которые во время оно величались у насъ *поэтами* и съ такими забавными гримасами *натягивались страдать и плакать!*

Зинаида часто стояла у берега моря; часто, сидя за фортепіано и отдаваясь вся гармоніи своенародныхъ звуковъ, не докончивъ пѣнья, смолкала, и слезы, одна за другой, будто свѣтлыя жемчужины, падали на клавиши, потому-что она отыскивала какой-нибудь звукъ, на который сердце ея отвѣчало другимъ отзывнымъ звукомъ....

Горинъ не могъ уже такъ часто бывать у Зинаиды; но его пугало не разстояніе, потому-что для любви нѣтъ разстоянія, но вѣроятно мысль, что онъ подастъ поводъ къ этимъ невиннымъ и простодушнымъ замѣчаніямъ и разсказамъ, которые можетъ-быть довели до гроба не одну женщину.

Общество всегда имѣетъ своихъ «*Княженъ Мими*»: и какъ избѣжать ихъ дозора? и какъ спастись отъ нихъ?...

Въ одинъ изъ его пріѣздовъ на дачу П* — (это было, кажется, въ іюлѣ, въ то время, когда полковникъ расточалъ свою храбрость на манёврахъ) — часовъ въ восемь прекраснаго вечера, *онъ* и *она* сидѣли на галлереѣ, обставленной цвѣтами, которые картинно спускались по ступенямъ этой галлереи къ красной дорожкѣ сада.

Мимо ихъ, по большой дорогѣ, изрѣдка проѣзжала огромная четверомѣстная карета, запряженная чахоточною, ямскою тройкою, или мчалась четвернею коляска, исчезая въ облакѣ пыли, или тянулась пустая телѣга со скрыпомъ и протяжною пѣснью крестьянина....

Въ воздухѣ, растворенномъ ароматомъ цвѣтовъ, была совершенная тишь; только порой кой-гдѣ на деревѣ шевелился листочикъ отъ дуновенія. Природа начинала нѣжиться въ тон-

кой прохладѣ, едва избавясь отъ удушающаго жара, но еще на лицѣ ея горѣлъ яркій румянецъ заката.

— Знаете ли, какое самое счастливое время въ жизни? говорилъ Горинъ задумчиво, ощипывая листки цвѣтка, который онъ вертѣлъ въ рукѣ.... Это переходъ изъ дѣтскаго въ юношескій возрастъ, это первый шагъ изъ школы въ гостиную, когда воображеніе представляетъ передъ нимъ чудныя картины будущаго, когда всѣ предметы, кажется, разрисовываются передъ нами радужными красками, когда сердце ваше бьется ожиданіемъ и надеждою.... И я былъ счастливъ, потому-что испыталъ все это....

— А развѣ теперь вы несчастливы? возразила она шутя. О чемъ вы грустите, на что̀ вы вѣчно жалуетесь, будто русская элегія? Развѣ ваше настоящее такъ черно, развѣ для васъ нѣтъ будущаго?

— И *вы* меня спрашиваете объ этомъ?

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Да, я думаю, что для меня нѣтъ счастія ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, потому-что оно давно въ рукахъ другаго.... а этотъ другой....

Если бы вы могли въ ту минуту видѣть бѣдную Зинаиду.... Блѣдная, помертвѣлая, она внимала его рѣчамъ; каждое его слово падало раскаленнымъ углемъ на ея сердце; она безпрестанно вздрагивала, она хотѣла скрыть волненіе—и не могла. Она хотѣла не понимать смысла словъ его—и такъ хорошо понимала этотъ смыслъ. Идеалъ друга исчезалъ передъ ея глазами: передъ ней стоялъ любовникъ. Она чувствовала себя на краю бездны, она смотрѣла въ глубину ея—и ея дыханіе захватывалось невольно, и голова ея начинала кружиться.

— Какъ здѣсь сыро, какъ воздухъ становится холоденъ! произнесла она безотчетно, безцѣльно, не зная сама, что̀ говоритъ....

Но она боялась одного слова въ устахъ его, она желала отдалить отъ себя его признаніе. Она искала вокругъ себя опоры, защиты, и видѣла себя оставленною, одинокою.

— Матушка! матушка! зачѣмъ ее нѣтъ здѣсь?... О, она спасла бы меня, думала Зинаида.... Я разлилась бы въ слезахъ на груди ея, и мнѣ стало бы легче!..

Горинъ не видѣлъ измѣненія ея лица, не видѣлъ, какъ

очертилась на немъ мучительная боль; подстрекаемый совѣтами Свѣтлицкаго, воспламеняемый собственною страстію, уже увѣренный въ любви къ нему Зинаиды, онъ рѣшился, не отлагая, открыть ей состояніе своей души и вымучить отъ нея доказательствъ любви болѣе земныхъ, болѣе вещественныхъ.

Хотя онъ думалъ, что уже довольно знакомъ съ обществомъ; но, въ самомъ дѣлѣ, это знакомство было слишкомъ поверхностно, потому-что онъ зналъ его только наружно, изучалъ его только въ обрядахъ и формахъ. Онъ зналъ женщину по романамъ Бальзака или по драмамъ А. Дюма; сказать ли все? онъ отыскивалъ въ петербургскихъ обществахъ Аделей Дерве, графинь де-Босеанъ.... но, разумѣется, стыдился признаваться въ этомъ. Правда, все это было очень смѣшно, но и естественно: Горинъ имѣлъ двадцать-три года и раздражительную мысль о любви. Онъ смотрѣлъ съ грустнымъ негодованіемъ на людей и на жизнь; но то не было желѣзное, страшное разочарованіе опыта, о которомъ я уже намекнулъ здѣсь, а скорѣе *воздушная мечта о разочарованіи*, схваченная изъ нравоописаній современнаго парижскаго общества и странно приспособленная къ собственной жизни.

Онъ никогда не углублялся внутрь, не проникалъ въ душу того общества, въ которомъ самъ начиналъ быть дѣйствователемъ. Онъ не зналъ, что для этого нужно прежде задуматься надъ самимъ собою, разложить самого себя. Если въ Петербургѣ онъ бывалъ въ будуарахъ, одинаково меблированныхъ съ парижскими будуарами Бальзака, изъ этого не слѣдовало, чтобы тѣ, которымъ принадлежали эти будуары, непремѣнно походили на героинь временъ реставраціи. А онъ почти соединялъ одно съ другимъ.

Какъ же ему было знать русскую женщину, ея отношеніе къ обществу; какъ открыть въ ней тысячи незамѣтныхъ сторонъ, которыя развиваются изъ своенародной жизни?

Все это я замѣтилъ здѣсь мимоходомъ, говоря о Горинѣ и желая показать, что онъ не понималъ и не оцѣнялъ вполнѣ души женщины, которую любилъ, и не заботился измѣрить силу своей любви къ ней.

Увлекаясь горячкою страсти, онъ слѣпо покорился ея разрушительному влеченію, какъ большая часть молодыхъ

людей, пренебрегая послѣдствіями, забывая о будущемъ.... Какъ дитя, онъ держалъ въ рукахъ найденную имъ игрушку и, любуясь ею, можетъ-быть, готовъ былъ безъ жалости разломать ее по минутному влеченію прихоти.

Но и дитя, когда игрушка выпадаетъ изъ рукъ его и распадается на части, стоитъ надъ обломками съ упрекомъ себѣ, съ горькимъ сознаніемъ своей шалости — и по розовымъ щечкамъ его катится слеза за слезой.... Горинъ, прислонясь къ столбу галлереи, возлѣ стула Зинаиды, влюбленный и прихотливый, приступилъ къ рѣшительному открытію всего, что таилось такъ долго на душѣ его — и читатели видѣли, съ какимъ страхомъ она выслушивала его.

Когда до слуха молодаго человѣка дошли слова ея, странно прервавшія его пламенную рѣчь, вмѣсто отвѣта, который выжидалъ онъ съ трепетомъ, слова, выхваченныя изъ вседневнаго обихода: «здѣсь сыро, воздухъ становится холоденъ!» — кровь бросилась въ голову молодаго человѣка.

Подойдя къ двери, которая вела въ залу, отворивъ эту дверь и оборотясь къ Зинаидѣ, съ выраженіемъ рѣзко ироническимъ, онъ произнесъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, вы можете простудиться, такъ долго оставаясь на галлереѣ, и еще наединѣ съ человѣкомъ, разговоромъ котораго вы такъ скучаете.... Не угодно ли вамъ войти въ комнату?...

Она бросила на него быстрый и значительный взглядъ и, не произнеся ни слова, вошла въ залу.

Горинъ вошелъ вслѣдъ за нею и притворилъ дверь.

Она сѣла, или, вѣрнѣе сказать, бросилась въ широкія кресла и устремила безцѣльный взглядъ на огромную картину въ старинной, уже почернѣвшей золотой рамѣ, висѣвшую на противоположной стѣнѣ.

Онъ взялъ со стола свою шляпу и сдѣлалъ шагъ, чтобы подойти къ Зинаидѣ съ прощальнымъ поклономъ.

Она замѣтила это движеніе и оборотилась къ нему.

— Какъ! неужели вы сбираетесь ѣхать? спросила она слабымъ голосомъ. Развѣ вы не хотите остаться здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, до чаю?

— Мнѣ кажется, я и безъ того обезпокоилъ васъ.... Я

не привыкъ быть въ тягость другимъ.... А длить посѣщеніе можно только тогда, когда оно доставляетъ удовольствіе.

Она тяжело вздохнула.

Этотъ вздохъ противъ воли вырвался изъ стѣсненной груди ея, можетъ-быть обнаруживъ всю тягость положенія беззащитной женщины.

Богъ знаетъ, былъ ли понятъ и почувствованъ молодымъ человѣкомъ этотъ болѣзненный вздохъ?

Но онъ отбросилъ свою шляпу на диванъ и, съ быстрымъ движеніемъ, придвинулъ кресла къ ея кресламъ.

— Если вы позволите, я остаюсь, произнесъ онъ голосомъ, который отражалъ сильное душевное волненіе, и остаюсь для того, чтобы объяснить вамъ причину моего грустнаго, *элегическаго* состоянія, какъ вамъ угодно было выразиться....

Она вздрогнула.

— Четверть часа терпѣнія — не болѣе! я не утомлю васъ моимъ разсказомъ; я знаю, что женщины скучаютъ выслушивать длинныя объясненія, точно также, какъ читать длинные романы....

И онъ очеркнулъ передъ Зинаидой картину своей жизни смѣлыми и рѣзкими штрихами, выразительно, но безъ подробностей, понятно, но быстро. То была заглавная виньетка къ современному роману, плѣнительная виньетка Тони Жоанно. Онъ передалъ ей эти заповѣдныя тайны души, которыя передаются только испытанному другу или любящей женщинѣ.

Когда онъ кончилъ, минута молчанія длилась долго — и Зинаида сидѣла все съ потупленными очами; только густой румянецъ, покрывавшій ея щеки, обличалъ въ ней волненіе сильнѣй прежняго — и Горинъ, смотря на нее, думалъ проникнуть: что̀ значитъ это волненіе?

— Теперь вы видите, продолжалъ онъ, что̀ такое я, и возьмете на себя трудъ объяснить мои странности въ отношеніи къ вамъ.... Да, я только страненъ здѣсь, въ этой комнатѣ, съ вами.... О, рано или поздно, я долженъ былъ говорить съ вами откровенно.... теперь, сію минуту, я чувствую болѣе смѣлости, чѣмъ когда-нибудь.... Тысячу разъ, сидя наединѣ съ вами, я хотѣлъ произнести — и не смѣлъ....

Выслушайте же меня теперь: вы видите, я очень несчастливъ... Я люблю васъ!...

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ ее. Она сидѣла не шевелясь, холодна и безчувственна, какъ могильный мраморъ; только эта рука, которую цѣловалъ онъ, дрожала подъ страстнымъ поцѣлуемъ юноши.

Вдругъ, слезы вырвались, долго удерживаемыя слабою волею женщины; она встала съ креселъ съ быстрымъ движеніемъ, но это движеніе, эта быстрота были благородно плѣнительны.

Поправивъ локонъ волосъ, упадавшій на глазъ и смоченный слазами, она подняла голову съ какою-то невыразимою величавостью.

— Г. Горинъ, проговорила она довольно твердымъ голосомъ, я никогда не перестану упрекать себя за опрометчивость: я поступила очень безразсудно, ища вашей дружбы. Я, можетъ-быть, подала вамъ поводъ думать, что не считаю ни-во-что свои обязанности. И вотъ почему вы считаете себя въ правѣ говорить мнѣ то, чего я не должна была слушать.... Г. Горинъ, я имѣю мужа, и могу быть матерью семейства.

Молодой человѣкъ, окаменѣлый, стоялъ середи комнаты. Видно было, что онъ вовсе не ждалъ такой развязки.

Потомъ онъ обернулся вокругъ себя: въ комнатѣ уже никого не было....

IV.

«Но можешь ли язвить ты такъ издалека,
Какъ злой языкъ клеветника,
Отъ коего нельзя спастить ни за горами,
Ни за морями?

П. А. Крыловъ.

Мелкій, осенній дождь разстилался густымъ туманомъ.

Фонари едва виднѣлись въ опустѣлыхъ улицахъ Петербурга.

Въ одной изъ улицъ, обитатели который вѣрно наслаждались уже полнымъ спокойствіемъ сна, среди темныхъ оконъ тускло свѣтился огонекъ въ одномъ только окнѣ. То былъ

огонекъ блѣдный, слабый, мерцающій; огонекъ, наводящій грусть, а не бросающійся въ глаза вдругъ, весело, когда вы окружены удушливой тьмой.

У кого и зачѣмъ мерцалъ этотъ огонекъ?

Не была ли то лампада, затепленная усердіемъ передъ огромнымъ образомъ простодушнаго, бородатаго и богобоязливаго купца?

Не былъ ли то сальный огарокъ, мутно освѣщавшій чахоточную, судорожную фигуру человѣка, дрожавшаго надъ грудами золота?

Не была ли то прозрачная, тонкая восковая свѣча въ изящномъ бронзовомъ подсвѣчникѣ, въ раздушенной спальнѣ очаровательной женщины, которая, пользуясь тишиною и тайною ночи, съ робостью зажгла эту свѣчу, безпрестанно озираясь кругомъ себя, чтобы перечитать въ десятый разъ записку своего любовника?

Правда, то былъ сомнительный свѣтъ ночной лампады въ спальнѣ, у постели женщины, но женщины чистой и святой, у изголовья, безмолвно, безропотно омочавшагося горькими слезами.... въ спальнѣ Зинаиды!

Блѣдная, облокотившаяся на столъ, въ бѣломъ легкомъ ночномъ пеньюарѣ, съ длинными волосами, опускавшимися на обнаженную грудь, она съ необыкновеннымъ одушевленіемъ пробѣгала строки какого-то письма, лежавшаго на столѣ передъ нею. Глаза ея впивались въ это письмо, сверкали радостью и наслажденіемъ.... Потомъ она задумывалась, отрывала взоры отъ письма, подымала головку, протирала глаза, снова принималась читать—и, казалось, все еще не совсѣмъ вѣрила прочитанному.

Радость, одушевлявшая Зинаиду въ эту минуту, была свѣтла и ярка, какъ солнечный день; къ этой радости не примѣшивалось чувство боязни, на нее не набрасывала своей мрачной тѣни тайна.

То была боязливая радость дитяти, радость, которая хочетъ непремѣнно высказаться, ищетъ участниковъ, безгрѣшная, безукорная радость!

И она заключалась въ одной строчкѣ письма, которое лежало передъ нею....

Это было письмо матери. Эта строчка содержала въ себѣ слѣдующія слова:

«Черезъ полтора мѣсяца, а можетъ-быть и ранѣе, я обниму тебя, другъ мой.»

Матушка будетъ здѣсь, опять со мною, она будетъ ласкать меня попрежнему, я крѣпко прижму ее къ моему сердцу: вотъ что наполняло ее, вотъ почему она не могла разстаться съ письмомъ, вотъ почему она въ двадцатый разъ перечитывала его — и все еще сомнѣвалась въ своемъ счастіи, и задумывалась, и спрашивала себя: неужели это въ самомъ дѣлѣ? неужели она точно будетъ возлѣ меня, со мною?...

Ей хотѣлось спать, она не думала о снѣ, ей досадно было, что такъ скоро наступила ночь.... поскорѣе бы утро, поскорѣе бы забрежжилъ свѣтъ....

Въ ближней комнатѣ часы однозвучно пробили три четверти перваго.

Какъ долго идетъ время! Еще сколько часовъ до разсвѣта!

Вдругъ, колокольчикъ у подъѣзда зазвенѣлъ, дернутый сильною, нетерпѣливою рукой.... Она вздрогнула — и лицо ея въ минуту вспыхнуло и какая-то темная дума сморщила брови.

— Это онъ! прошептала она.

Въ домѣ послышался стукъ. Полуспящіе лакеи неловко, спотыкаясь, забѣгали по лѣстницѣ. Раздался громкій, сердитый голосъ; глухо отозвались въ пустыхъ комнатахъ безпокойные шаги человѣка и звонъ шпоръ. Ближе и ближе, слышнѣй и слышнѣй....

Она еще разъ вздрогнула и еще разъ прошептала:

— Это онъ!

Черезъ минуту дверь спальни отворилась, и передъ Зинаидой стоялъ мужъ ея.

Его лицо было блѣдно, его волосы въ безпорядкѣ, его мундиръ разстегнутъ....

Она взглянула на него, она прочла на лицѣ его гнѣвъ и досаду, она поняла съ замираніемъ сердца, что значитъ этотъ гнѣвъ и досада.

— Отчего вы не легли спать до сихъ поръ? спросилъ онъ грубо.

— Я дожидалась тебя, я хотѣла....

— Дожидаться меня? Ну, а если бы я не могъ быть домой до утра? Вы все дожидались бы меня?

Онъ засмѣялся.

— Я хотѣла сообщить тебѣ мою радость, Вольдемаръ: знаешь ли что̀? я получила письмо отъ матушки....

И она устремила на него свой ангельскій взоръ, и она слѣдила, какое впечатлѣніе произведутъ эти слова на лицѣ его.

Онъ нахмурилъ брови, отвернулся и сталъ ходить поперекъ комнаты.

— Какъ, она будетъ сейчасъ, теперь, скоро? говорилъ онъ прерывисто.... Зачѣмъ? что̀ ей угодно здѣсь?

Слезы выступили на глазахъ бѣдной женщины, но она скрыла ихъ.

— Ей угодно видѣть меня, видѣть дочь свою, которую она не видала вотъ уже скоро два года.

— Два года! Вѣдь она получаетъ постоянно каждую недѣлю ваши письма, вѣдь она знаетъ, что вы здоровы. Чего же больше?

— Другъ мой! Ты сегодня очень разстроенъ.... Боже мой! Вольдемаръ, неужели ты хотѣлъ бы лишить меня одного наслажденія, одного, которое остается мнѣ въ жизни — видѣть матушку?

— Все это очень хорошо, только не теперь, не сію минуту; мои дѣла и безъ того разстроены, каждая копѣйка для меня составляетъ счетъ....

— О, не безпокойся, не безпокойся.... я не заставлю тебя, я не захочу, чтобы ты издерживалъ свои деньги на этотъ расходъ.... Нѣтъ, никогда!... Она будетъ вѣрно не надолго сюда, ея пребываніе здѣсь не будетъ стоить дорого.... Ктому же у меня есть бриллiянты, которые я получила въ приданое.... Я продамъ мой фермуаръ и.....

— Твои бриллiянты! а! послушай, Зинаида....

И онъ отвелъ ее въ сторону, къ окну....

— Мнѣ сію минуту нужны, необходимо нужны твои бриллiянты.... крайность.... я тебѣ отдамъ ихъ черезъ мѣсяцъ, можетъ-быть прежде.... Я проигралъ большую сумму.... Мнѣ

нужны теперь деньги.... иначе, я потеряю кредитъ, ты понимаешь меня?

И онъ крѣпко сжалъ ея руку.

— Я радъ за тебя, что твоя матушка будетъ сюда.... Послушай, Зинаида, мнѣ нужны деньги, я не надолго заложу твои бриллiянты....

— Если тебѣ угодно; но, другъ мой....

— Да, да! и сейчасъ, потому-что я долженъ выѣхать завтра рано утромъ, очень рано....

Черезъ минуту, она молча поставила передъ нимъ на столъ три красныя сафьянныя коробки.

Онъ съ жадностью бросился къ этимъ коробкамъ и открылъ ихъ....

— Тутъ нѣтъ твоего большаго креста! нетерпѣливо произнесъ полковникъ.... Гдѣ же онъ?

— Этотъ крестъ подаренъ мнѣ матушкою.... я берегу его.... онъ мнѣ дороже всѣхъ вещей.... я никогда не разставалась съ нимъ....

— Я возвращу его тебѣ черезъ мѣсяцъ....

— Вольдемаръ! другъ мой! Я тебѣ отдамъ все, все, что̀ ты хочешь, все, что̀ ты прикажешь мнѣ, но ты оставишь у меня этотъ крестъ? Не правда ли?

И она посмотрѣла на него такъ убѣдительно, съ такою мольбой.

Онъ снова нахмурился.

— Мнѣ нуженъ и этотъ крестъ! Слышишь ли ты? и этотъ крестъ! Чего мнѣ болѣе отъ тебя требовать? Здѣсь все мое, все.... Развѣ ты забыла, что я взялъ тебя только съ однѣми этими тряпками, которыя навѣшиваютъ на себя женщины?

Она схватилась за ручку табуретки.

— Что̀ жъ—вамъ не угодно исполнить мою просьбу? Вы хотите, чтобы я васъ еще упрашивалъ?

— Сейчасъ, сейчасъ.... произнесла она слабымъ голосомъ, и едва могла дойти до комода.

Ноги ей измѣняли.

— Вотъ крестъ.

Она протянула руку съ коробкой, и рука ея дрожала.

Онъ взялъ всѣ эти коробки и положилъ въ боковой карманъ мундира....

Часы пробили половину втораго.

— Тебѣ, я думаю, пора спать, уже такъ поздно....

Онъ вышелъ изъ комнаты, дверь захлопнулась.

Она упала безъ чувствъ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Это была тайная сцена изъ домашней жизни Зинаиды: одна только сцена, выхваченная наудачу изъ тысячи сценъ, отъ которыхъ бы вы отвернулись съ негодованіемъ; а изъ этихъ сценъ сцѣплена была жизнь ея. Это темная сторона брака; это только одинъ примѣръ брака изъ выгодъ, изъ разсчетовъ, гдѣ нѣтъ другой идеи, кромѣ *звѣздъ*, или *имени*, или *золота*, или надеждъ и на то и на другое и на третье, одинъ только изъ тысячи подобныхъ браковъ!...

Какъ разсказать, какъ передать все, что̀ терпѣла бѣдная Зинаида? Въ продолженіи двухъ лѣтъ, ни одного взора участья, ни одного сердечнаго слова, ни одного отвѣта на мысль души. И ко всему этому, преступное чувство любви къ другому, странная борьба любви съ святынею долга, и желаніе затаить и затушить въ себѣ эту любовь... Вотъ исторія этой женщины; вотъ драма, которую бы можно было развернуть съ ужасающею послѣдовательностью, драма, которая, вѣрно, не требовала бы *притянутыхъ эффектовъ*, драма поразительной истины, передъ которую должно бы привести отцовъ и матерей, заставить ихъ содрогнуться, и потомъ указать имъ на громовый судъ Бога!

И что̀, если бы въ этомъ состояніи, безнадежномъ и мучительномъ, кто-нибудь еще шепнулъ ей на ухо, что ея участью, съ хладнокровнымъ разсчетомъ, люди располагали заранѣе; что эти люди равнодушно придумывали средства къ ея паденію; что они, можетъ-быть, разсказывали другъ другу за тайну объ ея связи съ другимъ; что эта тайна росла, росла, и наконецъ сдѣлалась общимъ достояніемъ; и пустой разсказъ, ни-на-чемъ неоснованный, сплетенный такъ, по догадкамъ, вылился во всѣ формы истины.

Что̀, если бы она узнала объ этомъ?

Свѣтлицкій, въ самомъ дѣлѣ, собирая около себя кружокъ

молодежи, съ важностью заложивъ руки въ карманы, говорилъ съ таинственнымъ видомъ:

— Господа, посмотрите-ка на Горина: право, онъ молодецъ! Онъ пользуется жизнью; онъ въ связи съ одною изъ лучшихъ женщинъ Петербурга.... Знаете ли, кто эта женщина?

И онъ произносилъ имя *Зинаиды*, и не хотѣлъ думать о томъ, что пятнаетъ чистое, святое имя. Что̀ ему было до этого? Онъ сообщалъ *новость*.

А эту новость разносила повсюду молодежь, выслушивавшая его и вѣрившая ему.

И вотъ однажды въ богатой гостиной княгини С*, освѣщенной тысячами свѣчъ, горѣвшей огнями и золотомъ, у малахитоваго стола, уставленнаго бронзою, отражавшеюся въ огромномъ зеркалѣ, стояли двѣ женщины въ бальныхъ платьяхъ, каждая съ букетомъ цвѣтовъ въ рукѣ, раздушенныя и прекрасныя.

— Знаешь ли, Lise, отчего такъ давно нигдѣ не было видно Горина? говорила одна изъ нихъ съ улыбкой ироніи, которая смѣшивалась съ какою-то надменностью. Знаешь ли, отчего? Онъ влюбленъ. И въ кого? Въ эту И*—ты видала ее? Женщина такого страннаго *тона!*—Она, разумѣется, бросилась къ нему на шею — и онъ въ восторгѣ! — А несчастный полковникъ, мужъ ея — весь проигрался....

— Браво! перебила другая: и *эти женщины* разыгрываютъ романы *à la Balzac!* только эти романы вѣрно отзываются русской передѣлкой и пахнутъ не парижскими духами, а *l'eau de Cologne* съ гостинаго двора.

Въ этой же самой гостиной, только въ другомъ концѣ ея, стояли двое пожилыхъ мужчинъ во фракахъ. Одинъ изъ нихъ былъ Свѣтлицкій.

Они продолжали вѣроятно давно начатый разговоръ.

Свѣтлицкій говорилъ:

— Да, счастье, неимовѣрное счастье! Почти во всю игру съ нимъ у меня король на-вскрышѣ! Я бросилъ карты, я говорилъ ему, что я не хочу пользоваться навѣрное его деньгами, что при такомъ счастьи.... Но вы знаете? Этотъ И* горячъ въ картахъ до безумія. Доходило до ста тысячъ, онъ рвалъ на себя волосы — и я далъ ему отыграться....

— А сколько отыгралъ онъ?

— Тридцать-три тысячи.

— Гм! такъ вы взяли у него шестьдесятъ семь? это хорошо. Экарте и тинтере — игры чрезвычайно азартныя.

— Нѣтъ, вообще въ играхъ надо благоразуміе, наполеоновскій разсчетъ и ледяное хладнокровіе.... — А! Горинъ! j'ai deux mots à vous dire! И Свѣтлицкій взялъ за руку молодаго человѣка и увлекъ его въ залу.

Когда они проходили по залѣ, Горинъ замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ дамъ смотрѣли на него съ коварной улыбкой, и одна сказала ему мимоходомъ:

— Какъ вы перемѣнились, monsieur Горинъ! Вы пополнѣли: видно приморскій воздухъ полезенъ вамъ. Вѣдь вы, кажется, жили по Петергофской дорогѣ? Я васъ часто встрѣчала тамъ.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ онъ ей холодно.... Я не жилъ по Петергофской дорогѣ и не имѣлъ удовольствія встрѣтить васъ тамъ ни разу.

— Чего хотятъ отъ меня эти женщины? продолжалъ онъ, оборачиваясь къ Свѣтлицкому. — И что̀ значатъ эти намеки?

Онъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Будто вы не догадываетесь? возразилъ Свѣтлицкій. Онѣ завидуютъ счастью другой женщины, съ которой никогда не могутъ сравниться.

— Завидуютъ счастью другой женщины? Я не понимаю, что вы хотите сказать мнѣ....

— Ну, да: завидуютъ женщинѣ, которую вы любите. Это такъ натурально. Это въ ихъ характерѣ.... зависть....

— А какъ знаютъ онѣ, что я люблю кого-нибудь?

И онъ еще разъ посмотрѣлъ на Свѣтлицкаго.

— Вы сегодня все такъ горячо принимаете. Что̀ съ вами? Мы живемъ въ Петербургѣ, и вы хотите скрыть вашу любовь отъ общества, къ которому принадлежите? Это ужъ слишкомъ. Здѣсь все знаютъ, все подмѣчаютъ, все подозрѣваютъ, обо всемъ догадываются. Надобно прожить, сколько прожилъ я, чтобы узнать механизмъ, проникнуть въ закулисныя дѣйствія этихъ обществъ.

— Вы правы; но если эти люди осмѣлятся чернить имя

той, которая чиста какъ ангелъ; если эти люди, живущіе сплетнями....

— Ради Бога, тише! не забудьте, что мы окружены со всѣхъ сторонъ взглядами и наблюденіями. Вотъ именно ваша теперешняя горячность можетъ подать поводъ къ пустымъ и непріятнымъ для васъ подозрѣніямъ. Подозрѣнія часто имѣютъ вѣсъ истины въ глазахъ общества. Противъ этого говорить нечего, хоть это очень горько.

— О, это ужасно!

— А сколько разъ вы сами повторяли шутя, такъ, безъ всякой злобы, людской говоръ: этотъ человѣкъ въ связи съ такою-то женщиною, эта женщина дѣлаетъ то-то.... Вы не имѣли другихъ основаній, какъ слухи? Все это изстари ведется между людьми.

— Теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, я понимаю, что это ужасно! Имя женщины должно быть неприкосновенно и свято. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ узнать женщину, и вы, Свѣтлицкій, съ вашимъ опытомъ и знаніемъ людей, и вы можете иногда ошибиться, иногда можете поставить существо чистое и высокое заурядъ съ этими женщинами....

И молодой человѣкъ указалъ головой на цвѣтную гирлянду дамъ, собиравшихся въ залѣ.

— И вы ошиблись, продолжалъ онъ съ значительной улыбкой, увлекая Свѣтлицкаго въ амбразуру окна, да, согласитесь сами? Знаете ли, я никогда не прощу себѣ, никогда, что я прежде осмѣлился смѣшивать ее со всѣми, что я не понималъ, какъ любитъ она, что̀ такое ея любовь, что я оскорблялъ эту женщину моими безумными выходками! Помните ли то утро, когда я прибѣжалъ къ вамъ, три мѣсяца назадъ тому: я проклиналъ ее въ то утро, а теперь, теперь....

Свѣтлицкій грызъ ноготь пальца, губы его хотѣли искривиться усмѣшкой....

Горинъ не замѣчалъ этого; его пылкая душа требовала участія, сочувствія: и онъ забывалъ, кому и для чего говоритъ; и онъ не зналъ, что человѣкъ, вмѣсто участія, вмѣсто сочувствія, обольетъ слова души его ядомъ насмѣшки и выставитъ ихъ на позоръ первому, кто попадется ему на встрѣчу.

— Помните, послѣ этой сцены на дачѣ, я не хотѣлъ

было ѣздить къ И*. ея поступокъ со мной казался мнѣ оскорбительнымъ. Я думалъ никогда болѣе не видать ее, и увидѣлъ черезъ двѣ недѣли послѣ того въ церкви.

Горинъ схватилъ за руку Свѣтлицкаго.

— Она стояла на колѣняхъ и молилась съ глубокимъ чувствомъ. Крупныя слезы катились по блѣдному лицу ея. Это была истинная молитва вѣрующей; это были жгучія слезы страданія. О, за каждую слезу ея потребуется тяжкій отчетъ, если есть правосудіе тамъ!... Вы удивляетесь словамъ моимъ, не правда ли? Я не похожъ въ эту минуту на прежняго Горина? Да, я перемѣнился, очень перемѣнился; рано или поздно мнѣ надобно было сдѣлаться человѣкомъ; и *она* меня призвала къ новой жизни, ей я обязанъ всѣмъ.... Если бы я могъ передать вамъ впечатлѣніе, которое производитъ на меня теперь эта праздничная зала и эти бездушныя лица.... Но послушайте: я смотрѣлъ на нее долго, долго; она не видала меня.... я и прежде часто смотрѣлъ на нее молящуюся, а никогда не чувствовалъ того, что̀ почувствовалъ въ ту минуту.... Надобно было имѣть каменное сердце, или быть вовсе безъ сердца, чтобы въ ту минуту не простить ей всего, всего—даже смертельной обиды, чтобы не тронуться величіемъ этой женщины!... Послѣ обѣдни, я долго не рѣшался подойти къ ней; но когда я уже стоялъ передъ лицомъ ея, она меня встрѣтила своей радушной улыбкой. Это была ея прежняя улыбка.... Я ожилъ.... Она заговорила со мной тѣмъ же голосомъ, проникавшимъ до сердца, будто между нами ничего не было.... «Вы насъ совсѣмъ забыли. А я и мужъ мой всегда такъ рады васъ видѣть»... Мужъ мой! Я весь вспыхнулъ. Она, кажется, замѣтила это и сказала мнѣ: «я буду васъ ждать.» И вѣрите ли, Свѣтлицкій, я всего въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ былъ у нихъ только четыре раза, потому-что я не могу видѣть ее рядомъ съ этимъ полковникомъ. Я не знаю, что будетъ со мной, но если онъ....

— Вы поэтъ, Горинъ! Вы имѣете чудный даръ живописать! Вы сильно чувствуете! воскликнулъ Свѣтлицкій, и пожалъ руку молодому человѣку.

«Какъ несносны эти влюбленные! думалъ онъ. Вотъ человѣкъ, мучилъ меня цѣлый часъ, разсказывая всякій вздоръ, какъ-будто для меня занимательна его *интрига!*»

— Простите, я долженъ оставить васъ. Я далъ слово на вистъ барону М*... Онъ, я думаю, давно ждетъ меня.

Горинъ остался на томъ же мѣстѣ. Свѣтлицкій проскользнулъ въ тѣ комнаты, гдѣ были открыты зеленые столы.

Когда онъ садился играть, мимо его проходилъ камеръ-юнкеръ *.

— Ахъ, знаете ли что, графъ? Умора! Вообразите, я едва только вырвался отъ Горина. Злодѣй замучилъ меня. Цѣлый часъ увѣрялъ, что онъ питаетъ самую идеальную и чистѣйшую любовь къ И*. Насъ съ вами трудно увѣрить въ этомъ. Мы, признаться, что-то давно не вѣримъ въ *идеализмъ!* А?...

И онъ засмѣялся.

V.

«Savez-vous ce que c'est que d'avoir une mère? en avez-vous eu une, vous? savez-vous ce que c'est que d'être enfant, pauvre enfant, faible .... seul au monde... et de sentir que vous avez auprès de vous, autour de vous, au-dessus de vous, marchant quand vous marchez, s'arrêtant quand vous vous arrêtez, souriant quand vous pleurez, une femme..... — non, on ne sait pas encore que c'est une femme — un ange qui est là, qui vous regarde, qui vous apprend à parler, qui vous apprend à rire, qui vous apprend à aimer!».

V. Hugo.

Въ горячихъ и тѣсныхъ объятіяхъ материнской любви лежала почти бездыханная Зинаида. Это было ровно черезъ полтора мѣсяца послѣ страшной для нея ночи. Старушка хотѣла одушевить ее своими поцѣлуями и вызвать румянецъ жизни на ея мертвыя, блѣдныя щеки, тотъ румянецъ беззаботности и счастія, который нѣкогда украшалъ ея дѣвственность. Она съ ужасомъ смотрѣла на лицо дочери, которое такъ измѣнилось отъ горя, и жгучія слезы старушки одна за другой падали на это лицо. Она читала на немъ всю исторію жизни несчастной, съ перваго дня разлуки съ нею, и ничто не ускользало отъ проницательнаго взора матери!

Когда Зинаида открыла глаза, когда чувства постепенно

стали возвращаться къ ней, она еще крѣпче прижимала къ своей груди старушку.

— Это вы, матушка! вы! О, вѣдь это не сонъ? Не правда ли? Пощупайте, какъ бьется мое сердце.... Это вы, вы! опять со мною! Вы ужъ болѣе не оставите меня, не правда ли?

И она несвязно лепетала ей эти перерывистыя слова, которыя невозможно передать, эти слова, вырывающіяся изъ души и ложащіяся прямо на душу, эти отрывки раздраженныхъ чувствъ, эти звуки, проникающіе весь составъ вашъ, которые нельзя опредѣлить и которыхъ невозможно не почувствовать, на которые нѣтъ отвѣта, но есть поцѣлуи.

И старушка цѣловала ее и, разглаживая ея шелковые волосы, смотрѣла ей прямо въ глаза.

— Мы такъ давно не видались съ тобой, такъ давно! дай мнѣ насмотрѣться на тебя. Безъ тебя мнѣ было очень грустно.

— И мнѣ также очень грустно, матушка!

Когда эти первыя минуты душевныхъ изліяній прошли, старушка посмотрѣла кругомъ себя. То былъ будуаръ Зинаиды; только ужъ не въ такомъ видѣ, какъ прежде. Все измѣнилось! Комната сохранила только свое названіе, но въ ней не было ни ковра, ни бронзы, ни картинъ, ни мрамора, ни этихъ дорогихъ и прекрасныхъ бездѣлокъ, которыя обыкновенно разбрасываются съ такою умышленной и привлекательной небрежностью. Лишь остатки дорогой мебели, не гармонировавшіе съ голыми стѣнами и вообще съ какою-то непріятною пустотою, были тяжелыми свидѣтелями прежняго великолѣпія.

Сердце бѣдной матери, при этомъ видѣ, сжалось невыразимою тоскою....

Время шло, и слишкомъ быстро, для обѣихъ: дочь отдыхала на груди матери, у нея теперь было родное сердце, отвѣчавшее на біеніе ея сердца, душа, сочувствовавшая ея душѣ. Мать съ мучительнымъ чувствомъ видѣла, какъ тайная болѣзнь, или тайное горе, съ разрушительною постепенностью дѣйствовали на Зинаиду, какъ потухалъ лучъ за лучомъ ея свѣтлыхъ очей, какъ исчезала свѣжесть съ лица ея. Обѣ онѣ дорожили каждой минутой и боялись разставаться другъ съ другомъ, будто имъ дано было свидѣться на краткій срокъ. Обѣ онѣ были грустны, и одна отъ другой скрывали грусть.

— Ты нездорова, другъ мой? говорила ей однажды старушка: не послать ли за докторомъ? Сегодня ты что-то блѣднѣе обыкновеннаго, твои глаза какъ-то мутны. Какъ ты себя чувствуешь?...

— Ничего, матушка, я здорова. Вамъ это такъ кажется. Ради Бога, успокойтесь.... Ничего....

Она скрывала болѣзнь, которая уже давно таилась въ ней и начинала быстро развиваться.

Послѣ минуты молчанія, она сѣла на диванъ возлѣ старушки и, придерживая одною рукой свою отяжелѣвшую голову, пристально посмотрѣла на нее. Лицо Зинаиды пылало румянцемъ. Она сжала руку матери въ своей рукѣ....

— Матушка! произнесла она робкимъ, боязливымъ голосомъ. Матушка! У меня давно лежитъ на душѣ такая-то тягость. Я до сихъ поръ не открыла вамъ... Выслушайте меня, но безъ гнѣва, ради Бога, безъ гнѣва, потому-что я не буду въ силахъ перенести его.... О, я чувствую мое преступленіе, но что̀ же мнѣ дѣлать?

И она закрыла руками лицо свое, чтобы удержать потоки слезъ.

— Что̀ съ тобою, дитя мое, другъ мой? Зачѣмъ ты клеплешь на себя? Ты не можешь быть преступница! Нѣтъ! посмотри, глаза твои сохранили то же простодушіе, какое они выражали въ твоемъ дѣтствѣ. Я гляжу на тебя, какъ бывало, когда ты сидѣла на рукахъ моихъ, я держала твою головку, всю въ кудряхъ; волосы твои тогда были свѣтлѣе, я любовалась тобой и цѣловала тебя, и говорила: «о, Господь долженъ услышать молитву мою: *она будетъ счастлива!*»

Послѣднія слова старушка произнесла едва слышно, потому-что горесть задушала ее.

Зинаида положила свою голову на плечо къ ней и цѣловала ея руки.

— Матушка! говорила она прерывающимся голосомъ: я всегда свято сохраняла мою обязанность.... Богъ видитъ, я всегда свято сохраняю ее! Но я никогда не могла любить.... моего мужа.... Матушка! я люблю другаго.

Она бросилась къ ногамъ матери и голова страдалицы упала на колѣни.

Она рыдала.

— Не правда ли, это преступленіе? Но что̀ я могла сдѣлать? Я сама не знала, какъ это грѣшное чувство разливалось по мнѣ.... я поздно увидѣла мое бѣдствіе.... можетъ-быть, я какъ-нибудь нечаянно высказала ему то, что̀ должна бы была скрывать какъ ужасную тайну.... И онъ любитъ меня — и я допустила его сказать мнѣ это.... Слышала, какъ онъ произносилъ слово *«люблю»*.... Но я никогда не признавалась ему въ любви моей. Клянусь вамъ, матушка! О, вы сжалитесь надъ вашею бѣдною дочерью! Вы взглянете на меня ласково. Вамъ первой открыла я мое сердце.... и мнѣ теперь легче, гораздо легче....

Мать и дочь лежали въ объятіяхъ другъ друга и ихъ слезы смѣшались....

Въ одинъ изъ длинныхъ зимнихъ вечеровъ, Горинъ сидѣлъ у письменнаго стола въ своемъ кабинетѣ. Блѣдное освѣщеніе разливалось въ комнатѣ отъ зеленаго стекла лампы; на столѣ, между грудами книгъ, стояла восковая свѣча, трескомъ своимъ изрѣдка прерывавшая тишину. Онъ былъ углубленъ въ чтеніе. Передъ нимъ былъ развернутъ Шекспиръ на половинѣ третьяго дѣйствія «Ромео и Юліи».

Онъ остановился на этой любовной, очаровательной картинѣ, когда Ромео, въ комнатѣ Юліи, съ грустью смотритъ въ окно и прислушивается къ пѣнію жаворонка, возвѣщающаго разсвѣтъ; когда она, полная непорочности и нѣги, съ такимъ простодушіемъ упрашиваетъ его еще не покидать ее и говоритъ ему своимъ сердечнымъ, убѣдительнымъ голосомъ: «До утра еще далеко! Ты ошибся, супругъ мой, тебѣ слышится голосъ соловья. Повѣрь мнѣ, это соловей...»

Горинъ оставилъ книгу и въ волненіи сталъ прохаживаться по комнатѣ.

Тысячи высокихъ мыслей затѣснились въ головѣ его и сердце загорѣлось отъ полноты чувствъ....

Въ это самое время вся петербургская молодежь высшаго круга вертѣлась передъ огромными зеркалами, съ улыбкой самодовольствія и гордости собираясь на огромный балъ ** посланника. На столѣ Горина лежала пригласительная записка на этотъ балъ, о которомъ за три недѣли до того кри-

чали во всѣхъ гостиныхъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ выжидали всѣ графини и княгини, для котораго были загружены заказами магазины Ксавье и Сихлеръ; но онъ забылъ объ этомъ балѣ и объ этой пригласительной записочкѣ....

Если бы балъ посланника былъ годъ назадъ тому, вѣрно онъ сталъ бы разъѣзжать по всѣмъ своимъ знакомымъ, для того, чтобы съ недоступнымъ тономъ аристократа проговорить каждому изъ нихъ: завтра балъ у ** посланника; тамъ будетъ весь дворъ; я сегодня получилъ приглашеніе.

Этотъ балъ заставилъ бы его, по крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю ходить по Невскому проспекту съ головою вздернутою вверхъ, съ дерзкимъ и напыщеннымъ видомъ человѣка, который воображаетъ, что все встрѣчающееся ему, толпящееся передъ его глазами, все ниже его.

Кто, сколько-нибудь наблюдающій, не встрѣчалъ такія лица на Невскомъ проспектѣ въ морозные и солнечные дни отъ втораго до четвертаго часа?

Невскій проспектъ — широкое поприще наблюденій, средоточіе петербургской жизни! Въ самомъ дѣлѣ, на пространствѣ отъ Аничкина моста до Адмиралтейства, вы познакомитесь со всѣмъ Петербургомъ — отъ лачужки бѣднаго, вросшей въ землю, до громадныхъ палатъ аристократа.

Горинъ очень измѣнился! Онъ не показывалъ никому своего пригласительнаго билета на балъ; онъ не ходилъ вздернувъ голову по Невскому проспекту; онъ не поѣхалъ на балъ, который горѣлъ, ослѣпляя глаза, и щедро раскидывалъ бриллiянты лучей своихъ на гордыхъ и ледяныхъ петербургскихъ красавицъ.

Онъ почувствовалъ, что Зинаида открыла передъ нимъ новую жизнь, новый міръ духа и мысли, который видѣлся ему нѣкогда будто сквозь сонъ. Образъ этой женщины, распростертой передъ алтаремъ Бога, дышащій молитвою, поразилъ его. Этотъ образъ началъ слѣдить его повсюду. Онъ углубился въ самого себя и разогналъ туманъ, застилавшій его зрѣніе. Съ тѣхъ-поръ онъ яснѣе понялъ ничтожность общества, окружавшаго его, мелочную, недостойную человѣка суету своей прежней жизни, безуміе надеждъ своихъ, высокое назначеніе женщины и святость ея имени!

Но еще черная сторона общества была закрыта передъ

нимъ, онъ еще готовъ былъ довѣриться Свѣтлицкому и, порой, гримасу насмѣшки принять за улыбку радушія.

Дней черезъ десять послѣ великолѣпнаго бала посланника, вечеромъ, Горинъ сидѣлъ у И*. Полковника не было дома. Въ этотъ день собирались всѣ извѣстные петербургскіе игроки въ домѣ *; ктому же онъ и безъ того рѣдко бывалъ въ своемъ семействѣ.

На большомъ столѣ противъ дивана, въ полукруглой комнатѣ, стояла свѣча, закрытая съ одной стороны транспарантомъ.... На диванѣ сидѣла больная Зинаида, возлѣ нея старушка ея мать. Зинаида казалась необыкновенно слабою; ея лицо было то поразительно блѣдно, то вспыхивало яркимъ и страннымъ румянцемъ.

— У меня есть до васъ просьба, Валеріанъ Петровичъ, сказала Зинаида едва слышно, если васъ только не обезпокоитъ она. Прочтите намъ что-нибудь: вы такъ хорошо читаете.

Старушка встала съ дивана и подошла къ Горину.

— Ради Бога, шептала она ему, выберите что-нибудь веселенькое, чтобы былъ *хорошій конецъ*.... У нея здоровье такъ разстроено. Не надобно давать ей повода къ слезамъ. Она у меня такая чувствительная!

Онъ выбралъ что-то изъ огромнаго собранія импровизацій Скриба. Когда онъ кончилъ чтеніе, Зинаида казалась утомленною. Она поддерживала рукой голову, упадавшую на грудь.

Старушка приложила свою ладонь къ головѣ дочери.

— У тебя что-то очень горяча голова. Не чувствуешь ли ты себя хуже? Не устала ли ты?

— Ничего, мнѣ очень легко, матушка!

И она поцѣловала старушку.

— Ахъ! я забыла спросить васъ, продолжала она, обращаясь къ Горину, о балѣ ** посланника? Говорятъ, это лучшій изъ баловъ нынѣшней зимы?

— Право, я ничего не могу сказать вамъ. Я не былъ тамъ.

— Отчего же?...

Этотъ вопросъ потерялся. Отвѣта не было. Горинъ стоялъ задумчивый со шляпою въ рукѣ.

Онъ раскланивался.

— Навѣщайте насъ почаще, Валеріанъ Петровичъ, говорила мать Зинаиды, провожая его, мы такъ рады васъ видѣть. Если вамъ нечего будетъ дѣлать, заѣзжайте въ четвергъ вечеромъ. Вы такъ добры. Будемте вмѣстѣ развлекать больную; она у меня очень грустить, бѣдная.... Сегодня понедѣльникъ.... вторникъ.... середа.... и она считала по пальцамъ. Ну да, въ четвергъ. Заѣзжайте пожалуйста на часокъ или на два. Мы долѣе не будемъ держать васъ....

Зинаида, опираясь на ручку дивана, слѣдила за движеніями уходящаго.... Дверь затворилась....

Она тяжело вздохнула....

Когда Горинъ воротился домой, не раздѣваясь онъ упалъ въ кресла и недвижно просидѣлъ въ этихъ креслахъ.

Потомъ онъ машинально взялъ со стола какую-то книгу, отвернулъ переплетъ, остановился на заглавномъ листѣ, и наконецъ далеко отбросилъ отъ себя книгу.

— Она страдаетъ, думалъ онъ; и этотъ человѣкъ виною ея страданій! Онъ сталъ между ею и мною, между моимъ и ея счастіемъ.... Я долженъ на что-нибудь рѣшиться: я избавлю ее отъ муки, или....

Мысль, которая недавно затаилась въ немъ, сначала возставала передъ нимъ въ туманѣ и отдаленіи; теперь она стала приближаться къ нему и принимать очерки безобразные, явственные, осязательные.

Онъ содрогнулся.

Сонъ его въ эту ночь былъ тяжелъ и смущенъ; онъ безпрестанно вздрагивалъ: ему видѣлась кровь, у ногъ его лежалъ трупъ человѣка....

«J'irai, Seigneur, ou tu m'envoies...».

Наступилъ вечеръ четверга. Семь часовъ прозвонило на стѣнныхъ часахъ въ комнатѣ Горина. Онъ вышелъ изъ своей квартиры и, завернувшись въ шубу, тихими шагами шелъ по Литейной. Отъ его квартиры до дома полковника было не болѣе четверти часа ходьбы....

Полозья саней скрыпѣли по алмазному снѣгу. Морозъ

былъ необыкновенно силенъ. Онъ прибавилъ шагу, скоро остановился у подъѣзда, и дернулъ за ручку колокольчика.

Ключъ повернулся въ замкѣ, дверь отворилась, онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ.

— У насъ, сударь.... началъ старый слуга, снимая съ него шинель.

Онъ не успѣлъ кончить.... Горинъ отворилъ и—окаменѣлый, остался въ дверяхъ.

Зала была обита чернымъ сукномъ, посрединѣ возвышался катафалкъ, на катафалкѣ стоялъ небольшой гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, блестящими галунами, увѣшанный золочеными кистями и покрытый длиннымъ, парчевымъ покровомъ, который спускался до пола. Облако ладона вилось надъ гробомъ; въ этомъ облакѣ тускло мерцали три огромныя свѣчи и въ тишинѣ раздавался однозвучный, мѣрный голосъ читальщика.

Горинъ безотчетно подвинулся впередъ и съ выраженіемъ какого-то страннаго любопытства, безъ мысли и безъ участья, безъ желанія знать, кто лежитъ въ этомъ гробѣ, взошелъ на ступеньки катафалка.

Тутъ онъ почувствовалъ, что силы оставляютъ его. Онъ схватился одной рукой за край гроба. Онъ узналъ ее! Она нисколько не измѣнилась. Смерть не обезобразила ее, не коснулась до нея разрушеніемъ, а, казалось, только повѣяла на нее небеснымъ воздухомъ. Она заснула, утомленная земною тягостью, и на ея ангельскомъ лицѣ замерла улыбка—предчувствіе будущей жизни. Видно было, что она встрѣтила смерть радостно, какъ давно жданую, милую гостью. За два дня до того онъ видѣлъ на лицѣ ея страдальческое выраженіе жизни, теперь на этомъ лицѣ было величественное, вѣчное спокойствіе—вѣнецъ благодати Господней! Никогда смерть не являлась въ образѣ болѣе привлекательномъ.

— *Она счастлива!* произнесъ молодой человѣкъ невольно вполголоса. О, она счастлива! И слезы брызнули изъ глазъ его.

Онъ поцѣловалъ горячимъ поцѣлуемъ святой любви холодныя уста умершей.

Онъ первый разъ коснулся устъ ея!

Память возвратилась къ нему. Онъ сошелъ съ возвышенія, быстро отеръ слезы, и остановился внизу у изголовья гроба.

Тогда ему представился этотъ безумный пиръ, на которомъ Свѣтлицкій объявилъ ему впервые о любви къ нему Зинаиды; онъ, казалось, видѣлъ передъ собою этого человѣка, коварно улыбающагося и говорящаго: «она будетъ ваша!» Онъ вспомнилъ свои прежнія надежды, мечты — и холодный потъ выступилъ на его тѣлѣ.

Жизнь на минуту явилась передъ нимъ въ отвратительномъ видѣ; и онъ понялъ, что смерть можетъ быть высшею наградою, истиннымъ счастіемъ!

Это былъ великій урокъ, такъ нечаянно почерпнутый изъ дѣйствительности, изъ общества, урокъ, глубоко нарѣзавшійся на сердцѣ юноши и имѣвшій вліяніе на всю остальную жизнь его.

Онъ впервые съ благоговѣніемъ палъ на колѣни передъ неисповѣдимою волею Бога!

Вдругъ, въ эту самую минуту раскаянія и благоговѣнія, онъ почувствовалъ чью-то руку на плечѣ своемъ и оборотился.

Передъ нимъ стоялъ полковникъ.

Кровь бросилась въ голову Горина.

— Я зналъ, что ты примешь къ сердцу мое несчастіе, говорилъ полковникъ, зналъ, что ты не забудешь обо мнѣ въ такія минуты. Она была несравненная женщина! Моя потеря невыразима! Я употребилъ все, чтобы съ приличною честью и даже съ нѣкоторымъ великолѣпіемъ похоронить ея тѣло. Я былъ обязанъ это сдѣлать.

Горинъ молчалъ.

Полковникъ отошелъ и сталъ по другую сторону гроба, противъ него.

Негодованіе задушило молодаго человѣка, онъ готовъ былъ растоптать полковника подъ своими ногами; но когда первое волненіи стихло въ немъ, онъ снова задумался.

Составить счастье женщины, продолжительное, ничѣмъ ненарушаемое счастье! Много ли найдется людей, которые въ состояніи это выполнить? спросилъ онъ самого себя....

Двери сосѣдней комнаты отворились.

Горинъ обернулся на скрыпъ этихъ дверей.

Двѣ дѣвушки съ усиліемъ поддерживали старушку, которая

едва передвигала ноги. Сѣдые волосы ея торчали въ безпорядкѣ изъ-подъ дымковаго чепца; ослабѣвшая голова скатилась къ груди.

Когда она увидѣла гробъ, послѣдній остатокъ силъ оставилъ ее. Она застонала страшнымъ, раздирающимъ голосомъ:

— Зинаида! Дочь моя! Дочь моя!

И рухнулась на полъ къ ступенькѣ катафалка.

Черезъ день послѣ этого, Свѣтлицкій, небрежно вертя въ рукахъ тросточку, говорилъ съ толстымъ княземъ П*, счастливымъ супругомъ очаровательной княгини Алины.

— Я сегодня былъ на похоронахъ у И—ой. Жаль, что она мало выѣзжала въ свѣтъ: это была премилая женщина! Знаете ли что̀, князь? Нашъ полковникъ, кажется, не въ большомъ горѣ, а есть другой человѣкъ, который за него въ совершенномъ отчаяніи. Право, жаль мнѣ бѣднаго Горина: осиротѣлъ онъ теперь!

И Свѣтлицкій засмѣялся.

— Да, да, осиротѣлъ.

Князь тоже засмѣялся. Въ его смѣхѣ была странная смѣсь аристократической важности съ мѣщанскимъ простодушіемъ.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА.

ПОВѢСТЬ.

«Oh! *demain*, c'est la grande chose!
De quoi demain sera-t-il fait?
L'homme *aujourd'hui* sème la cause,
Demain Dieu fait mûrir l'effet...»

V. Hugo.

I.

Какъ-то разъ вечеромъ, въ іюнѣ или іюлѣ — не помню, знаю только, что это было въ воскресенье, нѣсколько лѣтъ назадъ тому, у Елагина моста, поодаль отъ толпы, которая окружала музыку, стоялъ молодой человѣкъ, очень недурной собою, въ новомъ сюртукѣ, съ лорнетомъ на золотой тоненькой цѣпочкѣ и съ толстой палкой въ рукѣ. Онъ невнимательно разговаривалъ съ какимъ-то гвардейскимъ пѣхотнымъ офицеромъ и съ большимъ любопытствомъ смотрѣлъ на все его окружающее, на все мелькавшее передъ глазами его; съ большимъ самодовольствіемъ *охорашивался*, и, казалось, очень былъ доволенъ своимъ новымъ сюртукомъ, лорнетомъ и своею толстою палкой. Видно было, что онъ принадлежалъ еще къ той свѣтлой порѣ жизни, когда не знаешь границъ между мечтой и существенностью, когда не умѣешь отдѣлить поэта отъ человѣка, художника отъ его созданія; когда каждому

пожимаешь руку отъ сердца; когда смотришь на поэта, и не можешь на него насмотрѣться, и все ищешь на лицѣ его знака святыни, небеснаго наитія... Счастливый возрастъ! — Молодой человѣкъ старался скрыть свое самодовольствіе, но оно противъ воли вырывалось въ каждомъ его движеніи, выказывалось въ каждомъ взглядѣ. И могъ ли онъ скрыть его? Онъ еще не зналъ, что это равнодушіе ко всему, что этотъ непереносимый эгоизмъ, что это вѣчное бездушіе—*разочарованіе* свѣтскаго *фата*, которому онъ хотѣлъ подражать, пріобрѣтается нелегко и нескоро. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы пролежать нѣсколько часовъ въ театрѣ спиною къ сценѣ, съ лорнетомъ вставленнымъ въ глазъ, съ лицомъ, на которомъ крупными буквами, какъ на вывѣскѣ, начертано: *мнѣ все надоѣло*, о, да для этого сначала надо постигнуть тайну раззолоченыхъ залъ, потереться нѣсколько лѣтъ въ разцвѣченныхъ будуарахъ. Вы думаете, что можно изъ подражанія зѣвать въ то время, когда другіе плачутъ; говорить развалившись съ какой-нибудь блистательной княгиней о прелестяхъ любви, и въ ту же минуту смотрѣть въ потолокъ; не отвѣчать на вопросъ, который вамъ дѣлаютъ, или отвѣчать совсѣмъ не на то, о чемъ васъ спрашиваютъ — вы думаете, что все это можно изъ подражанія? Нѣтъ, вы ошибаетесь господа! Я слыхалъ, какъ мальчики въ 19 лѣтъ, впервые появившись въ гостиную, хотѣли корчить разсѣянныхъ, невнимательныхъ, безпечныхъ. Боже мой! какъ, говорятъ, они были каррикатурны, смѣшны! они, которые хотѣли слыть умниками, открыто прослыли дураками, — и можетъ-быть отъ этого должны были, покраснѣвъ, покинуть гостиныя, гдѣ они мечтали произвесть эффектъ и услышать рукоплесканія.

Но молодой человѣкъ, стоявшій у Елагина моста и разговаривавшій съ офицеромъ, вовсе не подозрѣвалъ, до чего можетъ довести это соблазнительное подражаніе. Впрочемъ, онъ не принадлежалъ къ этимъ 19-ти-лѣтнимъ юношамъ. Совсѣмъ нѣтъ. Въ его глазахъ было слишкомъ много души и воли, въ его движеніяхъ, несмотря на ихъ неловкость, слишкомъ много благородства.

Какой прелестный былъ этотъ вечеръ, тихій, жаркій, роскошный вечеръ! Сколько было гуляющихъ, разъѣзжающихъ,

сколько дамъ въ богатыхъ колясках, которыя остановились у дворцовой караульни слушать музыку, и какъ эти дамы были плѣнительны и сколько около этихъ колясокъ разсыпалось и развѣвалось бѣлыхъ султановъ, и какъ играла музыка, и какъ это все пестрѣло передъ глазами, блестѣло и очаровывало! Мудрено ли, что молодой человѣкъ былъ въ полномъ самозабвеніи, въ полномъ восторгѣ; что онъ не пропускалъ ни одного экипажа четвернею, за которымъ стоялъ огромный егерь съ эполетами и съ султаномъ, или лакей, увѣшанный гербами, такой нарядный и гордый? Мудрено ли, что онъ немножко завидовалъ этимъ офицерамъ съ бѣлыми султанами, которые такъ ловко, такъ безпечно, такъ небрежно, облокотившись на дверцы колясокъ, разговаривали съ этими прелестными, разноцвѣтными дамами? Мудрено ли, что онъ пропускалъ безъ вниманія людей очень замѣчательныхъ — *молодыхъ чиновниковъ* въ вицъ-мундирахъ или разноцвѣтныхъ сюртучкахъ съ бѣлыми подбоями, съ затянутыми въ рюмочку таліями, съ черными бархатными или плисовыми лампасами на панталонахъ, съ пестрыми сборчатыми галстухами, въ серединѣ которыхъ были искусно выдѣланы розетки и искусно воткнуты булавочки съ разноцвѣтными стеклышками, галстухи — чудо искусства, которыми надѣляли ихъ магазины Чуркина и Розинскаго? Эти чиновники, прогуливавшіеся пѣшечкомъ изъ города, или доѣзжавшіе на извощикахъ до Карповскаго моста, преважно расхаживали около музыки и искусно помахивали тоненькими тросточками подъ мраморъ, и, проходя напримѣръ мимо секретаря посольства, или какого-нибудь камеръ-юнкера, презначительно измѣряли его съ ногъ до головы своими взорами, и для того, чтобы показать, что и *мы* кое-что значимъ, бормотали по обыкновенію очень пріятнымъ голосомъ *тра-ля-ля, тра-ля-ля,* или что-нибудь подобное. Мимо военныхъ они почти всегда проходили, потупивъ глаза въ землю, безъ всякихъ припѣвовъ, и, нагулявшись у музыки, отправлялись догуливать воскресенье на Крестовскій островъ... Мудрено ли, что эти люди, очень, кажется, замѣчательные, были пропущены молодымъ человѣкомъ безъ всякаго вниманія, хотя они часто проходили взадъ и впередъ мимо его, и каждый разъ оглядывали его, и каждый разъ, подходя къ нему, затягивали носомъ свои обычныя пѣсни?...

Мудрено ли? Передъ нимъ мелькали бѣлые султаны, и радужные цвѣта, и щегольскіе кабріолеты, и молодые камеръюнкеры, и блестящіе аксельбанты...

Молодой человѣкъ былъ очень доволенъ гуляньемъ. Офицеръ, который стоялъ съ нимъ, едва успѣвалъ удовлетворять его любопытству, едва успѣвалъ отвѣчать на безпрестанные вопросы его: «кто это такой? кто это такая? чей это экипажъ?»

На другой сторонѣ моста показалась прелестная шляпка, выказалась изъ-за толпы чудесная талія,—онъ схватилъ офицера за руку и хотѣлъ увлечь его на ту сторону, какъ вдругъ мостъ загудѣлъ, и надъ ухомъ его раздался визгливый голосъ форейтора.

Онъ отшатнулся... Промелькнула коляска, запряженная четвернею вороныхъ лошадей, съ двумя огромными лакеями; въ коляскѣ двѣ дамы и рядомъ съ коляскою на картинномъ конѣ офицеръ съ бѣлымъ султаномъ.

Съѣхавъ въ моста, кучеръ, немного пошатнувшись назадъ, мастерски сдержалъ лошадей... Коляска вмиуту остановилась. Офицеръ съ бѣлымъ султаномъ — это былъ кавалергардъ — съ неописанною ловкостью, съ удивительнымъ искусствомъ осадилъ своего коня, погладилъ его шею: благородный конь тряхнулъ головою; зыбкій, бѣлый султанъ прихотливо разсыпался на шляпѣ кавалергарда; кавалергардъ наклонился къ одной изъ дамъ, сидѣвшихъ въ коляскѣ, и заговорилъ съ ней.

Все это было мгновеніе. Молодой человѣкъ очутился у самой коляски, посмотрѣлъ на дамъ, сидѣвшихъ въ ней, потомъ на кавалергарда — и оборотился назадъ, вѣроятно для того, чтобы спросить у своего знакомаго: кто эти дамы? кто этотъ кавалергардъ? Знакомаго не было возлѣ него, онъ потерялъ его въ толпѣ. Десятый часъ! — какъ скоро прошло время!

Заря кончалась. Кавалергардскій караулъ стоялъ подъ ружьемъ...

«На моли-тву!» раздалась команда дежурнаго. Карабины дружно брякнули. «Каски до-лой!» Трубачъ прочиталъ молитву. Экипажи двинулись къ мосту. Коляска, въ которой сидѣли двѣ эти дамы, потянулась также вслѣдъ за другими

экипажами... Кавалергардъ возлѣ коляски... Молодой человѣкъ безцѣльно за этою коляскою...

И вотъ коляска съѣхала съ моста; и вотъ помчалась; и вотъ взвилось облако пыли. Молодой человѣкъ остановился... Онъ глядѣлъ въ даль... Коляски уже не было видно; лишь виднѣлся бѣлый султанъ, нѣжно колеблемый вечернимъ вѣтеркомъ...

Бѣдный молодой человѣкъ!

Возвратясь съ Елагина острова, онъ бросился на широкій диванъ въ своемъ новомъ, изящномъ сюртукѣ, и не побоялся смять его! Онъ отослалъ лакея не раздѣваясь, и лакей вѣрно былъ очень доволенъ этимъ, потому-что, стоя передъ бариномъ со свѣчой въ рукѣ, съ всклокоченными волосами, съ полуоткрытыми глазами, онъ безпрестанно спотыкался физіономіей на свѣчку и преспокойно спалилъ себѣ правый високъ.

Баринъ не замѣчалъ этого: и до того ли ему было! Баринъ закрылъ глаза — и передъ нимъ нарисовалось личико, и какое личико! Оно было во сто разъ лучше всѣхъ фантазій Граведона—и куда же Граведону было создать этакое личико!... Темноголубые глаза, въ которыхъ сверкали и душа, и мысль, и чувство, и страсть; шелковыя темнорусыя кудри, небрежно выпадавшія изъ-подъ прозрачной воздушной бѣлой шляпки; улыбка, придававшая несказанную прелесть прелестному личику, улыбка—обвороженіе, полуоткрытыя уста, полуоткрытый рядъ зубовъ, которые блистали, какъ перлы...

И это личико не было воздушнымъ идеаломъ, который всегда можно спахнуть однимъ мановеньемъ очей... О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Онъ видѣлъ это личико не въ мечтѣ, онъ любовался имъ не въ грезѣ... Полно, правда ли? Гдѣ же онъ видѣлъ его?... Елагинъ островъ .. четверня вороныхъ коней... бѣлый султанъ... и вездѣ непремѣнно этотъ бѣлый султанъ, зыбкій, разсыпчатый, красивый... Мысли молодаго человѣка стали мѣшаться... и вотъ онъ въ залѣ, и зала вся блещетъ огнями, кавалергардская музыка... и вотъ онъ несется въ вихрѣ вальса, рука его обвилась около тонкаго, гибкаго стана... онъ танцуетъ съ ней! Музыка гремитъ — и онъ летитъ, летитъ подъ ея звучный ладъ... Передъ очами его темноголубыя очи, очи его Мадонны; передъ нимъ это небесное

личико; онъ такъ близко къ устамъ ея, онъ пьетъ ея дыханіе... и она такъ привѣтно на него смотритъ...

Не знаю, долго ли онъ лежалъ на диванѣ и много ли грезилъ, но наутро онъ проснулся на своей постелѣ; возлѣ изголовья стоялъ, по обыкновенію, маленькій столъ, а на столѣ колокольчикъ. Онъ позвонилъ; лакей поднялъ штору и остановился передъ постелью его съ безсмысленной улыбкой и съ опаленнымъ вискомъ.

Пять или шесть дней молодой человѣкъ влачился между мечтою и жизнью, между видѣніемъ и существенностью, между блаженствомъ и мукою, между темноголубыми очами своей возлюбленной и опаленнымъ вискомъ своего лакея.

Такъ онъ былъ влюбленъ? Бѣдный молодой человѣкъ!... Онъ только-что начиналъ любить и еще не зналъ, *кого* любитъ; онъ безпечно предавался мечтѣ-чародѣйкѣ, мечтѣ-отравительницѣ! Онъ точно былъ поэтъ: онъ только-что взглянулъ на Божій міръ — и міръ показался ему свѣтлымъ, радужнымъ. Это былъ первый взглядъ на жизнь, взглядъ довѣрчивый, когда мы ко всѣмъ простираемъ горячія объятія—и довольные жизнью засыпаемъ беззаботно крѣпкимъ сномъ.

Правда, молодой человѣкъ зналъ, что общество не можетъ имѣть и не имѣетъ равенства; что есть на свѣтѣ аристократія или высшее сословіе, потомъ среднее, потомъ поколѣніе чиновниковъ, и т. д.; но кто же не знаетъ этого? Правда, онъ таки-видалъ молодежь высшаго круга, онъ таки-былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ этого круга, онъ замѣтилъ, что эти люди *отъ головы до пятокъ имѣютъ на себѣ особый отпечатокъ*; онъ уже успѣлъ заимствовать у этихъ людей многое: и небрежный видъ, и модный покрой платья.... но познанія его объ обществѣ не простирались далѣе, а съ такими познаніями нельзя было уйти далеко.

Бѣдный молодой человѣкъ! Однажды (это было, какъ я сказалъ уже, черезъ пять или шесть дней послѣ вечера на Елагиномъ) онъ шелъ по Англійской набережной.... Петербургскій климатъ ужасно какъ непостояненъ и измѣнчивъ, да я и не знаю, есть ли что въ Петербургѣ постоянное и неизмѣнчивое? Часовъ въ 11-ть утра, когда молодой человѣкъ вышелъ изъ дома, было солнце: онъ вышелъ въ одномъ сюртукѣ и не подумалъ, что можетъ вдругъ пойти дождь, а дождь

вдругъ пошелъ сильный, проливной. Это было въ исходѣ втораго часа. Онъ добѣжалъ до перваго подъѣзда и остановился подъ навѣсомъ. Подъ этимъ навѣсомъ спасались отъ дождя какая-то дѣвушка съ платочкомъ, накинутымъ на голову, и съ картонкой въ рукѣ и сенатскій чиновникъ въ полиняломъ вицъ-мундирѣ съ воротникомъ, вмѣсто зеленаго, цвѣта осеннихъ листьевъ. Этотъ чиновникъ очень умильно поглядывалъ на дѣвушку, и потомъ улыбался съ самодовольствіемъ, и потомъ смотрѣлъ вверхъ на навѣсъ, и потомъ опять на дѣвушку. Молодой человѣкъ сталъ между ними.

Дождь не переставалъ. Черезъ нѣсколько минутъ чиновникъ кашлянулъ, поправилъ свой суконный жилетъ и обратился къ дѣвушкѣ: «Странно-съ! А дождь-то все идетъ-съ. Что съ нимъ будешь дѣлать?» — Потомъ онъ улыбнулся и посмотрѣлъ вверхъ. Дѣвушка молчала.—Спустя еще нѣсколько минутъ, онъ снова оборотился къ дѣвушкѣ: «А что-съ? вѣдь васъ бы промочило, если бы вы теперь пошли?» Потомъ онъ снова улыбнулся и посмотрѣлъ вверхъ. — Дѣвушка ничего не отвѣчала. Только при этомъ она, надувъ губы, отвернула голову въ сторону.

Въ эту минуту раздался издали громъ колесъ по мостовой, ближе, ближе — и вдругъ громъ смолкъ. Карета, запряженная четвернею вороныхъ коней, съ двумя лакеями сзади, подкатилась къ подъѣзду. Сенатскій чиновникъ прижался къ углу, дѣвушка отсторонилась. Молодой человѣкъ взглянулъ на ливрею — и его сердце забилось, забилось.... Дверцы кареты отворились — у него замеръ духъ.... Изъ кареты мелькнула дама и исчезла, мелькнула другая и исчезла.... Эта другая была — она!

Онъ видѣлъ ея маленькую, стройную ножку, видѣлъ, какъ эта ножка коснулась тротуара и порхнула въ дверь, но она все-таки коснулась тротуара — и онъ, безумецъ, и онъ готовъ былъ поцѣловать это мѣсто, до котораго коснулась ножка.... Вотъ какъ онъ любилъ ее! А она и не замѣтила его — и можно ли было ей замѣтить какую-то группу, смиренно пріютившуюся отъ дождя у подъѣзда? Это такъ обыкновенно. Передъ ней мелькнули какія-то три фигуры — только!

Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ уже давно зналъ ее: онъ встрѣчалъ ее то на гуляньяхъ, то во французскомъ спектаклѣ;

онъ такъ завидовалъ этимъ гордымъ господамъ, которые одинъ за другимъ толпились въ той ложѣ, гдѣ сидѣла она; ея личико такъ сошлось съ его видѣніемъ, съ его мечтою, что онъ скоро началъ смѣшивать мечту съ существенностью, картину съ жизнью.

Одинъ изъ лакеевъ остался у подъѣзда....

— Черезъ полчаса подавай! закричалъ онъ кучеру: опять на дачу.

Молодой человѣкъ схватилъ лакея за руку. Лакей преважно посмотрѣлъ на него.

— Чья это карета? спросилъ онъ его.... И голосъ молодаго человѣка дрожалъ.

Лакей снова съ пренебреженіемъ посмотрѣлъ на него.

«Князя В*», отвѣчалъ онъ грубо.

— А кто эти дамы?

«Княжна его дочь, и сестра князя.»

— А кто этотъ кавалергардскій офицеръ, который въ воскресенье былъ съ ними на Елагиномъ острову?

Лакей, кромѣ пренебреженія, въ этотъ разъ посмотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ.

— Кто этотъ офицеръ? повторилъ молодой человѣкъ громкимъ и повелительнымъ голосомъ.

«Какой офицеръ-съ? Я не знаю-съ! У ея сіятельства женихъ въ кавалергардскомъ полку», отвѣчалъ лакей, внезапно оторопѣвъ отъ такого голоса.

II.

«See, how she leans her cheek upon her hand;
O that I were a glowe upon that hand,
That I might touch that cheek!...»

«Romeo and Juliet» Shakspeare.

Какъ мила княжна Ольга! Вглядитесь въ эти страстныя очи: въ этихъ очахъ вамъ выскажется душа ея; полюбуйтесь этими рѣсницами, этими длинными, темными волосами шелковыхъ кудрей, этими устами, на которыхъ бы умереть въ поцѣлуѣ, этою простодушною ловкостью, этою привѣтливою улыбкою. Посмотрите, какъ она легка, воздушна, какъ она

создана быть княжной, блистать въ позолоченныхъ залахъ, вдохновлять любовью, очаровывать съ перваго взгляда! Ея очи — да это цѣлый міръ любви! не этой свѣтской, жалкой любви, о которой болтаютъ въ гостиныхъ, нѣтъ — любви поэтической, о которой мечталъ пламенный Шиллеръ и которую называютъ люди безуміемъ.

Вамъ, можетъ быть, покажется это смѣшно? Шиллеровскій идеалъ въ аристократическихъ гостиныхъ XIX вѣка, Шиллеровскій идеалъ въ Сихлеровой шляпкѣ! Но что же мнѣ дѣлать, если княжна точно была такова? Пусть она будетъ для васъ анахронизмомъ въ наше время, странностью, чѣмъ хотите, — но я повторяю, она въ самомъ дѣлѣ была такова. Чуждая напыщенности и этой пошлой гордости, выражающейся такъ смѣшно, такъ некрасиво на *иныхъ* личикахъ, княжна была горда, не по огромности и узорчатости своего княжескаго герба, а по чувству собственнаго достоинства. Ея гордость не была безсмысленна, и потому она придавала ей плѣнительную величалость, благородство невыразимое, рѣзко отличавшее ее отъ другихъ, и которое, несмотря на это, можно было пріобрѣсть только въ высшемъ кругу, гдѣ все наружное доведено до возможной степени изящнаго. Княжнѣ было 19 лѣтъ; она была высока и стройна, она была немножко кокеткой, но это кокетство такъ шло къ ней. Впрочемъ, нѣтъ, я ошибся: то было не кокетство, а утонченность воспитанія, ослѣпительная, обворожающая, родная для нея стихія придворной жизни, которая ярче чѣмъ на другихъ отражалась на ней. Кокетство — слово слишкомъ простонародное. Кокетокъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, вы встрѣтите въ другомъ кругу петербургскаго общества: этихъ женщинъ, которыя съ жалкимъ усиліемъ желаютъ нравиться, выставляютъ себя, *сентиментальничаютъ*, немножко ломаются, иногда дѣлаютъ нѣжные глазки, и вообще производятъ на васъ такое впечатлѣніе, какое производитъ варенье, когда вы его неумѣренно покушаете. Когда княжна задумывалась, она была еще милѣе, если только допустить, что она могла быть милѣе обыкновеннаго.

Раскинувшись на штофной кушеткѣ, въ одной изъ своихъ комнатъ на каменноостровской дачѣ, она съ дѣтскою наивностью смотрѣлась въ трюмо сквозь плющевую рѣшотку и съ дѣтскою прихотью оторвала листокъ плюща и играла

съ листкомъ: вертѣла его въ своихъ бѣлыхъ, нѣжныхъ ручкахъ, прикладывала его къ губамъ — и потомъ свернула его и бросила съ досадою на цвѣтистый коверъ. Но не листокъ занималъ княжну: ея сердце такъ билось, ея бархатная грудь такъ роскошно и такъ сильно дышала, сжатая корсетомъ.... Отчего же такъ билось ея сердце, отчего такъ часто дышала грудь ея?

Она замечталась, моя княжна; она было - вздумала сначала читать, но книга раскрытая осталась на той страницѣ, на которой она развернула ее. Мечта взяла верхъ надъ книгою. Она мечтала о томъ кавалергардскомъ офицерѣ, который въ воскресенье на Елагиномъ былъ возлѣ ея коляски. Странная прихоть! Княжнѣ вдругъ захотѣлось вырвать перышко изъ его чудеснаго султана и гладить это перышко.... и поцѣловать его. Вотъ почему она сорвала листокъ плюща и вертѣла его въ рукахъ и подносила къ своимъ губкамъ. Можетъ статься, она воображала, что это перышко изъ султана, и потомъ, разочаровавшись, увѣрясь, что это просто листокъ, она бросила его на коверъ... Вдругъ княжна привстала съ кушетки, посмотрѣла на часы съ мраморнымъ изваяніемъ. Стрѣлка показывала половину четвертаго. Она немного сморщила лобъ, немного нахмурилась. *Онъ* сегодня у насъ обѣдаетъ. Отчего же такъ долго не ѣдетъ онъ? А княжна знала, что у нихъ садятся за столъ не ранѣе пяти часовъ.

«Зачѣмъ его нѣтъ здѣсь теперь?» Она сорвала опять листокъ—и въ минуту расщипала его и бросила. И потомъ, облокотясь на глазетовую подушку, на которой, будто живой, рисовался букетъ нарциссовъ, опять замечталась. Она была такъ счастлива: еще только двѣ недѣли, какъ она была невѣстою, и невѣстою человѣка, который давно былъ избранникомъ ея сердца, завѣтною тайною ея мыслей, человѣка, къ которому она привыкла съ самаго дѣтства, безъ котораго ей была бы скучна жизнь. И вотъ княжна замечталась о его добромъ, благородномъ сердцѣ, о его пылкой любви, о томъ, какъ онъ хорошъ въ красномъ бальномъ мундирѣ, о томъ, какой будетъ у нея экипажъ, какая ливрея, какъ они будутъ дѣлать визиты, *абонируютъ* ложу во французскомъ спектаклѣ: это будетъ ужъ ея собственная ложа; какъ они

будутъ вмѣстѣ гулять... Боже мой! да о чемъ не мечтала княжна? Мечта дѣвушки такъ легка, такъ плѣнительна, такъ свѣтла, разнообразна, неуловима! Эта мечта порхаетъ, какъ разноцвѣтная, радужная бабочка; вы подмѣтите ее и захотите поймать, а она улетѣла далеко; вы снова за нею, а она снова отъ васъ, словно птичка съ талисманомъ въ арабскихъ сказкахъ. И надобно быть ребенкомъ, чтобы захотѣть поймать бабочку, чтобы захотѣть уловить мечту дѣвушки.

Около 5 часовъ раздался звонъ колокольчика въ швейцарской... Ея сердце встрепенулось. Она вспорхнула съ кушетки — и въ одно мгновенье очутилась въ угольной комнатѣ, которая выходила окнами въ садъ. Эта комната была обклеена бѣлыми штофными бумажками и обведена позолоченой чертой подъ лѣпными карнизами. Яркая пунцовая мебель и занавѣсы придавали ей чрезвычайно пріятный свѣтъ, несмотря на то, что окна были нѣсколько затѣнены деревьями. Самые роскошные цвѣты, пирамидально уставленные по угламъ, красовались на бѣлыхъ обояхъ.

Княжна остановилась у растворенного окна и сбросила съ груди небольшой дымковый платочекъ: ей было жарко... Въ эту минуту легкое бряцанье шпоръ отозвалось въ ближней комнатѣ. Полуоткрытая грудь ея стала дышать сильнѣй и чаще... Въ комнату вошелъ кто-то. Она не обертывалась.

— О чемъ вы такъ задумались, княжна? спросилъ ее молодой кавалергардскій штабъ-ротмистръ.

Она обернулась къ нему — и закраснѣлась, какъ роза, которая, полуразвернувшись, качалась на стебелькѣ и цѣловала грудь ея.

— Отчего это такъ поздно? спросила она его съ укоромъ.

— Будто поздно? Я сейчасъ только изъ городу; я такъ торопился... Онъ взялъ руку княжны и поцѣловалъ ее.

Она посмотрѣла на него такъ довѣрчиво, съ такою полною любовію... Вотъ въ эту минуту надобно было убѣдиться, какъ выразительны, какъ одушевленны ея очи. Какой міръ блаженства пророчила она любимцу своего сердца, ему—этому счастливцу кавалергарду!

И онъ понималъ языкъ очей ея, онъ предчувствовалъ, что ожидало его въ будущемъ. Онъ могъ отвѣ-

чать чувствомъ на чувство. Онъ не былъ этимъ ледянымъ слѣпкомъ, отъ котораго вѣетъ простудой и который навѣваетъ грусть. Въ немъ не было этой жалкой, мелочной суетности, которую вы встрѣчаете заурядъ въ молодежи и высшаго и низшаго круга. Впрочемъ, нельзя было сказать, чтобы онъ совсѣмъ не имѣлъ ея: вѣдь онъ былъ человѣкъ свѣтскій, *человѣкъ гостиныхъ.* Но графъ Болгарскій слишкомъ отличался отъ другихъ; онъ имѣлъ такъ много завлекательности, былъ такъ свѣтски, изящно образованъ, и такъ далекъ отъ толпы вѣтреной молодежи! Онъ всегда чуждался толпы, вы никогда не встрѣтили бы его съ толпою, потому-что онъ зналъ цѣну самому себѣ и видѣлъ ничтожество, окружавшее его. А это ужь очень много!

И какъ онъ былъ хорошъ собою и какъ статенъ! Свѣтлые волосы графа вились съ небрежною прихотливостью и красиво упадали къ правой сторонѣ, немного закрывая широкій лобъ; его небольшіе, каріе глаза были такъ страстны, онъ имѣлъ столько выразительности въ лицѣ; онъ такъ нравился женщинамъ. Но для него существовала только одна женщина, для него было одно только завѣтное имя, имя Ольги...

— Пойдемте къ батюшкѣ; онъ насъ ждетъ въ кабинетѣ,—сказала она графу. Ужь скоро 5 часовъ. И Ольга схватила его руку, скользнула по паркету, увлекла его съ собою и исчезла...

У небольшаго мраморнаго камина, въ комнатѣ, полной самаго плѣнительнаго безпорядка, стоялъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Лицо его съ перваго взгляда чрезвычайно располагало въ его пользу. Очеркъ этого лица былъ необыкновенно пріятенъ: большой, открытый лобъ, волоса, въ которыхъ ужь начинали прокрадываться сѣдины, всѣ поднятые вверхъ, смѣлый, проницательный взоръ и особенное расположеніе губъ, — все это взятое вмѣстѣ придавало ему такъ много особеннаго, важнаго, что гдѣ бы вы его ни встрѣтили, вы сейчасъ бы остановились на немъ и подумали: *а! это не простой человѣкъ.* На немъ былъ сюртукъ темнаго цвѣта: шея обвернута большимъ малиновымъ платкомъ. Онъ держалъ въ рукѣ огромный листъ какой-то французской газеты и не очень внимательно пробѣгалъ его: видно, что газета не

заключала въ себѣ ничего новаго, ничего замѣчательнаго. Это былъ князь В*, отецъ Ольги.

Тутъ дверь кабинета отворилась. Князь отбросилъ газету на столъ и обернулся къ двери. Передъ нимъ стояла Ольга, рядомъ съ нею женихъ ея.

Какъ они оба были хороши, какъ созданы другъ для друга! И князь съ такимъ свѣтлымъ лицомъ встрѣтилъ ихъ, въ его глазахъ выразилось такъ много радости: онъ былъ счастливъ ихъ счастіемъ.

— А, любезный графъ!—и онъ протянулъ къ нему руку, и тотъ отъ сердца пожалъ эту руку. Онъ отдавалъ ему, этому графу, свою радость, свой свѣтъ, свою жизнь... Онъ, казалось, говорилъ этимъ пожатіемъ: я люблю тебя, я увѣренъ въ тебѣ — и вотъ почему я отдаю тебѣ мое сокровище; смотри же, оправдай мое довѣріе и выборъ ея младенческаго сердца: сдѣлай ее счастливою.

— А мы васъ давно ждали, продолжалъ князь — и съ улыбкою посмотрѣлъ на свою Ольгу.

И Ольга вспыхнула и потупила очи.

Отецъ подошелъ къ ней, провелъ рукой по тесьмамъ волосъ ея и поцѣловалъ ее.

У князя не было болѣе дѣтей: она была одна—и въ ней одной для него заключалось все. Она была его утѣшеніемъ, радостью, его мечтою, его надеждою, его воспоминаніемъ... Воспоминаніе!.. Каждый разъ, когда князь любовался ею, передъ нимъ оживалъ образъ ея матери; этотъ образъ, казалось, возникалъ изъ праха и, возсозданный, обновленный, въ роскошномъ цвѣтѣ являлся передъ нимъ.

Счастливица княжна! какое блаженство готовилось ей въ будущемъ! Счастливица!

А настоящее?

Какъ-то разъ вечеромъ они сидѣли вдвоемъ: она на диванѣ, графъ возлѣ нея на низенькомъ эластическомъ стулѣ. Въ комнатѣ разливался томный, пріятный для глазъ свѣтъ. Матовое стекло лампы, которая стояла на столѣ въ отдаленіи отъ дивана, было скрыто въ зелени и въ цвѣтахъ, и лучи свѣта прорывались сквозь зелень и цвѣты.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ было такъ тихо, какъ-

будто никого не было — и эти минуты тишины были верхъ упоенія для двухъ любящихся.

— Ты мой, я давно назвала тебя моимъ: ты еще не знаешь, какъ я люблю тебя!

Вотъ что говорила, молча, княжна.

— О, я слишкомъ счастливъ! никогда самый роскошный сонъ, самый поэтическій вымыселъ не сравнится съ моею существенностью. Вотъ что говорилъ, молча, женихъ ея.

И онъ наклонился къ рукѣ ея — и поцѣловалъ ея руку, и какимъ страстнымъ, какимъ восторженнымъ поцѣлуемъ!

Она упала головкой на грудь, будто подавленная страстью. Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо, и ихъ очи сошлись, и его очи утонули въ ея очахъ... Еще мгновеніе, менѣе чѣмъ мгновеніе — и уста его были такъ близки къ ея устамъ... еще... и они замерли въ поцѣлуѣ, улетѣли туда, въ этотъ чудный міръ, не для всѣхъ досягаемый, гдѣ все гармонія, все упоительные звуки, въ этотъ міръ, о которомъ такъ хорошо говорили Моцартъ и Шиллеръ.

Когда княжна отвела свои уста отъ его устъ—чары улетѣли: она очутилась опять въ той же комнатѣ, гдѣ была прежде, на диванѣ, и возлѣ нея на низенькомъ стулѣ онъ. Лицо ея пылало.

— Такъ *ты* очень любишь меня, Ольга? спросилъ ее графъ — и рука его была въ ея рукѣ.

— Люблю ли я *васъ?*—и она сжала его руку.

Потомъ она почувствовала въ первый разъ неловкость этого *вы* и тихо повторила:

— Люблю ли я тебя?

Этотъ вечеръ они оба были такъ веселы, такъ самодовольны; на устахъ ея горѣлъ первый поцѣлуй его, для него такъ отрадно звучало это *ты*, которое первый разъ выговорила она.

Вотъ каково было ея настоящее!

III.

«Все чувства [illegible] ему [illegible], [illegible] в [illegible] [illegible] [illegible]

— Я вижу этого человѣка первый разъ въ жизни, сказалъ онъ, еще разъ съ такою же важностью посмотрѣвъ на него.... — Я не знаю, *что это такое.*

Во взорѣ камеръ-юнкера было ужасно какъ много недоступности. Казалось, онъ считалъ себя лицомъ чрезвычайно замѣчательнымъ, и глазъ наблюдательный могъ бы замѣтить, какъ изрѣдка, правда, украдкою, этотъ камеръ-юнкеръ поглядывалъ съ самодовольствіемъ на пуговицы своего вицъ-мундира. Видно было, что онъ только дней за десять передъ этимъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры.

Молодой человѣкъ, привлекшій на себя вниманіе княжны и десятидневнаго камеръ-юнкера, былъ тотъ самый, который съ такимъ безумнымъ, юношескимъ восторгомъ созерцалъ княжну на Елагиномъ, и котораго потомъ судьба нечаянно завлекла къ подъѣзду дома князя В* на Англійской набережной.

Этотъ молодой человѣкъ впервые попалъ въ гостиную высшаго круга, о которой онъ только мечталъ до-сихъ-поръ. И какъ далека была его мечта отъ существенности! Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ минуты, когда его представятъ въ домъ С*! И вотъ эта минута настала, имя его произнесено — и его встрѣтило безпривѣтливое, едва замѣтное наклоненіе головы. Онъ съ застѣнчивостью отошелъ въ сторону и задумался: «что же? можетъ-быть всѣхъ такъ принимаютъ въ этомъ кругу!» Онъ робко вошелъ въ гостиную; сердце его билось; онъ осмотрѣлся кругомъ: ни одного знакомаго лица. Ему что-то было неловко, онъ чувствовалъ самъ себя страннымъ — и отъ этого сдѣлался еще робче. Гостиная была полна блистательными дамами и роскошными цвѣтами, огромными зеркалами и бронзою, и эти дамы, и эти цвѣты, и эта бронза такъ плѣнительно отражались въ зеркалахъ! Около дамъ красиво блистали эполеты, красиво мелькали бѣлые султаны съ длинными, опущенными къ паркету перьями. О, ужь мнѣ эти бѣлые султаны!...

Вдругъ возлѣ молодаго человѣка очутилось знакомое ему лицо. Онъ такъ обрадовался. Это былъ юноша лѣтъ 23, не пропускавшій ни одного вечера, ни одного бала, ни одного спектакля, «цвѣтущій юноша», который проводилъ половину

дня въ каретѣ, половину въ гостиныхъ, который слылъ за большаго умника, говорилъ о чемъ вамъ угодно, и всегда съ тономъ увѣренности: о Моцартѣ и Донъ-Карлосѣ, о Шатобріанѣ и Карлѣ X, о Пушкинѣ и Махмудѣ, — который не шутя причислялъ себя къ *Карлистамъ*, несмотря на то, что былъ безъ всякой примѣси русскій, — который рѣшалъ политическія дѣла Европы съ такою легкостью и дальновидностью, что самъ Меттернихъ позавидовалъ бы ему, — который... и проч. и проч., дѣло не въ томъ: я сказалъ, что молодой человѣкъ очень обрадовался, увидѣвъ его, и думалъ найти въ немъ для себя *точку опоры:* а ему, бѣдному, нужна была опора, ему, одинокому, робкому, смиренно прислонившемуся къ шелковымъ обоямъ...

И онъ съ простодушною улыбкою, съ радостью, которую не умѣлъ скрыть, схватилъ руку этого юноши, сжатую желтой лайковой перчаткой... Тотъ немного поворотилъ голову и очень серьезно, очень холодно прошепталъ: «А, это вы, мсьё Кремнинъ!» и очень осторожно высвободилъ свою руку, сжатую слишкомъ неаристократически; потомъ мелькнулъ, исчезъ, снова появился въ кругу дамъ, граціозно раскланялся, небрежно заговорилъ съ ними, и въ это время невнимательно окидывалъ взоромъ гостиную.

Молодой человѣкъ опять остался одинъ. Онъ почувствовалъ тягость на сердцѣ...

Но вотъ въ дверяхъ гостиной показался пожилой человѣкъ съ важнымъ видомъ и со звѣздой на черномъ фракѣ; за нимъ дѣвушка вся въ бѣломъ — и возлѣ нея кавалергардъ.

— Какъ хороша княжна В*! сказалъ кто-то у самаго уха Кремнина.

У него замеръ духъ... Передъ нимъ мелькнула княжна. Да, она; Боже мой! въ самомъ дѣлѣ какъ хороша!

Онъ первый разъ увидѣлъ ея станъ, ея очаровательную походку, величавость, окружавшую ее. Онъ внезапно почувствовалъ, какую преграду поставило общество между имъ и ею — и ему стало горько, горько... Она такъ недоступна, и ему, съ его боязливостью, съ его несвѣтскостью, ему, который впервые попалъ въ такую блестящую гостиную, стать рядомъ, осмѣлиться заговорить съ княжной? И о чемъ ему заговорить съ ней? Вѣдь между ними нѣтъ ничего общаго: онъ не знаетъ

стихій этого круга, онъ случайно занесенъ въ этотъ кругъ... Онъ думалъ, думалъ — и все смотрѣлъ на княжну. Въ эту-то минуту княжна, нечаянно обернувшись, взглянула на него.

И онъ видѣлъ, какъ она спросила что-то у стоявшаго возлѣ нея камеръ-юнкера, видѣлъ, съ какимъ пренебреженіемъ этотъ господинъ измѣрялъ его... Онъ все видѣлъ...

Тяжело было на сердцѣ молодаго человѣка, когда онъ возвратился домой съ этого музыкальнаго вечера. Ему мерещился то гордый, презрительный взоръ, брошенный на него десятидневнымъ камеръ-юнкеромъ, то равнодушный, невнимательный пріемъ хозяйки дома... Передъ нимъ безпрестанно являлась *она*. О, для чего поѣхалъ онъ на этотъ музыкальный вечеръ! Какъ мучительно страдало его самолюбіе, какъ ныло его сердце! И глаза молодаго человѣка помутились слезою. Мучительная, жестокая боль выжала эту слезу, и слеза медленно скатилась по его щекѣ. Горячая слеза: это была слеза мужчины! И, право, одна эта слеза стоила моря дѣтскихъ и женскихъ слезъ.

«Но къ чему поведетъ эта любовь, любовь безъ взаимности, безъ участія? Не смѣшна ли такая любовь? И дойдетъ ли до *нея* когда-нибудь страдальческій голосъ этой любви? И если дойдетъ, кто знаетъ: можетъ-быть она, блистательная княжна, сдѣлаетъ гордую гримаску, разсмѣется на эту жалкую любовь, можетъ-быть она будетъ разсказывать объ ней жениху своему — и тотъ встрѣтитъ меня или злой насмѣшкой, или равнодушнымъ презрѣніемъ?»

Въ эту минуту онъ не хотѣлъ болѣе возвращаться въ общество, которое только наканунѣ увидѣлъ впервые. Не быть въ этомъ обществѣ, бѣжать прочь отъ него? Да гдѣ же онъ увидитъ *ее?* Гдѣ будетъ любоваться ею? — И онъ готовъ былъ снова хоть сейчасъ, съ сердцемъ трепещущимъ отъ ожиданія, бѣжать въ аристократическую гостиную только для того, чтобы увидѣть *ее!*

Можетъ-статься, порой ему приходило на мысль, что современемъ онъ ознакомится, сдѣлается *короткимъ* въ этихъ гостиныхъ, что и онъ будетъ такъ же ловокъ и смѣлъ, какъ тысячи другихъ, что и его, какъ и тысячи другихъ, будутъ встрѣчать со внимательнымъ привѣтомъ. Очень можетъ статься, что иногда онъ воображалъ себя въ огромной княжеской залѣ

не *статистомъ*, а человѣкомъ съ ролью, человѣкомъ съ рѣчами... Сегодня спектакль на Каменноостровскомъ театрѣ? Она вѣрно будетъ тамъ. Какъ не ѣхать!

9-й часъ. Въ 1-мъ ярусѣ отпирается ложа за ложей: онъ вздрагиваетъ при каждомъ стукѣ отпираемой двери. Мало-помалу ложи наполняются — и вотъ оцвѣтился весь ярусъ.

Съ робостью молодой человѣкъ оглядываетъ ложи въ лорнетъ.

Она! — и его лорнетъ остановился на ней... Она оборотила головку къ молодому графу.

«Есть же на свѣтѣ избранники, любимыя дѣти, баловни судьбы, передъ которыми вѣчно цвѣтетъ жизнь, вѣчно красуется, которые тонутъ въ удовольствіяхъ, которые задыхаются отъ полноты счастья!...» Такъ думалъ бѣдный молодой человѣкъ, смотря на жениха княжны.

Онъ думалъ, а между-тѣмъ занавѣсъ опустился. Все зашумѣло вокругъ него. Эти беззаботные, легкіе и ловкіе свѣтскіе денди перелетали изъ ложи въ ложу, а онъ все смотрѣлъ на *нее* — и все думалъ о счастьи *его*...

При разъѣздѣ онъ остановился возлѣ нея. Она стояла завернувшись въ розовый салопъ; на головѣ ея былъ небрежно накинутъ бѣлый эшарпъ. Съ ней разговаривалъ какой-то толстый посланникъ со звѣздою. Молодой человѣкъ немного подвинулся впередъ: она увидала его, и, казалось, будто узнала.

«Карета князя В*!»

И онъ исчезла.

— Кто этотъ молодой человѣкъ, бѣлокурый, который стоялъ сейчасъ возлѣ меня? Я его видѣла надняхъ на вечерѣ у С*, — спросила она у графа, который сидѣлъ въ каретѣ противъ нея.

— Который это?

— Такой блѣдный, съ такими странными глазами.

— Для чего это тебѣ хочется знать? спросилъ ее отецъ.

— Онъ всегда на меня производитъ какое-то странное, непріятное впечатлѣніе...

— Какой вздоръ, моя милая! quelle idée! И князь улыбнулся.

Часто послѣ этого княжна встрѣчала молодаго человѣка, производившаго на нее странное впечатлѣніе. Можетъ-быть

она поняла причину, почему она его такъ часто встрѣчаетъ, и почему взоръ его слѣдитъ ее повсюду, но все-таки онъ былъ для нея непонятнымъ лицомъ. Какимъ ничтожнымъ казался онъ въ этихъ гостиныхъ! Отчего, вѣчно прислонившись къ стѣнѣ, вѣчно одинокій, вѣчно задумчивый, вѣчно связанный въ движеньяхъ, какъ-будто онъ былъ не въ своемъ платьѣ?... Могла ли княжна понять причину этого, она, рожденная княжной, она, еще въ пеленкахъ видѣвшая и блескъ, и бархатъ, и золото? Могла ли она вообразить, что можно оробѣть, потеряться въ этихъ огромныхъ залахъ съ позолочеными карнизами, которыя освѣщены такъ ослѣпительно-ярко?

Между-тѣмъ время брака княжны Ольги близилось. Ждали только пріѣзда княгини Л*, ея близкой родственницы, изъ чужихъ краевъ: она назначена была посаженой матерью Ольги.

Былъ Ноябрь въ исходѣ.

На одномъ вечерѣ, въ промежуткѣ контръ-дансовъ, княжна сидѣла у окна возлѣ мраморной статуи, которая была сзади уставлена зеленью; возлѣ нея пріятельница ея фрейлина Р*. Онѣ очень серьёзно о чемъ-то разговаривали. Въ рукѣ Ольги былъ вѣеръ, и она, разговаривая, играла этимъ вѣеромъ.

— Княжна! послышался возлѣ нея дрожащій, несмѣлый голосъ...

И вѣеръ княжны остановился въ рукѣ.

Она взглянула. Передъ ней стоялъ молодой человѣкъ... Бѣдный! онъ весь измѣнился въ лицѣ; онъ лепеталъ что-то такое:

— Княжна... ангажировать... слѣдующій....

Она поняла, что онъ хочетъ ангажировать ее на слѣдующій контръ-дансъ. Онъ показался ей въ эту минуту достойнымъ участья.

— Хорошо-съ, отвѣчала она ему привѣтливо.

Онъ поклонился и отошелъ... Какъ онъ чувствовалъ себя неловкимъ, смѣшнымъ, рѣшившись на такой подвигъ — и самъ дивился своей смѣлости. Въ-самомъ дѣлѣ онъ былъ немножко страненъ своею неразвязностью въ этой залѣ.

Когда онъ отошелъ, фрейлина быстро схватила Ольгу за руку, засмѣялась отъ-души и проговорила протяжнымъ, насмѣшливымъ голосомъ:

— Какой плачевный этотъ молодой человѣкъ! Откуда онъ? Несчастный, кажется, онъ влюбленъ въ тебя, Ольга.

— Полно, полно, Нина; онъ можетъ замѣтить твой смѣхъ... Ради Бога, перестань.

Музыка загремѣла. Пары разставлялись по залѣ. Кремнинъ подошелъ къ княжнѣ съ потупленными глазами...

— Кто вашъ vis-à-vis? спросила она его.

— Н**, чуть слышно отвѣчалъ онъ, и едва-едва коснулся руки княжны.

Нѣсколько минутъ сбирался онъ съ духомъ, чтобы заговорить съ нею; но мысли не шли къ нему въ голову, слова не сходили съ устъ. Какъ и съ чего начать? О, какъ билось его сердце... Странный человѣкъ! какъ онъ хотѣлъ въ эту минуту быть далѣе отъ своей княжны, далѣе отъ этой залы... Дыханье его занималось, ему надобно было вздохнуть свободнѣе.

— Нравится ли вамъ, нравится ли... — наконецъ началъ онъ — вамъ, княжна, музыка Вебера?... Какъ вы находите музыку Вебера?... Онъ заикаясь произнесъ это, и закраснѣлся.

— Музыка Вебера? Княжна украдкой взглянула на молодаго человѣка. Княжна внутренно улыбалась, но она не позволила шалуньѣ-улыбкѣ вырваться наружу и оцвѣтить ея прелестныя уста, нѣтъ!

— Музыка Вебера! — И княжна, будто не замѣтя его замѣшательства, кстати на его вопросъ, изящнымъ, непринужденнымъ, легкимъ языкомъ набросала ему нѣсколько своихъ замѣтокъ о музыкѣ.

Какъ онъ ловилъ ея каждое слово! Когда княжна смолкла, будто ожидая отъ него продолженія такъ отрывисто начатаго имъ разговора, онъ не умѣлъ воспользоваться минутой, чтобы развернуть свой вопросъ и придать ему какой-нибудь смыслъ, какую-нибудь форму. Онъ молчалъ.

Потомъ, минуты черезъ двѣ, онъ также несвязно и также безцѣльно проговорилъ:

— Говорятъ, на французскомъ театрѣ будетъ на-дняхъ новая дебютантка.

— Да, говорятъ...

Въ эту минуту музыка смолкла. Онъ поклонился княжнѣ.

Княжна немного наклонила впередъ свою головку на поклонъ его.

Онъ отошелъ въ сторону.

«Боже мой!» думалъ онъ: «для чего я ангажировалъ ее? Я не умѣю сказать ни одного слова. Она вѣрно сочла меня за дурака... О, это нестерпимо, это мучительно! Для чего я ангажировалъ ее?»

Молодой человѣкъ давно уже былъ у себя въ комнатѣ, давно лежалъ на своей постели, а этотъ вопросъ не сходилъ съ языка его.

Тутъ ему пришелъ въ голову такой прекрасный, такой занимательный предметъ для разговора съ княжною, разговоръ, который обнаружилъ бы и его душу, и его умъ... Онъ разрывался.... Какъ счастливы эти господа, съ-издѣтства привыкшіе говорить съ княжнами! Кажется, шагъ былъ сдѣланъ: разъ вступивъ въ сіятельную гостиную, онъ могъ бы мало-по-малу привыкнуть къ ней... И вы думаете, что это такъ легко? О, вы бы спросили объ этомъ у бѣднаго молодаго человѣка!

Въ одной изъ нихъ — это было, кажется, на вечерѣ у графини Д*... да, точно, потому-что его только и встрѣчали въ двухъ извѣстныхъ гостиныхъ — такъ однажды у этой графини спросили объ немъ. Графиня изволила посмотрѣть на него довольно пристально, чрезвычайно холодно, очень важно, что можно было сейчасъ замѣтить изъ легкаго движенія ея нижней губы. Удивительно, какъ эти графини умѣютъ иногда самымъ незначительнымъ движеніемъ лица такъ много придать себѣ важности! Она взглянула на него, и сказала:

— А! это какой-то г. Кремнинъ. Мнѣ его представилъ г. Н*. Я, право, не знаю, *что онъ такое*... Онъ, кажется, никогда ничего не говоритъ и всегда стоитъ на одномъ мѣстѣ. Вѣрите ли, что онъ былъ у меня раза четыре и еще не сказалъ со мной двухъ словъ! По всему видно, что онъ очень простъ.

Этотъ приговоръ графини былъ немножко рѣшителенъ, но нельзя было обвинить ее за этотъ приговоръ. Въ-самомъ-дѣлѣ, по закону свѣтскости, человѣкъ, который былъ въ домѣ четыре раза и не болѣе двухъ словъ произнесъ предъ хозяй-

кою дома.—такой человѣкъ... какъ не почесть такого человѣка если неумышленно-страннымъ, то *простымъ?*

Свѣтъ судитъ по-своему—и онъ правъ. Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ былъ *лишній* тамъ, гдѣ были:

. . . . . цвѣтъ столицы,
И знать, и моды образцы,
Вездѣ встрѣчаемыя лицы...

Какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ показался въ высшемъ кругу и объ этомъ узнали, то *нѣкоторые* изъ его знакомыхъ, при встрѣчѣ съ нимъ, жали ему руку и гораздо крѣпче и чувствительнѣе прежняго, и улыбались ему съ гораздо бо̀льшею пріятностью. Есть въ Петербургѣ такіе молодые люди, впрочемъ очень любезные, которые, не имѣя никакихъ средствъ попасть въ высшее общество, смотрятъ съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ и съ небольшою, почти незамѣтною завистью на того, который посѣщаетъ эти общества. Однако иногда между собою, въ своемъ кругу, дома, за трубкою вакштаба, въ кондитерской за чашкою шоколада, разговорясь о томъ, о семъ, они отпускаютъ насчетъ такого человѣка насмѣшки въ родѣ слѣдующей: «онъ, братецъ, лѣзетъ въ знать» и тому подобное.

Въ началѣ декабря въ гостиныхъ заговорили о пріѣздѣ изъ чужихъ краевъ старушки-княгини Л* и о скоромъ бракѣ княжны В*.

Еще новость: княгиня даетъ огромный балъ; на этомъ балѣ будетъ весь блестящій Петербургъ,—и вотъ этотъ блестящій Петербургъ ждетъ бала, приготовляется къ балу и радуется случаю разсыпать деньги.

До слуха Кремнина дошла вѣсть объ этомъ балѣ и о скоромъ бракѣ княжны. Какъ бы ему попасть на этотъ балъ? А ему захотѣлось непремѣнно быть тамъ, въ послѣдній разъ посмотрѣть на княжну, въ послѣдній! и навсегда распроститься съ аристократическими гостиными. Это было твердое его намѣреніе... Кчему же вѣчно влачить жизнь безъ цѣли и надежды? О, жизнь безъ надежды! Понимаете ли вы, что̀ это такое?—Это день безъ свѣта, нѣтъ, это удушливый сонъ безъ пробужденія, это темница съ замками, для которыхъ нѣтъ ключей; цѣпь колодника—и ни шагу безъ этого роко-

ваго, тяжелаго звука, который гремитъ вамъ: нѣтъ отрады, нѣтъ надежды! Да, онъ рѣшился проститься съ княжною и съ гостиными, въ которыхъ только она одна для него блестѣла.

Онъ поѣхалъ къ Н*. Дома.

— Пожалуйста выполни мою послѣднюю просьбу, сказалъ онъ ему, не по обычаю только сжимая его руку.—Говорятъ, у княгини Л* надняхъ огромный балъ. Я хочу быть на этомъ балѣ.

Н* задумался.

— Ты вѣдь знакомъ съ княгинею?

— Да, и очень; но, право, милый, легче попасть въ Магометовъ рай, чѣмъ на этотъ балъ княгини. Сколько приглашеній!... Однако... Но ты такъ вооруженъ противъ общества, ты такъ не любишь нашихъ гостиныхъ. Отчего же вдругъ такое желаніе?

— Я прошу тебя...

— А, понимаю, понимаю!

— О, ради Бога!... И молодой человѣкъ снова схватилъ его руку.

— Я не даю тебѣ слова, но я сейчасъ же ѣду къ княгинѣ, и можетъ быть... Да, кстати, мнѣ еще нужно будетъ кой-куда заѣхать. Я пришлю тебѣ отвѣтъ.

Черезъ два дня Кремнинъ получилъ пригласительный билетъ отъ княгини.

Балъ былъ назначенъ 10-го декабря.

Къ концу этого дня, часовъ въ 11, въ Милліонной не было проѣзда. Улица отъ начала до конца была загромождена экипажами, освѣщена каретными фонарями. Жандармы скакали, кричали, бранились съ кучерами и проклинали виновницу этого съѣзда.

Домъ княгини горѣлъ огнями. Широкая лѣстница, расходившаяся кверху на двѣ половины, была устлана яркаго цвѣта узорчатымъ ковромъ и вся уставлена померанцовыми деревьями. Съ обѣихъ сторонъ у входа на мраморныхъ пьедесталахъ стояли большія курильницы чрезвычайно красивой формы, вывезенныя изъ чужихъ краевъ. У самаго входа пестрый, какъ полишинель, швейцаръ съ огромной булавою; далѣе цѣлый строй лакеевъ, увѣшенныхъ гербами, въ башмакахъ—такихъ ловкихъ, такихъ серьёзныхъ. Чувство робости,

это непріятное чувство, тяжко сжало молодаго человѣка при входѣ. Онъ подумалъ: «въ послѣдній разъ» и немного ободрился.

Княгиня Л* чрезвычайно любила Ольгу. Еще ребенкомъ она всегда любовалась ею, всегда цѣловала ее, и когда Ольга начала подростать, когда она день-ото-дня становилась пригожѣе, княгиня была отъ нея въ совершенномъ восторгѣ; княгиня безпрестанно кормила ее конфектами и безпрестанно, смотря на нее, повторяла: «*ma belle Olga*»... Говорили, будто бездѣтная, одинокая старушка заготовила духовную, въ которой все состояніе свое, послѣ смерти, отдавала княжнѣ. Впрочемъ, то были одни только слухи. Старушка созвала въ свои залы все высшее общество столицы для нея одной, и заранѣе радовалась, заранѣе была увѣрена, что она будетъ царицею бала. Княгиня не ошиблась. Ольга точно была царицею бала. Ольга была блистательна; въ ней чудно соединялись два идеала красоты: этотъ языческій, соблазнительный идеалъ формъ и другой чистѣйшій, возвышеннѣйшій: выраженіе души и мысли. Гордо-поэтическая, дѣвственно-непорочная мысль выказывалась въ этихъ благородныхъ, нѣжныхъ чертахъ лица, душа такъ и сверкала въ этихъ лазурныхъ очахъ. На ней было бѣлое атласное платье, несовсѣмъ длинное, оканчивавшееся ровной полосой воздушнаго газа, сквозь который виднѣлись прелестныя ножки; сверхъ этого платья другое какое-то прозрачное, легкое; бриллiантовая пряжка стягивала поясъ, и широкая лента пояса упадала къ ногамъ. Голова ея была причесана просто: все тѣ же длинные, небрежные локоны и у косы одинъ бѣлый цвѣтокъ пополамъ съ розой. На нее просто нельзя было налюбоваться.

Балъ сверкалъ, ослѣпляя, музыка чаровала слухъ, ароматическій дымъ чуть вился въ душной атмосферѣ; все съ самозабвеніемъ прыгало и веселилось.

Графъ, стоя возлѣ своей невѣсты, замѣтилъ тамъ, въ сторонѣ, въ толпѣ, молодаго человѣка. — «Кажется, это онъ!» Графъ едва замѣтно улыбнулся и потомъ оборотился къ своей Ольгѣ.

— Знаешь ли, кто здѣсь? сказалъ онъ ей вполголоса.

— Кто? простодушно спросила она.

— Я не скажу тебѣ. Отгадай....

— Какъ же ты хочешь, чтобъ я отгадала? Ты знаешь, какъ я недогадлива, милый?

Графъ опять улыбнулся.

— Вотъ посмотри направо, тамъ, между барономъ Р* и Т*....

— Что же?

— Ахъ, онъ исчезъ!

— Кто?...

— Твой обожатель, Ольга. Этотъ.... какъ-бишь, я всегда забываю его имя.... Крениц.... Гремиинъ.... твой несчастный обожатель....

— А, перестань, Michel; онъ *такой жалкій*, этотъ молодой человѣкъ!

— Я не понимаю, какъ онъ попалъ сюда. Кто его представилъ княгинѣ? Кажется, онъ немножко страненъ (графъ хотѣлъ сказать *глупъ*). Но ты должна знать это лучше. Вѣдь онъ танцовалъ съ тобой у графини *?

— Да; но онъ сказалъ со мной только два слова....

— Неужели? Такъ онъ долженъ быть очень любезенъ?

Графъ засмѣялся.

— Онъ очень похожъ на какую-то неловкую и длинную птицу.... Ты видѣла въ послѣднихъ листкахъ Musée de familles! Онъ скользитъ на паркетѣ, какъ гусь на льду.

Княжна улыбнулась.

Такъ невинно шутилъ графъ и такъ наивно внимала его шуткамъ *она*.

А молодой человѣкъ стоялъ сзади; онъ невольно слышалъ почти весь этотъ разговоръ. Онъ блѣднѣлъ и трясся; на глаза его налегъ туманъ. Наконецъ, при послѣднихъ словахъ, кровь задушила его.... Онъ посмотрѣлъ съ ногъ до головы на графа — это былъ взглядъ, сверкнувшій вдругъ, нечаянно, какъ искра на пеплѣ, который, казалось, совсѣмъ потухъ — посмотрѣлъ на графа, скрылся въ толпѣ, а потомъ его не было видно въ залахъ.

Черезъ часъ, можетъ быть и менѣе, онъ опять показался.

Между-тѣмъ княжнѣ что-то сгрустнулось, она даже вздохнула.... Неужели этотъ балъ утомлялъ ее?

Княжна вышла изъ залы и пошла въ другую комнату: тамъ легче дышать; дальше и дальше.... Музыка тише и

тише — и вотъ она очутилась въ угольной, небольшой, полукруглой комнатѣ. Въ этой комнатѣ никого не было. Она притворила дверь. Звуки музыки доходили сюда невнятнымъ гуломъ. Княжнѣ стало легко. Она опустилась на табуретку. Въ этой комнатѣ былъ томный свѣтъ, утѣшающій зрѣніе: одна лампа подъ матовымъ стекломъ, и то только освѣщавшая картину, которая висѣла на стѣнѣ. Какъ хороша картина! И Ольга заглядѣлась на нее.

Картина эта была старинной, темной кисти, изображавшая божественную Мадонну съ предвѣчнымъ младенцемъ. Говорили, что это картина Фра-Бартоломео. Правда это или нѣтъ, но вы видѣли именно божественную Мадонну. Видно, горячо молился художникъ, прежде чѣмъ замыслилъ эту картину, и благодать свыше пріосѣнила его, и животворная кисть начертала неземной, божественный ликъ, и вѣрно художникъ, начертавъ его, палъ колѣнопреклоненный передъ собственнымъ созданіемъ. Долго смотрѣла княжна на этотъ образъ — и душа ея теплилась моленіемъ, и ей было такъ пріятно....

А черезъ нѣсколько комнатъ отъ нея люди, будто опьянѣлые, безумно кружились и бѣгали подъ громъ музыки, и сладострастное забвеніе туманило ихъ блѣдныя, усталыя лица.... А черезъ нѣсколько комнатъ отъ нея....

Но княжна вздрогнула, дверь отворилась. Передъ нею стоялъ графъ. Онъ уже давно повсюду искалъ ее.

— Что съ тобой, моя Ольга? Для чего это ты здѣсь, одна? Не дурно ли тебѣ?

И графъ взялъ ея руку.

— Княгиня тоже безпокоится и ищетъ тебя.

— Въ залахъ такъ жарко, здѣсь такъ хорошо.

И она пожала его руку.

— Посмотри на этотъ образъ. Ты видѣлъ его, мой другъ? Посмотри, вотъ какъ должно изображать Мадонну. Вѣдь это нездѣшняя, неземная женщина; вглядись хорошенько. Сядь сюда. Я скажу тебѣ, что̀ я здѣсь дѣлала: глядя на этотъ образъ, я молилась за тебя....

— О!...

И, восторженный, онъ припалъ къ устамъ ея.

Она провела рукой по его кудрямъ, пристально посмо-

трѣла на него и, послѣ нѣсколькихъ минутъ задумчивости, сказала:

— Знаешь ли, Michel, мы теперь такъ счастливы... Да? Вѣдь ты счастливъ?... Я боюсь только, надолго ли.... Правда ли, говорятъ, будто бы здѣсь нѣтъ ничего постояннаго? Это ужасно! Такъ, мы всѣ живемъ только настоящимъ, только *сегодня*; а *завтра*.... кто знаетъ, что будетъ *завтра?*...

— Что это значитъ? Кчему такія черныя мысли?

— Это только боязнь, другъ мой, потерять мое теперешнее счастье. Я бы не снесла этой потери. Только одна боязнь.... Впрочемъ, эта мысль часто со мной, и часто я гоню ее прочь отъ себя.

У Ольги навернулись слезы.

— Полно, полно, Ольга.

И онъ снова цѣловалъ ее — и ея уста такъ жались къ его устамъ.

— Ольга! Ольга! послышался въ ближней комнатѣ голосъ старушки-княгини.

Въ эту самую минуту молодой человѣкъ уже расхаживалъ въ большой залѣ, гдѣ танцовали, и, казалось, все искалъ кого-то. Странно: въ его глазахъ вдругъ исчезла эта дѣвичья скромность, несмѣлость, которую другіе называли *простотою;* его взглядъ много говорилъ, но говорилъ что-то страшное. Этотъ взглядъ былъ страненъ на балѣ.

Послѣ разговора графа, который онъ невольно подслушалъ, выбѣжавъ изъ залы, какъ помѣшанный, онъ бросился домой, взбѣжалъ къ себѣ на лѣстницу запыхавшись, и прямо къ своему письменному столу.

На этомъ столѣ лежалъ въ прекрасномъ небольшомъ сафьянномъ футлярѣ кинжалъ, привезенный ему изъ чужихъ краевъ. Это былъ кинжалъ-игрушка, красиво и вычурно отдѣланный, кинжалъ для забавы, для виду, такъ, чтобъ лежать между изящными бездѣлками въ кабинетѣ какого нибудь *фата*.

Внѣ себя, онъ схватилъ футляръ и выдернулъ изъ него кинжалъ. Небольшое лезвіе, мастерски отполированное, ярко блеснуло.... Онъ помертвѣлъ; рука его, державшая кинжалъ, дрожала.... Онъ вложилъ кинжалъ въ футляръ, а футляръ въ боковой карманъ. Какъ онъ не походилъ на самого себя! Страсть сорвала съ лица его обыкновенное спокойное выра-

женіе. Въ эти минуты онъ будто прожилъ нѣсколько лѣтъ: такъ онъ возмужалъ. Быстро выбѣжавъ вонъ изъ своей квартиры, бросился онъ въ свою ямскую карету, отворилъ оба окна, потому-что ему было душно, потому-что его тѣснили видѣнія страшныя, отъ которыхъ замираетъ сердце и становится дыбомъ волосъ.... Душно!... Но вотъ карета опять у блестящаго подъѣзда, и вотъ онъ опять въ бальной залѣ.

Когда первое волненіе начало въ немъ стихать, когда онъ въ состояніи былъ собрать мысли свои въ порядокъ, все это ему представилось какимъ-то чудовищнымъ сномъ, бредомъ горячки. Онъ схватился за боковой карманъ — но въ немъ въ самомъ дѣлѣ кинжалъ; онъ посмотрѣлъ кругомъ себя: о, это не сонъ! И молодой человѣкъ содрогнулся.

«Быть убійцей!» подумалъ онъ: «подлымъ, низкимъ убійцей изъ - за угла — и за что же? за нѣсколько обидныхъ замѣчаній на мой счетъ! Я безумецъ. Но передъ кѣмъ онъ меня выставлялъ въ смѣшномъ видѣ, передъ кѣмъ?..... Все равно, я не въ состояніи быть уличнымъ убійцей. Онъ подошелъ къ двери, которая вела въ другую залу, и увидѣлъ графа. Кровь опять хлынула ему въ голову. «Графъ, графъ! онъ дастъ мнѣ отчетъ въ своихъ словахъ!...» О, какъ онъ былъ гордъ въ эту минуту, какія чувства выражались въ каждой чертѣ лица его! Онъ думалъ: «разсчитываясь съ графомъ, я разсчитываюсь со всѣми этими господами, которые хотѣли подавить, уничтожить меня своею холодностью»—и онъ былъ доволенъ собою....

Тусклѣе становилось въ залахъ. Залы рѣдѣли. Мазурка кончилась.

«Прощай, прощай, моя Ольга!» шептала княгиня, цѣлуя ее. «Что это ты вдругъ такъ поблѣднѣла?... Я не могла налюбоваться тобой: ты была сегодня хороша, какъ ангелъ.»

Графъ побѣжалъ сказать, чтобы подавали карету князя В*.

Въ дверяхъ какъ-то нечаянно онъ толкнулъ Кремнина, не замѣтилъ этого, не извинился, и исчезъ.

Карета стояла у подъѣзда.

Графъ у дверецъ кареты. Первая вошла сестра князя, за нею князь, потомъ княжна....

— *До-завтра*, Michel! сказала ему Ольга, входя въ карету.

— *До-завтра*, *до-завтра*....

Дверцы кареты захлопнулись. «Пошелъ!» Графъ приложилъ руку къ своей трехъугольной шляпѣ. Онъ видѣлъ въ окно кареты, какъ Ольга кивнула ему головкой.

— *До-завтра, до-завтра!*

Въ эту минуту сзади кто-то схватилъ его за шинель....

Онъ оборотился: это былъ Кремнинъ.

— Чго вамъ угодно? вѣжливо спросилъ графъ.

— Мнѣ угодно поговорить съ вами; вы удостоите выслушать нѣсколько словъ. Отойдемте отъ подъѣзда.

Графъ посмотрѣлъ на него.

Они отошли на нѣсколько шаговъ.

Графъ остановился.

— Еще немного подальше, графъ. Видите ли, здѣсь экипажи, здѣсь люди....

Они отошли еще дальше.

Графъ еще разъ посмотрѣлъ на него.

— Что вамъ угодно? повторилъ онъ.

— Вы сейчасъ это узнаете.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ кругомъ себя.

— Кажется, здѣсь никого нѣтъ: мы глазъ-на-глазъ. Графъ! за оскорбленія платятъ оскорбленіями, за насмѣшку насмѣшкой, за презрѣніе презрѣніемъ....

— Что это значитъ?

— Минуту терпѣнія, ваше сіятельство. Я слышалъ вашъ разговоръ обо мнѣ съ княжной, здѣсь, на этомъ балѣ.... Я не подслушивалъ, я просто слышалъ: вы говорили такъ, что не одинъ я могъ слышать.... Вы воображали, графъ, что можете смѣло во всеуслышаніе издѣваться надъ человѣкомъ простаго круга; что этотъ человѣкъ, котораго вы видали въ залѣ раза два или три въ углу, робкаго, молчаливаго, неловкаго, что этотъ человѣкъ не заслуживаетъ ничего, кромѣ вашей насмѣшки.... Вы ошиблись, графъ!... Вы видите, что я умѣю говорить, что я, человѣкъ изъ толпы, не могу и не хочу снести оскорбленія.... Вы понимаете меня? Но я увѣренъ, что въ васъ есть благородство — я говорю не объ одномъ благородствѣ, которое вы изволили пріобрѣсть вашей наслѣдственной короной....

Графъ стоялъ будто пораженный ударомъ грома. Онъ видѣлъ, до чего довела его неосторожность, до чего довели

его эти незначительныя, необдуманныя, пошлыя фразы, брошенныя на вѣтеръ. Слова молодаго человѣка, эти слова, болѣзненно вырывавшіяся изъ груди, были тяжки для графа: они какъ свинецъ подавляли его. Да, онъ раскаявался въ своей опрометчивости. Позднее раскаяніе!

— Довольно, я понялъ васъ, сказалъ ему графъ твердымъ голосомъ.

— Я не ошибся въ васъ, графъ! Тутъ молодой человѣкъ, будто боясь, чтобы ихъ не подслушали, подвинулся на полшага ближе къ графу и сказалъ ему что-то шопотомъ.

— Вы согласны?

— Согласенъ.

— Завтра утромъ.

— Да.

Графъ хотѣлъ идти.

— Еще одно слово, графъ! Вы могли сегодня же заплатить жизнью за вашу остроумную насмѣшку надъ бѣднымъ, незначащимъ человѣкомъ. Да, ваша жизнь висѣла на волоскѣ... Я хотѣлъ зарѣзать васъ, графъ, какъ рѣжутъ разбойники, тайкомъ, изъ-за угла. Вотъ этотъ кинжалъ готовился для васъ. Но я не могу быть подлымъ убійцею. Итакъ завтра въ 11 часовъ, за М... заставой.

Карета за каретой тянулись къ подъѣзду. Разъѣздъ продолжался.

Графъ пошелъ къ подъѣзду. Навстрѣчу къ нему бѣжалъ Ф*: онъ искалъ своей коляски. Графъ шепнулъ ему что-то на-ухо. Тотъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на него.

— Ни слова!

И они пожали другъ другу руку.

Графъ возвратился домой и, не раздѣваясь, всю ночь просидѣлъ въ креслахъ. Руки его были судорожно сжаты. Онъ былъ холоденъ, какъ мраморъ.

Къ утру онъ всталъ съ креселъ; лицо его осунулось и покрылось синеватою блѣдностью; онъ подошелъ къ столу, написалъ письмо, запечаталъ его и призвалъ человѣка.

— Я сегодня утромъ уѣду. Если до вечера не возвращусь, ты отнесешь это письмо къ князю В*.

— Слушаю, ваше сіятельство.

Въ 10 часовъ утра къ нему пріѣхалъ Ф*; Ф* осмотрѣлъ

ящикъ съ пистолетами и велѣлъ положить его въ карету. Въ 11-мъ часу карета выѣхала со двора. Садясь въ карету, графъ произнесъ вполголоса: *сегодня и завтра!*

Графъ не возвращался домой. Вечеромъ письмо его было отнесено къ князю В*.

— Онъ обѣщалъ быть, онъ не ѣдетъ: что это значитъ?...

Къ вечеру князь занемогъ.

Жадному до новостей городу брошена была добыча.

«Дуэль, дуэль! Графъ Болгарскій, женихъ княжны В*, и какой-то молодой человѣкъ, тотъ, что видали тамъ-то и тамъ-то... Боже, какое несчастіе!»

Разскащики и разскащицы были въ восторгѣ.

Бѣдный Н*, представившій Кремнина къ княгинѣ, былъ въ отчаяніи. Онъ говорилъ педантически, приглаживая свои бакенбарды, что онъ совершенно *окомпроментированъ*.

На слѣдующій день князь почувствовалъ, что ему легче. Онъ перемогъ себя и всталъ съ постели.

— Ольга! я получилъ записку отъ графа, сказалъ онъ. Графъ никуда не выѣзжаетъ: онъ нездоровъ. Несчастный отецъ глоталъ слезы и улыбался, смотря на дочь.

— Нездоровъ? повторила она—и задумалась.

Прошелъ еще день, другой, третій—нѣтъ графа. У Ольги распухли глаза отъ слезъ. На четвертый день она уже не плакала; подошла къ отцу и спросила его твердымъ голосомъ:

— Что же, онъ все нездоровъ?

Отецъ вздрогнулъ.

Черезъ нѣсколько дней въ кабинетѣ князя собралось нѣсколько докторовъ. Князь пошелъ на половину дочери и за нимъ эти доктора. Князь вошелъ къ ней въ комнату. Доктора не входили. Княжна лежала на кушеткѣ. Лицо ея было закрыто руками. Отецъ подошелъ къ ней.

— Ольга!

Она встала съ кушетки.

— А, это вы, батюшка?

— Каково ты себя чувствуешь, другъ мой?

— Ничего, очень хорошо...

Минуты двѣ они оба молчали.

Отецъ взялъ ее за руку.

— Другъ мой! сказалъ онъ ей: — обѣщайся мнѣ быть благоразумною...

Голосъ отца дрожалъ.

— У тебя еще остаюсь я...

Ольга посмотрѣла на него. Ея зрачки остановились, губы образовали какую-то гримасу, похожую на улыбку; она пошатнулась.

— Помогите, помогите! закричалъ князь отчаяннымъ голосомъ.

Доктора вбѣжали въ комнату.

IV.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой —
И бурны тучи разогналъ,
И дубъ низвергнулъ величавый.

А. Пушкинъ.

Хороша ты, Волга, царица рѣкъ русскихъ! Гульливы и веселы твои воды! Прихотница, красиво — то сжато, то раскидисто — бѣжишь ты, и порой страшно сердишься, и мутишься, и стонешь, и разливаешься! Твои дѣти, баловни-волны, затѣваютъ подъ часъ чудныя потѣхи: онѣ вьются, пѣнятся, перегоняютъ другъ друга, переливаются на ясномъ солнышкѣ, немилостиво играютъ съ бѣдными судами, прыгаютъ на эти суда, скачутъ, заливаютъ, топятъ безсильныхъ и еще, безжалостныя, радуются ихъ немощи и удальству своему.

Узорчаты берега твои, красавица-Волга! Высоко вздымаютъ они свои скалистыя вершины! Въ ихъ глубокихъ расщелинахъ, на ихъ широкихъ уступахъ растутъ вѣковыя деревья, склоняясь къ водамъ твоимъ, изгибаясь, падая, и между ними вьется кустарникъ, и кой-гдѣ торчатъ его безобразныя, высохшія иглы, и кой-гдѣ, середи темной зелени, голый утесъ высовываетъ свою желтую, песчаную голову.

И Сальваторъ-Роза заглядѣлся бы на берега твои, разгульная Волга! Я помню: еще дитя, стоялъ я на берегу твоемъ. Сѣрыя тучи облегли небо, вереница дикихъ утокъ

тянулась по поднебесью чернымъ поясомъ — и ты сумрачна была, Волга, какъ небо, и тяжело поднималась и опускалась твоя свинцовая грудь....

Когда судьба снова привела меня къ твоему берегу, ты была окована льдомъ: я не любовался твоею молодецкою удалью, твоимъ широкимъ привольемъ. Равнодушно проѣхалъ я по твоей ледяной корѣ, равнодушно смотрѣлъ, какъ яркое, зимнее солнце играло съ инеемъ, который обсыпалъ деревья и кустарники береговъ твоихъ, и сверкалъ и щеголялъ, какъ сверкаетъ и щеголяетъ бальное убранство изъ многоцѣнныхъ каменьевъ.

Когда же снова я увижу тебя, Волга? А въ эту минуту я бы хотѣлъ надышаться свободой, наглядѣться на безпредѣльность, налюбоваться привольемъ и, можетъ быть, раздуматься о прошедшемъ! Когда же снова я увижу эти великолѣпныя хоромы, гордо, красиво рисующіяся на берегу твоемъ, старинныя хоромы русскаго барина, и большую каменную церковь съ пестрыми главами и горящими крестами, замѣтную издалеча, и эту деревню, которая такъ картинно раскинулась около церкви по береговому скату?... Когда? Когда?...

Въ этихъ хоромахъ, принадлежавшихъ князю В*, назадъ тому года четыре, кипѣла жизнь, вездѣ встрѣчались слѣды одушевленія. По широкимъ лѣстницамъ бѣгали взадъ и впередъ безтолковые лакеи, мелькали повара и поваренки въ бѣлыхъ курткахъ и колпачкахъ на бекрень; по тѣнистымъ аллеямъ парка разъѣзжали линейки и кабріолеты. Теперь вездѣ пусто — и въ домѣ, и въ саду, и въ паркѣ. Говорятъ, дорожки сада заросли травою, на мѣстѣ роскошныхъ цвѣтниковъ торчитъ безобразный репейникъ, кой-гдѣ проглядываютъ высохшіе сучья шиповника и между ними печально красуется одинокій, опальный цвѣтокъ. Тихо въ забытомъ саду, тихо окрестъ опустѣвшаго дома; лишь порой слышится стонъ Волги, да ея однообразные всплески, да глухой говоръ вѣковыхъ деревьевъ и страшное завыванье вѣтра, грознаго предвѣстника бури.

Такъ, кажется, 4 года тому назадъ (вѣрно только то, что это было въ іюлѣ, черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ того, какъ объявлено было Ольгѣ о смерти ея жениха), князь В* сидѣлъ въ одной изъ комнатъ своего деревенскаго дворца, окна

которой выходили на Волгу. Передъ волтеровскими креслами, на которыхъ сидѣлъ князь, былъ поставленъ столикъ, а на столикѣ стояла большая фарфоровая чашка съ чаемъ. Онъ былъ блѣденъ; лицо его очень измѣнили эти полгода; его волосы, съ прежнею тщательностью всчесанные кверху, почти совершенно посѣдѣли. Онъ машинально повертывалъ въ рукѣ чайную ложечку. Немного поодаль у стола, въ промежуткѣ двухъ оконъ, стоялъ человѣкъ лѣтъ сорока, въ черномъ фракѣ, очень серьёзный, съ нависшими на глаза бровями, который съ важностью потиралъ рукою свой подбородокъ. Противъ креселъ князя, за богатымъ роялемъ, сидѣла княжна Ольга. На ея личикѣ вы совсѣмъ не нашли бы тяжкихъ слѣдовъ печали, нѣтъ, это личико было такъ же цвѣтисто, такъ же игриво и одушевленно, какъ и нѣсколько мѣсяцевъ назадъ тому, въ тѣ дни, когда она сидѣла объ-руку съ графомъ и говорила ему: «Безъ тебя мнѣ нѣтъ счастія, нѣтъ жизни!» На княжнѣ было бѣлое тюлевое платье, на груди букетъ живыхъ розъ; тесьмы волосъ ея были стянуты золотой пластинкой фероньерки, съ крупнымъ брилліантомъ въ серединѣ. На бронзовой розеткѣ рояля висѣлъ вѣнокъ, искусно сплетенный изъ разныхъ цвѣтовъ, которые уже начинали вянуть. Ольга то брала какіе-то странные аккорды, то, опустивъ недвижныя руки на клавиши, была въ задумчивости. Догоравшее солнце слабо играло на полу и на стѣнахъ комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ княжна встала съ табуретки, посмотрѣла на ноты, которыя лежали на пюпитрѣ, перевернула листъ, потомъ взяла вѣнокъ и пристально посмотрѣла на него, потомъ отошла отъ рояля и улыбнулась.

Князь взглянулъ на человѣка въ черномъ фракѣ.

Тотъ сдѣлалъ гримасу, открылъ табакерку и сталъ съ важностью перебирать табакъ.

Ольга подошла къ отцу.

— Эти цвѣты вянутъ! печально сказала она.

Князь молчалъ.

— Вянутъ! А вѣдь я нарвала ихъ только за два часа передъ этимъ. Посмотрите, посмотрите, какъ опустились листики розы! Бѣдная роза!...

И нѣсколько минутъ она стояла молча, печально, съ поникшей головкой.

— Вы меня любите, батюшка? Да, вы меня очень любите? Правда? — И она наклонилась къ отцу и поцѣловала его.

У старика навернулись слезы. Онъ тихо проговорилъ:

— Ты моя жизнь, Ольга!

— Ваша жизнь!... А вотъ этотъ дикій жасминъ — онъ совсѣмъ завялъ. Я его вырву изъ вѣнка.... Завялъ! завялъ!

Она отошла къ окну.

— Знаете ли что? произнесла она тихо, и потомъ запѣла вполголоса.... Я,

Какъ пчела, жужжа, мелькаю,
Въ пышной розѣ исчезаю,
Ароматъ цвѣточный пью
И, играя, догоняю
Серебристую струю....

— Какой чудесный вечеръ, батюшка! Взгляните, какъ играетъ солнце на поверхности воды. Посмотрите на небо! Ахъ, какіе чудесные цвѣта, какой блескъ, какое убранство! Вотъ яхонтъ, вотъ изумрудъ, вотъ золото, золото — и все покрыло золото.... Я не люблю золота!

И потомъ она тихо, на цыпочкахъ, подошла къ роялю, пробѣжала руками по клавишамъ и запѣла:

Опостылѣлъ мнѣ свѣтъ —
Друга милаго нѣтъ!
Одинъ разъ посмотрѣть
На него, хоть во снѣ,
И потомъ умереть,
Умереть дайте мнѣ....
Гдѣ же онъ? Онъ убитъ,
Онъ въ могилѣ зарытъ.
Милый мой, миръ съ тобой!
Ты засыпанъ землей...

И вдругъ голосъ ея задребезжалъ, какъ порванная струна арфы, и нестройные звуки обратились въ рыданіе, раздиравшее сердце.

Отецъ закрылъ лицо руками....

Черезъ нѣсколько минутъ княжна съ веселой улыбкой выбѣжала изъ комнаты. «Я пойду проститься съ милымъ другомъ, съ моимъ милымъ другомъ», повторяла она.....

«Ужъ солнце садится.... Деревцо мое! Оно ждетъ меня, оно скучаетъ безъ меня....»

Князь остался вдвоемъ съ человѣкомъ въ черномъ фракѣ. Князь всталъ съ креселъ, подошелъ къ нему и взялъ его за руку.

— Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело, докторъ! Что? нѣтъ никакой надежды?...

Докторъ пожалъ плечами, стукнулъ по табакеркѣ, понюхалъ и пробормоталъ: «На.... чужіе краи, можетъ-быть, перемѣна, разнообразіе....»

— Да, въ августѣ мы ѣдемъ въ чужіе краи. Такъ еще, можетъ-быть, есть надежда? Послушайте, я васъ озолочу, докторъ....

Между-тѣмъ княжна сбѣжала по лѣстницѣ въ нижнюю залу, изъ залы въ садъ, и въ одно мгновеніе очутилась на широкой площадкѣ противъ оконъ своей спальни.

Въ срединѣ этой площадки, устланной зеленымъ, бархатнымъ ковромъ дёрна, гордо возвышался красивый, статный, раскидистый дубъ. Вы залюбовались бы его роскошными вѣтвями, дѣвственной свѣжестью его зелени, залюбовались бы его могучей, растительной силой, вы, которые привыкли смотрѣть на жалкія деревья, кой-гдѣ безсмысленно торчащія между кирпичными громадами зданій, на эти бѣдныя деревья, опаленныя солнцемъ и одѣтыя въ пыль.

Княжна подбѣжала къ дубу, посмотрѣла на этотъ дубъ, закивала ему своей головкой — и въ эту минуту ея локоны такъ мило разсыпались по лицу, и она такъ мило откидывала ихъ отъ лица.

— До-завтра, до-завтра! говорила княжна.... Мы завтра увидимся съ тобою, милый другъ. Я приду къ тебѣ вмѣстѣ съ солнцемъ.... Теперь оно уходитъ, и я ухожу отъ тебя. До-завтра, до завтра!

И дерево будто понимало слова княжны, будто сочувствовало этой странной привязанности къ нему: его листы, тихо колеблясь, казалось, шептали что-то нѣжное въ отвѣтъ на ея привѣтствіе.

У одного изъ оконъ верхняго этажа стояли князь и докторъ. Они слѣдили за движеніями Ольги....

— Чѣмъ вы поясните эту чудную привязанность къ де-

реву? Не правда ли, что это очень странно, докторъ? Вотъ уже три мѣсяца, какъ мы здѣсь — и любовь моей бѣдной Ольги къ этому дереву, кажется, становится съ каждымъ днемъ сильнѣе. Странно!

— Медицина не объясняетъ такихъ феноменовъ, ваше сіятельство.... Въ человѣческой душѣ есть много неразгаданнаго. Вы читали Шекспира? о, это великій писатель! точно великій писатель, ваше сіятельство. Вы читали его и должны помнить слова Гамлета: There are more things in hea ven and earth, Horacio Than and dreamt of in your philosophy. У насъ безпрестанно должно быть на языкѣ это мудрое изреченіе, и оно точно безпрестанно повторяется нами. Кто-то прекрасно сказалъ, что эти слова должны привѣтствовать философію. Я вамъ наскажу много примѣровъ....

И докторъ говорилъ много и долго, но князь ничего не слыхалъ: онъ смотрѣлъ въ окно, онъ смотрѣлъ на дубъ, онъ думалъ о своей милой Ольгѣ.

— Докторъ! теперь мы пойдемъ къ ней — онъ взялъ доктора за руку: — она давно прошла къ себѣ на половину.... Мы посидимъ съ ней нѣсколько минутъ, не правда ли?

Князь не могъ быть безъ нея: онъ чувствовалъ, что въ жизни дочери была заключена и его жизнь, что его существованіе безраздѣльно связано съ ея существованіемъ Несчастный отецъ! онъ страдалъ, не видя ея; онъ страдалъ, глядя на нее.

Такъ тянулся день за днемъ.

Однажды княжна проснулась какъ-то веселѣе обыкновеннаго: ея глаза вдругъ приняли то плѣнительное выраженіе, которое одушевляло ихъ нѣкогда. Она встала съ постели, накинула на грудь шаль, завернулась въ нее и подошла къ своему уборному столику, посмотрѣлась въ зеркало, откинула шаль, сняла съ головы маленькій чепчикъ — и темная коса ея роскошно, волнисто разсыпалась по бѣлой, батистовой кофточкѣ. Это была коса-заглядѣнье: длинная, до колѣнъ, мягкая какъ шелкъ, глянцовитая какъ атласъ.

Княжна, посмотрѣвъ въ зеркало, покачала головкой — и ея волосы съ обѣихъ сторонъ скатились на личико, и она на минуту вся исчезла въ волосахъ; потомъ отвела ихъ рукою, снова посмотрѣлась въ зеркало, и снова спряталась въ воло-

сахъ, точно дитя, которое закрываетъ ручонками свое личико, улыбается и мило лепечетъ *тютю*.

Потомъ она позвонила. — Вошла горничная.

— Маша, ты причешешь меня сегодня точно такъ же, какъ я была причесана въ тотъ день, какъ *его* убили.

Говоря это, княжна смѣялась. И черезъ полчаса она уже молча сидѣла въ креслахъ причесанная и одѣтая.

Когда отецъ пришелъ навѣстить ее, она граціозно привстала съ креселъ, взяла его за руку, крѣпко пожала ее и съ участіемъ спросила:

— Каково ваше здоровье, батюшка? вы сегодня что-то невеселы.

— Напротивъ, другъ мой. А каково твое здоровье, Ольга?

— У меня на-дняхъ болѣла голова; теперь нѣтъ.... Мнѣ кажется, вы скучаете *о немъ*, добрый батюшка, о моемъ миломъ другѣ. Что дѣлать! Надобно покориться волѣ Божіей. Можно ли возставать противъ нея? Это грѣшно, очень грѣшно... Посмотрите на меня: теперь я совершенно покорна высшей волѣ.

И она взяла руку отца и поцѣловала ее....

Въ глазахъ его блеснула радость—это былъ свѣтъ надежды, яркій свѣтъ, одинъ, который озарялъ ему темную тропу жизни, то вспыхивая, то потухая ежеминутно.

— Что же, мы поѣдемъ въ чужіе краи, батюшка? И, какъ вы предполагаете, скоро?

— Да, мой другъ, недѣли черезъ двѣ мы должны отсюда выѣхать.

— Черезъ двѣ!... Она задумалась.

Князь вышелъ изъ ея комнаты и послалъ за докторомъ. Онъ хотѣлъ, бѣдный отецъ, сообщить ему свою радость, что Ольга такъ хорошо сегодня его встрѣтила, такъ хорошо говорила съ нимъ....

А докторъ въ это время разъѣзжалъ въ кабріолетѣ по аллеямъ парка. Докторъ чрезвычайно-какъ любилъ ѣздить въ кабріолетѣ.

—Черезъ двѣ недѣли! снова повторила княжна, оставшись наединѣ....

И взглянула въ окно: передъ ней красовался дубъ.

— Нѣтъ, я не разстанусь съ тобою. Я такъ люблю тебя,

красавецъ мой, красавецъ мой! — повторяла княжна. Кѣмъ же буду я любоваться безъ тебя? Я помню.... да.... зала.... огни.... Какъ ты хорошъ былъ на послѣднемъ балѣ!... къ тебѣ лучше идетъ этотъ красный мундиръ.... Въ какомъ мундирѣ положили его въ гробъ?... Нѣтъ, я не разстанусь съ тобой, деревцо мое! Какъ хороши, какъ красивы твои вѣтви: точно перья султана!... Какъ ты гордъ, мой дубъ!... О, какъ ты чувствуешь свое величіе!... и *онъ* былъ гордъ.... Теперь нѣтъ его!... И княжна вскрикнула и безъ чувствъ упала на коверъ. Испуганная горничная вбѣжала въ комнату, схватилась за шнурокъ звонка, бросилась къ склянкѣ съ о-де-колонемъ, сама не знала, что дѣлала.... Княжна лежала блѣдна какъ трупъ.

Къ-счастію въ эту минуту докторъ у подъѣзда дома выходилъ изъ кабріолета; къ-счастію горничная выбѣжала въ корридоръ и закричала: докторъ! докторъ! Докторъ явился. Ольгу привели въ чувство. Она была очень слаба: ее положили на постель. И отецъ, за минуту передъ этимъ озаренный слабымъ лучомъ надежды, мраченъ стоялъ теперь у постели больной.... Докторъ держалъ ее за пульсъ.

Отецъ смотрѣлъ въ глаза доктора; онъ, кажется, хотѣлъ прочесть свою участь въ глазахъ его. Съ этого дня здоровье Ольги стало замѣтно разстроиваться: правда, она еще сидѣла подъ своимъ любимымъ деревомъ, она еще улыбалась иногда отцу; но на этомъ лицѣ, безпечномъ и до-сихъ-поръ полномъ жизни, начинало проявляться страданіе. Вотъ теперь она точно походила на больную: болѣзнь стерла румянецъ съ ея личика, болѣзнь мало-по-малу проводила по немъ свои рѣзкія черты, болѣзнь потушила блескъ очей ея.

Прошло еще нѣсколько дней—и какъ эти дни измѣнили бѣдную княжну! Та ли эта княжна-невѣста, которая, назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, счастливая и восторженная, блистала въ петербургскихъ гостиныхъ, о которой кричали во всѣхъ обществахъ Петербурга? Такъ это-то земное счастіе, котораго мы всѣ ищемъ? Княжна, княжна! Кто не думалъ, смотря на нее прежде, что ея радость беззакатна, что ей суждено вѣчно покоиться на розахъ, или, по крайней мѣрѣ, что розы долго, долго не сойдутъ съ ея личика?

Княжна лежала въ постели. Отъ постели не отходили

докторъ и отецъ ея. Разъ какъ-то докторъ сказалъ шопотомъ князю:

— Нашъ отъѣздъ въ чужіе краи, кажется, должно будетъ отложить...

Князь весь перемѣнился въ лицѣ.

— Почему же, докторъ?

— Она не вынесетъ долгаго пути...

— Гм!...

Князь опустился въ кресла: лицо его въ эту минуту было страшно напряжено, зубы сжаты, онъ былъ весь мука; но на глазахъ его не показалось ни слезинки.

Грозно-величественна была Волга: ея волны почернѣли отъ гнѣва и, вздымаясь, пѣнились, махровились, будто причудливые завитки серебра на старинныхъ кубкахъ. — Грозно было небо: вѣтеръ разорвалъ въ лоскутки густыя тучи и, тѣшась, гонялъ ихъ по лазури небесной — и онѣ то дружно сталкивались, то враждебно бѣжали другъ отъ друга. Вѣтеръ ломилъ столѣтніе дубы — и великаны изнывали въ страшной борьбѣ съ невидимою силой. Давно не помнили такой грозы старики приволжскіе.

Княжна лежала безъ чувствъ, блѣдная, съ закрытыми глазами. Отецъ ея не слыхалъ грозы, не видалъ бури. Голова его обезсиленная опустилась на грудь, сѣдые волосы торчали въ безпорядкѣ. Онъ не спалъ всю ночь; для него уже не было времени: утро, полдень, вечеръ, ночь—для него все слилось въ одно безпредѣльное, темное пространство.

Докторъ съ наморщеннымъ лбомъ стоялъ, облокотясь на спинку кровати. Вдругъ княжна открыла глаза. Отецъ вздрогнулъ. Докторъ придвинулся къ изголовью постели. Княжна привстала, оглядѣла кругомъ себя, поднесла руку ко лбу, потомъ поманила отца. Онъ наклонился къ ней. Она обняла его.

— Мнѣ легче теперь — шептала она ему: — о, гораздо легче! Я увижу его тамъ, далеко отсюда... Онъ со мной!... Прощайте, прощайте, батюшка! Бѣдный батюшка, приходите ко мнѣ скорѣй, скорѣй... Мнѣ стало легче послѣ причастья.

Мнѣ такъ свѣтло... О, поцѣлуйте меня, батюшка; не плачьте, благословите меня, благословите...

Уста ея шевелились, но уже безъ словъ...

Въ эту минуту въ комнатѣ совершенно стемнѣло. Черная туча тяжко нависла надъ вершинами деревьевъ... Дико загудѣлъ вѣтеръ, и съ-минуту длился гулъ и стонъ, и внезапно оглушительный трескъ раздался у самыхъ оконъ, страшный трескъ! Трепещущій докторъ взглянулъ въ окно... Красавецъ дубъ, любимецъ княжны, лежалъ на землѣ, сломленный бурею. «Докторъ!» послышался задыхавшійся голосъ князя. Тотъ подбѣжалъ къ нему. Отецъ-страдалецъ стоялъ наклонившись къ постели, руки его оперлись на постель... Онъ былъ въ объятіяхъ трупа.

Докторъ взглянулъ на это, отеръ холодный потъ, который капалъ съ него, и невольно перекрестился.

Черезъ три дня послѣ этого, солнце ярко сверкало, ярко горѣли кресты храма Божія. Кладбище, окрестъ его, обнесенное каменною оградой, было наполнено крестьянами и крестьянками князя, которые держали въ рукахъ зажженныя свѣчи. Они молились и плакали. Священники стояли въ черныхъ ризахъ надъ открытой могилой; въ воздухѣ звучно и печально раздавалось торжественное: «*Со святыми упокой*» — и эти унылые звуки сливались съ переливнымъ, гармоническимъ, веселымъ пѣніемъ птички.

Розовый гробъ съ золочеными кистями опускали въ могилу.

Изъ груди князя вырвалось стенаніе...

Гробъ опустили.

Князь наклонился, взялъ горсть земли и бросилъ ее въ могилу; съ этою горстью земли онъ, казалось, бросалъ въ могилу дочери жизнь свою; потомъ онъ оборотился къ доктору и сказалъ ему:

— Вы меня положите здѣсь, возлѣ нея. Это моя послѣдняя воля.

Когда кладбище опустѣло, кто-то видѣлъ человѣка, закутаннаго въ плащъ, съ нахлобученною на глаза шляпой. Кто былъ этотъ человѣкъ и откуда пришелъ онъ — этого никто не зналъ, даже никто не видалъ лица его; но этотъ чело-

вѣкъ долго, долго молился на могилѣ. Послѣ того его уже не видали. Это разсказывали тихомолкомъ въ домѣ князя. Можетъ быть, все это была выдумка.

До петербургскихъ блестящихъ гостиныхъ дошли слухи о смерти княжны Ольги. А, княжна Ольга! О княжнѣ совсѣмъ было-забыли, но смерть ея напомнила о ней. Дня два, а можетъ быть и три, разговоръ этотъ былъ въ ходу: всѣ толковали о ея помѣшательствѣ, о ея отцѣ, о дубѣ—и все это прикрашивали, увеличивали, и всему этому такъ дивились и всѣ такъ сожалѣли о княжнѣ и объ отцѣ ея... О, это сожалѣнье людей!... На четвертый день въ Петербургъ пріѣхалъ, кажется, турецкій посланникъ—и княжна навсегда была забыта; и всѣ заговорили о турецкомъ посланникѣ.

КОШЕЛЕКЪ.

(СЦЕНЫ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.)

I.

«Старушка мать, бывало, подъ окномъ
Сидѣла, днемъ она чулокъ вязала,
А вечеромъ, за маленькимъ столомъ
Раскладывала карты и гадала.»

Пушкинъ.

— Ахъ, тетушка, какъ хорошъ вашъ Петербургъ! Мнѣ никогда и во снѣ не снилось ничего подобнаго!... Какъ здѣсь все великолѣпно!... какія набережныя, какія площади, какіе дворцы, какіе огромные домы, какія нарядныя дамы, какіе экипажи! А останавливались ли вы когда-нибудь, тетушка, передъ монументомъ Петра въ лунную ночь? Любовались ли Невою? — Господи Боже мой, какъ хороша ваша Нева, тетушка!

Такъ говорилъ въ лирическомъ жару молодой человѣкъ «съ цвѣтущими ланитами и устами», съ простодушнымъ взглядомъ, въ длинномъ, гораздо ниже колѣнъ, сюртукѣ, — настоящій представитель отраднаго деревенскаго быта.

Тетушка, къ которой онъ адресовался съ своею кудрявою, дѣвственною рѣчью, была старушка, какъ обыкновенно бы-

ваютъ всѣ простыя русскія старушки, съ морщинами на лицѣ, съ чепцомъ на головѣ, съ очками на носу и съ чулкомъ въ рукахъ.

Странна показалась тетушкѣ рѣчь племянника—и прутки замерли въ ея рукахъ, и она отложила чулокъ на маленькій столъ, который стоялъ возлѣ нея, подняла очки на лобъ, протерла глаза и пристально посмотрѣла на племянника.

— Что это ты, Иванушка? Богъ съ тобой! Экой проказникъ: что я за полуумная, что стану ходить по ночамъ да глазѣть на памятники?

И старушка отъ души смѣялась надъ проказникомъ.

Въ эту минуту дѣвушка, сидѣвшая на скамейкѣ, у ногъ старушки, выронила изъ рукъ иголку и шитье, подняла вверхъ свои темноголубые глазки, закинула назадъ свою Грёзовскую головку, всю въ локонахъ, взглянула на старушку, потомъ украдкою бросила взоръ на молодаго человѣка: ей хотѣлось улыбнуться, и она, кажется, закраснѣлась.

Но, можетъ-быть, то былъ лучъ догоравшей зари, который, уловивъ движеніе дѣвушки, страстно прильнулъ къ ней и любовно оцвѣтилъ ея личико своимъ пламенемъ.

Хороша была эта картина изъ трехъ лицъ: морщинистая старушка, румяная дѣвушка, молодой человѣкъ, задумчиво облокотившійся на ручку креселъ.... Небольшая комната, просто убранная, ситцевыя занавѣски у оконъ съ красною шерстяною бахромою и ерани на окнахъ. Въ этой комнатѣ все дышало спокойствіемъ и счастьемъ, тою отрадною безмятежностью, о которой, кажется, не вѣдаютъ люди, живущіе въ огромныхъ золоченыхъ палатахъ.

— Вы сегодня, маменька, что-то очень долго заработались. Ужъ скоро совсѣмъ смеркнется.

— Да, да, твоя правда, Лиза; у меня и глаза начинаютъ слипаться.

И, говоря это, старушка вкладывала свои очки въ красный, потемнѣвшій отъ времени футляръ.

— И тебѣ пора бросить свое шитье: ты и безъ того у меня сегодня глазъ не спускала съ иголки. Надо и покой знать. Убери-ка мой чулокъ, Лизанька.

Дѣвушка поцѣловала руку старушки, встала съ скамейки,

подошла къ столику, взяла чулокъ, который вязала она, положила его въ желтую плетеную корзиночку и вышла изъ комнаты.

— Ахъ, ты моя красавица! шептала старушка, провожая Лизу глазами.

Лиза была точно чрезвычайно мила съ своими воздушными локонами, съ своею тонкою таліею. Къ ней очень шло ея темное, ситцевое платье, ея черный кушачекъ и пестрый передничекъ съ карманами по бокамъ.

— Вотъ, мой родной,—продолжала старушка, когда Лиза вышла изъ комнаты, — въ этой дѣвушкѣ Господь Богъ послалъ мнѣ настоящаго ангела. Ну, что бы я была безъ нея на старости лѣтъ? Ужь подлинно могу сказать, что и родная дочь не любила бы меня больше ея. Вотъ, около Покрова будетъ 15 лѣтъ, какъ она при мнѣ, и я не помню, чтобы когда-нибудь хоть разъ чѣмъ огорчила меня, даже когда была еще ребенкомъ. Этакой дѣвушки и днемъ съ огнемъ поискать. А какая рукодѣльница! не даромъ молилась я объ ней Угоднику Божію Николаю Чудотворцу!—Вотъ хоть бы и ты, мнѣ родной племянничекъ по отцѣ, да ужь любить меня такъ не можешь, какъ она.

— Какъ мнѣ васъ не любить, тетушка? у меня не осталось никого кромѣ васъ.... А вы ходите когда нибудь съ Лизаветой Михайловной въ театръ? Я думаю, въ Петербургѣ чудесный театръ, тетушка?

— Вотъ у него, сударь, что на умѣ: театры да променады.... Ужь никакъ тебя, мой батюшка, Петербургъ-то совсѣмъ съ ума свелъ. А?

И въ самомъ дѣлѣ, Петербургъ почти свелъ съ ума молодаго человѣка. Да и какъ не сойти съ ума отъ Петербурга тому, кто не видалъ ничего краше, не воображалъ ничего совершеннѣе своего губернскаго города?

Зданіе К*** университета было для него идеаломъ великолѣпія. Онъ часто останавливался передъ этимъ зданіемъ и дивился его огромности, потому что до четырнадцатилѣтняго своего возраста онъ ничего не видѣлъ кромѣ избъ, крытыхъ соломою, да полуразвалившагося барскаго дома, обнесеннаго плетнемъ, да воротъ, на которыхъ нѣкогда была

нарисована домашнимъ геніемъ какая-то аллегорическая картина, размытая впослѣдствіи дождями и бурями....

И послѣ всего этого очутиться въ Петербургѣ и, какъ-будто нарочно, въ ту минуту, когда онъ, сбросивъ съ себя снѣговой саванъ, обновленный лучами весенняго солнца, блеститъ и щеголяетъ, и, впервые послѣ пятимѣсячнаго усыпленія, самодовольно смотрится въ свое чудное зеркало въ гранитной рамѣ.... Согласитесь, что тутъ есть отъ чего сойти съ ума молодому провинціалу!

Долго ходилъ онъ, разинувъ ротъ, по Невскому проспекту, въ этомъ созерцательномъ восторгѣ, который не можетъ быть понятенъ намъ, вѣчнымъ и равнодушнымъ петербургскимъ жителямъ. Мимо его проходили разнаго рода петербургскіе франты, и тѣ, которые смотрятъ на все, вытаращивъ глаза, и тѣ, которые никогда ничему не удивляются. Они оглядывали его съ ногъ до головы съ какою-то презрительною жалостью, а онъ не замѣчалъ этихъ господъ, и не подозрѣвалъ, что доставляетъ собою такой прекрасный предметъ для ихъ остротъ, которыхъ ожидаетъ награда и въ *мѣлонькихъ* гостиныхъ, и въ великолѣпныхъ *салонахъ:* въ первыхъ хохотъ отъ души, въ послѣднихъ — едва замѣтная улыбка.

Онъ былъ такъ счастливъ! Въ эти первые дни своего пріѣзда онъ жилъ не въ Петербургѣ, совсѣмъ нѣтъ: онъ созидалъ свой міръ, міръ фантастическій, идеалъ жизни небывалой; онъ населялъ петербургскія громады какими-то волшебными существами, чудными созданіями, которыя только могутъ зародиться въ головѣ двадцатилѣтняго юноши. И если бы можно было уловить всѣ эти туманные образы его разгоряченнаго воображенія, если бы можно было передать словами всѣ эти мечты, которыя неопредѣленно, какъ китайскія тѣни, проходили въ головѣ его, тогда бы, можетъ быть, вы яснѣе поняли, какъ легко, какъ незамѣтно переходитъ человѣкъ за роковую черту, которая отдѣляетъ его отъ безумія. И не была ли права тетушка, называя его *сумасшедшимъ?*

Тетушка очень любила его, и, между тѣмъ какъ онъ рыскалъ по Петербургу, она, сидя подъ окномъ въ своихъ кожаныхъ креслахъ и перебирая спичками, думала, какъ бы поскорѣй пристроить его на службу.

— Вѣтреникъ, вѣтреникъ! говорила она по обыкновенію, когда онъ опаздывалъ къ ея обѣду или къ чаю, а это случалось очень часто.

— Молодо-зелено! Заглазѣлся... Лизанька, посмотри, не идетъ ли онъ?

И Лизанька, по обыкновенію, отворяла окно и очень пристально смотрѣла на улицу.

— Нѣтъ-съ, не видать, маменька.

И старушка, по обыкновенію, прибавляла: экой пострѣлъ!

Надобно замѣтить, что съ пріѣзда племянника въ домѣ тетушки произошли величайшія перемѣны. Комнатка, или, вѣрнѣе, чуланъ, въ которомъ лѣтъ двѣнадцать сряду хранился гардеробъ ея, отдана была молодому человѣку. Всѣ эти платья, развѣшанныя въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, съ вѣнчальнаго до погребальнаго, въ которомъ она, безутѣшная, шла на Волково, за гробомъ своего супруга, — перенесены были за перегородку, находившуюся въ ея спальнѣ. Два стула, съ перекладинками назади, стоявшіе въ симметріи по угламъ гостиной, были отданы племяннику. — Тетушка никакъ не могла привыкнуть къ такимъ переворотамъ въ ея домѣ, и часто говаривала:

— А — что-это, Лизанька, какъ-будто чего-то недостаетъ здѣсь?

— Двухъ стульевъ, маменька, которые перенесены въ комнату Ивана Александровича.

— Да, да! точно двухъ стульевъ.

Все бы это ничего, да старушка не шутя стала посерживаться за то, что Иванушка не возвращался во-время къ обѣду, что онъ, вмѣсто часу, являлся иногда въ половинѣ втораго. Ужь это ей было пуще всего не по сердцу. Елизавета Михайловна, Богъ знаетъ почему, никогда не могла равнодушно слушать, когда тетушка бранила Ивана Александровича (у нея было такое доброе сердце!), — и вотъ она начала придумывать, какъ-бы отвести отъ него гнѣвъ тетушки.

Вдругъ ей пришла мысль, но она такъ закраснѣлась отъ этой мысли.... Боже мой! Надобно было обманывать старушку! Обманывать, ей! Это ужасно! И кого же? свою благодѣтельницу, свою мать!...

— Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что на свѣтѣ не рѣшусь обмануть ее! — Такъ думала она, остановившись въ гостиной передъ часами, которые висѣли на стѣнѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — И, въ раздумьи, она взялась за веревку, на которой висѣла гиря, и вертѣла въ рукахъ эту веревку; потомъ вдругъ, мигомъ вспрыгнула на стулъ.... рука ея дрожала... она перевела назадъ стрѣлку.

Сердце ея сильно билось въ этотъ вечеръ; и съ этого вечера Иванъ Александровичъ сталъ всегда являться во-время къ обѣду.

Однако старушкѣ казалось это что-то подозрительно. Желудокъ ея вѣрнѣе часовой стрѣлки доносилъ ей объ обѣденномъ часѣ.

— А что, который часъ, Лизанька? спрашивала она.

— Еще только четвертъ перваго, маменька, — отвѣчала та, потупивъ глазки.

— Странно! Отчего же мнѣ такъ ѣсть хочется?

— Извольте посмотрѣть на часы, маменька.....

Старушка прикладывала руку ко лбу, морщилась, смотрѣла на часы и повторяла:

— Да, четверть перваго. Странно!

Но кромѣ всѣхъ означенныхъ выше перемѣнъ, произведенныхъ въ этомъ почтенномъ домѣ пріѣздомъ молодаго человѣка, произошла еще одна — и очень важная. Елизавета Михайловна, отъ природы характера веселаго и смѣшливаго, стала очень задумываться, чаще блѣднѣть и краснѣть, а иногда даже вздыхать. Ея иголка, когда она сидѣла за пяльцами, останавливалась въ рукѣ и долго, долго была неподвижна. Говорятъ даже, когда въ комнатѣ никого не было, она загадывала о чемъ-то: закрывала глаза, вертѣла руками по воздуху и соединяла потомъ два указательные пальца. А впослѣдствіи измѣнила этотъ способъ гаданья на другой: только-что подъ руку попадалась ей какая-нибудь астра, она сейчасъ ощипывала листки и приговаривала: *любитъ, не любитъ*, точно какъ Гётева Маргарита.

Чтобы подмѣтить, какъ измѣнялось личико Елизаветы Михайловны, надобно было смотрѣть на нее въ ту минуту, когда въ комнату входилъ Иванъ Александровичъ. Боже мой! какъ

начинало биться тогда ея сердце, какъ она жестоко кусала свои пунцовыя губки!

Но для чего же скрывать? Она мечтала *о немъ* еще гораздо прежде его пріѣзда. Ей такъ много наговорила объ немъ старушка-маменька, что онъ и ученый-то, и умный-то, и хорошенькій-то. И она точно нашла его и ученымъ, и умнымъ, и хорошенькимъ. Ну, какъ можно было сравнить его съ этимъ чиновникомъ, съ которымъ она танцовала прошлаго года, когда маменька возила ее въ 14-ю линію на *балокъ* къ своей старой пріятельницѣ, одной коллежской совѣтницѣ? Этотъ чиновникъ только и говорилъ съ ней о томъ, какъ занемогъ у нихъ однажды начальникъ отдѣленія, и какъ онъ ходилъ къ нему на домъ, и какъ онъ подчивалъ его чаемъ, да еще о томъ, какъ онъ усталъ *танцовавши* въ танц-клобѣ мазурку. Что жь это за разговоръ? Правда, съ ней говорилъ тамъ и другой чиновникъ, и говорилъ о литературѣ.

Онъ подошелъ къ ней и спросилъ:

— Видѣли ли вы на театрѣ «Роберта-Дьявола-съ»?

Она покраснѣла и отвѣчала: «Нѣтъ-съ.»

— А прекрасная пьеса!

Потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ опять спросилъ ее:

— Ну а смотрѣли ли вы «Михайла Скопина Шуйскаго-съ»?

Она снова покраснѣла и отвѣчала: «Нѣтъ-съ.»

— А эта пьеса еще лучше «Роберта-Дьявола-съ».

И этотъ разговоръ ей не нравился: во-первыхъ, онъ заставилъ ее краснѣть, потому-что она никогда не бывала въ театрѣ; во-вторыхъ, этотъ господинъ говорилъ такимъ грубымъ, непріятнымъ голосомъ. А голосъ Ивана Александровича — о, это настоящая музыка! Ктому же Иванъ Александровичъ человѣкъ *ученый*, онъ кончилъ курсъ въ университетѣ! Иванъ Александровичъ говоритъ такъ красиво: въ его языкѣ всегда столько души. Когда онъ разсказываетъ что-нибудь, нельзя не заслушаться. Какія восторженныя движенія! Да, что ни говорите, а каждое слово его идетъ отъ души и въ душу!

Такъ думала Елизавета Михайловна, и любовь незамѣтно обвивалась около ея сердца, какъ незамѣтно повилика обвивается около тонкаго стебля молодаго дерева. И скоро всѣ

фантазіи этой дѣвушки стали разыгрываться на одну тему: Иванъ Александровичъ. Онъ всегда былъ передъ нею—и днемъ въ мечтѣ, и ночью въ грезѣ; онъ повсюду преслѣдовалъ ее—и въ часы заботъ по хозяйству, и въ часы отдыха. Онъ ходилъ съ нею на рынокъ и на гулянье.... Она начала покупать всѣ припасы дороже прежняго, и добрая старушка покачивала головою.

— Эхъ, эхъ, Лизанька, — обыкновенно говорила она, — вѣдь надо торговаться, дружокъ! Они, мошенники, рады брать лишнее.

— Я торгуюсь, маменька.

— То-то, голубчикъ.

Она хотѣла молиться, она стояла передъ образомъ Спасителя, но молитва была на устахъ, а въ сердцѣ не было молитвы; она видѣла, какъ другіе возлѣ нея со слезами клали земные поклоны передъ этимъ образомъ.... Да!... и она, стоя на этомъ же самомъ мѣстѣ, и только мѣсяцъ назадъ тому, молилась такъ же усердно!

— Отчего онъ не идетъ? Онъ хотѣлъ придти въ церковь. Гдѣ же онъ теперь? Ахъ, если бы хоть маменька помолилась за меня! О, ея молитва скорѣе бы дошла до Бога!...

Недѣля за недѣлей уходили, и Лизанька съ каждымъ днемъ открывала какія-нибудь новыя достоинства въ Иванѣ Александровичѣ. 21-го мая его рожденье. Къ этому дню она готовила для него подарокъ — кошелекъ своей работы. Она заранѣе мечтала, какъ она будетъ поздравлять его, и заранѣе краснѣла при этой мечтѣ.

Между тѣмъ, много произошло перемѣнъ и въ Иванѣ Александровичѣ: его восторгъ мало-по-малу утишился; онъ часто сидѣлъ повѣся голову, не отвѣчалъ на вопросы тетушки, безцѣльно сидѣлъ у окна, глазѣлъ на проходящихъ, хмурилъ брови и грызъ ногти.

— Изволите видѣть, чѣмъ занимается, — говорила тетушка, глядя на него,—ноготки себѣ погрызываетъ. Чему же тебя учили, сердечный, коли ты не знаешь, что отъ этого ногтоѣда на пальцѣ сдѣлается?

Онъ не слыхалъ благоразумнаго замѣчанія старушки; мысли его заняты были чѣмъ-то очень важнымъ.

Въ эту минуту, мимо окна проходилъ молодой человѣкъ чрезвычайно красивой наружности и вмѣстѣ съ этимъ удивительный щеголь: въ коротенькомъ сюртучкѣ самаго тонкаго сукна, съ палкою въ рукѣ, съ шляпою на ухо....

Иванъ Александровичъ пристально посмотрѣлъ на него и долго провожалъ его глазами, потомъ со вздохомъ взглянулъ на свой длинный сюртукъ, и еще больше прежняго задумался.

II.

«Бывало, мать давнымъ-давно храпѣла,
А дочка на луну еще смотрѣла.»

Пушкинъ.

Вечеръ. Небо блѣднѣетъ и ровный цвѣтъ лазури смѣняется переливами перламутра; вотъ протянулась розовая лента на закатѣ: она изъ чуднаго пояса радуги; вотъ за нею другая — темнѣе, а тамъ багроваго цвѣта, а тамъ ослѣпительное золото, и наконецъ далѣе огонь—и на этомъ великолѣпномъ заревѣ заходящаго солнца черная тѣнь колокольни и куполы церкви *Николы-Мокраго.*

Нева не шелохнется въ своей гранитной колыбели, и небеса, налюбовавшись ею, заботливо покрыли ее своею золотою парчею....

Дивная, нерукотворная картина!

Что огни вашихъ роскошныхъ праздниковъ передъ этимъ небеснымъ огнемъ? Что блескъ вашей позолоты передъ этимъ Божьимъ золотомъ? Что ваши убранства передъ этимъ нетлѣннымъ убранствомъ?

Иванъ Александровичъ заглядѣлся на небо, на Неву и на каменныя громады береговъ ея.

— Вотъ ужъ, кажется, я и привыкъ къ Петербургу, думалъ онъ, а все-таки не могу пройти равнодушно мимо Невы....

— Къ этой картинѣ нельзя привыкнуть: право, чѣмъ долѣе смотришь, тѣмъ больше хочется смотрѣть,—кто-то проговорилъ тоненькимъ голосомъ возлѣ него.

Это былъ отвѣтъ на мысль его. Онъ вздрогнулъ и обернулся въ сторону. Передъ нимъ была дама въ желтой соломенной шляпкѣ съ пунцовымъ цвѣткомъ и въ длинной черной шали.... Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо: просто, красавица.

Она разговаривала съ человѣкомъ очень высокаго роста, въ плащѣ съ длинными кистями, изъ-за котораго выказывался фракъ какого-то особеннаго покроя, галстухъ съ огромнымъ бантомъ, пестрый жилетъ съ голубыми атласными отворотами и по немъ массивная золотая цѣпь, къ которой прикрѣпленъ былъ золотой лорнетъ съ разноцвѣтными каменьями. Онъ прищуривался, поправлялъ свои виски, помахивалъ лорнетомъ, потомъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, съ удивительною граціею, приставилъ его къ глазу, посмотрѣлъ на воду и, обратясь къ дамѣ, произнесъ сквозь зубы:

— Въ самомъ дѣлѣ, безподобный видъ!

Ивану Александровичу очень понравилась эта дама, и онъ не спускалъ съ нея глазъ.

Постоявъ немного, дама продолжала прогулку съ своимъ кавалеромъ, который, какъ уже замѣтили читатели, принадлежалъ къ тому разряду *франтовъ*, встрѣчая которыхъ какъ-то невольно хочется воскликнуть: *пощадите!* За ними шелъ лакей въ синей ливреѣ съ желтымъ воротникомъ и въ трехъугольной шляпѣ съ золотымъ галуномъ, вѣроятно, принадлежавшей его предмѣстнику, потому-что эта шляпа была ему не совсѣмъ въ-пору и почти закрывала глаза; онъ время отъ времени вытаскивалъ изъ кармана орѣхи, грызъ ихъ и оставлялъ за собою такимъ образомъ дорожку изъ скорлупы.

«Вѣрно, это не простая дама», подумалъ Иванъ Александровичъ, идя вслѣдъ за нею.—«Какая у нея важная поступь! Какъ она прекрасно одѣта, съ какимъ вкусомъ!... А ножка-то! просто игрушка, да и какъ обута.... чудо!»

Признаться, Иванъ Александровичъ сталъ немножко завидовать ея кавалеру. Да и нельзя было не завидовать!

Завидуя и мечтая, и любуясь незнакомкою, онъ незамѣтно очутился—въ Коломнѣ. Дама и кавалеръ ея и лакей, который уже уничтожилъ весь запасъ орѣховъ, потому-что шелъ

спокойно, скоро остановились у подъѣзда одного небольшаго каменнаго дома. Кавалеръ очень искусно, точно танцуя мазурку, первый подлетѣлъ къ двери подъѣзда, съ неподражаемою ловкостью дернулъ за ручку колокольчика, — отъ этого движенія цѣпь лорнета его раскачалась и стекло лорнета ударилось о мѣдную ручку замка, разлетѣвшись въ дребезги. За всю эту эффектную сцену онъ награжденъ былъ восклицаніемъ «Ахъ!» и пріятною улыбкою своей спутницы.

Дверь отворилась и захлопнулась: всѣ трое исчезли.

Иванъ Александровичъ неподвижно остался у двери.

Возвратясь домой, онъ сдѣлался еще скучнѣе и разсѣяннѣе прежняго.

Это не могло ускользнуть отъ вниманія Елизаветы Михайловны, и она, робко потупивъ головку, произнесла едва слышно:

— Вы не веселы, Иванъ Александровичъ?

— Еще нѣтъ десяти часовъ, отвѣчалъ онъ, не слыша ея вопроса.

— Нѣтъ-съ еще. А маменька спрашивала объ васъ.

Потомъ черезъ минуту молчанія, съ тою же робостью, также тихо спросила:

— А вы принесли мнѣ книжки, которыя обѣщали, Иванъ Александровичъ?

— Книжки? Ахъ, да.... да! И онъ вынулъ изъ неизмѣримаго кармана своего сюртука двѣ тоненькія книжечки, всѣ истертыя и засаленныя, вѣрно изъ какой-нибудь библіотеки для чтенія.

— Какъ я рада!

Елизавета Михайловна прыгнула отъ радости и исчезла.

— Онъ не забылъ моей просьбы—думала она....

Далеко за полночь сидѣла она у окна своей комнатки съ книгою въ рукахъ, и сонъ не тягчилъ ея вѣкъ.... и сердце замирало и билось. Наконецъ она опустила книгу на колѣни, но уста ея еще повторяли эти очаровательные звуки, эти звуки, отъ которыхъ билось и замирало ея сердце, которые мѣшали ей спать:

«Я услаждала-бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Я стерегла-бъ минуты сна,
Покой тоскующаго друга....»

Ея развившіяся кудри упадали на полуоткрытую грудь, которая, полная вздоховъ, дышала сильно и часто.

— Нѣтъ, онъ меня не любитъ, не любитъ! — И слезы начали проступать на рѣсницахъ бѣдной дѣвушки и отяжелѣвшая голова ея скатилась на оконницу и вся утонула въ кудряхъ.

Въ эту минуту не спалъ и Иванъ Александровичъ; онъ, лежа на постели, мечталъ о своей незнакомкѣ, украшалъ ее поэтическими цвѣтками своего воображенія, сравнивалъ съ Теклою Шиллера, съ Маргаритою Гёте, съ Юліей Шекспира, съ Татьяною Пушкина и Богъ знаетъ съ кѣмъ еще....

Онъ мечталъ, какъ познакомится съ нею, какъ въ первый разъ явится къ ней....

Бѣдная Елизавета Михайловна! Въ этихъ роскошныхъ мечтахъ онъ вовсе забылъ о ея существованіи.

На другое утро, подкладывая транспарантъ подъ форменную бумагу, для переписки какого-то отношенія, Иванъ Александровичъ искоса посматривалъ на своего столоначальника, потому-что ему не хотѣлось ничего дѣлать, рѣшительно ничего, а вотъ такъ, сидѣть сложа руки, да мечтать о вчерашней дамѣ.... Здѣсь кстати замѣтить, что онъ уже за двѣ недѣли до этого опредѣлился въ департаментъ, по протекціи одного начальника отдѣленія, Евграфа Матвѣевича.... какъ бишь его фамилія? Такъ на языкѣ и вертится.... Нѣтъ, забылъ. Ну, да все равно.... Евграфъ Матвѣевичъ былъ задушевный пріятель супруга тетушки Ивана Александровича, и по просьбѣ ея помѣстилъ молодаго человѣка до перваго случая на четырехъ-сотъ-рублевую вакансію.

....Такъ Иванъ Александровичъ подложилъ транспарантъ подъ бумагу, очинилъ перо и уже нарисовалъ первую букву *В*, но въ эту самую минуту кто-то схватилъ его за руку.

— А, мое почтеніе, Ѳедоръ Егоровичъ!

Ѳедоръ Егоровичъ былъ помощникъ столоначальника, молодой человѣкъ очень пріятной наружности, съ прекрасно-всчесаннымъ хохломъ, *при золотыхъ, настоящихъ часахъ*, а не то чтобы *съ серебряною дощечкой сзади*, ловкій въ обращеніи и, вообще, какъ говорятъ, «славный малый».—Онъ былъ аристократомъ въ своемъ отдѣленіи, потому-что имѣлъ собственныя дрожки и лошадь; вслѣдствіе чего иногда позволялъ

себѣ маленькія вольности, какъ-то: пріѣзжать четвертью часа позже обыкновеннаго, и пр. А это уже не шутка! Всѣ мелкіе чиновники смотрѣли на него съ особеннымъ почтеніемъ, нѣкоторые съ маленькою досадою и завистью.

Разъ, одинъ изъ его товарищей, подергиваясь и прихрамывая, подошелъ къ нему и, указавъ пальцемъ на цѣпочку, которая красовалась на его жилетѣ, спросилъ:

— А что, это семилёровая-съ?

Ѳедоръ Егоровичъ посмотрѣлъ на вопрошающаго очень гордо, и нехотя отвѣчалъ:

— Золотая.

— Настоящая-съ?

— Да.

— Изволите видѣть.—А что, я думаю, вещь-то цѣнная? Сколько заплатить изволили?

— Полтораста рублей.

— Гмъ.

При этомъ *гмъ*, онъ вытащилъ изъ кармана довольно большую круглую табакерку, торжественно стукнулъ по крышкѣ, повернулъ ее, со скрипомъ отворилъ табакерку и поднесъ къ Ѳедору Егоровичу. Въ табакѣ лежали три жасминные цвѣтка.

— Не угодно ли? У меня *бергамотовый-съ*.

Ѳедоръ Егоровичъ небрежно понюхалъ.

«Вишь какой фертикъ, подумалъ этотъ чиновникъ, 150-тирублевыя цѣпочки изволитъ себѣ ежедневно носить!»

Послѣ этого разговора, Ѳедоръ Егоровичъ получилъ еще большій вѣсъ въ своемъ отдѣленіи, а слухи о немъ и богатствѣ его начали даже распространяться по всему департаменту.

Ѳедоръ Егоровичъ сошелся тотчасъ съ Иваномъ Александровичемъ, узнавъ, что онъ кончилъ курсъ въ университетѣ; и не мудрено: онъ очень любилъ разсуждать о разныхъ ученыхъ предметахъ, это была его страсть. На вечерахъ и балахъ, въ своемъ кругу, онъ слылъ *умнищею*, и даже очень *солидные* люди отзывались о немъ съ величайшею похвалою. Когда рѣчь заходила объ немъ, они, по обыкновенію, нахмуривъ брови, произносили довольно протяжно: «фу! какая голова! что ни говорите, а онъ пойдетъ далеко!» —Въ случаѣ, если между дамами возникалъ какой-нибудь литератур-

ный споръ, то слабая сторона спорящихъ всегда почти посылала за нимъ: «гдѣ Ѳедоръ Егоровичъ? Ѳедоръ Егоровичъ рѣшитъ, *онъ такой начитанный!*» И Ѳедоръ Егоровичъ, являясь, торжественно рѣшалъ споръ.

Онъ-то подошелъ къ Ивану Александровичу и взялъ его за руку, въ ту самую минуту, когда тотъ призадумался надъ буквою *В*.

— Какъ поживаете, Иванъ Александровичъ? что новенькаго? А?

— Вамъ лучше знать новости, Ѳедоръ Егоровичъ, вы въ свѣтѣ.

При этомъ Ѳедоръ Егоровичъ, очень довольный, улыбнулся.

— Да, оно конечно; но все это такъ надоѣло! Ну, что такое свѣтъ? ровно ничего, ей-Богу! Нѣтъ, этакъ, главнаго — пищи для души, а остальное — пфф.... Признаюсь, давно мнѣ хочется заняться чѣмъ-нибудь существеннымъ, литературою, напримѣръ, написать что-нибудь: все-таки составить себѣ имя, ознакомиться со всѣми учеными. Ктому же, я чувствую въ себѣ способность сочинять. Вотъ если я увижу, напримѣръ, цвѣтокъ, или что-нибудь такое, то у меня сейчасъ и воспламеняется воображеніе.

Произнося это, Ѳедоръ Егоровичъ поправилъ галстухъ и сталъ обдергивать свою черную атласную манишку со складочками, на которой свѣтились три запонки изъ мнимыхъ бриліантовъ.

— Послушайте, Ѳедоръ Егоровичъ, сказалъ Иванъ Александровичъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, отводя своего новаго пріятеля въ амбразуру окна: — мнѣ хочется коечто спросить у васъ, вы въ Петербургѣ всѣхъ знаете, вамъ должно быть это извѣстно.

Иванъ Александровичъ говорилъ вполголоса и нарочно удалился отъ стола, испытавъ въ короткое время, до какой степени нѣкоторые изъ его товарищей одарены преступною страстью любопытства. Онъ зналъ, что для этихъ господъ ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ подслушать чужой *секретъ*.

Ѳедоръ Егоровичъ, заложивъ руки въ боковые карманы, нахмурилъ брови и сдѣлалъ легкое движеніе губами, въ знакъ вниманія.

Иванъ Александровичъ разсказалъ ему о своей встрѣчѣ съ дамою, о томъ, какъ онъ слѣдовалъ за нею; описалъ ея кавалера, ея ливрею, все до малѣйшей подробности.

Лицо Ѳедора Егоровича постепенно одушевлялось. Онъ уже поднялъ вверхъ брови.

Иванъ Александровичъ продолжалъ:

— Недоходя Покрова, она, знаете, и повернула налѣво, въ Усачевъ переулокъ, я за нею; перейдя улицу, она остановилась у подъѣзда направо.... кажется, четвертый домъ отъ угла....

Въ эту минуту Ѳедоръ Егоровичъ схватилъ съ величайшимъ восторгомъ руку своего пріятеля и, въ пылу самозабвенія, закричалъ:

— Ну, такъ и есть.... Она, она!

Надобно было посмотрѣть на физіономію Ивана Александровича, пораженнаго такимъ нечаяннымъ и такимъ скорымъ открытіемъ.

— Можетъ ли быть? Такъ вы, вы ее знаете.... знаете?

Онъ ничего не могъ произнесть болѣе.

— Гм! Кого я не знаю? Это моя старинная знакомая. Надобно вамъ сказать, что я у нихъ на *короткой ногѣ* въ домѣ; совершенно *свой*. Не былъ день, два,—такъ сейчасъ посолъ: что-дескать давно не были? откушать просятъ.... Знакомъ ли я?

— Да кто-жъ она такая, Ѳедоръ Егоровичъ?

— Извѣстная въ Петербургѣ дама, на всѣхъ балахъ бываетъ.... И какая начитанная; я съ ней всегда мазурку танцую.

— А какъ ея фамилія?

— Марья Владиміровна Болотова.

Какое прекрасное имя! подумалъ Иванъ Александровичъ.

— А что, она замужемъ?

— Нѣтъ; вотъ года четыре какъ овдовѣла.

У Ивана Александровича на лицѣ выступила краска.

— Не хотите ли, я васъ познакомлю съ нею?

— Познакомлю!... Неужели въ самомъ дѣлѣ? — Иванъ Александровичъ ужасно какъ смѣшался.

— Что-жъ, хотите, Иванъ Александровичъ? Вы вѣдь еще не выѣзжали въ свѣтъ, а тутъ вы съ перваго раза ознакомитесь со всѣмъ лучшимъ обществомъ. Хотите-ль? правду сказать, свѣтъ придаетъ - этакъ человѣку полировку. И при этомъ словѣ Ѳедоръ Егоровичъ съ самодовольною гримасою посмотрѣлъ на себя и началъ небрежно вертѣть цѣпочкой, на которой висѣлъ ключикъ отъ часовъ.

— Что, ѣдемъ?

— Очень радъ-съ, произнесъ Иванъ Александровичъ, очнувшись.

— Прекрасно! Когда же? послѣ-завтра? У Марьи Владиміровны по вторникамъ дни.

Иванъ Александровичъ опять призадумался.

— Нельзя ли ужъ на слѣдующей недѣлѣ?

«Тѣмъ временемъ», думалъ онъ, «я сошью себѣ фракъ. Вѣдь нельзя же явиться къ такой богатой дамѣ, не имѣя моднаго фрака».

— Такъ въ слѣдующій вторникъ? О, да мы тамъ будемъ веселиться, за это я вамъ ручаюсь.

Грустно было Ивану Александровичу, очень грустно! Фракъ, по меньшей мѣрѣ, стоитъ 120 руб., онъ справился объ этомъ у одного портнаго, который жилъ на Невскомъ. На Невскомъ всегда самые лучшіе портные, онъ это давно зналъ. Откуда же взять ему вдругъ 120 руб.? Изъ деревни его должны были прислать ему въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1000 руб.—годовой доходъ; но до Октября еще сколько времени! Занять? Но у кого? У Ѳедора Егоровича? Ни за что на свѣтѣ! Иванъ Александровичъ не хотѣлъ одолжаться никому. У тетушки? тетушка не дастъ, да еще разбранитъ, назоветъ мотомъ, будетъ читать цѣлую недѣлю наставленіе о томъ, какъ долженъ вести себя молодой человѣкъ, какъ велъ себя въ молодыя лѣта ея покойникъ, что надо по *одежкѣ протягивать ножки*, и проч., и проч. Онъ зналъ все это заранѣе. Что же прикажете дѣлать? Иванъ Александровичъ былъ въ совершенномъ отчаяніи. Онъ не ѣлъ и не пилъ.

Однажды послѣ обѣда тетушка вздремнула, а онъ открылъ машинально какую-то книгу. Вальтеръ-Скоттъ! А это его любимый авторъ, давно онъ не заглядывалъ въ Вальтеръ-Скотта, а бывало - онъ не разлучался съ нимъ.... Онъ вспо-

мнилъ свои студенческіе годы, то блаженное время, когда онъ былъ такъ беззаботно счастливъ, когда въ его завидномъ уединеніи широко развертывался передъ нимъ міръ поэтическій, жизнь кипучей фантазіи; когда его окружали эти дивные образы, эти вдохновенныя созданія великихъ творцовъ; когда онъ страдалъ ихъ бѣдствіями и радовался ихъ радостями, — онъ вспомнилъ все это и хотѣлъ читать.... Нѣтъ! Теперь ничто не привлекало его вниманія: ни величественно-неподвижный образъ *Саладина*, ни томно-смуглое личико очаровательницы *Ребекки*, ни гордо-угловатое лицо *Елисаветы Англійской*.... Нѣтъ! передъ глазами его кружился въ самомъ соблазнительномъ видѣ новый фракъ, въ мысляхъ его была сторублевая ассигнація.

Онъ закрылъ книгу и вздохнулъ. Дверь скрипнула. Въ комнату вошла Елизавета Михайловна.

Она была очень блѣдна; въ чертахъ ея лица выражалось что-то страдальчески-прекрасное, и вы бы, взглянувъ на нее въ эту минуту, увидѣли, что она, бѣдная дѣвушка, любила его всею силою души своей, любила просто, какъ любятъ всѣ бѣдныя дѣвушки, безъ подготовленныхъ сценъ, безъ кокетства, безъ этихъ утонченныхъ соблазновъ, которые такъ чудесно изобрѣтаютъ сердца, бьющіяся подъ батистомъ и бархатомъ. Она подошла къ Ивану Александровичу и сѣла возлѣ него. Видно было, что она хотѣла начать говорить, но какъ-будто не рѣшалась, еще какъ-будто собиралась съ духомъ.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ было тихо, лишь слышалось за перегородкой храпѣнье старушки.

Наконецъ Елизавета Михайловна рѣшилась говорить. Она сказала вполголоса:

— У васъ что-то есть на сердцѣ, Иванъ Александровичъ; съ нѣкотораго времени вы стали гораздо скучнѣе, гораздо....

— Это вамъ такъ кажется, сказалъ онъ, перебирая листы книги.

— О, нѣтъ! Отчего же вы не хотите быть со мною откровеннымъ? Отчего вамъ скучно, Иванъ Александровичъ, скажите мнѣ? Я давно собираюсь васъ спросить объ этомъ.

Иванъ Александровичъ посмотрѣлъ на нее.... Въ ея вы-

раженіи было такъ много убѣдительности, такъ много чистосердечія.

Онъ улыбнулся.

— Ну, право, вамъ такъ показалось, Елизавета Михайловна. Я точно такъ же веселъ, какъ и въ первые дни моего пріѣзда сюда.

— Богъ съ вами! Видно, я не заслужила вашей довѣренности.

И, огорченная, она непритворно вздохнула.

Ивану Александровичу стало жаль ее. Онъ подумалъ: «какая добрая дѣвушка!»

— Вы не можете помочь моему горю, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— А почему знать?

— Видите ли, Елизавета Михайловна, коли сказать вамъ правду: мнѣ нужны деньги — и скоро, а это очень безпокоитъ меня. Вы знаете, что у тетушки нельзя просить....

— Видно, кошелекъ, что я вамъ подарила, несчастливъ?... А сколько вамъ нужно денегъ?

— Рублей сто.

— Только? И вы будете веселы, если достанете эти деньги?

— Да откуда достать ихъ, Елизавета Михайловна?

Личико Елизаветы Михайловны вдругъ просвѣтлѣло; она вспорхнула со стула, исчезла—и, черезъ минуту, снова явилась.

— Я принесла вамъ деньги, Иванъ Александровичъ.

— Какъ, деньги? Откуда? Что это значитъ?

— Вы теперь будете веселы, не правда ли?

Иванъ Александровичъ остолбенѣлъ отъ удивленія и не могъ ничего вымолвить.

— Это мои собственныя деньги. Я семь лѣтъ копила маменькины подарки: тутъ, я думаю, будетъ больше ста рублей. Я хотѣла сдѣлать салопъ... теперь мнѣ не нуженъ салопъ. И она протянула руку, чтобъ отдать ему кошелекъ, и вся вспыхнула.

— Нѣтъ, я не возьму эти деньги, Елизавета Михайловна, ни за что на свѣтѣ не возьму. Вы семь лѣтъ копили ихъ, вамъ самой нужны онѣ, а я не могу вамъ отдать ихъ прежде

Октября мѣсяца.... Нѣтъ, не возьму, ни за что на свѣтѣ не возьму!

Дѣвушка посмотрѣла на него съ удивленіемъ; рука, державшая кошелекъ, медленно опустилась, глаза ея затуманились.... минута.... и слезы, горькія слезы вырвались на волю, и грудь ея заколыхалась волною.

— Такъ вы не хотите отъ меня ничего взять? произнесла она невнятно, заливаясь и всхлипывая. За что же вы меня такъ не любите?

Иванъ Александровичъ не зналъ, что̀ ему дѣлать. Онъ самъ чуть не заплакалъ.

— Думалъ ли я васъ огорчить этимъ? Клянусь Богомъ, нѣтъ!

Онъ взялъ кошелекъ изъ руки ея и поцѣловалъ руку.

— Вы настоящій ангелъ, Елизавета Михайловна!

И она отирала слезы платкомъ и улыбалась сквозь слезы.

— Такъ вы берете мои деньги? Ахъ, какъ я счастлива! Вы теперь будете веселы, Иванъ Александровичъ, не правда ли? Тише! она приложила пальчикъ къ губамъ:—маменька просыпается, я побѣгу къ ней, я побѣгу къ ней!

Весь вечеръ она была необыкновенно весела. Радость вырывалась въ каждомъ ея движеніи, въ каждомъ взглядѣ, и старушка, приглаживая ея локоны, говорила:

— Вотъ ты у меня сегодня умница, Лизанька.

III.

«Разбирая различныя явленія міра внутренняго, идеалистъ примѣчаетъ, что онѣ двухъ родовъ: однѣ произведенія самаго духа, а другія пріемлются нами извнѣ. Сіи раздѣляются на два класса: на ощущенія пріятныя и непріятныя, и идеи или образы пространства, формъ и цвѣтовъ. Вотъ все, что мы знаемъ о внѣшнемъ и слѣдственно о веществѣ. Но всѣ сіи ощущенія или образы суть только явленія въ насъ, точно такъ же, какъ наши мысли, воспоминанія...»

Изъ лекцій логики.

Желанный вторникъ наступилъ. Съ пятаго часа вечера Иванъ Александровичъ началъ дѣлать приготовленія къ туа-

лету. У него былъ новый фракъ, чудесный, *цвѣта Аделаиды*, съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, съ блестящими и узорчатыми пуговицами. Этотъ фракъ былъ торжественно развѣшенъ на креслѣ, и Иванъ Александровичъ ходилъ кругомъ кресла и любовался имъ. Какой отливъ-то, прелесть! Красно-лиловый, и сукно самое тонкое, по двадцати-пяти рублей аршинъ. Чудесный фракъ! А жилетъ? Портной сказалъ Ивану Александровичу, что къ новому фраку необходимъ и новый жилетъ, иначе не будетъ гармоніи въ цѣломъ. И посмотрите, что за жилетъ! По черной землѣ цвѣточки зелененькіе, красненькіе, желтенькіе, и все это сплетено голубенькими стебельками. Иванъ Александровичъ взялъ въ руку жилетъ и повертывалъ его. Заглядѣнье, просто заглядѣнье!

Съ самаго утра, на постели Ивана Александровича лежала отлично выглаженная манишка, совсѣмъ готовая, съ запонками,—на середней запонкѣ былъ очень искусно изображенъ Наполеонъ во весь ростъ, а на остальныхъ двухъ пастушокъ и собачка на веревочкѣ.

Завившись и одѣвшись, Иванъ Александровичъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, нѣсколько разъ посмотрѣлъ въ зеркало съ пріятною улыбкою, и потомъ пошелъ показаться Елизаветѣ Михайловнѣ.

— Какъ къ вамъ идетъ этотъ фракъ, Иванъ Александровичъ!

Она смотрѣла на него такъ внимательно и такъ отъ души любовалась имъ.

— А каково сшитъ?

— Очень хорошо. Какая талія! Вамъ сегодня будетъ вѣрно очень весело: вы увидите такихъ прекрасныхъ, нарядныхъ дѣвицъ...

При этомъ словѣ она задумалась. Бѣдная дѣвушка!

Когда Иванъ Александровичъ подошелъ къ рукѣ тетушки при прощаньи, старушка оглядѣла его съ ногъ до головы, и начала очень серьёзно покачивать головою.

— Что это, батюшка, новое на тебѣ платье-то?

— Да, тетушка, новое.

— Гм! — Она все продолжала осматривать его.

— А что, оно на тебя сшито, али готовое куплено?

— На меня-съ.

— На тебя, сударь? Да это просто Тришкинъ кафтанъ!... Господи Боже мой! Рукава-то короткіе, узкіе, ну точно Митрофанушка... Застегнись-ка.

Иванъ Александровичъ сдѣлалъ усиліе, чтобы застегнуться.

— Посмотрите пожалуйста — и застегнуться-то не можетъ.

— Да это сшито по модѣ, тетушка.

— По модѣ? Мошенникъ увѣрилъ его, что это по модѣ, а онъ себѣ и растаять изволилъ. Ему, бестіи, выгодно шить по модѣ!... Что, сукнеца-то, чай, немного пошло? Ахъ! Ахъ! То-то, старыхъ людей вѣдь нынче и слушать не хотятъ. Куда!...

Иванъ Александровичъ боялся одного, чтобы тетушка не спросила о цѣнѣ его моднаго фрака и о томъ, откуда взялъ деньги на этотъ фракъ; но тетушка, къ счастію, не спрашивала объ этомъ и занялась весьма впрочемъ длиннымъ нравоученіемъ, какъ онъ долженъ вести себя въ чужихъ людяхъ.

Потомъ она перекрестила его, и онъ отправился; но старушка долго, очень долго, по уходѣ Ивана Александровича, ворчала, покачивая головою. . . . . .

. . . . . .

Около девяти часовъ вечера, у подъѣзда одного дома въ Усачевомъ переулкѣ стояли четыре экипажа: двѣ четырехмѣстныя кареты парами, одна двухмѣстная и дрожки. Послѣднія принадлежали Ѳедору Егоровичу: это были тѣ самыя дрожки, которыя привлекали завистливое вниманіе чиновниковъ **... Департамента.

Появленіе Ѳедора Егоровича, сопровождаемаго Иваномъ Александровичемъ, произвело въ гостиной небольшое движеніе.

Три круглолицыя, довольно полныя дѣвушки, сидѣвшія рядомъ по лѣвой сторонѣ дивана, и двѣ длиннолицыя, очень худощавыя, стоявшія неподалеку отъ первыхъ, тотчасъ прервали свой разговоръ и занялись разсматриваніемъ новаго лица, стали улыбаться и перешептываться.

Одной изъ худощавыхъ, дѣвицѣ лѣтъ за тридцать, Иванъ Александровичъ чрезвычайно понравился. Она нашла, что физіономія его очень интересна и выразительна. Другая замѣтила, что онъ немножко неловокъ; третья, что у него слишкомъ широки перчатки; четвертая... но невозможно передать всѣхъ

замѣчаніи. Въ десять минутъ Иванъ Александровичъ былъ разобранъ въ подробности. Самой досужей наблюдательности не оставалось подмѣтить въ немъ ничего, рѣшительно ничего.

И между тѣмъ какъ онъ, немного смѣшавшись, выслушивалъ привѣтствіе хозяйки дома и кланялся, и между тѣмъ какъ она блистала русскою любезностью съ примѣсью заученыхъ французскихъ фразъ, и, смотря на него, находила въ чертахъ лица его что-то знакомое — Ѳедоръ Егоровичъ, улыбаясь, раскланивался съ дѣвицами.

— Кого это вы привезли, Ѳедоръ Егоровичъ?

— Кто это съ вами пріѣхалъ?

— Какъ его фамилія?

Вопросы сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Съ ловкостью истинно непостижимою, съ искусствомъ, которое можетъ быть пріобрѣтено только опытностью, Ѳедоръ Егоровичъ отдѣлался отъ этихъ вопросовъ и удовлетворилъ любопытству каждой изъ вопрошавшихъ. Да, онъ владѣлъ въ совершенствѣ завиднымъ даромъ *плѣнять*. Я желалъ бы показать его вамъ въ гостиной: что за утонченное обращеніе! Что за грація въ тѣлодвиженіяхъ, что за сила рѣчей во взглядѣ! Этотъ взглядъ, казалось, говорилъ той дѣвушкѣ или дамѣ, на которую устремлялся: «страдайте, сударыня, страдайте: мнѣ извѣстны ваши страданья, но для меня это все равно!» (Какой страшный эгоизмъ!) — Если вы видали въ которомъ-нибудь изъ безчисленныхъ круговъ средняго петербургскаго общества молодаго человѣка съ такимъ побѣдоноснымъ взглядомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія — это былъ Ѳедоръ Егоровичъ.

Послѣ всего этого, можно ли удивляться его успѣхамъ въ *лёгонькихъ* гостиныхъ?

Иванъ Александровичъ впервые видѣлъ его въ обществѣ, впервые восхищался его развязностью... Завидный даръ! Онъ, который чувствовалъ себя неловкимъ и стоя и сидя, и молча и разговаривая, онъ вполнѣ постигалъ, какъ важно быть надѣлену такимъ талантомъ.

Мало-по-малу гостиная стала наполняться. Пріѣхало еще нѣсколько матушекъ довольно толстыхъ въ вычурныхъ чепцахъ, съ тоненькими дочками въ бѣленькихъ, въ красненькихъ и въ пестренькихъ платьицахъ; пріѣхалъ тотъ самый

франтъ съ огромнымъ хохломъ, съ цѣпочками и лорнетами, котораго Иванъ Александровичъ видѣлъ на набережной съ хозяйкою дома; пріѣхалъ еще какой-то человѣкъ, пожилой и очень блестящій: съ тремя бриллiантовыми пуговицами на манишкѣ, съ фермуаромъ средней величины на галстухѣ и съ большимъ солитеромъ на указательномъ пальцѣ. Уже открыли два ломберные стола въ гостиной, уже составилась партія виста; хозяйка дома въ величайшихъ хлопотахъ сама бѣгала съ колодою картъ, и мимобѣгомъ дарила каждаго изъ гостей своихъ двумя-тремя пріятными словцами и все различнаго содержанія. Остановясь противъ человѣка съ бриллiантовыми украшеніями, она сказала, перебирая въ рукахъ колоду картъ:

— Что, вы будете играть, Алексѣй Васильевичъ?

Мутные зрачки глазъ Алексѣя Васильевича забѣгали при вопросѣ; онъ хотѣлъ улыбнуться, и лицо его образовало довольно непріятную гримасу:

— А *по чему* роберъ?

— По двадцати-пяти рублей.

— Пожалуй, — и при этомъ словѣ онъ опять сдѣлалъ гримасу. — Вѣдь вы знаете, что я никогда не отказываюсь, даже иногда играю и меньше этого.

Онъ небрежно взялъ карту, зѣвнулъ и съ важностью поправилъ свои брыжжи, довольно неумѣренно выглядывавшія изъ-за галстуха.

Это былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ игроковъ, величайшій счастливецъ, карточный баловень, почти никогда не проигрывавшій и допускавшійся даже въ нѣкоторыя гостиныя высшаго общества. Для бо̀льшаго эффекта, или, говоря просто, для бо̀льшей важности въ своемъ кругу, этотъ господинъ говорилъ, по обыкновенію, немного въ носъ и дѣлалъ различныя гримасы, желая, вѣроятно, показать этимъ, что онъ не простой человѣкъ, что онъ имѣетъ знакомства съ людьми весьма знатными, и что не одни карточные тузы имѣютъ къ нему уваженіе.

Игроки разсаживались; карточныя обертки летѣли подъ столъ.—Иванъ Александровичъ сидѣлъ, пригорюнясь, у входа въ гостиную: ему было скучно, онъ не успѣлъ сказать хозяйкѣ даже десяти словъ, онъ не любовался ею десяти ми-

нутъ сряду. Она, вотъ только-что остановится, и онъ только-что обрадуется и вооружится всею силою любовнаго взгляда, какъ вдругъ уже нѣтъ ея — она тамъ, въ залѣ. Это очень досадно!

— Что, Иванъ Александровичъ, а? весело? говорилъ Ѳедоръ Егоровичъ, улучивъ минуту и подойдя къ нему.

— Да, Ѳедоръ Егоровичъ, я вамъ очень благодаренъ.

Иванъ Александровичъ былъ чрезвычайно скрытнаго характера.

— Полноте, полноте, любезный, продолжалъ Ѳедоръ Егоровичъ, поправляя верхнюю буклю своего хохла: полноте... за что тутъ благодарить? Вы сами видите, мнѣ это ничего не стоило: я на короткой ногѣ въ домѣ — всѣхъ знаю. Не правда ли, какое прекрасное общество? А? Сколько людей съ вѣсомъ! Вотъ видите, налѣво-то: вонъ у тѣхъ дверей, такой пожилой человѣкъ, украшенный знаками отличія: это дядя мужа Марьи Владиміровны. Оно, видите, и ничего, но все такое родство - знаете, протекція; онъ въ большой силѣ... Дѣло какое, или что — сейчасъ къ нему — просто, зачѣмъ далеко идти? Человѣкъ свой, близкій...

Въ эту минуту кто-то кликнулъ Ѳедора Егоровича, и онъ исчезъ.

Лестно быть представлену въ такой домъ, гдѣ, куда ни обернись, куда ни посмотри, назадъ ли, впередъ ли, вездѣ и повсюду передъ глазами люди чиновные, значительные, или, по крайней мѣрѣ, такіе, которые не сегодня-завтра будутъ много значить, — очень лестно! Противъ этого спорить нечего. Быть вмѣстѣ съ такого рода людьми — это своего рода наслажденіе. Такъ, — но согласитесь, что еще пріятнѣе, не говорю лестнѣе, быть наединѣ съ тою женщиной, которая, будто силою чародѣйства, заставляетъ, при мысли объ ней, невольно биться ваше сердце, смотрѣть на нее, любоваться ею? Согласитесь, что ея очи, не говорю всегда, но порой, кажутся вамъ очаровательнѣе всего на свѣтѣ?

Это заблужденіе молодости. Вѣрю; но Иванъ Александровичъ былъ молодъ, и онъ думалъ именно такъ въ то время, когда Ѳедоръ Егоровичъ описывалъ ему всю прелесть знакомства съ людьми чиновными.

— Знаете ли что̀, Аграфена Николаевна? говорила хозяйка

дома одной пожилой, толстой, важной и неподвижной дамѣ съ необыкновенно выпуклыми и остолбенѣлыми глазами, одной изъ тѣхъ женщинъ, которая могла служить превосходнымъ типомъ русской купчихи, возвысившейся до дворянства: — знаете ли что: не дурно бы дѣвицамъ потанцовать подъ фортепіано, не правда ли? Авдотья Петровна такая милая, такая добрая: она вѣрно не откажется поиграть? Признаюсь вамъ откровенно, я не знаю дѣвицы, которая бы такъ хорошо играла на фортепіано!... Кто былъ ея учителемъ, Аграфена Николаевна?

— Я все забываю его фамилію. Онъ здѣсь *первый* учитель въ Петербургѣ; ужь, говорятъ, лучше его нѣтъ.

— Это видно, что у нея былъ первый учитель, сейчасъ видно. Вѣдь она, вѣрно, не откажется сыграть хоть одинъ кадриль?

— Настинька, поди-ка сюда! Вотъ Марья Владиміровна проситъ, чтобъ ты поиграла для танцевъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ-съ, maman.

И Настинька, дѣвушка лѣтъ двадцати-осьми, также дородная, какъ ея маменька, сдѣлала очень ловкій *реверансъ*, смотря на Марью Владиміровну.

Марья Владиміровна имѣла рѣдкій даръ все такъ хорошо устроить, занять гостей.... Такой привѣтливой, милой, такой разговорчивой и дальновидной хозяйки дома вы не нашли бы, конечно, въ цѣломъ Петербургѣ. Я говорю это безъ всякаго пристрастія, и готовъ сослаться на всѣхъ, кто посѣщалъ ея домъ. Ѳедоръ Егоровичъ, какъ уже извѣстно вамъ, человѣкъ образованный и свѣтскій, онъ самъ, говоря о Марьѣ Владиміровнѣ, всегда называлъ ее *идеальною*.

— Ангажируйте дамъ, ангажируйте, Григорій Ильичъ, Иванъ Петровичъ, Ѳедоръ Егоровичъ и мсьё Рижскій, вы такіе мастера распоряжаться: надобно устроить кадриль.

Видите ли, какъ тонко Марья Владиміровна умѣла льстить самолюбію?

Ѳедоръ Егоровичъ и г. Рижскій, молодой офицеръ въ золотыхъ очкахъ, бѣгали и набирали кавалеровъ, а между тѣмъ хозяйка дома подошла къ Ивану Александровичу.

— А вы ангажировали даму? спросила она его съ привѣтливою улыбкой.

У Ивана Александровича отъ этого вопроса выступилъ холодный потъ на лицѣ.

— Я не танцую-съ, отвѣчалъ онъ, немного замявшись.

— Полноте, полноте! Ангажируйте вотъ эту дѣвицу, что сидитъ въ углу дивана, съ розаномъ на головѣ. Она очень любезна. Пожалуйста танцуйте: вѣдь не всегда же философствовать. Я слышала, что вы большой философъ; но иногда съ Парнасса можно спуститься и на землю....

Какъ хорошо говорила Марья Владиміровна! Какъ искусно каждому она умѣла показать свои познанія!...

Но Иванъ Александровичъ, первый разъ попавшій въ свѣтъ, очень смутился отъ ея любезности и не придумалъ никакой блестящей фразы въ отвѣтъ ей. Онъ просто сказалъ:

— Покорно васъ благодарю. Я, право, не танцую.

Но онъ бы готовъ былъ отдать въ эту минуту половину своихъ познаній, которыя добывалъ годами трудовъ и постояннымъ усиліемъ мысли, за то только, чтобъ умѣть протанцовать французскій кадриль.

Фортепіано забренчало. Кадриль начался.... Ѳедоръ Егоровичъ и офицеръ въ золотыхъ очкахъ танцовали лучше всѣхъ: это можно было сказать утвердительно, потому-что въ ихъ движеніяхъ была и легкость, и грація, а другіе—что это такое?—просто ходили. Пройтиться-то умѣлъ бы и Иванъ Александровичъ.

Въ промежуткахъ танцевъ, когда музыка смолкала, изъ гостиной раздавались крикливые голоса игроковъ. Господинъ съ фермуаромъ на галстухѣ кричалъ громче всѣхъ:

— Когда я игралъ съ княземъ Петромъ Ильичемъ, у меня были: король, дама самъ-четвертъ козырей, а у графа Александра Андреевича валетъ самъ-другъ; ходилъ онъ. Ну, говоритъ мнѣ князь Петръ Ильичъ, счастье, братецъ, тебѣ, счастье. Тебя любятъ козыри. Не всегда, я говорю, ваше сіятельство. Случается, что у меня не бываетъ козырей. Князь такой милый, такой шутникъ.—И господинъ съ фермуаромъ очень громко засмѣялся при семъ.

Марья Владиміровна, хозяйка дома, была большая охотница танцовать. И ужъ за то какъ танцовала! Удивительно! Какъ она умѣла показать свою ножку, нагнуть немного голову на правый бокъ, — прелестно!... Это еще былъ ма-

ленькій вечеръ, это были еще танцы—такъ, экспромтомъ; а надобно было ее видѣть на большомъ балѣ....—Иванъ Александровичъ не спускалъ съ нея глазъ.

«Странно», думалъ онъ, глядя на нее: «она очень хороша собою, противъ этого говорить нечего, только что-то у нея цвѣтъ лица такой неестественный, черезъ-чуръ малиновый. Развѣ, можетъ-быть, она разгорѣлась, танцуя? Да нѣтъ, какъ я вошелъ, она еще не танцовала, а у нея былъ цвѣтъ лица точно такой же. Богъ знаетъ отчего это!»

Возвратясь домой очень поздно, Иванъ Александровичъ долго не могъ заснуть: было свѣтло какъ днемъ.

Скучны, господа, эти петербургскія лѣтнія безсумрачныя ночи! День, вѣчно день.—Я люблю ночь, съ ея таинственнымъ покровомъ, съ ея страшными тѣнями, съ ея поэтическими туманами, которые то прикидываются передъ вами безграничнымъ моремъ, то какими-то чудными громадами зданій.... Я люблю ночь, роскошно томящуюся въ лунномъ мерцаньи, упоенную ароматами цвѣтовъ, истаевающую, дрожащую въ нѣгѣ.... О, я не промѣняю вашъ ослѣпительный день на такую ночь, господа! Нѣтъ, не промѣняю....

Иванъ Александровичъ въ этомъ случаѣ былъ совершенно согласенъ со мною. Онъ также не любилъ вѣчнаго петербургскаго дня. Онъ сидѣлъ у постели, пригорюнясь.

«Вотъ—думалъ онъ—прошелъ и этотъ вечеръ, котораго я цѣлую недѣлю ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, о которомъ мечталъ ежеминутно... Прошелъ! Ужь не въ самомъ ли дѣлѣ мечта лучше существенности?»

Иванъ Александровичъ былъ вообще не очень доволенъ вечеромъ Марьи Владиміровны.

«Она, правда, милая женщина, привлекательная, а все не то, что я воображалъ. Не то!... Она гораздо лучше, когда любуется Невою, нежели когда танцуетъ въ залѣ.»

— Весело ли вамъ было вчера, Иванъ Александровичъ? спрашивала его Елизавета Михайловна, утромъ за чаемъ, еще до прихода тетушки...

— Такъ, не очень-съ.

Елизавета Михайловна посмотрѣла на него, онъ посмотрѣлъ на Елизавету Михайловну: ея глаза были очень красны, вѣки какъ-будто распухли.

— Не болятъ ли у васъ глаза, Елизавета Михайловна? какіе красные!

Она вздрогнула при этомъ словѣ и уронила изъ руки ситечко.

— Будто красны? я не замѣтила; да, немножко болятъ...

— Хотите, я вамъ принесу розовой воды, Елизавета Михайловна?

— Нѣтъ, не надо... Впрочемъ, если васъ это не обезпокоитъ, принесите, Иванъ Александровичъ...

Какъ драгоцѣнность хранила Елизавета Михайловна стклянку съ розовою водой. Иванъ Александровичъ въ тотъ же день принесъ ей эту стклянку. Она всякій день утромъ и вечеромъ вынимала ее изъ комода, смотрѣла на нее съ большимъ чувствомъ, обливала слезами, и, говорятъ, даже цѣловала. Вѣдь это былъ подарокъ Ивана Александровича, что же мудренаго? Это былъ его первый подарокъ!...

Такъ день уходилъ за днемъ, недѣля смѣнялась недѣлей... То же однообразіе въ домѣ тетушки Ивана Алексадровича, никакой перемѣны. Старушка сидитъ на тѣхъ же кожаныхъ креслахъ и вяжетъ чулокъ или раскладываетъ карты; только рѣже вяжетъ она чулокъ, только чаще протираетъ очки своимъ пестрымъ носовымъ платкомъ: здоровье-то ея стало плоше, зрѣніе-то слабѣе. Елизавета Михайловна такъ же скучна и такъ же блѣдна, сидитъ у ногъ ея съ шитьемъ въ рукахъ, только чаще прежняго оставляетъ она иголку, и украдкой взглядываетъ на старушку, и — задумывается, очень задумывается. Жизнь старушки—это ея жизнь... Развѣ она, сирота, можетъ отдѣлить свое существованіе отъ ея существованія? Что она будетъ безъ нея?... Сидитъ напротивъ старушки и Иванъ Александровичъ; онъ смотритъ на Елизавету Михайловну и думаетъ: рѣдкая дѣвушка! какая у нея ангельская душа, какое доброе сердце... Вотъ такъ, кажется, въ этихъ глазахъ и свѣтится небо!...

Мелкій осенній дождь запорошиваетъ стекла; печально сѣрое небо безъ просвѣту, печально, какъ мысли Елизаветы Михайловны...

— Лизачка, Лизачка, что-то ты у меня не на шутку худѣешь, говоритъ старушка, отложивъ карты и глядя на

нее,—это больно меня безпокоитъ. Не посовѣтоваться ли съ Францомъ Карловичемъ, а?

— Нѣтъ, маменька; нѣтъ, голубушка. Зачѣмъ мнѣ докторъ? Я, право, чувствую себя совсѣмъ здоровою. И слеза дѣвушки упадаетъ на морщинистую руку старушки.

— Ужь ты и расплакалась, дурочка. Ну, о чемъ же тутъ плакать?

Ивану Александровичу стало очень жаль Елизавету Михайловну, такъ жаль, что у него разрывалось сердце, глядя на ея блѣдное, печальное личико... что у него, у мужчины, готова была вырваться слеза, глядя на ея слезы; но онъ скрѣпился, проглотилъ эту слезу... Какъ ему было не понять тайной причины страданія этой дѣвушки, глядя на свою дряхлѣющую тетку?

Бѣдная, бѣдная дѣвушка!

Въ эту минуту въ комнату вошла горничная и подала Ивану Александровичу записку. Онъ распечаталъ:—отъ Ѳедора Егоровича; Марья Владиміровна приглашаетъ его къ себѣ на вечеръ. «У нея», пишетъ онъ, «будетъ такъ, *кой-кто*, человѣкъ тридцать, все большею частію *свои*».

«Нѣтъ, не поѣду, подумалъ Иванъ Александровичъ, что-то скучно; да и ктому жь я былъ у нея недавно».

Точно: Иванъ Александровичъ раза четыре былъ у нея послѣ того вечера, въ который онъ съ такими надеждами, съ такимъ восторгомъ представился къ ней въ новомъ фракѣ цвѣта Аделаиды.

Этотъ фракъ и теперь еще почти совсѣмъ новый, нисколько не полинялъ, нимало не обтерся; пуговицы только немножко почернѣли, да это ничего не значитъ: можно поставить новыя; но тѣ надежды, тѣ восторги, съ которыми онъ надѣвалъ этотъ фракъ, отправляясь въ первый разъ къ Марьѣ Владиміровнѣ, кто обновитъ ихъ, скажите? Неужели онѣ, цвѣтущія и яркія, такъ скоро увяли?... Видно, ужь въ самомъ дѣлѣ на свѣтѣ нѣтъ ничего постояннаго!

Текла, Юлія, Маргарита, Татьяна—обратились просто въ Марью Владиміровну, когда Иванъ Александровичъ посмотрѣлъ на нее вблизи, познакомился съ нею. Какъ все обманчиво издали! Смотришь, что за цвѣтъ лица, какая свѣжесть! Роза! а посмотришь поближе—румяны. Вездѣ подлогъ, вездѣ

обманъ... Право, немного веселаго въ жизни; но неволѣ запоешь элегіей!

Полный кипучихъ, студенческихъ фантазій, Иванъ Александровичъ заговорилъ однажды съ Марьей Владиміровной о театрѣ, какъ о храминѣ изящнаго, о высокомъ назначеніи искусства въ мірѣ, заговорилъ:

О Шиллерѣ, о славѣ, о любви.

Онъ думалъ, что ея сердце забьется отъ этихъ рѣчей, что она будетъ сочувствовать его энтузіазму. Онъ говорилъ съ жаромъ и убѣдительностью, она слушала равнодушно, не знаю — понимая или не понимая; и когда онъ кончилъ, она съ свойственною ей граціею, которую въ другомъ кругу, вѣроятно изъ зависти, назвали бы жеманствомъ, сказала съ разстановкою:

— Да, ничего не можетъ быть лучше театра. Я очень люблю спектакли, въ особенности веселые водевили. Есть такіе смѣшные, вотъ такъ бы и хохотать до-упаду. А трагедіи я терпѣть не могу: тамъ вѣчно несчастія, рѣзня: это ужасно разстроиваетъ нервы, а я ктому же такая раздражительная....

Иванъ Александровичъ хотѣлъ возражать, но Марья Владиміровна не дала ему вымолвить слова.

— Перестаньте, перестаньте, Иванъ Александровичъ. Нѣтъ, ужъ я водевиль ни на что на свѣтѣ не промѣняю.

Иванъ Александровичъ вздохнулъ.

Въ другой разъ рѣчь зашла о романахъ. Иванъ Александровичъ выхвалялъ Вальтеръ-Скотта (вы уже знаете, что это одинъ изъ любимыхъ писателей Ивана Александровича), доказывалъ, что до Вальтеръ-Скотта не существовало романа, что «романъ только въ наши дни получилъ свое высшее достоинство его геніемъ, что и послѣ Ричардсона, Лесажа и Руссо онъ все еще не имѣлъ права на названіе сочиненія опредѣленнаго и положительнаго, несмотря на то, что существовали *Новая Элоиза*, *Вертеръ*»,... и проч. и проч.... словомъ, повторилъ все то, что говорили о немъ европейскіе критики, и что вслѣдъ за ними печатали наши журналы. Иванъ Александровичъ говорилъ горячо и долго. Марья Владиміровна только изъ одного приличія не зѣвала. Когда онъ кончилъ, она сказала:

— Что ни говорите, Иванъ Александровичъ, а вашъ Вальтеръ-Скоттъ прескучный, препесносный: я не нахожу въ немъ ничего хорошаго. Какъ можно его сравнить съ Дарленкуромъ или Поль-де-Кокомъ? Дарленкуръ такой чувствительный писатель, а Поль-де-Кокъ такой забавный. Я всегда хохочу до истерики отъ его романовъ. Я очень люблю Поль-де-Кока.

— Поль-де-Кокъ! Иванъ Александровичъ хотѣлъ что-то возразить, но слова замерли на языкѣ его. «Поль-де-Кокъ!» повторилъ онъ снова глухимъ голосомъ, и снова остановился.

Минутъ черезъ пять онъ собрался съ духомъ и сказалъ:

— Помилуйте, Марья Владиміровна. Я не знаю, что же вы находите хорошаго въ Поль-де-Кокѣ?

— Перестаньте, перестаньте, Иванъ Александровичъ. Ну, что вашъ Вальтеръ-Скоттъ-то написалъ хорошаго? Признаюсь вамъ, меня никто такъ не забавляетъ, какъ Поль-де-Кокъ....

Иванъ Александровичъ вздохнулъ.

Съ этой минуты онъ совершенно охладѣлъ къ Марьѣ Владиміровнѣ, такъ охладѣлъ, что ему было все равно, есть ли она на свѣтѣ, или нѣтъ. Не вините же Ивана Александровича за непостоянство, не говорите же, что онъ безъ причины разлюбилъ эту женщину! О, нѣтъ! Онъ готовъ былъ любить ее страстно, безумно, онъ готовъ былъ боготворить ее; но я знаю навѣрно: онъ не воображалъ, чтобы въ Петербургѣ могла найтиться женщина, которая бы любила одни только водевили да романы Поль-де-Кока. И еще женщина изъ такого прекраснаго круга!

Они просто не сошлись. Иванъ Александровичъ думалъ найти въ Марьѣ Владиміровнѣ существо, гармонировавшее съ нимъ.... Что жъ дѣлать! онъ ошибся, онъ еще мало зналъ людей. Проказникъ! онъ думалъ, что всѣ должны имѣть одинаковый съ нимъ вкусъ, одинаковый образъ мыслей....

Вотъ отчего Иванъ Александровичъ такъ холодно принялъ приглашеніе Марьи Владиміровны. Да и Ѳедоръ Егоровичъ сталъ наскучать ему: онъ безпрестанно приставалъ съ своими стишками.

— У меня есть небольшое стихотвореньице. Иванъ Александровичъ, говорилъ онъ, пожимая ему руку: — такъ, знаете,

я сочинилъ для забавы, когда жилъ прошлое лѣто по Парголовской дорогѣ. Вы знакомы съ однимъ журналистомъ, по дружбѣ - этакъ, попросите, чтобы онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ. Видите, я посвятилъ эти стишки Марьѣ Владиміровнѣ, она вѣдь охотница до поэзіи и, между нами сказать, смыслитъ кое-что въ этомъ дѣлѣ. Она очень хвалила вотъ это мѣсто....

Ѳедоръ Егоровичъ вынулъ изъ кармана бумажку всю исписанную, и началъ читать съ большимъ чувствомъ:

Ручей бѣжалъ между кустами,
Я молча плакалъ у ручья;
Но ты не тронулась слезами,
Жестокосердая моя!
Ужъ солнце къ западу клонилось
И я побрелъ къ себѣ домой,
И голова моя скатилась
На грудь, изрытую тоской!...

— А? какъ вы находите это мѣсто?

— Очень хорошо, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ.

— Знаете, тутъ много меланхоліи, не правда ли? У меня вообще этакъ.... меланхолическое расположеніе въ моихъ стихахъ....

«Неотвязчивый человѣкъ, несносный! думалъ однажды Иванъ Александровичъ, разбирая свои бумаги и отыскавъ между ними стихи Ѳедора Егоровича. Ну, что я буду дѣлать съ этими стихами?»

Вдругъ между бумагами мелькнуло что-то красненькое.

«Что бы это такое?...» подумалъ Иванъ Александровичъ.

Кошелекъ! Это тотъ самый кошелекъ, который Елизавета Михайловна отдала ему съ своими деньгами, и который она никакъ не хотѣла взять назадъ.

Иванъ Александровичъ призадумался надъ этимъ кошелькомъ. Онъ вспомнилъ, съ какимъ восторгомъ эта добрая дѣвушка отдавала ему свои послѣднія деньги, какъ она была огорчена, когда онъ не хотѣлъ брать ихъ.... Онъ вспомнилъ ея слезы, и потомъ эту непритворную радость, когда онъ рѣшился взять деньги...

«Боже мой!» И вдругъ мысль: *что, если она любитъ меня?* — впервые блеснула въ головѣ его...

IV.

«И въ часъ, какъ съ молитвой на блѣдныхъ устахъ
Ты въ смертной борьбѣ трепетала.
Ты эту молитву съ слезой на глазахъ
О благѣ моемъ лепетала.»

Э. Губеръ.

«Но да видишь лѣпе дѣвойке!...»

(*Изъ Сербской пѣсни*).

Прошло еще два мѣсяца, кажется, что два, а можетъ быть немного и болѣе, послѣ той минуты, когда Ивану Александровичу попался на глаза кошелекъ Елизаветы Михайловны и заставилъ его задуматься. Въ эти два мѣсяца онъ внимательно наблюдалъ за нею. «Да, она любитъ меня, точно любитъ, милая дѣвушка!» Такъ разсуждалъ онъ самъ съ собою, грѣясь въ одинъ вечеръ у печки. Зима въ этотъ годъ была ужасно холодная. «И я не видѣлъ прежде любви ея? И я предпочиталъ ей эту Марью Владиміровну! тогда какъ передъ глазами у меня былъ настоящій ангелъ; я гонялся, самъ не знаю за чѣмъ... Свѣтская дама! Хороши же эти свѣтскія дамы!

Иванъ Александровичъ, разсуждая такимъ образомъ очень долго, вовсе не замѣчалъ, что сальная свѣча, стоявшая передъ нимъ на столѣ, такъ нагорѣла, что въ комнатѣ не видно было ни зги; онъ даже не слыхалъ, какъ вошла въ комнату Елизавета Михайловна, не видалъ, какъ она приблизилась къ столику, на которомъ стояла свѣча, какъ она сняла со свѣчи, и если бы не ея *ахъ!* при видѣ Ивана Александровича, то онъ, вѣроятно, еще не скоро бы очнулся.

— Я думала, что здѣсь никого нѣтъ. Вы не повѣрите, какъ я испугалась.

— А я, ей-Богу, и не слыхалъ, какъ вы вошли сюда, Елизавета Михайловна.

— О чемъ вы такъ задумались, Иванъ Александровичъ?

Иванъ Александровичъ хотѣлъ что-то сказать, запнулся на первомъ словѣ и замолчалъ. У него не достало духу пересказать ей то, о чемъ онъ думалъ; но пристально, необыкновенно пристально посмотрѣлъ онъ на Елизавету Михайловну. Этимъ взглядомъ онъ, казалось, хотѣлъ проникнуть въ самую заповѣдную глубь ея сердца.

Она стояла передъ нимъ пригорюнясь, поддерживая одною рукою локоть руки, на которую упала ея головка, блѣдна, какъ мраморъ, неподвижна, какъ статуя.

— Что съ вами? произнесъ онъ послѣ минуты молчанія.

— Маменькѣ сдѣлалось хуже... Она очень слаба.

Голосъ, которымъ были произнесены слова эти, произвелъ странное дѣйствіе на Ивана Александровича: у него пробѣжалъ морозъ по кожѣ отъ этого голоса.

— Богъ милостивъ, зачѣмъ отчаяваться? Кому же Францъ Карловичъ говоритъ, что у нея нѣтъ никакой опасной болѣзни.

— Она очень больна, повторила тѣмъ же голосомъ Елизавета Михайловна, «очень»; и этотъ голосъ прервался, задушенный рыданьемъ, и она закрыла руками лицо.

Иванъ Александровичъ бросился къ стулу:

— Сядьте, сядьте, Елизавета Михайловна, вы насилу стоите. Полноте, успокойтесь, право. Богъ не допуститъ такого несчастья.

Она опустилась на стулъ.

— Богъ не допуститъ, повторила она, но если, если ея не станетъ,—и она вдругъ отерла слезы, схватила Ивана Александровича за руку, глаза ея горѣли, губы дрожали, голосъ безпрестанно прерывался,—если ея не станетъ, я не переживу этого... Ея гробъ—мой гробъ. И что же моя жизнь безъ ея жизни?...

— Послушайте, Елизавета Михайловна, не одна тетушка въ мірѣ умѣетъ цѣнить и любить васъ. Если ужь Богу будетъ угодно... то останется здѣсь еще человѣкъ, который любитъ васъ не меньше ея, для котораго вы... Онъ не могъ договорить, онъ сжалъ ея руку и робко взглянулъ на нее.

Она пошатнулась, какой-то несказанно сладостный трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ ея членамъ: она еще никогда не ощущала ничего подобнаго, туманъ застилалъ ея очи. Это была минута забытья, это былъ неопредѣленный, неуловимый переходъ отъ бодрствованія ко сну... Долго не могла она ничего произнесть, долго рука ея лежала въ его рукѣ: наконецъ она отдернула эту руку и протерла глаза.

Снова нагорѣвшая свѣча разливала слабый, красноватый

свѣтъ по комнатѣ... Она осмотрѣла кругомъ себя... Что это? греза?

— Елизавета Михайловна! Елизавета Михайловна! говорилъ Иванъ Александровичъ почти шопотомъ: Я люблю васъ, я люблю васъ! Богъ свидѣтель, что ваше спокойствіе, ваше счастье дороже всего для меня...

Она вздрогнула.

— Иванъ Александровичъ! о, это не сонъ! — И она опять протирала глаза: — вы не смѣетесь надъ бѣдною дѣвушкою? Нѣтъ?

— Боже мой! Да, я люблю васъ! повторилъ онъ: люблю... Но, скажите мнѣ одно слово, только одно... любите ли... Въ этомъ словѣ для меня все, все—мое существованіе, моя жизнь... о, скажите мнѣ...

Онъ не могъ больше говорить, переполненный чувствомъ...

Грудь ея дышала порывисто, дыханье замирало въ груди.

Это была для нея одна изъ тѣхъ минутъ, которыя испытываютъ разъ въ жизни, и то только избранные, и этихъ избранныхъ называютъ въ мірѣ счастливцами, и этихъ счастливцевъ немного въ мірѣ. Да, въ эту минуту она вполнѣ поняла все очарованіе, всю силу, всю безпредѣльность того, что называютъ счастіемъ; въ эту минуту она даже забыла о своей больной старушкѣ, о своей матери, о своей благодѣтельницѣ... Она была взаимно любима. *Взаимно!*... А есть ли, господа, на землѣ что-нибудь выше, что-нибудь отраднѣе, что-нибудь святѣе взаимной любви?

— Мнѣ ли не любить васъ, Иванъ Александровичъ?... И голова его упала на ея руку, и онъ прильнулъ къ этой рукѣ горячими устами...

Вдругъ кто-то застоналъ въ ближней комнатѣ.

— Ахъ, маменька!... Елизавета Михайловна чуть не вскрикнула; вскочила со стула и выбѣжала изъ комнаты.

Иванъ Александровичъ остался неподвиженъ на стулѣ.

На другой день тетушка его почувствовала себя лучше. Она сидѣла на кровати, прислонясь къ подушкамъ, и смотрѣла на свою Лизу.

— Лизачка, говорила она ей: — моя молитва дойдетъ до Бога: я молилась за тебя каждое утро, каждый вечеръ. Онъ,

Отецъ мой небесный, видѣлъ мои слезы. Лизачка! Онъ дастъ тебѣ счастье.

Старушка протянула къ ней свою ослабѣвшую руку и крестила ее.

— Матушка, другъ мой, выздоравливайте скорѣе, и тогда... тогда я буду совершенно счастлива.

— Ну, полно, плакса. Видишь ли, я сегодня пободрѣе могу сидѣть. Перестань хныкать, прочти-ка мнѣ лучше письмо Евграфа Матвѣевича. Спасибо ему, спасибо: не забываетъ старыхъ друзей, даромъ-что идетъ вверхъ и весь обвѣшанъ крестами... Право, спасибо.

Елизавета Михайловна развернула письмо, которое держала въ рукѣ, и начала читать тихо, съ разстановками:

«Милостивая Государыня моя,

«Авдотья Евлампіевна!

«По ходатайству вашему, а также во уваженіи пріязни моей къ покойному супругу вашему, а моему хорошему другу Игнатію Матвѣевичу, котораго я до конца жизни моей не забуду, и воспоминаніе о которомъ унесу съ собою и въ гробъ...

— Ахъ ты, родной мой, съ какими чувствами! перебила старушка:—Этакихъ людей немного нынче, нѣтъ! Вотъ душа-то!... Ну, ну, читай, Лиза, читай!

....«унесу съ собою и въ гробъ, опредѣлилъ я племянника вашего, Ивана Александровича, на службу подъ собственное свое вѣдомство, и неослабно самъ наблюдалъ за его старательностью и способностью въ отношеніи письменныхъ дѣлъ, и убѣдясь въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ таковой его старательности, равно какъ и въ способности, о помѣщеніи его на первую открывшуюся въ отдѣленіи моемъ вакансію на штатное мѣсто, а именно помощника столоначальника съ 1500 р. окладомъ въ годъ, не замедлилъ обратиться съ представленіемъ къ директору департамента, который и утвердилъ его въ означенномъ выше званіи, сего Ноября 5 дня: вслѣдствіе чего, Милостивая Государыня моя, свидѣтель-

ствуя вамъ совершенное мое почтеніе, имѣю честь васъ увѣдомить» и проч.

— Дай Богъ ему здоровье! Да, надо сказать, прежняго вѣка люди-то посолиднѣе: хлѣбъ-соль чужую не забываютъ... А каковъ же мой Иванушка? Онъ у меня малый умный, и не одного себя прокормитъ. Правда, Лизанька?

И старушка улыбалась сквозь слезы и трепала ее по щекѣ съ самодовольствіемъ.

Время шло своимъ чередомъ, а здоровье старушки не поправлялось. Она видимо хилѣла. Францъ Карловичъ прописывалъ ей микстуры, которыя не помогали, смотрѣлъ на больную, нюхалъ табакъ и говорилъ себѣ подъ носъ: «гмъ, эта болѣзнь называется старость».

Однажды подъ вечеръ ей сдѣлалось замѣтно хуже. Елизавета Михайловна не отходила отъ ея постели цѣлую ночь: бѣдная дѣвушка не смыкала глазъ, она тихо плакала, задушая въ себѣ рыданья, боясь, чтобы не услышала ея горя родная. И тяжело было ей: грудь ея въ ту минуту была могильнымъ склепомъ, въ которомъ заключены были ея страданья, ея вопли...

Иванъ Александровичъ также не отходилъ отъ постели больной; и онъ, порою, утиралъ слезу, которая докучливо катилась по его щекѣ: горько было ему смотрѣть на потухающую жизнь своей второй матери, еще горче на страданье Елизаветы Михайловны. Онъ съ каждымъ днемъ привязывался къ ней больше и больше; онъ чувствовалъ, что безъ нея ему ничего не мило; онъ не могъ дать себѣ отчетъ, какъ вкралась къ нему эта любовь, и не зналъ, что она таилась въ немъ давно, только безсознательно. Онъ любилъ ее горячо, любилъ съ самоотверженіемъ юноши, одареннаго душою благородною и сильною...

Онъ хотѣлъ утѣшать Елизавету Михайловну; но что такое утѣшеніе въ минуты свинцовой безотрадности? Онъ хотѣлъ молвить ей слово надежды; но могло ли быть сильно это слово въ устахъ человѣка, который не имѣлъ самъ ея?

Итакъ Иванъ Александровичъ сидѣлъ молча, съ поникшею головою. Ночь была безконечна, каждая минута высчитывалась страданьемъ, или вздрагиваніемъ или замираніемъ сердца...

Однообразно стучалъ маятникъ, страшно было стенанье старушки, тяжело и неровно ея дыханье.

Поди-утро больная забылась.

— Елизавета Михайловна, произнесъ Иванъ Александровичъ: тетушка, кажется уснула; ради Бога, подите, лягте, усните и вы хоть на нѣсколько минутъ. Вы измучились, вѣдь вы занеможете сами. Ради Бога! я останусь здѣсь.

— Нѣтъ, я не могу спать: я не устала, ничего. — А голова ея кружилась и она насилу сидѣла на стулѣ.

Утромъ старушка потребовала священника.

Елизавета Михайловна лежала безъ чувствъ въ другой комнатѣ: ее оттирали.—Иванъ Александровичъ поддерживалъ голову старушки: она причащалась Святыхъ Таинъ.

Великій обрядъ совершился. Хладѣющія уста старушки шевелились безъ словъ: она про-себя читала молитву; правая рука ея двигалась на груди, она хотѣла креститься.

— Пошлите ко мнѣ мою дочку, сказала она довольно явственно. — Гдѣ же она, гдѣ моя Лиза? Лиза, Лиза....

Ее привели.

Она упала на колѣни передъ постелью. Умирающая положила руку на ея голову—и вдругъ глаза ея вспыхнули послѣднимъ огнемъ, и она произнесла громко, голосомъ, полнымъ торжественности:

— Боже! Боже! Услышь меня въ эту минуту. Господи! не оставь ее!...

Изъ груди несчастной дѣвушки вырвался раздирающій вопль.

Францъ Карловичъ наморщился; у него, видно, хотѣли показаться слезы, но онъ скрѣпился, вынулъ изъ кармана табакерку и началъ съ разстановками нюхать табакъ.

— Ближе, ближе! ко мнѣ, моя Лиза! продолжала старушка голосомъ, постепенно слабѣющимъ.—... Вотъ.... такъ.... теперь мнѣ теплѣе.... Прощай, другъ мой.... Я не одну тебя оставляю.... Ты вѣдь любишь его, Лиза.... Гдѣ онъ?... его руку!

Она искала руки Ивана Александровича; онъ подошелъ къ ея изголовью и также сталъ на колѣни. Она взяла его руку, соединила съ рукою Елизаветы Михайловны и смотрѣла на нихъ пристально.

— Дайте мнѣ насмотрѣться на васъ.... Это все ваше.... все, друзья мои; будьте счастливы.... У меня что-то темнѣетъ въ глазахъ....

— Матушка! Не оставляйте дѣтей вашихъ. Матушка! Что же? Развѣ вы не хотите видѣть нашего счастья? Еще одинъ часъ, одну минуту, родная.... И несчастная захлебнулась слезами.

Вдругъ она почувствовала что-то холодное на своей рукѣ: это была рука старушки, которая замерла, соединяя ее съ обрученникомъ ея сердца.

Она вскрикнула, приподнялась, осмотрѣлась кругомъ себя — и какъ трупъ рухнулась къ ногамъ доктора, обнимая его ноги.

— Спасите, спасите матушку!

Францъ Карловичъ едва удержался на ногахъ; онъ снова сдѣлалъ гримасу и прошепталъ себѣ подъ носъ (это была его привычка): «Боже мой! нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ видѣть несчастіе.»

Потомъ онъ и Иванъ Александровичъ бросились помогать бѣдной дѣвушкѣ; старушка уже не требовала никакой помощи.

Около вечера, когда Елизавета Михайловна немного успокоилась, Иванъ Александровичъ, оставивъ ее на руки двумъ женщинамъ, вышелъ изъ дома.

Задумчивъ шелъ онъ по улицѣ. Образъ умирающей тетки, ея благословеніе, отчаяніе *его* Елизаветы Михайловны: онъ теперь имѣлъ право назвать ее *своею*.... все это вмѣстѣ перебѣгало въ головѣ его.

— Иванъ Александровичъ! Иванъ Александровичъ! кричалъ ему кто-то, шедшій навстрѣчу.

Иванъ Александровичъ нахмурилъ брови и поднялъ голову. Передъ нимъ стоялъ Ѳедоръ Егоровичъ.

— Что это? Сто лѣтъ не видались, почтеннѣйшій, ей-Богу; не стыдно ли вамъ это, Иванъ Александровичъ, никогда не

заглянете. — А я вамъ скажу новость: я женюсь.... да, да. Ну, а на комъ, отгадайте? — На Марьѣ Владиміровнѣ! Не правда ли, славная партія: и умная женщина, и протекція — и все-этакъ знаете. — Вотъ бы теперь кстати вы попросили, чтобъ напечатали мои стишки съ посвященіемъ къ ней. — Ну, а сказать ли вамъ, куда я теперь иду? Надобно купить какую нибудь бриллiянтовую вещь: серьги или что-нибудь этакъ въ подарокъ. Знаете, жениху столько хлопотъ, туда, сюда.... А вы куда идете, Иванъ Александровичъ?

— Къ гробовому мастеру. Моя тетка сейчасъ скончалась. Прощайте, Ѳедоръ Егоровичъ.

КАКЪ ДОБРЫ ЛЮДИ!

Посвящается М. А. Языкову.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
А. Пушкинъ.

Какъ я люблю огромную залу, горящую тысячами огней, которые ослѣпительно играютъ на позолотѣ и безконечно отражаются въ неизмѣримыхъ зеркалахъ, и эти цвѣтныя гирлянды дамъ, ароматическія гирлянды, переплетенныя жемчугомъ, бриллiантами и золотомъ, и этотъ бѣшеный вальсъ, такъ хорошо понятый геніемъ гостиныхъ, этимъ плѣнительнымъ Штраусомъ, танецъ соблазна и нѣги, отъ котораго замираетъ дыханье!... Этотъ неумолкающій говоръ, и отрывки рѣчей, и полувзгляды, и вѣчное движенье, и странная пестрота, и фантастическое великолѣпіе — развѣ все это не поэма въ полномъ и современномъ значеніи этого слова, и развѣ она не занимательнѣе цѣлыхъ страницъ in-fotio, вырванныхъ изъ громадной Илліады, развѣ не пестрѣе, не цвѣтистѣе и не понятнѣе какой-нибудь длинной сказки Шехеразады?... Сколько любви, сколько страстей, сколько надеждъ, сколько мыслей волнуются въ этой залѣ! А подъ громъ оркестра, подъ чародѣйныя звуки, подъ гармоническій голосъ Россини и Моцарта, сердце сильнѣе бьется въ груди, страсти мятежнѣе разгораются, ярче блещетъ надежда, мысли какъ-то легче настраиваются на поэтическій ладъ и безконечнѣе развиваются...

Мнѣ всегда казались сомнительными люди, нападающіе на общество, люди, злословящіе людей. И, въ самомъ дѣлѣ, эти Манфреды и Лары въ коротких и узкихъ фракахъ, съ черепаховыми лорнетами на груди, проповѣдывающіе байронизмъ и важно разсуждающіе о Гетевомъ «Фаустѣ», прислонясь къ мраморному камину, уставленному вычурными вещами *рококо* — не должны ли они, эти люди, казаться немного сомнительными? — Но мнѣ непріятна хула на людей даже въ устахъ человѣка, не выходящаго изъ ограниченнаго очертанія своего домашняго круга и читающаго только въ русскихъ переводахъ повѣсти Бальзака и Зандъ.

Я не разъ слышалъ разсказы о злобѣ людей, о ихъ эгоизмѣ, мстительности и о прочемъ, скрывающемся подъ непроницаемою личиною милой свѣтской привѣтливости: эти рѣчи вырывались часто изъ сердца глубоко уязвленнаго; въ рѣчахъ была та страдальческая музыка, отъ которой нехотя навертываются на глазахъ слезы; и странно: при всемъ этомъ я до-сихъ-поръ еще такъ люблю людей и такъ простодушно вѣрю ихъ добросердечію!

Или опытъ не сжималъ меня своею желѣзною рукавицей, или я принадлежу къ числу тѣхъ *милыхъ* людей, которымъ, Богъ знаетъ почему, истина никогда не показывается лицомъ къ лицу, и которые вѣчно скользятъ по поверхности человѣчества?

Да, что ни говорите, а въ человѣкѣ мнѣ кажется все искреннимъ отъ самыхъ важныхъ дѣйствій его до самаго незначительнаго движенія. Я не могу себѣ представить злодѣя съ простодушною улыбкою, подлеца, не краснѣя говорящаго о чести, ханжу, со слезами разсуждающаго о высокомъ христіанскомъ долгѣ. Въ Тартюфѣ я никогда не могъ видѣть лицо дѣйствительное; правда, Яго, Шекспировъ Яго всегда смущалъ меня, но я гналъ прочь отъ себя образъ этого демона, это чудовищное порожденіе исполина-поэта. Я думалъ — и часто теперь думаю: если я не далъ повода людямъ дѣлать мнѣ зло, они, вѣрно, не сдѣлаютъ мнѣ зла... и искренно жму руку каждому, и считаю каждое привѣтствіе на это рукопожатіе искреннимъ...

Случилось — (не помню, очень давно кто-то сказывалъ мнѣ) — что отъ одного слова какой-то женщины зависѣло счастіе или несчастіе, спокойствіе или страданье цѣлаго семейства.

Она очень хорошо знала объ этомъ, и что же? Слывя въ свѣтѣ за необыкновенно *чувствительную* и *добродѣтельную*, не запинаясь, еще съ равнодушною улыбкою, произнесла слово, которымъ погубила цѣлое семейство и сдѣлалась убійцею человѣка. Правда ли это? Какъ смѣть поручиться, что этотъ поступокъ былъ умышленный?

Нѣтъ, это клевета на людей, самая дерзкая клевета! О, люди понимаютъ и умѣютъ сочувствовать до самоотверженія несчастію вчуже. Нужно ли слезъ — они плачутъ; нужно ли утѣшенія — они утѣшаютъ, и съ какимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, съ какою энергическою силою!... Слово и слезы! Чего же болѣе? Они плачутъ въ театрѣ отъ кривляній актера, закалывающаго себя бумажнымъ кинжаломъ; ихъ слезы градомъ льются на чувствительныя страницы какого-нибудь романа... О, какъ же они должны сострадать истинному несчастію! Я убѣжденъ, что людямъ доступно все высокое, все прекрасное — и безграничная степь морской зыби, позлащенной вечернею зарею, и молнія, мгновенно обхватывающая пламенемъ черное небо, мгновенно озаряющая землю страшнымъ сіяньемъ послѣдняго дня, и тихій вечеръ, растворенный ароматомъ цвѣтовъ, когда вся природа роскошно отдыхаетъ, упоительно нѣжится, когда все въ дивномъ, благоговѣйномъ безмолвіи, только соловей свищетъ, трелитъ и заливается...

Ради Бога, не увѣряйте меня, что для людей мертва поэзія природы. Неправда! Они съ благоговѣйнымъ страхомъ, съ молитвою на устахъ, внемлютъ гласу Божьему въ часъ бури; они съ трепетомъ сердца, съ замираніемъ духа прислушиваются къ выстраданной гармоніи великаго поэта.

Для нихъ дорогъ онъ — избранникъ Господень, вдохновенный провидѣцъ грядущаго, чудодѣйственно возносящій ихъ къ небу и съ недосягаемой высоты показывающій имъ, бѣднымъ муравьямъ, на точку земли, гдѣ они суетливо и безтолково роятся! И они, въ награду за это, лелѣютъ его, устилаютъ жизненный путь его цвѣтами, хранятъ его, какъ зѣницу ока! — Я гдѣ-то читалъ: «общество убило поэта». Какая нелѣпая фраза! Эти *добрые*, сострадательные люди, составляющіе общество, посягнутъ на жизнь своего собрата, и еще какого собрата — который доставлялъ имъ столько свѣтлыхъ, отрадныхъ минутъ въ жизни? Они вырвутъ изъ собственной діадемы один-

ственное ея украшеніе, многоцѣнный камень, сіявшій тысячами радужныхъ переливовъ — вырвутъ и безумно втопчутъ его въ грязь?... Это смѣшно! Можно ли составлять такія безсмысленныя фразы и такъ безжалостно позорить общество?...

Можетъ-быть, точно, люди бываютъ иногда причиною гибели поэта, но это совершенно неумышленно, только по одному невѣдѣнію. И потомъ какими тяжкими страданіями, какою раздирающею горестію выкупаютъ они свое невинное преступленіе! Посмотрите, какъ, рыдая, они обступаютъ гробъ великаго человѣка—а вѣдь эти рыданія такъ искренни! Они готовы выплакать сердце, смотря на безмятежное чело навѣки успокоившагося страдальца. Когда терновый вѣнокъ жизни упалъ съ головы его, они украшаютъ эту священную голову лаврами. *Добрые люди!* Что, если бы онъ, великій, возсталъ въ эту минуту и посмотрѣлъ на свою апоѳеозу? Не правда ли, онъ примирился бы въ лицѣ этихъ людей съ цѣлымъ человѣчествомъ, онъ обнялъ бы ихъ какъ братьевъ?

Да, несмотря ни на какія выходки ненавистниковъ человѣчества, я снова повторяю, что убѣжденъ въ добротѣ людей... И вотъ почему я люблю эти торжественныя, великолѣпныя сборища, ихъ балы и рауты, гдѣ жизнь, доведенная до высшей степени цивилизаціи, какъ искусно выграненный алмазъ, блеститъ, ослѣпляя. Вотъ почему я люблю безтребовательныя, семейныя сходки, гдѣ все дышетъ патріархальною простотою, радушіемъ и этимъ христіанскимъ спокойствіемъ —высшею мѣтою человѣческаго счастія. О, я хочу жить съ людьми! Чѣмъ болѣе людей вокругъ меня, тѣмъ мнѣ легче. Я открою имъ всѣ тайные мои помыслы, мои надежды, все, все, что хранится въ тайникѣ моего сердца—и они поймутъ меня. Тогда, въ минуту скорби, они разтоскуютъ мое горе; въ минуту отчаянія, они безмолвно прижмутъ меня къ груди своей. Что на свѣтѣ отраднѣе участія — мысли, что тебя понимаютъ, что сострадуютъ тебѣ?

Я непремѣнно перестану слушать этихъ чудаковъ, которые хотятъ, во что бы то ни стало, быть врагами человѣчества: я буду бѣгать отъ нихъ и отъ ихъ темныхъ и вялыхъ повѣстей. Несчастные! они, право, смѣшны и жалки; ихъ должно просто оставлять въ покоѣ. Богъ съ ними, съ этими дюжинными людьми!

Жаль только, когда человѣкъ съ душою сильною и энергическою впадаетъ въ подобное заблужденіе. Съ годъ тому назадъ я встрѣтилъ такого человѣка, и слышалъ его разсказъ. Этотъ разсказъ врѣзался въ моей памяти: я не проронилъ изъ него ни одного слова, и хотя онъ сильно подѣйствовалъ на меня, но все-таки не могъ поколебать мои вѣрованія. То было, какъ теперь помню, въ одинъ изъ тѣхъ скучныхъ осеннихъ вечеровъ, когда небо сливается съ землею мглистымъ, дождливымъ туманомъ; когда дымъ стелется по землѣ; когда сырость насквозь проникаетъ васъ; когда нѣтъ этого постепеннаго перехода отъ сумерокъ къ ночи, этого таинственнаго и отраднаго часа.... Еще не было семи часовъ, а уже огни тускло мерцали сквозь туманъ во многихъ окнахъ, и въ десяти шагахъ на улицѣ нельзя было различить человѣка. Плащъ мой отяжелѣлъ отъ дождя; съ полей шляпы моей начинали скатываться капли; я чувствовалъ дрожь; до квартиры было далеко.... Тутъ только я вспомнилъ объ одномъ моемъ коротко знакомомъ, который жилъ въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ я остановился въ раздумьи: куда бы укрыться отъ ненастья? Черезъ минуту я былъ въ теплой комнатѣ, и даже у камина, и—что еще лучше—въ обществѣ людей близкихъ мнѣ. Когда, послѣ обычныхъ распросовъ и возгласовъ, я улегся въ уютныхъ креслахъ и подкатился къ камину, хозяинъ дома сказалъ кому-то:

— Ну, что-жъ, продолжайте. Вотъ вамъ еще слушатель, и, предупреждаю, самый отчаянный защитникъ человѣчества, во всѣхъ поступкахъ людей видящій одну хорошую сторону.

Я поставилъ къ стѣнѣ вычурную лопатку, которою лѣниво перевертывалъ уголья въ каминѣ, и оборотился въ сторону. Въ эту только минуту я увидѣлъ незнакомаго человѣка, котораго совершенно не замѣтилъ при входѣ, и къ которому, вѣроятно, относились слова хозяина. Этотъ человѣкъ сидѣлъ нѣсколько поодаль камина, въ тѣни, и курилъ сигару. Огонь, вспыхивающій по временамъ на кончикѣ этой сигары, освѣщалъ черты лица его, и только при помощи этого минутнаго, красноватаго блеска, да мерцанья въ каминѣ, я успѣлъ составить очеркъ для портрета этого человѣка. Ему было лѣтъ тридцать-пять, можетъ-быть нѣсколько

поболѣе: смуглая кожа обтягивала сухощавое лицо его, большіе каріе глаза изрѣдка свѣтились изъ-подъ черныхъ нависшихъ бровей, безпрестанно двигавшихся.

Онъ ни слова не отвѣчалъ на замѣчаніе хозяина дома, будто оно не относилось къ нему; онъ, казалось, не замѣтилъ моего движенія и взгляда, только пустилъ изо рта густое облако дыма, и когда это облако разостлалось по комнатѣ, я увидѣлъ при свѣтѣ постепенно разгоравшагося камина, какъ онъ медленно приподнималъ брови, недовѣрчиво осматривалъ меня съ ногъ до головы, какъ нижняя губа его пошевелилась насмѣшливо, и потомъ, какъ онъ снова надвинулъ брови на глаза. Странно! Какое-то незнакомое мнѣ доселѣ чувство робости и сознаніе въ собственной слабости промелькнули во мнѣ въ ту минуту, когда онъ меня осматривалъ.

Всѣ молчали. Это молчаніе становилось какъ-то неловко. Я понималъ, что присутствіе этого человѣка тяготитъ не одного меня, что онъ имѣетъ странное вліяніе на всѣхъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть люди, при которыхъ отнимается и свобода, и веселость. Видно, этотъ господинъ принадлежалъ къ числу такихъ людей. Я снова принялся за лопаточку и началъ перевертывать уголья въ каминѣ. Наконецъ хозяинъ дома рѣшился прервать тягостное молчаніе.

— Видите ли, сказалъ онъ, обращаясь къ моему незнакомцу, какая благоговѣйная тишина распространилась между нами, и все въ ожиданіи вашего разсказа, такъ некстати прерваннаго его приходомъ.

Онъ указалъ на меня.

Я хотѣлъ пробормотать какую-нибудь извинительную фразу, но хозяинъ дома перебилъ меня и продолжалъ:

— Вы, кажется, незнакомы другъ съ другомъ, а я до сихъ поръ и не догадался познакомить васъ. Это мой короткій пріятель Л***—(онъ дружески потрепалъ меня по плечу)— а вотъ г. Р***, недавно воротившійся изъ чужихъ краевъ.

Мы молча поклонились, почти не смотря другъ на друга и не вставая съ креселъ.

— Мой разсказъ — началъ этотъ господинъ, не обращаясь ни къ кому и окруживъ себя облакомъ дыма — мой разсказъ — я предупреждаю васъ, господа, если вы ужъ не-

премѣнно хотите его выслушать — есть только вступленіе къ одной невымышленной повѣсти, которая давно у меня хранится. Я зналъ лично героя этой повѣсти и о странномъ знакомствѣ моемъ съ нимъ буду говорить вамъ теперь. Можетъ-быть, разсказъ мой будетъ кстати, потому что у насъ, кажется, шла передъ этимъ рѣчь о тяжеломъ положеніи въ обществѣ поэта, или даже просто человѣка, надѣленнаго поэтическою душою. Объ этомъ тысячу разъ говорили, писали и печатали. Общество въ вѣчной борьбѣ съ поэтомъ; видно, иначе и быть не можетъ: стараться примирить ихъ—значитъ не понимать ни того, ни другаго. Общество никогда не возвысится до поэта, поэтъ никогда не унизится до общества. Винить тутъ никого нельзя. Вы говорите, что люди прекрасны и добры: господа, я не спорю. Убѣждать другихъ въ томъ, или другомъ, мнѣ всегда казалось безполезно и нелѣпо. Для меня довольно собственнаго убѣжденія: глупо оно или умно, вѣрно или невѣрно — это ни до кого не касается...

Я началъ кусать губы отъ досады: я было-хотѣлъ вступиться за людей, и составилъ въ головѣ нѣсколько краснорѣчивыхъ и убѣдительныхъ фразъ въ защиту общества: но вспомнивъ, что этотъ человѣкъ никому не навязывалъ своего мнѣнія, я немного поуспокоился — и только вздохнулъ, сожалѣя объ немъ.

«Борьба неравная, говорилъ онъ. Разумѣется, остается побѣдителемъ въ этой борьбѣ сильнѣйшій. Общество торжествуетъ и смѣется надъ безумцемъ, который одинъ возстаетъ противъ тысячъ. И оно право. Развѣ вы не смѣетесь надъ Донъ-Кихотомъ, который торжественно мечтаетъ бороться одинъ съ цѣлыми полчищами и смѣло нападаетъ на великановъ, хотя эти великаны не что иное, какъ вѣтряныя мельницы?

Но не въ томъ дѣло. Разсужденія въ сторону! Вы ждете моего разсказа. Предупреждаю еще разъ, что этотъ разсказъ долженъ служить только вступленіемъ къ повѣсти и отдѣльно отъ ней ничего не доказываетъ.

Я уже сказалъ вамъ, что въ проѣздъ мой черезъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ германскихъ городовъ, лѣтъ десять назадъ тому, давали на тамошнемъ театрѣ Моцартова «Донъ-Жуана». Я пошелъ въ театръ. Въ залѣ были рас-

проданы, исключая одной ложи, которая будто нарочно для меня оставалась незанятой. Только-что я успѣлъ разлечься въ этой ложѣ съ аристократическою небрежностью, которая въ двадцать-пять лѣтъ казалась мнѣ необходимостью; только-что вооружился важнымъ видомъ записнаго диллетанта, какъ раздались первые аккорды увертюры... И съ первымъ звукомъ, долетѣвшимъ до меня, я позабылъ о той живописной позѣ, посредствомъ которой думалъ обратить на себя вниманіе. Музыка всегда производила на меня необыкновенное впечатлѣніе, и въ эту минуту, когда таинственно-страшные звуки увертюры охватили меня, морозъ пробѣжалъ по моему тѣлу.... Увертюра кончилась, раздался громъ рукоплесканій: натянутые восторги мнимыхъ музыкальныхъ фанатиковъ! Занавѣсъ поднялся. Дивная драма магически стала развертываться передо мною. Я слушалъ, слушалъ такъ, какъ-будто я не имѣлъ другаго чувства, кромѣ слуха.... Въ половинѣ перваго дѣйствія, въ ту самую минуту, когда Донна-Анна появляется на сцену съ женихомъ своимъ, именно въ ту минуту, мнѣ послышался легкій стукъ въ дверь моей ложи. Я не хотѣлъ вставать съ мѣста; этотъ стукъ мнѣ былъ досаденъ: я боялся прервать поэтическія грезы души моей. Мнѣ такъ хорошо было нѣжиться въ безпредѣльномъ пространствѣ гармоніи, такъ отрадно довѣряться волнамъ звуковъ и, по ихъ прихоти, то высоко всплывать, то, замирая, погружаться въ бездну. Но стукъ въ дверь дѣлался слышнѣе, настойчивѣе. Я наконецъ-таки принужденъ былъ встать и отворить дверь. Передо мною стоялъ какой-то высокій человѣкъ съ опущенною головою, съ изнеможеннымъ, болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, на которое упадали въ безпорядкѣ длинные волосы, почти закрывая глаза; худой и сгорбленный, одѣтый съ самою странною небрежностью; скелетъ, на котораго навѣсили платье и механически привели въ движеніе.

— Что вамъ угодно? спросилъ я его довольно грубо.

Онъ судорожно поднялъ голову, точно испуганный, точно внезапно пробужденный отъ сна, отвелъ отъ глазъ волосы и посмотрѣлъ на меня.

Я никогда не забуду этого взгляда, никогда не забуду выраженія этихъ глазъ, полныхъ жизни. Они вотъ и сію минуту передо мною, страдальчески-прекрасные! Сколько было огня въ

этихъ глазахъ! И какъ ихъ блескъ не гармонировалъ съ мертвенностью цѣлой фигуры, и какъ ихъ живость странна была на безжизненно-неподвижномъ лицѣ! Представьте себѣ два большіе огнецвѣтные бриліанта, вставленные въ глазныя ямки черепа—и вы будете имѣть нѣсколько приблизительное понятіе о головѣ этого человѣка...

Такъ онъ посмотрѣлъ на меня, задумался, будто вспоминая о томъ, что хотѣлъ сказать мнѣ, и вдругъ судорожно схватилъ мою руку и проговорилъ почти шопотомъ, несвязно:

— «Я никогда еще не пропускалъ до сегодняшняго дня ни одного представленія «Донъ-Жуана», никогда.... А сегодня меня задержали дѣла.... Я опоздалъ.... Всѣ мѣста заняты, ни одного мѣста... Вы одни въ ложѣ. О, ради Бога, пустите меня въ вашу ложу!... Я не помѣшаю вамъ, я не пошевельнусь на мѣстѣ.... Только бы слышать эти божественные звуки, только бы.... Умоляю васъ....»

И онъ боязливо осмотрѣлся кругомъ, ожидая моего отвѣта....

Я молча пожалъ ему руку и ввелъ его въ ложу.

Онъ шелъ на цыпочкахъ, едва переводя духъ, опустился на стулъ безъ малѣйшаго шороха, внимательно посмотрѣлъ на сцену, закрылъ руками лицо и долго оставался въ такомъ положеніи...

Я взглянулъ на него: онъ не шевелился, только грудь его волновалась часто и сильно.

Первый актъ кончился; занавѣсъ упалъ; звуки смолкли. Тогда онъ опустилъ руки на колѣни, приподнялъ голову, оглянулся назадъ, не замѣчая меня, съ недоумѣніемъ будто спрашивалъ у самого собя: какимъ образомъ попалъ я въ эту ложу? Но когда вдругъ глаза его встрѣтились съ моими глазами, онъ вздрогнулъ.

— «Ахъ, это вы... Какъ я вамъ благодаренъ!» сказалъ онъ мнѣ, неловко двигаясь на стулѣ и поспѣшно застегивая верхнія пуговицы своего сюртука. «Да, вы не знаете, какое одолженіе вы мнѣ сдѣлали. Вѣдь я только тогда и живу, когда слышу эти звуки; только въ такія минуты я и бываю счастливъ, но за-то безмѣрно счастливъ! Знаете ли, что подъ эти вдохновенные звуки мысль моя растетъ, растетъ, вытягивается въ безконечность, расширяется.... а это такое отрад-

ное чувство!... Я забываю все, я чувствую себя свободнымъ. Понимаете ли вы—свободнымъ! Не правда ли, что безъ этого чувства не можетъ быть полнаго счастья?... И я нѣсколько дней буду жить этой гармоніей; эти звуки нѣсколько дней будутъ раздаваться въ ушахъ моихъ; я нѣсколько дней буду счастливъ! Иногда — вотъ хоть бы, напримѣръ, теперь—мнѣ такъ пріятно, что я готовъ плакать!»

И точно слезы дрожали на его длинныхъ рѣсницахъ. Онъ замолчалъ и отвернулся отъ меня; потомъ, минуты черезъ двѣ, наклонился къ моему уху:

— «Вы позволите мнѣ остаться до конца. Я не мѣшаю вамъ—не правда ли?»

— Я очень радъ, что имѣлъ случай доставить вамъ удовольствіе. Пожалуйста, будьте какъ въ своей ложѣ—отвѣчалъ я скороговоркою.

Онъ не отозвался на эти слова, точно не слыхалъ ихъ; снова опустилъ голову и закрылъ руками лицо...

Съ этой минуты, до самаго окончанія спектакля, онъ уже не говорилъ со мною ни слова.

Когда спектакль кончился, онъ оборотился ко мнѣ, крѣпко пожалъ мнѣ руку и хотѣлъ выдти изъ ложи.

Я остановилъ его. Въ этомъ человѣкѣ все было такъ необыкновенно, такъ не по-нашему, не по-вседневному, что я непремѣнно хотѣлъ узнать его покороче.

— Случай такъ неожиданно и такъ пріятно доставилъ мнѣ ваше знакомство, началъ я. Позвольте же мнѣ воспользоваться имъ, позвольте сблизиться съ вами...

Онъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчиво.

— Я иностранецъ, я здѣсь проѣздомъ, и никого не знаю. Ваше знакомство...

— «Мое знакомство?» перебилъ онъ съ необыкновенно-грустной ироніей: «мое знакомство? Для чего вамъ оно? Я не могу принести вамъ никакой пользы, никакой, и ни въ какомъ отношеніи...»

— Но я просто хочу быть знакомымъ съ вами, безъ всякихъ видовъ. Одна ваша страсть къ музыкѣ заставила бы меня преслѣдовать васъ повсюду, сблизиться съ вами во что бы то ни стало.

Я думалъ произвести на него впечатлѣніе этими словами, и не ошибся... Глаза его вдругъ просвѣтлѣли.

— «О, такъ вы любите музыку — вы понимаете ее — вы чувствуете ее?...» — И онъ схватилъ мою руку, и держалъ ее долго, не выпуская... — «У васъ вырывались иногда слезы, слезы восторга; по васъ пробѣгалъ иногда холодъ, смертный холодъ отъ одного какого-нибудь дивнаго звука или слова? Идея искусства не чужда вамъ? Вы благоговѣете передъ его святымъ значеніемъ? — Да! — Вы не принадлежите къ этой черни, которая ходитъ въ театръ единственно для того, чтобы вызвать такую-то актрису, или ошикать такого-то актера; вы не принадлежите къ этимъ аристократамъ, которые заѣзжаютъ въ театръ передъ баломъ, такъ, на минуту, потому-что это у нихъ принято? Вы иностранецъ? Можетъ-быть, у васъ нѣтъ этихъ смѣшныхъ обычаевъ? — Вы пришли сюда только изъ одной чистой, святой любви къ искусству, безъ всякихъ сторонникъ цѣлей — мучиться, страдать, радоваться, плакать, смѣяться подъ эти звуки небесной гармоніи, подъ эти адскіе звуки? — Этотъ Моцартъ — ангелъ и демонъ вмѣстѣ? Не правда ли?»

Онъ взялъ меня подъ руку, и быстро увлекъ изъ ложи.

Мы переходили изъ одной улицы въ другую, безпрестанно сворачивая то направо, то налѣво. Чудно хороши были при лунѣ эти мрачно-величественныя зданія готической архитектуры. Волшебно блуждалъ лунный свѣтъ по этимъ витымъ столбамъ, по этимъ стрѣльчатымъ сводамъ и аркадамъ; чудно посеребрялъ онъ верхи этихъ легкихъ башенокъ, эту мелкую и узорчатую рѣзьбу украшеній готическихъ... Увлеченные разговоромъ, вдругъ мы остановились подъ тѣнію массивнаго, великолѣпнаго портала церкви. Онъ положилъ мнѣ на плечо свою длинную, костлявую руку, и произнесъ съ нѣкоторою торжественностью, которая, во всякомъ другомъ случаѣ, можетъ быть, показалась бы мнѣ смѣшною:

— «Лучъ благодати Господней озаряетъ міръ души вашей. Благодарите Его за это, молитесь Ему, да включитъ Онъ васъ въ число своихъ избранниковъ. Вы счастливецъ — но счастливецъ не по здѣшнему! — На землѣ вамъ нѣтъ и не будетъ счастья. Несите безъ ропота крестъ вашъ, умѣйте при-

готовить себя къ страданіямъ, и потомъ умѣйте страдать. Обо мнѣ вы вѣрно когда-нибудь да вспомните!...»

Могу васъ увѣрить, господа, что мнѣ нисколько не хотѣлось смѣяться въ эту минуту. У меня замеръ духъ отъ этихъ пророческихъ словъ; да — потому-что эти слова были произнесены голосомъ, который не много разъ въ жизни удается слышать; голосомъ, исходящимъ изъ глубины души, размученной страданіями. Въ этомъ голосѣ звучали страшно-болѣзненныя ноты и вырывался вопль, задушаемый гордымъ усиліемъ не обнаруживать боли.

Онъ не ошибся, этотъ странный человѣкъ, этотъ бѣдный страдалецъ, котораго люди называли сумасшедшимъ; онъ не ошибся! Не одинъ разъ я вспоминалъ объ немъ — и вѣрно до послѣднихъ минутъ моей жизни не забуду его...

Нѣтъ, не забуду: потому-что я не встрѣчалъ и вѣрно не встрѣчу другаго человѣка съ такою младенчески-чистою душою; съ такою мгновенною воспріемлемостью всего высокаго, всего прекраснаго; съ такимъ свѣтлымъ умомъ, доходившимъ иногда до поэтическаго прозрѣнія. Въ немъ было все гармонія. Даже и эта общая всѣмъ германцамъ, для многихъ смѣшная наклонность къ символическому — удивительно шла къ нему... Не такъ знали его другіе. Дико смотрѣли люди на этого человѣка съ безобразными, порывистыми движеніями, съ всклоченными волосами, не умѣвшаго ни ходить ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, ни смягчать, ни охолаживать своего голоса, ни даже казаться пристойно-спокойнымъ и равнодушнымъ.

Я располагалъ остаться не долѣе недѣли въ ***, но пробылъ тамъ около четырехъ мѣсяцевъ. Эти четыре мѣсяца останутся для меня самымъ пріятнымъ воспоминаніемъ въ жизни. Исключая двухъ или трехъ вечеровъ, проведенныхъ мною въ гостиныхъ, слѣдовательно безтолково потерянныхъ, я каждый вечеръ былъ наединѣ съ нимъ, съ этимъ чудакомъ, съ которымъ такъ необыкновенно сошелся въ оперѣ. Его бесѣда постепенно дѣлалась для меня необходимостью; безъ него мнѣ недоставало чего-то. Мысли и замѣтки его я вносилъ въ мой дневникъ и безпрестанно перечитывалъ ихъ: надъ этими отрывками можно призадуматься: много матеріаловъ хранятъ они для изслѣдованій психологическихъ!...

Никогда онъ не разсказывалъ мнѣ подробно о своей

жизни: несмотря на полную довѣренность ко мнѣ, онъ почему-то избѣгалъ такой откровенности. Жизнь этого загадочнаго существа была полна страданій: это я тотчасъ прочелъ на лицѣ его; но исторія этихъ страданій была долго для меня тайною.

Однажды, онъ нечаянно полураскрылъ передо мною тяжкія раны, нанесенныя ему людьми—и я не радъ былъ этому: дотрогиваясь до этихъ ранъ, онъ, бѣдный, изнемогалъ отъ боли.

Это случилось наканунѣ моего отъѣзда. Онъ говорилъ много и долго; я слушалъ и заслушивался его. Вдругъ, и въ самомъ жару разговора, онъ замолчалъ и задумался; нѣсколько минутъ, молча, большими шагами ходилъ по комнатѣ, и наконецъ остановился передо мною.

— «Знаешь ли»—сказалъ онъ съ невыносимою грустію—«знаешь ли, что процессъ разрушенія уже начался во мнѣ?... Я чувствую, страшно чувствую, какъ силы мои слабѣютъ. Обновленіе невозможно, нѣтъ! Я умру, не докончивъ моего созданія, не развивъ моей мысли.... Боже мой! если бы Ты поддержалъ меня, слабѣющаго, только для того, чтобы докончить это созданіе — а потомъ умереть, пожалуй умереть въ ту же минуту!...»

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Стройно, послѣдовательно излагалъ онъ мнѣ передъ этимъ свои мысли, и я жадно слушалъ его.... Но это внезапное молчаніе, но эти отрывистыя рѣчи, не имѣвшія никакой связи съ предшествовавшимъ.... Я не зналъ, что подумать....

Онъ тотчасъ замѣтилъ мое недоумѣніе.

— «До-сихъ-поръ я тебѣ ничего не говорилъ о томъ, что пишу я. Мысль этого созданія давно заронилась мнѣ въ душу; я только ждалъ минуты, въ которую долженъ былъ начать его, мучительно ждалъ. Наконецъ, она наступила, эта минута—и вотъ я забылъ все прошедшее, вообрази—совершенно забылъ! Я простилъ людямъ зло, которое они мнѣ сдѣлали; я совершенно примирился съ ними, потому-что я пересталъ жить въ ихъ мірѣ. Я создалъ для себя другой міръ—и жилъ въ немъ, и онъ роскошно развивался передо мною, и я блаженствовалъ! — Но эти люди, которые мнѣ сдѣлали зло и

которымъ простилъ я, не хотѣли оставить меня въ покоѣ; они вывели меня изъ моего отраднаго, свѣтлаго міра, и опять ввели въ свой грязный міръ. О, за что же они меня такъ преслѣдуютъ? Съ-тѣхъ-поръ, силы мои слабѣютъ, я непримѣтно таю; а оно не кончено—не кончено мое созданіе!—Тебѣ только я открылъ эту страшную тайну. Слышишь ли? только тебѣ одному!—Умоляю тебя, не измѣни мнѣ» — прошепталъ онъ, наклоняясь ко мнѣ—«не говори никому объ этомъ. Я и тебѣ не скажу, что я пишу; нѣтъ, я не прочту тебѣ ни одной строчки.... Однако, если смерть помедлитъ немного, если я еще успѣю докончить.... то ты прочтешь, когда меня не будетъ!—У меня есть въ виду человѣкъ, которому я поручу издать мое бѣдное твореніе послѣ моей смерти.... Хочу что-нибудь послѣ себя оставить, хочу непремѣнно жить въ памяти этихъ людей, которые дѣлали мнѣ зло: можетъ-быть, ихъ тронетъ мое созданіе, потому-что въ немъ отразилась вся внутренняя жизнь моя—и они пожалѣютъ обо мнѣ; можетъ-быть, они выжмутъ изъ своего сердца слезу раскаянія—и эта слеза скатится на мою книгу....»

Онъ опять началъ прохаживаться по комнатѣ, потомъ сѣлъ на диванъ, далеко отъ меня, и на минуту забылся. Дыханіе его было тяжело и неровно. Я не могъ не страдать, глядя на страданія этого человѣка.

— «Не правда ли, вѣдь это можетъ случиться?»—простоналъ онъ едва слышно, будто пробуждаясь, и обводя комнату блуждающими глазами.—«Какъ ты думаешь? Можетъ?—Или это только мнѣ представляется въ лихорадочномъ бреду? Людямъ несвойственно раскаяніе? Они ругаются и надъ трупомъ человѣка, котораго преслѣдовали при жизни? Они нарушаютъ даже и его могильное спокойствіе—этотъ святой сонъ, дарованный ему милосердіемъ Господа?...»

Лицо его повело судорогой. Онъ прыгнулъ ко мнѣ въ порывѣ бѣшенаго отчаянія, точно перекинутый сверхъестественною силою, прижался къ моему плечу, будто въ испугѣ, и пролепеталъ, замирая:

— «Понимаешь ли ты меня? Я не сумасшедшій, клянусь тебѣ, я не сумасшедшій!»

Голова его скатилась къ колѣнямъ, онъ зарыдалъ безъ слезъ. Холодный потъ облилъ меня.

Рыданія его скоро смолкли, голова приподнялась, но такъ ослабѣла, что онъ долженъ былъ поддерживать ее рукою; слезы катились по мертвой кожѣ, обтягивавшей остовъ лица его.

Эти слезы облегчили его; онъ заговорилъ голосомъ болѣе твердымъ.

— «Я не сумасшедшій, но иногда—повѣришь ли?—желалъ бы думать, что сумасшедшій, что все видѣнное и слышанное мною не было въ самомъ дѣлѣ, а такъ представлялось мнѣ, только въ бреду безумія!... Я имѣлъ мать, которая не научила меня уважать другихъ матерей; я имѣлъ друга, который оттолкнулъ меня отъ людей и заставилъ сомнѣваться въ каждомъ человѣкѣ; я любилъ дѣвушку, единственное существо, примирявшее меня съ жизнью, чистое, святое существо; но люди оторвали ее отъ меня, разлучили меня съ нею. Съ-тѣхъ-поръ страшное недовѣріе ко всѣмъ и ко всему овладѣло мною. Когда сижу одинъ, запершись въ своей комнатѣ, я безпрестанно озираюсь кругомъ: не притаился ли кто-нибудь, чтобы подсматривать за мною? когда начинаю говорить, я всегда оглядываюсь назадъ: не подслушиваетъ ли кто-нибудь меня? когда заговариваютъ со мною, мнѣ прежде всего приходитъ въ голову: не подосланный ли это, чтобы вывѣдать мои мысли? Послѣ мнѣ самому станетъ смѣшно, когда вспомню, что у меня нѣтъ ни матери, ни друга, никого. Я одинъ — совершенно одинъ! Родные—они меня не понимаютъ!... Я долженъ быть теперь смѣшонъ, страненъ; но вѣдь они же — эти люди, которые смѣются надо мною—они сдѣлали меня такимъ смѣшнымъ и страннымъ! Я не всегда былъ таковъ!—Впрочемъ, у меня еще осталось кое-что отъ прежняго. Чувство симпатіи пробудилось во мнѣ, когда я увидѣлъ тебя—и это меня такъ обрадовало! Я давно, очень давно не говорилъ ни съ кѣмъ такъ отъ сердца, какъ говорю сію минуту съ тобою. Вѣдь я не обманулся въ тебѣ?...»

Онъ заглянулъ мнѣ въ лицо съ простодушностію ребенка и улыбнулся.

Я пожалъ ему руку. У меня проступили на глазахъ слезы.

— «Завтра ты ѣдешь отсюда! Завтра... А тамъ?... Когда на возвратномъ пути ты будешь здѣсь, зайди на мою могилу, порадоваться успокоенію человѣка, который такъ много стра-

далъ въ жизни, потому-что имѣлъ глупость быть искреннимъ и довѣрчивымъ, потому-что, въ минуту забвенія, открылъ людямъ тайну своего сердца. Любовь была для меня благодатію: просвѣтленный ею, я полнѣе уразумѣлъ дивное величіе творенія, я сталъ молиться — и заплакалъ; вообрази, заплакалъ — послѣ того я уже не умѣлъ такъ плакать... А люди смѣялись надо мною... Виноватъ ли, что я не могъ любить, какъ любятъ они, отъ нечего дѣлать, чтобы веселѣе провесть время, влюбиться сегодня въ одну, а черезъ мѣсяцъ позабыть ее для другой? Полюбя, я отдалъ ей полжизни — и безвозвратно; а они отнимали у меня ее такъ равнодушно, какъ игрушку изъ рукъ дитяти. «Поплачетъ, да и утѣшится!» говорили они. Утѣшится! когда они отрывали отъ меня полжизни!... Понимаютъ ли они, могутъ ли понять они, что̀ значитъ *любить?* — Они оскорбили это святое слово, придали ему пошлое, позорное значеніе, и еще стали требовать, чтобы всѣ понимали его — это слово — такъ, какъ понимаютъ они!... *Ее* уже нѣтъ, бѣдной страдалицы; она любила не по-здѣшнему, и за это-то люди терзали ее. Изнемогая въ пыткѣ, она просила наконецъ у нихъ пощады, милосердія; но они не тронулись ея муками! — Она любила не по-здѣшнему; и Онъ — источникъ вѣчной любви — Онъ пріобщилъ ее къ *Своимъ!* Онъ милосердъ: до Него дошли ея стенанія!... А я еще живъ — и, несчастный, еще хочу жизни!... Это очень странно! Какъ ты объ этомъ думаешь?... Хочу жить... Ну, на что же мнѣ жизнь?...»

И онъ прошепталъ едва внятно:

— «Для того — а ты и не понялъ? — для того, чтобы окончить мое созданіе!... Тамъ я выставлю лучезарнаго ангела, сошедшаго на землю — окруженнаго толпою этихъ бродягъ, этихъ безумцевъ... Ангелъ въ кругу людей! — Понимаешь ли ты мысль мою? — И этотъ ангелъ...»

Онъ не произнесъ ничего болѣе, только силился досказать еще что-то — и не могъ... Губы его шевелились, но звуковъ не было.

Голова его упала на ручку креселъ. Онъ былъ безъ чувствъ...

На другой день я выѣхалъ изъ ***. Онъ провожалъ меня; казался спокойнѣе обыкновеннаго; ничего не говорилъ о ве-

черѣ, проведенномъ мною у него наканунѣ; дружески простился со мною и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ:

— «Я надѣюсь, что когда-нибудь и гдѣ нибудь мы еще увидимся съ тобою.»

Незадолго до моего отъѣзда, въ одной изъ *** скихъ гостиныхъ я съ жаромъ говорилъ объ немъ. Я доказывалъ, что этотъ человѣкъ надѣленъ и проницательнымъ умомъ, и обширными свѣдѣніями, и глубоко-поэтическою душою, что онъ непремѣнно и скоро проявитъ себя въ какомъ-нибудь замѣчательномъ созданіи, о которомъ онъ уже и намекалъ мнѣ. Когда я кончилъ рѣчь, какой-то господинъ, съ важнымъ видомъ и съ приличною для *случайнаго* человѣка неподвижностью, изволилъ протяжно произнесть:

— Вы, я думаю, ошибаетесь насчетъ этого человѣка.— Я видѣлъ его два раза и даже говорилъ съ нимъ. — Онъ смѣшонъ и страненъ—но умышленно.—У него есть какіе-то замыслы.—Его бы слѣдовало отдать подъ надзоръ полиціи.

Вслѣдъ за этимъ, какая-то дама, весьма сомнительной бѣлизны, изломанная кокетка, жалкая представительница нѣмецкой граціозности, живописно разѣвая ротъ и подкатывая глаза подъ лобъ, жеманно проговорила:

— Можетъ ли въ этомъ человѣкѣ быть хоть искра поэзіи? Онъ имѣетъ манеры *переднихъ*. Помилуйте, я не могу иначе представить себѣ поэта, какъ существомъ легкимъ, воздушнымъ...

Около года пробылъ я въ Италіи и во Франціи, и на возвратномъ пути въ Россію остановился въ ***, располагая пробыть тамъ съ недѣлю. Мнѣ не отъ кого было слышать въ продолженіи этого времени о моемъ чудакѣ, а участь его необыкновенно занимала меня. Вечеромъ, въ самый день моего пріѣзда, я отправился къ нему.

«Онъ, вѣрно, не перемѣнилъ квартиры, думалъ я, сегодня не даютъ никакой оперы, и потому можно застать его дома. Но отчего онъ не написалъ ко мнѣ ни строчки, обѣщаясь писать, и даже не отвѣчалъ на письмо мое? Ужъ не заболѣлъ ли послѣ моего отъѣзда? Кто знаетъ, кто придумаетъ, что можетъ случиться въ продолженіе цѣлаго года?»

Сердце у меня дрогнуло, когда я остановился у воротъ дома, гдѣ жилъ онъ, и увидѣлъ привратника.

— Что, 14-й нумеръ занятъ? спросилъ я его съ нѣкоторою разстановкою, не рѣшаясь прямо спросить: живетъ ли еще здѣсь *такой-то?*

Привратникъ посмотрѣлъ на меня, зѣвнулъ, потеръ себѣ подбородокъ и произнесъ, нехотя, со всею нѣмецкою флегмою:

— «Занятъ.»

— А кѣмъ?

— «Господиномъ...»

Онъ назвалъ мнѣ какую-то незнакомую фамилію.

— Ну а тотъ господинъ, что жилъ на этой квартирѣ съ годъ назадъ тому?

— «Съ годъ?... Сумасшедшій-то?... Да онъ ужъ мѣсяцевъ съ восемь, какъ съѣхалъ отсюда.»

— Куда? ты знаешь его адресъ?

— «Какъ не знать!... Этотъ адресъ вѣрнѣе другихъ адресовъ. Вы тамъ его навѣрнякъ отыщете.»

— Гдѣ же?

— «Версты съ три отсюда. На загородномъ кладбищѣ.»

И онъ улыбнулся, довольный своею остротою.

Я рѣшился не выѣзжать изъ *** до тѣхъ поръ, покуда не разузнаю подробно о смерти этого человѣка и не отыщу бумагъ, оставшихся послѣ него. Онъ мнѣ говорилъ, что хотѣлъ поручить кому-то свое сочиненіе, что оно будетъ непремѣнно напечатано послѣ его смерти, что у него есть родственники... Я пустился въ розыски, и черезъ нѣсколько дней отыскалъ дядю покойнаго, простаго добродушнаго старичка, который благодарилъ меня за участіе къ его сумазброду племяннику—(такъ онъ называлъ его)—и со слезами говорилъ мнѣ о немъ вотъ почти такъ:

— Я, батюшка, я дядя ему по отцу. Покойникъ былъ—(миръ праху его!)—человѣкъ отличный; жаль, что умеръ рано; будь онъ живъ—истинно могу увѣрить васъ, не допустилъ бы до такой гибели сына. Такъ вотъ я и тетка его—ужъ точно-что любили его, и совѣты подавали хорошіе, да не слушалъ. Говорили ему: служи, мѣсто можемъ тебѣ достать по *протекціи добрыхъ людей*, ты малый-то со способностями, *карьеръ* сдѣлать можешь, выкинь блажь изъ головы. Все было на-

прасно: началъ насъ чуждаться, влюбился въ какую-то бѣдную дѣвчонку: жениться, говоритъ, хочу! а самъ-то ничего не имѣлъ, ровно ничего... Мы, разумѣется, возстали противъ этого; а онъ какъ заговоритъ, такъ мы, признаюсь, ничего и не поняли, только съ-тѣхъ-поръ начали замѣчать разстройство въ умѣ его... Вскорѣ послѣ того мать его, да, къ счастію, и эта дѣвочка умерли, и онъ ужъ насъ совсѣмъ бросилъ, но мы все-таки навѣдывались объ немъ стороною. Имѣлъ честь слышать и о вашемъ знакомствѣ съ нимъ, и радовался этому; думалъ, что вы не наставите ли его на путь истинный. Видно было поздно!»

И старикъ вздохнулъ.

— Но что было съ нимъ послѣ моего отъѣзда? нетерпѣливо спросилъ я.

— «Послѣ вашего отъѣзда?—Тутъ вскорѣ онъ и совсѣмъ рехнулся. Никогда ужъ рѣшительно не выходилъ изъ дома; даже не вставалъ почти съ дивана, знаете, что въ угольной-то комнаткѣ; все молчалъ и престранными глазами смотрѣлъ въ зеркало, которое висѣло передъ нимъ. Жаль было смотрѣть на него, сердце разрывалось. Бывало, зайдешь къ нему — и не замѣчаетъ, а все смотритъ въ зеркало. Однажды я рѣшился спросить у него: зачѣмъ это онъ все туда смотритъ? Какъ онъ на меня взглянетъ, вотъ еще и теперь пробѣгаетъ морозъ по кожѣ, только вспомню объ этомъ! какъ закричитъ: —Тебѣ что за дѣло? Оставь меня въ покоѣ. Теперь я счастливъ. Тамъ она! какъ она смотритъ на меня! Ангелъ небесный, не оставляй меня!... — Съ мѣсяцъ продолжалось то же самое: онъ не сходилъ съ дивана и не спускалъ глазъ съ зеркала; силы его истощились совершенно.—Ужъ хоть бы поскорѣе прекратились его страданія, думалъ я. Погибъ человѣкъ ни-за-что, а все праздность! — Праздность» — повторилъ старикъ съ важностію, смотря на меня, качая головою и поднося къ носу щепотку табаку.—«Она сгубила его!— Такъ прошло мѣсяца два, а ему лучше не было. Я къ доктору, моему старинному пріятелю. Какъ оставить бѣдняка совсѣмъ безъ помощи? Вѣдь ни ѣлъ, ни пилъ ничего. Докторъ, когда я ему разсказалъ подробно обо всемъ, сначала призадумался. — Дѣло, говоритъ, серьезное... У него, какъ я по словамъ вашимъ замѣчаю, не настоящее сумасшествіе, а сує-

мудріе, или paraphrosyne по-нашему.—Это слово я тутъ же и записалъ, потому-что никогда не слыхалъ о такихъ болѣзняхъ.—Пособить, говоритъ, еще можно!...—И вотъ что присовѣтовалъ. Намъ всѣмъ роднымъ его собраться вмѣстѣ къ нему и стараться разувѣрить его, что въ зеркалѣ ничего нѣтъ, что ему такъ мерещится; въ случаѣ же, если это не поможетъ, увѣрить его, что въ зеркалѣ точно видна какая-то женщина, только совсѣмъ не красавица, какъ онъ говоритъ, а предурная; если же ни то, ни другое не удастся, если онъ *не придетъ въ себя*, то дѣлать нечего: послѣднее средство къ спасенію—сумасшедшій домъ; тамъ, по-крайней-мѣрѣ, будетъ присмотръ за нимъ.—Докторъ человѣкъ умный: жену мою два раза спасъ отъ смерти, у ней были самыя сильныя нервическія горячки одна за другой, и я во всемъ безусловно вѣрилъ ему. — Все было сдѣлано, какъ говорилъ онъ. Въ назначенный день мы собрались къ нему всѣ, человѣкъ съ десять родныхъ. Докторъ присутствовалъ тутъ же. Больной нашъ сидѣлъ не двигаясь и все смотрѣлъ въ зеркало. Глаза его горѣли, онъ улыбался, и такъ пріятно, что я вамъ сказать не могу. Казалось, будто ему точно хорошо, будто онъ въ самомъ дѣлѣ счастливъ. Докторъ первый подошелъ къ нему и осторожно взялъ его за руку, а онъ нахмурилъ брови и затрясся—ну точно въ самой сильной лихорадкѣ.

— Что вы видите въ зеркалѣ? спросилъ его докторъ самымъ деликатнымъ образомъ.

— «Ее!» отвѣчалъ онъ, не отводя глазъ отъ зеркала. «Ее!—Вы хотѣли разлучить меня съ нею, презрѣнные! Вы клеветали на нее, позорили ее, черныя души! И клевеща на нее, и позоря ее, вы забывали о страшномъ послѣднемъ судѣ!—А она со мною, всегда, весь день, каждый часъ, каждую минуту, свѣтла какъ утро первосозданнаго дня, невинна какъ Божій ангелъ!—Съ какою любовью смотритъ на меня!—Я никогда не былъ такъ счастливъ; ея душа въ такой гармоніи съ моей душою; онѣ, наши души, ведутъ такой разговоръ между собою и на такомъ языкѣ, который, если бы могъ быть слышимъ, никому бы не былъ доступенъ, никому...»

Божусь вамъ, эти слова его я какъ-будто теперь слышу... У меня, надобно вамъ замѣтить, преплохая память, а эти слова, я и самъ не знаю почему, будто выучилъ ихъ наизусть...

— Позвольте замѣтить, возразилъ докторъ, что въ зеркалѣ ничего не видно, кромѣ тусклаго отраженія васъ самихъ, потому-что оно покрыто слоемъ пыли.

— Ничего, ничего не видно! закричали мы всѣ въ одинъ голосъ.

Онъ захохоталъ, и могу васъ увѣрить, что даже на сценѣ такъ ужасно не хохочутъ.

— «Безумцы! безумцы!» закричалъ онъ. «Разумѣется, вы ее не видите. Вамъ ли своими тѣлесными глазами видѣть духа? Только постомъ и молитвой, покаяніемъ и слезами, отчужденіемъ отъ всего земнаго—доходитъ человѣкъ до прозрѣнія...»

Онъ и еще что-то наговорилъ въ этомъ родѣ, но уже я запамятовалъ теперь.

Тогда докторъ подошелъ къ зеркалу, стеръ съ него платкомъ пыль и какъ-будто началъ вглядываться.

— Нѣтъ, точно видно что-то, говорилъ онъ: да... женщина; но въ ней ничего нѣтъ небеснаго: она даже нехороша и для простой земной женщины... посмотрите...

Онъ далъ намъ знакъ, и мы всѣ приблизились къ зеркалу.

— Какіе у нея дурные глаза! сказалъ одинъ изъ насъ.

— Что за талія! перебила другая. Какая неловкая *поза!*

— Какъ толста, и какія большія ноги! закричалъ третій.

Словомъ, каждый изъ насъ замѣтилъ что-нибудь съ дурной стороны въ этой женщинѣ, которую мы будто бы видѣли.

Въ продолженіе этихъ замѣчаній, больной все разводилъ руками, точно раздвигая толпу; мнѣ показалось также, что глаза его совершенно помутились.

— «Прочь, безумцы!»

Онъ это не проговорилъ, а проплакалъ...

Бѣдный, онъ насъ называлъ безумцами!

— «Прочь, святотатцы! прочь отъ нея!... Зеркало тускнѣетъ отъ вашего дыханія... Отойдите, молю васъ, если жалость вамъ сколько-нибудь свойственна—отойдите... Заклинаю васъ именемъ всего святаго...»

Мы отошли.

Онъ протянулъ свои изсохшія руки къ стеклу, застоналъ такъ, что мы всѣ заплакали, а женѣ моей сдѣлалось дурно,

она пречувствительная. Въ этомъ стонѣ мы разслышали только:

— «Что вы сдѣлали?... Ее нѣтъ... Она скрылась...»

Докторъ шепнулъ мнѣ:

— Не бойтесь, это хорошо; онъ приходитъ въ себя; онъ уже не видитъ ничего въ зеркалѣ...

Но въ эту минуту больной приподнялся съ дивана, вытянулся во весь ростъ, схватилъ со стола мраморную дощечку, которая лежала сверху бумагъ — и съ усиліемъ бросилъ ее въ зеркало... Зеркало разлетѣлось въ кусочки по всей комнатѣ; а онъ, вотъ какъ-будто теперь вижу это, онъ рухнулся на полъ, бѣдняжка, и сталъ складывать на полу кусочки зеркала, и плакалъ какъ дитя... Вдругъ съ нимъ сдѣлались судороги, но черезъ двѣ-три минуты—онъ уже не двигался и не дышалъ...

— Онъ въ обморокѣ! закричалъ кто-то изъ насъ: —помогите ему, докторъ.

Докторъ долго и внимательно разсматривалъ его. Мы стояли, разинувъ рты, ожидая рѣшенія докторскаго.

Докторъ оборотился къ намъ и сказалъ:

— Господа, намъ тутъ больше нечего дѣлать. Онъ умеръ.

Однако мы все еще думали, что онъ очнется. Прошло нѣсколько дней; нечего дѣлать, видимъ—въ самомъ дѣлѣ умеръ; и похоронили его съ приличною церемоніею, а потомъ, какъ добрые родственники, сложились и поставили надъ его могилою небольшой памятникъ.—Сходите на кладбище, посмотрите: право, очень не дурной памятникъ, и съ мѣднымъ крестомъ на верху.—Жаль, право жаль его! Могъ бы быть человѣкомъ, да самъ не хотѣлъ...»

Когда старикъ кончилъ свой разсказъ, я спросилъ у него:

— А гдѣ бумаги покойнаго?

— «У меня, сударь, у меня. Тамъ есть описаніе его жизни. Я было разъ принялся читать, да тотчасъ же и бросилъ: такая путаница, что ничего не поймешь; видно, онъ уже былъ немного помѣшанъ, какъ началъ писать. Между этими бумагами нашли мы также какое-то большое сочиненіе въ стихахъ; но половина тетради была сожжена, а другую половину мы бросили.»

— Не отдадите ли вы мнѣ всѣ оставшіяся послѣ него бумаги?

— «Отчего же нѣтъ? На что мнѣ онѣ! Съ большимъ удовольствіемъ отдамъ. Хоть чѣмъ-нибудь да помяните его...»

Въ день моего выѣзда изъ ***, я съ полчаса провелъ на его могилѣ. Потомъ я нѣсколько разъ былъ въ ***, и всякій разъ заходилъ къ нему въ гости на кладбище...»

Разскащикъ нашъ кончилъ. Минутъ пять мы всѣ молчали. Уголья въ каминѣ потухли. Лампы были зажжены.

— И его бумаги у васъ? спросили мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Да. Въ нихъ, отвѣчалъ онъ:—я отыскалъ что-то похожее на дневникъ, и еще повѣсть—мучительную, подробную повѣсть его страдальческой жизни...

— Вы намъ когда-нибудь прочтете ее? спросилъ хозяинъ дома. Мы будемъ надѣяться.

— Можетъ быть, господа, произнесъ онъ, задумываясь:—можетъ быть... и если я рѣшусь когда-нибудь вамъ прочесть ее, изъ этой страшной и истинной повѣсти вы яснѣе, гораздо яснѣе увидите, *какъ добры люди*, какъ они умѣютъ понимать благородство мыслей и дѣлъ и сочувствовать душамъ возвышеннымъ!—Покуда, останемся при одномъ вступленіи...

ДОЧЬ ЧИНОВНАГО ЧЕЛОВѢКА.

(ПОВѢСТЬ.)

Не сердись за правду!
Въ нашъ вѣкъ, въ развратѣ утучнѣвшій, проситъ
Прощенья у порока добродѣтель
И ползаетъ, моля о позволеньи
Творить добро ему же....

Шекспиръ.

ГЛАВА I.

Уста мои сомкни молчаньемъ,
Всѣ чувства тайной осѣни;
Да взоръ холодный ихъ не встрѣтитъ,
И лучъ тщеславья не просвѣтитъ
На незамѣченные дни....

Веневитиновъ.

Чиновнику Теребеньину лѣтъ около шестидесяти; у него темные волосы съ просѣдью, обстриженные подъ гребенку; маленькіе глаза, почти безъ движенія, цвѣта болотной воды, и толстыя губы. Онъ небольшаго роста и всегда носитъ вицмундиръ. Бѣлый галстухъ нѣсколько разъ обвертывается кругомъ его шеи; этотъ бѣлый галстухъ, по утрамъ, въ должности, бываетъ на немъ несовсѣмъ-чистъ, хотя, по словамъ его, онъ носитъ бѣлые галстухи именно только для *чисто-*

плотности. «На черныхъ-де», говоритъ онъ, «незамѣтна грязь, а на бѣломъ вотъ сейчасъ такъ и видно малѣйшее пятнышко.» У него три виц-мундира: одинъ весь истертый по швамъ, который онъ носитъ въ департаментѣ, другой поновѣе, который онъ обыкновенно надѣваетъ по воскреснымъ и табельнымъ днямъ, также отправляясь куда-нибудь въ гости къ пріятелямъ на *бостончикъ* или на *вистикъ*; третій, совершенно новый, хранится собственно для директорскихъ обѣдовъ и вечеровъ. На-дняхъ, Осипъ Ильичъ (такъ звали г-на Теребеньина) за долговременную и усердную службу представленъ къ награжденію. Недавно онъ промѣнялъ въ Гороховой улицѣ у часовыхъ дѣлъ мастера свои старинные, толстые серебряные часы на серебряные же потонѣе. «Тѣ», говоритъ онъ, «въ формѣ луковицы, кромѣ своей тяжести весьма неудобны были для ношенія, потому-что совершенно препятствовали застегнуть виц-мундиръ. Какъ застегнешь его, сейчасъ образуется горбъ на лѣвомъ боку. Оно и некрасиво, да и трется это мѣсто скорѣе. А жаль», прибавлялъ онъ, «часы были вѣрные: только четыре раза въ годъ повѣрять отдавалъ.» — До мая 1826 года, Осипъ Ильичъ носилъ гусарскіе сапожки безъ кисточекъ; съ мая 1826 года онъ носитъ узенькіе панталоны безъ штрипокъ, подбирающіеся кверху, когда онъ садится. Чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника — любимѣйшая его фантазія, цѣль, къ которой онъ направляетъ всѣ свои дѣйствія: если онъ сидитъ, сморщивъ брови и шевеля губами, онъ навѣрно размышляетъ о чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; если ходитъ отъ одного угла комнаты до другаго, скорыми шагами, приставивъ указательный перстъ къ серединѣ лба, онъ думаетъ: «Какими бы средствами поскорѣе достичь до такого почетнаго чина? Генералъ! гм! Оно хоть и несовсѣмъ вельможа, а все-таки наравнѣ съ знатью.— Ваше превосходительство, Осипъ Ильичъ! — Что вамъ надобно?—Его превосходительству Осипу Ильичу!—А! это Теребеньину.—Вашему превосходительству, Осипу Ильичу, извѣстно, что... Да, да, славный чинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и титулованіе пріятное! Какъ бы это поскорѣе хоть въ статскіе совѣтники? Что жь? почему мнѣ не быть дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ? почему?... Да чѣмъ же лучше меня Захаръ Михайловичъ? чѣмъ?» — Осипъ Ильичъ

терпѣть не можетъ ничего книжнаго и совершенно презираетъ всѣхъ писателей. Онъ никогда ничего не читаетъ изъ печатнаго, кромѣ Адресъ-Календаря, Мѣсяцослова, Санктпетербургскихъ и Сенатскихъ Вѣдомостей.—«Писатель! ну что жъ? эка штука, писатель!» часто говаривалъ онъ. «Что въ нихъ, въ этихъ писателяхъ? пользу что ли какую приносятъ? Дѣловому человѣку не очень есть время читать ихъ побасенки-то. Другое дѣло, когда въ театръ сходить посмѣяться. Ну тутъ все не-то: и музыка играетъ, и костюмы разные, да и *иной*, чортъ его знаетъ, такъ живо представляетъ».—Осипъ Ильичъ передъ обѣдомъ обыкновенно выпиваетъ рюмку настойки *Трофимовскаго*. «Эта вещь солидная, лекарственная», замѣчаетъ онъ, глотая настойку, покрякивая и поморщиваясь.

Супруга Осипа Ильича—дама лѣтъ 49, небольшаго роста, толстая и необычайно-коротконогая; лицо ея—круглое, какъ тыква и шероховатое, какъ *дыня-кандалупка*, покоится на груди, потому-что шеи у нея совсѣмъ не имѣется. Она нрава довольно-сварливаго, занимается рачительно хозяйственною частію; за какіе-либо проступки и ослушаніе сама бранитъ лакея и мужика, который нанимается нарочно для ношенія воды, мытья посуды и прочаго (Осипъ Ильичъ въ эти дѣла не вмѣшивается); три раза въ день пьетъ кофе, каждый разъ по двѣ чашки, не смотря на докторское увѣщаніе и на угрозу, что съ ней можетъ сдѣлаться ударъ. Дома она ходитъ простоволосая и волосы ея съ очень-замѣтною просѣдью, по причинѣ жесткости своей, никогда не лежатъ на головѣ гладко, даже не смотря на то, что она два раза въ недѣлю помадится полтинной помадой «au citron». «Знаемъ мы, батюшка, эту французскую помаду», говоритъ она: «чортъ ли въ ней? отъ нея какъ-разъ волосы вылѣзутъ». Въ двѣ недѣли разъ по четвергамъ Осипъ Ильичъ обѣдаетъ у директора; къ этому уже привыкла Аграфена Петровна и поэтому по четвергамъ, въ двѣ недѣли разъ, она садится за столъ двумя часами ранѣе обыкновеннаго, т. е. вмѣсто четырехъ, въ два, приговаривая: «Вотъ это христіанской часъ, а то жди-себѣ до четырехъ часовъ,—вѣдь и аппетитъ пропадетъ совсѣмъ». И, не смотря на эту фразу, Аграфена Петровна всегда очень аппетитно кушаетъ. Въ годъ два раза Осипъ Ильичъ позволяетъ себѣ нѣкоторыя вольности, напримѣръ, обѣдать гдѣ-

нибудь во *французской ресторации*, преимущественно у Дюмѐ, сговорившись заранѣе съ двумя, тремя пріятелями — своими сверстниками. «Копѣйка лишняя завелась», говоритъ онъ, улыбаясь: «что дѣлать?» Въ эти торжественные дни физіономія Осипа Ильича съ самаго утра выражаетъ совсѣмъ не то, что̀ обыкновенно; онъ все какъ-то искоса посматриваетъ на Аграфену Петровну, полу-улыбается и покашливаетъ: «Аграфена Петровна! Аграфена Петровна!» — Ну, что тамъ такое? — «Дайте-ка-съ, матушка, чистую манишку да шейный платокъ.» При этомъ онъ беретъ щепотку табаку и съ разстановками внюхиваетъ его въ себя, какъ бы желая придать себѣ этимъ нѣсколько болѣе твердости.

— Да куда же это вы идете, Осипъ Ильичъ? Давно ли я дала вамъ чистый платокъ и манишку? Что̀ за наряды въ департаментѣ? И въ этомъ просидите, не велика важность!

— Оно конечно, да все, знаете, не такъ хорошо. Вотъ, говорятъ, сегодня какой-то военный генералъ будетъ. Ему-дескать директоръ будетъ показывать департаментъ, такъ слышно; какъ же начальствующимъ лицамъ.... вѣдь надобно же почище одѣться.

— Да мало ли что врутъ! А развѣ директоръ-то не сказалъ бы тебѣ объ этомъ?

Осипъ Ильичъ при такомъ вопросѣ принялся снова за табакерку и задумчиво перебиралъ руками табакъ.

— Сказалъ, оно конечно... А что, Аграфена Петровна, у васъ расходныхъ-то, я чай, немного осталось? Впрочемъ, что жъ? вотъ скоро и треть подвигается. Ужъ нынче *третное* я все сполна вамъ отдаю.

— И давно бы такъ, батюшка! Подержи-ка хоть разъ самъ расходъ, такъ и увидишь, что значитъ: и туда деньги, и сюда деньги, и то вздорожало, и другое вздорожало...

— Всѣ отдамъ, всѣ сполна, до копѣечки.

— Смотрите же, Осипъ Ильичъ.

— Ей Богу! Аграфена Петровна. А что же, чистую-то манишку?

— На васъ и гладить не упасешься: чистую да чистую, подавай откуда хочешь.

— Вы сегодня не ждите меня обѣдать—заваленъ дѣлами: можетъ, и до пяти часовъ придется посидѣть.

— Да говорите безъ обиняковъ. Что́ вы, обѣдать, что ли, куда собираетесь?

— Можетъ-статься, и обѣдать куда пойдемъ.

— Куда же? нельзя ли узнать?

— Маркъ Патапычъ съ Николаемъ Игнатьичемъ приглашаютъ меня.

— Ужъ предчувствовала, предчувствовала! На дебошъ въ какую-нибудь *нѣмецкую ресторацію*. Тамъ славно обираютъ русскія денежки; мастера, нечего сказать! Только попадись къ нимъ—обдерутъ какъ липку.

— Маркъ Назарычъ говоритъ, что...

— Знаемъ мы твоего Марка Назарыча: ему бы на чужой счетъ пожуировать, а въ домѣ трава не расти. Палагея Емельяновна все поразсказала мнѣ, все: кровавыми слезами плачетъ бѣдняжка, истинно-кровавыми; кулакомъ слезы утираетъ.

— Ну да я пожалуй и не пойду.

— Идите, идите, никто не мѣшаетъ вамъ; а небось какъ спросишь: «Осипъ Ильичъ, на расходы надо» — такъ и закабѣнется. Да откуда мнѣ взять денегъ? да что́ я, дѣлаю что ли деньги? А вотъ какъ на дебоширство, такъ небось есть.

— Ну, ну, Богъ съ вами! сказалъ, что не пойду.

Это со стороны Осипа Ильича была только одна фигура уступленія; послѣ долгаго крика и шума онъ поставлялъ-таки на своемъ, выпрашивалъ чистый галстухъ и манишку, и послѣ присутствія отправлялся съ пріятелями *покутить*.

У Дюмѐ они выпивали, обыкновенно, каждый по бутылкѣ простаго столоваго вина, бѣлаго или краснаго, смотря по вкусу; каждый спрашивалъ по бутылкѣ шампанскаго, и всѣ вмѣстѣ обращали на себя всеобщее вниманіе.

Осипъ Ильичъ, наливая въ стаканъ красное вино, сперва подносилъ его къ носу.

— Вино ординарное, Маркъ Назарычъ, а *букетъ* хорошъ; понюхайте.

Потомъ, сморщивая брови, онъ приподнималъ стаканъ къ свѣту, поворачивая его въ рукѣ, все передъ свѣтомъ, и, послѣ такихъ маневровъ, обращался снова къ Марку Назарычу:

— И цвѣтъ не дуренъ: густоватъ, правда, немножко. Что̀, я думаю, имъ обходится по полутора бутылка?

Въ-заключеніе, онъ выпивалъ стаканъ и обтиралъ салфеткою губы.

Точно какъ для мужа были истинно-высокоторжественными днями въ жизни тѣ дни, въ которые онъ обѣдывалъ во французской ресторацiи,—такъ для жены тѣ, въ которые она ходила съ визитомъ къ генеральшѣ Поволокиной, у супруга которой ея Осипъ Ильичъ былъ стряпчимъ, или, говоря высокимъ слогомъ, ходатаемъ по дѣламъ.

Мужъ, припоминая что-либо, всегда говаривалъ:

— Когда же это было? съ мѣсяцъ что ли? Послѣднiй-то разъ я обѣдалъ у Дюмѐ шесть недѣль тому назадъ. Ну, да оно такъ и будетъ. И въ такомъ случаѣ, жена почти всегда возражала ему:

— Что ты это? перекрестись, голубчикъ. Вѣдь это было за двѣ недѣли до рожденiя ея превосходительства Надежды Сергѣевны Поволокиной; а я послѣ того еще разъ была у нея передъ заговѣнами.

Осипъ Ильичъ былъ человѣкъ, какъ мы уже выше замѣтили, очень-нужный для супруга этой Надежды Сергѣвны Поволокиной, и потому онъ очень дорожилъ Осипомъ Ильичемъ. Онъ посылалъ его по своимъ дѣламъ и въ гражданскiя палаты, и въ уѣздные суды, и въ конторы маклеровъ. Осипъ Ильичъ, — надо отдать ему справедливость, — въ приказныхъ дѣлахъ былъ человѣкъ свѣдущiй, потому-что началъ свое служебное поприще съ гражданской палаты. Генералъ Поволокинъ рѣшительно не занимался ничѣмъ домашнимъ; онъ даже рѣдко бывалъ дома: утромъ въ должности, а вечеромъ въ Англiйскомъ Клубѣ, *къ перу отъ картъ и къ картамъ отъ пера*, по словамъ Грибоѣдова, давно обратившимся въ пословицу. 500 наслѣдственныхъ душъ его, заложенныя и перезаложенныя, едва-ли не пять лѣтъ съ ряду показывавшiяся въ «Прибавленiяхъ» къ «Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ», немного приносили дохода; и если бы не другой доходъ, гораздо повѣрнѣе перваго, то г-жа Поволокина должна бы была весьма посократить свои издержки *на булавки и на прочее*. Впрочемъ, г-нъ Поволокинъ слылъ въ Петербургѣ за человѣка богатаго: онъ имѣлъ четверню лошадей, квартиру,

меблированную если не изящно, то довольно-роскошно: штофъ на мебели, бронзовые канделябры и часы, алебастровыя вазы; правда, все это не очень блестящее, ибо пыль слоями покрывала всѣ эти вещи: правда, что его передняя была и темна и грязна, что она пахла ламповымъ масломъ, — но это уже не была вина г-на Поволокина, а скорѣе г-жи Поволокиной, которая всегда и всѣмъ кричала о своихъ хозяйственныхъ дарованіяхъ.

Въ этомъ случаѣ Надежда Сергѣевна и Аграфена Петровна чрезвычайно разнились другъ отъ друга: послѣдняя чистоту въ домѣ ставила выше всего на свѣтѣ.

— *Опрятность есть добродѣтель*, говаривала она, и, несмотря на это мудрое изреченіе, только одинъ разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, исключая экстраординарныхъ случаевъ, выдавала Осипу Ильичу чистую манишку и шейный платокъ. Часто, смотря на его шею, она думала: «и точно грязноватъ платокъ-то; ну, да что за бѣда, еще дня три проноситъ; вѣдь отъ частой стирки бѣлье рвется»...

Она сама ежедневно утромъ вытирала пыль въ гостиной и въ залѣ съ дивановъ, со столовъ, со стульевъ и комодовъ, съ разныхъ вещей, какъ-то: съ стекляннаго колпачка, подъ которымъ лѣтъ 8 покоился сдѣланный изъ воска и раскрашенный амурчикъ въ колыбели, съ зеркала надъ диваномъ и съ силуэта своей бабушки, который висѣлъ оклеенный въ цвѣтную бумажку, подъ зеркаломъ въ гостиной. Ерани и рута, стоявшія въ залѣ на окнахъ, зимою черезъ день, а лѣтомъ аккуратно всякій день поливались также ея собственными руками. Послѣднее растеніе, т. е. рута, кромѣ украшенія комнаты, приносило еще и пользу, а именно употреблялось Аграфеною Петровною для полосканія рта.

17-го Сентября 18**, въ день святыхъ Вѣры, Софіи, Любви и Надежды, въ который начинается наше повѣствованіе, Аграфена Петровна проснулась ранѣе обыкновеннаго, то-есть часовъ около шести, и занялась приготовленіями къ своему туалету. Это былъ день именинъ Надежды Сергѣевны и дочки ея Софьи Николаевны. Аграфена Петровна должна была отправиться съ поздравленіями. Къ 11 часамъ она была уже совершенно готова: въ чепцѣ съ кружевными крылышками, украшенномъ лентами цвѣта адскаго пламени,

въ желто-коричневомъ гроденаплевомъ капотѣ, въ красной французской шали, при клеёнчатомъ, въ клѣтку сплетенномъ ридикюлѣ и въ кожаныхъ полусапожкахъ со скрипомъ. Въ 11 часовъ лакей въ грязной ливреѣ и въ изорванныхъ сапогахъ посадилъ ее въ извощичью четырехмѣстную карету, за неотъисканіемъ двухмѣстной. «Но... ну... но... небось» — и карета двинулась. Въ половинѣ 12-го Аграфена Петровна прибыла къ дому г-жи Поволокиной, запыхавшись взошла на лѣстницу, и лакей дернулъ за ручку колокольчика.

— Что̀, дома ея превосходительство Надежда Сергѣевна?

— Дома, да въ уборной-съ.

— А Софья Николаевна?

— Къ барышнѣ можно-съ.

Генеральская дочь сидѣла въ своей комнатѣ, въ бѣлой блузѣ; на плечахъ ея была накинута шаль; передъ ней на пюпитрѣ лежала развернутая книга. Ей казалось на лицо 25 или 26 лѣтъ; она не имѣла той красоты, которая бросается прямо въ глаза каждому и въ гостиныхъ, и въ театрахъ, и на улицахъ,—этой скульптурной красоты, доступной равно для глазъ всѣхъ; но она не принадлежала также къ тѣмъ счастливымъ дѣвушкамъ, о которыхъ небрежно говорятъ: «да, *хорошенькая*», или съ гримасой снисхожденія: «конечно, она не дурна; такая *миленькая!*»

Можетъ быть, пройдя мимо ея, вы бы вовсе не замѣтили ее и, конечно, посмотрѣвъ на нее, не произнесли бы этихъ общихъ, изношенныхъ, пошлыхъ фразъ: *хорошенькая, миленькая!* Многіе даже находили ее дурною, и, право, грѣхъ было спорить съ этими господами. Слово: «*дурна*», въ устахъ такихъ людей, не могло быть оскорбительно для нея: это не то, что̀ слово «хорошенькая»!

Ея лицо было задумчиво; оно всегда мыслило, всегда говорило; что-то болѣзненно-блѣдное было въ цвѣтѣ лица ея, что-то страшно-тоскливое въ ея черныхъ, глубокихъ очахъ. Посмотрѣвъ на нее, вы стали бы въ нее вглядываться; вглядѣвшись, вы бы захотѣли насмотрѣться на нее; наглядѣвшись, вы бы, можетъ быть, задумались и спросили самого себя: для чего родятся такія существа? для чего живутъ они? многіе ли поймутъ ихъ и оцѣнятъ?

Въ-самомъ-дѣлѣ, жизнь Софьи — одно изъ самыхъ горькихъ явленій современнаго общества—была достойна полнаго

вниманія, наблюденія неповерхностнаго. Мы, съ такимъ рвеніемъ, съ такою пытливостію изучающіе жизнь людей великихъ, имена которыхъ нарѣзаны вѣками на скрижали безсмертія, мы, дивящіеся силѣ ихъ воли, ихъ героизму, ихъ самоотверженію,—мы не знаемъ, что среди насъ, въ этомъ обществѣ, въ этой мелкой жизни, въ которой безцѣльно кружимся, есть характеры неменѣе великіе, неменѣе достойные изученія. Не ихъ вина, что они обставлены другими обстоятельствами, что они дѣйствуютъ въ ограниченномъ домашнемъ кругу, а не на обширномъ гражданскомъ поприщѣ. Посмотрите на страшную борьбу образованія съ полуобразованіемъ или съ явнымъ невѣжествомъ, ума и чувства съ закоренѣлыми предразсудками,—на эту борьбу, немилосердно раздирающую тысячи семействъ. Вотъ передъ вами жертвы этой борьбы, безропотно, незамѣтно сходящія въ могилу, непонятыя и неоплаканныя. Остановитесь на этихъ могилахъ съ слезою благоговѣнія... Но не въ томъ дѣло, я долженъ познакомить васъ съ матерью Софьи.

Это была, изволите видѣть, женщина несовсѣмъ глупая и несовсѣмъ умная, а такъ, что-то среднее между тѣмъ и другимъ, сорока-пяти-лѣтняя кокетка, павлинившаяся тѣмъ, что ея мужъ былъ важный чиновникъ; неловкая и странная, какъ цифра, сдѣланная изъ нуля; смѣшная чиновница передъ какой-нибудь княгиней, и каррикатурная княгиня передъ чиновницей, — полуобразованная, и потому безъ всякаго снисхожденія... Образчики такихъ женщинъ вы вѣрно встрѣчали въ среднемъ петербургскомъ обществѣ.

Надежда Сергѣевна всегда съ жеманною полу-улыбкой смотрѣла на ласки своей дочери, сердце которой требовало любви материнской, и, поправляя ленты своего чепца передъ зеркаломъ, говорила небрежно: «Полно, милая, къ-чему эти нѣжности? Вотъ цвѣтъ, который, кажется, совсѣмъ не къ-лицу мнѣ. Не правда ли? Такіе вопросы оставались часто безъ отвѣта, и такого рода молчаніе незамѣтно вооружало мать противъ дочери. Женщина полуобразованная рѣдко отличаетъ лесть отъ ласки: въ ея понятіяхъ это—рѣшительно синонимы. Лесть дѣйствуетъ на самолюбіе, ласка—на чувства. Самолюбіемъ надѣлены всѣ мы, чувствами—немногіе, и вотъ почему лесть въ такомъ ходу, въ такомъ уваженіи въ этомъ мірѣ;

и вотъ почему мать Софьи называла ее часто *неблагодарной, нечувствительной* дочерью. Оскорбляемая такими словами, бѣдная дѣвушка не могла понять, почему они, эти ужасныя слова, могутъ примѣняться къ ней. Она заглядывала въ глубину своего сердца, повѣряла всѣ свои мысли, отдавала себѣ отчетъ въ каждомъ словѣ, произнесенномъ ею передъ лицомъ матери, старалась даже припоминать выраженіе лица своего въ то время, когда она говорила съ нею,—и, заливаясь слезами, почти безъ памяти упадала головой на свой рабочій столикъ, бывшій единственнымъ свидѣтелемъ ея страданій.

«Господи!» думала она: «Ты видишь мое сердце. Развѣ я не свято исполняю обязанность дочери? Господи! наставь мень, вразуми меня, покажи мнѣ вину мою. Отчего же я неблагодарна? Отчего же я безчувственна?

Софья изнывала отъ тайныхъ страданій, и только блѣдность лица ея и постоянно-тоскливое выраженіе очей изобличали, что ей не сладка жизнь. Но это не трогало матери, напротивъ еще раздражало ее. Она называла ее капризной дѣвчонкой. Она говорила ей, стараясь придавать словамъ своимъ умышленно-обидный тонъ: «Что это ты приняла на себя видъ какой-то жалкой, притѣсненной, обиженной? Ты и безъ того не очень хороша, а это, право, нейдетъ къ тебѣ...»

Но днями истинной пытки для Софьи были тѣ дни, въ которые отецъ ея давалъ у себя *вечера*, или *балы*, какъ говорила Надежда Сергѣевна.

На эти «балы» были всегда приглашаемы, лично самимъ г-мъ Поволокинымъ, двѣ или три княгини или графини, съ мужьями которыхъ онъ имѣлъ постоянныя сношенія по картамъ. Эти княгини и графини показывали, что дѣлаютъ ему въ полномъ смыслѣ *честь* своимъ посѣщеніемъ. За нѣсколько дней до такого бала, супруга г-на Поволокина принимала на себя видъ гораздо важнѣе обыкновеннаго; она чаще и сердитѣе обращалась къ дочери. «Какъ ты странно держишься, милая! Въ твоей *турнирѣ* нѣтъ никакой *грасы*. Вотъ посмотрѣла бы ты на графиню Д*—заглядѣнье, просто: какъ войдетъ въ гостиную, такъ и говорить не нужно—всякій узнаетъ, что графиня. Такъ нѣтъ себѣ, гдѣ! У насъ *хорошаго* перенимать не любятъ. Вотъ хоть бы прошедшій разъ, когда у насъ была княгиня, я просто не знала, что̀ дѣлать: не

замѣчаетъ ее,—и чѣмъ же занимается? Забилась въ уголъ, да и изволитъ разговаривать съ Катенькой Пороховой: экая невидаль! Другая, на твоемъ мѣстѣ, прочь бы не отошла цѣлый вечеръ отъ княгини, предупреждала бы ея малѣйшія желанія, такъ бы и глядѣла ей въ глаза. Ну а то, что̀ она теперь о тебѣ подумаетъ? ужъ вѣрно скажетъ: экая дура и слова-то сказать не умѣетъ — такая невоспитанная! А, кажется, матушка, потратили-таки на твое воспитаніе довольно. Какихъ учителей не нанимали! Вотъ посмотри, полюбопытствуй, у отца въ кабинетѣ есть счетецъ, что̀ ты ему стоила. А онъ не Богъ знаетъ какой милліонеръ!»

Неловкое униженіе матери Софьи передъ княгинями и графинями, граціозная недоступность, очаровательная важность этихъ госпожъ показали ей неизмѣримое разстояніе между ними и ею. Она съ негодованіемъ видѣла, какъ среднее сословіе каррикатурно вытягивается до подмостокъ, на которыхъ величается аристократія, и съ какою милою и снисходительною насмѣшкою эта аристократія смотритъ на жалкія усилія *легонькаго дворянства*. Все это сдѣлало на нее сильное впечатлѣніе и отдалило ее отъ общества, въ которомъ она, по собственному сознанію, не могла играть никакой роли. Она выѣзжала потому только, что ей было приказано выѣзжать, и не отдѣлялась въ гостиныхъ отъ массы. Это ничтожество въ обществѣ нисколько не оскорбляло ея самолюбія: она знала, что надѣлена всѣми средствами, которыя бы должны были вывесть ея на авансцену, но что только собственная воля заставляетъ ее не употреблять ни одного изъ этихъ средствъ и постоянно оставаться въ глубинѣ сцены. Тамъ изъ простой, невольной зрительницы она вскорѣ сдѣлалась невольною наблюдательницей. Мимо ея мелькали тысячи движущихся существъ обоего пола, убранныхъ самыми безсмысленными прихотями, разукрашенныхъ самыми безумными предразсудками, которые назывались *свѣтскими приличіями*. Это былъ пресмѣшной маскарадъ, пестрѣе, разнообразнѣе и безсмысленнѣе итальянскихъ карнаваловъ, смѣшной еще болѣе, потому-что всѣ эти движущіяся существа нимало не подозрѣвали нелѣпости своихъ костюмовъ и, задыхаясь подъ безобразными масками, готовы были божиться, что они ходятъ съ открытыми лицами. По-крайней-мѣрѣ, высшее общество,

какъ французскій водевиль, при всей своей пустотѣ, показалось ей въ первый разъ заманчивымъ, потому-что оно имѣетъ и блескъ, и остроту, и каламбуры, и какъ-будто наружный смыслъ; къ-тому же, она видѣла издалека это общество: по среднее,—о среднее общество!—оно показалось ей тѣмъ же французскимъ водевилемъ, только презабавно передѣланнымъ на русскіе нравы.

Вотъ какова была дочь генерала Поволокина и вотъ какова была жизнь ея.—Утромъ 17 Сентября 18**, она, какъ мы говорили выше, сидѣла въ своей комнатѣ, задумавшись надъ книгою. И читатели наши могутъ представить положеніе ея въ ту минуту, когда она обернулась на скрипъ отворявшейся двери и увидѣла передъ собою шарообразную чиновницу съ кожанымъ ридикюлемъ въ рукѣ и съ лентами цвѣта адскаго пламени.

Но Софья закрыла книгу, встала со стула и съ своей обычною привѣтливостію пошла навстрѣчу гостьѣ.

— Имѣю честь поздравить ваше превосходительство съ днемъ ангела! Осипъ Ильичъ приноситъ вамъ также чувствительнѣйшее свое поздравленіе.

Проговоривъ это привѣтствіе, она едва не задохлась.

— Садитесь, Аграфена Петровна; очень рада васъ видѣть; вы никогда не забывали этого дня — всегда безпокоитесь сами...

— Какъ же можно забыть, Софья Николаевна? Помилуйте, да что̀ же послѣ этого и помнить? Я и Осипъ Ильичъ очень чувствуемъ, повѣрьте, очень помнимъ всѣ милости и его превосходительства, и ея превосходительства, и ваши.

Софья кусала губы.

— Полноте, полноте, Аграфена Петровна! можетъ быть, папенька и маменька, но я еще ничего не могла сдѣлать...

— Чувствуемъ, матушка, перебила чиновница:—всѣ ваши благодѣянія, вполнѣ цѣнимъ и чувствуемъ! всѣ, таки-всѣ по гробъ не забудемъ; я—вотъ, какъ передъ Богомъ, говорю передъ вами—такой человѣкъ, какъ вашъ батюшка, на рѣдкость въ нынѣшнемъ свѣтѣ. Ужъ подлинно сказать, нынче переводятся хорошіе люди... А какъ, въ своемъ здоровьѣ ея превосходительство?

— Маменька, слава Богу, здорова; она сейчасъ придетъ; она, вѣрно, еще не знаетъ, что вы здѣсь.

— Не безпокойте ея превосходительство, ради Бога не безпокойте, Софья Николаевна! прошу васъ: знаю, очень-хорошо знаю, что̀ такое хозяйка: и туда заглянь, и въ другое мѣсто и въ третье — вездѣ нужно; день-денскòй пройдетъ, не увидишь. Какую это вы книжку изволите читать? позвольте полюбопытствовать.

— Корреджіо Эленшлегера.

— Про этакого сочинителя я не слыхала. Господи, подумаешь, сколько на свѣтѣ есть сочинителей!... Ахъ! — И при этомъ *ахъ*—Аграфена Петровна вскочила со стула и покатилась навстрѣчу входившей въ комнату Надежды Сергѣевны:

— Матушка, ваше превосходительство! усерднѣйше поздравляю васъ! Дай Богъ вамъ еще сто разъ праздновать этотъ день, дождаться и внучекъ и правнучекъ, поскорѣе пристроить Софью Николаевну, чтобы...

— Благодарю васъ, милая. Садитесь. Что̀ мужъ вашъ?

— Слава Богу, ваше превосходительство, здоровъ, вашими молитвами. Ни днемъ, ни ночью покоя по службѣ нѣтъ, все-себѣ пишетъ. Ужъ, нечего сказать, много видала усердствія къ службѣ, а такого, такъ истинно скажу, на рѣдкость. Говорю: побойся Бога, Осипъ Ильичъ, вѣдь ты человѣкъ: долго ли занемочь? кажется, ты ужъ составилъ себѣ *реноме*. Нѣтъ, говоритъ, Аграфена Петровна, на то ужъ, говоритъ, присягу далъ: въ гробъ лягу, а служить не перестану. Что̀ съ нимъ будешь дѣлать?... Утромъ передъ департаментомъ лично былъ у васъ съ поздравленіемъ.

При этомъ словѣ г-жа Теребеньпа немного привстала.

— Да, мнѣ сказывали, говорила небрежно Надежда Сергѣевна: это было еще очень рано, я спала.

— Знаю, знаю, матушка, ваше превосходительство! вы не то, что̀ наша сестра: почиваете, покуда почивается. Какая работа въ вашемъ званіи!... Вотъ мы, бѣдные люди, въ потѣ лица добывающіе хлѣбъ, такъ это другое дѣло.

— Однако, милая, если бы я не хозяйничала сама, то весь домъ у меня пошелъ бы верхъ-дномъ... Что̀ моя дорогая именинница? И, протяжно произнося это, она разсматривала шаль, накинутую на дочери.

— Очень хорошій цвѣтъ.

— Прекрасный, безподобнѣйшій... Да ужъ можетъ ли быть у васъ что-нибудь дурное? Кому же и имѣть хорошее? Ужъ вы мнѣ простите, простой женщинѣ, ваше превосходительство, а ужъ я скажу, какъ васъ вмѣстѣ видишь съ Софьей Николаевной, такъ вотъ сердце и радуется. Такой материнской любви поискать въ нынѣшнемъ вѣкѣ!

— Да; кажется, она не можетъ на меня пожаловаться: я всю жизнь посвятила ей, я для нея всѣмъ жертвовала.

— И сейчасъ видно.

Софья избѣжала взора матери, который жадно выжидалъ отвѣта на фразу, заранѣе составленную и употреблявшуюся при всякомъ удобномъ случаѣ.

— Какъ натурально сдѣлано! начала Аграфена Петровна, смотря на литографированный портретъ, стоявшій на столикѣ противъ нея. «Не родственника ли вашего, смѣю спросить, Софья Николаевна?

Мать и дочь улыбнулись въ одно время.

— Это портретъ англійскаго писателя Байрона, отвѣчала Софья, закраснѣвшись, скороговоркою.

— Она влюблена въ книги, говорила насмѣшливо Надежда Сергѣевна: ей бы только съ утра до ночи сидѣть въ своей комнатѣ да читать. Рукодѣліемъ такъ мы не очень любимъ заниматься. А съ однимъ чтеніемъ не такъ-то далеко уѣдешь.

— Очень хорошій портретъ, продолжала Аграфена Петровна:—только жаль, что не покрашенный, а вотъ съ Осипа Ильича недавно писалъ въ миніатюрномъ видѣ портретъ красками одинъ молодой человѣкъ, живописецъ, дальній нашъ родственникъ. Удивительнѣйшее сходство! просто живой сидитъ, только что не говоритъ—такъ трафитъ, что чудо! Недавно писалъ онъ съ генеральши Толбуковой, и та осталась довольна, и двѣсти ассигнаціями дала ему за портретъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Меня мужъ все проситъ, чтобъ я списала съ себя и съ нея портреты (тутъ она указала на дочь). Пусть бы онъ принесъ показать свою работу, для образчика; я бы, можетъ быть, заказала ему оба портрета.

— Очень рада услужить вашему превосходительству: дамъ ему знать непремѣнно; онъ за честь долженъ себѣ поставить

списывать съ васъ портретъ. Вы имъ останетесь довольны; у него руки золотыя, да язычекъ-то несовсѣмъ чистъ. Могъ бы обагатиться, ей Богу правда, пиши только портреты, а то— гдѣ! хочу, говоритъ, большія картины писать, а иной разъ и хлѣба нѣтъ. Все мать избаловала! Ужъ это боловство никогда до добра не доведетъ. Впрочемъ, онъ ее своими трудами кормитъ. Пришлю его къ вамъ, пришлю, матушка, ваше превосходительство.

— Не забудьте, милая! проговорила Надежда Сергѣевна, вставая со стула.

— Ни за что не забуду.

Аграфена Петровна также встала со стула.

— Прощайте, ваше превосходительство! прощайте, Софья Николаевна! Когда же его прислать прикажете?

— По утрамъ, часовъ до двухъ, я всегда дома. Да чтобы онъ работу свою принесъ,—не забудьте.

— Слушаю, слушаю! Прощайте, ваше превосходительство! прощайте, Софья Николаевна!

— Прощайте, милая! благодарю васъ.

Софья проводила Аграфену Петровну до двери передней.

— Ради Бога, не безпокойтесь! прошу васъ, сдѣлайте такую милость, Софья Николаевна.

Наконецъ, слава Богу, Софья осталась одна! Она хотѣла отдохнуть отъ визита чиновницы и снова принялась за свою книгу, въ то время, какъ во всемъ домѣ бѣгали, суетились, кричали, по случаю приготовленія къ балу, долженствовавшему быть вечеромъ. Но вдругъ она отложила книгу въ сторону, опустилась глубже въ кресла и задумалась. Воображенію бѣдной дѣвушки было тѣсно въ этомъ ограниченномъ, жалкомъ кругу, въ который закинула ее прихотливая судьба. Это неугомонное воображеніе рѣдко оставляло ее въ покоѣ: начнетъ ли она засыпать, оно пригонитъ кровь къ ея сердцу, и она вздрогнетъ и пробудится; станетъ ли читать она, книга выпадаетъ изъ рукъ ея, и она лѣниво скреститъ руки и небрежно прислонится къ сафьянной подушкѣ дивана. Воображеніе высоко поднимало ея грудь, граціозно опускало ей на бокъ головку, заставляло ее такъ печально вздыхать и такъ мило задумываться. Вотъ отчего, и въ эту минуту, она отложила книгу въ сторону и остановилась на мучительномъ

разговорѣ Корреджіо съ самимъ собою, по уходѣ Микель-Анджелло. Какъ хорошо понимала она страдальческія рѣчи Аллегри... *Художникъ!*... это имя было такъ заманчиво для нея; съ этимъ именемъ соединялся для нея цѣлый міръ идей новыхъ, возвышенныхъ, безконечныхъ. Озаренный лучомъ вдохновенія, художникъ являлся передъ нею существомъ высшимъ, таинственнымъ, поставленнымъ между небомъ и землею, ослѣпительнымъ вѣнцомъ Божьяго созданія. Она не подозрѣвала въ художникѣ человѣка, потому-что не могла соединить этихъ двухъ идей. Она бы рѣшительно не поняла васъ, если бы вы стали говорить о частной жизни художниковъ: о скупости Перуджино, о буйной жизни Рафаэля и Дель-Сарто, объ алчности къ деньгамъ Рембрандта. Художникъ не могъ иначе представляться ей, какъ въ образѣ *Гвидо-Рени*, который съ угрызеніемъ совѣсти бралъ деньги за труды свои, считая это униженьемъ искусства, работалъ съ покрытою головой даже въ присутствіи папы и отказывался на предложенія герцоговъ, призывавшихъ его въ свои владѣнія, изъ одного только страха, чтобы, при дворахъ ихъ, искусство не было унижено въ его лицѣ. Софьѣ показался очень страннымъ поступокъ Анджелло съ Антоніо; она ужасно разсердилась на Эленшлегера за эту сцену. «Могъ ли быть такимъ великій Буонаротти?» подумала она и, погружаясь въ мечту болѣе и болѣе, она, отъ великаго Буонаротти, перешла мыслію къ этому бѣдному художнику, о которомъ говорила чиновница. Ей такъ бы хотѣлось взглянуть на какого-нибудь художника, удостовѣриться, похожъ ли онъ на ея мечту, на ея созданіе? Что̀, если, въ-самомъ-дѣлѣ, онъ, этотъ художникъ, рекомендованный Аграфеною Петровною, не какой-нибудь наемный пачкунъ, а человѣкъ съ талантомъ? Онъ кормитъ мать-старушку трудами своими: стало-быть, у него доброе сердце; онъ порывается создать что-нибудь большое: стало-быть онъ чувствуетъ въ себѣ талантъ... О, это долженъ быть настоящій художникъ! И при этой мысли сердце Софьи сильно забилось. Боже мой! и маменька послала звать его къ себѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ принесъ *образчики своей работы*. Какъ это покажется ему оскорбительнымъ! *Образчики работы*... будто онъ какой-нибудь торгашъ. Впрочемъ, можетъ быть онъ и не то, что̀ я думаю, сказала она про-себя, и опять открыла книгу.

Между-тѣмъ голосъ ея матери раздавался по всѣмъ комнатамъ; она кричала на лакеевъ и дѣвокъ: «Вытрите хорошенько въ залѣ съ окошекъ; васъ вездѣ надо натыкать носомъ. Да чтобъ вечеромъ лампы-то хорошенько горѣли, а то прошедшій разъ я за васъ сгорѣла отъ стыда. Вотъ Богъ далъ дочку: изволитъ заниматься романами, — не то, чтобы пособлять матери! Ростишь, ростишь, думаешь, что будетъ утѣшеніемъ, анъ вотъ!... Свѣчки-то восковыя поставьте въ тройники, да обожгите.»

— Да свѣчекъ не достаетъ, ваше превосходительство.

— Такъ пошлите скорѣе въ лавку этого лежебока Ваську...

Весь день Надежда Сергѣевна косилась на свою дочь, и, по разъѣздѣ гостей, она имѣла такой громкій разговоръ съ нею, что бѣдная, задыхавшаяся отъ слезъ, дѣвушка едва могла его вынесть. Главною причиною гнѣва матери, разразившагося въ этотъ разъ такъ жестоко надъ дочерью, былъ непріѣздъ одной княгини, на которую она очень надѣялась, чтобы посѣщеніемъ ея блеснуть передъ высшимъ чиновничествомъ.

Софья долго молилась и плакала. Молитва и слезы облегчили ее. Подъ утро она заснула; но сонъ ея былъ безпокоенъ; она поминутно вздрагивала и просыпалась. Ей снилось, что она стоитъ на самой окраинѣ бездны; сердце ея замирало, голова кружилась, и она упадала въ глубину, а тамъ, на днѣ этой глубины, сверкали передъ ней гнѣвныя очи ея матери, — или эта женщина стояла передъ ней съ угрожающими жестами, произнося такія страшныя слова... Она бросалась передъ нею на колѣни, но та безпощадно отталкивала ее и не сводила съ нея своихъ пронзительныхъ очей.

Она проснулась отъ боли, но сонъ скоро снова сомкнулъ ея глаза — и вотъ передъ нею стоитъ этотъ художникъ, о которомъ говорила Аграфена Петровна: «Онъ пришелъ», говорятъ ей, «списывать съ васъ портретъ.» — Не съ меня, а съ маменьки. — «Нѣтъ, съ васъ.» Она подходитъ къ нему, смотритъ на него. Какъ онъ хорошъ собою! какое выраженіе въ глазахъ его! Онъ смотритъ на нее съ такою любовью и вмѣстѣ такъ застѣнчиво. Ей стало легко и пріятно... Развѣ онъ меня любитъ? Неправда! въ мірѣ нѣтъ существа, которое бы меня

любило. Я одинока... А вотъ, вдали, старушка-мать его, которую онъ кормитъ своими трудами. Софья подходитъ къ нему, онъ беретъ ее за руку, но она отдернула отъ него руку, смотритъ на него — и что же? передъ нею опять эти сердитые глаза, и они рѣжутъ ей сердце. Она вскрикиваетъ, она чувствуетъ, что все это во снѣ, хочетъ проснуться — и не можетъ... И вотъ снова *онъ* передъ нею—и ей становится легче. Грустный и одинокій, сидитъ онъ въ огромной залѣ, а около него толпится буйная чернь, не замѣчая его. Эта чернь величаетъ себя громкими именами *любителей*, *покровителей искусства*, и важно расхаживаетъ, и останавливается передъ картинами, висящими въ залѣ, и безстыдно произноситъ свои рѣшенія — дерзкія и нелѣпыя, и святотатственно ругается надъ искусствомъ... *Онъ* слышитъ эти рѣчи—и, кажется, ему становится еще тяжелѣе, еще грустнѣе. «Такъ это-то наши цѣнители?» говоритъ онъ. «Эти-то люди даруютъ намъ славу? отъ нихъ-то зависитъ наша участь? Они поручаютъ насъ безсмертію?..... Боже! Боже! для чего Ты обнажилъ передо мною эту тайну? Мнѣ легко было въ моемъ невѣдѣніи, я думалъ, что гласъ народа—твой гласъ, Боже!» — Кто-то выходитъ изъ толпы, и толпа передъ нимъ разступается; онъ идетъ мѣрнымъ шагомъ, съ нахмуреннымъ челомъ, важно, самодовольно; онъ дерзче и самоувѣреннѣе всей этой дерзкой и самоувѣренной черни; онъ кричитъ: «за мною, за мною! я покажу вамъ чудо искусства! на колѣни!» И вся эта масса двинулась за нимъ, и онъ отдернулъ занавѣсъ и указалъ имъ на картину, висѣвшую за занавѣсомъ. «Вотъ вамъ картина, въ ней соединяется все: мягкость кисти, легкость исполненія и правильность рисунка Гвидова, простота, изученіе природы и антиковъ Доминикина, и грандіозность Леонардо-да-Винчи!» И вся эта чернь, съ разинутыми ртами, слушала оратора, и начала дивиться картинѣ и разразилась громомъ нелѣпыхъ кликовъ и неистовыхъ рукоплесканій. «Гдѣ онъ? гдѣ этотъ великій художникъ? мы хотимъ его видѣть, мы хотимъ увѣнчать его!» повторялось каждымъ порознь и вдругъ всѣми. Ораторъ искривилъ ротъ улыбкою и, указавъ туда, гдѣ сидѣлъ бѣдный художникъ, воскликнулъ: «вотъ онъ!» Бѣснуясь, бросилась къ нему чернь. *Онъ* видѣлъ и слышалъ все, онъ съ непонятною силою раз-

двинулъ въ обѣ стороны волны народа, нахлынувшаго къ нему, и остановился передъ лицомъ виновника торжества своего. Лицо его было блѣдно, губы дрожали отъ гнѣва. «Кто далъ тебѣ право богохульствовать?» произнесъ онъ замирающимъ голосомъ, опустивъ на плечо его желѣзную руку. Но силы оставили его, и онъ грянулся трупомъ на полъ. Ораторъ захохоталъ и оттолкнулъ ногою трупъ. Черты этого человѣка дѣлались явственнѣе для Софьи; ей показалось, что онъ смотритъ на нее глазами ея матери, подходитъ къ ней, указывая на трупъ, и говоритъ: «вотъ что такое слава!» и опять хохочетъ. Сердце ея замираетъ отъ ужаса... Она вздрагиваетъ и просыпается. Уже давнымъ-давно утро, 11 часовъ— и она, измученная, поднялась съ постели отъ страданій мечтательныхъ къ страданіямъ дѣйствительнымъ. Непріятное предчувствіе тяготило ее. Она подошла къ зеркалу, глаза ея распухли отъ слезъ. «Вотъ», подумала она, «новая причина для гнѣва маменьки. А этотъ сонъ? Всегда, говорятъ, о чемъ много думаешь, то непремѣнно должно присниться; утромъ же я такъ раздумалась о художникахъ!»

Прошло дня три послѣ этого; на четвертый день утромъ лакей докладываетъ, при Софьи, ея матери: «какой-то живописецъ пришелъ, ваше превосходительство, и спрашиваетъ васъ; говоритъ, что присланъ отъ г-жи Теребеньиной.»

— Позови его въ залу, сказала Надежда Сергѣевна.— Пойдемъ посмотрѣть, продолжала она, обращаясь къ дочери:— что̀ это за фигура. Я что-то не очень вѣрю рекомендаціи этой Теребеньиной.

Они вошли въ залу. «Гдѣ же живописецъ?» Надежда Сергѣевна осмотрѣла всю залу, и потомъ, съ заимствованною у одной княгини гримасою, кивнула головою входившему молодому человѣку, который довольно ловко и вѣжливо раскланивался.

Софья взглянула на него—и глаза ея помутились. Она только невнятно прошептала: «странное сходство!» и облокотилась на столъ.—Что̀ съ тобой? возразила Надежда Сергѣевна, замѣтя движеніе дочери. «Мнѣ дурно...» прошептала она, и покачнулась.—Ай, ай! что это такое! Палашка, Грушка, сюда, скорѣй!

Въ эту минуту послышался звонокъ въ передней. «Его сіятельство графъ М*», сказалъ вошедшій лакей.

— Выведите скорѣй барышню, поддержите ее... Ахъ Боже мой! сейчасъ! просите графа...

Горничныя вбѣжали въ залу.

— Ну, выводите же ее. Мнѣ, батюшка, теперь не до васъ, проговорила она, обращаясь къ живописцу: — извините... Можете зайдти послѣ. — Проси графа. — Надежда Сергѣевна подошла къ зеркалу.

Живописецъ посмотрѣлъ на нее съ ногъ до головы — и вышелъ изъ комнаты. Хорошо, что Надежда Сергѣевна не замѣтила этого взгляда!

ГЛАВА II.

«Художникъ не можетъ быть исключительно только художникомъ: онъ вмѣстѣ и человѣкъ.»

(*Белинскій.*)

О, если ты для юноши всего,
Во мнѣ заслугъ, готовишь славу рано,
Мнѣ тебя, подруга неземная,
Здѣсь на землѣ не забывай его.

. . . . . .

Да вкусятъ онъ полнѣ твои любви!
Нечаянно онъ на тебя упадетъ,
Но тотъ полай восторгъ отравленъ
Тебя для слезъ, безъ кромѣ страданья.

(*Тютчевъ.*)

— Неудача, матушка! опять неудача, вѣчная неудача! Неудачи будутъ преслѣдовать меня всю жизнь: я созданъ для неудачъ!

И молодой человѣкъ, произносившій это, бросилъ на полъ шляпу и картину, завернутую въ холстъ, которую держалъ въ рукѣ, упалъ головою на столъ и закрылъ руками лицо.

— Полно, дитя мое, говорила старушка, къ которой относились слова молодого человѣка: — полно, не убивай себя: Богъ милостивъ!

— Богъ милостивъ! да. Онъ милостивъ, я это знаю; но люди, люди безжалостны, матушка! У насъ нѣтъ куска хлѣба

на завтра; вы можете завтра умереть съ голода, а я сынъ вашъ, я не могу доставить вамъ только одного куска хлѣба... И мнѣ 23 года, я здоровъ и силенъ, и я васъ заставляю умирать съ голода! О, это ужасно, ужасно, матушка!...

Онъ опустился на стулъ, сложилъ руки и посмотрѣлъ на старушку съ страдальческимъ выраженіемъ отчаянія.

— Другъ мой, дитя мое! что̀ это ты говоришь? что̀ съ тобой? Успокойся. Ты одинъ у меня защитникъ, ты одинъ у меня покровитель, одинъ кормилецъ мой. Что̀ бы я была безъ тебя? Не ропщи, голубчикъ! Ты живешь только для своей бѣдной старухи. Развѣ могутъ быть дѣти лучше тебя, добрѣе, умнѣе тебя? Вѣдь ты моя гордость, ты все для меня. Вотъ какъ я смотрю на тебя, такъ я и сыта, и весела, и счастлива. Перестань же, не отчаявайся...

И старушка смотрѣла на него съ святою любовью матери, и недосказанное договаривала поцѣлуями.

— Вы сегодня отдали за эту лачужку, за этотъ чердакъ послѣднія деньги... О, я брошу проклятую кисть и наймусь къ кому-нибудь въ услуженіе!

— Ужъ чего тебѣ въ голову не придетъ! Она старалась улыбнуться.—Еще у меня осталось немного деньжонокъ; на недѣлю съ насъ будетъ, а тамъ ты сыщешь заказъ, и мы опять поправимся. Что жь дѣлать, Сашенька? не вдругъ! надо потерпѣть и нужду. Не все будетъ такъ: оцѣнятъ твой талантъ—и всѣ бросятся къ тебѣ: тогда только работать успѣвай. Мы разбогатѣемъ; ты старушкѣ своей дашь особую комнатку; у тебя будетъ такая большая, богатая мастерская. Всѣ заговорятъ о тебѣ, а мое сердце будетъ такъ радоваться... Ты женишься, а я стану няньчить моихъ внучатъ, стану баловать ихъ. Вѣдь старушки-бабушки такія баловницы!

— Мечты и надежды! Нѣтъ, я ужъ пересталъ мечтать и надѣяться. Вотъ скоро четыре года, какъ я надѣюсь на счастливѣйшее завтра. Что же это завтра такъ долго не приходитъ? Тѣ могутъ надѣяться, у кого хоть одна изъ надеждъ осуществилась, а я... Да что объ этомъ говорить, матушка? здѣсь надо имѣть покровителей... Что̀ одинъ талантъ безъ нихъ? А гдѣ они у меня? Да, правда, Аграфена Петровна, я было совсѣмъ забылъ про нее. Вотъ до чего доводитъ нужда: эта подлая торговка мнѣ покровительствуетъ,

она рекомендуетъ меня, дѣлаетъ мнѣ благодѣяніе! Богъ свидѣтель: мнѣ не легко было идти сегодня по этой рекомендаціи, и еще нести образчикъ своей работы, выпрашивать, ради Христа, подаянья, позволенія за какую-нибудь сотню рублей малевать безобразное лицо, тратить на это Божій даръ! Однако, я скрѣпилъ сердце и пошелъ,—но и тутъ неудача! Право, трудно найдти человѣка несчастнѣе меня!

— Что̀ же? ей не понравилась твоя работа?

— Она не видала моей работы, я не развертывалъ этого полотна. Ну, какъ бы вы думали, что̀ такое? Такія вещи могутъ случаться только со мной. Я прихожу; человѣкъ пошелъ обо мнѣ докладывать; я жду съ четверть часа въ грязной передней, наконецъ слышу чей-то голосъ и чьи-то шаги въ залѣ... Вхожу туда: передо мной стоятъ двѣ женщины, одна пожилая, другая молодая. Я еще не успѣлъ разинуть рта, какъ этой молодой сдѣлалось дурно, и она едва не упала,— какъ-будто она только и ждала моего прихода, чтобы упасть въ обморокъ. Въ это же время доложили о пріѣздѣ какого-то графа, и г-жа Поволокина просто попросила меня выйдти вонъ, сказала, что ей не до меня. Тутъ пошла суматоха по всему дому, бѣготня, крикъ. Я не помню, какъ сошелъ съ лѣстницы.

Александръ замолчалъ; голова его склонилась на грудь. «О еслибы знала матушка», подумалъ онъ, «еслибы она могла себѣ представить вполнѣ, какъ становится тяжка моя жизнь, что̀ я перенесъ и перечувствовалъ въ эти годы! Мнѣ часто кажется, что я никогда не достигну, никогда и никакой извѣстности, потому-что я не имѣю средствъ на это. Я не въ силахъ ничего произвесть, я не сдѣлаю ни шага впередъ и останусь навсегда только съ однимъ мучительнымъ стремленіемъ творить. Какая-нибудь мысль поразитъ меня, какой-нибудь образъ очертится въ моемъ воображеніи, я въ жару хватаюсь за кисть — но эта мысль ускользаетъ отъ меня и смѣняется другою мыслію, но это видѣніе, растревожившее меня, исчезаетъ, и передъ глазами моими какіе-то неопредѣленные призраки; кисть выпадаетъ изъ рукъ моихъ, я начинаю чувствовать свое безсиліе... О, нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ неувѣренность въ самомъ себѣ. Вѣдь я вижу же передъ собою художниковъ, поэтовъ, которыхъ имена сдѣлались

извѣстными, въ которыхъ всѣ признаютъ дарованія. Они такъ горды своимъ сознаніемъ, такъ недоступно-высоки. Талантъ — это орелъ: онъ сознаетъ мощь свою; онъ только расправитъ крылья и гордо летитъ въ небо. А я, неужели въ-самомъ-дѣлѣ останусь я вѣчно съ этимъ неудовлетвореннымъ порывомъ къ созданію? Для чего же мнѣ указали на небо и не дали крыльевъ?... Не оттого ли я никакъ не могу создать до-сихъ-поръ образа для моей Ревекки? Сколько времени натянуто это полотно — и что же на немъ? одинъ только мѣловой очеркъ. Еще ничего не воплотилось въ моей мысли, но сколько разъ возставали передо мною тѣни и этого посланца Авраамова, ожидающаго съ такою святою увѣренностью у колодца благодати Господней, и этой очаровательной дѣвушки, которая уже при самомъ рожденіи наречена Господомъ женою Исаака! Но это только однѣ тѣни; я гонюсь за ними и не могу уловить ихъ! О, какъ мнѣ грустно!...»

Старушка благоговѣйно смотрѣла на сына, она не смѣла перерывать его думы. «Голубчикъ! какъ онъ страдаетъ!» шептала она.

Но черезъ нѣсколько минутъ Александръ вдругъ обратился къ матери, крѣпко сжалъ и поцѣловалъ ея морщинистую руку. «Ваша правда, матушка», сказалъ онъ ей: «Богъ не оставитъ насъ. Да будетъ его святая воля!» Въ эту минуту онъ думалъ: «я долженъ утѣшать ее, облегчать ея горе, — а я, безумецъ, еще болѣе ее разстроиваю.»

Александръ горячо любилъ свою старушку — и какъ ему было не любить ее? Она не жила собственною жизнію: ея жизнь былъ онъ; она дышала имъ, она смотрѣла его глазами, его желанія были ея желаніями; она предупреждала и угадывала часто его мысли; она, необразованная женщина, возвышалась иногда до идеи, которая не могла быть ей доступна, и все потому, что эта идея принадлежала ему, высказывалась имъ. Любовь заставляла ее инстинктивно понимать его. Ея сердце сраслось съ его сердцемъ; она рѣшительно не могла представить себѣ, можно ли отдѣлить его существованіе отъ ея? «Ты переживешь меня, Саша», однажды сказала она ему: «да ты и долженъ пережить меня; но кто же у тебя останется здѣсь, кто же будетъ ходить за тобою, кто будетъ лелѣять тебя, дитя мое? кто же будетъ тебя такъ

любить, какъ я люблю? на кого я тебя оставлю здѣсь?» И она призадумалась, и слеза заблистала въ глазахъ ея.—Матушка! кто знаетъ? Воля Господня неисповѣдима: смерть не разбираетъ лѣтъ...

Старушка судорожно схватила руку сына и первый разъ въ жизни посмотрѣла на него съ выраженіемъ глубокой тоски и мучительнаго оскорбленія.

— Богъ съ тобой! кто тебѣ внушилъ такую мысль? Слезы градомъ катились по лицу ея; она начала крестить его... — Никогда мнѣ не говори объ этомъ, — слышишь ли? никогда. Я грѣшна; но я еще не до такой степени прогнѣвила Бога, чтобъ Онъ меня такъ наказалъ... Какъ могло тебѣ придти это въ голову?

Весь этотъ день она казалась необыкновенно-печальною; возраженіе молодаго человѣка произвело на нее сильное впечатлѣніе; видно, что ей никогда не приходила въ голову страшная мысль пережить его — и въ эту только минуту вдругъ, неожиданно, эта мысль представилась ей во всемъ ужасѣ.

Александру было около 5 лѣтъ, когда умеръ отецъ его, бывшій постоянно лѣтъ двадцать гувернёромъ въ Академіи Художествъ. Долго многіе художники съ уваженіемъ вспоминали о почтенномъ своемъ воспитателѣ, строгомъ и добромъ, серьёзномъ и веселомъ, умѣвшемъ и шутить, и наказывать, котораго всѣ любили и боялись. Долго многіе изъ нихъ помнили любимую фразу Игнатія Васильевича, которую онъ произносилъ важно, съ разстановкою, перебирая обыкновенно большую печатку, висѣвшую на цѣпочкѣ по его темногороховымъ брюкамъ: «строгость—вещь полезная, а потому необходимая; сначала непріятно, да потомъ слюбится, ей Богу правда; вспомните и Игнатія Васильевича». Когда Саша сталъ подростать, Игнатій Васильевичъ иногда, по праздничнымъ днямъ, приводилъ его съ собой въ классы, бралъ на руки и, обращаясь къ воспитанникамъ, говорилъ: «вотъ вамъ еще художникъ, ну кланяйся же имъ, Сашурка, да проси, чтобъ полюбили». Но дитя не слушало отца, протягивало ручонки къ картинамъ и кричало: «Папà, папà, посмотри какой человѣкъ тамъ, а вонъ тамъ мальчикъ съ крылышками! Зачѣмъ у него крылышки, папà?» — Саша не любилъ игрушекъ; для него лучше всѣхъ игрушекъ былъ карандашъ, онъ все чер-

калъ имъ по бумагѣ и говорилъ, что рисуетъ того мальчика къ крылышками, что̀ виситъ наверху. Онъ не любилъ, когда его брали гулять или въ гости, а все просился наверхъ картинки смотрѣть.

По смерти Игнатія Васильевича, жена его осталась съ пенсіономъ, которымъ она едва могла только прокормить себя да бѣднаго сына. О воспитаніи его думать было нечего; сердце ея раздиралось при взглядѣ на него; она цѣлыя ночи просиживала у его постельки, молилась и плакала. Такъ прошло 5 лѣтъ. Въ это время одинъ изъ воспитанниковъ академіи, по привязанности къ старому своему наставнику, въ свободные часы, училъ Сашу грамотѣ и рисованью. Наконецъ Богъ услышалъ материнскую молитву, нашелся добрый человѣкъ, который сжалился надъ положеніемъ этой женщины и опредѣлилъ Сашу въ академію пенсіонеромъ на свой счетъ. Успѣхи его превзошли всѣ ожиданія: имъ не могли нахвалиться; мать видѣла въ немъ своего будущаго кормильца, и надежды ея начинали осуществляться, — она отдохнула отъ горя. Однажды, передъ самымъ выпускомъ своимъ, онъ пришелъ къ матери необыкновенно-разсѣянный и задумчивый. «Матушка», сказалъ онъ, помолчавъ немного: «я назначенъ въ числѣ тѣхъ, которыхъ посылаютъ за границу на казенный счетъ.» — Старушка вздрогнула и со страхомъ посмотрѣла на него. Она знала, что *Италія* была любимою его мечтою, что во-снѣ и на-яву почему-то онъ все бредилъ этою Италіею, несмотря на то, что желаніе свое посѣтить ее считалъ несбыточнымъ. И теперь его сонъ неожиданно сбывался. «Я должна разстаться съ нимъ на старости лѣтъ!...» Старушка чувствовала, какъ кровь останавливается въ ея жилахъ. «Умереть безъ него!...» И она едва не упала со стула.

— Ты ѣдешь? проговорила она наконецъ коснѣющимъ языкомъ.

— Я остаюсь, отвѣчалъ онъ твердымъ голосомъ. — Я у васъ одинъ. Мнѣ ли покинуть васъ?

Старушка ожила при этихъ словахъ и бросилась на грудь сына, обнимала и обливала его слезами, хватала его руку, чтобы поцѣловать ее. Она понимала, что онъ приноситъ ей жертву, и несвязно лепетала ему: «Ты со мной всегда! Богъ благословитъ тебя!... Мы не разлучимся...» — Напрасно мы

стали бы слѣдить за каждымъ шагомъ его жизни въ эти годы. Грустна и утомительна повѣсть, въ которой дѣйствуютъ два лица: *поэтъ* и общество; два лица, чуждыя и враждебныя другъ другу, которыя никогда не сходились и никогда не сойдутся. Великій Гёте дивно изобразилъ въ рѣзкомъ очеркѣ жизнь этого бѣднаго страдальца, котораго въ мірѣ зовутъ художникомъ,—и послѣ Гёте тысячи брались за этотъ предметъ. Пушкинъ въ десяти *выстраданныхъ* стихахъ высказалъ отношенія художника къ обществу:

Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта.
Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра....

Слава! слава!... Изучите жизни великихъ творцовъ и спросите самого себя: легко ли добыли они ее? Вы художникъ? вы хотите извѣстности, хотите, чтобы васъ всѣ знали, чтобы о васъ всѣ кричали? это не такъ-то скоро, погодите! Прежде, чѣмъ о васъ заговоритъ, какъ о человѣкѣ, какая-нибудь Надежда Сергѣевна, надобно, чтобы заговорила ея сіятельство Антонида Помпеевна; но прежде, чѣмъ заговоритъ ея сіятельство... О, исторія *о томъ, какимъ образомъ получается въ свѣтѣ извѣстность*, очень-долга...

ГЛАВА III.

«Даже въ самыя минуты отчаянія и безнадежности, для человѣка мерцаетъ слабый и блѣдный лучъ надежды.»

(*«Мандрагора»*, *ком. Макіавеля.*)

Дня черезъ четыре послѣ своего страннаго обморока, Софья сидѣла на диванѣ вся въ подушкахъ; она была блѣднѣе обыкновеннаго и такъ слаба, что невольно вздрагивала при каждомъ неосторожномъ шумѣ отпиравшейся двери. На табуреткѣ у ногъ ея сидѣла женщина въ ситцевомъ платьѣ, съ шелковымъ пурпурнымъ платкомъ на головѣ, изъ-подъ котораго выглядывало серебро волосъ. Эта женщина вязала чулокъ и по-временамъ, оставляя спицы, устремляла на больную свои глаза, покрывшіеся матомъ отъ старости, но еще невовсе-потерявшіе выраженіе.

— Что? полегче ли тебѣ, моя красавица? а?

— Мнѣ теперь лучше, я только очень слаба. Не безпокойся, няня.

— То-то, моя голубушка! ужъ эти болѣзни, бѣсъ ихъ знаетъ, такъ вотъ зря приходятъ. Конечно, дѣвическое дѣло! Лекарства! ну что, помогутъ что ли тебѣ эти банки-то? Тебѣ другое надо лекарство: замужъ пора, мое дитятко! Какъ выйдешь замужъ, такъ вотъ какъ рукой всѣ болѣсти сниметъ.

Софья отвернула головку къ стѣнѣ.

— Ну, что отворачиваешься-то? Я правду говорю, матушка; нашелся бы человѣкъ хорошій—и думать нечего, ей Богу такъ; мы бы сейчасъ честнымъ пиркомъ да и за свадебку. Что жъ, Софья Николаевна! вѣдь я васъ нянчила, такъ надо же мнѣ и вашихъ дѣтокъ поняньчить. Неужто я не доживу до этого? что̀, въ-самомъ-дѣлѣ?

— Ты говоришь, что она очень бѣдна, эта старушка?

— Какъ же, родная! вѣдь я тебѣ разсказывала, что я у нихъ года четыре выжила, при покойномъ-то; нечего сказать, былъ человѣкъ хорошій. Ну, тогда они еще жили нешто̀, а теперь еле-еле перебиваются.

— Ты не повѣришь, какъ мнѣ досадно, няня: я была невольной причиной того, что маменька не заказала ему портрета. Когда-нибудь напомню маменькѣ, чтобы она послала за нимъ... А что̀, онъ развѣ мало получаетъ за труды свои? вѣдь онъ помогаетъ матери?

— Да еслибы не онъ, такъ она просто бы съ голода умерла: пенсіонишка-то небольшой, а онъ все, что̀ вырабатываетъ, все ей отдаетъ, сердечный. Да и она въ немъ, правду сказать, души не слышитъ.

— Она должна быть такая добрая!... Да, я вспоминаю, точно ты мнѣ много прежде о ней разсказывала, когда я еще не знала, что... Мнѣ пришла мысль, няня: я бы желала съ ней познакомиться.

Софья пристально посмотрѣла на няню.

— А что, сударыня, заговоритъ твоя маменька, коли узнаетъ объ этомъ? И при семъ вопросѣ, няня отложила свой чулокъ въ сторону.—Развѣ ты не знаешь ее? Статочное ли дѣло, скажетъ она, генеральской дочкѣ знакомиться съ нищей, которая живетъ на чердакѣ!

— Я знаю; но зачѣмъ говорить объ этомъ маменькѣ? Гуляя по утрамъ, по приказанію доктора, я могу зайдти къ старушкѣ, а ты предупредишь ее, скажешь, что я такъ много наслышалась о ея добротѣ отъ тебя, что давно желала быть ей чѣмъ-нибудь полезной. Слышишь ли, няня? Вѣдь тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго?...

— Слушаю, слушаю, матушка! Пожалуй, что̀ съ тобой будешь дѣлать? Смотри только, не проговорись маменькѣ, а то она меня, пожалуй, и въ домъ къ себѣ запретитъ пускать. Охъ ты, моя пташка! да въ кого это ты уродилась такая добрая? У самой ничего нѣтъ, а все бы помогать бѣднымъ!

— Будь покойна, я не проговорюсь... А ты скоро пойдешь домой, няня?

— Черезъ день пойду, родная; тебѣ теперь, слава Богу, полегче,—что̀ мнѣ у васъ дѣлать? И то совсѣмъ загостилась. Зайду къ Палагеѣ Семеновнѣ, скажу ей, что къ ней собирается моя дорогая барышня... Да какъ пойдешь гулять, возьми съ собой Ваньку, матушка: онъ малый хорошій, а Петрушка сейчасъ перенесетъ маменькѣ.

— Хорошо, хорошо, няня.

Софья опустила голову на подушку и закрыла глаза.

Черезъ нѣсколько минутъ няня посмотрѣла на нее и, думая, что она заснула, на цыпочкахъ вышла изъ комнаты.

Но она не спала, она думала:

«Я хочу видѣть эту старушку, хочу видѣть ее, во что бы то ни стало. Я буду помогать ей сколько могу... Можетъ быть, она полюбитъ меня, а я отчего-то уже люблю ее заранѣе... Къ-тому же, взглянуть хоть одинъ разъ на художника, въ томъ мѣстѣ, гдѣ зарождаются и приводятся въ исполненіе его мысли... Объ этомъ такъ давно я мечтаю! О, теперь сны мои, любимые сны мои могутъ осуществиться! Я бы обо всемъ этомъ сказала маменькѣ, но она не пойметъ меня,—я должна поневолѣ скрывать отъ нея все. Она назоветъ меня сумасшедшею. Въ-самомъ-дѣлѣ, не бредъ ли это, не начало ли помѣшательства? Сходство того, котораго я видѣла во снѣ, съ *нимъ*... это непонятно! Кто бы могъ этому повѣрить? неужели такъ тѣсна связь міра духовнаго съ міромъ вещественнымъ? неужели образы, хранящіеся въ насъ, образы, которые душа жаждетъ видѣть въ дѣйствительности, могутъ

являться преждевременно передъ нами и такъ ясно, такъ отчетливо?...»

Ровно черезъ недѣлю послѣ приведеннаго нами разговора съ няней, Софьѣ въ первый разъ позволено было пройтиться.

Докторъ совѣтывалъ Надеждѣ Сергѣевнѣ, чтобы дочь ея гуляла всякій день, даже несмотря ни на какую погоду, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше.

Надежда Сергѣевна, имѣвши особенныя причины во всемъ безпрекословно повиноваться доктору, строго приказала дочери исполнять его волю, прибавивъ въ заключеніе съ принужденною нѣжностію: «Ты знаешь, другъ мой, какъ мнѣ дорого твое здоровье. Когда ты занеможешь, я сама не своя. Карлъ Ивановичъ говоритъ, что тебѣ необходимо гулять всякій день, а ужъ ты, милая, знаешь его искусство; къ-тому же онъ такъ привязанъ ко всему нашему семейству.»

И точно, Карлъ Ивановичъ былъ привязанъ къ семейству г-на Поволокина: онъ былъ необходимымъ лицомъ въ его домѣ, не только врачомъ, но *другомъ дома*.

Итакъ желаніе Софьи исполнилось. Цѣлую недѣлю съ нетерпѣніемъ ждала она этого дня, въ который позволятъ ей выйдти изъ душной комнаты подышать свѣжимъ осеннимъ воздухомъ, — дня, въ который она должна увидѣть эту бѣдную старушку... и художника. И вотъ этотъ день насталъ. Наня предувѣдомила мать Александра о приходѣ своей барышни; няня сказала, что ея добрая барышня непремѣнно хочетъ съ нею познакомиться.

— Ужъ я таки довольно разсказала о васъ, Палагея Семеновна, прибавляла няня:—и она, моя голубушка, такъ и рвется къ тебѣ; заочно такъ полюбила тебя, что все только о тебѣ и распрашиваетъ.

— Она, видно, не въ матушку! возразила Палагея Семеновна, которая никакъ не могла забыть пріема, сдѣланнаго ея сыну.

— Какое въ матушку! И няня пускалась въ подробные разсказы о своей Софьѣ.

Съ трепетомъ сердца всходила дѣвушка по крутой лѣстницѣ въ четвертый этажъ; ей стало почему-то страшно, когда лакей дернулъ грязную бичевку, къ которой прикрѣплялся

колокольчикъ; она снова почувствовала болѣзненную слабость, когда очутилась за дверью въ темномъ чуланѣ, который никакъ нельзя было назвать комнатою. Старушка, мать Александра, встрѣтила Софью Николаевну со слезами. Няня ея, которая была тутъ же, цѣловала и миловала свое дитятко, съ разными прибаутками. Софья краснѣла и отвѣчала безмолвнымъ пожатіемъ руки на сердечныя привѣтствія добрыхъ старушекъ, которыя хлопотали около нея.

— Дай-ка, моя ласточка, я сниму съ тебя теплые сапожки, говорила няня, усаживая ее на стулъ, когда онѣ вышли изъ темнаго чулана въ небольшую комнату.

— Не безпокойся, няня; ты знаешь, что я не могу долго оставаться здѣсь.

— Посидите, матушка! Ужъ я ждала, ждала васъ, мою дорогую гостью.

Не прошло и четверти часа, а Софьѣ сдѣлалось такъ легко и пріятно, что она вѣкъ бы не вышла изъ этой комнаты. Простое, непринужденное обращеніе съ ней старушки, ея ласка, прямо отъ души, безъ всякой примѣси лести,—все это было для нея отрадно и ново. Когда старушка заговорила о своемъ сынѣ, лицо ея вдругъ одушевилось, глаза загорѣлись: она была полна счастіемъ, она помолодѣла. Софья съ восторгомъ слѣдила за каждымъ ея движеніемъ, съ восторгомъ слушала ея рѣчи. «Вотъ что такое любовь матери!» невольно подумала она.

Софья между-тѣмъ разсматривала комнатку, въ которой находилась. Комнатка эта, въ два окна, образовала правильный четвероугольникъ, въ который свѣтъ проходилъ сквозь верхнія стёкла рамы, ибо два нижнія стекла были заставлены исчерченными мѣломъ и карандашомъ картонами. Мебель этой комнатки состояла изъ стариннаго стола краснаго дерева, изъ пяти плетеныхъ стульевъ, четырехъ цѣлыхъ и одного на трехъ ножкахъ, на которомъ брошена была палитра и кисти, изъ большаго станка, на которомъ стояло натянутое на рамку полотно, исчерченное мѣломъ, да изъ двухъ недоконченныхъ портретовъ, стоявшихъ въ углу комнаты на полу. Не такъ представляла себѣ Софья мастерскую художника. — «Гдѣ же его произведенія?» подумала она: «тутъ ничего нѣтъ. Гдѣ же они?» И она невольно вздохнула. «Ахъ, какъ бы я желала

увидѣть его мечты, его мысли, осуществившіяся на полотнѣ... Хоть одинъ недоконченный очеркъ, хоть какой-нибудь отрывокъ мысли!»

— Вотъ, матушка, сказала старушка: — вотъ въ этой комнатѣ у насъ все — и мастерская Саши, и наша гостиная, и зала, и столовая, — все; только тамъ еще есть маленькая каморка, — это моя спальня. Потомъ старушка принялась разсказывать о томъ, какимъ горестямъ, какимъ оскорбленіямъ часто подвергался сынъ ея, зарабатывая себѣ и ей кусокъ насущнаго хлѣба.

Сердце Софьи разрывалось отъ негодованія въ продолженіи разсказа старушки; наконецъ она не выдержала полноты чувствъ, бросилась къ бѣдной матери, обняла ее и потомъ, молча, пожала ей руку.

Такого горячаго, такого искренняго участія давно не встрѣчала старушка; она хотѣла поцѣловать эту руку, но та вспыхнула и отдернула ее. Онѣ обнялись и поцѣловались. Съ этой минуты принужденность въ обращеніи ихъ исчезла; старушка забыла, что передъ ней сидитъ генеральская дочь, дочь той барыни, которая такъ приняла ея сына.

Когда въ передней зазвенѣлъ колокольчикъ, Палагея Семеновна радостно вскричала: «А! это Саша. Какъ я рада, что онъ пришелъ! я вамъ его сейчасъ представлю. Вѣдь онъ у меня молодецъ.»

И она почти побѣжала навстрѣчу входившему сыну.

— Вотъ онъ, родная! вотъ мое сокровище, утѣшеніе моей старости. И она одной рукой держала его руку, другою гладила его щеку.

Александръ, краснѣя, кланялся Софьѣ; она привстала минуты чрезъ двѣ нечаянно взглянула на него, — онъ пристально смотрѣлъ на нее; лицо ея также вспыхнуло. Румянецъ — заглядѣнье на смугломъ личикѣ! Софья была прелестна...

Старушка все что-то говорила; няня поддакивала ей; Софья Николаевна слушала или казалась слушающею.

Онъ пристально смотрѣлъ на Софью.

Вдругъ она вздрогнула, будто испуганная: «Мнѣ ужъ давно пора домой. Я засидѣлась у васъ.» Быстро встала она

со стула и подбѣжала къ столу, на которомъ лежала ея шляпка.

Старушка и няня опять захлопотались около нея. — «Не забывайте же меня, навѣщайте; я уже не знаю, какъ и благодарить васъ. Не хворайте, Софья Николаевна; дайте-ка я съ легкой руки перекрещу васъ. Прощайте, прощайте!» Софья цѣловала добрую старушку.

Подходя къ дверямъ, она во второй разъ взглянула на него, она почти незамѣтно наклонила свою голову, въ знакъ прощанья.

Старушка проводила Софью Николаевну до половины лѣстницы и, возвратясь, качала головой. «Какъ ты это не догадался проводить ее! Что это съ тобой сдѣлалось?... А какая милая, добрая барышня!... Дружечикъ мой, тебѣ надо было хоть съ лѣстницы свести ее. Ужъ этого приличіе требовало... Что̀ съ тобой?...»

Александръ, казалось, не слыхалъ упрека матери. Онъ неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ; глаза его съ любовью устремлялись на какой-то предметъ, вѣрно для него одного видимый. Онъ, какъ Гамлетъ, готовъ былъ заговорить съ своимъ видѣніемъ.

— Сашенька! что ты это, голубчикъ? Да ты и не слышишь меня.

Онъ оглядѣлся кругомъ, онъ бросился къ матери съ выраженіемъ полной радости:

— Матушка! матушка! я нашелъ мою *Ревекку*, я нашелъ ее!

Старушка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него.

— Ахъ ты, голубчикъ мой! да гдѣ же ты это нашелъ ее?

— Она была здѣсь, у васъ, матушка!... Вотъ она сейчасъ только вышла отсюда.

Старушка снова и еще съ бо̀льшимъ недоумѣніемъ и даже безпокойствомъ посмотрѣла на сына.

— Сейчасъ вышла? Да это генеральская дочка, Софья Николаевна.

— Это она, она-то и есть, моя Ревекка! Теперь моя картина кончена!... О, вотъ какое лицо мнѣ нужно было для Ревекки! Такъ вотъ что, несмотря на мучительныя усилія, никакъ не могло создать мое воображеніе!...

ГЛАВА IV.

«Влюбиться можно, такъ; но онъ не дворянинъ
И врядъ ли, сударь, онъ имѣетъ чинъ,
Дѣвица же она извѣстнѣйшаго рода,
Супруга выбрать ей не можно изъ народа.»

(*Старинная комедія.*)

— Не можетъ быть, Аграфена Петровна, не повѣрю. Просто, тутъ нѣтъ никакого вѣроятія.

И Осипъ Ильичъ, говоря это, ходилъ большими шагами по комнатѣ, качалъ головою и закрывалъ уши ладонями.

— Нечего затыкать уши. Что̀ я? сплетница что ли какая, торговка уличная, какъ Алёна Прохоровна? Нѣтъ, батюшка, нетаковская: ужъ у кого у другаго, а у меня отъ сплетокъ-то язычекъ не отсохнетъ. Я имѣю, слава Богу, знакомство хорошее, извѣстныя фамиліи — не то, чтобы арнаутовъ какихъ!

— Статочное ли дѣло?... О, Боже мой, Боже мой! расхаживая, говорилъ себѣ подъ носъ Осипъ Ильичъ и время отъ времени пожималъ плечами, хмурилъ брови и дѣлалъ различные жесты руками... «Шутка сказать: дочь такого важнаго чиновника! Неужели?..... И вы говорите, Аграфена Петровна, что она сама бываетъ, съ позволенія сказать, у этой бабы всякій день, и что это продолжается почти уже около полугода, и что тотъ при ней въ нанковой курткѣ, безъ всякой конфузіи, такъ вотъ себѣ и пачкаетъ кистью?

— Говорятъ тебѣ, что *да;* нечего пялить глаза-то. И старушонка-то говоритъ ей *ты*...

— Ты! ахъ Боже мой!... дочери такой особы? она? Господи! Ну, до какихъ же это временъ мы дожили, Аграфена Петровна! Ужъ что жъ послѣ этого осталось?

— Говорятъ, что манишку подарила ей, собственными руками вышитую...

— Собственными руками?... Непонятно! просто, непонятно!

— И ситцу на платье, чепчикъ съ кружевами и съ лентами у мадамы на Невскомъ на-заказъ сдѣланъ!

— На-заказъ! фу, Боже мой! И, я думаю, вѣдь что̀ стоитъ въ магазинѣ на Невскомъ!

— Не шутите теперь, Осипъ Ильичъ, съ Палагеей Семеновной: въ честь попала!

— Вотъ воспитаніе, Аграфена Петровна! Вотъ вамъ извольте воспитывать дѣтей! Баагодареніе Богу, что не имѣемъ ихъ, истинно такъ... При этомъ Осипъ Ильичъ перекрестился.

— Скажите, такъ это нянька-то и познакомила ихъ? спросилъ онъ, подумавъ немного.—Дома не знаютъ, а она какъ-будто гулять, да и туда? Ай-яй-яй! Неужъ-то, въ-самомъ-дѣлѣ? Отъ кого же вы объ этомъ провѣдали, Аграфена Петровна?

— Говорятъ тебѣ, что отъ ихней кухарки; вѣдь она ходитъ къ нашей,—все и поразсказала.

— Ну что жъ ей тамъ за компанія, скажите намилость?... Просто, что называется—постичь не могу!

— Ужъ въ Алексашеньку не влюбилась ли? Чего добраго! какихъ чудесъ не бываетъ!

— Она.... въ него влюбится? ей въ живописца, въ простаго? Да помилуйте ради Бога! онъ, я думаю, и 12-го класса не имѣетъ? Низачто!... Ну, похоже ли это на дѣло? Вѣдь этого и въ романѣ не написали бы, ей-Богу не написали бы! Невѣроятно...

— Заладилъ свое! а я такъ всему вѣрю. Испорченная дѣвчонка—вотъ тебѣ и кончено; куры да амуры, онъ—то, а она—это; вотъ и влюбились. Долго ли тутъ? Не велика премудрость: знаемъ мы эти шашни!

— Послушай, Аграфена Петровна! Да что же онъ-то такое? Просто, съ позволенія сказать, живописецъ; ну, а она — дочь такого человѣка, чортъ возьми!... Это ужъ изъ рукъ вонъ... Конечно, у него есть искусство—ни слова: очень живо рисуетъ; вѣдь вотъ посмотри на стѣну—какъ вылитый; нечего и говорить: второй я, и владимірской крестъ, все это какъ-будто въ самомъ дѣлѣ, такъ что пощупать иной разъ хочется... Ну, да оно всетаки живописецъ, больше ничего!

— И при томъ еще дрянной мальчишка, не можетъ до-сихъ-поръ моего портрета списать. Да и твой писалъ сколько времени! Мать, проклятая баловница, говоритъ: некогда. Уваженіе всякое потеряли къ намъ; а я еще, дура, рекомендую его по всѣмъ домамъ, расшинаюсь за него... Ника-

кого чувства нѣтъ... Другія бы изъ благодарности... Знаютъ, что знакомство хорошее имѣемъ, и въ такомъ чинѣ... Другому бы лестно было, самъ бы приставалъ: «позвольте списать: да когда же?» По мнѣ, я вамъ скажу, неблагодарный человѣкъ хуже всего на свѣтѣ. Пьяница, воръ, безпутный лучше...

— Именно такъ, неблагодарность хуже всего. Это, такъ-сказать, мать пороковъ... Послѣ сего Осипъ Ильичъ нѣсколько призадумался. Черезъ минуту, онъ снова продолжалъ, сначала тихо, потомъ постепенно возвышая голосъ: «Дочь почтеннаго человѣка, въ этакомъ рангѣ! Вѣдь, кажется, и пословица сама говоритъ: яблоко отъ яблони не далеко катится. Вѣрь, послѣ этого, пословицамъ! Тутъ формально ничего не разберешь: въ каретѣ четверкой ѣздитъ, въ комнатахъ и бронзы, и лампы, и вазы, и чортъ знаетъ что̀, только птичьяго молока не достаетъ! Ей таскаться всякій день на чердачишко, по поганой, прости Господи, лѣстницѣ?... Тутъ, Аграфена Петровна, сказать вамъ мое мнѣніе, есть что-то такое, не то, чтобы безъ чего-нибудь не спроста, ужъ какъ вы мнѣ ни говорите!

— Погоди немножко: я о малѣйшей подробности развѣдаю; ни одного вотъ обстоятельства не пропущу; докажу ему, этому мальчишкѣ, да и матери-то его, что̀ я значу. Съ нами шутить! Нѣтъ, братъ, не туда заѣхалъ. Увидитъ онъ, что̀ такое Аграфена Петровна. Или онъ забылъ, молокососишка, что я полковница, что у меня отецъ былъ статскій совѣтникъ, имѣлъ Анну съ брильянтами на шеѣ? Сама Надежда Сергѣевна, превосходительная, да и та имѣетъ ко мнѣ особенное уваженіе. Другихъ чиновниковъ жены и порога-то ея не нюхали; а онъ мальчишка!—некогда, изволите видѣть, ему портрета моего списать. Послушай, Осипъ Ильичъ, какъ я разузнаю все аккуратно, такъ ты при случаѣ, какъ пойдешь къ генералу по дѣламъ, разговорившись, и вверни словцо: «Усердіе-де мое извѣстно вашему превосходительству: вотъ уже болѣе 20-ти лѣтъ, какъ хожу по вашимъ дѣламъ, питаю-дескать къ вамъ неограниченную привязанность, что ваша-де фамилія дороже мнѣ, чѣмъ... ну понимаешь?... Слышалъ стороною, что Софья Николаевна списываетъ съ себя портретецъ, видно сюрпризомъ вамъ, сама-де ходитъ на самый чердакъ

въ мастерскую къ живописцу...» Знаешь, умненько этакъ, чтобы онъ не разсердился, да съ покорностію; мина-то чтобъ была нѣсколько печальная...

— Знаю, знаю, матушка! Въ мои лѣта и дослужившись до такого чина, не учиться-стать этому. Прилично ли только это будетъ, Аграфена Петровна? а?

— Еще бы нѣтъ! А тамъ увидишь, какое это на него дѣйствіе произведетъ, да можетъ тутъ же и грянешь, что живописецъ этотъ человѣкъ молодой, что хоть его и рекомендовала, де-скать, моя жена вашей супругѣ мѣсяцевъ съ 8 назадъ тому,—но теперь сама раскаявается, что онъ-де поведенія нетрезваго, замѣченъ въ разныхъ шалостяхъ, что хоть онъ и живетъ съ матерью, но мать поблажаетъ его во всемъ, оттого-де они въ самомъ бѣдномъ состояніи.

— Тутъ нужна большая деликатность, большое умѣнье; дѣло весьма щекотливое.

— Въ томъ-то и рѣчь... Ахъ, еслибы я на твоемъ мѣстѣ!

— Да ужъ и я не ударю себя лицомъ въ грязь, повѣрьте, Аграфена Петровна!

— А что жъ твоя награда-то засѣла? долго ли это будетъ? Вѣдь ты можешь попросить его, чтобы онъ за тебя похлопоталъ у директора. Скоро и денежныя награды раздавать будутъ!

— Точно скоро, скоро. Осипъ Ильичъ понюхалъ табаку. — Да; но неужли жъ обойдутъ?... Странно! отчего это я сегодня позабылъ смочить табакъ: пыль, совершенная пыль, въ носъ такъ и бросается.

При семъ Осипъ Ильичъ чихнулъ такъ громко, что Аграфена Петровна вздрогнула.

— Тьфу, бѣсъ! онъ и чихать-то почеловѣчески не умѣетъ. Вы меня совсѣмъ перепугали, Осипъ Ильичъ!

Аграфена Петровна, кажется, располагала не ограничить своего гнѣва одною этою фразою, но въ ту минуту, къ счастію Осипа Ильича, вошла въ комнату, распаркиваясь и покашливая, улыбка, въ виц-мундирѣ.

— А! Ласточкинъ! воскликнули въ одно слово Аграфена Петровна и Осипъ Ильичъ.

— Что скажешь, любезный? продолжалъ послѣдній начальническимъ тономъ.

— Ничего, ничего-съ, Аграфена Петровна; такъ зашелъ, гулялъ-съ.

— И зашелъ очень кстати, прошептала Аграфена Петровна. Что̀ новенькаго? заговорила она громко, обращаясь къ улыбкѣ.

— Все постарому, — ничего-съ, обыкновенно все такъ идетъ, какъ шло-съ.

— Ну что стоишь? положи, братъ, шляпу.

— Я на минутку-съ зашелъ только провѣдать о вашемъ здоровьѣ-съ и объ Аграфенѣ Петровнѣ-съ.

— Да что̀, я думаю, и чай? Скоро и семь? Эй, Машка! поставъ самоваръ. Останься у насъ чай пить.

— Чувствительнѣйше благодарю-съ, Аграфена Петровна, нельзя-съ: есть кой-какія дѣлишки.

— Ну какія тамъ у тебя дѣлишки! Оставайся.

Улыбка повиновалась и, покашливая, сѣла.

— Что̀ Анна Аѳанасьевна? Давно ты у нея былъ?

— Третьяго-съ дни, только изъ гостинаго пришла, а я въ дверь-съ: купила шелковой матеріи по 4 рубли аршинъ нюсоваго цвѣта съ отливомъ; холстинки-съ для дочери; да платочикъ, такъ не самой большой, розовой-съ.

— Видно есть чѣмъ жить, Осипъ Ильичъ, не понашему! Только и слышу, что въ гостиной ходитъ—по 4 рубли аршинъ матеріи себѣ покупаетъ! Видно, побочные есть доходцы: съ однимъ жалованьемъ-то не нафинтишь много. Ну, а мужъ?

— Не совсѣмъ доволенъ былъ-съ, упрекалъ, что дорого, мало торгуется-съ.

— Старый дуракъ женился и такую волю далъ, что смотрѣть противно, и по-дѣло̀мъ ему. Она ему дастъ себя знать. А экзекуторша что̀?

— Антонъ Михайловичъ дрожки заказалъ ей круглыя-съ, въ родѣ маленькой колясочки-съ, съ крышкой отъ дождя, и къ лошади прицѣняется-съ, разсказывалъ объ этомъ прошедшій разъ въ департаментѣ-съ.

— Завтра докладъ, поморщиваясь, началъ Осипъ Ильичъ. — Что, братъ, переписалъ то отношеніе, о взысканіи?...

— Готово-съ, утромъ предоставлю.

— Полно, Осипъ Ильичъ, объ отношеніяхъ вашихъ: и въ присутствіи успѣете наговориться. Слава Богу, много есть времени... Нѣтъ ли чего-нибудь еще новенькаго?

— Чиновникъ, который недавно опредѣлился къ намъ-съ, безъ жалованья-съ, — изволили слышать? — изъ ученыхъ, въ университетѣ обучался и собственный экипажъ имѣетъ...

— Знаю, знаю.

— Такъ онъ вчерашняго числа пріѣхалъ въ департаментъ позже одиннадцати часовъ, и, съ позволенія сказать, въ клѣтчатыхъ брюкахъ, въ такихъ, вотъ-что простыя женщины на передникахъ носятъ, пресмѣшныя-съ!

— Вишь какой барченокъ! — Послушай-ка, Елисей Федотовичъ! — Аграфена Петровна встала, взяла за руку улыбку въ виц-мундирѣ и отвела въ сторону.

— Знаешь ты Средневскаго?

— Никакъ нѣтъ-съ. Что̀ это, чиновникъ?

— Какой чиновникъ! Живописецъ.

— Никогда не встрѣчался-съ!

— Тѣмъ лучше. Надняхъ утромъ отправься къ нему какъ ни въ чемъ не бывалъ; скажешь, что наслышался о немъ, желаешь-де списать съ себя портретъ, — да, смотри, ни слова о насъ! Слышишь ли? Сохрани Боже, чтобы ни малѣйшаго подозрѣнія не было, что мы тебя подослали... Покуда будешь съ нимъ говорить о цѣнѣ, о томъ, о семъ, а самъ незамѣтно, знаешь, и осматривай все. Онъ живетъ съ старухой матерью, но нѣтъ ли еще кого въ комнатѣ, не сидитъ ли тутъ барышня, этакая черномазенькая, и какъ съ ней обращается живописецъ и мать его, и какъ барышня эта смотритъ на живописца... Все подмѣть, прислушивайся также, что они говорятъ, уши-то навостри, да смотри въ оба.

— Хорошо-съ, Аграфена Петровна; а кто эта барышня? смѣю спросить.

— Тебѣ до этого дѣла никакого нѣтъ. Исполняй только, что̀ велятъ.

— Слушаю-съ.

— Да, смотри, все со всѣми подробностями и ту же секунду перескажи мнѣ.

— Больше ничего-съ?

— Ничего.

— А насчетъ портрета, такъ это для шутки-съ?

— Разумѣется. Это только, чтобъ имѣть претекстъ войдти къ нему; скажешь, что подумаешь, послѣ зайдешь... мало ли что можно сказать!

— Извольте, съ великимъ удовольствіемъ-съ.

— Да, смотри, осторожнѣй... Выпей еще чашку чая, да сухариковъ-то возьми... А объ этомъ, что я говорила, никому ни гу-гу!

— Будьте покойны, что касается по части скромности-съ...

— То-то, а ужъ и я тебя не забуду.

Улыбка низко поклонилась.

«Охъ, смерть хочется мнѣ понасолить этому молокососу!» думала Аграфена Петровна: «пренебрегаетъ чиновниками! живописишка, пачкунъ, дрянь! Высоко голову занесъ, пригнуть надо: если бы его проучить хорошенько... вотъ славно бы! Узналъ бы, голубчикъ, что̀ значитъ не хотѣть списать портрета съ Аграфены Петровны.»

«Совершенно запутанное обстоятельство!» думала улыбка: «какая-то барышня, живописецъ, старушка, донести обо всемъ... А впрочемъ мнѣ что до этого! Видно Аграфена Петровна знаетъ, въ чемъ дѣло. Исполняй, что велятъ, да и баста! Вѣдь она сказала, что меня не забудетъ!... А Осипа Ильича вѣдь она держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ!»

Осипъ Ильичъ думалъ: «какими бы это средствами поскорѣе дослужиться до дѣйствительнаго статскаго совѣтника?»

ГЛАВА V.

«Не то благо, что̀ дѣлаетъ счастливымъ,
но то дѣлаетъ счастливымъ, что̀ благо.

Фихте.

Чиновница Теребеньина была права. Софья всякое утро просиживала по нѣскольку часовъ у старушки Средневской, строго исполняя совѣтъ Карла Ивановича, который, несмотря ни на какую погоду, непремѣнно всякое утро совѣтывалъ ей ходить гулять. Надежда Сергѣевна, говорятъ, была очень довольна продолжительными прогулками своей дочери, тѣмъ

болѣе, что Карлъ Ивановичъ аккуратно всякое утро посѣщалъ ее по долгу доктора. Обращеніе Надежды Сергѣевны съ дочерью сдѣлалось, съ этого времени, замѣтно лучше.

Софья оживала. Мать живописца такъ любила ее! Старушка часто говаривала ей съ этимъ плѣнительнымъ простосердечіемъ простой женщины, у которой — что̀ на умѣ, то и на языкѣ: «Родная моя, вотъ какъ ты да мой Саша со мною, такъ, право, мнѣ и ничего не надобно.»

И она не замѣчала, что на лицѣ Софьи выступала краска отъ этихъ словъ; ей и не приходило въ голову, что тутъ есть отъ чего краснѣть молодой дѣвушкѣ.

Чиновница Теребеньина была права: старушка точно говорила Софьѣ Николаевнѣ *ты*, и еслибы еще знала Аграфена Петровна, или Осипъ Ильичъ, что объ этомъ сама Софья просила ее! Чепчикъ съ кружевами и манишка точно были подарены ею Палагеѣ Семеновнѣ; но Аграфена Петровна, по свойственной ей привычкѣ украшать разсказъ, прибавила, что этотъ чепчикъ купленъ на Невскомъ въ магазинѣ, хотя онъ сдѣланъ былъ, какъ и манишка, собственными руками Софьи. Она шила эти вещи по ночамъ, и то еще со страхомъ, чтобы объ этомъ не узнала мать ея. Что же касается до подареннаго ею ситца, то это принадлежало также къ украшенію разсказа почтенной чиновницы. Надобно было видѣть восторгъ старушки, когда Софья отдавала ей свои подарки и сказала, что это ея труды.

— Вотъ, Саша! говорила старушка сквозь слезы: — порадуйся, другъ мой! вотъ Богъ далъ мнѣ на старости кормилицу. Онъ, милосердый, дастъ и тебѣ счастье, моя родная, продолжала она, обращаясь къ Софьѣ: — за то, что ты такъ утѣшаешь старуху, что ты не гнушаешься бѣдными.

И Софья въ эту минуту точно была вполнѣ счастлива.

— Да какая ты рукодѣльница, моя матушка! Посмотри-ка, Саша, а? (старушка разсматривала свой чепецъ). Какой нарядный! Въ воскресенье же обновлю его къ обѣднѣ.

Все это происходило чрезъ два мѣсяца послѣ описаннаго нами перваго дня знакомства Софьи съ Палагеей Семеновной.

Между-тѣмъ Александръ трудился надъ своей Ревеккой. Картина его шла чрезвычайно-удачно; онъ былъ веселъ, какъ

дитя, отказался отъ выгодныхъ заказовъ, для того, чтобы посвятить все время на свою любимую картину. Старушка кой-какъ перебивалась: она получила за треть свой пенсіонъ, и у нея оставались еще деньги, вырученныя Александромъ за портретъ какой-то сорокалѣтней барыни съ розой въ рукѣ, писанный имъ въ послѣднее время.

Еще разъ чиновница Теребеньина была права: Александръ писалъ свою картину въ присутствіи Софьи. Софья, казалось, уже принадлежала къ ихъ семейству; безъ нея было скучно старушкѣ: такъ она привыкла къ ней въ самое короткое время. Если день или два ея не было, Палагея Семеновна тосковала; покачивая головой, она безпрестанно говорила: «Что это сдѣлалось съ моею Софьею Николаевною? сколько времени не видать ее! не занемогла ли она, моя голубушка? Сохрани Богъ!...» Александръ тоже въ тотъ день, когда не приходила Софья, былъ самъ не свой; онъ чувствовалъ себя въ нерасположеніи, хотѣлъ задумываться и ничего не думалъ, какъ-будто вдохновеніе его непосредственно зависѣло отъ ея присутствія... Случилось, что ея не было дня три; на третій день Александръ, облокотясь на руки головою, сидѣлъ у стола, въ состояніи совершеннаго бездѣйствія; онъ нѣсколько разъ принимался за кисть, но тотчасъ же бросалъ ее и опять впадалъ въ тяжелое и мучительное бездумье: никогда тоска такъ не давила его.

Онъ взялъ книгу, отвернулъ переплетъ и съ полчаса просмотрѣлъ на заглавный листъ. Книга закрылась сама собою. Такъ прошелъ цѣлый день.

«Что со мною дѣлается?» подумалъ онъ. «Неужели мнѣ такъ скучно, потому-что я давно не видалъ ее? Развѣ ея присутствіе становится для меня необходимостію?»

Онъ вздрогнулъ, до-того испугался этой мысли. «Какой вздоръ!» говорилъ онъ самому себѣ: «развѣ это въ первый разъ со мною?... Выдаются иногда такіе несчастные дни — безъ всякой причины тяжело и грустно... Но если она больна? Опять объ ней! да что же мнѣ за дѣло до ея болѣзни?»

И онъ старался смѣяться надъ самимъ собою.

Но когда, на четвертый день, онъ увидѣлъ Софью, сердце его внятно заговорило, что она очень не чужда ему, и это убѣжденіе увеличивалось по мѣрѣ того, какъ онъ узнавалъ ее.

Однажды, разговорясь съ старушкою о своихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ, она невольно перенеслась мыслію въ то блаженное для нея время, которое провела она въ деревнѣ.

— Мнѣ тамъ было легко и свободно, говорила она:—то были самые счастливые дни въ моей жизни. Я такъ живо помню все это... Когда мы пріѣхали въ деревню, послѣ долгой дороги, и когда я вошла въ ту комнату, которую мнѣ назначили,—повѣрите ли?—я запрыгала отъ радости, я безпрестанно повторяла: какъ весело! Въ комнатѣ моей, кромѣ дивана, двухъ стульевъ и стариннаго круглаго зеркала, не было никакой мебели; но эта комната, не знаю почему, мнѣ очень понравилась. Долго я не могла заснуть, мнѣ хотѣлось поскорѣе утра; нѣсколько разъ вскакивала я съ постели и подбѣгала къ окну, но ничего не могла разсмотрѣть. Утомленная дорогою, я проснулась довольно поздно; горничная моя отворила окно, и вѣтви сирени, акаціи и жимолости, густо-разросшіяся возлѣ и прислоненныя къ стеклу, вдругъ ворвались въ мою комнату. На меня такъ пріятно пахнулъ свѣжій воздухъ, смѣшанный съ ароматомъ цвѣтовъ. О, это было чудесное іюньское утро — въ Петербургѣ нѣтъ такихъ! Сирени были въ полномъ цвѣту, роскошно качаясь на вѣткахъ, колыхаемыхъ утреннимъ вѣтеркомъ, и отражаясь въ зеркалѣ, которое висѣло противъ окна. Я соскочила съ постели, чтобы сорвать цвѣтокъ сирени, нѣсколько минутъ впивала въ себя запахъ, потомъ начала вглядываться въ ея красивыя формы и искать счастья. Вы не можете себѣ представить моей радости, когда я отъискала лепестокъ о шести листочкахъ: я начала прыгать, какъ сумасшедшая, цѣловала лепестокъ и кричала горничной моей: «посмотри, посмотри, какое счастіе нашла я!» Съ-тѣхъ-поръ, я ужъ не искала счастья въ сирени!... Когда я одѣлась и вышла изъ своей комнаты, мнѣ сказали, что маменька дожидается меня на террасѣ, что тамъ приготовленъ чай. То, что̀ всѣ наши люди называли *террасой*, была, въ-самомъ-дѣлѣ, длинная галлерея, выходившая въ садъ. Въ срединѣ ея былъ спускъ на дорожку сада, полузаросшую травой. Эта дорожка шла прямо по небольшой площадкѣ и вдругъ упадала внизъ, исчезая въ разросшихся подъ горой кустахъ ракитника, а тамъ, за этими кустами... о, я никогда не забуду моего восторга!—тамъ была

рѣка, такая чудесная, точно наша Нева. Какъ игриво разливалась она на просторѣ и какъ красиво ея струи золотились солнечными лучами. Такъ это-то Кама!... Ахъ, какъ здѣсь хорошо! думала я. Маменька не обращала вниманія на мою восторженность, отдавая различныя приказанія управителю. Не допивъ чая, я сбѣжала внизъ по дорожкѣ, раздвинула своею рукою густыя вѣтви ракитника, и струя воды плеснула къ ногамъ моимъ; я отсторонилась, обернулась назадъ, посмотрѣла вверхъ—и передо мною изъ густой рощи дубовъ и клёновъ красиво возвышался старинный двухъ-этажный домъ нашъ, съ длиннымъ балкономъ наверху. Это была очаровательная картина! Долго любовалась я видами, глядя то на Каму, то на крутой берегъ ея, по которому такъ роскошно и живописно разрослись вѣковыя деревья. Я была поражена дикою прелестью этой мѣстности. Никогда мнѣ не было такъ пріятно; въ первый разъ въ жизни я почувствовала таинственное сродство человѣка съ природою. Вышедъ изъ задумчивости, я вдругъ съ рѣзвостью десятилѣтней дѣвочки взбѣжала на гору и пошла по едва-замѣтной тропинкѣ. Тропинка эта такъ узорчато вилась между деревьями, что голова моя начала кружиться. Я сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и очутилась на краю крутаго оврага; я прислонилась къ первому дереву, чтобъ отдохнуть. Деревья спускались въ оврагъ въ живописномъ безпорядкѣ, и одно изъ нихъ росло у самой окраины, совершенно горизонтально къ землѣ, касаясь своею вершиною другой стороны оврага. Это былъ мостикъ, живописно-брошенный природою. Я отдохнула. Прямо противъ того мѣста, гдѣ остановилась я, за оврагомъ, на небольшомъ возвышеніи, чернѣлась старая, некрашенная деревенская церковь. На дорогѣ мнѣ часто попадались такія церкви, и я не могу передать вамъ того страннаго впечатлѣнія, какое онѣ производили на меня. Съ храмомъ Божіимъ прежде въ моихъ понятіяхъ неразлучно соединялась идея великолѣпія, и когда я увидѣла въ первый разъ простую деревенскую церковь, безъ всякихъ украшеній, уединенно-стоящую въ полѣ, поодаль деревни, а за нею кладбище, съ красными и черными крестами, — у меня сжалось сердце; мнѣ стало грустно, но это была грусть пріятная, какое-то унылое спокойствіе. И въ этотъ разъ со мною сдѣлалось то же самое. Прислонясь къ

дереву, я не сводила глазъ съ этой церкви. Что-то таинственное показалось мнѣ въ этомъ отсутствіи наружной пышности зданія. Почернѣвшія отъ времени доски, покрытыя мхомъ, мѣстами поросшія травою, и маленькое деревцо, выросшее у самаго карниза колокольни—все это мнѣ показалось лучше мрамора, узорчатыхъ капителей и колоннъ греческаго храма. Въ скромной простотѣ этой старинной деревенской церкви, объ украшеніи которой заботились не люди, а природа, я видѣла глубокое значеніе. Наглядясь на эту церковь, я тихо пошла назадъ, но еще разъ невольно обернулась, чтобы взглянуть на нее. Никогда не забуду я этого утра: мнѣ было такъ весело, что только одна мысль не нарушить чѣмъ-нибудь этотъ сонъ счастія, эту гармонію души моей, изрѣдка заставляла меня вздрагивать. И я боялась встрѣчи, я не хотѣла идти въ домъ, я чувствовала, что если бы кто-нибудь увидѣлъ меня въ эту минуту—одинъ взглядъ, одинъ звукъ голоса, разстроилъ бы все, отвѣялъ бы отъ меня это отрадное спокойствіе... Быть одной—вотъ что мнѣ было нужно, и я долго, долго ходила одна. Только шелестъ моего платья да колебаніе листьевъ напоминали мнѣ, что я живу,—такъ это чудное состояніе моего духа было похоже на отсутствіе жизни. Вечеромъ я сидѣла на галлереѣ и смотрѣла на Каму,—она была подернута румянцемъ зари. Направо отъ меня густыя деревья чернѣлись на золотомъ полѣ неба, а тамъ, за Камою, развертывалась неопредѣленная даль. Чувство безконечнаго—это дивное чувство я ощутила въ первый разъ. Какъ жалки показались мнѣ эти люди, которые находятъ все счастье жизни въ безтолковой и удушливой свѣтской суетности. «Они далеки отъ Бога», подумала я, «потому-что они безчувственны къ природѣ. Я долго сидѣла на этой галлереѣ, долго смотрѣла на розовую зыбь рѣки... Уже она начинала блѣднѣть, уже синѣе становилась отдаленность, лѣсъ почернѣлъ совершенно, вода перестала дышать и застыла гладкимъ свинцомъ. Я молилась.....

Что̀ свершалось въ душѣ художника въ эту минуту, когда говорила она?

Онъ стоялъ, скрестивъ на груди руки и не отводя глазъ отъ нея. Какъ бы хотѣлось ему слова ея превратить въ краски, разсказъ ея перенесть на полотно! Это была бы чудесная картина, думалъ онъ... Сумракъ объялъ все—и во̀ды, и

лѣсъ, и неизмѣримое пространство полей... На картинѣ нѣтъ людей, только одна она — эта дѣвушка, благоговѣйно созерцающая необъятное величіе Творца въ твореніи...

— Ужъ мастерица разсказывать, сказала старушка, приподнимаясь со стула и смотря на своего сына: — нечего говорить—мастерица! Словно соловей поетъ. Постой-ка, матушка, вотъ я схожу на кухню, и ту же минуточку возвращусь къ тебѣ.

Старушка вышла. Они остались вдвоемъ. Это было въ первый разъ. Минуту они оба молчали, потомъ она оборотилась къ нему. «Что, вы скоро окончите вашу картину?» спросила она его робкимъ голосомъ. — Не знаю, право; можетъ быть, недѣли черезъ двѣ, черезъ три. — Она подошла къ станку. — «Вы мнѣ позволите посмотрѣть?...» — Александръ вдругъ измѣнился въ лицѣ при этомъ вопросѣ, она еще не видала оконченнымъ лицо Ревекки.

Онъ стоялъ передъ нею, какъ преступникъ, потупивъ голову и не смѣя взглянуть на нее.

Долго и пристально смотрѣла дѣвушка на это полотно, чародѣйно-одушевлявшееся подъ перстами его, и вдругъ, можетъ быть, узнавъ себя въ Ревеккѣ, какъ-будто испуганная этой мыслію, вздрогнула и оборотилась къ нему... Ни онъ, ни она не сказали ни слова, но онъ и она поняли другъ друга. «Я не могъ выразить въ этомъ лицѣ того, что хотѣлъ», рѣшился наконецъ замѣтить онъ. «Горе имѣть посредственное дарованіе! лучше быть простымъ ремесленникомъ.» — Таково сомнѣніе генія, подумала она: такъ сомнѣвался и Корреджіо. — «Я не могу дать жизни этимъ глазамъ», продолжалъ онъ послѣ минуты задумчивости: «посмотрите, они не говорятъ такъ, какъ тѣ глаза, которые я видѣлъ, не теплятся чувствомъ, какъ они.»

Онъ ждалъ отвѣта и рѣшился взглянуть на нее. Отвѣта не было, и, кромѣ тяжкой грусти, ничего не выражало лицо ея. Она отошла отъ станка и прислонилась къ стѣнѣ. Тогда кто-то постучался у дверей въ прихожей; она вздрогнула. Въ комнату вошелъ, низко раскланиваясь, какой-то человѣкъ въ виц-мундирѣ, съ зеленоватыми крошечными глазками, которые двигались съ удивительною быстротою изъ стороны въ сторону.

— Вы г. Средневскій-съ, живописецъ? спросилъ онъ, обращаясь къ Александру и улыбаясь.

— Я. Что вамъ угодно?

— Извините-съ, что васъ обезпокоилъ, — имѣю желаніе списать съ себя портретъ, то-есть, не собственно для себя, а такъ, единственно по просьбѣ одной моей знакомой дѣвицы. Пристаетъ все ко мнѣ: спишите, говоритъ, портретъ съ себя. Видно, желаетъ имѣть въ родѣ *сувенира* что̀ ли-съ, ужъ не могу вамъ достовѣрно сказать. Васъ мнѣ рекомендовали съ весьма-отличной стороны-съ.

Тутъ глаза чиновника встрѣтились съ глазами Софьи—и онъ заикнулся.

— У меня нѣтъ времени исполнить ваше желаніе, говорилъ Александръ, невольно улыбаясь и выпроваживая его отъ себя самымъ учтивымъ образомъ: — обратитесь къ кому-нибудь другому.

— Очень хорошо-съ, не взыщите, что помѣшалъ-съ, что... Онъ еще разъ искоса посмотрѣлъ на Софью и началъ пятиться къ двери, озираясь между-тѣмъ кругомъ и заглядывая на картину.

— Эта картина не кончена, ее нельзя смотрѣть! вскрикнулъ Александръ, взявъ чиновника за руку и отводя его отъ станка.

— Ахъ, извините-съ! А какая она большая, должно быть-съ что-нибудь въ родѣ *Послѣдняго дня Помпеи.* Мое почтеніе-съ!

— Прощайте.—И Александръ съ досадой захлопнулъ за нимъ дверь.

Она все стояла на томъ же мѣстѣ, прислонясь къ стѣнѣ.

Когда онъ подошелъ къ ней, она сказала: «Я здѣсь одна. Гдѣ же ваша матушка?»

Она хотѣла сказать: «я не должна быть здѣсь одна съ вами»; но въ эту минуту вошла старушка, кашляя и извиняясь, что захлопоталась на кухнѣ.

Въ то же утро Аграфена Петровна знала о томъ, что черномазенькая барышня была въ гостяхъ у Палагеи Семеновны и сидѣла одна съ ея сыномъ. *Вѣроятно* у нихъ было рѣшительное любовное объясненіе,—подумала она.—Хорошо! теперь вы оба, голубчики, въ моихъ рукахъ!

ГЛАВА VI.

«*Художникъ!* Какъ я не люблю этого слова. Ну что это такое? Другое дѣло — *баринъ*, вотъ это слово что-нибудь да значитъ!»

Изъ разговора барыни.

— Отъ материнскаго сердца ничего не укроется; повѣрь ты мнѣ, я очень хорошо вижу, что ты не спроста такъ печалишься. У тебя есть что-то на душѣ. Картина твоя, кажись, кончена; всѣ художники не нахвалятся ею, просятъ у тебя позволенія ее выставить, говорятъ, что ты выручишь за нее хорошія деньги. Чего бы лучше? Съ помощію Божьею, мы устроимъ наши дѣлишки. Ужъ послѣ этого тебѣ не нужно будетъ покровительства какой-нибудь Аграфены Петровны! Такъ говорила однажды Палагея Семеновна сыну, который стоялъ въ раздумьи передъ своею оконченною Ревеккою.

— Нѣтъ, я не отдамъ этой картины, матушка! Пусть люди засыплютъ меня грудами денегъ, я не отдамъ ее и за эти груды! Къ чему мнѣ будетъ блескъ ихъ золота, когда они у меня отнимутъ ее? Нѣтъ, я не могу, я не разстанусь съ нею ни за что въ свѣтѣ. Вамъ, можетъ быть, это кажется страннымъ? Но тутъ, право, нѣтъ ничего страннаго. Художнику тяжело разлучаться съ своимъ созданіемъ, съ этимъ созданіемъ, которое онъ лелѣялъ и дни и ночи, съ мыслію о которомъ засыпалъ и просыпался, которое сроднилось съ нимъ, сжилось съ его существованіемъ, которое составляетъ часть его самого, — разлучиться и навсегда! Поэтъ, другое дѣло. О, въ этомъ случаѣ, онъ гораздо счастливѣе художника: его твореніе всегда съ нимъ! Вы понимаете меня? Я вымѣняю эту картину на деньги и не увижу ее болѣе.

— Ну, конечно, если тебѣ такъ тяжело разстаться съ своею картиною, то оставь ее при себѣ: спокойствіе дороже денегъ. Видѣть тебя, другъ мой, веселымъ и счастливымъ—въ этомъ все мое счастіе. Но ты еще не продалъ картины, а ужъ ходишь такой скучный, ни пьешь, ни ѣшь ничего. Ахъ ты, Господи! что это съ тобою сдѣлалось? Будь откровененъ съ своею матерью. У тебя никого нѣтъ, кромѣ меня, а вмѣстѣ и горевать легче, голубчикъ мой! Боюсь я подумать, не

любовишка ли сокрушаетъ тебя! Дѣло извѣстное, молодой человѣкъ,—еще въ этомъ нѣтъ никакого грѣха!

— Ради Бога, оставьте меня, матушка, я прошу васъ...

— Другъ мой, Сашенька, не говори мнѣ такъ, не обижай своей старухи.—И слезы катились по лицу ея. — Ужъ какъ ты хочешь, а я не оставлю тебя, я и безъ того долго молчала. Я знаю, почему ты не хочешь продать своей картины. Причина, о которой ты говоришь, можетъ статься, сама по себѣ; а есть другая... Охъ, не скрывай отъ меня этого. Я знаю — я вижу все.

Онъ посмотрѣлъ на мать съ выраженіемъ глубокой муки; краска вдругъ пропала съ лица его. И онъ, безмолвный, грянулся къ ногамъ ея, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Встань, встань, Саша! Мнѣ и безъ того тошнехонько... Встань, голубчикъ. — Она не говорила, а рыдала.

— Родная, мнѣ такъ легче... И онъ цѣловалъ ея ноги.

— Встань, да садись возлѣ меня. Вотъ, что̀ я хочу сказать тебѣ. Послушай меня, старуху: хоть ты и умнѣе меня, и ученѣе меня, да ты молодъ, неопытенъ. Отца нѣтъ у тебя... Скажи, ты очень любишь меня?

— Можете ли вы въ этомъ сомнѣваться?

— Да, ты любишь меня... И она гладила его волосы...— Очень любишь. Экая я дура, объ этомъ спрашивать!... Но я сама не знаю, что̀ говорю. Дай-ка мнѣ подумать хорошенько.—Она отерла рукою слезы.—Да, вот что: мы люди бѣдные и незначащіе: намъ не должно заноситься высоко. Покойникъ отецъ твой говаривалъ (упокой Господи его душу! Никогда не забуду словъ его): «Всѣ несчастія отъ того происходятъ, что люди все, видишь ли, вонъ лѣзутъ изъ своего состоянія, все хотятъ выше... Всякій сверчокъ знай свой шестокъ»; а покойникъ никогда ничего не говаривалъ даромъ. И мнѣ тоже сдается, ужъ коли Господь Богъ указалъ намъ наше мѣсто, такъ не будемъ гнѣвить Его и останемся на этомъ мѣстѣ,—такъ видно надобно. Есть и въ нашемъ состояніи дѣвушки хорошія, добрыя. Сашенька, другъ мой, если можешь, оставь свои мысли—и мы хоть безъ денегъ, а все-таки будемъ спокойны и счастливы. А эта любовь до добра не доведетъ, вспомни мое слово.

— Мнѣ грѣшно было бы передъ вами скрываться — я

долженъ высказать вамъ все. Не вините меня, матушка, что я полюбилъ ее, эту дѣвушку, которая выше меня всѣмъ. Что же мнѣ дѣлать? Я и самъ не знаю, какъ это сдѣлалось, но я люблю ее, люблю всею силою души моей...

— Что объ этомъ говорить, ее нельзя не любить! Ахъ, если бы она не была такого знатнаго происхожденія! шутка, дочка такого важнаго человѣка! Она-то, голубушка, и не думаетъ объ этомъ, но ты видѣлъ ея мать: самъ ты знаешь, какая она важная; она насъ, простыхъ людей, и людьми-то не считаетъ, а отецъ ея, говорятъ, еще гордѣе.

— Что мнѣ за дѣло до ея отца и матери? Лишь бы она не пренебрегала мной, лишь бы она понимала меня... И что мнѣ за дѣло до ея происхожденія? Я люблю ея душу, ея умъ, ея сердце; кто бы она ни была, для меня все равно. Разумѣется, я не могу быть ея мужемъ, но, божусь вамъ, мнѣ болѣе ничего не нужно, какъ глядѣть на нее, любить ее, слушать ея рѣчи... Она будетъ моею свѣтлою мечтою, моимъ вдохновеніемъ, моею святынею.

— Богъ тебя знаетъ, что это ты говоришь, Саша! Полюбить—значитъ захотѣть жениться, это такъ искони вѣка водится. Напримѣръ, полюби ее какой-нибудь графъ или князь, то-есть, посватайся за нее, ее сейчасъ выдадутъ замужъ и не спросятъ у нея, у бѣдной, и согласія. Это знатные всегда такъ дѣлаютъ.

Онъ задумался.

— Что вы говорите, матушка? Всегда такъ дѣлаютъ? Нѣтъ, это дѣлывали въ-старину, но теперь, когда мы всѣ стали такъ образованы, — теперь такой поступокъ считается варварствомъ. Выдать дѣвушку замужъ противъ ея согласія... Невозможно!

— Ничего-то ты не знаешь, какъ посмотрю я. Еще и такія ли вещи дѣлаются теперь? Ученость ваша, видно, не помогаетъ. У кого нѣтъ добраго сердца, такъ хватай тотъ хоть звѣзды съ неба, да что въ этомъ толку? Не будь у нея добраго сердца, она такъ же бы, какъ другія, пренебрегала нами и не ходила бы сама, моя голубушка, украдкой отъ отца и отъ матери къ намъ, и не думала бы утѣшать насъ и помогать намъ. Богъ заплатитъ ей за доброе дѣло!...

Старушка замолчала, облокотилась рукой на стулъ и вздохнула; потомъ черезъ минуту продолжала вполголоса: «Да и она, какъ видно, совсѣмъ забыла насъ; сколько времени перестала ходить къ намъ! Правда, она не отъ себя зависитъ. Ну, да что̀ объ этомъ говорить! Будь ты у меня только веселъ, здоровъ, да молись почаще, и все пойдетъ хорошо, и старуха твоя будетъ счастлива...»

— Я буду веселѣе, будьте только вы покойны.

— А что̀, ты нисколько не меньше меня любишь, съ тѣхъ поръ, какъ ты полюбилъ?...

— Еще болѣе, еще болѣе, если это только можно, матушка!

Старушка взяла его голову обѣими руками и долго и горячо цѣловала ее.

Когда она вышла изъ комнаты, онъ всталъ со стула и, мучимый сомнѣньемъ, началъ ходить большими шагами.

«Что̀, если въ самомъ дѣлѣ?... О, дай мнѣ силы, Боже, перенести эту мысль! А когда она сама полюбитъ какого-нибудь графа или князя, когда она скажетъ ему: *да, я согласна*—отъ сердца? Что будетъ съ тобою въ ту минуту, глупый мечтатель, жалкій начкунъ, маляръ, заносящійся такъ высоко? Ты осмѣливаешься класть свою кисть на-ряду съ графскою или княжескою короною? О, безумецъ, безумецъ! До чего дошелъ я! Изъ любви къ женщинѣ, я унижаю тебя, святое искусство, я ругаюсь надъ тобою!... Мнѣ казалось однако, что *она* неравнодушна ко мнѣ, — иногда въ ея взглядѣ я видѣлъ болѣе, нежели участіе. Но вѣдь все это могло мнѣ представиться. По добротѣ сердца, она ходила къ намъ, чтобы помогать моей матери, чтобы утѣшать ее въ несчастіи; теперь болѣе мѣсяца мы не видимъ ее, вѣрно, потому, что она нашла кого-нибудь еще бѣднѣе, еще несчастнѣе насъ!...»

Какъ смѣшны бываютъ вообще предположенія!... Три недѣли передъ этимъ случилось... но, позвольте, прежде...

ГЛАВА VII.

«Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша» и проч.

(*Крыловъ.*)

Представьте себѣ большую, продолговатую комнату, убранную слѣдующимъ образомъ: три письменные стола, одинъ большой, посрединѣ комнаты, два, поменьше, у оконъ; на этихъ столахъ въ строгомъ, систематическомъ порядкѣ разложены бумаги въ сѣрыхъ обертках съ печатными надписями; на каждомъ изъ столовъ стоятъ чернильницы, и въ граненыхъ стеклянныхъ вазочкахъ вложены связки чиненыхъ перьевъ; множество распечатанныхъ конвертовъ въ безпорядкѣ разбросано между бумагами; по срединѣ большаго стола, кромѣ бумагъ, два тома «Свода Законовъ», раскрытый «Адресъ-Календарь», зажженая свѣчка и бронзовый колокольчикъ; вычурное готическое кресло среднихъ вѣковъ — и на немъ брошенный «Мѣсяцословъ» въ золотомъ обрѣзѣ. Стѣны комнаты украшены тремя портретами министра; одинъ изъ нихъ небольшой, гравированный, другой еще поменѣе, литографированный, третій во весь ростъ, написанный масляными красками, — всѣ три въ золотыхъ рамахъ. Къ потолку привѣшена люстра изъ бумаги, сдѣланная подъ бронзу, и въ ней необожженныя свѣчи. Въ одномъ изъ угловъ стоятъ старинные часы съ башенкой. Уголья догораютъ въ каминѣ. На ручкѣ креселъ, стоящихъ у камина, лежатъ «Академическія Вѣдомости». Лучи солнца, проходя сквозь пунцовые занавѣсы, отбрасываютъ красноватый цвѣтъ на всю комнату. На бумагахъ и мебеляхъ пыль слоями, на потолкѣ и на люстрѣ паутина виситъ нитями.

Былъ одиннадцатый часъ утра. Человѣкъ лѣтъ 55-ти, очень тучный, съ заспанными глазами и съ блестящей лысиной на головѣ, въ ваточномъ халатѣ изъ шелковой матеріи, прохаживался взадъ и впередъ по этой комнатѣ. Двумя пальцами лѣвой руки держалъ онъ золотую табакерку *рококо*, а указательнымъ пальцемъ правой руки повертывалъ ее кругомъ; по временамъ, онъ открывалъ крышку табакерки, переминалъ табакъ въ рукѣ и съ разстановкою нюхалъ.

Это былъ самъ г. Поволокинъ.

При входѣ, почти у самыхъ дверей, была пригвождена къ стѣнѣ небольшая, рыжая фигурка съ безсмысленно-вытаращенными глазами, съ руками, сложенными назади, въ вицмундирѣ, застегнутомъ отъ первой до послѣдней пуговицы.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ мелкихъ чиновниковъ, которымъ особенно покровительствовалъ г. Поволокинъ.

— А что, братецъ, сегодня сильный морозъ?

— Сильный, ваше превосходительство!

— Гм. сильный!

При семъ, г. Поволокинъ подошелъ къ камину.

Минуты двѣ было молчаніе.

— Ну, а что, братецъ, новаго? Я другой день что-то не вижу Санктпетербургскихъ Вѣдомостей — а?

— Онѣ находятся у ея превосходительства. Она изволитъ дѣлать выписки вещамъ, продающимся съ публичнаго торга.

— Гм. То-то!

Опять минута молчанія.

— Да, я забылъ все тебѣ сказать, что̀ это, братецъ, какъ у меня въ послѣдній четвергъ играли, такія были скверныя карты,—чортъ ихъ знаетъ!—ну вотъ такъ къ рукамъ и прилипаютъ. Ужъ, полно, отборныя ли это?

— Отборныя-съ, ваше превосходительство!

— Да отчего бы онѣ прилипали? Ты присматриваешь ли за Максимкой?

— Я имѣю постоянный надзоръ за этимъ-съ.

— То-то! — Скажи-ка, братецъ, Герасиму Ивановичу и Осипу Ильичу, чтобъ сегодня къ половинѣ двѣнадцатаго приготовлены были мнѣ бумаги къ подписанію.

— Слушаю-съ.

— А послѣ присутствія, зайди-ка въ ниренбергскую и возьми табаку; у меня весь вышелъ. Да спроси у Надежды Сергѣевны, не нужно ли ей будетъ курительныхъ свѣчь, или чего-нибудь этакаго.

— Слушаюсь, ваше...

Чиновникъ не успѣлъ договорить, потому-что дверь кабинета съ шумомъ отворилась въ эту минуту. Онъ отскочилъ отъ двери и низко поклонился вошедшей дамѣ.

— А, вотъ, кстати, и сама Надежда Сергѣевна, замѣтилъ супругъ. — Здравствуйте, матушка! Не будетъ ли какихъ порученій отъ тебя, скажи ему (указывая на чиновника): онъ пойдетъ послѣ присутствія въ ниренбергскія. — Надежда Сергѣевна, при этомъ словѣ, взглянула на чиновника и едва кивнула ему головой.

Онъ въ другой разъ отвѣсилъ ей самый низкій поклонъ; но когда глаза его встрѣтились съ глазами Надежды Сергѣевны, онъ вдругъ измѣнился въ лицѣ и началъ неловко обдергиваться. Это было не безъ причины: чиновникъ очень хорошо изучилъ игру физіономіи ея превосходительства; въ одну минуту узнавалъ онъ, въ хорошемъ или дурномъ расположеніи она находится, такъ или иначе, такимъ или другимъ тономъ надобно заговорить съ нею... Часто онъ видалъ ее въ гнѣвѣ, и въ сильномъ гнѣвѣ, и никогда не смущался; но въ эту минуту глаза ея метали такія молніи, эти глаза были такъ страшны, что по-неволѣ морозъ по кожѣ пробѣжалъ у бѣднаго чиновника, по-неволѣ онъ растерялся совершенно и отъ убійственной мысли: «не прогнѣвилъ ли я чѣмъ-нибудь невзначай Карла Ивановича, или ее самоё», у него закружилась голова и свѣтлыя точки замелькали передъ глазами...

— Мнѣ ничего не нужно, произнесла она—и, Боже, какимъ голосомъ!... У чиновника такъ и запрыгало сердце подъ вицъ-мундиромъ...

Мановеніемъ головы Надежда Сергѣевна значительно указала ему на дверь.

Онъ споткнулся, поклонился еще ниже прежняго и вышелъ изъ кабинета.

— Скажите, чтобъ никого не пускали къ генералу, сказали бъ, что онъ не принимаетъ. Слышите? закричала г-жа Поволокина печально удалявшемуся чиновнику, полуративъ дверь и въ ту же минуту снова захлопнувъ ее.

Самъ г-нъ Поволокинъ, кажется, немного смутился, предчувствуя что-нибудь необыкновенное и видя, въ какомъ волненіи находилась его супруга.

— Что случилось? что такое, матушка? спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— *Что случилось?* повторила она трагическимъ голо-

сомъ....—Погодите, погодите! что̀ вы такъ торопитесь? Еще успѣете порадоваться. Прежде всего прошу васъ, чтобъ вы приказали выгнать вонъ Ваньку. Еслибъ онъ былъ мой, я сейчасъ отдала бы его въ солдаты! Да еще строго-на-строго запретите пускать въ вашъ домъ эту пьяницу Ѳедосью, чтобъ ея и духа не было здѣсь, чтобы она и на нашу улицу не смѣла заглядывать.

— Гм. Въ чемъ же дѣло-то?

— Дайте же мнѣ выговорить, дайте мнѣ опомниться! Я сегодня всю ночь глазъ не смыкала, я... Да гдѣ это вы были вчера до 5-го часа?

— Въ Англійскомъ; очень любопытная была партія: князь Ѳедоръ Григорьевичъ, я, графъ Антонъ Карловичъ, да новопріѣзжій секретарь посольства.

— Вотъ какъ: подумаешь, отецъ дослужился до такого чина, съ такими важными людьми обращается всякій день, пріобрѣлъ ихъ дружбу, трудится, просиживаетъ напролётъ ночи, а для кого это? все для своей дочки! Думаетъ, какъ бы составить ей хорошую партію,—а она, утѣшеніе наше, она изволила уже себѣ выбрать общество безъ нашего согласія, не спросясь нашего совѣта.

И Надежда Сергѣевна, говоря это, ходила взадъ и впередъ по комнатѣ своего супруга. Лицо ея было почти-багрово отъ гнѣва, и чепецъ, накинутый на невычесанную голову, сбился на одну сторону. Въ пылу гнѣва она даже забыла о своемъ туалетѣ,—а это было еще любимое ея занятіе, потому-что она еще имѣла претензію плѣнять.

— Что̀ же это все значитъ, матушка? Я, то-есть, ни полслова не понялъ,—осмѣлился возразить супругъ.

— То, сударь, что дочка ваша — и она остановилась прямо передъ супругомъ: — всякій день, подъ видомъ прогулки, шляется на чердакъ любезничать съ какимъ-то мальчишкой, въ котораго, говорятъ, влюблена, и который обращается съ нею, какъ съ равной, и сидитъ съ нею по цѣлымъ часамъ глазъ-на-глазъ! Вотъ до какого посрамленія мы дожили съ тобою, Николай Мартынычъ! Вотъ вамъ,—я всегда говорила, а вы только слушать меня не хотѣли,—вотъ вамъ утѣшеніе на старости лѣтъ отъ дѣтей!

Г. Поволокинъ повелъ рукой по лбу, выразительно при-

щелкнулъ двумя пальцами, вытянулъ нижнюю губу, посмотрѣлъ на Надежду Сергѣевну, потупилъ голову, еще разъ потеръ лобъ и прошепталъ себѣ подъ-носъ: «Полно, не во снѣ ли это?»

Г-жа Поволокина, къ несчастію, услышала этотъ шопотъ. «Во снѣ! во снѣ?» закричала она, подступая къ нему. «Во снѣ! Да что я сумасшедшая, что̀ ли? За кого вы меня принимаете? Вы-то сами не во снѣ ли?» И она задыхалась...

— Матушка, нѣтъ не то; я хотѣлъ попросить васъ, чтобы вы разсказали поподробнѣе... Ахъ ты, Боже мой! — И онъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Понимаете ли вы? — И она стучала указательнымъ пальцемъ по столу.—Послѣ болѣзни ея, Карлъ Ивановичъ приказалъ ей гулять всякій день. Карлъ Ивановичъ, надо отдать ему справедливость, не отходилъ отъ нея во время болѣзни; я приказала ей гулять съ человѣкомъ... Ну, а эта проклятая нянька изволила ее познакомить съ какой-то старушонкой, у которой сынъ малюетъ стѣны. Она всякій Божій день и зачастила туда: обрадовалась, моя голубушка, что нашла по себѣ общество. Благородная кровь, видно, у нея въ жилахъ обращается, нечего сказать!

— Богъ знаетъ, что это такое? Какъ же вы это узнали? кто же вамъ сказалъ, что влюблена въ этакого?...

— Тебѣ давно хотѣлъ сказать Теребеньинъ, да не смѣлъ, и ко мнѣ вчера пришла жена его, да все и поразсказала. Спасибо еще ей,—она хоть простая, но хорошая женщина,— плакала, разсказывая. Живописишка этотъ ей родня, да ужъ и она отрекается отъ него, потому-что пьяница, негодный мальчишка. Она-было его, мѣсяцевъ съ восемь тому, рекомендовала мнѣ, и я имѣла глупость позволить такой дряни придти ко мнѣ писать портретъ съ меня! Хорошо, что я его выгнала тогда, не помню почему,—онъ пришелъ не во̀-время. И, вообрази! мать его хвастаетъ вездѣ: знайте, говоритъ, нашихъ! въ моего сына влюблена дочка знатнаго человѣка, и сама навязывается намъ. Какъ со мной параличъ не сдѣлался, какъ я это услышала!

— Да, да, да! ай-ай-ай... Что тутъ прикажешь дѣлать? Ну, а спрашивала ли ты у нея, правда ли это?

— Я, послѣ этого, и видѣть-то не могу ее, не только

спрашивать. Не угодно ли вамъ будетъ послать за ней теперь и поразспросить ее при мнѣ обо всемъ? Посмотримъ, что она заговоритъ. А Ваньку, который за ней ходилъ, сегодня же выгнать изъ дома.

— Такъ позвать, что ли, ее?

— Нѣтъ, лучше оставить такъ, — пусть позоритъ ваши сѣдые волосы...

Г-нъ Поволокинъ позвонилъ.

— Попросите ко мнѣ Софью Николаевну.

Черезъ минуту она вошла въ кабинетъ.

Глаза бѣдной дѣвушки были болѣзненно-томны, и густой румянецъ, котораго у нея никогда не было, покрывалъ ея щеки. На ней было темное ситцевое платье, совершенно-закрытое, и голубой платочикъ на шеѣ; но, несмотря на эту простоту одежды, въ ея походкѣ, во всѣхъ ея движеніяхъ было столько благородства, столько непринужденности, что вы вездѣ и во всемъ отличили бы ее съ перваго взгляда..... Она подошла къ отцу и хотѣла поцѣловать его руку, но онъ отдернулъ ее... Сердце ея сильно забилось; она взглянула на мать—и поняла все.

— До насъ, началъ Николай Мартынычъ, не смотря на нее:—доходятъ такіе странные слухи, такіе, что, признаюсь, я никакъ не могъ... Это просто ни на что непохоже, невѣроятно...

— Что же вы молчите? закричала Надежда Сергѣевна: —извольте отвѣчать вашему отцу, онъ ждетъ вашего отвѣта.

— Я не знаю, что̀ угодно сказать батюшкѣ.

— Вы не знаете? а? это прекрасно! Разскажите ему, какъ вы ходите на чердакъ, изъ любви къ живописи, смотрѣть, какъ тамъ какой-то маляръ пачкаетъ кистью. Вы берете уроки у него, сударыня, или онъ снимаетъ съ васъ портретъ, или вы служите для него?... Вы думали, что я такъ глупа, что ничего не знаю?

Кровь бросилась ей въ голову, однако она отвѣчала твердымъ голосомъ:

— Матушка, выслушайте меня прежде, а потомъ оскорбляйте, если вамъ угодно. Я только виновата въ томъ, что, безъ вашего позволенія, ходила къ бѣдной, но благородной и честной женщинѣ, думая ей помочь чѣмъ-нибудь. Правда,

у этой женщины есть сынъ, живописецъ, молодой человѣкъ, образованный и съ дарованіемъ; но я ходила къ ней, къ старушкѣ, къ его матери, не думая, чтобъ это было преступленіе.

— Слышите? она еще осмѣливается грубить намъ. Это ужасно! *Благородная женщина, молодой человѣкъ, образованный, съ дарованіемъ!* Такъ это ваша компанія, сударыня? Къ-тому же вы лжете: старушка эта побродяга, а сынъ ея негодяй и пьяница.

— Матушка! для чего вы оскорбляете честныхъ людей, матушка!...

— Замолчи! Слышишь ли? Я, твоя мать, приказываю тебѣ,—молчи! Вотъ ваша литература, вотъ ваши писатели до чего довели васъ! какъ хорошо они образовали васъ!... Вы унижаете себя и хотите, вмѣстѣ съ собою, затоптать и насъ въ грязь,—насъ! Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Вы кладете насъ заживо въ гробъ, зарываете въ могилу? Прекрасная дочь! Вмѣсто того, чтобъ идти все выше и выше, помогать возвышаться отцу, какъ это бы сдѣлала другая благородная дочь, вмѣсто того, чтобъ поддерживать знакомство княгини Д* и ея дочери, стараться войдти къ нимъ въ дружбу, сдѣлаться домашней въ ихъ домѣ и черезъ нихъ составить себѣ блестящую партію, вы, сударыня, вы... да мнѣ и говорить-то съ вами стыдно!... вы сводите дружбу съ такими тварями, которыя могутъ ходить только къ намъ на кухню. Вы не смѣйте съ сегодняшняго дня называть меня вашею матерью, — вы влюбляетесь....

При этомъ словѣ Надежда Сергѣевна захохотала.

— Влюбляетесь... Что, вѣдь вы, говорятъ, влюблены въ сына этой торговки, этой старушонки?

Отецъ все ходилъ по комнатѣ, покачивая головою и повертывая въ рукахъ табакерку. Силы оставляли бѣдную дѣвушку; она прислонилась къ стѣнѣ, боясь упасть; кровь застывала въ ней; ей было холодно, она дрожала всѣмъ тѣломъ... Вдругъ, при послѣднихъ словахъ матери, она какъ-бы очнулась отъ смертнаго обморока; щеки ея снова зардѣлись пурпуровымъ румянцемъ; глаза страшно засвѣтились. Она приподняла голову и посмотрѣла на мать:

— Да, сказала она, я влюблена въ ея сына, въ сына этой старушонки, я въ него влюблена!...

Это была ужасная минута: у г-на Поволокина выпала изъ рукъ табакерка, а г-жа Поволокина сдѣлала какое-то странное движеніе и остановилась; она усиливалась что-то произнести, но языкъ не повиновался ей.

Удушливая тишина передъ грозой, минута гробоваго молчанія,—только маятникъ стѣнныхъ часовъ стучалъ мѣрно и однозвучно. Сердце несчастной билось неровно и мучительно, дыханіе ея становилось тяжелѣе и тяжелѣе; наконецъ скорыми шагами и съ угрожающимъ видомъ Надежда Сергѣевна подошла къ дочери.

— Знаешь ли, что я могу проклясть тебя? что я прокляну тебя? Понимаешь ли ты, что̀ такое проклятіе матери?

Она вытянула руку надъ головою страдалицы и вперила на нее глаза свои.

Та застонала, бросилась отъ нея, упала къ ногамъ отца, уцѣпилась за его ноги и умирающимъ голосомъ сказала: «Спасите меня, спасите, батюшка! спасите меня!»

У Николая Мартыновича закапали изъ глазъ слезы... Чувство отца, можетъ быть, впервые взяло верхъ надъ чувствомъ чиновника, но онъ не смѣлъ ей сказать слово утѣшенія въ присутствіи своей неумолимой супруги: онъ приподнялъ и, незамѣтно наклонясь, поцѣловалъ ее въ голову, прошептавъ: «поди въ свою комнату!»

Она вышла изъ кабинета.

Когда, безъ памяти, она добрела до своей комнаты и упала въ кресла, блуждающими глазами обвела она кругомъ себя и облокотилась на столъ, который стоялъ передъ нею. На этомъ столѣ лежала книга въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, съ мѣдными застежками. Эта книга была Евангеліе. Дѣвушка перекрестилась слабѣющею рукою, развернула книгу, хотѣла читать, но въ глазахъ ея потемнѣло; голосъ ея замеръ, голова скатилась на книгу... Она лишилась чувствъ.

Оставшись въ кабинетѣ глазъ-на-глазъ, супруги долго ни слова не говорили; потомъ Надежда Сергѣевна презрительно взглянула на Николая Мартыновича и сказала:

— Вы, старый плакса, вы избаловали эту дѣвчонку; теперь

пеняйте сами на себя,—и вышла изъ кабинета, громко хлопнувъ дверью.

Николай Мартыновичъ вздохнулъ, подошелъ къ одному изъ столовъ, взялъ банку съ о-де колономъ и потеръ себѣ виски.

ГЛАВА VIII.

«Все это честолюбіе и честолюбіе оттого, что подъ язычкомъ находится маленькій пузырекъ и въ немъ небольшой червячекъ, величиною съ булавочную головку, и это все дѣлаетъ какой-то цирюльникъ, который живетъ въ Гороховой.»

(*Гоголь.*)

Послѣ этого роковаго утра, Софья слегла въ постель. Болѣзнь, которая давно таилась въ ней, теперь обнаружилась со всѣми ея странными признаками и съ каждымъ днемъ развивалась больше и больше. Лицо дѣвушки все горѣло румянцемъ, и глаза какъ-то странно свѣтились. У нея отняли послѣднее утѣшеніе: къ ея страдальческому изголовью не допускали эту добрую старушку-няню, которая прежде замѣняла ей мать, и послѣдніе дни свои на землѣ она должна была проводить безъ привѣта, безъ ласки. Но няня каждый день ходила тайкомъ къ людямъ, провѣдывать о здоровьѣ своего *ненаглядного сокровища*, и всякій день заливалась слезами. Отецъ раза два въ день на минуту приходилъ къ постели больной дочери, и она, какъ ангелъ, улыбалась ему, говорила всякій разъ: «мнѣ сегодня полегче» и цѣловала его руку. Разъ какъ-то онъ проговорился въ-присутствіи своей супруги:

— Она, кажется, не жилица у насъ; надо бы позабыть все прошедшее.

И Надежда Сергѣевна разгнѣвалась и закричала: «не безпокойтесь! повѣрьте, что она очень-живуща.»

Но когда Карлъ Ивановичъ, черезъ недѣлю послѣ этого, объявилъ, что у нея въ сильной степени развилась чахотка, которая давно скрывалась въ ней, и что врядъ ли она проживетъ съ мѣсяцъ, Надежда Сергѣевна призадумалась, и съ этой минуты она, говорятъ, стала снисходительнѣе и внима-

тельнѣе къ умирающей. Впрочемъ, она никогда не оставалась долго съ нею; не знаю, можетъ быть, совѣсть, а можетъ быть и равнодушіе были тому причиной. Обрученница смерти, бѣдная дѣвушка, казалось, вполнѣ примирилась съ своею участью. Не смотря на страданье и болѣзнь, лицо ея выражало совершенное спокойствіе: видно она чувствовала себя счастливѣе. Часто заставали ее пристально-смотрящую на образъ Спасителя, стоявшій у ея изголовья. Въ эти минуты уста ея шевелились, произнося молитву, и эта молитва изливалась слезами, которыя катились по впалымъ щекамъ ея. Страшно видѣть человѣка, избалованнаго земнымъ счастіемъ и неприготовленнаго къ святымъ таинствамъ загробнаго бытія, когда смерть внезапно налагаетъ на него ледяной перстъ свой, когда она отмѣчаетъ его вдругъ своею разрушительною печатью; но смотрѣть, какъ потухаетъ жизнь несчастливца, у котораго ничего не остается, кромѣ высшаго обѣтованнаго блаженства, кромѣ надежды на милосердіе Господа,—о, это совсѣмъ другое!... Да, смерть—или безобразный скелетъ съ острою косою, или свѣтлый ангелъ, разрѣшающій земныя узы, или душная и тѣсная яма, которую зовутъ могилой, или радужныя крылья, уносящія въ безпредѣльность и вѣчность...

Для нея смерть была свѣтлымъ ангеломъ. Въ самую тяжкую минуту жизни она прикоснулась къ ней и прошептала: «Пора! Я буду твоей спасительницей, мѣра страданій твоихъ начинаетъ переполняться...»

Дѣвушка перекрестилась и подумала: «благодарю Тебя, Господи, Ты сдѣлалъ меня причастницей твоей благости. Ты принялъ мои кровавыя слезы, Ты услышалъ мои горячія молитвы!»

Прошелъ мѣсяцъ, и лицо ея такъ измѣнилось, что трудно было узнать ее. Она безпрестанно забывалась; видно, какіе-то образы носились передъ нею, потому-что она говорила: «вотъ онъ, въ послѣдній разъ я могу посмотрѣть на него; вотъ она; благословите, перекрестите меня, будьте мнѣ матерью: я съ вашимъ крестомъ лягу въ могилу.»

— Она бредитъ, говорили люди, окружающіе ее.—Однажды, проснувшись, она почувствовала себя слабѣе обыкновеннаго. Безпокойство и желаніе чего-то вдругъ выразились на лицѣ

ея. Она подозвала горничную. «Подай мнѣ перо и бумаги», сказала она: «я хочу писать.»

Рука ея дрожала такъ, что она едва могла написать нѣсколько строкъ; потомъ прочла написанное, отодвинула чернильницу, посмотрѣла еще разъ на свою записку и спрятала ее подъ подушку.

Черезъ два дня послѣ этого, часу въ десятомъ утра, она попросила къ себѣ свою мать.

Надежда Сергѣевна явилась въ ту же минуту и сѣла у ея постели. Бѣдная дѣвушка, казалось, собиралась съ силами, чтобъ начать говорить.

— Ну что? какъ твое здоровье, милая?

— Я чувствую, что часъ мой близокъ, матушка. Я хотѣла бы причаститься святыхъ тайнъ. Но прежде, чѣмъ приступлю къ этому великому дѣлу, я должна просить у васъ прощенья. Я такъ много, хоть и неумышленно, огорчала васъ. Простите меня... И слова ея безпрестанно перерывались кашлемъ, и дыханье становилось слышнѣе и тяжелѣе; она силилась приподняться съ постели, чтобъ упасть къ ногамъ матери.

— Вы видите, продолжала она, задыхаясь отъ усильнаго движенія: — я хотѣла бы лежать у ногъ вашихъ, но не могу... Богъ прощаетъ всѣхъ, по своему милосердію... Простите меня.

Голова ея упала на колѣни матери—и она запекшимися устами искала руки ея.

Мать приподняла ее и положила ослабѣвшую ея голову на подушку. «Моя совѣсть», сказала Надежда Сергѣевна дрожащимъ голосомъ, «въ отношеніи къ тебѣ чиста: я готова предстать на судъ Божій, пусть Онъ насъ разсудитъ съ тобою; я всегда хотѣла твоей пользы, хотѣла видѣть твое счастье.» Она взглянула на образъ и вздрогнула. «Я прощаю тебя.»

— Перекрестите меня! произнесла больная едва слышно.

Надежда Сергѣевна перекрестила ее.

— Теперь у меня еще одна просьба къ вамъ, добрая матушка, одна... Допустите ко мнѣ мою няню; я хочу проститься съ нею.

Тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу Надежды Сергѣевны; но она тотчасъ скрыла это.

— Изволь, моя милая, я согласна.

— Благодарю васъ... Еще я не хочу ничего скрывать отъ васъ, и могу ли я скрываться въ такія минуты? Я поручу нянѣ отнести записку къ матери этого живописца, къ простой и честной старушкѣ; она любила меня безъ всякихъ видовъ: я только прощаюсь съ нею въ этой запискѣ, больше ничего. Вы сдѣлаете мнѣ и это снисхожденіе?—Въ этотъ разъ брови матери грозно надвинулись на глаза, такъ что она вдругъ не могла расправить ихъ. Судорожное движеніе гнѣвно покривило ея губы; однако, чрезъ минуту, она успокоилась и отвѣчала: «пожалуй, если ты этого непремѣнно хочешь...»

— Прикажите же послать за нею и за священникомъ; мнѣ непремѣнно хочется причаститься сегодня. Скажите батюшкѣ.

Къ вечеру больная сдѣлалась безпокойнѣе.—«Что же нѣтъ няни?» спрашивала она; «послали ли за священникомъ?» Она вполголоса читала молитвы и повременамъ вздрагивала и прислушивалась, нейдетъ ли кто. Дверь скрипнула, точно кто-то вошелъ на цыпочкахъ.—«О, это она, это моя няня!» произнесла Софья шопотомъ; «теперь мнѣ легче.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, то была она. Старуха шла къ постели умирающей, глотая слезы и заглушая въ груди рыданія.

— Няня, няня! это ты? И дѣвушка протянула къ ней руки и улыбнулась:—я ужъ совсѣмъ не думала видѣть тебя; подойди ко мнѣ поближе.

Старуха не выдержала, взглянувъ на свою воскормленницу; она зарыдала въ-голосъ, бросилась на колѣни передъ нею, схватила ея руку—и цѣловала ее, обливая слезами.

— Голубчикъ мой, красное мое солнышко! приговаривала она:—думала ли я, что Господь-Богъ приведетъ меня увидѣть тебя такою? Сердце-то мое пополамъ разрывается, глядя на тебя. Охъ, лучше бы мнѣ, горемычной, не дожить до этого часа! Пташка ты моя ненаглядная!... улетаешь ты отъ насъ далеко. Ужъ возьми и меня съ собою!

Она еще что-то говорила, но словъ нельзя было различить: эти слова сливались въ отчаянный, безнадежный вопль.

— Прощай, родная моя няня! молись только обо мнѣ

Богу; не плачь — я счастлива; только мнѣ такъ тяжело дышать... Положи руку ко мнѣ на грудь, вотъ такъ. Исполни мою послѣднюю просьбу, няня: возьми эту записку, отдай ее, когда меня не будетъ, Палагеѣ Семеновнѣ. Она меня любила; поклонись ей отъ меня, скажи, что я ее не забыла. Какъ мнѣ становится тяжело, няня!

Въ эту минуту священникъ вошелъ въ комнату съ святыми дарами; отецъ и мать подошли къ ея постели. Она простилась съ ними.

— Теперь ненадолго оставьте меня. Я хочу быть одна, сказала она: — хочу приготовиться къ святому причастію.

Всѣ отошли. Отецъ заливался слезами, няня рыдала, закрывъ лицо передникомъ; мать смотрѣла въ окно, приподнявъ стору, хотя на дворѣ было темно, какъ ночью; умирающая молилась...

Черезъ четверть часа, три человѣка ее приподняли, прислонили къ подушкамъ, такъ что она могла сидѣть, и отошли.

Священникъ въ полномъ облаченіи приблизился къ ея постели... Непродолжительна была исповѣдь: онъ причастилъ ее. Послѣ совершенія обряда, она такъ уже ослабѣла, что едва могла пошевелить рукою; но когда няня подошла къ ея изголовью, она посмотрѣла на нее, но уже едва могла прошептать: «Записку, няня, мою записку... да гдѣ ты? У меня вдругъ потемнѣло въ глазахъ. *Во имя Отца...*» Это было ея послѣднее слово.

Еще нѣсколько минутъ, раздался звонокъ въ передней и послышались чьи-то шаги. — «Докторъ пріѣхалъ!» сказала Надежда Сергѣевна: «я узнаю его походку», — и побѣжала къ нему навстрѣчу.

Карлъ Ивановичъ подошелъ къ постели больной, посмотрѣлъ на нее, взялъ ея руку: рука была холодна; наклонился къ лицу ея: дыханія не было слышно... Онъ осмотрѣлся кругомъ, всѣ ждали его слова. Онъ произнесъ вполголоса: *она скончалась!*—Изъ груди отца вырвался стонъ; Надежда Сергѣевна перекрестилась, сказала: «Его святая воля!» и подняла къ глазамъ платокъ.

Няня бросилась къ умершей, закричала страшнымъ раздирающимъ голосомъ: «Нѣтъ, постойте, можетъ-статься, она

жива еще, мое дитятко; дайте мнѣ отогрѣть ее!» —и припала къ ея постели.

Не знаю, сколько времени пролежала бѣдная старуха у ногъ ея, только вдругъ она почувствовала, что кто-то тянетъ ее за платокъ. Она оглянулась, открыла глаза: передъ нею стояла Надежда Сергѣевна.

— Довольно и безъ того слезъ и крику въ цѣломъ домѣ. Поди за мною.

Старуха едва могла приподняться и кой-какъ поплелась вслѣдъ за нею. Надежда Сергѣевна пришла въ свою спальню, заперла дверь за вошедшею няней, которая прислонилась къ стѣнѣ, чтобъ не упасть.

— Отдала ли тебѣ Софья Николаевна записку, чтобъ отнести матери этого живописца?

— Отдала, матушка.

— Гдѣ же она?

— У меня, со мною.

— Дай мнѣ ее сейчасъ: я не хочу, чтобы записка моей дочери была въ рукахъ у... Она не договорила.

— Ну что же? Подай мнѣ эту записку. Я приказываю тебѣ.

— Я не отдамъ ее вамъ ни за что! Дѣлайте со мной, что̀ хотите.

— Какъ ты смѣешь?... Я тебя не выпущу изъ дома.

— Убейте меня, старуху, коли вы не считаете это грѣхомъ, а тогда берите и записку.

— Дерзкая грубіянка! ты погубила дочь мою знакомствомъ съ этими тварями и еще осмѣливаешься противиться мнѣ; ты уморила ее!

Старуха вся затряслась, какъ въ лихорадкѣ.

— Нѣтъ, матушка, ваше превосходительство! За нее, мою кормилицу, будетъ кто-нибудь отвѣчать Богу, только не я. Не я уморила ее.

Она подошла къ Надеждѣ Сергѣевнѣ. —Сказать ли вамъ, кто ее убилъ, матушка? Я знаю! — и скажу это такъ же передъ вами, какъ и передъ Богомъ. Я простая женщина...

— Кто? кто? вскрикнула въ бѣшенствѣ Надежда Сергѣевна, сверкая глазами.

— Вы, сударыня! извините меня, я простая женщина: у меня что на умѣ, то и на языкѣ.

Вѣрно такого отвѣта не ожидала Надежда Сергѣевна, потому-что она покачнулась и удержалась только рукою за кровать.

— Вонъ, вонъ, съ глазъ моихъ! прошипѣла она: — чтобы и духа твоего не было въ моемъ домѣ!

Александръ скоро узналъ о болѣзни Софьи, и хотя ни онъ, ни мать его не думали, чтобы болѣзнь эта была такъ опасна, но они оба безпокоились, тѣмъ болѣе, что няня ея давно не приходила къ нимъ. Александръ, разъ какъ-то, попытался узнать о здоровьи Софьи Николаевны у людей г-на Поволокина, но изъ отвѣта ихъ не могъ вывести никакого заключенія. Всѣ эти люди смотрѣли на него подозрительно, и нехотя, односложно и грубо отвѣчали: «больна, лежитъ». Онъ спросилъ Ивана, того самаго человѣка, который всегда ходилъ за нею, — ему сказали, что онъ болѣе уже двухъ недѣль какъ не живетъ у нихъ. Дни медленно тянулись для старушки и ея сына; и вотъ въ одинъ вечеръ, когда они сидѣли вдвоемъ, сильно зазвенѣлъ колокольчикъ. Они оба вздрогнули и посмотрѣли другъ на друга.

— Кто бъ это въ такую пору? сказала Палагея Семеновна.

Былъ часъ седьмой вечера. Александръ со свѣчой пошелъ отворять дверь.

Онъ отворилъ дверь — и отшатнулся. Передъ нимъ стояла няня Софьи. Голова ея тряслась, сѣдые волосы безпорядочно торчали изъ-подъ платка, она все запахивала полы своего салопа. Александръ хотѣлъ ее спросить: «что съ нею?» и не могъ. Наконецъ она сказала: «Ухъ, какъ сегодня холодно! Не топится ли у васъ печка, дайте, ради Христа, погрѣться... Я едва дотащилась досюдова.»

И Александръ, съ предчувствіемъ чего-то страшнаго, смотрѣлъ на нее.

— Что съ тобою, Ѳедосья? спрашивала Палагея Семеновна, сажая ее на стулъ: — откуда это ты? Гдѣ ты такъ назябла́сь? Я сдѣлаю тебѣ чаю, ты немножко поотогрѣешься.

— Нѣтъ, вы ужъ не отогрѣете моихъ старыхъ костей! зажилась я, глупая баба, на свѣтѣ; полно! Пора и честь знать.... Дитятко мое сердечное! И могилку-то ея такъ скоро занесло снѣгомъ! Разрою этотъ снѣгъ, непремѣнно разрою.

Александръ почувствовалъ, что ледяныя иголки колятъ его въ темя.

У Палагеи Семеновны забилось сердце.

— Что̀ это, не помѣшалась ли ты, Ѳедосья?

— Помѣшалась! лучше бы помѣшаться, матушка, Палагея Семеновна!

Она вынула изъ-за пазухи какую-то бумажку. — Вотъ вамъ вѣсточка отъ моей барышни: приказа вамъ кланяться. Я сейчасъ только отъ нея. Она переѣхала въ спокойное мѣстечко.

Палагея Семеновна дрожащими руками развертывала бумагу, въ которую вложена была записка.

— Позвольте, я прочту, матушка.

— Нѣтъ, погоди, погоди, Саша! — И старушка надѣвала очки. Она едва могла разобрать слѣдующее:

«Благодарю васъ за тѣ немногія минуты счастія, которыя вы мнѣ доставили. И теперь, когда смерть возлѣ меня, я вспоминаю объ этихъ минутахъ; даже, мнѣ кажется, только еще и живу этими минутами. Помолитесь о той, которая любила васъ отъ всего сердца! Скажите вашему сыну, что онъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, потому-что вы его мать. Пусть онъ бережетъ себя для васъ и для искусства. До свиданія — *тамъ!*» С*.

Старушка сняла очки. Крупныя слезы лились по лицу ея.

«Господи! Помяни во царствіи своемъ рабу свою Софію!» прошептала она, перекрестившись.

Четыре дня и четыре ночи послѣ этого вечера Палагея Семеновна прострадала, не смыкая глазъ. На ея рукахъ умерла въ горячкѣ няня Софьи.

— Другъ мой, не убивай себя и своей старухи, говорила Палагея Семеновна сыну, когда все въ ихъ квартиркѣ приняло прежній порядокъ, послѣ похоронъ старушки-няни: — подумай только о томъ, что наша Софья Николаевна теперь счастливѣе. Ты зналъ, какова была ея жизнь. Отслужимъ-ка

лучше по ней панихиду, помянемъ ее и помолимся о душѣ ея.

— Матушка! Я не могу забыть ее... Она была моимъ небеснымъ видѣніемъ, моею мечтою о счастіи. О, еслибъ вы заглянули въ мою душу! Но скоро, можетъ быть, скоро и я успокоюсь. О, люди отвратительны, матушка!... Я не хочу жить! Но я пойду къ этому чудовищу, къ этой убійцѣ...

— Что это значитъ? ты не хочешь жить?

Боязливо она посмотрѣла на сына.

— Признаюсь вамъ, я хотѣлъ бы умереть, матушка!

— Ужъ не хочешь ли ты?... Да помилуетъ тебя Богъ!... А твоя мать? твоя мать? или уже она для тебя ничего? О, подумай о бѣдной твоей матери! — И старушка бросилась къ ногамъ его, и голосъ ея былъ вопль отчаянія, звуки страданья невыносимаго: — Хоть не для меня, другъ мой, хоть не для меня, не я прошу тебя, — ты не послушаешь меня, если я тебѣ буду говорить, что такая смерть есть грѣхъ ничѣмъ неискупимый, ты все-таки не послушаешь меня! Но ты забылъ слова *ея*, она приказывала тебѣ — это была послѣдняя ея воля — беречь себя для твоей матери... Я достану тебѣ ея записку, перечти ее хорошенечко: воля усопшей — святая воля, — нельзя противиться ей. И старушка захлебнулась слезами; голова ея упала на полъ. Александръ забылъ все; онъ бросился на колѣни передъ лежавшей на полу матерью, приподнялъ ее и крѣпко прижалъ къ груди своей.

— Простите меня, матушка! Я безумецъ, я не зналъ, что̀ говорилъ. Богъ свидѣтель, что съ этой минуты вся жизнь моя принадлежитъ вамъ, вамъ одной!

Чрезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ дочери его превосходительства, у Осипа Ильича былъ *вечеръ*, по случаю полученія имъ давно-ожиданнаго награжденія, — и вечеръ, правду сказать, на-славу!

На этомъ вечерѣ не было особы ниже надворнаго совѣтника; шампанское лилось, что-называется, рѣкой: надо же было вспрыснуть награду! Аграфена Петровна удивительно расщедрилась и разлюбезничалась, даже сама подносила бокалы нѣкоторымъ особенно почетнымъ гостямъ. «Мастерица уго-

щать Аграфена Петровна!» сказалъ толстый и плѣшивый чиновникъ другому тоненькому съ сердоликовой печаткой внизу жилета.

— Ужъ эту честь ей надо отдать! Знаете, что̀ я вамъ скажу: великое дѣло угощеніе, то-есть, просто отъ него все зависитъ въ домѣ.

— Точно-съ, справедливо-съ замѣтить изволили.

— Да, да, я вамъ скажу, что надо уже такъ родиться на это: найдти каждому сказать приличное словцо, къ тому, къ тому подбѣжать, съ картой ли или съ бокаломъ. Въ этомъ состоитъ умѣнье жить, свѣтское обращеніе.

Толстый чиновникъ говорилъ прекрасно, и около него постепенно составился кружокъ слушателей. Таково всегда дѣйствіе истиннаго краснорѣчія! Всѣ внимали ему съ разинутыми ртами, и самъ Осипъ Ильичъ не утерпѣлъ, подошелъ его послушать съ двумя своими пріятелями, съ Маркомъ Назарычемъ и Николаемъ Игнатьевичемъ.

— Вотъ я, продолжалъ ораторъ:—я бываю вездѣ, во всѣхъ лучшихъ обществахъ, и ужъ приглядѣлся ко всему. Часто все хорошо, и угощеніе, и то и сё, а все не достаетъ чего-то,— просто, души нѣтъ въ обществѣ. Конечно, намъ, частнымъ людямъ, нельзя давать такіе балы, какъ, напримѣръ, въ Благородномъ Собраніи. Кто и потребуетъ этого? Ну, тамъ и комнаты большія, и освѣщеніе; однѣ свѣчи сколько стоятъ! ослѣпнуть можно, я вамъ скажу. Но мы, если не тѣмъ, такъ другимъ должны брать: мы,—я говорю о частныхъ людяхъ. Внимательность хозяйки, любезность — вотъ что пріятно въ гостяхъ.

— Точно, точно! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Его превосходительство г-нъ Поволокинъ, ихный знакомый (ораторъ указалъ пальцемъ на Осипа Ильича), человѣкъ отличный, *баринъ* — ужъ нечего сказать, и мало говоритъ, а что-то есть въ улыбкѣ располагающее, — и это, я вамъ скажу, много значитъ: какъ взглянетъ и комплиментовъ не нужно. Жаль мнѣ его, душевно жаль! Экое, подумаешь, несчастье: лишиться дочери. Впрочемъ она всегда была что-то такая больная на видъ. И мать-то бѣдная! ахъ какая потеря!...

— Говорятъ, сквозь носъ замѣтилъ одинъ чиновникъ,

тоже очень важный и серьёзный:—она была влюблена... правда ли это? Что-то странно... въ какого-то живописца, да, знаете, занемогла по сему случаю, и умерла.

— Да и я слышалъ-съ, закричалъ кто-то тонехонькимъ голоскомъ: — тутъ было что-то не совсѣмъ чисто-съ; она...

При этомъ толстый чиновникъ такъ взглянулъ на пискуна, что тотъ совсѣмъ смѣшался и замолчалъ, а Осипъ Ильичъ въ ту же минуту скрылся, когда услышалъ, что разговоръ принимаетъ такой щекотливый оборотъ.

Чиновникъ, который говорилъ въ-носъ, наклонился къ уху краснорѣчиваго чиновника и прошепталъ:

— Что *она* была влюблена въ живописца и тайкомъ видалась съ нимъ—это достовѣрно. Между нами, мнѣ это дѣло разсказывала Аграфена Петровна подробно; по дружбѣ, пожалуй, я вамъ разскажу все когда-нибудь. Къ-тому же, объ этомъ ужъ многіе начинаютъ шушукать.

— Чортъ знаетъ! возразилъ краснорѣчивый чиновникъ. — Унизиться до такой степени, и еще кому же? *Дочери чиновнаго человѣка!* Скажите, пожалуйста, кто бы это могъ подумать?

— Антонъ Гаврилычъ! Въ бостончикъ! кричала Аграфена Петровна, подходя къ статскому совѣтнику. — Партія ваша составлена. Я ужъ всѣмъ разнесла карты. Вотъ вамъ осталась кёровая дама.

— Очень пріятно-съ, Аграфена Петровна!...

РАЗДѢЛЪ ИМѢНІЯ.

ОТРЫВОКЪ.

(Изъ записокъ благонамѣреннаго человѣка.)

I.

....Когда я подъѣзжалъ къ своей деревнѣ, вечеръ былъ ясный и тихій, а воздухъ растворенъ благоуханіемъ, точно весною. По мѣрѣ приближенія моего къ моему наслѣдію, мнѣ все становилось пріятнѣе, и даже лошадки мои стали пободрѣе: видно, онѣ, сердечныя, почуяли близость стойла. Доброй рысцой бѣжали онѣ по узенькой, гладкой проселочной дорогѣ; пристяжныя извивались въ кольца и мордами задѣвали наливавшіеся колосья ржи и ячменя. Тотъ годъ былъ отмѣнно урожайный. Любо было смотрѣть на полосатую степь, засѣянную хлѣбами: рожь сіяла, какъ золото, а подымалась въ ростъ человѣческій; ячмени же еще зеленые, но такіе тучные, что въ иныхъ мѣстахъ полегли отъ тяжести колосьевъ, а между ними красныя полосы гречихи, покрытыя сверху серебряными цвѣточками. Овсы были, правда, въ тотъ годъ немного плоховаты. «Ну, да не все же вдругъ», подумалъ я, «и за то, что есть, надобно благодарить Бога: всѣ

мы зависимъ отъ Его правосудной воли. Онъ насъ награждаетъ, Онъ и лишаетъ насъ, а ропотъ — есть грѣхъ....» Вотъ онъ деревянный домикъ, немного нагнувшійся на одну сторону отъ ветхости, — мѣсто моего рожденія; вотъ роща за этимъ домикомъ — мѣсто моихъ дѣтскихъ забавъ; вотъ рѣчка Утка. Утка! Утка! въ душный лѣтній день я, бывало, купался въ водахъ твоихъ! по твоей гладкой поверхности спускалъ кораблики! А этотъ густой, восьмидесятилѣтній вязъ передъ домомъ.... Господи! у меня такъ и забилось сердце, такъ и закапали слезы. Кибитка остановилась у подъѣзда, и я перекрестился.

Если бы обладалъ я самымъ бойкимъ и краснорѣчивымъ перомъ, и тогда не могъ бы описать того, что̀ почувствовалъ, войдя въ комнаты, особенно въ спальню матушки, гдѣ оставалось все, какъ было при ней. Въ углу старинный большой кивотъ, и въ немъ образа въ почернѣвшихъ отъ копоти старинныхъ ризахъ съ каменьями; и передъ каждымъ образомъ свѣча желтаго воска; диванъ работы домашняго столяра нашего, обитый ситцемъ съ изображеніемъ памятника Минину и Пожарскому; шкапъ со стеклами, въ которомъ стояли, никогда неупотреблявшіяся парадныя чашки; круглое зеркало съ голубемъ наверху.... Воспоминаніе охватило меня со всѣхъ сторонъ; но къ пріятности, ощущаемой мною, присоединилась грусть, потому-что я въ первый разъ вполнѣ постигнулъ невыгоду одиночества и то, что домъ безъ хозяйки все равно, что̀ тѣло безъ души. Пыль густымъ слоемъ покрывала мебель, а паутина висѣла около зеркала и кивота.

Въ нѣкоторомъ волненіи, я вышелъ изъ дома прямо въ рощу. Здѣсь каждое дерево, каждый кустъ были мнѣ знакомы. Эта береза посажена дѣдушкой, этотъ клёнъ — батюшкой, а этотъ кустъ — матушкой. Подъ этою сосною батюшка очень строго меня наказывалъ, за что̀ матушка очень разсердилась на него; за этими кустами барбариса я прятался отъ своей няньки, которая оглашала всю рощу своими криками, зовя меня къ маменькѣ учиться. «Отчего все прошедшее имѣетъ такую необыкновенную пріятность?» подумалъ я.

Черезъ два дня сосѣди мои узнали о моемъ пріѣздѣ, а на третій день утромъ пріѣхалъ ко мнѣ врачъ нашего уѣзд-

наго города. Онъ былъ человѣкъ моихъ лѣтъ, изъ нѣмцевъ, впрочемъ только по имени и по фамиліи, а по манерамъ и по всему нельзя было отличить его отъ нашего брата русскаго; ростъ имѣлъ средній, волосы темнорусые и каріе глаза, которыхъ зрачки бѣгали изъ стороны въ сторону съ неимовѣрною, можно сказать, быстротою, что̀ всегда поражало меня въ его физіономіи.

О свойствахъ души его въ то время я еще не зналъ ничего положительнаго: несмотря на то, мнѣ казалось, что онъ человѣкъ кроткій и услужливый, почему я и принялъ его съ изъявленіемъ непритворнаго удовольствія. Обмѣнявшись привѣтствіями, мы сѣли другъ противъ друга.

— Что новенькаго, Христіанъ Францовичъ, въ нашемъ уѣздѣ? спросилъ я его.

Онъ вынулъ изъ кармана табакерку и предложилъ мнѣ понюхать табаку.

— Новенькаго-съ?... Да. Старичка-то Коробова знавали вы али нѣтъ? Добрая былъ душа покойникъ! мы всѣ по воскресеньямъ у него обѣдывали: я, исправникъ, судья и всѣ наши. Бывало, тотчасъ послѣ обѣдни и шлетъ за нами....

— Очень зналъ. Пользовался ихнимъ вниманіемъ. Ну, скажите, Бога ради, что наслѣдники-то склонились ли къ полюбовному раздѣлу?

— Пополамъ съ грѣхомъ приступили къ дѣлу, и то за нѣсколько дней до вашего пріѣзда. Правда, сундуковъ пять, шесть поразрыли. Комедія, я вамъ скажу! Меня тоже втянули: одинъ изъ наслѣдниковъ, человѣкъ безотвѣтный и благонравный такой, не хотѣлъ лично связываться съ своею роденькою, говоритъ: возьми отъ меня довѣренность, дѣлать нечего, думаю, и не хотѣлось, а взялъ... Какъ вы поживаете? Надолго ли къ намъ?

— Хотѣлось бы и подольше собственными глазами обозрѣть все. Но что̀ дѣлать? вѣдь нельзя: человѣкъ служащій, занимаешь постъ. Нештатные чиновники совсѣмъ другое, и отвѣтственности нѣтъ; имъ ничего, разница большая! А, позвольте узнать, многіе ли наслѣдники на лицо?

— Пять на лицо, а три повѣренныхъ, въ томъ числѣ и я. Домъ-то небольшой, они тамъ какъ піявки въ банкѣ; впрочемъ общій обѣденный столъ довольно хорошій и вино

петербургское. Покойникъ оставилъ богатѣйшій погребъ. Есть шампанское — рублей по 15 бутылка въ Петербургѣ стоитъ, такого, совсѣмъ розоваго цвѣта. Очень пріятное вино.

— Знаете, Христіанъ Францовичъ, вино по комплекціи: иное совсѣмъ пить не можешь, а другаго самъ желудокъ требуетъ.

— Конечно.... Наслѣдники-то ни за что не приступили бы къ полюбовному раздѣлу, если бы не гражданская палата. Двухгодичный, положенный законами срокъ истекаетъ: заплатить восемьдесятъ тысячъ штрафа, такъ и въ затылкѣ зачешется; они же всѣ такіе, между нами будь сказано, скряги. Ихныя дамы всѣ лоскутки такъ и рѣжутъ на мелкія части, настоящую лапшу дѣлаютъ. Шаль, или англійскій платокъ попадется подъ руки — такъ и шаль, и платокъ пополамъ. Если бы не дамское дѣло, иной разъ лопнулъ бы со смѣха. Мы съ Матвѣемъ Ивановичемъ изподтишка надъ ними порядочно подтруниваемъ. Вы, можетъ, изволите быть знакомы съ Матвѣемъ Ивановичемъ Лакаевымъ?

— Въ Петербургѣ я имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ нимъ въ одномъ домѣ.

— Онъ человѣкъ очень солидный и разсказываетъ, что часто награды по службѣ получаетъ. Петръ Петровичъ — самый меньшій изъ наслѣдниковъ, который всегда живетъ въ Петербургѣ, *свистунъ* должно быть какой-нибудь, — просилъ его пріѣхать вмѣсто себя на раздѣлъ, и далъ ему такую довѣренность, что онъ по ней все можетъ. Тонкій человѣкъ Матвѣй Ивановичъ, хорошо свои дѣла обработываетъ.

— А Илья Петровичъ тоже повѣреннаго прислали?

— Онъ самъ и съ супругой уже гораздо болѣе двухъ мѣсяцевъ здѣсь и Марья Дмитревна, вдова Гаврилы Петровича, Михайла Петровичъ съ супругой, Николай Петровичъ, Ѳедоръ Петровичъ....

— Такъ Илья Петровичъ здѣсь? Боже мой, скажите! Мы ребятишками вмѣстѣ съ нимъ въ лапту игрывали! Да и какъ игралъ онъ! Во всѣхъ гимнастическихъ упражненіяхъ онъ былъ у насъ первый! Супруги его не имѣю удовольствія знать, братцевъ также не знаю, а его!... на одной лавкѣ сидѣли, Христіанъ Францовичъ! да вѣдь какой забавникъ былъ; за то и доставалось ему, бывало. Онъ, кажется, годками

четырьмя постарше меня.... Давно не видалъ его.... Что̀, онъ все такой же толстый?

— Въ корпусѣ толстоватъ, а лицо средственное, по препорціи.

— Илья Петровичъ! Скажите! Любопытно взглянуть на него.

— Что̀ жъ? поѣдемте сегодня въ Плющиху обѣдать.

Несмотря на то, что мнѣ необыкновенно хотѣлось увидѣть Илью Петровича, я задумался при этомъ предложеніи. «Обѣдать!» Строго соблюдая всѣ приличія въ продолженіе всей моей жизни и будучи увѣренъ, что отъ несоблюденія ихъ и отъ необдуманности происходятъ, по бо̀льшей части, наши различныя непріятности и несчастія, послѣ минуты молчанія я отвѣчалъ:

— Не полагаю, чтобы приличіе дозволяло ѣхать въ первый разъ обѣдать, не сдѣлавъ сначала утренняго визита и не познакомившись предварительно съ другими господами-наслѣдниками.

— Полноте, что̀ за церемоніи въ деревнѣ. Мы живемъ за̀просто, а вы привыкли къ столичному этикету.

Замѣчаніе это показалось мнѣ небезосновательнымъ. Подумавъ немного, я убѣдился, что въ деревнѣ точно не можетъ и не должно существовать такого строгаго этикета, какъ въ столицѣ или губернскомъ городѣ.

II.

Плющиха находится въ пяти верстахъ отъ моей деревни. Мы доѣхали скоро, тѣмъ болѣе, что дорога шла подъ гору. Христіанъ Францовичъ первый вышелъ изъ брички и сдѣлалъ, помнится, остроумное замѣчаніе насчетъ ветхихъ ступенекъ лѣстницы у подъѣзда дома.

Мы вошли въ залу.

Надобно упомянуть, что до сей минуты ни разу еще не случалось мнѣ лично находиться при какомъ-либо раздѣлѣ; оттого зрѣлище, представившееся мнѣ, оставило во мнѣ сильное впечатлѣніе.

Зала была средней величины, продолговатая и невысокая, а оштукатуренный потолокъ и стѣны немного закопчены отъ

времени; извѣстно, что низкія комнаты всегда скорѣе коптятся. Во всю длину залы стоялъ столъ простаго дерева, на которомъ навалены были груды разныхъ вещей, какъ-то: старинные камзолы, обшитые позументомъ, бархатные и шолковые французскіе кафтаны, милиціонные мундиры, панталоны — драде-дамовые, плисовые, демикатонные и другіе. Въ числѣ прочаго, замѣтилъ я нѣсколько кусковъ холста, роброны, мантильи и прюнелевые башмаки на высокихъ и узкихъ каблукахъ.

Кругомъ стола сидѣли наслѣдники и наслѣдницы; позади же ихъ стульевъ стоялъ цѣлый строй лакеевъ въ длинныхъ сюртукахъ изъ зеленаго домашняго сукна. Лакеи эти были, какъ на подборъ, всѣ молодцы, плотные и высокаго роста.

Раскланявшись на всѣ стороны, я остановился, ища взорами Илью Петровича; но онъ предупредилъ меня, вскочилъ со стула и подбѣжалъ ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Лѣтъ семь не видалъ я Ильи Петровича. Онъ, показалось мнѣ, много измѣнился: волосы на головѣ съ затылка уже начиналъ зачесывать вверхъ, что̀ придавало ему видъ болѣе степенный; въ глазахъ его не было замѣтно той живости, которая всегда отличала его отъ другихъ; по всему должно было заключить, что онъ былъ большой хозяинъ, и что не даромъ прорѣзались на его лбу три глубокія складки. Въ корпусѣ онъ замѣтно потучнѣлъ, чему я впрочемъ нимало не удивился, убѣжденъ будучи нѣсколькими примѣрами, что люди, оставившіе службу и пользующіеся свободою и деревенскимъ воздухомъ, въ короткое время незамѣтно поправляютъ свое здоровье.

Три раза поцѣловалъ меня Илья Петровичъ, не выпуская изъ своихъ объятій; потомъ минуты двѣ молча и пристально смотрѣлъ на меня.

— Все такой же, какъ и былъ, произнесъ онъ:—и глаза тѣ же, и все, — развѣ что похудѣлъ только немножко. Душевно, братецъ, радъ видѣть тебя... Ну, а...

Но въ эту минуту зазвенѣлъ тоненькій, раздражительный голосокъ и прервалъ привѣтствіе Ильи Петровича:

— Этотъ камзолъ надобно пополамъ: вѣдь онъ обшитъ не мишурнымъ, а золотымъ позументомъ; позументъ можно спороть и отдать на выжигу.

— Пополамъ, пополамъ, все пополамъ! громкимъ голо-

сомъ закричалъ Илья Петровичъ, отвращая свои взоры отъ меня и обращаясь къ столу.

Спинка камзола затрещала.

— Я старый солдатъ, говорилъ Илья Петровичъ, обращаясь ко мнѣ: — меня въ этомъ не надуешь; я съумѣю отличить мишуру отъ золота. Помнишь, братецъ, какъ я надувалъ тебя въ школѣ аладьями: сахаромъ посыплю, да и продаю по восьми гривенъ аладью? а? — При этомъ Илья Петровичъ расхохотался. — Имѣю честь представить вамъ моего стараго товарища и пріятеля... Дашенька, ты, я думаю, по моимъ разсказамъ заочно знакома съ нимъ?

Илья Петровичъ произнесъ мое имя, отчество и фамилію, обозрѣвъ своихъ родственниковъ, сидѣвшихъ вокругъ стола. Дарья Яковлевна, которую онъ называлъ *Дашенька*, была его супруга.

Я, будучи въ ту пору еще очень застѣнчивъ, молча отвѣтствовалъ на привѣтствія и рукопожатія, и подошелъ къ ручкѣ Дарьи Яковлевны.

— Позвольте вамъ рекомендовать себя, сказала она мнѣ съ самою тончайшею свѣтскою вѣжливостью.

Я поклонился, отошелъ отъ нея, взглянулъ прямо... и — минута важная въ моей жизни! — глаза мои встрѣтились, самъ не знаю какъ, съ прекрасными темнокарими глазами дамы въ отличномъ чепцѣ съ розовыми лентами, сидѣвшей у стола вмѣстѣ съ прочими. Нельзя описать, какое пріятное ощущеніе разлилось по всей моей внутренности отъ одного ея взгляда. Магнетическое ли вліяніе, или другое что̀ дѣйствуютъ въ такихъ случаяхъ, не знаю: скажу только, что этотъ взглядъ, скромный и пріятный, видимо принималъ участіе въ моей застѣнчивости и ободрялъ меня. Дамѣ этой было на лицо лѣтъ около тридцати, — но объ ней послѣ.

— Недурно бы закусить, дружище! а у насъ есть свѣжая икорка, говорилъ Илья Петровичъ: — такой икорки и въ Петербургѣ не найдешь. Мы, правда, закусили, да для тебя, пожалуй, закусимъ и въ другой разъ, — не бѣда. Ѳомка! къ водкѣ... Садись-ка, полюбуйся на нашъ дѣлёжъ. Въ школѣ-то я дѣленіе зналъ плохо, а здѣсь немного понаучился.

Я сѣлъ. Къ слову скажу, что запахъ отъ залежавшагося въ сундукахъ платья былъ рѣзкій и непріятный; на меня,

какъ пришедшаго прямо съ воздуха, этотъ запахъ подѣйствовалъ, и я чихнулъ.

— Будьте здоровы! раздался чей-то голосъ надъ самымъ ухомъ моимъ, и я почувствовалъ чью-то руку на моемъ правомъ плечѣ. Оглянувшись, увидѣлъ я передъ собою господина небольшаго роста, немного сутуловатаго, у котораго голова, какъ я замѣтилъ впослѣдствіи, имѣла изумительное свойство наклоняться и выдаваться впередъ, прикасаясь теменемъ своимъ къ сердцу того, съ кѣмъ онъ разговаривалъ объ интересныхъ дѣлахъ. Искусно сдѣланный парикъ, съ небольшими завиточками, прикрывалъ его голову; большіе черные глаза и бакенбарды, занимавшіе по полущекѣ, придавали ему нѣчто мужественное; борода его, хотя тщательно выбритая, рѣзко отдѣлялась своею синевою отъ щекъ и лба. Къ нему очень шла табачнаго цвѣта съ отливомъ венгерка, или, лучше сказать, архалукъ безъ аграманта и кистей, съ крючками на груди; къ этому архалуку пришиты были орденскія ленточки, на которыхъ висѣли два ордена средней величины и дворянская медаль. — Это былъ Матвѣй Ивановичъ Лакаевъ.

Услышавъ привѣтствіе его на мое чиханье, я, соблюдая свѣтскія приличія, всталъ со стула, поклонился и поблагодарилъ его, а онъ протянулъ мнѣ свою руку и съ большою пріятностью сказалъ:

— Необыкновенно радостная встрѣча увидѣть васъ здѣсь совершенно неожиданно. Мы съ вами въ Петербургѣ имѣемъ общихъ знакомыхъ и часто, если изволите помнить, видались у его превосходительства Конона Карповича: могу сказать, что онъ истинный мой благодѣтель и, самъ не знаю за что̀, любитъ меня и жалуетъ; жена моя также вхожа къ нему въ домъ; онъ и ее, и дочь мою ласкаетъ, по добротѣ своей... А вы здѣсь, вѣроятно, изволите находиться по домашнимъ обстоятельствамъ?

— Да-съ, я пріѣхалъ въ отпускъ: захотѣлось на свою деревню взглянуть. У меня матушка скончалась, такъ надо устроить хозяйство.

— Прекрасное, я вамъ скажу, дѣло. Хорошія мѣста въ окружности: вѣдь ваша деревня здѣсь по близости? Скажите, пожалуйста, кто бы могъ подумать, что мы съ вами

въ такой отдаленности встрѣтимся? Я тоже совсѣмъ нечаянно попалъ сюда. Петръ Петровичъ просилъ убѣдительнѣйше принять довѣренность; — я, по деликатности своей натуры, отказать ему въ этомъ посовѣстился; выгоды же никакой нѣтъ, еще свои деньги проѣздишь...

Онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ.

— Ахъ, какая вещица! воскликнула дама съ раздражительнымъ голосомъ, отрывъ въ кучѣ жилетовъ и другихъ вещей вѣеръ, на коемъ довольно мило нарисованы были пастушки. — Хорошенькая вещица! Говоря это, дама разсматривала вѣеръ и повѣвала имъ около своего лица.

Уѣздный лекарь вдругъ обратился къ ней и сказалъ ей съ весьма неприличною улыбкою:

— А что̀, сударыня, и вѣеръ-то не разломать ли пополамъ?...

Всѣ подробности этого дня сильно врѣзались въ моей памяти, ибо день этотъ былъ рѣшительнымъ въ моей жизни.

Въ эту самую минуту, когда Матвѣй Ивановичъ, кончивъ разговоръ со мною, сталъ разговаривать съ Христіаномъ Францовичемъ, лакей на большомъ подносѣ принесъ завтракъ, а другой за нимъ шелъ со штофомъ водки и съ рюмкою. Илья Петровичъ вслѣдъ за водкою потащилъ меня въ другую комнату.

— Вотъ, братецъ, жизнь, говорилъ мнѣ Илья Петровичъ, прихлебывая травникъ: — вотъ жизнь... а? что̀ это такое? и обѣдаешь не въ пору, и завтракаешь не во̀-время. Все отъ этого раздѣла навыворотъ; не будь этого раздѣла, все шло бы своимъ чередомъ. Чортъ знаетъ, я сегодня въ третій разъ завтракаю. Спрашиваю тебя, братецъ, будешь ли тутъ обѣдать? Прежде четырехъ часовъ и не думай кончить то, что̀ на столѣ навалено. Вотъ тебѣ и жизнь!

Къ исходу четвертаго часа стали однако постепенно убывать вещи, лежавшія на столѣ. Раздѣлъ былъ жеребьёвой, а въ жеребьёвомъ раздѣлѣ сначала дѣлимыя вещи приводятся въ цѣнность, поровну раскладываются въ кучи, по числу наслѣдниковъ, потомъ на каждую кучу кладется билетикъ съ нумеромъ; наконецъ свертываются соотвѣтственные этимъ билеты съ нумерами, другіе же съ фамиліями наслѣдниковъ, — нумера кладутся въ одну посудину, фамиліи въ другую,

и вынимаются обыкновенно постороннимъ лицомъ. Господинъ высокаго роста, длинный, сѣдой, въ синемъ сюртукѣ по щиколку, ловко свернулъ билеты въ трубочки и положилъ ихъ въ попавшіеся ему подъ руку мою фуражку (при чемъ онъ извинился) и въ картузъ Христіана Францовича. За симъ одинъ изъ лакеевъ притащилъ въ залу двороваго мальчика съ волосами цвѣта поспѣлой ржи, который, всхлипывая, смотрѣлъ изъ-подлобья и утиралъ носъ кулакомъ. Лакей подвелъ его къ картузу и фуражкѣ.

— Вынимай одинъ билетъ прежде изъ картуза, а другой изъ фуражки, сказалъ басомъ господинъ въ синемъ сюртукѣ по щиколку.

Мальчикъ заревѣлъ, опуская руку въ картузъ.

Когда всѣ жеребьи были вынуты мальчикомъ, и онъ, немного успокоенный, хотѣлъ выйдти изъ комнаты, чтобы скорѣе присоединиться къ своимъ товарищамъ, которые съ разинутыми ртами ожидали его на господскомъ дворѣ, Матвѣй Ивановичъ, вѣроятно для доставленія удовольствія обществу, подбѣжалъ къ мальчику, сдернулъ съ себя парикъ и началъ дѣлать передъ нимъ разныя гримасы. Всѣ расхохотались, исключая меня и дамы съ темнокарими глазами, у которой былъ чепецъ съ розовыми лентами. Она даже не улыбнулась. Она поняла всю неприличность такого поступка. Въ самомъ дѣлѣ, позволительно ли чиновнику въ извѣстныхъ лѣтахъ, имѣющему уже знаки отличія, до такой степени унижать себя: прыгать передъ глупымъ мальчишкой и строить изъ своего лица такія рожи, что иныя маски благовиднѣе?

Въ четыре часа ни одной ниточки не оставалось на столѣ: все имущество, лежавшее на немъ, разнесено было въ восемь различныхъ угловъ. Двѣнадцать лакеевъ раскладывали на этотъ столъ скатерть, несовсѣмъ чистую и нѣсколько дырявую; это мнѣ показалось страннымъ, но я узналъ послѣ, что столовое бѣлье было все раздѣлено, и никакой общей, кромѣ этой скатерти, не оставалось. Какъ сію секунду вижу передъ глазами лакея, захватившаго нѣсколько тарелокъ, споткнувшагося о порогъ буфета залы и уронившаго двѣ тарелки, которыя разбились въ дребезги, съ страшнымъ шумомъ. Илья Петровичъ стоялъ въ эту минуту возлѣ меня и разговаривалъ со мною объ устройствѣ риги. Разсердясь на неосторожность

лакея, онъ перебилъ начатый имъ разговоръ, плюнулъ и сказалъ мнѣ:

— Вотъ, братецъ, тебѣ и наслѣдство: еще до раздѣла все перебьютъ, бестіи! Что̀, у тебя гдѣ глаза-то, Васька? закричалъ онъ, строго смотря на лакея.

— Во лбу, сударь, глаза... гдѣ же? отвѣчалъ Васька; вѣдь я не вашъ, а Петра Петровича. Еще отъ своего барина худаго слова не слыхалъ, а вы... И онъ продолжалъ ворчать, удаляясь въ буфетъ.

— Будь онъ у меня въ эскадронѣ, говорилъ Илья Петровичъ: — я бы его! показалъ бы ему Петра Петровича!... Такая разнобоярщина, — въ усъ не дуютъ, грубіяны!... До обѣда, я чай, не успѣешь выкупаться, а жара, братецъ, такая, что чортъ знаетъ, хоть цѣлый день въ водѣ сиди!

И точно въ тотъ годъ съ іюля мѣсяца сдѣлались необычайные жары, о чемъ сказано было впрочемъ и въ «Брюсовомъ Календарѣ». Отъ продолжительной засухи всѣ луга выгорѣли, такъ что, бывало, идешь по лугу, а нога скользитъ, какъ на паркетѣ въ комнатахъ нашего директора. Мухъ было столько, что Боже упаси! отъ несносныхъ мухъ мы не знали куда дѣться. Ничего нѣтъ непріятнѣе на свѣтѣ этихъ насѣкомыхъ. Часто думалъ я, и теперь думаю, къ чему служитъ существованіе такихъ гадинъ, какъ мухи, блохи и другія имъ подобныя...

Едва сѣли мы за столъ и только-что я занесъ ко рту ложку супа, — глядь, а въ супѣ барахтаются три мухи; едва Илья Петровичъ успѣлъ мнѣ налить рюмку *виссанта*, вино цвѣта мутнаго и вкуса непріятнаго, глядь — и въ виссантѣ муха; но, что̀ было всего досаднѣе, я большой охотникъ до кваса, вотъ и налилъ я себѣ кваса, думая этимъ нѣсколько освѣжиться отъ жара, — а вмѣстѣ съ квасомъ такъ и полились проклятыя мухи.

Разговоръ за обѣдомъ касался большею частью предметовъ хозяйственныхъ, толковали однако и о литературѣ немного. Я заговорилъ о «Благонамѣренномъ». Въ то время еще Александръ Ефимовичъ Измайловъ издавалъ *Благонамѣренный* — журналъ весьма хорошій по-тогдашнему. (Нынче обо всемъ судятъ совершенно иначе и все старое почитаютъ дурнымъ). Самое названіе журнала зарекомендовало публику

въ его пользу и ясно показывало намѣреніе почтеннаго издателя. Во всѣхъ сочиненіяхъ прозаическихъ или стихотворныхъ, помѣщенныхъ въ «Благонамѣренномъ», строго соблюдаема была моральная цѣль. Младшіе писатели всегда имѣли глубокое почтеніе къ старшимъ, и безъ совѣтовъ ихъ и наставленій не печатали ни одного своего произведенія. Горько каждому благомыслящему человѣку, горько смотрѣть, что дѣлается въ наше время въ литературѣ! мораль не уважаютъ, и молодые писатели, пробующіе еще только перо, съ оскорбительными насмѣшками отзываются о почетныхъ нашихъ стихотворцахъ и прозаикахъ, тогда-какъ достоинство ихъ несомнѣнно, ибо признано не только публикою, но и многими учеными обществами, въ которыхъ они состоятъ членами. Не стыжусь быть старовѣромъ, и откровенно скажу, что новѣйшія стихотворенія невозможно читать: въ нихъ нѣтъ никакой мысли, и въ выраженіи чувствованій ни малѣйшей нѣжности,—все только однѣ картины, ни къ чему неведущія, изъ которыхъ, какъ не бейся, не извлечешь никакого поученія. Долго ли все это продолжится — не знаю; я не сочинитель, слѣдовательно въ чужія дѣла вмѣшиваться не буду... Такъ я заговорилъ о «Благонамѣренномъ», и къ слову прочелъ оттуда стихи, всегда особенно нравившіеся мнѣ, подъ заглавіемъ: *Въ альбомъ къ запутанному въ сѣти Амуру:*

Подъ сѣнію любви я проводилъ свой вѣкъ,
Плѣненный красотой твоей, моя Плѣнира,
И дни мои Борей свирѣпый не пресѣкъ
Затѣмъ, что о тебѣ моя гремѣла лира.
И нынѣ вижу я — царица красоты,
Что самъ Амуръ въ тебя влюбился
И очутился
У ногъ твоихъ, — неся въ рукѣ цвѣты!
Едва лишь на тебя малютка заглядѣлся,
Своею сѣтью самъ одѣлся
И ужъ съ-тѣхъ-поръ на мигъ тебя не покидалъ,
Твоимъ рабомъ божокъ крылатый сталъ,
Слѣдя повсюдно за тобою
Въ деревнѣ, въ городѣ, — съ колчаномъ и стрѣлою!

Чтецъ я былъ не дурной, по увѣренію многихъ, и въ этотъ разъ во время декламаціи моей видѣлъ одобреніе на многихъ лицахъ, особенно на лицѣ той дамы, у которой были темно-

каріе глаза и чепецъ съ розовыми лентами. Она съ чувствомъ ловила каждое слово стихотворенія, и лицо ея съ каждымъ стихомъ принимало болѣе и болѣе нѣжное выраженіе. По какому-то неясному движенію сердца, при стихѣ:

Твоимъ рабомъ божокъ крылатый сталъ,

я обратился невольно къ ней. Она закраснѣлась, потупила глаза въ тарелку, поспѣшно взяла ножикъ и вилку и начала разрѣзывать говядину подъ краснымъ соусомъ.

— Какое милое эротическое стихотвореніе! сказала она минуты черезъ двѣ, взглянувъ на меня съ тою привлекательною застѣнчивостью, которая служитъ вѣрнымъ признакомъ хорошаго воспитанія.

Тонкое замѣчаніе дамы съ темнокарими глазами заронилось мнѣ въ душу. Какимъ изящнымъ вкусомъ надѣлена она! подумалъ я.

Послѣ обѣда я подошелъ къ ней.

— Вы изволите быть охотницей до чтенія? спросилъ я ее.

— Это моя страсть, отвѣчала она: — хозяйство и книги; я ужъ такъ была пріучена съ малолѣтства.

— Это похвально-съ. (Она должна быть превосходной хозяйкой, это сейчасъ видно, подумалъ я). — Ржаные хлѣба̀ что-то нынѣшній годъ совсѣмъ не удались, произнесъ я послѣ минуты молчанія: — вотъ на яровые такъ нельзя пожаловаться.

— Ужъ ржанаго хлѣба нынче ни зерна не будетъ. Повѣрите ли, въ Бакеевкѣ, что̀ мнѣ теперь досталась, хоть шаромъ покати.

— Неужели Бакеевка вамъ досталась? спросилъ я съ радостнымъ изумленіемъ. Моя Орловка только въ четырехъ верстахъ отъ Бакеевки. Я долженъ благодарить судьбу за доставленіе мнѣ такого сосѣдства.

Она покраснѣла. — Очень пріятно, сказала она, и какимъ голосомъ произнесено было «очень пріятно»! — А вы на житье сюда, или на время?

Зная, что по истеченіи отпуска я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, я отвѣчалъ, самъ не зная отчего, трепещущимъ голосомъ: — не знаю.

— Послѣ столичныхъ увеселеній и развлеченій, продолжала она: — наша деревенская жизнь покажется не такою

деликатною. Это я знаю по собственному опыту, потому-что прежде жила въ столицѣ. Провинція ужъ все провинція, какъ ни говорите.

— Деревня имѣетъ свои пріятности; воздухъ здѣсь совсѣмъ другой. Я такъ чувствую себя гораздо лучше на свѣжемъ воздухѣ, особенно когда можно отдохнуть послѣ занятій по службѣ; къ-тому же уединеніе...

— Въ самомъ дѣлѣ. Вы, вѣрно, меланхолическаго расположенія?

Меланхолическаго! это слово мнѣ никогда не приходило въ голову. Вѣдь именно я всегда былъ меланхолическаго расположенія! Она угадала мой характеръ. Робость, которую я ощущалъ въ присутствіи женщины, въ первый разъ смѣшивалась во мнѣ съ какимъ-то пріятнымъ ощущеніемъ, когда я былъ съ нею; продолжить разговоръ я не могъ, а мнѣ хотѣлось постоять возлѣ нея, послушать ее.

Въ эту минуту Илья Петровичъ ударилъ меня по плечу.

— Что̀, братъ, ужъ ты познакомился съ Марьей Дмитріевной? Вотъ счастливица-то у насъ на раздѣлѣ, сто̀итъ только задумать ей: хочу этого — и вѣрнѣе смерти достанется это. Рекомендую вамъ его, Марья Дмитріевна. (Я поклонился и покраснѣлъ, она улыбнулась.) Ей-Богу, славный малый, да и къ-тому же сосѣдъ вамъ. А скромникъ какой! Бывало, я...

Есть люди, совершенно неумѣющіе вести себя при дамахъ и позволяющіе себѣ говорить вещи, которыя, по моему мнѣнію, неприличны даже и въ мужской компаніи. Илья Петровичъ принадлежитъ къ такимъ людямъ. Чтобы удержать въ этотъ разъ его нескромность, я кашлянулъ. Онъ запнулся. Къ счастію, очень во̀-время подошелъ къ нему Христіанъ Францовичъ. Глаза доктора, по обыкновенію, двигались изъ стороны въ сторону, и правый глазъ онъ прищуривалъ самымъ страннымъ образомъ.

— А что̀, Илья Петровичъ, матрасъ въ диванной на кушеткѣ, обитый желтымъ ситцемъ, не нуженъ вамъ? Уступите-ка мнѣ его безъ раздѣла, для тарантаса. Другіе наслѣдники всѣ согласны. И Марья Дмитріевна вѣрно согласится?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала она.

— Ну, ужъ я, чортъ возьми, не постою: уступать, такъ уступать! воскликнулъ Илья Петровичъ.

Докторъ, кажется, былъ доволенъ.

Матвѣй Ивановичъ подскользнулъ къ нему. Онъ привѣтно погрозилъ ему пальцемъ. — Умѣете, Христіанъ Францовичъ, замѣтилъ онъ, и словцо ввернуть во-время. Я такъ прошу-прошу Илью Петровича, чтобы согласился уступить мнѣ кусокъ синей бомбы съ цвѣтами. Я, пожалуй, отъ денегъ не прочь, хоть сейчасъ выложу на столъ. Оно не то, чтобы какая-нибудь завидная матерія, — старина, изъ моды вышла; дорогаго купить не могу, а женѣ нужно гостинца купить. На что вамъ эта матерія?

— Объ этомъ мы съ вами поговоримъ послѣ. Илья Петровичъ, сказавъ это, подмигнулъ мнѣ.

— Послѣ, то-то послѣ, Илья Петровичъ! Онъ вынулъ изъ кармана, поморщиваясь, табакерку.

— Не хотите ли табачку? Я всегда покупаю у Головкина, этотъ табакъ идетъ и въ иностранныя земли.

Возвратясь домой часу въ десятомъ, я раздѣлся и легъ въ постель, но долго не могъ заснуть. Мнѣ было какъ-то неловко, я съ бока на бокъ ворочался безпрестанно. «За тридцать лѣтъ холостая жизнь — настоящее бремя!» подумалъ я, поправляя подушку. «И приласкать нѣкому!...»

III.

На слѣдующее утро я былъ уже въ семь часовъ на ногахъ, и до девяти часовъ успѣлъ осмотрѣть ригу, мельницу, скотный дворъ и другія хозяйственныя заведенія. Въ девять часовъ, возвратясь домой, я почувствовалъ голодъ и спросилъ чего-нибудь закусить. Любимѣйшая закуска моя — это копченая ветчина, и никто такъ не умѣлъ коптить ее, какъ, бывало, покойная матушка. При этомъ любилъ я соленые грибки, которые подъ надзоромъ маменьки приготовляли прекрасно. Мнѣ подали вмѣсто всего этого рѣдьку и масло, притомъ не совсѣмъ свѣжее. Я невольно вздохнулъ и подумалъ:

«Вотъ что значитъ, когда нѣтъ въ домѣ хозяйки.»

Отъ этой мысли я перешелъ къ тому заключенію, что человѣку въ извѣстныхъ лѣтахъ, имѣющему, по милости Бо-

жіей, свой кусокъ хлѣба, непремѣнно надобно жениться. Къ тому же, имѣя чинъ коллежскаго ассессора, не стыдно сдѣлать предложеніе. «Въ самомъ дѣлѣ, не выйдти ли въ отставку?»

Предлагая самому себѣ такой вопросъ, я смутился. Уже такъ привыкъ я къ моей регулярной жизни въ Петербургѣ, къ моей маленькой квартиркѣ въ Поварскомъ переулкѣ у Владимірской, къ моему департаменту, къ этой дорогѣ отъ Поварскаго переулка до арки, что̀ въ Милліонной, даже къ сторожу департаментскому, который снималъ съ меня шинель и пряталъ мои галоши въ продолженіи десяти лѣтъ ежедневно, — такъ привыкъ, что вдругъ, когда я только въ мысляхъ оторвался отъ всего этого и вообразилъ, что буду жить совершенно по-новому, мнѣ сдѣлалось страшно, очень страшно.

«Но — и тутъ я провелъ рукою по лбу, — но... не умереть же мнѣ холостымъ! Кто будетъ ходить за мной, если я занемогу, если (и объ этомъ надобно подумать), если я буду лежать на смертномъ одрѣ — кто закроетъ мнѣ глаза?»

Слезы проступили у меня на глазахъ отъ такихъ мыслей. Первый разъ я серьёзно раздумался о своей будущности. Черезъ полчаса я приказалъ заложить свою бричку.

— Пошелъ въ Городню, сказалъ я кучеру.

Въ Городню иначе нельзя было проѣхать, какъ черезъ Плющиху. Какое-то таинственное чувство, совершенно непостижимое, влекло меня въ ту сторону, но я не рѣшился сказать кучеру «въ Плющиху».

Видно, кучеру моему показалось страннымъ такое приказаніе, потому-что онъ переспросилъ меня два раза: «куда, сударь?»

Городня небольшая деревня, въ которой не было и досихъ-поръ нѣтъ никакихъ хозяйственныхъ заведеній. Подъѣзжая къ Плющихѣ, я почувствовалъ неловкость во всемъ тѣлѣ, и краска выступила у меня на лицѣ; вынувъ изъ кармана щеточку съ зеркаломъ, которую я имѣлъ привычку носить въ карманѣ, оправилъ свои волосы.

У конюшень, направо, при въѣздѣ въ деревню, стоялъ Илья Петровичъ въ драгунскомъ сюртукѣ съ брусничнымъ воротникомъ, въ нанковыхъ сѣрыхъ шальварахъ и въ бѣломъ

пуховомъ картузѣ; онъ курилъ табакъ изъ коротенькаго чубука съ преогромною пѣнковою трубкою, обернутою въ замшу, придерживая ее правой рукой, а лѣвой ероша усы свои. Противъ него стоялъ вкрадчивый Матвѣй Ивановичъ; бородка его синѣла издалека; возлѣ Матвѣя Ивановича Христіанъ Францовичъ; возлѣ Христіана Францовича длинный медіаторъ въ синемъ сюртукѣ по щиколку, а возлѣ медіатора какой-то молодой человѣкъ пріятной наружности, въ голубомъ жилетѣ. Это былъ также повѣренный одного изъ наслѣдниковъ. Рядомъ съ нимъ стояли два господина средняго роста, худощавые, а между ними третій пониже и потолще— всѣ три брата Ильи Петровича. Словомъ, полное собраніе и наслѣдниковъ, и повѣренныхъ было тутъ на-лицо, за исключеніемъ Марьи Дмитріевны. Прежде нежели я размыслилъ, что̀ мнѣ слѣдовало дѣлать и какъ отвѣчать на вопросы и привѣтствія, долженствовавшіе посыпаться на меня со всѣхъ сторонъ, Илья Петровичъ замахалъ обѣими руками, увидѣвъ меня, отошелъ отъ толпы, остановился на срединѣ дороги и закричалъ самымъ густымъ басомъ: — Стой! кто ѣдетъ? потомъ, пресерьёзно подойдя къ дверцамъ моей кибитки, онъ сказалъ также серьёзно: — пожалуйте подорожную прописать.

Всѣ стоявшіе тутъ господа, услышавъ это, громко разхохотались. Илья Петровичъ при всемъ общемъ залпѣ смѣха также не могъ выдержать, и самъ покатился со смѣха. Я ничего не говорю о себѣ, но можете вообразить, что при такой сценѣ я не могъ не выйдти изъ состоянія раздумья, въ которомъ находился.

— Вылѣзай-ка, братъ, изъ кибитки, вылѣзай. Кстати пріѣхалъ, а мы еще не завтракали: все лошадей дѣлили, насилу кончили, а есть, я тебѣ скажу, жеребчики недурные. Мнѣ достался одинъ полово-сѣрый, такъ ужъ мое почтеніе! Постой-ка, я велю его вывесть. Да вылѣзай же, братецъ.

— Я позавтракалъ дома, и вдругъ что-то голова разболѣлась, захотѣлось проѣхаться, я проѣзжалъ мимо... совсѣмъ нечаянно, не думалъ...

Я хотѣлъ показать, что понимаю приличія и знаю, что не водится въ общежитіи ѣздить ежедневно въ тотъ домъ, гдѣ одинъ только хозяинъ коротко знакомъ, а прочіе также хозяева, — но еще не короткіе знакомые. Въ Плющихѣ же

всѣ наслѣдники были ровные хозяева. Когда я произнесъ: «нечаянно, не думалъ», Илья Петровичъ, поправивъ свой лѣвый усъ лѣвою рукою, правою раза два ударилъ меня по спинѣ и сказалъ:

«Вздору-то не болтай,
А изъ коляски вылѣзай».

— Что̀, братъ, каково̀? Мы и стихами говорить умѣемъ.

Добрый человѣкъ Илья Петровичъ, но о свѣткости и о приличіи не имѣетъ ни малѣйшаго понятія! Я и вышелъ изъ коляски; только-что я ступилъ ногою на землю, какъ Матвѣй Ивановичъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ мою руку и, потирая теменемъ своей головы около моего сердца, съ вкрадчивою улыбкою произнесъ:

— Мы васъ не выпустимъ. Какъ ваше здоровье? Какъ изволили вчера доѣхать? Онъ ухватилъ меня за талію и на ухо шепнулъ мнѣ: — здѣсь, въ провинціи, когда встрѣтишься съ петербургскимъ, такъ легче на душѣ станетъ, право.

Я поблагодарилъ его за вниманіе и поздоровался съ прочими, сказавъ каждому какую-нибудь свѣтскую бездѣлку.

Когда черезъ калитку, выходившую на улицу, мы прошли къ самымъ конюшнямъ, Илья Петровичъ приказалъ вывести конюхамъ доставшагося ему полово-сѣраго жеребца, чтобы показать мнѣ. Жеребца вывели; онъ подошелъ къ нему, погладилъ его по шеѣ, посмотрѣлъ ему въ зубы, прищелкнулъ языкомъ и сказалъ мнѣ: «Конекъ, братецъ, знатный; ему невступно четыре года. Знаешь ли, какую я хочу дать ему кличку?»

— Какую?

— Во̀лтеръ! а? что̀ скажешь?

При семъ Илья Петровичъ засмѣялся.

Послѣ того мы отправились къ ожидавшему насъ завтраку.

Дорогою отъ конюшенъ до дома, Илья Петровичъ, шедшій рядомъ со мною, все подшучивалъ надъ своимъ братомъ, который пришепётывалъ.

— А что, покончили ль свой дѣлежъ дамы? съ усмѣшкою замѣтилъ Христіанъ Францовичъ, поглядывая на Матвѣя Ивановича.

— Бьюсь объ закладъ, что еще не кончили! закричалъ

Илья Петровичъ. Знаешь ли, братецъ, чѣмъ это онѣ занимаются, что̀ дѣлятъ? спрашивалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. — Во всѣхъ кладовыхъ всѣ углы перешарили, отъискивая тамъ какія-то банки съ столѣтнимъ вареньемъ и бутылки съ наливками — и давай изъ одной бутылки переливать въ другую, чтобы всѣмъ досталось поровну. Да бутылки-то еще ничего, — авось-либо и найдется наливочка, годная къ употребленію, — а то варенье изъ банки въ банку перекладывать: это каково? Впрочемъ, всѣ женщины уже созданы на то. Серьёзнымъ ничѣмъ заниматься не могутъ.

Сердце мое забилось, когда я вошелъ въ залу; но въ залѣ ни одной дамы не было. Тамъ на полу сидѣли четыре лакея, необыкновенно раскраснѣвшіеся, и занимались перецѣживаніемъ наливокъ изъ одной бутылки въ другую. Наканунѣ въ этой комнатѣ попахивало залежавшимся платьемъ, въ эту минуту такъ и бросался въ носъ спиртъ.

Дамы сидѣли въ гостиной передъ двумя ломберными столами, соединенными вмѣстѣ, на которыхъ разставлены были банки съ вареньемъ и небольшія фаянсовыя кружки. Илья Петровичъ угадалъ: онѣ еще все продолжали дѣлить варенье.

Я подошелъ къ ручкѣ Дарьи Яковлевны и почтительно раскланялся съ прочими дамами.

— Милости просимъ садиться, очень рады васъ видѣть, сказала Дарья Яковлевна: — извините насъ, не претендуйте, что при васъ будемъ заниматься такимъ дѣломъ.

Я сказалъ «помилуйте» и сѣлъ.

Марья Дмитріевна была очень задумчива и машинально разбивала ложечкой имбирное варенье, передъ ней стоявшее. Нельзя описать, ка̀къ она была мила въ этотъ день! Ка̀къ удивительно шло къ ней лиловое платье съ зелеными цвѣточками! Я посмотрѣлъ на нее и снова опустилъ глаза.

Илья Петровичъ нѣсколько минутъ послѣ меня вошелъ въ гостиную. Когда Дарья Яковлевна увидѣла его, она вся перемѣнилась въ лицѣ и съ безпокойствомъ вскрикнула:

— Ну, что̀? кончили? а каковы намъ жеребцы достались?

— Славные, матушка, и полово-сѣрый четырехъ лѣтъ нашъ! Вотъ конь! гордость какая!

При этомъ та дама, у которой былъ раздражительный голосъ, нахмурилась, а Дарья Яковлевна, казалось, успокоилась и обратила опять все свое вниманіе на варенье.

— Изволили разставить на восемь частей, сказалъ Христіанъ Францовичъ Дарьѣ Яковлевнѣ: — теперь, сударыня, только билетики, да и жеребій?

— Совсѣмъ разставлено. Части, кажется, все ровныя.

— А я полагаю, что совсѣмъ неровныя! воскликнула дама съ раздражительнымъ голосомъ: — имбирное варенье все на одну почти часть положили; имбирное же варенье, сами знаете, рѣдкое и дорогое. Я васъ спрашиваю, Христіанъ Францовичъ, гдѣ теперь достанешь имбирнаго? Нигдѣ въ свѣтѣ; а противъ него что̀ поставлено? — клубничное, малиновое, черная смородина, да и то еще такое, что прабабушка...

Дарья Яковлевна вспыхнула.

— На васъ не угодишь! Извольте разставлять сами! Ка̀къ вы лучше разставите? интересно посмотрѣть. Довольно смѣшно: имбирнаго варенья три кринки, а другихъ вареньевъ сорокъ банокъ. Варенье все хорошее, — нужды нѣтъ, что старое: не бросить же его; можно подварить, такъ изойдетъ для гостей, которые попроще.

— Для чего изъ-за этой малости спорить, сударыня? возразилъ Матвѣй Ивановичъ, обращаясь къ дамѣ съ раздражительнымъ голосомъ. — Извольте лучше бросить жеребьи: можетъ, имбирное варенье и вамъ достанется, — почемъ вы знаете? На все судьба!

Жребіи были брошены.

Одна кринка имбирнаго варенья досталась Дарьѣ Яковлевнѣ, а двѣ Марьѣ Дмитріевнѣ. У дамы съ раздражительнымъ голосомъ кровь на лицѣ выступила пятнами. Она старалась скрыть свой гнѣвъ — и не могла. Съ досадой толкнула она локтемъ одну изъ доставшихся ей банокъ съ клубникой, встала съ креселъ и отошла къ окну. Марья Дмитріевна, увидѣвъ это, также встала съ своего мѣста и подошла къ ней.

— Мнѣ достались двѣ банки имбирнаго, сказала она — и сколько нѣжности, уступчивости и доброты было въ ея

голосѣ! Извольте, я вамъ съ моимъ удовольствіемъ уступлю одну, тогда у насъ у трехъ будетъ поровну...

Она говорила, а я глядѣлъ на нее и думалъ:

«Какая женщина! Боже мой, какая женщина!»

— Маменька, дайте мнѣ варенья! закричалъ сынъ Марьи Дмитріевны, вбѣжавъ въ комнату. Это былъ очень недурной собою, бѣлокурый мальчикъ въ ситцевой рубашкѣ, съ сумкой черезъ плечо. Онъ до такой степени забѣгался въ лошадки съ дворовыми мальчишками, что потъ лилъ съ его лица ручьями, и онъ едва переводилъ дыханье.

— До обѣда нельзя, душаточка, лакомиться вареньемъ, сказала Марья Дмитріевна: — но если хорошо будешь вести себя за столомъ, то послѣ обѣда ложечки двѣ получишь. Что̀ это, какъ ты раскраснѣлся? Теперь не извольте ходить на улицу, а сидите здѣсь. Ка̀къ не стыдно носикъ не вытирать! — И, говоря это, Марья Дмитріевна вынула изъ его сумочки носовой платокъ и вытерла имъ носъ сына.

— Маменька, позвольте еще побѣгать.

— Нѣтъ, нѣтъ; изволь сидѣть и быть послушнымъ.

Я подошелъ къ Мишѣ, который опустилъ голову и нахмурился, потрепалъ его по щекѣ и поцѣловалъ. Марья Дмитріевна, увидѣвъ это, не могла скрыть своего удовольствія.

— Оставьте его, произнесла она съ улыбкой, одной ей свойственной: — онъ капризный мальчикъ и не заслуживаетъ ласкъ.

— Да чѣмъ же я капризенъ, маменька? говорилъ Миша, всхлипывая.

Марья Дмитріевна подошла ко мнѣ.

— Не подумайте, сказала она самымъ пріятнѣйшимъ тономъ: — чтобы я была мать-баловница. Нѣтъ, ужъ это не въ моихъ правилахъ! Я его часто и строго наказываю; но все, знаете, женское дѣло: онъ меня не такъ боится; вотъ если бы отецъ былъ живъ!... Способности же имѣетъ большія, благодаря Бога; я все сама съ нимъ занимаюсь, иногда даже по четыре часа сряду. Онъ у меня очень бѣгло читаетъ по-русски и по-французски, половину же священной исторіи, что̀ съ вопросами и отвѣтами, наизусть слово-въ-слово знаетъ.

Отъ восхищенія я не могъ произнести ни слова. «Сама занимается!» скажите, много ли такихъ матерей въ нынѣш-

немъ свѣтѣ? Однако и она, при всемъ своемъ умѣ, чувствуетъ, что безъ мужа, безъ главы дома, трудно обойдтись!

IV.

Съ этого дня, проведеннаго мною въ Плющихѣ съ неизобразимымъ удовольствіемъ, я чаще и чаще сталъ ѣздить туда, и всякій мой пріѣздъ по часу и болѣе бесѣдовалъ съ Марьей Дмитріевной. Изъ этихъ бесѣдъ я вполнѣ убѣдился, что она надѣлена добродѣтельнымъ сердцемъ и основательнымъ умомъ, потому-что обо всѣхъ предметахъ разсуждаетъ солидно, и въ особенности очень хорошо говоритъ о нравственности. Прошло уже два мѣсяца съ того дня, какъ я въ первый разъ увидѣлъ ее. Раздѣлъ приближался къ окончанію. Раздѣльный актъ былъ совершонъ въ гражданской палатѣ и подписанъ. Раздѣлятъ серебро — и всѣ разъѣдутся въ разныя стороны, и опустѣетъ Плющиха!...

Однажды я не спалъ почти всю ночь на-пролётъ. Срокъ моего отпуска былъ на исходѣ. Я представилъ себѣ дальность и неудобства дороги и свое одиночество. Это одиночество такъ и щемило мое сердце. Я подумалъ, можетъ статься, никогда болѣе не увижу Марьи Дмитріевны; мысль, что если приказчикъ мой обманываетъ меня въ моемъ присутствіи, что̀ же должно быть, когда меня нѣтъ въ деревнѣ?... Все это, взятое вмѣстѣ, заставило меня окончательно рѣшить мое будущее.

Подъ утро я всталъ съ постели и началъ ходить вдоль и поперегъ комнаты.

Остаться въ деревнѣ, или ѣхать въ Петербургъ? служить, или выйдти въ отставку и жениться?

Въ этотъ разъ «выйдти въ отставку» уже не представлялось мнѣ такъ страшно, какъ первый разъ, когда мнѣ это пришло въ голову.

«Коллежскаго ассесора я получилъ недавно, столоначальникомъ сдѣланъ недавно. Что̀ же? до надворнаго совѣтника еще далеко, до начальниковъ отдѣленія подавно. Перспектива есть, но не близкая. Къ тому же сидячая жизнь, петербургскій климатъ. . Но... согласится ли *она* принадлежать мнѣ?

Ея мужъ былъ начальникомъ отдѣленія! Впрочемъ, что̀ жъ?— я не какой-нибудь нищій, имѣю свой кусокъ хлѣба и чинъ почетный!... Предложеніе — легко сказать — и подумать, такъ голова закружится... Ну, ка̀къ Богу угодно, такъ и будетъ!»

Нѣсколько дней спустя послѣ этого размышленія, часу въ шестомъ вечера, по окончаніи раздѣла серебра, Марья Дмитріевна вышла пройдтись въ садъ, или въ огороженную плетнемъ четвероугольную площадь, которую всѣ называли садомъ. На этой площади, впрочемъ довольно обширной, росло нѣсколько яблонь, нѣсколько липъ, нѣсколько елей, дубковъ, и тянулись двѣ длинныя аллеи разросшихся акацій. Въ этихъ двухъ аллеяхъ только и можно было прогуливаться, ибо остальная половина четвероугольника предполагалась только къ распланированію. Въ правой сторонѣ между зеленью мелькало прекрасное каменное зданіе съ небольшой деревянной башенкой, на которой вертѣлся желѣзный пѣтухъ, разкрашенный разными цвѣтами: это оранжерея. Въ серединѣ четвероугольника красовался прудъ изрядной величины, въ которомъ Марья Дмитріевна удила рыбу.

Вечеръ былъ теплый, несмотря на то, что сентябрь приближался къ исходу. Желтые листья грудами лежали на дорожкахъ... Господи, ка̀къ я живо все это помню, даже вереницу дикихъ утокъ, промелькнувшихъ по небу! Марья Дмитріевна шла по дорожкѣ, обсаженной акаціями, шла тихо и задумчиво, въ чепцѣ, убранномъ розовыми лентами, въ томъ самомъ чепцѣ, въ которомъ я видѣлъ ее въ первый разъ.

Незамѣченный ею, я подошелъ къ ней сзади.

— Вы гуляете, Марья Дмитріевна? спросилъ я ее дрожащимъ голосомъ.

Она испугалась и немного вскрикнула.

— Ахъ, это вы!

— Точно я, я, Марья Дмитріевна... вы, вы такъ легко одѣты; теперь вечера не лѣтніе: можно простудиться.

— Ничего-съ, и простужусь, такъ жалѣть будетъ не́кому!

— Какъ можно! И передъ Богомъ грѣшно не беречь своего здоровья.

Она ничего не отвѣчала, и я молчалъ.

— Вашъ раздѣлъ теперь совсѣмъ конченъ, Марья Дмитріевна?

— Да, совсѣмъ-съ.

— А что̀, вы отсюда скоро уѣдете?

— Предполагаю очень скоро.

У меня кровь такъ и застыла...

— А куда вы изволите поѣхать, Марья Дмитріевна?

— Въ свою прежнюю деревню Маматовку, верстъ за двѣсти отсюда. Мнѣ давно пора бы во свояси. Ахъ, Боже мой! и хлѣбъ-то нынѣшній годъ безъ меня убрали!

— Прощайте, Марья Дмитріевна! можетъ быть, мы съ вами болѣе не увидимся. И я также скоро отправлюсь къ должности, въ Петербургъ.

Я шелъ по лѣвую ея сторону, и, произнеся это, едва осмѣлился искоса взглянуть на нее. Мнѣ показалось, что на ея глазѣ дрожала слеза.

— Вы, вѣрно, соскучили здѣсь? очень натурально: кто пристрастился къ свѣтскимъ удовольствіямъ...

— Нѣтъ, не говорите этого, Марья Дмитріевна, — неопредолимое влеченіе приковываетъ меня къ здѣшнимъ мѣстамъ.

— Почему же вы, позвольте спросить, не останетесь здѣсь?

— Я человѣкъ служащій, чиновникъ, а скоро конецъ моему отпуску; служба не шутитъ-съ.

— Вы, благодаря Бога, обезпечены. Почему же вамъ не выйдти въ отставку: вы свой долгъ сдѣлали — послужили. Останьтесь навсегда съ нами... Здѣсь, я вамъ скажу, не то, чтобы въ глуши: дворянство отличное, образованное.

— Оно точно такъ, да я человѣкъ совершенно одинокій. Матушка моя скончалась, я безъ нея совсѣмъ осиротѣлъ и хозяйствомъ заняться нѐкому.

Я чувствовалъ, что голосъ измѣнялъ мнѣ, я оробѣлъ, а она не вымолвила ни слова, ни слова...

Мы шли такимъ образомъ нѣсколько минутъ молча и подошли къ самому берегу пруда. Отсюда слѣдовало повернуть назадъ, ибо дорожекъ ни вправо, ни влѣво не было.

— Марья Дмитріевна, — началъ я, когда мы повернули, сердце у меня такъ билось, что пересказать невозможно: —

Марья Дмитріевна, я давно, Марья Дмитріевна, желалъ поговорить съ вами... я... съ первой минуты, какъ увидѣлъ васъ, почувствовалъ такое, что еслибы пересказать... да вдругъ и бахнулъ: — отъ васъ, Марья Дмитріевна, зависитъ мое счастіе.

И чуть не умеръ отъ страха; у меня совсѣмъ потемнѣло въ глазахъ, а послѣ того меня такъ въ потъ и бросило. Будто сквозь сонъ услышалъ я эти восклицанія:

— Ахъ, ахъ! Боже мой! что̀ это вы говорите... ахъ!

Я открылъ глаза и взглянулъ на нее. Въ лицѣ ея не было ни кровинки. Къ счастію, что тутъ случилась скамейка; она не сѣла, а въ совершенномъ изнеможеніи опустилась на нее. Я испугался, бросился къ ней и спросилъ: — Не дурно ли вамъ?

— Ничего, ничего... ахъ, обдумали ли вы то, что̀ сказали?

— Обдумалъ, ей-Богу, обдумалъ, Марья Дмитріевна!

Она заплакала. Я не смѣлъ переводить дыханіе. Вдругъ она встала, посмотрѣла на меня съ чувствомъ и произнесла:

— На все есть предопредѣленіе, теперь я это ясно вижу. И я только-что взглянула на васъ, почувствовала необыкновенное біеніе сердца. Видно такъ Богу угодно!

Послѣ сихъ словъ у меня всѣ предметы передъ глазами стали яснѣе.

— Позвольте же поцѣловать вашу ручку. Я взялъ ея руку и поцѣловалъ; она поцѣловала меня въ щеку.

— Но сегодня еще не объявляйте этого. А вы будете любить моего Мишунчика? вы замѣните ему отца?

— Не сомнѣвайтесь, ради Бога, Марья Дмитріевна, успокойте меня на этотъ счетъ; я буду любить его больше роднаго сына.

Она еще разъ и еще съ бо̀льшимъ чувствомъ посмотрѣла на меня и сказала: «Благодарю васъ; сердце матери безсильно вамъ выразить всего: вы такъ меня утѣшили, что я не могу прійти въ себя, — пріймите мою благодарность.»

Влюбленное состояніе скрыть невозможно, и потому, вѣроятно, многіе изъ родственниковъ Марьи Дмитріевны и изъ постороннихъ, находившихся въ Плющихѣ, замѣчали наши взаимныя другъ къ другу склонности. Тутъ нѣтъ ничего мудренаго; однако, когда черезъ два дня послѣ объясненія на-

шего съ нею, было объявлено, что я женихъ, а она невѣста, то это поразило многихъ, какъ нечаянность.

— Вишь плутъ какой, говорилъ Илья Петровичъ: — и отъ меня, своего стараго товарища и пріятеля, скрывался! Поздравляю, братецъ! къ намъ въ роденьку записываешься. Чортъ возьми, это не дурно: деревни ваши съ нею рядомъ; земля съ землей, такъ вамъ и размежевываться теперь не нужно. Мужъ и жена — одна сатана.

Матвѣй Ивановичъ, уѣзжая въ Петербургъ и пожимая мнѣ руку, говорилъ:

— Отъ души желаю вамъ счастія, потому-что семейственное благополучіе дороже всякой славы и честолюбиваго поприща, а ужъ какая милая и тонкая дама Марья Дмитріевна, и какія у нея хозяйственныя распоряженія!... Прошу о продолженіи знакомства, а я ужъ никогда не забуду самыхъ пріятнѣйшихъ дней, проведенныхъ съ вами.

— Благодарю васъ. Возьмите на себя трудъ сказать Петру Петровичу, чтобы онъ принялъ меня въ свое родственное дружество.

— Непремѣнно, все исполню, какъ вы приказываете. — Онъ обнялъ меня и поцѣловалъ въ грудь.

Христіанъ Францовичъ, моргая лѣвымъ глазомъ и обнявъ правой рукой мою талію, говорилъ:

— Раздѣлъ-то нашъ свадебкой покончится. Право, славно! Вотъ запируемъ! Да, батюшка, вы отъ насъ не отдѣлаетесь. Выставляйте-ка на столъ шампанскаго. — Скажите, кажется, Марьѣ Дмитріевнѣ достались мельничные камни съ желѣзными обручами? Я у себя въ деревнѣ строю мельницу, подарите-ка ихъ мнѣ. У васъ вѣдь всѣ мельницы въ надлежащемъ устройствѣ. Вамъ зачѣмъ эти камни?

— Извольте, съ большимъ удовольствіемъ, произнесъ я, не зная самъ, что̀ говорю отъ радости...

Скоро Плющиха опустѣла. Все, что̀ можно было вывезть изъ нея, вывезли, не исключая даже каменнаго столба, стоявшаго на лугу противъ оранжереи, на которомъ были устроены солнечные часы. Осталась одна оранжерея безъ растеній, да стѣны дома съ прогнившими оконными рамами, въ которыхъ половина стеколъ была перебита.

По прошествіи трехъ недѣль, считая отъ выѣзда наслѣд-

никовъ изъ Плющихи, я сдѣлался счастливымъ супругомъ Марьи Дмитріевны, а вскорѣ получилъ и увольненіе отъ службы. Что ни говорите, — это судьба!

Два года жилъ я душа въ душу съ моей Марьей Дмитріевной въ совершенномъ уединеніи, довольствѣ и тишинѣ. На третій годъ познакомился съ нами пріѣхавшій изъ О... губерніи родственникъ нашей близкой сосѣдки, отставной штабсъ-ротмистръ, высокаго роста, плечистый, съ нафабренными усами...

Этимъ словомъ оканчивается отрывокъ изъ рукописи помѣщика, случайно отысканный мною. Продолженія не оказалось. Я позволилъ себѣ только небольшія сокращенія и поправки въ языкѣ.

БѢЛАЯ ГОРЯЧКА.

ПОВѢСТЬ.

«Повѣсть! Въ этихъ повѣстяхъ все такія сатиры и ничего нѣтъ правдоподобнаго. Даже, повѣрите ли, иной разъ обидно читать.»

— Да, они — эти сочинители, не умѣютъ совсѣмъ списывать съ натуры; всѣ они пишутъ точно въ бѣлой горячкѣ.

«Можно, я вамъ скажу, и съ натуры списывать, но такъ, чтобъ не было обидно и чтобы нельзя было принять на свой счетъ.»

(*Разговоръ въ гостиной г-жи Горбачевой.*)

«Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?...»

(*Лермонтовъ.*)

I.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, — и можетъ-быть, нѣкоторые изъ читателей моихъ вспомнятъ объ этомъ, — на выставкѣ Академіи Художествъ обратили на себя всеобщее вниманіе двѣ картины: одна изображала Ревекку у колодца, другая какую-то дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, очень задумчиво и чрезвычайно поэтически сидѣвшую на крутомъ берегу какой-то рѣки, въ ту самую минуту, когда вечерняя заря уже потухла, и вечерніе пары, медленно поднимаясь отъ земли, покрывали и горы, и лѣсъ, и луга, и воду синеватою дымкою. Правда, многіе находили, что въ лицѣ Ревекки и въ лицѣ этой задумчивой

дѣвушки однѣ и тѣ же черты, одно и то же выраженіе, и приписывали такое странное сходство недостатку творчества въ художникѣ. Но, несмотря на это, всякій день, во все продолженіе выставки, около этихъ картинъ была давка. Передъ этими картинами останавливались — и чиновница въ кожаныхъ ботинкахъ со скрипомъ, и нарумяненная барыня въ шляпкѣ съ перьями, съ удивительными и восклицательными междометіями, и дама большаго свѣта, никогда ничему неудивляющаяся, и канцелярскій чиновникъ въ черной атласной манишкѣ со складочками, и его рѣдковолосый начальникъ со Станиславомъ, развѣшеннымъ на груди, и fashionable съ лорнетомъ въ глазѣ, и конно-артиллерійскій армейскій офицеръ ужасающаго роста въ очкахъ, и маленькій инженеръ, разсуждающій о наукахъ и танцующій по воскресеньямъ на вечеринкахъ у статскихъ и другихъ совѣтниковъ, и кавалеристъ, военный денди—непремѣнное лицо на всѣхъ балахъ и раутахъ, и вертлявая горничная съ Англійской набережной, въ шляпкѣ, съ затянутой таліей, воспитанная въ магазинѣ г-жи Сихлеръ, и толстая дѣвка отъ Знаменья, недавно привезенная изъ деревни. У этихъ двухъ картинъ толпились всѣ эти лица, фигуры и фигурки, которыя вы, я и всѣ мы ежедневно встрѣчаемъ на Невскомъ проспектѣ, на этой вѣчной петербургской выставкѣ.

Отчего же эти двѣ картины привлекли такое лестное, одобрительное вниманіе цѣлаго народонаселенія Петербурга? Принадлежали ли онѣ къ тѣмъ эффектнымъ произведеніямъ живописи, которыя невольно поражаютъ съ перваго взгляда и не-знатоковъ? Была ли это дань удивленія и восторга истинно-художественнымъ произведеніямъ?

Картины точно были эффектны, и эта эффектность происходила отъ оригинальности ихъ освѣщенія; къ-тому же выпуклость фигуръ, казалось, выходившихъ изъ полотна, рѣзко бросалась въ глаза всякому, а свѣжесть зелени, на которую художникъ, видно, не пощадилъ краски, приводила большинство въ невыразимый восторгъ. Такія достоинства должны были нешутя выдвинуть эти картины на первый планъ. Пройдя нѣсколько залъ, установленныхъ портретами, ландшафтами, снятыми съ довольно-плоской и незатѣйливой мѣстности, да историческими картинами, въ которыхъ фигуры группиро-

вались съ симметрическою точностью, словно размѣренныя по циркулю, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличались безукоризненными академическими *позами*, — и бѣгло обозрѣвъ всѣ эти произведенія, зритель чувствовалъ, что въ головѣ его дѣлался престрашный хаосъ, въ глазахъ у него рябило, а ноги подгибались отъ усталости... Наконецъ, запыхавшись, о блаженство! онъ достигалъ до послѣдней залы; чтобы перевести духъ, садился на окно, и вдругъ, вовсе-неожиданно, поражала его зрѣніе чудная еврейка, красавица, граціозно стоявшая у колодца, на которую, право, можно было заглядѣться и послѣ великолѣпной картины Горація Вернета... Утомленное вниманіе зрителя при взглядѣ на еврейку возбуждалось снова, и онъ съ участіемъ подходилъ къ картинѣ, чтобы хорошенько разсмотрѣть ее. А рядомъ съ еврейкою — другая картина, дѣвушка на берегу рѣки въ сумракѣ вечера... Стоило вглядѣться въ эту картину: въ ней открывалось столько таинственнаго и безконечнаго...

Однако не безъ основанія можно положить, что успѣхъ этихъ обѣихъ картинъ объяснялся еще тѣмъ, что онѣ стояли въ залѣ передъ самымъ выходомъ. Послѣднее впечатлѣніе, каково бы оно ни было, всегда сильнѣе перваго, и память, растерявшаяся во множествѣ пестрыхъ явленій, мелькавшихъ передъ глазами, несохранившая ни одного штриха, ни одной черты, ни одного образа, радехонька ухватиться за послѣдній предметъ, особенно, если этотъ предметъ поразилъ не одни глаза, а хоть сколько-нибудь подѣйствовалъ на душу. Странное дѣло! память никогда не вѣритъ однимъ глазамъ!... Надобно при этомъ взять въ разсчетъ и то, что прогулка по заламъ должна была возбудить аппетитъ у каждаго, а отъ этихъ двухъ послѣднихъ картинъ сейчасъ можно было перейдти къ завтраку или къ обѣду.

Такимъ точно образомъ, послѣ прогулки на выставкѣ, за превосходнымъ завтракомъ, который былъ состряпанъ истинно-художнически, при четвертой бутылкѣ шампанскаго, нѣсколько извѣстныхъ любителей и покровителей искусствъ рѣшили, что живописецъ, написавшій *Ревекку* и *Дѣвушку на берегу рѣки*, долженъ быть талантъ необыкновенный. Эти господа, свѣтскіе любители и покровители, пользовавшіеся самою блестящею славою въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, прожившіе много

лѣтъ и много тысячъ въ чужихъ краяхъ, вывезшіе оттуда великолѣпные альбомы, сами сдѣлавшіе нѣсколько эскизовъ карандашомъ, и претендовавшіе на званіе почетныхъ членовъ Академіи Художествъ, объявили во всеуслышаніе о новооткрытомъ ими талантѣ. — Талантъ! А-а! въ-самомъ-дѣлѣ талантъ? заговорили дамы: кто онъ? «Ахъ, Боже мой, что̀ за восхитительныя картины... этакая прелесть! Какъ все живо и натурально, ахъ, ахъ!» кричали барыни: «да что̀ онъ? да гдѣ онъ?...»

«Торжествуйте, г. живописецъ! счастіе обратилось къ вамъ своимъ лицомъ и улыбается вамъ; вы возстаете изъ мрака неизвѣстности и выходите на свѣтъ Божій, а это очень пріятно!» думалъ я, ходя по заламъ выставки, останавливаясь порой передъ этими двумя картинами, такъ понравившимися публикѣ, и прислушиваясь къ сужденіямъ знатоковъ и любителей объ искусствѣ вообще и объ этихъ картинахъ въ особенности. Такого рода занятіе мнѣ очень понравилось: бывало, только-что встану и напьюсь чаю, сейчасъ же на выставку, и не замѣчу, какъ пройдетъ утро.

Всего болѣе я любилъ гулять въ большихъ залахъ, установленныхъ портретами... Сначала, правда, мнѣ показалось странно, какимъ образомъ болѣе или менѣе удачныя копіи съ болѣе или менѣе извѣстныхъ физіономій удостоились чести быть на выставкѣ художественныхъ произведеній? Какое до нихъ дѣло искусству?... Но впослѣдствіи я оставилъ въ сторонѣ эти вопросы, и съ большимъ любопытствомъ и наслажденіемъ принялся разсматривать выставленныя физіономіи.

Однажды, когда я стоялъ передъ портретомъ одного изъ тѣхъ красавцевъ, которые восхищаютъ барынь и которыхъ онѣ обыкновенно называютъ *бель-амами*, и любовался его побѣдоносными глазами и цѣпочкой съ сунпромъ, мнѣ пришла въ голову мысль, что должно быть удивительно весело родиться на свѣтъ красавцемъ и вырости на славу себѣ, на украшеніе міра и на утѣшеніе барынь.

— Осипъ Ильичъ! слышишь, Осипъ Ильичъ! — вдругъ раздался женскій довольно-рѣшительный голосъ возлѣ моего праваго уха: — посмотри сюда, вотъ на этотъ портретъ... Да куда ты смотришь? Налѣво... ну, вотъ. Ужъ красота, можно

сказать, что красота! да и цѣпочка какая дорогая! долженъ быть милліонеръ!

— Славная цѣпочка! возразилъ мужской нерѣшительный голосъ:—и съ какимъ вкусомъ жилетка... Замѣтьте жилетку, Аграфена Петровна...

Я обернулся, чтобы посмотрѣть, кто дѣлалъ эти остроумныя замѣчанія, и увидѣлъ подлѣ себя толстую и низенькую женщину въ чепцѣ, въ персидскомъ платкѣ, съ кожанымъ ридикюлемъ, и ея кавалера, также небольшаго роста, сѣденькаго, въ виц-мундирѣ.

Эта барыня продолжала, обращаясь къ своему кавалеру:

— Что̀, Осипъ Ильичъ, вѣдь работа-то почище Алексашенькиной? бархатецъ на жилеткѣ каково сдѣланъ?

— Безподобно, безподобно! нечего говорить! Однако слышалъ я большія похвалы и его картинамъ, и слышалъ отъ людей солидныхъ.

— Не вѣрится что-то; да гдѣ же онѣ, мы еще до-сихъ-поръ ихъ и не видали?

— Видно подальше, въ другихъ залахъ. Пойдемте.

И они отправились далѣе. Я вслѣдъ за ними. Что̀ это за Алексашенька? Мнѣ также захотѣлось посмотрѣть его картины...

Я проходилъ залу за залой, и долженъ былъ безпрестанно останавливаться передъ различными картинами, выслушивать критическія разсужденія барыни о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ картинъ и подобострастныя, осторожныя замѣчанія ея кавалера. Мнѣ ужъ стала надоѣдать прогулка за этими господами; барыня также начала изъявлять громогласно свое нетерпѣніе, не видя Алексашенькиныхъ картинъ, и явно сердилась на своего сопутника... «Ну, да гдѣ же *его-то* картины?» вскрикивала она:—«видно тебя обманули: ихъ совсѣмъ нѣтъ, да куда ему и соваться съ своей работой...»

Наконецъ мы достигли до послѣдней залы. Въ этой залѣ, какъ и во все продолженіе выставки, была страшная тѣснота. Барыня съ ридикюлемъ отважно продиралась сквозь толпу, кавалеръ ея слѣдовалъ за нею, а я за кавалеромъ. Она впереди всѣхъ остановилась передъ «Ревеккою», почти у самой рамы, и посмотрѣла внизъ на бумажку съ надписью. На

этой бумажкѣ было написано большими буквами: *Г. Средневскаго.* Барыня прочла надпись и замахала рукой своему кавалеру: — Сюда, сюда, поближе! ну, да пробирайся же! Кавалеръ съ большими усиліями подошелъ къ ней. Я остановился немного въ сторонѣ, такъ, что могъ ихъ видѣть и слышать ихъ разговоръ. Минуты три пристально разглядывали онъ и она эту картину; потомъ она обернулась къ нему, на лицѣ ея замѣтно было волненіе; и онъ обернулся къ ней: его желтое и сморщенное личико остолбенѣло, въ его мутныхъ глазкахъ выразилось что-то похожее на недоумѣніе...

Она воскликнула: — Осипъ Ильичъ?

Онъ прошепталъ: «Аграфена Петровна?»

Она указала пальцемъ на Ревекку:

— Вѣдь это покойница?

Онъ покачалъ головой:

— Покойница.

— Каковъ, сударь, Алексашенька-то?

Онъ все покачивалъ головой:

— Да, да, да! двѣ капли воды.

Такъ вотъ кто Алексашенька! Я сталъ еще внимательнѣе прислушиваться къ этому странному разговору; но въ эту минуту толстый и высокій господинъ съ лысиной очутился возлѣ Аграфены Петровны.

— Аграфена Петровна, Осипъ Ильичъ! воскликнулъ онъ басомъ, немного въ-носъ...

— Семенъ Ѳедорычъ! пріятная встрѣча.

— Что̀, какъ вамъ нравятся картины? Есть, я вамъ скажу, дорогія, просто дорогія; но лучше всѣхъ вотъ эти двѣ, онѣ однимъ живописцемъ написаны. Прелесть, просто прелесть! Кисть этакая мягкая, такъ все соблюдено; видно, что списывалъ съ натуры...

— И, батюшка Семенъ Ѳедорычъ! да что̀ въ нихъ особенно хорошаго? Я и живописца этого знаю; такой дрянненькій... Развѣ и другая-то его же картина?

— Его, — а славная вещь, просто славная!

Аграфена Петровна начала разсматривать «Дѣвушку на берегу рѣки» и чрезъ минуту, указавъ на нее пальцемъ, закричала:

— Осипъ Ильичъ, знаешь ли что̀? Вѣдь и это покойница.

— Хм! произнесъ Осипъ Ильичъ: покойница! только та,— онъ указалъ на «Ревекку»—больше похожа на покойницу.

— Все единственно...

— Какая покойница? съ удивленіемъ спросилъ господинъ съ лысиной, и, посмотрѣвъ внизъ на Осипа Ильича, продолжалъ: не хотите ли табачку? у меня отличный, просто отличный табакъ-рапе.

Онъ вынулъ изъ боковаго кармана табакерку золотую съ эмалью.

— Развѣ я не разсказывала вамъ этой исторіи?... Ахъ, Семенъ Ѳедорычъ, какая у васъ табакерка!... дорога̀, я думаю?

— Да, цѣнная вещичка; эмаль какая, посмотрите: тончайшая отдѣлка, просто тончайшая. Я купилъ ее на аукціонѣ, она принадлежала князю Л.; у меня ихъ и не одна, правду сказать; я собираю коллекцію.

— Весело носить этакую табакерку! вздыхая, промолвила Аграфена Петровна.

— А про какую это исторію вы говорите?... Какая покойница? Тутъ на картинахъ нѣтъ никакой покойницы.

— Ахъ, батюшка Семенъ Ѳедорычъ! всѣ мы смертные: прійдетъ и нашъ часъ. И ее ужъ нѣтъ, сердечной. Вотъ больше двухъ лѣтъ, какъ умерла.

— Да про кого это вы разсказываете, Аграфена Петровна?

— Про дочку нашего генерала. Славная была дѣвушка, умница, обо всемъ знала. Бывало, какъ сидишь съ ней, чего она не поразскажетъ... да видно лукавый попуталъ: сбилась, совсѣмъ-таки сбилась, ни за что̀ пропала!... Ужъ *онъ* за нее на томъ свѣтѣ поплатится.

— То-есть, кто онъ?

— Да вотъ этотъ живописишка. Вѣдь хотя онъ мнѣ и родственникъ причитается, да Богъ съ нимъ, я давно на него и рукой махнула и знать не хочу. Пропадай онъ совсѣмъ! Какъ лукавый-то попуталъ ее, она и влюбилась въ него...

Осипъ Ильичъ впродолженіе этого разсказа боязливо озирался вокругъ, чтобы кто-нибудь не подслушалъ рѣчей Аграфены Петровны.

— Влюбилась! Знаемъ мы эту любовишку, была и я

молода, всѣ мы были молоды, да спасибо родителямъ: дурь изъ головы какъ-разъ выколачивали. Вотъ видите ли, тогда жива была старушка, его мать; съ полгода назадъ она умерла. Богъ таки-наказалъ его!... Жили они въ бѣдности: сами знаете, въ этомъ званіи скоро ли наживешь копѣйку! А она, Софья-то Николаевна, дочка-то генеральская, подъ видомъ добродѣтели, и ходила всякій день навѣщать старушку, — вишь хитрость какая! Тутъ они и сошлись покороче, а онъ и списалъ съ нея эти портреты, и вѣдь потрафилъ, просто какъ на живую смотришь, да еще и теперь не посовѣстился выставить въ публичное мѣсто,—безсовѣстная душа!... Я провѣдала тогда объ ихъ шашняхъ, все и поразсказала генеральшѣ,—она такъ и ахнула! Что же, батюшка, Семенъ Ѳедорычъ? все поздно было: Софья-то Николаевна вскорѣ и отдала Богу душу.

— Ахъ, какая исторія! воскликнулъ господинъ съ лысиной.—Чего не бываетъ, подумаешь, на свѣтѣ!

Въ эту минуту чья-то рука опустилась на мое плечо. Я посмотрѣлъ назадъ: то былъ мой старый пріятель и товарищъ.

— Хочешь познакомиться съ Средневскимъ?

«Какъ-нельзя-кстати», подумалъ я.—Разумѣется, хочу.

— Пойдемъ же со мной.

Живописецъ, эпизодъ изъ жизни котораго — вѣрный или невѣрный — я такъ нечаянно выслушалъ, стоялъ въ сосѣдней залѣ въ амбразурѣ окна и благоговѣйно внималъ разсказамъ длиннаго человѣка въ предлинномъ сюртукѣ. Подходя къ окну, я слышалъ только нѣсколько словъ, дидакторски произнесенныхъ:

— Художникъ! великое слово... Въ этомъ словѣ вся эссенція человѣческой мудрости. Страшно шутить этимъ словомъ. Вотъ, посмотри хоть бы на эту картину — хорошо, а нѣтъ *этого* — и длинный человѣкъ сжалъ пальцы правой руки и выставилъ эту руку впередъ, вѣроятно, чтобы яснѣе показать, чего нѣтъ, и что такое — *это*.

Я познакомился съ Средневскимъ. Онъ застѣнчиво поклонился мнѣ и, заговоривъ со мной, закраснѣлся... Лицо его было довольно-полно, черты неправильны, но пріятны, бѣлокурые волосы его вились отъ природы. Его черный сюртукъ

былъ довольно-поношенъ и, казалось, сшитъ не по немъ, а купленъ готовый; онъ держалъ въ рукѣ шляпу порыжѣлую и истертую, и смотрѣлъ на длиннаго человѣка, какъ ученикъ смотритъ на учителя.

Длинный человѣкъ продолжалъ:

— Ты талантъ, торжественно тебѣ объявляю—и публика уже оцѣнила твои картины. Твой успѣхъ несомнѣненъ. Иди смѣло впередъ. Ты будешь ближе всѣхъ къ Доминикино, а Доминикино великій мастеръ. Дай Богъ только быть тебѣ счастливѣе его въ жизни.

И длинный человѣкъ, проговоря это, взялъ руку молодаго живописца и многозначительно пожалъ ее.

Живописецъ покраснѣлъ до ушей и несвязно лепеталъ что-то, повертывая въ рукѣ свою истертую и порыжѣлую шляпу.

II.

Во время оно я посѣщалъ литературныя общества. Вы, невинный читатель мой, вѣрно не подозрѣваете, что у насъ въ Россіи это самыя пріятнѣйшія изъ всѣхъ обществъ. Соберутся шесть или семь человѣкъ стихотворцевъ и прозаиковъ; нѣсколько любителей, офицеровъ и статскихъ, въ томъ числѣ одинъ или два артиста. Офицеры — по бо̀льшей части пѣхотные и морскіе, особенно морскіе: они невообразимые охотники до литературы. Статскіе все въ очкахъ, глубокомысленной наружности. Комната не слишкомъ-большая, не слишкомъ-маленькая. Всѣ эти господа пускаютъ изо рта страшныя тучи дыма и пьютъ чай въ стаканахъ съ лимономъ. Литераторы перваго разряда и статскіе въ очкахъ курятъ сигары, литераторы втораго разряда и пѣхотные офицеры—жуковскій табакъ... Облака дыма носятся по комнатѣ и застилаютъ двѣ лампы, безъ того довольно-тускло горящія. Всѣ физіономіи въ туманѣ; дымъ придаетъ этой картинѣ что-то неопредѣленное и до слезъ щиплетъ глаза. Разговоры чудо-какъ занимательны:

— Тебя разругали въ такомъ-то журналѣ.

— Да и чортъ знаетъ за что, братецъ! Я ничего *его* не сдѣлалъ. *Онъ* задираетъ первый.

— А тебя расхвалили?

— Ты счастливъ, тебя вѣчно гладятъ по головкѣ!

— Твои послѣдніе стихи — прелесть, братецъ!

— Ваша повѣсть мнѣ очень понравилась.

— По двѣсти рублей за листъ. — Сколько мы вчера пили!

— Скажите, кого выставили вы въ вашей повѣсти? — «Никого: это лица вымышленныя.» — Неужели? а я думалъ, что вы съ кого-нибудь списали... — Я придерживаюсь напитковъ слабыхъ, какъ-то мадеры, портвейна...

Въ такихъ разнообразныхъ и поучительныхъ разговорахъ время проходитъ незамѣтно; посмотришь на часы — и ужъ далеко-далеко за полночь.

И вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, недѣли три послѣ закрытія выставки, я попалъ въ такое сборище. Тамъ между прочими нашелъ я и новаго знакомца моего, живописца. Онъ, несмотря на огромный успѣхъ своихъ картинъ, о которыхъ говорили и кричали повсюду, сидѣлъ еще скромно въ уголку и смиренно покуривалъ вакштафъ изъ длиннаго деревяннаго чубука.

Я подсѣлъ ко нему.

Онъ протянулъ мнѣ руку очень-искренно и дружески, будто вѣкъ былъ знакомъ со мной.

— Я все собирался къ вамъ мастерскую. Ваши картины, которыя были на выставкѣ, еще у васъ?...

— Да, онѣ еще у меня, отвѣчалъ онъ, посмотрѣвъ на меня: — многіе желаютъ пріобрѣсть ихъ и даютъ мнѣ такую цѣну, которой онѣ вовсе не стоютъ, но мнѣ жаль разстаться съ ними.

«Это очень-понятно, и мнѣ болѣе, чѣмъ кому-нибудь, подумалъ я.» Я вспомнилъ невольно разсказъ барыни о генеральской дочкѣ, подслушанный мною на выставкѣ. Мнѣ хотѣлось узнать, до какой степени этотъ разсказъ вѣроятенъ.

— Не покажется ли вамъ страннымъ и нескромнымъ мое замѣчаніе?... началъ я этою истертою фразою. — Меня, и впрочемъ не одного меня, поразило сходство лица вашей «Ревекки» съ лицомъ дѣвушки на другой картинѣ. — И, сказавъ это, я пристально посмотрѣлъ на него.

Онъ вспыхнулъ и смѣшался.

— Да, это правда, это большой недостатокъ... Это... И онъ не могъ ничего сказать болѣе.

— Э-ге! да видно барыня-то не совсѣмъ солгала... Его смущеніе мнѣ однако очень понравилось. Онъ, кажется, еще слишкомъ-молодъ и, повидимому, жилъ въ большой бѣдности. Что же? это ничего: года черезъ два разбогатѣетъ, да пообтрется въ обществѣ, понасмотрится и поприслушается, а тамъ и перестанетъ краснѣть... Не вѣчно же кутаться и прятаться въ дѣтскихъ пеленкахъ; право, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше сбросить съ себя всѣ эти забавныя украшенія и сойтись лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію...

— Такъ вы рѣшительно не хотите разставаться съ вашими картинами?

— Можетъ-быть, я нехотя долженъ буду разстаться съ ними. Не знаете ли вы князя Б*?

— Нѣтъ, не знаю.

— Онъ пріѣхалъ сюда на время, а живетъ постоянно въ Москвѣ... Князь такъ добръ и такъ расположенъ ко мнѣ: онъ раза два или три въ недѣлю посѣщаетъ мою бѣдную мастерскую и непремѣнно хочетъ имѣть мои картины, — а ему, которому я, въ короткое время знакомства, обязанъ многимъ, ему отказать мнѣ совѣстно...

Въ эту минуту одинъ изъ морскихъ офицеровъ подошелъ къ художнику.

— Чѣмъ изволите заниматься теперь? спросилъ онъ его.

— Оканчиваю два портрета.

— Чьи-съ?

— Генералъ-адъютанта Ф* и графини К*.

«Прекрасно! подумалъ я, — въ добрый часъ! онъ началъ славно.» Я еще что-то хотѣлъ подумать, но вдругъ въ передней раздался звонокъ съ такою силою, что многіе вздрогнули. Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ мѣрными шагами тотъ длинный человѣкъ, котораго я видѣлъ на выставкѣ. Бѣгло взглянувъ на всѣхъ и еще не кланяясь никому, онъ подошелъ къ молодому художнику.

— Очень радъ, что нашелъ тебя здѣсь. Мы только сейчасъ говорили о тебѣ въ большомъ обществѣ, гдѣ были почти все дамы. Ты ихъ съ ума свелъ своими картинами. У дамъ

тонкій, эстетическій вкусъ. Я восторгу дамъ вѣрю болѣе, нежели разсужденію инаго ученаго критика. Да!....

Произнеся это, длинный человѣкъ обратился ко всѣмъ. — Здравствуйте, господа! — Здравствуй, душа моя! здоровъ ли ты? — Здравствуйте! раздавалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ подходили къ длинному человѣку и протягивали ему руки, и онъ всѣмъ привѣтливо улыбался. Три офицера и одинъ статскій молча поклонились ему. Четвертый офицеръ подошелъ къ статскому въ очкахъ и, толкнувъ его подъ бокъ, таинственно шепнулъ ему, указывая глазами на длиннаго человѣка: «Вотъ, mon cher, умъ-то и талантъ! У, у, у! У него обо всемъ такія оригинальныя сужденія; послушай его... А свѣдѣнія какія! Онъ, кажется, всю ученость проглотилъ.»

— Хозяинъ дома, поди сюда! продолжалъ длинный человѣкъ, нахмуривъ брови и между-тѣмъ улыбаясь едва-замѣтно. Ну, прежде всего поцѣлуемся. Вотъ такъ; а потомъ я всѣмъ скажу слово. Присядьте-ка, господа.

Мы всѣ сѣли.

— Между нами есть человѣкъ, котораго имя со-временемъ станетъ на ряду съ именами первыхъ художниковъ, если онъ будетъ уменъ. Мы всѣ будемъ имъ гордиться и его чествовать. Вы догадались, о комъ я веду рѣчь?... И ораторъ посмотрѣлъ на бѣднаго живописца, который потупилъ глаза въ столъ и, казалось, боялся пошевельнуться.

— Да, его произведенія, которыми вы всѣ любовались — диво! Надо умѣть оцѣнить ихъ вполнѣ; въ нихъ бездна того, о чемъ и разсказать нельзя, но что̀ доступно только посвященнымъ въ таинства искусства...

Офицеръ и статскій при этихъ словахъ перемигнулись другъ съ другомъ. Этимъ миганьемъ они хотѣли сообщить другъ другу то удивленіе и тотъ восторгъ, который проникалъ ихъ насквозь отъ обаятельной силы краснорѣчія длиннаго человѣка.

— Дѣло въ томъ, что ты, хозяинъ дома, во славу и дальнѣйшее преуспѣяніе русскихъ художествъ, долженъ непремѣнно угостить насъ шампанскимъ! Сегодня экстренный случай. Мы еще не поздравляли его. Итакъ, первый тостъ за его успѣхи! — И онъ указалъ пальцемъ на бѣднаго живописца, который все еще не поднималъ глазъ.

— Браво, браво! превосходная мысль! раздалось нѣсколько голосовъ — и увы! хозяинъ, волею или неволею, долженъ былъ повиноваться.

Скоро раздался гармоническій звонъ стакановъ, и первая бутылка очутилась передъ носомъ длиннаго человѣка. Онъ любовно посмотрѣлъ на нее, ласково погладилъ ея благородную шею и занялся ея откупориваніемъ.

Съ страшнымъ залпомъ вылетѣла пробка, и шипучая, звѣздистая влага вырвалась на свободу. Стаканы были наполнены. Всѣ обратились къ художнику при пенистовыхъ крикахъ. Онъ старался, и очень-замѣтно, скрыть свое удовольствіе, но не могъ. Въ порывѣ этого удовольствія, онъ схватилъ за руку длиннаго человѣка и крѣпко пожалъ ее; но длинный человѣкъ отдернулъ свою руку и протянулъ къ нему свои объятія.—Поцѣлуемся! сказалъ онъ—и они наклонились другъ къ другу и поцѣловались черезъ столъ.

Потомъ длинный человѣкъ началъ декламировать о томъ, что̀ такое Шекспиръ, что̀ такое Гёте и Шиллеръ, что̀ такое Москва и Петербургъ, Микель Анджело и Рафаэль, какая судьба ожидаетъ художества въ Россіи...

Всѣ слушали его, и дивились ему, и пили. Морскіе офицеры были внѣ себя отъ его рѣчей. Онъ былъ оракуломъ этого маленькаго литературнаго кружка, а потому пилъ больше всѣхъ и поилъ художника. Шампанское потокомъ лилось въ уста оратора, вдохновеніе потокомъ изливалось изъ устъ его. Опорожненныя бутылки начинали вытягиваться строемъ; лица собесѣдниковъ ярко горѣли; въ краткія минуты отдыховъ оратора, уже литераторы втораго разряда смѣлѣе начинали подавать свой голосъ.

Вдругъ длинный человѣкъ приподнялся со стула, облокотился обѣими руками на столъ и торжественно обвелъ глазами все общество. Литераторы втораго разряда тотчасъ смолкли, тишина воцарилась въ комнатѣ.

— Еще слово, и это слово опять-таки къ виновнику нашего пира, къ творцу *Ревекки!* Отъ лица русскихъ художествъ обращаюсь я къ нему и даю слѣдующій совѣтъ...

— Говори же скорѣй и чокнемся! воскликнулъ творецъ «Ревекки»...

— Молчи... Совѣтъ мой будетъ тебѣ полезенъ, и да не

изгладится онъ изъ памяти твоей во всю жизнь. — Ты еще молодъ, неопытенъ, выступаешь на поприще скользкое. Тебѣ Богъ далъ талантъ, и зависть обовьетъ тебя и сдавитъ, какъ змѣи Лаокоона — и тысячи змѣиныхъ головъ устремятся и будутъ шипѣть и изливать ядъ свой. Да, я знаю это по собственному опыту, — но не бойся. Трусость хуже всего; иди смѣло впередъ и не кланяйся на пути прохожимъ. Надобно, чтобы они тебѣ первые кланялись. Не пренебрегай деньгами изъ пустаго идеализма. Деньги — все: они и любовь, и дружба, и счастіе, и слава! Не морщись, — поживи съ мое, узнаешь, правъ ли я. Деньги имѣютъ силу сверхъестественную. Съ деньгами тебѣ неопасны будутъ и змѣи, которыя обовьютъ тебя; покажи имъ горсть золота, онѣ сейчасъ же потеряютъ свою силу и отпадутъ отъ тебя... Итакъ, прежде всего наживи деньги. Искусство искусствомъ, деньги деньгами; одно не только не помѣшаетъ другому, а еще пособитъ. Безъ денегъ нѣтъ внутренняго спокойствія, а безъ внутренняго спокойствія творчество не прійдетъ къ тебѣ. Деньги и деньги! Наживешь деньги — поѣзжай въ Италію, подыши тѣмъ воздухомъ, которымъ дышали Торквато, Рафаэль, Данте, Тиціанъ и Доминикино... Открой въ Римѣ большую и богатую мастерскую, возьми кисти — и пиши... вдохновеніе при такихъ обстоятельствахъ явится къ твоимъ услугамъ, объ этомъ не заботься — и къ тебѣ въ мастерскую нахлынетъ вѣчный городъ и будетъ тебѣ аплодировать. Праздные путешественники съѣдутся со всѣхъ концовъ земли смотрѣть твои картины; журнальные листки прогремятъ о тебѣ... И тогда, тогда только вздохни свободно и легко, и скажи самому себѣ: слава моя упрочена, теперь мнѣ за нее трепетать нечего. Потомъ, если вздумаешь, возвращайся въ Россію, живи и наслаждайся жизнію, пиши даже дурныя картины, если художественныя силы твои истощатся, — ничего: и дурными твоими картинами будутъ всѣ восхищаться, потому-что имя твое уже освящено. Но, не заставивъ кричать о себѣ въ чужой землѣ, ты ничего не выиграешь въ своей. Теперь ты понравился, тебя хвалятъ, ты входишь въ моду; все это непрочно: мода пройдетъ и тебя забудутъ, деньги ты проживешь, а вновь будетъ взять не откуда. Dixi!

И длинный человѣкъ тяжело опустился на свой стулъ.

Опять раздалось громкое *браво*, но художникъ молчалъ, онъ немного попризадумался... однако черезъ минуту налилъ себѣ стаканъ вина, выпилъ вино до капли и закричалъ:

— Что будетъ, то будетъ, а теперь станемъ пить!

— Хорошо сказано! проворчалъ длинный человѣкъ — и снова стаканы наполнились.

Черезъ два дня послѣ этой попойки, въ одномъ петербургскомъ журналѣ объявили самыми громкими, вычурными и безтолковыми фразами, съ маленькою примѣсью чего-то въ родѣ остроумія, что молодой художникъ, г. Средневскій — кандидатъ въ геніи, и что двѣ его картины, восхищавшія всю петербургскую публику на выставкѣ, могутъ смѣло соперничать съ лучшими картинами Тиціана и Рубенса!

III.

Осень, скучная и грязная осень, наступила, и говорили, будто ранѣе обыкновеннаго, хотя въ тотъ годъ въ Петербургѣ совсѣмъ не было лѣта. Я переѣхалъ съ дачи въ началѣ сентября; дождь лилъ ливмя, наводя уныніе; мутное сѣренькое небо оскорбляло зрѣніе; я рѣшился никуда не выходить изъ дома. Въ это время очень-кстати вздумалъ довольно-часто посѣщать меня мой живописецъ. Мы постепенно привыкали другъ къ другу; онъ становился со мною непринужденнѣе, открытѣе, и меня очень занимали его разговоры. Дождь стучалъ въ окна, а намъ у камина было такъ тепло и покойно! Онъ сдѣлался, какъ я замѣтилъ, вообще гораздо развязнѣе, онъ могъ даже спокойно лежать на кушеткѣ, протянувъ ноги, и не вскакивать, если кто-нибудь входилъ въ комнату. Картины свои онъ продалъ князю Б* за большія деньги: это можно было тотчасъ замѣтить, потому-что на немъ былъ коротенькій сюртукъ, дивное произведеніе одного великаго и дорогаго петербургскаго артиста, славно выказывавшій его прекрасную талію; черный атласный платокъ съ длинными концами, небрежно завязанный узломъ и заколотый маленькой золотой булавкой; тонкое бѣлье. Все это преобразило его. И какъ шли къ этому его длинные бѣлокурые волосы, его голубые глаза. Я любовался, глядя на него;

я былъ увѣренъ, что женщины на него заглядывались. И онъ былъ веселъ какъ дитя, забавляющееся новыми игрушками. Первые два портрета удались какъ-нельзя-лучше; объ этихъ портретахъ заговорилъ весь аристократическій людъ и удостоилъ его чести быть своимъ привилегированнымъ портретистомъ. Позолоченныя двери салоновъ отворились передъ нимъ; міръ чудный, роскошный, невѣдомый открылся передъ нимъ: и ковры, и бронзы, и шелкъ, и бархатъ, и мраморъ, и вся эта сказочная роскошь тысячи-одной ночи. Онъ, очарованный, вдохнулъ въ себя эту нѣгу, эту тончайшую амбру, которая такъ непостижимо-усладительно щекочетъ обоняніе бѣдняка, съ-издѣтства болѣе привыкшаго къ геранямъ и ноготкамъ, чѣмъ къ пышнымъ, махровымъ розамъ, геліотропамъ и гіацинтамъ... Ярко и живо описывалъ онъ мнѣ свою робость, которую такъ мучительно ощутилъ онъ въ первый разъ при взглядѣ на расточительность богатства, на наружный блескъ, на этихъ женщинъ, такъ непостижимо-граціозныхъ, такъ страшно-соблазнительныхъ. Когда онъ говорилъ объ нихъ, онъ весь дрожалъ, на глазахъ его блестѣли слезы. Я понималъ его юношескій жаръ, но, слушая его, смѣялся отъ всей души. Ни разу однако въ разговорахъ со мною онъ не касался своего прошедшаго, даже мнѣ показалось — избѣгалъ этого, несмотря на то, что иногда откровенно высказывалъ мнѣ свои задушевныя мысли. Случилось какъ-то, что онъ засидѣлся у меня часа до втораго; я ужъ начиналъ зѣвать — онъ увлекся моимъ примѣромъ, и наконецъ взялся за шляпу; вдругъ мнѣ пришелъ въ голову разсказъ барыни на выставкѣ, я остановилъ его и передалъ ему этотъ разсказъ отъ слова до слова и въ лицахъ.

Когда я кончилъ, онъ положилъ свою шляпу на столъ и бросился на диванъ въ замѣтномъ волненіи.

— Проклятая чиновница! сказалъ онъ: — никакъ не можетъ оставить меня въ покоѣ. Но за себя я прощаю ей; меня возмущаетъ только то, что она осмѣливается тревожить память этой дѣвушки, которую я точно любилъ. Она была чудная, рѣдкая дѣвушка! Воспоминаніе о ней — самое святое воспоминаніе моей жизни. На моихъ картинахъ точно она... Онъ до разсвѣта просидѣлъ у меня, разсказывая исторію этой бѣдной дѣвушки, *дочери чиновнаго человѣка*, и свое знакомство съ нею.

— Я бы готовъ былъ, сказалъ онъ, уходя отъ меня: — жить снова въ бѣдности и неизвѣстности, переносить всевозможныя лишенія, только бы увидѣть ее хоть одинъ разъ еще, услышать ея голосъ. Вѣрите ли, я иногда не сплю по цѣлымъ ночамъ: мнѣ представляется, что я долженъ увидѣть ее, и я жду этого чудеснаго явленія съ сладкимъ трепетомъ сердца— но все напрасно! Мнѣ часто слышится ея походка, и я вздрагиваю.

Этой послѣдней эффектной выходкой, этими таинственными фразами онъ хотѣлъ, казалось, произвести на меня впечатлѣніе, хотѣлъ придать своей прежней любви интересъ поэтическій, — увѣрить меня, что эта любовь была такъ глубока, такъ велика, что на нее не могло имѣть вліяніе даже время всесокрушительное и всеохлаждающее; онъ хотѣлъ обмануть меня, и, самъ не подозрѣвая, обманывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ самого себя. Нешутя пораздумавъ, вѣрно онъ не принесъ бы ничего въ жертву для возвращенія своего прошлаго. Настоящее всегда несравненно существеннѣе, увлекательнѣе и заманчивѣе, несмотря на всѣ краснорѣчивые доводы милыхъ мечтателей... Жизнь внѣшняя впервые явилась передъ нимъ фантастически-разубранная, страстная, какъ вакханка въ вѣнкѣ изъ сочныхъ и продолговатыхъ гроздіевъ, съ соблазномъ на устахъ... и она манила его въ свои роскошныя объятія, звала на свою пламенѣющую грудь, и то небрежно раскидывалась передъ нимъ, то окружала себя мгновеннымъ, ослѣпительнымъ блескомъ...

О, прочь всѣ благоразумные совѣты и предостереженія людей опытныхъ, и высокіе примѣры сомообладанія и самоотреченія! Молодой человѣкъ жаждетъ жизни; у него страшно кипитъ кровь, радостно бьется сердце надеждами, взоръ свѣтлѣетъ любовью и вѣрою, кудри прихотливо и живописно вьются до плечъ — и онъ безъ размышленія предается лукавой чаровницѣ, и онъ, какъ у Шиллера, бросается въ мрачную и страшную бездну за драгоцѣннымъ, золотымъ кубкомъ.

Жизни, жизни ему!. Онъ упивается настоящей минутой, для него прошедшее — мертвая развалина, будущее — туманъ непроницаемый... Онъ, переполненный силами, хочетъ дѣйствовать, а не сидѣть сложа руки, не болѣзненно мечтать и пресмыкаться въ кругу фантомовъ, выходцевъ съ того свѣта,

и безцвѣтныхъ идеаловъ, насильственно вымученныхъ у бѣднаго воображенія.

Моего живописца, слава Богу, занимало все, потому-что для него все было ново — и онъ не успѣлъ выучиться скрывать своего дѣвственнаго восторга. Правда, по странности, свойственной многимъ людямъ, онъ нерѣдко употреблялъ стараніе казаться не тѣмъ, чѣмъ былъ, прикидываться недовольнымъ, идеальничать, говорить разочарованнымъ, элегическимъ тономъ русскихъ стихотвореній, — но это было не надолго: онъ тотчасъ же выходилъ изъ своей неприличной роли, сбрасывалъ съ себя смѣшную маску и являлся въ настоящемъ своемъ видѣ.

И въ эти идеальныя минуты онъ былъ чудо какъ хорошъ!... Онъ требовалъ отъ жизни такого, чего и самъ не могъ растолковать себѣ; онъ хотѣлъ пересоздать всѣхъ и все, придѣлать къ себѣ крылья — и, въ родѣ Амура, летать въ облакахъ и упиваться небеснымъ ароматомъ, и свысока смотрѣть на презрѣнное человѣчество, ползающее внизу. Онъ разсуждалъ о предметахъ совершенно новыхъ, какъ-то: о созвучіи двухъ душъ, о счастіи быть любимымъ не по-здѣшнему, не по-земному; о высшемъ блаженствѣ найдти себѣ дѣвушку, облеченную въ ризы ангельскія, и слиться съ нею въ полной гармоніи, а потомъ умереть, — и проч. и проч., о чемъ прекрасно разсуждаетъ всякій герой какого-нибудь романа или повѣсти въ высокомъ родѣ, написанной для разрѣшенія нравственно-философическаго вопроса. Иногда же онъ толковалъ о томъ, что любить никого не можетъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы «неземная», которую онъ хотѣлъ отъискать, вдругъ откуда-нибудь прилетѣла сама и чистосердечно объявила, что она сгараетъ къ нему самою страстною и вмѣстѣ съ тѣмъ самою небесною любовью. «Любятъ одинъ разъ въ жизни», говорилъ онъ: «нѣтъ той, которую любилъ я — и для меня не можетъ существовать другая любовь!»

Эти слова доказывали однако, что онъ непреодолимо желаетъ любить — и при первомъ удобномъ случаѣ готовъ влюбиться до полусмерти. Такъ прошло два мѣсяца, — и онъ до того пріучилъ меня къ себѣ, что когда не являлся въ условное время, — а это случалось рѣдко, — мнѣ становилось безъ него неловко, скучно. Привычка великое дѣло; къ-тому же я

необыкновенно люблю и уважаю тѣхъ людей, которые отвлекаютъ меня отъ моихъ занятій и даютъ мнѣ предлогъ оправдываться въ бездѣйствіи передъ самимъ собою. Мой юноша говорилъ много объ искусствѣ, и говорилъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ. У него было глубокое чувство — и чувствомъ онъ понималъ то, чего другіе никогда не поймутъ умомъ. Не одно искусство, которому онъ посвятилъ себя, исключительно занимало его, исключительно было доступно ему: онъ много читалъ, онъ былъ въ восторгѣ отъ Гёте; «Вильгельмъ Мейстеръ» былъ его настольною книгою: безконечный поэтическій міръ открывался передъ нимъ въ этой чудной книгѣ; его любимою мыслію было изобразить на картинѣ Миньону; онъ наизусть декламировалъ многія мѣста изъ трагедій Шиллера, и, декламируя, горячился и размахивалъ руками. Надобно было его видѣть въ ту минуту, когда онъ прибѣжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что прочелъ «Мейстера Флò» Гофмана. «Гофманъ великій поэтъ, великій!» кричалъ онъ, бѣгая изъ одного конца комнаты въ другой. «Эти господа, которые кричатъ, что онъ съ талантомъ, но чудакъ, что у него немного разстроено воображеніе,—они не понимаютъ его,—они, эти не-чудаки, эти умники, читая его, видятъ только передъ своими глазами однѣ нелѣпыя и безобразныя фигуры, и не подозрѣваютъ, что подъ этими нелѣпыми фигурами скрываются дивныя, глубокія идеи, идеи, доступныя только поэтической душѣ, живому сердцу, а не ихъ мертвымъ и засушеннымъ умамъ!» Воздушная красавица, незамѣтно скрывавшаяся нѣкогда въ чашечкѣ роскошнаго тюльпана, и снова вышедшая оттуда во всемъ прихотливомъ убранствѣ своемъ, эта непостижимо-плѣнительная принцесса Гамагегъ долго повсюду носилась за моимъ живописцемъ и приводила его въ такой восторгъ, котораго вѣроятно, при взглядѣ на нее, не чувствовалъ и самъ великолѣпный царёкъ блохъ, удивительный мейстеръ Флò. Шекспиръ... но Шекспира мой живописецъ читалъ мало, благоговѣя передъ нимъ болѣе по-наслышкѣ, и если говорилъ о немъ, то съ очень замѣтною умѣренностью. Душа его требовала образовъ идеальныхъ, звуковъ гармоническихъ, мыслей отвлеченныхъ; онъ искалъ въ поэзіи удовлетворенія своимъ личнымъ ощущеніямъ. Ему страшна была эта неумолимая истина, эта наружная холодность, эта могу-

чая полнота жизни въ созданіяхъ великаго; онъ еще не приготовился, чтобы войдти въ этотъ міръ безъ всякихъ украшеній, въ міръ какъ онъ есть, во всемъ своемъ возмутительномъ безобразіи и во всей увлекательной, божественной красотѣ своей; форма этихъ созданій путала его, останавливала на каждомъ шагу, была ему недоступна, удерживала его юношескій восторгъ, не давала разъиграться его чувству, невозвысившемуся до сознанія; ему еще дико казалось это творчество — громадное, безсознательное и безстрастное. И я не удивлялся этому, не противорѣчилъ ему, но всегда съ участіемъ слушалъ его восторженныя рѣчи; только, бывало, когда онъ заговоритъ о небесной «любви» и погрузится въ мечтанія, я преспокойно начиналъ дремать. Онъ замѣтитъ дѣйствіе, произведенное на меня его фантазіями, и самъ расхохочется надъ собою...

Но вмѣстѣ съ осенью кончились наши частыя свиданія, онъ почти пересталъ бывать у меня, несмотря на то, что зимніе пути сообщенія несравненно легче. Сначала это меня удивило; я думалъ, не сердится ли онъ на меня за что-нибудь, и однажды, встрѣтивъ его на улицѣ, шутя замѣтилъ ему, что онъ совсѣмъ разлюбилъ меня. Онъ извинялся, говорилъ, что не имѣетъ минуты свободнаго времени, что заваленъ работой и еще что-то въ этомъ родѣ.

Это была явная отговорка, обыкновенныя фразы, употребляемыя для того, чтобы не совсѣмъ оставлять безъ отвѣта того, кто насъ спрашиваетъ о чемъ-нибудь. Я уже начиналъ забывать о моемъ живописцѣ, но вдругъ общіе слухи о немъ дошли и до меня. Загадка, почему онъ пересталъ ходить ко мнѣ, объяснилась: онъ находился подъ вліяніемъ длиннаго человѣка! Меня это нисколько не удивило: я зналъ, что длинный человѣкъ стоитъ на ловлѣ возникающихъ талантовъ, заманиваетъ къ себѣ неопытныхъ и опутываетъ ихъ своими сѣтями съ большимъ искусствомъ.

IV.

Теперь позвольте мнѣ познакомить васъ покороче съ длиннымъ человѣкомъ. Онъ среднихъ лѣтъ, ходитъ мѣрными

шагами, говоритъ съ разстановкой, важно, увѣрительно, иногда поднимая глаза къ потолку, иногда опуская ихъ къ полу; рѣчамъ своимъ онъ старается всегда придавать таинственность, относятся ли эти рѣчи къ сатаническому поэту Байрону, или просто къ погодѣ. Въ первые годы молодости, онъ искалъ себѣ славы — и славу свою хотѣлъ основать на трехъ, сочиненныхъ имъ, длинныхъ поэмахъ, къ 2,500 стиховъ каждая. Тогда еще у насъ была мода на поэмы. Этими тремя поэмами онъ возъимѣлъ дерзкое намѣреніе сокрушить всю предшествовавшую русскую литературу отъ Ломоносова до Пушкина включительно. А для того, чтобы о его геніи трубили заранѣе повсюду, чтобы вездѣ прославляли его и удивлялись ему, — онъ, еще до напечатанія своихъ длинныхъ поэмъ, собиралъ около себя юношей безвѣстныхъ, невинныхъ и пылкихъ, которыхъ такъ легко приводить въ восторгъ, такъ легко заставлять удивляться. И невинные, и пылкіе отъ всей души аплодировали ему и кричали о немъ, гдѣ только могли кричать. Но вотъ появились наконецъ въ печати длинныя поэмы — и заговорили сами за себя, и произвели эффектъ. Тогда длинный человѣкъ отпустилъ отъ себя невинныхъ и пылкихъ: въ нихъ уже не было ему никакой надобности. Его длинныя поэмы всѣ читали, хоть, можетъ-быть, никто не дочелъ ихъ конца, всѣ хвалили и всѣ говорили: «да посмотрите, какъ онѣ длинны, огромны!» На всѣхъ насъ, русскихъ читателей, — это истина неоспоримая, — дѣйствуетъ еще до-сихъ-поръ гораздо болѣе *количество*, нежели *качество*, и потому наши сочинители, какъ люди умные и смѣтливые, основываютъ всегда свою извѣстность на количествѣ томовъ, и потому мы, напримѣръ, говоримъ: «Пушкинъ — сочинитель «Цыганъ», Херасковъ — творецъ «Россіады»!...

Длинный человѣкъ вполнѣ уразумѣлъ эту великую истину, и общій голосъ включилъ его въ почетную шеренгу *литераторовъ перваго разряда*. Но онъ не удовольствовался этимъ и возжаждалъ — славы! Слава издалека улыбнулась ему, но онъ, при всемъ своемъ умѣ, не понялъ ея двусмысленной улыбки и бросился къ ней, — а она дальше и дальше, а онъ все за ней. Шли годы, его никто не видѣлъ; въ эти годы онъ все гонялся за славой; между-тѣмъ, люди неблагодарные и жестокіе стали помаленьку забывать и его, и его длин-

ныя поэмы. Эгоисты! они требуютъ, чтобы безпрестанно забавлять ихъ и вертѣться у нихъ передъ глазами! Онъ наконецъ возвратился утомленный, не догнавъ ея, этой соблазнительной славы. Тогда, съ болью въ сердцѣ, увидѣлъ онъ свою ошибку. Остаться въ забвеніи онъ не могъ; надобно было придумать средства къ поддержанію своей извѣстности. Какія же средства? Длинный человѣкъ хитёръ и изобрѣтателенъ: чувствуя, что его не достанетъ болѣе и на 300 стиховъ, онъ пересталъ писать стихами и снизшелъ до прозы. Прозой писать, говорятъ, ничего не стоитъ, необыкновенно-легко. Итакъ, онъ снова бросилъ имя свое неблагодарнымъ людямъ подъ какою-то прозаическою статьею. Люди вспомнили о своемъ прежнемъ забавникѣ, и хоть не съ прежнимъ энтузіазмомъ, но заговорили о немъ. Журналисты—души добрыя и неподкупныя, страдальцы, подвергающіеся разнымъ клеветамъ и навѣтамъ своихъ безталанныхъ завистниковъ, они, пріятели длиннаго человѣка, объявили благосклонной публикѣ, что длинный человѣкъ пишетъ мало и прозой оттого, что не хочетъ писать много и стихами; а стоитъ ему захотѣть—и появится удивительная, не только поэма, но цѣлая эпопея въ шесть разъ больше виргиліевой «Энеиды».

Между-тѣмъ, длинный человѣкъ уединился въ собственное величіе, понялъ тщету земнаго; онъ изподтишка лукаво улыбается и думаетъ: «Ждите, ждите моей поэмы, друзья мои, и смотрите на меня съ надеждою, я проведу всѣхъ васъ! Я буду жить теперь не для вашего удовольствія, а для своего; я окружу себя молодыми поэтами, музыкантами, живописцами, всѣми возможными талантами, на которыхъ только обращено вниманіе: изъ нихъ я составлю блестящую рамку для своего собственнаго портрета, и мной вы будете любоваться и говорить про меня: онъ другъ такому-то первому художнику, такому-то первому композитору, онъ все знается съ «первыми»!... Художники, особенно молодые, довѣрчивый и недогадливый народъ: они не поймутъ, что мнѣ они необходимы для собственнаго моего украшенія... Человѣкъ совѣстливый — за услугу, которую они, сами не подозрѣвая, оказываютъ мнѣ,—я научу ихъ философіи жизни; я разверну передъ ними біографіи геніевъ и докажу имъ, какъ дважды-два — четыре, что все великое и прекрасное не оцѣняется современниками

и терпитъ на землѣ горькую участь. Если они испугаются этой мысли, я скажу имъ: вздоръ, пугаться нечего; хорошее прячьте отъ людей, давайте имъ посредственное и берите за это съ нихъ денегъ, какъ можно больше денегъ. Съ деньгами же и веселитесь, и пейте.—Не даромъ пили и веселились геніальные художники: стало-быть, вино хорошо!»

И вотъ, благодаря своему успѣху, мой живописецъ записался въ несмѣтное число друзей его и поступилъ на вакансію какого-то стараго друга, который, изучивъ вполнѣ «философію жизни», поблагодарилъ длиннаго человѣка за его уроки и удалился.

Я не зналъ, что этотъ литературный Мефистофель, передѣланный на русскіе нравы, этотъ длинный человѣкъ давно уже заманивалъ къ себѣ моего юношу. Правда, на томъ литературномъ вечерѣ, гдѣ былъ я, куда и васъ осмѣлился ввести, читатель мой, и я, и вы замѣтили, что онъ, нешутя, за нимъ ухаживалъ; что, подавая ему совѣты, онъ тогда же, кажется, намѣревался мало-по-малу посвящать его въ свои таинства. И должно отдать ему справедливость: онъ такъ мастерски растревоживалъ самолюбіе своей жертвы, такъ пріятно льстилъ этому неугомонному самолюбію! Онъ на себѣ извѣдалъ, что самолюбіе есть вѣрнѣйшій проводникъ къ человѣческому сердцу.

Длинный человѣкъ любилъ публичную жизнь. Онъ былъ повсюду: и въ театрахъ, и въ концертахъ, и въ рестораціяхъ, и на улицахъ. Юноша мой всегда рядомъ съ нимъ; онъ сдѣлался его неразлучнымъ спутникомъ... Не вините моего юношу: праздная и разгульная жизнь кому не была въ свое время по сердцу?

Сколько знакомствъ доставилъ ему длинный человѣкъ, и какихъ знакомствъ! Въ Петербургѣ, какъ и во всѣхъ европейскихъ столицахъ, есть особенный классъ молодыхъ людей, которыхъ вы не встрѣтите никогда и ни въ какомъ обществѣ. Они составляютъ свое отдѣльное братство и равно подсмѣиваются надъ фешенеблями большаго свѣта и надъ любезными кавалерами средняго сословія. Это—молодежь веселая и безпечная, для которой жизнь ровно ничего не стоитъ, для которой въ жизни нѣтъ ничего такого, надъ чѣмъ бы стоило призадуматься, для которой всякій день — столы, уставленные

жирными устрицами, и трюфелями, и кровавыми ростбифами, и бутылками разныхъ формъ и величинъ: съ звѣздистымъ, замороженнымъ шампанскимъ, которое дѣйствуетъ такъ скоро, съ бархатнымъ, подогрѣтымъ лафитомъ, который дѣйствуетъ такъ медленно, и съ сокрушительной, темноцвѣтной мадерой, и съ густымъ, пѣнистымъ портеромъ, и съ этою ароматною влагою въ золотыхъ бутылкахъ съ береговъ Рейна...

Эти господа молодые люди родятся и воспитываются для того, чтобы одѣваться по послѣдней картинкѣ, спать до перваго часа, пить кофе и курить сигару до трехъ часовъ, а съ трехъ до пяти гулять по Невскому проспекту для возбужденія аппетита, а съ пятаго до восьмаго обѣдать и пить у Дюмѐ или въ другихъ ресторацiяхъ, а съ восьми до пяти утра пить и... вообще веселиться.

Корифеями этого разгульнаго братства всегда бываетъ нѣсколько человѣкъ, носящихъ старинныя аристократическія фамиліи и имѣющихъ довольно-значительное состояніе; около нихъ-то собираются остальные — люди разныхъ сословій, и легонькіе дворяне, проматывающіе свое крошечное состояньице, и купчики-франты, разрушающіе немилосердно капиталы, скопленные многолѣтними трудами и усиліями бородатыхъ отцовъ ихъ,—и все изъ высокой чести, изъ одного высшаго наслажденія участвовать въ княжескихъ или графскихъ забавахъ и прохаживаться съ извѣстнымъ и знатнымъ человѣкомъ по Невскому проспекту, такъ, чтобы всѣ видѣли. Къ нимъ присоединяются иногда французскіе артисты, изрѣдка даже русскіе художники. За бокалами шампанскаго сближаются скоро; эта влага производитъ дѣйствіе чудное: она располагаетъ сердца къ искренности, она усмиряетъ барскую спѣсь, заставляя забывать и великолѣпныхъ предковъ и полосатые гербы съ коронами...

Длинный человѣкъ былъ давно въ пріязни съ нѣкоторыми членами этого братства, и онъ познакомилъ съ ними моего живописца...

И для него начались пиры за пирами, дни въ чаду, во снѣ, и ночи безъ сна—нескончаемая вереница безобразныхъ вакханалій, отъ которыхъ претяжелое похмѣлье и престрашная пустота въ сердцѣ. Новые товарищи его были довольны имъ; они не понимали только одного, почему онъ, *добрый*

малый, часто скученъ сидитъ въ громѣ общаго веселья и задумывается, тогда-какъ они ни о чемъ не думаютъ. «Онъ пьетъ довольно для новичка», восклицали многіе: «онъ подаетъ блистательныя надежды, онъ молодецъ, ему скоро прискучитъ шампанское — вино дѣтей, онъ перейдетъ къ винамъ зрѣлаго возраста.»

— Умно замѣчено! восклицалъ длинный человѣкъ.—Это вѣрный взглядъ на вина! Но нельзя съ такимъ пренебреженіемъ отзываться и о шампанскомъ. Въ шампанскомъ нѣтъ солидности, — такъ; зато въ немъ есть поэтичность, которой нѣтъ въ другихъ винахъ.

— Вино вещь хорошая, господа, замѣтилъ мой юноша, у котораго голова начинала кружиться:—но всякій день одно и то же, пиры за пирами...

— Какіе пиры? раздалось нѣсколько удивленныхъ голосовъ.

О, невинность! онъ не зналъ, что эта буйная жизнь только ему представлялась въ видѣ пировъ, а для прочихъ окружающихъ его была обыкновенное препровожденіе времени, существенная, крайняя необходимость, какъ для насъ обѣдъ, чай...

Деньги становились для него очень важны, онъ начиналъ понимать цѣну деньгамъ. Вино, платье, извозчики — все это такъ дорого, а женщины... о, въ туманѣ винныхъ паровъ мелькали передъ нимъ головки темнорусыя, и бѣлокурыя, и черныя: изъ нихъ нѣкоторыя, право, были очень-недурны; эти головки улыбались ему, иныя впрочемъ ужасно отвратительно, а вотъ эта съ длинною черною косой, съ влажными глазами...

Денегъ, денегъ! И онъ съ заспанными глазами, полудремлющій, для добыванія денегъ принимался за портреты. Писать портреты чрезвычайно прибыльно, и вся мастерская его была загромождена портретами.

— Что, деньги — вещь хорошая? спрашивалъ его длинный человѣкъ.

— Да, но безъ денегъ нѣтъ соблазновъ, безъ денегъ я былъ покойнѣе. У меня теперь голова безъ мыслей, и такая тяжелая! Ни за что не хочется приняться; только и могу малевать физіономіи. Чѣмъ же все это кончится?

Длинный человѣкъ медленно покачалъ головой.

— Не то! съ важностью произнесъ онъ.—Я люблю искусство, или нѣтъ? отвѣчай мнѣ.

— Любишь.

— Такъ знай же, что тобой я дорожу болѣе, чѣмъ... ну чѣмъ бы? болѣе, чѣмъ самимъ собою,—и при этомъ онъ поднялъ указательный перстъ. Слѣдовательно, если бы тебѣ могла повредить теперпшняя жизнь твоя, тогда я первый вывелъ бы тебя неволею изъ этого содома и сказалъ бы: «не обращайся назадъ, а не то бѣда.» Да! кого я полюбилъ, съ тѣмъ я всегда дѣйствую деспотически. Но успокойся, не думай ни о чемъ, продолжай веселиться; товарищи наши, конечно, люди ограниченные,—да и они пригодятся, и ими можно современемъ воспользоваться; они богаты и глупы. Пиши теперь портреты,—ничего, такъ должно! Не кручинься о томъ, что у тебя въ головѣ нѣтъ мыслей. Погоди: внутренняя твоя художническая сила, что̀ тамъ во глубинѣ-то, въ свое время, когда надобно, пробудится въ тебѣ и заговоритъ громко, рѣзко, повелительно: поди въ свою келью, запрись, не пускай къ себѣ никого, твори — и безъ твоего усилія все пойдетъ, какъ слѣдуетъ. Настанетъ это время, и самъ я наклонюсь къ твоему уху и шепну тебѣ: брось всѣхъ этихъ безумцевъ, гулякъ; не теряй минуты, не пренебрегай внутреннимъ голосомъ и помни, что искусство — святыня!

Время шло, а длинный человѣкъ не наклонялся къ уху своего друга и не шепталъ ему ничего; внутренній голосъ живописца также молчалъ. Ему становилась въ тягость вся эта праздношатающаяся ватага его пріятелей. Однако онъ еще прогуливался съ ними по Невскому проспекту; ему опротивило вино, однако онъ пилъ также много, только поморщиваясь; ему надоѣли петербургскія улицы, прямыя и однообразныя, съ высокими и гладкими каменными стѣнами, а онъ только по утрамъ сидѣлъ дома. Болѣзненное равнодушіе овладѣло имъ; онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ; ему ни съ кѣмъ не хотѣлось говорить; ему ни о чемъ не хотѣлось думать..

— Добрый знакъ! утѣшалъ его длинный человѣкъ: отъ этой апатіи ты скоро перейдешь къ сильной дѣятельности. Повѣрь мнѣ: приготовляй теперь краски, палитру и кисти; закупай полотна, а я между-тѣмъ объявлю въ газетѣ, что ты

замышляешь огромную картину, которая превзойдетъ все, что мы доселѣ имѣли въ живописи.

— Ради Бога, не дѣлай этого! вскричалъ живописецъ, пробужденный отъ своей дремоты: — можно ли такъ гнусно обманывать! Я не могу писать и рѣшительно ничего не напишу.

— Когда тебя не спрашиваютъ, молчи. Я лучше тебя знаю все, даже и тебя-то самого. Картину ты напишешь, а если и не напишешь, такъ не велико горе. Людей морочить позволительно; это имъ полезно. О тебѣ давно не говорили въ печати, надо разсѣять безсмысленные городскіе толки, что ты пьешь и ведешь жизнь праздную. Эти тупыя головы думаютъ, что художникъ, какъ чиновникъ съ знакомъ отличія безпорочной службы, долженъ исправно ходить къ своей должности, умѣренно пить и ѣсть, чтобы не отягощать желудка, ложиться во-время, да по воскресеньямъ въ бѣломъ галстухѣ прогуливаться до обѣда на Невскомъ или въ Лѣтнемъ саду.

— А обо мнѣ говорятъ, что я веду буйную жизнь?

— Вотъ ужъ и испугался! Не хочешь ли ты въ-самомъ-дѣлѣ, въ угоду имъ, сдѣлаться чиновникомъ? Да избавитъ тебя отъ этого Рафаэль!...

V.

Въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца, въ одно сіяющее утро, когда въ Петербургѣ благоуханіе весны смѣшивалось съ запахомъ грязи, которую счищали съ улицъ, мнѣ очень захотѣлось пройдтись и подышать этимъ свѣжимъ воздухомъ. Я было взялся за шляпу, какъ дверь комнаты моей съ шумомъ отворилась, и передо мною, вообразите мое изумленіе, стоялъ живописецъ. Болѣе полугода онъ не былъ у меня, и я думалъ, что мы совершенно раззнакомились, но онъ такъ радушно и крѣпко пожалъ мою руку, какъ-будто мы съ нимъ все попрежнему были коротко знакомы; онъ, казалось, такъ радъ былъ меня видѣть; онъ, слава Богу, не извинялся и не оправдывался передо мною: эти извиненія и оправданія всегда нестерпимо-пошлы. Откровенно разсказалъ онъ мнѣ о своей разгульной жизни, смѣялся надъ своими безпутными пріяте-

лями и съ восторгомъ выхвалялъ мнѣ умъ и таланты длиннаго человѣка. «Я слышалъ, о немъ многіе отзываются дурно», прибавилъ онъ, будто предвидя возраженіе съ моей стороны на эту похвалу: «но совершенно-напрасно; надобно знать его такъ близко, какъ я знаю, чтобы имѣть право судить о немъ.»

Я еще ничего не успѣлъ сказать, а все слушалъ его и все смотрѣлъ на него, и убѣждался, что онъ быстрыми шагами шелъ къ совершенству. Въ эти полгода онъ ужъ мастерски развернулся и съ успѣхомъ изучилъ небрежную манеру свѣтскихъ щеголей. Ему не доставало только ихъ милыхъ, но немного дикихъ привычекъ, да еще ихъ благовоспитанной дерзости. Увы! послѣднее качество дается рожденіемъ, совершенствуется воспитаніемъ. Кстати, я припомнилъ, что аристократическая манера, эта неограниченная свобода во всякомъ обществѣ со всѣми и вездѣ, не измѣняя себѣ, обращаться одинаково, быть всегда какъ у себя дома, соблазняла многихъ людей средняго сословія. Они, люди впрочемъ очень хорошіе и добрые, захотѣли вести себя также свободно и равнодушно, и, не подозрѣвая того, сдѣлались невѣроятно-смѣшны, непозволительно-каррикатурны: свѣтская дерзость и развязность у нихъ превратились въ оскорбительную наглость, въ пошлую провинціальную грубость. На нихъ нельзя было смотрѣть безъ сожалѣнія, а бѣдныхъ никто не предостерегъ. и они, не подозрѣвая своей нелѣпости, были очень-довольны собой, воображали, что необыкновенно милы и удивительно какъ всѣхъ собой озадачиваютъ.

Мой живописецъ никогда не могъ быть пошлымъ, развѣ — и то изрѣдка — немножко смѣшнымъ, можетъ-быть. Онъ имѣлъ вѣрный глазъ и чудное искусство усвоивать себѣ то, что мелькомъ успѣлъ увидѣть въ молодыхъ людяхъ большаго свѣта.

Онъ въ короткое время дошелъ въ своей наружности до того, что, если бы какими-нибудь неисповѣдимыми судьбами ему удалось попасть въ толпу блистательнаго бала, или пышнаго раута, на него никто не указалъ бы пальцемъ, отъ его прикосновенія никто бы не поморщился. А это ужъ много! Передъ нимъ его собратія, русскіе художники, казались чуда-

ками, дикарями, Готенготами. Они чувствовали это и преостроумно подсмѣивались надъ его франтовствомъ.

— Вы принимали во мнѣ нѣкогда участіе, сказалъ онъ мнѣ: —и я къ вамъ пришелъ съ доброю вѣстію о себѣ. За четыре дня передъ этимъ я не зналъ, что съ собой дѣлать, мнѣ было такъ грустно, я надоѣлъ самому себѣ, а теперь я снова ожилъ, и такъ неожиданно... Лучшія надежды мои могутъ осуществиться, — то, о чемъ я всегда бредилъ и на-яву и во снѣ!

Онъ вынулъ изъ боковаго кармана письмо и отдалъ его мнѣ.

— Прочтите. Что вы объ этомъ думаете?

Это письмо было отъ князя Б., который купилъ его картины. Князь чрезвычайно ласково и убѣдительно приглашалъ его пріѣхать въ Москву прожить тамъ до осени. «Мой московскій домъ», писалъ онъ: «къ вашимъ услугамъ. Я велю все приготовить въ комнатахъ, что нужно для вашей художнической дѣятельности и для вашего спокойствія; но вы сдѣлали бы мнѣ еще болѣе удовольствія, если бы согласились провести лѣто въ моемъ подмосковномъ селѣ вмѣстѣ со мною.» Осенью же князь съ своею дочерью отправлялся въ Италію и приглашалъ его ѣхать вмѣстѣ съ собою. Князь просилъ какъ можно скорѣйшаго отвѣта на его предложеніе, и прибавлялъ ко всему этому, что каждому русскому, особенно художнику, передъ отъѣздомъ въ чужіе краи необходимо надобно прежде побывать въ Москвѣ и покороче познакомиться съ этимъ истинно-русскимъ городомъ.

— И вы вѣрно воспользуетесь такимъ прекраснымъ случаемъ? спросилъ я моего живописца, возвращая ему письмо.

— Да, я рѣшился, совершенно рѣшился, тѣмъ болѣе, что князь человѣкъ благородный, вовсе не тщеславный, не желающій корчить мецената. Онъ совсѣмъ непохожъ на этихъ князей, которыхъ всегда изображали намъ въ русскихъ повѣстяхъ.

Молодой человѣкъ въ замѣтномъ волненіи началъ прохаживаться по комнатѣ.

— Я рѣшился; да, я поѣду, говорилъ онъ: — сегодня же я напишу отвѣтъ къ князю. Петербургъ мнѣ смертельно наскучилъ, я здѣсь ничего не могу дѣлать... Такъ вы совѣ-

туете мнѣ воспользоваться этимъ предложеніемъ?... И я наконецъ увижу Италію... Мнѣ что-то не вѣрится. Я буду въ Римѣ и въ Неаполѣ, я буду ходить по той землѣ, по которой ходили всѣ *они!* Да сбудется ли это?

Онъ вдругъ оборотился ко мнѣ; на глазахъ его дрожали слезы; въ эту минуту онъ нисколько уже не былъ похожъ на свѣтскихъ щеголей. Нѣкоторые изъ нихъ, съ которыми онъ обѣдалъ и пилъ, расхохотались бы надъ нимъ при этомъ дѣтскомъ восторгѣ и послѣ такихъ съ его стороны поступковъ смотрѣли бы на него немного съ сожалѣніемъ.

Черезъ полторы недѣли живописецъ давалъ прощальный ужинъ для своихъ короткихъ знакомыхъ. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ. Тутъ присутствовало между прочими нѣсколько литераторовъ перваго и втораго разрядовъ, и, разумѣется, во главѣ ихъ длинный человѣкъ. Литераторы, по обыкновенію, очень много пили и, по обыкновенію, съ большимъ чувствомъ разсуждали о предметахъ близкихъ ихъ сердцу: о томъ, какъ одинъ журналистъ поссорился съ другимъ, какіе они теперь смертельные враги, и какъ остроумно издѣваются другъ надъ другомъ, какъ литератора одной партіи переманили въ другую партію за *лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей*, и проч. Да еще одинъ, судя по физіономіи, сочинитель съ большимъ талантомъ, возставалъ противъ повѣстей, гдѣ свирѣпствуютъ чиновники. «Стòитъ ли того», замѣтилъ онъ: «чтобы ими заниматься, чтобы до нихъ дотрогиваться? Разверните исторію, и передъ вами возстанутъ громадные, гигантскіе, колоссальные образы, умѣйте только эти образы заключить въ тѣсную, сжатую рамку повѣсти...»

— Въ самомъ дѣлѣ, господа — воскликнулъ кто-то не изъ литераторовъ: — оставьте въ покоѣ чиновниковъ. Они очень сердятся на васъ за то, что вы ихъ *критикуете въ своей литературѣ*. Я слышалъ даже, что они хотятъ когда-нибудь собраться, да общими усиліями написать на васъ презлую сатиру въ формѣ *отношенія* къ вамъ.

Длинный человѣкъ пилъ и ораторствовалъ, по привычкѣ, болѣе всѣхъ. Голосъ его покрывалъ всѣ голоса.

За ужиномъ онъ обратился къ отъѣзжающему.

— Смотри, произнесъ онъ, поднявъ вверхъ указательный перстъ: — не раскаявайся послѣ, что не послушалъ меня.

Къ-чему тебѣ ѣхать такъ рано? Что̀ тебѣ до осени дѣлать въ Москвѣ? Москва, конечно, городъ большой, но не европейскій. Къ-тому же, въ Москвѣ можно только проживать деньги, а не наживать. Москва отстала на столѣтіе отъ Петербурга. Впрочемъ, тамъ ѣдятъ хорошо, и народъ гостепріимный. Занимаются тамъ также философіей, такъ называемой «московской», ну, да Богъ съ ними! (Онъ махнулъ рукой)... Настоящаго кремана тамъ и за 20 руб. не найдешь; — а почемъ ты покупалъ это вино? вино доброе... Я предпочитаю бургонь-муссё — клико, кто что̀ ни говори!

Всѣ литераторы втораго разряда, никогда невыѣзжавшіе изъ Петербурга, были восхищены замѣчаніями длиннаго человѣка о Москвѣ. Градъ остроумія и каламбуровъ посыпался изъ устъ ихъ на Москву и на бѣдныхъ московскихъ жителей. Изъ этихъ остротъ и каламбуровъ былъ даже впослѣдствіи слѣпленъ водевильчикъ, который, говорятъ, не принятъ театральною дирекціей.

Первые лучи восходящаго солнца озарили блѣдныхъ и разстроенныхъ гостей, которые толпою возвращались съ ужина живописца домой, но длиннаго человѣка не было среди ихъ: онъ не узрѣлъ великолѣпнаго свѣтила дня, въ нетлѣнномъ убранствѣ своемъ восходившаго на горизонтъ,— его отвезли домой уснувшаго.

На другой день послѣ этого ужина, въ исходѣ десятаго часа утра, дилижансъ перваго заведенія отправился изъ Петербурга въ Москву. Одинъ изъ пассажировъ, бѣлокурый молодой человѣкъ, грустно сидѣлъ или дремалъ, прислонясь головою къ подушкѣ и закрывъ лицо воротникомъ шинели. При поворотѣ съ Царскосельской дороги на Московскую, онъ вскочилъ, будто разбуженный кѣмъ-нибудь, высунулся въ окно, посмотрѣлъ на петропавловскій шпицъ, который блестѣлъ золотой иглой на блѣдно-сѣромъ небѣ, и опять прислонился къ подушкѣ, и опять закрылъ лицо воротникомъ шинели. То былъ мой живописецъ.—«Прощай, Петербургъ!» думалъ онъ: «можетъ быть я тебя и не увижу болѣе. Прощай! Только въ минуту разставанья съ тобой я понялъ, что мнѣ можетъ взгрустнуться по тебѣ.»

Теперь, о, читатель мой! позвольте мнѣ отдохнуть. Я, вмѣсто собственнаго разсказа, могу вамъ представить нѣсколько выдержекъ изъ журнала моего живописца, который онъ посылалъ въ Италію къ своему товарищу. Эта выдержка послужитъ продолженіемъ его приключеній... Журналъ его доставленъ мнѣ тѣмъ, къ кому онъ былъ адресованъ.

VI.

26 мая 183... Москва.

...Я ужъ болѣе мѣсяца въ Москвѣ, и до-сихъ-поръ не могу къ ней приглядѣться. Правда, всякій небольшой городокъ, только раскинувшійся на горѣ, поразилъ бы меня, меня, варвара, никогда невыѣзжавшаго изъ Петербурга, но ты все-таки не можешь представить себѣ того безконечно-глубокаго впечатлѣнія, которое произвелъ на меня этотъ дивный, семисотлѣтній, безконечный городъ божіихъ храмовъ. Знаешь ли ты, счастливчикъ, перелетѣвшій изъ Петербурга въ Римъ, что ты слишкомъ много потерялъ, не видавъ нашей родной Москвы? Ты не имѣешь понятія о настоящемъ русскомъ городѣ. Не смѣйся надъ истертымъ выраженіемъ: Москва — сердце Россіи, въ полномъ и высокомъ значеніи этихъ словъ. Она живая, величественная лѣтопись нашей славы народной. Вотъ ея святой Кремль съ золотыми, сердцеобразными куполами, съ безчисленными крестами, между которыми красуются старинные двуглавые орлы, почернѣвшіе отъ времени; съ пестрыми теремами и башнями; съ Иваномъ Великимъ, который господствуетъ надо всѣми громадами зданій. Эти столѣтніе камни производятъ эффектъ поразительный. Войди въ эти мрачные и узкіе соборы, взгляни на темныя иконы, въ тяжеловѣсныхъ, драгоцѣнныхъ окладахъ и кивотахъ, передъ которыми горятъ неугасаемыя лампады; на царственные гробы, на мощи святыхъ чудотворцевъ... Здѣсь является наша Русь, облеченная торжественно въ свои древнія ризы, во всемъ очарованіи поэтическомъ.

И какъ живописно раскинулась Москва по горамъ и пригоркамъ, съ совершенно барскимъ привольемъ и прихотями, съ истинно русскою неразсчетливостью, и какъ роскошно утонула она въ зелени садовъ и бульваровъ своихъ!

Сколько переулковъ и закоулковъ въ Москвѣ! и всѣ эти переулки зигзагами: нѣтъ ни одной улицы прямой, — Москва ненавидитъ прямыхъ линій. И какая она пестрая, узорчатая! Какъ она любитъ украшать домы свои гербами, балконы позолотою, а вороты львами! Повѣришь ли, я каждый день, гуляя, открываю новые виды, новыя картины, и всегда неожиданно. Мнѣ необыкновенно нравятся эти отдѣльные, красивые деревянные дома на скатахъ горъ, въ тѣни душистыхъ сиреней и липъ, а на берегу Москвы-рѣки деревянныя лачужки, одна къ другой прилѣпленныя, нищета которыхъ прикрывается роскошью зелени густо разросшихся березъ и рябинъ. Къ этимъ лачужкамъ ведутъ переулочки, превращающіеся въ тропинки, исчезающія подъ горой. Здѣсь, недалеко отъ Драгомиловскаго моста, я часто стою по вечерамъ и смотрю на противоположный берегъ рѣки: вонъ виднѣются двѣ каменныя пирамиды съ двуглавыми орлами, — это Драгомиловская застава, а за нею Поклонная гора и даль, сливающаяся съ горизонтомъ. Кстати, я набросалъ въ своемъ дорожномъ портфёлѣ виды Москвы отъ Симонова монастыря и съ Поклонной горы. Съ этой-то горы величаво, во всемъ протяженіи своемъ, предстала она орлинымъ очамъ Наполеона, и онъ ждалъ ее, колѣнопреклоненную

...съ ключами стараго Кремля;

а она, для спасенія своей Руси, уготовляла себѣ костеръ, сама зажигала его, и, страшно возставая изъ дыма и пламени, прорицательно указывала владыкѣ полміра на померкавшую звѣзду его!...

Если бы могъ я передать тебѣ, какъ нравится мнѣ Москва! Сколько отрадныхъ, свѣтлыхъ минутъ она доставила мнѣ! На-дняхъ вечеромъ, именно наканунѣ праздника вознесенія, я отправился въ Кремль. Вечеръ былъ теплый, лѣтній. Долго бродилъ я по Царской площади, зашелъ въ Чудовъ монастырь, и вспомнилъ «Бориса Годунова» Пушкина, эту келью, въ которой отецъ Пименъ передъ лампадой дописывалъ свое *послѣднее сказанье*, и Григорія, который въ минуту, когда кровь бунтовала въ немъ и когда его покой «бѣсовское мечтанье тревожило», любовался величавымъ спокойствіемъ отжившаго старца... Когда я вышелъ изъ собор-

ной монастырской церкви, начинало темнѣть; на площади никого не было; городской шумъ замиралъ въ отдаленіи; тихій звонъ колоколовъ торжественно и гармонически разливался въ воздухѣ; огни нигдѣ еще не зажигались, но Замоскворѣчье уже облекалось въ синій туманъ, уже Воробьевы горы исчезали; но на темнѣющемъ небѣ горѣли въ двухъ или въ трехъ мѣстахъ облитыя свѣтомъ пирамидальныя колокольни праздничныхъ церквей... Я съ полчаса простоялъ на одномъ мѣстѣ; замоскворѣцкія зданія стали сливаться въ одну неопредѣленную массу—и скоро на всемъ этомъ пространствѣ, опоясывавшемъ подножіе Кремля, огоньки засвѣтились въ окнахъ, мелькая и перебѣгая, и то потухали, то снова вспыхивали. Въ эту минуту я ни о чемъ не думалъ, я смотрѣлъ, мнѣ было хорошо и весело... Весь вечеръ я чувствовалъ такую полноту, силу и такое спокойствіе...

Повѣришь ли, что даже московскія гулянья мнѣ нравятся несравненно больше петербургскихъ?... Кремлевскій садъ необыкновенно хорошъ. Несмотря на то, высшее общество не удостоиваетъ его своимъ посѣщеніемъ: въ этомъ саду гулянье народное—и я иногда сижу здѣсь въ вечерній часъ, въ большой аллеѣ, любуясь движущимися передо мной фигурами. Какое разнообразіе! Среди различныхъ особъ женскаго пола медленно прохаживаются молодые и старые купчики съ бородками и безъ бородокъ; бѣгаютъ студенты, ищущіе случая полюбезничать; ходятъ армейскіе офицеры съ густо нафабренными усами и блестятъ своими эполетами (увы! въ Москвѣ эполеты большая рѣдкость), и гремятъ своими саблями, и озадачиваютъ публику своими султанами, и кушаютъ шоколадъ въ садовой кондитерской при восхитительныхъ звукахъ тирольской пѣсенки, сопровождаемой очаровательнымъ брянчаньемъ на арфѣ,—кушаютъ шоколадъ и бросаютъ побѣдоносные взгляды на худощавую, малиноваго цвѣта пѣвицу, на эту Хлою въ пастушеской шляпкѣ, удивительно закатывающую глаза подъ лобъ. Сколько здѣсь венгерокъ и синихъ, и зеленыхъ, и съ кистями, и съ аграмантами! Я не знаю, къ какому классу людей принадлежатъ эти господа въ венгеркахъ, но они прелестны. Всѣ они носятъ предлинные волосы, отъ которыхъ въ Петербургѣ пришли бы въ ужасъ, и небольшіе усики, завитые въ кольца. Ходятъ они — локти

впередъ, покачиваясь и напѣвая. Портреты этихъ господъ можно видѣть на московскихъ цирюльныхъ и другихъ вывѣскахъ... Я, какъ живописецъ, не могу смотрѣть безъ особеннаго чувства на здѣшнія вывѣски: онѣ мнѣ доставляютъ неисчерпаемое удовольствіе. Дамы, изображенныя на нихъ въ подвѣнечныхъ платьяхъ и вуаляхъ, а кавалеры въ венгеркахъ съ эспаньолками, во фракахъ съ блестящими пуговицами, даже въ чулкахъ и башмакахъ, — могли бы красоваться на нашей выставкѣ и плѣнять зрителей, любящихъ болѣе всего въ картинахъ яркость колорита. Въ Петербургѣ нѣтъ такихъ вывѣсокъ. Въ Москвѣ столько же венгерокъ, сколько въ Петербургѣ вицъ-мундировъ, столько же толстыхъ франтовъ, сколько въ Петербургѣ тоненькихъ. Московскіе толстые франты съ неимовѣрно дикими прическами, медленно, важно, съ одышкою прохаживаются по Тверскому бульвару, а петербургскіе, ты знаешь, стригутъ волосы гораздо короче, ходятъ по Невскому довольно скоро, а иные, ужъ очень тоненькіе, просто бѣгаютъ. Москва, сколько я могъ замѣтить, живетъ или для потребности желудка и спокойствія тѣла, или для внутреннихъ, духовныхъ потребностей, а Петербургъ — весь во внѣшней жизни. Ему нѐкогда мыслить; онъ вѣчно въ движеніи, вѣчно занятъ: бѣгаетъ по Невскому, сочиняетъ дорогой проекты, танцуетъ, кланяется, изгибается — и все для выгодъ; набираетъ акціи, перепродаетъ ихъ, забѣгаетъ на публичныя лекціи — съ желаніемъ мимоходомъ проникнуть въ таинства языка, для усовершенствованія своего канцелярскаго слога; даетъ обѣды, вечера, балы, рауты, и все это для угожденія тому-то, или для полученія того-то. Москва веселится просто изъ желанія веселиться, даетъ обѣды и балы единственно по неограниченному добродушію своему и гостепріимству... Я не выдаю всего этого за непреложную истину, но мнѣ такъ кажется, и такъ разсказываютъ многіе люди знающіе. Москва, патріархальная и лѣнивая, никогда не достигнетъ этого блестящаго развитія практической стороны жизни, до которой изволилъ возвыситься. Петербургъ... Только на берегахъ Невы можно набивать свои карманы. Вотъ и я, по милости Петербурга, теперь съ деньгами! Да здравствуетъ Петербургъ! о, милая моя родина, на которую я такъ неблагодарно нападаю!...

Ахъ, чуть-было не забылъ тебѣ сказать, что въ Москвѣ есть невиданныя дивы: кареты и коляски, ровесники ноеву ковчегу, издающія страшный свистъ, скрипъ и брянчаніе, да еще казачки сзади этихъ полу-ковчеговъ, а у козачковъ на головахъ шапки въ видѣ пополамъ разрѣзанной дыни, красныя суконныя, съ золотыми и серебряными шнурочками и съ кистью на маковкѣ. Это очень мило!...

Я познакомился со многими здѣшними литераторами. Они о своихъ сочиненіяхъ толкуютъ меньше, чѣмъ наши петербургскіе, и увѣряютъ, будто пишутъ совсѣмъ не для денегъ. Это мнѣ показалось дико. Вотъ безкорыстные чудаки! подумалъ я, и невольно вспомнилъ нашего умнаго и милаго Рябинина *). Я къ нему непремѣнно напишу объ этомъ, — да не повѣритъ, злодѣй! Напрасно онъ предрекалъ мнѣ, что я соскучусь въ Москвѣ; на этотъ разъ онъ, мудрый прорицатель, ошибся. Несмотря на мою дружбу съ нимъ, я не могу до-сихъ-поръ понять въ немъ многаго, и между прочимъ, какимъ образомъ ему могла не понравиться Москва, которую онъ торжественно называетъ Азіею, да еще зачѣмъ онъ допускалъ въ наши пріятельскія бесѣды людей отраниченныхъ и посредственныхъ. Неужели съ его проницательнымъ умомъ, съ его опытомъ, онъ можетъ восхищаться тѣмъ, что они безсмысленно удивляются рѣчамъ его и восторгаются отъ каждаго его слова? неужели ихъ нелѣпыя похвалы могутъ льстить ему?

Я чуть-было не забылъ сказать тебѣ, что живу на Тверской, въ княжескихъ чертогахъ. Передъ ними обширный дворъ и красивая рѣшотка, а надъ воротами ея преизрядной величины гербъ. Комнаты отведены мнѣ внизу и съ отдѣльнымъ подъѣздомъ. А какъ меблированы онѣ! мебель вся изъ Петербурга, и патѐ, и кушетки, и кресла съ разными вычурными спинками. Мастерская моя довольно обширна и устроена съ роскошью. Князь—добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Его вниманіе ко мнѣ заставляетъ краснѣть меня. Дочери его я еще не видалъ, потому-что князь переѣхалъ до пріѣзда моего въ подмосковное село свое за 20 верстъ отъ города, и я въ огромномъ домѣ одинъ. Пре-

*) Фамилія длиннаго человѣка.

красная коляска къ моимъ услугамъ; однако, я мало пользуюсь ею: ты знаешь, что я большой охотникъ ходить пѣшкомъ. Я хотѣлъ-было тотчасъ послѣ пріѣзда отправиться въ деревню къ князю, но случилось такъ, что онъ пріѣхалъ въ это время въ Москву по дѣламъ и прожилъ въ ней три дня. Онъ далъ мнѣ мѣсяцъ срока на знакомство съ Москвою и въ-продолженіе этого мѣсяца полную свободу, а потомъ взялъ съ меня честное слово переѣхать къ нему въ подмосковную...

Срокъ этотъ кончается; черезъ два дня я ѣду туда. Говорятъ, будто дочь князя красавица, что отъ нея вся Москва въ очарованіи. Посмотримъ...

VI.

30 мая. Село Богородское.

По обѣимъ сторонамъ большой *** дороги, почти на версту, протягиваются красивые крестьянскіе домики села Богородскаго, принадлежащаго князю Б***. За ними, немного въ сторонѣ отъ этой дороги, на значительномъ возвышеніи, изъ-за густой зелени выходитъ обширный княжескій домъ и пятиглавая церковь. Темная дубовая аллея ведетъ къ дому—массивному зданію временъ екатерининскихъ, и оканчивается круглой лужайкой противъ главнаго фасада; въ серединѣ ея, на высокой клумбѣ, растетъ нѣсколько кустовъ сирени. У парадпаго подъѣзда покоятся два льва, смотрятъ другъ на друга и придерживаютъ лапами шары. Кадки съ апельсинными и померанцовыми деревьями стоятъ по обѣ стороны подъѣзда, надъ которымъ балконъ, поддерживаемый каріатидами. Два флигеля, выдавшіеся впередъ, соединяются съ большимъ домомъ полукруглыми галлереями.

Все это я разглядѣлъ послѣ, а въ ту минуту, когда подъѣзжалъ къ княжескимъ хоромамъ, я вовсе былъ не въ такомъ расположеніи духа, чтобы спокойно заняться разсматриваніемъ мѣстности. Я попризадумался немного о самомъ себѣ, и отъ нечего-дѣлать сравнивалъ мое прошедшее съ настоящимъ, дивился своимъ незаслуженнымъ успѣхамъ, вспомнилъ о тебѣ и о всѣхъ васъ, товарищахъ моего дѣтства,

близкихъ мнѣ по сердцу, которыхъ судьба разметала въ разныя стороны. Качка коляски расположила бы меня, вѣроятно, еще къ какимъ-нибудь думамъ, но вдругъ лакей, сидѣвшій на козлахъ, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Вотъ, сударь, княжна изволятъ прогуливаться верхомъ...

— Гдѣ? спросилъ я, вздрогнувъ и осматриваясь.

Въ концѣ дубовой аллеи, въ которую только-что повернула моя коляска, увидѣлъ я двухъ всадницъ, возвращавшихся домой съ гулянья, въ сопровожденіи жокея. Ты будешь смѣяться надо мной, если скажу тебѣ, что я смутился не на шутку отъ такой нечаянности. Втрѣтиться съ княжною, еще не зная ее, показалось мнѣ очень неловко: поклониться ли ей, или проѣхать мимо, какъ-будто не замѣчая ее? что̀ дѣлать?... Я сказалъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ тише, чтобы не обгонялъ дамъ, но кучеръ не слыхалъ моихъ словъ: четверня моя неслась, а дамы ѣхали шагомъ... У меня забилось сердце отъ какой-то глупой боязни обратить на себя насмѣшливые взоры княжны. Мнѣ почему-то представлялось, что она непремѣнно должна посмотрѣть на меня насмѣшливо... Коляска уже нагнала ихъ... Тутъ только одна изъ всадницъ, въ синемъ амазонскомъ платьѣ и въ черной круглой шляпѣ, откинула отъ лица вуаль, повернула свою голову, посмотрѣла на знакомый ей экипажъ, на меня, незнакомаго ей—и сказала два слова своей спутницѣ, которая тоже обернулась. Въ глазахъ у меня рябѣло. Я могъ замѣтить только, промчавшись мимо всадницъ, что у одной изъ нихъ темные волосы, у другой рыжеватые, что одна очень стройна, другая безобразно-худощава. Коляска остановилась у одного изъ боковыхъ подъѣздовъ...

У двери этого подъѣзда стоялъ бѣлокурый мальчикъ лѣтъ десяти, въ красной рубашкѣ съ золотымъ поясомъ и съ цвѣткомъ въ рукѣ, точно на картинкѣ. Когда я выскочилъ изъ коляски и вошелъ въ длинный корридоръ. мальчикъ побѣжалъ за мною.

— Это вы тотъ гость, котораго ждалъ папенька? спросилъ онъ, нахмурясь и осматривая меня.

— А кто твой папенька?

— Развѣ вы его не знаете? Папенька, Демидъ Петровичъ.

Лакей, провожавшій меня, объяснилъ мнѣ, что Демидъ Петровичъ—главный управляющій и дворецкій князя.

— Папенька велѣлъ, продолжалъ мальчикъ:—приготовить вамъ комнаты туда, окнами въ садъ. Князь ему приказалъ... Да куда жъ вы идете? надо направо.

Такъ же богато убранныя комнаты, какъ въ московскомъ домѣ, ожидали меня и здѣсь. Только въ этомъ убранствѣ слишкомъ замѣтны претензіи на деревенскую простоту. Окна точно выходятъ въ садъ, и въ комнатѣ, назначенной мнѣ для спальни, кусты жимолости, прислонившіеся къ самымъ стекламъ, могутъ замѣнять шторы.

Чемоданы мои тотчасъ были принесены, и я началъ переодѣваться. Мальчикъ, положивъ руки на столъ и опершись на немъ своимъ подбородкомъ, все пристально смотрѣлъ на меня...

— А что, миленькій, ты не знаешь, князь дома? спросилъ я его.

— Можетъ-быть дома, а можетъ-быть и въ саду, — и вдругъ онъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ, показывая цвѣтокъ:

— А этотъ цвѣтокъ мнѣ подарила сегодня княжна.

— Она тебя любитъ?

— Она все цѣлуетъ меня и даетъ мнѣ конфекты... Хотите, я вамъ подарю леденецъ? А вотъ и папенька пришелъ...

Въ самомъ-дѣлѣ, въ дверяхъ показался низенькій, толстенькій человѣкъ съ рѣдкими на головѣ волосами, съ круглымъ лицомъ и въ бѣломъ накрахмаленномъ галстухѣ.

— Прикажете ли къ вамъ велѣть принести завтракъ, сказалъ онъ, поклонясь мнѣ съ чувствомъ собственнаго достоинства и придавая каждому слову своему особенную важность: — или вы пожалуете завтракать къ князю? Онъ сейчасъ только узналъ отъ княжны о вашемъ пріѣздѣ и прислалъ меня къ вамъ.

Княжна сказала ему о моемъ пріѣздѣ! Это немного удивило меня.

— Потрудитесь доложить князю, что я иду къ нему.

— Хорошо, сударь... А ты, Ванюша, что̀ здѣсь изволишь

дѣлать? И управляющій полустрого, полуласково обратился къ своему сыну.

— Не сердитесь на него, сказалъ я: — онъ со мной познакомился и, кажется, полюбилъ меня. Онъ все до вашего прихода занималъ меня разговорами. Я ему очень благодаренъ.

— Что̀ касается до этого, онъ у меня, я вамъ скажу, мальчикъ неглупый, и все бы, изволите видѣть, какъ слѣдовало, да ея сіятельство княжна изволитъ насъ немножко побалывать. Ваня! пойди-ко къ маменькѣ домой, а я сейчасъ иду къ князю доложить о вашей волѣ.....

Князь прохаживался по большой залѣ, украшенной сверху до низу картинами, заложивъ руки назадъ. Увидя меня входящаго, онъ пошелъ ко мнѣ на встрѣчу.

— Очень, очень радъ вашему пріѣзду, говорилъ онъ, взявъ меня за руку... Ну что̀? вы насмотрѣлись на нашу пеструю Москву? Теперь вы совсѣмъ къ намъ въ деревню, не правда ли?

— Да, князь, совсѣмъ. Какое у васъ чудесное собраніе картинъ! замѣтилъ я, съ любопытствомъ смотря на стѣны.

— Здѣсь еще не всѣ, не всѣ, — и лицо князя замѣтно просіяло, онъ оживился. Мой дѣдъ былъ большой любитель живописи и знатокъ. Вамъ извѣстно, что и я немножко знаю толкъ въ картинахъ. У меня есть славныя вещи изъ школы Каррача, оригиналы Гвидо и Альбани. Погодите, мы съ вами...

Онъ не договорилъ, потому-что вдругъ въ сосѣдней комнатѣ кто-то съ силою ударилъ по клавишамъ, такъ-что мы оба вздрогнули, и вслѣдъ за этимъ раздался женскій голосъ, сильный, звучный и страстный, доходящій до сокровенной глубины души.

— Это, кажется, послѣдняя сцена изъ глюковой «Армиды». Дочь моя съ нѣкотораго времени, къ сожалѣнію, пристрастилась къ нѣмецкой музыкѣ, сказалъ съ улыбкою князь, подходя къ двери комнаты, откуда раздавались звуки. Я слѣдовалъ за нимъ.

Въ этой комнатѣ за роялемъ сидѣла она. Ея темные волосы длинны и густы, ея локоны опущены до плечь, ея бѣлое, немного-продолговатое лицо едва-едва оттѣняется легкимъ румянцемъ; круглыя брови немножко приподняты; длинныя

рѣсницы въ-половину закрываютъ блѣдно-голубые глаза, которые иногда кажутся сѣрыми; все это вмѣстѣ такъ хорошо, такъ легко и воздушно, что на нее нельзя насмотрѣться. Я недавно прочелъ шекспировъ *Сонъ въ лѣтнюю ночь*, и мнѣ кажется, что Титанія должна непремѣнно походить на княжну... Но все это — *слова, слова*... они не дадутъ тебѣ и приблизительнаго понятія о ней, объ этой княжнѣ. Къ-тому же всѣ описанія красоты, какъ-бы ни были краснорѣчивы, до невѣроятности надоѣли и прискучили... Не даромъ же въ Москвѣ ее величаютъ красавицей. Она, должно быть, точно,

Какъ величавая луна,
Средъ женъ и дѣвъ блеститъ одна.

Она поразила меня съ первой минуты; я остановился передъ нею, проникнутый благоговѣйнымъ трепетомъ, какъ передъ дивной картиной великаго мастера, и не могъ отвести отъ нея глазъ; сердце мое сильно билось въ груди... Боже, Боже, кàкъ хороша она!

Она не замѣтила, какъ я и князь вошли въ комнату. Мы остановились у окна. Она продолжала пѣть... глаза ея горѣли, она, казалось, вся была проникнута вдохновительною силою композитора. Вдругъ, вообрази мое удивленіе, на половинѣ сцены княжна смолкла. Раза два зѣвнула, впрочемъ съ большою граціею, потомъ перевернула ноты, лежавшія на пюпитрѣ, еще зѣвнула, и наконецъ оборотилась къ окну.

Она нимало не удивилась, увидѣвъ князя, и посмотрѣла на меня съ ужасающимъ равнодушіемъ.

— Браво, браво, Lise! воскликнулъ князь, когда она подходила къ нему:—зачѣмъ же ты не продолжала? мы тебя расположились слушать. Однако лучше, если бы ты спѣла намъ что-нибудь изъ Россини.

— Кàкъ я устала! сказала княжна:—кàкъ мнѣ жарко! если бы вы могли вообразить, кàкъ я устала! Мы съ миссъ Дженни ѣздили верхомъ, и вѣрно сдѣлали верстъ десять. Бѣдная Дженни теперь лежитъ.

Князь представилъ меня дочери.

Она сдѣлала едва-замѣтное движеніе головою, мелькомъ взглянувъ на меня.

«О, какая она важная!» подумалъ я.

— Что же? мы будемъ сегодня завтракать? продолжала княжна, обращаясь къ отцу:—я ужасно проголодалась...

— Завтракъ готовъ.

Мы отправились въ залу. Удовлетворивъ свой аппетитъ, княжна, утомленная, сѣла въ кресла и прислонилась головой къ высокой подушкѣ этихъ креселъ.

— Зачѣмъ же ты ѣздишь такъ далеко? спросилъ ее князь. Не дурно ли тебѣ? ты такъ блѣдна!

— О, нисколько!... И она вскочила съ креселъ и съ быстротою изумительною очутилась у балкона, заставленнаго цвѣтами, позабывъ объ усталости, на которую жаловалась за минуту передъ тѣмъ.

— Зачѣмъ здѣсь такъ много наставили тюберозъ? отъ нихъ всегда такой сильный запахъ, отъ нихъ у меня болитъ голова.

— Не правда ли, въ этомъ старикѣ есть что-то рембрандтовское? сказалъ мнѣ князь, не обращая вниманія на капризы дочери и показывая на одну изъ картинъ, изображавшую старика за книгой.

Я подошелъ поближе къ картинѣ. Картина точно была недурна, и я распространился въ похвалахъ ей. къ немалому удовольствію князя, который, сколько я замѣчаю, ужасно-высоко цѣнитъ свою небольшую галлерею.

Княжна подошла къ намъ. Она посмотрѣла на меня въ этотъ разъ довольно-милостиво и довольно-пристально.

— Не правда ли, Москва очень скучна? спросила она меня.

— Я еще не успѣлъ въ ней соскучиться; для меня въ Москвѣ все такъ ново...

— Да!... вы любовались видами.

— Кстати, гдѣ эти московскіе виды, которые ты сдѣлала карандашомъ на-память?

— Я разорвала ихъ.

— Можно ли это?... Князь пожалъ плечами.

— Княжна любитъ заниматься рисованіемъ? осмѣлился спросить я, не обращая однако вопросъ мой прямо къ ней.

— О, я большая артистка! отвѣчала она очень серьёзно.

Цѣлый день, возвратясь отъ князя, я устраивалъ свои комнаты и обѣдалъ у себя. Вечеромъ, часу въ десятомъ, онъ

прислалъ меня звать къ чаю. Тутъ я увидѣлъ, кромѣ рыжей и молчаливой англичанки, новое лицо — тетушку князя и бабушку княжны, дѣвицу лѣтъ 65-ти, въ морщинахъ, съ маленькими усиками, съ блестящими перстнями на сухощавыхъ рукахъ, ненавистницу всего новаго, безъ-умолка воркующую про блаженныя времена Екатерины и Павла. Чай былъ приготовленъ въ комнатѣ, отдѣланной во вкусѣ помпейскомъ. Это любимая комната князя. Княжна сама разливала чай; мы всѣ усѣлись около круглаго стола, на которомъ блестѣлъ великолѣпный серебряный самоваръ... Руки княжны точно изваяны изъ мрамора, пальцы продолговатые, тонкіе и бѣлые. Она подала чашку своей бабушкѣ, потомъ мнѣ. Бабушка отвѣдала чай и поморщилась.

— Ты, странное дѣло, ворчала она:—до-сихъ-поръ не можешь выучиться приготовлять какъ слѣдуетъ чай: или слишкомъ сладко, или совсѣмъ безъ сахара. Я, въ твои лѣта, Lise, была такая мастерица дѣлать и разливать чай, что, бывало, свѣтлѣйшій князь Борисъ Дмитріевичъ, который ѣзжалъ къ намъ всякій Божій день, выпивалъ чашекъ по пяти моего чая и не могъ имъ нахвалиться, а онъ былъ знатокъ въ чаѣ!

Княжна улыбнулась.

— На васъ не угодишь. Не правда ли, мой чай не такъ дуренъ, какъ увѣряетъ бабушка? сказала она, обращаясь ко мнѣ.

Не знаю отчего, но я смѣшался, покраснѣлъ и несвязно пробормоталъ что-то.

Старушка съ усиками престрашно посмотрѣла на меня.

Княжна не могла не замѣтить моего смущенія. Можетъ оттого, что ей стало жаль меня, она снова обратилась ко мнѣ.

— И вы вѣрно будете пить еще? Я не устану наливать вамъ. Мнѣ только хочется доказать бабушкѣ, что и моего чая можно выпить до пяти чашекъ.

Дрожащею рукою подалъ я княгинѣ выпитую чашку и поблагодарилъ ее.

Князь позвонилъ и велѣлъ подать сигаръ.

— Вы курите? спросилъ онъ меня.

— Очень мало и рѣдко... А ты знаешь, какой я охот-

никъ курить, и въ эту минуту я сталъ бы курить съ большею пріятностью, но пускать дымъ при дамахъ и въ такой великолѣпной комнатѣ — мнѣ показалось невѣжливо.

Княжна, въ то время, какъ бабушка подозвала къ себѣ зачѣмъ-то лакея, взяла со стола сигару и подала ее мнѣ и сказала вполголоса: «Пожалуйста, курите».

— Въ деревнѣ смѣло можно курить и при дамахъ, прибавилъ князь.

Старушка съ усиками, увидѣвъ меня съ сигарою во рту, еще страшнѣе посмотрѣла на меня.

— Курить при дамахъ, заворчала она, относясь къ князю: — на дачѣ, въ деревнѣ или въ городѣ въ наше время считалось величайшимъ невѣжествомъ. Я помню, какъ молодой графъ, сынъ графа Александра Кирилловича, однажды на блистательномъ балѣ у покойной матушки, — на балѣ, который удостоила своимъ посѣщеніемъ блаженныя памяти императрица, — сказалъ при дамахъ, что онъ охотникъ до трубки. Что жъ бы вы думали, князь? Да мы, дѣвицы, перестали смотрѣть на него, всѣ отъ него стали бѣгать, какъ отъ чумы.

— Времена не тѣ, бабушка!

— Знаю, княжна, знаю. Вы теперь ни за что не въ претензіи: при васъ мужчины лежатъ, а васъ это нимало не оскорбляетъ.

Вчера утромъ я гулялъ по саду и встрѣтился съ княжною, которая довольно привѣтливо отвѣчала на мой поклонъ. Она шла съ своей рыжей англичанкой, миссъ Дженни. На ней было темное платье и полосатая мантилья. Какъ все, что ни надѣнетъ она, къ лицу ей! Долго провожалъ я ее глазами, покуда она совсѣмъ исчезла за деревьями... Другъ! такую дѣвушку я вижу первый разъ въ жизни. Въ ея походкѣ, въ ея малѣйшемъ движеніи необъяснимая грація, въ ея взглядѣ сила и очарованіе, отъ котораго тщетно стараешься высвободиться; въ голосѣ ея звучность и мягкость, такъ могущественно дѣйствующая на душу... Не брани меня за мои восторженныя рѣчи. Слышишь ли? я никогда не видалъ такой дѣвушки, рѣшительно никогда... Прежняя любовь моя кажется мнѣ смѣшною и жалкою. Это было желаніе любви,

а не любовь: это былъ первый ребяческій лепетъ сердца... Но полно! я что-то хотѣлъ сказать тебѣ о княжескомъ садѣ... Да, этотъ садъ, несмотря на свою огромность, содержится въ величайшемъ порядкѣ. Мѣстоположеніе его красиво, потому-что гористо. Отъ дома до большаго озера прямыя, классическія, подстриженныя аллеи, установленныя мраморными бюстами Гераклита, Демокрита и другихъ шутовъ древности, точно какъ въ Лѣтнемъ саду. За озеромъ же мастерски расплапированный англійскій садъ.

Вечеромъ мы катались въ линейкѣ, князь и я, княжна и англичанка. Окрестности здѣшнія удивительно живописны; жаль, что мало воды. Княжна два раза была въ чужихъ краяхъ и съ энтузіазмомъ говорила мнѣ о Неаполѣ и его окрестностяхъ. Прости мнѣ! по ея отрывочному разсказу я составилъ себѣ гораздо яснѣйшее понятіе объ этомъ чудномъ городѣ, чѣмъ по твоимъ подробнымъ письмамъ... Я начинаю обращаться съ нею свободнѣе, я перестаю бояться ея... Она совсѣмъ не такъ горда, какъ показалось мнѣ въ первый разъ. Сколько я могъ до-сихъ-поръ замѣтить, она глубокая дѣвушка, съ душою полною и прекрасною... а наружность ея, наружность!

О, теперь вижу я, что только блестящее воспитаніе большаго свѣта даетъ женщинѣ эту волшебно-поэтическую, художественную форму. Противъ этого нѣчего спорить. Мнѣ становятся отвратительны, гадки и глупы всѣ выходки противъ большаго свѣта нашихъ и другихъ сочинителей, особенно нашихъ. Я всѣмъ бы имъ сказалъ: *зеленъ виноградъ*, милостивые государи! Неужели, въ самомъ дѣлѣ, общество генеральши Поволокиной лучше?

Если умному человѣку непремѣнно надобно толкаться въ обществѣ, такъ пусть онъ толкается тамъ, гдѣ по-крайней-мѣрѣ хоть внѣшность ослѣпительна, а не оскорбительна. Я думаю, ни ты, другъ мой сердечный, ни я не въ состояніи идти теперь на *балокъ* къ г-жѣ Липрандиной, гдѣ мы нѣкогда, воспитанники академіи, въ синихъ мундирахъ съ золотыми галунами, такъ отъ души выплясывали по воскресеньямъ съ барышнями и восхищали ихъ своею любезностью?...

VII.

8 іюня.

Съ половины апрѣля до сей минуты мы пользуемся такой неоцѣненной погодой, что, право, не завидуемъ вамъ, живущимъ въ странахъ, благословенныхъ Богомъ и дивно изукрашенныхъ его щедротами. Я каждый день вижусь съ княжной, часто гуляю съ ней; въ двѣ недѣли я сдѣлался человѣкомъ домашнимъ въ домѣ князя. Она показывала мнѣ рисунки свои: въ этихъ рисункахъ много таланта, но всего болѣе я люблю ее за роялемъ. Музыка просвѣтляетъ ее. Едва проникнется она гармоніей любимца своего, Моцарта,—обыкновенно веселое и безпечное лицо ея вдругъ дѣлается задумчивымъ; глаза принимаютъ выраженіе неясное, туманное, но за этой туманностью неизмѣримый міръ любви и блаженства!

Въ ноябрѣ князь располагаетъ быть въ Римѣ, и я наконецъ обниму тебя послѣ безконечной разлуки,—и ты увидишь ее. Тогда рѣшишь, правъ ли я, прибавилъ ли я хоть одно лишнее слово, говоря объ ней... Я до того счастливъ теперь, что иногда сдается мнѣ, будто такое полное счастье не можетъ быть продолжительнымъ, и мнѣ становится страшно за себя... Я начинаю совершенно мириться съ жизнію. Другъ, она прекрасна, эта жизнь! Я убѣждаюсь, что въ ней-то, цвѣтущей и могучей, а не въ собственныхъ грезахъ должны мы искать собственнаго удовлетворенія... И люди, право, не такъ гадки, какъ говорятъ и пишутъ объ нихъ... Я тебѣ долженъ передать двѣ занимательныя новости.

Третьяго дня я получилъ два письма изъ Петербурга: одно отъ Осипа Ильича Теребенина и его достопочтенной супруги Аграфены Петровны, которые изъ всѣхъ силъ и самымъ отборнымъ канцелярскимъ слогомъ стараются увѣрить меня, что всегда принимали во мнѣ нѣжнѣйшее участіе, считали меня ближайшимъ своимъ родственникомъ, благодарятъ теперь Бога за мое счастіе и проч. и проч. Все это предисловіе ведетъ къ тому, что Аграфенѣ Петровнѣ очень хочется къ слѣдующему новому году быть статской совѣтницей, и она съ чего-то изволила вообразить, что князь возьмется хлопотать объ этомъ. Какова?

Другое письмо отъ нашего пріятеля Рябинина. Оно удивило и обрадовало меня. Я тебѣ выпишу нѣсколько строкъ изъ этого письма, и ты увидишь, въ чемъ дѣло:

«Знаешь ли что? не улыбайся, я говорю нешутя. Съ охотою поѣхалъ бы я съ княземъ Б*** въ чужіе края, если у него будетъ лишнее мѣсто, для того только, чтобы не разставаться съ тобой. Ты сдѣлался необходимъ моему духовному бытію. Да! часто въ головѣ моей блеснетъ мысль яркая, лучезарная... но съ кѣмъ раздѣлить ее? людей много вокругъ, людей со смысломъ и съ чувствомъ, но они не такъ глубоко поймутъ меня, какъ ты. Въ странѣ любви и искусствъ, мы вмѣстѣ преклонили бы колѣни передъ твореніями избранниковъ Божіихъ, и въ одно время въ душахъ нашихъ затеплилась бы молитва!... Къ-тому же, я могу быть полезенъ князю, какъ писатель; пожалуй, я велъ бы путевыя записки; ты вѣрно взялся бы сдѣлать къ моему тексту нѣсколько рисунковъ; все это князь издалъ бы великолѣпно, какъ прилично меценату. Похлопочи-ка объ этомъ, да подъѣзжай къ князю половче, похитрѣе. Если это удастся, то я скоро обниму тебя и крѣпко прижму къ груди моей... А вѣдь ей-Богу славно бы мы прокатились, да еще и на чужой счетъ...»

Чудакъ! онъ не можетъ обойдтись безъ всякихъ фразъ ни въ письмахъ, ни въ разговорѣ; онъ безпрестанно твердитъ о деньгахъ, и оттого о немъ многіе думаютъ, какъ о человѣкѣ, для котораго нѣтъ другаго кумира, кромѣ денегъ, о немъ, такъ пламенно и безкорыстно преданномъ искусству!

Я тотчасъ же пошелъ къ князю.

Князь былъ въ своемъ кабинетѣ. Кабинетъ этотъ весь заваленъ англійскими гравюрами и заставленъ избранными картинами, особенно нравящимися князю... Этой чести удостоилась и моя «Ревекка», недостатки которой начинаютъ только теперь выясняться мнѣ...

— Читали ли вы, мой милый, началъ князь, увидя меня: — читали ли вы разсужденіе о живописи Леонарда да-Винчи? Эту книгу не вездѣ можно достать; впрочемъ, она переведена на французскій языкъ. Къ ней приложены рисунки, сдѣланные Пуссеномъ. Сколько тутъ мыслей, сколько вѣрности во взглядѣ! Прочтите, она у меня есть; я только сейчасъ все думалъ о ней. У меня библіотека полная, старинная, что

хотите найдете въ ней; есть сочиненія очень рѣдкія. Пожалуйста, пользуйтесь ею.

Я поклонился князю.

— Полноте; я вамъ говорю это не для того, чтобы вы благодарили меня. Мы съ вами познакомились такъ, что церемоніи можно въ сторону... Знаете ли, что Леонардо да-Винчи между прочимъ былъ и поэтъ, какъ и Микель-Анджело? Онъ написалъ сонеты и одинъ, совсѣмъ недурной по тогдашнему времени, дошелъ до насъ...

— Я не зналъ этого, князь.

— Да, да; это извѣстно... О, сколько наслажденій въ Италіи готовится вамъ, молодой человѣкъ!... Вѣрите ли, что я завидую вамъ? Для меня уже тамъ нѣтъ ничего новаго: мнѣ извѣстенъ каждый сокровенный уголокъ въ самомъ незначительномъ монастырѣ. У меня, надо сказать вамъ, есть инстинктъ угадывать, гдѣ хорошее; иногда по этому инстинкту я отыскивалъ удивительныя картины, о которыхъ, — князь взялъ меня за руку и наклонился ко мнѣ, — о которыхъ не подозрѣваютъ и сами итальянцы. Хотите ли меня имѣть своимъ чичероне?

— Мнѣ это будетъ очень лестно, князь, отвѣчалъ я.

— Вамъ должно непремѣнно, и поскорѣй, прежде всего познакомиться съ флорентинской школой, съ этой матерью всѣхъ школъ, которая произвела Леонарда да-Винчи и Микель-Анджело. А венеціанская школа? а великій Тиціанъ? Правда, въ его историческихъ картинахъ вы не найдете исторической вѣрности: онъ не заботился объ изученіи древностей; но, несмотря на это, онъ великій живописецъ. Вѣдь и въ шекспировыхъ историческихъ драмахъ исторія часто прихрамываетъ, а все-таки Шекспиръ геніальный поэтъ!

Сказавъ это, князь началъ прохаживаться по комнатѣ, потомъ остановился передо мною и посмотрѣлъ на меня. — Знаете ли вы, сказалъ онъ мнѣ, указывая на картины: — моя жизнь въ этомъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ во мнѣ родилась страсть къ живописи. Я могъ бы служить и выслуживаться; одно мое имя открываетъ дорогу ко всѣмъ почестямъ, но я предпочитаю свободную и независимую жизнь всему на свѣтѣ. Вотъ отчего я живу въ Москвѣ и только заглядываю въ Петербургъ.

Добрый князь никогда не былъ такъ расположенъ къ откровенности, какъ въ сію минуту. Это ясно увидѣлъ я по выраженію лица его, по рѣзкимъ движеніямъ, которыхъ прежде не замѣчалъ въ немъ. Мнѣ показалось удобнымъ воспользоваться этой минутой, и я, намекнувъ ему сначала о томъ, что во время нашихъ странствованій по Италіи недурно было бы вести путевыя записки, которыя можно посвятить особенно предметамъ, относящимся до художествъ,— указалъ ему на Рябинина, какъ на литератора опытнаго, извѣстнаго, и — главное — занимающагося издавна изученіемъ художествъ.

Сильно подѣйствовало на князя мое предложеніе.

— Превосходно, превосходно! восклицалъ онъ. — Какъ прежде мнѣ не приходило это въ голову?... Превосходно!... Я благодаренъ вамъ за этотъ намекъ. Да! путевыя записки, посвященныя на описаніе всѣхъ сокровищъ, которыми обладаетъ Италія... Превосходно! Но согласится ли ѣхать съ нами г. Рябининъ?

— Онъ мой хорошій знакомый; я напишу къ нему, и заранѣе увѣренъ въ его согласіи.

— У насъ, кажется, ничего не было до-сихъ-поръ въ этомъ родѣ! продолжалъ воспламененный князь: — превосходно!... Вы берете на себя живописную часть, не правда ли?... Я ничего не пожалѣю на это изданіе, оно сдѣлается извѣстнымъ всей Европѣ... мнѣ знакомы лучшіе лондонскіе гравёры... А г. Рябининъ точно съ талантомъ писатель?

— Съ большимъ талантомъ, князь. Вы не читали ли его поэмы «Вальтазаръ»?

— «Вальтазаръ»!... Князь задумался... Позвольте, «Вальтазаръ»... Да, я слышалъ, кажется, про нее; ее очень хвалятъ, она произвела впечатлѣніе, да... Если она у васъ здѣсь, пришлите ее мнѣ, я непремѣнно прочту. Пожалуйста, напишите же къ г. Рябинину съ этой почтой...

Я сказалъ князю, что тотчасъ же пойду за поэмой, но онъ удержалъ меня.

— Послѣ; вы ее пришлите ко мнѣ. Я что-то хотѣлъ спросить у васъ. А! замѣтили ли вы въ большой залѣ надъ дверьми въ голубую гостиную небольшой портретъ?

— Не помню, князь.

— Славная вещь! Кажется, можно утвердительно сказать, что это работа Іоанна Гольбейна. Внизу стоитъ 1548 годъ. Пойдемте-ка посмотрѣть.

И князь потащилъ меня за собою.

Въ залѣ встрѣтили мы старушку съ усиками, которая сильно не благоволитъ ко мнѣ; я раскланялся съ ней и принялся разсматривать картину мнимаго или настоящаго Гольбейна, который мнѣ совсѣмъ не понравился.

Старушка съ усиками, разряженная, ходила по залѣ и ворчала:

— Картины хорошо имѣть для украшенія комнатъ, для того, чтобы при случаѣ сказать: у меня картинная галлерея. Но прилично ли заниматься ими съ утра до ночи, не знаю,— и не понимаю такой страсти. Другое дѣло, собирать драгоцѣнные камни и антики...

И она перебирала, говоря это, перстни на своей сухощавой рукѣ.

Отъ Гольбейна мы перешли къ старушкѣ съ усиками. Князь, посмотрѣвъ на меня съ улыбкою, обратился къ ней:

— Хотите ли, тетушка, я подарю вамъ мой античный перстень съ ромуловой головой?

Маленькіе глазки разряженной старушки засвѣтились при этомъ вопросѣ, голова ея затряслась, ленты на чепцѣ заколебались.

— Вы шутите, князь! сказала она, приподнявъ голову и посмотрѣвъ на своего племянника.

— Нисколько, и въ доказательство я вамъ сейчасъ принесу его. Князь вышелъ и скоро возвратился съ перстнемъ.

— Вотъ онъ, тетушка...

Дрожащею рукой взяла она знакомый ей перстень и начала его вертѣть въ рукѣ, разсматривая...

— Дорогой, чудесный перстень, ворчала она, надѣвая его на указательный палецъ и поднося руку къ глазамъ.— Вы не умѣете цѣнить его. Благодарю васъ, князь. Она старалась улыбнуться, и пожала князю руку.

— Вообще старыя дѣвы необыкновенно забавны, сказалъ князь:— но моя тетушка уморительна. У нея такія претензіи и причуды!

Я чуть не вздохнулъ, подумавъ, какъ всѣ мы умѣемъ за-

мѣчать странности другихъ, а о своихъ собственныхъ и не подозрѣваемъ. Страсть князя къ живописи и желаніе показать себя знатокомъ въ ней — тоже маленькая странность. Впрочемъ, онъ такъ добръ, въ немъ столько человѣчности, что ему отъ всего сердца прощаешь этотъ грѣшокъ!... Онъ чрезвычайно начитанъ, много видѣлъ, знаетъ милліоны анекдотовъ и съ необыкновенною пріятностью разсказываетъ ихъ. Его иногда можно заслушаться. Въ Москвѣ онъ пользуется величайшимъ уваженіемъ, потому-что имѣетъ огромное состояніе, даетъ великолѣпные вечера, во всѣхъ парадныхъ процессіяхъ выступаетъ первый въ своемъ каммергерскомъ мундирѣ, и, главное, имѣетъ дочь-красавицу, къ которой перейдутъ всѣ его богатства. Говорятъ, что княжна наслѣдовала красоту своей матери. Прошло уже болѣе пяти лѣтъ отъ смерти княгини, но князь не можетъ до-сихъ-поръ равнодушно слушать, когда зайдетъ рѣчь о ней. Послѣ ея смерти онъ, говорятъ, полтора года не ѣздилъ въ Англійскій клубъ! Теперь вся любовь его перешла къ дочери. Онъ, кажется, исполняетъ всѣ ея желанія и безпрекословно повинуется ея волѣ...

Письмо къ Рябинину отослано. Онъ вѣрно получилъ его.

Князь читалъ «Вальтазара» со вниманіемъ. Стихи ему нравятся, два стиха онъ даже запомнилъ наизусть, но вообще поэму онъ находитъ растянутой. Едва ли онъ не правъ въ этомъ случаѣ. Я недавно, перелистывая ее, то же замѣтилъ.

VIII.

13 іюня.

Скоро два мѣсяца, какъ я не бралъ въ руки кисть. И меня это не безпокоитъ. Въ Италіи примусь я работать... О, поскорѣй бы въ Италію! Если меня никто не выведетъ изъ того блаженнаго и бездѣйственнаго состоянія, въ которомъ нахожусь, я долго не проведу ни одного штриха, ни одной черты... У меня не достаетъ силъ самому вырваться изъ этого обаятельнаго міра. Признаться ли тебѣ... о, тебѣ я признаюсь, другъ моего дѣтства! что моя жизнь такъ, какъ

она есть теперь, вполнѣ удовлетворяетъ меня. Мой неподкупный судія, неужели, основываясь на томъ, что чувство художника такъ долго молчитъ во мнѣ, ты станешь отрицать во мнѣ признаніе? Будь снисходительнѣе къ твоему другу!... Мнѣ надобно оправдать общій голосъ, поддержать собственные успѣхи,—все это я знаю... Но еще впереди много, много дней; я еще молодъ. Ты говоришь мнѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ, что минута творчества есть минута высшаго наслажденія для художника, что передъ этой минутой всѣ наши наслажденія жалки, бѣдны и ничтожны. Я понимаю тебя, совершенно понимаю, хотя самъ, покуда, не испыталъ этого. Когда мысль проникала меня и я брался за кисть, во мнѣ не было того спокойствія, которое необходимо для творящаго... Голова моя горѣла; образы, вызванные моимъ воображеніемъ, являлись передо мною въ туманѣ, кисть дрожала въ рукѣ моей. И при всемъ этомъ, увѣряю тебя, надежда быть истиннымъ художникомъ не оставляетъ меня, — я не отчаяваюсь, нѣтъ! Зачѣмъ же мнѣ Богъ далъ душу, способную понимать все прекрасное, сочувствовать всему великому? Отчего же природа не мертва для меня? Отчего благоговѣйный, священный трепетъ проникалъ меня, когда я въ тихій часъ вечера стоялъ на берегу моря и смотрѣлъ, какъ на легкой зыби его отражались огненныя полосы догорающей зари? Слушай, слушай, другъ мой! Сегодняшній вечеръ еще болѣе незабвенъ въ моей жизни: сегодня я ощутилъ въ себѣ еще полнѣе то неизмѣримое, безконечное блаженство, которое чувствовалъ нѣкогда тамъ, на берегу моря...

Я сидѣлъ въ саду на скамейкѣ, стоящей на высокомъ холмѣ, съ котораго вдается вся синеватая гладь озера. У его берега чуть замѣтно колебался небольшой, пестрый яликъ. Цвѣты, посаженные на холмѣ, оживали, утомленные, послѣ дневнаго жара и приподнимали свои лучезарныя, радужныя головки и сильнѣе начинали дышать ароматомъ. Солнце, медленно заходящее, просвѣчивало сквозь темную и густую зелень деревъ, и каждый листокъ становился прозрачнымъ; свѣтлые кружечки обозначались на желтой, песчаной дорожкѣ; вдали раздавался пастушій рожокъ... Не знаю, долго ли я просидѣлъ на этой скамейкѣ до той минуты, когда услышалъ вблизи себя шорохъ женскаго платья. Я обернулся на этотъ

шорохъ — и увидѣлъ въ двухъ шагахъ отъ себя княжну съ рыжею миссъ.

— Вы мечтаете? спросила меня княжна насмѣшливо.

— Отсюда видъ очень-хорошъ, такъ я смотрѣлъ на видъ, княжна, отвѣчалъ я какъ могъ равнодушно. Насмѣшка ея была мнѣ досадна.

— Это моя скамейка, я здѣсь велѣла поставить ее: отсюда видно мое озеро, мое любимое озеро.

Голосъ и лицо княжны совсѣмъ измѣнились, когда она произносила это. Можно было поклясться, что ни этотъ голосъ, ни это лицо неспособны къ насмѣшкѣ.

— А вы умѣете грести?

— Умѣю.

— Вы не боитесь воды? И, предложивъ мнѣ послѣдній вопросъ, княжна, смѣясь, посмотрѣла на меня.

— Нѣтъ, не боюсь.

— Это вамъ дѣлаетъ честь. Хотите кататься съ нами въ лодкѣ?

— Если вы позволите, княжна.

— Я прошу васъ. И она съ важностью неизобразимою присѣла, какъ присѣдала ея бабушка во времена Екатерины Великой. Послѣ того, улыбаясь, она обернулась къ своей англичанкѣ и сказала ей что-то по-англійски. Рыжая миссъ значительно кивнула головой, и мы отправились къ ялику.

Вскочивъ въ яликъ и отцѣпивъ его, я подалъ руку княжнѣ. Ея рука была безъ перчатки, и ею она крѣпко сжала мою для того, чтобы не поскользнуться, входя въ яликъ. За нею неловко прыгнула миссъ, пребольно упершись костлявыми пальцами въ мою ладонь. Я взялъ оба весла, но княжна отняла у меня одно, еще разъ коснувшись своей рукой моей руки.

— И я хочу грести, только намъ надо грести ровнѣе... Постойте: разъ, два, три... ну, теперь начинайте... Рыжая миссъ взялась управлять рулемъ, и яликъ разрѣзалъ зеркальное пространство и пошелъ, оставляя за собою струю.

Мы дружно ударяли веслами; яликъ двигался все быстрѣе; княжна была необыкновенно довольна общею нашею ловкостью.

— Ахъ, какъ весело, какъ весело! повторяла она.

— Не устали ли вы, княжна?

— Нисколько. Какой чудесный вечеръ!... Для меня гораздо веселѣе здѣсь на озерѣ, нежели въ бальной залѣ.

Она взглянула на меня, полная внутренней тревоги,—это я видѣлъ въ глазахъ ея.

Солнце скрылось въ облако и раскалило его своимъ прикосновеніемъ, и облило пламенемъ весь западъ. Мы плыли молча; только слышались однообразные всплески воды, возмущаемой веслами. Заря блѣднѣла, ея пурпуръ смѣнялся кроткимъ розовымъ свѣтомъ, который отражался въ водѣ. Лицо княжны разгорѣлось, локоны развились, маленькая ножка ея въ черномъ шелковомъ башмакѣ упиралась въ перекладину ялика.

— Погодите грести, отдохните, сказала она:—я устала...

— Развѣ я не могу грести одинъ, княжна? позвольте мнѣ ваше весло.

— Нѣтъ, не позволю, произнесла она разсѣянно.

Яликъ остановился на срединѣ озера.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось быть теперь на морѣ, говорила она:—на кораблѣ—и плыть долго, долго... Хоть я люблю это озеро, но оно слишкомъ мало: его по-настоящему нельзя даже величать громкимъ титломъ озера... Мнѣ всегда было такъ легко, когда я смотрѣла на морскую даль, сливающуюся съ горизонтомъ...

Княжна задумалась и чрезъ минуту продолжала:

— Я увижу опять Средиземное море... Неаполь. У меня такъ много воспоминаній въ Италіи! Видите ли, и я иногда мечтаю?... А вы поѣдете вмѣстѣ съ нами?

— Я думаю.

— Вы только еще думаете?

— Я ѣду навѣрное, княжна. Къ вашимъ услугамъ будетъ и живописецъ, и поэтъ.

— Какой поэтъ?

Я разсказалъ ей о предположеніи вести путевыя записки, о Рябининѣ и о прочемъ.

— До-сихъ-поръ я ничего не слышала объ этомъ... Поэтъ! а скоро будетъ сюда поэтъ?

— Можетъ-быть, скоро.

— Это прелюбопытно. Я знала только одного поэта, но его теперь нѣтъ въ Москвѣ. Въ Италіи я видѣла импровиза-

тора, страшнаго, съ черными, сверкающими глазами, съ длинными, всклоченными волосами. Онъ ужасно кричалъ и размахивалъ руками.

— Поэтъ, который поѣдетъ съ нами, совсѣмъ не такъ свирѣпъ.

— Право?... Сказать ли вамъ, о чемъ я теперь думаю? Я думаю о васъ... то-есть о томъ, какъ вы умѣли хорошо передать на вашей картинѣ вечеръ. Я часто смотрю на вашу картину. Она стоитъ въ моей гостиной.

Княжна опустила свои длинныя рѣсницы, и потомъ, какъ-будто ожидая, что я заговорю, посмотрѣла на меня младенчески-простодушно.

Я молчалъ...

— Вы думаете, начала она, продолжая смотрѣть на меня: — вы думаете, что свѣтская дѣвушка не въ состояніи чувствовать красоту въ искусствѣ, не можетъ оцѣнить вдохновенія художника?... У нея есть и восторгъ, и молитвы, и слезы, — повѣрьте мнѣ. Если найдется человѣкъ, достойный ея довѣренности, она ищетъ только минуты, ищетъ только случая, чтобы высказать ему душу свою... и ей такъ же, какъ и другимъ, нужно сочувствіе...

— Княжна, я не знаю свѣтскихъ дѣвушекъ, я видѣлъ ихъ издалека, и не могъ дѣлать о нихъ никакихъ заключеній; но съ первой минуты, какъ я увидѣлъ васъ...

Англичанка, о которой я было-забылъ, вдругъ пошевельнулась въ лодкѣ, и я остановился.

— Ахъ, мои бѣдныя перчатки! воскликнула княжна жалобнымъ голосомъ, смотря на нихъ. Посмотрите, какъ я ихъ изорвала! — И княжна протянула ко мнѣ свою руку, потомъ сняла перчатки и бросила ихъ въ воду.

Я посмотрѣлъ на безмолвную миссъ. Она была нехороша, но въ эту минуту показалась мнѣ отвратительною.

— Начинаетъ смеркаться, сказала княжна: — посмотрите, вотъ зажглась звѣзда... Мнѣ такъ хорошо, что я готова бы встрѣтить восхожденіе солнца на этомъ яликѣ. Къ-тому же, я никогда не видѣла восхожденія солнца, прибавила она печально. — Однако пора домой. Теперь вы должны взять оба весла, потому-что мои перчатки въ водѣ, и я очень устала.

Княжна пересѣла къ англичанкѣ. Она совсѣмъ протянула свои ножки, опустила голову на грудь, руки ея лежали на колѣняхъ безъ движенія.

Мѣсяцъ уже серебрянымъ столбомъ отражался въ озерѣ, когда я причалилъ къ пристани... Она выходила изъ ялика, рука ея опять была въ моей рукѣ—и она стояла на дорожкѣ сада. съ минуту еще не отнимая ее у меня...

Подходя къ дому, мы увидѣли, что помпейская комната ярко освѣщена.

— Бабушка вѣрно очень сердится на меня въ ожиданіи чая.

Княжна кивнула мнѣ головой, схватила подъ руку англичанку—и онѣ исчезли....

Я люблю ее, ты это видишь,—люблю страстно, безумно; чувствую, что она и жизнь для меня одно и то же. Безъ нея мнѣ нѣтъ жизни и нѣтъ счастья... Ты спросишь меня: къ чему поведетъ эта любовь?—Я не знаю. Ты скажешь мнѣ, что я не имѣю никакого благоразумія, что я легкомысленъ,—можетъ-быть; но, ради-Бога, не читай мнѣ наставленій, я не буду слушать ихъ; брось совѣты... Другъ, предоставь меня судьбѣ моей!

IX.

15 іюня.

Ваня, сынъ дворецкаго, часто ходитъ ко мнѣ, и иногда своимъ болтаньемъ забавляетъ меня. Онъ пребойкій и преумный мальчикъ. Сегодня онъ мнѣ принесъ отъ княжны «Feuilles d'automne» Виктора Гюго. Вчера у насъ былъ страшный споръ съ нею о французской литературѣ. Жаль, что она взлелѣяна французскими книгами,—Гюго и Ламартина считаетъ величайшими геніями и ставитъ ихъ чуть не на ряду съ Байрономъ, хотя изъ Гюго она ничего не читала, кромѣ его лирическихъ стихотвореній. Я истратилъ все мое краснорѣчіе, желая убѣдить княжну, что этимъ господамъ до Байрона, какъ до *звѣзды небесной далеко*... Увы! всѣ мои убѣжденія были напрасны. Она чуть не разсердилась на меня за нихъ, и взяла съ меня слово перечесть хоть одну книгу стихотвореній Гюго.

Вотъ почему она прислала мнѣ «Feuilles d'automne». Я разцѣловалъ ея посланника и спросилъ его, любитъ ли онъ княжну?

— Послѣ папеньки, отвѣчалъ онъ: — я люблю больше всѣхъ княжну, а потомъ маменьку.

— Отчего же маменьку-то послѣ?

— Она сердитая, и папенька ея боится...

Я подарилъ ему картинку, и онъ въ полномъ восхищеніи убѣжалъ отъ меня. Развернувъ книгу, — вообрази мою радость, мою бѣшеную радость, — я нашелъ въ ней небольшую цвѣтную бумажку въ родѣ закладки, на которой было написано мелко рукою княжны по-русски: *Прочтите стихи*: Oh! pourquoite cacher? Tu pleurais seul ici, *и согласитесь, что* Hugo *истинный поэтъ*...

Не правда ли, это очень мило? Разумѣется, я прочелъ тогда же стихи, указанные ею, и они мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ показались лучше другихъ.

---

17 іюня.

Получилъ отвѣтъ отъ Рябинина на мое письмо къ нему. Онъ хочетъ пріѣхать сюда немедля. «Ну, такъ и быть», пишетъ онъ: «для того, чтобы поскорѣй увидѣть тебя, я рѣшаюсь проскучать нѣсколько мѣсяцевъ въ Москвѣ. Жертва великая!... Да нельзя ли мнѣ будетъ жить вмѣстѣ съ тобою въ подмосковной князя? Это, кромѣ другихъ выгодъ, имѣетъ и ту, что я заранѣе ознакомлюсь съ его сіятельствомъ. Отпиши мнѣ, будетъ ли такая штука политична?»

Я сказалъ объ этомъ князю — и онъ тотчасъ же велѣлъ приготовить комнаты для Рябинина противъ моихъ. Мысль, что онъ будетъ окруженъ артистами, ему, кажется, удивительно нравится.

Ту же секунду увѣдомилъ я нашего пріятеля о княжескихъ распоряженіяхъ и съ нетерпѣніемъ жду его сюда съ минуты на минуту...

---

30 іюня.

Онъ здѣсь, онъ пріѣхалъ! Можешь себѣ представить мою радость!... Вчера я было-совсѣмъ собрался спать, вдругъ слышу

необыкновенный шумъ и страшную возню въ корридорѣ: двери передней моей комнаты отворяются съ эффектнымъ трескомъ; раздаются шаги мѣрные, тяжелые, знакомые мнѣ, и двѣ длинныя руки протягиваются ко мнѣ, для заключенія меня въ объятія. Я обнялъ Рябинина отъ всего сердца.

Послѣ объятій, онъ отошелъ отъ меня шага на два.

— Постой, ни слова! Дай мнѣ сначала обозрѣть тебя съ ногъ до головы, сказалъ онъ, и съ обыкновенною своею важностью, нахмуривъ брови, началъ меня разсматривать.

— Похудѣлъ! что̀ бы это значило? въ Москвѣ толстѣютъ... а гдѣ же твоя мастерская?...

— Я и кисть не бралъ въ руки съ-тѣхъ-поръ, какъ мы съ тобой разстались.

— Гм! Хорошо. Въ Москвѣ такъ и слѣдуетъ. Здѣсь только всѣ много говорятъ, а никто ничего не дѣлаетъ. Теперь я посмотрю твою комнату. Ба! что̀ это? Викторъ Гюго̀! у тебя Гюго̀? Вѣдь ты прежде сходилъ съ ума отъ нѣмцевъ?...

— Я и теперь схожу отъ нихъ съ ума.

— А эта книга зачѣмъ?

— Меня заставила прочесть нѣсколько стихотвореній княжна, и хотѣла, чтобы я непремѣнно ими восхищался.

— Заставила?... княжна? а что̀, у нея смазливенькое личико?

— Она чудо какъ хороша!

— И читаетъ стихи?

— Французскіе и англійскіе, а твоихъ стиховъ она не читала.

— Моихъ? Я и пишу не для этихъ княженъ, а для той, которая... Ну, да что̀ говорить объ этомъ? Скажи-ка, какое впечатлѣніе произвела на тебя Москва?

— Для той, которая... Поздравляю тебя, ты влюбленъ.

— Ни слова объ этомъ. Что̀, въ Москвѣ скучно?

— Нѣтъ, ты не угадалъ. Эти мѣсяцы для меня прошли, какъ одинъ день. Я очень полюбилъ Москву.

Рябининъ качалъ головой.

— Молодость, молодость! Что̀ же ты нашелъ здѣсь? Мѣстоположеніе, правда, недурное, довольно гористое, церкви съ позолоченными главами...

— И тебѣ эти шутки не наскучили?

— Какія шутки? я говорю отъ души. Истинно-то хорошаго ты, вѣрно, здѣсь и не замѣтилъ...

— Чего это?

— Да что̀ въ Москвѣ всего лучше?

При этомъ вопросѣ я призадумался.

— Такъ и есть — не знаетъ!

— Что̀ же такое? Кремль?

— Вотъ куда зашелъ: Кремль!

— Калачи?

— Не то̀!—Англійскій клубъ, и въ немъ кулебяка. Славная кулебяка! тѣсто сдобное, разсыпчатое, куски большіе...

Узнаёшь ли ты его? Вспоминаешь ли то время, когда мы сиживали вмѣстѣ, съ такимъ удовольствіемъ внимая рѣчамъ его и дивясь его способности мѣшать шутки съ дѣломъ?

— Впрочемъ, я не прочь пожить въ Москвѣ, продолжалъ онъ.—Я отдохну здѣсь. Въ Петербургѣ надоѣли мнѣ и пріятели и враги. Всѣ значительные петербургскіе журналисты меня хвалили и хвалятъ, хотя ихъ похвалы глупы, но все-таки похвалы. А вотъ недавно, — говорятъ, я самъ не читалъ, — появились въ журналистикѣ какія-то проклятыя насѣкомыя, шмели — и точно слышу, жужжитъ что-то надъ самымъ ухомъ, того и гляди, что укуситъ. Я давно бы раздавилъ этихъ шмелей, но руку лѣнь приподнять...

До трехъ часовъ утра просидѣли мы съ нимъ, разговаривая о будущей нашей поѣздкѣ въ чужіе краи, о князѣ, его семействѣ и о прочемъ.

---

17 іюля.

Князь съ каждымъ днемъ начинаетъ чувствовать болѣе и болѣе расположенія къ Рябинину. Рѣзкая, немного странная манера, вѣчно-таинственный видъ знатока, умѣнье дѣйствовать незамѣтно на самолюбіе, придавая рѣчамъ сухость и даже грубость, порою истинно-поэтическое одушевленіе — все это вмѣстѣ, чѣмъ вполнѣ обладаетъ нашъ пріятель, дѣйствуетъ необычайно на князя...

Рябининъ ходитъ съ нимъ по заламъ и останавливается безпрерывно передъ картинами, восхищается ими, и увѣряетъ, что такихъ драгоцѣнностей, какъ у него, нѣтъ даже и въ

Петербургскомъ Эрмитажѣ. Однажды мы втроемъ ходили въ большой залѣ. Рябининъ посмотрѣлъ на одну картину, остановился, поднялъ руки вверхъ и съ жаромъ воскликнулъ:— Это оригиналъ, князь, повѣрьте мнѣ, оригиналъ! я узнаю въ этой картинѣ Франциска Альбани. У него вся манера Анибала Каракча, такъ-что иныя произведенія Альбани невглядѣвшійся глазъ можетъ смѣшать съ созданіями Каракча. Хотя въ Альбани нѣтъ своего, типическаго, но онъ замѣчательный мастеръ.

— Позвольте, дайте вглядѣться въ эту фигуру. Ба! да это рѣдкость... Венеціанской школы... Тинторетъ! настоящій Тинторетъ!... Славная у васъ галлерея, князь... И знаете ли, что̀ я скажу вамъ? я радъ, что у васъ мало картинъ нѣмецкой школы... Хороши они, эти Дюреры, но можно обойдтись и безъ нихъ. Не люблю нѣмцевъ, откровенно признаюсь вамъ,—народъ отвлеченный... Одинъ Шиллеръ, да и тотъ не нѣмецъ, а итальянецъ...

— Какъ итальянецъ? спросилъ удивленный князь.

— Натура южная; здѣсь вотъ, въ лѣвомъ-то боку, горячо, пламенно... Съ какимъ омерзѣніемъ смотрѣлъ онъ на своихъ злодѣевъ, вызванныхъ имъ на Божій свѣтъ изъ глубины поэтическаго духа, и съ какою любовію на свои чистѣйшія созданія, на маркиза Позу, на Телля! Его драмы—это вдохновенныя импровизаціи. Итальянецъ! настоящій итальянецъ!

— А Гёте? развѣ вы Гёте ставите ниже? Князь пристально посмотрѣлъ на Рябинина.

— Гёте—великій геній, такъ; но въ немъ есть душокъ этой нѣмецкой философіи, которая больно мнѣ не по̀-сердцу.

— Да, правда, замѣтилъ князь: — вся эта философія — заносчивость, бредъ; однако Гёте... Но растолкуйте мнѣ, откуда вы набрались такихъ свѣдѣній въ живописи, ни раза не ѣздивъ въ чужіе краи? У васъ глазъ необыкновенно-меткій и вѣрный.

Рябининъ улыбнулся.

— Откуда набрался? Читалъ, и читалъ много и долго, не пугался книгъ in-folio; глядѣлъ и глядѣлъ пристально на то, что̀ было у меня передъ глазами; проводилъ недѣли и мѣсяцы въ Эрмитажѣ; ловилъ художниковъ прямо съ парохода, только-что изъ Италіи, и разспрашивалъ ихъ о чуде-

сахъ искусства, соображалъ съ тѣмъ, что̀ вычиталъ, и помаленьку входилъ въ міръ художественный. Мои друзья, князь, вотъ они—и Рябининъ положилъ руку на мое плечо: живописцы, музыканты, всѣ артисты... Люди съ дарованіемъ какъ-то любятъ меня и бѣгутъ ко мнѣ, а я благодарю за это Бога!

— Жаль, сказалъ князь: — право жаль, что я не имѣлъ удовольствія прежде познакомиться съ вами...

— А я васъ зналъ и прежде, князь, по слухамъ, и уважалъ васъ за вашу любовь къ искусствамъ и за вниманіе къ намъ, бѣднымъ артистамъ. Спасибо вамъ за то, что хотите меня ввести въ самый храмъ, гдѣ священнодѣйствовали великіе художники, въ эту благословенную Италію. Безъ васъ у меня не было средствъ войдти въ этотъ храмъ.

Князь съ большою пріятностью посмотрѣлъ на Рябинина.

— Я уже говорилъ г. Средневскому, что мнѣ извѣстенъ каждый уголокъ этого храма. И мы будемъ вмѣстѣ ходить вездѣ... Наши путевыя записки могутъ быть очень интересны, не правда ли?

— Это будутъ не простыя записки... (Рябининъ подошелъ къ князю и взялъ его за руку) а монументальная книга для художествъ!

Глаза князя заблистали отъ удовольствія.

— Хочется мнѣ посмотрѣть въ Болоніи на Св. Петра Гвидо-Рени, продолжалъ Рябининъ, задумываясь: — разные толки объ немъ: иные его превозносятъ до небесъ, другіе умѣренно отзываются о немъ...

— Ка̀къ? кто же изъ видѣвшихъ эту картину можетъ безъ восторга говоритъ о ней? произнесъ князь. — Это chef-d'oeuvre. Голова апостола Петра и другаго апостола, который утѣшаетъ его, это такія головы! въ нихъ столько выраженія! Ктому же нѣжность колорита, отчетливость въ отдѣлкѣ... Помилуйте, да эта картина — чудо!

— Такъ, я заранѣе зналъ, что вы это скажете. Всѣ истинные знатоки художествъ, а не самозванцы, отзываются о Св. Петрѣ, какъ вы. Ужъ эти мнѣ самозванцы-любители! Я человѣкъ простой и откровенный, князь,—вы это видите,— и этихъ господъ отдѣлываю по-своему, безъ жалости, кто бы они таковы ни были....

— Такъ и должно; вы дѣлаете очень хорошо, подхватилъ князь: — обманъ надобно всегда изобличать!

— Неужели, сказалъ я Рябинину, когда мы остались съ нимъ вдвоемъ:—неужели тебѣ не жаль морочить князя и такъ недобросовѣстно льстить его слабости къ художествамъ? Мнѣ всегда досадно, когда ты такъ говоришь съ нимъ, какъ говорилъ сейчасъ. Знаешь ли? въ немъ столько хорошаго, что будь какая-нибудь возможность, я открылъ бы ему глаза, я показалъ бы ему смѣшную его сторону...

— Долго ли ты будешь ребячиться? отвѣчалъ мнѣ чудакъ нашъ:—пора перестать! Брось нелѣпую мысль исправлять людей. Невинное дитя мое, если ты вздумаешь выводить ихъ, по своему добродушію, изъ заблужденій, въ которыхъ они погрязли, какъ въ тинѣ, горе тебѣ! они нападутъ на тебя и растерзаютъ тебя... И что̀ за дѣло тебѣ до другихъ? Пусть тѣшатся своими погремушками; бренчи и ты передъ ними, а изподтишка улыбайся. Тогда они будутъ хвалить и превозносить тебя. Я увѣренъ, что князь теперь отъ меня въ восторгѣ, а зоговори-ка я съ нимъ другимъ языкомъ, онъ посмотрѣлъ бы на меня съ презрѣніемъ и, встрѣчаясь со мною, отворачивался бы отъ меня... Не забудь, что онъ нуженъ намъ. Мы его станемъ водить за носъ; онъ будетъ нами доволенъ, мы имъ, а русская публика всѣми нами за дешевое, но великолѣпное изданіе путевыхъ записокъ съ гравюрами, на веленевой бумагѣ....

И Рябининъ правъ. На-дняхъ князь сказалъ мнѣ, пожимая мою руку: «Я благодаренъ вамъ за знакомство съ Рябининымъ. Онъ имѣетъ глубокія познанія въ художествахъ. Правда, наружность его нѣсколько-странна, но за то онъ такъ уменъ, и такъ оригинально обо всемъ судитъ!»

При княжнѣ Рябининъ чувствуетъ себя какъ-бы неловкимъ. Ты знаешь, что его смутить трудно, а передъ нею онъ явно смущается.

Одинъ разъ, князю и мнѣ разсказывалъ онъ содержаніе своего новаго романа, который давно намѣревается писать. Мы слушали его съ большимъ вниманіемъ, потому-что онъ говорилъ съ увлеченіемъ; вдругъ, въ дверяхъ появилась княжна... Рябининъ увидѣлъ ее и остановился на самомъ интересномъ мѣстѣ своего разсказа. Черезъ минуту онъ продол-

жалъ, но одушевленіе его исчезло, онъ старался кончить разсказъ свой какъ можно короче.

Въ другой разъ, въ присутствіи княжны зашелъ разговоръ о музыкѣ. Князь человѣкъ совершенно артистическій и меломанъ, между-прочимъ. Для него итальянская опера—верхъ возможнаго совершенства.

— Выше Россини, говорилъ князь:—выше его я никого не знаю въ музыкальномъ мірѣ. Моцартъ и Бетховенъ прекрасны, слова нѣтъ, да въ нихъ много, если такъ можно выразиться, дикости. Правда, моцартовскій: «Донъ-Жуанъ» созданіе колоссальное... но въ Россини все: и сила, и грація, и нѣжность, — это музыкальный Рафаэль. Его «Танкредъ», «Семирамида», «Donna del lago»...

— Да, князь, люблю и я Россини. Звуки этого итальянскаго чародѣя полны и роскошны, какъ морскія волны, и въ нихъ сладко нѣжиться... Средиземное море, куполъ Св. Петра, звуки Россини и токватовы октавы—вотъ поэзія жизни. Впрочемъ, что̀ касается до музыки, то мы должны обратиться къ княжнѣ. Всѣ наши мнѣнія уничтожатся передъ ея музыкальнымъ авторитетомъ...

И съ низкимъ поклономъ онъ обратился къ княжнѣ.

Княжна взглянула на него и этимъ взглядомъ молча спросила у него: —зачѣмъ онъ безпокоитъ ее?

— Я лѣтомъ не занимаюсь музыкой: я гуляю по саду и ѣзжу верхомъ, сказала она по-французски, не обращаясь ни къ кому.

Князь и Рябининъ вскорѣ послѣ этихъ словъ вышли изъ комнаты, а я подошелъ къ ней.

— Вы бываете очень-немилосердны, княжна.

— Немилосердна?

— Онъ, право, заслуживаетъ, чтобы вы обращались съ нимъ снисходительнѣе...

— Кто же это *онъ?*

— Рябининъ, княжна.

— Ка̀къ онъ смѣшно говоритъ и какая у него страшная и большая запонка на галстухѣ, точно фермуаръ!... произнесла она протяжно и пресерьёзно.

— Я не думалъ, чтобы вы обращали вниманіе на одну только наружность. Онъ, можетъ-быть, одѣтъ, княжна, не такъ,

кàкъ одѣваются свѣтскіе люди, не имѣетъ ихъ ловкости, но онъ человѣкъ вовсе не дюжинный, онъ...

— Ахъ, Боже мой! воскликнула княжна въ нетерпѣніи:— что̀ мнѣ за дѣло до всего этого?...

— Отчего же такое оскорбительное невниманіе къ человѣку, который...

— Къ человѣку, который мнѣ кажется скучнымъ... Неужели всѣ ваши поэты такъ же милы, какъ онъ?

Я ничего не отвѣчалъ на этотъ вопросъ.

— Вы хотите, продолжала она:—вы хотите, чтобы я со всѣми была одинакова, чтобы я всѣмъ равно съ пошлою довѣрчивостью, съ дѣтскимъ простодушіемъ высказывала мой образъ мыслей? Я могу быть довѣрчива, я буду откровенна, но съ тѣмъ, кого уважаю, кого... А вашъ господинъ Рябининъ, хотя онъ и пишетъ стихи, по вашему мнѣнію, вѣрно лучше Ламартина, все-таки смѣшонъ. И кàкъ онъ страшно поднимаетъ указательный палецъ, когда заговоритъ, и какъ забавно хмуритъ свои брови. Скажите ему, что это совсѣмъ-нехорошо... И съ этимъ словомъ она вышла изъ комнаты, оставивъ меня одного.

Слышишь ли ты? княжна только съ тѣмъ откровенна, кого она уважаетъ, кого... Она не договорила?... Растолкуй мнѣ, ради всего на свѣтѣ, что̀ это значитъ? что̀ она хотѣла мнѣ сказать этимъ? Я не смѣю думать, чтобы я могъ заслужить ея уваженіе; я былъ бы дерзокъ, если бы мнѣ вошла въ голову мысль, что она любитъ меня... По-крайней-мѣрѣ, со мной она часто говоритъ довольно-серьёзно, она не считаетъ меня недостойнымъ своего общества, на меня она не смотритъ съ такою гордою недоступностью, какъ на Рябинина. Чему же приписать все это? Тысячи сомнѣній и надеждъ попеременно раздираютъ и волнуютъ меня. Я похожъ на утопающаго, который то видитъ берегъ и спасеніе и одушевляется на минуту, рвется къ нему, къ этому берегу, напрягая послѣднія силы; то, отчаянный, предается гибельнымъ волнамъ, влекущимъ его въ бездну... Мнѣ и горько, и весело... Я, право, не знаю, что̀ со мной...

Я забылъ сказать тебѣ, что старушка съ усиками къ Рябинину питаетъ еще бо̀льшее неблаговоленіе, чѣмъ ко мнѣ.

— Что, князь, этотъ длинный человѣкъ, который пріѣхалъ

къ вамъ недавно, стохотворецъ, что ли? ворчала она, искоса посмотрѣвъ на меня.

— Онъ теперь одинъ изъ первыхъ нашихъ поэтовъ, отвѣчалъ князь.

— Изъ первыхъ? а какой имѣетъ чинъ?

— Не знаю; онъ нигдѣ не служитъ.

— Не служитъ? Что жь, онъ баклуши бьетъ, да стишки пишетъ?... Первый стихотворецъ! Да въ наше время первые стихотворцы были и первыми государственными людьми.... Покойникъ Гавріилъ Романовичъ былъ министръ и дѣйствительный тайный совѣтникъ, человѣкъ, пользовавшійся милостью въ продолженіе трехъ царствованій. Императрица особенно изволила его отличать отъ всѣхъ другихъ: онъ былъ любимымъ ея статсъ-секретаремъ. Вотъ будто сейчасъ вижу, какъ онъ у княгини М* читаетъ свои стихи на смерть графини Румянцовой. Когда онъ продекламировалъ:

Румянцевъ молньи дхнетъ сугубы,
Екатерина — тишину....

онъ, какъ теперь помню, посмотрѣлъ на меня, а у меня слезы такъ и лились....

Не правда ли, старушка забавна?

X.

25 іюля.

На-дняхъ, княжна опять завела со мною рѣчь о французской литературѣ. Гюго̀ она уже пожертвовала мнѣ, но Ламартина сильно отстаиваетъ. Я рѣшительно объявилъ ей, что она въ музыкѣ гораздо далѣе, чѣмъ въ поэзіи. «Но я не могу вамъ передать на словахъ всего, что̀ я думаю о его талантѣ, я вамъ напишу....» сказала она мнѣ: «я постараюсь вамъ изложить всѣ мои мысли о немъ, не знаю только, съумѣю ли. Впрочемъ, чувствую, что я буду дурная его защитница.»

Я принялъ эти слова за шутку, но вчера ко мнѣ пришелъ Ваня и принесъ отъ княжны «Meditations Poëtiques» съ замѣтками карандашомъ. Въ книгѣ я нашелъ листокъ почтовой бумажки, сложенный въ видѣ письма и весь исписанный рукою

ея по-французски.... Такъ она не шутила? О, великій, геніальный Ламартинъ! безъ тебя она не стала бы писать ко мнѣ! Жадно пробѣжалъ я этотъ листокъ — и потомъ положилъ его въ карманъ, взялъ книжку Ламартина, присланную ею, и отправился ходить.... Мнѣ захотѣлось еще перечесть ея строки гдѣ-нибудь подальше отъ дома, на свободѣ... Въ верстѣ отъ княжескаго дома, живописно извиваясь, протекаетъ небольшая рѣчка; одинъ берегъ ея довольно холмистъ и покрытъ мелкимъ березовымъ кустарникомъ, между которымъ растетъ шиповникъ и дикая малина. Середи кустарника возвышается одинокая береза, пощаженная топоромъ и на свободѣ широко разросшаяся. Отъ нея идутъ тропинки въ разныхъ направленіяхъ внизъ къ рѣкѣ. Здѣсь деревенскіе мальчики и дѣвочки собираютъ малину. Береза эта видна издалека, и, гуляя, я часто отдыхаю въ тѣни ея развѣсистыхъ вѣтвей и смотрю на противоположный берегъ, гдѣ желтѣютъ поля, засѣянныя овсомъ и рожью, да вдали чернѣетъ деревня....

И въ этотъ разъ я отправился къ привычному мѣсту моего отдохновенія, къ этой березѣ. День былъ сѣроватый. Солнце на минуту выглядывало изъ-за облаковъ и потомъ тотчасъ пряталось. Я расположился подъ березою, вынулъ изъ кармана листокъ княжны и въ такомъ уединеніи принялся читать его. Я не сомнѣвался, нѣтъ, — у нея глубокая душа, я говорилъ тебѣ объ этомъ и прежде... Что̀ за бѣда, что она увлекается французскими фразами: вѣдь и мы съ тобой эти фразы не различали нѣкогда отъ истинной поэзіи!

Я читалъ и перечитывалъ ея строки; въ головѣ моей опять забродили странныя мысли, несбыточныя картины... И все это было для меня правдоподобно. Теперь я краснѣю, вспоминая о странномъ состояніи, въ которомъ находился тогда. Другъ! не суди меня строго холоднымъ разсудкомъ, не морщись, читая журналъ мой съ ледяною важностью мудреца, не сожалѣй обо мнѣ, какъ о заблуждающемся мальчикѣ. Мнѣ нужно теперь твое сочувствіе, мнѣ необходимъ въ эту минуту ты, съ твоею безконечно-любящею душою!...

Вдругъ вблизи меня кусты зашевелились, я привсталъ и увидѣлъ любимца княжны, Ваню, который за часъ передъ этимъ принесъ мнѣ отъ нея книгу. Онъ, сбѣгая по тропинкѣ къ рѣкѣ, нисколько, кажется, не подозрѣвалъ, чтобы

кто-нибудь за нимъ подсматривалъ. Меня удивило, что онъ такъ далеко отъ дома и одинъ. Сбѣжа въ подъ-гору, Ваня сталъ на колѣни и наклонился къ водѣ, чтобы спустить корабликъ, склеенный искусно изъ картонной бумаги, — свою новую игрушку, которую онъ показывалъ мнѣ въ восторгѣ накануне.... Спущенный на воду корабликъ заколыхался и скоро остановился безъ движенія.... Ваня сталъ поправлять его палочкой, но корабликъ его не слушался и не двигался съ мѣста. Онъ бросилъ палочку въ воду и легъ на песокъ, облокотясь на руку. Я спустился тихонько внизъ и изъ-за куста смотрѣлъ на него. Онъ лежалъ серьёзно, будто думалъ о чемъ-то, не спуская глазъ съ рѣчной поверхности. Наконецъ вскочилъ, поднялъ камень и съ досадою бросилъ его прямо въ середину кораблика — и корабликъ вмѣстѣ съ камнемъ пошелъ ко дну. Ваня засмѣялся, бросилъ еще камень въ воду и хотѣлъ бѣжать на гору, — но я вышелъ къ нему на встрѣчу — и онъ, удивленный, остановился.

— Ваня, какъ ты это очутился такъ далеко отъ дома? спросилъ я его.

— Я ушелъ тихонько. Маменька все велитъ мнѣ гулять въ палисадникѣ, а палисадникъ такой узенькій, такъ скучно. Маменька велитъ мнѣ спускать мой корабликъ въ прудѣ, а прудъ заросъ травой....

— Зачѣмъ же ты утопилъ свой корабликъ?

— А затѣмъ, что онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ плавалъ.

— Онъ не могъ плавать, потому-что нѣтъ вѣтра....

— Коли не могъ плавать, такъ и не нужно его. Когда вы поѣдете съ княжной кататься то озеру, вы возьмете меня съ собой?

— Какъ съ княжной? Отчего же ты думаешь, что я непремѣнно поѣду съ нею?

— Она васъ любитъ, такъ вы съ нею и поѣдете.

— Развѣ она меня любитъ? Кто тебѣ сказалъ?

— Она меня про васъ все спрашиваетъ, я ей разсказываю, какъ у васъ бываю. И меня она любитъ, и про меня все разспрашиваетъ у папеньки.

Я разцѣловалъ Ваню, я почти готовъ былъ повѣрить словамъ его.... Онъ дитя? да вѣдь иногда дѣти видятъ лучше

взрослыхъ... Ваня вырвался отъ меня: ему надоѣли мои жаркія ласки — и онъ убѣжалъ.

Было около четырехъ часовъ, когда я возвратился домой, и пошелъ въ комнаты къ Рябинину, но онъ уѣхалъ въ Москву. Жизнь деревенская, кажется, не по немъ. Онъ нешутя полюбилъ Англійскій клубъ и иногда возвращается оттуда часу въ восьмомъ утра, проигравъ цѣлую ночь въ палки.

«Палки игра занимательная», говоритъ онъ. «Почему изрѣдка не позволить себѣ подурачиться? Это мой отдыхъ отъ занятій мысленныхъ. Когда голова отягчится отъ напора идей, я беру въ руки карты, и головѣ станетъ сейчасъ легче.»

Не найдя Рябинина, я отправился къ князю, и у большаго подъѣзда встрѣтилъ дворецкаго. Онъ шелъ съ свойственною ему важностью въ бѣломъ накрахмаленномъ галстухѣ.

— Александръ Игнатьевичъ, мое почтеніе, сказалъ онъ, кланяясь мнѣ. — Гдѣ, сударь, гулять изволили? Правда, вы домосѣдъ, не то, что̀ г. Рябининъ: по его милости такъ четверню за четверней и гоняютъ въ городъ. Сами знаете, теперь жаръ; лошади хорошія, непривычныя къ такой гоньбѣ; да и по-мо̀ему деликатность надо знать.... И что̀ такое въ немъ князь находитъ? Удивляюсь и вамъ тоже, Александръ Игнатьевичъ, вѣдь это вы, сударь, его выписали?

— Есть кто-нибудь на верху? перебилъ я его.

— Г. Анастасьевъ. Онъ на-дняхъ только пріѣхалъ въ Москву, и то, говорятъ, ненадолго. Живетъ онъ болѣе въ чужихъ краяхъ. Я знавалъ его покойнаго родителя; и его видѣлъ такого маленькаго, съ моего Ванюшу, не больше, а посмотрите-ка теперь: молодчикъ, я вамъ скажу. Покойный старикъ жилъ бариномъ, открыто, но при всемъ томъ разсчетливо, хоть у него стояли сундуки биткомъ-набитые золотомъ и серебромъ, хоть у него денегъ-то куры не клевали, за то теперь у сынка несмѣтныя суммы, между нами сказать.

Кто не знаетъ про чудовищное богатство Анастасьева? Странную исторію о томъ, какими средствами разжился его дѣдушка, въ началѣ царствованія Екатерины, ка̀къ потомъ онъ сталъ счастливо торговать и хитро ворочалъ огромными капиталами, слышалъ и я нѣсколько разъ отъ матушки да отъ старушекъ, ея пріятельницъ. Въ этихъ разсказахъ былъ простодушно перемѣшивалась съ самыми смѣшными небыли-

цами. Богатство всетворящее и все покоряющее доставило отцу Анастасьева въ молодыхъ лѣтахъ мальтійское командорство и съ нимъ великолѣпный красный мундиръ. Онъ сдѣлался человѣкомъ знатнымъ, и всѣ позабыли о его происхожденіи и о томъ, что дворянскій гербъ его такъ недавно вышелъ изъ Герольдіи, что на немъ еще не успѣли обсохнуть краски.

Человѣкъ сметливый, пользуясь благопріятными обстоятельствами, для приданія себѣ еще бо̀льшаго величія, онъ породнился съ однимъ несостоятельнымъ графомъ, и такимъ образомъ сынъ его сдѣлался неотъемлемою принадлежностью большаго свѣта.

Въ послѣднее время, въ Петербургѣ, когда я велъ, какъ тебѣ извѣстно, отъ внутренней пустоты жизнь бродячую и безумно-разгульную, среди самыхъ свирѣпыхъ петербургскихъ людей,—я составилъ себѣ по словамъ ихъ какое-то странное и фантастическое понятіе о молодомъ Анастасьевѣ. Они всѣ, даже и старшины ихъ, питали къ нему большое уваженіе; они говорили, что онъ надѣленъ всѣми блистательными и неоцѣненными качествами героевъ проходящаго поколѣнія, нимало не походя на нихъ, то-есть, что можетъ выпить бутылку шампанскаго, не отнимая ее отъ губъ и не поморщиваясь; согнуть полуимперіалъ безъ всякаго усилія; выстрѣлить въ сердце туза изъ пистолета на ужасномъ разстояніи; имѣть въ одно время десять любовницъ въ обществѣ и покрайней-мѣрѣ пять на сценѣ, которыя бы всѣ вмѣстѣ и каждая порознь, тайно или явно, были отъ него въ восторгѣ; но что онъ не пользуется ни однимъ изъ этихъ неоцѣненныхъ качествъ: къ сожалѣнію, пьетъ безъ особенной охоты, силой своей никогда не хвастаетъ, напротивъ даже кажется слабымъ, изнѣженнымъ; на женщинъ смотритъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ, безъ всякаго однако желанія корчить разочарованнаго, и вотъ чего, несмотря на всѣ его достоинства, они не прощали ему—выѣзжаетъ въ общества!

Ко всему этому прибавляли, отдавая ему заслуженную дань удивленія, что онъ одѣвается съ такимъ вкусомъ, какъ никто, да еще хвалили его за то, что въ продолженіе года онъ никакъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ проводитъ въ Россіи.

Ты поймешь, ка̀къ, послѣ такихъ описаній, мнѣ любопытно было увидѣть Анастасьева.

И я увидѣлъ его, и онъ, какъ это всегда случается, когда мы заранѣе составляемъ въ головѣ идеалъ человѣка почему-либо интересующаго насъ, вовсе непохожъ на этотъ идеалъ. Въ немъ нѣтъ ничего такого, что̀ бы поразило съ перваго взгляда. Средняго роста, болѣе худощавый, чѣмъ полный, блѣдный, съ темными коротко-подстриженными волосами, онъ не отличается своею наружностью ничѣмъ отъ другихъ: взглянувъ на него, никакъ не представишь себѣ, чтобы онъ могъ совершать тѣ исполинскіе подвиги, о которыхъ я слышалъ. У него, какъ и у многихъ, на тоненькомъ шнуркѣ виситъ тоненькій черепаховый лорнетъ; только, надо отдать ему справедливость, онъ дѣйствуетъ имъ съ особенною ловкостью: вставляетъ его въ глазъ безъ всякихъ усилій и смотритъ въ него безъ малѣйшей гримасы; въ покроѣ его чернаго сюртука нѣтъ ничего новаго, но, правда, онъ сидитъ на немъ съ изумительною ловкостью; въ его движеніяхъ, въ его разговорѣ непринужденность доведена до небрежности, какъ у многихъ, но эта небрежность въ другихъ непріятна, а въ немъ ничего. Я думаю, это оттого, что онъ не желаетъ казаться чѣмъ-нибудь, а кажется тѣмъ, чѣмъ есть въ-самомъ-дѣлѣ. На княжну смотритъ онъ такъ спокойно, такъ равнодушно, какъ на самую обыкновенную дѣвушку,—на нее-то, Боже мой! передъ которой

..... остановишься невольно....

Послѣ обѣда, князь, княжна и Анастасьевъ пошли въ садъ, а я, стоя на балконѣ, смотрѣлъ на нихъ, то-есть смотрѣлъ на нее. Она взглянула вверхъ, увидѣла меня и, улыбаясь, кивнула мнѣ головою... Что̀ ты скажешь о ея внимательности ко мнѣ? Можетъ-быть, она... но нѣтъ, ты назовешь меня *мечтателемъ*, а для меня это слово ужасно-противно, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ княжна спросила меня насмѣшливо: не мечтаю ли я? Мнѣ кажется, что между мечтаніемъ и сантиментальничаньемъ нѣтъ никакой разницы. И въ томъ, и въ другомъ словѣ заключена идея возмутительнаго безсилія и растлѣнія, и то, и другое слово отзывается безпутностью XVIII вѣка и его кощунствомъ, соединеннымъ съ нѣжными ощущеньицами...

Однако, она обернулась назадъ и улыбнулась мнѣ: это я видѣлъ не въ мечтѣ, а наяву. Она знала, что я буду смо-

трѣть на нее, иначе для чего бы ей было обертываться, для чего бы ей было глядѣть наверхъ?... И я точно смотрѣлъ на нее, тихо идущую по темной аллеѣ, въ бѣломъ платьѣ. Хорошо бѣлое платье на всякой дѣвушкѣ въ саду, въ зелени, а на ней...

Но вотъ, эта несносная старушонка притащилась на балконъ.

— Гдѣ князь? проворчала она, смотря на меня.

— Князь въ саду, отвѣчалъ я.

— И княжна въ саду?

— Да, вонъ они идутъ по аллеѣ.

Старушка приставила свою руку въ перстняхъ къ глазамъ и смотрѣла въ садъ.

— А третій-то кто?

— Анастасьевъ...

— А-а-а! Что̀ это онъ и идти-то прямо не можетъ, весь раскисъ. Это молодые люди! Господи Боже мой!... Потрудитесь-ка мнѣ поставить большія кресла сюда.

Нечего дѣлать, я долженъ былъ подставлять ей кресла.

— Поближе къ перилам, такъ, хорошо; покорно васъ благодарю, батюшка. И, разсѣвшись въ креслахъ, она начала мыслить вслухъ:

— Отчего же это въ наше время молодые люди были вытянутые, какъ струночки, сидѣли прямо, говорили обращаясь къ каждому съ аттенціей, передъ старшими показывали особенное уваженіе, и свое мнѣніе произносили послѣ всѣхъ, скромно, съ приличіемъ, съ боязнью не проговориться, не сказать что-нибудь лишнее?...

Дѣйствіе лѣтняго теплаго вѣтерка прекратило ворчанье старушки; она сначала потупила глаза въ свои перстни и начала произносить тише, тише какія-то невнятныя слова, потомъ совсѣмъ закрыла глаза, но еще губы и подбородокъ ея долго шевелились.

Я оставилъ балконъ, пройдя на цыпочкахъ мимо дремлющей старушки.

Скоро пріѣхалъ Рябининъ. Онъ на этотъ разъ послѣ обѣда не хотѣлъ оставаться въ клубѣ, потому-что дня три передъ этимъ порядочно проигрался.

— Сегодня въ клубѣ, сказалъ онъ мнѣ:—обѣдъ посред-

ственный... (Я нарочно отъ слова до слова передаю тебѣ его разговоры со мною, чтобы ты могъ живѣе и во всей подробности представить его)—весьма посредственный; хорошо еще, что у меня аппетита не было, спросилъ себѣ бутылку мадеры и одинъ провозился съ нею. Рюмка за рюмкой, и раздумался я о тебѣ.

— Что̀ же ты думалъ обо мнѣ?

— Много и очень много! Ты мнѣ кажешься подозрительнымъ,—и онъ погрозилъ мнѣ.

— Подозрительнымъ? спросилъ я.

— Не притворяйся! Ты понимаешь, въ чемъ дѣло. Ты разлюбилъ меня, а иначе былъ бы со мною откровеннѣе.

— Растолкуй же мнѣ, что̀ ты хочешь сказать?

— Гм! растолковать!... Рябининъ положилъ руки на мои плечи и сказалъ мнѣ протяжно: посмотри на меня прямо, открыто.

Я не могъ не разсмѣяться, смотря на него.

— Смѣешься, плутъ?... На твоемъ лицѣ я читаю все, все; отъ меня не укроешься. И зачѣмъ бы, казалось, укрываться отъ меня? Я передаю тебѣ то, что̀ еще и не выработалось въ моей внутренней лабораторіи, сокровенное сердца моего тебѣ извѣстно, а ты себѣ на умѣ... Но предисловія всѣ въ сторону. Я знаю, ты любишь. Такъ ли?

— Да напрасно ты думалъ, что я стану передъ тобой скрываться.

Рябининъ задумался и опустилъ голову.

— Кого любишь, спрашивать мнѣ нечего — я знаю. И мнѣ это горько, потому-что любовь твоя не такая, какъ бы должна быть... Не возражай мнѣ... Морали я тебѣ читать не буду, не бойся, а объявить тебѣ долженъ, что ты затѣялъ игру опасную. Эти княжны по бо̀льшей части отличныя куколки, нарядныя, красивыя. Ихъ поставить бы подъ стеклянный колпачекъ, да и любоваться ими. Издалека, въ театрѣ, въ экипажѣ, на балконѣ, на гуляньѣ смотри на нихъ сколько душѣ угодно. Пожалуй, люби ихъ, но чистою любовью художника, какъ любишь отличныя картины въ богатой галлереѣ. Влюбляться же въ нихъ, какъ влюбляются молодые и пылкіе люди, сохрани Боже и помилуй! Притворяться влюбленнымъ,

для какой-либо цѣли, почему не такъ, — противъ этого я ни слова.

Эта длинная тирада взбѣсила меня.

— Притворяться для какой-нибудь цѣли? закричалъ я: — это подло и низко! ты самъ не знаешь, что̀ говоришь...

— Въ жару не можетъ и шутки понять! Молодая кровь!

— Увѣрять, продолжалъ я: — что всѣ княжны не болѣе, какъ нарядныя куклы — старо и нелѣпо. И почему ты ихъ знаешь? развѣ ты былъ въ большомъ свѣтѣ? развѣ только одно среднее сословіе по-твоему пользуется привилегіями на глубокость души, на истинное чувство?...

— Погоди! съ дьявольскимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ мнѣ Рябининъ: — ты забросалъ меня словами. Я далекъ отъ такой нелѣпости; положимъ, что я говорю неправду, что всѣ эти княжны, безъ исключенія, такъ же хороши внутренно, какъ и наружно; увѣренъ, что твоя княжна выше и глубже ихъ всѣхъ, но я тебя только спрошу одно: если любовь твоя не очищена отъ земнаго сора, къ чему поведетъ тебя она? Отвѣчай.

Вопросъ этотъ я предвидѣлъ и на него я отвѣчалъ то же, что̀ нѣкогда писалъ къ тебѣ: «не знаю».

— Отъ *не знаю* происходятъ всѣ бѣды и несчастія наши. На *авось* жить нельзя: надобно заранѣе обдумывать каждый шагъ впередъ — что̀, и почему, и для чего? Тогда только и будешь пользоваться спокойствіемъ и счастіемъ...

— Когда любишь, тутъ не до разсчетовъ, любезный! только люди бездушные и ограниченные...

— Главное, не горячись — и выслушай меня, поусмиривъ свое волненіе. До-сихъ-поръ я молчалъ; но ты вынуждаешь меня выговорить то̀, чего я доселѣ никому не выговаривалъ и что̀ бы унесъ съ собою въ могилу. Сердце мое давно указало мнѣ на предметъ высокій и недоступный для меня и, сильно забившись, сказало: вотъ мой выборъ, повинуйся мнѣ! И я повиновался ему, и полюбилъ избранницу моего сердца; моя любовь къ ней изливается въ пѣсни, въ молитвѣ, въ благоговѣйномъ созерцаніи красоты ея; этою любовью я невольно служу искусству. Бывало, идешь, она повстрѣчается, взглянешь на нее, и отъ этого взгляда рождается стихотвореніе. Сила воли сняла съ любви моей земную, чувственную кору

и улетучила ее, одухотворила. Такая любовь свѣтла и возвышенна, ее прячу я отъ людей. Это моя святыня, а остальное все въ жизни моей — математика, разсчетъ. Стало-быть, видишь ли, не одни люди ограниченные разсчитываютъ. Люби свою княжну такою любовью, таи это чувство отъ всѣхъ, даже отъ нея самой, и живи имъ, и просвѣтляйся имъ. Такая любовь поведетъ тебя ко благу, а всякая другая къ погибели. Но, лелѣя въ душѣ небесное, не пренебрегай земнымъ: земное само по себѣ. Посмотри на меня: я умѣю сочетать одно съ другимъ. За доброе же слово не сердись. Обнимемся и поцѣлуемся.

Мы поцѣловались.

Рѣчь Рябинина очень краснорѣчива; только въ ней больше фразъ, чѣмъ истины, оттого она не произвела на меня надлежащаго дѣйствія. Я самъ нѣкогда, въ спокойномъ состояніи, разсуждалъ о неземной любви, но теперь ясно для меня, какъ Божій день, что любовь, о которой толковалъ Рябининъ, не любовь живая и дѣйствительная, а просто мечта смѣшная и ребяческая. Мнѣ кажется, онъ меня мистифицировалъ. Желалъ бы я узнать предметъ его вдохновеній, на который указало ему сердце. Но, статься можетъ, этотъ предметъ не существуетъ, и, какъ новый Петрарка, онъ создалъ себѣ свою Лауру для приданія себѣ еще бо̀льшей таинственности, которою онъ такъ любитъ окружать себя...

XI.

7 августа.

Трудно передать тебѣ то состояніе духа, въ которомъ я нахожусь послѣднее время. Я сдѣлался ко всему нестерпимо-равнодушенъ; книги ужасно надоѣли мнѣ, я не могу ничего читать. Даже если бы кто-нибудь пришелъ и сказалъ мнѣ: вотъ произведеніе Гёте, недавно найденное; оно выше всѣхъ извѣстныхъ его произведеній, вся литературная Европа отъ него въ страшномъ волненіи, о немъ только и говорятъ и пишутъ, — я выслушалъ бы все и не взялъ бы труда взглянуть на такое поэтическое чудо. Мало того, если бы дрезденская

Мадонна очутилась сейчасъ передъ моими глазами, я взглянулъ бы на нее безъ всякаго участія, какъ на тѣ масляныя картины въ рамахъ, которыя носятъ въ Москвѣ по Тверскому бульвару, а въ Петербургѣ по Невскому проспекту. Если бы *ты* вдругъ предсталъ передо мною, перенесенный изъ Рима въ подмосковную какими-нибудь чародѣйскими силами,—я и на тебя, кажется, безцѣнное сокровище мое, не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія... Я только и живу ею, только и перечитываю ея листки, и смотрю на нее, и слушаю ее; для меня только одно искусство вполнѣ существуетъ въ эту минуту — музыка. Музыка наполняетъ душу мою стремленіемъ необъяснимымъ и безконечнымъ. И чѣмъ болѣе вслушиваюсь я въ *ея* пѣніе, тѣмъ болѣе расширяется во мнѣ это отрадное чувство любви, и грудь, иногда стѣсняемая боязливымъ предчувствіемъ, начинаетъ дышать свободно... Я жажду звуковъ, божественныхъ звуковъ... таинственный міръ окружаетъ меня, когда раздаются эти звуки... я блаженствую.

Бѣдная кисть моя! Лежи въ бездѣйствіи, покрытая пылью: я долго не прикоснусь къ тебѣ. Богъ съ тобою! ты ни разу не доставила мнѣ такихъ благодатныхъ минутъ!

Князь нѣсколько разъ шутя замѣчалъ мнѣ, что во мнѣ онъ находитъ всѣ признаки истинныхъ художниковъ, и между-прочимъ необыкновенное разсѣяніе.

— У кого безпрестанно носятся въ головѣ различныя мысли и образы, тому немудрено быть разсѣяннымъ, сказалъ онъ мнѣ.—Я это совершенно понимаю.

У меня мысли и образы! Если бы онъ зналъ, что у меня нѣтъ другой мысли, кромѣ мысли о ней, о его дочери; что передо мною нѣтъ другаго образа, кромѣ ея...

Рябининъ изподтишка, кажется, посмѣивается надо мною; сидя же со мною наединѣ, онъ уже не читаетъ мнѣ проповѣдей, но молча помаваетъ головой и порой, грозя пальцемъ, произноситъ съ разстановкою:

— Странно! тебя и узнать нельзя; ты сталъ ни на что непохожъ.

Въ Англійскомъ клубѣ онъ свелъ знакомство съ однимъ изъ самыхъ толстыхъ московскихъ франтовъ, который замѣчателенъ своимъ парикомъ à la moujik, отлично сдѣланнымъ, и своимъ необычайнымъ знаніемъ въ гастрономіи. Этотъ госпо-

динъ — толстый франтъ, у себя дома обѣдаетъ отъ пятаго до девятаго часа, а въ клубъ пріѣзжаетъ обѣдать, когда всѣ выходятъ изъ-за стола, и полвечера остается въ столовой залѣ.

— Люблю его, говоритъ Рябининъ: — ѣстъ славно, съ аппетитомъ; на него смотрѣть любо. Какой у него ростбифъ! а вина, вина—какихъ нѣтъ въ цѣлой Москвѣ! Чудесный человѣкъ!.... Такими людьми пренебрегать не должно: ѣда—не послѣднее въ жизни....

Привычка мистифицировать у Рябинина дошла до такой степени, что онъ, забываясь, говоритъ и со мной такъ же, какъ съ людьми мало знакомыми, которыхъ онъ хочетъ удивлять и поражать.

Онъ ничего не знаетъ о нашей литературной перепискѣ съ княжною. На первый листокъ ея ко мнѣ о Ламартинѣ я отвѣчалъ ей предлиннымъ посланіемъ, и послѣ того получилъ отъ нея три письма. Я могу назвать эти листки ея, адресованные ко мнѣ, письмами. Не такъ ли? Въ нихъ идетъ рѣчь не объ одной литературѣ. Она такъ добра, что дѣлаетъ часто отступленія отъ главнаго предмета, и сколько прекраснаго, поэтическаго въ этихъ отступленіяхъ.... Въ нихъ видѣнъ ея свободный, самостоятельный духъ, ея независимость отъ пошлыхъ свѣтскихъ мнѣній. Нѣкоторыя строчки заставляютъ меня крѣпко задумываться; я вчитываюсь въ нихъ—и то, что̀ живетъ во мнѣ, какъ предчувствіе, какъ возможность, начинаетъ будто осуществляться, переходитъ въ явленіе дѣйствительное. Я не убѣжденъ, что она любитъ меня, но не сомнѣваюсь въ томъ, что она отличаетъ меня отъ другихъ. Я счастливъ, слишкомъ счастливъ, и въ самыя страшныя минуты недоумѣнія я все счастливъ... она отличаетъ меня отъ другихъ!...

Теперь ненужна мнѣ эта извѣстность, которой добивался я изо всѣхъ силъ, ненужна мнѣ и слава, нѣкогда въ жаркихъ юношескихъ грезахъ являвшаяся мнѣ во всей лучезарности. Все это такъ бѣдно, жалко и ничтожно! Еслибы она сказала мнѣ: брось свое искусство, я не хочу, чтобы ты былъ живописецъ, иди за мною, — я бросилъ бы все и пошелъ за нею. Любить — высшее назначеніе въ жизни.... Да.... Но я слышу твой голосъ, ты мнѣ произносишь свой тяжкій приговоръ, ты изгоняешь меня изъ свѣтлой храмины искусствъ.... Погоди, другъ.... Можетъ-быть, я еще не въ состояніи отка-

заться отъ искусства; можетъ-быть, все, что я сказалъ тебѣ сію минуту, ложь, — не вѣрь мнѣ. Разстанусь ли я навсегда съ моею кистью? Нѣтъ! Въ Италіи, обновленный, примусь я за нее снова, и не обману тѣхъ надеждъ, которыя ты, другъ, возлагалъ на меня, помнишь ли? давно, давно.... Обо мнѣ опять заговорятъ....

Что ты не пришлешь о себѣ никакой вѣсти? Не сердитъ ли ты на меня? Подвигается ли твоя картина? Окончишь ли ты ее къ моему пріѣзду? Послѣднее письмо твое и первое, полученное мною здѣсь, произвело на меня самое пріятное впечатлѣніе. Спасибо тебѣ за славные разсказы о твоемъ чужеземномъ житьѣ.... Ты требуешь отъ меня подробностей о моей жизни?... Журналъ мой, который я веду довольно-безпорядочно и отсылаю къ тебѣ акуратно, нельзя, я думаю, упрекнуть въ недостаткѣ подробностей, а скорѣе въ излишней словоохотливости.... Что дѣлать? Мнѣ хочется передать тебѣ все; ты вызвался слушать, такъ слушай же, добровольный мученикъ мой!

.... Она отличаетъ меня отъ другихъ; но меня безпокоитъ Анастасьевъ. Онъ пріѣзжаетъ сюда всякій день.... Не называй безпокойство мое ревностью. Могу ли и смѣю ли я ревновать ее? Къ-тому же, этотъ Анастасьевъ повидимому холоденъ, какъ ледъ; онъ сидитъ возлѣ нея, онъ говоритъ съ ней, но такъ нехотя, будто для того, что надобно же говорить съ кѣмъ-нибудь и о чемъ-нибудь. Равнодушіе его ко всѣмъ, ко всему изумительно, какъ-будто для него нѣтъ въ жизни ничего новаго, какъ-будто онъ все видѣлъ, все испыталъ, — и все надоѣло ему. Однажды зашла рѣчь о чьихъ-то стихахъ, онъ улыбнулся и, протягиваясь на диванѣ, сказалъ точно сквозь сонъ: «Неужели находятся люди въ наше время, которые читаютъ стихи?... Стихи — это пустыя погремушки; стоитъ переложить хоть Байрона въ прозу, чтобы убѣдиться въ этомъ.» Въ другой разъ князь спросилъ его: знаетъ ли онъ остроумное замѣчаніе Леписьѐ о Корреджіо?

Онъ покачалъ головой.

— Превосходное замѣчаніе, продолжалъ князь: — *Корреджіо*, говоритъ Леписьѐ: *не хотѣлъ подражать никому, а Корреджіо никто не могъ подражать.*

— Можетъ-быть, это остроумно, отвѣчалъ Анастасьевъ: —

только не знаю, справедливо ли? Я никогда не бралъ на себя труда изучать ни Рафаэлей, ни Корреджей; это очень-скучно, да къ-тому же и отнимаетъ много времени.

Князь немножко нахмурился, а Рябининъ наклонился къ моему уху и шепнулъ:

— Иностранные-то журналисты видно не лучше нашихъ. Этого господина нарекли они просвѣщеннымъ любителемъ художествъ. Видишь ли, какъ важны деньги? Съ деньгами дадутъ тебѣ какой хочешь титулъ.

Нѣгъ, Анастасьевъ не можетъ нравиться княжнѣ, — ей, полной жизни, для которой нужна и радость, и грусть, и тоска, и нѣга. У нея нѣтъ съ нимъ ничего общаго, но вопросъ: для чего же онъ безпокоитъ себя, дѣлая ежедневно сорокъ верстъ сюда и назадъ — не разрѣшился для меня.

Впрочемъ, у меня начинаетъ рождаться подозрѣніе, что онъ въ иныхъ случаяхъ бываетъ не такъ хладнокровенъ, какъ всегда, и посѣщаетъ домъ князя такъ часто не безъ цѣли. Дней десять тому, часу въ девятомъ вечера, возвращаясь изъ сада, гдѣ мы ходили съ Рябининымъ, я вошелъ въ ту комнату, въ которой первый разъ увидѣлъ ее. Она сидѣла за роялемъ, какъ и тогда; одна рука ея лежала неподвижно на клавишахъ, голова ея была обращена къ нему, а онъ, развалясь, по своему обыкновенію, въ креслахъ, что-то изволилъ разсказывать ей. Увидѣвъ меня, онъ приставилъ къ глазу свой лорнетъ и посмотрѣлъ на меня довольно выразительно. Ему было явно досадно, что я вошелъ въ комнату. Княжна заговорила со мной, и онъ еще разъ приставилъ къ глазу лорнетъ, обернувшись ко мнѣ. Въ первый разъ онъ удостоилъ меня своимъ вниманіемъ, и то неблагосклоннымъ.

Третьяго-дня послѣ обѣда я разсматривалъ съ княжной виды Швейцаріи; она поясняла мнѣ гравюры, указывала на тѣ мѣста, которыя болѣе всѣхъ ей нравились; она чрезвычайно-поэтически перенеслась въ прошедшее.... Я, упоенный, внималъ ей. И ты можешь представить себѣ, какъ мнѣ было непріятно въ такую минуту услышать голосъ Анастасьева, который подошелъ къ княжнѣ:

— Вы занимаетесь воспоминаніями?

— Да, отвѣчала она холодно.

— Швейцарія была бы страной довольно-сносною, если

бы не отзывалась первобытною невинностью, которая такъ нелѣпо отражается въ пастушескихъ костюмахъ ея обитателей.

Княжна молчала.

— Я сегодня чувствую большое расположеніе къ верховой ѣздѣ, продолжалъ онъ: — и вы не чувствуете ли того же, княжна?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, я поѣду, отвѣчала она.

— Что жь, прекрасно! мы составимъ кавалькаду.... Гдѣ ваша миссъ Дженни? надобно ее выписать... А вы поѣдете? спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я не ѣзжу верхомъ, отвѣчалъ я...

Черезъ четверть часа три осѣдланныя лошади стояли у подъѣзда; около нихъ хлопотали княжескіе жокеи и конюхи; между ними прохаживался и дворецкій князя въ бѣломъ накрахмаленномъ галстухѣ, въ качествѣ величайшаго охотника до лошадей.

Княжна скоро вышла въ своемъ синемъ амазонскомъ платьѣ; манишка на груди ея была застегнута тремя бирюзовыми запонками, она держала въ рукѣ небольшой хлыстикъ съ бирюзовой головкой; синій вуаль ея, откинутый назадъ, развѣвался, когда она шла.... Ты простилъ бы мнѣ мою безумную любовь къ ней, увидѣвъ ее въ эту минуту!

Она подошла ко мнѣ и спросила, отчего я не хочу ѣхать? и ожидала отвѣта моего, приложивъ свой хлыстикъ къ губамъ.

О, чего бы не отдалъ я, чтобы умѣть только ѣздить верхомъ, только бы сидѣть на лошади, не боясь свалиться съ нея!

Я отвѣчалъ ей, что не умѣю ѣздить верхомъ.

— Вы шутите? сказала она, удивленная.

— Я нисколько не шучу, княжна.

— Право? это жаль! вы не имѣете понятія объ одномъ изъ величайшихъ удовольствій въ жизни.

И она обратилась къ Анастасьеву:

— Я готова.

— Такъ скоро? А я думалъ, что вы уже раздумали ѣхать. Поѣдемте, и я готовъ. Онъ взялъ свою шляпу.

Тутъ только я въ первый разъ вполнѣ понялъ, какая разница между мною и истинно-свѣтскимъ человѣкомъ, и какая

пропасть раздѣляетъ меня отъ нея. Я показался гадокъ и жалокъ самому себѣ; я стоялъ уничтоженный, подавленный мыслію, что она только изъ одного приличія не смѣется явно надо мною; что навѣрно Анастасьевъ броситъ ей какую-нибудь остроумную фразу на мой счетъ—и она улыбнется этой фразѣ.... И холодный подъ выступалъ у меня на лицѣ при такой мысли.

Вслѣдъ за княземъ, за старушкой съ усиками и Рябининымъ потащился я любоваться на княжну и на него. Мы, зрители, остановились у подъѣзда. Княжна садилась на свою лошадь, и онъ поддерживалъ ее, онъ поправлялъ ея стремя и, кажется, коснулся ноги ея. Около миссъ Дженни онъ совсѣмъ не такъ ухаживалъ. Потомъ подвели и ему лошадь, которая была гораздо бойчѣе дамскихъ лошадей. Она давно копытомъ рыла песокъ и ржала нетерпѣливо. Дворецкій гладилъ ея шею съ самодовольнымъ лицомъ и сказалъ Анастасьеву таинственно, когда тотъ поставилъ ногу въ стремя: «Лошадка славная, сударь, дорогая; только сердита, не приведи Богъ, какъ сердита и боится щекотки. Извольте поостеречься.»

Не слушая этихъ предостереженій, онъ съ ловкостью и смѣлостью вскочилъ на лошадь, но та, почувствовавъ на себѣ незнакомаго всадника, стала на дыбы, замотала головой, отряхивая гриву и намѣреваясь сбросить съ себя дерзкаго. Испуганный князь закричалъ что-то своимъ конюхамъ; старушка затряслась отъ страха; княжна поблѣднѣла и поворотила свою лошадь въ сторону; англичанка завизжала, и жокей схватилъ ея лошадь за узду; дворецкій кричалъ въ отчаяніи: «говорилъ вамъ, сударь, что эта лошадь боится щекотки!»

Я посмотрѣлъ на Анастасьева. Лицо его не выражало не только страха, даже ни малѣйшаго безпокойства,—точно будто онъ лежалъ на диванѣ. Конюхи хотѣли подбѣжать къ нему, но онъ сдѣлалъ знакъ головой, чтобы они остались на мѣстѣ. Будто прикованный, не шевелясь въ сѣдлѣ, сдавилъ онъ бѣшеную лошадь своими ногами и какимъ-то способомъ, не умѣю сказать тебѣ, осадилъ ее, а она попятилась назадъ и, вѣроятно, почувствовавъ уваженіе къ своему всаднику, остановилась какъ вкопаная. Тогда онъ тихо проѣхалъ кругомъ зеленой площадки. Я убѣдился, что слухи о

его силѣ имѣютъ основаніе. Княжна съ замѣтнымъ удовольствіемъ посмотрѣла на него; князь прошепталъ: «славный ѣздокъ»; старушка съ усиками пошевелила губами; дворецкій поднялъ голову вверхъ отъ удивленія и поправилъ свой накрахмаленный галстухъ.

Княжна кланялась Ванѣ, который прибѣжалъ къ концу общей тревоги, и погрозила ему хлыстикомъ. Кавалькада двинулась. Старушка съ усиками заговорила:

— Не знаю, князь, какъ это вы позволяете своей дочери ѣздить верхомъ; мнѣ это удивительно. Ну, долго ли до бѣды? примѣръ былъ сейчасъ передъ вами. Да и женское ли это дѣло? позвольте спросить васъ. Отчего я не имѣла этой глупой охоты, да и никто изъ моихъ сверстницъ — ни дочь князя Ивана Григорьевича, ни графиня Анна Александровна, никто!

Съ этимъ словомъ, она съ важностью подала князю свою руку, и онъ повелъ ее наверхъ. Анастасьевъ ѣхалъ рядомъ съ княжной, немного наклонясь къ ней, какъ человѣкъ говорящій.

— О чемъ задумался? сказалъ мнѣ Рябининъ.— Посмотри на сего молодаго человѣка. Онъ взялъ Ваню на руки и поднесъ его ко мнѣ.— Видишь ли, какой умница: онъ ни о чемъ не думаетъ. Поцѣлуй меня... ну...

— Какъ вы страшно протягиваете губы! закричалъ Ваня, вырываясь изъ его рукъ:— меня княжна цѣлуетъ; васъ я не хочу цѣловать.

Рябининъ опустилъ его на землю и обратился ко мнѣ:

— Онъ счастливѣе, братецъ, насъ съ тобою. Его цѣлуютъ княжны, а насъ съ тобой княжны не поцѣлуютъ.

XII.

27 августа.

Анастасьевъ ѣздитъ сюда часто, какъ и прежде, и все такъ же зѣваетъ, лежитъ, произноситъ слова нехотя, приставляетъ къ глазу лорнетъ; княжна, по всѣмъ моимъ замѣчаніямъ, рѣшительно равнодушна къ нему; обращеніе же ея со мною становится дружескимъ: она сказала мнѣ, что отвѣты

мои на ея литературныя письма ко мнѣ будетъ всегда хранить у себя... Правда ли это? для чего она говоритъ это? къ-чему мучительно раздражаетъ во мнѣ непреодолимое чувство любви, которая начинаетъ страшить меня, когда я рѣшаюсь заглядывать въ себя?...

....Дурную вѣсть я сообщу тебѣ: третьяго-дня князь поразилъ меня и Рябинина, и, признаюсь, ударъ этотъ обоимъ намъ былъ очень чувствителенъ, потому-что совершенно неожиданъ. Онъ прислалъ просить насъ къ себѣ утромъ ранѣе обыкновеннаго и объявилъ намъ, что, по непредвидѣннымъ домашнимъ обстоятельствамъ, онъ долженъ отложить свою поѣздку въ чужіе краи до слѣдующей весны. «Не пугайтесь этого», сказалъ онъ въ заключеніе: «прошу васъ, не пугайтесь. Наши планы остаются неизмѣнными; мы должны ихъ привести въ исполненіе, и приведемъ. Осень и зиму, нѐчего дѣлать, мы вмѣстѣ поскучаемъ въ Москвѣ; однако я постараюсь употребить всѣ средства, чтобы вамъ это время показалось какъ можно короче; а тамъ, господа, на вашу родину... Италія ваша родина, не правда ли? потому-что она колыбель искусствъ.

Вышедъ отъ князя, мы посмотрѣли другъ на друга очень плачевно.

— Что? какъ ты думаешь объ этомъ? спросилъ я Рябинина.

— А ты?

— Я, право, не знаю, что̀ и думать.

— И я тоже. Недоумѣваю, что̀ это заставляетъ его откладывать поѣздку. Домашнія непредвидѣнныя обстоятельства? *Непредвидѣнныя обстоятельства* случаются только съ русскими журналистами, а я не зналъ, чтобы таковыя оказіи случались и съ русскими князьями.

— Ты, вѣрно, не останешься здѣсь до весны?... Тебѣ Москва не нравится.

Я спрашивалъ это съ маленькою боязнію получить отвѣтъ утвердительный. Оставаться одному въ домѣ князя мнѣ казалось неловко; разстаться же съ этимъ домомъ у меня не достало бы силъ. И ка̀къ я обрадовался, когда Рябининъ произнесъ:

— Правда, что Москву я не люблю, но необходимость

и собственная моя... то-есть общая наша выгода предписываетъ остаться намъ здѣсь. Мы должны играть роль весталокъ, а именно, сторожить въ князѣ тотъ пламень, который зажгли въ немъ къ превосходному литературному и художественному предпріятію, къ изданію путевыхъ записокъ. Отъ этихъ записокъ предвидятся намъ большія выгоды. Къ-тому же, я говорю тебѣ все откровенно, нынѣшній годъ въ Петербургѣ для меня былъ бы неурожайный. Я передъ отъѣздомъ сюда поссорился съ книгопродавцами. Ты не имѣешь понятія объ нихъ: это торгаши. Я началъ-было вразумлять ихъ, что книги не товаръ, а авторы не поставщики, что особенно поэты—конечно, не всѣ—люди, призванные на землю для свершенія высшей воли, что они окружены ореоломъ вдохновенія, а поэтому торговаться съ ними нельзя. Они слушали меня, разинувъ рты, ничего не поняли, и опять понесли свое: «Помилуйте-съ, да какъ же не торговаться-съ; господа-писатели-съ очень-съ запрашиваютъ, а у насъ также свой разсчетъ-съ», и прочее. Я плюнулъ, и не захотѣлъ имѣть съ ними дѣла до времени; пусть узнаютъ, что я могу жить и безъ нихъ, а впослѣдствіи я возвышу еще на себя цѣну, и они, видя, что нечего дѣлать, дадутъ мнѣ то, что̀ я захочу.

— Эге! да я не подозрѣвалъ, чтобы ты доходилъ до такихъ тонкостей.

— Такъ надобно, — и тебѣ тоже совѣтовалъ и совѣтую не пренебрегать тонкостями. Впрочемъ, вамъ, художникамъ, наживать деньгу̀ легче, да и художники народъ-то славный, не то, что̀ наша братья литераторы—мелочь-то вся. Съ ними я рѣшился не вести компаніи, потому-что завистники и сплетники эти за добро платятъ зломъ и, пожалуй, оклевещутъ тебя самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Иные изъ нихъ обнимаютъ тебя, цѣлуютъ, увѣряютъ въ любви и дружбѣ, а отвернись только отъ нихъ — они ту же секунду начинаютъ тебя чернить и поносить, и даже предпринимать противъ тебя различныя злоухищренія... И въ головѣ-то у нихъ ничего нѣтъ: начнешь читать имъ не стишки, а вещь солидную, напримѣръ поэму, или другое-что — дремлютъ. Художники не таковы... А! кстати, я еще не читалъ тебѣ отрывка изъ новой моей поэмы. Пойдемъ-ка домой.

Отъ двѣнадцати до половины пятаго слушалъ я Рябинина, не промолвилъ слова. И это только отрывокъ! Мѣстами много поэтическаго, но все вмѣстѣ утомительно. Не знаю, я ли перемѣнился, или его сочиненія, только они на меня не производятъ такого дѣйствія, какъ во время оно; увы! не приводятъ меня въ такой неописанный восторгъ!

Вечеромъ я сидѣлъ въ саду, на любимой скамейкѣ княжны, стоящей на холмѣ, откуда видно озеро. Листья начинаютъ желтѣть и опадать; заносимые вѣтромъ, они колеблются на поверхности озера; свинцовыя волны его лѣниво движутся; рыболовы, ныряя, съ крикомъ летаютъ надъ самою водою. Небо застилается сѣрыми облаками; трава потеряла свою изумрудную яркость... Грустно на сердцѣ!

Долго, долго мы еще не увидимся съ тобой, а можетъ быть и совсѣмъ не увидимся.

XIII.

3 сентября.

Передъ отъѣздомъ въ городъ, князь даетъ всякую осень балъ въ своей подмосковной, и, говорятъ, несмотря на такое невыгодное время, когда большая часть Москвы въ разъѣздѣ, на этихъ балахъ всегда бываетъ очень много. Въ этомъ я убѣдился вчера, потому-что вчера былъ этотъ прощальный балъ съ деревнею, — деревенскій балъ, bal champêtre, какъ называетъ его князь. Хлопотливый дворецкій за полторы недѣли объявилъ мнѣ объ этомъ высокоторжественномъ днѣ, и, признаюсь, самъ не знаю отчего, я ждалъ этого дня съ большимъ нетерпѣніемъ.

Наконецъ онъ наступилъ. Я проснулся ранѣе обыкновеннаго и вышелъ на крыльцо. Утро было холодное, но свѣтлое; солнце еще не успѣло обогрѣть землю, и въ тѣни на травѣ бѣлѣлъ иней. Въ домѣ и около дома замѣтно было необыкновенное движеніе: въ кухняхъ неумолкаемо и мѣрно стучали ножи; повара и поварёнки мелькали взадъ и впередъ по аллеѣ въ бѣлыхъ курткахъ; лакеи перебѣгали изъ одного отдѣленія дома въ другое... Дворецкій прохаживался съ большою торжественностью и подзывалъ къ себѣ лакеевъ,

отдавая имъ приказанія съ нахмуреннымъ челомъ, и чаще обыкновеннаго поправлялъ свой бѣлый, накрахмаленный галстухъ. Увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ и, приподнявъ свою фуражку, сказалъ:

— Доброе утро, Александръ Игнатьичъ! Хлопотъ сегодня, хлопотъ, Боже ты мой, полны руки! Благодаря Бога, погода благопріятствуетъ намъ, и я вамъ скажу, это всегда такъ: князь изволитъ назначить балъ еще за двѣ недѣли, говоритъ «въ такой-то день», и въ этотъ день всегда благорастворенная и прекрасная погода.

— Это уже особенное счастье, замѣтилъ я.

— Точно особенное счастье. Могло случиться, что и дурная была бы погода: у Бога все возможно.

— Разумѣется; а скажите, любезный Демидъ Петровичъ, не знаете ли, отчего князь отложилъ поѣздку въ чужіе краи?

Дворецкій потеръ лобъ.

— Самъ я удивляюсь: причины особенной нѣтъ; если бы, напримѣръ, что-нибудь, я зналъ бы: князь, я вамъ скажу, отъ меня ничего не скрываетъ; но на этотъ разъ, лгать нечего, такого грѣха я не беру на душу, не знаю. Эй, Владиміръ! закричалъ онъ бѣжавшему лакею: — разставьте канделабры въ столовой — сейчасъ же. Я иду вслѣдъ за тобою... До свиданія, Александръ Игнатьичъ! дѣла, дѣла, я вамъ скажу, не оберешься сегодня! Дорога каждая минута...

Въ общихъ утреннихъ приготовленіяхъ одна княжна не принимала никакого участія. Она сказала мнѣ, что ей совсѣмъ не нравятся московскіе балы съ-тѣхъ-поръ, какъ она провела одну зиму въ Петербургѣ, а другую въ Вѣнѣ...

Въ девять часовъ домъ и садъ князя горѣли огнями, и, вѣрно, далеко въ окружности виднѣлось зарево, пылавшее въ этотъ вечеръ надъ селомъ Богородскимъ...

Долго толкался я въ танцовальной залѣ; мнѣ хотѣлось ангажировать княжну, но я не рѣшался, боясь обратить на себя общее вниманіе; я думалъ, что живописецъ, танцующій на аристократическомъ балѣ — это что-то смѣшное и нелѣпое, бросающееся въ глаза. Рябининъ ходилъ вслѣдъ за мною и все твердилъ мнѣ, «что ему душно, что онъ ненавидитъ этикетъ, что всѣ эти движущіяся куклы, мужскія и женскія, ему противны»; однако на княжну онъ поглядывалъ

съ особеннымъ чувствомъ. «Хороша, соблазнительна, пышна, на нее и я заглядѣлся», говорилъ онъ: «и какъ эстетично одѣта! Она царица бала.» Рябининъ, восхищающійся княжною и передающій мнѣ свое восхищеніе, съ указательнымъ перстомъ передъ длиннымъ носомъ, въ широкихъ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, былъ очень забавенъ среди этой чопорной бальной толпы; но еще забавнѣе его показалась мнѣ старушка съ усиками: она, разукрашенная и подрумяненная, сидѣла съ огромнымъ вѣеромъ, на которомъ изображены были Венера и Адонисъ, и съ важностью обвѣвала имъ свое личико; въ ея тусклыхъ глазахъ, будто покрытыхъ слюдою, выражалось неудовольствіе,—балъ явно не удостоился чести ей нравиться, и я только того и ждалъ, что она безъ церемоніи, при всѣхъ, начнетъ свое ворчаніе.

— Анастасьевъ танцуетъ съ одной княжной и ни съ кѣмъ болѣе, сказалъ мнѣ Рябининъ.—У него вкусъ недуренъ.

Я вздрогнулъ и сейчасъ же опомнился.

— А гдѣ же Анастасьевъ? спросилъ я: — его я и не замѣтилъ.

— Вонъ направо-то: онъ сидитъ возлѣ нея и наклонился къ плечу ея. А какія у нея плечи! это бѣлизна млечная, роскошь!

Я оставилъ Рябинина, продрался сквозь толпу и сталъ сзади нея.

Княжна безпрестанно улыбалась, нюхая свой букетъ: видно Анастасьевъ нашептывалъ ей что-нибудь смѣшное; голова его, въ-самомъ-дѣлѣ, была наклонена къ самому плечу ея, и она не думала отодвинуться отъ него. У меня пробѣгалъ морозъ по кожѣ, мнѣ было досадно на нее, я готовъ былъ нагрубить ему. Вдругъ вижу я, что онъ преспокойно протягиваетъ руку къ ея букету, вырываетъ изъ него одинъ цвѣтокъ, и съ своимъ отвратительнымъ хладнокровіемъ продѣваетъ его въ петличку своего фрака. Я думалъ, что княжна разсердится на него за эту дерзость, что же? — нисколько: она послѣ этого была такъ же спокойна, такъ же привѣтливо смотрѣла на него.

Я ужъ не могъ долѣе оставаться въ залѣ; куда шелъ и зачѣмъ—не зналъ, только очутился въ саду. Шкалики ярко

горѣли въ прямыхъ аллеяхъ, освѣщая разставленныя тамъ симметрически мраморныя рожи; горничныя бѣгали и пищали по этимъ аллеямъ, да въ разныхъ мѣстахъ стояли крестьянки, смотря вверхъ на освѣщенныя окна. Мнѣ хотѣлось быть одному, и я пошелъ къ озеру. Озеро окружено было гирляндою разноцвѣтныхъ фонарей, отражавшихся въ спокойныхъ водахъ его, а за озеромъ господствовала страшная тьма: тамъ ужъ не заблагоразсудили поставить ни одного шкалика. Я отправился-было туда, но чуть не стукнулся лбомъ о дерево и возвратился, усѣвшись на скамейкѣ въ трехъ шагахъ отъ пристани, возлѣ которой стоялъ яликъ. Звуки бальной музыки слышались здѣсь едва внятно, и мнѣ стало лучше.

«Чѣмъ объяснить дерзкое поведеніе Анастасьева съ княжною?» думалъ я: «какое онъ имѣетъ право такъ самовольствовать, вырывать изъ рукъ ея цвѣты? Неужели всѣ свѣтскіе люди такіе грубіяны и такъ невѣжливо обращаются съ дѣвушками?... Неужели всѣ дѣвушки большаго свѣта позволяютъ имъ это?»

— Насилу нашелъ тебя! раздался возлѣ меня голосъ Рябинина. — Гдѣ это ты пропадаешь? Я скажу тебѣ новость: отъ нечего-дѣлать поймалъ я какого-то барина, сѣлъ съ нимъ играть въ экартѐ и выигралъ пятьсотъ рублей: вотъ и деньги... Да что̀ съ тобой? неужто все время ты просидѣлъ въ саду, и въ такой холодъ? а тамъ ужъ и мазурку кончаютъ...

— Поздравляю тебя съ выигрышемъ; да съ какими же деньгами игралъ ты? Вѣдь у тебя не было денегъ.

— Не было ни гроша, да за то было предчувствіе выиграть, а съ такимъ предчувствіемъ можно всегда играть смѣло безъ денегъ.

— Полно, продолжалъ онъ, ударяя меня по плечу:—поразвеселись. Не хорошо быть пасмурнымъ. Дай мнѣ твою руку, и пойдемъ ускореннымъ шагомъ; авось пляски скоро кончатся, и намъ дадутъ ужинать.

— Я ужинать не буду: у меня болитъ голова.

— Съ тобой каши не сваришь. Прощай; иди куда знаешь, а я прозябъ и отправлюсь въ буфетъ предохранить себя отъ сырости.

Я пришелъ къ себѣ въ комнату, бросился на кресла и въ какомъ-то безчувственномъ состояніи просидѣлъ тамъ,

кажется, около часа, потомъ вскочилъ съ креселъ, какъ испуганный, и, самъ не зная зачѣмъ, потащился опять въ бальную залу, гдѣ танцовали. Ужинъ кончился. Половина гостей разъѣхалась, многіе уѣзжали, иные сбирались ѣхать; въ залѣ была чрезвычайная суматоха. Я искалъ ее и не находилъ. Вдругъ услышалъ голосъ ея, произнесшій мое имя... Она стояла въ трехъ шагахъ отъ меня, въ глубокой амбразурѣ окна, прислонясь къ стѣнѣ, утомленная, жарко дышащая, съ пылающими щеками, съ совершенно повисшими локонами, съ поблекшимъ букетомъ въ рукѣ.

— Гдѣ вы были? спросила она меня.

— Я былъ въ своей комнатѣ, княжна.

— Что̀ это значитъ?

— То, что мнѣ здѣсь нѐчего было дѣлать.

— А я васъ вездѣ искала, я хотѣла сама ангажировать васъ...

— Я вамъ благодаренъ за вниманіе, но вы и безъ того слишкомъ устали отъ танцевъ.

— Да, это правда, я много танцовала.

— Такъ вамъ было весело?

— Очень весело.

Она выронила букетъ изъ руки. Я его поднялъ и отдалъ ей.

— Въ этомъ букетѣ недостаетъ одного цвѣтка, княжна.

— Какого цвѣтка?

— Я видѣлъ этотъ цвѣтокъ въ петлѣ чьего-то фрака...

— А! у меня отнялъ его Анастасьевъ: теперь я вспомнила. Такъ что̀ же?

— Вы ужъ забыли объ этомъ?

Княжна засмѣялась. «Развѣ это такое важное событіе, чтобы о немъ помнить цѣлую вѣчность?»

Я понялъ всю глупость моего вопроса и смутился.

Въ этотъ разъ княжна не уронила, а бросила букетъ на полъ, и еще оттолкнула его отъ себя ногой.

Я опять поднялъ его и положилъ въ свой боковой карманъ.

Она посмотрѣла на меня съ величайшимъ изумленіемъ.

— Для чего вамъ эти завянувшіе цвѣты?

— Я буду беречь ихъ, какъ воспоминаніе объ васъ.

— Воспоминаніе? Она измѣнилась въ лицѣ.—Что̀ это? вы оставляете насъ?

— Я долженъ былъ бы оставить вашъ домъ, но я не могу, — у меня не достанетъ столько твердости.

— Посмотрите, свѣтаетъ, сказала она, прерывая меня:— какъ хорошъ нерѣшительный свѣтъ зачинающагося дня, и какъ непріятно смотрѣть теперь на эти догорающія свѣчи, на жалкіе остатки бальнаго блеска!... Ахъ, вотъ миссъ Дженни! она вѣрно ищетъ меня. До завтра...

Я поклонился ей, долго смотрѣлъ на нее удаляющуюся и думалъ: еслибъ она знала, ка̀къ я люблю ее!

— Суета суетъ и всяческая суета! произнесъ Рябининъ, ухвативъ меня за руку... Я подкрѣпилъ себя ужиномъ, ты это видишь, ну, а теперь пойдемъ спать; остальное же все— суета суетъ!

XIV.

8 октября.

Вотъ мѣсяцъ, какъ не принимался я за перо, да и писать не о чемъ. Три недѣли, какъ мы живемъ въ Москвѣ,— говорю *мы*, потому-что я съ Рябининымъ принадлежу также къ семейной свитѣ князя. Князь въ послѣднее время сдѣлался къ намъ еще внимательнѣе: онъ такъ привыкъ къ нашимъ фигурамъ, что безъ насъ, я увѣренъ, ему было бы скучно; расположеніе его къ намъ совершенно-искреннее, но оно тяготитъ меня, мнѣ совѣстно жить на чужой счетъ, Богъ знаетъ для чего; ѣсть чужой хлѣбъ даромъ. Я списалъ, по просьбѣ князя, небольшой акварельный портретъ съ княжны, и ужасно недоволенъ имъ, а князь отъ него въ полномъ восторгѣ. Онъ показываетъ его всѣмъ знакомымъ своимъ — и они, покрайней-мѣрѣ при мнѣ, также приходятъ въ восхищеніе отъ моей работы, отъ моего вкуса и отъ поразительнаго сходства этого портрета съ оригиналомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, сходство есть, но я вовсе не уловилъ поэзіи ея выраженія; правда, это и нелегко. Ка̀къ передать, напримѣръ, ея глаза, то глубокіе и томные, то свѣтящіеся дѣтскою, простодушною радостію? Разумѣется, гдѣ же этимъ

господамъ входить въ такія тонкости! Отдѣлка хороша, черты лица схвачены — и портретъ чудесный. Рябининъ тотчасъ однако замѣтилъ мнѣ, когда я принесъ къ нему оконченный портретъ:—превосходно! мастерской штрихъ! но нѣтъ *этого*. Именно, нѣтъ «этого!» Онъ правъ.

Портретъ не могъ быть удачнымъ, потому-что, когда я писалъ его, у меня все вертѣлся въ головѣ Анастасьевъ. Кстати о немъ: по Москвѣ ходятъ темные слухи, что *онъ* женихъ ея, что покуда это хранится въ тайнѣ и что будто бы такія-то обстоятельства заставили князя отложить поѣздку въ чужіе краи. Я готовъ былъ бы, пожалуй, повѣрить этимъ сплетнямъ праздношатающихся свѣтскихъ особъ обоего пола, но княжна не выйдетъ же замужъ нелюбя — она, созданная для любви пылкой и безконечной? Къ Анастасьеву она просто ничего не чувствуетъ: это увидѣлъ я изъ ея отзывовъ о немъ. Онъ, если ему угодно, можетъ имѣть на нее виды, да вѣдь ему не удивить и не соблазнить ее своимъ богатствомъ? Нѣтъ, слухамъ этимъ вѣрить смѣшно и глупо! Зачѣмъ же *онъ* не выходитъ у меня изъ головы? Зачѣмъ же всякій разъ, когда заговорятъ о княжнѣ и о немъ, у меня сжимается сердце? Другой, на моемъ мѣстѣ, назвалъ бы это предчувствіемъ... Скажи мнѣ, другъ, не правда ли, вѣрить предчувствіямъ нелѣпо? Только люди съ раздраженными нервами да женщины вѣрятъ предчувствіямъ...

Съ ней я вижусь теперь не такъ часто; деревенская жизнь не воротится. Мое счастіе и спокойствіе, кажется, исчезли также невозвратно. Здѣсь она должна безпрестанно выѣзжать то въ театръ, то къ своимъ кузинамъ и тетушкамъ, показывать имъ *свою разсѣянную лѣнь*. Она рѣдко дома. Уже передъ нею открывается длинный рядъ баловъ и различныхъ празднествъ... И онъ будетъ вездѣ передъ нею: каждый часъ, каждую минуту. Не отходя отъ глазъ ея, онъ можетъ ее пріучить къ себѣ, даже сдѣлаться ея необходимостью, какъ сдѣлались мы для князя.

И въ тѣ минуты, когда онъ глядитъ на нее, говоритъ съ ней, наклоняется къ ея плечу, какъ помнишь, на балѣ, въ тѣ минуты я одинъ лежу на своемъ диванѣ въ мучительномъ состояніи; тоска медленно, разсчетливо впускаетъ въ меня свое жало и незамѣтно высасываетъ кровь мою. Мнѣ ни за

что не хочется приняться, все лежалъ бы на диванѣ, и не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій. Только по утрамъ я учу Ваню рисованію, по ея просьбѣ. У этого мальчика славныя способности. Но я не желаю, чтобы онъ сдѣлался художникомъ въ какомъ-нибудь родѣ, да не только художникомъ, хоть сколько-нибудь глубокимъ человѣкомъ. Что за охота страдать и терзаться напрасно страданьями и терзаньями, которыя неизвѣстны другимъ счастливчикамъ, людямъ умнымъ и практическимъ?... Двѣ свѣтлыя, отрадныя минуты, въ которыя готовъ обнять цѣлый міръ—и потомъ непрерывные годы тьмы, мученій, и жалобъ, и проклятій...

Я начинаю опять ссориться съ жизнью. Тяжела жизнь!...

Я завидую Рябинину, никогда неунывающему,—или онъ умѣетъ скрывать свою внутреннюю боль, такъ что не морщится отъ нея? Дома его и не ищи: онъ или проповѣдуютъ князю о святынѣ искусства, или играетъ въ карты въ Англійскомъ клубѣ и пьетъ портеръ, потому-что съ недавняго времени портеръ предпочитаетъ другимъ напиткамъ. Всякій день также онъ увѣряетъ меня, что скоро засядетъ дома и примется за основательное изученіе древностей, и въ особенности древне-греческаго языка...

Вчера княжна ѣхала куда-то на вечеръ, и передъ отъѣздомъ прислала за мной Ваню. Ей хотѣлось, чтобы я посмотрѣлъ на нее въ полномъ блескѣ. Стало-быть, она помнитъ же обо мнѣ, думаетъ обо мнѣ?

XV.

20 октября.

Она помолвлена. Всѣ поздравляютъ ее и князя... И мнѣ надобно идти поздравлять ихъ? И я пришелъ поздравить его. Онъ спросилъ меня, не болѣнъ ли я? «Нѣтъ, я чувствую себя очень хорошо», отвѣчалъ я. Потомъ онъ сталъ говорить мнѣ, что я вѣрно вполнѣ извиню его теперь, зная настоящую причину, заставившую отложить его поѣздку въ чужіе краи; что его будущій зять хотя по наружности кажется человѣкомъ холоднымъ, но, несмотря на это, любитъ искусства и тратитъ большія деньги въ Парижѣ, помогая

тамошнимъ художникамъ и поощряя ихъ дѣятельность. Мнѣ это необыкновенно пріятно; къ-тому же, очень полезно знать... Я поздравлялъ и ее, она молча поблагодарила меня съ тою привѣтливостью и граціей, которою удостоиваютъ свѣтскія дѣвушки людей простаго сословія...

Какъ же она, созданная для любви пылкой и безконечной, рѣшилась выйдти замужъ за человѣка, котораго не любила? Вѣрно, она пожертвовала собой?... Да зачѣмъ ей приносить такія жертвы? У нея была свободная воля, отецъ — ея покорный слуга: она могла сдѣлать свободный выборъ. Она и сдѣлала свободный выборъ. Анастасьевъ предложилъ ей себя, и она подала ему свою руку, безъ всякаго размышленія, оттого, что пренебречь такимъ женихомъ было бы безразсудно, одержать же побѣду надъ милліонами славно! Теперь не только московскія граціи, но и петербургскія, и всѣ даже европейскія граціи большаго свѣта безгрѣшно могутъ позавидовать ея участи... Одна только бабушка съ усиками, говорятъ, ворчитъ и сердится на свою внучку за то, что она не будетъ ни графиней, ни княгиней: да кто же станетъ смотрѣть на эту брюзгливую развалину? Она отстала отъ всего на тысячелѣтіе, она не знаетъ, что въ наше время аристократія въ деньгахъ, а не въ титлахъ. Люди нашего времени сдѣлались поумнѣе того блаженнаго времени, въ которое она разцвѣла; намъ нужна звонкая монета, а не пустозвонныя величанья. Деньги и деньги! Рябининъ понялъ жизнь.

Но что же ей, этой княжнѣ, этой глубокой дѣвушкѣ, до общаго мнѣнія, до денегъ, до богатства? Она говорила, что ей нужно море, сливающееся съ горизонтомъ, восхожденіе солнца; она говорила, что ей вечеромъ на озерѣ съ бѣднымъ живописцемъ лучше, нежели въ бальной залѣ; что у нея есть и восторгъ, и слезы, и молитвы! А бѣдный, безсмысленный живописецъ слушалъ благоговѣйно ея сладкія рѣчи, и малодушно вѣрилъ этимъ рѣчамъ; поставилъ ее на драгоцѣнный пьедесталъ и молился ей, и любовь къ ней сдѣлалась для него жизнію, необходимостью, высшимъ счастьемъ! Вольно же ему было дурачиться, ея благосклонное вниманіе счесть за любовь, ея разсужденія о литературѣ, писанныя отъ нечего-дѣлать, за средство выказать свою душу, обнаружить стыд-

ливое чувство любви! вольно же ему было жить въ несбыточной мечтѣ, окружить себя призраками, таять и блаженствовать отъ собственныхъ фантазій!...

Вѣдь не замужъ же въ-самомъ-дѣлѣ идти за него княжнѣ!...

Да, я, презирая имя мечтателя, мечталъ, какъ сахарный пастушокъ; я грезилъ, какъ помѣшанный; я окружалъ себя обманомъ и ложью до послѣдней минуты; называлъ догадливость милыхъ и разсудительныхъ людей сплетнями; не внималъ благоразумнымъ совѣтамъ; шелъ ощупью, закрывъ глаза, не зная куда и зачѣмъ, и вотъ — остановился въ раздумьѣ на самомъ краю бездны... Возврата нѣтъ. Ну, теперь, безъ ребяческаго трепета, безъ бабьяго ропота кинься въ эту бездну!...

А искусство, ты спросишь? а жизнь для искусства?... Надо сбросить съ себя всѣ обманы, отогнать отъ себя всѣ *призраки*, разоблачить себя до-нага, покрайней-мѣрѣ хоть въ послѣднія минуты явиться дѣйствительнымъ человѣкомъ, безъ всякихъ пошлыхъ претензій... Другъ! если бы я любилъ искусство, если бы во мнѣ было истинное призваніе, я не промѣнялъ бы его, это святое искусство, на женщину, или, забывшись, тотчасъ бы опомнился и, выйдя съ торжествомъ изъ заблужденія, обновленный, принялся бы творить, а для меня, ты видишь, искусство — дѣло второстепенное. Теперь ясно мнѣ, что она была для меня выше искусства, иначе я не былъ бы убитъ... Да, я убитъ! Я не хочу жить, и мнѣ не для чего жить. Если бы я такъ любилъ искусство, какъ ее, я былъ бы великимъ творцомъ.

«Что умирать? я мнилъ: быть-можетъ, жизнь
Мнѣ принесетъ незапные дары;
Быть-можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
И творческая ночь и вдохновенье...»

Нѣтъ, полно!... Ни творческихъ ночей, ни вдохновенья у меня не могло быть... Я становился на ходули, чтобы казаться чѣмъ-нибудь; двѣ картины мои удались и понравились — довольно... Бросай кисти и палитру. Мнѣ ничего не нужно, ничего!...

---

22 октября.

Остается десять дней до ея свадьбы. Я сказался больнымъ и никуда не выхожу... Рябининъ приходитъ ко мнѣ

и говоритъ много, кажется, все въ утѣшеніе мнѣ; я ничего не могу слушать. Пусть будетъ она счастлива. О, я желаю ей счастья отъ всего моего сердца!... Обними меня и прости меня. Мы ужъ съ тобой не увидимся!

XVI.

Однажды утромъ, въ тѣ часы, когда въ домѣ князя обыкновенно все покоится сномъ сладчайшимъ, горничная княжны, блѣдная какъ смерть, вошла на цыпочкахъ въ ея спальню, едва прикасаясь ногами къ ковру. Тамъ, въ этой спальнѣ, еще не разсвѣтало: темнозеленыя, шолковыя шторы были опущены. Княжна, разумѣется, почивала. Съ осторожностью подошла горничная къ ея постели, отдернула шелковую занавѣску и тихонько, не вдругъ разбудила ее, чтобы не испугать...

Княжна полураскрыла глаза и, не отнимая головы отъ подушки, въ полуснѣ невнятно спросила у нея:

— Что̀ тебѣ надобно? который часъ?

— Еще очень рано, сударыня, отвѣчала горничная:—но я безпокою васъ, потому-что у насъ въ домѣ случилось несчастіе...

— Какое несчастіе?

Княжна отняла отъ подушки свою голову...

— Сегодня ночью г. Средневскій, живописецъ...

Княжна совсѣмъ открыла глаза...

— Что̀ такое? что̀ съ нимъ?

— Онъ застрѣлился, сударыня.

Княжна, дрожа всѣмъ тѣломъ, вскочила съ постели, схватила горничную за руку и посмотрѣла ей пристально въ лицо.

— Ты съ ума сошла? застрѣлился? Кто тебѣ сказалъ это?

— Мнѣ, ваше сіятельство, сказалъ человѣкъ Григорій, который ходилъ за нимъ, отвѣчала горничная, немного смѣшавшись.— Еще объ этомъ не знаютъ, сударыня. Еще всѣ спятъ въ домѣ, кромѣ этого человѣка.

— Точно ли ты увѣрена, Маша? Поди, бѣги скорѣй, скажи, чтобы онъ не дѣлалъ покуда никакой тревоги въ домѣ...

Горничная произнесла «слушаю», повернулась и хотѣла бѣжать, но княжна остановила ее.

— Маша, могу ли я такъ пройдти въ его комнаты, чтобы никто не могъ меня видѣть, никто не зналъ, что я была тамъ? Слышишь ли, никто?...

— Я сію секунду узнаю объ этомъ, княжна.

— Бѣги же, бѣги, Маша, скорѣй, ради Бога, скорѣй!...

Когда горничная выбѣжала, княжна оперлась рукою о столъ; глаза ея остановились; казалось, она замерла, холодная, какъ мраморъ.

Минутъ черезъ десять горничная вернулась...

— Ваше сіятельство, все готово: я взяла ключъ отъ горницъ живописца и крѣпко-на-крѣпко заказала Григорью молчать объ этомъ несчастіи (она вздохнула); только вамъ надобно идти, сударыня, по черной лѣстницѣ и пройдти темнымъ корридоромъ внизу...

Княжна ожила.

— Все равно; пожалуй, я надѣну твое платье, чтобы меня не узнали...

— Нѣтъ-съ, этого не нужно, помилуйте-съ; васъ никто не увидитъ, я провожу васъ.

— Ты проводи меня только до дверей его комнатъ и подожди въ корридорѣ... Да слышишь ли, Маша, чтобъ объ этомъ никто не зналъ!...

— Ахъ, помилуйте, сударыня! да за кого же вы меня принимаете?...

Княжна кой-какъ надѣла свой пеньюаръ, кой-какъ пригладила свои волосы, накинула на голову старую шаль и сказала горничной: «Я готова, я иду за тобою...» Голосъ и губы ея дрожали.

По узкой лѣстницѣ спустились онѣ внизъ, прошли длинный и темный корридоръ... Въ концѣ его горничная остановилась у двери...

— Ключъ! прошептала княжна.

Она едва могла вложить его въ замочную скважину, — такъ руки ея дрожали; дверь отперлась; горничная осталась у двери...

Страшно было посмотрѣть на княжну въ эту минуту. Едва дыша, полумертвая, съ посинѣлыми губами, она прошла

мастерскую и остановилась въ его кабинетѣ у бюро... Схвативъ связку ключей, лежавшихъ на этомъ бюро, она отворила ящикъ,—въ ящикѣ ничего не было; она отворила другой—и въ другомъ ничего; вдругъ схватила она съ жадностью связку почтовыхъ листковъ, мелко исписанныхъ, на которыхъ лежалъ засохшій букетъ цвѣтовъ. И букетъ, и бумажки она спрятала къ себѣ на грудь и повернулась, чтобы выйдти... Онъ лежалъ передъ нею на кушеткѣ. Она застонала, схватила себя за грудь; но сила воли спасла ее, побѣдила боль и изнеможеніе—и она, шатаясь, вышла въ корридоръ.

Возвратясь въ свою спальню, она сказала горничной едва слышно: — Разведи огонь въ каминѣ, въ той комнатѣ... Мнѣ холодно.

Огонь былъ разведенъ.

— Теперь ты ненужна мнѣ; я позвоню...

— Какъ же мнѣ выйдти? вамъ дурно, сударыня.

— Нѣтъ, ничего, поди.

Княжна бросилась на патè, противъ камина, потомъ приподнялась, обвела головой вокругъ, вынула письма и засохшіе цвѣты и начала ихъ разсматривать.

— Да, это мои письма... прошептала она: это мой букетъ... *Неужели такъ любятъ?*

Княжна привстала еще разъ, посмотрѣла на эти письма и на этотъ букетъ и бросила ихъ въ огонь... Пламя въ минуту охватило ихъ; она вздрогнула, закричала, закрыла лицо руками и упала безъ чувствъ...

Около полудня началась тревога въ домѣ князя. Князь былъ сильно пораженъ самоубійствомъ живописца. Такое необычайное происшествіе привело его въ ужасное разстройство. Въ волненіи, въ безпокойствѣ ходилъ онъ по комнатѣ, а старушка съ усиками ворчала:

— Моя правда, князь! Развѣ я не твердила вамъ, что вы принимаете къ себѣ Богъ знаетъ какихъ людей и откуда? не по-моему вышло, что ли? Слыхано ли, нанести такое оскорбленіе благородному дому за хлѣбъ-соль и ласку!... Неблагодарный мальчишка! И я всегда видѣла въ его лицѣ что-то неестественное, дикое... Безбожникъ какой! застрѣ-

литься! Видишь ли что̀ вздумалъ!... Да хоть бы гдѣ-нибудь въ полѣ, а то въ княжескомъ домѣ, покорно прошу!

Рябининъ, сидя въ своей комнатѣ съ нахмуреннымъ челомъ, поднималъ глаза въ потолокъ и твердилъ: «Странно!...»

Одинъ Ваня, сынъ дворецкаго, плакалъ горько и неутѣшно, узнавъ о смерти своего рисовальнаго учителя...

Между-тѣмъ, полиція и доктора хлопотали внизу. Осмотрѣвъ трупъ и рану, доктора рѣшили, что живописецъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ *бѣлой горячки* (delirium).

Черезъ недѣлю послѣ этой тревоги, часу въ девятомъ вечера, нѣсколько экипажей стояло близъ ярко освѣщеннаго подъѣзда княжескаго дома. Двери подъѣзда были отворены, въ дверяхъ стоялъ изукрашенный швейцаръ съ огромною булавою. На тротуарѣ у воротъ и около рѣшотки толпились въ какомъ-то ожиданіи различныя женщины въ шляпкахъ и безъ шляпокъ и съ платками на головѣ. Около нихъ, при такомъ удобномъ случаѣ, увивались господа съ усиками и въ венгеркахъ... Карета, запряженная превосходными сѣрыми рысаками, двинулась къ подъѣзду... «Вотъ невѣста поѣдетъ въ этой каретѣ», говорили женщины, стоявшія на тротуарѣ. «Ахъ, какъ бы ее увидать! Вотъ я думаю нарядная-то!» — Позвольте, сударыня, я приподниму васъ, когда она поѣдетъ, чтобы вы ее могли обозрѣть, — сказалъ одинъ франтъ въ венгеркѣ, расправляя свои усики и обратясь къ той, которая была помиловиднѣе прочихъ. — «Не просятъ васъ безпокоиться...»

Въ это время по широкому ковру лѣстницы, уставленной деревьями, тянулась блестящая свадебная процессія... Впереди бѣжали шаферы въ раззолоченныхъ мундирахъ; за ними шелъ маленькій пажъ, двоюродный братъ княжны, съ образомъ въ рукахъ... За нимъ она, прекрасная какъ всегда, вся въ бѣломъ, вся въ цвѣтахъ померанца, съ длиннымъ блондовымъ вуалемъ на головѣ, который живописно спускался назадъ; съ блестящимъ шифромъ на лѣвомъ плечѣ... За нею шла бабушка съ усиками, нарумяненная, съ шевелящимися губами... А тамъ вся эта великолѣпная и раздушенная толпа дѣвицъ и дамъ... Рябининъ стоялъ въ сторонѣ на послѣднихъ ступеняхъ лѣстницы. Когда княжна проходила мимо его, онъ

приподнялъ свои длинныя руки, поклонился ей и сказалъ: «Княжна, сегодня вы ослѣпительны!» И княжна привѣтливо улыбнулась на это восторженное поэтическое привѣтствіе.

Поѣздъ двинулся...

Въ одно утро, нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы дочери, князь разговаривалъ съ Рябининымъ въ своемъ кабинетѣ.

— Надобно, говорилъ князь: — чтобы рисунки, которые приложатся къ нашимъ путевымъ запискамъ, были превосходны, а для этого требуется художникъ въ полномъ смыслѣ слова.

— Объ этомъ не безпокойтесь, князь,—я другъ со всѣми лучшими нашими художниками; я сыщу вамъ человѣка. Онъ будетъ понадежнѣе этого Средневскаго.

— Но скажите, спросилъ князь, подходя къ Рябинину:— отчего же у него вдругъ сдѣлалась бѣлая горячка?

— Позволите ли вы мнѣ говорить съ вами откровенно, просто, безъ чиновъ?

— Пожалуйста, я прошу васъ.

— Въ немъ эта горячка таилась давно... Онъ, сумасбродъ, вздумалъ влюбиться — шутка ли? въ дочь вашу!

— Въ мою дочь? Князь вытаращилъ глаза отъ удивленія.

— Именно въ нее!

Минуты черезъ двѣ, придя въ себя, князь произнесъ:— Если это и такъ, мнѣ все-таки жаль его!

— Да, жаль; жаль, какъ человѣка, но не жаль, какъ художника. Если бы онъ былъ уменъ и слушался моихъ совѣтовъ, правда, онъ пошелъ бы въ гору, но до самой вершины, гдѣ облака, онъ никогда бы не дошелъ. Въ началѣ я ободрялъ его сильно, давалъ ему ходъ, кричалъ о немъ, какъ о великой надеждѣ... У меня метода, князь, только-что увижу искру таланта въ человѣкѣ, я начну холить и лелѣять этого человѣка и раздувать въ немъ эту Божію искру. Не удалось мнѣ возжечь въ груди его пламя, — не моя вина. Я не люблю нѣмцевъ, вы это знаете, а нѣмецъ Гофманъ сказалъ вѣрно: «что живое, внѣшнее побужденіе многіе принимаютъ за истинное призваніе къ искусству». Нашъ живописецъ былъ изъ числа этихъ многихъ...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

Полное собраніе сочиненій

Ивана Ивановича ПАНАЕВА.

Изданіе К. Т. Мартынова.

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ивана Ивановича

ПАНАЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1888.

И. И. ПАНАЕВЪ.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

И

ОЧЕРКИ.

1840—1844.

Прекрасный человѣкъ. — Онагръ. — Актеонъ. — Петербургскій Фельетонистъ. — Литературная тля. — Барыня. — Барышня.

БИБЛІОТЕКА
412

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1888.

Типографія Товарищества «Общественная Польза».
(Большая Подъяческая, № 39.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		СТРАН.
1840.	Прекрасный человѣкъ	1
1841.	Онагръ	75
»	Актеонъ	150
»	Петербургскій Фельетонистъ	276
1843.	Литературная тля	299
1844.	Барыня	391
»	Барышня	424
»	Литературный заяцъ	467
1841.	Эскизы. Изъ портретной галлереи	470

ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

«.... О немъ твердили цѣлыи вѣкъ:
«N. N. прекрасный человѣкъ!»
Пушкинъ.

ГЛАВА I.

Служащая вступленіемъ; въ ней разсказывается о томъ, въ какую счастливую минуту родился прекрасный человѣкъ.

— Тс! тс! шш! шш! Экой народецъ какой! Васька, да что же это такое? развѣ ты не можешь пройдти, не задѣвъ за что нибудь? Мало бьютъ васъ, бестіи... Нечаянно? нечаянно! Да еще бы нарочно? Шшш! Шш! Шш!... О, Господи Боже мой! чувства никакого нѣтъ въ этомъ народѣ, рѣшительно никакого.

Такъ, качая головою, шепталъ человѣкъ низенькаго роста, толстенькій, съ крошечными глазками, съ огромной лысиной, прохаживаясь на цыпочкахъ взадъ и впередъ по комнатѣ. На этомъ человѣкѣ былъ надѣтъ пестрый бухарскій халатъ и маленькая шея его была опутана бѣлымъ платкомъ, который почти совершенно закрывался широкою орденскою лентой краснаго цвѣта съ желтой каемкой...

Хотя этому человѣку было только сорокъ лѣтъ, но на его кругломъ и полномъ лицѣ рѣзко обозначались морщины, — можетъ быть, слѣдствіе усиленныхъ трудовъ, и, несмотря на полноту, лицо его было болѣзненно блѣдно — можетъ быть отъ

сидячей жизни. Глазки его, совершенно заплывшіе, будто нехотя, будто съ трудомъ глядѣли на Божій свѣтъ; къ тому же, въ эту минуту онъ моргалъ вѣками, лишенными рѣсницъ, обыкновеннаго ихъ украшенія. Но да не подумаетъ читатель, чтобъ этотъ почтенный человѣкъ моргалъ по привычкѣ, — совсѣмъ нѣтъ, онъ не имѣлъ никакихъ дурныхъ привычекъ, рѣшительнаго ничего особеннаго: какое-то торжественное спокойствіе, ненарушимая безмятежность всегда царствовали на его полной физіономіи—и онъ моргалъ вѣками только въ самыя критическія минуты своей жизни, когда душа его бывала сильно взволнована, и когда онъ сильно бытъ недоволенъ или пораженъ чѣмъ нибудь. Въ первомъ случаѣ, онъ безпрерывно моргалъ обоими глазами, во второмъ только изрѣдка подергивалъ правымъ глазомъ.

— Шш! шш! продолжалъ онъ, обраясь къ удалявшемуся въ переднюю лакею, который стучалъ своими каблуками... Ради же самого Бога, Васька шш!... Какъ же ты не возьмешь, братецъ, въ разсчетъ, что ходить тебѣ взадъ и впередъ совершенно не зачѣмъ? Сидѣлъ бы въ передней да тачалъ бы сапоги, а то нѣтъ...

Лакей остановился, обернулся лицомъ къ барину и разинулъ ротъ, но тотъ въ страшномъ испугѣ замоталъ своими коротенькими ручками, заморгалъ глазками и снова, но выразительнѣе прежняго, прошепталъ: шш!

Когда лакей вышелъ изъ комнаты, баринъ приложилъ руку къ правому уху и, казалось, сталъ къ чему-то внимательно прислушиваться... Но кругомъ была тишина ненарушимая; нагорѣвшая сальная свѣча издавала слабый свѣтъ, едва освѣщая комнату средней величины о трехъ окнахъ, уставленную красными рѣшетчатыми стульями, украшенную двумя ломберными столами и двумя зеркалами.

Черезъ минуту послышалось слабое стенаніе, какъ будто изъ другихъ сосѣднихъ комнатъ: при этихъ звукахъ, человѣкъ въ халатѣ заморгалъ почти не переводя дыханіе, опустился на стулъ, какъ бы ожидая еще что-то, но опять все по прежнему сдѣлалось тихо и, казалось, долго удерживаемый вздохъ вырвался изъ груди низенькаго и толстенькаго человѣчка и облегчилъ его. Губы его зашевелились; онъ забормоталъ что-то невнятно, но, черезъ минуту, приподнявшись со стула и зало-

живъ за спину свои коротенькія руки, которыя едва сходились назади, онъ сталъ снова прохаживаться по комнатѣ на цыпочкахъ и говорить довольно ясно, впрочемъ, шопотомъ:

— Десять лѣтъ! десять!... Истинно неисповѣдимы судьбы твои, Господи! Все это какъ будто сонъ... И зналъ, и видѣлъ, кажется, собственными глазами, а какъ-то не вѣрилось. Надо взять въ разсчетъ, что въ наше время десять лѣтъ очень много времени, очень! Однако, такое странное происшествіе долженъ считать я не иначе, какъ милостью Божіею; только если бы все благополучно кончилось! а то вѣдь десять лѣтъ, десять!... И повторяя безпрестанно это роковое число, онъ моргалъ обоими глазами.

Голова низенькаго человѣка опустилась на грудь, такъ что онъ подбородкомъ уперся въ самую середину ордена, висѣвшаго у него на шеѣ.

Въ это самое мгновеніе кто-то чуть слышно полуратворилъ дверь комнаты, противоположной передней, и чья-то голова выглянула изъ двери; но свѣча такъ нагорѣла, что невозможно было разсмотрѣть, кому принадлежала эта голова. Низенькій человѣкъ приподнялся и вздрогнулъ.

— Кто тутъ? произнесъ онъ вполголоса, и, вдругъ, какъ будто испугавшись, что проговорилъ слишкомъ громко, повторилъ едва слышно:—кто тутъ?

— Это я, батюшка Матвѣй Егорычъ, отвѣчала голова, высунувшаяся изъ двери, также шопотомъ.

— Я! я! кто же я? бормоталъ себѣ подъ носъ Матвѣй Егорычъ.—Сколько разъ говорилъ я, что на вопросъ „кто?“ должно всегда сказывать имя и отечество, или просто имя, а то я—ну что такое я?

Разсуждая такимъ образомъ, Матвѣй Егорычъ подошелъ къ столу, на которомъ стояла свѣча, и хотѣлъ сощипнуть съ нея, но рука измѣнила ему, обнаруживая его внутреннее волненіе; однако онъ продолжалъ мыслить вслухъ:

— Вишь, какъ нагорѣла! а я совсѣмъ этого и не замѣтилъ. И оплываютъ какъ! Обманулъ меня этотъ плутъ Прохоровъ, а еще знакомый человѣкъ, еще говоритъ: отличныя свѣчи, Матвѣй Егорычъ...

— Матвѣй Егорычъ!

— Кто тамъ?

Послѣ двухъ или трехъ неудачныхъ попытокъ, онъ снялъ со свѣчи, взялъ ее со стола и подошелъ къ двери, изъ которой выглядывала голова. Но подсвѣчникъ дрожалъ въ рукѣ его.

— Это ты, Василиса? Ради Бога, скажи, что такое? не случилось ли чего?

Въ самомъ дѣлѣ, морщинистая голова, повязанная платкомъ и выглядывавшая изъ двери принадлежала Василисѣ, домоправительницѣ Матвѣя Егорыча.

— Ничего, батюшка, не случилось, благодареніе Богу.

— Ничего? То-то же... Да я хотѣлъ тебѣ сказать, Василиса, продолжалъ Матвѣй Егорычъ:—если тебя спрашиваютъ: кто тутъ? то слѣдуетъ взять въ разсчетъ, что желаютъ узнать, кто именно вошелъ: Петръ, Иванъ, Егоръ, Алена, Домна или... или... но *я* не можетъ служить отвѣтомъ, *я* неопредѣленно; а всегда и на все должно отвѣчать опредѣленно.

— И! до того ли теперь, Матвѣй Егорычъ!

— Что? а развѣ что нибудь было?.. И правый глазъ Матвѣя Егорыча началъ словно подергиваться, и онъ не могъ докончить начатой рѣчи.

— Нѣтъ, все слава Богу, батюшка, ничего не было: все идетъ какъ должно; извѣстное дѣло, что не легко...

— То-то же.

Матвѣй Егорычъ покачалъ головой.

— Поди сюда, Василиса.

Онъ поставилъ свѣчу на столъ и снова заложилъ руки за спину, остановившись по срединѣ комнаты противъ домоправительницы.

— Я очень боюсь, Василиса, очень, потому что...

— Батюшка, Матвѣй Егорычъ, чего же бояться? это дѣло обыкновенное...

— Оно, конечно; но надо взять въ разсчетъ десять лѣтъ, Василиса,—вотъ что главное...

— Вѣдь у Бога все возможно, Матвѣй Егорычъ.

— Такъ, такъ; но сама ты знаешь, иногда бываютъ случаи...

— Точно, сударь, не ровёнъ бываетъ часъ.

Матвѣй Егорычъ заморгалъ обоими глазами.

— Но ты говоришь, что ничего, слава Богу?

— Въ добрый часъ сказать, батюшка.

Матвѣй Егорычъ опустилъ руку въ широкій карманъ сво-

его жилета и вынулъ оттуда табакерку, любимую свою табакерку, съ изображеніемъ дѣвицы, стоящей передъ трюмо, въ шнуровкѣ. Онъ взялъ щепотку табаку и съ разстановкой три раза медленно провелъ два пальца съ табакомъ подъ носомъ: такъ обыкновенно нюхивалъ Матвѣй Егорычъ; потомъ протянулъ руку съ табакеркой къ домоправительницѣ.

— Возьми-ка щепотку, другую, Василиса Ивановна.

Василиса взялась было за табакъ, но въ эту самую минуту опять послышался стонъ, и гораздо сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Табакерка выпала изъ руки Матвѣя Егорыча, вѣки его захлопали.

— Бѣги туда, Василиса, бѣги скорѣй, брось все это! Что-то будетъ! Боже мой! брось это, Василиса, брось...

— Ничего, батюшка, не безпокойся, все дастъ Богъ, будетъ хорошо.

И между тѣмъ она собирала съ пола на ладонь просыпанный табакъ.

— Брось все, ну чортъ съ нимъ, и съ табакомъ, бѣги скорѣй...

— А вы, батюшка, не взойдете туда? вѣдь я за тѣмъ и пришла, чтобы спросить васъ, Матвѣй Егорычъ, не зайдете ли къ намъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ей Богу не могу, Василиса. Бѣги же скорѣй. Ужь я лучше здѣсь побуду. Вѣдь, можетъ быть, ничего, продолжалъ онъ, дребезжащимъ голосомъ, смотря ей прямо въ лицо: — такъ все слава Богу и кончится? Можетъ быть, неправда ли, а? И на глазахъ его показались слезы.

— Ничего, батюшка, ничего... И Василиса отдала табакерку Матвѣю Егорычу и вышла, или, лучше сказать, выбѣжала изъ комнаты съ подобраннымъ табакомъ.

— Ничего, ничего! шепталъ Матвѣй Егорычъ, оставшись одинъ. Ничего... Конечно, оно дѣло самое простое; это случается всякій день, а въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, и въ день-то, я думаю, по нѣскольку разъ; однако надо взять въ разсчетъ десять лѣтъ, десять!...

Онъ провелъ рукою по лицу, отирая слезы, и еще разъ повторилъ: — „Десять!“

Три раза онъ прошелся по комнатѣ, три раза принимался осматривать у свѣчи, не повредился ли шалнеръ въ его люби-

мой табакеркѣ, не попортилась ли дама, стоявшая передъ трюмо; но все это онъ дѣлалъ почти машинально: мысли его заняты были чѣмъ-то важнѣйшимъ, что можно было сейчасъ замѣтить по учащенному миганью вѣкъ.

Вдругъ изъ передней раздался звонъ колокольчика; по звону можно было догадаться, что какая-то могучая рука привела его въ движеніе. Матвѣй Егорычъ вздрогнулъ.—Какой это дуракъ такъ дергаетъ за ручку колокольчика? прошепталъ онъ, подходя на цыпочкахъ къ двери передней. Звонъ раздался въ другой разъ и еще сильнѣе...

— Шш! шш!... Васька! Васька!

Но Васька ничего не слыхалъ: онъ, сидя, спалъ на прилавкѣ въ передней; на колѣняхъ его лежалъ сапогъ; съ боку, на этомъ же прилавкѣ, въ грудѣ кожи, колодокъ и сапожныхъ щетокъ, стояла оплывшая и нагорѣвшая свѣча... Видно, сонъ его былъ глубокъ и пріятенъ, если и колокольчикъ висѣвшій надъ самою его головою, не могъ разбудить его.

Матвѣй Егорычъ подошелъ къ нему и началъ расталкивать. „Экой народецъ! шепталъ онъ:— и утромъ спитъ, и вечеромъ спитъ, и ночью спитъ, всегда спитъ и ничего не хочетъ взять въ разсужденіе. Да развѣ жизнь-то дана намъ для сна? Ему, дураку, что хочешь толкуй, ничего не возьметъ въ голову. Васька!“

Лакей, ворча и протирая глаза, началъ приподниматься.

— Ну же, братецъ, проснись! Посмотри, свѣча-то какъ оплыла; вѣдь ты, безчувственное животное, пожаръ въ казенномъ домѣ сдѣлаешь. Ну, за что я тебя буду кормить, если ты все спишь?

— Я не спалъ, Матвѣй Егорычъ, ей Богу не спалъ. Зачѣмъ, сударь, спать.

— И божится! Хоть ты тутъ, что хочешь, а онъ свое. Безчувственный народъ!

Звонокъ раздался въ третій разъ.

Матвѣй Егорычъ зажалъ уши и закрылъ глаза; потомъ съ силою, которую ему придалъ гнѣвъ, толкнулъ лакея къ двери.

— Гостей не принимать... Слышишь ли? Меня нѣтъ дома, нѣтъ дома...

И, повторяя послѣднія слова, онъ вышелъ изъ передней,

немного притворилъ дверь залы и въ щелочку сталъ смотрѣть кто войдетъ.

Когда Матвѣй Егорычъ увидѣлъ вошедшаго, онъ съ чувствомъ собственнаго достоинства приподнялъ голову, поправилъ крестъ, висѣвшій у него на шеѣ, отворилъ дверь и остановился противъ вошедшаго. Во всей фигурѣ его было что-то торжественное; онъ принялъ на себя ту величавую осанку начальника, когда тотъ становится лицомъ къ лицу съ подчиненнымъ.

Вошедшій былъ департаментскій курьеръ.

— Что же это ты, братецъ, такъ стучишь? сказалъ Матвѣй Егорычъ: — поднялъ звонъ на весь домъ. Ты этакъ можешь и жену мою перепугать, и звонокъ оборвать; надо звонить осторожно. Эхъ, Афанасьевъ! а я еще думалъ, что ты деликатнѣе всѣхъ.

— Отъ его превосходительства. сказалъ курьеръ, подавая Матвѣю Егорычу огромный пакетъ.

Матвѣй Егорычъ, взявъ пакетъ, вышелъ изъ передней и почувствовалъ, что въ пакетѣ лежитъ что-то необыкновенно крѣпкое, тяжелое и правый глазъ его тотчасъ началъ значительно подергиваться. Онъ улыбнулся, улыбнулся съ такою пріятностію и добродушіемъ. что описать этого рѣшительно невозможно. Подошедши къ столу, на которомъ стояла свѣча, онъ ощупалъ пакетъ и потомъ распечаталъ его и вынулъ изъ него письмо. Въ письмѣ, обернутый въ темнокрасную ленту съ черными полосами, покоился орденъ св. Владиміра 3-й степени. Матвѣй Егорычъ тщательно развернулъ ленту, въ которой скрывался орденъ, и потомъ, держа ленту за кончики, началъ любоваться и орденомъ и лентой на нѣкоторомъ разстояніи. Орденъ живописно качался на лентѣ, потому что руки Матвѣя Егорыча дрожали отъ душевнаго волненія. Такъ прошло нѣсколько минутъ. — „Спасибо его превосходительству, ей Богу спасибо... шепталъ Матвѣй Егорычъ: — внимательность дороже всего въ начальствѣ, а орденокъ красивъ, весьма красивъ... Посмотримъ, однакожь, что пишетъ его превосходительство“.

Вытеревъ пыль со стола и положивъ орденъ на столъ, Матвѣй Егорычъ развернулъ письмо, поднесъ къ свѣчѣ и въ полголоса, съ разстановками, прочелъ слѣдующее:

„Любезный Матвѣй Егорычъ! Спѣшу препроводить къ вамъ знаки ордена Владиміра 3-й степени. Поздравляю васъ съ этою Монаршею милостью, которую вы вполнѣ заслужили вашей ревностной и полезной службой. Указъ Капитулу только вчера подписанъ; но мнѣ хотѣлось поскорѣе видѣть на васъ этотъ орденъ, и я велѣлъ купить его для васъ. Пріймите отъ меня этотъ подарокъ, какъ свидѣтельство моего истиннаго къ вамъ уваженія, съ коимъ имѣю честь быть“...

— И прочее, и прочее, произнесъ Матвѣй Егорычъ, складывая письмо и улыбаясь съ тою же невыразимою пріятностью. — И прочее.... То-то я смотрю, что крестъ-то больно красивъ.... Ай да его превосходительство! спасибо ему, ей Богу, спасибо!.. Афанасьевъ! поди же сюда, дружокъ,—закричалъ онъ курьеру, опуская руку въ карманъ своихъ панталонъ и вынимая оттуда два цѣлковыхъ.

— Имѣю честь поздравить, ваше высокородіе!

— Спасибо тебѣ, спасибо, вотъ возьми.

Курьеръ взялъ два цѣлковыхъ, поклонился и вышелъ.

Тогда Матвѣй Егорычъ взялъ со стола свѣчку и перенесъ ее на другой столъ, къ зеркалу: потомъ, опустивъ ниже на грудь орденъ св. Анны, онъ сверху св. Анны возложилъ на себя вновь пожалованный ему орденъ и началъ смотрѣться въ зеркало.

— Вотъ это орденъ! говорилъ онъ самъ съ собою, поправляя Владиміра. Слава Богу — вотъ дослужился до какой награды....

Вдругъ пронзительный младенческій крикъ перервалъ размышленія Матвѣя Егорыча: онъ заморгалъ вѣками, взрогнулъ и въ совершенномъ остолбенѣніи опустился на стулъ, только изрѣдка робко поглядывая на дверь, противоположную передней, какъ бы кого-то ожидая оттуда.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ эта дверь отворилась, и Василиса, остановившись передъ Матвѣемъ Егорычемъ, поклонилась ему въ поясъ.

— Матвѣй Егорычъ! имѣю честь поздравить васъ, батюшка, съ сынкомъ. Намъ сынка Богъ далъ....

— Сынка?... Сынка? повторилъ онъ, не двигаясь со стула, на которомъ сидѣлъ. —Сынка?... Матвѣй Егорычъ перенесъ столько сильныхъ потрясеній въ продолженіе послѣд-

няго часа, что въ эту минуту онъ совершенно смутился... Жена, Владиміръ 3-й степени, сынокъ.... все перемѣшалось и спуталось въ головѣ его. Онъ подумалъ, что это сонъ, одинъ только соблазнительный сонъ. Не шутя, сомнѣніе въ дѣйствительности всего происшедшаго дошло въ немъ до такой степени, что онъ началъ ощупывать, точно ли у него на груди виситъ владимірскій крестъ.... Увѣрясь въ послѣднемъ, онъ протеръ глаза и уже съ большимъ сознаніемъ повторилъ: — сынка?...

— Сынка, Матвѣй Егорычъ, сынка! да и какой мальчикъ-то! весь, кажется, въ васъ, батюшка.

— Въ меня?... Ну... а что Настасья Львовна?

— Ничего, батюшка, все благополучно.

— Благополучно? Что же она....

— Ничего, батюшка, лежитъ, лежитъ... Пожалуйте къ намъ, она васъ спрашивала. Гдѣ, говоритъ, Матвѣй Егорычъ; что онъ не прійдетъ ко мнѣ? Да и сынишку-то своего посмотрите. Славный мальчикъ, славный!

Матвѣй Егорычъ приподнялся со стула, потеръ лобъ и пошолъ на цыпочкахъ вслѣдъ за Василисой.

Настасья Львовна лежала на широкой постели за перегородкой, а возлѣ нея младенецъ.

Матвѣй Егорычъ подошелъ къ постели.

Настасья Львовна устремила на него томные глаза и вздохнула.

— Ну, какъ вы себя чувствуете, дружокъ?

— Благодаря Бога, проговорила она едва слышно.

— А я за васъ порядочно струхнулъ; думаю себѣ, надо взять въ разсчетъ десять лѣтъ.... Ну, поздравляю съ сыномъ.... Поздравьте же и меня, душечка, кромѣ сынка, и еще кое-съ чѣмъ...

— Съ чѣмъ же, другъ мой?

— Не говорите много, не говорите, это не хорошо.... а вотъ я вамъ сейчасъ покажу.

Матвѣй Егорычъ отвязалъ назади шеи тесемочку, снялъ крестъ и, держа орденскую ленту двумя пальцами, поднесъ крестъ къ Настасьѣ Львовнѣ.

— Вдругъ двѣ радости.... прошептала она.

— Не говорите, душечка, не говорите; теперь мы за васъ

будемъ говорить. А! Настасья Львовна! вѣдь въ счастливую минуту родился ребенокъ? Что скажете? Только что я подвязалъ крестъ на шею, какъ и слышу его крикъ.... Счастливый будетъ ребенокъ, Настасья Львовна, ей Богу, счастливый! Да гдѣ же онъ, мальга?,.. А! мое почтеніе!—Да мы его назовемъ Владиміромъ, непремѣнно Владиміромъ, въ честь пожалованнаго мнѣ ордена, который я возложилъ на себя въ самую минуту его рожденія. Какъ вы думаете, душечка?.. Вѣдь это надо взять въ разсчетъ... Не говорите, не говорите, вамъ говорить не хорошо, а такъ только улыбнитесь.... Да онъ у насъ, посмотрите, самъ со временемъ дослужится до такой же пріятной награды... а? пузырь! не правда ли? Вѣдь выдумалъ же родиться именно въ такую счастливую минуту, скажите пожалуйста!... Душечка, а знаете, вѣдь это не капитульскій крестъ: самъ его превосходительство купилъ и прислалъ мнѣ въ подарокъ.

Онъ снова поднесъ орденъ къ самымъ глазамъ супруги. Съ минуту она любовалась имъ: но уже слабость одолѣвала ее, уже орденъ представлялся ей въ туманѣ—и она заснула нечувствительно.

Матвѣй Егорычъ на цыпочкахъ вышелъ изъ спальни... Онъ все улыбался,—такъ ему было весело. Это была самая свѣтлая минута въ его службѣ, потому что вся жизнь представлялась ему въ формѣ департаментской службы...„По всѣмъ, признакамъ,—думалъ онъ:—этотъ ребенокъ будетъ счастливый, если взять въ разсчетъ минуту его рожденія...“

ГЛАВА II.

изъ которой можно вывесть заключеніе, какъ важно родиться въ счастливую минуту, а равно и то, что благонравіе, прилежаніе и другія похвальныя качества никогда не остаются безъ награды.

Матвѣй Егорычъ былъ истинно счастливъ... Что ни говорите, а въ 45 лѣтъ чинъ статскаго совѣтника и Владиміръ на шеѣ, и почетное мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, съ квартирой, съ освѣщеніемъ и отопленіемъ,—да это блаженство! И ко всему этому сынокъ Володя—заглядѣнье: такой полнень-

кій, такой румяненькій, какъ яблочко, онъ такъ мило и звучно кричалъ, такъ царапалъ маменьку и папеньку, хватая ихъ своей рученкой за лицо... Родители уже видѣли въ немъ будущую подпору своей старости, замѣчали въ немъ каждый день какія нибудь необыкновенныя способности, всѣмъ знакомымъ своимъ прокричали про его понятливость и умъ, хотя онъ не умѣлъ еще не только ходить, но и ползать. Много значитъ родиться въ счастливую минуту: люди, рождающіеся въ такія минуты, отъ колыбели до гроба обыкновенно катаются, какъ сыръ въ маслѣ. Статская совѣтница безпрестанно цѣловала своего сынка и звала его Вольдемарчикомъ; статскій совѣтникъ, каждый разъ, возвращаясь изъ присутствія, хлопалъ его по щекѣ и говорилъ самымъ ласковымъ голосомъ: „смотри ты у меня, плутъ Володька, вотъ я тебя!“ И каждый разъ послѣ этого у супруга съ супругой происходила небольшая размолвка.

— Въ васъ нѣтъ никакой нѣжности, говаривала обыкновенно Настасья Львовна Матвѣю Егорычу:—такъ не обращаются съ деликатнымъ ребенкомъ.

— Да почему же, Настенька? возражалъ Матвѣй Егорычъ:—вѣдь онъ у насъ не хрустальный.

— Почему? почему?... Ну, что, если вы такъ станете ласкать его при комъ-нибудь чужомъ и называть Володькой—позвольте спросить, что станутъ объ васъ говорить въ свѣтѣ?

— А что же такое станутъ говорить?...

И правый глазъ Матвѣя Егорыча обыкновенно начиналъ моргать, и онъ тотчасъ принимался ходить по комнатѣ, заложивъ руки назадъ.

— Что же могутъ сказать дурного? Да и развѣ мнѣ указъ, какъ другіе обращаются съ дѣтьми?... Ужь мнѣ и сына родного приласкать нельзя, какъ я хочу? да что же послѣ этого...

— Полноте, полноте, Матвѣй Егорычъ... Ужь и разворчались.

Матвѣй Егорычъ немного поморщивался, но уже ничего не возражалъ, и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія обыкновенно обращался къ своей супругѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— А что, не пора ли водочки, душечка?

Неописанна была радость родителей, когда Володя сталъ ходить, и издавать какіе-то нестройные звуки... Какое пре-

красное платьице купила ему Настасья Львовна! какого безподобнаго солдата подарилъ ему Матвѣй Егорычъ!

И что за умница былъ Володя! онъ не ломалъ и не рвалъ своихъ игрушекъ, какъ другіе дѣти; онъ даже мало и обращалъ вниманія на своего солдата, хотя у этого солдата былъ отличный красный мундиръ и безподобные усы изъ настоящаго волоса... Володя чувствовалъ болѣе наклонность къ съѣстнымъ игрушкамъ, и преимущественно къ сахарнымъ и пряничнымъ кукламъ: первыя онъ обсасывалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, вторыя грызъ (зубки у него вышли очень легко) съ проворствомъ и легкостью изумительными. Онъ не пренебрегалъ также и сдобными булками. Бывало, цѣлый день, съ утра до вечера, онъ или грызетъ, или жуетъ, или сосетъ, а потому въ домѣ было совсѣмъ его не слышно. Многіе упрекали Матвѣя Егорыча и Настасью Львовну за то, что они баловали Володю: но вѣдь онъ у нихъ былъ одинъ, одно сокровище, одно утѣшеніе, одна надежда. Сынъ, родившійся у нихъ въ первый годъ брака, черезъ два мѣсяца умеръ, и послѣ этого десять лѣтъ жили они бездѣтно, и уже совершенно отчаялись имѣть подпору подъ старость дней своихъ, какъ вдругъ, неожиданно, черезъ десять лѣтъ Богъ послалъ имъ такую радость, а ровно черезъ два года послѣ рожденія Володи, еще неожиданнѣе, другую,—именно дочь, которую они нарекли Марьей, въ честь бабушки Настасьи Львовны.

— Поздравляю тебя, Матвѣй Егорычъ! говорилъ ему въ департаментѣ одинъ его сослуживецъ, также статскій совѣтникъ, но только съ парикомъ и крашеными бакенбардами, ударяя его дружески по плечу и улыбаясь, —поздравляю, братецъ, съ дочкой; ты подъ старость-то видно не на шутку пошаливать начинаешь, а?... Молодецъ! молодецъ! мы, братецъ, и помоложе тебя, кажется, да за тобой — куда! не угоняешься.

Но дочка Матвѣя Егорыча была прехилая и прещедушная, а потому ни онъ, ни Настасья Львовна не обращали на нее особеннаго вниманія и почти вовсе не ласкали ее. Она даже и не показывалась въ парадныя комнаты, то есть въ залу и гостиную, гдѣ почти безвыходно былъ Володя. Настасья Львовна всѣмъ гостямъ своимъ, цѣлуя Володю, говорила:

— Это мой фаворитъ! это милый, ласковый ребенокъ!

Время шло, и какъ-то очень не замѣтно: Володѣ уже было

10 лѣтъ. Машѣ 8... Володю по прежнему наряжали, дарили, кормили; у него успѣли даже подгнить и попортиться зубки отъ сахара; онъ расхаживалъ поднявъ вверхъ головку, и смотрѣлъ на всѣхъ смѣло. Маша была робка и застѣнчива: она все жалась въ уголокъ; она была нехороша, но у нее были живые и умные глазки, хотя Настасья Львовна и сестра ея, дѣвица Анна Львовна, жившая у нее въ домѣ, называли ее глупенькою. Машу ничѣмъ не дарили: она ходила въ заштопанныхъ чулкахъ и въ старомъ платьѣ. По крайней мѣрѣ, разъ десять въ день, повторяли ей:

— Маша, посмотри на Вольдемарчика: какъ онъ держитъ себя, какъ онъ говоритъ, какъ онъ глядитъ,—а ты вѣдь ни на что не похожа.

Всего болѣе доставалось Машѣ лѣтомъ на дачѣ. Сзади дома тянулась большая и густая роща. Маша очень любила эту рощу, и все бѣгала туда, и часто заманивала съ собою Володю. Ей было тамъ хорошо на свободѣ; она рѣзвилась, бѣгала, рвала цвѣты: ей не хотѣлось идти домой, а Володя все звалъ ее въ садъ...

— Здѣсь гадко, сестрица, говорилъ онъ: —лучше станемъ играть въ садикѣ противъ маменькиныхъ окошекъ; тамъ чистыя дорожки, а здѣсь все соръ.

Но Маша не соглашалась ни за что промѣнять свою рощу на крошечный садикъ, гдѣ она не смѣла дотронуться до цвѣтка, гдѣ она боялась измять траву. Володя жаловался за то на нее маменькѣ, и та больше драла ее за уши, а потомъ совсѣмъ запретила ей бѣгать въ рощу; но Маша не слушалась маменьки и все-таки бѣгала туда по тихоньку.

Не таковъ былъ Володя: онъ ничего не дѣлалъ не спросясь прежде у маменьки. Самое любимое его препровожденіе времени была игра въ чиновники: бывало лишь только вскочитъ съ постельки и умоется, сейчасъ посадитъ за столъ мальчика, который былъ нарочно приставленъ къ нему для забавы, положитъ передъ нимъ клочокъ бумаги, дастъ ему въ руки перо и заставитъ его чертить на бумагѣ разныя каракульки, а самъ съ важностію расхаживаетъ по комнатѣ, изрѣдка подходя къ столу съ нахмуреннымъ личикомъ и сердито повторяя:

— Ну, какой ты чиновникъ, коли порядочно строки написать не умѣешь? Дрянь, а не чиновникъ!

Все это папенька Володи дѣлалъ съ господиномъ, который часто по вечерамъ сидѣлъ у него въ кабинетѣ, а Володя все это и подсмотрѣлъ въ щелку. Матвѣй Егорычъ, увидѣвъ такія забавы своего сына, пришелъ въ совершенный восторгъ, съ чувствомъ посмотрѣлъ на него и сказалъ Настасьѣ Львовнѣ:

— О-о-о! да этотъ мальчикъ пойдетъ далеко!

Успѣхи Володи въ различныхъ наукахъ и преимущественно въ калиграфіи превзошли и маменькины и папенькины ожиданія. Заглавныя буквы писалъ онъ съ такими вычурами и завитками, что нельзя было достаточно насмотрѣться на его рукописи. Матвѣй Егорычъ со слезами на глазахъ показывалъ эти рукописи своимъ знакомымъ, которые отъ удивленія только пожимали плечами. Добрый и счастливый отецъ говорилъ, ходя по комнатѣ и качая головою:

— Первый писецъ будетъ, первый въ нашемъ департаментѣ! Ужъ на что Савельевъ, такого писца и въ военномъ министерствѣ нѣтъ, а онъ перещеголяетъ современемъ и его, непремѣнно перещеголяетъ!

Настасья Львовна, поправляя свой новый чепецъ передъ зеркаломъ, сказала съ разстановкою:

— Очень рада способности Вольдемарчика къ калиграфіи: онъ будетъ снимать сестрицѣ Аннѣ Львовнѣ канвовые узоры!

По тринадцатому году Володю отдали въ общественное заведеніе, гдѣ онъ вскорѣ и отличился благонравіемъ и прилежаніемъ. У него всѣ тетрадки содержались въ необыкновенной чистотѣ и переписаны были съ величайшимъ тщаніемъ: особенно красиво и вычурно были написаны имъ заглавные листы. Въ рекреаціонное время, когда другіе рѣзвились и бѣгали на дворѣ, Володя оставался въ классѣ и приготовлялся къ урокамъ; онъ все заучивалъ наизусть, не исключая даже ариѳметики, а впослѣдствіи алгебры и геометріи; форменный сюртучекъ его былъ всегда застегнутъ на всѣ пуговицы, а воротникъ на всѣ крючки, отчего у него подъ подбородкомъ сдѣлался даже очень замѣтный рубецъ; учебныя книги его въ шкапу были разставлены въ величайшемъ порядкѣ, а у старыхъ книгъ перемаранные ихъ прежними владѣльцами листы, на оборотѣ переплета, Володя заклеилъ новыми, чистыми бумажками: перочинный ножичекъ, грифель и карандашъ но-

силъ онъ всегда въ мѣшечкѣ, который сшила ему Василиса, по его просьбѣ. Ножичкомъ онъ дорожилъ болѣе всего, не давалъ его никому, а если и давалъ, что случалось очень рѣдко, то, какъ Иванъ Ѳедорычъ Шпонька, всегда просилъ, чтобы не скоблить пера остріемъ. По воскресеньямъ, изъ дома онъ привозилъ различныя лакомства, какъ-то изюмъ, миндаль, черносливъ и сладкіе пирожки, и кушалъ всегда потихоньку отъ всѣхъ своихъ товарищей; съѣдалъ же по маленьку, раскладывая акуратно все привезенное ровно на недѣлю.

Статскій совѣтникъ давно замѣчалъ въ сынѣ акуратность, бережливость и другія похвальныя качества; онъ, какъ добрый и нѣжный отецъ, не могъ имъ не радоваться.

— А знаете ли что, душечка, сказалъ онъ однажды своей супругѣ:—вѣдь Володя то наше истинное утѣшеніе. Начальство объ немъ говоритъ, что онъ смиренъ, какъ красная дѣвушка, съ шалунами не связывается, сидитъ себѣ все да учится.

— Безподобное дитя! возразила статская совѣтница. — Какая разница между нимъ и Машей! Куда ей до него! да онъ противъ нея баринъ,—и манеры и все этакое, а она ни на что не похожа, и держать себя не умѣетъ, вся выпятится впередъ: безобразіе просто!

— Впрочемъ, и Маша добрая дѣвочка, душечка. Дай срокъ, и она выравняется.

— Я ничего особенно добраго въ ней не вижу. У васъ, Матвѣй Егорычъ, всѣ добрые.

— Но что мнѣ особенно нравится въ Володѣ, душенька, знаете ли что?

— Какъ же я могу знать, что?

— Безотвѣтность, дружочекъ. Когда ему толкуешь что нибудь, онъ не вертится на мѣстѣ, какъ другія дѣти, а почтительно, чиннехонько слушаетъ и никогда рта не разинетъ. Рѣдкій, благонравный мальчикъ и трудолюбивый!

Володя точно былъ изъ первыхъ по трудолюбію и благонравію; правда, многіе имѣли способности гораздо лучше его, но тѣ, видно, слишкомъ надѣялись на себя и многимъ занимались небрежно, посвящая себя только исключительно любимымъ своимъ предметамъ; Володя же занимался съ одинаковымъ стараніемъ вообще всѣмъ, потому что ни одному пред-

мету не отдавалъ предпочтенія передъ другимъ. Хронологическую часть исторіи онъ зналъ чудесно, и нечего грѣха таить, любилъ при случаѣ блеснуть своими знаніями передъ товарищами. Кто-то замѣтилъ, будто онъ имѣетъ небольшое пристрастіе къ математикѣ; но врядъ ли это замѣчаніе имѣло какое нибудь основаніе, потому что онъ занимался всѣмъ въ извѣстные часы, и словеснымъ наукамъ удѣлялъ столько же времени, сколько и математическимъ. Переводы его съ французскаго на русскій языкъ были очень удачны: онъ прилагалъ все стараніе, чтобъ обработать свой слогъ. и достигъ этого. За полгода до выпуска, онъ подалъ учителю словесности сочиненіе подъ заглавіемъ: *„Поѣздка въ Парголово“*, которымъ учитель былъ необыкновенно доволенъ и сказалъ ему:

— У васъ, другъ мой, есть вкусъ; со временемъ вы можете сдѣлаться сочинителемъ; только обращайте болѣе вниманія на словосочетаніе и избѣгайте какофоніи. Это главное.

Двадцати лѣтъ, Володя окончилъ курсъ ученія и вышелъ вторымъ по списку, а на публичномъ актѣ произнесъ рѣчь: *О Русской Словесности вообще* (сочиненную, впрочемъ, не имъ, а учителемъ), въ которой чрезвычайно убѣдительно доказывалось что русская словесность началась съ Игоря и Олега и потомъ быстрыми шагами все шла къ совершенству, и что мы имѣемъ нынѣ писателей во всѣхъ родахъ, неуступающихъ иноземнымъ писателямъ, а именно по части сатирической—Кантемира, по драматической—Сумарокова, Княжнина и Озерова, по эпической—Державина. Рѣчь эта произвела значительное впечатлѣніе на многихъ почтенныхъ слушателей, которымъ особено понравилось заключеніе, написанное точно трогательно и прочитанное съ большимъ чувствомъ.

Матвѣй Егоровичъ былъ, разумѣется, въ числѣ присутствовавшихъ на актѣ. Когда сынъ его вышелъ на каѳедру, у него очень замѣтно заморгали оба глаза и очень сильно забилось сердце. Онъ слушалъ его съ напряженіемъ, не проронилъ ни одного слова изъ володинькиной рѣчи, хотя и не совсѣмъ ясно понималъ ея содержаніе. Когда же Володя кончилъ и когда отецъ увидѣлъ и услышалъ вокругъ себя одобрительные знаки и слова, у него слезы покатились по лицу градомъ; онъ, всхлипывая, бросился на встрѣчу къ сыну, обнялъ его и повторялъ прерывающимся голосомъ: «я счастливый отецъ, счастливый!.. спасибо тебѣ, Володя»!

Черезъ два мѣсяца послѣ акта, Матвѣй Егоровичъ опредѣлилъ Володю въ тотъ департаментъ, гдѣ служилъ самъ, на 800 рублей ассигнаціями жалованья. Володя усердно принялся переписывать различныя отношенія, такъ бѣгло, и вмѣстѣ такимъ правильнымъ почеркомъ, что въ самое короткое время снискалъ необыкновенное уваженіе всѣхъ канцелярскихъ чиновниковъ въ департаментѣ.

— Мастакъ, братъ, писать, говорилъ одинъ изъ такихъ своему товарищу, разсматривая бумагу, переписанную новымъ его сослуживцемъ: — право, мастакъ, нѣчего сказать! Закорючки-то онъ злодѣйски выдѣлываетъ. Савельевъ не хуже его пишетъ, да нѣтъ, заглавныя-то у него все не такъ выходятъ.

Почеркъ Володи бросился въ глаза и самому директору департамента.

— Ба! да кто это такъ хорошо пишетъ? точно жемчугомъ написано: красиво и четко! кто это? спросилъ директоръ у Матвѣя Егорыча.

Правый глазъ у Матвѣя Егорыча подернулся.

— Сынишка мой, ваше превосходительство, котораго вы изволили недавно опредѣлить, отвѣчалъ онъ.

— Прекрасная рука! А гдѣ воспитывался?

— Въ гимназіи, ваше превосходительство.

— Пусть онъ переписываетъ только министерскія бумаги. Слышите, Матвѣй Егорычъ?

— Слушаю, ваше превосходительство.

Выходя отъ директора, Матвѣй Егорычъ шепталъ, моргая:

— Счастливый отецъ! счастливый!

ГЛАВА III.

О томъ, какъ прекрасные люди любятъ во всемъ порядокъ и какое обаятельное вліяніе имѣетъ свѣтская дѣвушка на всѣхъ ее окружающихъ.

Володи.... но теперь намъ ужъ слѣдуетъ, я думаю, звать его Владиміромъ Матвѣичемъ... Владиміру Матвѣичу назначили папенька и маменька особенную комнату, въ одно окошко, очень узенькую, но довольно длинную, въ которой, впрочемъ, удобно могли уставиться кушетка, столъ, шкапъ, и нѣ-

сколько стульевъ. Онъ имѣлъ въ полномъ распоряженіи шестьдесятъ пять рублей въ мѣсяцъ; впрочемъ, Матвѣй Егорычъ совѣщался сначала объ этомъ пунктѣ съ Настасьей Львовной.

— Не много-ли молодому человѣку оставить вдругъ въ распоряженіе такую сумму? Какъ вы объ этомъ думаете, душенька?

— Отъ чего-же много? Вольдемаръ, вы сами говорите, акуратенъ и бережливъ.

— Конечно, противъ этого ни слова: но все-таки надо взять въ разсчетъ, что еще молодо-зелено; мало-ли какая блажь можетъ войдти въ голову... Кто молодъ не бывалъ... При этомъ Матвѣй Егорычъ улыбнулся еще пріятнѣе и выразительнѣе, чѣмъ когда-нибудь. — А знаешь-ли, Настинька, сколько я получалъ въ его лѣта?

— Вы мнѣ объ этомъ разъ пятьдесятъ говорили.

— Ну, а сколько? вы и не знаете...

— Очень мнѣ нужно этакіе пустяки помнить.

— Вотъ то-то же. Семь рублей въ мѣсяцъ. Правда, тогда и деньги были почти что вдвое дороже,—да, именно, вдвое: все-таки 14 рублей, а вѣдь ему прійдется по 65 рублей въ мѣсяцъ

— Да вы не себѣ-ли хотите отбирать его деньги, которыя онъ, голубчикъ, будетъ пріобрѣтать собственными трудами? Ужъ не имѣете-ли вы намѣренія откладывать ихъ себѣ на вистикъ, Матвѣй Егорычъ?

Настасья Львовна иронически улыбнулась.

Правый глазъ Матвѣя Егорыча заморгалъ:

— Вы никогда не хотите понять меня, и всѣ мои слова перетолковываете Богъ знаетъ въ какую дурную сторону...

Онъ прошелся по комнатѣ и вдругъ остановился.

— Настасья Львовна, кажется, я не подалъ вамъ повода думать о себѣ такъ дурно...

Онъ еще разъ прошелся по комнатѣ и еще разъ остановился.

— Чтобы я у родного своего сына отнималъ деньги для собственной забавы! Я только имѣлъ въ виду его нравственность, болѣе ничего... Впрочемъ, ему можно, я полагаю, безопасно позволить распоряжаться такою суммою: онъ малый разсудительный; я хотѣлъ объ этомъ прежде все-таки спросить

у васъ, — думаю себѣ — все лучше посовѣтоваться съ женою, а вы...

И такъ, Владиміръ Матвѣичъ имѣлъ въ полномъ распоряженіи 65 рублей въ мѣсяцъ, и вполнѣ оправдалъ довѣренность, оказанную ему родителями. Въ первый мѣсяцъ онъ издержалъ не болѣе 55 рублей. Сюда входили обыкновенныя, ежедневныя издержки по мелочамъ, какъ напримѣръ на извощика, — и на эти же деньги онъ запасся духами, помадою, перчатками, купилъ счеты: для записыванія прихода и расхода — маленькую тетрадку; для украшенія своей комнаты — литографированный портретъ директора, подъ начальствомъ котораго находился, и цвѣтной бумаги для рамки этого портрета... Владиміръ Матвѣичъ былъ между прочимъ, большой мастеръ клеить изъ цвѣтной бумаги разныя коробочки и футлярчики, а также и дѣлать рамки для картинокъ, которыя ни мало не уступали рамкамъ работы Юнкера. Въ число этихъ же 55 рублей онъ былъ одинъ разъ въ театрѣ. Остальные за расходомъ 10 рублей, — ассигнацію новенькую, отличнаго розоваго цвѣта, онъ спряталъ въ коробочку, нарочно устроенную имъ для денегъ. Онъ предположилъ заранѣе непремѣнно каждый мѣсяцъ откладывать отъ жалованья хоть понемногу въ эту коробочку.

Рамка на портретъ директора, свѣтло-голубая съ золотомъ, вышла очень красива, и портретъ онъ повѣсилъ надъ кушеткою. Кушетка же украсилась прекрасно-вышитою подушкою подаренною ему сестрою. Письменный столъ его былъ въ величайшемъ порядкѣ. Сургучъ, карандаши, ножикъ, ножницы и проч. разложены были будто на показъ, и Владиміръ Матвѣичъ самъ ежедневно со всѣхъ вещей въ своей комнатѣ, а также и съ мебели, вытиралъ пыль, не довѣряя этого дѣла человѣку.

Собою онъ занимался такъ же тщательно, какъ и своею комнатой. На его фракѣ никогда нельзя было увидѣть пылинки; на головѣ его былъ всегда прибранъ волосокъ къ волоску, и притомъ каждое утро онъ завивался и помадился.

Петербургскія дѣвицы и дамы должны были обращать особенное вниманіе на Владиміра Матвѣича, потому что у него было лицо полное, бѣлое и румяное; къ тому же, ростъ его былъ немножко побольше средняго, а таліи его могъ позавидовать всякій гвардейскій офицеръ, затягивающійся въ рюмочку.

Въ одно прекрасное утро, за чаемъ, Настасья Львовна сказала своему мужу:

— Вѣдь Вольдемаръ-то нашъ бель-омъ, Матвѣй Егорычъ.

— Молодчикъ!

— Я увѣрена, что онъ въ свѣтѣ выиграетъ.

— Я то же полагаю, душечка.

— Надобно свезти его на вечеръ къ Николаю Петровичу. Пусть онъ потрется въ солидныхъ семейныхъ домахъ и привыкнетъ къ свѣтскимъ пріемамъ.

— Это хорошее дѣло, душечка.

— Я замѣтила, продолжала Настасья Львовна: — что у него не такъ хорошъ входъ: правую ногу онъ выставляетъ слишкомъ впередъ, когда кланяется. Не взять-ли ему, другъ мой, нѣсколько уроковъ у танцмейстера, особенно для входа, потому что танцуетъ-то онъ прекрасно?

— Гм! Зачѣмъ бы, кажется, душечка? Это, по моему мнѣнію, просто утонченность. Я и безъ танцовальныхъ учителей вышелъ въ люди.

— Вы? — да что вы вѣчно себя въ примѣръ ставите? — мало-ли что̀ было прежде!..

Въ эту минуту вошла Анна Львовна, сестрица Настасьи Львовны, по отцѣ. Настасья Львовна чрезвычайно уважала ее и руководствовалась ея совѣтами, не смотря на то, что та была моложе ея девятнадцатью годами. Анна Львовна имѣла 10,000 рублей, которые отдавала въ проценты, и получала съ нихъ по 800 рублей ежегоднаго дохода. Она была модница, все говорила о томъ, что дѣлается въ большомъ свѣтѣ, прекрасно вышивала шерстью, читала французскіе романы и съ одной дамой, у которой жила прежде, выѣзжала на балы въ танцклассы къ Квитковскому и Марцынкевичу.

Матвѣй Егоровичъ и Настасья Львовна, до переселенія къ нимъ въ домъ Анны Львовны, жили безъ всякихъ затѣй, какъ еще и теперь живутъ очень многіе коллежскіе и даже статскіе совѣтники, пріобрѣтающіе деньги своими трудами. Они проживали только то, что получали, и этихъ денегъ имъ было слишкомъ достаточно. У нихъ всегда былъ хорошій и сытный столъ, бутылка ординарнаго вина, а по воскресеньямъ кандитерскіе пирожки. На окнахъ въ гостиной у нихъ не было занавѣсокъ, но зато стояли два или три горшка ераней; мебель

вся краснаго дерева, обитая барканомъ подъ штофъ, а на столѣ, у зеркала, подъ колпакомъ, алебастровая ваза съ запыленными цвѣтами. Анна Львовна очень легко внесла духъ реформы въ домъ сестры своей: черезъ три мѣсяца послѣ ея перемѣщенія въ этотъ домъ,—окна гостиной Настасьи Львовны красовались кисейными занавѣсками, а сама она стала все говорить о свѣтѣ и свѣтскихъ удовольствіяхъ, — купила себѣ новый чепецъ съ цвѣтами и бантами, и сшила новое шелковое платье. Наружность ея также значительно измѣнилась: лицо сдѣлалось гораздо бѣлѣе и румянѣе, и двѣ или три морщины будто какимъ-то чудомъ совершенно сгладились. Люди, привыкшіе къ злорѣчью, говорили, будто Анна Львовна бѣлилась и румянилась и присовѣтовала дѣлать то-же сестрѣ своей. Расходы Настасьи Львовны ежедневно стали увеличиваться; потребности ея непримѣтно становились шире и шире; Анна Львовна усердно старалась развивать вкусъ и понятія своей сестры — и Настасья Львовна дѣлалась все болѣе и болѣе свѣтскою, даже нѣсколько вѣтренною, хотя ей было уже 47 лѣтъ. Послѣ полугода своей новой жизни, она увидѣла, что у нея не достаетъ денегъ на расходы и принуждена была занять тысячу рублей тихонько отъ мужа.

— Здравствуй, Анета! сказала Настасья Львовна, увидѣвъ входящую сестру и не докончивъ своего возраженія мужу.

— Здравствуйте, Анна Львовна, сказалъ Матвѣй Егорычъ, привставъ съ своего мѣста: — хорошо ли почивали-съ?

Анна Львовна очень-громко произнесла: — бон-журъ, и сѣла къ чайному столу.

— Что это у тебя шевё-лисъ? развѣ ужъ такъ носятъ? спросила Настасья Львовна у сестры, глядя пристально на ея прическу.

— Да... развѣ вы не замѣтили на послѣдней картинкѣ? Пожалуйста, сестрица, не наливайте мнѣ такъ сладко. Мари, потрудитесь принести мой платокъ... Здѣсь что-то холодно, продолжала она, оборачиваясь къ своей племянницѣ, которая до сей минуты сидѣла никѣмъ незамѣченная.

Бѣлокурая, блѣдная, но очень стройная дѣвушка встала и вышла изъ комнаты.

Анна Львовна немного прищурилась и посмотрѣла ей вслѣдъ, едва замѣтно улыбаясь.

— А что, мы поѣдемъ, сестрица, въ четвергъ къ Николаю Петровичу?

— Непремѣнно поѣдемъ. Я сейчасъ только объ этомъ говорила съ Матвѣемъ Егорычемъ. Я хочу взять съ собою Володю,—пора же ему начать выѣзжать въ свѣтъ. Ну да и Машѣ надо бывать въ этихъ обществахъ, хоть я заранѣе знаю, что изъ нея ничего не сдѣлаешь. Все-таки я исполню свой долгъ...

— Эге-ге-ге! сказалъ Матвѣй Егорычъ, смотря на свои часы:—да ужъ десять часовъ. Пора и на службу царскую; а Володя-то, Настасья Львовна, каковъ?—въ восемь часовъ сегодня въ департаментъ ушелъ.

— Я его и не видала, голубчика. Вы его тамъ совсѣмъ замучите своими дѣлами.

— Ничего, ничего; пусть себѣ привыкаетъ къ дѣлу.... возразилъ Матвѣй Егорычъ, пріятно усмѣхаясь: — молодому человѣку надо думать о карьерѣ.

Когда Матвѣй Егорычъ ушелъ, Анна Львовна обратилась къ сестрѣ.

— А какое вы платье одѣнете въ четвергъ? лиловое гроденаплевое или пунсовое?

— Вотъ я ужъ объ этомъ хотѣла съ тобою посовѣтоваться, Анюточка. Какъ ты думаешь?

— Надѣньте, ма шеръ, лиловое и свой новый чепчикъ съ розовыми лентами.

— Въ самомъ дѣлѣ. Я тебѣ очень-благодарна за этотъ чепчикъ: онъ мнѣ такъ къ лицу.

— Вамъ бы надо купить блондовую косынку; нынче это въ большой модѣ. На послѣднемъ балѣ у французскаго посланника всѣ были въ блондовыхъ косынкахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? да вѣдь блондовыя-то косынки дороги!

— И, полно-те! Какъ будто вы бѣдная! На васъ всѣ обращаютъ вниманіе; вы въ такомъ чинѣ, вамъ нельзя же хуже всѣхъ одѣться,—вы живете въ свѣтѣ.

— Да, это правда. Мы вмѣстѣ съ тобою поѣдемъ въ гостиный дворъ? Ты сама выберешь мнѣ косынку?

— Это надо купить въ англійскомъ магазинѣ.

— Въ англійскомъ!... а развѣ въ гостиномъ дворѣ нѣтъ такихъ?

— Какъ же можно! Ужъ если имѣть вещь, такъ вещь хорошую.

— Въ самомъ дѣлѣ. А что, я думаю, надо будетъ надѣть брильянты?

— Непремѣнно. Нынче всѣ и на простые вечера выѣзжаютъ въ брильянтахъ.

— Я пошлю Палашку къ Носковой завтра же. У нея чудо какіе брилльянты... всѣ Брейтфусъ отдѣлывалъ,—съ большимъ вкусомъ, потому что мой-то фермуаръ уже слишкомъ простъ.

— Попросите у нея, сестрица, кстати два фермуара — и для меня тоже.

ГЛАВА IV.

О томъ, какъ иногда много зависитъ отъ соло во французскомъ кадрилѣ и какимъ образомъ въ обществѣ ведутъ себя сочинители.

Въ четвергъ, въ семь часовъ вечера. Настасья Львовна стояла въ полномъ блескѣ и даже въ блондовой косынкѣ, передъ туалетнымъ зеркаломъ и поправляла на шеѣ большой изумрудный фермуаръ, осыпанный брильянтами, любуясь ихъ блескомъ.

— Ну, что, Анюточка, хорошо я одѣта?

— Премило, отвѣтила Анна Львовна, натягивая перчатки и входя въ спальню.—Анна Львовна была разряжена блистательно: платье ея, дымчатаго цвѣта, живописно спускалось съ плечъ, вполнѣ обнаруживая ея худощавую, ослѣпительной бѣлизны грудь и длинную шею; румянецъ ярко горѣлъ на щекахъ, которыя картинно раздѣлялъ длинный горбатый носъ. Она была вся смочена духами и пропитана самолюбивыми надеждами.

Вслѣдъ за Анной Львовной вошла дочь Настасьи Львовны, въ простомъ бѣломъ платьѣ и въ бѣломъ газовомъ вуалѣ. Она была блѣдна, сравнительно съ своей маменькой и тетенькой. Казалось, предстоящее удовольствіе ни мало не радовало ея. Она, однако, съ любопытствомъ посмотрѣла на фермуаръ, горѣвшій на груди ея матери—и отошла въ сторону.

— А! и вы готовы? сказала Настасья Львовна все еще

стоявшая у зеркала, небрежно взглянувъ на свою дочь.— Отчего же это вы такую плачевную роль на себя взяли? Кажется мы не на похороны ѣдемъ.

— Анюточка, продолжала она, обращаясь къ сестрѣ:— осмотри *ее* хорошенько: она и платья то порядочно на себя надѣть не умѣетъ.

Анна Львовна подвинулась немного къ своей племянницѣ и въ двойной вызолоченный лорнетъ начала ее критически осматривать съ ногъ до головы.

— Что-то у васъ мѣшковато сзади сидитъ платье, произнесла она съ выразительною разстановкою, окончивъ осмотръ.

— Не знаю, отчего это; я не замѣтила, отвѣчала дѣвушка, краснѣя.

— Не знаете? сказала Настасья Львовна, все продолжая смотрѣться въ зеркало.—Что же вы знаете? Вмѣсто того, чтобъ вздоры-то читать, — вы бы лучше, сударыня, позанялись собою.

— Готовы ли, готовы ли, душечка? Ужъ пора: скоро восемь часовъ; покуда еще доѣдемъ! говорилъ Матвѣй Егорычъ, входя въ спальню въ новомъ вицъ-мундирѣ, съ грудью, завѣшанною орденскими лентами. Въ одно съ нимъ время вошелъ и Владиміръ Матвѣевичъ, тщательно завитой, въ коричневомъ фракѣ съ блестящими пуговицаии, держа въ рукѣ бѣлыя лайковыя перчатки.

— За мной дѣло не стоитъ. Я готова, Матвѣй Егорычъ... Палашка, зашпиль у манишки булавку съ правой-то стороны. Да ну же, дура, поворачивайся...

— У! да какая вы, мамаша, нарядная! сказалъ Владиміръ Матвѣичъ, подходя къ матери и цалуя ей ручку.

Настасья Львовна улыбнулась съ примѣтнымъ удовольствіемъ.

— И ты сегодня преавантажный, дружочекъ, возразила она. — Какія прелестныя пуговицы на фракѣ! Посмотрите, Матвѣй Егорычъ, какъ у него все мило.... Вотъ вамъ бы, сударыня, почаще посматривать на брата, да перенимать у него порядокъ и чистоту. Палашка, салопъ.... Полюбуйтесь-ка, какъ онъ одѣтъ и какое у него всегда довольное, веселое лицо.... Ну, я готова; поѣдемте....

Четверомѣстная ямская карета парой давно стояла у того подъѣзда, гдѣ жилъ статскій совѣтникъ. Въ эту четверомѣ-

стную карету первая вошла Настасья Львовна, за нею Анна Львовна; онѣ заняли первыя мѣста; напротивъ нихъ сѣли Матвѣй Егорычъ съ сыномъ и дочерью.

— На Васильевскій, въ 14-ю! закричалъ лакей, захлопнувъ дверцы.

Ровно въ девять часовъ карета остановилась у одного изъ деревянныхъ домовъ въ 14-й линіи. Семейство Матвѣя Егорыча, подъ предводительствомъ его вошло въ узкую и коротенькую переднюю, освѣщенную двумя сальными свѣчами, въ которой была нестерпимая духота отъ множества находившихся тамъ лакеевъ. Шубы и салопы грудами лежали на прилавкѣ. Музыка гремѣла. Балъ уже былъ въ полномъ разгарѣ....

— Вѣдь я говорила, ма-шеръ, что мы поздно выѣхали; отъ насъ сюда такъ далеко.... сказала Настасья Львовна, обращаясь къ своей сестрѣ съ ласковымъ упрекомъ: — а все ты, моя милая копунья!

На лицѣ Настасьи Львовны выражалось полное предчувствіе предстоявшаго ей наслажденія.

— Ахъ, Боже мой! кто же ѣздитъ на вечера ранѣе девяти часовъ? возразила Анна Львовна, поправляя свои волосы.

Владиміръ Матвѣичъ обчистилъ рукой своей фракъ и надѣлъ бѣлыя перчатки.

Дверь изъ передней въ залу отворилась. Хозяинъ и хозяйка встрѣтили новопріѣзжихъ гостей у самаго входа. Хозяйка—женщина пожилая, съ незначительнымъ лицомъ, въ чепцѣ съ цвѣткомъ; хозяинъ средняго роста, съ огромнымъ животомъ, съ Владиміромъ въ петлицѣ, съ круглымъ и краснымъ лицомъ, по которому расходились въ разныя стороны пурпуровыя жилки.

— Очень рада, Настасья Львовна.... Анна Львовна, сказала хозяйка:—ахъ и Марья Матвѣевна.... очень рада, очень.

— Рекомендую вамъ моего сына Вольдемара.

— Очень рада....

Владиміръ Матвѣичъ выступилъ немного впередъ и раскланялся.

— Это по нашей части, закричалъ хозяинъ, протягивая ему руку.... Пожалуйте-ка, молодой человѣкъ, пожалуйте.... Мы васъ сейчасъ въ дѣло пустимъ, сейчасъ за работу. У меня покорно прошу отъ танцевъ не отговариваться.... Вѣдь

вы я надѣюсь, не философъ.... Ангажируйте-ка даму, выбирайте любой цвѣточекъ.... Этотъ кадрилъ сейчасъ кончится.... Я хоть и старикъ, у меня хоть ноги и въ подагрѣ,—да я вамъ сейчасъ покажу примѣръ.. . я самъ.... вы увидите, не хуже васъ отдерну кадриль, да и провальсирую, пожалуй....

Такъ говоря, человѣкъ съ огромнымъ животомъ тащилъ за руку нашего героя. Владиміръ Матвѣичъ еще не успѣлъ опомниться отъ такого добродушнаго пріема, какъ уже очутился по срединѣ залы.

— Александра Осиповна! матушка, Александра Осиповна! продолжалъ хозяинъ дома, обращаясь къ одной пожилой дамѣ, сидѣвшей у стѣны: — вотъ я еще молодчика завербовалъ въ танцоры, да у самого что-то стариковская кровь разъигралась, и подагры не чувствую: хочу пуститься съ какой нибудь хорошенькой... не говорите только женѣ.... При этомъ Николай Петровичъ подмигнулъ.

— Проказникъ! замѣтила дама, качая головою.

— Я покажу всей молодежи, что и въ наши лѣта можно не ударить себя лицомъ въ грязь. Хотите быть моимъ *визави*, Владиміръ Матвѣичъ? а? хотите?

— Очень хорошо-съ.

— Дѣвицы-то знакомыя есть ли у васъ тутъ... Что? нѣтъ? — ну такъ вонъ ангажируйте ту, которая сидитъ третья отъ угла-то, такая смазливенькая, съ розаномъ на головѣ, черноброваяъ, кровь съ молокомъ. Ухъ, я вамъ скажу, бой-дѣвка! о чемъ хотите заговорите съ ней, не сконфузится, небось.

— Пермете муа де ву зангаже, сказалъ Владиміръ Матвѣичъ немного робкимъ голосомъ, подходя къ ней.

— Oui, m-r, отвѣчала дѣвушка съ розаномъ.

Музыка, на минуту смолкнувшая, снова загремѣла. Они стали въ ряды танцующихъ.

— Какъ хочется затянуться! въ горлѣ, братъ, совсѣмъ пересохло! сказалъ одинъ инженерный офицеръ съ завитымъ хохломъ, стоявшій сзади Владиміра Матвѣича.

— Тамъ внизу есть каморка, я провожу тебя. Коля на всякій случай взялъ съ собою четверку Жукова, отвѣчалъ чиновникъ военнаго министерства, въ мундирѣ, со шпорами и съ отличной таліей.

Владиміръ Матвѣичъ обернулся, услышавъ знакомый ему голосъ. Чиновникъ военнаго министерства былъ его товарищъ по училищу. Увидѣвъ Владиміра Матвѣича, онъ протянулъ ему руку и сказалъ:

— Здравствуй, мон-шеръ! какъ кончишь кадрилъ, приходи внизъ. Мы будемъ внизу; затянемся, — послѣ затяжки какъ-то лучше.

Окончивъ первую фигуру, герой нашъ обратился къ своей дамѣ:

— Вы любите танцовать?

— Очень съ. А вы?

— И я люблю.

Послѣ второй фигуры, онъ заговорилъ съ нею снова:

— Здѣсь очень жарко.

— Очень-съ.

Послѣ третьей онъ спросилъ у нея:

— Вы часто ѣздите въ театръ?

— Нѣтъ-съ, но я очень люблю театръ: это лучше всякого удовольствія, даже лучше танцевъ. — А вы любите?

— Люблю-съ.

Между тѣмъ, хозяинъ дома, vis-a-vis Владиміра Матвѣича, мастерски выдѣлывалъ *па*, острилъ, любезничалъ; потъ лился съ него градомъ. Дамы, глядя на него, отъ души смѣялись; дѣвицы скромно улыбались, закусивъ нижнюю губу; одна только Анна Львовна смотрѣла на него саркастически. Когда же дѣло дошло до соло, тогда и всѣ прочіе гости, игравшіе въ другихъ комнатахъ въ бостончикъ и въ вистикъ, и услышавшіе о подвигахъ Николая Петровича, съ картами въ рукахъ изо всѣхъ дверей высыпали глядѣть на него. Не смотря на сильное утомленіе, онъ очень искусно выставилъ правую ногу впередъ и немножко поболталъ ею, потомъ обернулся кругомъ, стоя на одномъ мѣстѣ — и пустился на середину круга. На серединѣ онъ снова поболталъ правою ногою и прискакнулъ; но скачокъ былъ не совсѣмъ удаченъ, потому что онъ почувствовалъ сильную боль въ ногахъ и застоналъ; — однако сила воли побѣдила эту боль; онъ не хотѣлъ уронить себя въ глазахъ такого многочисленнаго собранія, и пріободрившись, граціозно протянулъ руку своей дамѣ.... Всѣ старички, смѣясь, захлопали въ ладоши.

— Браво! Браво! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Послѣ Николая Петровича настала очередь Владиміра Матвѣича. Еще зрители не разошлись и продолжали любоваться танцующими. Владиміръ Матвѣичъ съ небольшимъ батистовымъ платочкомъ въ рукѣ, чуть-чуть нагнувъ голову на лѣвую сторону, мастерски скользнулъ по лакированному полу, взявъ немного вправо, и сдѣлалъ антраша такъ, что завитки на головѣ его пришли въ движеніе.

Сердце матери забилось отъ удовольствія, а у Матвѣя Егорыча захлопали оба глаза.

— Мило танцуетъ, замѣтило нѣсколько дамъ почти въ одинъ голосъ.

Соло, протанцованное Владиміромъ Матвѣичемъ, сдѣлало такое сильное впечатлѣніе на всѣхъ дамъ, что онъ получилъ въ этотъ вечеръ восемь приглашеній.

Восхищенный своими успѣхами, онъ сошелъ внизъ, въ комнату, гдѣ курили и куда приглашалъ его чиновникъ военнаго министерства. Но, отворивъ дверь въ эту комнату, онъ невольно отшатнулся и закашлялся. Табачный дымъ волнами ходилъ въ небольшомъ четвероугольномъ пространствѣ,—и въ этихъ волнахъ мерцалъ слабый огонекъ нагорѣвшей, засыпанной табакомъ свѣчи, мелькали какія-то лица и раздавался нестройный, оглушительный говоръ курящихъ.

Вдругъ чья-то рука съ краснымъ обшлагомъ протянулась къ Владиміру Матвѣичу изъ облакомъ дыма и втащила его въ комнату. Эта рука принадлежала уже извѣстному читателямъ чиновнику военнаго министерства.

Минуты черезъ три герой нашъ началъ понемногу приглядываться и открылъ въ этомъ чаду многихъ своихъ знакомыхъ, и между прочими одного измайловскаго офицера. Онъ подсѣлъ къ послѣднему. Предметомъ разговора былъ Александринскій театръ. Инженерный офицеръ, которому хотѣлось затянуться и у котораго новыя эполеты были сняты для того, чтобъ они не закоптились отъ дыма, волочился за одной актрисой безъ рѣчей, поэтому зналъ въ подробности всѣ закулисныя тайны этого театра и разсказывалъ различные занимательные театральные анекдоты. Но болѣе всѣхъ занималъ общество, заключенное въ этой табачной атмосферѣ, одинъ штатскій небольшого роста, очень худощавый, бѣлокурый, съ маленькими

сѣрыми глазками. Только что онъ разинетъ ротъ, тотчасъ замолчатъ и начнутъ слушать со вниманіемъ. Казалось, все находившееся тутъ общество, не выключая и двухъ офицеровъ, измайловскаго и инженернаго, питало къ этому господину особенное уваженіе и безпрекословно вѣрило всѣмъ его разсказамъ. Онъ говорилъ о разнымъ предметахъ: о томъ, что капельдинеры во всѣхъ театрахъ знаютъ его имя и отчество, что онъ знакомъ со всѣми актерами, что актеры послѣ спектакля подчуютъ его ужиномъ въ „Фениксѣ", потому что боятся его, а актрисы безпрестанно приглашаютъ его къ себѣ; что онъ все читаетъ иностранныя книги, а русскихъ не читаетъ; что онъ пишетъ статью, въ которой уничтожитъ одного актера, и водевилъ, въ которомъ уничтожитъ одного сочинителя....

— Скажите, кто же это такой? шопотомъ спросилъ Владиміръ Матвѣичъ, пораженный такими рѣчами, у своего сосѣда, измайловскаго офицера.

— Будто вы не знаете его? возразилъ измайловскій офицеръ.

Владиміръ Матвѣичъ смѣшался и покраснѣлъ.

— Нѣтъ-съ, не знаю.

— Это *Зетъ-Зетъ*...

— Тотъ, что въ газетѣ-то, братецъ, пишетъ! Это тотъ самый! замѣтилъ чиновникъ военнаго министерства.

— Неужели?

У героя нашего стукнуло сердце. Онъ въ первый разъ находился въ присутствіи такой особы; ему очень любопытно было посмотрѣть, какъ ведутъ себя сочинители въ обществѣ, какъ говорятъ они, нѣтъ ли у нихъ на лицахъ чего нибудь особеннаго, — и онъ началъ внимательно разсматривать господина Зетъ-Зета.

— Хотите, я васъ познакомлю съ нимъ? спросилъ у Владиміра Матвѣича измайловскій офицеръ.

— Мнѣ... мнѣ бы очень пріятно.

— Петръ Васильевичъ, сказалъ измайловскій офицеръ, обращаясь къ Зету-Зету: — вотъ г. Завьяловъ желаетъ съ вами познакомиться.

Владиміръ Матвѣичъ всталъ со своего стула и началъ раскланиваться.

Зетъ-Зетъ взялъ его за руку и произнесъ скороговоркою:

— Очень радъ Милости прошу ко мнѣ: я живу на Лиговкѣ, въ домѣ Михѣева, № 2345.

Потомъ онъ началъ разсказывать съ эфектомъ и съ жестами сюжетъ своей новой большой драмы съ куплетами, подъ заглавіемъ *Давидъ Теньеръ, или фламандскіе нравы.*

— Тѣ водевили, которые написаны мною, говорилъ Зетъ-Зетъ:—это такъ, мелочь, маленькія штучки,—а это ужь вещь обдѣланная, обработанная: въ моихъ водевиляхъ только эскизы, очерки, а это ужъ драма, тутъ созданіе. Извѣстно, что Теньеръ въ молодости своей былъ только подражателемъ и подражалъ всѣмъ, не только фламандскимъ, но итальянскимъ живописцамъ,—въ послѣдствіи же удалился въ деревню, долго изучалъ природу и деревенскую жизнь и потомъ уже сдѣлался великимъ творцомъ и обезсмертилъ свое имя. Это, вотъ видите ли, одинъ только сухой фактъ изъ его жизни, а остальное все я добавилъ воображеніемъ—и это мнѣ очень, очень удалось.

— У, какъ говоритъ! подумалъ Владиміръ Матвѣичъ.

— Въ первомъ актѣ я представилъ Теньера, списывающаго копіи съ Тинторета и Рубенса: онъ живетъ совершенно обезпеченный и, повидимому, счастливый, но геній его не даетъ ему покоя: онъ мучится, самъ не зная отчего, худѣетъ, блѣднѣетъ... ужъ если человѣкъ боленъ душевно, то замѣтьте, непремѣнно и лицо его измѣняется. Къ нему приходитъ заказывать одинъ вельможа копію: онъ берется окончить ее въ два дня; но душевная болѣзнь его въ эти дни увеличивается, и онъ не можетъ приняться за кисть. На третій день вельможа является за картиной, узнаетъ, что Теньеръ еще не начиналъ заказанной ему копіи, кричитъ, сердится. Теньеръ говоритъ: „Такъ ждите же здѣсь, копія ваша черезъ часъ будетъ готова!“ и съ дикимъ вдохновеніемъ схватываетъ кисть. Изумленный вельможа остается. Ровно черезъ часъ копія, не уступающая оригиналу, готова. Вельможа осыпаетъ Теньера похвалами и золотомъ, и хочетъ взять копію, но Теньеръ въ бѣшенствѣ выхватываетъ ее у него изъ рукъ, рѣжетъ ножомъ и съ дикимъ хохотомъ выбѣгаетъ изъ мастерской. Этимъ я кончилъ первый актъ.

— Чортъ знаетъ, какъ это должно быть хорошо на сценѣ! закричалъ инженерный офицеръ.

— Во второмъ актѣ, продолжалъ Зетъ-Зетъ: — Теньеръ

уже въ деревнѣ... Тутъ представлена картина фламандской жизни,—для этой сцены я много изучалъ, рылся въ книгахъ...

— Рылся въ книгахъ! Все это вздоръ! вдругъ раздался пронзительный голосъ: — да наплевать и на книги то ваши, когда тутъ дѣло идетъ о танцахъ... Господа кавалеры! этакъ-то вы оставляете дамъ?... Славно! ну, что вы тутъ разсѣлись слушать этого молодца?... а вотъ я велю запереть эту комнату, что тогда скажете? Затянулся, да и маршъ наверхъ... Ужъ эти мнѣ сочинители! мало имъ того, что обираютъ съ насъ деньги за книги, нѣтъ, еще слушай ихъ... Петръ Васильевичъ, дайте-ка мнѣ вашу руку; ну, теперь налѣво кругомъ, да наверхъ, — проповѣдуйте тамъ о вашей учености старухамъ... Господа, всѣ за мною—маршъ!

И Николай Петровичъ потащилъ за собою господина Зетъ-Зета, и вслѣдъ за ними отправились всѣ остальные.

Владиміру Матвѣичу было ужасно досадно, что хозяинъ дома такъ насильственно поступилъ съ г. Зетъ-Зетомъ: ему чрезвычайно хотѣлось дослушать сюжетъ драмы-водевиля.

Когда Николай Петровичъ оставилъ сочинителя, сочинитель на свободѣ началъ прохаживаться медленно и задумчиво въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ были карточные столы, потомъ пришелъ въ танцовальную залу, облокотился о косякъ двери, скрестилъ руки и наблюдательнымъ взоромъ сталъ слѣдить за пестрымъ движеніемъ бала...

Чиновни къ военнаго министерства, указывая на него головой, сказалъ одному изъ своихъ пріятелей:

— Вишь, какъ смотритъ? Какъ разъ спишетъ кого нибудь: вѣдь у него перо пребойкое.

Между тѣмъ, герой нашъ не пропускалъ ни одного кадриля, онъ также усердно выполнялъ бальную, какъ и департаментскую службу. Послѣдній кадриль передъ мазуркой онъ танцовалъ съ своей теткой, Анной Львовной.

— Сегодня здѣсь довольно скучно, сказала она, немного подвинувъ нижнюю губу впередъ, въ знакъ неудовольствія.

Аннѣ Львовнѣ потому казалось скучно, что ее мало ангажировали, и что измайловскій офицеръ три раза танцовалъ съ ея племянницей и только одинъ разъ съ нею.

Едва она успѣла произнести „скучно“, какъ табачная струя пронеслась въ душномъ бальномъ воздухѣ, возвѣщая о

приближеніи этого офицера. Офицеръ былъ весь пропитанъ жуковскимъ вакштафомъ.

— Какъ я люблю табачный запахъ! сказала она съ замѣтнымъ волненіемъ и, играя лорнетомъ, обратилась къ пришедшему.

— Вы не ангажированы на мазурку? сказалъ онъ.

— Нѣтъ.

Когда этотъ офицеръ говорилъ съ Анной Львовной, она немного пришепетывала на букву *т*. Выраженіе глазъ ея при вопросѣ офицера тотчасъ измѣнилось: они подернулись легкимъ туманомъ

— Такъ позвольте мнѣ танцовать съ вами? продолжалъ онъ.

Анна Львовна выразительно посмотрѣла на него и кивнула ему дружески головой.

Когда офицеръ отошелъ отъ нея, какой-то знакомый его, штатскій, сказалъ ему:

— Неужели ты хочешь танцовать съ этой размалеванной шкурой?

— Да что же дѣлать, братецъ? Всѣ хорошенькія ангажированы, а Николай Петровичъ пристаетъ: танцуй, да танцуй; такъ поневолѣ пустишься и съ этакой....

Разставляя стулья для мазурки, Владиміръ Матвѣичъ поставилъ стулъ для той, которую ангажировалъ. Это была дѣвушка лѣтъ шестнадцати, полная, круглая, курносенькая, съ съ тремя бантами на платьѣ и съ брильянтами на шеѣ.

Лишь только сѣла она на приготовленное ей мѣсто, и лишь только Владиміръ Матвѣичъ придумалъ, съ чего начать разговоръ, какъ къ ней подошелъ Зетъ-Зетъ.

Нечего дѣлать, Владиміръ Матвѣичъ опустился на свой стулъ и проглотилъ придуманныя имъ рѣчи.

Мазурка началась. Зетъ-Зетъ удалился.

Владиміръ Матвѣичъ вступилъ въ свои права и употребилъ въ дѣло придуманную имъ фразу, которая на дѣвицу съ тремя бантами произвела довольно пріятное впечатлѣніе. Мазурка длилась болѣе часа, но этотъ часъ показался для него двумя минутами.

Передъ ужиномъ Зетъ-Зетъ подошелъ къ Владиміру Матвѣичу. Владиміръ Матвѣичъ немного смутился

— Вы знакомы съ этой дѣвицей, съ которой танцовали мазурку?

— Нѣтъ-съ; я только въ первый разъ имѣлъ удовольствіе...

— А-а! Неправда-ли, мила?

— Чудо! — такая любезная, воспитанная...

— У нихъ очень пріятный домъ; по понедѣльникамъ съѣзды, познакомьтесь съ ними — она одна дочь у отца, за нею тысячекъ около двадцати доходу, но доходъ что! главное — образованіе.

— Двадцать тысячъ доходу! подумалъ Владиміръ Матвѣичъ — и мурашки пробѣжали по всему его тѣлу.

— А какъ ея фамилія?

— Рожкова.

— А гдѣ служитъ ихъ батюшка? спросилъ подбѣжавшій въ эту минуту чиновникъ военнаго министерства.

— Она изъ купеческаго званія; впрочемъ, отецъ ея почетный гражданинъ...

— Насилу-то вы кончили вашъ вистъ, Матвѣй Егорычъ, говорила Настасья Львовна, подходя къ карточному столу, исписанному мѣломъ: — вѣдь, я думаю, часовъ шесть сряду сидѣли... Что же вы сдѣлали?

— Восемь съ полтинкой зашибъ, душечка, — да, восемь съ полтинкой... Рубль съ четвертью, четыре рубля семьдесятьпять, два... да, ровно... такъ...

За ужиномъ дамы, старики и молодежь разсѣлись отдѣльно за особыми столами. Въ главѣ молодежи былъ Зетъ-Зетъ. Онъ снова завелъ рѣчь о своей драмѣ съ куплетами.

— Такъ я сказалъ, началъ онъ: — что во второмъ актѣ представленъ у меня Теньеръ въ деревнѣ... Онъ бродитъ между деревенскими жителями, вмѣшивается въ ихъ игры, пляшетъ съ ними на лугу, а между тѣмъ изучаетъ нравы и природу, и уже нѣсколько чудесныхъ картинъ написано имъ; вдругъ въ толпѣ дѣвушекъ онъ встрѣчаетъ одну, въ которую страстно влюбляется... вѣдь это очень натурально, все это могло случиться... Дѣвушка также полюбила его... Теньеръ счастливъ вполнѣ, какъ человѣкъ и какъ художникъ... Онъ сидитъ на берегу ручья и разговариваетъ съ своей любезной объ ожидающемъ ихъ счастіи. Этимъ кончается второй актъ. Въ третьемъ все пере-

мѣняется... Теньеръ въ своей мастерской съ поникшею головою. Кругомъ его нѣсколько начатыхъ и оконченныхъ имъ картинъ.. Минуты двѣ послѣ поднятія занавѣса, молчаніе; потомъ онъ приподнимаетъ голову, обводитъ блуждающіе взоры кругомъ—и говоритъ монологъ о ничтожности жизни, сомнѣвается въ своемъ призваніи, вскакиваетъ со стула и въ волненіи прохаживается по сценѣ. Дверь отворяется, входитъ старичокъ—отецъ его невѣсты—со слезами на глазахъ... Теньеръ обнимаетъ его, и они плачутъ въ объятіяхъ другъ друга... Зрители еще въ ожиданіи, что такое случилось... Въ эту минуту раздается погребальная музыка.—„Иди за мною". говоритъ Теньеру старецъ, вырываясь изъ его объятій Они уходятъ... декорація перемѣняется... Погребальная процессія; несутъ гробъ дѣвушки, убранный цвѣтами; въ этомъ гробѣ невѣста Теньера... Неутѣшный отецъ и женихъ идутъ за гробомъ... Музыка смолкаетъ въ отдаленіи... Теньеръ является сначала мрачный, но лицо его проясняется и онъ говоритъ вдохновенный: „Но я еще не совсѣмъ несчастенъ. Еще осталось ты для меня, святое искуство"!... Произнеся это, онъ упадаетъ на колѣни, воздѣвая руки къ небу—и занавѣсъ опускается.

— Прекрасно!... Превосходно! Я воображаю, какъ это будетъ на сценѣ!... Чудо какъ хорошо! раздалось вдругъ нѣсколько голосовъ.

Сочинитель продолжалъ. разрѣзывая жаркое:

— Я хотѣлъ изобразить въ этой пьесѣ, какъ сила генія торжествуетъ надъ всѣмъ.

— А скоро ваша пьеса будетъ играна на сценѣ? спросилъ измайловскій офицеръ.

— Недѣли черезъ три. Теперь разъучиваютъ роли.

— Коля! надо будетъ его вызвать, шепнулъ чиновникъ военнаго министерства другому чиновнику, сидѣвшему рядомъ съ нимъ...

— Господа, за бокалы! закричалъ хозяинъ дома. Въ рукѣ онъ держалъ бутылку полу-шампанскаго... Пробка щолкнула въ потолокъ.—Шипучка, шипучка важнѣйшая! Это вамъ за сегодняшнюю работу!

И полу-шампанское заиграло въ бокалахъ...

— Молодца выростила! ей-Богу молодца! да онъ у насъ сегодня просто очаровалъ всѣхъ, говорилъ на крыльцѣ хозяинъ

дома, провожая Матвѣя Егорыча съ Настасьей Львовной, и ударяя Владиміра Матвѣича по плечу: — вотъ будетъ тебѣ, Матвѣй Егорычъ, кормилецъ подъ старость... Да укутайся, братъ, хорошенько... вотъ такъ... безподобно. Прощайте, матушка Настасья Львовна.. прощайте...

Николай Петровичъ говорилъ правду. Владиміръ Матвѣичъ на этомъ балѣ всѣмъ необыкновенно понравился, особенно послѣ соло, и почти всѣ единогласно говорили про него: „Ахъ, какой прекрасный молодой человѣкъ!“

Въ четыре часа все семейство Матвѣя Егорыча, утомленное послѣ бала, начинало засыпать.

Матвѣй Егорычъ, засыпая, думалъ: — ну, я провелъ вечеръ все-таки не даромъ и выигралъ хоть немного, а все таки выигралъ...

Настасья Львовна, засыпая, думала: — теперь всѣ въ Петербургѣ будутъ говорить о томъ, что у меня отличные брильянты, потому что всѣ дамы не могли налюбоваться фермуаромъ который я брала у Носковой. Пусть себѣ думаютъ, что это мой...

Анна Львовна, засыпая, думала: — вѣрно *онъ* (подъ этимъ мѣстоименіемъ она разумѣла измайловскаго офицера) имѣетъ на меня виды: не даромъ же онъ танцовалъ со мною мазурку и говорилъ такъ двусмысленно... Ахъ, если бы...

Владиміръ Матвѣичъ, засыпая, думалъ: — какая миленькая.. какіе глазки... и какъ говоритъ!... Чтожъ такое, что купеческая дочка?... Вѣдь отецъ-то ея почетный гражданинъ... двадцать тысячъ дохода!... Больше тысячи-пятисотъ въ мѣсяцъ.. Славно, чортъ возьми!...

Одна Маша очень крѣпко заснула отъ усталости и ни о чемъ не думала.

ГЛАВА V.

О томъ, какимъ страшнымъ соблазнамъ подвергается молодой человѣкъ вступающій въ свѣтъ.

Всю ночь Владиміру Матвѣичу снилась дочь почетнаго гражданина Рожкова, что будто бы онъ женихъ ея и за ней даютъ сто тысячъ приданаго, кромѣ ежегоднаго дохода; что

будто бы онъ уже мужъ ея—и передъ нимъ анфилада комнатъ и длинныя зеркала, и онъ глядится къ эти зеркала, и у него Станиславъ на шеѣ.

Владиміръ Матвѣичъ проснулся получасомъ позже обыкновеннаго, напился чаю, выкурилъ трубку „жукова", и, мечтая о дѣвицѣ Рожковой, отправился въ департаментъ.

Въ департаментѣ онъ получилъ отъ одного изъ своихъ товарищей—человѣка съ хорошимъ состояніемъ, записку слѣдующаго содержанія:

„Любезный другъ Володя. Въ воскресенье мы сбираемся „покутить; надѣюсь, что и ты не откажешься быть въ числѣ „нашихъ. Приходи ко мнѣ съ утра; мы прогуляемся по Нев„скому, а потомъ отправимся къ Фельету. Съ нами, между про„чимъ, будутъ кое-кто изъ литераторовъ: TZ, T* и K* и еще „одинъ славный малый, съ которымъ я тебя познакомлю.

„Твой Р—въ."

Въ воскресенье утромъ на Невскомъ проспектѣ народа не перечесть! — Скромныя нѣмочки, „Маргариты" молочнаго цвѣта, съ молитвенниками въ рукахъ, только что изъ церкви; дородныя русскія купчихи, въ дорогихъ мѣхахъ, съ улыбкой, съ черными зубами и съ толстыми мужьями, только что отъ самовара—въ дорогихъ шубахъ; молодые и старые, величественные и поджарые, испитые и жирные чиновники разныхъ сортовъ: и тѣ, которые не снимаютъ съ своихъ плечъ вицъ-мундира, и тѣ, которые отзываются о вицъ-мундирѣ съ презрительной улыбкой, и тѣ, которые не имѣютъ еще орденовъ и потому закутываются, и тѣ, которые отважно выставляютъ на морозъ грудь свою, увѣшанную орденскими знаками; дамы и дѣвицы средняго сословія съ гордыми взорами, а сзади ихъ лакеи съ аксельбантами и съ заплатами на ливреяхъ. И много, много еще разныхъ лицъ... И среди этой разнообразной и разноцвѣтной толпы—усы, прелестные усы, завитые въ кольца... И надъ этой разнообразной и разноцвѣтной толпой роскошно колеблющіеся бѣлые и черные султаны, отъ которыхъ замираютъ и трепещутъ сердца барышень... Очаровательный Петербургъ! гранитный и чиновный городъ! нѣтъ подобнаго тебѣ города на земномъ шарѣ... по холоду, сырости и скукѣ.

Владиміру Матвѣичу, не смотря на тѣсноту, было очень пріятно гулять по Невскому проспекту... Глаза его разбѣгались

отъ предмета къ предмету... Бобровые воротники съ просѣдью, сани подъ орѣховое дерево, рысаки, барышни, малахиты, имбирное варенье, бронзы, страсбургскіе пироги, картины въ окнахъ, устричныя раковины, прибитыя къ дверямъ и валяющіяся у дверей,—повсюду роскошь, растравляющая страсти, повсюду блескъ, ослѣпляющій глаза, и къ тому же солнце.. Владиміръ Матвѣичъ чувствовалъ, что жизнь блаженство, если есть средства пользоваться жизнію. За день до этого, онъ воображалъ себя богачомъ, потому что въ ящичкѣ, въ которомъ онъ хранилъ накопленныя деньги, лежало 25 рублей ассигнаціями,—теперь, глядя на все это, онъ показался самому себѣ нищимъ... Уже легкая тѣнь неудовольствія готова была мелькнуть на лицѣ его, но онъ подумалъ:—что жь такое? не всѣ родились богачами; трудись, хлопочи, пробивай себѣ дорогу! употребляй всѣ средства... и у тебя со временемъ будутъ бронзы, малахиты и рысаки, барышни, имбирное варенье и страсбургскіе пироги... Онъ обтеръ губы при этой мысли и улыбнулся... Образъ дочери почетнаго гражданина Рожкова снова мелькнулъ передъ нимъ.

Вдругъ въ эту минуту, вдали, показалось ему кругленькое, курносенькое, разрумяненное морозомъ личико, въ шляпкѣ съ цвѣткомъ и блондой; потомъ открылась и фигурка, принадлежащая этому личику, въ салопѣ темнобурой лисицы съ собольимъ воротникомъ, — и возлѣ этой фигурки, фигура въ енотовой шубѣ. У Владиміра Матвѣича захлебнулось дыханіе:—это *она!*... Онъ поровнялся съ нею и снялъ шляпу. Она отвѣчала на этотъ поклонъ мило и привѣтливо, а папенька ея въ енотовой шубѣ приподнялъ сзади свою шляпу, потеръ рукой свой подбородокъ, впрочемъ безъ бороды, и сказалъ: „мое почтеніе-съ.“ Владиміръ Матвѣичъ былъ въ восторгѣ отъ такого вниманія и даже рѣшилъ въ эту минуту въ случаѣ нужды спросить за обѣдомъ бутылку шампанскаго на свой счетъ.

По слѣдамъ дочери почетнаго гражданина Рожкова шелъ господинъ Зетъ-Зетъ. На немъ былъ сюртучокъ на ватѣ, фіолетоваго цвѣта, съ брандебурами и таліею, очень хорошо принаровленною портнымъ; шея его опутывалась краснымъ шерстянымъ вязанымъ шарфомъ, съ зелеными каймами и кисточкою; шелковая шляпа его пріятно лоснилась, а на ногахъ

блестѣли галоши съ резиновыми застежками — довольно остроумная выдумка какого-то сапожника.

— Здравствуй, душа моя, сказалъ онъ, положивъ руку на плечо товарища Владиміра Матвѣича.

— Je vous salue, m-r! сказалъ онъ, обращаясь къ Владиміру Матвѣичу.

— Браво, да ты такимъ франтомъ! что за сюртучокъ — чудо! замѣтилъ ему товарищъ Владиміра Матвѣича, останавливаясь:—обернись-ка назадъ.

Господинъ Зетъ-Зетъ замѣтно смѣшался.

— Ничего нѣтъ особеннаго... что ты находишь... сюртукъ какъ сюртукъ... Еще обѣдать рано; можно еще разъ повернуть отъ Полицейскаго моста. Какъ ты думаешь, душа моя?

— Ну, разумѣется.

И съ новымъ спутникомъ они отправились далѣе.

Въ этотъ разъ господинъ Зетъ-Зетъ показался Владиміру Матвѣичу немного страннымъ: онъ не нашелъ въ немъ той литературной самоувѣренности, которая проявлялась въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи его на балѣ у Николая Петровича. Впрочемъ, лишь только они пришли въ трактиръ и лишь только г. Зетъ-Зетъ снялъ съ себя фіолетовый сюртукъ, то сдѣлался гораздо развязнѣе и тотчасъ же заговорилъ о томъ, что онъ пишетъ нравоописательную статейку подъ заглавіемъ: „*Чувствительное путешествіе по Невскому проспекту, или отъ сотворенія міра и до нашихъ временъ люди не измѣнились.*“

Въ четыре часа собралось все общество; въ этомъ обществѣ были два новыя лица для Владиміра Матвѣича:—одинъ молодой литераторъ, полный и чрезвычайно красивой наружности, говорившій горячо, съ жаромъ, и размахивавшій руками... Онъ принадлежалъ не къ той партіи, въ которой находился Зетъ-Зетъ, и потому они обошлись между собой довольно холодно. Новоприбывшій литераторъ смотрѣлъ даже на Зетъ-Зета съ нѣкоторой ироніей, потому что занимался высшимъ родомъ литературы. Другое новое лицо для Владиміра Матвѣича было существо низенькаго роста съ черными маслянистыми глазами, съ щеками малиноваго цвѣта и съ брильянтовымъ перстнемъ на пальцѣ—существо довольно загадочное. Оно служило въ какомъ-то департаментѣ, „въ должность

ходило“ рѣдко и получало только 450 рублей жалованья въ годъ; въ формулярномъ спискѣ его не значилось за нимъ никакого состоянія: но это существо нанимало квартиру въ 2,500 р., меблированную превосходно, съ канделябрами, зеркалами и бронзами, имѣло двухъ рысаковъ, круглыя дрожки и карету.

— Кто этотъ господинъ? спросилъ Владиміръ Матвѣичъ на ухо у своего товарища, указывая на человѣка съ малиновыми щеками, стоявшаго къ нимъ спиною.

— „Это—Шпейдъ, любезный другъ, славный малый: ростовщикъ, онъ беретъ по 50, по 60 процентовъ, иногда капиталъ на капиталъ, да еще съ залогомъ. Въ Петербургѣ, говорятъ, процентщикамъ раздолье. Онъ изъ жидовъ, а ты знаешь, что жиды и армяне любятъ денежки... Онъ мнѣ иногда даетъ въ займы, но съ меня беретъ только 20 процентовъ, по знакомству: онъ былъ обязанъ многимъ моему отцу. Я и вчера еще занялъ у него 500 рублей.

— По 20, по 50, по 60 процентовъ!... подумалъ Владиміръ Матвѣичъ:—стало быть, надобно только имѣть небольшой капиталецъ...

Столъ былъ накрытъ въ особой комнатѣ. Чиновникъ военнаго министерства и инженерный офицеръ, ранѣе всѣхъ явившіеся въ трактиръ, успѣли уже передъ обѣдомъ надымить всю комнату: они затянулись разъ шесть или семь.

Въ половинѣ обѣда, Владиміръ Матвѣичъ познакомился и съ литераторомъ красивой наружности и съ ростовщикомъ. Литераторъ красивой наружности и Зетъ-Зетъ все кричали, спорили и пили.

— Водевиль что такое? игрушка, шалость, говорилъ литераторъ красивой наружности, прихлебывая портеръ и обращаясь къ Зетъ-Зету и къ Владиміру Матвѣичу съ улыбкою:— водевиль, — острота, каламбуръ, пѣна шампанскаго, литературныя брызги. Въ водевилѣ только куплеты; тутъ не требуется ни характеровъ, ни ситуацій, словомъ, никакой обдуманности, вовсе не нужно *этого*, какъ говоритъ Кукольникъ...

— Позвольте! перебилъ его Зетъ-Зетъ, немного обидясь:— водевиль водевилю рознь. Я не спорю: есть водевили, и по большей части, пустые, вздорные, но могутъ быть и такіе, что...

— Согласитесь въ одномъ: вѣдь въ водевилѣ осмѣиваютъ только современные нравы, побольшей части нападаютъ на бѣдныхъ чиновниковъ, и я не понимаю за что... Въ этомъ предметѣ нѣтъ никакой поэзіи...

— Ахъ! я вамъ скажу, воскликнулъ вдругъ товарищъ Владиміра Матвѣича, глядя на Зетъ-Зета:—у насъ есть два чиновника въ нашемъ отдѣленіи, то есть просто смѣхъ; вотъ бы вамъ описать ихъ.

— Шампанскаго! закричалъ угощавшій, обращаясь къ Зетъ-Зету:—за успѣхъ твоего Теньера.

— Ахъ жаль, что нѣтъ здѣсь Кукольника, сказалъ повѣствователь: — вотъ душа-то холостыхъ сходокъ. Съ нимъ выпьешь всегда втрое больше. Да, полно-те, господа, перестанемте говорить объ литературѣ, чортъ съ ней! она намъ и безъ того надоѣла; поговоримте лучше о чемъ нибудь по умнѣе.

Владиміръ Матвѣичъ захохоталъ: такъ ему показалось мило и остроумно послѣднее замѣчаніе. Въ другое время онъ не рѣшился бы, можетъ быть, и улыбнуться, по чувству приличія, но въ эту минуту онъ былъ въ такомъ невообразимо-пріятномъ состояніи, ему было и легко, и вольно, и тепло, и весело; никогда еще онъ не ощущалъ ничего подобнаго. Дѣвица Рожкова опять предстала его разыгравшемуся воображенію — и еще въ какомъ-то идеальномъ свѣтѣ, а шампанское при свѣтѣ лампъ пѣнилось и звѣздилось въ его бокалѣ... голова его немножко начинала кружиться...

— Бутылку шампанскаго! закричалъ онъ.

— Вотъ это умная рѣчь! замѣтилъ повѣствователь.

Водевилистъ насмѣшливо улыбнулся.

— Ужъ кутить, такъ кутить.
Я женюсь такъ и быть....

запѣлъ чиновникъ военнаго министерства хриплымъ голосомъ.

— Жукова! закричалъ инженерный офицеръ и крякнулъ, выпивъ залпомъ свой бокалъ; потомъ, когда трубка была принесена, затянулся и выпустилъ изо рта страшное облако дыма.

Бутылка за бутылкой откупоривались; ростовщикъ задремалъ; Владиміръ Матвѣичъ, шевеля губами, разсчитывалъ: на сколько выпито шампанскаго, и никакъ не могъ разсчитать, потому что цифры у него перепутывались въ головѣ...

Былъ часъ десятый.

— Не поѣхать ли *туда*, господа? закричалъ угощающій!— какъ вы думаете?...

— Браво! закричалъ повѣствователь: — туда!

— Туда! повторилъ инженерный офицеръ басомъ и снова затянулся, прищелкнувъ пальцемъ.

— Куда это? спросилъ Владиміръ Матвѣичъ.

— Въ одинъ знакомый намъ домъ, отвѣчалъ его товарищъ.—Мы и тебя кстати представимъ... Ты еще не знакомъ въ этомъ домѣ.

— А что, тамъ есть дамы?

— Есть какже!

— Пожалуй, прошепталъ Владиміръ Матвѣичъ,—хорошо, что я во фракѣ, а то къ дамамъ неловко въ сюртукѣ, еще въ первый разъ.... И онъ началъ шарить въ карманахъ, ища свои бѣлыя перчатки, которыя у него всегда были въ запасѣ.

Когда принесли счетъ и когда угощавшій началъ расплачиваться, Владиміръ Матвѣичъ закричалъ:

— Вотъ за мою бутылку! и протянулъ руку съ десятирублевой ассигнаціей.

— Какъ твоя бутылка? за все заплачено.

— Ну, пожалуй! сказалъ Владиміръ Матвѣичъ, и спокойно положилъ ассигнацію въ карманъ....

— Ѣдемъ, ѣдемъ, господа!

И всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и начали искать шляпы.

Владиміръ Матвѣичъ сѣлъ въ сани съ своимъ товарищемъ, который угостилъ ихъ обѣдомъ. Сани помчались, но онъ никакъ не могъ разобрать по какимъ улицамъ; наконецъ, въ какомъ то узенькомъ переулкѣ, у воротъ деревяннаго одноэтажнаго домика, кучеръ сдержалъ лошадь.

Они черезъ калитку вошли на дворъ, и очутились у подъѣзда деревяннаго домика. Товарищъ Владиміра Матвѣича позвонилъ, дверь отворилась, человѣкъ снялъ съ нихъ шубы. Они вошли въ слѣдующую комнату. У самого порога встрѣтила ихъ хозяйка дома—старушка лѣтъ семидесяти-пяти, сгорбленная, худощавая, морщиноватая, въ чепцѣ, изъ подъ котораго торчали сѣдые волосы, съ небольшими сѣдыми усиками и бородкой, которая безпрестанно шевелилась отъ движенія ея нижней губы.

— Здравствуйте, мой миленькій! сказала она, протягивая руку къ товарищу Владиміра Матвѣича: — охъ, охъ, охъ!..

— Рекомендую вамъ моего товарища, Завьялова.

— Очень рада, миленькій, очень.... Охъ-охъ, Пожалуйте сюда...

И старушка кряхтя и охая, повела ихъ въ слѣдующую комнату.

Владиміръ Матвѣичъ до сихъ поръ былъ какъ во снѣ. И только когда товарищъ его подвелъ къ старушкѣ, онъ очнулся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ себя...

Комната, въ которую ввела ихъ старушка была такая же маленькая, какъ и первая. У передней стѣны ея стоялъ широкій диванъ, а передъ диваномъ—овальный столъ... По обѣимъ сторонамъ этого дивана разставлены были кресла, и на этихъ креслахъ сидѣли „племянницы старушки", барышни очень нарядно одѣтыя. Онѣ скромно взглянули на вошедшаго незнакомца и потомъ, когда онъ учтиво раскланялся имъ, улыбнулись и посмотрѣли другъ на друга.

— Милости прошу садиться... Что вы, миленькій, у меня давно не были?.. Охъ-охъ!..

Старушка сама сѣла на диванъ и начала раскладывать гран-пасьянсъ, изподлобья поглядывая на Владиміра Матвѣича и шевеля бородкой.. Товарищъ Влидиміра Матвѣича былъ совершенно какъ у себя въ этомъ домѣ; онъ безъ церемоніи подсѣлъ къ одной изъ „племянницъ", которую назвалъ Катериной Яковлевной, и началъ съ нею любезничать.... Онъ что-то говорилъ ей очень долго и много, а она все улыбалась и повторяла ему:

— Да полноте! Что это вы? Какой право!..

— У меня Катенька умница, ворчала старушка: — у нея....

Рѣчь старушки была прервана звонкомъ.

— Это *онъ*! сказала одна изъ барышень.

— А нѣтъ, не онъ, отвѣчала другая.

— Ну, побьемся объ закладъ...

Старушка сердито взглянула на спорящихъ, и онѣ замолчали.

Владиміръ Матвѣичъ не постигалъ, что съ нимъ дѣлается; у него сердце такъ и замирало; ему какъ-то было страшно и

дико, несмотря на гостепріимство почтенной старушки съ бородкой и простое, радушное обращеніе барышень, особенно Катерины Яковлевны, которая очень понравилась ему. Онъ обрадовался, когда вошли въ комнату наши знакомцы: два литератора, инженерный офицеръ, чиновникъ военнаго министерства и ростовщикъ.... Владиміръ Матвѣичъ вмѣшался въ толпу.

— Какъ похожа Даша на граведоновскую Лауру! сказалъ повѣствователь, обращаясь къ нашему герою и указывая на одну изъ барышень: — двѣ капли воды. Не правда ли?

Владиміръ Матвѣичъ поднялъ голову и увидѣлъ живой портретъ своей тетки, Анны Львовны — барышню съ такимъ же большимъ носомъ и съ напудреннымъ лицомъ.

— Да, есть сходство, отвѣчалъ Владиміръ Матвѣичъ, посматривая на часы.

— Лаура! настоящая Лаура! восклицалъ повѣствователь: — я хоть и не похожъ на Петрарку, продолжалъ онъ, самодовольно улыбаясь: — однако, пожалуй, стану отъ нечего дѣлать разъигрывать его роль.

И онъ уже сдѣлалъ шагъ, подвигаясь къ Лаурѣ, какъ увидѣлъ въ другой комнатѣ, на стѣнѣ, длинную тѣнь человѣка, въ длинномъ сюртукѣ... И, лукаво улыбнувшись, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и побѣжалъ за этою тѣнью.

Черезъ пять минутъ незамѣтно всѣ исчезли. Въ гостиной осталась только старушка, ростовщикъ и Владиміръ Матвѣичъ. Старушка дружески разговаривала о чемъ-то съ ростовщикомъ и, окончивъ разговоръ, снова сѣла на диванъ, принялась за карты и посмотрѣла на Владиміра Матвѣича, у котораго замеръ духъ.

— Не родня ли вамъ Завьяловъ, въ комиссаріатѣ служитъ? Охъ, охъ!...

— Владиміръ Матвѣичъ покраснѣлъ.

— Это мой дядя, отвѣчалъ онъ вполголоса.

— Кто, дядюшка? охъ-охъ.... славный былъ человѣкъ, любилъ меня, часто ѣздилъ. Охъ... А гдѣ же онъ теперь?

— Въ Одессѣ.

— Жаль, жаль.... онъ бы и теперь все ѣздилъ ко мнѣ... а какая у него была славная супруга... belle-femme. Такая полная... онъ вдовцомъ то ужъ лѣтъ двадцать.... Охъ-охъ...

Ростовщикъ подошелъ къ Владиміру Матвѣичу.

— Не угодно ли вамъ со мной ѣхать? Позвольте, я васъ довезу до дому.

Владиміръ Матвѣичъ обрадовался и схватилъ шляпу. Онъ, кажется, ожидалъ появленія Катерины Яковлевны, и потому не рѣшался уйти; но время летѣло и она не появлялась — нечего было дѣлать, а сидѣть съ старушкой ему было какъ-то неловко.

— Милости просимъ ко мнѣ... всегда... охъ!.. Я очень рада... ворчала старушка, провожая ихъ.

Выходя, Владиміръ Матвѣичъ увидѣлъ изъ какихъ-то боковыхъ дверей высунувшуюся фигуру инженернаго офицера, пускавшаго изо рта тучу дыма.

— Куда вы, господа? закричалъ онъ басомъ: — бѣжать!...

Владиміръ Матвѣичъ схватилъ свою шубу и выбѣжалъ на улицу, не оглядываясь. Ростовщикъ насилу догналъ его.

— Не угодно ли садиться? вотъ сани, сказалъ онъ улыбаясь: — старушка-то эта добрая, только, признаюсь я не охотникъ бывать у нея. Вѣдь вы въ Садовой изволите жить? Намъ по дорогѣ, кажется. Я вашъ сосѣдъ. Прошу о продолженіи знакомства.

Мысли Владиміра Матвѣича начали немного проясняться; онъ облегчилъ себя вздохомъ.

— Покорно васъ благодарю, отвѣчалъ онъ: — милости прошу ко мнѣ, я очень радъ...

Рысакъ ростовщика быстро домчалъ Владиміра Матвѣича до дома.

— До пріятнаго свиданія, проговорилъ ростовщикъ.

— Покорно васъ благодарю; прощайте...

Старушка сдѣлала такое сильное впечатлѣніе на Владиміра Матвѣича, что недѣли полторы послѣ этого вечера ему все мерещилась она и ея шевелящаяся бородка. Изрѣдка также сильно смущала его мысль о черноглазой Катеринѣ Яковлевнѣ.

ГЛАВА VI.

изъ которой, между прочимъ, можно усмотрѣть, что у благонадежныхъ чиновниковъ служба никогда не выходитъ изъ головы и сердца—и что самыя неожиданныя обстоятельства покровительствуютъ прекраснымъ людямъ.

Дня черезъ два послѣ этого замѣчательнаго для Владиміра Матвѣича вечера, отецъ его пришелъ изъ департамента въ особенно пріятномъ расположеніи духа. Онъ все ходилъ по залѣ, загнувъ руки назадъ и моргая глазами. Когда же Настасья Львовна вошла въ залу, онъ подошелъ къ ней и съ особеннымъ выраженіемъ поцаловалъ ея руку.

— Поздравьте меня, душечка.

У Настасьи Львовны засверкали глаза.

— Что... денежное награжденіе?

— Нѣтъ, Настасья Львовна, дороже всякаго денежнаго награжденья, ей-Богу, дороже.... Сегодня я въ присутствіи разрюмился, какъ дуракъ! И столоначальникъ, и начальникъ отдѣленія Володиньки, и даже самъ директоръ такія разсыпали похвалы Володѣ.... Говорятъ: „прекраснѣйшій молодой человѣкъ, старательный, ученый, такая сметка у него во всемъ"! а его превосходительство прибавилъ: „воспитаніе его дѣлаетъ вамъ честь; я назначилъ его старшимъ помощникомъ столоначальника". Вотъ что, Настасья Львовна!...

— Да я не понимаю, съ чѣмъ же *васъ то* поздравлять?

— Какъ съ чѣмъ? да вѣдь я думаю, я отецъ его; развѣ отцу не награда, когда хвалятъ его дитя? развѣ у меня каменное сердце, Настасья Львовна?...

И Матвѣй Егоровичъ снова заходилъ по комнатѣ. На глазахъ его дрожали слезы, а лицо сіяло улыбкой.

— Богъ съ ними совсѣмъ, денежное награжденіе, продолжалъ онъ.—Я становлюсь старъ и слабъ, а надо взять въ разсчетъ, что онъ замѣнитъ вамъ меня, когда я умру. Надо подумать и о смертномъ часѣ!

— Слава Богу! я рада за Вольдемара, скалала Настасья Львовна;—а сколько онъ будетъ получать жалованья?

— Тысячу-шестьсотъ рублей... Это для такого молодого человѣка чудесно; я въ его лѣта...

Настасья Львовна пошла сообщить объ этой радости сестрицѣ, а Маша подошла къ отцу поздороваться съ нимъ.

— Здравствуй, Маша, сказалъ Матвѣй Еговычъ, гладя ее по головѣ: — здравствуй. И ты у меня доброе дитя... Маша, поди сюда.

Матвѣй Егорычъ отвелъ ее въ уголъ комнаты и, озираясь во всѣ стороны съ нѣкоторою боязнію, но переполненный чувствомъ, вынулъ изъ кармана бумажникъ и досталъ изъ него пятнадцать рублей.

— Маша, вотъ тебѣ.... купи, другъ мой, себѣ платочекъ, или что тебѣ нужно... да не говори объ этомъ матери.... Возьми, Маша....

Маша поцѣловала руку отца и сказала ему робкимъ голосомъ.

— Я люблю васъ, папенька, очень люблю.

— Хорошо, Маша, хорошо, я вѣрю. Смотри же, чтобъ мать не знала о моемъ подаркѣ....

Скоро явился и Владиміръ Матвѣичъ—виновникъ общей радости Настасья Львовна обнимала его, а онъ попеременно цаловалъ ручки то у нея, то у отца, и говорилъ:

— Мой долгъ утѣшать васъ.

Анна Львовна, при его входѣ, сказала:

— Же ву фелиситъ.

По случаю полученія Владиміромъ Матвѣичемъ мѣста старшаго помощника столоначальника, Анна Львовна присовѣтовала сестрѣ дать парадный званый вечеръ: ей смертельно хотѣлось потанцовать, и особенно съ офицеромъ, который былъ пропитанъ „жуковымъ". (Говорятъ, будто всѣ пожилыя дѣвушки очень любятъ табачный запахъ). Она также увѣрила Настасью Львовну, что ей необходимо сшить къ этому вечеру новое платье и купить новый чепецъ, потому что всѣ другіе чепцы на ней уже видѣли. У Настасьи Львовны не было денегъ: но она черезъ свою торговку достала нѣсколько сотъ рублей, подъ залогъ фермуара, у того самого ростовщика, съ которымъ такъ нечаянно сошелся Владиміръ Матвѣичъ.

Между тѣмъ, герой нашъ познакомился съ Рожковыми и былъ приглашенъ къ нимъ по понедѣльникамъ на танцы.

Настасья Львовна, узнавъ о новомъ знакомствѣ сына, тотчасъ догадалась, что онъ неравнодушенъ къ дочери почетнаго

гражданина, и обрадовалась этой догадкѣ. „Онъ женится, подумала она: — и будетъ жить вмѣстѣ съ нами, или мы переѣдемъ къ нему, я буду управлять всѣмъ... буду ѣздить въ каретѣ четверней.... заказывать все мадамъ Сихлеръ.... въ свѣтѣ будутъ говорить обо мнѣ.... я заплачу всѣ долги свои....“

Розовая будущность открывалась пятидесятидвухлѣтнему воображенію статской совѣтницы, и очарованная мечтами, полная надеждъ, она ни въ чемъ не отказывала ни себѣ, ни Аннѣ Львовнѣ.

Въ понедѣльникъ, раздушенный и распомаженный болѣе обыкновеннаго, Владиміръ Матвѣичъ отправился на извощикѣ въ Болотную улицу, что близь Ямской. Дорогой онъ все думалъ о томъ, какъ хорошо имѣть двадцать тысячъ дохода и какъ можно различными оборотами къ двадцати прибавить, по крайней мѣрѣ, десять.... Черные глаза соблазнительной Катерины Яковлевны мелькнули передъ нимъ въ туманѣ, какъ двѣ звѣздочки.

Пріятно мечтая, онъ катился въ саняхъ незамѣтно, и уже извощикъ его поворотилъ въ Болотную улицу, какъ вдругъ мурашки пробѣжали по всему тѣлу Владиміра Матвѣича: онъ схватилъ извощика за руку въ испугѣ и закричалъ страшнымъ голосомъ:

— Стой!

Извощикъ остановился.

— Назадъ, назадъ! поворачивай.... въ Садовую! продолжалъ кричать Владиміръ Матвѣичъ, совершенно разстроенный.—Пошелъ скорѣй, скорѣй!...

Но я долженъ объяснить причину такого внезапнаго испуга. Утромъ этого дня, онъ сочинялъ и потомъ переписывалъ одну министерскую бумагу, въ которой безпрестанно должно было повторяться: „вашимъ сіятельствомъ“, „вашего сіятельства“, „вашему сіятельству“. Владиміру Матвѣичу вдругъ, уже при самомъ поворотѣ въ Болотную улицу, показалось, что онъ, вмѣсто „сіятельства“, вездѣ написалъ—„превосходительство“, и эта-то бумага, вѣроятно, не замѣченная ни начальникомъ отдѣленія, ни директоромъ, съ такой страшной, неизвинительной ошибкой, отослана вмѣстѣ съ другими къ министру для подписанія!.... „Боже мой, думалъ Владиміръ Матвѣичъ:— моя репутація, моя трехгодовая репутація! И въ то

время, когда я получилъ мѣсто старшаго помощника столоначальника мимо младшаго! И что скажетъ министръ?... Сердце его стонало и разрывалось... Онъ воротился назадъ, въ департаментъ, чтобы взглянуть на отпускъ и на черновую бумагу, въ которой было слишкомъ много помарокъ, и которую онъ поэтому, разодравъ пополамъ, бросилъ въ ящикъ, находящійся подъ столомъ.... А у Рожковой теперь танцуютъ... и, можетъ быть, въ эту минуту, кто нибудь волочится за Любовью Васильевной... (такъ звали дѣвицу Рожкову) и можетъ быть...

Тутъ мысли Владиміра Матвѣича совершенно смѣшались... ему вдругъ сдѣлалось жарко, нестерпимо жарко, хотя въ этотъ вечеръ было 12 градусовъ мороза.

Вбѣгая по лѣстницѣ департамента, онъ два раза споткнулся, туманъ застилалъ глаза ему.

Въ дежурной комнатѣ, въ одномъ углу, храпѣлъ сторожъ, а въ другомъ, у печки, канцелярскій чиновникъ, присвистывая, читалъ „Три Водевиля", изданные Песоцкимъ.

Увидѣвъ Владиміра Матвѣича, внезапно явившагося въ шубѣ, осыпанной инеемъ, дико озиравшагося кругомъ, канцелярскій чиновникъ вскочилъ со стула и подбѣжалъ къ нему съ вопросомъ:

— Какими судьбами-съ, Владиміръ Матвѣичъ-съ?

— Мнѣ нужно здѣсь бумаги, отвѣчалъ сухо Владиміръ Матвѣичъ.

И началъ будить сторожа:

— Брызгаловъ! Брызгаловъ!

— Чего изволите, ваше благородіе?

Брызгаловъ вскочилъ, вытаращивъ глаза.

— Ты не выбрасывалъ бумаги изъ ящика, который подъ нашимъ столомъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе.

— Свѣчку!..

Владиміръ Матвѣичъ съ нетерпѣніемъ бросился къ ящику и принялся въ немъ шарить. Найдя разодранную черновую бумагу и сложивъ ее на столѣ, онъ быстро сталъ пробѣгать ее глазами... Краска постепенно возвращалась на его щеки, глаза его принимали постепенно выраженіе тихое, веселое... Онъ улыбнулся и, бросая бумагу опять въ ящикъ, сказалъ вполголоса:

— Съ чего же мнѣ это пришло въ голову?.. Случаются же этакія странности!..

И Владиміръ Матвѣичъ выбѣжалъ изъ департамента, вскочилъ въ сани и закричалъ:

— Пошелъ, пошелъ туда-же!

— Эхъ, досадно, что я попусту ворочался, думалъ онъ: — теперь, вѣрно, всѣ духи выдохлись изъ платья и отъ меня ничѣмъ не будетъ пахнуть. Да и на извощика, чортъ знаетъ для чего, проѣздилъ лишнія.

Вечеръ у Рожкова онъ провелъ не совсѣмъ пріятно, хотя и танцовалъ много. Любовь Васильевна нѣсколько разъ смотрѣла на него томно, но она еще томнѣе смотрѣла на Зетъ-Зета и съ Зетъ-Зетомъ танцовала мазурку. Явно было, что водевилистъ мѣшалъ старшему помощнику столоначальника, и не на шутку увивался за прелестной дочкой почетнаго гражданина. Это начало сильно безпокоитъ нашего героя, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, какимъ необыкновеннымъ даромъ слова владѣетъ Зетъ-Зетъ. Ко всему этому, почетный гражданинъ, казалось, гордился тѣмъ, что у него въ домѣ «сочинитель», и угощалъ его болѣе другихъ, особенно малагой. Зетъ-Зетъ прихлебывалъ малагу, поданную вскорѣ послѣ чая, разсказывалъ о своей дружбѣ съ какимъ-то княземъ, о томъ, что его сочиненія переводятъ на нѣмецкій языкъ, что всѣ актеры въ восторгѣ отъ его драмы съ куплетами, и что хоть остался еще одинъ день до представленія, но въ кассѣ Александринскаго театра только шесть креселъ и нѣсколько ложъ не проданныхъ; остальное все расхватано. При этомъ Зетъ-Зетъ предложилъ почетному гражданину ложу въ первомъ ярусѣ.

Почетный гражданинъ потеръ отъ удовольствія подбородокъ и закричалъ женѣ, поднявъ руку съ билетомъ:

— Надежда Мосевна, видишь что! поблагодари благодѣтеля-то.

Такого рода происшествія совсѣмъ было опечалили Владиміра Матвѣича и если бы не томные взгляды, брошенные на него украдкою, онъ потерялъ-бы всѣ свои надежды... Однако при разъѣздѣ, онъ все-таки грустно взялся за свою шляпу...

— Владиміръ Матвѣичъ, вы будете послѣ-завтра въ театрѣ?

Голосъ, произнесшій слова эти, показался ему небеснымъ голосомъ...

— Ахъ, это вы. Любовь Васильевна?

— Я-съ. Что же, вы будете въ театрѣ?

— Не знаю, можетъ быть...

— Почему же не знаете? Пріѣзжайте пожалуйста, пріѣзжайте, хоть для меня.

— Въ такомъ случаѣ, я непремѣнно буду, значительно сказалъ Владиміръ Матвѣичъ.

Любовь Васильевна наградила его пріятнѣйшей улыбкой и граціознымъ наклоненіемъ головы.

Это неожиданное привѣтствіе ободрило Владиміра Матвѣича; онъ возвратился домой въ веселомъ расположеніи и приказалъ человѣку чѣмъ свѣтъ отправиться въ кассу Александринскаго театра и взять билетъ на представленіе «Теньера».

Утромъ, когда человѣкъ отдавалъ ему билетъ, онъ спросилъ у него:

— Что, я думаю, у кассы-то драка?

— Какая драка, сударь?

— Ну, много народа приходило за билетами?

— Нѣтъ-съ, я одинъ былъ.

— Какъ, развѣ всѣ билеты распроданы?

— Да тамъ говорятъ, что совсѣмъ мало берутъ-съ.

Владиміръ Матвѣичъ прищелкнулъ языкомъ и подумалъ: — «эге! да сочинителямъ-то не всегда вѣрить можно; они, видно, такъ же, какъ наша братья-чиновники, любятъ прихвастнуть»...

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Владиміръ Матвѣичъ семи часовъ слѣдующаго дня... Еще съ самаго утра онъ тщательно вырѣзалъ афишку и въ половинѣ седьмого отправился въ театръ.

Владиміръ Матвѣичъ пріѣхалъ за десять минутъ до поднятія занавѣса; человѣкъ не обманулъ его: много ложъ, много креселъ было пустыхъ. Въ двойную трубку Владиміръ Матвѣичъ началъ обозрѣвать ложи перваго яруса. Семейство Рожковыхъ было ужъ тутъ. Зетъ-Зетъ сидѣлъ сзади въ ихъ ложѣ, а всѣ знакомые его въ партерѣ, какъ-то: инженерный и измайловскій офицеры, литераторъ пріятной наружности, и другіе. Любовь Васильевна, нарядно-одѣтая и въ брильянтахъ, улыбаясь, разговаривала съ Зетъ-Зетомъ. Владиміръ Матвѣичъ три раза принимался ей кланяться, но она не замѣчала; почетный же гражданинъ и супруга его очень дружески отвѣчали

на его поклоны. Огорченный невниманіемъ Любови Васильевны, Владиміръ Матвѣичъ сѣлъ въ кресла.

Музыка прогремѣла. Занавѣсъ поднялся. Во время представленія перваго акта, ничего сверхъ-естественнаго не случилось, кромѣ того, что послѣ словъ Теньера: „Жизнь—это море страданій... поверхность ея гладка, привлекательна, а на днѣ—гады!“ какой-то господинъ во все горло воскликнулъ:—Прекрасно сказано!.. Два раза заставили повторить куплетъ:

«Изящнаго толпа не понимаетъ,
Высокаго чуждается душой
И генію ни въ чемъ не сострадаетъ
Не дорожитъ избранника слезой...
Пустая чернь, глупцы и лицемѣры!
Въ васъ ничего возвышеннаго нѣтъ:
Вы знаете-ль, что Рубенсы, Теньеры
Являются лишь изрѣдка на свѣтъ»?

Очень много аплодировали также, когда Теньеръ, въ концѣ акта, съ дикимъ хохотомъ убѣгаетъ со сцены; при этомъ голосъ инженернаго офицера возвышался надъ всѣми голосами, а чиновникъ военнаго министерства хлопалъ всѣхъ сильнѣе и даже стучалъ кресломъ. Зетъ-Зетъ торжествовалъ. Владиміръ Матвѣичъ и въ междудѣйствіи еще разъ поклонился Любови Васильевнѣ,—она хотя въ этотъ разъ и отвѣчала ему на поклонъ, но холодно, и онъ, вмѣсто того, чтобъ идти къ ней въ ложу, отправился въ буфетъ выпить чаю. Въ буфетѣ ораторствовалъ литераторъ пріятной наружности.

— Какъ это глупо и пошло выставлять художниковъ какими-то неземными существами!... Повѣрьте, что и Байроны, и Шиллеры и Рафаэли были такіе же люди, какъ и мы грѣшные, также ѣли ростбифъ, пили пиво, спали. Давайте намъ человѣка, какой онъ есть, со всѣми его достоинствами и недостатками. Надобно, чтобъ лица въ драмѣ были выпуклы, полны, чтобъ на нихъ видна была наша кожа, наши кости, чтобъ видѣнъ былъ этотъ зондъ, который авторъ впускаетъ въ сердце человѣческое... Да, впрочемъ, господа, чего же путнаго ждать отъ водевилиста?

Всѣ слушавшіе литератора пріятной наружности захохотали

— Но эти аплодисменты, продолжалъ литераторъ съ презрительной улыбкой — явная кабала: весь партеръ набитъ

его знакомыми; онъ, говорятъ, всѣмъ имъ развезъ даромъ кресла...

Владиміръ Матвѣичъ, докушавшій въ эту минуту свой чай, хотѣлъ идти; но инженерный и измайловскій офицеры, предшествуемые и сопровождаемые тучами табачнаго дыма, заградили ему дорогу.

— Послушайте, почтеннѣйшій, говорилъ инженерный офицеръ басомъ:—надо хлопать больше; автора непремѣнно надо вызвать... Посмотрите, вотъ я ужъ послѣ перваго акта отбилъ себѣ всѣ ладони и охрипъ совсѣмъ.

— Пожалуйста, вызывайте автора, замѣтилъ измайловскій офицеръ.

— Очень хорошо, непремѣнно, отвѣчалъ Владиміръ Матвѣичъ, и сошелъ внизъ.

Во второмъ актѣ, партеръ замѣтно раздѣлился на двѣ партіи. Инженерный и измайловскій офицеры, чиновникъ военнаго министерства и нѣсколько ихъ пріятелей кстати или не кстати хлопали изо всѣхъ силъ. Другая, многочисленнѣйшая партія, подъ предводительствомъ литератора пріятной наружности, шикала немилосердно. Владиміръ Матвѣичъ присоединился къ послѣднимъ, хотя они и не просили его объ этомъ, и потихоньку принялся усердно имъ вторить. Партія шикающихъ уничтожила бы тотчасъ партію хлопающихъ, если бы не инженерный офицеръ, который поддерживалъ энтузіазмъ страшными, нечеловѣческими звуками, исходившими изъ его гортани. Но всѣ усилія его были тщетны. По окончаніи второго акта, онъ закричалъ дикимъ, неистовымъ голосомъ: „*автора*!“ Это было послѣднее его усиліе: одинокій и хриплый голосъ его, не найдя отголосковъ, замеръ въ пространствѣ залы. Владиміръ Матвѣичъ ожилъ: онъ взглянулъ на ложу почетнаго гражданина: Зетъ-Зета уже небыло въ ложѣ и—герой нашъ рѣшился туда отправиться. Онъ былъ принятъ семействомъ Рожкова превосходно, ласковѣе чѣмъ когда нибудь. Любовь Васильевна смотрѣла на него не просто томно, но даже съ нѣжною томностію. Владиміръ Матвѣичъ, какъ человѣкъ тонкій, спросилъ о Зетъ-Зетѣ.—Не удалось малому-то!—отвѣчалъ почетный гражданинъ улыбаясь:—больно много шикали, и совсѣмъ оконфу-

зили пьесу, да и пьеса-то видно не важная, а онъ намъ нахвасталъ объ ней съ три короба.

— Въ первомъ актѣ точно много прелестнаго, сказала Любовь Васильевна:—но второй актъ скученъ.

Любовь Васильевна съ раннихъ лѣтъ читала романы, и это чтеніе сдѣлало ее очень чувствительною; на всѣхъ купцовъ она смотрѣла съ пренебреженіемъ, и сдѣлаться женою сочинителя, но, разумѣется, сочинителя торжествующаго, а не ошиканнаго,—это была любимая мечта ея. Слѣдовательно, успѣхъ Зетъ-Зета могъ быть пагубнымъ для Владиміра Матвѣича; но Владиміръ Матвѣичъ родился въ счастливую минуту, и судьба при самомъ рожденіи его дала самой себѣ слово быть его тайной покровительницей.

Она-то вѣроятно устроила такъ, что драма „Давидъ Теньеръ съ куплетами, фламандскими танцами и проч. и проч.", не смотря на свое достоинство, окончена была при торжественномъ шиканьи—и ни одинъ актёръ не былъ вызванъ, чего почти еще не случалось на Александринскомъ театрѣ съ самаго его основанія.

Владиміръ Матвѣичъ весь послѣдній актъ просидѣлъ въ ложѣ почетнаго гражданина, и при выходѣ изъ ложи былъ осчастливленъ такимъ взглядомъ, въ которомъ прочиталъ и гибель своего опаснаго соперника, и собственный успѣхъ. Этотъ взглядъ открылъ передъ нимъ безконечную перспективу...

ГЛАВА VII.

Представляющая неопровержимыя доказательства, что въ Петербургѣ всѣ добродѣтельные и прекрасные люди всегда имѣютъ успѣхи и награждаются.

Уже таинственная завѣса, сначала скрывавшая отъ глазъ Владиміра Матвѣича нѣкоторыя стороны жизни, мало по малу начала приподниматься; жизнь переставала быть для него загадкою. Говоря о „жизни", я разумѣю здѣсь только „петербургскую жизнь", потому что на счетъ существованія другой какой либо жизни Владиміръ Матвѣичъ не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы на свѣтѣ было что нибудь лучше Петербурга. Одинъ дѣйствитель-

ный статскій совѣтникъ, говоря о Петербургѣ, остроумно замѣтилъ, что это такой „городокъ, въ которомъ есть все, что угодно, кромѣ птичьяго молока“. — А я такъ полагаю, ваше превосходительство, возразилъ Владиміръ Матвѣичъ: — что съ деньгами въ Петербургѣ легко достанешь и птичье молоко.

И Владиміръ Матвѣичъ тщательно хлопоталъ объ умноженіи своихъ доходовъ; онъ выручилъ капиталъ своей тетушки по ея порученію отъ того лица, у котораго онъ находился, и отдалъ этотъ капиталъ ростовщику съ малиновыми щеками и съ масляными глазами, на 18 процентовъ, изъ которыхъ отдавалъ тетушкѣ 10, а себѣ удерживалъ 8. Онъ сошелся съ этимъ ростовщикомъ какъ нельзя короче и просилъ его, стороной и подробнѣе, развѣдать о приданомъ Любови Васильевны.

Между тѣмъ, постоянно впродолженіе восьми мѣсяцевъ, считая со дня представленія „Давида Теньера“, разъ въ недѣлю онъ посѣщалъ домъ Рожковыхъ — и сдѣлался почти необходимымъ лицомъ въ этомъ домѣ. Почетному гражданину онъ разсказывалъ о своей службѣ, о директорахъ, министрахъ, статсъ-секретаряхъ... Почетный гражданинъ слушалъ его почти не переводя духъ и не могъ наслушаться. Супругѣ почетнаго гражданина онъ привозилъ поваренныя книги, потому что она была большая охотница до кухни, — Любови Васильевнѣ—романы французскіе и русскіе; читалъ съ нею различные стишки, большею частію любовные, и говорилъ „что на землѣ высочайшее блаженство — взаимная любовь“.

Онъ угождалъ также и тетушкамъ и бабушкамъ Любови Васильевны; — все семейство почетнаго гражданина было отъ него въ восторгѣ; но для Любови Васильевны онъ сдѣлался „кумиромъ“; она чувствовала къ нему влеченіе самое пылкое, самое нѣжное. Надъ Зетъ-Зетомъ же, который почти совсѣмъ пересталъ ходить къ нимъ, она смѣялась самымъ колкимъ образомъ и иначе не называла его, какъ „освистаннымъ сочинителемъ“.

Семейство почетнаго гражданина познакомилось съ семействомъ статскаго совѣтника вскорѣ послѣ этого знаменитаго представленія „Теньера“, которое имѣло такое важное вліяніе на жизнь нашего героя — и Любовь Васильевна украсила собой балъ, данный Настасьей Львовной въ честь сына. На этомъ балѣ дочь почетнаго гражданина была осыпана жемчугами и

брильянтами съ ногъ до головы, и статская совѣтница была въ такомъ отъ нея восторгѣ, что безпрестанно повторяла почти со слезами на глазахъ: „Какая душка! Вотъ, можно сказать, дѣвица комъ-иль-фо... Какъ мило танцуетъ — и какое обращеніе! она, я думаю, нигдѣ не ударитъ себя лицомъ въ грязь!“ Съ этого вечера Настасья Львовна начала ухаживать за нею, какъ за будущей своей невѣсткой — и заняла у почетной гражданки пятьсотъ рублей ассигнаціями. Анна Львовна употребляла также всѣ средства, чтобъ понравиться Любови Васильевнѣ: сшила ей собственноручно двѣ манишки и подарила ихъ въ день рожденія, называла ее „монъ-ами“, „монъ анжъ“, восхищалась съ ней вмѣстѣ романами и целовала ее. — Такія ласкательства не могли не обаять юной души дочери почетнаго гражданина, и она вскорѣ сдѣлала Анну Львовну повѣренною своихъ сокровенныхъ мыслей.

Впродолженіе этого времени, Владиміръ Матвѣичъ познакомился со многими чиновными людьми, которые ему были нужны, выучился играть въ вистъ и упрочилъ дѣловую славу свою въ департаментѣ, исправляя за болѣзнію столоначальника его должность. Когда Матвѣй Егорычъ, по своему отдѣленію, явился въ послѣднее время съ докладомъ къ директору, его превосходительство, подписывая бумаги, говорилъ ему съ разстановкою:

— Ну, вашъ сынъ, — признаюсь — дѣлецъ... и какой умный, здравомыслящій малый... я съ нимъ много говорилъ... и въ вистикъ начинаетъ поигрывать... и ужь лучше васъ играетъ, Матвѣй Егорычъ... козырей не забываетъ... прекрасный человѣкъ! я *себѣ* сына лучше не желаю имѣть...

— Слава Богу, ваше превосходительство; кромѣ утѣшенія, отъ него ничего не видалъ.

— Если онъ будетъ продолжать такъ, то пойдетъ далеко... А какъ ваше здоровье, Матвѣй Егорычъ?

— Плохо, ваше превосходительство... хилѣть начинаю. Ну, да что дѣлать! надо лѣта взять въ разсчетъ.

— Не хорошо... не хорошо...

Почти въ ту самую минуту, какъ директоръ имѣлъ этотъ интересный разговоръ съ Матвѣемъ Егорычемъ, сынъ его, въ пустой комнатѣ передъ департаментскимъ архивомъ, велъ разговоръ неменѣе интересный съ ростовщикомъ. Главнымъ пред-

метомъ этого разговора была Любовь Васильевна, или, лучше сказать, ея приданое. По свѣдѣніямъ, которыя собралъ ростовщикъ, оказалось, что почетный гражданинъ Рожковъ велъ превосходно всѣ свои торговыя дѣла и имѣлъ значительный капиталъ; у одной же извѣстной петербургской свахи, ростовщикъ досталъ полную опись приданаго Любови Васильевны, а изъ этой описи явствовало, что Рожковъ обязуется дать за дочерью единовременно, при выдачѣ ея мужу, кромѣ всякихъ вещей, 60,000, и выдавать зятю ежегодно по 20,000 впередъ за годъ, или по третямъ, или по мѣсячно.

— Дѣло ваше, кажется, ладно, замѣтилъ ростовщикъ.

— Благодарю васъ, сказалъ Владиміръ Матвѣичъ, пожавъ ростовщику руку.

— За хлопоты-то, вы бы мнѣ прислали хоть дюжину шампанскаго,—а? Да, кстати, Владиміръ Матвѣичъ, я съ васъ вычту двѣсти-пятьдесятъ рублей,—сваха не хотѣла съ меня меньше взять за опись...

Владиміръ Матвѣичъ немного поморщился, однако сказалъ: „хорошо“.

— Послушайте-ка, продолжалъ ростовщикъ: —я давно хотѣлъ поговорить съ вами,—вѣдь вы этого не знаете: ваша матушка надавала векселей, заложила всѣ свои вещи—и батюшка вашъ тоже ничего не знаетъ; все это она дѣлала потихоньку, вѣрно на счетъ будущей невѣстушки.

И ростовщикъ дружески потрепалъ Владиміра Матвѣича по плечу.

Владиміръ Матвѣичъ закусилъ нижнюю губу и казался удивленнымъ.

— Черезъ одну женщину она занимала у меня нѣсколько разъ, продолжалъ ростовщикъ: —вотъ и заемныя письма. Ростовщикъ вынулъ ихъ изъ портфеля и показалъ Владиміру Матвѣичу.

Владиміръ Матвѣичъ и не взглянулъ на нихъ.

— Любезнѣйшій мой, сказалъ онъ ростовщику, — мнѣ очень жаль, что она такъ неразсчетливо ведетъ свои дѣла, но они до меня не касаются, и я не отвѣчаю по законамъ за ея обязательства...

— Гм! перебилъ ростовщикъ: знаю, знаю, Владиміръ Матвѣичъ, вы не бросите и копѣйки туда, куда не слѣдуетъ...

Ростовщикъ засмѣялся.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, Владиміръ Матвѣичъ объявилъ отцу и матери о своемъ намѣреніи жениться на дѣвицѣ Рожковой и спросилъ у нихъ благословенія.

— Благословеніе наше всегда надъ тобою, дружокъ, сказала статская совѣтница, поднося платокъ къ глазамъ. — Ты такъ уменъ и благоразуменъ, что никогда ложнаго шага въ жизни не сдѣлаешь. Твой выборъ самый благородный во всѣхъ отношеніяхъ: она предостойная, премилая дѣвушка.

Матвѣй Егоровичъ перекрестилъ сына, поцаловалъ его и заплакалъ.

— Богъ да благословитъ тебя! сказалъ онъ.

— Но... другъ мой, продолжала Настатья Львовна измѣняющимся голосомъ... Ты знаешь, какъ я тебя люблю, ты знаешь, что ты для меня дороже всего на свѣтѣ... Она начала всхлипывать... Неужели мы съ тобой должны будемъ разстаться? Эта мысль сведетъ меня въ могилу.

— Какъ разстаться, маменька? Я не понимаю васъ.

— Мнѣ и жизнь безъ тебя не въ жизнь. Ахъ, Боже мой, и подумать страшно.. Неужели мы будемъ жить розно?

— Да какъ же намъ жить вмѣстѣ? Это невозможно. Домъ казенный, квартира небольшая. Мы будемъ всякій день видѣться, маменька, — и онъ поцѣловалъ ручку Настасьи Львовны.

— Такъ ты не хочешь жить съ нами? воскликнула Настасья Львовна, въ сильномъ нервическомъ растройствѣ. — Это убьетъ меня! я заранѣе знаю, что убьетъ. Ой... ой.. И она упала безъ чувствъ въ судоргахъ на диванъ, на которомъ сидѣла.

Матвѣй Егорычъ поблѣднѣлъ.

— Побѣги за уксусомъ, сказалъ онъ сыну.

— Маша, Маша!.. Сюда, скорѣй...

Маша прибѣжала, и испуганная бросилась къ матери. Анна Львовна также явилась; она осторожно оттолкнула Машу, и сказала ей тихонько: „вы не умѣете обращаться съ больными“. и начала примачивать виски сестры своей уксусомъ.

Матвѣй Егорычъ взялъ за руку сына.

— Ничего, Володя, ничего; это пройдетъ, не безпокойся. Что дѣлать! Она тебя очень любитъ и мысль, что должна разстаться съ тобой, показалась ей съ перваго раза страшною...

Натурально материнскія чувства... и вѣдь женщины дуры: ничего не хотятъ взять въ разсчетъ... требуютъ невозможнаго... Что, Анна Львовна? все также... Трите виски-то ей сильнѣе.

Предложеніе Владиміра Матвѣича принято было въ домѣ почетнаго гражданина съ всеобщею радостію, и свадьба назначена черезъ два мѣсяца. Недѣли три Настасья Львовна металась въ нервическихъ припадкахъ и нѣсколько разъ падала въ обморокъ: на четвертой недѣлѣ она, однако, почувствовала облегченіе, занялась приготовленіями для себя различныхъ нарядовъ къ свадьбѣ, и приказала сшить новое бальное платье для дочери.

За двѣ недѣли до свадьбы Владиміра Матвѣича, директоръ департамента, въ которомъ служили отецъ и сынъ, получилъ другое назначеніе — и доставилъ Владиміру Матвѣичу мѣсто столоначальника въ подвѣдомственномъ ему департаментѣ.

Свадьба нашего героя совершалась очень парадно и сопровождалась обѣдами и балами, на которыхъ отличались Настасья Львовна и Анна Львовна, всякій разъ появлявшіяся въ новыхъ платьяхъ. На балѣ Анна Львовна по-прежнему занималась измайловскимъ офицеромъ, пропитаннымъ табакомъ, и попрежнему надѣялась плѣнить его сердце. Скоро, по просьбѣ Любови Васильевны, она переѣхала жить къ ней; но цѣль ея наряжаться на счетъ своей новой племянницы не осуществилась, потому что Владиміръ Матвѣичъ велъ акуратно счетъ не только своимъ деньгамъ, но даже и тѣмъ, которыя онъ давалъ женѣ своей

Нечего было дѣлать въ такихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ: Анна Львовна рѣшилась тронуть свой капиталъ.

Квартира Владиміра Матвѣича была не большая, но меблированная прекрасно, даже съ небольшими прихотями: онъ завелъ пару лошадей, карету и дрожки, впрочемъ вседневный столъ имѣлъ самый умѣренный, и вообще зажилъ гораздо скромнѣе, чѣмъ позволяли ему новыя средства.

Настасья Львовна, видя вдругъ планы свои разрушенными, неожиданно покинутая сестрою, сдѣлалась нестерпимо тяжела въ домашнемъ быту и безпрестанно ворчала на дочь и на мужа. Долги начинали сильно безпокоить ее, однако она еще не теряла надежды, что сынъ возьметъ на себя уплату по ея заемнымъ письмамъ. Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, до какой степени осуществились эти надежды.

ГЛАВА VIII

располагающая къ размышленію о томъ, что жизнь человѣческая преисполнена горестей, бѣдъ, различныхъ золъ, лишеній, болѣзней, и проч., и проч.

Уже болѣе двухъ лѣтъ Владиміръ Матвѣичъ наслаждался супружескою жизнью; у него былъ капиталъ въ шестьдесятъ тысячъ, который онъ пустилъ въ оборотъ, получалъ отъ тестя двадцать тысячъ ежегодно впередъ, вмѣстѣ съ ростовщикомъ скупилъ по двадцати-пяти копѣекъ за рубль всѣ почти векселя своего товарища, который нѣкогда угощалъ его у Фельета, и черезъ полтора года, по продажѣ имѣнія заемщика, получилъ рубль за рубль. Но жилъ онъ все также скромно, какъ и при началѣ женитьбы: только въ мѣсяцъ два раза у него обѣдали и послѣ обѣда играли въ вистъ — его директоръ и еще нѣсколько значительныхъ чиновниковъ, и въ эти дни за столомъ его показывалась даже роскошь: вина изъ англійскаго магазина и шампанское Креманъ, которое въ то время было въ большой модѣ. Съ женой онъ обращался почтительно и ласково, изрѣдка вывозилъ ее въ театръ и на балы, и по большей части къ такимъ людямъ, на которыхъ онъ имѣлъ какіе нибудь виды... Словомъ, поведеніе Владиміра Матвѣича было въ высшей степени благоразумно и безукоризненно. Въ короткое время, во всѣхъ чиновныхъ домахъ Петербурга онъ умѣлъ снискать лестную извѣстность; отцы и матери петербургскіе ставили его въ примѣръ своимъ дѣтямъ и хоромъ повторяли о немъ: „ахъ, какой *прекрасный человѣкъ!*“

Но злословіе не щадитъ никого: оно подкрадывается, тайное и ядовитое, къ репутаціямъ самымъ чистымъ и непорочнымъ, и старается впустить въ нихъ свое жало и облить ихъ своимъ ядомъ. Владиміръ Матвѣичъ не избѣгъ этой общей участи прекрасныхъ людей...

Инженерный офицеръ, однажды, гуляя по Невскому проспекту съ чиновникомъ военнаго министерства, сказалъ чиновнику, указывая пальцемъ на черноглазую даму, отлично разряженную, катавшуюся въ прекрасной ямской коляскѣ:

— Посмотри-ка, братъ, Катерина-то Яковлевна какъ нынче „финтитъ“, будто „гранъ-дамъ“ какая. Вотъ плутъ-то, этотъ Владиміръ Матвѣичъ! прикидывается невиннымъ, водой съ виду не замутитъ, а на женины-то денежки изволитъ себѣ тайкомъ покучивать.

Между тѣмъ, какъ счастливый Владиміръ Матвѣичъ наслаждался жизнію въ цвѣтѣ лѣтъ и возбуждалъ къ себѣ зависть менѣе счастливыхъ, отецъ его очень перемѣнился: старость видимо начала отягчать его; онъ безпрестанно жаловался на болѣзни и наконецъ долженъ былъ подать въ отставку. Къ этому понудила его еще болѣе перемѣна начальника. Прежніе директоры, особенно послѣдній, были необыкновенно благосклонны къ Матвѣю Егоровичу, и онъ ни разу, занимая должность начальника отдѣленія, не имѣлъ ни отъ одного изъ нихъ никакой непріятности, даже ни малѣйшаго выговора. Новый же директоръ—человѣкъ заносчивый, съ современными идеями, съ головою, загнутою назадъ, казался недоступнымъ для своихъ подчиненныхъ.

Матвѣя Егорыча отставили съ полнымъ пенсіономъ, потому что онъ пятьдесятъ лѣтъ сряду находился непрерывно на службѣ, начавъ ее съ шестнадцатилѣтняго возраста. Двадцать-пять лѣтъ занималъ онъ мѣсто начальника отдѣленія и былъ такъ доволенъ своею участью, что никогда не желалъ себѣ никакой перемѣны: „Чтожь? слава Богу,“ говорилъ онъ впослѣдствіи: „я дослужился до почетнаго чина, имѣю ордена, пряжку за сорокъ-пять лѣтъ, да и то надо взять въ разсчетъ, что почти что ежегодно, кромѣ оклада, получалъ награжденія. Чего же было мнѣ больше? Если бы его превосходительство, Антонъ Мартынычъ, оставался еще у насъ директоромъ, я бы и не подумалъ оставлять службы, не смотря на болѣзни и старость; я бы попросилъ, чтобы онъ мнѣ позволилъ и умереть на этомъ мѣстѣ.“

Когда Матвѣй Егорычъ переѣхалъ съ казенной квартиры на наемную, ему сдѣлалось очень грустно. Сложивъ руки назадъ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по своимъ новымъ комнатамъ, которыя были нисколько не хуже прежнихъ, и говорилъ про себя: „нѣтъ, не то, совсѣмъ не то!“. Всего тяжелѣе ему было по утрамъ, въ то время, когда онъ прежде обыкновенно сиживалъ въ департаментѣ;—утромъ онъ рѣшительно

не зналъ, что ему дѣлать: то посидитъ, то походитъ, то развернетъ календарь, то опять закроетъ его. „Ухъ, какъ скучна праздная жизнь!“ повторялъ онъ, „да и на этой квартирѣ мнѣ все что-то неловко.“

Онъ пересталъ играть въ вистъ, но всякій день, умывшись и одѣвшись, по привычкѣ надѣвалъ еще свои ордена, хотя, никуда не выходилъ изъ дома, и послѣ обѣда снималъ ихъ. Здоровье его со дня на день становилось хуже, лицо покрылось безчисленными морщинами и совершенно осунулось. Онъ былъ похожъ на старое пересаженное дерево, которое не могло уже приняться на новой почвѣ, и доживало еще немногіе дни прежнею жизнію, постепенно болѣе и болѣе обнажая свои вѣтви.

Но страшно было посмотрѣть на бѣднаго Матвѣя Егорыча, когда онъ узналъ о долгахъ жены своей. Съ тѣхъ поръ онъ по цѣлымъ днямъ иногда не выходилъ изъ своей комнаты и, лежа на кушеткѣ, моргалъ правымъ глазомъ, охалъ и шевелилъ губами, будто говоря съ самимъ собою, или писалъ на бумажкѣ карандашомъ какія-то цифры. Сынъ посѣщалъ его рѣдко, отзываясь занятіями по службѣ — и Матвѣй Егорычъ не только не сердился на него за это, а напротивъ, хвалилъ. „Служба должна быть выше всего, толковалъ онъ: — это первая обязанность человѣка. Я по себѣ знаю, какъ втягиваешься въ службу. Владиміръ мой хорошій служака — и я еще больше люблю его за это. Много ли такихъ молодыхъ людей, которые бы въ его лѣта проложили себѣ такую карьеру, какъ онъ?“

Одна только Маша не оставляла Матвѣя Егорыча: она подавала ему лекарство во время его болѣзни; читала ему „Санктпетербургскія Вѣдомости“, когда онъ лежалъ въ своемъ кабинетѣ, — или занималась возлѣ него своимъ шитьемъ. Часто, въ эти минуты, Матвѣй Егорычъ пристально глядѣлъ на нее — и Богъ знаетъ, почему, — вдругъ глаза его наполнялись слезами, и онъ закрывалъ лицо рукою и поворачивался къ стѣнѣ.

Настасья Львовна, которой уже не на что было покупать ни чепцовъ, ни платьевъ, которая заложила все, что могла заложить изъ своихъ вещей — начала безпрестанно жаловаться на судьбу и обвинять мужа въ томъ, что впродолженіе пяти-

десятилѣтней службы, онъ не могъ нажить себѣ никакого состоянія, чтобъ обезпечить семейство. Наконецъ, преслѣдуемая кредиторами, она рѣшилась написать къ сыну письмо, въ которомъ просила его самымъ нѣжнѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ образомъ объ одолженіи ей восьми тысячъ, для уплаты тѣхъ изъ долговъ ея, которые не терпѣли отлагательства.

Пославъ это письмо, она нѣсколько часовъ пробыла въ волненіи и безпокойствѣ, ожидая отвѣта.

Отвѣтъ былъ полученъ въ тотъ же день.

Она распечатала письмо и прочитала съ замираніемъ сердца:

„Милостивая государыня,

Почтеннѣйшая матушка!

Письмо ваше, полученное мною сейчасъ, до глубины сердца растрогало меня и поразило. Я не могъ никогда представить себѣ, что вы находитесь въ такомъ положеніи. О, чѣмъ бы не пожертвовалъ я въ сію минуту, чтобъ имѣть только возможность удовлетворить вашу просьбу и успокоить васъ! Вы пишете, что занимали деньги не на собственныя прихоти, а на мое воспитаніе и на самые необходимые, по вашему мнѣнію, расходы, чтобы не уронить себя въ мнѣніи свѣта и вести домъ свой, какъ слѣдуетъ, по барски, а что денегъ, получаемыхъ батюшкою, было бы для этого вамъ недостаточно. Я вѣрю, почтеннѣйшая матушка, очень вѣрю, ибо самъ живу теперь своимъ домомъ и при всей экономіи едва свожу концы съ концами. Деньги уходятъ такъ, что и не замѣчаешь, особенно при нынѣшней страшной дороговизнѣ; къ тому же, можетъ быть, скоро я буду отцомъ семейства. — Вы изволите также писать, что для меня пожертвовали всею вашею жизнію и ничего не щадили на мое воспитаніе... Чувствую, безпредѣльно чувствую, какъ много я обязанъ вамъ, и моя благодарность за всѣ ваши обо мнѣ попеченія искоренится развѣ только съ моею жизнью. Если бы у меня были просимыя вами, почтеннѣйшая матушка, восемь тысячъ рублей, я почелъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ,—представьте же себѣ, что у насъ во всемъ домѣ теперь только четыреста рублей, а полученія не придвидится скоро. Я самъ бы пріѣхалъ къ вамъ, чтобъ лично объяснить вамъ все это, но цѣлую недѣлю съ утра до ночи занимаюсь однимъ важнымъ дѣломъ, по порученію начальства. — Жена

моя и я цалуемъ руки ваши и батюшкины. Любонька спѣшитъ окончить вышиваемый ею для васъ модный ридикюль и на дняхъ сама привезетъ его къ вамъ. Сестрицѣ нашей поклонъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ сыномъ —

В. Завьяловъ".

Къ концу письма, руки Настасьи Львовны опустились, голова ея упала на грудь—и въ такомъ положеніи минутъ пять она пробыла неподвижна; потомъ рука ея, державшая письмо, судорожно сжала его въ комокъ. Настасья Львовна вдругъ вскочила со стула, бросила письмо на полъ, подбѣжала къ своему туалету, открыла нѣсколько ящиковъ и начала рыться въ грудѣ разныхъ лоскутьевъ... Лицо ея въ этотъ разъ не натертое пудрой, побагровѣло; въ неподвижныхъ и сверкающихъ глазахъ выразился безсильный гнѣвъ и безумное отчаяніе... Она раскидала лоскутки, сама не зная зачѣмъ, на туалетѣ и на полу, подняла письмо и побѣжала къ мужу...

Матвѣй Егорычъ лежалъ на кушеткѣ въ своемъ кабинетѣ и дремалъ отъ слабости. Возлѣ него сидѣла Маша. Настасья Львовна вбѣжала въ комнату и громко захлопнула за собой дверь.

Старикъ вздрогнулъ и старался приподняться.

— Вотъ до чего мы дожили, Матвѣй Егорычъ! закричала она, кидая письмо, свернутое въ комокъ, на столъ, стоявшій у кушетки.—Прочтите это письмо Онъ мягко стелетъ, да жестко спать... И это наши дѣти, дѣти! продолжала она громче и громче, смотря на дочь: —дѣти, на которыхъ мы издерживали послѣднія свои крохи, о которыхъ думали день и ночь... Поди прочь съ глазъ моихъ, поди! вы всѣ неблагодарныя отродья, я не могу васъ видѣть. Мы нищіе—и они не хотятъ подать намъ гроша...

Маша въ испугѣ вскочила со стула и прислонилась къ стѣнѣ.

Матвѣй Егорычъ, не говоря ни слова, взялъ письмо со стола и, расправивъ его, поднесъ къ глазамъ,—но зрѣніе измѣняло ему, онъ началъ шарить рукой по столу, ища футляра съ очками... Съ трудомъ надѣвъ очки дрожащими руками, онъ прочелъ письмо, сложилъ его, спряталъ въ карманъ своего сюртука и взглянулъ на жену.

— За что же вы такъ сердитесь на дѣтей, Настасья Львовна? спросилъ онъ ее тихо и спокойно: — намъ грѣхъ жаловаться на нашихъ дѣтей: Маша благонравная, добрая дѣвочка; Владиміръ — прекрасный человѣкъ, съ этимъ и вы всегда соглашались; о немъ всѣ одинаковаго мнѣнія: начальство имъ не нахвалится, большая часть нашихъ знакомыхъ ставятъ его въ примѣръ своимъ дѣтямъ... Письмо это написано имъ почтительно, съ сыновнею любовію... Гдѣ же ему взять такую сумму, какъ вы требуете, если у него нѣтъ ея? Ахъ, зачѣмъ дѣлали вы эти долги, Настасья Львовна? зачѣмъ вы скрывали ихъ отъ меня?

— Такъ, такъ, я знала, что я одна останусь во всемъ виновата, что все это падетъ на меня одну! У него нѣтъ денегъ? говорите вы. Нѣтъ? вы глупый, слабый отецъ, — вы готовы всему повѣрить; онъ скоро подавится деньгами, а знаете ли вы, что у насъ не остается ни копѣйки, что мы умремъ съ голода, что всѣ вещи мои продадутъ за неплатежъ долга?.. А невѣстка, видите ли, вышиваетъ мнѣ ридикюль!.. Да я ее выгоню изъ моего дома вмѣстѣ и съ ридикюлемъ-то...

Изъ груди старика вырвался болѣзненный стонъ. — Маша бросилась къ отцу.

— О, ради Бога, сказала она, обнявъ отца и обращаясь къ матери: — ради Бога, папенька нездоровъ.

Матвѣй Егорычъ, гладя Машу по головѣ, — это была любимая его ласка, — сказалъ женѣ прерывающимся голосомъ:

— Настасья Львовна, мнѣ ужь немного остается жить: я не обременю собой никого; но если бы Богъ опредѣлилъ мнѣ еще прожить, то Маша моя накормила бы больного старика своего, она не допустила бы его до голодной смерти... Нѣтъ... мы виноваты противъ нея, Настасья Львовна, очень виноваты. Дѣти наши любятъ насъ. Посмотрите на Машу — и онъ опустилъ свою голову на грудь дочери.

— Я несчастная, несчастная! всѣ противъ меня!

И съ ужаснымъ крикомъ Настасья Львовна выбѣжала изъ кабинета мужа.

Прошло полгода послѣ этой сцены... Всѣ заложенные въ разное время Настасьею Львовною вещи и серебро были удержаны ростовщикомъ съ малиновыми щечками за неплатежъ ему долга; отдавая мелочные долги изъ расходныхъ денегъ, она

дошла до того, что для ежедневнаго содержанія своего семейства должна была закладывать въ ломбардъ столовыя ложки... Она перестала жаловаться на сына и въ безмолвной боязни ожидала рѣшенія своей участи. Въ эти полгода она такъ постарѣла, что на ея лицо было страшно взглянуть. Матвѣй Егорычъ лежалъ больной; у него не было денегъ на лекарства,— онъ послалъ за сыномъ.

Въ вицъ-мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, какъ всегда скромный и почтительный, какъ всегда румяный, — только нѣсколько возмужавшій,—явился Владиміръ Матвѣичъ къ отцу и сѣлъ возлѣ его постели.

— Каковы вы? Получше ли вамъ, батюшка? — спросилъ онъ у отца, цалуя его руку.

Матвѣй Егорычъ вмѣсто отвѣта печально покачалъ головой.

— Какъ идетъ твоя служба, Володя?

— Слава Богу, по маленьку, батюшка. Занятій столько, что не имѣю минуты свободнаго времени.

— Что дѣлать? за то тебя награждаютъ, дорожатъ тобой... Когда есть занятія, тогда веселѣе, мой другъ, это я по себѣ знаю... Ну, а какова жена твоя?

— Немножко прихварываетъ, батюшка; впрочемъ, въ ея положеніи это натурально.

— Да, а ужь кажется, Богу не угодно, чтобъ я дожилъ до внучатъ...

— Помилуйте... почему же, батюшка? еще здоровье ваше поправится.

— Нѣтъ, другъ Володя, не надо, чтобъ оно поправилось, не надо... Мои дѣла очень разстроены,—ты это знаешь: что жь будетъ хорошаго, если я поправлюсь?.. Не думалъ я, Володя, дожить до такой нужды... Ну, да что жь дѣлать?—видно такъ Богу угодно... Я просилъ тебя къ себѣ... мнѣ надобно поговорить съ тобой.

— Что̀ прикажете?

— У меня до тебя просьба — и Матвѣй Егорычъ взялъ сына за руку:—не оставь мать и сестру; у нихъ нѣтъ никого, кромѣ тебя. Надо взять въ разсчетъ, что безъ тебя они пойдутъ по міру... произнесъ онъ, глотая слезы и задыхаясь слезами.

— Помилуйте, это мой долгъ, сказалъ Владиміръ Матвѣичъ.

разстегивая нижнюю пуговицу своего вицъ-мундира и потупляя глаза.—Но къ чему такія мысли, батюшка? вы себя этимъ разстроиваете.

— Такъ ты не оставишь ихъ? продолжалъ отецъ, все еще держа сына за руку и пристально смотря на него.

— Полноте, батюшка, лучше перемѣнимте разговоръ.

— Зачѣмъ перемѣнять? Отвѣчай мнѣ, скажи мнѣ, Володя...

— Можете ли вы сомнѣваться?

— Нѣтъ, до сихъ поръ я не сомнѣвался въ тебѣ,—видитъ Богъ не сомнѣвался; но что же ты не посмотришь на меня? отчего же ты говоришь со мной такъ сухо? Я васъ очень люблю, и тебя, и сестру твою, очень,—намъ не долго быть вмѣстѣ.

Владиміръ Матвѣичъ поцаловалъ руку отца.

— Лучше поцалуй меня... вотъ такъ... Ты много мнѣ доставлялъ въ жизни утѣшенія... Будь ко мнѣ поласковѣе... мнѣ все кажется, что я помѣшалъ тебѣ; можетъ, тебѣ нужно куда нибудь... у тебя дѣла ..

— Нѣтъ-съ, я совершенно свободенъ... мнѣ пріятно провести съ вами время.

Правый глазъ Матвѣя Егорыча заморгалъ и что-то похожее на безпокойство и недоумѣніе изобразилось на лицѣ его. Этотъ полуживой, боязливый, изсохшій старичокъ ничего уже не имѣлъ общаго съ тѣмъ самодовольнымъ человѣкомъ, который нѣкогда, улыбаясь любовался Владиміромъ 3-й степени.

— Вотъ еще что я хотѣлъ сказать тебѣ, говорилъ онъ сыну въ свою очередь, потупляя глаза: — мнѣ совѣстно, Володя, обирать тебя,—я и безъ того это время перебралъ у тебя, я думаю, рублей до двухъ сотъ... только у насъ нѣтъ ни полушки... мнѣ не на что послать за лекарствомъ... вонъ на столѣ лежитъ рецептъ... я бы не безпокоилъ тебя... Если можешь помочь намъ, если только это не разстроитъ тебя, одолжи намъ еще... рублей хоть двѣсти.

Матвѣй Егорычъ едва договорилъ это; слова на силу сходили съ языка его: онъ какъ будто ждалъ, не прерветъ ли Володя его затруднительной рѣчи: но Владиміръ Матвѣичъ не прерывалъ его и когда отецъ замолчалъ, ожидая отвѣта,—онъ, смутясь и запинаясь, объявилъ, что самъ очень нуждается

въ деньгахъ и что болѣе пятидесяти рублей, къ сожалѣнію, никакъ не можетъ удѣлить отъ себя.

Вынувъ изъ кармана пятидесяти рублевую ассигнацію, будто нарочно заготовленную имъ для этого случая, Владиміръ Матвѣичъ положилъ ее на столъ.

Голова Матвѣя Егорыча опустилась на подушку и вѣрно онъ почувствовалъ въ эту минуту какую нибудь боль, потому что лицо его болѣзненно сморщилось.

— Прости меня, Володя,—сказалъ онъ едва слышно: — я боюсь, не обременяю ли я тебя нашими нуждами — и онъ закрылъ глаза, будто засыпая.

Владиміръ Матвѣичъ осторожно, потихоньку, хотѣлъ выйдти изъ комнаты, но едва онъ приподнялся, какъ старикъ вздрогнулъ и открылъ глаза.

— Куда ты, Володя? спросилъ онъ.

— Я думалъ, что вы заснули, батюшка.

— Нѣтъ, я такъ только начиналъ забываться. Тебѣ, можетъ быть, пора куда-нибудь... поѣзжай съ Богомъ... Навѣсти меня еще...

Владиміръ Матвѣичъ взялъ шляпу и хотѣлъ подойти къ рукѣ отца; но старикъ, замѣтивъ его движеніе, отдернулъ руку и, приподнимаясь съ подушки, обнялъ сына костлявою, морщинистою рукою и снова пристально посмотрѣлъ на него мутными, болѣзненными глазами, какъ бы непреодолимо желая на лицѣ его прочитать тайну его сердца.

— Любишь ли ты меня?

— Какъ же мнѣ не любить васъ, батюшка?

— Ну, хорошо... Прощай же, Володя, прощай. Меня въ самомъ дѣлѣ что-то сонъ начиваетъ клонить...

Маша, сидѣвшая въ сосѣдней комнатѣ, почти отъ слова до слова слышала весь этотъ разговоръ. Когда Владиміръ Матвѣичъ вышелъ изъ отцовскаго кабинета, она пошла къ нему на встрѣчу.

— Послушай, сказала она брату рѣшительнымъ и твердымъ голосомъ:—вотъ ужъ болѣе недѣли, матушка не знаетъ что дѣлать она кое-какъ еще перебивается: но къ ней безпрестанно приходятъ за деньгами, — нельзя же все забирать въ долгъ. Она очень страдаетъ, она можетъ занемочь, а лекар-

ства не отпустятъ въ долгъ; ты видѣлъ, въ какомъ состояніи батюшка... Ты долженъ помочь имъ.

Владиміръ Матвѣичъ перебиралъ шляпу въ рукахъ.

— Сестрица, все, что могъ, я сдѣлалъ—и сейчасъ отдалъ батюшкѣ почти послѣдніе пятьдесятъ рублей,—кромѣ того, въ разное время я передавалъ ему очень много денегъ.

— Этихъ пятидесяти рублей мало, продолжала она также твердо и рѣшительно:—надобно же имъ чѣмъ нибудь жить. Ты долженъ дать ему по крайней мѣрѣ столько, сколько онъ просилъ у тебя.

— Ахъ, сестрица! ты право не знаешь, что говоришь; вѣдь деньги, милая, нельзя дѣлать: откуда же мнѣ ихъ взять?

— Какъ? развѣ у тебя нѣтъ денегъ? спросила она:—ты живешь такъ богато... у тебя въ домѣ такая дорогая мебель, такія прекрасныя вещи...

— Съ чего ты это взяла, что я живу богато? перебилъ ее Владиміръ Матвѣичъ, будто немного испугавшись:—мебель! вѣдь надобно же имѣть мебель, чтобъ сидѣть на чемъ нибудь. Я пріобрѣтаю деньги своими трудами, со стороны получаю немного; мнѣ каждая копѣйка дѣлаетъ счетъ.

— Ну, такъ если у тебя нѣтъ денегъ, ты вѣрно продашь какую нибудь изъ твоихъ вещей и пришлешь батюшкѣ столько, сколько онъ просилъ у тебя?

Владиміръ Матвѣичъ съ выраженіемъ величайшаго удивленія посмотрѣлъ на сестру.

— Продавать вещи! Какъ это тебѣ пришло въ голову?

— Отчего же? спросила она, посмотрѣвъ на брата съ такимъ же удивленіемъ, съ какимъ онъ смотрѣлъ на нее: — чтобъ избавить отъ горя умирающаго отца, который такъ любитъ тебя, развѣ ты не рѣшился бы отдать послѣднее?

Владиміръ Матвѣичъ въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— А кто виноватъ, что они дошли до такой нужды? говорилъ онъ, будто съ самимъ собою:—вольно было матушкѣ такъ много издерживать на свои наряды; надобно жить по состоянію.

— Что говоритъ о томъ, чего нельзя поправить! И чѣмъ же виноватъ батюшка? За чѣмъ *онъ* долженъ страдать теперь? Я предчувствую, что онъ не проживетъ долго; по крайней

мѣрѣ, мы будемъ стараться, чтобы послѣдніе дни свои онъ провелъ спокойно и не нуждался.

— Ей Богу, у меня нѣтъ денегъ, сестрица! я душевно бы радъ...

Маша опустила голову на грудь. Съ минуту она пробыла въ такомъ положеніи, потомъ, не произнося ни слова, посмотрѣла на брата умоляющими глазами, полными слезъ, и вдругъ упала передъ нимъ на колѣни...

— Сестрица, сестрица!... Помилуйте, что это вы... Владиміръ Матвѣичъ бросился поднимать ее; но она тотчасъ сама встала, подавивъ въ себѣ внутреннюю боль, и вытерла слезы.

— Я хотѣлъ давно сказать тебѣ, сестрица, говорилъ ей Владиміръ Матвѣичъ съ разстановкою и замѣшательствомъ: — я не знаю только какъ ты это пріймешь, — можетъ быть тебѣ покажется нѣсколько странно... ты можешь и батюшку и матушку избавить отъ затруднительныхъ обстоятельствъ...

— Какимъ образомъ? — спросила она съ живостію.

— Вотъ видишь ли есть одинъ человѣкъ —ты его нѣсколько разъ видѣла у меня—онъ говорилъ мнѣ, что сочтетъ за честь, если ты согласишься выйдти за него замужъ, а онъ человѣкъ очень богатый.

— Кто это? — спросила Маша, горько и насмѣшливо улыбнувшись.

— Шнейдъ. Ты, можетъ быть, замѣтила его у меня: небольшого роста, съ такимъ густымъ румянцемъ на щекахъ... Онъ, правда, не важнаго чина, еще только титулярный совѣтникъ, но живетъ разными благородными оборотами и этимъ скопилъ себѣ значительный капиталъ; въ семейной жизни, онъ долженъ быть человѣкъ очень хорошій. Если ты рѣшишься выйдти за него, то будешь въ состояніи обезпечить по смерть и батюшку и матушку.

Блѣдное лицо Маши вспыхнуло.

— Можетъ быть, я не стою твоего участія, но вѣрно не заслуживаю и твоихъ оскорбленій, сказала она брату и, не дождавшись его возраженій, вышла въ другую комнату, упала на диванъ и рыдая могла только проговорить: „несчастный батюшка, несчастный!“

Владиміръ Матвѣичъ, возвращаясь домой, разсуждалъ самъ съ собою.

— Добрая, а престранная дѣвушка!... Другая на ея мѣстѣ еще была бы благодарна мнѣ за мое предложеніе. Пренебрегать денежнымъ человѣкомъ!... Она видно не знаетъ, что на нищихъ невѣстъ въ наше время не слишкомъ обращаютъ вниманія... Вѣдь засидится же въ дѣвкахъ!

Матвѣй Егорычъ, послѣ свиданія съ сыномъ, не заснулъ ни на одну минуту, хоть и сказалъ будто хочетъ спать. Онъ долго сидѣлъ на постели, сложа руки на колѣняхъ и однообразно качая головою.

— Неужели, думалъ онъ: — неужели ему жаль помочь старому, больному отцу? Володя! Володя! Но, можетъ быть, у него точно нѣтъ денегъ? Онъ такъ сухо отвѣчалъ на мои ласки; — но, можетъ быть, мнѣ это показалось?... Нѣтъ, когда я ласкаю Машу, то мнѣ всегда легко; мнѣ представляется, что и она чувствуетъ точно то же, что я чувствую въ эти минуты. Ему грѣхъ было бы не любить меня... Надо взять въ разсчетъ, что сынъ, который отказываетъ въ помощи бѣдному отцу,—дурной сынъ; но развѣ Володя можетъ быть дурнымъ сыномъ? Онъ, кажется, до сихъ поръ исполнялъ какъ нельзя лучше всѣ сыновнія обязанности; я не замѣчалъ въ немъ никакихъ дурныхъ наклонностей, никакихъ; службой онъ занимался и занимается отлично; начальство ставитъ его въ примѣръ другимъ; всѣ говорятъ, что онъ *прекрасный человѣкъ*; всѣ любятъ и хвалятъ его. Какъ же ему быть дурнымъ сыномъ? Непостижимо... Однако онъ ни разу не вызвался самъ помочь мнѣ, а онъ имѣетъ къ тому всѣ средства...

И бѣдный Матвѣй Егорычъ, думая о сынѣ, переходилъ отъ догадки къ догадкѣ, отъ сомнѣнія къ сомнѣнію. Онъ силился разрѣшить рѣзкія противорѣчія, безпрестанно представлявшіяся уму его, и оставался при одномъ недоумѣніи... Это мучило его; даже во снѣ часто вырывались у него отрывочныя, несвязныя восклицанія: „Прекрасный человѣкъ!... Неужели ему жаль?... Отчего это?...“

Настасья Львовна иногда по цѣлымъ днямъ плакала, а иногда лежала въ какомъ-то странномъ, безчувственномъ состояніи, хотя не жаловалась ни на какую болѣзнь... И Маша должна была сидѣть у нея и у отца и еще заниматься домашними хлопотами.

Къ счастью, на другой день послѣ посѣщенія Владиміра

Матвѣича, Матвѣй Егорычъ получилъ совершенно неожиданно письмо и при немъ пятьсотъ рублей отъ старушки княгини Л..., у которой онъ исправлялъ нѣкогда должность стряпчаго. Княгиня, узнавъ о его болѣзни и о томъ, какъ онъ нуждался, просила Матвѣя Егорыча принять эти деньги, очень радушно разспрашивала у него о дочери, изъявляла желаніе взять ее въ число своихъ воспитанницъ и обѣщала хлопотать объ устройствѣ ея участи. Но Маша отказалась отъ этихъ предложеній.

ГЛАВА IX.

Заключительная, изъ которой каждый читатель можетъ вывести нравоученіе, какое ему заблагоразсудится.

25 сентября, наканунѣ праздника Іоанна Богослова, Матвѣй Егорычъ съ самого утра почувствовалъ себя дурно... Утромъ онъ разобралъ однако всѣ свои патенты и акуратно по порядку снова уложилъ ихъ; потомъ спросилъ коробочку съ своими орденами; вынулъ ихъ, пересмотрѣлъ, перетеръ и спряталъ... Отдавая назадъ Машѣ эту коробочку, онъ сказалъ: „Видно, мнѣ больше ужъ не надѣвать ихъ, Маша.“ Потомъ онъ все жаловался на слабость, нѣсколько разъ повторялъ: „загостился я у васъ, пора домой“ — и около полудня причастился святыхъ тайнъ. „Теперь мнѣ стало полегче“, сказалъ онъ женѣ, почти неотходившей въ этотъ день отъ его постели. Когда онъ замѣтилъ, что глаза Маши покраснѣли и распухли отъ слезъ, онъ старался улыбнуться и прошепталъ сквозь слезы. „Полно, Машенька, о чемъ плакать; лучше помолись обо мнѣ.“—Часу въ третьемъ онъ началъ стонать, жаловаться на боль въ груди и просилъ, чтобъ послали за Володей. Нѣсколько разъ и до этого онъ вспоминалъ о немъ и все съ какимъ-то безпокойствомъ. Въ три часа Владиміръ Матвѣичъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Анной Львовной. Настасья Львовна и его и сестру свою приняла очень сухо. Владиміръ Матвѣичъ казался разстроеннымъ; Анна Львовна, у которой, въ послѣднее время, отъ худобы, лицо сдѣлалось еще длиннѣе прежняго и подъ глазами образовались синія пятна,—все вздыхала и повторяла: „ахъ сестрица!“ или „охъ, милая сестрица!“

Но эти вздохи и восклицанія не производили никакого впечатлѣнія на Настасью Львовну. За обѣдомъ почти никто не прикасался къ кушанью и всѣ молчали. Докторъ, заѣхавшій послѣ обѣда, объявилъ, что врядъ ли Матвѣй Егорычъ проживетъ до утра.

Скоро всѣ одинъ за однимъ на цыпочкахъ собрались къ постели умирающаго. Онъ лежалъ, закрывъ глаза; дыханіе его было тяжело и неровно. Маша стояла у его изголовья, прислонивъ голову къ кроватной спинкѣ; Владиміръ Матвѣичъ сидѣлъ на стулѣ у его ногъ съ наклоненной головой, заложивъ пальцы за пуговицы вицъ-мундира; Настасья Львовна перевертывала въ рукѣ пустую лекарственную банку и глядѣла куда-то неопредѣленно; Анна Львовна подносила ежеминутно платокъ къ глазамъ и шептала: „ахъ, какое несчастіе!“ Осеннее солнце освѣщало эту картину.

— Маша! сказалъ больной, приподнимая отяжелѣвшія вѣки.

Всѣ вздрогнули при этомъ голосѣ.

Маша подошла къ изголовью.

— Мнѣ тяжело дышать, Маша, продолжалъ онъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ: — положи руку мнѣ къ головѣ, да не отходи отъ меня...

Послѣ минуты молчанія, онъ спросилъ:

— А Владиміръ здѣсь?

— Здѣсь, батюшка, сказалъ Владиміръ Матвѣичъ, вставая со стула.

Старикъ началъ приподниматься, держась за Машу и открылъ глаза свои, ища сына:

— А! это ты? поди ко мнѣ...

Онъ началъ пристально смотрѣть на него. Казалось, опять страшное сомнѣніе начинало мучить его.

— Вотъ и мой часъ пришелъ, Володя... А ты мнѣ дашь умереть спокойно?

— Что прикажете, батюшка? у Владиміра Матвѣича навернулись на глазахъ слезы.

— Я прошу тебя... у меня одна просьба... не оставь мою Машу; не оставь свою мать... онѣ безъ куска хлѣба... не оставь ихъ...

Маша дрожала всѣмъ тѣломъ; она не могла поддерживать отца, и Анна Львовна подбѣжала къ ней на помощь.

Вдругъ банка выпала изъ руки Настасьи Львовны, и разбилась въ дребезги: лицо ея судорожно подернулось и съ страшнымъ крикомъ: „Матвѣй Егорычъ, прости меня! прости меня.. я много передъ тобою виновата!“ она почти безчувственная упала къ его постели.

— Поднимите ее! сказалъ Матвѣй Егорычъ.

Ее подняли и подвели къ нему. Онъ пожалъ ей руку. —

— Я давно простилъ всѣмъ, Настасья Львовна.—прости и ты меня.

— Ты ни въ чемъ не виноватъ передо мной! простонала она.

— Какъ ни въ чемъ? Всѣ мы люди. Оба мы виноваты передъ Машей, очень виноваты... береги ее... Поправьте мнѣ сзади подушки... Маша, Маша... поди ко мнѣ... (Онъ протянулъ къ ней руки и прижалъ ее къ груди)... Ну, прощай, моя Маша, прощай, дитя мое, родное мое дитя... Когда я буду отходить, читай надо мною молитвы,—я хочу, чтобъ *ты* читала. Дай мнѣ перекрестить тебя... Надъ тобой всегда, всегда мое благословеніе... Господи, услыши молитву мою...

Ослабѣвающею рукою онъ осѣнилъ ее крестомъ и произнесъ довольно твердымъ голосомъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“: потомъ онъ благословилъ и перекрестилъ Владиміра Матвѣича. „Не оставь Машу“ сказалъ онъ ему. Это были послѣднія слова его: утомленный, онъ опустился на подушки... Черезъ полчаса раздался голосъ Маши, заглушаемый рыданіями: она читала отходныя молитвы.

Въ день похоронъ, по обыкновенію, съѣхались гости. Владиміръ Матвѣичъ хлопоталъ, бѣгалъ, отдавалъ приказанія, плакалъ—и всѣ гости смотрѣли на него съ особеннымъ чувствомъ и говорили: „Вотъ ужъ истинно *прекрасный человѣкъ*!“

Отъ самаго дома до Волкова-кладбища, Владиміръ Матвѣичъ шелъ за гробомъ отца пѣшкомъ и безъ шляпы, не смотря на сырую осеннюю погоду.

Гробъ опустили въ могилу и засыпали землею; Владиміръ Матвѣичъ, Настасья Львовна, родственники и гости разговаривали въ церкви съ священникомъ и занимались кутьею.

Одна Маша сидѣла у могилы отца... Она не плакала,—въ эту минуту она была спокойна, — грустное, но святое и без-

конечное чувство наполняло грудь ея... Небо застилали сѣренькія тучи, желтые листья падали съ деревьевъ кругомъ нея—и передъ нею тянулся безконечный рядъ могилъ...

— Маша, пора домой! сказала ей мать, подходя къ ней.

Онѣ сѣли въ наемную карету, запряженную двумя клячами, и шагъ за шагомъ поплелись въ городъ. Скоро карета исчезла въ туманѣ...

ОНАГРЪ.

„*Онагръ* находится нынѣ особливо въ Татаріи, откуда онъ многочисленными стадами заходитъ къ Индіи и Персіи Животное сіе бѣгаетъ чрезвычайно прытко, довольствуется негодною для корма другихъ животныхъ травою: отъ него происходитъ ручной или домашній оселъ. Вывозъ на племя ословъ въ Испаніи запрещенъ подъ смертною казнію."

(*Руководство къ Естественной Исторіи Блуменбаха, переведенное географіи учителями Петромъ Наумовымъ и Андреемъ Терявымъ*).

ГЛАВА I.

Утро Онагра.—Любопытный разговоръ въ кандитерской. — Удивительный человѣкъ и очаровательная женщина.

— Разъ, два, три... chassé en avant...

Скрипка завизжала.

Молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-шести, средняго роста, худощавый, съ большими глазами на выкатѣ, цвѣта потускнѣвшаго олова, съ свѣтлыми и рѣдкими волосами до плечъ, въ плисовомъ сюртучкѣ, въ шолковыхъ полосатыхъ чулкахъ и лакированныхъ башмакахъ, — выставилъ правую ногу и двинулся впередъ, тряхнувъ плечами...

Танцовальный учитель улыбнулся нѣжно, подошелъ къ своему ученику съ граціею, взялъ его за обѣ руки, носкомъ своего башмака началъ расправлять его ноги и заставилъ его снова повторить *шассе*. И скрипка снова завизжала...

Стѣнные часы въ комнатѣ молодого человѣка пробили одиннадцать; скрипка спряталась въ футляръ, танцовальный учитель сдѣлалъ три *шассе* впередъ, раскланялся, принялъ отъ своего ученика карточный билетикъ, съ достоинствомъ балетнаго героя, и на цыпочкахъ выскользнулъ въ переднюю.

— Гришка, завиваться! закричалъ молодой человѣкъ.

Черезъ пять минутъ, Гришка, въ засаленномъ сюртукѣ, съ сережкой въ ухѣ, съ гребенкой въ масляныхъ волосахъ и съ круглыми щипцами въ рукѣ, явился передъ бариномъ. Гришка воспитывался въ цирюльнѣ на Гороховой, въ той самой цирюльнѣ, на окнѣ которой золотыми буквами начертано: „Зало для стришки и завифки волосъ цѣна 20. ко. се. И выбрить“.

Баринъ развалился на стулъ передъ зеркаломъ, замурлыкалъ что-то изъ „Фенеллы“, закинулъ назадъ растрепанную голову, и Гришка приступилъ къ своей должности. Три раза охлаждались и три раза раскалялись щипцы: голова барина покрывалась завитками; баринъ только изрѣдка поморщивался и вскрикивалъ: „больно, болванъ!“

По окончаніи завивки, Гришка отворотилъ безконечные рукава сюртука своего, подшитые посконной холстиной, растеръ на грязныхъ ладоняхъ пяти-рублевую помаду violette и принялся отдѣлывать голову барина.

— Гришка! помадь пожирнѣе, да виски фиксатуаромъ натри, говорилъ баринъ.

Весь въ завиткахъ, смотрясь въ зеркало и прищуриваясь, баринъ началъ прохаживаться въ своемъ кабинетѣ между стульевъ и пощолкивать языкомъ.

Комната эта не большая и не маленькая: ярко-пунцовыя занавѣски на окнахъ, небольшое зеркало на ножкахъ въ видѣ трюмо, мебель двадцатыхъ годовъ, но разставленная въ современномъ безпорядкѣ; на стѣнахъ соблазнительныя картинки, дурно литографированныя и еще хуже раскрашенныя, въ пестрыхъ рамкахъ... Вездѣ торчатъ чубуки, на полу—табачный пепелъ, на письменномъ столѣ—вторая часть какого-то французскаго романа.

Барину наскучило ходить; онъ зѣвнулъ, протянулся на диванѣ и закричалъ:

— Гришка!

Гришка явился.

— Трубку!

Баринъ сталъ пускать дымъ кольцами. Это заняло его на нѣсколько минутъ

— Гришка!

— Чего-съ?

— Тепло сегодня?

— Средственная погода-съ.

— Я надѣну пальто съ бобровымъ воротникомъ.

Слышишь?

— Слушаю-съ...

Баринъ всталъ съ дивана и подошелъ къ окну. Онъ потянулся и подумалъ:

— Куда бы ѣхать? Потомъ онъ началъ опять щолкать языкомъ.

— Гришка, афишку!

Въ четвертый разъ баринъ принялся перечитывать афишку.

—Какой бы жилетъ мнѣ надѣть сегодня, думалъ баринъ:— пестрый, полосатый, или черный съ лиловыми разводами? Вчера я надѣвалъ желтый съ бронзовыми пуговицами... Гришка? который часъ?

— Половина второго-съ.

— Врешь. Можетъ ли быть только половина второго?

Баринъ пошелъ въ залу и самъ посмотрѣлъ на часы.

— Чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ еще только половина второго. Гришка!

— Чего-съ?

— Заложить въ санки гнѣдую. — Куда бы съѣздить?.. Гришка!

— Что-съ?

— Послушай, вели лучше запречь саврасую.

Баринъ снова подошелъ къ окну и началъ барабанить по стеклу пальцами.

— Гришка, одѣваться!..

И вотъ баринъ одѣлся. Его сюртукъ превосходно обрисовываетъ его талію: правда, онъ немножко узокъ ему и жметъ подъ мышками, но, говорятъ, модные сюртуки всѣ таковы: булавка съ огромнымъ камнемъ зашпиливаетъ длинные концы его узорчатаго галстуха; на бархатномъ жилетѣ, испещренномъ шелковыми цвѣтами, виситъ золотая цѣпь съ змѣей, у

которой красный глазъ подъ яхонтъ... Кругомъ его на десять шаговъ воздухъ напитанъ благоуханіемъ жасминныхъ духовъ въ соединеніи съ фіалковой помадой. Сверхъ сюртука, онъ надѣваетъ пальто, кончикъ краснаго фуляра выпускаетъ изъ грудного кармана.

Онъ два раза проѣхалъ отъ Аничкова моста до Адмиралтейства и приказалъ остановиться у кандитерской... Онъ очень доволенъ собой; только одно ему досадно, что черепаховый лорнетъ никакъ не держится въ его глазѣ...

— Отчего же онъ у другихъ держится?.. подумалъ молодой человѣкъ, вбѣгая на лѣстницу кандитерской.

Въ кандитерскихъ, которыя на правой сторонѣ Невскаго проспекта, проводятъ время очень весело. Туда господа чиновники изъ молодыхъ, занимающіеся политикой, оторвавшись отъ дѣлъ, забѣгаютъ прочитать „Пчелку", залитую шеколадомъ и искоса посмотрѣть на груды слоеныхъ пирожковъ; тамъ господа офицеры, перевертывая „Инвалидъ", пьютъ ликеръ, затягиваются и гремятъ шпорами: тамъ скромный негоціантъ съ Васильевскаго острова, обстриженный подъ гребенку, лицо безсмѣнное, съ изумительнымъ терпѣніемъ, не развлекаясь ничѣмъ, прочитываетъ отъ начала до конца неизмѣримые столбцы иностранной газеты, выпиваетъ свой обычный стаканъ кофе и уходитъ, не удостоивъ никого взглядомъ; такъ много и такихъ господъ, которые осматриваютъ васъ съ ногъ до головы, и только ищутъ случая, Богъ ихъ знаетъ для чего, какъ бы заговорить съ вами, и въ ожиданіи этого случая любуются потолкомъ, расписаннымъ въ помпеевскомъ вкусѣ; тамъ есть и такіе, которые совершенно на дружеской ногѣ съ содержателями кандитерскихъ, знаютъ всѣ ихъ семейныя тайны, называютъ по именамъ всѣхъ мальчиковъ, бѣгающихъ съ подносами, улыбаются Францу, дружески дерутъ за ухо Карла, и кушаютъ пирожки въ долгъ; тамъ бархатныя мебели въ грязи и въ пятнахъ, зеркала въ пыли и въ копоти; тамъ бронза безъ блеска, цвѣты безъ запаха, тамъ чадъ кухонный, смѣшанный съ чадомъ табачнымъ...

Войдя въ кандитерскую, молодой человѣкъ прежде всего посмотрѣлся въ зеркало и поправилъ свои волосы; потомъ спросилъ себѣ шоколаду, потомъ сѣлъ на стулъ, придвинулъ къ себѣ

„Journal des Débats“, оттолкнулъ отъ себя „Санктпетербургскія Вѣдомости“, потомъ онъ ужъ и не зналъ, что ему дѣлать.

Къ счастію, въ эту самую минуту, въ ближайшей комнатѣ послышался рѣзкій свистъ. Молодой человѣкъ приподнялся, чтобъ посмотрѣть, кто свиститъ.

Передъ нимъ стоялъ тоненькій, улыбающійся офицеръ въ очкахъ, съ бѣлыми эполетами.

— А, мон-шеръ! закричалъ офицеръ во все горло, такъ что всѣ читающіе невольно вздрогнули:—бон-журъ... Какое на тебѣ чудесное пальто! и боберъ славный! ты мастеръ одѣваться. Вчера мы все объ тебѣ говорили съ Базилемъ: онъ ужасно тебя любитъ. Какой, братецъ, славный малый Базиль! Мы съ нимъ третьяго дня въ Екатерингофъ на тройкѣ ѣздили.

— На тройкѣ! возразилъ молодой человѣкъ: — неужто? я на тройкѣ смертельно люблю ѣздить... Выпьемъ-ка шоколаду.

— Гарсонъ! еще чашку шоколаду, закричалъ офицеръ...— Какія, мон-шеръ, политическія интересныя новости... вѣдь я всѣ французскія газеты читаю... Тьера смѣнили, Гизо все такія рѣчи говоритъ... Ну, а ты не былъ вчера въ театрѣ... Ахъ, какъ Андреянова протанцовала, моншеръ, сальтарелло съ Гредлю,—прелесть, просто! А-га! да вотъ и наши *театралы* собираются.

Офицеръ обратился къ двумъ вошедшимъ: статскому маленькаго роста, блѣдному, одѣтому съ изысканной простотой, съ сморщеннымъ лицомъ ребенка въ англійской болѣзни, съ движеніями старой кокетки средняго сословія,—и къ офицеру съ золотыми эполетами, довольно плотному и румяному.

— Здравствуйте, господа, сказалъ офицеръ и статскій въ одно время, одинъ голосомъ мужественнымъ и твердымъ, другой немного въ носъ, протяжно и съ какою-то изнѣженностью, не совсѣмъ понятною въ мужчинѣ.

— Отчего же вы *меня* причисляете къ театраламъ? спросилъ послѣдній, обращаясь къ офицеру съ серебреными эполетами:—я въ театрѣ не бываю такъ часто и, кажется, не волочусь ни за кѣмъ. Мнѣ театры наскучили,—я слишкомъ много насмотрѣлся на парижскіе и вѣнскіе театры...

Говоря это, онъ растиралъ рукою грудь, какъ будто чувствовалъ боль въ груди.

— Нѣтъ-съ, да это я не про васъ сказалъ, отвѣчалъ офицеръ съ серебреными эполетами;—я...

— А! это на *нашъ* счетъ, перебилъ офицеръ съ золотыми эполетами:—а! понимаемъ!...

— Ужъ конечно, послѣ парижскихъ театровъ на здѣшніе смотрѣть не захочется, продолжалъ офицеръ съ серебреными эполетами:—я вѣдь будущей весною поѣду и въ Парижъ, и въ Лондонъ, и въ Мадридъ, вездѣ: меня на казенный счетъ посылаютъ; ну, а если не пошлютъ на казенный счетъ, такъ я на свой поѣду. Чтожъ! я, слава Богу, имѣю состояніе хорошее.

— Горькой водки и пирожокъ! закричалъ офицеръ съ золотыми эполетами...

— Сахарной воды! сказалъ статскій.

Мальчикъ явился съ подносами.

Статскій взялъ стаканъ съ водою, отпилъ немного, поставилъ его на столъ и посмотрѣлъ въ лорнетъ на мальчика.

— Какой хорошенькій мальчикъ, прошепталъ онъ, поправляя свой шейный платокъ:—какое у него пріятное выраженіе въ глазахъ!

— Сядемте, господа, вонъ къ тому столу, сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами.

Всѣ усѣлись у стола.

— А знаете ли? сегодня „Сильфида", продолжалъ онъ:—сегодня всѣ *наши* въ Большомъ театрѣ.

— А ты ужъ взялъ себѣ билетъ? спросилъ офицеръ съ серебреными эполетами.

— Мнѣ нечего, братецъ, хлопотать о билетѣ. У насъ у всѣхъ билеты всегда одни и тѣ же... въ первомъ ряду, съ правой стороны. Намъ нельзя мѣнять кресла.

— Гм! *сакристи!*... значительно воскликнулъ молодой человѣкъ въ завиткахъ и въ пальто,—герой этого разсказа:—у васъ Большой театръ на откупу. Вы тамъ славно распоряжаетесь.

— Признаюсь вамъ, господа, сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами:—я желалъ бы, чтобъ спектакль продолжался съ утра до ночи, только, разумѣется, балетъ, а не другая какая пьеса,—мнѣ это не могло-бы наскучить: а то отъ семи до одиннадцати не увидишь, какъ и время пролетитъ.

— Чтожь, вы не захотѣли бы и обѣдать? замѣтилъ изнѣженный статскій.

— Почти что такъ... разумѣется, забѣжалъ бы въ кандитерскую, или трактиръ, перекусить чего нибудь, да тотчасъ бы опять на-право-кругомъ и назадъ.

— Это для меня непонятно, сказалъ статскій, прихлебывая сахарную воду:—здѣшнія танцовщицы... онѣ, я думаю, совсѣмъ необразованы?

Офицеръ съ золотыми эполетами нѣсколько обидѣлся и пожалъ плечами.

— Позвольте васъ спросить, что вы называете образованіемъ? По моему, образованіе — это вещь такая... о которой всякій... всякій судитъ по своему...

— То есть, конечно, всѣ почти онѣ премиленькія, перебилъ герой разсказа:—но вѣдь ни одна изъ нихъ, вѣрно, не говоритъ по-французски, особенно фигурантки...

— Фигурантки-то еще поумнѣе, братецъ, солистокъ. Я тебѣ откровенно скажу, что моя Маша заткнетъ за поясъ всѣхъ солистокъ, сколько ихъ ни есть. Это не дѣвочка, а золото; она почти и не румянится на сценѣ... У нея чудо какой цвѣтъ лица. Въ „Робертѣ", въ третьемъ дѣйствіи, когда онѣ встаютъ изъ гробовъ, она ужъ бѣлится, бѣлится, чтобъ казаться блѣднѣе,—нѣтъ, кровь у нея такъ и проступаетъ сквозь бѣлила.

— Все это хорошо;—я самъ иногда съ удовольствіемъ смотрю на танцовщицъ, продолжалъ герой разсказа:—соблазнительнаго въ нихъ много; за то ужъ ничего болѣе. Съ фигуранткой невозможно думать о возвышенной любви; иное дѣло женщина въ обществѣ, умная, милая вертушка... тутъ за ней волочишься; ей, во французскомъ кадрилѣ или въ мазуркѣ немножко пожмешь руку, у нея глаза тотчасъ разгораются, она отвѣчаетъ тѣмъ же. Съ женщинами, я вамъ скажу, надобно имѣть только дерзость,—это главное: съ дерзостью навѣрное выиграешь. Вѣдь я испыталъ все это...

Офицеръ съ золотыми эполетами всталъ со стула, прошелся по комнатѣ, и сказалъ:

— Актрисы, братецъ, по моему, лучше всѣхъ вашихъ свѣтскихъ дамъ; въ актрисахъ есть что-то такое... особенная какая-то прелесть... Къ тому же, по моему, въ общество часто выѣзжать опасно: и самъ не замѣтишь, какъ очутишься жена-

тымъ. Я, господа, ѣзжу на балы къ ужину: порядочно поужинаешь, поговоришь съ пріятелями — да и давай Богъ ноги. Одинъ разъ я, однакожъ, у Дмитрія Васильевича Бобынина далъ промахъ: только что встали изъ-за стола, я было за шляпу, а Катерина Ивановна и увидала—и пошла потѣха! Я, говоритъ, не пущу васъ, ни за что не пущу и начала отнимать у меня шляпу;—вы, говоритъ, должны танцовать грос-фатеръ, надобно побѣситься послѣ ужина... Нечего дѣлать, —поневолѣ пустился въ плясъ; за то на другой день Маша задала мнѣ такую гонку, что до сихъ поръ забыть не могу: она у меня преревнивая.

— Кто много въ свѣтъ выѣзжаетъ, сказалъ офицеръ съ серебреными эполетами, — тому бѣда быть влюбчивымъ. Я ужасно влюбчивъ. А Катерина Ивановна это замѣтила... Въ прошедшій понедѣльникъ она мнѣ сказала: „О, я про васъ все знаю!“ и погрозила пальцемъ...

— Катерина Ивановна любезная женщина, прошепталъ статскій, разсматривая съ большимъ вниманіемъ свои блѣдные и тонкіе пальцы.

— А что? за ней, я думаю, можно приволокнуться? спросилъ офицеръ съ серебреными эполетами.

Герой разсказа проглотилъ бисквитъ и подумалъ:

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! Она очень не дурна: такая кругленькая; мужъ у нея все въ карты играетъ, волосы у него съ просѣдью, одѣвается онъ не по модѣ. Не съѣздить ли мнѣ сегодня къ нимъ съ визитомъ?...

— У Катерины Ивановны, надо отдать ей справедливость, прекрасныя плечи, сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами: — но ужъ все не то, что у Маши... у Маши всѣ жилки на шеѣ видны, такая нѣжность!

— Господа, посмотрите вонъ тамъ у окна какой жалкій чиновникъ сидитъ, сказалъ офицеръ съ серебреными эполетами:—какой смѣшной народъ эти чиновники!

Офицеръ началъ свистѣть, и, насмѣшливо улыбаясь, нѣсколько разъ прошелся мимо чиновника, осматривая его съ ногъ до головы...

Герой разсказа засмѣялся.

— А ты чего смѣешься? сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами:—развѣ ты не чиновникъ.

— Какой же я, мон-шеръ, чиновникъ? я и въ департаментъ никогда не ѣзжу, я только числюсь...

— Четвертый въ началѣ, сказалъ статскій: — мнѣ пора... Онъ закашлялся, допилъ свою сахарную воду, и ушелъ.

— Терпѣть не могу этого пискуна! произнесъ офицеръ съ золотыми эполетами, провожая глазами статскаго: — съ нимъ какъ-то и разговоровъ не находишь. Все ему не нравится, все не по немъ...

— Нѣтъ, мон-шеръ, замѣтилъ герой разсказа, смотрясь въ зеркало: — онъ немножко чудакъ, но, говорятъ, вездѣ путешествовалъ; онъ здѣсь вездѣ принятъ въ лучшихъ домахъ и одѣвается недурно... Пройдемся-ка по Невскому...

— Пожалуй, братецъ.

— И я пойду съ вами! закричалъ офицеръ съ серебреными эполетами.

Дойдя до Адмиралтейской площади, герой разсказа простился съ офицерами, сѣлъ въ сани и поѣхалъ къ Бобынинымъ. Дорогой онъ все мечталъ о Катеринѣ Ивановнѣ и окончательно рѣшился волочиться за нею. — „Съ нынѣшняго же дня приступлю, думалъ онъ: — кто знаетъ, можетъ быть... Ненавижу ухаживать за дѣвицами... Нынче въ большомъ свѣтѣ все волочатся за дамами, на дѣвицъ никто и смотрѣть не хочетъ... Я прежде не такъ хорошо мазурку танцовалъ... ну, а теперь, послѣ десятаго урока, совсѣмъ не то... Много значитъ хорошо танцовать мазурку!“

Когда онъ вошелъ въ переднюю къ Бобынинымъ, было безъ пяти минутъ четыре часа, — въ самую пору: въ большомъ свѣтѣ всегда ѣздятъ съ визитами въ четыре часа...

— Дома Дмитрій Васильичъ?

— Сейчасъ пріѣхали.

— А Катерина Ивановна?

— Дома-съ.

Онъ сбросилъ съ себя пальто, отряхнулся, натянулъ на руку желтую перчатку и, принявъ видъ разсѣянный и беззаботный, вошелъ въ залу.

Въ залѣ никого нѣтъ. Зала недурная: четыре кадрили сряду могутъ установиться; паркетъ прескользкій; зеркала до потолка; на стѣнахъ большіе портреты хозяина и хозяйки въ богатыхъ золоченыхъ рамахъ...

И ея портретъ!... Она изображена почти во весь ростъ, въ саду, съ открытой грудью, въ лиловомъ платьѣ, съ фероньеркой на лбу и въ малиновомъ беретѣ съ перомъ; возлѣ нея двухлѣтняя дочь, на которую она смотритъ съ нѣжностію.

Молодой человѣкъ, въ ожиданіи оригинала, занялся разсматриваніемъ портрета.

Какое сходство!... каріе глаза такъ и горятъ, черные волосы мелкими кудрями выбиваются изъ-подъ берета и упадаютъ до плечъ. — грудь полная, роскошная, а ротикъ маленькій...

— Счастливецъ, этотъ Дмитрій Васильичъ! Нѣтъ, впрочемъ, что за радость быть мужемъ? гораздо пріятнѣе...

На этомъ словѣ Дмитрій Васильичъ прервалъ размышленія молодого человѣка. Онъ вошелъ въ залу.

Дмитрій Васильичъ десять лѣтъ передъ этимъ служилъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку, кажется въ Моршанскѣ; все его богатство заключалось, кромѣ мундира и сюртука, въ парѣ сапогъ, въ черешневомъ, коротенькомъ чубукѣ, да въ чемоданѣ изъ жолтой кожи; онъ считался въ полку умнымъ человѣкомъ: ему полковой командиръ всегда протягивалъ руку, и говорилъ *ты* съ особенною нѣжностью. Дмитрій Васильичъ носилъ очки и читалъ русскія газеты. Дослужившись до капитанскаго чина, онъ вышелъ въ отставку и прямо въ Петербургъ. Въ Петербургѣ онъ познакомился прежде всего съ начальниками отдѣленія; начальники отдѣленія приняли его прекрасно: съ ними онъ началъ играть въ вистъ по десяти рублей роберъ; потомъ перешелъ къ директорамъ,—важный шагъ; прошелъ мѣсяцъ, имъ довольны и директоры и жены директорскія; прошелъ другой—онъ необходимое лицо въ директорскомъ вистѣ, а вистъ по двадцати-пяти рублей роберъ и больше: прошелъ третій мѣсяцъ—директоры мигнули другъ другу, указывая на него, посмотрѣли другъ на друга и сказали: „э-ге!“ Послѣ этого *э-ге*, его опредѣлили на очень выгодное, хоть и не видное мѣсто. Года черезъ четыре, онъ женился на генеральской дочкѣ, за которой ничего не взялъ. Теперь у него есть до мильона, по увѣренію многихъ; у него въ квартирѣ дорогія мебели и бронзы; у него щегольскія лошади: онъ даетъ щегольскіе вечера и обѣды, онъ ведетъ большую игру: онъ важное лицо въ благородномъ собраніи и ему

хочется попасть въ англійскій клубъ: его вы встрѣтите на всѣхъ торгахъ и аукціонахъ; къ нему ѣздитъ генералитетъ, съ нимъ подъ ручку прогуливаются капиталисты. Вы подумаете, взглянувъ на него, что онъ генералъ, а въ самомъ-то дѣлѣ онъ только надворный совѣтникъ; вы вообразите, что у него по крайней мѣрѣ Владиміръ на шеѣ, а у него Анна третьей степени... Въ задушевномъ словарѣ этого человѣка немного словъ. Вотъ почти всѣ они: *купилъ*, *перекупилъ*, *продалъ*, *запродалъ*, *обработалъ*: но онъ любилъ разсуждать о литературѣ и политикѣ, о высокомъ и прекрасномъ, о суетѣ и ничтожествѣ жизни. Онъ дѣйствительно очень умный человѣкъ.

— А! сказалъ протяжно Дмитрій Васильичъ молодому человѣку, который раскланялся ему очень ловко, нисколько не хуже своего танцовальнаго учителя, выставивъ, будто нечаянно, свою руку въ желтой перчаткѣ.

Дмитрій Васильичъ не пожалъ его руки, а прикоснулся чуть-чуть къ его перчаткѣ двумя пальцами.

— Очень радъ васъ видѣть. Что? получаете-ли письма отъ матушки? Здорова-ли она?...

— Покорно васъ благодарю. Она, слава Богу, здорова...

— Что? какъ вы находите, похожъ портретъ жены?

— Чрезвычайно.

— Я писалъ къ вашей матушкѣ, не хочетъ-ли она продать мнѣ свою деревню. Я даю ей хорошую цѣну. Что ей жить въ провинціи, право? Она пріѣхала бы къ вамъ, жить бы вмѣстѣ съ вами... Вамъ, я думаю, скучно безъ нея?

Молодой человѣкъ расправлялъ пальцы перчатки.

— Конечно-съ.

— Катенька! закричалъ Дмитрій Васильичъ, входя въ гостиную. Милости прошу къ женѣ, продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому человѣку.

— Что, мой дружочекъ? послышался откуда-то звучный и томный голосъ.

„Точно соловей поетъ, подумалъ молодой человѣкъ; — я и не замѣтилъ, что у нея такой пріятный органъ.“

Дмитрій Васильичъ ушелъ, герой разсказа остался одинъ.

Дверь изъ будуара въ гостиную отворилась неслышно. Катерина Ивановна остановилась въ дверяхъ и увидѣла гостя.

— Ахъ!... Она какъ будто удивилась и присѣла....

— Какъ ваше здоровье? спросилъ у нея молодой человѣкъ по-французски, подходя къ ней.

— Я и не узнала васъ, сказала она съ пріятною улыбкою, сдѣлавъ два шага впередъ и поправляя брильянтовый крестикъ, который висѣлъ у нея на груди. — Гдѣ это вы были все время? Васъ что-то невидно.

— Я очень виноватъ передъ вами. Я ѣздилъ на охоту съ княземъ... Онъ запнулся въ эту минуту какъ нарочно ни одна княжеская фамилія не приходила ему въ голову, хоть онъ всѣхъ почти князей, гуляющихъ по Невскому проспекту, зналъ въ лицо.—Сегодня прекрасная погода... Вы не изволили гулять?

— Нѣтъ.

Она бросилась въ кресла съ кокетствомъ и небрежно опустила на колѣни свои руки, разукрашенныя богатыми кольцами.

— Меня измучили балы. Четыре дня сряду я возвращалась домой въ шесть часовъ утра. Вы не повѣрите, какъ это тяжело и скучно.

Молодой человѣкъ сѣлъ подлѣ нея.

— По лицу вашему однако незамѣтно, чтобъ вы были утомлены балами. Вашъ цвѣтъ лица...

„Начало, кажется, не дурно,“ подумалъ онъ.

— Вашъ цвѣтъ лица...

— Что же мой цвѣтъ лица?

— Такъ свѣжъ, такъ...

— Это комплименты...

— Я никогда не говорю и не умѣю говорить комплиментовъ, я...

— Катенька! пора обѣдать, сказалъ Дмитрій Васильичъ, входя и поглядывая на часы.—Вы обѣдаете съ нами?..

— Нѣтъ-съ.

Молодой человѣкъ вскочилъ со стула.

— Я только хотѣлъ узнать о вашемъ здоровьѣ.. мнѣ еще надо заѣхать въ два дома...

— Да помилуйте! кто же такъ позно ѣздитъ съ визитами? Останьтесь-ка съ нами. Кушанье сейчасъ подадутъ.

— Нѣтъ-съ, я никакъ не могу...

Молодой человѣкъ началъ раскланиваться.

— Ну, какъ хотите! Когда будете писать къ матушкѣ, кланяйтесь отъ меня... А что? какъ идетъ ваша служба?

— Ничего, хорошо.

— Не забывайте насъ, сказала Катерина Ивановна. — Пріѣзжайте къ намъ когда-нибудь запросто, вечеромъ. Я хочу отдохнуть нѣсколько дней дома отъ шумной жизни...

„Очаровательная женщина! подумалъ молодой человѣкъ, выходя въ переднюю. И какъ она смотрѣла на меня! И какая у нея ножка!... Отчего это мнѣ давно не пришло въ голову“.. Что-жь! все равно, и теперь еще можно... Она обращаетъ на меня особенное вниманіе... Не дурно, чортъ возьми! Пріѣзжайте за-просто вечеромъ! Это много значитъ, это не всякому говорится; а мужъ пресмѣшной! Что за вопросы предлагаетъ — о маменькѣ, о службѣ! Развѣ я мальчикъ, только что вышедшій изъ школы! И удивляется, что поздно съ визитами ѣзжу,— а еще живетъ въ свѣтѣ. Не въ первомъ же часу дѣлать визиты!... Хорошо, что я не остался обѣдать: какъ можно остаться обѣдать въ сюртукѣ. Въ сюртукѣ только выѣзжаютъ по утрамъ, а къ обѣду надѣваютъ фраки...“

Какъ истинный онагръ, молодой человѣкъ превосходно зналъ всѣ обычаи, переходящіе изъ большого въ маленькій свѣтъ, и ни въ какомъ случаѣ не позволялъ себѣ уклоняться отъ нихъ. Съ благоговѣніемъ неизобразимымъ, съ чувствомъ робкимъ и трепетнымъ, смотрѣлъ онъ на львовъ, съ которыми встрѣчался на улицахъ и въ трактирахъ, и усиливался рабски подражать имъ во всемъ.

Всѣмъ и каждому извѣстно, что цари высшаго парижскаго общества, нѣкогда называющіеся: *hommes à bonnes fortunes*, *incroyables*, *dandy*, *fashionables*, и такъ далѣе, теперь носятъ страшныя имена львовъ. Всѣмъ также извѣстно, что мы русскіе имѣемъ претензію на европейскую внѣшность, что мы съ изумительною быстротою перенимаемъ всѣ парижскія и лондонскія странности и прихоти. Вслѣдствіе этого, у насъ были нѣкогда денди и фешенебли, теперь у насъ есть и „львы“. Съ санктпетербургскимъ „львомъ“ вы уже знакомы; но дѣло не въ томъ. Я не знаю, слышали-ль вы очень любопытную новость? Недавно какой-то остроумный господинъ въ Парижѣ изобрѣлъ названіе для тамошнихъ царьковъ средняго общества. Это названіе прекрасное и звучное: *онагръ*! Оно было при-

нято парижанами съ восторгомъ и тотчасъ вошло во всеобщее употребленіе. Оно,—въ этомъ почти нельзя сомнѣваться,—перейдетъ и къ намъ, и мы скоро привыкнемъ къ нему, какъ привыкли къ страннымъ прозваніямъ „львовъ“.

Въ Петербургѣ очень много „онагровъ“, несравненно болѣе, чѣмъ „львовъ“.

Санктпетербургскіе онагры, по моему, гораздо любопытнѣе санктпетербургскихъ „львовъ“. Не знаю, дастъ-ли этотъ слабый очеркъ хоть небольшое понятіе о томъ, что̀ такое санктпетербургскій *онагръ*.

ГЛАВА II.

Деревенскія мысли и столичныя мечты.—Вечеръ онагра.

Онагръ отъ Бобыниныхъ пріѣхалъ домой, бросился на диванъ и, полный любовнаго волненія и таинственныхъ предчувствій, съ большимъ восторгомъ пропѣлъ куплетъ изъ какого-от водевиля:

‹И съ страстью чистою, сердечной
Я буду вѣкъ ее любить,
А безъ любви взаимной, вѣчной,
Я не могу счастливымъ быть!›

Онъ повторилъ: „я не могу счастливымъ быть!“ и закричалъ:

— Гришка!

— Что-съ?

— Сбѣгай поскорѣй въ трактиръ за обѣдомъ. Я что-то проголодался. Возьми также въ погребѣ бутылку краснаго вина. Теперь я безъ вина рѣшительно не могу обѣдать. Если бы деньги, всякій день пилъ бы шампанское. Ахъ, если бы деньги!.. Ну, что̀ жь ты, уродъ, стоишь?

— Я забылъ вамъ доложить, сказалъ Гришка, почесывая въ затылкѣ:—къ вамъ письмо, сударь, съ почты принесли.

— Письмо, а не посылку? отъ кого же письмо?

— Не знаю-съ; кажется, отъ маменьки-съ.

— Ну, подай же его, да принеси свѣчку и пошелъ за обѣдомъ.

— Пожалуйте деньги-съ.

— Возьми въ кошелькѣ, болванъ: вонъ кошелекъ на столѣ.

Гришка подалъ барину письмо и свѣчу, взялъ деньги, отложилъ изъ нихъ двугривенный въ свой карманъ и ушолъ.

Баринъ распечаталъ письмо и прочелъ:

„Другъ мой безцѣнный Петинька. Благодарю тебя, мой ангелъ, за то, что не забываешь меня: три письма твои одно за другимъ вскорѣ я получила и цалую тебя заочно. Ты знаешь, что у меня не осталось другого сокровища на землѣ, кромѣ тебя, послѣ кончины незабвеннаго моего мужа, потерю котораго я и до могилы не забуду. Письма твои единственная моя отрада въ жизни. Не жили бы мы въ разлукѣ съ тобой, голубчикъ, еслибъ Богу угодно было продлить дни Александра Ермолаича. Онъ теперь вѣрно имѣлъ бы генеральскій чинъ и получалъ бы большіе оклады, а я за нимъ не знала бы никакихъ хлопотъ, и всѣ бы жили въ Петербургѣ. И я провела бы старость спокойно! Впрочемъ, на все воля Божія: кому опредѣлена смерть, тотъ непремѣнно умретъ. Совѣсть моя въ отношеніи къ тебѣ, дружочекъ, спокойна; я пожертвовала для тебя всею моею жизнію. По смерти отца твоего, за меня сватались хорошіе женихи, съ чинами и съ состояніемъ: я отказала имъ съ тою цѣлію, чтобы имѣть о тебѣ попеченіе и сохранить для тебя небольшое имѣньице, полученное мною въ приданое. Сколько лѣтъ уже я живу въ деревнѣ и забилась въ глушь, чтобы скопить тебѣ хоть немного деньжонокъ, да неурожаи послѣднихъ годовъ уничтожили всѣ мои планы. Нечего дѣлать, надо покориться всемогущей волѣ и переносить все безъ ропота...“

Молодой человѣкъ немного нахмурился; рука его, державшая письмо, опустилась и онъ подумалъ:

— Гм!.. Ужь эти проклятые неурожаи! И отчего они? Когда я выросъ и когда мнѣ нужны деньги — такъ тутъ, нарочно, неурожаи! И пришла же маменькѣ мысль копить деньги... Лучше бы присылала мнѣ больше. Здѣсь нельзя жить въ свѣтѣ безъ денегъ. Сунься-ка попросить въ долгъ! подъ залогъ, говорятъ, пожалуйте... А что̀ я дамъ подъ залогъ? У меня и теперь ни гроша нѣтъ: чтожь я буду дѣлать?

Послѣ этого размышленія, онъ опять принялся за чтеніе письма:

„Тяжела деревенская жизнь: вездѣ надо свой глазъ, на старосту надежда плохая. У меня недавно поставленъ новый староста Ильюшка, братъ Ваньки—Григорьева сына; Мирошку же я смѣнила за грубость. Признаюсь, и силъ не достаетъ мнѣ, слабой женщинѣ, управляться съ крестьянами: такая вольница, всѣ перебаловались, только по вечерамъ отдыхаю. Спасибо сосѣдямъ, не забываютъ; всѣхъ чаще у меня бываетъ Ѳекла Ниловна,—ты ее знаешь, прелюбезная дама, образованная, и жила въ Петербургѣ, всѣхъ знаетъ, презабавные анекдоты разсказываетъ; съ нею не соскучишься... Она вспоминаетъ объ тебѣ, говоритъ, что любитъ тебя душевно: тотъ же, кто любитъ тебя, милъ всегда моему сердцу. Если бы по милости Божіей, ты получилъ хорошее и прочное мѣсто по службѣ, это меня утѣшило бы. Съ удовольствіемъ вижу, по письмамъ твоимъ, что тебя начальники отличаютъ отъ другихъ; такъ и должно было ожидать: ты воспитанъ, какъ немногіе, въ лучшей петербургской гимназіи, гдѣ воспитываются все дѣти извѣстныхъ благородныхъ фамилій. Для того, чтобъ сдѣлать тебя человѣкомъ, я не щадила денегъ, и лишила себя необходимаго Ты, кромѣ обыкновеннаго ученья, и приватные уроки бралъ и нынче берешь уроки у танцовальнаго учителя. Это хорошо, другъ мой; въ свѣтѣ надо быть ловкимъ. Пожалуйста, сердце мое, будь всегда на глазахъ у начальства, угождай всѣмъ, не забывай именинъ и рожденья своего директора и директорши, ласкайся ко всѣмъ; этимъ ты ничего не проиграешь; повѣрь мнѣ, ищи въ людяхъ,—люди нужны. Особенно не забывай Дмитрія Васильевича Бобынина; говорятъ, онъ въ большой силѣ у васъ въ Петербургѣ, и живетъ, какъ вельможа. Съѣзди къ нему нарочно по полученіи сего письма, и поклонись отъ меня: скажи ему, что все люблю его по прежнему, какъ родного брата. Онъ писалъ ко мнѣ, что хочетъ купить мою деревню съ переводомъ долга, но предлагаетъ за нее самую ничтожную сумму. Объ этомъ ему ни слова не говори, будто ничего не знаешь, а я не замедлю отвѣчать ему сама... Правду говорятъ, что чѣмъ люди богаче, тѣмъ скупѣе. Супруги его не имѣю удовольствія знать, а говорятъ прелестная, самого лучшаго тона дама...“

Герой нашъ при этихъ словахъ протянулся на диванѣ съ выраженіемъ самодовольствія и нѣги, снялъ со свѣчи и сказалъ:

— Прелестная... мало этого—просто душка!.. Да чтожь маменька объ деньгахъ-то ничего не пишетъ? Посмотримъ далѣе.

...„Я Дмитрія Васильича помню, какъ онъ еще былъ офицеромъ и не имѣлъ ничего. Ужь и тогда многіе почему-то пророчили, что онъ пойдетъ далеко. Слухи носятся, что онъ нажилъ свое богатство не честно, да ты этому не вѣрь, это говорятъ вольнодумцы, другъ мой, и никогда объ этомъ ни съ кѣмъ не говори. Если бы и точно слухи эти были справедливы, то намъ до этого дѣла нѣтъ: съ нимъ знаются люди и повыше насъ, и уважаютъ его, такъ мы не должны умничать; къ тому же Дмитрій Васильичъ тебѣ всегда пригодится, какъ человѣкъ съ связями. Пріятно мнѣ было между прочимъ читать въ письмѣ твоемъ, что ты находишься въ самомъ лучшемъ обществѣ и въ короткихъ отношеніяхъ съ князьями и графами; только, глядя на нихъ, не кидай, Бога ради, деньги и помни, что у нихъ у всѣхъ золотые рудники, а у насъ съ тобой только четыреста душъ, и тѣ заложенныя. Правда, у тебя есть, какъ ты пишешь, дядюшка, отъ котораго послѣ смерти достанется тебѣ тысяча восемьсотъ душъ, но въ животѣ и смерти Богъ воленъ: мы видимъ ежедневно примѣры, что молодые умираютъ, а старые живутъ... Да продлитъ Богъ дни твои, голубчикъ, къ моему утѣшенію; я это говорю только къ тому, что, надѣясь на чужое невѣрное, нельзя проживать свое вѣрное. Братцу еще только пятьдесятъ семь лѣтъ; онъ очень крѣпокъ въ своемъ здоровьѣ. Онъ далъ мнѣ за мою Агашку шестьсотъ рублей. Теперь за мной ходитъ Лизка, дочь Евграшки повара: дѣвка добрая, старательная и безотвѣтная. Знаешь, что̀ мнѣ пришло въ голову: не послужитъ ли твое знакомство съ дѣтьми вельможъ въ твою пользу? нельзя ли тебѣ черезъ нихъ какъ нибудь постараться, чтобъ тебя произвели въ камеръ-юнкеры? А деньги на мундиръ я какъ нибудь сколочу. Тогда бы твой карьеръ былъ сдѣланъ и дядюшка смотрѣлъ бы на тебя другими глазами. (Пиши къ нему чаще и по нѣжнѣе). Что̀ заговорили бы у насъ въ губерніи, еслибъ это случилось! Мысль, что сынъ мой достигъ до такой высоты, сдѣлала бы меня вполнѣ счастливою. Стану молится объ этомъ Богу: авось Создатель услышитъ мои грѣшныя молитвы...“

— Что, въ самомъ дѣлѣ? подумалъ молодой человѣкъ: —

у маменьки не дурна мысль! Ахъ, еслибъ въ камеръ-юнкеры! У! Я сталъ бы тотчасъ выѣзжать въ первые дома, все къ князьямъ и посланникамъ, на Англійскую набережную. Вотъ тогда бы пройдтись по Невскому-то! Я началъ бы непремѣнно ухаживать за княгинею Е**: она прехорошенькая. И какая у нея походка!.. Она гуляетъ по набережной, такъ, едва-едва прикасаясь ножками къ плитамъ, а слѣдокъ у нея узенькій и ножка крошечная!.. Я познакомился бы со всѣми здѣшними львами... Тогда ужь не я волочился бы за Катериной Ивановной, а она волочилась бы за мною... Вхожу въ мраморную или въ атласную залу; тамъ кипитъ народъ... Я пробираюсь между генералами...

— Кушать, сударь, готово! сказалъ Гришка:—я взялъ двухрублевый обѣдъ.

— Въ какомъ трактирѣ.

— Въ Неаполѣ-съ.

— Вотъ мерзость! Я такого трактира и не слыхивалъ. Я думаю, ѣсть ничего нельзя.

— Отчего-съ? обѣдъ какъ слѣдуетъ. Посмотрите.

Баринъ отправился въ столовую.

Онъ кушалъ съ большимъ апетитомъ и продолжалъ думать:

„Черезъ кого, впрочемъ, попадешь въ камеръ-юнкеры? директоръ нашъ не представитъ меня: онъ, говорятъ, на меня сердится за то, что я рѣдко хожу въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія тоже что-то посматриваетъ на меня косо... Князья и графы! Хорошо, если бъ я не шутя былъ знакомъ съ ними, а то я только такъ написалъ объ этомъ маменькѣ, чтобъ она деньги скорѣе выслала... Но я ужь по тону ея письма вижу, что отказъ... Надо все-таки прочесть до конца.

„...Ты пишешь во всѣхъ трехъ письмахъ, сердце мое, о своихъ крайнихъ надобностяхъ и о скорѣйшей высылкѣ денегъ... Милый другъ мой, нечего говорить тебѣ, что я рада отдать послѣдній платокъ съ себя для твоего спокойствія; я не разъ доказывала это, удовлетворяя твои просьбы, и теперь готова была бы доказать, еслибъ не бѣдственное положеніе всего нашего края. Рожь послѣдніе три года сряду совсѣмъ была плохая, такъ что и на посѣвъ зеренъ не доставало; овсы еще туда-сюда, даже конопля нынѣшній годъ не уродилась, и крестьяне, за неимѣніемъ ржи, кормятся лебедою. Проценты же

въ ломбардъ слѣдуетъ платить акуратно. Что станешь дѣлать? Тяжело, мой другъ, быть хозяйкой при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Вы же, молодые люди, неопытны и ничего не берете въ разсчетъ, и думаете, что деньги у насъ въ деревняхъ изъ земли выростаютъ. Умоляю тебя, дружочекъ, если не хочешь огорчить свою мамашу, будь побережливѣе. Что-то Богъ дастъ на слѣдующій годъ, а съ осени всходы были нехороши...“

— Вотъ тебѣ и еще утѣшеніе! Всходы! Въ Петербургѣ не станешь разсказывать, что всходы нехороши. Здѣсь и не знаютъ, что такое всходы, а кричатъ „подавайте денегъ!“

Молодой человѣкъ началъ грызть ногти отъ досады.

„... Куда же такъ скоро ты прожилъ тѣ двѣ тысячи рублей, что я четыре мѣсяца назадъ прислала тебѣ? Еще кромѣ четырехъ тысячъ рублей, которыя высылаю тебѣ ежегодно, ты получаешь двѣ тысячи пятьсотъ рублей жалованья въ такомъ маленькомъ чинѣ;—трудись, можетъ быть тебѣ и еще прибавятъ, когда повысятъ. Безъ трудовъ, другъ мой, жить нельзя. Ты увѣдомляешь, что завелъ лошадку,—это ничего; при твоемъ знакомствѣ нельзя точно быть безъ лошадки, да не обманываетъ ли тебя кучеръ? знаешь ли ты цѣны овса и сѣна?...

— Двѣ тысячи пятьсотъ рублей жалованья!... Охота же мнѣ было нахвастать, думалъ молодой человѣкъ: — я ни копѣйки не получаю. Лошадку! У меня не одна, а двѣ лошадки, да объ другой-то я не хотѣлъ написать...

„... Сколько ты платишь кучеру въ мѣсяцъ? Не лучше ли будетъ, если я вышлю тебѣ старика Ермолая: онъ ужъ ничего барскаго не украдетъ, а напротивъ будетъ все беречь и соблюдать во всемъ экономію. Наемному же человѣку что за охота беречь господское добро? Крѣпостной всегда лучше, потому что онъ въ отвѣтѣ. Ермолай ѣздитъ хорошо, онъ былъ кучеромъ при отцѣ твоемъ...“

— Нѣтъ, покорно благодарю; я срамиться не намѣренъ, не хочу, чтобъ на меня пальцами указывали, когда я буду кататься по Невскому или по Англійской набережной.

„... Доволенъ ли ты Гришкой? Не давай ему много воли и не балуй его; пуще всего, чтобъ у него не были въ рукахъ деньги. Тысячу пятьсотъ рублей, по просьбѣ твоей, я выслать тебѣ никакъ не могу, а восемьсотъ рублей пришлю съ первою почтою: себѣ оставлю только сто рублей; триста же

рублей далъ мнѣ взаймы добрый и милый сосѣдъ нашъ Семенъ Никифорычъ Колпаковъ... Онъ только узналъ, что тебѣ нужны деньги, сейчасъ вызвался ссудить меня послѣдними тремя стами, которые у него были. Напиши къ нему письмо поласковѣе и поблагодари его за это и за участіе, которое онъ принимаетъ во мнѣ; также купи самую модную жилетку, которую и вышли немедленно: я хочу подарить ему. Надо быть благодарнымъ, дружочекъ;—благодарность выше всего. Семенъ Никифоровичъ человѣкъ рѣдкій: онъ угождаетъ мнѣ и ухаживаетъ за мною, какъ родной. Въ нынѣшнемъ свѣтѣ чужіе, право, лучше родныхъ. У меня что-то глаза становятся слабы, съ трудомъ веду хозяйственныя книги: видно, старость приходитъ; въ мартѣ мнѣ сорокъ шестой годъ пойдетъ. Сходи ко Всѣхъ Скорбящихъ Божіей Матери и помолись за меня. Цалую тебя, мой ангелъ Петинька, безъ счету и обнимаю тебя. Береги свое здоровье, драгоцѣнное для меня, и не бросай попусту деньги.

„Остаюсь твоя мать и другъ
Прасковья Разнатовская.“

Петръ Александрычъ окончилъ письмо, проглотилъ засушенное миндальное колечко, выпилъ стаканъ краснаго, зѣвнулъ, сказалъ самому себѣ: „ну, по крайнеѣ мѣрѣ, хоть восемьсотъ!“ и задремалъ.

Гришка собралъ со стола, докушалъ барскіе остатки, снялъ со стѣны семиструнную гитару и принялся наигрывать „барыню“.

Петръ Александрычъ въ просонкахъ услышалъ эти звуки, разсердился и закричалъ.

— Гришка!

— Чего-съ? отозвался Гришка изъ своего чулана.

— Ты музыкой забавляешься?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— И отпираешься еще, дуракъ! Ктожь это бренчитъ? Ты, кажется помѣшался. Баринъ почиваетъ, а ты изволишь шумѣть.

Послѣ этого Петръ Александрычъ снова погрузился въ дремоту, и въ квартирѣ его воцарилось безмолвіе. Минутъ черезъ десять, громкое и неровное храпѣніе слуги слилось съ тихимъ и однозвучнымъ храпѣніемъ барина.

Въ восьмомъ часу, баринъ открылъ глаза, и съ удовольствіемъ нѣсколько разъ потянулся.

— Какой пріятный сонъ! Я видѣлъ Катерину Ивановну, точно наяву, будто я цалую у нея руку,—а она мнѣ говоритъ: „Шалунъ! что вы дѣлаете? перестаньте“, а я и не слушаю ее и... и... все это очень можетъ случиться!

Мечты его были прерваны звономъ колокольчика къ передней. Въ комнату вбѣжалъ офицеръ съ серебреными эполетами...

— А я къ тебѣ, мон-шеръ. Что ты дѣлаешь?

— Ничего.

— И я ничего... Что это ты сидишь въ потемкахъ?

— Да такъ, заснулъ, братецъ... Гришка! свѣчей.

Свѣчи принесли.

— Куда ты вечеромъ, мон-шеръ?

— Не знаю; а ты?

— Не знаю. Въ „Сильфиду“ не поѣдешь?

— Нѣтъ, братецъ, надоѣла.

— И мнѣ, мон-шеръ, надоѣла: я десять разъ сряду ее видѣлъ.

— Я сегодня былъ у Бобыниныхъ съ визитомъ.

Минуты двѣ молчанія. Офицеръ прошелся по комнатѣ и запѣлъ: —Тра-ла-ла, тра-ла-ла!...

— А вѣдь *она* хорошенькая, сказалъ Петръ Александрычъ.

— Кто?

— Катишь Бобынина.

— Да! Ахъ, я тебѣ не говорилъ: мы вчера вечеромъ съ Митей таскались, таскались по Невскому, да и вздумали вдругъ зайти къ Доминику поужинать... Двѣ бутылки шампанскаго выпили.

— Катишь мнѣ говорила сегодня — мы съ ней долго сидѣли вдвоемъ, — что ей скучно, что ей надоѣли балы. Все говоритъ, это вздоръ, сердце ищетъ чего-то, и она такъ страстно посмотрѣла на меня, и потомъ сказала: пріѣзжайте ко мнѣ на дняхъ вечеромъ; я буду одна. Это не дурно, братецъ?

— Гм! Не съиграть ли намъ въ банчикъ?...

— Пожалуй... У меня теперь денегъ нѣтъ; впрочемъ, я сейчасъ получилъ письмо отъ матери изъ деревни: она пишетъ, что высылаетъ мнѣ четыре тысячи. Нѣтъ ли у тебя рублей двадцатипяти? мнѣ только на нѣсколько дней.

— Съ удовольствіемъ, мон-шеръ, съ удовольствіемъ.

Офицеръ схватился за боковой карманъ.

— Ахъ, канальство! бумажникъ-то я свой позабылъ дома! У меня деньги есть: я на прошедшей недѣлѣ получилъ отъ отца пятьсотъ рублей карманныхъ... Съиграемъ же въ банчикъ; если проиграешь, отдашь мнѣ послѣ, если я проиграю, то завтра пришлю. Что время по пусту терять? а?

— Разумѣется... Гришка, мѣлки и карты!

— Неигранныхъ картъ нѣтъ съ, надо сходить въ лавочку.

— Ну, подай игранныя. Не все ли равно?

Игра началась. Мѣлки пришли въ дѣйствіе, карты загибались и отгибались. Ни Петръ Александрычъ, ни офицеръ не замѣтили, какъ пролетѣло время. Ихъ ужъ и ко сну клонитъ. Петръ Александрычъ въ выигрышѣ.

— Который часъ?

Офицеръ посмотрѣлъ на часы.

— Вообрази, мон-шеръ, три часа.

— О-го! Не перестать ли?

— Какъ хочешь, сколько я проигралъ тебѣ?

Петръ Александрычъ принялся считать.

— Сто одинъ рубль.

— Только? я полагалъ больше. Адьё.

— Славно! право славно! подумалъ Петръ Александрычъ, провожая офицера:—мнѣ и въ любви и въ картахъ начинаетъ везти!

ГЛАВА III.

Кучеръ въ васильковой шубѣ и глазетовомъ кушакѣ.—Будуаръ госпожи средняго сословія.—Добродѣтельный человѣкъ съ огромнымъ ртомъ.

Прошелъ день, другой, третій; офицеръ съ серебреными эполетами не является и не шлетъ денегъ. По прошествіи четырехъ дней, Петръ Александрычъ написалъ письмо къ офицеру:

„Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ, а изъ деревни я еще не получилъ. Сдѣлай одолженіе, mon cher ami, пришли сто рублей, которые ты намедни проигралъ мнѣ. Что новенькаго? Вчера я былъ у Бобыниныхъ. Молодецки иду на приступъ, все говорилъ съ ней о любви. Ахъ женщины! женщины! что,

еслибъ не было на свѣтѣ женщинъ? Моя Катишь меня съ ума сводитъ. Въ ожиданіи ста рублей.

Tout à vous

П. Р.

Петръ Александрычъ запечаталъ письмо и написалъ на конвертѣ:

Monsieur

Monsieur

de Anisieff.

— Кучеру новую шубу принесли-съ, сказалъ Гришка.

— Принесли?

Петръ Александрычъ вдругъ оживился и вскочилъ со стула.

— Вели же ему поскорѣй одѣться и придти сюда.

Кучеръ явился въ свѣтловасильковой шубѣ, отороченной кошкой. Его сопровождалъ портной съ яркопунцовой шапкой въ рукѣ: на шапкѣ лежали глазетовые и парчевые кушаки.

У Петра Александрыча разбѣжались глаза. Прежде онъ бросился къ кучеру, потомъ къ портному, и шуба хороша, а шапка прелесть, и кушаки блестящіе!

Шуба сшита удивительно.

— Застегни-ка, Васька, ее на всѣ пуговицы, да надѣнь шапку.

Петръ Александрычъ обошелъ кругомъ кучера.

— Славно!...

— Какой бы только кушакъ выбрать? (его взяло раздумье) парчевый ли съ цвѣтами, или просто глазетовый золотой?

— А кушаки, любезный, какіе моднѣе? спросилъ онъ у портного въ нерѣшительности.

— Это ужъ, батюшка, всѣ самые княжескіе, самые послѣдніе. Какой вамъ приглянется; по нашему, все единственно, что тотъ, что другой.

— Ну, я возьму глазетовый; только знаешь, любезный, надобно его сложить пошире, на два пальца еще прибавить, такъ онъ будетъ виднѣе. Сложи-ка теперь... Вотъ такъ...

Портной подалъ счетъ барину и началъ повязывать кучеру кушакъ.

Баринъ, не смотря, бросилъ счетъ на столъ и подумалъ:

— Блесну же я теперь передъ Катериной Ивановной!

Пущу же я ей пыль въ глаза! Кучера не у многихъ и аристократовъ такъ одѣты.

— Васька, смотри же, беречь платье. Я сейчасъ поѣду: поди поскорѣй, заложи, да все новое и сбрую новую...

Кучеръ ушелъ...

— А касательно счетца-то-съ? замѣтилъ портной.

— Да! да!

Петръ Александрычъ взялъ счетъ со стола и началъ его внимательно разсматривать...

— Двѣсти девяносто пять рублей?

— Точно такъ-съ.

— Хорошо, любезный, хорошо...

— Сейчасъ пожалуете?

— Нѣтъ... то есть... не сейчасъ... у меня, вотъ видишь ли, и есть деньги, но одинъ пріятель взялъ до вечера. Завтра пришлю... на дняхъ непремѣнно...

— Охотничій кафтанъ! подумалъ Петръ Александрычъ, садясь въ сани съ сіяющимъ лицомъ.

У тротуара на Англійской набережной онъ вышелъ, а санямъ приказалъ ѣхать за нимъ, не отставая.

Прогуливаясь, онъ безпрестанно оглядывался назадъ.

— Васька, держись прямѣе! у тебя какая-то странная посадка.

Кучеръ выпрямился.

— Послушай, братецъ, спусти кушакъ немного по ниже..

На встрѣчу онагру попался Дмитрій Васильичъ.

Дмитрій Васильичъ шелъ съ Владиміромъ Матвѣичемъ Завьяловымъ, съ тѣмъ самымъ, который извѣстенъ былъ въ нѣкоторыхъ среднихъ кружкахъ петербургскаго общества подъ именемъ *прекраснаго человѣка*. Они съ жаромъ о чемъ-то разсуждали.

— Мое почтеніе, Дмитрій Васильичъ! сказалъ онагръ.

— А! это вы, гуляете?

— Гуляю-съ.

— Это не вашъ-ли такой блестящій кучеръ!

— Мой-съ.

— Мотаете, молодой человѣкъ, мотаете! А маменька жалуется на неурожаи... До свиданья!

Петръ Александрычъ поморщился.

— Что ему за дѣло, мотаю я или нѣтъ? Однако кучера-то онъ не могъ не замѣтить: видно эффектно одѣтъ. Не съѣздить-ли мнѣ къ Катринѣ Ивановнѣ? теперь вѣрно у нея никого нѣтъ. Поѣду!..

Въ дверяхъ будуара Катерины Ивановны, онъ встрѣтился съ господиномъ очень высокаго роста, плечистымъ, худощавымъ, но крѣпкаго сложенія, съ лицомъ смуглымъ и съ черными усами. На этомъ господинѣ былъ темный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, крѣпкій, волосяной галстухъ и казацкія широкія шаровары.

Этотъ господинъ посмотрѣлъ на онагра, подернулъ бровями и расправилъ усъ.

Онагръ съ чувствомъ собственнаго достоинства застегнулъ пуговицу своей жолтой лакированной перчатки и отвѣтствовалъ усачу величавымъ взоромъ, въ которомъ выразилась вся безконечность свѣтской гордости.

— Что это за человѣкъ? подумалъ онъ:—я его встрѣчаю въ третій разъ у Катерины Ивановны; какъ можно принимать *такихъ?*

Въ будуарѣ г-жи Бобыниной царствовалъ полусвѣтъ. Цвѣтныя стекла въ половину закрывали окна; между оконъ стояла массивная горка съ амурами, огонекъ тлѣлъ въ каминѣ.

Она, въ широкомъ пеньюарѣ, сидѣла на штофномъ диванѣ. въ одномъ изъ тѣхъ граціозныхъ положеній о которыхъ такъ хорошо разсказываютъ русскіе свѣтскіе повѣствователи.

Она одна!

Медленно, неохотно приподнялась она отъ эластической спинки дивана, увидѣвъ онагра...

— Pardon! сказала она молодому человѣку, прикоснувшись двумя пальчиками къ пеньюару:—что я такъ принимаю васъ; я не совсѣмъ здорова, но для короткихъ знакомыхъ можно позволить себѣ, я думаю, эту небольшую вольность.

Онагръ поправилъ свою голубую жилетку и подумалъ:

— Браво! да она, кажется, очень неравнодушна ко мнѣ!

Онъ отвѣчалъ:

— Помилуйте, мнѣ гораздо пріятнѣе, что вы... только не обезпокоилъ-ли я васъ!.. Сейчасъ на Англійской набережной видѣлъ Дмитрія Васильича...

— Право?

— А какъ вѣтрено сегодня, вы не можете себѣ представить,—такой рѣзкій вѣтеръ съ моря.

— Неужели?

— Вотъ у насъ очень тепло: безподобное изобрѣтеніе каминъ. Не будете-ли вы въ середу у Калпинской?.. Тамъ иногда бываетъ пріятно.

— Въ середу... что у насъ сегодня?

— Суббота.

— Да, я непремѣнно у нея буду...

„Какъ-бы придраться, чтобъ поговорить о любви?“ подумалъ онагръ, перевертывая шляпу.

— Вашъ будуаръ, началъ онъ, осматривая потолокъ и стѣны:—убранъ съ большимъ вкусомъ; это маленькій храмъ... Изъ него выйдти не хочется.

Онагръ пристально посмотрѣлъ на свою богиню.

— И этотъ полусвѣтъ, продолжалъ онъ, такъ располагаетъ къ мечтаніямъ, къ лю...

— Господинъ Иконинъ, сказалъ слуга.

„Чортъ возьми!“ подумалъ онагръ: „я только было расходился, чудесныя фразы пришли въ голову, а тутъ кого-то нелегкое принесло, какъ нарочно“.

— Проси, сказала Катерина Ивановна слугѣ, накидывая на себя шаль и поправляя волосы.

— Кто это такой Иконинъ?

— Одинъ отличный старичокъ, добродѣтельной жизни, немножко странный, впрочемъ, онъ имѣетъ важное мѣсто на службѣ.

Въ комнатѣ показался человѣкъ небольшого роста, пожилой, съ коротко-подстриженными волосами, съ большими карими глазами и съ огромнымъ ртомъ, въ вицъ-мундирѣ, съ пуфами на рукавахъ. Онъ молча подошелъ къ ручкѣ Катерины Ивановны, потомъ голова его покачнулась на неподвижномъ туловищѣ, какъ у автомата; потомъ ротъ раздвинулся до ушей, а вѣки захлопали—это была улыбка.

— Какъ я рада васъ видѣть, Филиппъ Иванычъ! сказала ему хозяйка.

— Покорно благодарю-съ.

— Милости прошу садиться.

Катерина Ивановна придвинула для него стулъ къ дивану.

При взглядѣ на онагра, голова добродѣтельнаго старичка съ огромнымъ ртомъ снова покачнулась. Онъ сѣлъ.

Полминуты безмолвія.

— Какъ вы въ своемъ здоровьѣ-съ?

— Слава Богу!

— А супругъ вашъ-съ?

— И онъ слава Богу; его нѣтъ дома.

— На службѣ-съ?

— Кажется.

— Много, я полагаю, занятій-съ у Дмитрія Васильевича?

— Очень много.

За симъ послѣдовала минута молчанія, послѣ которой добродѣтельный старичокъ съ огромнымъ ртомъ, выпулъ изъ кармана двѣ тоненькія брошюрки нравственнаго содержанія.

— Вотъ-съ я вамъ принесъ-съ. Прекрасныя рѣчи-съ, весьма краснорѣчиво написанныя. Не угодно-ли-съ я вамъ прочту.

— Сдѣлайте милость, Филиппъ Иванычъ; вы знаете, что я люблю все нравственное.

Онъ развернулъ одну брошюрку и началъ читать...

Чтеніе продолжалось три четверти часа. Онагръ повертывался на стулѣ и, кусая губы, смотрѣлъ на свою желтую перчатку.

— Что вы никогда не пріѣдете къ намъ на вечеръ, Филиппъ Ивановичъ? сказала Катерина Ивановна послѣ чтенія.

— Покорно благодарю-съ; я на вечера не ѣзжу-съ...

— Правда, вамъ наши свѣтскія собранія кажутся тягостными и ничтожными...

Катерина Ивановна вздохнула.

— Счастливъ, кто можетъ вести такую добродѣтельную жизнь, какъ вы!

Филиппъ Иванычъ покачнулъ голову.

Вслѣдъ за этимъ, онъ завелъ рѣчь о производствѣ одного начальника отдѣленія въ вице-директоры, одного коллежскаго совѣтника въ статскіе совѣтники, о любви къ ближнему и о безнравственности современной литературы. Потомъ онъ приподнялся, совершилъ свой обычный обрядъ приложенія къ ручкѣ и ушелъ. Катерина Ивановна провожала его до дверей залы.

— Вотъ человѣкъ! сказала она онагру, возвратясь въ будуаръ: — такихъ людей мало: что за умъ, что за ученость! и притомъ это истинно-добродѣтельный человѣкъ.

— Да, это сейчасъ видно, отвѣчалъ онагръ.

— Терпѣть не могу „эдакихъ“ подумалъ онъ: „только мѣшаютъ волочиться; очень пріятно слушать ихъ проповѣди“!

Вошелъ слуга.

— Баринъ васъ проситъ къ себѣ, сударыня; онъ сейчасъ пріѣхалъ.

Катерина Ивановна сказала онагру:

— Извините, до свиданія, и выпорхнула изъ комнаты, какъ птичка.

— Если бы не этотъ проклятый чтецъ, можетъ быть, сегодня, подумалъ онагръ...

— Васька! пошелъ куда-нибудь... ну, хоть на Дворцовую Набережную, а тамъ на Невскій — и домой... Васька, что я думаю, другіе кучера теперь смотрятъ на тебя?

— Какъ-же-съ! сейчасъ, Петръ Александрычъ, два господина спрашивали чьи сани.

— Хорошо одѣтые?

— Да-съ. Должно быть важные господа.

Онагръ улыбнулся.

ГЛАВА IV.

Петербургскія увеселенія. — Ростовщикъ. — Любовь онагра. — Кредиторы. — Письмо.

— Въ Петербургѣ очень весело! сказалъ Петръ Александрычъ, пересчитывая восемьсотъ рублей, присланные ему изъ деревни: — да надолго-ли здѣсь этихъ денегъ? Посмотримъ, на долго-ли?

Онъ положилъ деньги въ карманъ и поѣхалъ завтракать къ Доминику, обѣдать къ Дюме; послѣ обѣда сѣлъ играть въ домино на шампанское, потомъ въ Большой театръ.

Въ театрѣ онъ въ ложѣ у Катерины Ивановны... Она разодѣта, какъ на балъ: руки ея закованы въ браслеты, грудь открыта, на головѣ чалма съ золотыми кистями. Возлѣ нея сидитъ Анна Львовна, сестра Настасьи Львовны *), которая

*) См. повѣсть „Прекрасный человѣкъ“.

иногда гоститъ въ домѣ Бобыниныхъ и разливаетъ чай для гостей, и которую иногда Катерина Ивановна удостоиваетъ чести брать съ собою въ театръ. Анна Львовна въ ложѣ у Бобыниной точно въ раю: это для нея рѣдкій праздникъ! все, что есть у нея лучшаго, она надѣла на себя... И лорнетъ въ ея рукѣ, и пудра сыплется съ лица...

Петръ Александрычъ навелъ зрительную трубку на какую-то танцовщицу и сказалъ Катеринѣ Ивановнѣ:

— *Ма фуа! эль не дансъ па маль!...*

Катерина Ивановна обратилась къ нему и отвѣчала:

— Oui.

Онъ посмотрѣлъ на нее страстно, онъ глазами заговорилъ ей о любви своей... А въ глубинѣ ложи сидѣлъ безмолвно господинъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, улыбался самъ съ собой, поводилъ усами и расправлялъ усы.

А въ первомъ ряду креселъ съ правой стороны, счастливый офицеръ съ золотыми эполетами, вооруженный телескопомъ, рукоплескалъ фигуранткамъ, упивался взглядами своей толстой Маши и восхищался легкостью ея ногъ, которыя онъ, для поддержанія собственнаго достоинства, называлъ ножками.

А офицеръ съ серебреными эполетами бѣгалъ между креселъ по ногамъ и бормоталъ: „пардонъ“ и „пермете“.

— Извини мон-шеръ, говорилъ онъ Петру Александрычу, столкнувшись съ нимъ въ буфетѣ: — что я не прислалъ тебѣ ста рублей, которые проигралъ; вообрази, меня обокралъ лалей: всѣ пятьсотъ рублей унесъ и много золотыхъ вещей... Я на дняхъ тебѣ пришлю, честное слово.

Спектакль кончился. За ужиномъ у Леграна Петръ Александрычъ разсказывалъ офицеру съ золотыми эполетами о томъ, какъ офицеръ съ серебреными эполетами проигралъ ему триста рублей и не платитъ.

— Не понимаю, прибавилъ онъ: — какъ можно играть, когда нѣтъ денегъ!...

Черезъ двѣ недѣли, считая съ этого ужина, изъ восьмисотъ рублей, присланныхъ маменькой, въ кошелькѣ у Онагра осталось только одинъ рубль семьдесять-пять копѣекъ.

Грустно посмотрѣлъ онъ на свою единственную монету, пощелкалъ языкомъ и подумалъ: — надо занять хоть тысячи

двѣ... только дастъ ли этотъ проклятый Шнейдъ? Я и безъ того ему долженъ. Загадаю.

Онъ пустилъ монету по столу.

— Если ляжетъ орломъ, такъ дастъ, а если рѣшеткой, такъ нѣтъ.

— Орелъ! орелъ!... А если не дастъ? что будешь дѣлать?

Онъ принудилъ себя выкурить сигару,—трубка ему опротивѣла, потому что у Дюме онъ не видалъ ни одного льва съ трубкой, прошелся по комнатѣ, свиснулъ раза два или три и отправился къ Шнейду... Голова у него кружилась отъ сигары, но онъ сказалъ самому себѣ:

— Что за бѣда! привыкну; трубку курить—*mauvais genre!*

У воротъ ростовщика онъ повстрѣчался съ тѣмъ статскимъ, у котораго было сморщенное лицо и изнѣженныя движенія.

— Мосьё Разнатовскій, куда вы? спросилъ онъ, по своему обыкновенію, въ носъ.

Онагръ немного смутился.

— Я... такъ... нужно къ одному знакому... а вы?

— Я отъ Шнейда—моего повѣреннаго. Au plaisir...

— Та-та-та! подумалъ Петръ Александрычъ:—повѣренный! знаемъ мы эти штуки: просто, братъ, занималъ деньги...

Ростовщикъ прохаживался по своей залѣ, уставленной бронзой и дорогими мебелями.

Онъ самъ отворилъ дверь.

— Здравствуйте, Адамъ Иванычъ, сказалъ онагръ съ непринужденною улыбкою, сбрасывая съ себя шинель, а между тѣмъ сердце у него такъ и билось.

— Мое почтеніе, сухо отвѣчалъ ростовщикъ.

— Что, любезный Адамъ Иванычъ, какъ вы поживаете?

— Помаленьку.

— А я встрѣтилъ у вашихъ воротъ моего пріятеля... штатскій, какъ бишь его фамилія... всегда позабываю... у него такое сморщенное лицо. . онъ отъ васъ сейчасъ вышелъ.

— Анинъ?

— Да, да... Что, вѣрно, къ вамъ за деньгами пріѣзжалъ.

— Нѣтъ, ему не надо занимать; у него много денегъ.

— А зачѣмъ же онъ былъ у васъ?

— Онъ нанимаетъ форейтора черезъ одного моего знакомаго.

— А-а-а! У меня до васъ... Петръ Александрычъ закашлялся...—Какія у васъ прекрасныя бронзы, Адамъ Иванычъ, я думаю дороги? Пріятно украсить комнаты такими вещами.

— Да, вещи недурныя: канделябры рококо стоятъ двѣ тысячи, а часы въ послѣднемъ вкусѣ, — они называются какъ-то мудрено, — четыре тысячи рублей. Я, пожалуй, продамъ ихъ, если сыщутся охотники... Не знаете ли вы кого? У меня нѣтъ ничего завѣтнаго: эти продамъ, другіе достану.

— Конечно... Гм... Петръ Александрычъ снова закашляся... Я... къ вамъ... съ маленькой просьбой.

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ нужна... не... небольшая сумма на полгода...

— Вы мнѣ еще должны. Черезъ мѣсяцъ срокъ вашему заемному письму, сказалъ ростовщикъ, понюхавъ изъ золотой табакерки.

— Я знаю... но я хотѣлъ просить васъ отсрочить и переписать заемное письмо, вмѣстѣ съ тѣми, которыя я хочу занять теперь.

— Нѣтъ, прежде старый долгъ отдайте.

— Я съ большимъ бы удовольствіемъ, но маменька мнѣ тысячъ пять пришлетъ только тогда, какъ продастъ хлѣбъ... а теперь... Я не знаю, будутъ ли у меня деньги черезъ мѣсяцъ.

— Мнѣ-то что за дѣло, когда ваша маменька продастъ хлѣбъ? Зачѣмъ же вы занимали? Если вы черезъ мѣсяцъ не заплатите, я представлю заемное письмо ко взысканію.

— Помилуйте, Адамъ Иванычъ! я, клянусь вамъ, веду свои дѣла акуратно, только неурожай... У меня имѣніе прекрасное: четыреста душъ.

— Это имѣніе вашей маменьки, а не ваше.

— Ей-Богу, мое... все мое...

— У васъ есть документы?

— Какіе документы?

— На это имѣніе, что оно принадлежитъ вамъ?

— Всѣ бумаги въ деревнѣ у маменьки; я, если хотите, выпишу ихъ.

— Зачѣмъ? Не безпокойтесь: у меня нѣтъ денегъ. Я не могу дать вамъ ни гроша.

У онагра замерло сердце.

— Ради Бога, Адамъ Иванычъ, возьмите съ меня какіе хотите проценты... Мнѣ только на полгода: вы меня этимъ вполнѣ обяжете; я... мнѣ крайняя нужда...

— Извините, не могу...

Ростовщикъ подошелъ къ двухтысячнымъ канделябрамъ, стряхнулъ съ нихъ пыль своимъ носовымъ платкомъ и потомъ обратился къ онагру.

— У васъ нѣтъ залога?

— Нѣтъ.

— Кто же вамъ дастъ въ займы такъ?

— Отчего? У меня есть дядя, у котораго двѣ тысячи восемьсотъ душъ: я его единственный наслѣдникъ, и маменька пишетъ, что копитъ мнѣ деньги.

Ростовщикъ улыбнулся.

— Когда вашъ дядюшка и ваша маменька скончаются, тогда я вамъ и дамъ въ займы.

Петръ Александрычъ нѣсколько обидѣлся и хотѣлъ идти.

Ростовщикъ остановилъ его.

— А сколько вамъ нужно?

Петръ Александрычъ встрепенулся.

— Двѣ тысячи.

— Это много, не могу.

— Ну хоть полторы?

— И этого много. Я, такъ и быть, на рискъ дамъ тысячу-двѣсти, не больше только какъ на шесть мѣсяцевъ...

— Честное слово, я еще, можетъ быть, прежде срока отдамъ; — я не знаю, какъ благодарить васъ, любезный Адамъ Иванычъ.

— Погодите; вѣдь я еще вамъ ихъ не далъ.

— Полноте шутить, Адамъ Иванычъ.

— Вы у меня брали пятьсотъ рублей; процентовъ на нихъ за полгода приписано триста рублей, всего вы мнѣ должны девятьсотъ двадцать-пять рублей. Такъ?

— Такъ-съ.

— Вы не можете мнѣ заплатить теперь проценты?

— Теперь нѣтъ...

— Хорошо. Нечего съ вами дѣлать, я подожду еще полгода: на девятьсотъ-двадцать пять рублей я менѣе семисотъ пятидесяти рублей взять не могу, какъ хотите.

— Я сказалъ, Адамъ Иванычъ, возьмите какіе хотите проценты.

— Менѣе я ни съ кого не беру безъ залога. Тысяча шестьсотъ семьдесятъ пять рублей, да на тысячу двѣсти рублей за полгода процентовъ шестьсотъ тридцать рублей, а на шестьсотъ тридцать процентовъ триста двадцать... Всего-то прійдется вамъ отдать мнѣ черезъ полгода три тысячи... три тысячи... семь... восемьсотъ... двадцать пять рублей. Согласны?

— Согласенъ...

— Такъ напишите мнѣ сегодня заемное письмо на эту сумму, а старое я вамъ возвращу...

Черезъ часъ заемное письмо было написано, деньги получены, и онагръ сдѣлался по прежнему беззаботенъ и счастливъ, и по прежнему у него только одна мысль о соблазнительной красотѣ Катерины Ивановны и объ интригѣ съ свѣтской дамой.

Онъ вездѣ за нею — и въ театрѣ, и на гуляньѣ и въ концертѣ и у нея дома, и на балѣ у Горбачевыхъ, и на вечеринкѣ у вдовы Калпинской.. Играетъ ли прекрасная на роялѣ, онъ облокотившись на рояль, смотритъ на нее, томится и бормочитъ: charmant! Танцуетъ ли она съ другимъ, онъ непремѣнно около нея и безпрестанно съ нею заговариваетъ о томъ, что „сердце, полюбя однажды, не властно разлюбить". На эту тему настроены всѣ его разговоры съ нею. Дмитрія Васильича онъ нисколько не боится, хотя и нечувствуетъ въ себѣ особенной храбрости. Правда, Дмитрій Васильичъ очень нѣженъ съ своей супругой и не отказываетъ ей ни въ чемъ, но онъ рѣдко видится съ нею: у него столько занятій! Онъ или на службѣ, или на биржѣ или играетъ въ вистъ съ генералитетомъ и толкуетъ о разныхъ комерческихъ оборотахъ съ своимъ искреннимъ пріятелемъ, *прекраснымъ человѣкомъ*. На Петра Александрыча онъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Все бы кажется, хорошо, и Катерина Ивановна смотритъ на него довольно благосклонно, только рѣшительнаго объясненія между ними не было. Онъ ждетъ, чтобы она начала,—а она не начинаетъ: можетъ быть, и онъ рѣшился бы начать, да ему никакъ не удается застать ее наединѣ. Утромъ у нея сидитъ добродѣтельный старичокъ съ огромнымъ ртомъ, читаетъ ей свои нравственныя сочиненія и толкуетъ о тлѣнности земныхъ

благъ и о прочемъ; вечеромъ у нея безвыходно господинъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія... Несносный человѣкъ! сидитъ и молчитъ, или вдругъ заговоритъ совсѣмъ не кстати; —Когда бывало, у насъ въ полку, или когда, бывало, у насъ въ эскадронѣ, потомъ третъ свой подбородокъ о волосяной галстухъ, расправляетъ усы и, —о дерзость!—иногда даже въ присутствіи ея куритъ трубку... А мѣсяцъ уходитъ за мѣсяцемъ...

Впрочемъ, Петръ Александрычъ не слишкомъ безпокоится о своей неудачѣ. У него воображеніе замѣняетъ дѣйствительность. Онъ не обыкновенно живописно разсказываетъ своимъ друзьямъ-офицерамъ, и даже статскому съ изнѣженными движеніями, о своихъ короткихъ отношеніяхъ съ Катериной Ивановной, которую онъ называетъ то Катенькой, то Катишь. Для того же, чтобъ придать бо́льшую вѣроятность своимъ разсказамъ, часто съ ранняго утра отправляетъ свои сани съ блестящимъ кучеромъ къ подъѣзду г-жи Бобыниной, съ приказаніемъ кучеру стоять тамъ до вечера.—Это хорошо, думаетъ онъ;—пусть всѣ полагаютъ, что я у нея безвыходно!

Офицеръ съ серебреными эполетами мучительно завидуетъ Петру Александрычу и, воспламененный его разсказами о Катеринѣ Ивановнѣ, начинаетъ также чувствовать къ ней нѣкоторое влеченіе и дѣлаетъ ей глазки сквозь очки.

Такъ проходитъ около года. Между тѣмъ долги онагра растутъ. Ему нѣтъ спасенья отъ кредиторовъ; онъ просыпается часу въ одиннадцатомъ, и хочетъ выбѣжать изъ дома,—но его передняя уже взята приступомъ. Въ передней страшный шумъ; голосъ Гришки заглушается нѣсколькими голосами. Петръ Александрычъ завертываетъ голову въ одѣяло и боится пошевельнуться. Къ тому же, страшный ростовщикъ вооружилъ противъ него кварталъ — и образъ слѣдственнаго пристава сталъ являться предъ нимъ, какъ тѣнь Банко.

Однажды, въ самую отчаянную минуту для Петра Александрыча, когда онъ, блѣдный и совершенно потерянный, стоялъ среди шорника, портного, золотыхъ дѣлъ мастера и сапожника, которые поочередно приступали къ нему съ угрозами,—Гришка, въ оборванномъ сюртукѣ, подалъ ему письмо.

— Отъ кого еще?.. Не напоминаетъ ли кто нибудь о долгѣ? Почеркъ на конвертѣ незнакомый.

Съ трепетомъ распечаталъ онъ конвертъ. .

— Это отъ маменьки!.. Извините, господа, сказалъ онъ шорнику, портному, золотыхъ дѣлъ мастеру и сапожнику: — я сейчасъ только прочту это письмо и поговорю съ вами... Я заплачу вамъ всѣ деньги, ей Богу, всѣ черезъ недѣлю, черезъ нѣсколько дней... Посидите здѣсь...

Онъ вышелъ въ другую комнату и началъ читать письмо:

„Спѣшу увѣдомить тебя, другъ мой милый, Петинька, о несчастіи, постигшемъ насъ...“

У Петра Александрыча потемнѣло въ глазахъ.

— Несчастіе! А шорникъ, портной, золотыхъ дѣлъ мастеръ и сапожникъ сердито перешептываются между собою... Они, жестокосердые, не тронутся никакимъ несчастіемъ... А ростовщикъ и управа благочинія?..

„...Въ ночи съ 8 на 9 ноября волею Божіею скоропостижно скончался отъ удара братецъ Викторъ Яковлевичъ. Антошка, камердинеръ его, сказывалъ мнѣ, что наканунѣ за обѣдомъ братецъ слишкомъ много кушалъ буженины, которою онъ лакомился всегда съ особеннымъ удовольствіемъ, и послѣ обѣда тотчасъ разсердился на буфетчика Прошку и побилъ его: еще, говорятъ, онъ никогда такъ не сердился. Натурально, вся кровь бросилась въ голову, а желудокъ не успѣлъ сварить, отъ того и сдѣлался ударъ. Тоже думаетъ и уѣздный лекарь нашъ, а онъ въ своемъ дѣлѣ преискусный. Мнѣ къ утру дали знать объ этомъ горестномъ происшествіи. Я, въ чемъ была, сѣла въ коляску и, сама непомня какъ, доѣхала часамъ къ тремъ. Когда я увидѣла моего голубчика на столѣ, такъ и зарыдала и упала безъ памяти. Исправникъ нашъ, спасибо ему, поднялъ меня и далъ мнѣ понюхать спирту, потомъ, какъ слѣдуетъ, въ присутствіи его и другихъ земскихъ чиновниковъ, всѣ комоды и сундуки покойнаго опечатали. Деньгами нашли сто-семьдесятъ-пять тысячъ ассигнаціями, серебряною и золотою монетою. Вчера только предали тѣло погребенію. Все было устроено прилично, и обѣдъ былъ хорошій и сытный; нарочно для сего вынули изъ погреба бутылокъ двадцать вина самаго лучшаго. Больше писать не въ силахъ, еще не могу оправиться отъ горести. Думаю, дружочекъ, что ты самъ не пріѣдешь сюда, а пришлешь на все мнѣ довѣренность. Зачѣмъ тебѣ забираться въ глушь отъ столичныхъ увеселеній? . Цалую тебя, безцѣнное

мое сокровище, и проздравляю съ наслѣдствомъ. Теперь ты сдѣлался богачомъ и можешь играть большую роль въ свѣтѣ, а мое материнское сердце, глядя на тебя, будетъ только радоваться... Не забудь отслужить по дяденькѣ панихиду".

Петръ Александрычъ прочелъ письмо, схватилъ себя за голову, осмотрѣлся кругомъ—и сказалъ вполголоса:

— Что такое... это сонъ, или маменька шутитъ?

На лицѣ его выступили красныя пятна.

Онъ прочелъ письмо въ другой разъ, въ третій, схватилъ сигару и бросилъ ее, схватилъ шейный платокъ и сталъ повязывать его сверхъ галстуха, потомъ снялъ — и бросилъ.

— Такъ дяденька умеръ, въ самомъ дѣлѣ умеръ! У меня тысяча восемьсотъ душъ и сто... Сколько? онъ посмотрѣлъ въ письмо:—сто-семьдесятъ-пять тысячъ денегъ!..

Въ ближней комнатѣ послышались голоса шорника, портного, золотыхъ дѣлъ мастера и сапожника...

Онагръ пришелъ наконецъ въ себя, значительно прищелкнулъ языкомъ и съ чувствомъ собственнаго величія, хотя еще съ мыслями не совсѣмъ ясными и съ растрепанной головой, вышелъ къ своимъ кредиторамъ.

— Вонъ всѣ, сейчасъ же всѣ! сказалъ онъ повелительно: — деньги вамъ будутъ заплачены моимъ управляющимъ. Я получилъ тысячу восемьсотъ душъ и сто... шесть... семьдесятъ-пять тысячъ денегъ...

Кредиторы сомнительно посмотрѣли другъ на друга.

Шорникъ шепнулъ нѣмцу-сапожнику:

— Извѣстно, хвастаетъ!

Нѣмецъ-сапожникъ возразилъ:

— Йа! Квастунъ! квастунъ!

Петръ Александрычъ, услышавъ это обидное слово, въ ужасномъ негодованіи затопалъ ногами и закричалъ громовымъ голосомъ:

— Вонъ, всѣ вонъ!

Шорникъ прошепталъ:

— Ахъ, батюшки, помѣшался, помѣшался! растолкалъ кулакомъ нѣмцевъ, толпившихся у двери, и первый выбѣжалъ на улицу.

Испуганные нѣмцы послѣдовали его примѣру.

ГЛАВА V.

Обаятельная сила денегъ.—Отрывокъ изъ петербургской философіи.— Маскарадъ въ Большомъ театрѣ.

Богъ знаетъ почему многіе изъ насъ пренебрегаютъ словомъ: *человѣкъ*. Это слово прекрасное и глубоко знаменательное, а оно, не имѣя никакого смысла отдѣльно, только съ тремя прибавленіями, — получаетъ въ нашемъ обществѣ важный смыслъ: человѣкъ *съ именемъ*, человѣкъ *съ чиномъ*, человѣкъ *съ деньгами*.

Имя, *чинъ* и *деньги*—великія три слова! Передъ ними открыты всѣ двери, имъ вездѣ поклонъ съ улыбкой, почетъ и привѣтъ, имъ — крѣпкое рукопожатіе, для нихъ незванная пламенная любовь и непрошенная искренняя дружба!

Укажите же, читатель мой, мѣсто среди насъ просто человѣку?

— *Человѣкъ!* закричалъ онагръ, лежа въ неописанной нѣгѣ на вычурномъ и рѣзномъ диванѣ.

Гришка,—тотъ самый Гришка, который ходилъ въ засаленномъ и оборванномъ сюртукѣ, теперь завитой какъ баранъ, во фракѣ тонкаго сукна и съ аксельбантомъ, очень безпокоившимъ его,—явился предъ Петромъ Александрычемъ....

— Что, еще не приносили вазы отъ Модерни?

— Нѣтъ, сударь

— Хорошо, пошелъ!

„Гостиная у меня, кажется, не дурна, подумалъ Петръ Александрычъ: — диванъ отъ Гамбса, бронзовые часы изъ англійскаго магазина, обои отъ Шефера.... Ваза будетъ очень кстати.... Всѣ любуются моей гостиной, — это очень пріятно! А какой фракъ сшилъ мнѣ Ручъ — у! какой фракъ!...

Онагръ поднялся съ дивана. На немъ былъ красивый шолковой халатъ, малиновая бархатная шапочка съ золотою огромною кистью, болтавшеюся по глазамъ, и азіатскія туфли, безпрестанно сваливавшіяся съ ногъ.

Онагръ подошелъ къ окну.... Снѣгъ падалъ на улицѣ хлопьями, вода съ шумомъ стекала на тротуаръ изъ желѣзныхъ жолобовъ. Барыня, приподнявъ салопъ, отважно переходила

черезъ улицу, утопая въ грязи и въ снѣгѣ; коллежскій регистраторъ въ свѣтлосѣрой шинели съ кошачьимъ воротникомъ, тащился, отряхиваясь и протирая глаза, залѣпленные снѣгомъ; горничная съ платкомъ на головѣ и въ кацавейкѣ бѣжала въ мелочную лавку; мастеровой, завернувшись въ свою синюю сибирку, исполински шагалъ чрезъ грязь и лужи....

— Бѣдные! и не боятся простуды! имъ ничего — грубый народъ! Я такъ выѣду сегодня въ каретѣ, иначе невозможно! А сильно таетъ; впрочемъ скоро весна: ужь февраль на исходѣ.

Онагръ опять легъ на диванъ.

— Какія Гамбсъ славныя пружины дѣлаетъ. Мастеръ на это, нечего сказать. На другихъ мебеляхъ мнѣ что-то и сидѣть неловко.... За кѣмъ бы приволокнуться? Знаю я одну премиленькую дѣвочку.... впрочемъ и Катерину Ивановну не оставлю, ни за что не оставлю.... Теперь она не уйдетъ отъ меня.

Такія мечты толпились въ головѣ онагра и, убаюканный ими, онъ не слыхалъ, какъ очутился передъ нимъ Дмитрій Васильичъ Бобынинъ.

Онагръ немножко удивился этому неожиданному посѣщенію. Онъ видѣлъ у себя въ первый разъ Дмитрія Васильича.

— Я давно къ вамъ собирался, милый мой Петръ Александрычъ, сказалъ Дмитрій Васильичъ, пожавъ руку его съ особеннымъ чувствомъ: — да мои дѣла, хлопоты.... Служба отнимаетъ у меня все время, такъ, что я не могу посвятить его немногимъ искреннимъ пріятелямъ...

— Какъ въ своемъ здоровьѣ Катерина Ивановна?

— Покорно васъ благодарю. Она здорова: маленькая у насъ что-то было прихворнула, теперь однако поправилась.... Вы какъ поживаете?... Кончены всѣ ваши хлопоты? вы ужь введены во владѣніе?

— Введенъ...

— Ну и слава богу.... Maman-то вашей бѣдной сколько было дѣла! Прекрасное вамъ имѣньице досталось, прекрасное... Викторъ Яковличъ былъ хозяинъ, — вѣдь я его коротко зналъ. Село Долговка лучшее село въ губерніи: въ немъ 800 душъ, да земли — позвольте — земли.... да.... вѣрно около 9,000 десятинъ. Кажется, такъ?

— Право не знаю.

— Вамъ надо имѣть хорошаго управляющаго... у меня

есть въ виду человѣкъ... мы объ этомъ когда нибудь поговоримъ съ вами по серьезнѣе... отличный, надежный человѣкъ. Послушайте-ка, Петръ Александрычъ...

Бобынинъ взялъ онагра за руку и началъ прохаживаться съ нимъ по комнатѣ.

— Я душевно люблю и васъ и вашу маменьку, и отъ всего сердца желаю вамъ добра.... Позвольте мнѣ дать вамъ небольшой совѣтъ.

— Что такое-съ?

— Видите ли: теперь вы человѣкъ съ большимъ состояніемъ, всѣ невольно обращаютъ на васъ вниманіе.... третьяго дня спрашивалъ о васъ одинъ директоръ — мой знакомый.... вамъ бы хлопотать о хорошенькомъ мѣстечкѣ по службѣ; теперь для васъ это легко, — а то вы служите безъ жалованья, нештатное мѣсто...

— Помилуйте, перебилъ онагръ наморщась: — ѣздить всякій день въ департаментъ, — это смертная тоска.

— Ктожь вамъ объ этомъ говоритъ? Сохрани Богъ! съ какой вамъ стати мучить себя!... Вы теперь должны служить собственно только для блеска, гдѣ нибудь по особымъ порученіямъ; честолюбіе будетъ удовлетворено, — и прекрасно.

— Это не дурно, Дмитрій Васильичъ! сказалъ онагръ. — Какъ же бы это устроить?

— Ничего нѣтъ легче, и это намъ не Богъ знаетъ чего будетъ стоить; я переговорю съ директоромъ, мы это дѣльцо и обработаемъ. Тогда я васъ увѣдомлю о подробностяхъ. Вамъ теперь можно устроить превосходно свою карьеру: о бѣдномъ хлопотать не станутъ; бѣдный самъ пробивается.

— Разумѣется для бѣдныхъ есть чернорабочія должности... Покорно васъ благодарю, Дмитрій Васильичъ; мнѣ безъ васъ это не пришло бы въ голову.

— Я всегда радъ вамъ служить, и маменька ваша будетъ этимъ довольна.

— Ужь конечно!

Дмитрій Васильичъ посмотрѣлъ на часы.

— Ай-ай! Какъ я у васъ засидѣлся: четверть второго. Отъ васъ мнѣ еще нужно заѣхать на аукціонъ.

Дмитрій Васильичъ взялся за шляпу.

— Да!.. какъ вы думаете устроить вашъ капиталъ?

— Я какъ нибудь.. и самъ не знаю.

— Въ ломбардъ отдавать не стòитъ... чтò четыре процента?.. Позвольте... ахъ! я и эту статью могу вамъ выгодно обработать. Безъ меня только не предпринимайте ничего рѣшительнаго, а то обманутъ. Прощайте, мой милый Петръ Александрычъ, не забывайте насъ,—до свиданія. Да безъ церемоніи являйтесь къ намъ, мы всегда вамъ рады, какъ родному. Не безпокойтесь: въ передней у васъ немного холодно, простудиться можно.

— Чудесный человѣкъ этотъ Бобынинъ! подумалъ онагръ:— отчего же онъ мнѣ прежде не совсѣмъ нравился?

Лишь только вышелъ Дмитрій Васильичъ, какъ дверь изъ передней съ шумомъ отворилась, и въ залу онагра вбѣжали офицеръ съ золотыми эполетами и офицеръ съ серебреными эполетами.

— А, друзья! откуда?

— Я объявлю тебѣ новость, братецъ, сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами, бросаясь на стулъ:—я съ Машей совсѣмъ покончилъ, рѣшительно поссорились; надоѣла, все ревнуетъ. Знаешь фигурантку Лизу? такая быстроглазенькая, съ лѣвой стороны, во второй парѣ третья съ края: я началъ волочиться за нею, — вчера получилъ отъ нея записочку. Хочешь покажу?

Офицеръ съ серебреными эполетами ходилъ по комнатѣ и разсматривалъ новыя мебели и вещи въ гостиной онагра.

— Славные часы! чтò ты, мон-шеръ, заплатилъ за часы?

— Не знаю, не дорого; кажется, рублей тысячу.

— Гм! И диванъ прелестный, а что за диванъ заплатилъ?

— Четыреста.

— Гм! Надо мнѣ купить себѣ этакій. А эти кресла съ желѣзной спинкой?

— Сто съ чѣмъ-то, съ какой-то бездѣлицей.

— Гм! цвѣтъ сукна, мон-шеръ, мнѣ не нравится: напрасно ты не взялъ вер-де-помъ, у всѣхъ вер-де-помъ.

— Посмотри, братецъ, сказалъ офицеръ съ золотыми эполетами онагру, вынимая изъ кармана сафьянную коробочку и открывая ее: — купилъ для Лизы гранатовую браслетку. Не дурна? какъ ты находишь?.. Чтò твоя Катишь подѣлываетъ? Вы съ ней все по прежнему?

— По прежнему? Чего! съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывается ко мнѣ. Не знаю, чѣмъ это кончится!

— А Дмитрій Васильичъ?

— Онъ у меня сейчасъ былъ.

— Мы его встрѣтили. Мастерски ты, Петя, ведешь себя: и съ мужемъ пріятель, и съ женой... Богатые дядюшки у тебя умираютъ...

— И мнѣ можетъ быть, скоро достанется 500 душъ, замѣтилъ офицеръ съ серебреными эполетами.

— Полно, братецъ, сочинять: я шестой годъ слышу отъ тебя это всякій день.

— Что жь шестой годъ! я не сочиняю..

— Не хотите ли завтракать, господа? сказалъ онагръ.

— Пожалуй, я отъ завтрака никогда не отказываюсь.

Офицеръ съ золотыми эполетами взялъ онагра за талію, приподнялъ его и произнесъ съ особеннымъ чувствомъ, которое передать невозможно:

— Ахъ, душечка, еслибъ ты увидѣлъ Лизу!

Завтракъ былъ на славу; однако всѣ трое болѣе пили, чѣмъ кушали.

— Въ воскресенье, messieurs, маскарадъ въ Большомъ театрѣ. Страсть моя маскарады: я все хожу въ маскарадахъ съ французскими актрисами, сказалъ офицеръ съ серебреными эполетами.

— Въ самомъ дѣлѣ, маскарадъ? Я и забылъ! Лиза непремѣнно тамъ, и я буду. А ты, Петя, поѣдешь?

— Какъ же не ѣхать?

Маскарадъ въ Большомъ театрѣ! Какъ весело, подъ громъ музыки, прохаживаются оба пола: женскій полъ въ маскахъ и въ черныхъ домино, а мужской — безъ масокъ: женскій полъ самъ по себѣ, а мужской — самъ по себѣ. Тишина и просторъ царятъ въ огромной залѣ; только слышится однообразный шумъ шаговъ, шелестъ шолковыхъ домино, да бряцанье шпоръ. Живописно колышутся въ залѣ бѣлые и черные султаны: ярко горятъ, при усиленномъ освѣщеніи, золотые и серебреные эполеты и аксельбанты. Львы въ темныхъ фракахъ и въ узкихъ желтыхъ перчаткахъ; онагры въ свѣтлыхъ фракахъ съ блестящими пуговицами: какіе-то два господина въ сюртукахъ и въ маскахъ; чиновникъ съ разряженой, какъ на

балъ, супругой подъ-ручку, и оба безъ масокъ; испанецъ въ плисовой мантіи, взятой на прокатъ за два съ полтиной; пастушка претолстая, въ корсетѣ, который у нея сзади не сходится, и съ пречудовищными ногами въ башмакахъ съ бантиками... Этой картиной любуются сверху дамы и барыни, образующія своими отдѣльными группами цвѣтущіе озаисы среди пустыни ложъ... Маскарадъ еще не расходился. Слышите-ли? начинается шушуканье, глухой говоръ... нѣсколько женщинъ изъ этой толпы уже объ руку съ мужчинами; нѣсколько паръ пронеслось мимо васъ; раздался пронзительный женскій пискъ; проскользнула ножка, плѣнительно выставившаяся изъ подъ распахнувшагося домино, промелькнула чудесная талія... вотъ и знакомецъ нашъ, господинъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія. Онъ ведетъ даму въ коричневомъ домино съ голубыми бантиками, потираетъ свой подбородокъ о крѣпкой волосяной галстухъ и подергиваетъ усами, а сзади этой пары—онагръ. Онъ идетъ и думаетъ:

„Неужели это Катерина Ивановна? Кажется, что она?.,. Охота же ей ходить съ этимъ усачемъ. Развѣ не нашлись бы для нея кавалеры?...“

— *Бо-маскъ*, я васъ узналъ, сказалъ онагръ, подойдя къ коричневому домино.

Господинъ высокаго роста шевельнулъ усомъ, а его дама обернулась къ онагру и запищала по французски:

— Не правда, вы ошибаетесь....

„Шутки! подумалъ онагръ:—это точно она“.

— Вы не умѣете скрыть своего голоса, продолжалъ онъ:— но я и безъ того узнаю васъ, какъ бы вы ни замаскировались....

Въ эту минуту мимо онагра прошелъ левъ. Левъ говорилъ своей маскѣ: *ты*. Это *ты* немного смутило онагра.

Коричневое домино оставило своего усача и взяло за руку онагра.

— За кого вы меня принимаете?

— Твое имя начинается съ буквы....

На мѣстоименіе *твое* онъ сдѣлалъ сильное удареніе.

— Съ какой?

— Съ буквы К....

Коричневое домино засмѣялось.

— Потому что у меня коричневое домино?... Угадали!

— Полноте притворяться.... Васъ.... *тебя* можно узнать по твоему кавалеру.....

Она вздрогнула.

— Отчего по моему кавалеру?... Я его не знаю, я первый разъ встрѣтила его здѣсь.

Онагръ началъ колебаться.

«А можетъ быть, это и не Катерина Ивановна? Кто ее знаетъ?...»

— Тебѣ весело здѣсь, бо маскъ?

— Весело....

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

„Неловко какъ-то говорить съ этими масками! Ничего въ голову нейдетъ..“

Навстрѣчу имъ попалось черное домино съ чернымъ шишакомъ на головѣ.... Это домино подошло къ той, съ которою прохаживался онагръ, и сказало:

— Катишь, я тебя давно ищу. Я потеряла Дмитрія Васильича....

— А, Катерина Ивановна! Теперь вамъ нечего скрываться. Видите ли, я узналъ васъ....

— Не стыдно ли тебѣ, ма-шеръ, измѣнить мнѣ? съ упрекомъ произнесла Катерина Ивановна, обращаясь къ своей пріятельницѣ съ шишакомъ и качая головой.—Вотъ Дмитрій Васильичъ, поди къ нему, а я немного пройду съ Петромъ Александрычемъ и буду васъ ждать съ лѣвой стороны у перваго бенуара.

„Она хочетъ пройдтись со мною: это не даромъ!“ подумалъ онагръ.

— Мнѣ сердце сказало, что это вы, началъ онъ, прижимая какъ бы нечаянно локоть ея къ своему боку.

— Сердце? Вы мнѣ сказали, что узнали меня по моему кавалеру?

— Онъ могъ идти и не съ вами, а сердце мнѣ...

Офицеръ съ серебреными эполетами подбѣжалъ къ онагру и шепнулъ ему на ухо:

— Съ кѣмъ это ты идешь, мон-шеръ? Кажется, хорошенькая! О чемъ вы говорите? потомъ онъ закричалъ: — я сейчасъ ходилъ все съ какой-то аристократкой. Она говорила мнѣ разныя нѣжности: у нихъ пресвободное обращеніе, моншеръ.

— Не мѣшай мнѣ, пожалуйста... Мнѣ надо поговорить съ моей дамой.

Офицеръ улыбнулся, присвиснулъ, осмотрѣлъ съ ногъ до головы коричневое домино и исчезъ.

Онагръ продолжалъ.

— Сердце никогда не обманываетъ.... оно.. оно...

— Пріѣзжайте послѣ-завтра обѣдать къ намъ, сказала Катерина Ивановна, разсѣяннѣе, чѣмъ обыкновенно и, говоря это, она какъ будто искала кого-то въ толпѣ: — пріѣдете?

— Непремѣнно.

— Я давно хотѣла говорить съ вами, хотѣла.... Вы знаете этого адъютанта, вотъ, что стоитъ одинъ, съ бѣлымъ султаномъ?

— Знаю, а что?

— Такъ.... объ немъ я много слышала отъ одной моей пріятельницы.... Она.... Ахъ.... я и позабыла... Завтра большой балъ у Горбачевой. Вы будете?

— Буду.

— Я съ вами танцую четвертую и шестую кадрили.... Слышите? Мнѣ надо поговорить съ вами о многомъ.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ. Назначьте часъ. минуту, секунду....

Онагръ былъ счастливъ; онъ весь превратился въ улыбку самодовольствія, онъ думалъ:

„Я на одну черту отъ блаженства“.

— Подойдемте къ адъютанту, я буду его мистифировать....

Она оставила онагра и шепнула ему

— Помните, до завтра.

— До завтра! повторилъ онъ выразительно.

Господинъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, слѣдившій за коричневымъ домино, мрачно взглянулъ на адъютанта и на онагра: усы его пошевельнулись съ какою-то торжественностію, а губы сдѣлали такое движеніе, какъ будто онъ затягивался...

Долго прохаживался онагръ по заламъ, поглядывая на маски въ золотой лорнетъ, но онѣ не обращали на него вниманія; одна только мимоходомъ пропищала ему: „Bon soir!“ а другая, у которой на рукахъ были широкія темнобурыя перчатки, погрозила пальцомъ. Онъ искалъ Катерину Ивановну и адъютанта—и не находилъ ихъ.

— Странно! говорилъ онъ самъ себѣ:—маски сами должны бы подходить ко мнѣ: теперь, вѣрно, ужь всему Петербургу извѣстно, что у меня тысяча-восемьсотъ душъ и сто семьдесятъ пять тысячъ...

Онъ остановился... легкій трепетъ пробѣжалъ по его членамъ: въ двухъ шагахъ отъ него стоялъ левъ, противъ котораго два раза удалось ему обѣдать за общимъ столомъ у Дюме....

— Comment votre santé? сказалъ ему онагръ робкимъ голосомъ, краснѣя и прикладывая дрожащую руку къ шляпѣ.

Левъ едва замѣтно пошевельнулся, и съ величіемъ львинымъ произнесъ:

— Здравствуйте.

Это „здравствуйте", переведенное съ львинаго на человѣческій языкъ, означало: „что тебѣ надобно отъ меня? Зачѣмъ ты мнѣ кланяешься?"

— Сегодня въ маскарадѣ много публики, продолжалъ Онагръ еще съ большею робостью.

Левъ пробормоталъ „да", и отодвинулся отъ онагра.

Онагръ запѣлъ про себя какую-то пѣсенку, споткнулся, поправилъ шляпу и виски, и подскочилъ къ толстой госпожѣ въ бѣломъ кисейномъ платьѣ.

— Бо-маскъ! Отчего вы одни? Тебя не занимаетъ маскарадъ?

Кисейное платье молчало.

— Ты не хочешь говорить со мной?

Кисейное платье повернуло голову къ стѣнѣ.

— Зачѣмъ вы отвертываетесь?

— Отстаньте! закричало кисейное платье. Что вы пристали-ло?

— Зачѣмъ вы сидите однѣ? Пройдемтесь со мною.

— Не на такую напали: у меня есть свой кавалеръ. Прошу не безпокоиться.

Нечего было дѣлать. Онагръ отошелъ отъ грознаго кисейнаго платья и принужденъ былъ прогуливаться одинъ. Ему становилось скучно, онъ уже зѣвнулъ раза два и посмотрѣлъ на часы. Къ счастію, въ эту минуту окружили его нѣсколько пріятелей, извѣстныхъ танцоровъ и любезниковъ средняго круга. Онъ сдѣлался центромъ этого избраннаго кружка, и между ними тотчасъ завязался живой разговоръ. Вдругъ, въ самомъ пылу разговора, онагръ почувствовалъ

легкое прикосновеніе къ своему плечу, онъ обернулся: возлѣ него стояла въ театральной позѣ женщина въ черномъ и коротенькомъ домино.

— Я васъ знаю, сказала она.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Онагръ предложилъ ей свою руку и отправился съ нею.

— У вашего кучера свѣтлоголубая шуба и глазетовый кушакъ, продолжала она.

— Точно. Ты говоришь правду, бо-маскъ.

— Вы недавно получили большое наслѣдство.

— И то правда; впрочемъ, я всегда былъ богатъ.

— Вы все ходите по Невскому.

— Хорошо. Еще что?

— Вы влюблены въ одну даму, которую зовутъ Катериной Ивановной, и она отвѣчаетъ вамъ.

— Diable, бо-маскъ! Все вѣрно, какъ нельзя больше! Почему же ты это знаешь?

— Скоро состарѣетесь, не скажу. Вы всѣ мужчины прелюбопытные.

— Нѣтъ, женщины гораздо любопытнѣе.

— Извините. А сказать вамъ, какъ васъ зовутъ?

— Скажи.

— Петръ Александрычъ.

Онагръ сталъ заглядывать подъ маску.

— Полноте, что это вы?

— Снимите маску.

— Что вы, съ ума сошли?

— Отчего?

— Вы часто мимо нашихъ оконъ ѣздите.

— А гдѣ ты живешь?

— Отгадайте.

— Я отгадывать не умѣю.

Онагръ снова заглянулъ подъ маску и пожалъ таинственной незнакомкѣ руку.

— Зачѣмъ вы со мной ходите? На васъ разсердится Катерина Ивановна.

— Пусть ее сердится.

— Какъ же: вѣдь вы влюблены въ нее? Вамъ другими нельзя заниматься.

— Очень можно.

— Стало быть, вы вѣтреникъ?

— Хочешь испытать мое постоянство?

— Я васъ боюсь... Какая у васъ миленькая цѣпочка!

— Тебѣ нравится? Хочешь, я прикую тебя къ моему сердцу этой цѣпочкой?

Однако, въ припадкѣ нѣжностей и въ жару объясненій, онагръ почувствовалъ аппетитъ.

— Бо-маскъ, хочешь со мною ужинать?

— Пожалуй.

— Ты любишь трюфели, бо-маскъ?

— Мнѣ все равно.

И они начали взбираться по лѣстницѣ въ верхнія зала.

На половинѣ лѣстницы, маска сказала онагру:

— Вернемтесь.

— Зачѣмъ?

— Такъ.

Передъ онагромъ и его невѣдомой спутницей очутился офицеръ съ золотыми эполетами. Онъ пристально посмотрѣлъ на послѣднюю.

— Поздравляю тебя, братецъ, шепнулъ онъ онагру.

— Съ чѣмъ?

— Да знаешь ли, кто твоя дама?

— Нѣтъ.

— Это Маша, моя старая пріятельница. Посмотри, она на меня сердится, отворачивается отъ меня,—а славная, братецъ, дѣвочка. Конечно, далеко не то, что Лиза... Мы съ Лизой выдумали сейчасъ свой языкъ,—она будетъ вести со мною разговоры со сцены.

— Такъ это Маша? Вотъ что!.. Ты ей разсказалъ всѣ мои секреты?

— Что̀ жь за бѣда?

— Нѣтъ, ничего... Гм! подумалъ онагръ: «очень кстати: у меня будетъ связь въ обществѣ и связь на сценѣ: это необходимо для настоящаго свѣтскаго человѣка; объ этомъ и Бальзакъ пишетъ и вся петербургская молодежь большаго свѣта придерживается этой моды. Я буду кататься, какъ сыръ въ маслѣ».

За ужиномъ, Маша совершенно подружилась съ онагромъ.

Она развязала на минуту свою маску и вскользь показала ему свое личико. Онъ былъ въ восторгѣ и отъ ея красоты и отъ ея любезности. Она кушала съ апетитомъ и довольно часто прикладывала бокалъ къ своимъ губамъ, граціозно поддерживая кружевную бородку своей маски. Послѣ ужина, онагръ, проходя мимо офицера съ золотыми эполетами, сказалъ ему:

— Рѣшено, душа! какую я квартиру найму для нея, какъ одѣну ее,—точно куколку...

Было около трехъ часовъ. Залы пустѣли; отчаянные гуляки допивали послѣдніе бокалы и, покачиваясь, сходили внизъ... Въ ложахъ давнымъ-давно никого. Какой-то пьяный франтъ, въ свѣтлосиней венгеркѣ съ черными шнурками, причесанный à la moujik, кричалъ музыкантамъ: «довольно!... Я васъ не хочу больше слушать!» Какія-то сомнительныя физіономіи ходили взадъ и впередъ, съ неудовольствіемъ посматривая на крикуна; квартальный надзиратель стоялъ посреди залы, величественно подбочась: капельдинеръ дремалъ у боковой двери, да штатскій, съ изнѣженными движеніями, сидѣлъ у самаго оркестра и не сводилъ глазъ съ музыкантовъ, потому что былъ меломанъ.

Скоро и музыканты начали собираться домой.

Всѣ разошлись и разъѣхались... Всѣ...

Нѣтъ, не всѣ еще: облокотясь на прилавокъ, гдѣ разбираютъ шинели и шубы, стоялъ офицеръ съ серебреными эполетами и страстно смотрѣлъ сквозь очки на толстую пастушку, у которой сзади не сходился корсетъ. Пастушка была уже безъ маски: потъ градомъ катился по ея воспаленному лицу, и она обвѣвала его носовымъ платочкомъ.

Огни потухали въ окнахъ театра.

ГЛАВА VI.

Балъ.

Праздникъ за праздникомъ: сегодня маскарадъ, завтра балъ.

Одинадцать часовъ вечера. У подъѣзда дома, гдѣ живетъ г-жа Горбачева, три кареты четвернями, каретъ шесть парами и нѣсколько саней въ одиночку... Какъ свѣтло въ окнахъ бельэтажа! Сколько на окнахъ трехъ-угольныхъ шляпъ съ султанами!... Балъ, балъ!

Двери изъ танцовальной залы въ переднюю открыты, музыканты занимаютъ половину передней, за ними лакеи и шубы. Гришка съ аксельбантами снимаетъ шинель съ своего барина. На онагрѣ бѣлый атласный жилетъ съ цвѣтами, синій фракъ только что съ иголочки, украшенный бронзовыми пуговицами, величиной съ пятакъ; золотыя цѣпи отъ часовъ и отъ лорнета; изумрудныя запонки на рубашкѣ; голова онагра въ завиткахъ; онъ весь пропитанъ духами...

Музыка гремитъ!.. Онагръ входитъ въ залу. У самыхъ дверей офицеръ съ серебреными эполетами хохочетъ и танцуетъ съ m-lle Неврёзовой...

— Бон суаръ, мон-шеръ! закричалъ офицеръ, увидя онагра. — Что, изъ театра? Бурбье́ хорошо играла? Какое на ней было платье?.. Отчего ты такъ поздно?

— Какъ поздно?.. Онагръ испугался. — Который это кадриль танцуютъ?..

— Третій; мон-шеръ.

— Слава Богу! подумалъ онагръ. — Что, если-бъ я опоздалъ? Бѣда! Вѣдь на четвертый кадриль меня ангажировала сама Катерина Ивановна.

— Славная, мон-шеръ, на тебѣ жилетка, продолжалъ офицеръ: — самая модная. А мы сейчасъ все объ тебѣ говорили.

Онъ посмотрѣлъ на свою даму.

Онагръ поклонился m-lle Неврёзовой и сказалъ ей:

— И я такъ счастливъ, что вы вспомнили обо мнѣ?

M-lle Неврёзова — дѣвица среднихъ лѣтъ, съ черными выпуклыми глазами, съ вѣнкомъ на головѣ и съ перетянутой таліей, играя небрежно двойнымъ лорнетомъ, отвѣчала съ разстановкою, придавая своимъ словамъ таинственность:

— Мы... да, мы говорили объ васъ...

— Что же вы говорили обо мнѣ?

— А съ чего вы взяли, что я вамъ открою это?

— Если вы не скажете мнѣ, такъ онъ разскажетъ, замѣтилъ онагръ, указывая на офицера.

— Вы думаете? Вѣрно m-r Анисьевъ не будетъ такъ нескроменъ.

Офицеръ громко засмѣялся, посмотрѣлъ съ чувствомъ на свою даму и закричалъ:

— Не скажу, мон-шеръ, не скажу ни за что; это секретъ! Вѣдь вы не прикажете сказывать?... Намъ начинать... Пермете.

Офицеръ подалъ руку своей дамѣ.

Онагръ началъ пробираться между танцующихъ, раскланивался направо и налѣво и высматривалъ хозяйку дома.

Г-жа Горбачева была въ страшныхъ суетахъ: она порхала отъ одного къ другому, отъ одной гостьи къ другой; она каждому и каждой находила сказать что-нибудь пріятное, и эти пріятности сопровождала обязательной улыбкой.

Онагръ поймалъ ее въ комнатѣ за гостиной, гдѣ Димитрій Васильичъ Бобынинъ игралъ въ вистъ съ *прекраснымъ человѣкомъ* и съ двумя генералами.

— Же-ву-салю, мадамъ, сказалъ онагръ, натягивая на руку желтую перчатку.

— Отчего такъ поздно, Петръ Александрычъ? Мы васъ давно ждемъ.

— Я прямо къ вамъ изъ французскаго спектакля; впрочемъ я долго ждалъ своей кареты: эти разъѣзды, знаете; пренепріятные.

— Vous avez raison! Какъ вы еще поспѣваете вездѣ? я удивляюсь вамъ: вы можете служить образцомъ свѣтскаго человѣка: право, это врожденное, я васъ всегда ставлю въ примѣръ моему мужу: онъ у меня такой бирюкъ...

Онагръ самодовольно пожимался.

— Надѣюсь, Петръ Александрычъ, что вы не станете отказываться отъ танцевъ. Пожалуйста, одушевите всѣхъ кавалеровъ своимъ примѣромъ. Распоряжайтесь всѣмъ; я вамъ даю право: ангажируйте поскорѣе даму на слѣдующій кадриль.

Онагръ кивнулъ головой и хотѣлъ отправиться въ залу къ Катеринѣ Ивановнѣ, но Димитрій Васильичъ остановилъ его.

— Какъ вы поживаете, мой любезный Петръ Александрычъ? сказалъ онъ, протягивая ему руку:—наклонитесь-ка на два слова. Директоръ, о которомъ я говорилъ вамъ, здѣсь, и я сегодня же представлю васъ ему... Ваше превосходительство, вашъ ходъ...

Онагръ отошелъ отъ карточнаго стола и попалъ прямо на хозяина дома—человѣка лѣтъ 28, у котораго глаза цвѣта вареннаго крахмала.

— *Шарме де ву вуаръ*, сказалъ хозяинъ дома. — Вы сей-

часъ только пріѣхали? ну, очень радъ. *Дансе, же ву при.* Сегодня у насъ собралось много, и столько генераловъ, что я не ожидалъ даже. Жаль только, что княгиня Елена Васильевна не будетъ: занемогла, а то бы она непремѣнно была; ей очень весело у насъ,—она мнѣ сама говорила это.

„Оно и лучше, что не будетъ, подумалъ онагръ—а то за нею вѣчно кавалегарды и эти львы; а при нихъ что-то не совсѣмъ свободно.“

— Такъ княгини не будетъ? Ахъ, какъ досадно! закричалъ онъ: вообразите, послѣдній разъ здѣсь она дала мнѣ слово танцовать со мною кадриль... Можетъ быть она еще пріѣдетъ?

— Нѣтъ. я ужъ два раза ѣздилъ сегодня просить князя... Князь мнѣ сказалъ, что у нея флюсъ, и что при всемъ желаніи, она никакъ не можетъ быть.

Въ эту минуту музыка умолкла, третій кадриль кончился.

Онагръ пустился отъискивать Катерину Ивановну.

Катерина Ивановна, вся въ брильянтахъ, вся въ цвѣтахъ и блондахъ, сіяющая и великолѣпная, сидѣла въ залѣ. обмахиваясь вѣеромъ и разговаривая съ тѣмъ самымъ адъютантомъ, о которомъ она спрашивала въ маскарадѣ. Она обращала на себя всеобщее вниманіе: толстыя маменьки, неигравшія въ карты и размѣстившіяся около стѣнъ залы, отирая потъ съ лица, искоса на нее поглядывали и разсуждали о томъ, сколько тысячъ стоитъ ея фермуаръ, и собственный ли онъ ея, или взять у кого нибудь для бала; тоненькія дочки, ослѣпленныя ея туалетомъ, находили, что она одѣта вовсе не къ лицу; а фраки и мундиры, какъ нарочно, въ опроверженіе этого, толпились около нея, и ей посвящали отборныя фразы и свое остроуміе.

Онагръ подошелъ къ ней, взглянулъ на нее и подумалъ: — „Она царица бала. Меня здѣсь многіе называютъ счастливцемъ, глядя на нее, потому что я увѣрилъ... Впрочемъ, сегодня должно рѣшиться все... Какая ручка пухленькая, бѣленькая, такъ бы и поцаловалъ ее!“.

— Четвертый кадриль сейчасъ начинается, сказалъ онъ ей, кланяясь и закладывая палецъ за жилетъ. Эту львиную привычку онъ не такъ давно перенялъ.

Она подняла на него свои глазки и опустила ихъ, потомъ

опять подняла и опять опустила, поправила свой фермуаръ и произнесла немного нараспѣвъ:

— А я думала, что васъ нѣтъ.

— Меня не было: я пріѣхалъ къ четвертому кадрилю.

— Д-а-а?

Она приподнялась со стула и уронила вѣеръ. Адъютантъ и онагръ бросились поднимать его, но онъ достался въ руки адъютанта, и адъютантъ, подавая его Катеринѣ Ивановнѣ, былъ награжденъ за свою ловкость многозначительной улыбкой.

Онагръ покраснѣлъ и занялся поправленіемъ своего галстуха. Между тѣмъ, они стали въ ряды танцующихъ.

— Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я этой минуты, сказалъ онагръ: — сегодня цѣлый день для меня тянется такъ долго... я васъ видѣлъ во снѣ.

— Какой скучный сонъ!

Она то складывала, то развертывала свой вѣеръ.

— Напротивъ...

— Вы долго оставались вчера въ маскарадѣ?

— Нѣтъ... а вы исполните вчерашнее обѣщаніе?

— Какое? развѣ я что нибудь обѣщала вамъ?

— Вы хотѣли говорить со мною.

— О чемъ?

— Вы сказали мнѣ, что вамъ надобно объясниться со мной о многомъ.

Катерина Ивановна начала бить тактъ вѣеромъ по своей ручкѣ и какъ будто задумалась.

„Женщинѣ не легко открывать свои чувства, подумалъ онагръ:—это натурально... она не знаетъ, какъ приступить къ такому щекотливому разговору.“

— О чемъ же вы задумались?

— Какая у меня слабая память! Что бишь такое я хотѣла сказать вамъ?

„Притворяется будто не помнитъ“.

— Вспомнила! вспомнила!

Она подняла глаза къ потолку.

Онагръ сдѣлалъ три шассе впередъ, три шассе назадъ, взялъ ее за руки, повернулся съ нею и бросилъ на нее одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, для которыхъ нѣтъ выраженія.

— Вспомнили? скажите поскорѣй, не мучьте меня.

— Нѣтъ, я раздумала, не хочу говорить.

. . . . . .

— Ахъ, мои батюшки! да что это такое? закричала сзади танцующихъ генеральша Питковская, отскакивая отъ лампы: — да на что это похоже, масло съ лампъ каплетъ!... посмотрите. Бога ради, матушка Анна Ильинишна, что мантилья-то моя, я думаю, совсѣмъ испорчена? Да сюда нельзя, я вамъ скажу, хорошихъ вещей надѣвать.

Анна Ильинишна смотрѣла на мантилью и покачала головой:

— Жаль, вещица-то прекрасная! Большія два пятна, Пелагея Ивановна!

Генеральша Питковская побагровѣла, сдернула съ себя мантилью и съ ужасомъ увидѣла пятна. Около нея собрались пожилыя и толстыя дамы... Онѣ всѣ закивали и замотали головами.

Вдова Калпинская, vis-à-vis Катерины Ивановны, во время соло, иронически улыбаясь, сказала ей: — Какая забавная сцена! Не-спа?

Катерина Ивановна смѣялась и закрывалась вѣеромъ.

— Что же? вы не сдержите своего слова, не скажете мнѣ... шепталъ онагръ, наклонясь къ плечу Катерины Ивановны.

— Не скажу, не скажу, и не скажу.

— Къ чему же такое упрямство?

— О, я очень упряма! вы меня не знаете...

Она прищурилась и вздохнула. Грудь ея роскошно поднялась, какъ волна и опустилась.

Боже, какая грудь! Мурашки пробѣжали во внутренности онагра.

— О чемъ вы вздохнули?

— Такъ.—Хотите, чтобъ я была съ вами откровенна?

— Я объ этомъ только и прошу васъ.

— Мое упрямство теперь происходитъ отъ того, что мнѣ нечего сказать вамъ. Въ маскарадѣ всегда мистифируютъ, и мнѣ вчера захотѣлось васъ помистифировать. Вотъ и все.

Кадриль кончился.

Мечты онагра вдругъ развѣялись, онъ упалъ съ неба на

землю, онъ былъ ужасно недоволенъ такой поразительной развязкой.

— А шестую кадриль вы танцуете со мною? спросилъ онъ у Катерины Ивановны, не глядя на нее.

— Шестую? Нѣтъ, я дала слово.

— Какъ! это тоже была маскарадная мистификація?

— Развѣ я обѣщала танцовать съ вами шестую кадриль?

— Обѣщали.

— Неужели? Ахъ, простите меня, пожалуйста! Теперь нечего дѣлать: я скорѣй рѣшусь быть виноватой передъ вами, чѣмъ передъ человѣкомъ, котораго не такъ знаю.

Онагръ холодно поклонился Катеринѣ Ивановнѣ и хотѣлъ идти.

— Вы не сердитесь на меня?

— Нѣтъ, помилуйте!

„Она заважничала, думалъ онъ. — отъ того, что я за ней слишкомъ ухаживаю. Хорошо-же! Я стану волочиться за всѣми, кромѣ нея; надобно показать, что я не дорожу ею, что для меня все равно, она или другая. Посмотримъ, кому она дала слово на шестую кадриль!“

Проходя мимо стульевъ, гдѣ сидѣли маменьки, онагръ долженъ былъ безпрестанно останавливаться, потому что маменьки на перерывъ одна передъ другою старались очаровать его своею привѣтливостью.

Особенно нѣжно смотрѣла на него одна дѣйствительная статская совѣтница лѣтъ пятидесяти четырехъ, которая сидѣла, вытянутая какъ струнка, моргала вѣками, повертывалась будто на пружинахъ и необыкновенно мило и искусно шевелила своими губками. У этой дѣйствительной статской совѣтницы была рыжая дочка лѣтъ двадцати шести...

— Я все смотрю на васъ, месь Разнатовскій, сказала она нашему герою, съ тою умилительною жеманностью, которая называется обыкновенно свѣтскостью: — какъ вы всегда со вкусомъ одѣты.

Онагръ поклонился съ чувствомъ полнаго удовольствія.

— Признаюсь, мнѣ нравится, когда молодые люди обращаютъ вниманіе на свой туалетъ. А что, вы достали для моей Нади ноты, послѣдній романсъ Глинки? Это немножко не деликатно, что я напоминаю.

— Привезу вамъ на дняхъ.

— Надя, Надя! поди сюда, мой другъ. Вотъ Петръ Александрычъ такъ добръ, что привезетъ намъ романсъ Глинки...

Она поправила брошку на груди дочери.

— Merci, m-r, сказала рыжая дочка.

— Вы не ангажированы на этотъ кадриль? спросилъ у нея онагръ.

— Non, m-r.

— Позвольте мнѣ танцовать съ вами?

— Avec plaisir, m-r.

Статскій съ изнѣженными движеніями не танцовалъ; онъ кочевалъ изъ комнаты въ комнату, повертывая своей шляпою и поглядывая на все и на всѣхъ насмѣшливо.

— Здѣсь очень скучно, сказалъ онъ Петру Александрычу: — я здѣсь никого не знаю, кромѣ madame Бобыниной. И какъ душно! меня сегодня звалъ князь Петръ Иванычъ на вечеръ, но мнѣ совѣстно было отказать Горбачеву.

— Да, прескучно, закричалъ подбѣгая офицеръ съ серебреными эполетями: — а вы никогда не танцуете?

— Рѣдко.

— Хочешь быть, мон-шеръ, моимъ *визави*? продолжалъ офицеръ, обращаясь къ онагру: — я танцую съ премиленькой; она недавно показалась въ свѣтѣ, только что изъ Москвы, или изъ деревни откуда-то пріѣхала; я люблю все новенькое. Жаль, не такъ молода — лѣтъ двадцати слишкомъ, дочь полковника, отлично воспитана. Что же, мон-шеръ, будешь моимъ *визави*?

— Изволь, братецъ.

Онагръ ангажировалъ хозяйку дома, и избралъ для своего поприща самое видное мѣсто.

Офицеръ съ серебреными эполетами сталъ напротивъ съ своею дамою. Онагръ съ высоты величія взглянулъ на провинціалку.

— Ай, ай! какая странная, а вѣдь хорошенькая!

Въ самомъ дѣлѣ, она была недурна. Черные волосы, густыми локонами спускавшіеся до плечъ, длинныя, полуопущенныя рѣсницы, черты лица тонкія и нѣжныя, прозрачность кожи, станъ высокій и стройный, простота убора, — все это показалось необыкновеннымъ онагру, и какъ-то не совсѣмъ схо-

дилось съ его понятіями о красотѣ и свѣтскости... А хорошенькая!...

Офицеръ никакъ не могъ ходить: онъ бѣгалъ, прыгалъ, суетился около нея, кричалъ ей на ухо, и она едва поспѣвала за нимъ слѣдовать и рѣшительно не поспѣвала отвѣчатъ на его вопросы... Въ этой парѣ было что то комическое.

— Не правда ли, мон-шеръ, порядочное личико? бормоталъ офицеръ, дѣлая фигуру и подскакивая къ онагру: — только робка черезъ-чуръ, мало говоритъ, это ничего — пообо-трется.

Конечно... Онагръ однако думалъ совсѣмъ не о ней, а о Катеринѣ Ивановнѣ, которая танцовала и кокетничала съ адъютантомъ.

Изнѣженный статскій подошелъ къ хозяйкѣ дома.

— Знаете ли, Елена Сергѣевна, сказалъ онъ, обращаясь къ ней и къ онагру: — эта дѣвица, которая танцуетъ съ г. Анисьевымъ, точно интересна, она очень похожа на княжну Б...

— Неужели? воскликнулъ онагръ, внимательнѣе посмотрѣвъ на дѣвушку.

— Что вы думаете? именно похожа! произнесла хозяйка дома, также взглянувъ на нее.

— Даже и въ манерѣ ея есть какъ будто сходство съ княжной...

— Неужели и въ манерѣ?

Онагръ еще пристальнѣе посмотрѣлъ на дѣвушку. Изнѣженный статскій былъ для него авторитетомъ.

— Мнѣ чрезвычайно нравится ея отецъ, сказала г-жа Горбачева: — такой балагуръ, шутникъ, и съ такими здравыми понятіями обо всемъ. Онъ прежде командовалъ полкомъ и никакъ не могъ сойдтись съ своимъ бригаднымъ генераломъ, отъ того и вышелъ въ отставку. Прежде онъ съ семействомъ жилъ въ Москвѣ, а потомъ въ своей тверской деревнѣ. Въ Петербургѣ они не болѣе мѣсяца.

— Шармантъ персонъ! сказалъ онагръ.

— Меня что удивляетъ, продолжала г-жа Горбачева: — вѣдь она почти не была въ свѣтѣ, а не смотря на это, *трежантиль*!

Черезъ четверть часа, дѣвица съ черными локонами сдѣлалась вдругъ предметомъ всеобщаго вниманія.

Онагръ спѣшилъ ангажировать ее на мазурку.

Господа офицеры и статскіе франты стекались изо всѣхъ комнатъ въ залу смотрѣть на дѣвицу съ черными локонами.

— Она похожа на княжну! слышалось повсюду.

— Какъ двѣ капли! кричалъ офицеръ съ серебреными эполетами, бѣгая по залѣ: — я первый замѣтилъ это сходство. И говоритъ точно княжна; я съ княжной нѣсколько разъ танцовалъ, — и напрыскана духами hèliotrope, какъ княжна: только вальсируетъ неловко, руку не умѣетъ держать, оттого она и мало вальсируетъ Я люблю вальсировать съ m-lle Неврёзовой, — та ловкая!

Мазурка! мазурка!

Онагръ поставилъ стулъ для своей дамы. Катерина Ивановна въ первой парѣ уже летитъ съ адъютантомъ. Адъютантъ разсыпается передъ Катериной Ивановной и выдумываетъ безпрестанно какія-то новыя, трудныя фигуры. Онагръ разсердился на адъютанта; а на Катерину Ивановну, — о! на нее онъ и смотрѣть не хочетъ. Его начинаетъ сильно занимать дѣвица, похожая на княжну. Онъ любезничаетъ съ нею изо всѣхъ силъ, говоритъ безъ умолку, а она только слушаетъ, она кажется утомленною... Но вотъ музыка смолкла, усталые и тяжело дышащіе кавалеры и дамы разбрелись по разнымъ комнатамъ въ ожиданіи ужина...

— Нечего сказать, прелесть, какъ хороша, а не разговорчива! подумалъ онагръ, разставаясь съ дѣвицей, похожей на княжну: — будь она немножко повеселѣе и поживѣе, да понаряднѣе; тогда бы просто свела съ ума.

Офицеръ съ золотыми эполетами, по своему обыкновенію, явился послѣ мазурки.

— Я, братецъ, кажется, въ самую пору, сказалъ онъ онагру. — Что, накрываютъ ужинать? Сядемъ за ужиномъ вмѣстѣ. Ну, что, весело было?

— Да. Съ какой душечкой я танцовалъ мазурку! Постой, я тебѣ покажу ее.

Онагръ схватилъ офицеръ за руку. Они обѣжали всѣ комнаты, но нигдѣ не нашли ее.

— Видно, уѣхала.

— Брюнетка или блондинка?

— Брюнетка.

— Лучше Лизы, братецъ, брюнетокъ я и не видалъ, признаюсь тебѣ. А что твоя Катерина Ивановна?

— Ничего! надоѣла, братецъ, я съ ней разсорился; хочу какъ нибудь отдѣлаться отъ нея.

Дмитрій Васильичъ съигралъ пятнадцать роберовъ въ вистъ, расправилъ свои одеревенѣвшіе члены, пройдясь раза два по комнатѣ, и подвелъ онагра къ директору.

—Вотъ, ваше превосходительство, г. Разнатовскій, о которомъ я говорилъ вамъ.

— Очень пріятно познакомиться, сказалъ директоръ, протягивая руку:—что, я думаю, устали, много танцовали?

— Да-съ.

— Я говорю, ваше превосходительство, что надобно служить молодому человѣку, замѣтилъ Дмитрій Васильичъ: — не правда ли?

— Какъ же не служить? А вы, вѣрно, боитесь службы? Служба не такъ страшна, какъ вы думаете; не бойтесь. Мы васъ не замучимъ.

Онагръ поклонился.

— Пріѣзжайте, когда вамъ можно будетъ, ко мнѣ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Васильичемъ. Я радъ всегда видѣтъ васъ у себя, мы потолкуемъ съ вами.

— Чѣмъ, ваше превосходительство, изволили кончить вистъ? сказалъ подошедшій въ эту минуту хозяинъ дома, съ чувствомъ смотря на директора.

— Выигралъ, выигралъ!

— Мнѣ весело, ваше превосходительство, что вы у меня въ домѣ изволите, кажется, выигрывать по большей части.

— Да, да, странно! у васъ мнѣ какое-то особенное счастье. Я къ вамъ буду чаще ѣздить.

Директоръ благосклонно захохоталъ.

— Милости прошу, ваше превосходительство; такіе гости, какъ вы....

Хозяинъ дома не прибралъ окончательной фразы, низко поклонился, и потомъ еще съ бо̀льшимъ чувствомъ посмотрѣлъ на директора.

Послѣ этого, въ залѣ началась кутерьма; лакеи носили

плитки съ одеколономъ, раздвигали столы, откупоривали бутылки, гремѣли тарелками и стаканами.

Ужинъ готовъ.

Дамы сѣли за особеннымъ столомъ; около нихъ помѣстились только два или три записные любезника, и между прочимъ адъютантъ возлѣ Катерины Ивановны.

— Холодная, бездушная кокетка! сказалъ онагръ самому себѣ, покосясь на нее: — и нашла по себѣ молодца: этотъ адъютантъ глупъ, пусть его вздыхаетъ. Она меня не завлечетъ теперь въ свои сѣти, нѣтъ! Послѣ и станетъ раскаяваться, да поздно...

Утѣшивъ себя этою мыслію, онагръ наложилъ полную тарелку чего то въ родѣ майонеза и налилъ полный стаканъ вина.

Офицеръ съ серебреными эполетами былъ чрезвычайно доволенъ ужиномъ: онъ пилъ болѣе всѣхъ и все говорилъ, что послѣ ужина надобно затѣять непремѣнно грос-фатеръ.

Онагръ не дождался грос-фатера и уѣхалъ.

Онъ лежалъ въ каретѣ; ему мерещилась дѣвица съ черными локонами, похожая на княжну...

Какой ростъ и какая талія, чудо! Что, если-бы надѣть на нее бархатный капотъ и пройдтись съ нею по Невскому? всѣ бы останавливались и смотрѣли...

Глаза его слипались.

— А что, не жениться ли мнѣ?

При этой блестящей мысли онъ заснулъ.

ГЛАВА VII.

Старый кавалеристъ и его семейство. — Успѣхи онагра.

На другой день послѣ бала г-жи Горбачевой, онагръ проснулся часа въ два, одѣлся и поѣхалъ къ Машѣ; однако лицо и станъ дѣвушки съ черными локонами все мелькали передъ нимъ. Машей онъ былъ доволенъ, и тотчасъ же приказалъ нанять для нея квартиру, самъ выбралъ ей мебель и записался, по ея просьбѣ, въ библіотеку для чтенія Смирдина, потому что она охотница до романовъ. Маша завелась своимъ хозяйствомъ; онагръ всякій день у нея и часто по вечерамъ они

ѣздятъ въ саняхъ тройкой въ Екатерингофъ или на Крестовскій островъ. Эти поѣздки особенно веселы... Жаль только, что зима проходитъ и дорога портится.

Однажды (это было въ первыхъ числахъ марта) онагръ ѣхалъ по Гороховой улицѣ, а офицеръ съ серебренными эполетами перебѣгалъ черезъ дорогу...

— Пади! закричалъ ему кучеръ онагра.

Офицеръ обернулся.

— А, мон-шеръ, это ты! Же-ву-салю. Чуть не задавилъ меня.... Постой на минутку....

Онагръ приказалъ остановиться. Офицеръ подбѣжалъ къ санямъ....

— Куда, мон-шеръ? Слякоть ужасная; къ Святой, вѣрно, не высохнетъ, подъ качелями будетъ грязно; жаль!

— А ты куда? Что́ подѣлываешь? спросилъ онагръ.

— Былъ съ визитомъ у Змѣевыхъ, мон-шеръ.

— Кто это, Змѣевы?

— Будто ты не знакомъ съ ними? Пріятный домъ, мон-шеръ: — отецъ славный малый и мать добрая старушка, а о дочкѣ и говорить нечего, — знаешь, что́ на княжну похожа.... Ты съ ней у Горбачевыхъ танцовалъ. Я съ ними познакомился сейчасъ послѣ бала.

— Ахъ, братецъ, представь меня къ нимъ! Ты мнѣ сдѣлаешь большое одолженіе.

Дѣвица съ черными локонами явилась онагру опять во всей красѣ своей; опять пришла ему въ голову мысль, какъ бы хорошо надѣть на нее бархатный капотъ и пройдтись съ нею по Невскому.

— Изволь, мон-шеръ, представлю, когда хочешь; я у нихъ почти свой въ домѣ, на короткой ногѣ, меня всѣ любятъ; завтра же скажу имъ о тебѣ: отецъ охотникъ до лошадей, а у тебя славныя лошади... Прощай.

— Смотри же, представь.

— *Конте-сюръ-муа*, мон-шеръ.

— Дня черезъ три, онагръ съ офицеромъ явились къ Змѣевымъ.

Отставной полковникъ-кавалеристъ, средняго роста, полный, съ большими черными усами, съ просѣдью, въ венгеркѣ съ кистями, прохаживался въ своемъ кабинетѣ и пробовалъ хлы-

стикъ. Кабинетъ украшался токарнымъ станкомъ, двумя черкесскими кинжалами, винтовкой, коллекціею черешневыхъ чубуковъ и двумя гипсовыми лошадьми.

Офицеръ представилъ онагра полковнику.

Полковникъ пожалъ ему руку—и такъ крѣпко, что онагръ едва не вскрикнулъ.

— Безъ церемоніи, господа я привыкъ по военному: прошу садиться,—диванъ не мягкій, а сидѣть можно.

— Какъ въ своемъ здоровьѣ Дарья Николаевна и Ольга Михайловна? спросилъ офицеръ.

— Здоровы, здоровы; спасибо: у жены сидитъ Иконинъ, Нравоучительныя книжки ей читаетъ: она любительница проповѣдей: старухѣ, впрочемъ больше нечего и дѣлать. Мы же, кавалеристы, не слишкомъ жалуемъ краснорѣчіе. Намъ подавай коня, пороху, дыму, стишковъ Дениса Васильевича....

Полковникъ носовымъ платкомъ разгладилъ усы и захохоталъ.

— Да, Михайло Андреичъ, мы, военные, совсѣмъ не то, что эти статскіе. (Офицеръ съ серебряными эполетами указалъ на онагра).

— Вы военные? Съ какой стороны вы военные? Съ чего вы это взяли? Вы, сударь, не военные, а такъ, ни то, ни се, ни рыба, ни мясо, — вы я думаю, и пули-то не отличите отъ мячика; у васъ и усовъ нѣтъ!

Полковникъ засмѣялся и обратился къ онагру.

— А я слышалъ, что вы охотникъ до лошадей. Что, у васъ хорошія лошади?

— Всѣ заводскія, дорогія лошади.

— Рысаки-съ?

— Рысистыя, особено одинъ гнѣдой жеребчикъ.

— Орловскій?

— Конечно, настоящій орловскій.

— Это хорошо, это я люблю. Нынѣшніе вольнодумцы все толкуютъ о скаковыхъ лошадяхъ; все, видишь, подавай отъ *Эклипса*. Вздоръ! Скакуны ни къ чорту не годятся... Отъ *Сметанки* или отъ *Безъименнаго* — почище будутъ. Бывало, я вамъ скажу, какъ *Проворный* побѣжитъ, весь на воздухѣ, — такъ, глядя на него, духъ занимается. Любопытно посмотрѣть вашихъ лошадокъ. Я вамъ имѣю честь рекомендоваться, мило-

стивый государь, я знатокъ въ лошадяхъ, старый кавалеристъ, чрезъ мои руки прошло ихъ довольно.

Полковникъ разсѣкъ воздухъ хлыстикомъ.

— Очень довольно! И чего я не испыталъ на своемъ вѣку! Сквозь огонь и воду прошелъ.... Пойдемте, я васъ моей старушенкѣ отрекомендую.

Онъ бросилъ хлыстикъ на столъ.

Жена полковника, худая, желтая, сгорбленая, въ чепцѣ, сидѣла противъ добродѣтельнаго старичка съ огромнымъ ртомъ, и благоговѣйно слушала его проповѣди, которыя онъ читалъ съ чувствомъ и съ разстановкой.

Дочь полковника вышивала у окна. Голова ея наклонялась къ самой канвѣ и длинные черные локоны почти закрывали лицо.

— А вы еще все читаете, сказалъ полковникъ, войдя въ гостиную:—извините, что помѣшалъ; нельзя, гостей веду.

— Вотъ моя жена, а вотъ дочь, продолжалъ полковникъ, смотря на онагра:—я третій, и все семейство на лицо. Прошу насъ любить да жаловать.

Онагръ расшаркался передъ полковницей, потомъ передъ ея дочерью, и заложилъ палецъ за жилетъ.

Дѣвушка подняла голову, откинула отъ лица свои локоны, посмотрѣла на офицера и на онагра, привстала едва замѣтно, потомъ снова наклонилась къ канвѣ.

Полковница сказала онагру:

— Я ужь, кажется, имѣла удовольствіе видѣть васъ у Елены Сергѣевны Горбачевой.

— Да-съ, я былъ у нея на балѣ.

— Садитесь, господа, безъ церемоній, и поболтайте о чемъ нибудь.

Полковникъ сѣлъ первый, откинувъ назадъ кисть своей венгерки.

— Милая дама Елена Сергѣевна: она мнѣ чрезвычайно нравится, сказала полковница.

— И какъ одушевлены ея вечера! закричалъ офицеръ съ серебреными эполетами:—не видишь, какъ время летитъ.

— Это правда.

Онагръ подошелъ къ пяльцамъ, за которыми сидѣла дочь полковника.

— Вы изволите вышивать?

— Да, вышиваю.

Она отвѣчала не отводя глазъ отъ канвы.

— Прекрасный узоръ!.. Вы прошедшій разъ уѣхали съ бала тотчасъ послѣ мазурки?

— Кажется.

Онагръ повертѣлся около пяльцевъ, и отошелъ въ сторону.

Добродѣтельный старичокъ съ огромнымъ ртомъ взялъ шляпу и подошелъ къ ручкѣ полковницы.

— Филиппъ Иванычъ, что это значитъ? Куда вы? Пожалуйте сюда вашу шляпу: я ее арестую, я дѣйствую по кавалерійски; отъ старыхъ привычекъ отстать трудно,—какъ хотите, а вы съ нами обѣдаете,—и не думайте уходить,—не пущу, ей Богу, не пущу!

Голова добродѣтельнаго человѣка покачнулась на его недвижномъ туловищѣ, и онъ подалъ шляпу полковнику.

— А вы, господа?

Полковникъ обратился къ офицеру и къ онагру:

— Надѣюсь, что вы не откажетесь отъ моей лагерной кухни.

Дѣвушка взглянула на отца, какъ будто хотѣла спросить: „къ чему это?“

Офицеръ съ серебреными эполетами закричалъ:

— Съ большимъ удовольствіемъ! Я званъ сегодня на два обѣда,—ну, да не поѣду туда.

Онагръ хотѣлъ было отказаться.

Полковникъ подошелъ къ нему.

— Хотите быть со мной по пріятельски, по военному?

— Если вы позволите.

Онагръ оборотился къ окну, гдѣ стояли пяльцы.

— Въ такомъ случаѣ: слушай! скорымъ шагомъ маршъ въ залу, шляпу оставить тамъ,—на лѣво кругомъ—и назадъ. Вольно!.. Такъ, славно,—люблю за это. Мы, батюшка, по просту, какъ видите, по военному, прошу не взыскать.

— Шутникъ! сказала полковница про своего мужа обращаясь къ добродѣтельному человѣку.

Добродѣтельный человѣкъ открылъ ротъ до ушей, то есть улыбнулся, и произнесъ:

— Такъ требуетъ военная дисциплина-съ.

Дѣвушка встала изъ-за пялецъ и вышла изъ комнаты.

— Слишкомъ робка, подумалъ онагръ: — а талія заглядѣнье и ростъ отличный; отецъ немного смѣшонъ, а добрякъ!

За обѣдомъ, полковникъ разсказывалъ о своей храбрости, о генералахъ, съ которыми служилъ, о лошадяхъ, на которыхъ ѣздилъ, критиковалъ планы Наполеона, доказывалъ его ошибки, толковалъ какъ и что ему надлежало дѣлать, и безпрестанно повторялъ: „мы старые кавалеристы“ и „у насъ у старыхъ кавалеристовъ“. Военные анекдоты полковника были очень забавны. Всѣ слушали его съ большимъ вниманіемъ и смѣялись; одна дочь его, казалось, не принимала участія въ этихъ разсказахъ...

Съ этого дня, онагръ сталъ безпрестанно ѣздить къ полковнику и безпрестанно поглядывать на его дочь, а полковникъ довольно часто началъ посѣщать онагра и поглядывать на его лошадей. Въ домѣ полковника не произошло никакихъ перемѣнъ: дочь его была робка по прежнему; въ конюшнѣ онагра дѣлались улучшенія съ каждымъ пріѣздомъ полковника.

Люди онагра громко начинали поговаривать, что баринъ ихъ женится на дочери полковника. И для самого барина эта мысль незамѣтно становилась доступнѣе и правдоподобнѣе... Бархатный капотъ, Невскій проспектъ и дѣвица съ черными локонами,—эти три предмета составляли что-то нераздѣльное въ его воображеніи Ему смутно представлялся иногда рядъ прекрасно меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ онъ и супруга его принимаютъ господъ въ звѣздахъ и орденахъ и госпожъ въ нарядныхъ чепцахъ и мантильяхъ; онъ видѣлъ иногда двухъ лакеевъ съ гербами сзади своей кареты; ему казалось иногда, что онъ сидитъ возлѣ супруги своей, цалуетъ ей ручку и играетъ ея черными локонами...

— Робость ея пройдетъ; это вздоръ, говорилъ онъ самому себѣ. Къ тому же, я ее буду безпрестанно вывозить... Въ свѣтѣ заговорятъ о моей квартирѣ, о моихъ балахъ, о моей женѣ, о моемъ экипажѣ. Весело быть женатымъ! А Маша? и она мила и влюблена въ меня по уши. Что за бѣда? я буду ѣздить и къ Машѣ...

Онагръ заѣхалъ въ магазинъ и купилъ Машѣ золотую брошку.

Возвратясь отъ нея поздно вечеромъ, онъ былъ обрадованъ запиской Дмитрія Васильича:

„Дѣло слажено, любезнѣйшій Петръ Александрычъ. Поздравляю васъ: его превосходительство Илья Иванычъ объявилъ мнѣ сегодня, что вы опредѣлены чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ съ двумя тысячами рублей оклада. Вы очень понравились его превосходительству. Онъ говоритъ, что у васъ много пріятности въ манерахъ. Чиновникъ, мною рекомендованный вамъ въ управляющіе надъ деревнями вашими, согласенъ на условія, которыя я предложилъ ему отъ имени вашего. Вы будете имъ довольны, въ этомъ я увѣренъ. Послѣ завтра онъ будетъ у васъ, а я приготовлю ему инструкцію. Отправится же онъ въ деревню черезъ недѣлю. Капиталъ вашъ наконецъ я устроилъ: вы будете акуратно получать отъ меня по пяти процентовъ. И это выгодно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Сколько хлопотъ мнѣ было съ этими деньгами! Одно расположеніе къ вамъ заставило меня взяться за такое дѣло. Что вы насъ совсѣмъ забыли?“

На другой день, онагръ разсказывалъ всѣмъ своимъ пріятелямъ, что онъ по особымъ порученіямъ при министрѣ и что ему назначено шесть тысячъ рублей жалованья. Офицеръ съ золотыми эполетами, выслушавъ это, плюнулъ и сказалъ:

— Чортъ тебя возьми, братецъ! да ты видно въ сорочкѣ родился! Богачъ—и еще такое жалованье.

Онагръ блаженствовалъ; онъ дѣлался идоломъ петербургской молодежи средней руки, которая съ него начинала снимать моды, и преувеличенные слухи о его богатствѣ и счастіи перелетали съ быстротою невѣроятною изъ Коломны на островъ въ четырнадцатую линію, изъ Грязной къ Смольному монастырю. О немъ стали даже разсуждать на Петербургской сторонѣ и на Выборгской...

Къ довершенію всего, онъ далъ великолѣпный обѣдъ почетнымъ своимъ знакомымъ, въ главѣ которыхъ находились: его новый директоръ, полковникъ, и Дмитрій Васильичъ Бобынинъ. Этотъ обѣдъ, какъ и должно было ожидать, произвелъ на всѣхъ гостей глубочайшее впечатлѣніе.

Прошелъ мѣсяцъ... Дочь полковника не переставала рисоваться фантазіи онагра, и въ одно прекрасное апрѣльское утро, когда солнце показалось на свѣтлосѣромъ петербургскомъ небосклонѣ для обсушки, вѣроятно, грязныхъ петербургскихъ

улицъ, — онъ ударилъ себя въ лобъ очень рѣшительно, сѣлъ въ коляску и отправился къ полковнику.

Никогда еще такъ рано не выѣзжалъ онагръ изъ дома.

Въ кабинетѣ полковника онъ пробылъ около часа и вышелъ оттуда свѣтлый и радостный.

Полковникъ три раза поцаловалъ онагра и произнесъ съ особеннымъ выраженіемъ, провожая его:

— *Мое слово важнѣе.* Я старый кавалеристъ. У меня въ домѣ заведена дисциплина, какъ въ полку... Прощай, другъ любезный, будь покоенъ; да накажи кучеру-то, чтобъ берегъ „Красавца" и хорошенько чистилъ его. Васька твой большой лѣнтяй! Ты, братъ, съ нимъ дѣйствуй по нашему, по военному...

Онагръ прискакалъ домой, и прямо къ письменному столу; онъ написалъ:

„Любезнѣйшая маменька!

„Я давно хотѣлъ увѣдомить васъ о моихъ чувствахъ къ дочери генерала Змѣева, но откладывалъ, потому что самъ желалъ въ нихъ удостовѣриться. Теперь вижу, что люблю ее страстно и что безъ нея для меня жизнь ничтожна. Она также влюблена въ меня и говоритъ, что съ самой первой минуты, какъ увидѣла меня, участь ея была рѣшена. Сейчасъ получилъ согласіе на бракъ съ нею отъ ея родителей. Черезъ этотъ бракъ я породнюсь со многими самыми знатными лицами въ Петербургѣ. Милая, любезнѣйшая маменька, цалую ваши ручки, на колѣняхъ прошу вашего благословенія и жду съ нетерпѣніемъ отвѣта... Вашу будущую дочку зовутъ Ольгой Михайловной; она брюнетка и красавица. О мѣстѣ, которое я получилъ, и объ обѣдѣ, который былъ у меня, я уже писалъ вамъ. Свадьбу не хочу откладывать; чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Не пріѣдете ли вы, неоцѣненная маменька, сами въ Петербургъ? Еще разъ цѣлую ваши ручки. Остаюсь

„Вашъ покорнѣйшій и послушнѣйшій сынъ Петръ Разнатовскій."

ГЛАВА VIII.

Семейныя сцены. — Доказательство, что добродѣтельные люди очень полезны. — Женихъ и невѣста.

Полковница вязала чулокъ; дочь ея занималась какимъ-то шитьемъ. Полковникъ вошелъ къ нимъ. Онъ посмотрѣлъ на

дочь съ улыбкою, расправилъ усы носовымъ платкомъ и два раза молча прошелся по комнатѣ.

— А у меня новость, сказалъ полковникъ, остановясь торжественно по срединѣ комнаты и сложивъ руки на груди по наполеоновски.

Мать и дочь взглянули на него. На лицѣ матери выражалась робость и покорность, на лицѣ дочери безпокойство

— Важная новость! продолжалъ полковникъ, — тебѣ, старухѣ, не отгадать; ну, а ты не отгадаешь ли, Олинька?

— Что̀ такое, батюшка? Она отложила свою работу въ сторону.

— Отгадай.

— Вы знаете, что я до сихъ поръ не умѣла отгадать ни одной вашей загадки.

— Гм! эту загадку тебѣ легче всего отгадать, дурочка. Вы, дѣвушки, мастерицы разбирать такого рода загадки. Моя новость касается до тебя.

— До меня?

Она вздрогнула.

— И очень... Поздравляю тебя съ женихомъ, а тебя (онъ оборотился къ женѣ) съ дочерью невѣстой.

— Ка̀къ это, Михайло Андреичъ? спросила полковница, вытаращивъ глаза.

Краска вдругъ исчезла съ лица дѣвушки.

— Батюшка, вы шутите?

— Какія шутки! тутъ не до шутокъ: женихъ твой только съ полчаса отъ меня вышелъ.

— Мой женихъ?

Она разсмѣялась.

— Что ты притворяешься, или въ самомъ дѣлѣ не вѣришь? Я далъ за тебя слово (полковникъ сдѣлалъ удареніе на *слово*) Петру Александрычу Будто ты и не замѣтила, что онъ давно тебѣ строитъ куры? Охъ, ужь вы мнѣ скромницы!

Дѣвушка сомнительно посмотрѣла на отца и на мать.

— Что̀ же вы обѣ смотрите на меня, какъ на сумасшедшаго? Порастряхни ка, голубушка, изъ сундуковъ дочернее приданое. Въ солнечные-то дни его и провѣтрить бы не дурно... Ну, поди ко мнѣ, Олинька, поцалуй меня... Ты одержала по-

бѣду, и славную, чортъ возьми! А послѣ побѣды мы затѣемъ праздникъ — свадебку... Поди же ко мнѣ.

Она молчала.

Лицо полковника хмурилось; онъ заложилъ руки назадъ и билъ тактъ ногою.

— Подойди же къ папенькѣ, сказала полковница, качая головою: — поцалуй его... Я еще и сама образумиться не могу... Онъ сейчасъ пріѣзжалъ къ тебѣ, Михайло Андреичъ, съ предложеніемъ?

— Сейчасъ, сейчасъ, — говорятъ вамъ сейчасъ и я далъ слово, слышите ли? Лучше этой партіи желать ей нечего: онъ малый добрый, собой не дуренъ, съ большимъ состояніемъ, любитъ ее, — да это кладъ для насъ; ты знаешь, Дарья Николаевна, какіе у насъ нынче доходы-то: — пять, шесть, семь тысячъ, да и обчелся; попробуй-ка прожить съ этимъ въ столицѣ.

— Правда твоя, правда... Полковница вздохнула.

— Конечно, я желалъ бы ей мужа военнаго, кавалериста, но гдѣ теперь взять военныхъ? Что̀ такое нынѣшіе военные? „Жомини да Жомини, а объ водкѣ ни полслова.“ Полковникъ махнулъ съ огорченіемъ рукой.

— Поздравляю тебя, другъ мой милый, Олинька, сказала полковница, подходя къ дочери съ распростертыми объятіями и со слезами на глазахъ.

Дѣвушка отшатнулась отъ нея.

— Что̀ это значитъ? закричалъ полковникъ.

— Что̀ это значитъ? повторилъ онъ.

Полковница пришла къ величайшее замѣшательство.

— Батюшка! сказала дѣвушка неровнымъ голосомъ: — вы напрасно давали за меня слово. Я не могу выйдти за него замужъ.

— Не можешь? Я *напрасно* давалъ слово?... Съ кѣмъ вы говорите, сударыня?.. Вы забыли, что передъ вами стоитъ отецъ. Знайте, что слово мое — слово стараго кавалериста. Мы никогда не измѣняемъ ему. Капризъ дѣвочки не заставитъ меня сдѣлаться безчестнымъ человѣкомъ на старости лѣтъ.

Испуганная полковница дѣлала какіе то знаки дочери, но она не замѣчала ихъ и повторила твердо и рѣшительно: — Я не могу выйдти за него замужъ.

— А почему бы это такъ?

— Потому что я не люблю его и не могу любить.

— Вы еще сами, сударыня, не знаете, кого вамъ надо любить и кого не надо: объ этомъ вы лучше бы спросили отца и мать: они поопытнѣе васъ, и подальновиднѣе, и людей могутъ оцѣнять повѣрнѣе...

Полковникъ сердито повертывалъ кисти своей венгерки.

— Ужь не пришелъ ли вамъ въ голову опять этотъ щелкопёръ, который было повадился ходить къ намъ въ Москвѣ съ книжками подъ мышкой?

Болѣзненное движеніе показалось на лицѣ дѣвушки.

— Вы, кажется, забываете, что вы дочь заслуженнаго отца, дочь стараго полковника, стараго кавалериста, коренного русскаго дворянина, что вамъ неприлично и стыдно амуриться съ семинаристами... что...

— Батюшка! произнесла она умоляющимъ голосомъ.

Полковникъ большими шагами сталъ измѣрять комнату.

— Вотъ тетушкино воспитаніе! спасибо покойницѣ, спасибо! есть чѣмъ помянуть...

Онъ потиралъ руки.

— Модная, умная, ученая женщина была, внушала покорность родителямъ!.. Что, по вашему, по нынѣшнему образованію, родители ничего не значатъ?

Полковникъ остановился передъ дочерью и ожидалъ отвѣта.

Она молчала.

— Завтра послѣ обѣда Петръ Александрычъ пріѣдетъ сюда. Онъ станетъ говорить съ тобой, ты должна ему объявить свое согласіе Слышишь ли? Всю дурь изъ головы выкинь, помолись Богу да подумай, онъ вразумитъ тебя... Слезъ, чтобъ я не видалъ: женскія слезы—вода...

Полковникъ повернулся на каблукахъ и вышелъ изъ комнаты, поправляя усы носовымъ платкомъ и ворча сквозь зубы:

— У меня цѣлый полкъ по струнке ходилъ, я съ цѣлымъ полкомъ справлялся, передо мною полслова никто не смѣлъ пикнуть, а теперь родная дочь... покорно прошу!..

Долго послѣ ухода полковника мать и дочь не могли выговорить ни слова...

Полковница сидѣла не шевелясь поддерживая рукою свой

подбородокъ; потомъ банты на чепцѣ ея пришли въ движеніе, и она обернулась къ дочери.

— Такъ онъ тебѣ не нравится, Олинька?

Дѣвушка не отвѣчала.

— Олинька?

Она подняла голову и тихо отвела отъ лица волосы.

— Не дурно ли тебѣ, другъ мой, Олинька? Ты совсѣмъ поблѣднѣла.

Глаза дѣвушки съ минуту были недвижимо устремлены на мать; вдругъ она залилась слезами и бросилась на грудь ея.

— Вѣдь онъ добрый, и хорошій человѣкъ, говорила мать, глотая слезы: — его всѣ хвалятъ... Ты привыкнешь къ нему.

Она покачала головой...

— А развѣ онъ вамъ нравится?

— Что жъ, мой другъ! въ немъ нѣтъ ничего дурного.

— Можетъ быть, но мнѣ такъ тяжело и непріятно, когда онъ и этотъ офицеръ съ очками бываютъ у насъ.

— Отчего же?

— Не знаю. Да какъ же онъ можетъ любить меня?.. Онъ меня не знаетъ...

— Какъ же не знаетъ, Олинька? Послѣднее время онъ очень часто бывалъ у насъ и все смотрѣлъ на тебя: это и я замѣтила... Полно! перестань плакать, мой другъ.

Полковница поцаловала ее въ лобъ и пошла къ полковнику.

— Нѣтъ, думала она: — я не могу ее утѣшить, а ей надобно утѣшеніе; такъ нельзя оставить ее.

Робко подошла она къ мужу.

Онъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ и задумчиво крутилъ усы.

— Что? образумилась ли она, Дарья Николавна?

— Плачетъ. Знаете ли, Михайло Андреичъ, я все думаю, не послать ли намъ за Филиппомъ Иванычемъ: онъ человѣкъ добродѣтельный. Пусть онъ подастъ ей совѣты и утѣшитъ ее.

— Это не мое дѣло, это ваше бабье дѣло: что хотите дѣлайте, только завтрашній день она должна объявить жениху согласіе. Я далъ слово, — а я старый кавалеристъ... Ну, да что толковать объ этомъ.. Я думалъ, что обрадую ее моею новостью. Я не зналъ, что она такая взбалмошная, избалованная. Скажи ей, чтобъ она помнила мое приказаніе!

Полковница написала къ Филиппу Иванычу записку, въ которой убѣдительно приглашала его пріѣхать къ нимъ.

Добродѣтельный человѣкъ тотчасъ послѣ обѣда явился.

— На васъ вся моя надежда, Филиппъ Иванычъ, начала полковница, встрѣчая его: — у насъ въ домѣ большое горе.

— Что такое? Помилуйте-съ, если я могу чѣмъ помочь, то сочту себя счастливымъ: это долгъ-съ христіанскій.

Полковница объяснила ему все и умоляла его принять участіе въ ихъ положеніи и уговорить дочь не противиться отцовской волѣ.

Филиппъ Иванычъ провелъ рукою по лицу.

— Это обстоятельство важное-съ. По вашему желанію-съ, я постараюсь, какъ умѣю-съ объяснить ей положеніе ея и подать ей совѣты-съ. Позвольте-съ мнѣ поблагодарить васъ за вашу довѣренность ко мнѣ.

— Къ кому же, Филиппъ Иванычъ, какъ не къ вамъ обращаться въ такомъ случаѣ!

— А гдѣ же Ольга Михайловна-съ?

— Пойдемте къ ней. Я предупредила ее о вашемъ посѣщеніи.

Добродѣтельный человѣкъ подсѣлъ къ дѣвушкѣ и цѣлый часъ безъ остановки говорилъ ей о покорности, о смиреніи, о томъ, какая награда ожидаетъ послушныхъ дѣтей въ будущемъ мірѣ и какое наказаніе готовится неповинующимся волѣ родительской, о томъ, что родители всегда желаютъ дѣтямъ своимъ счастія, что намъ дана воля для того, чтобъ мы обуздывали наши желанія и безпрекословно повиновались во всемъ старшимъ.

Когда онъ ушелъ, бѣдная дѣвушка упала на диванъ безъ памяти.

Полковникъ весь вечеръ не выходилъ изъ своего кабинета.

На другой день, она пришла къ отцу, объявила, что повинуется его волѣ, зашаталась и упала. Ее подняли, оттерли и посадили въ кресла. Полковникъ пожалъ ей руку и сказалъ:

— Полно, полно дурачиться, Олинька! Ничего; все обойдется; ты его полюбишь, я знаю. Мы съ женой останемся жить въ Петербургѣ, будемъ къ вамъ безпрестанно ѣздить.... Поцалуй меня; я человѣкъ военный, старый кавалеристъ, привыкъ къ дисциплинѣ, къ порядку, отъ того строгъ немножко.... что

дѣлать? ужь наша служба такая. Поѣзжай-ка съ матерью въ магазины, поразсѣйся немножко, да къ вечеру будь повеселѣе.

Вечеромъ пріѣхалъ онагръ. Онъ былъ наряднѣе, чѣмъ когда нибудь: въ новомъ галстухѣ, въ новой жилеткѣ, съ новой шляпой, весь пропитанный духами. Его оставили одного съ невѣстой. Нѣсколько запинаясь, объявилъ онъ ей о своихъ чувствахъ и ожидалъ ея рѣшенія.

Она отвѣчала, что не противится волѣ своего отца.

Онъ поцаловалъ ея ручку и хотѣлъ ей говорить еще что-то, но она встала со стула и вышла изъ комнаты.

Онагръ поправилъ свои волосы, посмотрѣлъ въ зеркало и, любуясь таліей своей невѣсты, послѣдовалъ за нею.

Госпожа Бобынина какимъ-то образомъ въ этотъ же вечеръ подробно, впрочемъ, съ небольшими прибавленіями и измѣненіями, узнала объ удачномъ сватовствѣ своего бывшаго обожателя и нарочно поѣхала сообщить это важное событіе госпожѣ Горбачевой; госпожа Горбачева на слѣдующее утро чѣмъ свѣтъ отправилась съ новостію къ вдовѣ Калпинской; госпожа Неврезова... и такъ далѣе.

Офицеръ съ серебреными эполетами прибѣжалъ къ онагру:

— Ты женишься, мон-шеръ?

— Женюсь.

— Что это тебѣ вздумалось?

— Да такъ, братецъ; признаться, надоѣла холостая жизнь.

— И прекрасно, мон-шеръ: а знаешь ли, этимъ ты мнѣ обязанъ: я тебя представилъ въ домъ: безъ меня, можетъ быть, ты и не женился бы. Поздравляю, мон-шеръ, поздравляю, очень радъ; возьми меня въ шафера: я люблю, когда женятся... Я и самъ хочу жениться.

ГЛАВА IX.

Заключеніе.

Онагръ, въ отвѣтъ на свое посланіе къ маменькѣ, получилъ отъ нея письмо слѣдующаго содержанія:

„Милый сердцу моему сынъ, неоцѣненное сокровище мое. Нѣтъ силъ для выраженія того, какъ сильно подѣйствовали на

меня послѣднія милыя строки твои ко мнѣ, гдѣ ты говоришь о своихъ чувствахъ и просишь моего благословенія на бракъ. Я заливалась слезами, читая твое письмо и цаловала его; выборъ, сдѣланный тобою, приноситъ тебѣ честь; благословляю тебя отъ всего моего сердца и желаю тебѣ счастія, коего ты вполнѣ достоинъ, какъ прекрасный сынъ, и я всю жизнь мою должна гордиться моимъ рожденіемъ. Милую невѣстку мою обнимаю заочно, прошу ея любви и цѣлую ее, моего ангела. Скажи ей, что я уже нѣсколько разъ видѣла ее во снѣ будто я сижу у васъ въ гостяхъ, а она, моя родная, наливаетъ кофе и подаетъ мнѣ чашку. Свекровь — имя страшное, но жена твоя, другъ мой, Петинька, говорю тебѣ заранѣе, будетъ для меня не невѣсткой, а родной дочерью, еще милѣе. Я, не зная ее, ужь люблю не менѣе тебя, — что же будетъ, когда я ее узнаю?.. Прошу тебя, сердце мое отрекомендовать меня ихъ превосходительствамъ ея папенькѣ и маменькѣ и попроси ихъ, чтобъ они приняли меня въ свое родственное расположеніе. Я все не очень здорова; къ свадьбѣ не ждите меня; съиграйте свадьбу безъ меня; увѣдомь только котораго числа она будетъ, въ этотъ день я стану молиться за васъ, мои голубчики. Мѣсяца черезъ полтора я надѣюсь лично обнять васъ, и тогда посмотрю на ваше счастіе.

„Управляющій, рекомендованный тебѣ Дмитріемъ Васильичемъ, еще не прибылъ въ твою деревню. Бога ради, не полагайся слишкомъ на Дмитрія Васильича: онъ себѣ на умѣ и можетъ воспользоваться твоею неопытностію. Не опрометчиво-ли поступилъ ты, отдавъ свой капиталъ въ его руки? а попусту убытчиться и нанимать управляющаго, также, по моему мнѣнію, тебѣ не слѣдовало: сосѣдъ мой, Семенъ Никифорычъ Колпаковъ, съ удовольствіемъ-бы взялся управлять твоимъ имѣніемъ и безъ всякаго возмездія: онъ извѣстенъ у насъ своимъ благородствомъ и примѣрною честностію; а этотъ еще каковъ будетъ. Подумай объ этомъ, дружочекъ, нельзя-ли это дѣло поправить? Вторично благословляю тебя, а милую мою Ольгу Михайловну обнимаю“.

Около половины мая, квартира онагра, нанятая имъ за пять тысячъ рублей въ годъ, была окончательно омеблирована Туромъ; дача пріискана; парадная карета съ гербами готова. Незадолго до свадьбы къ нему явился ростовщикъ Шнейдъ съ

различными предложеніями; ростовщикъ въ этотъ разъ кланялся и изгибался передъ Петромъ Александрычемъ, а Петръ Александрычъ очень холодно и гордо обращался съ нимъ; однако визитъ ростовщика не обошелся онагру даромъ: онъ купилъ у него двухтысячныя канделябры.

Наступилъ и день свадьбы...

Часу въ девятомъ вечера, на паперти одной изъ старинныхъ петербургскихъ церквей толпился народъ, и экипажъ за экипажемъ подъѣзжалъ къ церкви.

Женихъ, окруженный своими гостями, въ мундирѣ чиновника особыхъ порученій, въ шелковыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ блестящими пряжками и въ бѣломъ накрахмаленномъ галстукѣ, ожидалъ невѣсты. Возлѣ него величаво стоялъ посаженый отецъ, его директоръ, также въ мундирѣ, съ лентой черезъ плечо и со звѣздой, а позади директора Дмитрій Васильичъ Бобынинъ... Офицеръ съ золотыми эполетами и офицеръ съ серебреными эполетами, шафера онагра, бѣгали по церкви, наполненной любопытными и высматривали хорошенькихъ.

Церковь была въ полномъ освѣщеніи.

„Невѣста! невѣста!“ вдругъ раздался шопотъ и все пришло въ движеніе, всѣ головы заколебались...

Дорога отъ дверей къ алтарю очистилась... Появился бѣлокурый мальчикъ, кудрявый и румяный, съ образомъ... За нимъ она, а за нею разряженныя дѣвицы и дамы, и добродѣтельный человѣкъ съ огромнымъ ртомъ, въ мундирѣ, въ лентѣ и со звѣздою.

Ее поставили на атласъ, рядомъ съ женихомъ, и дали имъ въ руки вѣнчальныя свѣчи.

Когда церемонія кончилась, священникъ приказалъ поцаловаться молодымъ; затѣмъ они приложились къ образамъ. Начались поздравленія. Цвѣты и брильянты, румяна и бѣлила двинулись къ молодой: и Катерина Ивановна Бобынина, и Елена Сергѣевна Горбачева, и вдова Калпинская, и всѣ и всѣ... Наконецъ молодую повели къ каретѣ.

Молодой улыбался и перешептывался съ своими шаферами...

— Что это, какъ Ольга Михайловна блѣдна, мон-шеръ? говорилъ офицеръ съ серебреными эполетами при разъѣздѣ.

— Здорова ли она?

— Слава Богу, братецъ, отвѣчалъ молодой: — она у меня скоро поправится. Ничего! и румянецъ на щечкахъ заиграетъ...

Офицеры перемигнулись между собою и сказали почти въ одно слово: „счастливецъ, мон-шеръ, счастливецъ!“ и погрозили молодому, улыбаясь выразительно.

Гулъ каретъ замеръ въ отдаленіи.

Толпа разбрелась въ разныя стороны.

У церковной ограды стояли только двѣ женщины въ салопахъ—одна молодая, другая пожилая.

— Знаете ли, Матрена Петровна, вѣдь свадьба-то была скучная? сказала молодая.

— Ужъ не говори, Настенька. Признаюсь! нечего было и смотрѣть, возразила пожилая.—Сказали, что невѣста красавица, а она просто выглядитъ, какъ мертвецъ въ гробу.

— Замѣтили вы, Матрена Петровна, что она, садясь въ карету, оступилась?

— Да, да! скажите, пожалуйста! вѣдь это предурная примѣта, Настенька? я видѣла, что и свѣча-то ея гораздо короче жениховой.

— Прощайте, Матрена Петрова, заходите къ намъ.

— Прощай, Настя.

Онѣ поцѣловались...

Начиналъ накрапывать мелкій весенній дождикъ; распустившіеся листочки на деревьяхъ, окружавшихъ ограду, разливали въ тепломъ воздухѣ благоуханіе, и огненныя полосы, тянувшіяся по небу отъ запада, потухали.

АКТЕОНЪ

Actaeon Rhinoceros принадлежитъ къ насѣкомымъ жесткокрылымъ (coleoptera). Имѣетъ голову немного сплющенную и украшенную однозубчатымъ рогомъ съ раздвоеннымъ концомъ, а брюшко полное. Какъ и всѣ совершенныя насѣкомыя (insectum declaratum), онъ не имѣетъ красной крови въ своемъ тѣлѣ, замѣсто оной снабженъ бѣловатымъ сокомъ: вмѣсто же сердца длиннымъ, неровной величины проходомъ. Сей актеонъ, подобно прочимъ своей породы, приготовляетъ себѣ логовища для своего продолжительнаго засыпанія; любитъ водиться на скотопаствахъ, а особливо въ коровьемъ навозѣ. Какъ и всѣ насѣкомыя, онъ необычайно плодовитъ; отъ преслѣдованія своихъ непріятелей защищается смрадомъ, который въ случаѣ нужды отъ себя распространяетъ».

(Руководство къ Естественной Исторіи *Блуменбаха*, переведенное исторіи гражданской и географіи учителями *Петромъ Наумовымъ* и *Андреемъ Теряевымъ*).

ГЛАВА I.

Село *Долговка*, * * * ской губерніи, * * уѣзда выстроено на отлогой возвышенности по лѣвую сторону рѣчки Брысы, которая, красиво извиваясь, образуетъ своимъ прихотливымъ теченіемъ небольшіе островки. Эти островки, обсаженные густо разросшимися ивами, служатъ любимымъ пріютомъ для барскихъ гусей и утокъ, и потому почва ихъ обыкновенно покрыта въ лѣтнюю пору гусиными и утиными перьями. Напротивъ островковъ, саженяхъ въ двухъ-стахъ отъ берега Брысы, стоитъ своеобразной архитектуры деревянный двух-этажный барскій домъ, съ мезониномъ и съ огромнымъ подъѣздомъ, между полусгнившими ступеньками котораго уже прорывается мѣстами трава.

По обѣимъ сторонамъ дома образуютъ полукругъ одноэтажные флигеля, гдѣ помѣщаются: дворня, прачешныя, ткацкія, столярныя, и прочее. Среди широкаго и заросшаго травой двора, красуется деревянная раскрашенная статуя. Направо возвышается старинная пятиглавая церковь, въ родѣ Успенскаго собора; налѣво мелькаютъ крылья вѣтреной мельницы. За барскимъ домомъ большой, темный садъ, заросшій крапивою, огородъ съ капустою, прудъ съ тиною, развалившаяся оранжерея съ безплодными персиковыми деревьями, нѣсколько десятковъ яблонь и вишень, нѣсколько кустовъ малины, смородины и кружовника. Въ концѣ сада баня, необшитая тесомъ, ветхая и однимъ бокомъ прислонившаяся къ высокой рябинѣ; за садомъ различныя хозяйственныя заведенія, какъ-то: кладовыя, амбары и псарня—зданіе величественное, занимающее довольно большое пространство; а далѣе крестьянскія избы или покачнувшіяся на сторону или вросшія въ землю, почти всѣ крытыя соломой, почернѣвшей отъ дождей и дыма. При въѣздѣ въ село и при выѣздѣ изъ него торчатъ по два бревна, воткнутыя въ землю, съ перекладиной наверху, называющіяся воротами, которыя, впрочемъ, никогда не запираются, и плетень, замѣняющій заборъ, черезъ который впрочемъ, можетъ перелѣзть четырехлѣтній младенецъ. У этого плетня пестрые столбы съ дощечками, на которыхъ начертано: *Село Долговка * * * губерніи * * уѣзда. Помощника титулярнаго совѣтника Петра Александровича Разнатовскаго, душъ мужеска пола 810, дворовъ 102.*

Но всего лучше въ селѣ Долговкѣ то мѣсто, гдѣ Брыса за островками круто поворачиваетъ свое теченіе. У этого поворота устроена водяная мельница, и смиренная, тихая рѣчка, по которой въ жаркій лѣтній день въ иныхъ мѣстахъ проходятъ въ бродъ ребятишки и куры, широко и красиво разливается у мельницы. Противъ самой мельницы, на противуположномъ берегу, ростутъ, наклонясь другъ къ другу, дубъ и береза, соприкасаясь своими вершинами, а у корней ихъ лежитъ большой булыжникъ, какъ нарочно устроенная скамейка, покрытый мохомъ, точно бархатомъ. Хорошо въ удушливый іюньскій день разлечься на этомъ камнѣ въ тѣни дружныхъ деревьевъ, прислушиваясь къ ропоту воды и глядя на необозримыя поля, дышащія колосьями! Но всего замѣчательнѣе и удивительнѣе въ

Долговкѣ мостъ черезъ рѣчку Брысу, при въѣздѣ въ село. Онъ, кажется, едва держится на двухъ сваяхъ, такъ, что неопытный городской житель при всей отвагѣ не рѣшится пройти по немъ не перекрестясь,—а вотъ уже 10 лѣтъ какъ по этому мосту беззаботно проѣзжаютъ крестьяне съ возами, тяжело нагруженными сѣномъ или хлѣбомъ, и помѣщики въ своихъ колымагахъ, набитыхъ перинами и подушками.

Въ одно майское праздничное утро 183* года, въ селѣ Долговкѣ было необычайное движеніе. Всѣ обоего пола ревижскія души находились въ величайшемъ волненіи. На главной улицѣ села, которая отъ удивительнаго моста черезъ рѣку Брысу шла прямо до самаго выѣзда,—на этой улицѣ пошире и покрасивѣе другихъ (ибо здѣсь находилась двухъэтажная изба старосты съ подзорами, крытая досками), молодые парни стояли вооруженные метлами, а бабы въ кумачныхъ сарафанахъ групами сидѣли на завалинахъ избъ своихъ съ младенцами на рукахъ; мальчишки и дѣвчонки, подросточки, бѣгали съ крикомъ между поросятами и свиньями, или валялись въ мелькой пыли, которую парни сметали на сторону. Во внутренности избъ оставались однѣ еле-движущіяся старухи, или, лучше сказать только ихъ туловища, головы же ихъ, впрочемъ, болѣе походившія на грибные наросты у гнилыхъ заборовъ, чѣмъ на головы,—торчали изъ щелей, т. е. изъ оконъ. „Что? еще не видать кормильца-то?“ спрашивали онѣ у молодицъ. „Гдѣ-ста, еще рано!“ отвѣчали молодицы.

Но самое большое стеченіе народа было у моста. Тамъ стоялъ управитель села, Назаръ Яковличъ, чиновникъ 12 класса, выключенный за взятки изъ коронной службы и рекомендованный помѣщику села Долговки г. Бобынинымъ,—человѣкъ средняго роста, плотный, съ полнымъ лицомъ и съ сиповатымъ голосомъ.

— А что, Андрюха, говорилъ онъ, сомнительно посматривая на удивительный мостъ и обращаясь прямо къ старостѣ: — мостъ-то плоховатъ, братецъ; ну, какъ онъ провалится... а?...

Староста, въ красной рубахѣ, мужикъ здоровый и толстый, съ бѣлокурыми густыми волосами въ формѣ шапки, съ рыжеватою бородою, почесалъ въ затылкѣ и отвѣчалъ съ тою милою беззаботностію, которая такъ идетъ къ русскому человѣку:

— А пожалуй, что и провалится!

— То-то же провалится! продолжалъ управляющій:—осмотри-ка его хорошенько; долго-ли до бѣды, Андрюха!

Староста началъ внимательно осматривать мостъ.

— А что, батюшка, Назаръ Яковличъ, сказалъ онъ, кончивъ осмотръ и почесываясь:—развѣ-что перемѣнить эти двѣ доски... вишь онѣ больно ужъ подгнили, а мостъ нешто себѣ: еще здоровъ.

Когда доски были перемѣнены, управляющій оборотился къ толпѣ крестьянъ, окружавшей его.

— Слышите же вы!.. сора изъ избы не выносить! воскликнулъ онъ торжественно и поднявъ надъ головой сжатый кулакъ:—до барина никакихъ дрязговъ не доводить, не смѣть безпокоить его ни жалобами, ни просьбами, а не то я по-свойски развѣдаюсь съ вами...

— Зачѣмъ жаловаться, Назаръ Яковличъ? Что̀ прикажетъ твоя милость, то и будемъ дѣлать. На то ты поставленъ надъ нами набольшій, раздалось вдругъ нѣсколько голосовъ.

— То-то же! говорилъ управляющій:—а въ особенности ты, Еремка... Управляющій обратился къ мужику высокаго роста, очень дородному, съ густой черной бородой и съ растрепанными волосами.—Ты всегда всѣхъ мутишь.. учишь всему скверному... смотри, берегись у меня... тебѣ бы все въ кабакъ ходить, да на печи лежать.

— Было бы на что еще въ кабакъ-то ходить, проворчалъ Еремка.

Управляющій сдѣлалъ видъ, что не слышалъ этого ворчанія, и продолжалъ:

— Если баринъ, примѣрно, спроситъ васъ: «Ну, а довольны ли вы управляющимъ?» отвѣчать: „довольны, батюшка Петръ Алаксандрычъ, довольны, благодаримъ тебя, отецъ нашъ, за него.“ Слышите?

— Слушаемъ, Назаръ Яковличъ.

Крестьяне поклонились управляющему въ поясъ.

— Какъ—только покажется вдали пыль и какъ махальный дастъ знать о томъ, что ѣдетъ, вы сейчасъ и идите на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью. Андрюха, а кто у тебя махальные-то?

Управляющій обратился къ старостѣ.

— Кондрашка-Лысый, отвѣчалъ староста;—да еще Флегонка, Ермолаевъ сынъ.

— Ладно. Они, кажись, не зѣваки?

— Ужь сохрани Господи своего барина прозѣвать, батюшка, Назаръ Яковличъ.

Управляющій вынулъ изъ кармана серебряные часы, величиною съ добрую рѣпу, приложилъ ихъ сначала къ уху, потомъ посмотрѣлъ на нихъ.

— Э-ге! сорокъ минутъ девятаго. Надо быть, братцы, наготовѣ.

Въ эту минуту солнце, скрывавшееся за грядою легкихъ облаковъ, торжественно выглянуло, и блистательные лучи его весело заиграли на клеенчатомъ картузѣ управляющаго.

— Кажется, и солнышко-то, сказалъ онъ, значительно улыбаясь: — хочетъ вмѣстѣ съ нами радоваться и встрѣчать Петра Александрыча.

Управляющій отошелъ въ сторону отъ толпы крестьянъ и остановился на берегу немного лѣвѣе моста. Тамъ черпала воду въ ведро дѣвка лѣтъ восьмнадцати, толстая, дородная и румяная, въ новомъ сарафанѣ.

— Здравствуй, Настя, сказалъ ей управляющій. Глаза его подернулись масломъ и ротъ образовалъ гримасу.

Дѣвка, не приподнимаясь, обернулась къ нему и отвѣчала протяжно, „здорово, Назаръ Яковличъ!“ и потомъ равнодушно продолжала свое занятіе.

— Что-то больно давно тебя не видно, Настя?

Дородная дѣвка зачерпнула два полныя ведра воды, положила на плечо коромысло и, казалось, не чувствуя ни малѣйшей тяжести, поднялась на берегъ.

— Право что-то тебя не видно, Настя? продолжалъ управляющій, подходя къ ней:—а? Онъ лукаво улыбнулся.

— Коли не видно, отвѣчала Настя:—а на гумнѣ-то?

— Да, въ-самомъ-дѣлѣ! А я вотъ какъ только удосужусь послѣ пріѣзда Петра Александрыча, сейчасъ же съѣзжу въ городъ, куплю тебѣ подвѣски...

Управляющій хотѣлъ еще продолжать разговоръ съ Настей, но сзади его кто-то произнесъ голосомъ стентора:

— Наше почтеніе Назару Яковличу.

Передъ Назаромъ Яковличемъ предсталъ человѣкъ лѣтъ 55,

роста исполинскаго, въ длинномъ сюртукѣ травяного цвѣта изъ деревенскаго сукна и въ широкихъ лазурнаго цвѣта кумачныхъ панталонахъ, съ лицомъ небритымъ и съ грязными руками.

— А, Наумычъ, какъ, братъ, поживаешь? спросилъ управляющій.

— Какое наше житье! Какъ вы, сударь, можете?... Что дѣтки ваши? супруга?... Антонъ искоса посмотрѣлъ на удалявшуюся Настю.

— Хоть бы вы, Назаръ Яковличъ, продолжалъ Антонъ:— мѣсячины намъ прибавили.. Вѣдь тридцать лѣтъ, сударь, служу! что, право! Сами знаете, батюшка, у меня этакая обуза дѣтей, всѣ ѣсть требуютъ, что съ ними будешь дѣлать?

Управляющій нѣсколько нахмурился.

— Грѣхъ сказать, Наумычъ; у тебя мѣсячина хорошая; зачѣмъ напрасно Бога гнѣвить? Живешь ты спокойно, какъ у Христа за пазухой; дѣла никакого нѣтъ.

— Да какая это мѣсячина? возразилъ Антонъ, наморщивая лобъ:—при покойникѣ я какія можно сказать должности ни произошелъ: и буфетчика, и камардена... ну, разумѣется, перепадала копѣйка, а теперь откуда возьмешь? По міру идти не приходится. Хоть бы вы дѣткамъ синяго суконца на платье пожаловали; совсѣмъ, ей-Богу, обносились.

— Хорошо, хорошо, Наумычъ.

— Ну, и за то дай Богъ вамъ здоровья! Антонъ вынулъ изъ кармана тавлинку и понюхалъ приговаривая:

— И табачишка-то иной разъ не на что купить.... А сколько я на свой вѣкъ барскаго-то добра сохранилъ. Вотъ, хоть бы по воскресеньямъ: у насъ обѣдали и исправникъ, и засѣдатель, и всѣ эти, знаете, изъ города. Шампанское всегда изъ Москвы выписывали; бывало, кричитъ: „Антонъ, шампанскаго!“ а у меня всегда на готовѣ двѣ бутылки—кто получше, ну тому шампанскаго, а остальные, думаю себѣ, и цимлянскимъ довольствуются, да еще губы оближутъ; не по коню кормъ, сударь. То, думаю себѣ, для хорошихъ господъ.

Управляющій засмѣялся.

— Оно, конечно, продолжалъ Антонъ:—молодые господа— это совсѣмъ не то; а мнѣ старику что за дѣло! Я тридцать ихнему дяденькѣ служилъ. Да вонъ, анамеднясь, засѣдателя въ городѣ встрѣчаю. „А!“ говоритъ: „Антонъ Наумычъ, старый

знакомый, здравствуй!“ — Здравствуйте, Ѳедоръ Иванычъ.— „Что, братъ“ говоритъ: „худо безъ стараго барина?“—Гм! разумѣется, не то, что бывало, что толковать! Оно, конечно, еще по милости Назара Яковлича живемъ-таки; что-то будетъ, какъ новый баринъ пріѣдетъ. „Жаль“ говоритъ: „старичка, жаль!“... Не прикажете ли, батюшка Назаръ Яковличъ, табачку?

Управляющій взялъ щепотку табаку и потрепалъ Антона по спинѣ.

— Старые слуги, Наумычъ, ей-Богу, лучше новыхъ,—это мое правило. Я объ тебѣ поговорю Петру Александрычу, непремѣнно поговорю.

— Дай вамъ Богъ здоровья, Назаръ Яковличъ... Мы всѣ довольны вами, а на мужичье-то нечего смотрѣть. Извѣстное дѣло—козлиныя бороды, лѣнтяи... Вотъ правда, изъ нихъ Максимъ, Настинъ отецъ, мужикъ добрый, нечего сказать, и работящій... Не забудьте же, батюшка, суконца-то дѣткамъ на платьишко...

Рѣчь Антона была прервана крикомъ оторопѣвшаго старосты:

— Его милость ѣдетъ, ѣдетъ!... Махальный далъ знакъ.... Всѣ пришли въ движеніе. Крестьяне и крестьянки перешли за мостъ и остановились. Лица добрыхъ крестьянъ и крестьянокъ обыкновенно вытянулись отъ любопытства и нетерпѣнія; большая часть ртовъ раскрылась, всѣ глаза устремились на дорогу—однако по дорогѣ еще ничего не было видно. Узенькая дорога, извиваясь между засѣянными полями, исчезала за оврагомъ, потомъ снова виднѣлась на горѣ, и наконецъ совсѣмъ пропадала за мелкимъ лѣсомъ, который окаймлялъ горизонтъ. Управляющій бѣгалъ изъ стороны въ сторону, подергивая свой жилетъ. Его щеки замѣтно поблѣднѣли; съ поднятымъ вверхъ кулакомъ, онъ нѣсколько разъ обращался къ крестьянамъ, повторяя: — смотрите же вы у меня! — Антонъ проворчалъ:— пойду-ка, обрадую барыню,—и направилъ свои исполинскіе шаги къ барскому дому. Вѣсть о томъ, что „его милость ѣдетъ“, распространилась въ одно мгновеніе по всей деревнѣ, и въ то время, какъ Антонъ входилъ на крыльцо барскаго дома, пономарь бѣжалъ уже изо всѣхъ силъ къ колокольнѣ. Безконечныя фалды сюртука пономарскаго, развѣваемаго вѣтромъ, уподоб-

лялись крыльямъ летучей мыши, и длинная, заплетенная коса, выпущенная попомаремъ сверхъ сюртука, болтаясь, ударяла его по спинѣ.

Антонъ произвелъ величайшее волненіе въ барскомъ домѣ. Въ этомъ домѣ съ нѣкотораго времени поселилась мать помѣщика — Прасковья Павловна, переѣхавшая изъ своей деревни, чтобъ собственными руками приготовить все нужное къ пріѣзду сына, нѣжно любимаго ею. Злые языки *** губерніи утверждали, однако, будто она переѣхала въ сыновнее имѣніе потому, что совершенно прожила свое собственное. Какъ бы то ни было, достовѣрно только, что въ продолженіе двухнедѣльнаго своего пребыванія въ селѣ Долговкѣ, Прасковья Павловна постоянно вмѣшивалась во всѣ хозяйственныя распоряженія по женской части, и совершенно поссорилась съ женою управляющаго Назара Яковлича. „Ей, бестіи“ замѣчала Прасковья Павловна: „хорошо чужимъ добромъ распоряжаться, ей что̀ беречь чужое добро! Вишь, какъ ее раздуло, на чужомъ-то хлѣбѣ, — а онъ мой сынъ; мнѣ его копѣйка такъ же дорога, какъ своя собственная, еще дороже!“ Вскорѣ послѣ пріѣзда Прасковьи Павловны произошелъ еще совершенный разрывъ между попадьей и дьяконицей, но это не относится къ моему разсказу. Дѣло въ томъ, что Прасковья Павловна, услышавъ отъ Антона радостную вѣсть о приближеніи своего сына, котораго она не видала лѣтъ восемь, едва не упала въ обморокъ. Она начала порываться къ дверямъ и всхлипывать, приговаривая: „голубчикъ мой, ангелъ мой! наконецъ дождалась я этой минуты... Благодарю моего Бога!“.. Волненіе Прасковьи Павловны было такъ велико, что находившаяся при ней, съ незапамятнаго времени, дѣвушка-сирота, лѣтъ тридцати-шести, *дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей*, въ испугѣ бросилась къ Антону, и закричала:

— Ахъ, какой ты неосторожный, Антонъ! тебѣ слѣдовало прежде меня предувѣдомить, а то вдругъ, какъ можно?.. Ну ка-бы что случилось.

— А чему случиться-то? возразилъ Антонъ съ неудовольствіемъ, отходя въ сторону.—Не знаю я, что ли, какъ съ господами говорить? Я при покойникѣ-то тридцать лѣтъ прослужилъ, слава Богу; вишь учить... вздумала... случится!..

— Анеточка! сказала Прасковья Павловна обращаясь къ

дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей:—пойдемъ, душенька, къ нему, къ голубчику моему на встрѣчу.. Нѣтъ ужь я не могу здѣсь дожидаться, какъ хочешь—не могу.

Прасковья Павловна тяжело дышала и безпрестанно подносила платокъ къ глазамъ... Милый другъ мой, Петинька! Милый другъ мой! восклицала она отъ времени до времени, въ порывѣ матетеринскаго восторга.

Подай мнѣ, Анеточка, мой платокъ, желтый турецкій.. Такъ вотъ. не повѣришь, даже колѣни дрожатъ.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей принесла желтый платокъ.

Прасковья Павловна подошла къ зеркалу, и не смотря на свое внутреннее волненіе, стала поправлять передъ зеркаломъ свой чепчикъ и надѣвать платокъ. Прасковьѣ Павловнѣ казалось лѣтъ подъ пятьдесятъ; она была очень дородна, имѣла ростъ средній, выщипывала слишкомъ густые брови, подкрашивала сѣдые волосы и, вообще, кажется, желала еще нравиться.

Она вышла на крыльцо, сопровождаемая дочерью бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Тамъ толпилась уже вся многочисленная дворня: псари, столяры, ткачи и проч., съ женами и дѣтьми. Антонъ переходилъ отъ одного къ другому, отъ одной къ другой и, нахмуривъ брови, разсказывалъ имъ о чемъ-то съ важностью, усиливая свои разсказы выразительными жестами. У самаго крыльца стояло человѣкъ до десяти исполиновъ, еще десять Антоновъ, которые, однако, назывались не Антонами, а Фильками, Ѳомками, Васьками, Ѳедьками, Яшками и Дормидошками. Всѣ они. впрочемъ, имѣли одно общее названіе *малый*. Эти „малые“ были небриты и облечены въ сюртуки до пятъ. Съ перваго взгляда. ихъ невозможно было отличить другъ отъ-друга; но глазъ зоркій и наблюдательный, по заплатамъ, оборваннымъ локтямъ и пятнамъ на сюртукахъ ихъ, вѣроятно, успѣлъ бы подмѣтить, чѣмъ Филька разнился отъ Васьки. а Васька отъ Ѳедьки, и такъ далѣе.

Прасковья Павловна на послѣдней ступенькѣ крыльца была на минуту остановлена высокой и худощавой старухой, одѣтой нѣсколько поопрятнѣе и получше другихъ дворовыхъ женщинъ. На этой старухѣ было надѣто ситцевое платье полурусскаго, полунѣмецкаго покроя, до половины закрытое тѣло-

грѣйкою; голова ея тщательно была повязана шелковымъ платьомъ, съ бантикомъ на темени, а изъ-подъ платка торчали сѣдые волосы. Она бросилась къ Прасковьѣ Павловнѣ съ криками:

— Матушка, сударыня... Сподобилъ таки меня Госьподь окаянную, дожить до такой радости!... Говорятъ, соколъ-то мой ясный, красное-то мое солнышко, ужь близехонько отъ насъ!

Голова старухи тряслась и слезы катились ручьемъ по ея морщинистымъ щекамъ.

— Да, Ильинишна, отвѣчала Прасковья Павловна, поднося платокъ къ глазамъ:—ахъ, батюшки мои! не знаю, что со мной будетъ отъ радости... Не перенесу этого, не перенесу!.. Пойдемъ къ нему на встрѣчу, няня.

Но няня не слыхала словъ своей барыни: она была уже далеко. Мысль о свиданіи съ тѣмъ, кого она выростила и кого столько лѣтъ не видала, придала ей силу и бодрость изумительную. Семидесятилѣтняя старуха бѣжала съ скоростью пятнадцатилѣтней дѣвочки, къ знаменитому мосту, у котораго мы оставили управляющаго и крестьянъ съ хлѣбомъ солью.

Прасковья Павловна, съ дочерью бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, послѣдовала за нею, а за ними двинулась вся дворня.

— Вотъ увидишь, Анеточка, говорила дорогою Прасковья Павловна дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей:—вотъ теперь сама увидишь, душа моя, каковъ мой Петинка: онъ совершенный бельомъ; брови, знаешь, этакъ дугой, немного похожи на мои: глаза голубые, бирюзоваго цвѣта,—не знаю, можетъ быть теперь перемѣнились,—вѣдь ты знаешь, душечька, какъ непрочны голубые глаза, сейчасъ посѣрѣютъ. А ужь какъ любитъ меня!... И на воспитаніе, можно сказать, я ничего не жалѣла для него... Какихъ учителей у него ни было! По-французски такъ и рѣжетъ; ужь на что бывало, французъ у насъ въ домѣ и тотъ заслушается его, какъ онъ бывало заговоритъ по французски, ей-Богу...

— А я горю нетерпѣніемъ познакомиться съ Ольгой Михайловной, замѣтила дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, жеманно поправляя платочекъ, накинутый на ея головѣ: — натурально, у нея должно быть все особенное: столичная жизнь не то, что наша деревенская...

— О, что касается до моей Оленьки, съ жаромъ перебила Прасковья Павловна: — мнѣ писали объ ней изъ Петербурга, что она ужь такая модница... такая... и красавица: черная бровь и римскій носъ. Самая, говорятъ, бонтонная дама... Это очень натурально: генеральская дочь. Кому же и быть на виду, какъ не генеральской дочери?

При этихъ словахъ на лицѣ дочери бѣдныхъ, но благородныхъ, родителей обнаружилось судорожное движеніе, и она начала кусать нижнюю губу.

— Ахъ, милая Анеточка, ты не испытала еще материнскаго чувства, продолжала Прасковья Павловна: — и не можешь представить себѣ, дружочекъ, вполнѣ моего положенія...

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, поблѣднѣла. Она никогда не могла равнодушно слушать о *материнскихъ чувствахъ* и перемѣнила разговоръ.

Между тѣмъ, онѣ подошли къ мосту. Управляющій, увидѣвъ Прасковью Павловну, подбѣжалъ къ ней. Онъ началъ изгибаться передъ нею, кланяться, разсказывать о своихъ распоряженіяхъ.

Но Прасковья Павловна равнодушно слушала его, изрѣдка кивая головою и принужденно улыбаясь. Вдругъ рѣчь словоохотливаго управляющаго прервалась. Онъ запкнулся на полсловѣ...

— Пыль! пыль! кричала няня: — видите ли пыль?.. Это онъ, родимый мой, онъ!

Старуха стояла за мостомъ впереди всѣхъ, и не сводила глазъ съ дороги. Ея сгорбленный станъ выпрямился. Ея сѣдые волосы, торчавшіе изъ-подъ платка, развѣвалъ вѣтеръ; руки ея были протянуты къ лѣску, изъ-за котораго въ самомъ дѣлѣ подымался столбъ пыли, и глаза ея, всегда мутные и неподвижные, засверкали въ эту минуту.

— Онъ! онъ! повторила Прасковья Павловна, побѣжавъ на мостъ и таща за собою дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Они! они-съ! кричалъ управляющій, слѣдуя за Прасковьей Павловной.

Большая дорожная четырехмѣстная карета, запряженная шестернею, выѣхала въ эту минуту изъ-за лѣска и начала осторожно спускаться въ оврагъ.

— Эй, вы, голубчики, пошевеливайтесь! кричалъ сѣдобородый кучеръ, махая кнутомъ, когда лошади стали подниматься изъ оврага.

— Вытягивай, вытягивай постромки-то!

Карета выѣхала на ровное мѣсто, и въ эту самую минуту раздался благовѣстъ, призывавшій прихожанъ церкви села Долговки къ обѣднѣ. Кучеръ снялъ шляпу и перекрестился. Изъ окна кареты выглянуло круглое лицо мужчины. Этотъ мужчина закричалъ кучеру:

— Стой, стой!..

Карета остановилась.

Лакей, съ сережкой въ ухѣ, сидѣвшій съ ямщикомъ на козлахъ, съ столичною ловкостью подбѣжалъ къ дверцамъ и схватился было за ручку, какъ вдругъ могучая рука Антона невѣжливо оттолкнула его и отворила дверцы.

Лакей съ сережкой въ ухѣ презрительно улыбнулся, посмотрѣлъ на Антона, а Антонъ, нахмуривъ брови, измѣрилъ его съ ногъ до головы и проворчалъ себѣ подъ носъ:

— Намъ-ста не въ диковинку, братъ, этакіе. Видали всякихъ!

Изъ кареты выскочилъ человѣкъ лѣтъ двадцатидевяти, полный, бѣлокурый, въ камлотовомъ пальто, съ черепаховымъ лорнетомъ на шнуркѣ, и въ дорожной фуражкѣ, съ длинною шелковою кистью.

Едва онъ успѣлъ коснуться одною ногою земли, какъ уже почувствовалъ себя въ горячихъ материнскихъ объятіяхъ. Прасковья Павловна прижимала его къ груди, стонала, охала и кричала раздирающимъ душу голосомъ:

— Петинька... Петинька... голубчикъ мой... Ты ли это, другъ мой милый?.. Не во снѣ ли я? Узнаешь ли ты меня, батюшка мой?.. Дай посмотрѣть на себя...

Петръ Александрычъ, — тотъ самый, который былъ извѣстенъ читателю подъ именемъ онагра, задыхаясь отъ поцалуевъ и ласкъ, не могъ ни говорить, ни шевелиться. Такъ прошло минутъ пять. Наконецъ онъ освободился отъ объятій, перевелъ дыханіе, отряхнулся, прокашлянулъ и сказалъ:

— Позвольте мнѣ, маменька, представить вамъ жену мою.

Онъ оборотился назадъ и указалъ рукой на даму, лѣтъ

двадцати-четырехъ, высокую и стройную, одѣтую просто, по дорожному.

Лицо ея было блѣдно, большіе черные глаза выражали утомленіе (очень натуральное послѣ двухнедѣльной ѣзды), густые волосы, нѣкогда разсыпавшіеся локонами до плечъ (и обратившіе на себя вниманіе офицера съ серебряными эполетами на балѣ госпожи Горбачевой), были зачесаны гладко.

Прасковья Павловна окинула свою невѣстку взглядомъ быстрымъ, проницательнымъ, — и ринулась на не нее съ крикомъ:

— Ангелъ мой!.. сокровище мое!.. Ольга Михайловна!.. Другъ ты мой!.. Прошу полюбить меня... А я за васъ молилась всякій день, ангелъ мой, ночи не спала, все думала, когда-то увижу моихъ родныхъ дѣточекъ... Дай обнять себя, сердце мое!.. Дай посмотрѣть на себя... Здоровы ли ваша маменька, папенька, мой дружочикъ?

Прасковья Павловна, не выпуская ее изъ объятій, отодвинула свою голову немного назадъ и посмотрѣла на невѣстку съ выраженіемъ безконечнаго умиленія.

— Красавица! просто красавица! Ну, ни дать. ни взять, какъ я видѣла васъ, мое сердце, во снѣ. Я и Петинькѣ объ этомъ писала: брюнетка, глаза на выкатѣ, двѣ капли воды... Поцалуйте меня, другъ мой, милая дочь моя...

Та, къ которой относились эти восторженныя рѣчи и восклицанія, стояла нѣсколько секундъ съ потупленными глазами, — и едва замѣтный румянецъ показался на щекахъ ея: потомъ она наклонилась, чтобъ поцаловать руку свекрови.

— Что это вы мой ангелъ! закричала Прасковья Павловна: — какъ это можно! Стою ли я того, чтобы вы цаловали мою руку?... Лучше поцалуйте меня, моя родная... Вотъ это другое дѣло. Ну, не ошиблась я въ петинькиномъ вкусѣ! Ужь я въ немъ была увѣрена заранѣе... Такой выборъ дѣлаетъ ему честь, а я, можно сказать, должна гордиться, что имѣю такую невѣстку... Батюшка!.. вотъ онъ, а я и не вижу его!.. Прасковья Павловна отъ невѣстки бросилась къ внучку.

Пожилая женщина въ чепцѣ держала на рукахъ дитя, которому казалось лѣтъ около двухъ.

Прасковья Павловна начала цаловать внучка, а внучекъ началъ ревѣть.

— Не плачь, Сашенька, приговаривала Прасковья Павловна: — не плачь, херувимъ мой... Съ тобой говоритъ бабушка.. Слышишь, другъ мой, бабушка... Скажи: ба-ба! ба-ба!.. Вылитый отецъ, ей-Богу!,. И глаза совершенно его, и ротъ... Вотъ и пересталъ плакать... умница!.. Онъ будетъ любить бабушку... Вѣдь даромъ, что младенецъ, а понимаетъ, что я ему не чужая; и въ этакихъ крошкахъ есть чувство...

— Скажите же, Александръ Петровичъ: *баба*, замѣтила нянюшка: — онъ у насъ говоритъ, сударыня, мама, и папа, и баба...

— Ахъ, мой милый Сашурочка!.. Счастливый день для твоей бабушки, подлинно счастливый... А я для тебя, ангелъ мой, гостинцу приготовила... Бабушка объ тебѣ, и не зная тебя, заботилась... варенье ли варю или что этакое, все думаю: это моему Сашенькѣ...

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, остававшаяся впродолженіе этихъ родственныхъ сценъ, на второмъ планѣ, начинала уже явно тяготиться неловкостію своего положенія. Она искоса посматривала на столичную даму и никакъ не рѣшалась поступить противъ этикета, чтобъ заговорить съ ней, не будучи сначала ей представлена. Для этого она рѣшилась деликатно напомнить о себѣ Прасковьѣ Павловнѣ. Она подошла къ ея внучку и сказала съ пріятнымъ выраженіемъ, закативъ нѣсколько глаза подъ лобъ:

— Ахъ, какой прелестный ребенокъ!

— Анеточка, ты здѣсь мой другъ? возразила Прасковья Павловна.—Боже мой, я тебя до сихъ поръ не представила моимъ дѣткамъ... Ольга Михайловна, другъ мой, – Петинька, позвольте мнѣ отрекомендовать вамъ эту дѣвицу... Она у меня взята вмѣсто дочери... Я дала ея родителямъ слово на смертномъ одрѣ не оставлять ее. Она круглая сирота, думаю себѣ, исполню священный долгъ, можетъ быть, за это меня Богъ и не оставитъ... Полюбите ее, родная моя; я увѣрена, что вы съ ней сойдетесь... Она у меня такая охотница до книгъ... все читаетъ... у сосѣда нашего всю библіотеку прочла... романы страсть ея... вотъ вы вмѣстѣ читать будете, гулять, — и подружитесь.

Между тѣмъ, какъ Прасковья Павловна занималась невѣсткою, внучкомъ и дочерью бѣдныхъ, но благородныхъ родите-

лей, къ Петру Александрычу подошла старушка-няня, все время не спускавшая съ него глазъ и заливавшаяся слезами.

— Узнаешь ли меня, красное солнышко, батюшко мой? произнесла она дрожащимъ голосомъ, утирая кулакомъ слезы и кланяясь въ поясъ:—кормилецъ мой, узнаешь ли ты меня? Какъ ты перемѣнился, другъ мой сердечный, какой молодецъ сталъ!.. Дай мнѣ твою ручку....

Она схватила его руку и поцаловала ее, заливаясь слезами.

— А ты мало перемѣнилась, няня! все такая же. Право.

— Какъ не перемѣниться, кормилецъ?.. Совсѣмъ стара стала... И глухота-то одолѣла меня, почитай что ужь годъ,— съ Петрова дня, на правое ухо совсѣмъ не слышу,—и ноги-то ужь не такъ ходятъ.... Думала, что Господь и не сподобитъ меня увидѣть моего сокола яснаго. Боже мой, Боже мой!

Няня качала головой и вздыхала.

— Давно ли, кажется, я носила тебя на рукахъ? а вотъ ужь у тебя и у самого дѣтки. Бывало, я ѣмъ кислую капусту, а ты, голубчикъ мой, кричишь: няня, дай капусты!... ей-Богу. Ты ужь, я думаю, позабылъ объ этомъ? А вѣдь маленькій какой былъ охотникъ до капусты!... Кушаешь ли теперь ее, батюшка? Гдѣ, я чай! Теперь тебѣ не до того. Покажи же мнѣ, кормилецъ мой, барыню-то свою и сынка-то твоего.

— Изволь, изволь, няня... А что, скучно, я думаю, въ деревнѣ? спросилъ улыбаясь Петръ Александрычъ, обращаясь къ управляющему.

Управляющій, стоявшій все время въ почтительномъ отдаленіи отъ владѣльца, подбѣжалъ къ нему, снялъ картузъ, и отвѣчалъ:

— Это какъ кому-съ, Петръ Александрычъ. Я, признательно вамъ скажу, не замѣтилъ, какъ и время прошло въ постоянныхъ заботахъ и въ попеченіи о благоустройствѣ.

— Я вѣдь только на время пріѣхалъ сюда, замѣтилъ Петръ Александрычъ:—надоѣло немножко въ столицѣ, хотѣлъ, знаете, такъ, провѣтриться.... Эй, Гришка!

— Чего изволите-съ?

— Дай кучеру... какъ бишь его зовутъ... на водку цѣлковый, или пять рублей.

— Не извольте безпокоиться, сказалъ управляющій,—я сей-

часъ самъ пойду, отдамъ ему цѣлковый и скажу, чтобъ выпилъ за ваше здоровье.

Управляющій поклонился Петру Александрычу и побѣжалъ къ сѣдобородому кучеру. Петръ Александрычъ обратился къ нянѣ.

— Няня, пойдемъ же къ женѣ моей!

— Пойдемъ, батюшка, пойдемъ, красное мое солнышко.

— Ольга Михайловна, рекомендую мою няню.

Няня поклонилась въ поясъ.

— Дай, матушка, мнѣ ручку твою.

Ольга Михайловна вся вспыхнула, спрятала свою руку и поцаловала старуху.

— Вотъ, матушка, какого молодца выняньчила для тебя, говорила ей няня: —слава Богу, меня переросъ, красавецъ мой... Позволь мнѣ, сударыня, теперь твоего сынка поняньчить хоть немножко. Прости меня, деревенскую дуру, что я безпокою тебя.

— Ничего, изволь, няня, сказала Ольга Михайловна и, взявъ сына къ себѣ на руки, передала его старухѣ.

Старуха была внѣ себя отъ радости: она смѣялась и плакала и цаловала дитя, которое, увидѣвъ себя на рукахъ незнакомой женщины, вдругъ закричало изо всей мочи.

— Ничего, матушка, ничего, проговорила няня, качая дитя и приподнимая его: — не безпокойся; ужь я знаю, какъ съ дѣтьми обращаться: не первый, слава Богу, у меня на рукахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ дитя перестало кричать и осталось на рукахъ у торжествовавшей старухи.

— Пойдемте же теперь къ крестьянамъ, голубчики мои, сказала Прасковья Павловна, обращаясь къ сыну и невѣсткѣ: — они ожидаютъ васъ съ хлѣбомъ-солью; а тамъ, какъ водится, пройдемъ въ церковь возблагодарить Господа Бога за ваше счастливое путешествіе, да зайдемте, мои родные, на могилу дядюшки, поклониться ему: нечего сказать, есть чѣмъ помянуть: оставилъ вамъ состояніе богатѣйшее...

— Да, разумѣется, замѣтилъ Петръ Александрычъ: — эй, Гришка! пусть карета ѣдетъ; мы пойдемъ пѣшкомъ.

Петръ Александрычъ подошелъ къ толпѣ крестьянъ, ожидавшей его. За нимъ двинулись всѣ, исключая Филекъ, Ѳо-

мокъ. Дормидошекъ съ ихъ женами и дѣтьми, которые окружили карету своего барина и съ дикимъ любопытствомъ разсматривали прибывшихъ изъ столицы горничную и лакеевъ.

Петръ Александрычъ вставилъ въ глазъ лорнетъ и началъ осматривать крестьянъ своихъ.

Староста подошелъ къ Петру Александрычу съ хлѣбомъ и солью, низко кланяясь. А за нимъ также поклонились всѣ крестьяне.

— Эй, любезнѣйшій! закричалъ Петръ Александрычъ, управляющему — возьмите-ка у него хлѣбъ.

Староста отдалъ хлѣбъ управляющему и поклонился барину своему въ ноги.

— *Кель табло! Сэ тушанъ. Не спа ма-шеръ?* произнесъ Петръ Александровичъ.

За симъ господа, въ сопровожденіи крестьянъ и дворовыхъ людей, торжественно отправились къ церкви. Управляющій, съ открытой головой, шелъ рядомъ съ Петромъ Александрычемъ. Нѣсколько крестьянскихъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, съ растрепанными волосами льняного цвѣта, бѣжали передъ господами задомъ, выпучивъ на нихъ глаза, — и Антонъ, желавшій обратить на себя вниманіе своего новаго барина, и слѣдовавшій тотчасъ за нимъ, поймалъ двухъ или трехъ мальчишекъ за ухо, оттолкнулъ ихъ въ сторону и произнесъ, нахмуривъ брови:

— Прочь вы съ дороги, замарашки скверные! Господа изволятъ идти, а они тутъ подъ ногами шмыгаютъ.

Прасковья Павловна, шедшая возлѣ своей невѣстки, вдругъ посмотрѣла на нее съ выраженіемъ самой искренней нѣжности, протянула ей руку, и сказала.

— Такъ-то, мой ангелъ, Ольга Михайловна!

Потомъ, спустя минуты двѣ, опять обратилась къ ней.

— Знаете ли, душенька моя, что у меня въ умѣ вертится?.. Ужь вы на меня сердитесь или нѣтъ, какъ хотите, а я не могу. Я буду называть васъ, другъ мой, просто Олинькой, если вы позволите мнѣ; буду говорить вамъ *ты*, — воля твоя, не могу — вѣришь ли, къ кому у меня сердце лежитъ, такъ языкъ какъ-то не поворачивается сказать тому человѣку *вы*. У меня, родная моя, сердце открытое, — что на умѣ, то и на языкѣ, терпѣть

не могу скрытныхъ. Ужъ какъ ты хочешь, милая, а я тебя буду называть *ты*...

— Мнѣ очень пріятно... я васъ прошу объ этомъ, отвѣчала Ольга Михайловна.

— Спасибо, мой другъ, спасибо тебѣ, перебила Прасковья Павловна; — я буду умѣть цѣнить твое расположеніе, повѣрь мнѣ: я буду къ тебѣ какъ родная мать, а не какъ свекровь. У тебя чувства прекрасныя, это сейчасъ видно. Что у тебя будетъ на сердцѣ — горе или радость, прямо иди къ своей маменькѣ: я раздѣлю все съ тобой, мой другъ!.. Вотъ она мнѣ и чужая... Прасковья Павловна указала на дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей: — а она тебѣ скажетъ, умѣю ли я чувствовать... Я всю жизнь свою...

Прасковья Павловна вдругъ замолчала и перекрестилась, потому, что они подошли уже къ самой церковной паперти, гдѣ ожидалъ ихъ священникъ и дьяконъ.

Приложась къ кресту, господа отправились на ограду, къ могилѣ бывшаго владѣльца села Долговки.

На этой могилѣ возвышался памятникъ изъ дикаго камня съ мраморнымъ крестомъ наверху. Онъ былъ сооруженъ по рисунку, присланному Петромъ Александрычемъ изъ Петербурга. На двухъ мраморныхъ доскахъ его было вырѣзано золотыми буквами, — съ одной стороны:

Отъ признательнаго племянника — дядѣ. Здѣсь покоится тѣло раба Божія, отставнаго майора Виктора Яковлевича Требушова, родившагося въ 1779 году, февраля 8, скончавшагося внезапно отъ удара 1834 года ноября 9. Всего житія его было: 55 лѣтъ 8 мѣсяцевъ и 1 день.

Съ другой стороны:

„Отъ насъ сокрылся ты, увы! и такъ поспѣшно,
Оставивъ насъ страдать въ юдоли грустной сей.
Въ знакъ благодарности, племянникъ неутѣшный
Надъ прахомъ родственнымъ воздвигнулъ мавзолей!“

Петръ Александрычъ преклонилъ колѣно передъ этимъ памятникомъ, Прасковья Павловна положила передъ нимъ три земные поклона, и потомъ, прослезясь, облобызала мраморную доску съ надписью. Вслѣдъ за этимъ, она обернулась къ своему внучку и сказала:

— Сашурочка, душенька, вотъ здѣсь похороненъ твой дѣдушка. Онъ нашъ всеобщій благодѣтель, мы всѣмъ ему обязаны.

Внучекъ, въ отвѣтъ на эту бабушкину рѣчь, промычалъ что-то такое... Бабушка поцаловала внучка, приговаривая: „Сокровище мое милое, понятливое дитя", и повела новопріѣзжихъ въ церковь, а оттуда къ дому.

— Довольны ли вы своимъ наслѣдіемъ, мои милые? спрашивала Прасковья Павловна у дѣтей своихъ.

— Очень, отвѣчалъ Петръ Александрычъ, вставляя лорнетъ въ глазъ и озираясь кругомъ: — пріятное мѣстоположеніе.

— Ты, кажется, утомилась, другъ мой Олинька? Такая что-то блѣдная? Это очень натурально съ дороги.... Тебѣ бы виски потереть одеколончикомъ: это бы сейчасъ тебя освѣжило...

— Она всегда такая блѣдная, замѣтилъ Петръ Александрычъ: — впрочемъ блѣдность, маменька, въ модѣ

— Именно такъ, сказала Прасковья Павловна: — блѣдность придаетъ интересность. Признаться, я терпѣть не могу красныхъ щекъ... Ты совершенно, Олинька, въ моемъ вкусѣ.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей въ свою очередь сказала Ольгѣ Михайловнѣ нѣсколько очень ловкихъ комплиментовъ, и такимъ образомъ разговаривая, они подошли почти къ самому дому.

Петръ Александрычъ первый ступилъ на крыльцо.... На крыльцѣ ожидали его Дормидошки, Фильки, Ѳомки и проч. Они отвѣсили барину низкій поклонъ.

— Вотъ это твои дворовые, голубчикъ, закричала Прасковья Павловна, указывая на грязныхъ исполиновъ — прислуга у покойника была большая, онъ любилъ жить по барски.

Антонъ отворилъ Петру Александрычу дверь въ сѣни.

— А вотъ этотъ, Петинька, продолжала Прасковья Павловна, указывая на мрачнаго Антона: — былъ камердинеромъ при братцѣ.

— И буфетчикомъ, сударыня, возразилъ Антонъ: — и главный надсмотръ имѣлъ надо всѣмъ. Слава Богу, таки послужилъ, матушка!

Управляющій забѣжалъ впередъ.

— Не будетъ ли угодно чего приказать, Петръ Александрычъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, спасибо, покуда ничего.

— Ну вотъ, хозяюшка моя дорогая, сказала Прасковья Павловна, цалуя свою невѣстку:—поздравляю тебя; ты теперь у себя въ домѣ, а мы гости твои. Прошу насъ любить да жаловать.

— Милая Ольга Михайловна! произнесла дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, закатывая глаза подъ лобъ.

Ольга Михайловна только улыбнулась на эти привѣтствія.

— Сюда, сюда, Олинька!

Прасковья Павловна схватила ее за руку и ввела въ сѣни... За ними послѣдовала дочь бѣдныхъ родителей, обѣ няни и Гришка съ чемоданомъ на головѣ.

Антонъ проводилъ Гришку глазами и, обращаясь къ Дормидошкѣ, сказалъ:

— Вишь, молокососъ, а какое тончайшее сукно на сюртукѣ! Спроси-ка почемъ аршинъ этакого сукна! А мы вотъ и до сѣдыхъ волосъ дожили, служили не хуже его, а цѣлый вѣкъ проходили въ этой дерюгѣ.

Антонъ плюнулъ.

— Ахъ ты жисть проклятая!

ГЛАВА II.

Только что Петръ Александрычъ и жена его вошли въ первую комнату, Прасковья Павловна остановила ихъ, ушла, и минуты черезъ двѣ воротилась съ образомъ въ вызолоченной ризѣ

— Наклонитесь, друзья мои, сказала она сыну и невѣсткѣ:—дайте мнѣ благословить васъ. Вотъ такъ.... Этотъ образъ ты особенно долженъ уважать, другъ мой Петинька; онъ переходилъ у насъ изъ рода въ родъ, и кого ни благословляли имъ, всѣ жили необыкновенно счастливо, и покойница маменька, и я: только Богу не угодно было продлить къ моему счастію дней моего голубчика Александра Ермолаевича.

При семъ Прасковья Павловна заплакала.

— Какъ мнѣ ни тяжело было, а я перенесла это испытаніе. Чего, подумаешь, человѣкъ не въ состояніи перенести!... Желаю вамъ, милые, чтобъ вы всегда такъ же согласно жили,

какъ я жила съ моимъ голубчикомъ. Болѣе этого я ничего не умѣю пожелать вамъ.

Послѣ благословенія, подали кофе, и потомъ всѣ занялись разбираніемъ чемодановъ. Прасковья Павловна и дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, послѣдовали за Ольгой Михайловной въ ея комнату.

— Мнѣ хотѣлось бы, сказала дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, подходя къ Ольгѣ Михайловнѣ: — быть вамъ чѣмъ нибудь полезной; позвольте помочь вамъ разобрать ваши вещи....

Ей смертельно хотѣлось посмотрѣть гардеробъ столичной дамы.

Ольга Михайловна отвѣчала на это обязательное предложеніе наклоненіемъ головы и пожатіемъ руки....

Каждую ленточку, каждую манишку, каждый платокъ, каждое платье, вынимаемые изъ чемодановъ, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей пожирала жадными глазами. Она и Прасковья Павловна безпрестанно повторяли:

— Ахъ, какъ это мило! какъ это прелестно! ахъ съ какимъ это вкусомъ!

Время до обѣда пролетѣло незамѣтно. Въ два часа доложили, что кушанье подано.

Въ столовой вокругъ стола за каждымъ стуломъ стоялъ тяжелодышащій исполинъ; Антонъ былъ тутъ же. Не смотря на такое количество прислуги, кушанье подавалось медленно, потому что каждый изъ исполиновъ имѣлъ привычку, перемѣнивъ тарелку, удаляться съ нею прежде въ буфетъ и тамъ дослизывать барскіе остатки.

Петръ Александрычъ, садясь за столъ, посмотрѣлъ на часы.

— Еще только два часа, сказалъ онъ потягиваясь: — а мы въ Петербургѣ ранѣе шестого часу никогда не садились обѣдать.

— Наше дѣло деревенское, замѣтила Прасковья Павловна.

— А это, маменька, что за вино?

— Не могу тебѣ сказать, дружочикъ; это ужь не по моей части.

Петръ Александрычъ налилъ вино въ рюмку, поднялъ ее къ свѣту, отпилъ немного, поморщился и выплюнулъ.

— Что это за гадость! сладкое какое-то... Вѣдь у дядюшки, говорятъ, былъ славный погребъ, и послѣ него осталось много винъ.

— Это виссантъ-съ, отвѣчалъ Антонъ: — дядюшка всегда изволили его кушать въ будничные дни-съ, когда гостей не было.

Петръ Александрычъ захохоталъ.

Прасковья Павловна сдѣлала гримасу неудовольствія...

— Антонъ, у кого ключи отъ погреба?

— У кого-съ? Извѣстно, у кого, — у управляющаго. Погребъ припечатанъ его печатью.

— Бѣги же къ нему, да скорѣй, принеси сейчасъ ключи ко мнѣ, сказалъ Петръ Александрычъ.

Антонъ мигнулъ Филькѣ, и Филька побѣжалъ исполнить приказаніе барина.

— И хорошо сдѣлаешь, голубчикъ, если ключи отъ погреба припрячешь къ себѣ, произнесла умилительнымъ голосомъ Прасковья Павловна; — а то на этого управляющаго, — можетъ быть онъ человѣкъ и хорошій, я не знаю, — не слѣдуетъ кажется, совершенно полагаться...

Ключи были принесены. Петръ Александрычъ самъ досталъ бутылку лафита и велѣлъ согрѣть ее.

Послѣ пирожнаго, которое было десятымъ кушаньемъ, исключая супа, подали различныхъ сортовъ наливки.

Лицо Прасковьи Павловны просіяло.

— Вотъ это ужь по моей части, сказала она. — Ты, Петинька, вѣрно не пивалъ этакихъ наливокъ... Этимъ я могу похвастаться. Попробуй вишневки-то, милый мой... Что, какова?

— Чудесная!

— Лучше меня, могу сказать, никто въ цѣлой губерніи не дѣлаетъ вишневки; всѣ сосѣди это знаютъ, и Олиньку мою ужь я научу, какъ дѣлать наливки, непремѣнно научу. Хорошей хозяйкѣ все знать слѣдуетъ, а въ женщинѣ главное — хозяйство... Вотъ примѣрно жена вашего управляющаго, что въ ней? ничего не знаетъ, экономіи ни въ чемъ не соблюдаетъ... Ея бы, казалось, дѣло, присмотрѣть за бабами, все наблюсти, — ничего не бывало. Она сидитъ себѣ сложа ручки, да только умничаетъ... Въ эти двѣ недѣли я таки насмотрѣлась на нее: у меня все сердце переболѣло, глядя на ея хозяйство; конечно, мое дѣло сторона...

Прасковья Павловна обратилась къ своей невѣсткѣ.

— Вотъ, когда ты войдешь душенька, сама въ хозяйствен-

ную часть, увидишь, правду ли я говорю. Сосѣдка моя, Ѳекла Ниловна,—ты не знаешь. Петинька,—она, пріѣхала въ деревню, ничего не знала, а тамъ по маленечку начала приглядываться какъ и что: у меня, у другой спрашивала совѣты: никогда это не мѣшаетъ,—и теперь любо-дорого смотрѣть: у нея вся деревня по стрункѣ ходитъ, въ такомъ страхѣ всѣхъ держитъ Какія у нея полотны ткутъ, салфетки—настоящія камчатныя—прелесть...

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ.

Послѣ обѣда, всѣ отправились въ диванную; такъ называлась небольшая комната, уставленная кругомъ высокими и узкими диванами. Стѣны ея были украшены тремя большими картинами въ великолѣпныхъ рамахъ. Картины эти, писанныя масляными красками и отличавшіяся необыкновенною яркостію колорита, привлекали нѣкогда просвѣщенное любопытство многихъ помѣщиковъ, и слава творца ихъ Пантелея,—крѣпостного живописца помѣщика села Долговки,—прогремѣла по цѣлой губерніи. На двухъ картинахъ живописецъ изобразилъ своего барина, по его приказанію, въ разныхъ моментахъ его дѣятельности. На одной картинѣ, занимавшей почти всю стѣну, баринъ представленъ былъ величественно сидящимъ на конѣ, въ охотничьемъ платьѣ и картузѣ, спускающій со своры двухъ любимыхъ собакъ своихъ, *Зацѣпу и Занозу*, на матераго русака, только что выгнаннаго гончими изъ острова... На другой онъ являлся въ архалукѣ и съ нагайкою въ рукѣ, любующимся на одѣтаго по рыцарски шута, своего любимца, котораго конюхъ сажалъ на лошадь. Предметомъ третьей картины была жирная нифма, покоящаяся въ лѣсу, списанная съ дворовой дѣвки Палашки, и сатиръ, смотрящій на нее изъ за кустовъ.

Петръ Александрычъ занялся разсматриваніемъ этихъ картинъ въ ту минуту, какъ Прасковья Павловна разговаривала о чемъ-то съ своей невѣсткою. Послѣдняя картина въ особенности привлекла его вниманіе.

Нифма Палашка, по странной прихоти природы, какъ двѣ капли воды походила на горничную Прасковьи Павловны Агашку, которая въ эту минуту выглядывала изъ полуразтворенной двери на пріѣзжихъ господъ. Это сходство не ускользнуло отъ любознательнаго Петра Александрыча. Замѣтивъ Агашку, онъ улыбнулся про себя съ пріятностью.

Между тѣмъ Прасковья Павловна привѣтливо обратилась къ своей невѣсткѣ.

— А что, Оленька, сказала она,—я слышала, что ты удивительная музыкантша?

— Еще бы! воскликнулъ Петръ Александрычъ; —ее въ Петербургѣ ставили на ряду съ первыми піанистками. Не даромъ же я прислалъ сюда рояль... я за него заплатилъ тысячу восемьсотъ рублей. Къ тому же, она еще пѣвица; у нея премилый голосъ!

— Пріятно имѣть такіе таланты, моя душенька, очень пріятно. Ужь я воображаю, какъ ты блестѣла въ свѣтѣ и какъ мой Петинька, глядя на тебя, радовался. Вѣдь ты, я думаю, безпрестанно была на балахъ, дружочекъ?

— Нѣтъ, я выѣзжала мало, только къ самымъ близкимъ знакомымъ, отвѣчала Ольга Михайловна.

— Мало? Отъ чего же мало, мое сердце? Почему же молодой женщинѣ не выѣзжать?

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей улыбнулась и возразила:

— Вѣроятно, вы шутите?

— Совсѣмъ не шучу, сказала Ольга Михайловна улыбаясь:—отчего же это васъ такъ удивляетъ?

— Ахъ помилуйте, какъ же не выѣзжать на балы!

— Она у меня такая странная, замѣтилъ Петръ Александрычъ, потягиваясь на диванѣ:—я хотѣлъ ввести ее въ высшій кругъ, а она и слышать не хотѣла. Она наклонна къ меланхоліи,—это болѣзнь: я всѣмъ говорю, что ей надо лечиться. Я предлагалъ ей самыхъ первыхъ докторовъ, которымъ у насъ платятъ обыкновенно рублей по двадцати пяти, даже по пятидесяти за визитъ,—да она не хочетъ.

— Оличка, ангелъ мой! Правда ли это?

— Нѣтъ, вы не вѣрьте ему, онъ обыкновенно все преувеличиваетъ,—я совершенно здорова.

Въ эту минуту Петръ Александрычъ смотрѣлъ на дверь, откуда выглядывала Агашка.

— Деревенскій воздухъ поможетъ тебѣ, моя душенька. Не дурно бы тебѣ декохту попить...

— Выборничиха къ вамъ пришла пробасилъ вошедшій Антонъ.

— Къ кому „къ вамъ“? возразила Прасковья Павловна:— это, вѣрно, не ко мнѣ, а къ Олинькѣ.

— Ну, да, къ нимъ-съ.

— Зачѣмъ же ко мнѣ? спросила Ольга Михайловна.

— Вѣрно, она тебѣ, душенька, нашего деревенскаго гостинца принесла.

Прасковья Павловна не ошиблась; выборничиха стояла въ передней съ сотовымъ медомъ. Ольга Михайловна вышла къ ней.

— Матушка наша, кормилица! говорила выборничиха, кланяясь и подавая медъ:—прими, голубушка, медку-то моего, кушай его на здоровье.

Выборничиха поклонилась ей въ ноги.

— Не нужно, не нужно, не кланяйтесь въ ноги, я прошу насъ, замѣтила смущенная Ольга Михайловна.

— Не прогнѣвайся, матушка наша, отвѣчала выборничиха:—ужь у насъ такое заведеніе.

— Подожди меня немного, я сейчасъ приду, сказала Ольга Михайловна.

Она ушла и минуты черезъ двѣ воротилась.

— Спасибо тебѣ за твой медъ. Вотъ, возьми себѣ.

Ольга Михайловна вложила въ руку выборничихи пятирублевую ассигнацію.

Выборничиха остолбенѣла.

— Что это, кормилица? на что мнѣ это, матушка ты наша?

Выборничиха низко поклонилась. Но Ольги Михайловны уже не было въ комнатѣ. Антонъ, свидѣтель этой сцены, подошелъ къ выборничихѣ.

— А что, много-ли дала? спросилъ онъ у нея.

Выборничиха показала ему синюю ассигнацію. Антонъ нахмурился, взялъ ассигнацію, нѣсколько минутъ смотрѣлъ на нее разгорѣвшимися глазами, поднесъ къ свѣту и потомъ, возвращая ее выборничихѣ, проворчалъ недовольнымъ голосомъ:

— Пятирублевая! Вишь какая щедрая! По питерски, видно, денежками-то соритъ.

— Ахъ, Антонъ Наумычъ, замѣтила выборничиха, все еще не сводя глазъ съ ассигнаціи:—она что-то, родимый, и на барыню-то не похожа:—такая добрая!

Антонъ отошелъ отъ выборничихи, ворча:

— Нашла кому деньги дарить! Добро бы человѣку понимающему, а то дурѣ этакой. Она не разумѣетъ что и деньги-то. Вотъ и служи тутъ 30 лѣтъ..

Антонъ махнулъ рукой.

Ольга Михайловна возвратилась въ диванную въ то время, какъ Петръ Александрычъ описывалъ свое петербургское житье. Его описаніе, по видимому, производило сильное впечатлѣніе на Прасковью Павловну и на дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Меня всѣ знали въ Петербургѣ, говорилъ Петръ Александрычъ: — рѣшительно всѣ. Еслибъ я продолжалъ службу, я имѣлъ бы ужь большой чинъ. — Говорятъ, что я велъ большую игру.... Да какъ же было не вести большой игры? Это было необходимо для поддержанія связей.... Со всѣми этими господами нельзя же играть по 10 рублей робберъ. Дмитрій Васильичъ чѣмъ выигрывалъ въ свѣтѣ? — картами. И согласитесь, наконецъ, что же дѣлать безъ картъ? ну холостой, я танцовалъ; положимъ, это холостому прилично, а женатому неловко, да и что танцами возьмешь? И что за важность, что я немного проигрался? Для человѣка, у котораго такое состояніе, какъ у меня, это не бѣда. Вышелъ въ отставку, пожилъ въ деревнѣ, расплатилъ долги, накопилъ немножко — да и опять маршъ въ Петербургъ. Проиграть 180,000 — экая важность! я иногда въ вечеръ по 30,000 выигрывалъ — что такое? Заложишь имѣніе, а тамъ сдѣлаешь оборотъ — и опять пошелъ себѣ.... Можно увеличить оброкъ.... А что, маменька, каковы наши сосѣди? Чудаки, я думаю, пресмѣшные должны быть.

— Сосѣди у насъ очень хорошіе, прекрасные, нигдѣ не ударятъ себя лицомъ въ грязь. Вотъ, напримѣръ, Семенъ Никифорычъ Колпаковъ.... я ему еще выписала черезъ тебя жилетную матерію, помнишь?...

— Аа! — Гришка, сигару!

Гришка принесъ ящикъ съ сигарами. Прасковья Павловна осмотрѣла Гришку съ ногъ до головы и всплеснула руками.

— Неужто это твой Гришка? Экъ выросъ-то! молодецъ сталъ, право, молодецъ! А давно ли, кажется, бѣгалъ по двору такъ, мальчишка крошечный? Господи! время-то, подумаешь, какъ идетъ!

Гришка подошелъ къ Прасковьѣ Павловнѣ и поцаловалъ ей руку.

— Молодецъ! Тетку-то свою видѣлъ. Палагею?

— Какъ-же-съ.

— То-то же. Она тебя какъ сына родного любитъ... Нѣтъ, Петинька, на счетъ нашихъ сосѣдей — грѣхъ сказать. Семенъ Никифорычъ рѣдкій, отличныхъ свойствъ человѣкъ. Обращайтесь съ нимъ, мои милые, по ласковѣе, покажите ему свое вниманіе, я прошу тебя объ этомъ, Петинька, и тебя, другъ мой Олинька. У кого родится самъ-пятъ, самъ шостъ, а у него все самъ-семъ да самъ-восемь. Прошлый годъ какая у него гречиха была просто на диво цѣлому уѣзду. На немъ особое, можно сказать, Божіе благословеніе.

— А что, онъ играетъ въ карты, маменька?

— Играетъ; конечно, не по большой, душа моя, не по вашему, по петербургскому, а до картъ охотникъ; и въ вистъ, и въ бостонъ и въ преферансъ — во что угодно.

— И въ преферансъ? браво! Такъ здѣсь и въ преферансъ имѣютъ играть?

— Ужь ты насъ, провинціаловъ, голубчикъ, такъ ни во что и не ставишь?... Ну, вотъ еще у тебя самый ближайшій сосѣдъ, въ двухъ верстахъ отъ тебя, нашъ уѣздный предводитель, Боровиковъ Андрей Петровичъ, и съ большимъ состояніемъ человѣкъ, вдовецъ; отъ покойницы жены у него два сына остались. Онъ все, бывало, съ покойникомъ братцомъ на охоту ѣздилъ и въ бильярдъ игралъ.

— У Андрея Петровича, продолжала Прасковья Павловна: — есть меньшой братецъ, Илья Петровичъ, холостой. Онъ сдѣланъ опекуномъ надъ малолѣтними Свищовыми — пребогомольный, претихаго нрава, съ бѣльмомъ на правомъ глазу. Они, послѣ раздѣла, съ братомъ поссорились и не видятся другъ съ другомъ. Такъ, право, жалко. Еще человѣкъ безподобный исправникъ нашъ...

Прасковья Павловна долго описывала сосѣдей села Долговки, и затѣмъ всѣ отправились гулять въ садъ.

Петръ Александрычъ, привыкшій къ столичной чистотѣ и роскоши, былъ недоволенъ своимъ деревенскимъ запущеннымъ садомъ и повторялъ ежеминутно, что надобно вычистить дорожки и посыпать ихъ пескомъ, смѣшаннымъ съ толченымъ кирпичемъ.

Пріѣзжіе отказались отъ ужина. Они чувствовали необходимость въ отдохновеніи. Часовъ въ девять всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Прасковья Павловна, прощаясь съ сыномъ и невѣсткою, обнимала, цаловала и крестила ихъ; потомъ отправилась въ дѣтскую, посмотрѣла на нѣсколько минутъ съ умиленіемъ на спящаго внучка, также перекрестила его, приговаривая: «милое дитя, ангелъ» и проч., и поговорила съ столичною нянюшкой, обѣщая ей подарить обнову.

Этотъ торжественный день, полный хлопотъ, тревогъ и разнообразныхъ впечатлѣній, обитатели села Долговки и новопріѣзжіе окончили различнымъ образомъ.

Управляющій, выпивая ерофеичу на сонъ грядущій, думалъ:

— А славно все сошло, право! Петръ-то Александрычъ ничего не смыслитъ, и его можно надувась сколько душѣ угодно.

Прасковья Павловна, раздѣваясь, разсуждала съ дочерью бѣдныхъ, но благородныхъ родителей о своемъ сынѣ и невѣсткѣ.

— Она, сказала Прасковья Павловна: — очень мила, но есть что-то въ ней странное, — этого нельзя не замѣтитъ, — и притомъ молчаливая какая-то.

— Я, по правдѣ сказать, возразила дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, снимая платочекъ съ своей гусиной шеи: — совсѣмъ отъ нее не того ждала. И манеры у нея самыя обыкновенныя. Я не знаю, чему приписать ея неразговорчивость — или она горда, или, можетъ быть... А Петръ Александрычъ премилый! Я, просто, имъ очарована. Что за ловкость, какія манеры, и долженъ быть большой *зонъ*.

— Я тебѣ говорила, милая, заранѣе. Въ немъ такое благородство, такимъ вельможей смотритъ!

Петръ Александрычъ, потягиваясь, на постели, думалъ:

— Право, и въ деревнѣ можно найти нѣкоторыя удовольствія... Карты, бильярдъ, охота... у меня же чудесный погребъ, по милости дядюшки...

Петръ Александрычъ начиналъ засыпать.

— Лафитъ рублей по восьми бутылка... Агашка не дурна...

Когда Ольга Михайловна осталась одна въ комнатѣ, она отворила окно. Это окно выходило въ садъ. На нее пахнулъ

свѣжій, душистый воздухъ распускающейся зелени; вѣковые дубы отбрасывали отъ себя исполинскія тѣни на широкій лугъ передъ домомъ, облитый серебрянымъ свѣтомъ: паръ подымался отъ пруда, и сквозь просѣку сада виднѣлись безконечныя поля, въ синеватомъ ночномъ туманѣ.

ГЛАВА III.

Петръ Александрычъ первые два дня послѣ пріѣзда осматривалъ свои хозяйственныя заведенія съ сигарою во рту, съ лорнетомъ въ правомъ глазѣ и съ хлыстикомъ въ рукѣ. Все вниманіе обратилъ онъ на псарню, которая была въ самомъ дѣлѣ устроена превосходно покойнымъ дядюшкою, величайшимъ любителемъ псовой охоты. И хотя содержаніе ея требовало значительныхъ расходовъ, но она поддерживалась и послѣ смерти его какъ при немъ, по приказу новаго владѣльца. Молодой баринъ долго простоялъ на псовомъ дворѣ, забавляясь съ собаками. Изъ всѣхъ собакъ, особенно обратила его вниманіе одна лягавая.

— А какъ ея кличка?

Управляющій, сопровождавшій Петра Александрыча, заикнулся.

Вдругъ исполинъ Антонъ очутился передъ Петромъ Александрычемъ и пробасилъ:

— Тритонъ-съ, любимая была дядющкина собака; верхочуй.

Петръ Александрычъ занялся съ Тритономъ.

Антонъ подошелъ къ управляющему и прошепталъ, почесывая затылокъ:

— А что, батюшка Назаръ Яковличъ, поговорите-ка барину-то о прибавкѣ мнѣ мѣсячины... Ей-Богу, иной разъ ребятишкамъ ѣсть нечего. Ужь когда этакъ, знаете, что случится, такъ я готовъ съ моей стороны всякое уваженіе вамъ сдѣлать.

Антонъ искоса и значительно посмотрѣлъ на управляющаго.

— Хорошо, Наумычъ, хорошо, отвѣчалъ управляющій тихимъ голосомъ.—Ты знаешь, когда я что́ сказалъ, то свято: я, дружокъ, и безъ барина могу тебѣ это сдѣлать, изволь...

Баринъ—человѣкъ молодой, онъ и не станетъ входить во всѣ эти мелочи.

— Да именно, что такъ. Ей-Богу, Назаръ Яковличъ! Вы всегда обо всемъ справедливое разсужденіе имѣете.

Антонъ понюхалъ табаку.

Спасибо вамъ за суконцо; только ужь не прибавитъ ли ваша милость еще два аршинчика...

— Изволь, изволь...

Изъ псарни Петръ Александрычъ отправился на конскій дворъ; какъ лошадиный знатокъ, у каждаго стойла онъ разсѣкалъ воздухъ хлыстикомъ и, окритиковавъ дядюшкиныхъ кобылъ и жеребцовъ, захотѣлъ взглянуть на водяную мельницу. Управляющій, показывая ему устройство мельницы, объяснилъ, сколько на ней ежегодно вымалывается хлѣба и какіе помѣщики имѣютъ въ ней участіе по своимъ купчимъ. Эти объясненія и разсказы совсѣмъ не интересовали Петра Александрыча. За мельницей находилась довольно большая роща, и онъ пошелъ къ этой рощѣ, насвистывая и напѣвая какой-то водевильный куплетъ. Окрестности села Долговки впервые огласились перербургскими звуками, и куплетъ Александринскаго театра смѣшался съ пѣніемъ и чириканьемъ Божьихъ птицъ... Помѣщикъ прошелся по рощѣ и, обратясь къ управляющему, сказалъ:

— Знаете, какая у меня блеснула мысль? Изъ этой рощи не дурно бы сдѣлать паркъ, какъ въ Царскомъ-Селѣ или Петергофѣ. Право! Тогда бы славно кататься въ немъ.

— Конечно, это было бы безподобно, да дорогонько станетъ, замѣтилъ управляющій почтительно.

— Отчего-жь дорогонько? А крестьяне-то на что жь? Нанимать людей, кажется, не зачѣмъ.

— А кто же барщину-то будетъ исправлять, Петръ Александрычъ?

— Барщину! Да, правда.

Петръ Александрычъ засвисталъ...

Возвращаясь къ обѣду, на дворѣ у самаго дома онъ встрѣтилъ Агашку. Агашка была одѣта несравненно чище другихъ дворовыхъ дѣвокъ, и даже обута, тогда какъ всѣ другія ходили обыкновенно на босую ногу.

Поравнявшись съ молодымъ бариномъ, Агашка кокетливо

опустила глаза и поклонилась ему. Петръ Александрычъ отвѣчалъ на этотъ поклонъ съ большою привѣтливостію и даже обернулся назадъ, съ минуту провожая ее взорами. Антонъ не могъ не замѣтить барскаго взгляда. Онъ былъ одаренъ большою сметкою, и оставивъ барина, тотчасъ отправился за горничной и догналъ ее у прачешной.

— Агаѳья Васильевна, наше почтеніе! Агашка не обертывалась.—Агаѳья Васильевна, что больно заспѣсивилась? Онъ ущипнулъ ее.

— Ахъ ты проклятый чортъ! какъ испугалъ меня, вскрикнула Агашка.—Фу! такъ вотъ сердце и бьется.

— Ну, вотъ, слава-те Господи! чего пужаться?

Антонъ потрепалъ ее по шеѣ своею грязной лапой.

Агашка вывернулась изъ-подъ этой лапы.

— Нельзя ли подальше? сказала она.—Смерть не люблю этихъ шутокъ.

— Вотъ ужь и осерчала. Ахъ ты барскій кусочикъ! Недотрога королевна!.. А замѣтила ли ты, какъ *нашъ*-то на тебя поглядываетъ... Можетъ, скоро и опять будетъ масляница, Агаѳья Васильевна...

— Масляница? Пьяница проклятый! у тебя, видно, съ пьяну-то все въ глазахъ масляница...

Первые дни для новопріѣзжихъ проходили довольно однообразно, особенно для Ольги Михайловны. Прасковья Павловна и дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей не давали ей ни одной минуты покоя: первая преслѣдовала ее неистощимыми ласками и безпрестанно изъяснялась ей въ своихъ нѣжныхъ, материнскихъ чувствахъ; вторая—для того, чтобъ блеснуть своею свѣтскостію, говорила ей все комплименты. Онѣ вмѣстѣ продолжали занимать ее наперерывъ различными, очень забавными деревенскими приключеніями.

На седьмой, или на восьмой день пребыванія Петра Александрыча въ своей резиденціи, въ ту минуту, когда онъ выходилъ изъ псарни, слухъ его былъ пораженъ сначала бренчаньемъ экипажа, потомъ криками. Петръ Александрычъ вышелъ на главную деревенскую улицу и увидѣлъ въ концѣ ея, при самомъ въѣздѣ остановившуюся коляску.

— Кто это? спросилъ Петръ Александрычъ у своего управляющаго.—Чья это коляска?

— Это, должно быть, Петръ Александрычъ, кто-нибудь изъ сосѣдей, сказалъ управляющій.

Петръ Александрычъ прищурился, обдернулъ пальто, вставилъ лорнетъ въ глазъ и, насвистывая, отправился на встрѣчу къ пріѣзжему.

Взорамъ его представилось зрѣлище великолѣпное. Въ коляскѣ, которая, впрочемъ, походила не на коляску, а на челнокъ, высоко колыхавшійся на безобразно торчавшихъ рессорахъ, стоялъ баринъ роста средняго, толстый, съ рѣзкими чертами лица, въ картузѣ, въ синей венгеркѣ съ кистями и съ кнутомъ въ рукѣ. Черные, большіе глаза этого барина гнѣвно вращались изъ стороны въ сторону... Онъ размахивалъ кнутомъ и кричалъ:

— Эй, вы! но... но .. фю .. фю .. ну... ну... Оло-ло-ло!..

Эти увѣщательныя междометія явно относились къ лошадямъ; но лошади также явно не хотѣли повиноваться и не двигались съ мѣста. Все это произошло отъ того, что лѣвая пристяжная (коляска запряжена была четвернею въ рядъ) задѣла постромкой за столбъ въ воротахъ и, испугавшись, заупрямилась и поднялась на дыбы. Баринъ выходилъ изъ себя и обратился отъ лошадей къ кучеру:

— Я-те выучу ѣздить, олухъ! Затянулъ лошадей... Соколикъ-то весь въ мылѣ...

Кучеръ сидѣлъ на превысочайшихъ козлахъ ни живъ, ни мертвъ

— Антипка!—баринъ обратился къ своему лакею, который имѣлъ поразительное сходство съ Антономъ...—Антипка! тебѣ говорятъ, вислоухой оселъ... вишь пасть-то разинулъ... возьми ее за узду, да проведи... Ну же .. что стоишь.. чего боишься ..

Лакей, не смотря на свои атлетическія формы, точно боялся подступиться къ заупрямившейся лошади.

— Брыкается, сударь, отвѣчалъ онъ.

— Брыкается! а вотъ какъ я начну брыкаться, тогда ты что заговоришь? Отвори дверцы!

Лакей бросился къ дверцамъ; баринъ вылѣзъ изъ коляски и погрозилъ лакею и кучеру кнутомъ

Въ это мгновеніе Петръ Александрычъ, окруженный своею свитою, долженъ былъ остановиться, потому что подошелъ

уже очень близко къ мѣсту описаннаго мною приключенія. Пріѣзжій баринъ приказалъ распречь лошадей, и увидѣвъ Петра Александрыча пошелъ прямо къ нему.

— А не вы ли, милостивый государь, закричалъ баринъ, еще не дойдя шаговъ на десять до Петра Александрыча:—не вы ли, позвольте спросить, здѣшній помѣщикъ?

— Я, къ вашимъ услугамъ.

Петръ Александрычъ расшаркался.

— Очень радъ. Баринъ приподнялъ картузъ. Петръ Александрычъ протянулъ было къ нему руку, но баринъ обнялъ Петра Александрыча, поцаловалъ его три раза и закричалъ:

— Я, батюшка, придерживаюсь старинки, извините. Можетъ у васъ такъ это по столичному и не слѣдуетъ, да мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Намъ ужь куда до этихъ этикетовъ! Я деревенскій дуракъ, деликатностей вашихъ не знаю. Позвольте еще разъ васъ обнять. Вотъ такъ... Ну, теперь имѣю честь рекомендоваться... Я Андрей Петровичъ Боровиковъ — можетъ, слыхали про меня? Мое сельцо Покровка, Новоселовка тожь, въ двухъ верстахъ отъ васъ. Милости прошу ко мнѣ. Я, сударь, вдовецъ, имѣю двухъ дѣтей. Мы хоть и деревенскіе, а живемъ таки себѣ изряднехонько и не лѣвой полой носъ сморкаемъ.

— Очень радъ познакомиться...

— Да ужь рады или нерады, милостивый государь, тамъ вы какъ себѣ хотите, а мы ваши гости. Назаръ Яковличъ! здравствуй, милый... Андрей Петровичъ обратился къ управляющему, который отвѣсилъ ему низкій поклонъ.

— Что такое случилось съ вашими лошадьми? спросилъ Петръ Александрычъ у помѣщика, играя лорнетомъ.

— Что случилось? Это все анаѳемская рожа Антипка — мой кучеръ, ѣздить не умѣетъ, сноровки никакой не знаетъ... Пристяжная постромкой задѣла за столбъ, лошадь горячая, а онъ еще затянулъ ее.

Андрей Петровичъ обратился къ управляющему.

— Распорядись-ка, Назаръ Яковличъ, сдѣлай одолженіе, чтобъ лошадкамъ-то моимъ овсеца дали.. Да, сударь, Петръ Александрычъ... вѣдь васъ Петромъ Александрычемъ зовутъ, если не ошибаюсь?..

Петръ Александрычъ утвердительно кивнулъ головой.

— Да... такъ я вамъ началъ говорить, что мы хоть и про-

стые люди, хоть по-французски и не болтаемъ, — бон-журъ и бон-тонъ, — а кое что смыслимъ, — прошу извинить... Ну, пойдемте-ка.

Толстый помѣщикъ схватилъ за руку Петра Александрыча и повлекъ его къ дому.

— А какъ на долго сюда пріѣхали?

— Право не знаю... смотря какъ поживется ..

— Что тутъ „какъ поживется?“ живите себѣ, да и баста... Здѣсь житье, слава Богу, хорошее, люди есть всякіе—и умные и глупые, ну, да вѣдь и въ Петербургѣ-то, я полагаю, то же самое: безъ дураковъ, милостивый государь, нигдѣ не обходится; за то здѣсь, по крайней мѣрѣ, скопишь себѣ и дѣтямъ что нибудь, а у васъ тамъ въ модномъ-то вашемъ свѣтѣ... Андрей Петровичъ вытянулъ губы и засвисталъ,—весь съ позволенья сказать, просвищешься.

— А я, сказалъ Петръ Александрычъ, посматривая безпечно на стороны: — я не проживалъ и того, что получалъ, хотя жилъ на самую роскошную ногу.

— Не вѣрю, милостивый государь, не вѣрю! закричалъ Андрей Петровичъ.

Петръ Александрычъ, ожидавшій, что всѣ въ провинціи будутъ смотрѣть на него съ тѣмъ почтительнымъ благоговѣніемъ, съ какимъ въ Петербургѣ смотрятъ мелкіе чиновники на крупныхъ, былъ изумленъ, и можетъ быть не совсѣмъ пріятно, откровеннымъ обращеніемъ своего сосѣда.

Андрей Петровичъ продолжалъ:

— Не вѣрю, быть не можетъ... Я хоть самъ и никогда не бывалъ въ Петербургѣ, а жена моя покойница была петербургская, хорошаго отца дочь... А что это такое у васъ болтается на ниточкѣ, позвольте спросить?

— Лорнетъ.

Андрей Петровичъ взялъ лорнетъ, поднесъ его къ глазу и потомъ, выпустивъ изъ руки, закачалъ головой.

— Извините мою откровенность; я, батюшка, деревенскій дуракъ; у меня что̀ на умѣ, то и на языкѣ, и дядюшкѣ вашему всегда говорилъ правду въ глаза: по мнѣ это не лорнетъ, а просто балаболка: ничего въ нее не увидишь. Мода, что ли, это у васъ такая? ужь по моему, коли близорукъ, такъ очки лучше носи.

Петръ Александрычъ засмѣялся нѣсколько принужденно.

— Нѣтъ, сказалъ онъ насмѣшливо: — у насъ въ Петербургѣ ни одинъ порядочный человѣкъ не носитъ очковъ, всѣ съ такими лорнетами.

— Господи помилуй!.. Андрей Петровичъ перекрестился и потомъ растаращилъ руки: — да что мнѣ за указъ всѣ? Ужь будто тотъ только и человѣкъ, кто вашей моды придерживается!

Такимъ образомъ, разсуждая и разговаривая, владѣлецъ села Долговки и гость его непримѣтно очутились у дома. Въ грязной передней, гдѣ обыкновенно Филька шилъ сапоги, Дормидошка чистилъ мѣдные подсвѣчники и самоваръ, Ѳомки, Ѳедьки, Яшки и другіе храпѣли и дремали, лежа и сидя на деревянныхъ истертыхъ и запачканыхъ лавкахъ, Петръ Александрычъ закричалъ:

— Эй вы, сони! я всѣхъ разбужу васъ...

Исполины вскочили съ своихъ мѣстъ, вытянулись и устремили безсмысленные и заспанные глаза на барина. Баринъ бросилъ на нихъ строгій взглядъ и прошелъ въ другія комнаты.

Въ дверяхъ гостиной Прасковья Павловна встрѣтила сына и гостя...

— Андрей Петровичъ! дорогой гость нашъ! воскликнула она.

Андрей Петровичъ хотѣлъ подойти къ рукѣ ея, но Прасковья Павловна не допустила его до этого.

— Что это вы, Андрей Петровичъ, чтобъ я стала на порогѣ съ вами здороваться! Сохрани меня Боже!

Она попятилась назадъ.

— Точно, матушка точно, на порогѣ не хорошо! прохрипѣлъ помѣщикъ: — я самъ не люблю этого... Ну, а теперь пожалуйте-ка вашу ручку...

Андрей Петровичъ поцаловалъ протяную ему ручку и, продолжая держать ее въ своей рукѣ, обратился къ Петру Александрычу.

— Вотъ ручка-то была въ свое время, сказалъ онъ: — чортъ возьми! пухленькая, бѣленькая... да еще и теперь прелесть, ей-Богу... Надобно вамъ знать, сударь, что я волочусь за вашей маменькой, просто волочусь...

Эти слова очень пріятно подѣйствовали на Прасковью Павловну. Она нѣжно и съ улыбкой посмотрѣла на деревенскаго любезника.

Отъ Прасковьи Павловны Андрей Петровичъ обратился къ дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, и подошелъ также къ ея рукѣ.

— Аннѣ Ивановнѣ мое нижайшее почтеніе. Какъ поживать извольте?

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, украсившая себя мелкими сырцовыми буклями, бросила на вдовца-помѣщика взлядъ чувствительный и потомъ, закативъ, по своему обыкновенію, глаза подъ лобъ, отвѣчала нѣсколько нараспѣвъ и въ носъ:

Благодарю васъ, слава Богу.

— Мы все съ Анеточкой хозяйствомъ занимаемся, замѣтила Прасковья Павловна.—Она, это можно смѣло сказать, отличнѣйшая хозяйка. (Прасковья Павловна вздохнула). Ну, Андрей Петровичъ, какъ я была обрадована пріѣздомъ моихъ милыхъ дѣточекъ—и сказать не могу...

— Поздравляю васъ, поздравляю, перебилъ Андрей Петровичъ:—я съ почтеннѣйшимъ-то (помѣщикъ ткнулъ пальцемъ на Петра Александрыча) имѣлъ уже удовольствіе познакомиться. А гдѣ же ваша хозяюшка-то, Петръ Александрычъ? познакомьте меня, милостивый государь, съ нею

— Она у себя въ комнатѣ, сказала Прасковья Павловна.— вѣрно сейчасъ къ намъ выйдетъ.. Теперь я, Андрей Петровичъ, самая счастливѣйшая женщина въ мірѣ. Невѣстка моя, Оленька—милая, скромная; внучекъ мой—настоящій херувимчикъ... Теперь мнѣ остается только благодарить Бога, порадоваться на ихнее счастіе, и потомъ умереть спокойно. Я увѣрена, что они не оставятъ мою сиротку... (Прасковья Павловна указала на дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей).

— Умирать! Зачѣмъ же умирать, матушка? Это вы говорите вздоръ.

Помѣщикъ потеръ ладонью желудокъ.

— А что, который-то часъ?... Какъ будто эдакъ время и травничку выпить.

Онъ обратился къ Петру Александрычу:

— Можетъ у васъ тамъ по-столичному и не слѣдуетъ этого говорить: но мы вѣдь деревенскіе дураки, все рубимъ съ-проста. Вы сами-то употребляете ли травничокъ?

— Нѣтъ.

— Отчего? травникъ вещь цѣлительная для желудка: а ваши ликеры и разныя эти разности ни къ чорту не годятся!

Закуска и травникъ были принесены.

Помѣщикъ налилъ рюмку травника и поднесъ ее Петру Александрычу.

— Отвѣдайте, каково?—а?

Петръ Александрычъ выпилъ рюмку, поморщиваясь.

— Не дурно! сказалъ онъ.

— То-то же! надо войдти во вкусъ... Поживите-ка съ нами немного, да мы васъ по своему передѣлаемъ, почтеннѣйшій.

Говоря это, Андрей Петровичъ наливалъ травникъ... Онъ поднесъ рюмку къ своимъ толстымъ губамъ, высосалъ изъ нея цѣлительный напитокъ, пополоскалъ имъ во рту, а потомъ проглотилъ его, крякнувъ раза два, или три.

Въ эту минуту Ольга Михайловна вошла въ комнату.

Прасковья Павловна, увидѣвъ ее, вскочила со стула и закричала:

— Оленька, мое сердце, представляю тебѣ добраго нашего сосѣда, Андрея Петровича Боровикова.

Потомъ она обратилась къ Андрею Петровичу:

— А вамъ, Андрей Петровичъ, представляю мою милую невѣстку. Ну, какова моя Оленька, что скажете?

Андрей Петровичъ, занимавшійся разжевываньемъ колбасы, съ замѣтнымъ усиліемъ проглотилъ ее, вытаращилъ глаза на Ольгу Михайловну, и съ масляными губами бросился къ рукѣ ея.

— Съ нетерпѣніемъ желалъ съ вами познакомиться, сударыня. Прошу извинить; мы здѣсь въ ожиданіи васъ занялись существеннымъ, по желудочной части.

Ольга Михайловна ничего не нашлась сказать на эту рѣчь помѣщика и ограничилась только однимъ безмолвнымъ привѣтствіемъ. Вслѣдъ затѣмъ начался общій разговоръ о причинахъ неурожая и урожая, о соленіи грибовъ и дѣланіи наливокъ; Прасковья Павловна заливалась какъ соловей, когда дѣло дошло до приготовленія послѣднихъ. Андрей Петровичъ, въ жару разговора, потягивалъ травничокъ; Петръ Александрычъ зѣвалъ растянувшись въ креслѣ; дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, вздыхала, поглядывая на вдовца, и то поднимала глаза къ потолку, то опускала ихъ къ полу;

Ольга Михайловна глядѣла въ окно .. Вдругъ послышался шумъ въ передней, — громкое восклицаніе: э-ге! и стукъ подкованныхъ каблуковъ.

— Ужь никакъ это Семенъ Никифорычъ . . Вотъ сколько нежданныхъ гостей у насъ сегодня!

И съ этими словами Прасковья Павловна бросилась въ залу. Она не обманулась: передъ нею стоялъ Семенъ Никифорычъ, сухощавый помѣщикъ съ необыкновенно-длиннымъ носомъ и съ необыкновенно короткимъ лбомъ. Онъ былъ не первой молодости, но силенъ и крѣпокъ: у него висѣла серёжка въ ухѣ, какъ онъ говорилъ, отъ грыжи; его верхняя губа покрывалась чорными усами: на немъ былъ военный сюртукъ на бѣлой подкладкѣ, какъ доказательство, что онъ служилъ нѣкогда въ конницѣ и вышелъ въ отставку съ мундиромъ. Къ пуговицѣ этого сюртука былъ привѣшенъ кожаный кисетъ съ табакомъ, а изъ кисета торчалъ коротенькій чубукъ. Къ довершенію всего, Семенъ Никифорычъ заикался.

Увидѣвъ Прасковью Павловну, онъ воскликнулъ: — Э-ге?

Потомъ они поздоровались и обмѣнялись значительными взглядами... Семенъ Никифорычъ отстегнулъ кисетъ, положилъ его на столъ и предшествуемый Прасковьею Павловною, явился въ гостиную. Она представила его сыну и невѣсткѣ... Андрей Петровичъ, ударивъ по спинѣ Семена Никифорыча, прохрипѣлъ: — здорово, дружище! и, подмигнувъ, указалъ ему на завтракъ.

— Э-ге! за...куска до...брое дѣло, возразилъ Семенъ Никифорычъ... Вотъ, когда мы соберемся, бы..бы. бывало. я, эскадронный командиръ, еще два, три на...а...ашего эскадрона, бывало, я и говорю: э-ге!..

— Прополощи-ка, братъ, ротъ травничкомъ... перебилъ Андрей Петровичъ.

Семенъ Никифорычъ налилъ травнику и, обратясь къ Петру Александрычу, сказалъ:

— За здоровье но.. но.. о...овопріѣзжихъ! и выпилъ залпомъ.

— По-военному, дружище, по-военному! вскрикнулъ Андрей Петровичъ: а мы, гражданскіе, любимъ посмаковать прежде...

Выпивъ травничку, Семенъ Никифорычъ вышелъ въ залу,

набилъ методически, съ ученымъ видомъ знатока, свою трубку и сѣлъ возлѣ Петра Александрыча.

Онъ посмотрѣлъ на него и, пустивъ дымъ изъ носа, сказалъ.

— Вы табакъ не ку...у...у... рите-съ?

— Нѣтъ, я курю сигары.

— Э-ге! это все нѣмцы ввели въ моду цыгарки, а у насъ зна...ете въ полку и не зна...а...ли что такое цыгарки, а ужь курилы-мученики были... А что, я думаю, хороши лошади-съ въ конной гвардіи?

— Чудесныя, мастерски подобраны, какъ смоль черныя, ни одного пятнышка нѣтъ, отвѣчалъ Петръ Александрычъ.

— Э-ге! — Семенъ Никифорычъ выпустилъ опять дымъ изъ носу

Прасковья Павловна, казалось, была очень довольна, что у Семена Никифорыча съ сыномъ ея завязался разговоръ, и она не сводила съ нихъ глазъ.

— А гдѣ же Оленька? спросила она въ полголоса у дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Она, кажется, въ садъ пошла

— Въ садъ?... Прасковья Павловна сдѣлала невольную гримасу. Очень странно! кажется, ей слѣдовало бы гостей занимать; я полагаю, что это дѣло хозяйки. Стало-быть, душенька, мы деревенскіе лучше столичныхъ приличіе знаемъ.

— Она вѣрно ищетъ уединенія!.. Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей иронически улыбнулась.

— А что, милостивый государь, сказалъ Андрей Петровичъ, подойдя къ Петру Александрычу и подбоченившись фертомъ: — играете ли вы въ бильярдъ?

— И очень. Петръ Александрычъ приложилъ голову къ спинкѣ дивана. Я въ Петербургѣ всегда игралъ въ клубѣ; тамъ первый бильярдъ...

— Безподобно! безподобно!.. Не угодно ли со мною сразиться? а? Ну конечно, куда жь намъ деревенскимъ за вами.... вы вѣдь уничтожите насъ

Петръ Александрычъ принялъ не безъ удовольствія предложеніе толстаго помѣщика, и всѣ отправились въ бильярдную. Исполинъ Ѳедька, бывшій маркеромъ при старомъ ба-

ринѣ, явился къ исполненію своей должности, и мрачный, прислонился къ замасленной стѣнкѣ.

— Ничего и никого! прокричалъ онъ страшнымъ голосомъ.

— Этотъ бильярдъ, я вамъ скажу, скуповатъ, замѣтилъ Андрей Петровичъ, подтачивая кій: — дьявольски скуповатъ.

Онъ выставилъ шаръ.

— Малый! считай вѣрнѣе, да подмели ка мнѣ кій хорошенько, или ужъ перемѣни его... этотъ что-то легокъ, канальство! Нѣтъ ли потяжеле?

Между-тѣмъ Петръ Александрычъ срѣзалъ желтаго въ среднюю лузу.

— Э-ге! сказалъ Семемъ Никифорычъ, не выпускавшій изо-рта своего коротенькаго чубука..

Игра завязалась интересная. Андрей Петровичъ горячился и, не смотря на всѣ свои усилія, проигралъ сряду двѣ партіи.

— Вотъ какъ насъ деревенскихъ дураковъ столичные-то изволятъ объигрывать! сказалъ Андрей Петровичъ, прищелкивая языкомъ. — Впрочемъ, милостивый государь, надо вамъ сказать, что я сегодня не въ ударѣ; вы мастеръ играть. — а я все таки не уступлю вамъ, воля ваша! Иной разъ какъ и нашъ братъ пойдетъ записывать, такъ только лузы трещатъ.

Побѣдитель, улыбаясь, посмотрѣлъ на побѣжденнаго и сказалъ зѣвая:

— Такъ скучно. Не хотите ли играть въ деньги? Въ Петербургѣ я игралъ рублей по 100 à la guerre, а такъ обыкновенную игру — рублей по 200 и больше.

У Андрея Петровича запрыгали глаза. Онъ положилъ кій на бильярдъ съ особенною торжественностію и обратился къ Петру Александрычу, сложивъ свои коротенькія ручки по-наполеоновски.

— Конечно! куда же намъ, дуракамъ-провинціаламъ, гоняться за столичными! сказалъ онъ, потряхивая ногою: — впрочемъ, и мы за себя постоимъ. Я, милостивый государь, игрывалъ тоже въ свой вѣкъ и не на изюмчикъ. смѣю увѣрить васъ...

Андрей Петровичъ вынулъ изъ-за пазухи огромный красный засалившійся портфѣль, туго набитый ассигнаціями, и бросилъ его на бильярдъ.

— Я не прочь сдѣлать вамъ, милостивый государь, удо-

вольствіе и не только 200, но и 500 выставляю чистоганомъ, хоть сію минуту... Почему разокъ, не пошалить? Я не скопидомъ какой — нѣтъ, прошу извинить, — я не похожъ на любезнѣйшаго моего братца, Илью Петровича, не стану дрожать надъ каждой полушкой. Деньги — нажитое дѣло, а вотъ умъ — это другая статья.

Андрей Петровичъ посмотрѣлъ самоводольно на всѣхъ и положилъ портфель въ карманъ.

Его энергическая выходка произвела сильное впечатлѣніе на Петра Александрыча. Петръ Александрычъ сдѣлался къ нему послѣ этого несравненно-внимательнѣе, посадилъ его возлѣ себя и безпрестанно подливалъ ему въ стаканъ мадеру. И Андрей Петровичъ, во время стола, по-видимому, совершенно примирился съ Петромъ Александрычемъ.

— Чокнемся, любезный сосѣдъ, говорилъ онъ, поднимая кверху свой стаканъ: — чокнемся; сосѣди должны жить дружно, мирно, на охоту вмѣстѣ ходить, и все за одно! Теперь гордиться нечего, — Андрей Петровичъ обратился къ Ольгѣ Михайловнѣ: — не правда, ли, сударыня? Вѣдь онъ — вашъ муженекъ-то, былъ столичный, а теперь сталъ нашъ братъ деревенскій!

Андрей Петровичъ въ продолженіе цѣлаго обѣда говорилъ безъ умолку, а Семенъ Никифорычъ все кушалъ и только два раза произнесъ: «э-ге!»... Когда Прасковья Павловна начала объясняться о томъ, какъ она обожаетъ дѣтей и какое утѣшеніе доставляетъ ей внучекъ, Андрей Петровичъ перебилъ ее:

— Дѣти! гм!—конечно, оно весело, когда они болтаются, покуда такъ до ученья, а тамъ какъ до этого пункта дойдетъ, такъ и почешешь въ затылкѣ. Хорошо, коли наскочишь на хорошаго учителя, какъ я. А молодецъ у меня учитель, могу сказать, молодецъ! Недѣли двѣ какъ я его выписалъ изъ Москвы черезъ одного пріятеля и еще, признаюсь, ничего дурного за нимъ до сихъ поръ не замѣтилъ, — и долженъ быть — у-у! голова. Серьёзный такой, мало говоритъ и, чортъ знаетъ какъ у него терпѣнья достаетъ; цѣлый день читаетъ или на фортепьянахъ брянчитъ. Изъ себя красавчикъ, бѣлокурый, курчавый, лѣтъ двадцати семи, въ университетѣ обучался, и изъ благородныхъ: отецъ его былъ дворянинъ. . А когда же вы ко мнѣ,

любезный сосѣдушка, а? Сами-то вы пріѣдете,—это не въ счетъ, нѣтъ—съ супругою, съ матушкой, съ Анной Ивановной...

На длинномъ лицѣ Анны Ивановны блеснула свѣтлая улыбка надежды, и она скромно потупила взоръ, когда Прасковья Павловна взглянула на нее значительно.

— Я даромъ-что вдовецъ, а ко мнѣ таки жалуютъ и дѣвицы и дамы... спросите у Прасковьи Павловны... Прасковья Павловна, что, вѣдь угощать умѣю, кажется?

— Ужь мастеръ, мастеръ на угощеніе, что и говорить! сказала Прасковья Павловна.

— Мой поваръ, Игнашка, милостивый государь (Андрей Петровичъ потрепалъ по плечу Петра Александрыча), въ Москвѣ на первой кухнѣ обучался, кулебяки и растегаи такъ дѣлаетъ, что просто сами во рту таятъ. Я люблю хорошо поѣсть; желудочная часть, по моему, дѣло важное въ жизни, что ни говорите... А моя Степанида Алексѣевна не дождалась Игнашки! Онъ еще былъ при ней въ ученьи, а то бы она на него порадовалась... Такой хозяйки ужь не наживешь — нѣтъ! варенье ли варить, грибы ли солить, за дѣвками ли присмотрѣть — на все была мастерица... Бывало, при ней домъ какъ заведенная машина.

Андрей Петровичъ тяжело вздохнулъ и махнулъ рукой. На глазахъ его показались слезы.

— Что, впрочемъ, говорить объ этомъ!... Видно такъ нужно. Богъ лучше насъ знаетъ, что дѣлаетъ... Когда же вы ко мнѣ, Прасковья Павловна, съ невѣстушкой? Вотъ, въ слѣдующую пятницу бы... на цѣлый денекъ, съ утра... И ты Семенъ Никифорычъ, изволь-ка являться. Вѣдь я думаю, съ недѣлю-то проживешь еще здѣсь?

Семенъ Никифорычъ разинулъ ротъ, чтобъ отвѣчать, но Прасковья Павловна предупредила его.

— Разумѣется, проживетъ; что ему дома дѣлать?

— Ко мнѣ еще, продолжалъ Андрей Петровичъ:—кое-кто изъ сосѣдей обѣщался быть — и славно промаячимъ день Бильярдъ же у меня, Петръ Александрычъ, важнѣйшій; а ужъ на своемъ бильярдѣ я вамъ не позволю объиграть себя, милостивый государь, нѣтъ! Еще, коли хотите, десять очковъ впередъ дамъ... По рукамъ же, въ пятницу?

— Непремѣнно!

— Чокнемся же, любезнѣйшій! закричалъ Андрей Петровичъ:—а я, можетъ статься, для новопріѣзжихъ-то небольшой сюрпризецъ устрою. Понимаете, Прасковья Павловна?

Андрей Петровичъ мигнулъ лѣвымъ глазомъ.

Прасковья Павловна улыбнулась и кивнула головой.

— Да смотрите же, матушка Прасковья Павловна, ни гугу о томъ...

По окончаніи стола, Андрей Петровичъ, опускаясь на диванъ съ полузакрытыми глазами, прохрипѣлъ: „Нѣтъ, чортъ возьми! русскому человѣку тяжело послѣ обѣда"—и, по его собственному выраженію, всхрапнулъ изряднехонько. Петръ Александрычъ также предался искусительному сну; Семенъ Никифорычъ, позѣвывая и покуривая изъ своего коротенькаго чубучка, разговаривалъ съ Прасковьей Павловной.

Такъ прошло около полутора часа; потомъ сѣли играть въ вистъ и проиграли до поздняго вечера. Андрей Петровичъ, уѣзжая домой и садясь въ свою висящую лодку, кричалъ стоявшему на крыльцѣ Петру Александрычу:—смотрите же, я васъ жду къ себѣ, любезный сосѣдушко,—да ну же, скотъ, Антипка! и подсадить-то не умѣетъ... Не забудьте, милостивый государь, пятницы; супругу-то непремѣнно привезите... слышите?... А ты, олухъ, опять не задѣнь за столбъ въ воротахъ. А въ пятницу кулебяка будетъ такая, мой любезнѣйшій, что пальчики оближете,—отвѣчаю вамъ.

Андрей Петровичъ бухнулся въ коляску...

Коляска двинулась.

— До свиданья! закричалъ Петръ Александрычъ.

— Прощайте, любезнѣйшій!

— Славный малый этотъ толстякъ, подумалъ Петръ Александрычъ, вернувшись въ комнаты;—и какое ему счастье въ карты везетъ, еслибъ этакъ по большой играть!... Ну а все-таки деревенщина.

Въ то время, какъ Петръ Александрычъ, Прасковья Павловна и гости занимались вистомъ, Ольга Михайловна сидѣла у окна въ своей комнатѣ, выходившей въ садъ. Вечеръ былъ прекрасный: потухавшій закатъ обливалъ розовымъ свѣтомъ ея комнату. Душа ея была полна звуковъ. Они пробуждали въ ней святыя воспоминанія, и передъ нею являлся знакомый образъ въ заманчивой отдаленности. Она подошла къ роялю и, по-

слушная вдохновенной настроенности своего духа, запѣла серенаду Шуберта *):

«Пѣснь моя летитъ съ мольбою
Тихо въ часъ ночной.
Въ рощу легкою стопою
Ты приди, другъ мой!

При лунѣ шумятъ уныло
Листья въ поздній часъ—
И никто, о другъ мой милый,
Не увидитъ насъ.

Слышишь?—въ рощѣ зазвучали
Пѣсни соловья;
Звуки ихъ полны печали,
Молятъ за меня.

Въ нихъ понятно все томленье,
Вся тоска любви.
И наводятъ умиленье
На душу они.

Дай же доступъ ихъ признанью
Ты въ душѣ своей—
И на тайное свиданье
Приходи скорѣй...»

Вдругъ она вздрогнула, голосъ ея прервался, дверь со скрипомъ повернулась на заржавленныхъ петляхъ и... дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, въ сырцовыхъ букляхъ, вошла въ комнату.

— Ахъ, вы какъ мило поете! прелесть! сказала она.—Какой безподобный романсъ! Онъ вѣрно въ модѣ... Какая у васъ прелестная метода въ пѣніи!

— Вы находите? сказала Ольга Михайловна.

— Я хоть и не музыкантша, а, когда вы поете, нельзя не чувствовать; но простите меня, я помѣшала вамъ. Мнѣ, право, такъ совѣстно... Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, расправивъ свое платье, расположилась на стулѣ.

— Я совсѣмъ не вовремя вошла къ вамъ, продолжала она.—Тамъ внизу такая скука, и признаюсь вамъ, я ужасно не люблю этого Семена Никифорыча; онъ безъ всякаго образованія,—а ваше общество мнѣ такъ пріятно. Вы такая образованная.

И, безъ умолку разговаривая, она болѣе часу просидѣла у Ольги Михайловны. Ольга Михайловна вовсе не была намѣрена поддерживать разговоръ, и почти все молчала или отвѣ-

*) Leise gehen meine Lieder и пр.

чала по необходимости на вопросы очень коротко и неудовлетворительно. Наконецъ, почувствовавъ неловкость своего положенія, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей отправилась къ Прасковьѣ Павловнѣ.

Она со слезами на глазахъ объяснила своей покровительницѣ, что. исполняя ея волю, она употребляла всѣ старанія, чтобъ сблизиться съ Ольгой Михайловной, но что Ольга Михайловна будто бы обращается съ ней постоянно сухо и холодно, смѣется надъ провинціею, называетъ Семена Никифорыча необразованнымъ, и проч. Въ заключеніе своей жалобы, она принялась цаловать руки своей благодѣтельницы.

Прасковья Павловна, надѣленная отъ природы чувствительнымъ сердцемъ, не могла никогда видѣть равнодушно слезы, по ея собственному признанію.

— Бѣдная моя Анеточка! сказала она, цалуя дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей: — полно, милая... Какъ тебѣ не стыдно огорчаться такими пустяками; что тебѣ на нее смотрѣть Ну, Богъ съ ней, коли она важничаетъ! Оставь ее въ покоѣ. Ужь я давно замѣчаю, что ее какъ ни ласкаешь, а она все въ лѣсъ смотритъ... И про Семена Никифорыча сказала, что онъ необразованный!

Прасковья Павловна въ волненіи начала прохаживаться по комнатѣ и заговорила прерывающимся отъ досады голосомъ:

— Видите, образованная какая!.. А и съ гостями заняться не умѣетъ... Слова не можетъ сказать... Экое прекрасное образованіе! Да и отецъ-то ея, говорятъ, не генералъ, а полковникъ... Ну, обманулась я въ ней, нечего сказать, обманулась!... И замѣтила ли ты. дружочикъ, какъ она холодна съ мужемъ? Я не видала ни разу, чтобъ она его приласкала и поцаловала... Ницую взялъ,—а она этакъ важничаетъ! Она и волоска-то петинькинова не стоитъ... и онъ, кажется, ужь понимаетъ ее... я это замѣтила по многому...

Прасковья Павловна проницательно улыбнулась.

На слѣдующее утро, за чаемъ, она встрѣтила свою невѣстку съ холодною вѣжливостью, отпустила нѣсколько колкостей на счетъ воспитанія столичныхъ дѣвицъ и очень тонко замѣтила, что ничего нѣтъ хуже, когда молодые, богатые люди женятся на бѣдныхъ.

Ольга Михайловна была отчасти рада внезапной перемѣнѣ

въ обращеніи съ нею потому что она не могла отвѣчать на безпрестанную ласку — ласкою, на безпрестанную любезность — любезностью. Она большую часть дня проводила одна — или въ саду съ книгою, или въ своей комнатѣ за роялемъ, или у кровати своего малютки, вмѣстѣ съ старухою-нянею, которая почти не выходила изъ дѣтской. Ильинишна вязала чулокъ, посматривая въ очки на столичную нянюшку, качала головой и ворчала:

— Охъ-охъ-охъ! то-то вы модницы и за ребенкомъ хорошенько присмотрѣть не умѣете... За вами надо глаза да и глаза... Экій грѣхъ, вотъ и петлю спустила!

— Позвольте, я подниму, Настасья Ильинишна, восклицала столичная нянюшка.

— Подними, подними, родная; у тебя глаза-то молодые...

Ольга Михайловна всегда съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣла на старуху няню, когда она ласкала ея сына.

— Ты его очень любишь? однажды спросила у нея Ольга Михайловна.

— Ахъ, ты, проказница-барыня! отвѣчала, смѣясь, Ильинишна: — да какъ же мнѣ не любить его, моего крошечку? Развѣ онъ мнѣ чужой...

При этомъ отвѣтѣ Ольга Михайловна вздрогнула. Она ухаживала за своимъ дитятею со всею заботливостью матери; по цѣлымъ часамъ проводила у его кровати; но и здѣсь не оставляло ее то грустное чувство, которое выражалось въ каждомъ ея движеніи... Она иногда взглядывала на спящаго малютку, и вдругъ, какъ будто пораженная какою-то мыслію, вся измѣнялась въ лицѣ.

Петръ Александрычъ видѣлся съ женою только во время завтрака, обѣда, чаю и ужина... Остальное время онъ стрѣлялъ на гумнѣ воробьевъ вмѣстѣ съ Семеномъ Никифорычемъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, отъ нечего дѣлать расхаживалъ на псовомъ дворѣ, изрѣдка появлялся въ прачешной и непремѣнно раза три въ день посѣщалъ конюшню.

— Красавецъ-то нашъ во все самъ вникать изволитъ, говорила няня.—Ну, барское ли это дѣло? Слава Богу, кажется, есть кому служить... Да и то сказать (няня вздыхала), нынче дворня-то, безъ стараго барина ужъ совсѣмъ перебаловалась.

ГЛАВА IV.

Въ пятницу, съ ранняго утра, къ Андрею Петровичу начинали съѣжаться гости. Солнце сіяло во всемъ блескѣ, Андрей Петровичъ сидѣлъ на галлереѣ, выходившей въ садъ, и съ спокойнымъ веселіемъ смотрѣлъ на своихъ слугъ, посыпавшихъ пескомъ дорожки сада. Возлѣ него по правую сторону сидѣлъ лысый старичокъ небольшого роста, опершись подбородкомъ на серебряный набалдашникъ старинной трости. Онъ смотрѣлъ изъ-подлобья, кашлялъ, и всякій разъ, когда съ нимъ заговаривалъ Андрей Петровичъ, отвѣчалъ ему съ величайшимъ подобострастіемъ. На старичкѣ былъ потертый фракъ, покроя семидесятыхъ годовъ, застегивавшійся спереди двумя пуговицами, величиною со старинный пятакъ, а на фракѣ длинная владимірская лента съ дворянскою медалью; сухощавыя ножки его, въ черныхъ атласныхъ панталонахъ, съ стразовыми пряжками у колѣнъ, воткнуты были въ широкіе гусарскіе сапоги грубой работы. Этотъ старичокъ-холостякъ, одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ помѣщиковъ ***ской губерніи, неистощимый предметъ губернскихъ анекдотовъ,—былъ необходимое лицо на всѣхъ помѣщичьихъ праздникахъ. Ему всѣ оказывали по своему особенное вниманіе, не исключая и самого губернатора, и всѣ, начиная съ губернатора, изподтишка подсмѣивались надъ нимъ. Но такое вниманіе къ нему цѣлой губерніи не возбуждало ни малѣйшей гордости въ богатомъ старичкѣ. Однажды онъ давалъ обѣдъ губернатору, и несмотря на убѣдительнѣйшія просьбы его превосходительства, ни за что не рѣшился сѣсть въ его присутствіи, и кушалъ въ этотъ день за другимъ столомъ, стоя.

— Однако, отчего же вы не хотите сѣсть съ нами, любезнѣйшій мой Прокофій Евдокимычъ? сказалъ ему губернаторъ, улыбаясь и посматривая на гостей, которые также рѣшились улыбнуться, поощряемые его превосходительствомъ.

— Приличіе не дозволяетъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ старикъ съ благоговѣйно-потупленными глазами и низко кланяясь.

Носились также слухи, что у Прокофья Евдокимыча

зарыты были въ землю двѣсти тысячъ ассигнаціями прежней формы, и когда онъ рѣшился вырыть ихъ, для перемѣны въ казначействѣ на новыя, — онѣ отъ прикосновенія обратились въ пыль...

— А что, каковъ у меня, смѣю спросить, садикъ, Прокофій Евдокимычъ? воскликнулъ вдругъ Андрей Петровичъ.— А? что скажете, милостивый государь?

— Кому же и имѣть все, какъ не вамъ, Андрей Петровичъ? почтительно замѣтилъ старичокъ, отдѣляя свой подбородокъ отъ набалдашника трости: — васъ Богъ благословилъ всѣмъ...

— Такого сада нѣтъ въ цѣлой губерніи, пропищалъ господинъ, сидѣвшій по лѣвую руку отъ хозяина дома:—у васъ въ оранжереѣ персики совершенно необыкновеннаго вкуса-съ.

Андрей Петровичъ захохоталъ.

— Вотъ вретъ-то чепуху, закричалъ онъ.—Ну, какого же вкуса? Персики, какъ персики.

— Нѣтъ, право, этакъ, не то слаще, не то...

— Не то горче? Ахъ ты, шутъ гороховый!...

Тотъ, къ кому относились эти слова, былъ помѣщикъ семи душъ, Илья Иванычъ Сурковъ, отецъ многочисленнаго семейства, пользовавшійся нѣкоторое время милостями Андрея Петровича.

Андрей Петровичъ назначилъ бѣдняку отъ себя небольшое содержаніе. Вслѣдствіе этого, какъ благодѣтель, онъ началъ обращаться съ облагодѣтельствованнымъ безъ всякой церемоніи, и скоро обратилъ его въ своего домашняго шута.

— Да, продолжалъ Андрей Петровичъ, смотря на бѣднаго помѣщика: — шутъ ты гороховый, что не скажешь, такъ вотъ какъ обухомъ, братецъ, по лбу... Да что наши гости не собираются... Кажется бы, чортъ возьми, пора... Петербургскій сосѣдушка-то мой не думаетъ ли пріѣхать по своему, по столичному... Кажется, я ему строго наказывалъ, чтобъ онъ съ ранняго утра явился ко мнѣ.

— А кто это, смѣю спросить, петербургскій? спросилъ старичокъ.

— Петръ Александрычъ Разнатовскій, новопріѣзжій, долговскій помѣщикъ.

— Да, да, да! такъ это о нихъ вы изволите говорить? А какого они чина?

— Чина-то, кажется, онъ не важнаго, а лихой малый: есть въ немъ немножко столичной дури, да это пройдетъ со временемъ....

— Что́ они, смѣю спросить, женатые или холостые?

— Женатъ, женатъ, да еще, говорятъ, на генеральской дочкѣ.

При словѣ «генеральская», старичокъ повернулся на своемъ стулѣ.

— Вотъ что-съ, сказалъ онъ, подумавъ нѣсколько.—Генеральская дочка... Имѣніе богатѣйшее... Чего же еще въ этой жизни? Слава Богу, слава Богу... И дяденька ихній прекрасный человѣкъ былъ. Сколько онъ изволилъ тратить на одни обѣды... Впрочемъ, коли есть изъ чего, почему же и не тратить?

— Ну, любезный Прокофій Евдокимычъ, вѣдь и васъ не обидѣлъ Господь состояньемъ-то, — а вѣдь ужъ не поистратится, знаю... Вѣдь у васъ денегъ-то, я чай, только куры не клюютъ.

Андрей Петровичъ засмѣялся.

На лицѣ старика обнаружилось судорожное движеніе.

— Куры не клюютъ! повторилъ онъ, тяжко вздыхая.— Эхъ, почтенный Андрей Петровичъ! чужая душа и чужой карманъ потемки.

Онъ отеръ губы пестрымъ бумажнымъ платкомъ и, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, произнесъ:

— Съ собой въ могилу ничего не возьмешь! ничего!

— Кажется, что такъ, возразилъ Андрей Петровичъ.— Охъ, Прокофій Евдокимычъ, много, батюшка, за вами грѣшковъ водится. Я правду люблю говорить въ глаза, вы это знаете... «Помни часъ смертный» сказано въ писаніи; пора покаяться: тамъ вѣдь насъ всѣхъ на чистую выведутъ, ей-Богу такъ. Передъ Богомъ запираться не будешь....

— Старичокъ закашлялся.

— Всѣ мы грѣшны... отвѣчалъ онъ.—Охъ, грѣшны! Я другое воскресенье сряду у обѣдни не былъ... Захирѣлъ, совсѣмъ захирѣлъ...

Андрей Петровичъ приготовлялся сдѣлать еще какое-то

возраженіе Прокофію Евдокимычу; онъ уже разинулъ ротъ, но вдругъ въ комнатѣ, сосѣдней съ галлереею, раздался страшный крикъ.

— Гдѣ? что?.. вишь какой! На галлереѣ?... а? Хорошъ хозяинъ! Погоди, вотъ я его! Кто съ нимъ? Прасковья Павловна здѣсь? Что? Да говори громче.... а? нѣту?

— Ѳекла Ниловна! матушка, Ѳекла Ниловна!.. воскликнулъ Андрей Петровичъ, бросившись на встрѣчу къ новопріѣзжей барынѣ.

— Хорошъ, хорошъ, сударь, нечего сказать!.. Этакъ-то гостей принимаешь?... Забился самъ Богъ знаетъ куда... Что?... Не оправдывайся, кругомъ виноватъ.

— Да, какъ же вы это такъ подъѣхали, матушка, что мы не слыхали?... Эй Антипка! Васька!... Дармоѣды проклятые! никто мнѣ и сказать не пришелъ!

Андрей Петровичъ обратился къ помѣщику семи душъ.

— Ну, и ты хорошъ, Илья Иванычъ! Просилъ тебя, братецъ, дать знать, кто пріѣдетъ, а ты тутъ, разиня ротъ, слушаешь наши разговоры съ Прокофьемъ Евдокимычемъ.... Это, братецъ, совсѣмъ не твое дѣло.... Виноватъ, матушка, Ѳекла Ниловна.... Ручку: не сердитесь! впредь этого не случится.... Оплошалъ, что дѣлать!

— Что? винишься? То-то же! Прокофій Евдокимычъ.... здравствуйте! сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались... Знать меня совсѣмъ не хочетъ, забылъ совсѣмъ. Здравствуй, Илья Иванычъ? что дѣтки?.. а? Сколько у тебя лѣтъ большинькому-то?... а?

— Тринадцатый годокъ пошелъ-съ; вотъ ужь крестницѣ-то вашей пятый съ Ильина дня пойдетъ.

— Что? Пятый? Наська! Наська! подай картонку-то!... Слышишь!... Извините, мой батюшка! сейчасъ приду къ вамъ, вотъ только чепецъ надѣну!... Наська! Вели, Илья Иванычъ, послать ко мнѣ мою Наську. . Вѣдь у тебя, Андрей Петровичъ, будетъ петербургская модница, такъ надо же немножко принарядиться; а то, вѣдь еще, пожалуй, осмѣетъ, чего добраго.... Да что Прасковьи-то Павловны до сихъ поръ нѣтъ?... Наська! Наська! Гдѣ ты, бестія, была?.. Знаешь, что барынѣ надо одѣваться!...

Ѳекла Ниловна отправилась съ своей горничной въ гости-

ную, и минутъ черезъ десять явилась во всей красѣ, въ чепцѣ съ крылышками и съ бантиками. Ѳекла Ниловна была женщина лѣтъ подъ пятьдесятъ, плотная, съ пріемами мужественными, повелительными, съ голосомъ пронзительнымъ. Она обладала большими хозяйственными дарованіями и страдала золотухой, отчего была нѣсколько глуховата на правое ухо.

— Что. Андрей Петровичъ, много ли нынѣшній годъ яблонь купилъ? сказалъ она, садясь въ кресло, поставленное ей Ильей Иванычемъ. — А? сколько?

— Да штукъ до пятидесяти, матушка: теперь у меня фруктовый-то садикъ будетъ — я вамъ скажу!...

— Что, почемъ? Бѣлый наливъ? Садовникъ-то у тебя пересталъ пить?... а? Сердита, батюшка, на твоего брата; ужасно сердита.... Перекупилъ у меня лѣсъ... Я торговала у Ивана Астафьича; бревна толстыя, задаромъ почти отдавали, хотѣла баню у себя новую выстроить, а онъ и подсунься тутъ— хоть бы предувѣдомилъ.... О, плутъ какой!... Что?... Плутъ! такъ на даровщинку и лѣзетъ. И на что ему лѣсъ? чего ему строить? Завидливые глаза: только бы дешевенькое другому не досталось....

— А, да что объ немъ говорить? съ досадой замѣтилъ Андрей Петровичъ: — онъ надоѣлъ мнѣ, чтобъ ему....

— Надоѣлъ? что? А знаешь ли, батюшка, что онъ на прошедшей недѣлѣ, кажется, въ четвертокъ, — да такъ и есть, въ четвертокъ, — въ твои Холмищи заѣзжалъ, и старосту вызывалъ, долго говорилъ съ нимъ.... Ужь я это навѣрно знаю.

— Какъ?...

Андрей Петровичъ вскочилъ со стула, глаза его налились кровью, и онъ топнулъ ногой.

— Что такое? Съ моимъ старостой говорилъ? Полноте, матушка, Ѳекла Ниловна, этого быть не можетъ!...

— Что жь я лгунья какая, что ли? У меня, кажется, языкъ-то все одинъ: что въ будни, что въ праздникъ, лгать не привыкла. Быть не можетъ! Съ дѣтства не лгала, батюшка; извини, и сплетокъ смерть не люблю, а ссорить васъ еще пуще мнѣ нѣтъ никакой прибыли: я христіанка... Даромъ, что братецъ твой плутъ, а мнѣ обоихъ васъ жалко.... Изъ одной утробы вышли, а живете хуже, чѣмъ кошка съ собакой... А? не правда ли? Я бы рада была помирить васъ.

Андрей Петровичъ сталъ передъ Ѳеклой Ниловной, заложивъ руки назадъ и нахмуривъ брови.

— Помирить? закричалъ онъ. — Чтобъ я съ нимъ помирился? Я, — съ этимъ Іудой Искаріотскимъ?... Въ своемъ ли вы умѣ, матушка Ѳекла Ниловна?

— Что? Въ своемъ ли умѣ? Я? Спасибо тебѣ, батюшка, сумасшедшую изъ меня хочешь сдѣлать?... а? Съ вами не сговоришь! Какъ хотите, такъ и живите.... Лучше скажи-ка мнѣ о петербургской-то, о женѣ сосѣда-то своего. Какова?.. а? Носъ-то, я чай, подымаетъ? важничаетъ?... а? Бѣлокурая или черноволосая? Что? одѣта какъ нибудь особенно?... а?

— Сосѣди пріѣхали-съ, господа изъ Долговки! проревѣлъ вошедшій Антипка.

Андрей Петровичъ произнесъ длинное *а!* и пошелъ навстрѣчу къ гостямъ. Ѳекла Ниловна вся впилась въ дверь, въ которую должны были войти гости, и безпрестанно повертывалась на стулѣ отъ нетерпѣливаго ожиданія.

Черезъ минуту, Прасковья Павловна бросилась въ объятія Ѳеклы Ниловны и потомъ подвела къ ней свою милую невѣстку.

— Имѣю честь рекомендовать себя! закричала Ѳекла Ниловна, пожирая глазами Ольгу Михайловну.—Прошу любить меня. Я, по правдѣ сказать, тоже петербургская, я вѣдь родилась въ Петербургѣ, матушка.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, нѣжно посматривала то на богатаго старичка, то на хозяина дома.

— Батюшка, Петръ Александрычъ! узнаешь ли меня? продолжала Ѳекла Ниловна, бросаясь отъ Ольги Михайловны къ ея мужу.—Еще маленькаго васъ знала, вотъ такого.... а? что? Помните, я васъ на рукахъ носила?

Петръ Александрычъ улыбался и раскланивался.

Среди этой суматохи пріѣхало еще нѣсколько гостей — барыня съ четырьмя дородными воспитанницами въ вѣнкахъ на головѣ и въ бѣлыхъ платьяхъ съ розовыми поясами; помѣщикъ въ милиціонномъ камлотовомъ сюртукѣ; засѣдатель, лекарь, и еще два-три безмолвныя лица.

Петръ Александрычъ познакомился со всѣми. Ему было очень пріятно, что онъ и жена его сдѣлались предметомъ всеобщаго вниманія. Развалясь на диванѣ, разсказывалъ онъ о своихъ петербургскихъ подвигахъ, о своихъ друзьяхъ князьяхъ,

графахъ и генералахъ. Около него составился кружокъ слушателей. Илья Иванычъ и засѣдатель молча и значительно поглядывали другъ на друга при каждомъ его словѣ, а богатый старичокъ каждый разъ привставалъ, когда Петръ Александрычъ обращался къ нему.

Хозяинъ суетился и бѣгалъ, угощалъ гостей завтракомъ, кричалъ на своихъ лакеевъ, бранилъ Илью Иваныча и потягивалъ по маленьку травничокъ.

Въ половинѣ второго обѣдъ былъ готовъ.

Едва гости усѣлись за столъ, какъ крѣпостные музыканты Андрея Петровича, скрытые въ сосѣдней комнатѣ, заиграли увертюру изъ „Калифа Багдадскаго". Андрей Петровичъ, разливавшій супъ, взглянулъ торжественно на Петра Александрыча и его супругу.

— Что скажете, сударыня? закричалъ онъ.—Признайтесь, вы не ожидали, я думаю, чтобъ у насъ, у деревенскихъ дураковъ, могли быть сюрпризы такого рода? Я зналъ, что для васъ ужь лучше такого сюрприза не выдумать. Вѣдь вы сами славно, говорятъ, на фортепьянахъ играете... Послушайте-ка, послушайте; вотъ пассажъ чудесный...

— Ну, матушка! продолжалъ Андрей Петровичъ, обращаясь къ Прасковьѣ Павловнѣ: — невѣстушка ваша точно должна быть дока въ музыкѣ: посмотрите вся измѣнилась въ лицѣ, какъ мои молодцы-то грянули.

Въ самомъ дѣлѣ, на блѣдномъ лицѣ Ольги Михайловны кровь вдругъ выступила пятнами, но совсѣмъ не отъ знаменитой увертюры „Калифа Багдадскаго". Въ концѣ стола, между засѣдателемъ и Ильею Иванычемъ, она увидѣла молодого человѣка, давно знакомаго ей; но теперь я долженъ на минуту обратиться къ прошедшему.

Этотъ молодой человѣкъ, еще будучи студентомъ университета въ Москвѣ, довольно часто ходилъ въ домъ тетки Ольги Михайловны, у которой она воспитывалась, и даже нѣкоторое время преподавалъ Ольгѣ Михайловнѣ уроки россійской словесности. Тетушка ласкала студента и, любя музыку, ободряла его музыкальныя дарованія. Онъ имѣлъ довольно пріятный голосъ, и она часто просила его пѣть, заставляя свою племянницу акомпанировать ему на фортепьяно. Отецъ Ольги Михайловны, добрый кавалерійскій полковникъ, со всѣми претен-

зіями стариннаго русскаго дворянина, былъ, впрочемъ, гораздо проницательнѣе тетушки. Онъ объявилъ на-отрѣзъ, что всѣ высшія науки, къ которымъ онъ причислялъ и россійскую словесность, считаетъ совершенно безполезными для своей Оленьки, что она должна быть не гувернанткой, а доброй послушной дочерью хорошей хозяйкой и женою. Вслѣдствіе этого, онъ запретилъ ей не только брать уроки у студента и акомпанировать ему на фортепьяно, но даже и говорить съ нимъ. Терпѣть не люблю этихъ семинаристовъ, повторялъ полковникъ: — и считаю неприличнымъ, чортъ возьми! чтобъ дочь стараго рубаки имѣла какія нибудь фамильярныя сношенія съ этимъ народомъ! Напрасно тетушка увѣряла полковника, что молодой человѣкъ, читавшій лекціи его Оленькѣ, совсѣмъ не семинаристъ, а студентъ, что отецъ его былъ бѣдный дворянинъ и хорошо знакомый ей человѣкъ. Полковникъ ничего не хотѣлъ слушать. Несмотря на это, тетушка Ольги Михайловны по прежнему принимала молодого человѣка въ своемъ домѣ. Онъ иногда приносилъ Ольгѣ Михайловнѣ ноты и книги. Ему обязана она была своимъ музыкальнымъ развитіемъ. Онъ познакомилъ ее съ Шубертомъ. Для нея онъ перевелъ его „Серенаду", для нея набросалъ онъ свои мысли о немъ, и даже однажды, переполнивъ свою робость, рѣшился все это отдать ей. Этотъ любобопытный документъ, случайно потомъ доставшійся мнѣ, я кстати приведу здѣсь, не измѣняя ни едного слова, чтобы ближе познакомить читателя съ бывшимъ учителемъ Ольги Михайловы, котораго она встрѣтила такъ неожиданно. Прочтя его строки, я невольно повторялъ про себя:

Такъ онъ писалъ темно и вяло,
Что романтизмомъ мы зовемъ...
— и проч.

„Давно, писалъ онъ ей: — давно я хотѣлъ передать вамъ нѣсколько словъ о Шубертѣ; но, при воспоминаніи о гармоническихъ мелодіяхъ его такъ переполняется все внутри, что мысли и слова теряются въ хаосѣ невыразимыхъ ощущеній. Шубертъ геніальный художникъ нашего времени; имъ нѣкогда станетъ гордиться XIX вѣкъ. И однакожь, Шубертъ не писалъ ничего, кромѣ пѣсенъ. Но здѣсь-то и проявилась геніальность его. Онъ вывелъ этотъ родъ музыкальныхъ произведеній изъ его прежней тѣсной сферы: онъ возвысилъ простыя пѣсни,

до той высочайшей художественности, которая не зависитъ отъ духа времени, ни отъ мѣстности, ни отъ направленія вѣка, — которая равна для всѣхъ вѣковъ, для всѣхъ образованныхъ народовъ. Онѣ, — эти пѣсни его, — полны проявленья той глубочайшей, сокровенной внутренности души человѣческой, которая невыговариваема. Онъ воплотилъ въ звуки то невыразимое состояніе души, когда она, погруженная въ полноту своего чувства, разливается во что-то таинственное, безконечное, неопредѣленное и съ невыразимой отрадой тонетъ въ глубинѣ ощущеній и упивается ими. Такое состояніе души можно только назвать музыкальнымъ. И оно, какъ вдохновеніе, не зависитъ отъ воли нашей. Благодатное, неожиданно сходитъ оно на человѣка, озаритъ душу его и исчезнетъ, ничѣмъ не удержимое, ничѣмъ невыразимое. И это-то таинственное чувство, Шубертъ уловилъ въ его бездонныхъ глубинахъ, извлекъ его изъ его священнаго сумрака, окристаллизовалъ и явилъ свѣту. Да, самая музыка, — вы понимаете это, — есть только форма, тѣло того невыразимаго состоянія души, когда она, переполнившись, охватываетъ весь организмъ человѣка и преображаетъ его въ одно чувство, блаженное въ самой скорби своей. Если созданія Бетховена можно уподобить тѣмъ великимъ явленіямъ историческаго духа, въ которыхъ онъ выходитъ изъ своей внутренности чувства и предстоитъ уже словомъ и дѣломъ, — то пѣсни Шуберта исчерпываютъ ту таинственную сторону духа человѣческаго, которая остается скрытою для исторіи. Бетховенъ всегда торжествуетъ, какъ побѣдитель; его творенія — пѣснь вѣчной радости и могущества, свѣтлая, праздничная сторона жизни, неотразимая побѣдоносность идеи, торжество свѣта надъ мракомъ. Въ Шубертѣ выразилась трагическая сторона жизни человѣческой, міръ ея сокровенной, внутренней сердечности. Если, наконецъ, симфоніи Бетховена можно сравнить съ гимномъ преображеннаго и вдохновеннаго человѣчества, то въ пѣсняхъ Шуберта предстоитъ не только человѣкъ со всею своею уединенною жизнію сердца, подверженный ударамъ судьбы и случайности, скорбящій, полный не удовлетворенныхъ стремленій, любви, одинокихъ, тихихъ печалей, горькихъ укоровъ и утратъ, — но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и глубочайшій внутренній міръ съ его священными видѣніями.

„Впрочемъ, это лишь одна изъ сторонъ генія Шубертова. Преобладающій характеръ его пѣсенъ почерпнутъ изъ того состоянія души, которое я не съумѣлъ назвать иначе, какъ музыкальнымъ состояніемъ. Это ощущеніе всегда слито съ меланхоліею. Чувство радостное, пронесшись по душѣ человѣка, не погружаетъ его въ себя; оно имѣетъ всегда внѣшнее выраженіе и улетучивается въ немъ. Оно, кажется, не столько сродно душѣ человѣка, чтобъ могло долго оставаться въ ней: душа выбрасываетъ изъ себя эти яркіе, но минутные цвѣты, и съ любовію хранитъ въ себѣ цвѣты туманные, блѣдные, болѣе сродные ея влажной почвѣ,—цвѣты меланхоліи. Чувство радостное всегда ищетъ мѣста и воздуха. Въ немъ есть всегда какое-то самозабвеніе; но съ полнотою охватывая человѣка и быстро потрясая всѣ струны души, оно извлекаетъ изъ нихъ не гармоническій аккордъ, а унисонъ. Радость исключительна — радость любитъ только радость. Грусть напротивъ, растетъ во внутрь своей почвы: это — подземный міръ. Питаясь струями Стикса, она любитъ безпрестанно орошать себя его тихими струями. Это та влажная почва духа, изъ которой подымаются безконечныя стремленія и порыванія души, на которой возстаютъ лучшіе, благороднѣйшіе идеалы человѣка... Въ грусти человѣкъ всегда сильнѣе и глубже все ощущаетъ, живѣе всему сочувствуетъ: въ грусти онъ все благословляетъ... Вы, вѣрно, помните глубокій смыслъ гетева „Теките, теките, слезы вѣчной любви“ и слова безумной Офеліи, что „горе есть праздникъ человѣку“. Меланхолія есть высшая, идеальная сторона грусти, — это грусть, лишенная уже всего жгучаго, тяжелаго и темнаго, — а преобразившаяся въ одно благоуханіе. Меланхолія — это эфиръ, внутренній элементъ музыкальнаго состоянія души. И всѣ созданія Шуберта дышатъ меланхоліею. Рѣдко отдается онъ яснымъ, наивнымъ ощущеніямъ, какъ въ „Alinde“, или блаженствующему порыву сердца, какъ въ „Серенадѣ“. Онъ рѣдко симпатизируетъ съ стремленіями счастливой любви. Онъ любитъ погружаться въ тѣ туманныя нѣдра духа человѣческаго, гдѣ цвѣтетъ память объ исчезнувшемъ счастіи, о потерѣ людей, сросшихся съ сердцемъ, гдѣ накопляется скорбь отъ противорѣчій жизни; онъ нисходитъ въ тѣ тайники, гдѣ разражается трагическая судьба, постигающая человѣка, гдѣ

лежатъ печальныя развалины существованія, потрясеннаго горькимъ жребіемъ...“ и проч. и проч.

Такъ онъ писалъ темно и вяло, а Ольга Михайловна жадно перечитывала эти строки, пропитанныя туманностію, въ которой ей грезилось что то поэтическое... Но, міръ скорби и страданія таинственно, еще какъ предчувствіе, начиналъ уже развертываться передъ нею... И въ эти-то минуты Шубертъ звуками своими открывалъ для нея сокровенную внутренность души человѣческой, невыговариваемую словами.. Эти звуки, сливались съ настроеніемъ ея духа,—и что-то родственное чувствовала она къ человѣку, который, объясняя ей Шуберта, объяснилъ ей многое въ ней самой. Съ этихъ поръ, между имъ и ею уже существовала неразрывная духовная связь...

Тяжелыя предчувствія ея начинали сбываться: тетка ея умерла; отецъ увезъ ее въ Петербургъ, говоря что „Оленькѣ пора пристроиться“, и что въ Москвѣ „на жениховъ плоха надежда“. Съ тѣхъ поръ она не видала своего учителя, но какъ святыню берегла воспоминанія минувшаго и это письмо о Шубертѣ.

Неожиданная встрѣча съ нимъ, котораго она, можетъ быть, никогда уже не надѣялась встрѣтить, заставила кровь выступить пятнами на лицѣ ея, но она тотчасъ же затушила въ себѣ это внутреннее волненіе и съ лицомъ спокойнымъ обратилась къ Андрею Петровичу, предложившему ей какой-то вопросъ по хозяйственной части. Появленіе стараго знакомаго Ольги Михайловны въ домѣ помѣщика Боровикова не было ни мало удивительно. Лишась единственной своей покровительницы, онъ года четыре провелъ въ Москвѣ въ званіи учителя, перенося всевозможныя муки. Съ утра до вечера бѣгалъ онъ изъ одного конца Москвы въ другой для добыванія себѣ насущнаго хлѣба, и не видалъ конца этой мучительной жизни. Силы его ослабѣвали въ тяжкой и безплодной борьбѣ съ внѣшними обстоятельствами; духъ упадалъ; измученный своими уроками, къ которымъ онъ начиналъ чувствовать отвращеніе, оскорбляемый на каждомъ шагу барскою спѣсью и невѣжествомъ—не имѣя ни часа времени для себя, онъ иногда былъ близокъ къ отчаянію. Мѣра терпѣнія его переполнилась: онъ рѣшился, во что бы ни стало, бросить Москву, и тотчасъ воспользовавшись предложеніемъ своего знакомаго, отправился въ учители

къ дѣтямъ Андрея Петровича за весьма ничтожную цѣну, съ тою мыслію, что въ деревнѣ онъ будетъ имѣть хоть нѣсколько свободныхъ часовъ въ день. Объ Ольгѣ Михайловнѣ онъ почти ничего не слышалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, кромѣ того, что она въ Петербургѣ и замужемъ.

Онъ сначала долго вглядывался въ нее, какъ бы не узнавая ее,—такъ несбыточна показалась ему мысль встрѣтиться съ нею въ сельцѣ Покровкѣ, Новоселовкѣ тожь; но когда онъ услышалъ ея голосъ, тогда уже не оставалось для него ни малѣйшаго сомнѣнія. Эти тихіе звуки были такъ знакомы его сердцу!..

Послѣ обѣда музыканты перешли на галлерею, выходившую въ садъ. Андрей Петровичъ приказалъ имъ грянуть плясовую, усадилъ гостей въ комнатѣ близь галлереи, и торжественно вывелъ на середину комнаты Илью Иваныча, который уже былъ немножко подъ-хмѣлькомъ.

— Ну-ка, сердечный, позабавь гостей! вскрикнулъ ему Андрей Петровичъ повелительнымъ голосомъ.

Илья Иванычъ пустился въ присядку. Андрей Петровичъ стоялъ, подбочась фертомъ, и хохоталъ дикимъ голосомъ, глядя на своего забавника; ему вторила большая часть гостей; отъ поры до времени онъ приговаривалъ: „молодчина!“ Вслѣдъ за пляской, одна изъ четырехъ воспитанницъ съ вѣнкомъ, попросьбѣ хозяина дома, жеманясь и отнѣкиваясь, сѣла за фортепьяно и пропищала „*Соловья*“. Андрей Петровичъ началъ ей аплодировать. Барыня воспитанницы вскрикнула:

— Вѣдь Рапсочка-то у меня самоучкой дошла до этого: никто ей не показывалъ, какъ пѣть!

— Что, матушка? сказала Ѳекла Ниловна.— Я на это ухо, вы знаете, недослышу... Что?.. а?.. самоучкой? голосокъ хоть куда...

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, насмѣшливо улыбаясь, взглянула на Ольгу Михайловну.

Затѣмъ музыканты заиграли русскую, и два сына Андрея Петровича въ красныхъ рубашкахъ явились на сцену. Ихъ встрѣтилъ въ залѣ пріемъ оглушительный... По окончаніи пляски, гости обнимали, цаловали и гладили ихъ по головкѣ.

Андрей Петровичъ повелъ своихъ гостей въ новоразведенный имъ садъ, образовавшій правильный четвероугольникъ, раз-

дѣленный дорожками на квадраты. Въ этомъ саду липы и березки были разсажены симетрически и чрезвычайно хитро подстрижены шапками, вазами и другими формами, а на самой срединѣ его, на каменномъ пьедесталѣ, поставлены были солнечные часы. Къ этому саду примыкалъ другой фруктовый съ оранжереями, которыми въ особенности гордился Андрей Петровичъ. Дамы остались въ фруктовомъ саду, а хозяинъ дома съ Петромъ Александрычемъ отправился играть въ бильярдъ. Въ этотъ разъ Петръ Александрычъ остался побѣжденнымъ, и Андрей Петровичъ, восхищенный своею побѣдою, потирая руки, безпрестанно повторялъ:

— Что, батюшка Петръ Александрычъ, и мы деревенскіе дураки дали себя почувствовать! Каковъ былъ послѣдній-то ударецъ, какъ я желтаго-то въ угольную записалъ съ трескомъ?.. а?..

Учитель послѣ сцены съ Ильею Иванычемъ не показывался; остальной вечеръ былъ проведенъ за картами... Играли на двухъ столахъ: дамы составляли свою партію, мужчины свою... Ольга Михайловна, какъ неиграющая, осталась въ обществѣ дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, и четырехъ дѣвицъ съ вѣнками на головѣ. Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, занимала всѣхъ своими разговорами. Ольга Михайловна и четыре дѣвицы съ вѣнками молчали... Ѳекла Ниловна проигрывала и очень сердилась...

— Ну, матушка, говорила она Прасковьѣ Павловнѣ, вытирая потъ съ лица и оканчивая игру:—экая игрища къ тебѣ сегодня шла... а? что? признаюсь, съ тобой играть нельзя — и все жлуди на вскрышѣ!... Ѳекла Ниловна отвела Прасковью Павловну къ сторонѣ:— Я отъ невѣстки твоей совсѣмъ другое ожидала... Да что она, матушка, ничего не говоритъ, а коли заговоритъ, такъ ничего не слышишь... что?.. Это въ модѣ, что ли, подъ носъ себѣ говорить?.. а?.. Ты знаешь, что я люблю откровенность, родная... Мы съ тобой свои люди, говорить все можемъ...

Прасковья Павловна вздохнула.

— Ахъ, другъ мой Ѳекла Ниловна,—ужь, между нами сказать, и я ожидала отъ нея совсѣмъ другого... Говорили Богъ знаетъ что... и въ столицѣ воспитывалась, и генеральская дочка, а этого совсѣмъ ничего и не видно...

— А? что? не видно... Правда... Жаль сынка-то твоего: могъ бы сдѣлать лучше партію... а? Онъ такой изъ себя видный... Жаль... жаль...

— Ѳекла Ниловна, надо намъ разсчесться, сказала одна изъ игравшихъ барынь.

— Что, матушка? а? Не дослышу... что такое?

— Разсчесться надо, закричала барыня.

— Ахъ, матушка, что это вы такъ кричите надъ самымъ ухомъ!

При разсчетѣ барыни начали спорить и горячиться. Разсчетъ продолжался съ полчаса и окончился только съ помощію хозяина дома... Оказалось, что Ѳекла Ниловна проиграла два рубля двадцать пять копѣекъ.

— Андрей Петровичъ, закричала Ѳекла Ниловна:—заплати, батюшка, за меня Прасковьѣ Павловнѣ эти деньги... а? что? Заплатишь? Позабыла положить въ ридикюль деньги... запиши на меня... а? Я, матушка, Прасковья Павловна, еще, кажется, тебѣ должна что-то?.. а?.. Сколько? Ну, послѣ сочтемся.

Передъ ужиномъ Андрей Петровичъ подошелъ къ Ольгѣ Михайловнѣ и просилъ ее пропѣть какой нибудь романсикъ; но она отговорилась тѣмъ, что чувствуетъ себя нездоровою.

Помѣщица, привезшая съ собою четырехъ воспитанницъ, сказала Ѳеклѣ Павловнѣ:

— Вишь какая важная!.. Считаетъ насъ, видно, незнающими въ музыкѣ, а Раисочка вѣрно не хуже ея поетъ,—изволите видѣть! не хочетъ, ломается...

— Браво! воскликнулъ вдругъ Андрей Петровичъ, какъ бы озаренный внезапнымъ вдохновеніемъ и ударяя себя въ лобъ.—Да я васъ удивлю сейчасъ... отличнаго музыканта вамъ выпишу... Мой дѣтскій учитель на всѣ руки, просто кладъ!.. играетъ и поетъ мастерски, дѣтей моихъ взялся добровольно учить музыкѣ безъ всякой прибавки...

Андрей Петровичъ обвелъ глазами комнату.

— Да гдѣ онъ?.. Антипка! эй, малый! попроси сюда учителя.

Учитель явился.

— Ну ка, любезный, сказалъ Андрей Петровичъ, ударяя его по плечу:—утѣшьте-ка публику-то, покажите-ка свой та-

лантецъ, сыграйте намъ этакую какую нибудь штучку, да и спойте ужъ кстати.

Учитель покраснѣлъ и приготовлялся, кажется, отговориваться. Онъ поднялъ голову и взглянулъ на гостей, ожидавшихъ отъ него отвѣта... Глаза его встрѣтились съ глазами Ольги Михайловны... Ему показалось, что и она проситъ его.. Сердце его сильно забилось... Домъ на Арбатѣ, его первое свиданіе съ нею, музыкальные вечера, Шубертъ, его серенада,— все это промелькнуло въ головѣ молодого человѣка; онъ, не произнося ни слова, сѣлъ за фортепьяно и запѣлъ:

„Пѣснь моя летитъ съ мольбою
Тихо въ часъ ночной,
Въ рощу легкою стопою
Ты приди, другъ мой“.

Ольга Михайловна неслышно встала со стула и отошла къ окну... На дворѣ было темно; облака быстро неслись по небу; мѣсяцъ изрѣдка проглядывалъ изъ-за облаковъ, бросая мгновенный, фантастическій свѣтъ на предметы... Она приклонилась головой къ стеклу, и долго удерживаемыя слезы хлынули горячимъ потокомъ изъ глазъ ея...

При окончаніи послѣдняго куплета серенады, Андрей Петровичъ закричалъ:

— Славно, славно,—только чортъ возьми! печально немножко.

— Очень недурно, замѣтилъ Петръ Александрычъ тономъ знатока. Онъ подошелъ къ учителю.

— У васъ чрезвычайно пріятный голосъ, продолжалъ онъ:— и, знаете, это любимый романсъ моей жены; она его поетъ безпрестанно... Olga, Olga! гдѣ ты? *У-э-тель*!..

Но Ольги Михайловны уже не было въ комнатѣ.

Послѣ ужина ближайшіе сосѣди Андрея Петровича собирались домой, остальные гости расположились ночевать у него и провести еще нѣсколько дней. Начались сборы... Экипажи стояли у подъѣзда; нетерпѣливые и раскормленные деревенскіе кони рыли копытами землю. Лакеи Андрея Петровича обступили одного кучера, внезапно свалившагося съ козелъ и оказавшагося мертвецки пьянымъ... Его должны были замѣнить другимъ... На дворѣ былъ крикъ, шумъ, ругательства, споры, смѣхъ.

Ольга Михайловна собралась въ путь прежде всѣхъ... Въ ожиданіи своего мужа, который потягивалъ мадеру съ Андреемъ Петровичемъ, и Прасковьи Павловны, которая, одѣваясь, разговаривала съ своей пріятельницей Ѳеклой Ниловной. Ольга Михайловна въ салопѣ и шляпкѣ вышла на галлерею, изъ которой былъ спускъ въ садъ... Она прислонилась къ колоннѣ. Съ этой стороны дома было все тихо; только вѣтеръ шумѣлъ, качая вѣтви деревьевъ... Ей послышались чьи то шаги въ саду у самой галлереи... Она уже сдѣлала шагъ, чтобъ войти въ комнату — и вдругъ остановилась, какъ приросшая къ мѣсту.

Передъ нею стоялъ учитель.

Онъ робко поклонился ей; она, въ отвѣтъ на его поклонъ, наклонила голову. Они долго стояли другъ противъ друга, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова.

— Я никогда бы не думала увидѣть васъ здѣсь, наконецъ сказала она.

— Моя встрѣча съ вами также неожиданна, отвѣчалъ, онъ.

— А вы не забыли стариннаго нашего друга Шуберта? снова заговорила она.

— И вы, — говорятъ... говорятъ, будто и вы иногда вспоминаете его!

Она вздрогнула.

— Кто вамъ сказалъ это?

— Вашъ мужъ...

Голова ея упала на грудь; и длинные волосы, выходившіе изъ подъ шляпки и совершенно развившіеся отъ сырости, скатились на блѣдное лицо, полуосвѣщенное свѣтомъ изъ оконъ, выходившихъ на галлерею.

— Вы очень измѣнились! произнесъ онъ голосомъ болѣе смѣлымъ и глядя на нее.

Она ничего не отвѣчала; но изъ груди ея вырвался звукъ тихій, едва слышный, что-то похожее на подавленный вздохъ...

— Здѣсь сыро .. сказала она: — меня ждутъ... Она отвела отъ лица волосы — и рука ея замѣтно дрожала.

Въ эту минуту дверь изъ комнаты на галлерею отворилась... Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей высунула свою голову въ дверь и закричала:

— Ахъ, машеръ Ольга Михайловна, вы здѣсь, — а мы

васъ ищемъ вездѣ. Прасковья Павловна ужь совсѣмъ готова и только ждетъ васъ.

Сказавъ это, она искоса взглянула на учителя...

Ольга Михайловна разсказала дорогою своему мужу и Прасковьѣ Павловнѣ о неожиданной встрѣчѣ съ своимъ старымъ знакомцемъ. На Петра Александрыча этотъ разсказъ не произвелъ никакого впечатлѣнія, а Прасковья Павловна воскликнула:

— Чтожь, матушка, мудренаго? гора съ горой только не сходится, а человѣку съ человѣкомъ всегда можно сойтись.

— Онъ такой интересный, замѣтила дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— А я, признаюсь, и не обратила на него вниманія, сказала Прасковья Павловна.

— О... онъ мило по...етъ, проговорилъ Семенъ Никифорычъ: — то...олько заунывное, а вотъ у насъ въ полку былъ о... офицеръ, то... онъ все пѣлъ: „Бра...а-атцы дружно веселую“.

Послѣ этого замѣчанія водворилась тишина, прерывавшаяся только порой храпѣніемъ Петра Александрыча. Ольга Михайловна прислонилась въ уголъ кареты и закрыла глаза. И во всю дорогу молчаніе было нарушено только однажды вопросомъ Прасковьи Павловны:

— А что, покойно ли вамъ сидѣть, Семенъ Никифорычъ?..

ГЛАВА V.

Превращеніе Петра Александрыча изъ петербургскаго франта въ помѣщика совершилось очень скоро, какъ и должно было ожидать. Переходъ отъ безтолковой суеты, отъ внѣшней, одуряющей дѣятельности столичной къ животной нѣгѣ и къ блаженству бездѣйствія—необыкновенно легокъ. Деревенская жизнь, надъ которою онъ забавлялся и на балѣ г-жи Горбачевой, и въ кандитерской Амбіеля, и въ залѣ Дюме, теперь ни мало не казалась ему смѣшною. Онъ началъ вполнѣ понимать различныя удобства этой жизни и хотя еще не причислялъ себя къ провинціаламъ, но, между тѣмъ, день отъ дня все болѣе пристрашался къ провинціальной жизни. Онъ сталъ пить вмѣ-

сто ликера — травникъ и ерофеичъ: кушалъ послѣ обѣда, вмѣсто желе и фруктовъ — аладьи, блины, ватрушки и драчону; пересталъ носить черепаховый лорнетъ на ниточкѣ: отростилъ себѣ брюшко, отчего модные и узкіе сюртучки свои и фраки приказалъ перешить губернскому портному; нѣсколько отекъ въ лицѣ, сдѣлался немного сутуловатъ, почему казался ростомъ ниже прежняго и, прикрывая лысину, которая начинала сіять на головѣ его, сталъ зачесывать свои рѣдкіе волосы къ верху въ видѣ небольшого рожка. Все это дѣлало его удивительно похожимъ на жучка, называющагося *Актеономъ*, подробное описаніе котораго заимствовано мною изъ русскаго перевода Блуменбаха и выставлено эпиграфомъ къ этой повѣсти. Актеонъ (я буду его иногда называть этимъ именемъ для сокращенія) началъ нешутя входить въ домашнее хозяйство. Онъ ужь по цѣлымъ часамъ проводилъ на псовомъ дворѣ и въ конюшняхъ; даже самъ вздумалъ лечить своихъ лошадей по „Конскому Лечебнику", найденному имъ въ небольшой библіотекѣ почтеннаго своего дяденьки, и очень сердился на старшаго своего конюха за то, что четыре лучшія лошади его околѣли одна вслѣдъ за другою.

День въ деревнѣ проходилъ для Петра Александрыча незамѣтнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, потому что онъ почти все кушалъ, — а ѣда, какъ извѣстно, чрезвычайно сокращаетъ время. Погребъ дядюшкинъ служилъ для него также большою утѣхою. Въ управленіе своими деревнями онъ вмѣшивался только такъ, какъ обыкновенно вмѣшиваются настоящіе господа, то-есть, требовалъ доходовъ отъ управляющаго. Назаръ Яковличъ велъ себя въ отношеніи къ нему довольно искусно и всегда льстилъ его маленькимъ слабостямъ. Узнавъ, напримѣръ, что Петръ Александрычъ пристрастился къ новенькимъ, цвѣтнымъ ассигнаціямъ и блестящимъ монетамъ, которыя хранились у него въ особомъ ящикѣ съ прехитрымъ замкомъ, Назаръ Яковличъ безпрестанно доставлялъ ему такія ассигнаціи и монеты; когда же владѣлецъ заводилъ рѣчь о счетахъ по имѣнію, спрашивая объ употребленіи доходныхъ суммъ, управляющій отдѣлывался общими мѣстами, заговаривалъ о планахъ своихъ касательно увеличенія доходовъ, о надеждахъ на будущее, о томъ, что подъ его управленіемъ мужички начинаютъ поправляться и проч. Послѣднее, впрочемъ, было несправедливо. Неурожаи, продол-

жавшіеся нѣсколько годовъ сряду, и, главное, двухъ-лѣтнее управленіе Назара Яковлича, какъ замѣчали окружные помѣщики, довело долговскихъ крестьянъ до жалкаго состоянія. Назаръ Яковличъ, видя что Прасковья Павловна имѣетъ большое вліяніе надъ своимъ сыномъ и намѣрена навсегда поселиться въ его домѣ, уладилъ такъ, что она приняла на себя бразды правленія надъ женскимъ поломъ и надъ ткачами въ селѣ Долговкѣ. Управляющій низко кланялся ей и говорилъ: „Ахъ, сударыня, съ тѣхъ поръ, какъ вы изволите хозяйничать, ей Богу, любо — дорого смотрѣть на нашихъ бабъ и на ткачей... такъ все идетъ безподобно... Ну, куда-жь было моей женѣ соваться не въ свое дѣло? Она дура, просто, дура, сударыня!“

Такимъ образомъ, управляющій вошелъ въ милость къ Прасковьѣ Павловнѣ и въ лицѣ ея пріобрѣлъ для себя значительную покровительницу. Но всесильный и самый надежный покровитель управляющаго—былъ Дмитрій Васильичъ Бобынинъ, опутывавшій невидимыми, неразрываемыми сѣтями долговскаго помѣщика. Въ рукахъ у Дмитрія Васильича находилась довѣренность Петра Александрыча на залогъ его деревень и всѣ его заемныя письма. Дмитрій Васильичъ писалъ къ нему:

«Любезнѣйшій другъ,—будьте совершенно спокойны касательно вашихъ долговъ. Я почти всѣ ваши заемныя письма скупилъ, единственно съ тою цѣлію, чтобъ избавить васъ отъ докучныхъ кредиторовъ. Теперь вы будете имѣть дѣло съ человѣкомъ, душевно вамъ преданнымъ, а не съ ростовщиками. Напрасно, живя въ Петербургѣ, вы не были со мной откровенны и таили отъ меня нѣкоторые долги ваши. Признаюсь вамъ, непонятно, какъ въ такое короткое время вы успѣли сдѣлать столько долговъ. Главною причиною этого—конечно, карты. Большія игры надо вести осторожно и умѣючи. Впрочемъ вашъ долгъ мнѣ, — ибо вы уже никому кромѣ меня не должны,—отчасти можетъ быть уплаченъ тою суммою, которая досталась вамъ послѣ покойнаго вашего дядюшки. Сумма сія отдана мною по желанію вашему, въ вѣрныя руки, и я могу, когда захочу, взять ее. Прилагаю при семъ записку онаго долга мнѣ съ расчисленіемъ процентовъ. Положитесь на меня, почтеннѣйшій Петръ Александрычъ: я устрою ваши дѣла са-

мымъ выгоднѣйшимъ для васъ образомъ. Я съ дѣтства привыкъ любить васъ какъ родного, и потому какъ мнѣ не принять участія въ васъ? Я странный человѣкъ: всегда дѣла близкихъ мнѣ людей озабочиваютъ меня болѣе, нежели мои собственныя. Для своихъ дѣлъ я какъ-то лѣнивъ и неповоротливъ; все собираюсь купить небольшое имѣньице, въ вашихъ мѣстахъ и до сихъ поръ не соберусь, а хорошо припасти себѣ уголокъ, чтобъ современемъ успокоиться отъ служебныхъ трудовъ и пожить на свободѣ въ свое удовольствіе. Я завидую здѣсь вашей деревенской жизни. Истинно хорошо вы сдѣлали, что рѣшились ѣхать въ деревню. Третьяго дня заходилъ ко мнѣ его превосходительство, Антонъ Сергѣичъ. Мы разговорились о томъ, о семъ: зашла рѣчь о сельскихъ удовольствіяхъ. Онъ вздохнулъ и сказалъ: „Эхъ, Дмитрій Васильичъ, лучше не говори объ этомъ. Что наша за жизнь здѣсь? иной разъ и въ картишки некогда перекинуть: такъ заваленъ бумагами! Кабы начальство не имѣло ко мнѣ особой атенціи, словомъ сказать, кабы такъ не везло мнѣ по службѣ, да кто, скажи на милость, принудилъ бы меня жить здѣсь? Деревня—это, братецъ, рай земной, тамъ и воздухъ другой, да и люди совсѣмъ не тѣ, патріархальность такая во всемъ...“ Это совершенно справедливо. Кстати о деревнѣ: прекрасно сдѣлали вы, что прислали мнѣ довѣренность на залогъ вашихъ имѣній. Съ большими деньгами можно въ сію минуту сдѣлать превосходнѣйшій оборотъ. Одинъ опытный фабрикантъ, Карлъ Карлычъ Гольцъ, устраиваетъ на берегу Невы въ огромныхъ размѣрахъ бумагопрядильную фабрику на акціяхъ. По самому вѣрному расчисленію, фабрика эта должна приносить огромный доходъ: двадцать и двадцать пять процентовъ. Прилагаю у сего разсчисленіе: разсмотрите его внимательнѣе. За честность, благородство и знаніе дѣла фабриканта — я ручаюсь. Капиталъ на учрежденіе этой фабрики почти собранъ: не достаетъ только 600,000. Вы знаете, какъ его превосходительство, Антонъ Сергѣичъ, остороженъ: вслѣдъ за нимъ закрывъ глаза можно пускаться во всѣ предпріятія, а онъ, когда узналъ о намѣреніи Карла Карлыча, тотчасъ же выложилъ на столъ 200,000 руб. и сказалъ: „Вотъ вамъ, батюшка, Карлъ Карлычъ, возьмите 200 тысячъ чистоганомъ,—прибавлю къ этому, что въ ваши руки я мильона не побоялся бы отдать, еслибъ

имѣлъ.“ Заложивъ 1800 душъ, вы получите 380,000 (считая по 200 руб. на душу). Я за васъ почти обѣщалъ эти деньги; поспѣшите же подтвердить вашимъ согласіемъ мое обѣщаніе,— иначе вы упустите превосходный случай—улучшить свое дѣло, а это будетъ грѣхъ и стыдно. Вы отецъ семейства. Нашъ вѣкъ положительный,—мануфактурный, такъ сказать. Только тѣ и получаютъ деньги, у кого есть фабрики или заводы. Надо сдѣлаться производителемъ, а потребителей славу Богу, много и безъ насъ. Съ имѣнія же, вы сами знаете, какіе нынче доходы: годъ отъ года хуже. Хорошо еще, что у васъ управитель малый честный и знающій. Я его всегда имѣлъ въ виду для себя, – это не человѣкъ, а кладъ, и я ни за что не уступилъ бы его никому, еслибъ у меня было большое имѣнье. Придержитесь его: онъ вамъ будетъ полезенъ. Бога ради отвѣчайте мнѣ поскорѣй на это письмо, а то, чего добраго, если позамѣшкаетесь рѣшеніемъ,—будетъ поздно... Въ Петербургѣ много охотниковъ наживать деньги, и всѣ они такъ и сторожатъ выгоднаго случая для помѣщенія своихъ капиталовъ. Нынче всѣ помѣшались на спекуляціяхъ...

„Новостей у насъ много... объ нихъ когда нибудь послѣ. Максимъ Иванычъ получилъ еще чинъ. Невѣроятное счастье! Впрочемъ, онъ человѣкъ вполнѣ достойный... дай Богъ ему и еще больше. Вообразите, онъ на прошедшей недѣлѣ задалъ намъ шлемъ. Я игралъ съ Ѳедоромъ Маркычемъ, а онъ съ генераломъ Косолаповымъ... У Косолапова была игра посредственная, а у него просто неслыханная: тузъ, король, дама, валетъ, десятка (пять онеровъ), восьмерка, семерка козырей, тузъ, король червей, а остальное все старшія пиковки. Жена моя и я свидѣтельствуемъ наше искреннее почтеніе вашей матушкѣ и супругѣ. Еще разъ прошу о скорѣйшемъ отвѣтѣ— и остаюсь

неизмѣнно преданнымъ вамъ

Дм. Бобынинъ.“

Актеонъ былъ очень доволенъ этимъ письмомъ. „Дмитрій Васильичъ славнѣйшій человѣкъ“ думалъ онъ, перечитывая письмо: — „чудесная душа!... Бумагопрядильная фабрика, да это безподобно!... Онъ зѣвнулъ и подумалъ:—Вотъ тогда у меня будетъ новенькихъ-то ассигнацій синенькихъ и красненькихъ... У!“

Онъ подошелъ къ окну.

Поперегъ двора протянуты были на козлахъ веревки, а на веревкахъ было развѣшано бѣлье, которое вѣтеръ срывалъ и разносилъ по двору .. Дворовыя дѣвки безпрестанно бѣгали изъ одного конца двора въ другой, поднимая его и снова развѣшивая. Между ними прохаживалась и Агашка. На Агашкѣ было прекрасное ситцевое плтье; талія ея стягивалась шнуровкой: ноги украшались тонкими чулками и козловыми башмаками. Она кричала на дѣвокъ. Дѣвки величали ее Агаѳьей Васильевной, и поглядывали на нее съ подобострастіемъ; Антонъ, прислонясь къ крыльцу людской и пощелкивая по тавлинкѣ, вздыхалъ.

— Чего такъ разохался? спросила его Агашка.

— Разохался! Ахъ, Агаѳья Васильевна!... Ужъ вы знаете, что я имѣю къ вамъ всякое уваженіе... Антонъ почесалъ въ головѣ... — Кабы вы попросили у старой барыни холстинки для моей старушонки и для дѣтокъ. Совсѣмъ обносились, ей Богу. А вамъ барыня не откажетъ.

Агашка посмотрѣла на Антона, улыбаясь...

— Пожалуй, Наумычъ, отвѣчала она:—пусть Настасьюшка придетъ завтра ко мнѣ. Я дамъ ей холстины, сколько она хочетъ.

— Ай да Агаѳья Васильевна! вотъ душа, можно сказать! На васъ и смотрѣть-то любо, точно червонная краля.

Этотъ комплиментъ былъ заглушенъ крикомъ гусей, которые поднялись съ мѣстъ своихъ, хлопая крыльями.

Петръ Александрычъ долго стоялъ у окна и смотрѣлъ на эту картину. Онъ продолжалъ думать.

— Очень милая талія у Агаши... Сегодня же напишу отвѣтъ Дмитрію Васильичу... и у Маши глаза не дурны .. Непремѣнно надо отдать капиталъ на филатуру... Андрей Петровичъ хорошій человѣкъ и живетъ такъ себѣ, ничего—бариномъ... Илья Иванычъ презабавный... когда мнѣ будетъ скучно, я пошлю за нимъ... Выпишу „Земледѣльческую газету“ и „Журналъ для Овцеводовъ“...

Онъ отошелъ отъ окна и засвисталъ,—но это уже не былъ свистъ долгій и пронзительный, какимъ онъ оглашалъ свою холостую квартиру въ Петербургѣ... Голосъ его потерялъ звонкость, движенія потеряли рѣзкость.

— Другъ мой, сказала ему Прасковья Павловна, входя въ комнату...—Я хочу поговорить съ тобой.

— Поговорить? Хорошо, маменька.

— Сядемъ сюда на диванъ

Сынъ повиновался.

— Другъ мой, ты знаешь, что вся моя жизнь въ тебѣ, мой ангелъ.

— Знаю-съ.

— Ну, поцалуй же меня... Давно я собиралась поговорить съ тобой о женѣ твоей... Она добрая, тихая... но... позволь мнѣ сказать тебѣ, мое сердце, что ты имѣешь надъ нею мало вліянія... Посмотри на нее, что у нея за манеры—ни малѣйшей привѣтливости... такая неласковая... Мнѣ, напримѣръ, хотѣлось, чтобъ она подружилась съ Анеточкой,—а Анеточка моя преумная и преобразованная дѣвушка, ты самъ видишь... Что̀жь? Ольга Михайловна совершенно оттолкнула ее отъ себя своею холодностію... Кажется, въ столицѣ получила образованіе, такого отца дочь, а не знаетъ первыхъ приличій... Гости пріѣзжаютъ, она вмѣсто того, чтобъ занять гостей, бѣжитъ отъ нихъ... Помнишь, когда ты въ первый разъ обѣдалъ у Андрея Петровича? Ѳекла Ниловна такъ интересовалась ею, подсѣла къ ней, завела съ ней разговоръ. — А она, повѣришь ли?—я сама была свидѣтельница (другимъ бы я не повѣрила)—хоть бы какое нибудь вниманіе показала ей Ну, все таки она старшая лѣтами и къ тому же уважаемая у насъ цѣлой губерніей. Та спрашиваетъ ее о чемъ-то, а она едва отвѣчаетъ:—потомъ сбираемся ѣхать домой, ищемъ ее, а она на галлереѣ съ учителемъ...

Прасковья Павловна остановилась на секунду и внимательно посмотрѣла на сына.

— Прилично ли это, мой другъ, я тебя спрашиваю? Она говоритъ, что онъ училъ ее тамъ чему-то, ходилъ въ домъ ея тетки,—прекрасно: такъ со всѣми учителями послѣ этого и позволять себѣ фамильярное обращеніе: не нашла она что-ли равныхъ себѣ, съ кѣмъ разговаривать? Вотъ Семенъ Никифорычъ, напримѣръ, гостилъ здѣсь, — во все это время хоть бы она малѣйшее привѣтствіе ему оказала... Я знаю, онъ бы и дольше прогостилъ, — да говоритъ: чтожь? я вижу, что хозяйкѣ дома непріятно мое присутствіе и уѣхалъ.... Если она

будетъ такъ отталкивать хорошихъ людей и знаться съ какими нибудь учителями, Богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ...

Петръ Александрычъ слушалъ свою маменьку довольно равнодушно. На лицѣ его незамѣтно было ни малѣйшаго волненія: оловянные глаза его безсмысленно упирались въ стѣну. Беззлобный и тихій, онъ инстинктивно понималъ превосходство жены своей надъ собою, предоставляя ей всегда полную свободу. Онъ былъ очень доволенъ ею, потому что она также нисколько не вмѣшивалась въ его времяпровожденіе; безбоязненно проигрывалъ онъ въ карты, волочился и хвасталъ. Въ первые мѣсяцы брака, многое, впрочемъ, казалось ему страннымъ въ ней: онъ не понималъ, отчего не отвѣчала она на его ласки и какъ будто старалась избѣгать ихъ; отчего, живя въ полномъ довольствѣ, скучала и не хотѣла выѣзжать, и отчего не гуляла съ нимъ по Невскому въ отличномъ бархатномъ капотѣ, который, по мнѣнію его, долженствовалъ произвести величайшій эффектъ. Но впослѣдствіи онъ привыкъ ко всему этому. Въ Петербургѣ никто не вмѣшивался въ семейныя дѣла ихъ: — отецъ Ольги Михайловны, казалось, начинавшій раскаяваться въ томъ, что выдалъ дочь свою противъ ея воли, щадилъ ея грусть. И тоскливая тишина постоянно царствовала въ домѣ Петра Александрыча до пріѣзда его въ деревню.

Но уже не трудно было предвидѣть, какая участь ожидала здѣсь Ольгу Михайловну. Она должна была возбудить противъ себя и сплетни, и клеветы, и оскорбленія, и участіе — всѣ эти орудія раздражительнаго и злобнаго невѣжества, которое тяжко и безпощадно мститъ тѣмъ, кто выходитъ изъ подъ его уровня....

Прасковья Павловна была поражена спокойствіемъ, съ какимъ Петръ Александрычъ выслушалъ ея рѣчь.

— Чтожь ты, Петинька, молчишь? снова начала она измѣняющимся голосомъ: — или, можетъ быть, ты недоволенъ, что я начала съ тобой разговоръ объ этомъ предметѣ? По крайней мѣрѣ, я считала долгомъ, любя тебя, посовѣтовать...

— Да я, признаюсь вамъ, маменька, перебилъ Петръ Александрычъ: — не понимаю, какъ же вы говорите, что жена моя не знаетъ приличія... Она получила отличное воспитаніе, это въ Петербургѣ всѣ находили. Одному музыкальному учителю ея платили, кажется, рублей двадцать за урокъ.

ей-Богу. А у нея ужъ такой характеръ, знаете, мрачный. Это ничего; чтожъ!

Прасковья Павловна измѣнилась въ лицѣ.

— Другъ мой, я не стану говорить тебѣ, какъ я тебя люблю.... сколько жертвъ я принесла для тебя въ жизни....

На глазахъ Прасковья Повловны показались слезы....

— Я до сихъ поръ молчала объ этомъ... (Это не совсѣмъ справедливо, потому что о своихъ жертвахъ Прасковья Павловна непремѣнно упоминала въ каждомъ письмѣ своемъ къ сыну). Любовью своей къ тебѣ я не хвастаю: смѣшно было бы мнѣ не любить единственное мое сокровище, оставшееся мнѣ послѣ покойнаго... дитя, которое я носила подъ сердцемъ....

Прасковья Павловна зарыдала.

— Но если, милый мой, я не заслужила любви твоей, если я не стою твоего вниманія, если ты промѣнялъ меня на жену свою, если она дороже тебѣ. Богъ съ тобой.... Я покорюсь своей горькой участи, уѣду отсюда, найму себѣ маленькую избушечку возлѣ Воздвиженскаго монастыря... мнѣ ни прислуги не нужно — никого, никого, кромѣ дѣвки — безъ дѣвки ужъ я не могу.... надо же будетъ кому нибудь накормить меня, питье подать.... посвящу себя Богу, — это, впрочемъ, мое давнишнее намѣреніе.... тамъ же живетъ одна моя знакомая старушка — истинно добродѣтельной жизни, — она закроетъ мнѣ глаза.

На лицѣ Петра Александрыча показалось безпокойство.

— Помилуйте, маменька, да что это значитъ? что это съ ва мисегодня?

Прасковья Павловна тяжело вздохнула и закачала головой.

— Не сегодня, мой ангелъ, — нѣтъ; ты только ничего не замѣчаешь, а я многое, къ сожалѣнію, вижу....

Прасковья Павловна махнула съ огорченіемъ рукой.

— Ну, да что говорить!... Я далека отъ того, чтобъ заводить въ домѣ непріятности, ссору... Это не въ моемъ характерѣ, сохрани Господи! Но Ольга Михайловна явно не взлюбила меня — и не понимаю, не могу себѣ отдать отчета — за что. Я, — ты знаешь, умѣю любить: ты самъ видѣлъ, какъ я за ней ухаживала, просто, можно сказать, въ глаза ей смотрѣла, какъ будто я невѣстка, а она свекровь... И какая же мнѣ награда за это? Видно ужъ моя доля такая!... Кому ни ока-

зывала въ своей жизни вниманія, кому ни дѣлала благодѣянія, никто не чувствовалъ этого. Вотъ, слава Богу, вы здѣсь, кажется, болѣе трехъ мѣсяцевъ, — ласковаго взгляда отъ нея не видала, повѣришь ли? А по всему, кажется, она бы должна была во мнѣ искать, а не я въ ней: — такъ, по крайней мѣрѣ, а разсуждаю по-деревенски. Что дѣлать? Я не получила моднаго воспитанія, моимъ учителямъ не давали по двадцати рублей за урокъ, а слава Богу, до сихъ поръ не уронила себя нигдѣ, умѣла всегда чувствовать свое достоинство.

Прасковья Павловна встала съ дивана и остановилась противъ сына.

— У меня есть до тебя просьба, мое сердце, — увѣрена, что ты мнѣ въ ней не откажешь, успокой меня, ради Бога, успокой!... Можетъ быть, послѣ этого, я ужь не стану ничѣмъ тревожить тебя. Кажется, жена твоя сердита на меня за то, что я взяла на себя хозяйство въ твоемъ домѣ, а можетъ и за другое за что нибудь... до поры, до времени я молчу. Можетъ, она хочетъ сама всѣмъ распоряжаться — и прекрасно, очень рада, — отдай ей все, пусть ее будетъ полной хозяйкой въ домѣ.... Мнѣ бы и не слѣдовало вмѣшиваться не въ свое дѣло — глупо поступила, признаюсь. Я, впрочемъ, думала, что она еще женщина неопытная, не привыкла къ деревенскому хозяйству; что я, взявъ всѣ заботы на себя, по маленьку буду кріучать ее ко всему; что она ко мнѣ, какъ къ матери, будетъ приходить во всемъ спрашивать совѣтовъ.... Ошиблась сама, винюсь, что дѣлать!.. Такъ ты избавишь меня, другъ мой, отъ всякихъ хлопотъ, не правда ли?

— Помилуйте, маменька: какъ это можно? возразилъ Петръ Александрычъ: — ни за что въ свѣтѣ.... Я очень радъ, что вы взяли на себя хозяйство. Вы на это мастерица и управляющій говорилъ мнѣ, что ужь такой хозяйки трудно съискать, какъ вы....

— Нѣтъ, нѣтъ — и не говори лучше объ этомъ, и не проси.... Я, чтобъ избѣгнуть всѣхъ сплетень, твердо рѣшилась предоставить все Ольгѣ Михайловнѣ. Пусть она какъ хочетъ, такъ и распоряжается. А мнѣ ужь трудно на старости переносить огорченія — да еще при моемъ слабомъ здоровьѣ! Мнѣ немного и жить остается. Назначу Анеточкѣ въ духовномъ завѣщаніи двадцать тысячъ, она за мной и за больной ходила

какъ дочь, и всегда была при мнѣ,—ты вѣрно противъ этого ничего не скажешь.... Остальное, голубчикъ, вѣдь все тебѣ д останется, съ собой въ гробъ ничего не возьму. Поплачешь и объ матери, когда она на столѣ будетъ лежать; узнаешь тогда и мнѣ цѣну!

Слезы катились по щекамъ Прасковьи Павловны и голосъ ея дрожалъ, когда она произносила послѣднія слова. Петръ Александрычъ также прослезился. Ему стало жаль ее, и въ первый разъ неудовольствіе и подозрѣнія зародились въ немъ противъ жены. Онъ поцаловалъ ручку Прасковьи Павловны и сказалъ:

— Успокойтесь, маменька; ужь я васъ ни на кого не промѣняю.

Она крѣпко прижала его къ своему сердцу. И такимъ образомъ минуты съ четыре мать и сынъ пробыли въ объятіяхъ другъ друга. Прасковья Павловна, послѣ долгихъ и неотступныхъ просьбъ его, рѣшилась оставить подъ своимъ завѣдываніемъ хозяйство и вышла отъ него торжествующая.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей ожидала ее въ своей комнатѣ.

— Ну, что, Прасковья Павловна?.. спрашивала она, бросаясь къ ней на встрѣчу:—ахъ, какъ вы разстроены, вы плакали.. . Не хотите ли помочить виски одеколономъ?

Она сдѣлала жалостную гримасу.

— Ничего не нужно, мой другъ... Благодарю моего Бога, я еще не потеряла сына. Она еще не успѣла искоренить въ немъ чувства, а ужь старалась, какъ старалась! Сначала онъ очень непріятно выслушалъ, когда я заговорила объ ней, потомъ немного тронулся моимъ горемъ и слезами.... Ну, Ольга Михайловна! признаюсь,—хороша штучка!.. Ты проницательнѣе меня, Анеточка! Ты ее угадала съ перваго раза... Вотъ въ тихомъ-то омутѣ черти водятся, правду говоритъ пословица Я ему ничего не говорила, знаешь, о томъ, что ты мнѣ разсказала... Погожу еще немножко; посмотрю, что будетъ: да и къ чему теперь говорить? можетъ, еще и получше что нибудь узнаемъ... Перехитрить думаетъ насъ, столичная барыня! Нѣтъ, мы хоть и деревенскія, а не поддадимся въ обманъ.

Съ этого дня, Прасковья Павловна начала рѣшительнѣе

обнаруживать власть свою въ домѣ сына. Она выписала изъ своей деревни нѣсколько дворовыхъ семействъ, и этимъ еще болѣе увеличила и безъ того многочисленную долговскую дворню: уговорила сына, чтобъ онъ цѣлое семейство подарилъ Семену Никифорычу, и ему же въ подарокъ приказала выткать шесть дюжинъ тонкихъ салфетокъ и четыре скатерти. Звонкій голосъ Прасковьи Павловны раздавался по всему долгу. Она цѣлый день была въ хлопотахъ и занятіяхъ, мѣрила холстину, надзирала за дѣвками, сама изволила ходить за грибами съ Анеточкой: сердилась, кричала на неповоротливую прислугу; для возбужденія ея дѣятельности, употребляла иногда мѣры болѣе дѣйствительныя, чѣмъ брань и крики: по вечерамъ же посылала для своего развлеченія за попадьей. Дьяконицу она не любила и называла „сплетницей". Съ Ольгой Михайловной видѣлась только во время чая, обѣда и ужина; говорила ей *вы*, и нарочно при ней еще болѣе обыкновеннаго оказывала нѣжности своей Анеточкѣ. Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей вела себя довольно хитро и осторожно. Она какъ всегда, оказывала всевозможное вниманіе Ольгѣ Михайловнѣ, старалась даже угождать ей, и между тѣмъ была душою заговора, составившагося противъ нея. Прасковья Павловна играла въ немъ роль второстепенную и руководствовалась во всемъ совѣтами своей Анеточки. Въ тайны этого заговора были допущены — Агашка, Антонъ и Гришка, которые должны были слѣдить за малѣйшимъ движеніемъ Ольги Михайловны, и обо всемъ доносить Прасковьѣ Павловнѣ. Антонъ, питавшій прежде зависть къ своему собрату, пріѣхавшему изъ столицы, у котораго все платье было изъ тонкаго сукна, совершенно примирился съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ Агашка приняла Гришку подъ свое покровительство. Прасковья Павловна, деспотически обращавшаяся со всѣми дворовыми бабами и дѣвками, — оказывала безпредѣльную благоклонность одной Агашкѣ.

ГЛАВА VI.

Однако ни Прасковья Павловна, ни дочь бѣдныхъ но благородныхъ родителей (при всей проницательности) не могли замѣтить перемѣны, совершившейся въ Ольгѣ Михайловнѣ съ

того дня, въ который Андрей Петровичъ угощалъ своихъ новыхъ сосѣдей обѣдомъ и увертюрой изъ „Калифа Багдадскаго“. Эта перемѣна въ ней не могла быть уловима для ихъ глазъ: она совершалась внутри ея. Ольга Михайловна рѣже ощущала эту страшную пустоту, это безпредѣльное, мучительное сознаніе одиночества, которое три безконечные года не оставляло ее. И хотя она послѣ еще видѣла *его* только одинъ разъ и въ этотъ разъ не помѣнялась съ нимъ ни однимъ словомъ, но мысль, что недалеко отъ нея есть человѣкъ, понимавшій ее, близкій ея сердцу,—эта мысль дѣйствовала на нее успокоительно. Ея страданія иногда утишались и переходили въ тихую грусть, — въ то эфирное чувство меланхоліи, о которомъ *онъ* писалъ ей нѣкогда, объясняя Шуберта. Душа ея чаще открывалась для звуковъ великаго композитора и она глубже воспринимала ихъ въ себя и отраднѣе упивалась ими. Подъ вліяніемъ этого вдохновеннаго музыкальнаго состоянія души, она смотрѣла и на природу, окружавшую ее. И тогда все представлялось ей въ другомъ свѣтѣ, все получало для нее жизнь и значеніе — листы, падающіе съ деревьевъ, озеро, лѣниво приподнимавшее свою свинцовую грудь, надъ которымъ лентою тянулось стадо дикихъ утокъ, необозримыя нивы, щетинившіяся жнивою, и огонекъ отдаленной деревни, то ярко вспыхивавшій, то потухавшій.... Она терпѣливо сносила насмѣшливые взгляды Прасковьи Павловны, разсѣянно выслушивала ея колкости, вполовину понимала ея тонкіе намеки; не видѣла перемѣны въ обращеніи съ нею мужа и не подозрѣвалала, какими сѣтями приготовлялись опутывать ее. Она какъ-будто забылась на минуту въ уединенной жизни сердца. А отношенія къ ней Прасковьи Павловны и Петра Александрыча дѣлались такъ очевидны, что скоро вся дворня перестала смотрѣть на свою молодую барыню съ тою робкою боязнію, съ какою обыкновенно смотрятъ лакеи на своихъ господъ. Всѣ наперерывъ старались оказывать свои услуги барину, старой барынѣ и дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, а объ Ольгѣ Михайловнѣ никто не думалъ и не заботился. Только изъ всей дворни одна старуха няня своимъ безсознательнымъ, но сильнымъ чувствомъ привязалась къ ней: няня по-своему понимала ея тоску — и какъ умѣла, старалась оказать ей свое участіе.

— Полно тебѣ скучать, моя родимая, - говорила она ей, устремляя на нее свои глаза, помутившіеся отъ старости, и сжимая ея руку своей костлявой и дрожащей рукой: — полно, моя матушка... Богъ дастъ, все пройдетъ, все перемѣнится. Вотъ здѣсь твое сокровище (она указывала на спящаго малютку), — посмотри на него, поразсѣйся немножко, авось у тебя будетъ на сердцѣ полегче. Охъ-охъ, моя сердечная! и я потерпѣла много горя на свой вѣкъ, — а вотъ дожила себѣ до старости.

Однажды послѣ обѣда (это было въ исходѣ сентября), Ольга Михайловна собралась гулять. Она гуляла всегда одна и отходила довольно далеко отъ деревни, невольно возбуждая этимъ подозрѣнія Прасковьи Павловны и тайныя насмѣшки дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Въ этотъ разъ Ольга Михайловна вздумала идти по дорогѣ, которая вела къ сельцу Андрея Петровича. Дорога эта была несравненно живописнѣе другихъ: она шла извилинами, то возвышаясь, то понижаясь. Съ правой стороны далеко раскидывались пажити и только у самаго горизонта виднѣлись горы, издали болѣе походившія на облака. Съ лѣвой нѣкогда поднимался большой лѣсъ, принадлежавшій къ селу Долговкѣ и вырубленный въ разныя времена и на разныя потребности его владѣльцами. Остатки этого лѣса замѣтны были и теперь: еще кое-гдѣ торчали огромные пни и чернѣли остовы столѣтнихъ деревьевъ, а около нихъ начинала подниматься роща дубковъ и кленовъ... Между селомъ Долговкою и деревней Новоселовкой, ровно на полдорогѣ, находился глубокій оврагъ, поросшій кустарниками, всегда полный водою и пересыхавшій только въ самое жаркое лѣто, а за нимъ возвышался холмъ, съ вершины котораго представлялся отличный видъ на окрестности.

Ольга Михайловна незамѣтно дошла до оврага и поднялась на холмъ. Воздухъ дышалъ осеннею свѣжестію, гряды облаковъ тянулись отъ запада, постепенно блѣднѣя; роща была облита багрянцомъ и золотомъ: вода глухо журчала, лѣниво перебираясь между каменьями на днѣ оврага. Деревенская кляча едва тащила возъ, тяжело нагруженный хворостомъ, взбираясь на гору. Близь воза шелъ мужичокъ и затягивалъ унылую пѣсню... Она вспомнила такой же осенній вечеръ

въ подмосковной деревнѣ своей тетки, вспомнила мысли и надежды, одушевлявшія ее тогда.

Она остановилась на холмѣ, любуясь прощальной красотой природы, великолѣпнымъ убранствомъ ея наканунѣ смерти... Пѣсня мужика замирала въ отдаленіи, все стихало: огонь въ облакахъ потухалъ; всѣ предметы синѣли и становились неопредѣленнѣе... Ей стало страшно одной... Она сбѣжала съ холма, и скорыми шагами пошла по знакомой ей тропинкѣ домой. Въ эту самую минуту изъ рощи вышелъ человѣкъ средняго роста съ ружьемъ на плечѣ. Дорога отдѣлялась отъ рощи небольшой канавкой, прорытой для стока дождевой воды. Онъ перескочилъ эту канавку и остановился передъ Ольгой Михайловной, которая отъ испуга отшатнулась назадъ.

— Простите меня, сказалъ онъ ей, — я испугалъ васъ.

Это былъ учитель.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, отвѣчала она улыбаясь и смотря на него: — Вы испугали меня... Вы съ ружьемъ? Давно ли сдѣлались охотникомъ?

— Съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ сюда. Но отчего, продолжалъ онъ, нѣсколько понижая голосъ: — отчего вы здѣсь — и однѣ... Не случилось ли чего съ вами?

— Ничего. Я гуляла и слишкомъ далеко отошла отъ деревни...

— Но прежде, чѣмъ вы дойдете до нея, смеркнется... Въ сумеркахъ васъ можетъ испугать все — и листъ, падающій съ дерева... Позвольте мнѣ проводить васъ до вашей деревни.

Она отвѣчалъ ему наклоненіемъ головы, ускорила шаги и закуталась въ свою теплую мантилью, потому что воздухъ становился рѣзокъ.

Нѣсколько минутъ они шли, не говоря ни слова.

— Я столько лѣтъ не видалась съ вами, сказала она, выходя изъ задумчивости:—съ тѣхъ поръ измѣнилось такъ многое... Зачѣмъ вы оставили Москву? зачѣмъ вы здѣсь?

— Ради Бога, не спрашивайте меня о моей жизни, отвѣчалъ онъ грустно.

Разговоръ прекратился. На его и на ея лицѣ выражалось сильное волненіе. Вдругъ она остановилась на томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивалась роща. Они были уже въ нѣсколькихъ шагахъ

отъ деревни... Наступили сумерки... Въ избахъ замелькали огни... Въ рѣчкѣ заблестѣли лунные лучи ..

— Благодарю васъ, сказала она: — я теперь почти дома; но можетъ быть, вы сдѣлаете намъ удовольствіе — зайдете къ намъ. . Мой мужъ...

—Мнѣ очень жаль, отвѣчалъ онъ: —что я не могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ... Я и безъ того немножко запоздалъ. Я думаю, Андрей Петровичъ разослалъ всѣхъ своихъ гончихъ для отысканія меня... Но какъ бы то ни было, я очень обязанъ случаю, который позволилъ мнѣ нѣсколько минутъ провести съ вами...

— Это бываетъ рѣдко. продолжалъ онъ послѣ минуты молчанія: —а мнѣ хотѣлось бы еще разъ, только одинъ разъ въ жизни, услышать отъ васъ звуки Шуберта... Наши московскіе вечера уже не возвратятся; но въ душѣ моей сохранились каждый звукъ вашъ, каждое слово, и только эти звуки, эти слова и примиряютъ меня съ моею жалкою жизнью...

— Прощайте, добрый другъ мой. перебила она, протягивая ему руку, которую онъ жадно схватилъ и цаловалъ. — До свиданія... Когда нибудь я исполню ваше желаніе...

Лицо ея горѣло.

— Еще одно слово! вдругъ вырвалось у него: — вы несчастливы?

На губахъ ея показался едва замѣтный судорожный трепетъ...

— Прощайте, повторила она, вырывая свою руку изъ его руки: — Прощайте...

Онъ долго смотрѣлъ ей вслѣдъ, и потомъ тихо пошелъ домой, безпрестанно оглядываясь... Вдругъ въ кустахъ возлѣ самой дороги послышался шорохъ... Изъ-за куста поднялся какой-то неуклюжій исполинъ и закричалъ сиповатымъ голосомъ:

— Что... попался, молодецъ! въ чужихъ лѣсахъ дичь стрѣлять... да еще за барышнями ухаживать, ручки цаловать, вотъ мы-те сорвемъ шею-то, погоди...

И съ этими словами исполинъ, вооруженный дубиною, бросился на учителя. Учитель однако не оробѣлъ. Онъ схватилъ одной рукой исполина за горло. а другой занесъ ружье надъ головою его...

— Что ты за человѣкъ? что тебѣ нужно?

Исполинъ, вѣроятно, не ожидалъ такого отпора, оробѣлъ и выронилъ изъ руки свою дубину.

— Ахъ, ваше высокоблагородіе! извините! сказалъ онъ прерывающимся голосомъ: — ей Богу ошибся... я думалъ, что это такъ какой нибудь тутъ прохаживается... Сами знаете, слѣдъ ли здѣсь съ ружьемъ ходить всякому... а еслибъ я зналъ, что это ваше высокоблагородіе, да какъ бы я осмѣлился подступить къ вамъ... Извѣстное дѣло — баринъ, куда же тутъ нашему брату холопу соваться?.. Ваше высокоблагородіе, отпустите

— Что ты за человѣкъ? повторилъ учитель.

— Ахъ, батюшки свѣты!.. да здѣшній вотъ-те крестъ, здѣшній, долговскій, Петра Александрыча-съ... Ихнему дядинькѣ служилъ тридцать лѣтъ, ей-Богу. Меня зовутъ Антономъ. Спросите у кого угодно: всѣ Антона знаютъ... Ваше высокоблагородіе, не погубите... Дѣти... жена...

— Хорошо, я отпущу тебя; но если ты осмѣлишься кому нибудь, хоть двухлѣтнему ребенку пикнуть о томъ, что ты видѣлъ меня здѣсь... тогда, братъ, — ужь пеняй на себя. Я тебя вездѣ найду!

— Ваше высокоблагородіе... ваше высокогородіе! да что я за злосчастный такой, чтобъ сталъ разсказывать?.. И какая же прибыль изъ того?.. Я ничего и не видалъ; вотъ хоть провалиться сквозь землю, чтобъ языкъ отсохнулъ у меня, если я...

— Ну, смотри же!

Учитель выпустилъ Антона и Антонъ безъ оглядки, во всю прыть пустился въ деревню.

Черезъ минуту раздался страшный лай... Стая собакъ кинулась вслѣдъ за бѣжавшимъ Антономъ...

Ольга Михайловна возвратилась домой къ самому чаю.

— Гдѣ это вы были, Ольга Михайловна? спросила ее Прасковья Павловна.

— Я гуляла... отвѣчала она — Виновата... можетъ быть, заставила васъ дожидаться...

— Помилуйте, нисколько... Такъ вы до сихъ поръ гуляли?

Прасковья Павловна значительно взглянула на своего сына и на Анеточку, которая разливала чай.

Петръ Александрычъ молчалъ, но посматривалъ на жену

искоса. Прасковья Павловна начала бить тактъ ложечкой по своей чашкѣ..

— Сегодня былъ прелестный вечеръ, сказала дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей... Вы далеко гуляли, милая Ольга Михайловна?

— Довольно далеко

— Ахъ, какъ жаль,—я не знала, что вы идете,—а ужь я непремѣнно навязалась бы вамъ въ компаньонки. Обожаю гулять въ сумерки!

— Зачѣмъ же навязываться? замѣтила Прасковья Павловна.—Можетъ статься, Ольгѣ Михайловнѣ непріятно было бы гулять съ тобой: ты, душенька, можетъ, помѣшала бы ей... мечтать.

Ольга Михайловна ничего не отвѣчала на это замѣчаніе. Минуты двѣ въ комнатѣ царствовало безмолвіе, нарушаемое только всхрапываніемъ лакея въ передней. Вдругъ, среди этой тишины, послышался отдаленный звонъ дорожнаго колокольчика, ближе и ближе, громче и громче ..

— Что это значитъ? вскрикнула Прасковья Павловна.

— Ахъ, кто бы это? вскрикнула дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

И Петръ Александрычъ оживился... Онъ всталъ съ своего кресла и, начиная третій стаканъ чаю съ ромомъ, сказалъ:

— Ужь не къ намъ ли?

Даже у Ольги Михайловны забилось сердце при звукахъ этого колокольчика...

Но вотъ уже раздался лошадиный топотъ, кажется, у самаго крыльца; вотъ колокольчикъ пересталъ заливаться, задребезжалъ и смолкъ.

Всѣ, кромѣ Ольги Михайловны, бросились въ переднюю...

— Здѣсь, братецъ, Петръ Александрычъ? кричалъ кто-то на крыльцѣ.—Дома онъ?

Этотъ голосъ былъ знакомъ только Петру Александрычу; Прасковья Павловна съ Анеточкой выбѣжали изъ передней.

— Возьми сальныя свѣчи со стола, да принеси поскорѣй восковыя.—сказала Прасковья Павловна, толкая въ спину лакея:—Слышишь?

Изъ передней раздались восклицанія.

— Старый пріятель, узнаешь ли меня, моншеръ?

— Здравствуй, братецъ! какими судьбами откуда?

И Петръ Александрычъ ввелъ за руку пріѣхавшаго господина, одѣтаго по дорожному. Это былъ давно извѣстный читателямъ офицеръ съ серебреными эполетами *).

— Маменька, вотъ мой хорошій петербургскій пріятель, г. Анисьевъ.

Слово петербургскій подѣйствовало магически на Прасковью Павловну и на ея Анеточку.

— Очень пріятно имѣть честь познакомиться съ вами, произнесла Прасковья Павловна, поправляя на себѣ платокъ: — извините, что вы насъ застали по домашнему, за-просто.

— Помилуйте-съ...

Офицеръ съ серебреными эполетами поправлялъ свой хохолъ, протиралъ очки и расшаркивался. Увидѣвъ Ольгу Михайловну, онъ подлетѣлъ къ ней съ поклонами и съ комплиментами.

Прасковья Павловна и Анеточка ушли, и черезъ нѣсколько минутъ возвратились переодѣтыя. Послѣдняя навязала сырцовыя пукли, которыми она всегда украшала себя въ торжественные случаи.

— Ну, разскажи же, какъ ты здѣсь очутился? спрашивалъ Петръ Александрычъ у офицера, сажая его къ чайному столу.

— Неожиданно, мон-шеръ, совсѣмъ неожиданно. Скоро послѣ твоего отъѣзда изъ Петербурга, папенька скончался... старикъ, знаешь, мон-шеръ послѣднее время все хирѣлъ...

— Боже мой, какое несчастіе! воскликнула Прасковья Павловна, всплеснувъ руками..

— А не хочешь ли, братъ, вмѣсто чаю—*ромашки*? это послѣ дороги-то лучше, я полагаю....

— Какъ! ромашки? спросила удивленная Прасковья Павловна...

— Да-съ,—это у насъ, маменька, техническій терминъ: такъ мы называемъ ромъ съ чаемъ.

Офицеръ съ серебреными эполетами засмѣялся, закрутилъ усы, и сказалъ:

— Спасибо, мон-шеръ; это не дурно... Mesdames,—про-

*) См. повѣсть „Опагръ".

должалъ онъ: — вы позволите мнѣ закурить сигару... Не будетъ ли табачный дымъ безпокоить васъ?..

— О, нѣтъ, проговорила дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, закатывая глаза подъ лобъ — мы всѣ привыкли къ табачному дыму.

— Но ты все еще мнѣ не сказалъ, какимъ образомъ ты здѣсь? спросилъ Актеонъ, дотрогиваясь до плеча офицера.

Офицеръ хлебнулъ ромашки, пустилъ изо рта клубъ дыма, и растянулся на стулѣ.

— Очень просто, мон-шеръ, сказалъ онъ. — Мнѣ досталось наслѣдство послѣ папеньки... Надо же все осмотрѣть самому, принять все отъ управляющаго... Я взялъ отпускъ да и катнулъ сюда... почти мимо тебя пришлось, мон-шеръ, ѣхать, немного въ сторону; я думаю себѣ, какъ же не побывать у пріятеля?.. И я бы давно у тебя былъ, да въ Москву бѣлокаменную, знаешь, какъ попадешь, — бѣда: съ балу на балъ, съ обѣда на обѣдъ, кавалеровъ-то нѣтъ, такъ, нашъ братъ петербургскій тамъ какъ сыръ въ маслѣ катается... Меня на рукахъ тамъ носили, во всѣхъ аристократическихъ домахъ принятъ былъ, мон-шеръ, ей-Богу, какъ родной... Тамъ же случился Костя... Вѣдь charmant jeune homme, надо отдать ему справедливость... съ нимъ полтора мѣсяца прожилъ, какъ одинъ день.

— Вотъ что!

Актеонъ призадумался... Слова офицера пахнули на него былою жизнью, тѣмъ временемъ, когда еще онъ блаженствовалъ въ кожѣ Онагра...

— И въ Москвѣ, продолжалъ офицеръ: — хорошенькихъ бездна. Я, знаешь, мон-шеръ, приволокнулся тамъ за одной княжной... Она извѣстна вездѣ: *юнь боте*... глаза такіе живые, такъ и бѣгаютъ... и она была ко мнѣ очень благосклонна; взяла съ меня честное слово на возвратномъ пути непремѣнно заѣхать къ нимъ.

Офицеръ затянулся.

— Ну, а ты что подѣлываешь здѣсь, мон-шеръ? а? хозяйничаешь? Славная деревенька у тебя...

Офицеръ осмотрѣлъ кругомъ комнату.

— *Се тре жоли*... разумѣется, въ деревнѣ для чего убирать

великолѣпно комнаты?. А говорятъ, въ моемъ селѣ домъ такой каменный, славный...

— Много, братецъ, тебѣ душъ досталось?

— Душъ-то немного, мон-шеръ; кажется, около 300, что-то этакъ, но денегъ бездна—это главное, папенькѣ всѣ были должны; у него такіе капиталы, что ужасъ! Хочу выйдти въ отставку. Съѣзжу въ чужіе края. Надо же, мон-шеръ, свѣтъ посмотрѣть,—нельзя безъ этого. Какія устрицы были нынѣшней весной въ Петербургѣ—чудо!.. А тебѣ, мон-шеръ, всѣ наши кланяются...

Чай былъ собранъ... Офицеръ понемногу прихлебывалъ ромашку и болталъ безъ умолку.

— А что, мон-шеръ, не вспомнить ли старинку? вскрикнулъ онъ, вскакивая со стула:—не съиграть ли въ банчикъ?

— Пожалуй.

— Если у тебя нѣтъ картъ, то я свои достану. У меня всегда есть въ шкатулкѣ на всякій случай.

— Что жь ты, братецъ, думаешь, что мы здѣсь и въ карты не играемъ? спросилъ Актеонъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства

— Нѣтъ мон-шеръ, я только такъ сказалъ... Вели же все устроить какъ слѣдуетъ... Я, мон-шеръ, и усталости никакой послѣ дороги не чувствую.

— А ты на долго ли ко мнѣ пріѣхалъ?

— Дня на два, на три, мон-шеръ, если позволитъ мнѣ Ольга Михайловна и твоя маменька.

Офицеръ поклонился той и другой.

— Отчего же на такое короткое время? сказала Прасковья Павловна:—погостите у насъ подольше. Вы насъ одушевите своимъ присутствіемъ.

— Никакъ не могу дольше, при всемъ моемъ желаніи. Въ Москвѣ и безъ того зажился, а меня ждутъ въ деревнѣ... Кто же, мон-шеръ, мечетъ? Хочешь, я буду метать... Человѣкъ, вели принести мою шкатулку.

Шкатулку принесли. Она обратила на себя всеобщее вниманіе своимъ изяществомъ... Офицеръ выкинулъ на столъ пачку новенькихъ ассигнацій синенькихъ и красненькихъ, отъ которыхъ у Петра Александрыча разгорѣлись глаза...

— Вотъ тысяча рублей, сказалъ офицеръ:—покуда до-

вольно... А здѣсь, мон-шеръ, наберется еще нѣсколько такихъ пачекъ.

Онъ указалъ на шкатулку, самодовольно улыбаясь.

Игра началась.

— Ахъ, какъ милъ, какъ любезенъ!... шептала дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, отводя Прасковью Павловну къ окну и невольно вздыхая.

— Онъ можетъ очаровать своей бесѣдой... Вотъ что значитъ быть всегда въ большомъ свѣтѣ... Немудрено, что въ него княжны влюбляются. Я этому очень вѣрю.

— Ну, признаюсь тебѣ, Анеточка, отвѣчала ей Прасковья Павловна:—такого свѣтскаго человѣка я рѣдко встрѣчала; а я таки жила въ свѣтѣ... такъ и льется, какъ рѣка,— хоть бы въ одномъ словѣ споткнулся. А наше-то сокровище не нашлась ему ничего сказать: сидитъ себѣ да молчитъ... просто за нее стыдно! Ну, бѣдный мой Петинька, не думала я, чтобъ на него такое ослѣпленіе нашло... Признаюсь, попался, какъ куръ во щи, съ этой женитьбой.

Банкъ продолжалъ до часу. Въ этотъ вечеръ офицеръ съ серебреными эполетами проигралъ Актеону пятьсотъ рублей.

На другой день Актеонъ, чтобъ веселѣе провести время и показать своему столичному пріятелю деревенскихъ оригиналовъ, послалъ за помѣщикомъ семи душъ. Илья Иванычъ явился. Его, по обыкновенію, напоили; онъ плясалъ въ присядку, острилъ по своему, прыгалъ на одной ножкѣ, и никогда почти не былъ такъ забавенъ. Всѣ смѣялись надъ нимъ, но въ особенности офицеръ съ серебреными эполетами. Онъ налилъ въ полоскательную чашку воды, посыпалъ туда соли и перцу и поднесъ ее Ильѣ Иванычу.

— Ну-ка, любезнѣйшій, сказалъ онъ, смѣясь—выпейте: славный напитокъ.... Это пуншъ, особымъ образомъ приготовленный, по-петербургски.

Илья Иванычъ посмотрѣлъ на офицера и на полоскательную чашку. Въ Ильѣ Иванычѣ вдругъ пробудилось что-то похожее на давно утраченное имъ чувство человѣческаго достоинства.

— Господинъ офицеръ, сказалъ онъ, весь измѣняясь въ лицѣ:—имени и отчества вашего не имѣю чести знать,—позвольте доложить, что я не формальный шутъ,—это засвидѣ-

тельствуетъ вамъ хозяинъ здѣшняго дома: вы ошиблись во мнѣ... я только иногда позволяю себѣ подурачиться, исполняя желаніе моихъ благодѣтелей. Моя нищета еще не даетъ вамъ право, милостивый государь, издѣваться надъ отцомъ многочисленнаго семейства, оскорблять человѣка, который старше васъ лѣтами...

На глазахъ Ильи Иваныча показались слезы.... Впрочемъ, эта вспышка тотчасъ же и потухла въ немъ... Онъ боязливо посмотрѣлъ на хозяина дома, казалось, умоляя его глазами не гнѣваться за дерзкую рѣчь, невольно сорвавшуюся у него съ языка

Офицеръ съ серебреными эполетами отскочилъ отъ помѣщика семи душъ, краснѣя поставилъ полоскательную чашку на окно, и, чтобъ скрыть свое замѣшательство, обратился къ Петру Александрычу.

— Не хочешь ли, мон-шеръ, продожать вчерашній банчикъ?

— Изволь, братецъ, отвѣчалъ Петръ Александрычъ.

Между тѣмъ, Прасковья Павловна и дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, пришедши въ отчаяніе отъ того, что шутка офицера кончилась такою непріятностью, напали на Илью Иваныча въ другой комнатѣ. Онѣ кричали въ одинъ голосъ:

— Да какъ вы это смѣете?... Да что вы думаете объ себѣ?... Васъ никто въ домъ къ себѣ не будетъ пускать.... Вы съ ума сошли! Знаете ли вы, что онъ прямо изъ столицы?.. Онъ тамъ въ первые дома ѣздитъ. Онъ можетъ, если захочетъ, раздавить васъ, какъ червяка!.. И почему вамъ было не выпить этого питья, что онъ вамъ давалъ? Не велика важность! У васъ не такой ужь нѣжный желудокъ, не испортился бы...

Илья Иванычъ низко кланялся и просилъ прощенія.

Весь этотъ и слѣдующій день офицеръ и Петръ Александрычъ не отходили отъ карточнаго стола ни на минуту. Игра у нихъ завязалась не шуточная. Петръ Александрычъ въ два дня проигралъ шестьдесятъ тысячъ.....

Это сильно его встревожило.

— Какъ же, братецъ, сказалъ онъ перемѣнившимся голосомъ:—я не могу тебѣ теперь заплатить этихъ денегъ,—у меня нѣтъ столько...

— Все равно, мон-шеръ, все равно, послѣ: тебѣ я по-

вѣрю... А не можешь ли ты мнѣ теперь отдать хоть немного?..

— Тысячи три... могу.

— Ну, все равно, хоть три тысячи, а на остальныя пятьдесятъ семь тысячъ ты мнѣ просто дай записку, мон-шеръ, — напиши, что взялъ ихъ у меня на сохраненіе до перваго востребованія, — вотъ и все.

Петръ Александрычъ согласился на это, и офицеръ на четвертый день рано утромъ выѣхалъ изъ села Долговки. Восторгъ Прасковьи Павловны къ офицеру въ минуту однако исчезъ, когда ей сказали, на какую сумму объигралъ онъ ея сына.

— Ахъ, Петинька, Петинька!... твердила она, ломая руки: — можно ли это! шутка ли, шестьдесятъ тысячъ!... Вотъ разбойникъ какой подвернулся!

ГЛАВА VII.

Этотъ проигрышъ былъ послѣдней данью, заплаченной Петромъ Александрычемъ прошлой жизни. Онъ навсегда простился съ порывами и съ сильными ощущеніями. Съ этихъ поръ щекотали его только мелочныя страстишки и ощущеньица. „Хорошо бы сдѣлаться какою нибудь важною чиновною особою въ уѣздѣ“, думалъ онъ, или: „недурно бы съѣздить къ губернатору; его превосходительство меня ласкаетъ; пусть видятъ это другіе помѣщики“. И вдругъ лѣниво подымался онъ съ своихъ креселъ, въ которыхъ обыкновенно дремалъ послѣ жирнаго обѣда и отправлялся въ губернскій городъ. Онъ любилъ также поохотиться, для того, чтобъ пощеголять своими собаками.

Однажды такъ, Богъ знаетъ для чего, вздумалось ему показать, что онъ знаетъ толкъ въ хозяйствѣ. Призвавъ управляющаго, Петръ Александрычъ произнесъ съ важностью: „Зимній путь ужь установился; отправьте же поскорѣй подводы въ Москву съ надежнымъ человѣкомъ — во первыхъ, для закупки годовой провизіи, а во вторыхъ для того, чтобъ взять у братьевъ Бутеноп четырехъ конную молотилку, вѣялку, плугъ и экстирпаторы. Это все необходимо нужно имѣть.

Управляющій, изумленный такимъ приказаніемъ, лукаво улыбнулся и произнесъ: слушаю-съ.

Приказаніе Актеона было въ точности выполнено. Означенныя земледѣльческія орудія привезены и поставлены въ каретные сараи, откуда они уже никогда и не выдвигались. Въ другой разъ, онъ призвалъ управляющаго и изъявилъ ему желаніе присутствовать на такъ называемыхъ посидѣлкахъ. Это послѣднее желаніе уже нисколько не показалось страннымъ Назару Яковличу... Все шло хорошо... Семенъ Никифорычъ гостилъ въ селѣ Долговкѣ по недѣлямъ и по мѣсяцамъ. Онъ вѣроятно, пересталъ оскорбляться невнимательностію къ нему Ольги Михайловны. Петръ Александрычъ игралъ съ нимъ по маленькой въ преферансъ. Покуривая сигарку, лѣниво бросалъ онъ карты на зеленое сукно... Это было тотчасъ послѣ обѣда.

Вошедшій Ѳомка отвлекъ его вниманіе.

— Что тебѣ надобно? спросилъ у него Петръ Александрычъ.

Ѳомка, только что возвратившійся изъ уѣзднаго города, подалъ барину письмо. Письмо это было застраховано.

— Отъ кого бы это?

Актеонъ отложилъ карты въ сторону, распечаталъ и прочелъ письмо...

„Cher ami, Петръ Александрычъ“ — писалъ къ нему офицеръ: „прости, что я безпокою тебя. Мнѣ крайняя нужда въ деньгахъ. Сдѣлай одолженіе, вышли мнѣ должныя тобою пятьдесятъ-семь тысячъ черезъ двѣ недѣли въ Петербургъ (Адресъ мой при семъ прилагаю). Если ты къ сему сроку не вышлешь деньги, то не пеняй на меня,—я вынужденъ буду представить записку твою куда слѣдуетъ; а ты знаешь, что такого рода записки имѣютъ силу.—Еще разъ повторяю мою просьбу о деньгахъ. Не заставь меня ссориться съ тобой, mon cher. — Adieu. будь здоровъ. Поклонись отъ меня женѣ своей и маменькѣ...

Твой pour toujour

Анисьевъ“.

Откуда же взять столько денегъ и въ такое короткое время? Управляющій говоритъ, что на доходы надѣяться нечего, что скоро придется кормить крестьянъ, по случаю долгихъ неуро-

жаевъ, а большіе-то доходы обѣщаетъ онъ не прежде, какъ года черезъ два.

Петръ Александрычъ нахмурился.—У него денегъ оставалось немного... Онъ ужь истратилъ нѣсколько новенькихъ ассигнацій, — нарушивъ честное слово, данное имъ самому себѣ не прикасаться ни въ какомъ случаѣ къ этимъ деньгамъ.. Что дѣлать?

— Зачѣмъ, подумалъ Петръ Александрычъ:—я далъ ему эту проклятую записку?... Можно было бы какъ нибудь отдѣлаться отъ него и не заплатить... А теперь бѣда!...

— За... адумались, Петръ Александрычъ, сказалъ Семенъ Никифорычъ:—ва...ашъ ходъ...

— Мнѣ, признаться, не до игры, произнесъ Петръ Александрычъ,—и объяснилъ Семену Никифорычу причину своего безпокойства.

— Да...дѣ...ѣло не шуточное!

Семенъ Никифорычъ выпустилъ изо рта и изъ носа тучи дыма и положилъ на столъ свой коротенькій чубучокъ...

— У кого бы занять? подумалъ вслухъ Петръ Александрычъ.

— За... нять? Мм! по... просите... у Прокофья Евдокимыча; у... у него цѣлые по...двалы денегъ, въ землюзарываетъ... ей-Богу... А..а... вось дастъ... не ровенъ часъ; онъ и... инымъ и давалъ...

— Маменька! закричалъ Петръ Александрычъ: — пожалуйте къ намъ на совѣтъ.

— Сейчасъ, мой голубчикъ! отвѣчала Прасковья Павловна выходя изъ ближайшей комнаты...

— Что тебѣ посовѣтовать, мой ангелъ?... Ахъ, Семенъ Никифорычъ! материнскому сердцу какъ пріятно слышать это... Онъ, голубчикъ мой (она указывала на сына), видитъ, что я опытнѣе его, желаю добра, онъ безъ меня ничего и не предпринимаетъ.

— Это по.. похвально, сказалъ Семенъ Никифорычъ.

Петръ Александрычъ прочелъ матери письмо, полученное имъ, и передалъ ей мысль Семена Никифорыча о займѣ денегъ у Прокофья Евдокимыча.

— Нечего дѣлать, произнесла Прасковья Павловна вздыхая: — надо перепробовать, дружочикъ, всѣ средства.. Авось

этотъ скряга, гнусный старичишка, хоть одинъ разъ въ жизни покажетъ себя съ благородной стороны... Только совѣтую тебѣ, дружочекъ Петинька, поѣзжай къ нему самъ. Ты этимъ, вопервыхъ, сдѣлаешь ему честь, и кто знаетъ, можетъ, это его тронетъ.

— Хорошо-съ; а что, маменька, правду вѣдь вы говорили, что въ нынѣшнемъ свѣтѣ трудно найдти пріятелей, — такъ и вышло по вашему.

Петръ Александрычъ смялъ письмо офицера въ комокъ и бросилъ подъ столъ.

— Я, другъ мой, никогда не говорю пустяковъ... Ужь я все испытала въ жизни: такъ моимъ словамъ можно вѣрить...

На другой день рано утромъ, Петръ Александрычъ, облекся въ дядюшкину медвѣжью шубу, два исполина уложили его въ пошевни, Гришка присѣлъ на облучокъ, кучеръ дернулъ возжами — и лихая тройка помчала барина.

Передъ нимъ разстилались необозримыя снѣжныя равнины, среди которыхъ изрѣдка чернѣлись деревеньки, мелькали деревья, опушенныя инеемъ, да испуганныя вороны, отряхая снѣгъ съ вѣтвей, поднимались съ карканьемъ, тяжело махая крыльями, и исчезали въ отдаленіи черными точками на сѣромъ небѣ.

Въ уѣздномъ городѣ звонили къ обѣднѣ, потому что это было воскресенье... По единственной улицѣ города, на которой торчалъ неуклюжій каменный домъ между разваливающимися домиками и избами, — плыли, какъ павы, жирныя разрумяненныя и расписанныя мѣщанки въ малиновыхъ штофныхъ тѣлогрѣйкахъ на лисьемъ мѣху; за ними выступали мужья ихъ въ синихъ сибиркахъ, шли ямщики въ засаленныхъ тулупахъ, да тащились двѣ или три старушонки въ порыжѣлыхъ салопахъ... У калитки дома, украшеннаго ёлкою, стоялъ приказный, облизывая губы и нѣсколько пошатываясь, а далѣе мальчишки скатывались на салазкахъ съ горки, устроенной возлѣ самой проѣзжей дороги...

Отъ села Долговки до села Карташева, въ которомъ имѣлъ резиденцію богатый старичокъ, считалось слишкомъ верстъ сорокъ. Петръ Александрычъ завидѣлъ издалека цѣль своего путешествія. Село Карташево казалось въ шесть разъ болѣе уѣзднаго города, черезъ который онъ проѣхалъ, и украшалось

двумя каменными церквями; это село, состоявшее изъ 1800 душъ, принадлежало разнымъ помѣщикамъ. Прокофій Евдокимычъ былъ одинъ изъ главныхъ: онъ владѣлъ въ немъ 800 душами. Прокативъ по узкой улицѣ, въ которой избы, какъ во всѣхъ старинныхъ деревняхъ, тѣсно прилѣплялись одна къ другой, кучеръ спустился на озеро, мигомъ поднялся на противоположный берегъ, повернулъ налѣво, въѣхалъ на небольшой дворикъ, обнесенный развалившимся заборомъ, и остановилъ лошадей у крыльца.

На крыльцѣ небольшого домика стояли съ разинутыми ртами и съ выпученными глазами какіе-то мальчишки въ сѣрыхъ курткахъ домашняго сукна...

— Дома вашъ баринъ? спросилъ у нихъ Гришка, спрыгивая съ облучка.

Мальчишки молчали.

— Эй, вы, щенки! васъ спрашиваютъ. Слышите?

— Кого вамъ надо? сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, почесываясь.

— Тятеньку, что ли?

— Какого тятеньку! пошелъ, дуракъ.

Гришка помогъ барину своему вылѣзть изъ пошевней и взбѣжалъ въ сѣни. Въ сѣняхъ у двери стоялъ чанъ съ водой и нѣсколько кадочекъ. Онъ началъ стучать въ дверь.

— Кто тамъ? раздался грубый женскій голосъ. — Чаво надо?

— Гости пріѣхали; дома ли вашъ баринъ?

Голосъ смолкъ, и минуты черезъ три, дверь, запертая извнутри желѣзнымъ засовомъ, заскрипѣла и отворилась.

— Сюда, батюшка, сюда, кормилецъ! сказала баба, кланяясь Гришкѣ. — Кто вы такіе?

— Да здѣсь ли живетъ Прокофій Евдокимычъ? спросилъ Петръ Александрычъ.

— Здѣсь, кормилецъ, здѣсь. Палашенька, скажи барину, что гости пріѣхали.

Баба обернулась къ дѣвочкѣ, которая выглядывала изъ-за нея.

— Погоди, кормилецъ, погоди, вотъ она сейчасъ воротится. Баринъ отвѣтъ дастъ.

Дѣвочка минутъ черезъ пять воротилась.

— Какіе гости? спрашиваетъ баринъ, запищала она.

— Какіе же вы гости, батюшка? какъ о васъ сказать? спросила баба, смотря на Петра Александрыча и на Гришку.

— Скажи, что пріѣхалъ помѣщикъ изъ села Долговки.

— Отколева?

— Изъ села Долговки, дура! закричалъ Гришка.

— Долговскіе. Вишь!

Баба ушла.

Петръ Александрычъ стоялъ, во ожиданіи бабы, не снимая своего медвѣдя, потому что въ передней Прокофья Евдокимыча было несравненно холоднѣе, чѣмъ на дворѣ.

— Можетъ ли это быть? послышался минутъ черезъ десять слабый голосъ во второй комнатѣ: — гдѣ? Ты врешь..

— Врешь! чаво врать? отвѣчала баба. — Посмотри самъ, батюшка.

Прокофій Евдокимычъ въ тепломъ, изорванномъ и истертомъ халатѣ робко взглянулъ въ переднюю.

— Петръ Александрычъ! . воскликнулъ онъ съ видимымъ замѣшательствомъ и замахивая полы своего халата... Вы ли это?.. Сами безпокоились... Я не стою такой чести. Милости прошу, сударь... Извините. Лакеи мои всѣ разбѣжались, а я больной... Не осудите...

Петръ Александрычъ снялъ шубу и вошелъ въ слѣдующую комнату.

— Сюда, сюда, говорилъ старичокъ, пожимая одной рукой руку гостя, а другой придерживая полу своего халата.

— Покорнѣйше прошу въ гостиную... Вотъ такъ, на диванчикъ.

Голыя бревенчатыя стѣны этой гостиной украшались двумя пятнами въ рамкахъ, которыя старичокъ принималъ за картины, диваномъ и нѣсколькими стульями, обитыми черной кожей.

Петръ Александрычъ смотрѣлъ на все это и не вѣрилъ глазамъ своимъ

Едва онъ усѣлся, какъ во всѣхъ дверныхъ щеляхъ засверкали глаза; двери немного раздвинулись — и обоего пола ребятишки, „полубарченки“, какъ обыкновенно звали ихъ въ домѣ, начинали высовывать изъ дверей свои головы.

— Чему я долженъ приписать честь видѣть васъ у себя?..

Старичокъ закашлялся, изъ подлобья посмотрѣлъ на гостя, и погрозилъ ребятишкамъ, которые мгновенно скрылись. — Истинно не знаю, какъ васъ благодарить.

Старичокъ поднялся со стула и поклонился гостю. Ребятишки снова показались у дверей...

— Я давно, признаться, сбирался къ вамъ, сказалъ Петръ Александрычъ.

— Очень благодаренъ... Старичокъ кланялся.—Чѣмъ угостить мнѣ васъ, дорогой гость?.. Чайку не прикажете ли?.. Эй! Акулина, подай намъ чаю.. да и вареньица ужь кстати... Не правда ли, и вареньица? повторилъ онъ, посмотрѣвъ умильно на Петра Александрыча.

— Покорно васъ благодарю... я...

— Не побрезгайте же моимъ угощеніемъ, дорогой гость!

Петръ Александрычъ не смѣлъ отказаться.

Странный напитокъ, который старичокъ принималъ за чай, былъ поданъ, и къ нему на двухъ блюдечкахъ медовое варенье, сверху посыпанное сахаромъ. Петръ Александрычъ, хлебнувъ немного изъ своей чашки и почувствовавъ нестерпимую горечь на языкѣ, поморщился.

— Вареньица-то, пожалуйста, вареньица, говорилъ старичокъ, кашляя.

— Я къ вамъ, между прочимъ, съ небольшой просьбой, сказалъ Петръ Александрычъ, немного заикаясь.

Старичокъ вздрогнулъ.

— Съ какой, почтеннѣйшій, съ какой? Очень радъ услужить, чѣмъ могу....

— Видите ли... мнѣ крайне нужно на годъ, или на полтора, никакъ не болѣе, пятьдесятъ семь тысячъ... Разумѣется, мы сдѣлаемъ заемное письмо; проценты...

— Пятьдесятъ-семь!.. Старичокъ вскочилъ со стула, озираясь кругомъ.—Боже мой!..

Онъ закашлялся и схватилъ себя за грудь.

— Да отчегожь вы полагаете, что у меня есть такая огромная сумма?

— Я такъ думалъ... зная ваше состояніе... Повѣрьте, ваши деньги будутъ въ вѣрныхъ рукахъ.

— Вѣрнаго ничего нѣтъ на свѣтѣ, ничего! завопилъ старичокъ въ отчаяніи.—Какое состояніе у меня!.. До тѣхъ поръ,

покуда я не продамъ все, что̀ имѣю, до послѣдней душонки, и не обращу всего въ деньги,—я нищій, ей-Богу нищій. Неурожаи, голодъ...

Онъ опять закашлялся и началъ стонать.

— Извините меня... ради Бога, извините. Еслибъ у меня было, напримѣръ, хоть три тысячи... это я такъ только говорю... у меня и ста рублей въ домѣ нѣтъ... я, чтобъ угодить вамъ, заслужить ваше вниманіе, отдалъ бы послѣдніе; клянусь сегодняшнимъ праздникомъ...

— Такъ вы никакъ не можете удовлетворить моей просьбы?...

— Для васъ... я готовъ былъ бы заложить все, что имѣю... Старичокъ осмотрѣлъ кругомъ свою комнату. — Да у меня и вещей-то нѣтъ никакихъ... Видите ли, какъ я живу? Седьмой годъ домишко для себя собираюсь выстроить, и то не на что... А чайку то не прикажете ли еще?

— Нѣтъ-съ, я до чаю не охотникъ. Да и къ тому же мнѣ пора ѣхать... Я долженъ еще остановиться въ городѣ у почтмейстера...

— А вареньица-то? хоть одну ложечку...

Насилу отвязавшись отъ Прокофья Евдокимыча и проклиная его внутренно, бросился Актеонъ въ свои пошевни и горестно произнесъ: „домой“.

— Маменькѣ мое почтеніе, супругѣ! кричалъ старикъ, высовывая въ форточку голову свою, на которую былъ напяленъ вязаный колпакъ.

Возвратясь домой, Петръ Александрычъ тотчасъ пошелъ въ комнату къ своей матери. У нея онъ нашелъ Ѳеклу Ниловну.

— Что это? ужь ты и возвратился, голубчикъ мой! Отчего такъ скоро? спросила Прасковья Павловна, смотря съ безпокойствомъ на сына.

Петръ Александрычъ не хотѣлъ говорить о своемъ проигрышѣ и о горестномъ результатѣ своей поѣздки при посторонней женщинѣ. Прасковья Павловна сейчасъ поняла это.

— Ангелъ мой, Петинька, сказала она: — при Ѳеклѣ Ниловнѣ ты смѣло можешь все говорить. Она любитъ тебя и принимаетъ въ тебѣ самое горячее участіе. Ѳеклу Ниловну я ни съ кѣмъ на ряду не поставлю. Это я объ ней всегда скажу и за глаза. Я знаю цѣну людямъ; я слава Богу, въ продолже-

ніи моей жизни умѣла найти себѣ истинныхъ друзей, — этимъ я могу гордиться. Отъ Ѳеклы Ниловны у меня нѣтъ секретовъ. Я прошу тебя быть съ ней какъ съ родной.

— Любите меня, батюшка, закричала въ свою очередь Ѳекла Ниловна:—прошу покорнѣйше. Ужь вы мнѣ по матери дороги; къ тому жь я васъ на рукахъ носила... махонькій былъ такой...

— Ну, что сказалъ тебѣ этотъ гадкій скряга? продолжала Прасковья Павловна, прерывая рѣчь своей пріятельницы: — говори откровенно, мое сердце. Ѳекла Ниловна ужь все знаетъ: я ей разсказала, куда и зачѣмъ ты ѣздилъ.

— Да что — плохо, маменька! Онъ увѣряетъ, что у него и ста рублей нѣтъ въ домѣ.

— Что? а? Не дослышу, батюшка.

Прасковья Павловна повторила Ѳеклѣ Ниловнѣ слова своего сына.

— Ахъ онъ проклятый грѣшникъ! воскликнула Ѳекла Ниловна, всплеснувъ руками.—На краю гроба и лгать не боится. Да на томъ свѣтѣ нѣтъ и такого наказанія, какого онъ достоинъ, ей Богу; а? что? Прасковья Павловна, какъ ты думаешь?

— Правда, совершенная правда. Извергъ безчувственный! Вотъ небо-то коптитъ: ни себѣ, ни другимъ добра не приноситъ...

Впрочемъ, Петру Александрычу отъ всѣхъ этихъ восклицаній было не легче. Онъ долго думалъ, что ему предпринять, чтобъ уплатить свой карточный долгъ офицеру съ серебреными эполетами, и наконецъ рѣшился прибѣгнуть опять къ Дмитрію Васильичу Бобынину.

Дмитрій Васильичъ, тотчасъ же по пріѣздѣ офицера въ Петербургъ, узналъ о проигрышѣ Петра Александрыча. Какъ человѣкъ смѣтливый и умѣвшій извлекать изъ всего свою пользу, Дмитрій Васильичъ отправился къ офицеру и предложилъ ему, вмѣсто пятидесяти семи тысячъ „невѣрныхъ", какъ говорилъ онъ, чистыми деньгами пять тысячъ. Онъ выложилъ передъ офицеромъ соблазнительную груду ассигнацій. Офицеръ подумалъ немного, посмотрѣлъ искоса на ассигнаціи и согласился на предложеніе. Тогда Дмитрій Васильичъ заставилъ офицера написать къ Петру Александрычу письмо, которое

привело героя моего въ такое замѣшательство. Разсчетъ Дмитрія Васильича былъ вѣренъ. Онъ предполагалъ, что Петръ Александрычъ не обойдется безъ него — и не ошибся. Онъ забралъ въ свои руки все состояніе довѣрчиваго Актеона, заложивъ его имѣніе и отдавъ на бумагопрядильную фабрику; онъ, въ счетъ долга, присвоилъ себѣ его капиталъ, доставшійся ему послѣ дяди; онъ взялъ съ него новое заемное письмо въ пятьдесятъ семь тысячъ; кромѣ всего этого, онъ имѣлъ постоянныя и секретныя сношенія съ его управляющимъ. Петръ Александрычъ не могъ нахвалиться благороднымъ и добрымъ Дмитріемъ Васильичемъ...

Ѳекла Ниловна пробыла въ селѣ Долговкѣ болѣе двухъ недѣль и уѣхала домой неохотно, потому что сама она, пять душъ ея и четыре лошади лишились дарового корма. Во все время пребыванія своего въ гостяхъ, Ѳекла Ниловна вставала очень рано, и всякое утро будила лѣнивыхъ дворовыхъ дѣвокъ и бабъ Петра Александрыча, приговаривая:

— Слыхано ли дѣло, вставать такъ поздно... а?.. Будь вы мои, я бы съ вами справилась... Это ни на что непохоже... Потомъ она обращалась къ Прасковьѣ Павловнѣ:

— Что ты, матушка, не смотришь за здѣшней дворней-то? а? вѣдь кажется ты хозяйка дома... что?

— Ахъ, милая! возражала обыкновенно Прасковья Павловна, махая рукою: — ужь я взыскиваю, взыскиваю съ нихъ, да нѣтъ, — никакихъ силъ человѣческихъ не достанетъ. Еслибъ я была настоящая хозяйка въ домѣ, тогда другое дѣло.

Ѳекла Ниловна, въ отсутствіе Прасковьи Павловны, оказывала невѣсткѣ ея величайшее вниманіе и однажды сказала ей, посмотрѣвъ на нее съ чувствомъ:

— Ахъ, родная моя, жалкая ваша участь!... Теперь я все своими глазами видѣла. Свекровь ваша заѣстъ васъ, заѣстъ...

Въ тотъ же день Ѳекла Ниловна говорила Петру Александрычу:

— Послушайтесь моего совѣта, батюшка, не давайте свою матушку обижать никому: у меня вчужѣ сердце кровью обливается, когда я посмотрю, какъ жена ваша обращается съ нею... а?.. что?... Простите за откровенность, я ужь такая... что дѣлать... Мать все ближе: мать подъ сердцемъ васъ носила...

Вскорѣ послѣ отъѣзда Ѳеклы Ниловны домой, въ томъ

уѣздѣ, гдѣ находилась ея деревня, начали носиться слухи о связи жены долговскаго помѣщика съ учителемъ Андрея Петровича Боровикова...

Наступили святки—самое поэтическое время для русскихъ людей. Въ деревнѣ, во дворѣ и въ барскомъ домѣ всѣ пришли въ движеніе, всѣ одушевились... Вечера, посвященные на переряженье и гаданье, пролетали незамѣтно.

Для Прасковьи Павловны и для дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, безпрестанно выливали олово и воскъ... Онѣ безпрестанно разсматривали на тѣни выливавшіяся имъ фигуры.

— Посмотри, Анеточка, посмотри, говорила Прасковья Павловна—что тебѣ вышло. Вишь, какъ много народу. А вотъ поодаль-то стоитъ фигура, точно кавалеръ: онъ обнимаетъ дѣвицу. Увидишь, что тебѣ нынѣшній годъ выйдти замужъ, вспомяни мое слово.

Накинувъ платокъ на голову, дочь бѣдныхъ но благородныхъ родителей, нѣсколько вечеровъ сряду, выбѣгала на большой дворъ, не чувствуя ни малѣйшаго холода, хоть снѣгъ, сверкавшій мильонами разноцвѣтныхъ звѣздочекъ, сильно хрустѣлъ подъ ея ногами. Она подходила къ забору и съ біеніемъ сердца произносила:

«Залай, залай, собаченка, залай, сѣренькій волчокъ.»

И, какъ будто послушныя ея зову, собаки начинали лаять у дома.

„Слава Богу! думала она:—собаки лаютъ вблизи: это хорошій знакъ. Я выйду замужъ не на чужую сторону.

Въ другой разъ, она вышла на улицу и долго стояла въ ожиданіи прохожаго. Наконецъ показалась какая-то фигура въ тулупѣ, вывороченномъ на изнанку. Она закричала:

— Какъ зовутъ?

— Парамономъ, былъ отвѣтъ...

Никто дѣятельнѣе ея не принималъ участія во всевозможныхъ гаданіяхъ. Она приказывала приносить въ свою комнату куръ, снятыхъ съ насѣсти, пересчитывала балясы на крыльцѣ, говоря: „вдовецъ, молодецъ“, собирала изъ прутиковъ мостикъ и клала подъ подушку, и прочее.

Вечеромъ на новый годъ старуха-няня также принялась за

гаданіе. Она налила стаканъ теплой воды, распустила въ этой водѣ яичный бѣлокъ и поставила его за форточку. На утро она явилась съ этимъ стаканомъ къ Ольгѣ Михайловнѣ..

— Поздравляю тебя, матушка моя, съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, сказала она ей, низко кланяясь.—Вотъ я, признаться, вечоръ загадала на тебя, родимая; посмотри какъ хорошо тебѣ вышло.

И старуха, весело улыбаясь, показала Ольгѣ Михайловнѣ стаканъ.

— Спасибо тебѣ, няня. Что же значатъ эти фигуры?

— Участь твоя перемѣнится, матушка. Ты скоро будешь жить въ радости

И старуха начала по своему толковать изображенія въ стаканѣ.

— А мнѣ кажется, няня, фигура эта похожа на церковь. Можетъ быть я умру нынѣшній годъ.

— Ахъ, сударыня, сударыня! не стыдно ли тебѣ говорить этакое? Сегодня не годится имѣть такія мысли: выкинь ихъ, кормилица моя, изъ головы. Постой-ка, мнѣ давно хотѣлось кое-что шепнуть тебѣ на ушко. Послушай моихъ совѣтовъ...

Старуха отвела Ольгу Михайловну въ уголъ комнаты и осмотрѣлась кругомъ.

— Что такое, няня?

— А вотъ что матушка: не пей ты ни чаю, ни кофею, когда разливаетъ Прасковья Павловна, или эта старая барышня...

— Отчего же? спросила Ольга Михайловна, изумленная загадочнымъ тономъ старухи.

— Да такъ, моя голубушка, ты не бойся; онѣ вреда тебѣ не сдѣлаютъ, а я все-таки тебѣ скажу къ слову. У насъ въ деревнѣ есть одна старушонка: вишь, толкуютъ, будто бы она водится съ нечистою силою,—кто ее, проклятую, знаетъ; она принесла Прасковьѣ Павловнѣ какое-то заговоренное питье, для того, чтобъ ты совсѣмъ опротивила мужу. Онѣ и хотятъ подливать тебѣ потихоньку этого питья въ чай. Онъ-то, мой голубчикъ, ничего не знаетъ; не вини его, матушка... Онъ любитъ тебя, да его, знаешь, сбили съ толку; а все эта барышня... охъ змѣя подколодная! Она и Прасковью-то Павловну совсѣмъ опутала. Вѣдь ты его любишь, родная?

Няня тяжело вздохнула.

— Вѣдь ты на него не сердишься?

— Нѣтъ, нѣтъ; будь спокойна, няня.

Когда старуха вышла изъ комнаты, въ головѣ Ольги Михайловны мелькнула темная мысль, отъ которой она невольно вздрогнула.

ГЛАВА VIII.

2 іюня Ѳекла Ниловна праздновала день своего рожденія. Она хотѣла задать пиръ на славу. Еще наканунѣ прислалъ къ ней Андрей Петровичъ своихъ музыкантовъ. Съ утра начали наѣзжать къ ней въ домъ губернскіе щеголи и щеголихи. Здѣсь были всѣ наши старые знакомые, не исключая помѣщика семи душъ и учителя. Здѣсь была и Ольга Михайловна. Она не могла не пріѣхать, потому что Ѳекла Ниловна, приглашая ее, сказала:

— Покажите, мать моя, что вы нами, провинціалами, не пренебрегаете; сдѣлайте мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ... а? что? не дослышу.. Будете? Вашимъ присутствіемъ я особенно интересуюсь.

Ольга Михайловна въ послѣдніе пять мѣсяцевъ очень похудѣла. Въ ея лицѣ было что-то болѣзненное, и дочь бѣдныхъ но благородныхъ родителей, смотря на нее, думала:

„Видно, столичнымъ-то красавицамъ деревенская жизнь не по-нутру: какъ она постарѣла! Да я по крайней мѣрѣ, пятью годами кажусь моложе ее!“

За обѣдомъ, передъ самой водянкой, которая замѣняла шампанское, Илья Иванычъ всталъ съ своего мѣста и, обращаясь къ хозяйкѣ, произнесъ:

Съ днемъ рожденія васъ поздравляю.
Счастія вамъ на многія лѣта желаю.
Всѣ гости за мною слѣдомъ
Благодарятъ васъ за угощеніе отличнымъ обѣдомъ.—
Въ особенности хороши были пироги;
А вы не забудьте вашего нижайшаго слуги...
Къ сему прибавляю, не тратя много словъ,
Что всѣ благодѣянія ваши вполнѣ чувствуетъ Илья Сурковъ.

Всеобщія одобренія, выразившіяся восклицаніями, смѣхомъ, рукоплесканіями, привѣтствовали стихотворца. Ѳекла Ниловна послала ему бокалъ водянки, который налила собственноручно.

Послѣ обѣда барышни начали приготовляться къ балу. Часовъ въ восемь, въ столовой, назначенной для танцевъ, спустили шторы, зажгли двѣ лампы и шесть свѣчей. Музыканты строили инструменты и потягивали пѣнникъ, смѣшанный съ водой, которымъ приказано было угощать ихъ. Разряженныя барышни начинали появляться одна за другой. Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей давно сидѣла въ столовой, въ ожиданіи бала, въ ярко — пунцовомъ платьѣ, съ двумя бѣлыми перьями на головѣ, воткнутыми въ косу, и въ сырцовыхъ пукляхъ. Изъ кавалеровъ отличался болѣе всѣхъ засѣдатель съ хохломъ, во фракѣ, цвѣта адскаго пламени, съ блестящими пуговицами. Взоры всѣхъ впились въ Ольгу Михайловну, когда она вошла въ танцовальную столовую. На ней было бѣлое кисейное платье безъ всякихъ украшеній; черные волосы ея, какъ всегда, падали длинными локонами до груди; въ рукѣ она держала букетъ изъ бѣлыхъ розъ.

Рѣзко отдѣлялась она отъ этого пестраго общества и должна была оскорблять собою самолюбіе каждаго изъ его членовъ. Всѣ эти барышни, барыни и кавалеры чувствовали при ней какую-то неловкость, старались скрывать ее — и оттого казались еще неловче. Они почему-то боялись Ольги Михайловны, несмотря на то, что никогда не видали ея насмѣшливой улыбки. Имъ тяжело было ея присутствіе, и они мстили ей за это по своему. Всѣ глаза отъ нея обратились къ учителю, который до сей минуты стоялъ у дверей, никѣмъ не замѣченный. Они хотѣли привести и ее и его въ замѣшательство; но онъ скрылся въ толпѣ, а она такъ смѣло, такъ спокойно, такъ благородно-гордо смотрѣла на нихъ, что невольно заставила самыхъ смѣлыхъ барышень, самыхъ дерзкихъ барынь потупить глаза.

Балъ открылся „полонезомъ“. Музыка загремѣла. Ѳекла Ниловна выступила въ первой парѣ съ Петромъ Александрычемъ; за нею шли Прасковья Павловна съ Семеномъ Никифорычемъ, Андрей Петровичъ съ Ольгой Михайловной, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей съ франтомъ-засѣдателемъ и такъ далѣе.

— Наша Ольга-то Михайловна и одѣться не умѣетъ прилично, говорила Прасковья Павловна своему кавалеру: — на балѣ въ простомъ платьишкѣ; хоть бы пришпилила къ груди брошку, или что нибудь этакое. Другой подумаетъ, что ей не-

чего надѣть: а повѣрите ли, шкаповъ шесть заняты ея гардеробомъ. И какія богатѣйшія вещи есть! Все это даромъ гніетъ: вотъ не въ коня-то кормъ!

Послѣ „полонеза“, та самая барышня-воспитанница, которая пѣла у Андрея Петровича „Среди долины ровныя“, выступила на середину столовой съ полосатымъ платкомъ, повязаннымъ черезъ плечо, и протанцовала „цыганскую“.

За симъ заиграли французскій кадриль.

Франтъ засѣдатель бросился къ дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Позвольте имѣть честь ангажироватъ васъ на кадрэль? сказалъ онъ.

— Съ удовольствіемъ. Мы станемъ напротивъ Ольги Михайловны.

— Это совершенно зависитъ отъ вашего произвола-съ.

— Ма-шеръ Ольга Михайловна, закричала она: — позвольте мнѣ танцовать противъ васъ?

— Очень рада, отвѣчала Ольга Михайловна, которую только ангажировалъ какой-то кирасирскій офицеръ съ рыжими усами,—дальній родственникъ Ѳеклы Ниловны, находившійся въ отпуску и проживавшій у нея въ деревнѣ.

— Скучаете по Петербургу-съ? сказалъ кирасиръ Ольгѣ Михайловнѣ, начиная фигуру и прищелкивая шпорами.

— Очень, отвѣчала она.

— Натуральное чувство, весьма натуральное! продолжалъ кирасиръ, закручивая усъ. — Я хоть одинъ разъ былъ въ Петербургѣ, да, признаюсь, зато навеселился! У меня тамъ много пріятелей гвардейцевъ и образцовыхъ, такъ они меня все таскали по баламъ и по театрамъ. Вы охотницы до театровъ?

— Большая.

— Какой тамъ отличнѣйшій актеръ Воротниковъ; какъ представляетъ, чудо!

Кирасиръ, не умолкая, любезничалъ и, по окончаніи кадриля, вышелъ въ сѣни. Въ сѣняхъ стоялъ Семенъ Никифорычъ и покуривалъ изъ своего коротенькаго чубучка. Семенъ Никифорычъ обратился къ офицеру, обтеръ рукой янтарикъ и протянулъ къ нему чубучокъ.

— Не хотите ли ку...ку...рнуть?

— Спасибо вамъ. Смерть хочется, отвѣчалъ кирасиръ.

Онъ на-скоро затянулся и побѣжалъ опять танцовать.

Балъ блестѣлъ во всей красѣ. Въ десять часовъ по аллеямъ довольно большого сада разставили десять плошекъ и зажгли щитъ, на которомъ были изображены двѣ буквы: Ф. Н. Танцующіе и играющіе бросились изъ комнаты посмотрѣть этотъ щитъ и, полюбовавшись имъ, возвратились назадъ къ своимъ занятіямъ. На крыльцѣ остались только Ольга Михайловна и учитель. Она задумчиво обрывала листики своего букета и вдругъ, обернувшись къ нему, сказала:

— Пройдемтесь по саду.

Онъ, нѣсколько удивленный, не говоря ни слова, послѣдовалъ за нею.

Они отошли довольно далеко отъ дома; плошки кой-гдѣ и то едва-едва освѣщали густыя и мрачныя аллеи.

— Не воротиться ли намъ? сказалъ онъ, боязливо смотря на нее.

— Зачѣмъ? спросила она.

— Развѣ вы не замѣтили, съ какою дурно скрытою ненавистью всѣ эти люди смотрятъ на васъ? Они ищутъ только удобнаго случая, какого нибудь малѣйшаго предлога, чтобъ съ ожесточеніемъ броситься на васъ...

Она остановилась у одной изъ плошекъ, противъ которой стояла скамейка. Красноватый свѣтъ освѣщалъ лицо ея. Она улыбнулась.

— Развѣ вы думаете, сказала она: — что я дорожу ихъ мнѣніемъ, боюсь ихъ злобы?... Развѣ вы думаете, что у меня не достанетъ столько силы, чтобы презирать судъ ихъ? столько чувства человѣческаго достоинства, чтобъ не оскорбляться ихъ клеветами?

— Но вы живете между ними, возразилъ онъ — и они могутъ жестоко отплатить вамъ за ваше явное презрѣніе... они будутъ отравлять васъ разсчитанно, медленнымъ ядомъ. Вѣдь они составляютъ общественное мнѣніе, а женщинѣ трудно бороться съ нимъ.

— Не бойтесь за меня .. Пусть это мнѣніе подавитъ меня... Однимъ днемъ раньше, однимъ днемъ позже—все равно.

— Думалъ ли я когда нибудь встрѣтить васъ, окруженную такими людьми, быть свидѣтелемъ вашихъ страданій?

— Мнѣ рѣдко удается видѣть васъ... начала она тихимъ

и трепетнымъ голосомъ. — Кто знаетъ, когда еще я увижу васъ; а мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами... Мнѣ очень тяжело — и нѣтъ образа человѣческаго вокругъ меня, никого, кто бы хоть сколько нибудь понялъ, какъ мнѣ тяжело и горько.

Она схватила его за руку.

— Сядьте здѣсь, продолжала она: — возлѣ меня. Да, я очень несчастлива!

Букетъ выпалъ изъ рукъ ея. Она закрыла лицо руками: потомъ приподняла голову и, какъ будто собираясь съ мыслями, сказала:

— Къ чему мнѣ скрываться отъ васъ? Я замужемъ за человѣкомъ, за котораго мнѣ приказали выйдти и съ которымъ у меня нѣтъ ничего общаго, котораго я никогда не могла видѣть безъ отвращенія... Я должна сносить ежедневныя, ежеминутныя оскорбленія, насмѣшки, дерзкіе взгляды его матери, его любимицъ, его дворни... Я вамъ не говорю о тѣхъ невольныхъ оскорбленіяхъ, которыя эти люди наносятъ мнѣ, сами того не подозрѣвая... Но слушайте; все это ничего, я перенесла бы все это...

Она остановилась; руки ея дрожали. Она нѣсколько разъ хотѣла сказать что-то, и не могла. Наконецъ, послѣ долгаго усилія, едва проговорила задыхавшимся голосомъ:

— Не презирайте меня... Богъ свидѣтель, я не достойна презрѣнія... но поймите меня и пожалѣйте обо мнѣ... Я—мать, и не люблю, не могу любить дитя свое... оно напоминаетъ мнѣ *его*!... Я молилась и плакала у колыбели этого несчастнаго ребенка... и просила Бога смягчить мое сердце... я мать, и во мнѣ нѣтъ искры материнскаго чувства... этого святого чувства, которое дало бы мнѣ силу перенести всѣ бѣдствія.

Она замолчала и какъ будто ожидала его слова: но онъ смотрѣлъ на нее съ участіемъ безмолвнымъ, невыговариваемымъ,—глаза его были полны слезъ...

Съ замѣтнымъ усиліемъ она встала, взяла его руку, крѣпко пожала ее и скорыми шагами пошла по аллеѣ къ дому. Бѣлое платье ея мелькнуло вдали между темными кустами.

Онъ оставался на томъ же мѣстѣ, вперивъ глаза во мракъ и ожидая, не мелькнетъ ли она еще хоть одинъ разъ... но уже ничего не было видно. Плошка, поставленная противъ скамейки, съ трескомъ догарала, освѣщая букетъ, оставленный ею.

Онъ поднялъ его и скрылся въ глубинѣ сада.

— Гдѣ же учитель-то? кричала Ѳекла Ниловна, бѣгая по столовой, раскраснѣвшись и запыхавшись...—Гдѣ же онъ? Зачѣмъ же я его пригласила? а? что?... Сколько дѣвицъ не танцуетъ... кавалеровъ мало... Не видалъ ли его кто? а?

— И ея здѣсь нѣтъ, сказала на ухо Ѳеклѣ Ниловнѣ дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, многозначительно улыбаясь.

— Что? а? *ея* нѣтъ? Мм!—Видно не на-шутку завелись у нихъ шуры-муры... И стыда нѣтъ, — еще ни слова бы не сказала еслибъ тамъ гдѣ-нибудь втихомолку... а то при гостяхъ, на балѣ такъ изволитъ вести себя... Бѣдный мужъ!...

ГЛАВА IX.

Праздникъ Ѳеклы Ниловны имѣлъ важныя слѣдствія... Во-первыхъ, на этомъ праздникѣ франтъ-засѣдатель по уши влюбился въ дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, узнавъ отъ глухой помѣщицы, что за нею дадутъ сорокъ-тысячъ приданаго (Ѳекла Ниловна всегда прибавляла вдвое). Во-вторыхъ, послѣ этого праздника уже не одинъ уѣздъ, а цѣлая губернія заговорила о связи Ольги Михайловны съ учителемъ. Всѣ кричали:

— Этакаго у насъ еще и примѣра не бывало... Добро бы завести связь благородную, а то съ кѣмъ!... Убила бобра!

— Да что-съ! я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ-съ, какъ они въ саду цаловались.

— Неужели?

— Точно-съ; а она ему сказала: клянусь, говоритъ, тебѣ въ вѣчной любви... Это я слышалъ своими ушами-съ.

— А мнѣ такъ разсказывали, что Антонъ, дворовый человѣкъ Петра Александрыча,—онъ еще при покойникѣ былъ камердинеромъ, такой славный и вѣрный слуга.—подкараулилъ ихъ въ лѣсу... знаете, лѣсокъ-то возлѣ самой Долговки. Вотъ, знаете, и подкараулилъ... да вдругъ и выскочилъ изъ-за куста. Она бѣжать, а Антонъ на молодчика-то съ дубиной, да таки препорядочно отвалялъ его.

— Удивленія достойно, какъ держитъ Андрей Петровичъ

у себя въ учителяхъ такое, можно сказать, безнравственное существо...

— Добру научитъ дѣтей его!

— А я навѣрно знаю, что учитель-то хотѣлъ ее увезти на балѣ у Ѳеклы Пиловны, и тройка стояла у въѣзда въ деревню; ужь онъ, знаете, и въ телѣгу ее посадилъ, — мой человѣкъ это видѣлъ и первый поднялъ шумъ; тутъ прибѣжали, ихъ схватили, да и назадъ привели.

— Не такъ изволите говорить... Тройку-то имѣлъ онъ неосторожность поставить у самаго дома, и побѣжалъ за своей возлюбленной, у нихъ заранѣе было все рѣшено. А она вдругъ заупрямилась. „Не хочу" говоритъ, а онъ, не говоря ни слова, вынулъ пистолетъ изъ кармана да и говоритъ: „Застрѣлюсь!" Она испугалась и вскрикнула. А на крикъ-то прибѣжали люди, и всѣ узнали, въ чемъ дѣло.

— Она нанесла безчестіе всему уѣзду.

— Нѣтъ-съ, цѣлой губерніи.

— Скажите, батюшка, лучше—всему женскому полу....

Около года Ольга Михайловна была предметомъ постояннаго и всеобщаго вниманія. Только что и говорили объ ней, какъ будто цѣлой губерніи рѣшительно нечѣмъ и некѣмъ было заняться кромѣ ея.

Только Прокофій Евдокимычъ отвлекъ на минуту отъ нея всеобщее вниманіе: сначала продажею всѣхъ своихъ деревень за необычайно дорогую цѣну, и потомъ своею смертію...

— Господи Боже мой!... и кому онъ оставилъ свой несмѣтный капиталъ?

— Кому!—и сказать стыдно!

— Вотъ въ чьи руки переходятъ дворянскія денежки!

— А сколько у него, батюшки мои, щенковъ-то было?

— Видимо-невидимо!

— Я чай, и умеръ-то, грѣховодникъ, безъ покаянія... Говорятъ, у него зарыты были мѣшки съ золотомъ и съ серебромъ подъ избой, гдѣ онъ жилъ...

— И все это пошло прахомъ. А копилъ цѣлую жизнь!...

— А знаете ли, что на бѣдной Прасковьѣ Павловнѣ лица нѣтъ,—такъ мучится.

— Отъ кого?... Отъ чего?... Что такое?

— Разумѣется, отъ кого, отъ своей невѣстушки. Ей вѣдь

извѣстно, что всѣ мы знаемъ, какъ та отличается. Каково же ей это сносить? Вѣдь она ей не чужая. Сердце-то болитъ!

— Какъ же, вѣдь невѣстка... Жаль! потеряла себя, совсѣмъ потеряла, и въ такихъ молодыхъ лѣтахъ! Худо безъ правилъ жить...

— Нечего и жалѣть объ ней, признаться...

— Отчего же?

— Она всегда важничала: такъ и показывала всѣмъ, что изъ столицы пріѣхала.

— Я прошлый годъ ее встрѣтилъ—кланяюсь, а она хоть бы для смѣху головой кивнула.

— А я спросила у нея мѣсяца три назадъ, почемъ у васъ, милая Ольга Михайловна, матерія на платьѣ? Она самымъ сухимъ образомъ отвѣчала:—Не знаю-съ. Ужь повѣрю ли я, чтобъ она не знала почемъ? Просто: не хотѣла отвѣчать.

— А меня хоть бы когда нибудь пригласила къ себѣ...

— Правда, что не стоитъ и жалѣть ее!

И всѣ рѣшили, чтобъ Ольгу Михайловну и не принимать, и не приглашать, и не говорить съ ней и не подходить къ ней...

— Твое имя страдаетъ, голубчикъ! кричала Прасковья Павловна сыну.—Что жъ ты не примешь никакихъ мѣръ? отчего же не призовешь ее и не объяснишься съ нею. Я не хочу ей ни полслова говорить... Мнѣ сказали вѣрные люди, что она и безъ того всѣмъ кричитъ, будто я притѣсняю ее, убиваю... Я ее притѣсняю!

Прасковья Павловна упала на стулъ съ крикомъ и воплемъ.

— Ахъ она злодѣйка! Моя репутація ничѣмъ не запятнана... Я вотъ сколько лѣтъ вдовой, да про меня никто дурного слова не скажетъ... Я и до старости лѣтъ дожила, имя свое сохранила... А она... Да что! Я не хочу и говорить про нее... ребенокъ боленъ, плачетъ, а она и не заглянетъ къ нему... Экое каменное сердце! Да еслибъ не я, онъ, моя крошечка, давно бы умеръ!...

Однако, не смотря на крики, совѣты и даже обмороки своей матушки, Актеонъ почему-то не рѣшался говорить съ своей женою, хоть явно и при всякомъ случаѣ старался показывать ей свое неудовольствіе. Они, впрочемъ, видѣлись рѣдко

Онъ проводилъ цѣлые дни съ Ильею Иванычемъ, который забавлялъ его, или съ Семеномъ Никифорычемъ, который игралъ съ нимъ въ карты, пилъ и ѣздилъ на охоту. Она часто по цѣлымъ недѣлямъ не выходила никуда изъ своей комнаты. Здоровье ея не замѣтно, но быстро разрушалось. Она уже постоянно кашляла и чувствовала боль въ груди... Крики и брань Прасковьи Павловны, раздававшіеся по всему дому, такъ сильно дѣйствовали на ея нервы, что въ эти минуты она бросалась къ своей постели и прятала голову подъ подушки. Только старушка няня навѣщала ее и приводила къ ней сына.

— Что ты не лечишься, моя кормилица? говорила няня.— Посмотри на себя, вѣдь ты какъ свѣчка таешь... Не послать ли, матушка, за лекаркою Ѳоминишной, въ село Кривухино? Я вашимъ лекарямъ-то не вѣрю,—а она простыми травами лучше всякихъ лекарей вашихъ вылечитъ отъ всѣхъ болѣзней.

Но Ольга Михайловна не хотѣла слышать ни о лекаркахъ, ни о лекаряхъ, и увѣряла няню, что чувствуетъ себя совершенно здоровою.

Между тѣмъ, какъ жена худѣла, мужъ толстѣлъ съ каждымъ днемъ. Любо было смотрѣть на него за ужиномъ (ужинъ онъ предпочиталъ обѣду), когда усѣвшись въ кожанныя дѣдовскія кресла съ высокой спинкой и съ длинными ушами, онъ снималъ салфетку съ своего прибора, и сладко улыбаясь и предвкушая ожидавшія его наслажденія, торопливо засовывалъ ее за галстукъ. Противъ него обыкновенно садилась Прасковья Павловна, съ праваго боку—дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, а съ лѣваго Семенъ Никифорычъ.

— А что, сегодня будетъ *няня*? спрашивалъ Актеонъ облизывая губы.

— Будетъ, дружочекъ, будетъ, отвѣтствовала маменька съ нѣжностію.—Я сама ходила на кухню присмотрѣть, чтобъ хорошенько приготовили ее. Вѣдь я знаю, мой ангелъ, чѣмъ тебѣ угодить...

Няня являлась на столѣ. Актеонъ накладывалъ себѣ полную тарелку *няни* и, опорожнивъ ее, приступалъ къ жареному поросенку.

Удовлетворивъ свой аппетитъ и выкушавъ стаканъ мадеры, Петръ Александрычъ обыкновенно прислонялся къ спинкѣ

креселъ и отдыхалъ минутъ съ пять, а иногда и болѣе, смотря по надобности; потомъ онъ обращался къ исполинамъ.

— А что на дворѣ, братцы?

И въ одно время раздавалось нѣсколько басистыхъ голосовъ:

— Сиверко-съ.

— Вызвѣздило.

— Замалаживаетъ.

И опять наступала тишина... и Актеонъ приступалъ ко второму стакану мадеры.

При окончаніи одного изъ такихъ ужиновъ, не знаю послѣ котораго стакана мадеры, Прасковья Павловна, помѣнявшись сначала взглядами съ Семеномъ Никифорычемъ, обратилась къ сыну.

— Вотъ я, дружочекъ, начала она: — все хотѣла, да какъ-то позабыла сказать тебѣ... Ты знаешь, мое сердце, что у тебя черезполосное владѣніе по Завидовскому имѣнію съ Семеномъ Никифорычемъ? Еще покойникъ братецъ говаривалъ — я какъ теперь помню (ужь я, ты знаешь, милый мой, лгать не стану) — что онъ владѣетъ совсѣмъ неправильно пятью стами десятинами въ Шмелевской дачѣ... эта земля совсѣмъ-отдѣльная и по всему слѣдуетъ ей принадлежать Семену Никифорычу. Братецъ хотѣлъ и укрѣпить за нимъ эту землю...

— Точно-съ, возразилъ Антонъ, стоявшій за стуломъ Петра Александрыча: — объ этомъ нѣсколько разъ и при мнѣ дядинька изволили проговаривать-съ.

— Видишь ли, дружочекъ. И единственно только смерть помѣшала ему это сдѣлать. Ты, Петинька, даромъ, что мой сынъ, я могу сказать, благороднѣйшій человѣкъ, и къ-тому же не захочешь тревожить дяденькина праха; ты, — я въ этомъ увѣрена, — не заспоришь объ этой землѣ съ Семеномъ Никифорычемъ, да и онъ вовсе не такой человѣкъ, чтобъ дѣйствовать обманами; ты его знаешь... У васъ есть съ собой планъ?

Прасковья Павловна обратилась къ Семену Никифорычу.

— Пл... планъ у меня въ карманѣ, сказалъ Семенъ Никифорычъ съ сверкающими глазами.

— И прекрасно! Вотъ вы сами и растолкуете Петинькѣ, какъ и почему этой землей слѣдуетъ владѣть вамъ.

Семенъ Никифорычъ развернулъ передъ Петромъ Алек-

сандрычемъ трехсаженный планъ, и водя по немъ указательнымъ пальцемъ, началъ объяснять заикаясь свои права.

Актеонъ долго слушалъ, ничего не понимая, и смотрѣлъ на планъ, ничего не видя.

— Да что жь, сказалъ онъ: — пожалуй, возьмите себѣ эту землю...

— Ну, вотъ и прекрасно! воскликнула Прасковья Павловна... — У тебя тамъ, голубчикъ, въ Завидовкѣ столько земли, что ужь половина такъ брошена, не обработывается, рукъ не достаетъ... Поскорѣй бы и купчую сдѣлать...

— Пожалуй, сказалъ Петръ Александрычъ.

— Т... т... т...акъ вы у... у... уступаете мнѣ эту землю? спросилъ Семенъ Никифорычъ, вытаращивъ глаза и еще не совсѣмъ вѣря своему счастію.

— Не-уже-ли жь, отвѣчала Прасковья Павловна, нѣсколько обидясь: — могли вы сомнѣваться въ благородствѣ моего сына?

— Нѣ...нѣ...нѣтъ. Не... не... знаю, какъ и благодарить васъ... Пе... Пе... Петръ Александрычъ...

— Поздравляю васъ, Семенъ Никифорычъ, съ пріобрѣтеніемъ, сказала Прасковья Павловна.

— Поздравлять надо шампанскимъ, замѣтилъ Петръ Александрычъ. — А кстати, я ужь давно не пилъ шампанскаго... вкусъ въ немъ потерялъ. Выпьемъ-ка, Семенъ Никифорычъ, бутылочку.

— Э... это наше гу... гусарское вино, произнесъ Семенъ Никифорычъ: — к... какъ не выпить!

На другой день Актеонъ сообщилъ своему управляющему о томъ, что онъ уступилъ 500 десятинъ земли Шмелевской дачи Семену Никифорычу.

— Помилуйте-съ. сказалъ Назаръ Яковличъ, нахмуривъ брови: — да какъ это можно-съ? У насъ въ Завидовкѣ на 100 душъ останется всего 200 десятинъ... Крестьянамъ-то умирать съ голода прійдется. Нѣтъ, ужь воля ваша! Послѣ этого какіе же вы хотите доходы отъ меня требовать?

— Такъ что жь? не отступиться же мнѣ отъ своего слова! отвѣчалъ Актеонъ. — Я вчера ужь и бутылку шампанскаго роспилъ по этому случаю съ Семеномъ Никифорычемъ...

— Ахъ, Петръ Александрычъ! Одна деревенька оставалась не заложенная, да и ту вы хотите раззорить.

— Вздоръ какой!..

— Нѣтъ-съ, не вздоръ; да и земля-то уступленная вами, самая лучшая, хлѣбородная...

— Вы мнѣ и безъ того никакихъ доходовъ не дали во все ваше управленіе, да еще, говорятъ, хотите требовать денегъ на прокормъ крестьянъ...

— Такъ что̀ же, сударь, возразилъ управляющій недовольнымъ голосомъ:—коли хлѣбъ не родится, вѣдь это не моя воля, а Божья...

— Отчего же другіе помѣщики все-таки получаютъ кой-какіе доходы?

— Да ужь я давно, Петръ Александрычъ, замѣчаю, что я вамъ не нуженъ. Что жь? я готовъ хоть сейчасъ отойдти: я мѣсто себѣ всегда найду.

Прасковья Павловна подслушала этотъ разговоръ и вбѣжала въ комнату съ гнѣвомъ.

— Что жь, другъ мой, не-уже-ли ты послѣ этихъ грубостей станешь держать его у себя? Господи Боже мой! развѣ онъ одинъ только и умѣетъ управлять имѣніями? Вотъ какое сокровище!..

— Не горячитесь, сударыня, сказалъ управляющій, посмотрѣвъ прямо въ глаза Прасковьѣ Павловнѣ:—я, во-первыхъ обижать себя никому не позволю, потому-что я чиновникъ, а во-вторыхъ... Ну, а во-вторыхъ то... Я такъ и быть промолчу, а ужь вы сами знаете.

Онъ поклонился Петру Александрычу и вышелъ изъ комнаты.

— Экій грубіянъ! закричала Прасковья Павловна, притворяя дверь, въ которую вышелъ управляющій.—Отпусти его поскорѣй, другъ мой. Богъ съ нимъ! онъ только раззорялъ крестьянъ... Я знаю за нимъ такія плутни, такія... ну, да я тебѣ все послѣ разскажу. Семенъ Никифорычъ у насъ свой человѣкъ въ домѣ, душевно привязанный къ тебѣ, да онъ съ охотой возьмется управлять твоими имѣніями.—Молчи только, дружочекъ, до времени... Я все это тебѣ устрою самымъ лучшимъ образомъ.

Черезъ двѣ недѣли, Назаръ Яковличъ выѣхалъ изъ села Долговки, и всѣ счеты и разсчеты по своему управленію сдалъ по приказанію Актеона, Семену Никифорычу. Назаръ Яков-

личъ давно искалъ только предлога, чтобъ отойдти отъ Петра Александрыча. Въ продолженіе своего четырехлѣтняго управленія, онъ нажилъ себѣ порядочный капиталецъ и захотѣлъ самъ сдѣлаться помѣщикомъ... Онъ вскорѣ купилъ за 200 верстъ отъ села Долговки 60 душъ съ усадьбой.

Состояніе Актеона близилось къ разрушенію. Съ капитала, отданнаго имъ на бумаго-прядильную фабрику, онъ еще не получилъ ни гроша. Дмитрій Васильичъ Бобынинъ написалъ къ нему оскорбительное письмо за увольненіе управляющаго, и настоятельно требовалъ или немедленной высылки денегъ, которыя Петръ Александрычъ былъ долженъ ему, или немедленной уступки за этотъ долгъ деревни Бекеевки; въ противномъ случаѣ угрожалъ, что начнетъ дѣйствовать по законамъ. А деревня Бекеевка была хоть и небольшая, но лучшая и выгоднѣйшая деревня Петра Александрыча! Чтобъ развязаться съ Дмитріемъ Васильичемъ, онъ долженъ былъ согласиться на уступку ему Бекеевки.

— Знаете, маменька, говорилъ онъ: — я ужь отъ Дмитрія Васильича ни за что въ свѣтѣ не ожидалъ такого подлаго поступка.

— Что, мой голубчикъ? возражала Прасковья Павловна: — моя правда и вышла... Я всегда говорила тебѣ, что Дмитрію Васильичу пальца въ ротъ нельзя класть, что этакого тонкаго обманщика и вообразить нельзя... Видишь ли, какъ твоя маменька знаетъ людей?...

— Да. Какъ вы ихъ такъ научились разбирать? Это удивительно!

— А сказать ли тебѣ пріятную новость, мое сердце?

— Какую?

— Парамонъ Астафьичъ, засѣдатель нашъ, проситъ руки моей Анеточки; онъ написалъ ко мнѣ премилое письмо по этому случаю.

— Такъ у насъ будетъ скоро свадьба, маменька?

— Надѣюсь, душа моя...

Черезъ нѣсколько времени, Петръ Александрычъ, по настоянію Прасковьи Павловны, занялъ 20,000 рублей ассигнаціями у Семена Никифорыча подъ залогъ 40 душъ — и отдалъ эти деньги отъ имени своей матери въ приданое дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Не безпокойся, Петинька, говорила Прасковья Павловна:—эти двадцать тысячъ я тебѣ отдамъ... Ужь ты, мое сердце, положись въ этомъ случаѣ на мою совѣсть...

— Хорошо, маменька-съ; а когда же свадьба-то?

— Въ началѣ сентября, другъ мой, непремѣнно.

И вотъ сентябрь приближался... Только еще третью осень встрѣчалъ Петръ Александрычъ въ деревнѣ, а ему казалось, что онъ живетъ въ ней съ самаго младенчества. Иногда, въ годъ разъ или два, мерещились ему петербургскія лица, Невскій проспектъ, Александринскій театръ, офицеры, устрицы... и г-жа Бобынина, и г-жа Горбачева,— эти двѣ жемчужины средняго петербургскаго сословія... Но онъ тотчасъ же отгонялъ отъ себя всѣ эти воспоминанія.

— Да и что такое Невскій проспектъ? мыслилъ онъ однажды: — совершенный вздоръ... И что эти красавицы? такъ только блестятъ, и больше ничего... Спрашивается: чѣмъ здѣсь хуже? Здѣсь и Агафья Васильевна въ козловыхъ башмакахъ, и Маша, у которой щечки алѣе зари утренней, и Настя... и прочее. —Вдругъ на дворѣ послышался крикъ.

— Что это значитъ? подумалъ Петръ Александрычъ.

Онъ поднялся съ своего дивана и взглянулъ въ окно. У подъѣзда дома стояли три подводы, и на эти подводы укладывали сундуки съ приданымъ дочери бѣдныхъ, но благородныхъ родителей. Мужики и лакеи, стоявшіе у подводъ, во все горло смѣялись, глядя на какого-то мальчика, котораго Антонъ торжественно велъ черезъ дворъ за ухо. Мальчикъ тщетно пытался вырваться отъ Антона и кричалъ.

— Что это, Наумычъ? спросили въ одинъ голосъ Дормидошка, Ѳомка и Филька.—За что это ты, братъ, его теребишь. Вѣдь это Петька покровскій.

— Не ваше дѣло, отвѣчалъ Антонъ съ глубочайшею важностію: —будете знать все, скоро состарѣетесь...

— Что это за мальчишка? подумалъ Петръ Александрычъ: — странно!

Черезъ полчаса послѣ этого, Прасковья Павловна вбѣжала къ своему сыну.

— Ну, Петинька, вскрикнула она: — приготовься, мой другъ!.. Не на радость я пришла къ тебѣ... да что дѣлать! Супруга твоя забываетъ всѣ приличія, всякую благопристой-

ность... Она... она... ну, какъ бы ты думалъ... ну, вообрази, что можетъ быть хуже... завела переписку съ учителемъ!.. Я молчала, все молчала... да наконецъ ужь извини... не могу... не могу... Я не говорила тебѣ до сихъ поръ, что она съ нимъ прогуливается въ рощѣ, что ужь однажды Антонъ подкараулилъ ихъ и, кажется, учителю-то отъ него досталось... Ужь объ этомъ, батюшка, посторонніе говорятъ, всѣ, всѣ... Я щадила только твое здоровье, потому молчала... и думала, признаюсь, что она очувствуется... Наконецъ надо же положить этому преграду... Переписка!.. Безподобно!

— Гдѣжь вы видѣли ея переписку? спросилъ Петръ Александрычъ, вставъ съ дивана и пройдясь по комнатѣ...

— Гдѣ?... гдѣ?... А вотъ гдѣ!

Прасковья Павловна подала сыну съ особенною торжественностію какую-то записочку.

Онъ открылъ ее, пробѣжалъ глазами и нахмурился.

— Да читай вслухъ, мой другъ. У меня, знаешь, глаза слабые; я не разобрала и половины. Поняла только, что любовная записка.

„Мнѣ открывается случай ѣхать въ чужіе краи и не позже, какъ черезъ мѣсяцъ. Объ этомъ я получилъ третьяго дня письмо изъ Москвы... Я ѣду; мнѣ должно уѣхать отсюда... Но чувствую, что у меня не достало бы силъ уѣхать, не простясь съ вами. Въ моей горькой жизни есть нѣсколько свѣтлыхъ дней. Этими днями я обязанъ вамъ. Желаніе васъ видѣть въ послѣдній разъ пересилило мою боязнь писать къ вамъ. Простите меня за это... Мысль, что я могу подать поводъ этой запиской къ сплетнямъ, которыя составляютъ, кажется, весь интересъ здѣшнихъ жителей, эта мысль мучитъ меня... Съ моимъ посланнымъ напишите мнѣ одно слово въ отвѣтъ, гдѣ и когда я могу васъ видѣть“.

Прочитавъ это письмо, Петръ Александрычъ положилъ его въ карманъ.

— Каково покажется? закричала Прасковья Павловна.— Сплетни! ай-да молодчикъ!.. Пожаловалъ насъ въ сплетницы... О какихъ-то минутахъ, видишь ли, напоминаетъ ей, и проситъ, чтобъ она назначила ему рандеву... Прекрасно!

Петръ Александрычъ покачалъ головой.

— Нехорошо; однако, онъ уѣзжаетъ отсюда, маменька...

— И ты вѣришь ему, голубчикъ? Это все обманъ, хитрость! имъ только хочется имѣть свиданіе. Нѣтъ, этого пропустить нельзя... и посланнаго-то надо отвадить отсюда..

— А какъ же эта записка попалась къ вамъ?

— Спасибо Антону. Мальчишка-то посланный видно дуралей; онъ встрѣтилъ Антона, да и спрашиваетъ, какъ видѣть вашу молодую барыню. А тотъ догадался, спрашиваетъ — зачѣмъ тебѣ? -- Такъ говоритъ... Онъ погрозилъ ему; мальчишка-то туда, сюда, да и признался, что у него записка есть къ ней отъ учителя... Антонъ взялъ его за ухо и привелъ ко мнѣ... Впрочемъ, ты съ Ольгой Михайловной самъ какъ хочешь, такъ и дѣлайся. Мой долгъ былъ только обнаружить ея шашни, показать ея неблагодарность къ тебѣ, которому она всѣмъ обязана, — а тамъ не мое дѣло. Тебѣ извѣстно, что я всѣ сношенія съ ней прекратила. а ужь что касается до этого негодяя мальчишки, ихъ любовнаго почтальона, я велю его порядочно проучить.

Мальчикъ точно былъ высѣченъ Антономъ по приказанію Прасковьи Павловны и выпровожденъ за деревню.

Антонъ, донеся ей о точномъ исполненіи ея приказанія, стоялъ въ ея комнатѣ, какъ будто ожидая чего-то.

— Хорошо, Антонъ, спасибо! сказала Прасковья Павловна.

Антонъ все не двигался съ мѣста.

— Что? тебѣ нужно что нибудь?

Антонъ поклонился ей въ поясъ.

— Матушка, Прасковья Павловна, сказалъ онъ:—осмѣлюсь утруждать васъ... Я, кажется, служилъ вамъ, вѣрой и правдой, и то есть, коли доподлинно сказать-то, считалъ *васъ* всегда своей барыней... ей-Богу... Не оставьте же меня старика... сами изволите знать... Жена, дѣти...

— Чтожь тебѣ, на волю хочется, Антонъ? спросила Прасковья Павловна.

— И, матушка, какая воля... На что я старикъ пойду теперь на волю, да еще съ этакой обузой, съ женой, съ дѣтьми? Бѣда!... Только добрыхъ людей насмѣшишь... Да и куда идти мнѣ?... А вотъ, еслибъ ваша милость была (Антонъ почесалъ затылокъ), еслибъ вы пожаловали мнѣ, примѣрно, сколько нибудь рублишекъ. Недавно, матушка, околѣла у насъ дой-

ная, важнѣйшая была, корова, просто всю семью кормила. Заставьте за себя вѣчно Бога молить...

— Хорошо, Антонъ, изволь.

Прасковья Павловна вынула изъ своего ридикюля 10 рублей.

— Вотъ, возьми покуда, а послѣ я тебѣ дамъ еще.

Антонъ поклонился и вышелъ.

— Послѣ! ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, идя по двору. — Вотъ тебѣ и разъ! За все мое усердствіе отблагодарила краснухой. Ужь видно моя такая доля горемычная! Хоть бы холстинки кусочикъ прибавила. Все бы отраднѣе было. Эхъ, горькая участь!

И Антонъ, махнувъ рукой, отправился въ домикъ, украшенный елкою.

ГЛАВА X.

Въ то самое время, какъ Антонъ явился съ докладомъ къ Прасковьѣ Павловнѣ, Петръ Александрычъ вошелъ въ комнату къ женѣ своей. Эта комната, въ которой онъ давно не былъ, поразила его,—такъ рѣзко отдѣлялась она отъ остальныхъ комнатъ въ его домѣ. Онъ съ страннымъ любопытствомъ смотрѣлъ на все—и на рояль, на которомъ лежала груда нотъ, и на столы, на которыхъ разбросаны были книги, и на письменный столъ ея, на которомъ стоялъ портретъ ея матери.

Ольга Михайловна сидѣла на диванѣ, закутавшись въ шаль и прислонивъ голову къ спинкѣ дивана. Она вздрогнула при скрипѣ отворившейся двери и съ изумленіемъ посмотрѣла на мужа.

Онъ поклонился ей, нахмурилъ брови и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Онъ явно хотѣлъ говорить, потому что губы его зашевелились; но слова не сходили съ языка... Онъ еще немного прошелся по комнатѣ, остановился, посмотрѣлъ на нее, и сказалъ:

— Вы очень похудѣли.

— Можетъ быть, отвѣчала она.

— Вы больны?

— Нѣтъ, я здорова...

Петръ Александрычъ замолчалъ, открылъ одну изъ книгъ, перевернулъ страницу, и потомъ кашлянулъ.

— А мнѣ нужно объясниться съ вами.

— Что вамъ угодно?

— Вотъ видите ли, я ничего вамъ не говорилъ до сихъ поръ, а мнѣ все извѣстно... По цѣлой губерніи ходятъ объ этомъ слухи. Я не хочу, чтобъ вы имѣли какія нибудь сношенія съ этимъ учителемъ... Этого и приличіе не позволяетъ... и мое имя тутъ страдаетъ... Ужь, можетъ, и губернаторъ, и губернаторша объ этомъ знаютъ... сами посудите, хорошо ли это?... Я вѣдь вашъ мужъ... вѣдь на меня пальцами будутъ показывать... Ну, если губернаторъ станетъ надо мной смѣяться, что вы тогда скажете?

Ольга Михайловна грустно посмотрѣла на мужа и ничего не отвѣчала.

— И переписку завести, продолжалъ Петръ Александрычъ:—да вѣдь это что же такое наконецъ?

— Какую переписку?

Она подняла голову.

— А вотъ...

Онъ вынулъ изъ кармана записку учителя.

— Онъ къ вамъ пишетъ записки... Вѣдь у васъ еще, кажется, мужъ не умеръ, живой передъ вами.

Ольга Михайловна вскочила съ дивана.

— Кто ко мнѣ пишетъ? Какая записка? — Покажите.

— Извольте...

Она схватила записку дрожащей рукой, и пробѣжала ее. Лицо ея вспыхнуло отъ негодованія.

— И вы перехватили эту записку, и распечатали ее?

— Нѣтъ-съ, не я, а маменька.

— Что же вамъ угодно еще отъ меня?

— Больше ничего, какъ только высказать вамъ это... Я надѣюсь, что вы отвѣчать ему не будете.

— Нѣтъ, буду, сказала она, смотря ему прямо въ глаза.

— Какъ?... На что же это похоже? Что вы будете отвѣчать?

— То, что я хочу проститься съ нимъ, видѣть его въ послѣдній разъ.

— И вы мнѣ, вашему мужу, въ глаза признаетесь, что любите другого?

— Да, я люблю его, люблю, повторила она спокойнымъ и твердымъ голосомъ: — только не такъ, какъ думаете вы и ваша маменька. Я увижусь и прощусь съ нимъ, хотя бы послѣ этого и клеветы, и оскорбленія, и презрѣніе всей вашей губерніи обрушились надо мною и подавили меня...

Петръ Александрычъ посмотрѣлъ на жену и подумалъ: „да она помѣшалась!“

Въ эту минуту вошла горничная.

— Нянюшка, сказала она — проситъ васъ къ себѣ, сударыня; ей сдѣлалось очень худо.

Ольга Михайловна вышла изъ комнаты, оставивъ своего супруга въ страшномъ раздумьѣ.

— Просто, ворчалъ онъ сквозь зубы — помѣшалась!...

Старуха-няня была уже больна недѣли двѣ, и въ продолженіе всей ея болѣзни, Ольга Михайловна почти не отходила отъ ея постели.

— Что же нейдетъ моя голубушка-то Ольга Михайловна? Послали-ль за ней? повторяла больная.

Ольга Михайловна неслышными шагами подошла къ ней.

— Что съ тобой, няня? Тебѣ хуже?

— Ахъ, это ты, моя кормилица... Дай мнѣ твою ручку... Плохо, матушка, плохо... Кажется, мой послѣдній часъ пришелъ... Да и то сказать, зажилась, родимая; пора домой... Пошли, кормилица, за священникомъ, да вели привести ко мнѣ, матушка, Сашеньку-то... Послѣдній разъ посмотрѣть на него...

Дитя было приведено; вскорѣ за нимъ явился и Петръ Александрычъ.

— Спасибо тебѣ, кормилецъ, сказала ему старуха: — что не забылъ меня...

Черезъ минуту, она обратилась къ Ольгѣ Михайловнѣ.

— Послушай, матушка... ты здѣсь... Наклонись ко мнѣ... Не препоручай ничего, родимая, Антону, шептала она: — сохрани тебя Богъ... и никому изъ дворни... кромѣ Петра... А гдѣ же мой Сашенька-то?...

— Вотъ онъ, няня.

Ольга Михайловна приподняла своего сына и посадила на кровать къ больной.

— Голубчикъ мой, милое мое дитятко... говорила старуха, смотря на него.

— Благослови его, благослови няня! сказала Ольга Михайловна голосомъ, задушаемымъ слезами.

Старуха просила, чтобы ее приподняли. Въ комнатѣ было, какъ въ сумеркахъ. Сѣроватый осенній день едва проходилъ сквозь окно въ комнату умиравшей, и только слабый свѣтъ лампады, теплившейся передъ двумя образами, стоявшими у ея изголовья, освѣщалъ ея морщинистое лицо, исхудавшее отъ болѣзни.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! сказала старуха, осѣняя дитя своей дрожащей рукой: — будь счастливъ, рости, голубчикъ, отцу и матери на утѣшеніе.

Няня поцаловала его и заплакала.

И у Петра Александрыча показались на глазахъ слезы.

Священникъ пришелъ и причастилъ умирающую. Послѣ причастія старуха улыбнулась, и какъ будто съ большею живостію посмотрѣла на всѣхъ.

— Поздравьте же меня, сказала она: — Господь сподобилъ меня грѣшную причаститься святыхъ таинъ.

Она нѣсколько минутъ отдохнула и потомъ начала говорить, безпрестанно останавливаясь и совсѣмъ ослабѣвшимъ голосомъ:

— У меня подъ кроватью два сундучка стоятъ, да двѣ скриночки... Тамъ вещи, которыя я собирала, берегла... разныя вещи... Родныхъ у меня, никого нѣтъ... я была одна, какъ перстъ... Это, матушка, Ольга Михайловна, я тебѣ оставляю... Слышишь?

— Слышу, няня... Благодарю тебя.

— Петинька! подойди же ко мнѣ...

Петръ Александрычъ подошелъ къ нянѣ.

Она собрала всѣ свои силы, крѣпко ухватила его за голову и начала цаловать.

— Исполни просьбу твоей старухи, батюшка, послѣднюю просьбу... береги жену свою... береги ее, Петинька... Не давай ее никому въ обиду, кормилецъ... У нея нѣтъ здѣсь ни отца, ни матери... Она на чужой сторонѣ... Она добрая, она все за твоей больной няней ходила... А гдѣ ты? ты здѣсь, моя кормилица... Дай, я тебя перекрещу, сказала няня Ольгѣ

Михайловнѣ — Прощайте всѣ, добрые люди... А гдѣ же Прасковья Павловна?...

Голосъ старухи постепенно замиралъ; она прошептала еще нѣсколько невнятныхъ словъ, раза два простонала — и стихла.

Когда Ольга Михайловна вышла изъ комнаты няни, въ сѣняхъ на встрѣчу ей попались Прасковья Павловна и дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей.

— Что наша старушка? спросила послѣдняя съ участіемъ.

— Она скончалась, отвѣчала Ольга Михайловна.

— Неужели?...

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей поднесла платокъ къ глазамъ.

— А намъ даже и не дали знать, что она въ такомъ трудномъ положеніи! сказала Прасковья Павловна, искоса посматривая на свою невѣстку: — да и зачѣмъ? мы ходить съ Анеточкой за больными не умѣемъ, гдѣ же намъ? Мы добродѣтельными прикидываться также не можемъ. Въ притворствѣ уроковъ не брали... Учителей у насъ знакомыхъ нѣтъ; наставленій давать намъ некому...

Прасковья Павловна выходила изъ себя. Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей посмотрѣла выразительно на свою благодѣтельницу и едва замѣтно покачала головой.

— Пойдемте, дружочекъ, Анеточка, простимся съ покойницей... дай ей Богъ вѣчную память! Прасковья Павловна перекрестилась.

— Не забудьте же, душенька, Анеточка, вписать въ моемъ поминаньи рабу Божію Ѳедосью...

ГЛАВА XI.

Андрей Петровичъ, узнавъ, что его мальчикъ, посланный учителемъ въ село Долговку, былъ наказанъ, пришелъ въ ужасную ярость.

— На моего человѣка осмѣлиться руку поднять! кричалъ онъ, ходя по комнатѣ и обращаясь къ одному изъ гостившихъ

у него помѣщиковъ,—хорошо же! это не пройдетъ даромъ... Нѣтъ, любезный сосѣдушка, извините... Ну, ужь этотъ Петръ Александрычъ, сущая баба, признаюсь... Этого я отъ него не ожидалъ. Какъ позволить себя опутать до такой степени!... «Мать!» говоритъ... Имѣй онъ уваженіе къ матери—противъ этого ни слова, да на что же у человѣка царь-то въ головѣ? какъ же не жить своимъ умомъ?... Притѣснили эту бѣдную Ольгу Михайловну такъ, что ни на что не похоже... выводятъ сплетни по цѣлой губерніи, разславили ее на всѣхъ перекресткахъ... да и меня вмѣшали въ эту исторію... А учитель мой человѣкъ отличный, тихій, благородный... я бы съ нимъ цѣлый вѣкъ не разстался... Ну, да ужь за то какой же я аттестатъ ему дамъ, чортъ возьми!... въ золотую рамку можетъ повѣсить, просто!... Вишь, злоба какая! Осмѣлиться наказать чужого человѣка!... Погоди, вотъ я всѣ ихъ ухищренія обнаружу; я заставлю замолчать цѣлую губернію! Да, я таковъ... со мной не шути.

Андрей Петровичъ, который, въ продолженіе всей своей жизни, бралъ только перо для того, чтобъ подписывать свое имя,—схватилъ листъ почтовой бумаги и въ одинъ присѣстъ написалъ къ Петру Александрычу слѣдующее:

„Милостивый Государь мой после такихъ поступковъ съ вашей стороны каковъ былъ последній поступокъ съ моимъ человекомъ, который принесъ письмо отъ учителя къ вашей супруги, я не вхожу въ разсмотреніе по приказанію Вашему или вашей Матушки сдѣлано то, а имею только честь объявить вамъ, что буде хто изъ вашихъ крестьянъ либо дворовыхъ после сего покажется въ моей деревни покровкѣ новоселовкѣ тожъ то не применетъ съ нимъ последовать такоеже наказаніе коему у васъ подвѣргся мой человѣкъ —За симъ имею честь быть вашъ слуга Андрей Боровиковъ“.

Письмо это не произвело сильнаго дѣйствія на Петра Александрыча; онъ даже жалѣлъ втайнѣ о нечаянной враждѣ своей съ Андреемъ Петровичемъ; зато оно чрезвычайно раздражило Прасковью Павловну.

— Ахъ, онъ безсовѣстная душа! низкій человѣкъ! воскликнула она.—Ужь не даромъ у меня всегда на сердцѣ было что-то противъ него!... Правда, говорятъ, что все къ лучшему. теперь я вѣрю этому... Ну, если бы я выдала Анеточку за не-

го, вѣдь онъ погубилъ бы ее, совсѣмъ погубилъ!... У кого же намъ теперь взять музыкантовъ для сговору и для свадьбы?... Вотъ бѣда!...

Сговоръ и свадьба должны были совершиться въ губернскомъ городѣ, гдѣ пламенный женихъ нетерпѣливо ожидалъ избранницу своего сердца. Прасковья Павловна цѣлые дни проводила въ сборахъ и приготовленіяхъ къ 26-му сентября: этотъ день назначался для выѣзда изъ села Долговки. Петръ Александрычъ приглашенъ былъ посаженымъ отцомъ, а Ѳекла Ниловна посаженою матерью со стороны невѣсты.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей съ тѣхъ поръ, какъ торжественно была объявлена невѣстой, находилась въ меланхолическомъ состояніи. Она безпрестанно вздыхала. Ее нѣсколько тревожило, что жениха ея зовутъ Парамономъ, но зато это окончательно утвердило ея вѣру въ святочныя гаданья. Имя Парамона, какъ извѣстно читателю, впервые услышала она полтора года предъ симъ, въ одинъ изъ рождественскихъ вечеровъ, когда робко и трепетно выбѣгала на улицу вопрошать судьбу о своей участи.

26-го сентября, утромъ, передъ самымъ выѣздомъ своимъ изъ деревни, невѣста пришла къ Ольгѣ Михайловнѣ.

— Ма-шеръ, Ольга Михайловна, сказала она:—я должна проститься съ вами и поблагодарить васъ за вниманіе ваше ко мнѣ въ продолженіе всего времени, которое я жила здѣсь. Меня только убиваетъ мысль, что болѣзнь мѣшаетъ вамъ осчастливить своимъ присутствіемъ мою свадьбу.

Произнеся это, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей скромно потупила глаза.

— Вы не сердитесь на меня, душенька? спросила она послѣ минутнаго молчанія, взглянувъ съ чувствомъ на Ольгу Михайловну.

— За что же?

— Вы могли думать, что я была отчасти причиною непріятностей, которыя послѣднее время терпѣли вы отъ Прасковьи Павловны, а я, клянусь вамъ, всегда еще удерживала ее сколько могла, хвалила ей васъ...

— Очень вамъ благодарна.

— Мнѣ всегда такъ жалко было на васъ смотрѣть; я всегда самое искреннее участіе принимала въ васъ... Позвольте мнѣ

быть увѣренной, что мы разстаемся съ вами безъ всякихъ непріятностей.

— Совершенно. Желаю вамъ всякаго счастія.

Дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей поцаловала Ольгу Михайловну и заплакала.

Все было готово къ отъѣзду. Прасковья Павловна, Семенъ Никифорычъ, Петръ Александрычъ и невѣста, въ салопахъ и шинеляхъ, присѣли минуты на двѣ, какъ это обыкновенно водится, потомъ помолились; потомъ Прасковья Павловна начала рыдать и благословлять свою Анеточку; потомъ всѣ пошли къ каретѣ, гдѣ ожидали ихъ мрачный Антонъ и вѣчно цвѣтущая Агаѳья.

Въ эту самую минуту Илья Иванычъ, пріѣхавшій въ телѣжечкѣ на одной лошадкѣ, подбѣжалъ къ отъѣзжающимъ.

— Ахъ, Илья Иванычъ! закричалъ Актеонъ.

— Эге! Илья Иванычъ, произнесъ Семенъ Никифорычъ.

— Илья Иванычъ! Илья Иванычъ! пропищала Прасковья Павловна съ Анеточкой.

— Мое почтеніе-съ. А я привезъ вамъ новость-съ. Село Козмо-Демьянское, графа Воротынцева, продано совсѣмъ, съ померанцовыми деревьями-съ, съ фабрикой, съ домомъ и со всѣми угодьями за мильонъ двѣсти тысячъ-съ.

— Кому? кому? закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— Дмитрію Васильичу Бобынину.

— Вздоръ! вскрикнула Прасковья Павловна, обомлѣвъ.

— Ей Богу-съ. Ужь и купчая, говорятъ, совершена-съ... Да въ городѣ вы все сами узнаете.

Прасковья Павловна бросила значительный взглядъ на сына.

— А вы куда-съ ѣдете? спросилъ Илья Ивановичъ.

— Ахъ, батюшка, да развѣ ты не знаешь? Везу отдавать замужъ Анеточку.

— Поѣдемте-ка съ нами, сказалъ Актеонъ:—какъ будетъ весело, какіе будутъ обѣды, ужины!...—Онъ подумалъ:—Ай да Дмитрій Васильичъ! Какъ-то я выручу отъ него деньги, отданныя на филатуру?

— Вы, Илья Иванычъ, сядете тамъ сзади, въ тарантасѣ, съ Настей и съ Машей, замѣтила Прасковья Павловна.

— Какъ же, я женѣ и дѣтямъ ничего не сказалъ-съ! Развѣ

съ моимъ мужичкомъ послать ихъ увѣдомить, что я дескать съ вами въ городъ поѣхалъ?

— И прекрасно. Такъ рѣшились?

— Рѣшился-съ.

„На свадьбѣ будемъ мы отлично пировать
И молодымъ всѣхъ благъ и счастія желать.“

Проговоривъ это двустишіе, Илья Иванычъ бросился къ своей телѣжкѣ, вынулъ изъ нея свой чемоданчикъ, отдалъ приказъ своему мужичку и расположился въ тарантасѣ.

Въ карету сѣла, кромѣ четырехъ господъ, Агаѳья Васильевна. Антонъ взгромоздился на козлы. Гришка сталъ на запятки. Карета двинулась и за нею два тарантаса, нагруженные перинами, подушками и дѣвками.

Въ этотъ же вечеръ Ольга Михайловна написала къ учителю:

„Завтра утромъ я ожидаю васъ къ себѣ. Вы никого не встрѣтите. Я одна, всѣ уѣхали въ городъ“.

Но съ кѣмъ послать эту записку?

Ольга Михайловна задумалась; вдругъ ей пришло на память, что умирающая няня говорила о Петрѣ. Этотъ Петръ находился подъ опалой у Прасковьи Павловны и рѣдко приходилъ въ комнаты. Ольга Михайловна велѣла позвать его къ себѣ. Онъ явился.

— Возьмешься ли ты доставить эту записку учителю, который живетъ у Андрея Петровича? спросила она.

— Почему же нѣтъ-съ? Да лучше всего, сударыня, отдать ее покровскому крестьянину, который здѣсь проѣздомъ, у нашего мужичка, Ермолая.

— И онъ доставитъ ее?

— Какъ же-съ, непремѣнно; наказать только ему строже.

— Такъ возьми же эту записку и попроси его, чтобъ онъ доставилъ ее сегодня же, если можетъ.

— Слушаю-съ. Петръ ушелъ.

На слѣдующее утро она встала рано и вышла въ садъ. Погода была пасмурная; сѣрыя тучи кругомъ обложили небо. Рѣзкій вѣтеръ, поднявшійся съ поля, со стономъ качалъ полуобнаженныя деревья; желтые листья грудами лежали на землѣ, утки лѣниво ныряли въ прудѣ; на полусгнившемъ и почернѣломъ заборѣ висѣло бѣлье; по крышкѣ разваливающагося дома

лѣпился мохъ; ставни у многихъ оконъ сорвались съ петель и качались со скрипомъ...

Она возвратилась въ свою комнату и сѣла, въ тревожномъ ожиданіи, у окна, прислушиваясь къ однообразному стуку и шипѣнью старинныхъ стѣнныхъ часовъ. Сердце ея ныло и замирало отъ грусти. На ней было бѣлое платье,—такое же какъ въ тотъ день, когда она увидѣла его въ первый разъ. Осунувшееся лицо ея было покрыто яркимъ румянцемъ: глаза блестѣли; грудь подымалась тяжело и неровно.

Вдругъ раздались чьи-то шаги въ тишинѣ. Кто-то всходилъ на лѣстницу. Она начала слушать. —Это онъ! прошептала она, и пошла къ нему на встрѣчу.

— Я издалека узнала ваши шаги, сказала она улыбаясь и протягивая ему руку.—Видите ли, какъ старые друзья ваши помнятъ васъ?

Она сѣла на диванъ и указала ему мѣсто возлѣ себя.

— Я думалъ, что ужь болѣе не увижусь съ вами.

— О, нѣтъ, нѣтъ! вы не должны были уѣзжать, не простясь со мною.. А вы скоро ѣдете? спросила она немного измѣнившимся голосомъ...

— Черезъ два дня, отвѣчалъ онъ.

— Черезъ два дня! повторила она задумываясь.—Наконецъ ваше всегдашнее желанье исполняется...

— И странно! въ эту минуту, сказалъ онъ — я счелъ бы величайшимъ счастіемъ, еслибъ мнѣ навсегда можно было остаться здѣсь. .

Нѣсколько минутъ они молчали.

— Куда же вы ѣдете? спросила она.

— Въ Италію.

— Поѣзжайте, поѣзжайте! вамъ будетъ лучше тамъ... Я рада за васъ. Она опять задумалась —И я когда-то думала быть въ Италіи... только это очень давно...

Она улыбнулась.

— И я вижу васъ въ послѣдній разъ! произнесъ онъ голосомъ, вырвавшимся изъ глубины болящей души.

— Въ послѣдній!

На глазахъ ея показались слезы...

— Да... я теперь начинаю вспоминать... вы когда-то желали услышать отъ меня еще разъ—Шуберта.. Теперь я могу

исполнить ваше желаніе. Она сѣла къ роялю, и съ минуту какъ будто припоминала что-то... Легкій, едва замѣтный трепетъ пробѣжалъ по ея тѣлу... руки прикоснулись къ клавишамъ, и раздались печально-медленные аккорды „Странника“ *).

Она пѣла:

...„Тихо и грустно странствую я по жизненному пути, и вздохи безпрестанно спрашиваютъ: гдѣ же, гдѣ?

„Здѣсь солнце свѣтитъ на меня такъ холодно... цвѣтъ жизни моей вянетъ, рѣчи *ихъ*—для меня звуки пустые...

„О, гдѣ же ты, гдѣ ты моя возлюбленная страна, такъ мной любимая, предчувствуемая и никогда мной незнаемая? Страна, столь полная надежды,—страна, гдѣ цвѣтутъ мои розы, гдѣ живутъ друзья мои, гдѣ возстаютъ мои мертвые,—страна, гдѣ говорятъ моимъ языкомъ,—о, гдѣ же ты, гдѣ ты?

„Тихо и грустно странствую я по жизненному пути, и вздохи безпрестанно спрашиваютъ—гдѣ она, гдѣ она?

„Мнѣ слышится, словно въ дуновеніи вѣтра прозвучалъ таинственный голосъ: тамъ, гдѣ нѣтъ тебя,—тамъ твое счастіе“...

Она смолкла, голова ея болѣзненно склонилась къ груди... Это была ея лебединая пѣснь. Онъ смотрѣлъ на нее, и по блѣдному лицу его ручьями лились слезы...

Отдохнувъ, она долго еще разговаривала съ нимъ о своей жизни въ Москвѣ, о чужихъ краяхъ... Наконецъ онъ всталъ со стула и взялся за шляпу.

— Вы ужь идете?—сказала она, сжимая его руку.—Прощайте; да благословитъ васъ Богъ!... Благодарю васъ... за все... Вамъ я обязана лучшими минутами моей жизни... Она едва могла договорить послѣднее слово: силы оставили ее и голова ея упала къ нему на грудь.

Минуты двѣ она была въ какомъ-то забытьи; вдругъ приподняла голову, отвела отъ глазъ свои волосы и смотрѣла на него долго и пристально, будто стараясь еще болѣе напечатлѣть въ своей памяти черты его.

— Прощайте! повторила она: — если когда нибудь случится вамъ быть въ этихъ мѣстахъ, зайдите на мою могилу...

Она улыбнулась.

---

*) Der Wanderer.

Онъ ничего не могъ говорить: слезы задушали его, онъ только жадно прильнулъ къ ея рукамъ въ упоеніи отчаянія...

Она проводила его до другой комнаты... потому что силы не позволяли ей идти далѣе и сѣла у окна, которое выходило на улицу.

Онъ давно скрылся, но она все еще сидѣла у окна...

У Полицейскаго моста, часу въ 3-мъ утра, офицеръ съ серебреными эполетами и съ чернымъ султаномъ остановилъ офицера съ золотыми эполетами и съ бѣлымъ султаномъ.

— Бон-журъ, мон-шеръ, кричалъ офицеръ съ чернымъ султаномъ, хватая почти насильно за руку офицера съ бѣлымъ султаномъ; — куда идешь? что ты сегодня дѣлаешь? отчего такъ блѣденъ? — Слышалъ новости, мон-шеръ?

— Какія?

— Сюда двѣ француженки пріѣхали, прехорошенькія, прямо изъ Парижа; я за одной изъ нихъ волочусь... она подарила мнѣ колечко съ изумрудомъ... я тебѣ послѣ покажу... Какъ она мило говоритъ: „Je vous adore!“ ты не повѣришь... А, кстати, ты вѣдь зналъ Петра Александрыча Разнатовскато... Пьеръ, такой славный малый? Я у него шаферомъ на свадьбѣ былъ. Мы еще вмѣстѣ съ нимъ кутили... я у него 100 т. выигралъ послѣдній разъ, какъ ѣздилъ къ себѣ въ деревню, знаешь?..

— Да какъ, братецъ, не знать... Ну, что же?

— И помнишь его жену, мон-шеръ? Она къ Горбачевымъ ѣздила, шармантъ персонъ была!.. Она всегда такіе длинные черные локоны носила и славно вальсировала...

— Да, знаю, братецъ, что же дальше?

— Умерла съ годъ назадъ тому... я только недавно узналъ объ этомъ, мон-шеръ.

— Такъ по твоему это тоже новость?

— Еще бы! вѣдь ты не зналъ этого! А Петръ Александрычъ, говорятъ, недавно женился, и знаешь на комъ? — трудно повѣрить.. На своей горничной Агашкѣ... Мнѣ пишутъ объ

этомъ изъ тѣхъ мѣстъ, мон-шеръ, гдѣ его деревня,—ей Богу!

— Неужели?...

— У него, говорятъ, всего осталось пятьдесятъ душъ. Дмитрій Васильичъ Бобынинъ чудно обработалъ его! А мы сегодня, мон-шеръ, кутимъ на пропалую съ Костей и съ Петрушей. У Дюме особый обѣдъ заказали по 15 руб съ персоны, безъ вина.. У него новый чудесный поваръ .. О-плезиръ, мон-шеръ.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ФЕЛЬЕТОНИСТЪ.

«Я самъ по примѣру твоему, душа Тряпичкинъ, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пиши для души. Вижу: точно надо чѣмъ нибудь высокимъ заняться.»

(*Ревизоръ*)

I.

Исторія дѣтства будущаго фельетониста — исторія дѣтства многихъ изъ среднихъ дворянъ. Попечительные и нѣжные родители, какъ водится, пичкаютъ въ него булки и пряники съ утра до ночи. Аппетитъ у дитяти изрядный, потому что онъ цѣлый день въ движеніи, цѣлый день бѣгаетъ по двору, да гоняетъ кнутомъ дворовыхъ мальчишекъ, огрызаясь съ бабами и лакеями. Между тѣмъ, онъ кое-чему и учится — и даже зубритъ (употребляя школьное выраженіе) французскіе вокабулы. Лѣтъ въ 12 онъ уже достаточно вытянулся. Попечительные и нѣжные родители (у которыхъ отъ 200 осталось только 45 заложенныхъ и перезаложенныхъ душъ) находятъ неприличнымъ держать его долѣе дома и отсылаютъ въ Москву въ пансіонъ. Въ пансіонѣ его учатъ всему понемножку и ничему не выучиваютъ; однако лѣтъ въ 15 онъ переводитъ съ французскаго на русскій довольно сносно, и начинаетъ чувствовать страстишку къ чтенію. На школьной лавкѣ потихоньку отъ гувернеровъ и учителей, перечитываетъ онъ всѣ романы (въ переводахъ) отъ г-жъ Котенъ и Жанлисъ до Вальтеръ-Скотта включительно.

Эти романы возбуждаютъ въ немъ неопредѣленное и тревожное желаніе самому сдѣлаться сочинителемъ.

Учитель словесности—педантъ-семинаристъ—своими похвалами еще болѣе раздражаетъ въ немъ это желаніе. И герой мой, въ свободные отъ лекцій часы, сидитъ въ углу классной комнаты и тамъ, на лоскуткахъ бумаги все пишетъ и написанное тщательно прячетъ отъ всѣхъ.

Однажды, когда онъ сидитъ надъ лоскуткомъ, грызетъ перо, качаетъ головой и бормочетъ что-то сквозь зубы, одинъ изъ его товарищей ловко подкрадывается къ нему и уноситъ его завѣтный лоскутокъ со стишками... Будущій фельетонистъ вскрикиваетъ отъ испуга, съ ожесточеніемъ бросается на товарища; но тотъ однимъ толчкомъ обезоруживаетъ безсильнаго поэта и убѣгаетъ отъ него съ своимъ пріобрѣтеніемъ... Черезъ двѣ минуты весь пансіонъ окружаетъ сочинителя „У! у! сочинитель! сочинитель!" кричатъ мальчишки, дразня его языкомъ, смѣясь и прыгая около него. Съ тѣхъ поръ ему не даютъ покоя; но не смотря на преслѣдованіе товарищей, охота писать не оставляетъ его. Онъ постоянно пачкаетъ бумагу или читаетъ разрозненные томы русскихъ журналовъ.

Наконецъ, ожесточеніе противъ него товарищей мало-помалу прекращается: они, смѣясь надъ нимъ, не шутя пріучаются къ мысли, что онъ сочинитель. И бѣдняжка (ему почти 17 лѣтъ) нѣсколько ободряется: онъ въ подражаніе тѣмъ журналамъ, которые читалъ, хочетъ и самъ издавать журналъ для своего класса. Онъ покупаетъ для будущаго журнала прекрасную тетрадку, двѣ недѣли росписываетъ заглавный листъ, двѣ недѣли разрисовываетъ виньетку. Когда же и заглавный листъ и виньетка окончены, онъ начинаетъ думать о содержаніи своего журнала, пишетъ для него и стишки, и повѣсти и критики... Стишки и повѣсти немного затрудняютъ его. „Подбирать рифмы не легко, выдумывать сюжетцы для повѣстей также трудновато" думаетъ онъ: „критика легче, а можетъ быть она мое истинное призваніе" (эту фразу онъ, плутъ, вычиталъ въ журналѣ). Критика?.. Что если я буду когда нибудь настоящимъ сочинителемъ? Кажется, можно сойдти съума отъ радости, видя въ печати свои сочиненія!.." И отдаваясь этимъ соблазнительнымъ мечтамъ, онъ — тихій и скромный мальчикъ—акуратно и красиво переписываетъ свои сочине-

нія въ тетрадку. Проходятъ два мѣсяца: вся тетрадка исписана, журналъ готовъ, онъ уже переходитъ изъ рукъ въ руки. Страшная минута для издателя!.. У него замираетъ духъ.

Чѣмъ-то рѣшится его участь?.. Но надъ нимъ уже не смѣются, его читаютъ, его даже немножко похваливаютъ... Весело быть сочинителемъ!

Скоро затворническая жизнь его кончится; изъ мальчика онъ дѣлается молодымъ человѣкомъ, и держитъ экзаменъ въ университетъ.

Онъ уже студентъ! Онъ вмѣсто отложныхъ воротничковъ носитъ галстухъ; онъ безъ провожатаго ходитъ по московскимъ улицамъ и бульварамъ; онъ послѣ лекцій забѣгаетъ въ лавку Пера съѣсть пирожокъ. Перспектива жизни открывается передъ нимъ: сколько соблазновъ! Театръ, слоеные пирожки, хорошенькія дѣвушки, вино и журнальныя статейки...

Молодой человѣкъ помаленьку пользуясь жизнію, переходитъ во второй курсъ: физіономія его принимаетъ болѣе серьезное выраженіе. Онъ надѣваетъ очки, зѣваетъ на лекціяхъ, робко подглядываетъ подъ шляпки, насвистываетъ водевильные куплетцы и грезитъ о будущей литературной славѣ своей, переводя между тѣмъ, для собственнаго удовольствія, разныя мелкія повѣсти и стишки изъ французскихъ журналовъ.

Очки придаютъ ему нѣкоторую важность и рождаютъ въ немъ маленькую самонадѣянность... „А почему же мнѣ не попытаться“, говоритъ онъ самому себѣ, поправляя очки: — „почему не попытаться отослать хоть одинъ изъ моихъ переводовъ въ журналъ. Очень вѣроятно, что и напечатаютъ... слогъ, кажется, не дуренъ... Право, отошлю!“

Письмо и статьи отосланы. Съ этой минуты, болѣзнь ожиданія овладѣваетъ молодымъ человѣкомъ... Передъ выходомъ книжки журнала онъ начинаетъ чувствовать лихорадку и біеніе сердца. Книжка вышла... Толкая и сбивая съ ногъ всѣхъ встрѣчавшихся, бѣжитъ онъ въ книжную лавку. Его узнать нельзя: онъ безъ очковъ, потъ льется ручьями по лицу его, онъ тяжело переводитъ дыханіе и, заикаясь, едва можетъ сказать сидѣльцу книжной лавки:

„Дайте мнѣ, пожалуйста... посмотрѣть... послѣдній нумеръ...“

Съ жадностію схватываетъ онъ поданную ему книжку, боязливо переворачиваетъ листъ за листомъ; руки его дрожатъ... о Боже!.. Онъ не вѣритъ глазамъ своимъ... напечатанъ, переводъ его напечатанъ!.. Онъ прочитываетъ его отъ начала до конца, потомъ отъ конца до начала... И поправокъ не такъ много!.. Онъ любуется печатными буквами и не налюбуется. Съ трудомъ отрывается онъ отъ книжки — и возвращается домой, съ неописаннымъ восторгомъ, напѣвая водевильный куплетецъ.

Участь его рѣшена окончательно. Онъ уже считаетъ себя литераторомъ и говоритъ одному офицеру, своему родственнику, пріѣхавшему въ отпускъ въ Москву изъ Харькова:

— Я, душа моя, заваленъ переводами я вѣдь главный сотрудникъ въ журналѣ NN".

— Браво! замѣчаетъ офицеръ, крутя усъ и прищелкивая языкомъ,—прямо въ Пушкины лѣзешь!

Студентъ не можетъ скрыть пріятной улыбки, крѣпко жметъ руку офицера и бѣжитъ къ журналисту, чтобъ начать поскорѣе пожинать литературные лавры. Журналистъ принимаетъ его съ сухою важностью, но когда молодой человѣкъ съ трепетомъ объявляетъ, что готовъ безденежно и постоянно трудиться въ его журналѣ — строгое и мудрое чело журналиста проясняется.

— Безденежно! — думаетъ журналистъ: — а, это дѣло другое!.. Этотъ молодой человѣкъ очень порядочный, по всему видно, я очень люблю этакихъ горяченькихъ новичковъ! Къ тому же переводитъ онъ такъ себѣ—ничего. Мы имъ воспользуемся... Журналистъ мысленно прогоняетъ уже отъ себя своего сотрудника, который бралъ съ него по 20 руб. за переводный листъ — и, обращаясь къ моему герою, съ улыбкою произноситъ:

— Не хотите-ли трубочки, почтеннѣйшій? а? Я почитаю корректуру, пріищу вамъ кое-какую работу, а вы посидите покуда, да покурите...

О счастіе!.. Благоговѣйно осматриваетъ молодой человѣкъ комнатку, въ которую, по его мнѣнію, допускаются только свѣтила ума, избраннѣйшіе изъ избранныхъ... Груды рукописей, книгъ, газетъ и журналовъ французскихъ и нѣмецкихъ разбросаны по столамъ, пыльные и въ безпорядкѣ: корректуры

валяются по полу. (Въ то время журналисты еще не украшали себя цвѣтами и мебелью Гамбса). Что-то таинственное и заманчивое для героя моего въ этой довольно грязной комнаткѣ журналиста. И властелинъ этой комнатки, онъ, этотъ великій человѣкъ, для котораго не существуетъ никакихъ литературныхъ тайнъ,—онъ, владѣтель этихъ бумажныхъ и пыльныхъ сокровищъ, могучій раздаватель славы и безсмертія, грозный и неумолимый судія,—сидитъ передъ нимъ, передъ бѣднымъ и неизвѣстнымъ студентомъ, и ставитъ чародѣйственныя каракульки всесильнымъ перомъ своимъ на грязныхъ корректурныхъ листахъ... Дивныя минуты! Студентъ мой готовъ для этого великаго человѣка трудиться не только безденежно, онъ былъ бы радъ отдать ему собственныя деньги, еслибъ онѣ у него были, за лестное позволеніе участвовать въ его журналѣ... Бѣдный фельетонистъ,—въ сію минуту жалкое орудіе презрѣнной воли своего барина, какого нибудь торгаша-газетчика, или журналиста, комокъ грязи въ предательской рукѣ его! Ты, можетъ быть, забылъ эти дни своей невинности, безкорыстныя мечты своей свѣтлой юности!..

Но къ чему отступленія?

Герой мой скоро изъ студента превращается въ кандидата; старичокъ-отецъ его умираетъ; матери его давнымъ давно нѣтъ на свѣтѣ. Онъ круглый сирота—онъ вольная птица и наслѣдникъ 45 заложенныхъ и перезаложенныхъ душъ. Онъ продаетъ ихъ и выручаетъ за уплатою долга 5000.

Школьныя тетради подъ столомъ, бутылка шампанскаго на столѣ; ломбардный билетъ размѣненъ.

— Чокнемся, моншеръ! говоритъ онъ своему родственнику офицеру, который уже вышелъ въ отставку и женился въ Москвѣ.—Я теперь не менѣе тебя чиномъ: я кандидатъ. Не шути, братъ, со мною!

— Чокнемся, дружище, чокнемся! со вздохомъ отвѣчаетъ отставной офицеръ:—что чины, братецъ, не въ чинахъ дѣло! Была бы воля своя. А то... (офицеръ махаетъ рукою). Не женись, Петя, не женись, милый... Напиши-ка, братецъ, куплеты противъ женитьбы. Ей Богу, напиши... а ужь я вотъ какое тебѣ скажу за это спасибо...

Къ новому кандидату очень къ лицу его форменный фракъ съ пуфами на плечахъ, съ высокимъ воротникомъ и длинными

фалдами. Блестящая пуговица сверкаетъ на его черной манишкѣ; подбородокъ его то ныряетъ въ пестрый волнистый галстукъ, то снова выскакиваетъ на его поверхность: лицо лоснится самодовольствіемъ. Комнатка его убрана съ большимъ вкусомъ. На стѣнѣ висятъ картиночки и портретцы великихъ людей. На этажеркѣ стоитъ серебряная сахарница, четыре книжки въ яркомъ переплетѣ и бумажникъ, подаренный кузиною, на которомъ стальнымъ бисеромъ по розовому полю вышито: *souvenir*... Онъ — сидитъ за письменнымъ столикомъ своимъ и сочиняетъ статейку, подъ заглавіемъ: Теорія и практика краснорѣчія, — глубокомысленная статейка!

Всѣ бѣдные кандидаты начинаютъ обыкновенно свое служебное поприще съ учительства. И мой молодой человѣкъ дѣлается также учителемъ.

Начальство тѣхъ заведеній, гдѣ онъ учитъ, довольно его акуратностію. Его похваливаютъ и даютъ ему награжденіе. Слухи о его способностяхъ и главное — акуратности распространяются по Москвѣ. Родители его ищутъ, онъ въ иныхъ домахъ получаетъ уже по десяти рублей за часъ!

Жизнь шире и шире раздвигается передъ нимъ. Иногда онъ обѣдаетъ у Яра, а послѣ обѣда играетъ у пріятеля въ преферанчикъ и вистикъ; онъ танцуетъ на замоскворѣцкомъ балку. Онъ не пропускаетъ ни одного представленія, когда Мочаловъ играетъ въ трагедіи... А деньги выходятъ незамѣтно. Проклятыя деньги! Прощайте же вы — невинныя грезы юности! Прощайте и вы, труды безкорыстные!

— Не хочу печатать въ журналѣ ни одной строчки безъ денегъ! думаетъ онъ, притопнувъ рѣшительно ногой. Надо же попить да повеселиться!..

Въ свое время и любовь идеальная приходитъ. Какъ же безъ идеальной любви? Герой мой влюбляется въ барышню, вздыхаетъ, пишетъ стишки: „къ ней“ и печатаетъ ихъ; онъ, разнѣживаясь, смотритъ на милую воровку своего покоя, а отставной офицеръ подходитъ къ нему, ударяетъ его по плечу, и говоритъ: — Ахъ ты, Марлинскій этакой! Ну, смотри, мечтатель!.. Держи ухо востро, братецъ, а то и не увидишь, какъ скрутятъ!..

Впрочемъ, герою моему и не нужно предупрежденія. Онъ влюбился больше для того, чтобъ только писать стишки „къ

ней". У него ужъ теперь не любовь на умѣ... Ему смертельно хочется сдѣлаться редакторомъ какой-нибудь газеты, какого нибудь повременнаго изданія. Вотъ какъ!—Эта мысль безпощадно повсюду гоняется за нимъ. Мысль хорошая! Говорятъ, будто-бы точно очень лестно для самолюбія увидать въ концѣ газеты, или хоть биржевого прейсъ-куранта свое имя, набранное капителью! У моего молодого человѣка нѣтъ ни малѣйшей надежды выхлопотать себѣ позволеніе издавать журналъ или газету,—не смотря на то, онъ все пишетъ программы журналовъ и газетъ, и все толкуетъ объ литературной добросовѣстности и благонамѣренности...

Но въ Москвѣ скоро становится ему неловко и скучно.

Тамъ нѣтъ газетъ, тамъ нѣтъ фельетонной литературы, тамъ не любятъ легкаго чтенія...

То-ли дѣло Петербургъ!.. Петербургъ только и хлопочетъ о деньгахъ. Тамъ раздолье литературнымъ спекулянтамъ, шутамъ и гаерамъ.. Тамъ ловкіе люди пріобрѣтаютъ великіе капиталы различными литературными продѣлками; тамъ пользуются литературной славой — господа, не написавшіе ни одной строки... Тамъ... но мало-ли чего нѣтъ тамъ?

Вотъ отрывокъ изъ письма, которое авторъ Теоріи и Практики, будущій петербургскій фельетонистъ, получилъ отъ одного петербургскаго дѣйствительнаго фельетониста — своего друга.

„Да, Петя, ваша Москва деревня въ сравненіи съ нашимъ Петербургомъ... Что тебѣ безъ всякой славы и вознагражденія работать въ московскихъ журналахъ, о существованіи которыхъ у насъ и не подозрѣваютъ? — Я знаю, что ты получаешь тамъ небольше 25 руб. за оригинальный листъ, хоть и прикидываешься, плутъ, будто не берешь менѣе 150 р., а здѣсь 4,000 р. въ годъ получаетъ всякій корректоръ. Здѣсь, душа, корректурою наживаютъ себѣ славу... Я скажу тебѣ про себя, что, кромѣ жалованья, извѣстнаго тебѣ, я пользуюсь и другими невинными доходцами: всѣ кондитеры, напримѣръ, меня знаютъ; я всякій день захожу въ кондитерскія и ѣмъ даромъ просто сколько душѣ угодно; волочусь, дружокъ, безъ пощады; креманомъ меня такъ и обдаютъ и купцы, и актеры и офицеры... Словомъ, здѣсь настоящій рай земной... Обра-

зованіе въ Петербургѣ распространено во всѣхъ классахъ: когда я иду по Невскому, то всѣ проходящіе говорятъ: — а вонъ идетъ фельетонистъ такой то... Что, кончилъ-ли ты свой водевильчикъ, который читалъ мнѣ прошлаго года, въ послѣдній пріѣздъ мой въ Москву? Нѣкоторые куплетцы у тебя, я помню, чудо! Я самъ накаталъ водевильчикъ..“ и проч

„Въ Петербургъ! въ Петербургъ!“ восклицаетъ герой мой, прочитавъ эти строки... „У меня есть въ Петербургѣ знакомый журналистъ; напишу къ нему, и предложу себя къ его услугамъ. Онъ человѣкъ добросовѣстный — это важное дѣло: мы съ нимъ вѣрно сойдемся... Я наживу себѣ въ нѣсколько лѣтъ капиталецъ, — заведу, можетъ быть, со временемъ свой экипажецъ, своихъ лошадокъ.. А между тѣмъ и службой займусь. Въ Петербургѣ нельзя не служить... Деньги — деньгами, а чины — чинами. Одно другому не мѣшаетъ... Напротивъ... Я буду принадлежать къ самой добросовѣстной литературной партіи...“ и прочее...

Извѣстно, что русская литература, въ существованіи которой еще многіе очень умные люди сомнѣваются, дѣлится на партіи; говорятъ, будто бы, вслѣдствіе этого и читающая публика также раздѣляется на партіи... Къ какой же партіи принадлежите вы, мой читатель?

II.

Вотъ что пишетъ герой мой къ другу своему, петербургскому фельетонисту:

„Дѣло рѣшено, душа моя, я ѣду въ Петербургъ. Мебель свою я продалъ, укладываю картинки, — боюсь, чтобъ въ дорогѣ стекла не перебились; пріищи мнѣ квартирку, mon cher; тебѣ это легко; ты со всѣми знакомъ и все знаешь. Я сошелся съ А** на выгодныхъ условіяхъ. Фельетонъ газеты будетъ въ моемъ полномъ распоряженіи. Одинъ мой знакомый пріискалъ мнѣ также мѣсто въ ** департаментѣ. Сумма, которую я буду получать, обезпечиваетъ мою жизнь, даже можно будетъ и пожуировать разъ въ мѣсяцъ. Впрочемъ, только бы мнѣ добраться

до Петербурга, а деньги наживать станемъ; у меня теперь въ запасѣ три водевиля, которые я передѣлалъ съ французскаго. Пущу ихъ на петербургскую сцену. Въ этихъ водевиляхъ, я тебѣ скажу по совѣсти, есть куплетцы презабористые... Надѣюсь, душа, что хотя мы фельетонисты двухъ враждебныхъ газетъ, но это не помѣшаетъ нашимъ пріятельскимъ отношеніямъ. Въ моей добросовѣстности сомнѣваться тебѣ нечего. Хочу также, голубчикъ, приняться за переводъ Шекспира стихами Надо познакомить нашу публику съ этимъ великимъ писателемъ. Ты знаешь, что я всегда былъ шекспиріанцемъ, mon cher. Къ тому жъ переводомъ Шекспира въ стихахъ легко можно составить себѣ въ литературѣ громкое имя. Въ Петербургъ! Въ Петербургъ!..

Въ Петербургѣ — то ли дѣло!
Въ Петербургѣ — просто рай.
Не робѣй... Пиши лишь смѣло,
Да деньжонки зашибай!

Adieu. Я твой whilst this machine is to him, какъ говоритъ Гамлетъ...“

По пріѣздѣ въ Петербургъ, фельетонистъ завивается у *Фаге*, покупаетъ галстухъ у *Чуркина*, шляпу у *Фалетьева*, нахучія перчатки подъ вывѣскою *Оленя*, надѣваетъ синій сюртучокъ съ бранденбурами и кистями работы портного подъ вывѣскою: Au Journal, и идетъ гулять по Невскому проспекту. Въ такомъ щегольскомъ нарядѣ онъ очень хорошъ! И, вѣроятно, чувствуя это, онъ появляется въ первый разъ на поприще фельетонное подъ псевдонимомъ „свѣтскаго человѣка“. Его сюртучокъ съ бранденбурами и кистями оправдываетъ смѣлость такой выходки. Дебюты фельетониста блистательны. Онъ подражаетъ игривому и остроумному языку Жанена. Вотъ выдержка изъ нихъ:

„Самая восхитительная, самая упоительная, самая новая и въ одно и то же время самая старая новость въ Петербургѣ — осень!.. О да... осень, грязная, блѣдная, холодная, сырая, безъ солнышка, съ сѣдымъ небомъ, съ сѣдыми днями, съ темными ночами...

„Въ Лѣтнемъ саду грустно: желтые листья лежатъ на дорожкахъ, какъ клочки разорванной бумаги на полу, въ каби-

нетѣ писателя, или какъ папильотки въ будуарѣ аристократки; гуляющихъ почти нѣтъ. Лѣтній садъ весною и осенью — какая безграничная разница! Это свѣтъ и тьма, день и ночь, улыбка и слезы (осень въ Петербургѣ дождливая).. Многіе жалуются на петербургскій климатъ; но всѣмъ и каждому извѣстно, что уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Лѣтнемъ саду повсюду цвѣтутъ розы прелестныя, пышныя, роскошныя, душистыя, упоительныя: между этими розами встрѣчаются и лиліи — нѣжныя, прозрачныя, бѣлѣе карарскаго мрамора, даже ярче русскаго снѣга озареннаго русскимъ солнцемъ!.."

Фельетонистъ мой опредѣляется въ департаментъ.

Онъ принимается за службу ревностно; онъ приходитъ въ департаментъ первый и уходитъ послѣдній.. Столоначальникъ имъ чрезвычайно доволенъ и даже, разговаривая объ немъ однажды съ начальникомъ отдѣленія, выражается про него такъ: „Это, я вамъ доложу, Иванъ Кузьмичъ, такой молодой человѣкъ.. такой, что просто я вамъ скажу, ну! — если онъ будетъ все такъ продолжать... Ну, такъ тогда пойдетъ далеко, будетъ благонадежнымъ чиновникомъ."

Но увы! Мой герой не оправдываетъ надеждъ своего столоначальника.. Черезъ два мѣсяца служба надоѣдаетъ ему. Онъ перестаетъ ходить въ департаментъ и, послѣ замѣчанія начальника отдѣленія о нерадѣніи, выходитъ въ отставку.

— Я вышелъ въ отставку затѣмъ, говоритъ онъ одному своему трактирному пріятелю: — затѣмъ, моншеръ, чтобъ, знаешь, посерьезнѣе этакъ на свободѣ заняться литературой.

Александринскимъ театромъ фельетонистъ недоволенъ, однако онъ не пропускаетъ ни одного спектакля, отзываясь тѣмъ, будто ходитъ по должности (на послѣднее слово онъ сильно напираетъ): актеры ему не нравятся: однако онъ знакомится почти со всѣми и даже находитъ себѣ много истинныхъ друзей между ними. Онъ не только посвящаетъ себя во всѣ мелочныя закулисныя сплетни, но даже лично принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе. Этимъ отзываются всѣ его театральныя статейки. Онъ выбираетъ одного актера (съ которымъ никакъ не могъ сойдтись по-пріятельски) и одну актрису (которая находится подъ гнѣвомъ его друга актера) — и этихъ двухъ онъ громитъ въ каждой своей статейкѣ во имя искус-

ства и передъ ихъ фамиліями ставитъ обыкновенно по четыре восклицательные знака въ скобкахъ. Надъ публикою Александринскаго театра онъ подсмѣивается, а между тѣмъ половина партера въ этомъ театрѣ состоитъ изъ его задушевныхъ пріятелей, хотя онъ не болѣе полугода въ Петербургѣ...

Онъ входитъ въ кресла, сбрасывая свою шинель на руки капельдинера, который кланяется ему и говоритъ съ пріятностію: „здравствуйте, батюшка, Петръ Семенычъ". Фельетонистъ протираетъ очки и глаза и спрашиваетъ у капельдинера. Что? начали? — „Нѣтъ-съ еще-съ"... Значительно улыбаясь, съ чувствомъ собственнаго достоинства, онъ подходитъ къ своему другу, литературному фактору, который, не смотря на совершенную безграмотность, пріобрѣлъ себѣ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ изданіемъ кое-какихъ литературныхъ пьесокъ, альманаховъ и разныхъ другого рода книжонокъ, ловко идущихъ съ рукъ.

— Здравствуй, душа, говоритъ ему фельетонистъ, трепля его по плечу.

Факторъ оглядывается.

— А! Петя! Что это у тебя заспанные глаза?

Фельетонистъ поправляетъ очки

— Что-то заспался, братецъ.

— Послушай-ка, Петя, знаешь...

Факторъ наклоняется къ уху фельетониста и шепчетъ... Слышны только нѣкоторыя отдѣльныя слова: *кутили*; *пьяный*; *издаю*; *ее расхвалить*, *Репертуаръ*... *душка*, *мнѣ обѣщалъ*... *Пчела*... *Инвалидъ*... Факторъ грозитъ пальцемъ фельетонисту и хохочетъ, приговаривая: —Экая ты шельма, братецъ!

Минута молчанія.

Факторъ со вниманіемъ осматриваетъ первый рядъ креселъ и потомъ стремительно обертывается къ фельетонисту:

— Петя, Петя, —посмотри-ка, кто затесался въ первый-то рядъ...

Фельетонистъ протираетъ очки.

— Ба, ба, ба! да это нашъ Максимъ Петровичъ!

Максимъ Петровичъ, или, правильнѣе, Максимъ Петровъ — книгопродавецъ — и притомъ книгопродавецъ „добросовѣстный". Такъ по-крайней-мѣрѣ величаютъ его „добросовѣстные" журналисты.

Мой герой, разумѣется, въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, на самой короткой ногѣ съ „добросовѣстнымъ“ книгопродавцемъ.

— Максимъ Петровичъ, Максимъ Петровичъ!... бормочетъ онъ дружески, кивая ему головой и маня его рукою...

Книгопродавецъ, отягощенный галантерейностями, подходитъ къ фельетонисту и фактору, которые съ чувствомъ пожимаютъ ему руку

— Ай да, Максимъ Петровичъ! Экой франтъ! восклицаетъ фельетонистъ, осматривая съ ногъ до головы книгопродавца... Нечего сказать, мастеръ одѣваться.

Книгопродавецъ ухмыляется.

— Что же-съ... ничего-съ, говоритъ онъ, пріятно обдергиваясь...

Въ эту минуту къ нимъ подходитъ офицеръ, имѣющій нѣкоторое поползновеніе къ литературѣ и сочинившій водевильчикъ. Снова взаимное пожиманіе рукъ.

Офицеръ посматриваетъ съ чувствомъ на фельетониста.

— Съ какимъ наслажденіемъ, говоритъ ему офицеръ:—я прочелъ вашу послѣднюю статейку о бенефисѣ Толченова... Какъ живо вы это все умѣете описать и какъ это у васъ все выходитъ... такъ и льется точно вотъ какъ-будто...

Офицеръ останавливается, потому-что рѣшительно не знаетъ, что сказать далѣе.

— Да-съ, замѣчаетъ „добросовѣстный“ книгопродавецъ:— ужь они на это мастера... Прелесть какое у нихъ перо! Такъ и нижутъ-съ, ей Богу.

Глазки фельетониста принимаютъ масляное выраженіе... Онъ таетъ отъ этихъ похвалъ.

— Петръ Семенычъ, продолжаетъ книгопродавецъ:— послѣ спектакля не зайтить-ли въ ресторанчикъ?... Выпить-бы бутылочку другую шампанскаго не мѣшало.

— Съ удовольствіемъ...

Занавѣсъ поднимается Во время представленія факторъ значительно перемигивается съ фельетонистомъ.

Послѣ спектакля всѣ эти господа отправляются ужинать на счетъ „добросовѣстнаго“ книгопродавца...

Славно и весело жить въ Петербургѣ! Петербургская жизнь сильно нравится моему фельетонисту... Особенно онъ любитъ

обѣдать на счетъ литературнаго фактора и ужинать на счетъ „добросовѣстнаго“ книгопродавца. Вино прекрасное и разговоры также не дурны. За этими обѣдами и ужинами ему не разъ удавалось между-прочимъ скропать нѣсколько удачныхъ куплетцовъ вмѣстѣ съ однимъ актеромъ. И куплетцамъ этимъ, говорятъ, очень аплодируютъ на сценѣ Александринскаго театра.

Фельетонистъ, кромѣ водевильчиковъ, занимается также сочиненіемъ повѣстей. Въ этихъ повѣстяхъ героини, по-большой части, идеальныя и чувствительныя, омарлинизированныя дѣвицы, страстныя охотницы до поэзіи, легкія, дымчатыя, туманныя, у которыхъ волосы

....съ *неистовымъ извивомъ*
И закручены какъ сталь
Въ безконечную спираль!

а герои—юноши бурные, стремящіеся куда-то и къ чему-то, съ клокочущими страстями, презирающіе все земное и повседневное, порывающіеся непрестанно въ высь, и разсуждающіе у Излера за растегайчикомъ о высокомъ и прекрасномъ,—потягивая, по энергическому выраженію одного изъ нашихъ поэтовъ, „нервный сокъ винограда,

„ ....струю крозаву
До осушки стклянныхъ *донъ*!“

Эти идеальныя дѣвицы приковываютъ обыкновенно себя къ судьбамъ этихъ бурныхъ юношей,—и повѣсти разрѣшаются трагически...

Въ первые дни своего пребыванія въ Петербургѣ, фельетонистъ очень сердится на недобросовѣстность нѣкоторыхъ петербургскихъ журналистовъ и газетчиковъ, авторитеты которыхъ основаны на двадцати-пятилѣтней давности; онъ сильно бранитъ ихъ, потому-что оскорбленъ ими. До него дошли слухи, что эти двадцати-пятилѣтніе авторитеты называютъ его недоучившимся мальчишкой,—и онъ хочетъ жестоко отдѣлать ихъ въ какой-то статейкѣ.

Онъ пишетъ въ Москву къ пріятелю:

„По пріѣздѣ въ Петербургъ, на меня, монтеръ, съ ожесточеніемъ накинулись Н Н. и Ѳ. Ѳ. —эти литературные вампиры

и хотѣли высосать изъ меня всю кровь; но я славно отдѣлалъ ихъ, такъ что они надолго теперь прикусятъ язычки. Ихъ недобросовѣстность возмутительна: я благодарю Бога за то, что принадлежу къ той литературной партіи, которая пользуется уваженіемъ всѣхъ достойныхъ людей... Вчера я былъ на литературномъ вечерѣ у князя..." и проч.

Онъ пишетъ, а внутренній голосъ говоритъ ему:

— „Послушай, голубчикъ, не ошибаешься ли ты, называя господъ Н. Н и Ѳ. Ѳ. вампирами? Какіе они вампиры! они очень добрые и веселые люди и сочинители хорошіе; вѣдь они не признаютъ въ тебѣ достоинствъ потому только, что ты находишься въ работникахъ у заклятаго врага ихъ; отойди отъ него—и они пріймутъ тебя съ распростертыми объятіями, будутъ хвалить и восхищаться тобой и находить въ тебѣ замѣчательный талантъ... Они могутъ доставить тебѣ настоящую извѣстность, которой ты такъ давно и напрасно добиваешься"... Фельетонистъ задумывается и закуриваетъ трубку.

— Неужели они меня пріймутъ съ распростертыми объятіями? недовѣрчиво спрашиваетъ онъ у своего внутренняго голоса, пріятно усмѣхаясь. —Впрочемъ, если бы и такъ, то могу ли я теперь идти противъ самого себя, могу ли измѣнить собственнымъ мыслямъ, чувствамъ, убѣжденіямъ?

— „Сколько лѣтъ я постоянно толкую тебѣ,—отвѣчаетъ ему внутренній голосъ,—что у тебя нѣтъ ни мыслей, ни чувствъ, ни убѣжденія, а только небольшая претензія на все это, да пустой и глупый идеализмъ, изъ котораго тебѣ, какъ и всѣмъ тебѣ подобнымъ, нѣтъ выхода. Ты безпрестанно толкуешь о какой-то литературной добросовѣстности. Что же такое разумѣешь ты подъ этою литературною добросовѣстностію? Сегодня ты въ наймахъ у одного журналиста и по необходимости, а не по убѣжденію, прославляешь своего хозяина; этотъ теперешній хозяинъ твой, право, ничѣмъ не выше другихъ, враговъ его, на которыхъ ты теперь такъ жестоко нападаешь; завтра ты отойдешь по обстоятельствамъ къ этимъ другимъ (знай, что по собственному безсилію ты всегда будешь жалкимъ рабомъ обстоятельствъ и случая); завтра, говорю я, отойдешь ты къ этимъ другимъ за лишнихъ 500 рублей въ годъ, и тѣ, въ которыхъ ты въ сію минуту кидаешь полемическіе шарики, принимая эти шарики за камни,

станутъ твоими кумирами, и, по приказанію этихъ новыхъ кумировъ своихъ, ты будешь называть бѣлымъ то, что называлъ за день передъ тѣмъ чернымъ, и на оборотъ. Вѣдь это тебѣ ничего не стоитъ. У тебя нѣтъ своего мнѣнія, своей воли; ты поешь, другъ мой, съ чужого голоса: ты вѣчно останешься на посылкахъ у другихъ; отними у тебя постороннюю волю, заставляющую тебя двигаться —ты сейчасъ же превратишься въ автомата, въ куклу, въ ничто"...

Фельетонистъ вскакиваетъ со стула, бросаетъ съ негодованіемъ перо, поправляетъ судорожно очки и начинаетъ ходить въ волненіи по комнатѣ. Никогда еще такъ рѣзко не говорилъ съ нимъ его внутренній голосъ.

— Нѣтъ, это ужь ни на что непохоже! восклицаетъ онъ:— внутренній голосъ мой просто нашептываетъ мнѣ нестерпимыя дерзости. Что въ самомъ дѣлѣ давать ему волю! Я задушу его... Такъ клеветать на меня! Ужь будто я не имѣю своего мнѣнія и своей воли! Нѣтъ, я неспособенъ быть дезертиромъ... Я докажу это... Убѣжденія мои непоколебимы... я не..

Онъ не доканчиваетъ и только въ благородномъ гнѣвѣ затягивается и выпускаетъ изо рта тучу дыма.

— «Не горячись, голубчикъ»,—спокойно продолжаетъ его внутренній голосъ:—«мнѣнія своего точно ты не имѣешь: ты или выкраиваешь кое-какъ свои статейки изъ чужихъ статей, и послѣ неблагодарно злословишь благодѣтелей, снабжающихъ тебя новыми мыслями и новыми словами, или кропаешь статейки, по заказу своихъ хозяевъ... Твои же собственныя остроумныя сочиненія мнѣ на перечетъ извѣстны: одинъ разъ ты объявлялъ публикѣ за новость, что въ Петербургѣ осень; въ другой разъ, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Лѣтнемъ саду цвѣтутъ розы и лилеи... въ третій»...

Фельетонистъ робко осматривается кругомъ: онъ боится, не подслушиваетъ ли кто-нибудь его разговоръ съ внутреннимъ голосомъ...

«Не бойся», говоритъ внутренній голосъ:—«насъ никто не можетъ подслушать... Я говорю слишкомъ тихо... Все это останется между нами;—не сердись... Я тебѣ объясню нѣсколько самого тебя и твои узкія понятьица, которыя безъ опредѣленія бродятъ въ головѣ твоей. Твои толки о добросовѣстности — верхъ пошлости. Эти толки доказываютъ только твою ограни-

ченность и неразвитость. Добросовѣстность — это изъѣзженный и избитый конекъ, на которомъ выѣзжаютъ изстари литературные гаеры и спекулянты, ломающіеся другъ передъ другомъ на литературномъ ристалищѣ на позоръ публики. Никто изъ этихъ господъ, точно такъ же какъ и ты, не имѣетъ никакихъ убѣжденій, никакихъ идей... Всѣ они только хлопочатъ о томъ, какъ бы нажить поскорѣе и побольше денегъ, да зажить барами.

„Немного въ вашей литературѣ людей съ мыслями съ убѣжденіемъ. И кто понимаетъ ихъ? Кто ихъ оцѣниваетъ? Кто ихъ знаетъ? Не завидна ихъ участь. Они изъ куска насущнаго хлѣба трудятся въ потѣ и крови, а литературные спекулянты, пользуясь ихъ трудомъ, умомъ и талантомъ, богатѣютъ, жирѣютъ, оплываютъ и пользуются славою на счетъ ихъ. Все это ты очень хорошо знаешь. Но съ этими немногими — тебѣ нечего дѣлать. Въ ихъ обществѣ нѣтъ тебѣ мѣста. Ты давно умеръ бы съ ними отъ тоски, еслибы не зналъ другихъ людей, — тѣхъ, которые въ Александринскомъ театрѣ какъ у себя дома: которые за ужиномъ въ какомъ нибудь кафе-ресторанѣ, или за обѣдомъ у „Палкина“ — душа общества, которые живутъ на распашку съ бутылкою въ одной рукѣ, съ картой въ другой... Первые — презираютъ тебя: при нихъ ты и рта не смѣешь разинуть, сидишь, нахмуривъ брови да покуриваешь трубку, а самолюбьице твое, этотъ неугомонный червячокъ, подтачиваетъ тебя въ эти минуты, — и скрывая свое внутреннее безпокойство, ты безпрестанно поправляешь свои очки. Вотъ откуда вывожу я начало этой привычки твоей. Послѣдніе — всегда принимаютъ тебя съ распростертыми объятіями, ты избранный въ кругу ихъ, — ты оракулъ въ ихъ обществѣ; ты читаешь имъ свои водевильные куплетцы, свои повѣсти и тебѣ они рукоплещутъ, у тебя они спрашиваютъ совѣтовъ... Съ первыми у тебя нѣтъ ничего общаго, съ послѣдними у тебя связь кровная и родственная. Ты не имѣешь силы воли для того, чтобы сдѣлаться человѣкомъ — и жить въ человѣческомъ обществѣ. Ты заклейменъ именемъ фельетониста; и въ могилу сойдешь съ этимъ именемъ. Пойди же къ своимъ и живи съ ними... Тамъ у Излера ожидаютъ тебя литературные факторы, книгопродавцы, актеры и другіе тому подобные“...

Фельетонистъ чувствуетъ тяжесть въ головѣ и сухость на языкѣ... Онъ прохаживается по комнатѣ, поправляетъ очки,

еще разъ затягивается и задумывается: чубукъ выпадаетъ изъ рукъ его.

Въ эту минуту дверь комнаты фельетониста отворяется съ шумомъ, онъ вздрагиваетъ: передъ нимъ стоитъ его другъ— литературный факторъ...

— Петя, восклицаетъ онъ:—Петя, что это съ тобою? Ты какъ-будто чѣмъ-то разстроенъ; или статейку, плутъ, сочиняешь?

— Нѣтъ... не знаю... голова немножко болитъ.

— А я къ тебѣ, Петя, съ новостію... Б. Б. Б. отказался отъ фельетона въ **... газетѣ. Вотъ бы, Петя, тебѣ на его мѣсто. Что, братецъ, ты связался съ пустымъ народомъ! Вѣдь вашей газеты никто не читаетъ,—а наша имѣетъ 3000 подписчиковъ. Слышишь? 3000 человѣкъ будутъ читать твой фельетонъ!... а? ей-Богу наши во всѣхъ отношеніяхъ лучше... Мы, братецъ, вѣсъ имѣемъ,—тебя будутъ въ нашей газетѣ расхваливать. Вѣдь Ѳ. Ѳ. отличный человѣкъ—и какъ живетъ весело... Столъ славный и винцо—чудо!... Онъ ужь у меня спрашивалъ про тебя. Я тебя съ нимъ сведу непремѣнно.

— Странно! замѣчаетъ фельетонистъ будто про себя:— тоже самое сейчасъ совѣтовалъ мнѣ и мой внутренній голосъ.

— Кто такой? какой это внутренній голосъ?

— Нѣтъ, такъ, я не то хотѣлъ сказать.

— Ей-Богу, порѣшай-ка, дружокъ. А я хоть сейчасъ съѣзжу къ Ѳ. Ѳ., скажу, что ты согласенъ перейдти къ намъ: сегодня же покончимъ все... А, Петя? Ну, по-рукамъ, что-ли?... и денегъ будешь вдоволь получать, и все такъ мило пойдетъ. Шампанеи на такой радости хватимъ,—ну, рѣшайся.

Фельетонистъ поправляетъ очки.

— Видишь-ли, душа моя, мнѣ немножко совѣстно передъ... передъ **...

— Ей-Богу, и не думай, братецъ, о немъ, и не говори ему ничего; онъ и не узнаетъ,—перешелъ себѣ отъ него, да и баста... А коли притянетъ къ допросу... Ну, скажи, что... да ты самъ лучше меня выдумаешь, что сказать. По рукамъ, что-ли, Петя?

— Дай, голубчикъ, подумать... Статьи я, пожалуй, начну писать для вашей газеты хоть теперь... Что же касается до полнаго согласія...

Однако черезъ нѣсколько времени фельетонистъ мой торжественно подаетъ руку фактору. Рѣшено! Труденъ только первый шагъ, а тамъ— ничего, тамъ не страшно Фельетонистъ заключаетъ дружеское условіе съ тѣмъ газетчикомъ, котораго онъ за недѣлю передъ тѣмъ называлъ вампиромъ, — потихоньку, на цыпочкахъ перебирается въ его газету и, благословясь, начинаетъ работать на новосельѣ.

Фельетонистъ очень доволенъ своимъ новымъ бариномъ. Онъ вмѣстѣ съ нимъ гуляетъ и пьетъ. Онъ лицемѣритъ передъ нимъ и смотритъ ему въ глаза. Онъ ужь безпощадно ругаетъ всѣхъ принадлежащихъ къ той литературной партіи, къ которой самъ принадлежалъ вчера. Онъ уже начинаетъ нападать на своего стараго хозяина, — сначала, правда, робко, съ нѣкоторою осторожностію, — а потомъ подбочась, съ нахальствомъ и грубостію возмутительною. Онъ выбивается бѣдный изъ всѣхъ силъ, чтобы показать свое усердіе передъ новымъ бариномъ.

Незамѣтно и постепенно онъ теряетъ стыдъ и чувство приличія — послѣднее человѣческое чувство, отдѣляющее его отъ животнаго — и дѣлается способнымъ на все: онъ подшучиваетъ самымъ площаднымъ образомъ надъ благороднымъ тружеником науки, къ которому не благоволитъ его баринъ; онъ обвиняетъ въ невѣжествѣ и въ безграмотности литератора, скромно и безкорыстно трудящагося въ тиши своего кабинета, потому только, что тотъ не хочетъ участвовать въ изданіяхъ пріятелей его барина; онъ за сладкій пирожокъ пишетъ похвальное слово кандитеру; за десять сигарокъ восхваляетъ табачную фабрику; за фунтъ икры строитъ комплименты овощной лавочкѣ; онъ на литературной площади безсмѣнно стоитъ у дверей балагана своего хозяина и кричитъ: „къ намъ пожалуйте-съ! у насъ всѣ лучшіе товары-съ и безпристрастіе самое отличное-съ; насъ и публика любитъ: мы умнѣе и ученѣе всѣхъ; у насъ всѣ работники съ хорошими аттестатами, — а въ той лавочкѣ, что напротивъ насъ, ей-Богу, все невѣжды, безъ аттестатовъ; повѣрьте этому-съ, тамъ проповѣдуютъ разныя пустыя идеи... пожалуйте къ намъ-съ; раскаяваться не будете-съ!“

Цинизмъ совершенно овладѣваетъ моимъ фельетонистомъ: онъ показывается не умытымъ передъ публикою, онъ лежитъ дома въ грязи... Рамы на его картинкахъ съ разбитыми стеклами, по стѣнамъ гирлянды паутины, на всей мебели пыль

слоями, на столѣ бутылки съ виномъ и опрокинутые стаканы; подъ столомъ карты и табачный пепелъ

— Ты плутъ, Петя, а? Право, плутъ! кричитъ ему актеръ, развалившійся на оборванномъ диванѣ, безъ сюртука... Налей-ка мнѣ, канашка, еще стаканчикъ...

Но руки фельетониста дрожатъ, онъ льетъ вино мимо стакана.

Факторъ, офицеръ, сочинившій водевильчикъ, и „добросовѣстный“ книгопродавецъ хохочутъ во все горло.

Офицеръ кричитъ; „Петя, я тебя непремѣнно выставлю въ моемъ новомъ водевилѣ.“

А книгопродавецъ прибавляетъ:—А мы напечатаемъ-съ вашъ водевильчикъ-съ, да еще съ политипажами-съ.

Входитъ корректоръ съ пробными оттисками.

Фельетонистъ, пошатываясь, бросается на встрѣчу къ корректору съ стаканомъ вина, вырываетъ у него листы изъ рукъ и кричитъ:—ну брось, братецъ, эту дрянь... брось все это; чокнемся-ка по пріятельски, за просто... Винцо доброе... мы всѣ, братецъ, братья, я тебя люблю душевно...

Такого рода пирушки чаще и чаще; рѣже и рѣже фельетонъ украшается именемъ моего героя; у него глаза опухлые и вѣчно заспанные; корректуры читаются кое какъ; въ газетѣ безчисленныя опечатки. Природная апатія фельетониста превращается наконецъ въ совершенное отупѣніе и отвратительную лѣнь... Журналистъ-вампиръ, его новый хозяинъ, выгоняетъ его изъ своей лавочки, журналистъ неумолимъ: онъ не хочетъ взять въ соображеніе прежнія заслуги своего клеврета: онъ забылъ, что бѣдняжка, не щадя себя, кувыркался передъ нимъ и передъ его пріятелями и заманивалъ прохожихъ въ его балаганъ, не жалѣя своего горла.

Куда же теперь пойдетъ мой прогнанный фельетонистъ? что ему дѣлать?... Водевили его, постановленные на сцену, ошиканы; мебель его отдана за долги, платье изношено... Онъ въ положеніи ощипанной и заклеванной вороны въ баснѣ Крылова... Скрѣпивъ сердце, приходитъ онъ къ своему прежнему пріятелю и собутыльнику—„добросовѣстному“ книгопродавцу, и униженно проситъ у него работы. Книгопродавецъ, отягченный галантерейностями, величаво стоитъ у своей конторки. Онъ, не глядя на него, бормочетъ: „послѣ зайдите-съ... теперь

некогда... видите сами: я занятъ... Мнѣ не до васъ...“ Впрочемъ, черезъ недѣлю онъ заказываетъ ему перевести (разумѣется за безцѣнокъ) дѣтскую книжку къ святой недѣлѣ, да двѣ брошюрки: *о наивѣрнѣйшемъ средствѣ истреблять клоповъ* и проч., да *о удивительнѣйшемъ элексирѣ, отращивающемъ на плѣшинахъ густые и отличные волосы*... Такого рода сочиненія, говорятъ, у насъ очень расходятся...

„Такъ вотъ та литературная извѣстность, которой я добивался?“ — говоритъ фельетонистъ, поправляя разбитые очки, перевязанные ниточкой, и вмѣсто слезъ, по лицу его катятся капли холоднаго пота; — а внутренній голосъ пробуждается въ немъ послѣдній разъ, указываетъ ему на его безсиліе и ничтожество и съ злобною насмѣшкою говоритъ ему:

«И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися!»

Проходитъ годъ. Бездѣльно шатается по петербургскимъ улицамъ отставной фельетонистъ въ старой, забрызганной грязью шинели; клочки ваты висятъ бахрамой на ея подолѣ; калоши сваливаются съ ногъ. Онъ заходитъ въ кандитерскую, садится на стулъ и дремлетъ... Шумъ и крикъ заставляютъ его очнуться. Въ комнату входятъ всѣ прежніе друзья его: литературный факторъ, офицеръ, сочинившій водевильчикъ, Б. Б. Б., снова поступившій въ званіе фельетониста на его мѣсто, водевильный актеръ, и „добросовѣстный“ книгопродавецъ, отягченный галантерейностями... Всѣ они очень веселы. Отставной фельетонистъ, увидя ихъ, закрываетъ лицо свое огромнымъ листомъ французской газеты и, не шевелясь, долго просиживаетъ за этими ширмами.

— Посмотри-ка, говоритъ факторъ, прищуриваясь и толкая локтемъ Б Б Б: — вѣдь это, mon cher, Петя. Бѣдняжка, до чего дошелъ! на него и посмотрѣть гадко!.. Гарсонъ! рюмку ликеру!...

— Толковалъ я вамъ, господа, — возражаетъ Б. Б. Б., обращаясь къ фактору, офицеру, актеру и книгопродавцу; — что въ вашемъ Петѣ никогда никакого толку не было. Онъ былъ рѣшительно неспособенъ для фельетонной работы: вѣдь

для этого, господа, нужно остроуміе, ловкость, своего рода тактъ...

— А ужъ водевильчики его — признаюсь! замѣчаетъ актеръ:

— „Вѣдь такіе водевили
Просто хуже всякой гили...“

— Браво! браво! восклицаетъ офицеръ. — Вотъ вамъ и начало куплетца.

Отставной фельетонистъ тихонько подкрадывается къ двери — и нечаянно натыкается на „добросовѣстнаго“ книгопродавца, отягченнаго галантерейностями — „Добросовѣстный“ книгопродавецъ съ презрѣніемъ осматриваетъ его съ ногъ до головы — и потомъ подходитъ къ зеркалу и охорашивается. Съ этого дня мой герой пропадаетъ безъ вѣсти; его нигдѣ не видно: ни на улицахъ, ни въ трактирахъ, ни въ кандитерскихъ.. Онъ сошелъ со сцены.. На эту сцену входятъ другіе, не менѣе достойные его...

Подобныхъ русскихъ фельетонистовъ — Гоголь заклеймилъ именемъ Тряпичкиныхъ. Лучшаго имени для нихъ нельзя придумать! Друзья Тряпичкиныхъ — Хлестаковы и Ноздревы.

Примѣчаніе. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 г. этотъ очеркъ былъ напечатанъ съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Автору, говоритъ Карамзинъ, надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе, то-есть какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей, но и многія историческія свѣдѣнія, умъ, образованный логикою, тонкій вкусъ и знаніе свѣта“. Большая часть нашихъ господъ, имѣющихъ претензіи на авторство, не хлопочутъ ни о знаніяхъ ни о вкусѣ, ни о логикѣ, полагаясь на то, что

„Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь.
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
У насъ не мудрено блеснуть“.

И въ самомъ дѣлѣ, не мудрено! Чернь нашего общества, читающая масса избираетъ себѣ литературныхъ кумировъ: не справляясь о ихъ умѣ и свѣдѣніяхъ, она вѣритъ имъ на честное слово съ добродушіемъ истинно умилительнымъ; она признаетъ неприкосновенными ихъ литературные авторитеты, утвержденные большею частію на давности лѣтъ: она уважаетъ литературныя имена, къ которымъ пріучился слухъ ея. Гладкій и ровный,

а иногда завитой и напыщенный слогъ, служитъ для нее равнымъ ручательствомъ и таланта и блестящаго воспитанія; сентенціи она предпочитаетъ мыслямъ, чувства глубокія и истинныя фразамъ яркимъ и пустозвоннымъ. Замѣчательно что почти всегда эта чернь оказываетъ особенное благоволеніе тѣмъ «сочиненіямъ» которыя вовсе не прикасаются къ современнымъ нравамъ, или описывая ихъ по добросовѣстной ограниченности, а иногда можетъ быть и по корыстолюбивымъ умысламъ, становятся въ уровень съ общественными понятіями и мнѣніями, умышленно или неумышленно потворствуютъ общественнымъ слабостямъ и предразсудкамъ. И если изъ литературной посредственности внезапно выйдетъ человѣкъ, ознаменованный могуществомъ таланта, человѣкъ, почувствовавшій пошлость его окружающаго, оскорбленный жалкими претензіями и нелѣпыми предразсудками, которые безобразно торчатъ передъ его глазами, нашедшій безконечный источникъ комическаго тамъ, гдѣ его и не подозрѣвали,— общественная масса тотчасъ же начинаетъ враждебно смотрѣть на него, подпимаетъ тревогу и кричитъ:

„...разбой, пожаръ!..
„И прослывешь у нихъ мечтателемъ опаснымъ!“

Всѣхъ выдающихся изъ толпы чернь называетъ выскочками, и на нихъ то изливаетъ свою безсильную злобу, грязныя клеветы и тупыя насмѣшки. Она принимала за личное оскорбленіе «Недоросля», «Ябеду» и «Горе отъ ума»,—это произведеніе, проникнутое такимъ благороднымъ юморомъ, такимъ могущественнымъ негодованіемъ! Она приняла въ наше время за личное оскорбленіе «Ревизора» и нѣкоторыя повѣсти Гоголя. Полуобразованіе черни никакъ не допускаетъ ее понять, что творцы этихъ комедій, вѣрно и мастерски схвативъ общія черты нравовъ своего времени, изъ этихъ общихъ чертъ создали свои лица. Она думаетъ, что Митрофанушка, предсѣдатель такой-то гражданской палаты (въ «Ябедѣ»), Фамусовъ, Сквозникъ-Дмухановскій и другіе точно существовали и существуютъ, и что фон-Визинъ, Капнистъ, Грибоѣдовъ и Гоголь, встрѣтившись въ жизни съ этими господами, списали съ нихъ портреты и «окритиковали ихъ въ своей литературѣ». Однажды какой-то, кажется, надворный совѣтникъ, разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, что его батюшка былъ короткимъ пріятелемъ съ Платономъ Михайловичемъ Горичемъ, называлъ даже мнѣ (будто бы) настоящія имя, отечество и фамилію выставленнаго подъ именемъ Горича и прибавлялъ къ этому, что, по его мнѣнію, Грибоѣдовъ поступилъ не хорошо, осмѣявъ человѣка, у котораго кушалъ хлѣбъ-соль! Мало этого: есть люди, готовые въ каждой самой невинной повѣсти изъ современнаго быта, въ каждомъ легкомъ очеркѣ изъ современныхъ нравовъ узнавать не только своихъ знакомыхъ, но и самихъ себя... Странная раздражительность личности! Эти господа, пожалуй, чего добраго, видятъ себя и въ моськахъ, и въ обезьянахъ, и въ ослахъ, и во всѣхъ породахъ царства животнаго, которыя такъ мастерски живописуетъ нашъ великій баснописецъ.

Любимое чтеніе ихъ—французскіе водевили остроумно передѣлываю-

щіеся у насъ на русскіе нравы, или тѣ романы и драмы, въ которыхъ наши «сочинители» съ такою живостію изображаютъ колоссальныя историческія лица, начиная отъ Александра-Македонскаго до Стеньки-Разина включительно. Ни въ Александрѣ-Македонскомъ, ни въ Стенькѣ-Разинѣ они не находятъ уже сходства съ собственною личностію, или съ личностію своихъ знакомыхъ, и спокойно созерцаютъ эти колоссальныя творенія дома, или громко рукоплещутъ имъ въ театрѣ.

Общественная толпа также охотница до анекдотцевъ въ родѣ слѣдующаго:

«Послѣ представленія такой-то пьесы, одинъ актеръ сказалъ другому: ты хамелеонъ: тотъ же отвѣчалъ ему: а ты хмѣленъ». И такими блестящими, остроумными анекдотцами наполняются такъ называемые фельетоны нашихъ газетъ и смѣсь нѣкоторыхъ повременныхъ изданій...» Посредственности! посредственности! «Кричитъ чернь,—и вотъ, для удовлетворенія черни, отовсюду ползетъ въ нашу литературу эта жалкая посредственность, эти насѣкомыя: науки, жуки, мурашки, букашки, и коровки,—иныя «менѣе булавочной головки», которыми такъ любовался любопытный Крыловъ, и которыхъ такъ хорошо сортировалъ Пушкинъ.

Но одна изъ самыхъ мельчайшихъ литературныхъ букашекъ, почти невидимыхъ для простого глаза, это русскій фельетонистъ—оскорбительная пародія на французскихъ фельетонистовъ, букашка, имѣющая претензію на сравненіе съ гигантомъ фельетоннаго міра—Жюль Жаненомъ.

Вотъ эта букашка, разсмотрѣнная въ микроскопъ, недавно изобрѣтенный докторомъ Донне, о которомъ вы вѣрно читали въ фельетонѣ «Journal des Débats». Вотъ монографія этого крохотнаго насѣкомаго отъ колыбели до гроба... Обнародованіемъ этой монографіи, я надѣюсь услужить издателямъ той «Портретной и Біографической Галлереи», которая обѣщаетъ представить русской публикѣ собраніе прекрасныхъ портретовъ, съ жизнеописаніями всѣхъ лицъ, прославившихся въ нашемъ отечествѣ на поприщѣ словесности, наукъ, художествъ и искусствъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТЛЯ.

«Тля» — насѣкомыя самыя ничтожныя: размножаютъ свой родъ въ количествѣ невѣроятномъ живутъ большею частію въ шелухѣ похожей на стручекъ длиною въ пядень, которая и замѣняетъ имъ вселенную. Въ насѣкомыхъ сихъ замѣтна чрезвычайная движимость, или, если можно такъ выразиться — хлопотливость, но сія движимость, или хлопотливость ни къ чему не служитъ, ибо онѣ вертятся все на одномъ мѣстѣ и впередъ двигаться не могутъ, а нѣкоторыя породы сихъ насѣкомыхъ можно почитать скорѣе за пупырышки растеній, чѣмъ за живыхъ насѣкомыхъ. Въ устроеніи чувственныхъ орудій, а потому чаятельно и въ образѣ чувствованія, тля, какъ и всѣ насѣкомыя, отступаютъ отъ прочихъ животныхъ весьма примѣтно, такъ, что даже многіе славные мужи по старательномъ наблюденіи надъ ними, почти доказали, что они лишены всѣхъ пяти нашихъ внѣшнихъ чувствъ.

(Руководство къ Естественной Исторіи *Блуменбаха*, переведенное исторіи и географіи учителями *Петромъ Наумовымъ* и *Андреемъ Теряевымъ*).

ГЛАВА I.

О томъ, какимъ образомъ распложаются на Руси сочинители.

Мы всѣ учились по немногу
Чему нибудь и какъ нибудь.
Пушкинъ

Гребешковъ (а его-то похожденія я и хочу передать теперь читателю), сынъ бѣднаго помѣщика *** губерніи, лѣтъ 14 былъ привезенъ отцомъ своимъ въ Петербургъ для опредѣленія въ какое-либо изъ учебныхъ заведеній. До 13 лѣтъ, онъ, что называется „болтался“ въ деревнѣ, то-есть, игралъ въ бабки съ деревенскими мальчишками, кубаремъ катался съ соломен-

наго омета, гонялъ голубей, стравливалъ собакъ и обучался „разнымъ наукамъ“ у семинариста Двунадесятскаго.

Во всѣхъ играхъ Николаша (имя Гребешкова) былъ „дока“, потому что всѣмъ играмъ предавался онъ съ необыкновеннымъ увлеченіемъ и терпѣть немогъ неловкихъ и неразвязныхъ мальчишекъ. Онъ преслѣдовалъ ихъ немилосердно и вцѣплялся имъ въ волоса, какъ репейникъ.

— Хорошенько ихъ, Николаша, такъ имъ, щенятамъ, и надо! говаривалъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ старый слуга отца его, небритый Ермолай, подмигивая коровницѣ Домнѣ.

— Ахъ ты, Господи, какой озарникъ! замѣчала обыкновенно Домна:—да ты имъ, сударь, ни одного волоска на головѣ не оставишь.

— Молчи, старая хрычовка! кричалъ Николаша:—вотъ я и до тебя доберусь.

Тутъ онъ оставлялъ мальчишекъ, которые съ визгомъ разбѣгались въ разныя стороны, и присвистывая, и загнувъ голову на бокъ, какъ пристяжная, подбѣгалъ къ коровницѣ. Дворовые люди безпрестанно приходили къ барину съ жалобами на Николашу, отъ котораго никому не было покоя. И добрый старикъ имѣвшій привычку украшать свою рѣчь союзомъ *и*, кстати или не кстати, восклицалъ, обыкновенно качая головою:

— И вотъ ужь непремѣнно я его взъерефеню. И родила же мнѣ Марфа Астафьевна этакого сорванца, прости Господи!

Бывало, Двунадесятскій спрашиваетъ у Николаши урокъ по книгѣ:

— Что есть грамматика?

А Николаша смотритъ въ окно, какъ кружатъ голуби и не слышитъ вопроса.

— Отвѣтствуйте-же, Николай Николаевичъ, что есть грамматика?

— Грамматика, отвѣчаетъ Николаша скороговоркою, все продолжая смотрѣть въ окно: — есть наука. . жжж... шшш! Отстали! жжж... шшш!.. наука, которая учитъ правильно говорить и писать.

— Такъ. Но спрашивается: похвально ли во время класса заниматься голубями? А вотъ какъ я поставлю васъ на горохъ на колѣни, тогда что?

— Тогда я буду стоять на горохѣ и на колѣняхъ.

Семинаристъ въ такихъ случаяхъ не могъ удерживаться отъ улыбки, и оборотясь въ сторону и прикрывъ ротъ рукою, произносилъ въ полголоса: „замысловатъ, не по лѣтамъ замысловатъ!“

Семинаристъ любилъ своего ученика, ибо Николаша, не смотря на разсѣяніе и лѣность, часто рѣзалъ уроки не переводя духу. Когда же папенька Николаши спрашивалъ у семинариста.

— И будетъ изъ этого мальчишки прокъ, и вы мнѣ напрямки объявите?

— Безъ утайки скажу, всегда съ чувствомъ отвѣтствовалъ Двунадесятскій:—что Николай Николаевичъ не мало обѣщаетъ въ будущемъ: въ изумленіе приводитъ остроуміемъ и бойкостію соображенія. Правда, пошаливать любитъ... ну, да на это есть розги и другія исправительныя мѣры.

— И справедливо... И стало быть я счастливый отецъ? И мы его, сударь, въ люди выведемъ... и коли уменъ, такъ и доходное мѣстечко себѣ отъищетъ... а и кромѣ мѣстечка и побочные, знаете, разные такіе доходцы пріискать себѣ можетъ... И понимаете?..

Вслѣдствіе такого рѣшенія, Николашу отвезли въ Петербургъ. Въ Петербургѣ, папенька Николаши обратился къ одному генералу, бывшему своему сослуживцу и всегдашнему благодѣтелю. Николаша имѣлъ счастіе понравиться генералу и онъ опредѣлилъ его своимъ пансіонеромъ въ одно изъ учебныхъ заведеній, которое теперь уже не существуетъ.

Первое время, Николаша очень тосковалъ въ пансіонѣ,гдѣ не было ни бабокъ, ни собаченокъ, ни крестьянскихъ босыхъ, грязныхъ мальчишекъ, ни соломенныхъ ометовъ. Ему дико и неловко казалось безъ маменьки, которая съ истинною материнскою любовію откармливала его въ деревнѣ различными собственнаго издѣлія сластями, пирогами и булками. Онъ часто сидѣлъ въ углу, утирая кулакомъ слезы, потому что чувствовалъ нестерпимый голодъ. Къ тому же, Николаша, какъ новичокъ, долженъ былъ сносить безпрестанныя насмѣшки, щелчки и побои. Часто многіе изъ его товарищей, стоя передъ нимъ, безъ устали размахивали рукой у самаго его носа, забавляясь его отчаяніемъ, и если Николаша сквозь слезы просилъ отойдти

отъ него, ему отвѣчали. что его не трогаютъ, что махаютъ по воздуху, а воздухъ казенный... Однажды бѣдный мальчикъ вышелъ изъ терпѣнія и препорядочно отколотилъ одного иза самыхъ жестокихъ своихъ преслѣдователей, славившагося силой. Слухъ о такомъ подвигѣ Николаши тотчасъ распространился по всему пансіону Съ этой минуты, онъ пересталъ быть новичкомъ и даже обратилъ на себя лестное вниманіе тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые по два и по три года сидѣли въ одномъ классѣ на задней скамейкѣ, называвшейся Камчаткою, и занимались дѣланіемъ хлопушекъ, орлянкою и другими невинными играми.

Мало-по-малу Николаша совершенно сдружился съ пансіонскою жизнію, перемѣнивъ роль жертвы на палача и преслѣдуя новичковъ съ такою же безпощадностію, съ какою нѣкогда преслѣдовали его самого. Онъ пріобрѣлъ довѣренность своихъ товарищей, благосклонность нѣкоторыхъ учителей и черезъ полгода послѣ вступленія переведенъ быть въ слѣдующій классъ.

— Славное дится, славное! говорилъ объ немъ учитель логики и географіи другому учителю, зажмуривая по своему обыкновенію глаза и обдергивая жилетъ: — хитрости много, способностями надѣленъ, соображеніе быстрое, рогатые и прямые силлогизмы бойко выводитъ. Повѣрь на слово, далеко пойдетъ... вспомни мое слово... Что есть логика? спрашиваю его. Отвѣтствуетъ безъ запинки: философію можно понимать или какъ науку, или какъ способность; какъ науку философію должно понимать... и такъ далѣе. Далеко пойдетъ, говорю.. не увидишь, такъ услышишь...

А учитель словесности былъ въ восторгѣ отъ сочиненія Николаши, составленнаго имъ по хріи превращенной.

— Талантъ, талантъ, разсуждалъ объ немъ учитель, растопыривъ руки и нѣсколько наморщивъ лобъ: —сила этакая, этакая мощь, этакое проглядываетъ что-то. этакое полненькое и мысли и воображеньица... Ну, разумѣется, все это еще невинные вздорцы, милыя этакія нелѣпости, но изъ него сформируется со временемъ этакій, въ какомъ-нибудь этакомъ родѣ...

И Николаша. поощряемый учителемъ словесности, незамѣтно получалъ страсть къ сочинительству. Учитель словесности пріохотилъ его къ чтенію, и Николаша съ жадностью

сталъ читать потихоньку въ классахъ всѣ книги и журналы, попадавшіеся ему подъ руки. Онъ черезъ нѣсколько времени рѣшился даже отдать первые свои стишки въ пансіонскій литературный журналъ, издававшійся однимъ изъ его товарищей, который впослѣдствіи достигъ почетнаго званія фельетониста при одной изъ газетъ, и теперь, говорятъ, прекрасно описываетъ въ фельетонѣ этой газеты овощныя, помадныя лавочки, лабазы и другіе тому подобные предметы.

Романы пробудили въ Николашѣ какое-то тревожное, неопредѣленное чувство. Онъ рѣшительно пересталъ учиться и перешелъ со второй скамейки въ Камчатку, чтобъ тамъ еще свободнѣе предаться чтенію своихъ любимыхъ писателей; а время шло по-маленьку, и Николаша, самъ не зная какъ, очутился въ выпускномъ классѣ. Но отвращеніе его къ учебнымъ книгамъ и тетрадямъ доведено уже было до послѣдней степени. Пансіонъ казался ему тюрьмою, въ которую онъ посаженъ на безконечный срокъ за какое-то страшное преступленіе. Онъ вычислилъ на бумажкѣ, сколько мѣсяцевъ, дней, минутъ и секундъ остается ему прострадать въ заточеніи, и носилъ у сердца эту драгоцѣнную бумажку, съ неописанною радостью вычеркивая изъ нея дни, тянувшіеся для него мѣсяцами, и мѣсяцы, тянувшіеся годами.

Передъ самымъ экзаменомъ, Николаша принялся-было учиться, но память его, утомленная еще въ низшихъ классахъ безтолковымъ заучиваньемъ наизусть, теперь совершенно отказывалась служить ему. Въ сознаніи собственнаго безсилія, онъ первый разъ заплакалъ горькими слезами, и первый разъ промелькнула въ немъ мысль, что должна быть какая-то другая наука, совсѣмъ не та, о которой толковали имъ въ пансіонѣ, и что должны быть люди, которые учатся не такъ, какъ его товарищи, для награды, а для какой-нибудь лучшей цѣли. Какая же это цѣль? Полный внутренней тревоги, онъ бросился къ первому учителю, котораго встрѣтилъ, неясно и робко передалъ ему мысль свою и съ біеніемъ сердца ожидалъ его отвѣта. Учитель какъ-то дико посмотрѣлъ на Николашу, обдернулъ свой жилетъ, зажмурилъ глаза (ибо это былъ учитель логики и географіи) и потомъ произнесъ отрывисто и съ нѣкоторымъ усиліемъ:

— Заносишься, заносишься, говорю; еще молодъ разсуж-

дать: поживешь съ мое — все узнаешь: логика есть наука наукъ; плохо учился, плохо, повторяю, романами занимался, воображеніе разстроилъ, вольнодумства нахватался, обманулъ мои ожиданія... Приготовляйся къ экзамену, а не заносись, слышишь? Учитель приказываетъ, а ученикъ повинуется. Suum cuique... передай другимъ... Не получишь никакой награды, вспомяни мое слово

Учитель логики и географіи не обманулся. Николашу точно выпустили безъ всякой награды. Генералъ, пристроившій его въ пансіонъ, не ограничилъ этимъ своего благодѣянія. По ходатайству генерала, тотчасъ послѣ выпуска. Николаша опредѣленъ былъ въ*** департаментъ Генералъ былъ человѣкъ истинно-добрый. Поздравляя Николашу съ опредѣленіемъ на службу, онъ трижды поцаловалъ его въ губы и потомъ сказалъ:—Коли будешь служить, братецъ ты мой, вѣрой и правдой, такъ большихъ чиновъ дослужишься, генераломъ, какъ и я, будешь; а не станешь служить вѣрой и правдой—вѣкъ дуракомъ останешься

Гребешковъ, вѣроятно вслѣдствіе это наставленія принялся за службу съ жаромъ: онъ приходилъ въ департаментъ первый и уходилъ оттуда послѣдній. Это усердіе, а главное — отличный почеркъ его обратили на него вниманіе начальства, и ему дана была первая открывшаяся вакансія помощника столоначальника.

Однако страсть къ литературѣ, не смотря на чиновническія занятія, не оставляла Гребешкова ни на минуту. Онъ все продолжалъ писать стишки, взялъ на годъ билетъ въ библіотекѣ для чтенія Смирдина, бѣгалъ изъ департамента въ свободныя минуты прочитать въ кандитерской „Пчелку“, зналъ всѣ литературныя продѣлки и сплетни и заучилъ наизусть всѣ александринскіе водевильные куплеты Такого рода порыванія къ умственнымъ интересамъ ясно показывали, что онъ не можетъ долго пользоваться именемъ благонадежнаго чиновника. Къ-тому же, съ департаментскими товарищами своими онъ вовсе не водилъ дружбы, а лучшимъ пріятелемъ своимъ считалъ бывшаго учителя словесности, къ которому отъ времени до времени носилъ почитывать свои стишки, и въ непогрѣшительный вкусъ котораго привыкъ какъ-то съ дѣтства безотчетно вѣровать.

— Бросьте, говорилъ ему учитель словесности, бросьте эти чиновническія занятія; займитесь серьезно литературой, поэзіей; у васъ талантъ; въ вашихъ стихахъ есть что-то этакое, почерпнутое изъ сердца, взятое прямёхонько вотъ отсюда (учитель указывалъ пальцомъ на лѣвый бокъ). Вы, батюшка, настроиваете душу на что-то этакое... Пора бы что-нибудь и напечатать. Почему же?.. Постойте-ка, я выберу лучшенькіе ваши стихи и отправлю къ какому-нибудь изъ журналистовъ,— вѣдь я со всѣми съ ними пріятель; за ваши стихи они будутъ мнѣ благодарны...

У Гребешкова закружилась голова отъ этихъ похвалъ, и совѣтъ бросить службу и заняться литературой глубоко палъ ему на сердце. Но тщетно онъ ожидалъ исполненія обѣщанія своего учителя: прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а стихи его не появлялись ни въ журналахъ, ни въ газетахъ. Причина этому была очень-простая: учитель не зналъ ни одного изъ журналистовъ, а для приданія себѣ большаго вѣса любилъ иногда прихвастнуть Отчаясь наконецъ въ его протекціи, Гребешковъ, мучимый желаніемъ видѣть имя свое въ печати, рѣшился дѣйствовать самъ-по-себѣ, и въ одно прекрасное утро написалъ слѣдующее письмо къ издателю какой-то газеты:

„Милостивый государь!

„Извѣстность пріобрѣтенная вами на поприщѣ журналистки, и неотъемлемыя достоинства вашей газеты, влекутъ самолюбіе каждаго образованнаго человѣка попасть въ число вашихъ сотрудниковъ. Чувствуя въ себѣ влеченіе къ поэзіи, я хотя и не имѣю чести быть лично знакомъ съ вами, но рѣшаюсь безпокоить васъ покорнѣйшею просьбою — о помѣщеніи въ вашу газету прилагаемыхъ у сего стихотвореній моихъ, если они не будутъ противорѣчить цѣли вашего изданія. Я могу также заниматься и переводами съ французскаго, на тѣхъ условіяхъ, какія вамъ будетъ угодно мнѣ назначить. Адресъ мой на оборотѣ.

„Съ истиннымъ почтеніемъ, и проч.“

Письмо это и стихи Гребешкова сдѣлали очень-пріятное впечатлѣніе на издателя какой-то газеты. И онъ, прохаживаясь по своему будуару въ ермолкѣ съ золотой кисточкой, съ сигаркой во рту и съ письмомъ Гребешкова въ рукѣ, говорилъ

такъ своему главному сотруднику, бросая значительные и довольные взгляды на ту стѣну, гдѣ висѣлъ его портретъ, окруженный портретами всѣхъ великихъ людей, начиная съ Сократа до Жюль-Жанена включительно.

— Стишки очень-недурны, и письмо написано умно и ловко: видно, что писалъ его человѣкъ свѣтскій, образованный. Конечно, въ стихахъ видна еще неопытность пера, кое-какіе промахи, но все таки они заслуживаютъ вниманія. Надобно приласкать этого молодого человѣка и не допустить его до той шайки...

Извѣстно, что русская литература раздѣляется на нѣсколько партій, которыя враждуютъ между собою не за внутреннія убѣжденія и идеи, а изъ того, что одна у другой хлѣбъ отбиваетъ. Впрочемъ, дѣло не въ томъ: я хотѣлъ сказать только, что одна литературная партія называетъ всегда другую враждебную ей партію—шайкой.

— Мы его притянемъ къ себѣ, продолжалъ издатель какой-то газеты, указывая на письмо Гребешкова; — непремѣнно притянемъ... Послушайте, напримѣръ, вотъ начало его стиховъ...

Издатель сталъ въ позитуру и началъ декламировать:

Когда ты розовой рученкой
Мнѣ изъ кареты шлешь привѣтъ,
Иль скачешь въ полѣ амазонкой
И конь твой топчетъ вешній цвѣтъ.
Когда на балѣ въ вихрѣ танца
Несусь я, дивная, съ тобой,
И ты горишь красой румянца
И брыжжешь страстью огневой,
Или поутру въ будуарѣ
Сидишь съ распущенной косой
Въ прозрачномъ бѣломъ пеньюарѣ
И въ пелеринкѣ голубой..

— И прочее. Очень мило! И, замѣтьте, какія неистасканныя рифмы! Есть тутъ небольшая ошибка (издатель какой-то газеты усмѣхнулся). Дамы въ пеньюарахъ, убирая головы, не носятъ пелеринокъ; ну, да это ничего... Эти стихи непремѣнно надо помѣстить въ слѣдующемъ нумерѣ...

Ни съ чѣмъ не сравнится восторгъ видѣть впервые имя свое чётко выпечатаннымъ на страницѣ журнала или газеты! Гребешковъ вполнѣ испыталъ это въ день выхода того нумера газеты, гдѣ напечатаны были стихи его. Онъ въ этотъ день даже не пошелъ въ департаментъ, а все гулялъ по Невскому

проспекту и заходилъ въ разныя кандитерскія, чтобъ посмотрѣть, читаютъ ли завѣтный для него нумеръ... И все казалось ему, что и прохаживающіеся по Невскому и сидящіе въ кандитерскихъ смотрятъ на него совсѣмъ не такъ, какъ вчера, а совершенно иначе, съ особеннымъ любопытствомъ, какъ-будто думаютъ: „А! вотъ господинъ-то, прекрасные стихи котораго напечатаны въ сегодняшнемъ нумерѣ газеты!“

Этотъ день былъ рѣшительнымъ днемъ въ жизни Гребешкова. Еслибъ издатель какой-то газеты не обратилъ на него вниманія, онъ, можетъ-быть, по-немножку сталъ бы охладѣвать къ литературѣ, обратился бы съ прежнимъ жаромъ къ своей должности, и все служилъ бы, и служба обратилась бы ему въ привычку, и дослужился бы онъ до статскаго совѣтника, и женился бы, и жена бы его захотѣла быть генеральшей и, въ угодность женѣ, онъ продолжалъ бы служить, и дослужился бы до генеральства. Такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ бы незамѣтно свою карьеру, обезпечилъ бы на службѣ благосостояніе своего семейства, былъ бы славою и гордостью своихъ родственниковъ и заслуживалъ бы отъ общества прозваніе человѣка прекраснаго и благонамѣреннаго.

Но судьба распорядилась иначе, натолкнувъ его на издателя какой-то газеты, съ которымъ онъ познакомился вскорѣ послѣ напечатанія своихъ стиховъ. Имя его послѣ того чаще и чаще стало появляться въ газетѣ и подъ стишками и подъ разсказами; наконецъ, онъ сдѣлался самымъ ревностнымъ сотрудникомъ издателя газеты и сошелся на ты со многими сочинителями, что казалось чрезвычайно лестно его самолюбію, стремившемуся къ литературнымъ почестямъ и славѣ.

Къ храму этой соблазнительной литературной славы, стремился и издатель какой-то газеты всѣми помыслами возвышенной души своей...

ГЛАВА II.

О заманчивости артистической жизни.

Издатель какой то газеты хотѣлъ непремѣнно и во что бы то ни стало добиться того, чтобъ вся Россія знала, что его зовутъ Александромъ Петровичемъ. Съ этою цѣлію онъ и началъ

издавать свою газету. До изданія газеты, онъ былъ извѣстенъ въ литературѣ, какъ сочинитель нѣсколькихъ интермедій съ куплетами, которыя производили большой эффектъ въ залѣ Александринскаго театра и какъ замысловатый фельетонистъ, владѣвшій тактомъ общежитія и особеннымъ даромъ объясняться въ печати въ „прекраснымъ поломъ", ловко и кстати приправляя русскую рѣчь французскими восклицаніями и фразами. Въ частной жизни онъ былъ такъ же любезенъ, какъ въ печатномъ мірѣ и такъ же любилъ блеснуть собой въ обществѣ, какъ и въ литературѣ. Рѣшительно никто изъ русскихъ сочинителей не одѣвался лучше его. И у себя дома, и на улицѣ, и въ гостяхъ, онъ всегда походилъ на картинку, только-что вырѣзанную изъ моднаго журнала. Его домашній сюртукъ изъ термоламы съ кистями, его венгерка съ бранденбурами для гулянья, его узенькій свѣтлосиній фракъ съ блестящими пуговицами для вечеровъ — такъ мастерски обтягивали его талію, такъ живописно рисовались на немъ, что невозможно было вдругъ рѣшить: чему слѣдовало болѣе удивляться — искусству ли его портного шить платье, или вкусу и умѣнью одѣваться того, кто носилъ ихъ? Комнаты его были такъ же изысканно убраны, какъ онъ самъ: полы натерты, столы налакированы, нигдѣ ни пылинки; на столахъ и этажеркахъ сувениры изъ бисера и изъ шолка, на стѣнахъ картинки, портреты, и сигарочницы на гвоздикахъ,—вездѣ симметрія, галантерейность и признаки умѣнья жить въ свѣтѣ. Въ такихъ комнатахъ рѣшительно нельзя было говорить: „сударыня" или „сударь", а непремѣнно monsieur и madame. Вѣроятно по этому издатель какой-то газеты и не говорилъ иначе. Ни что такъ не оскорбляло его тонкаго свѣтскаго чувства, какъ грубый и неприличный тонъ, какимъ нѣкоторые изъ русскихъ сочинителей объясняются съ публикою. Такія фразы, какъ напримѣръ: „матушка сударыня почтеннѣйшая публика". „по нашему, такъ надо рѣзать правду-матку въ глаза" —онъ не могъ слышать безъ ужаса. Болѣе всѣхъ сочинителей возмущалъ его одинъ изъ жестокихъ враговъ его, Ѳетюковъ, съ которымъ, однако, до изданія своей газеты, онъ, говорятъ, былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ. Ѳетюковъ не сходилъ съ языка его: онъ въ каждомъ нумерѣ своей газеты писалъ на него статьи и послѣ каждой статьи говорилъ своимъ пріятелямъ:

„что, каково я отдѣлалъ его? погодите, да я его непремѣнно совсѣмъ уничтожу, я докажу ему, что онъ невѣжа, безграмотный, не знаетъ свѣта, не понимаетъ никакихъ приличій...“

На литературныхъ вечерахъ издателя какой-то газеты, куда сходилась вся литературная тля его прихода, только и толковъ было, что о Ѳетюковѣ, да о томъ, какого сочинителя въ какомъ журналѣ разругали или расхвалили. Если же на минуту разговоръ прекращался, хозяинъ дома, какъ человѣкъ свѣтскій, чтобъ занять гостей своихъ, тотчасъ вынималъ изъ портфеля, который всегда былъ у него подъ рукою, свои новыя статейки противъ Ѳетюкова и начиналъ чтеніе, прерывавшееся, разумѣется, ободрительными возгласами собранія. Гребешковъ сдѣлался необходимымъ членомъ этихъ вечеровъ. Онъ болѣе всѣхъ изъявлялъ негодованіе противъ Ѳетюкова и болѣе всѣхъ восхищался статьями издателя какой-то газеты, не отдавая себѣ впрочемъ никогда отчета ни въ своемъ восхищеніи, ни въ своемъ негодованіи.

Число знакомыхъ Гребешкова значительно увеличилось съ тѣхъ-поръ, какъ онъ записался въ сочинители, сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ театра—и поклонникомъ одной водевильной актрисы, которая была любимицею публики.—Его знакомства даже заискивали многіе изъ господъ, посѣщавшихъ Александринскій театръ. Они прекрѣпко жали ему руку и при встрѣчѣ съ нимъ всегда спрашивали: „А что, не изволили-ль сочинить что-нибудь новенькое?“ Все это льстило самолюбію Гребешкова, и онъ какъ-то невольно началъ считать себя человѣкомъ значительнымъ, а для того, чтобы казаться еще значительнѣе (слабость очень понятная) позволялъ себѣ иногда прихвастнуть. Хвастовство это сначала было не совсѣмъ ловко, но впослѣдствіи онъ получилъ къ нему большой навыкъ, особенно когда увидѣлъ, что всѣ вокругъ него хвастали и лгали безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Между новыми его знакомыми, которыми онъ дорожилъ, болѣе прочихъ, были два актера Александринскаго театра, изъ которыхъ одинъ обращался съ нимъ совершенно по-дружески. Актеръ этотъ сочинялъ водевили и просилъ Гребешкова написать для своего бенефиса нѣсколько куплетовъ. Гребешковъ съ радостію исполнилъ его желаніе... Куплеты, сочинен-

ные Гребешковымъ, произвели величайшій эффектъ и въ-особенности одинъ куплетъ, начинавшійся такъ:

„Нынче многіе на свѣтѣ
Ѣздятъ четверней въ каретѣ.
Задаютъ на славу балъ,
Гдѣ танцуютъ на повалъ;
А на завтра; охъ! да охъ!
Все имѣніе въ залогъ!

Этотъ куплетъ, по требованію образованной публики, былъ даже повторенъ четыре раза. Актеръ надулся за это на Гребешкова; но когда до актера дошли слухи, будто-бы Гребешковъ во время представленія водевиля разсказывалъ, что всѣ куплеты сочинены имъ, а не актеромъ, дружбѣ ихъ началъ угрожать страшный разрывъ, ибо актеръ, въ бѣшенствѣ ударивъ кулакомъ о столъ, закричалъ, обращаясь къ своимъ пріятелямъ:

— Ну, чортъ возьми, попадись онъ мнѣ сейчасъ я не отвѣчаю за себя... такую оплеуху закачу ему...

Гребешковъ былъ легокъ на поминѣ и тотчасъ послѣ этой угрозы вошелъ въ комнату актера. Разгоряченный актеръ бросился къ нему на встрѣчу... и сказалъ ему.

— А, здравствуй, душа моя. Откуда тебя нелегкое принесло?.. За тобой еще, помнится мнѣ, бутылка шампанскаго.. Разопьемъ-ка ее теперь. И онъ запѣлъ:

Ну холопа по затылку,
Дай ему скорѣй толчокъ,
Онъ слетаетъ въ погребокъ,
Принесетъ Клико бутылку..

Кутнемъ, душенька! вѣдь мы съ тобой артисты, а артисты, знаешь, живутъ на распашку.

— Именно, братецъ! закричалъ Гребешковъ, бросая свой кошелекъ на столъ. — Вотъ тебѣ мой кошелекъ, Вася; бери деньги, посылай сейчасъ за шампанскимъ...

— То-есть за вдовушкой? замѣтилъ актеръ, за мадамъ Клико?.. да?

— Разумѣется.

— Ай да Коля? Я было, знаешь, на тебя немножно и посерживался... коли правду сказать, да нѣтъ, не могу... ты, чортъ тебя возьми, такой добрый малый, что и сердиться-то на тебя нельзя... ей-Богу... артистъ, братецъ, нашъ братъ, бон-виванъ.

Когда шампанское было принесено и они выпили по стакану,—Гребешковъ сказалъ актеру:

— Ну, братецъ, а когда же ты меня познакомишь съ Катериной Васильевной? Вѣдь это не по пріятельски. Сколько времени ты обѣщаешь...

Катерина Васильевна была та водевильная актриса, къ поклонникамъ которой принадлежалъ Гребешковъ.

— Ужь познакомлю, отвѣчалъ актеръ, выпивая второй стаканъ:—сказалъ, что познакомлю—и кончено. Вотъ тебѣ слово артиста... и въ картишки, знаешь, будемъ у нея дуться. Она славная дѣвчонка, и ужь, понимаешь, то-есть, въ фараонъ и преферансикъ — во что хочешь готова... такая охотница, что вотъ жизнь, кажется, за карты готова положить... Малиной ее, братецъ, не корми; ужь картишки то-есть просто дороже для нея всего... Я всегда, братецъ, скажу, что мы, артисты, умѣемъ лучше жить, чѣмъ всѣ эти... одно то, что ужь артистъ, это много значитъ... Жалованье, братецъ, первымъ сюжетамъ хорошее, ну, что ни говори, а еще сверхъ-того поспектакгельныя. Только всякій артистъ долженъ знать себѣ цѣну, вотъ что...

Жизнь артистовъ, въ томъ значеніи, какъ понималъ ее актеръ, сочинявшій водевили, и какъ понимаютъ ее нѣкоторые русскіе актеры, очень-любопытна. Артистъ, обыкновенно, только-что открываетъ глаза утромъ, позѣвывая и потягиваясь, схватываетъ трубку, набиваетъ ее и затягивается; потомъ лѣниво принимается за засаленную тетрадь съ своей ролью, просматриваетъ ее, позѣвывая и потягиваясь, и наконецъ бросаетъ тетрадь съ досадою, проговоривъ сквозь зубы: „чтобъ чортъ ее побралъ!“ потомъ выколачиваетъ на полъ табачную золу и набиваетъ новую трубку; потомъ начинаетъ прохаживаться по комнатѣ, прихлебывая чай и посвистывая; потомъ кормитъ своего скворца, или соловья, или жаворонка, висящаго въ его кабинетѣ; потомъ отправляется на репетицію; съ репетиціи заходитъ въ ближайшій трактиръ съиграть съ маркеромъ партіи двѣ три въ бильярдъ; изъ трактира идетъ на Невскій проспектъ, — на Невскомъ встрѣчается съ пріятелемъ, который заводитъ его въ трактиръ и потчуетъ шампанскимъ; потомъ обѣдаетъ, спитъ и отправляется съ просонья въ театръ, приговаривая: „проклятая должность!“; потомъ изъ

театра ѣдетъ къ актрисѣ-пріятельницѣ перекинуть въ картишки, или отправится съ новымъ пріятелемъ ужинать и опять пить шампанское... Вино, пріятели и карты играютъ первую роль въ такъ-называемой жизни артиста.

Гребешковъ скоро и глубоко проникнулся ею, и тѣхъ изъ литераторовъ, которые не вели знакомства съ актерами, называлъ анахоретами.

Артистическая жизнь мало-по-малу вовсе отвратила его отъ служебныхъ занятій.

Но въ то самое время, когда онъ совершенно потерялъ уваженіе чиновниковъ своего департамента, онъ пользовался уже большимъ значеніемъ у издателя какой-то газеты. Издатель замѣтилъ въ немъ большую смѣлость и смѣтливость — качества неоцѣненныя для сотрудника газеты или журнала и иногда поручалъ ему писать рецензіи на разныя вновь-выходящія книги. Нуждаясь въ дѣятельномъ сотрудникѣ, котораго, по неопытности, онъ могъ бы обсчитывать въ случаѣ нужды при денежныхъ разсчетахъ (а онъ именно Гребешкова считалъ такимъ), издатель какой-то газеты старался какъ-можно-сильнѣе закрѣпить свою связь съ нимъ, и потому, придравшись къ чему-то, тиснулъ объ немъ статейку, которая начиналась такъ:

„Увы, messieurs, большая часть нашихъ писателей, выступая на литературный горизонтъ блестящими звѣздами, вмѣсто того, чтобы болѣе и болѣе пріобрѣтать свѣта и блеска, тускнѣютъ и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ съ горизонта... Хотите знать причину этого?... Извольте, я скажу вамъ: потому-что литераторы наши находятъ мало поощренія въ прекрасномъ полѣ... О, mesdames, я хочу съ вами не шутя ссориться за то, что вы почти не читаете русскихъ книгъ!... И именно вслѣдствіе равнодушія къ русской литературѣ прелестныхъ читательницъ, у насъ такъ немного писателей, идущихъ по трудной дорогѣ усовершенствованія. Изъ молодыхъ талантовъ, такъ справедливо оцѣненныхъ въ послѣднее время образованною публикою (замѣтьте, mesdames, когда я говорю объ образованной публикѣ — я думаю объ васъ) — одинъ господинъ Гребешковъ мужаетъ съ каждымъ новымъ своимъ произведеніемъ... У него всегда вы найдете и оригинальную, очень счастливую

идею, и чувство, и какую-то даже граціозность въ выраженіи. N'est-ce pas, mesdames?... и проч."

Статейка эта дѣйствительно подѣйствовала на Гребешкова. Онъ принялся работать для газеты еще съ большимъ жаромъ и написалъ огромную критическую статью, въ которой наговорилъ и о среднихъ вѣкахъ, и о Людовикѣ XIV, и о Шекспирѣ, и о Байронѣ, и о Жоржъ-Зандѣ, назвавъ ее, между-прочимъ, чудовищнымъ и безнравственнымъ порожденіемъ неистовой французской литературы... Надобно сказать, что Гребешковъ читалъ кое-что изъ Шекспира и Байрона, и то въ русскихъ переводахъ, а о Жоржъ-Зандѣ не имѣлъ никакого понятія и только слышалъ отъ кого-то, что она ходитъ въ мужскомъ платьѣ и куритъ сигары. Какъ бы то ни было, статья его понравилась не только большинству публики, но и самому издателю какой-то газеты, который даже приписалъ ее себѣ, потому-что подъ ней не стояло ничьего имени.

Около этого времени, до издателя какой-то газеты дошли очень-непріятныя вѣсти, что главнаго сотрудника его Ѳетюковъ переманиваетъ къ себѣ, что этотъ сотрудникъ безпрестанно бѣгаетъ къ Ѳетюкову съ различными пересказами, и что всѣ эти пересказы съ украшеніями и прибавленіями должны появиться въ печати. Надо было дѣйствовать рѣшительно. Тотчасъ же устранивъ отъ себя предателя, издатель какой-то газеты предложилъ его мѣсто Гребешкову.

— Главное, говорилъ ему издатель: —заботьтесь о хорошемъ тонѣ въ вашихъ статьяхъ... имѣйте въ виду, что газету нашу читаютъ въ высшемъ обществѣ; по-этому, никакая тривіальность у насъ не можетъ быть терпима... Почаще давайте щелчки Ѳетюкову.... конечно, я почти уничтожилъ его, и лежачаго не бьютъ... но все-таки... Когда же вы будете писать театральныя статьи, то отдѣлывайте хорошенько этихъ жалкихъ водевилистовъ... Скоро, можетъ-быть, пойдетъ драма Павлюкова: *Навуходоносоръ*. Павлюковъ человѣкъ хорошій, мы съ нимъ пріятели... И если я почему-нибудь, самъ не буду расположенъ написать разборъ его пьесы, то попрошу васъ: начало уже у меня готово. Вотъ оно: „Съ грустію шли мы въ Александринскій театръ, зная что Апполонъ давно отвратилъ отъ него лицо свое, зная, что всѣ лучшіе драматическіе писа-

тели давно не оживляютъ своими созданіями его мертвой сцены, но къ удивленію нашему“ и проч...

Гребешковъ, получивъ такъ неожиданно званіе присяжнаго критика, и условясь съ издателемъ въ платѣ за труды свои, которая, по его мнѣнію, должна была обезпечить его, — нѣсколько дней послѣ этого находился въ полномъ упоеніи. Онъ, какъ человѣкъ безусловно располагавшій самимъ-собою (потому-что отца его давно не было на свѣтѣ) подалъ въ отставку и только написалъ къ старушкѣ-матери письмо, въ которомъ старался убѣдить ее, „что онъ не созданъ для чиновническихъ занятій, что онъ имѣетъ призваніе гораздо-высшее, къ поэзіи, что литературой онъ надѣется пріобрѣсти себѣ состояніе“ и проч. Старушка-мать, прочитавъ это письмо, сомнительно покачала головою, положила его въ ридикюль, отправилась въ уѣздный городъ къ одному изъ чиновниковъ земскаго суда посовѣтоваться съ нимъ на счетъ своего сумасброда, Николашеньки, и потомъ уже, съ помощію этого чиновника, написала къ сыну отвѣтъ такого содержанія: „Ты еще почти мальчикъ Николаша и не годится въ твои лѣта быть безъ дѣла. Я говорила объ тебѣ съ Иваномъ Астафьичемъ, онъ человѣкъ умный и вице-губернаторъ къ нему особенно внимателенъ, и Иванъ Астафьичъ тоже сказалъ что можно безъ дѣла избаловаться, а что поэзія не дѣло. Охъ-охъ! то-то и есть: молодо зелено! А говоришь ты, что не рожденъ для службы такъ это мой другъ пустяки; всякій рожденъ на то чтобы служить государю и наживши службой уваженіе и деньги выйдти въ отставку, а въ такихъ лѣтахъ какъ ты выходить въ отставку не слѣдъ...“

Но отвѣтъ этотъ, разумѣется, заставилъ только улыбнуться Гребешкова... Отставка лежала уже у него на столѣ, а въ головѣ его вертѣлись самыя соблазнительныя мечты о томъ, какъ имя его будетъ со временемъ гремѣть въ литературѣ, какъ будетъ онъ издавать свой журналъ, какія статьи будутъ въ этомъ журналѣ, сколько у него будетъ подписчиковъ... какъ онъ разбогатѣетъ, какую коляску купитъ себѣ, какой масти заведетъ лошадей...

Нельзя впрочемъ, сказать, чтобъ онъ постоянно утѣшалъ себя такими мечтами. Однажды, когда онъ сидѣлъ за какой-то критической статьей и грызъ перо отъ недостатка внутренняго

содержанія, ему вдругъ пришли на память мысли гдѣ-то и когда-то имъ вычитанныя — „что образованіе критики должно быть утверждено на прочномъ основаніи науки, на изученіи великихъ явленій поэзіи и жизни; что назначеніе критика высоко и священно; что онъ долженъ быть глашатаемъ истины, провозвѣстникомъ идей живыхъ и новыхъ, образователемъ и просвѣтителемъ массы; что душа его должна быть проникнута горячимъ убѣжденіемъ, святой вѣрой въ успѣхъ и совершенствованіе: что онъ поставленъ на стражѣ искусства и непрестанно обязанъ пещись, чтобъ оно не забывало своего божественнаго назначенія: всегда нести впередъ общество и обновлять силы его...“ Съ смущеніемъ вникалъ Гребешковъ въ многозначительный смыслъ этихъ словъ, и его охватывало мучительное сознаніе собственнаго ничтожества и безсилія. Впервые представился ему издатель какой-то газеты и всѣ эти сочинители, его пріятели — ничтожными, незамѣтными насѣкомыми, и онъ уже готовъ былъ бросить всѣ свои жалкія литературныя писанья, отречься отъ всѣхъ претензій на литературную славу и бѣжать куда-нибудь подальше отъ этой литературы и отъ своихъ пріятелей — учиться, учиться!

— Наше вамъ! поздравляю тебя, душа моя, Коля! сказалъ въ эту минуту вошедшій къ нему актеръ водевилистъ, бросая шляпу на столъ и разваливаясь на диванѣ... — Ты, говорятъ, сдѣлался великимъ человѣкомъ, братецъ, нашимъ грознымъ судіею? а? Вели-ка подать мнѣ трубку; смерть хочется затянуться, да нѣтъ ли у тебя водки: вели и ужь и водки кстати подать... Критикъ! покорно прошу! Только ты у меня смотри: пріятелей не задѣвать, а не то я тебѣ такъ ушонки надеру...

Гребешковъ не слыхалъ половины сказаннаго актеромъ. Онъ не могъ вдругъ освободиться отъ мыслей, которыя такъ неожиданно вывели его изъ состоянія всегдашняго самодовольствія и беззаботности.

— Да что-жь ты это Коля, что съ тобой? Ты ничего не слышишь? Ужь не хватилъ ли ты съ позаранку вмѣсто чая — ромео?

Гребешкову стало стыдно своей минутной задумчивости.

— А! здравствуй, Вася, сказалъ онъ наконецъ будто съ просонья и потянувшись: — нѣтъ ничего, это такъ... Да братецъ, мы критики, не шути теперь съ нами.

— Слышалъ, слышалъ!.. Для дебюта-то, душенька, нельзя ли отхватать нашего режисёра... Такая, братецъ, анаѳема, что ужасъ. Ей-Богу, катни-ка его, то-есть вотъ какъ утѣшишь...

Актеръ приложилъ руку къ губамъ, поцаловалъ ее и потомъ сдунулъ поцалуй прямо въ лицо Гребешкову.

— Царапнемъ-ка, братъ, красоулю туманной, продолжалъ актеръ, указывая на принесенную водку.

— Пожалуй, сказалъ Гребешковъ, наливъ себѣ рюмку и выпивъ ее залпомъ.

Черезъ минуту всѣ встревожившія его мысли показались ему сущимъ вздоромъ. Онъ не понималъ, какъ можно было хоть одну секунду усомниться въ умѣ и талантахъ издателя какой-то газеты и, постепенно погружаясь въ прежнее апатическое самодовольствіе, съ любопытствомъ началъ выслушивать разсказы актера о томъ, какъ одна актриса поссорилась съ другою на репетиціи; какъ какой-то актеръ назвалъ какую-то актрису такимъ именемъ, что и сказать нельзя; сколько онъ выпилъ за ужиномъ у пріятеля, какъ потомъ жиганулъ въ банчишку и прочее.

Занимательные разсказы актера прерваны были приходомъ молодого человѣка въ очкахъ, въ тепломъ сюртукѣ, съ шеей, обвязанной шерстянымъ шарфомъ и съ книгами подъ мышкой.

— Кого я, боги, зрю? заревѣлъ актеръ, пародируя одного знаменитаго трагическаго актера и возложивъ съ трагическою важностію руку на плечо вошедшаго. — А въ-самомъ-дѣлѣ, гдѣ это вы пропадать изволили? тысячи лѣтъ не видались, почтеннѣйшій.

— Здравствуйте, сказалъ молодой человѣкъ, кланяясь актеру и хозяину дома...—Занятъ, ужасно занятъ... Занимаясь различными изслѣдованіями, приготовляю статью... Ну-съ, а вы, Николай Николаичъ, что подѣлываете?

— Да такъ, ничего особеннаго, все вожусь вотъ съ этими книжонками, отвѣчалъ Гребешковъ, съ гримасой указывая на свой письменный столъ...

У молодого сочинителя, который также исправлялъ должность литературнаго сплетника, засверкали глаза...

— Съ какими это книжонками? воскликнулъ онъ, бросаясь

къ столу, быстро перебравъ всѣ лежавшія на немъ книжки и искоса взглянувъ на записки, письма и бумаги.

— И эта дребедень вамъ не надоѣла? замѣтилъ актеръ, обращаясь къ литературному сплетнику съ ироническою улыбкою, указывая на книги:

Повѣрьте, въ книгахъ толку нѣтъ,
Холодный старецъ, огрокъ пылкій
И просто знаетъ цѣлый свѣтъ
Что толкъ сокрытъ на днѣ бутылки...

— Теперь вамъ, вѣрно, много работы, Николай Николаичъ, продолжалъ литературный сплетникъ, не слушая актера: — впрочемъ, что-жь! за хорошую плату можно работать... Я ужасно обрадовался, когда узналъ, что вы будете писать рецензіи въ газетѣ. А слышали вы: Ѳетюковъ, говорятъ, готовитъ большую статью на Александра Петровича и объ васъ тамъ что-то такое... мнѣ это все сказывалъ Каленцовъ... Онъ встрѣтилъ Ѳетюкова на Невскомъ; Ѳетюковъ схватилъ его за руку, отвелъ въ сторону, и говоритъ ему: — Я, говоритъ, васъ расхвалю, а ужь ту шайку, говоритъ, отдѣлаю"; тутъ подбѣжалъ къ нимъ Пѣтушковъ... Ѳетюковъ началъ съ Пѣтушковымъ шептаться... и потомъ они вмѣстѣ пошли въ книжную лавку Лакоткова. Ѳетюковъ съ Лакотковымъ предпринимаетъ, говорятъ, какое-то новое изданіе... Что у васъ за рукопись на окнѣ?

Литературный сплетникъ подбѣжалъ къ окну.

— А васъ, говорятъ, продолжалъ онъ, обращаясь отъ окна къ актеру: — Ѳетюковъ расхвалилъ за вашъ послѣдній водевиль и по этому случаю надѣлалъ разныхъ намековъ на Александра Петровича.

— Смѣлъ бы онъ меня не расхвалить, замѣтилъ актеръ: — да я бы ему... я бы не знаю что съ нимъ сдѣлалъ.

— На будущей недѣлѣ бенефисъ Скворцова Вѣдь „Навуходоносоръ" идетъ, кажется?

— Да, разный соръ, сказалъ актеръ, захохотавъ во все горло.

— А слышали ли вы, что третье и четвертое дѣйствіе „Навуходоносора" писалъ, говорятъ, совсѣмъ не Павлюковъ, а Недопескинъ за 1500 рублей? Только это секретъ: пожалуйста, никому не говорите. Что *вы* будете писать объ этомъ спектаклѣ, Николай Николаичъ?

— Кажется, что я...

— Ну. прощайте, мнѣ некогда, такъ. право занятъ. надо еще зайдти въ разныя мѣста... посмотрѣть одну книгу въ публичной библіотекѣ, забѣжать къ Смирдину.

— И мнѣ пора, сказалъ актеръ: — пойдемте-ка вмѣстѣ. Прощай, Коля.

— Прощайте, господа, до свиданія, сказалъ Гребешковъ.

Литературный сплетникъ и актеръ вышли, но сплетникъ черезъ минуту высунулъ голову въ дверь и закричалъ:

— Да, я забылъ вамъ сказать: у Ѳетюкова послѣ завтра обѣдъ; говорятъ Лоскутовъ издаетъ собраніе различныхъ театральныхъ пьесъ и подарилъ Ѳетюкову два ящика шампанскаго за то, чтобъ онъ расхвалилъ его собраніе. Прощайте; некогда...

Сплетникъ побѣжалъ къ Павлюкову объявить ему, что о бенефисѣ Скворцова будетъ писать Гребешковъ, а Гребешковъ одѣлся и отправился на Невскій проспектъ въ свою любимую кандитерскую, подъ вывѣской прелестной турчанки, держащей въ рукѣ рюмочку съ мороженымъ и статнаго турки, занимающагося чтеніемъ русскихъ газетъ.

ГЛАВА IV.

Драматическій писатель.

Утромъ, наканунѣ представленія „Навуходоносора“, Гребешковъ у себѣ дома срывалъ десятирублевый банкъ, заложенный для него актеромъ-водевилистомъ, съ которымъ онъ почти не разставался. Передъ ними стояла бутылка хереса. На полу разбросаны были мѣлки и въ разныхъ мѣстахъ кучками лежала табачная зола.

— Ты меня сегодня, кажется, облупишь, какъ липку, говорилъ актеръ Гребешкову, начиная метать новую талію...— Проклятый этотъ крестовый хамъ... Три раза убитъ въ одну талію... Ну, а эту талію ужъ экскюзе... я тебѣ его не дамъ, ни за что не дамъ... двойка, тройка, дама...

Гребешковъ весь обратился въ зрѣніе, смотря на карты.

— Простите меня, прошепталъ сзади его чей-то незнакомый ему голосъ: — что я, не имѣвъ удовольствія быть вамъ представленнымъ, рѣшился самъ....

Гребешковъ вздрогнулъ, вскочилъ со стула и увидѣлъ передъ собой человѣка средняго роста, полнаго, съ румяными щеками, въ завиткахъ и съ распомаженными усами, который расшаркивался и раскланивался передъ нимъ, и въ то же время протягивалъ руку актеру.

— А-а! Павелъ Яковличъ! сказалъ актеръ, преспокойно посмотрѣвъ на нежданнаго гостя и пожавъ протянутую ему руку: — ви бефинденъ зи зихъ?... Что жъ, Коля, братецъ, развѣ ты не хочешь, чтобъ я докончилъ талію?

— Нѣтъ, что за вздоръ, это шутки, мы только такъ... Гребешковъ весь вспыхнулъ и совсѣмъ смѣшался.

— Позвольте мнѣ представить себя, продолжалъ пищать вошедшій:—я Павлюковъ, давно имѣлъ желаніе съ вами познакомиться... много наслышанъ объ васъ... впрочемъ я давно уже знакомъ съ вами заочно; ваши стихотворенія наизустъ знаю Это, я думаю, лучшія у васъ стихотворенія; всегда мысль, чувство... очень пріятно познакомиться... А съ Александромъ Петровичемъ мы старые знакомые, друзья, можно сказать.

— Очень радъ... сказалъ Гребешковъ, запинаясь и подставляя ему стулъ... — Извините, что вы такъ застали насъ... я...

— Понимаю, понимаю, запищалъ Павлюковъ:—вы вѣрно сегодня утромъ много занимались, напрягли, знаете, этакъ умственныя способности и потомъ захотѣли нѣсколько развлечь себя картами. Это очень понятно, я по себѣ знаю.. Прошу васъ быть со мной безъ церемоніи; я человѣкъ простой, да и церемониться-то вамъ со мной казалось бы не для чего: собраты по ремеслу, промышляемъ, знаете, однимъ товаромъ.

И Павлюковъ залился отъ полноты души, дребезжащимъ и пронзительнымъ смѣхомъ.

— Ну, а вы что-съ, Василій Иванычъ? продолжалъ онъ, обратясь къ актеру... что хорошенькаго подѣлываете?

— Да ничего-съ, отвѣчалъ актеръ, наливая себѣ стаканъ хереса:—прохаживаемся по хересамъ.

Павлюковъ снова захохоталъ.

— Это понятно, очень понятно... я по себѣ сужу... знаете, бывало, въ старину рюмка хереса, да это я вамъ скажу дороже всѣхъ тамъ этихъ нектаровъ и Богъ знаетъ чего... 37 лѣтъ

пространствовалъ, батюшка, въ этомъ мірѣ. насмотрѣлся на все... да потомъ, думаю себѣ: что жъ! не цѣлый же вѣкъ бить баклуши; займусь, думаю себѣ, чѣмъ нибудь... Литература, вѣрите ли, всегда была моя пассія; я въ жизнь свою столько томовъ перечелъ, что и счетъ потерялъ, ей Богу; а мыслишки всегда этакъ, знаете, бродили въ головѣ. Думаю, чѣмъ чортъ не шутитъ, попробую написать что-нибудь, да. знаете, по-военному, взялъ перо, скомандовалъ себѣ: скорымъ шагомъ—маршъ! Ну, а тамъ, что вышло, не мое дѣло судить: вы наши судьи, вы люди ученые, такъ вамъ и книги въ руки

— Я всегда съ большимъ удовольствіемъ читалъ ваши произведенія, замѣтилъ Гребешковъ.

— Очень благодаренъ вамъ (Павлюковъ съ пріятностью улыбнулся). Намъ, знаете. людямъ темнымъ, нечего гоняться за какими-нибудь превыспренными мыслями: мы беремъ предметы себѣ по плечу... Ѳетюковъ, пожалуй, и увѣряетъ, что я не имѣю никакого таланта, а я еще доставилъ ему четырехъ подписчиковъ на его журналъ, какъ честный человѣкъ... Что-жъ, я добросовѣстной критики не боюсь, критикуй меня сколько хочешь, покажи мнѣ что хорошо, что дурно въ моихъ сочиненіяхъ, а то, знаете, просто ругать ни съ того ни съ сего... Что жъ это за критика?... А я, ей Богу, еще всегда такъ хорошо отзывался о Ѳетюковѣ, а послѣ увидѣлъ. что онъ просто безсовѣстный человѣкъ, съ которымъ порядочному человѣку и дѣло имѣть стыдно.

— Порадуется же ваше сердце, сказалъ актеръ: — Коля такъ его отлупилъ сегодня въ статьѣ своей, то-есть, просто, что называется, на всѣ корки.

И актеръ указалъ чубукомъ на Гребешкова.

— И прекрасно! запищалъ Павлюковъ: — такъ его и надо... Онъ самое, я вамъ скажу, зловредное насѣкомое въ нашей литературѣ; такъ бы его взять, да и раздавить, какъ червяка, ей-Богу... И вы, Николай Николаичъ, мастеръ на это, такое у васъ, знаете, ядовитое перо... Я просто лакомлюсь вашими сочиненіями: столько въ нихъ ума, учености, слогъ такой...

— Ну, ужъ вы его такъ превозносите, сказалъ актеръ— что онъ возмечтаетъ о себѣ и чортъ знаетъ что... Не правда ли, Коля?... А? А ужъ я когда нибудь выставлю тебя въ воде-

вилѣ... Право... Коли признаться, такъ я недавно и куплетецъ сочинилъ на всѣхъ васъ, рецензентовъ... хочешь, спою?

И актеръ запѣлъ:

«И писатели рецензій,
Вздернувъ съ важностью носы,
Преисполнены претензій,
Всѣхъ кладутъ насъ на вѣсы...
Прощалыги-рецензенты
Вы намъ, право, ни почемъ
Кто же вамъ вручилъ патенты,
Чтобъ судить, рядить о всемъ?..

— Браво, браво, премило!

И въ этотъ разъ Павлюковъ залился уже такимъ смѣхомъ, который болѣе походилъ на вой гончей, почуявшей звѣря, чѣмъ на обыкновенный человѣческій смѣхъ.

— Только, запищалъ онъ черезъ минуту:—этотъ куплетъ, конечно, уже совсѣмъ нейдетъ къ Николаю Николаичу... А у меня, коли правду сказать, есть то-есть, до васъ, Николай Николаичъ, маленькая просьбица... Надобно вамъ сказать, что я написалъ драму, какъ, вѣроятно, вамъ извѣстно, — и завтра рѣшается ея участь... Конечно, эта драма не первостатейное какое-либо произведеніе,—далеко отъ этого,—но есть, знаете, также кое-что: и фантазія и мыслишки; вотъ вы сами завтра увидите... Мнѣ бы, знаете, хотѣлось одного, если вы будете писать объ ней, такъ чтобы замѣтили мысль, которую я развилъ въ ней, а эта мысль, по моему, совершенно новая, оригинальная... Видите, я хотѣлъ показать, что и великіе люди, такъ сказать—колоссы человѣчества, причастны, знаете, всѣмъ нашимъ земнымъ страстямъ: любви тамъ, ненависти, мщенію, всему этому, знаете, и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось показать, что, Навуходоносоръ былъ величайшимъ политикомъ своего времени, то-есть, видите, я подъ Навуходоносоромъ отчасти разумѣлъ, между нами сказать, Наполеона... Неловко какъ-то Наполеона прямо выводить на сцену, вы сами согласитесь...

— Конечно, сказалъ Гребешковъ, едва удерживая улыбку: — все это, что̀ вы говорите, очень можно замѣтить въ статьѣ.

— Пожалуйста; вы этимъ много меня обяжете... публикѣ надо растолковать все это, безъ этого нельзя... А сколько я мучусь съ актерами, кабы вы знали, — совсѣмъ не такъ чи-

таютъ стихи, какъ слѣдуетъ; напримѣръ Навуходоносоръ у меня въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

Я обтекалъ міры орлинымъ окомъ
И мыслію надъ сферами парилъ....

Здѣсь актеръ долженъ сдѣлать удареніе надъ словами: *орлинымъ окомъ*, а онъ ударяетъ на словѣ *міры*; это ужъ совсѣмъ, знаете, выходитъ не то... Ну, да что̀ будешь дѣлать?... Радъ, по-крайней-мѣрѣ, что билетовъ очень не много осталось въ кассѣ: кажется будетъ полный бенефисъ... это, какъ хотите, показываетъ, что публика любитъ серьезныя вещи, имѣетъ хорошее направленіе...

Павлюковъ посмотрѣлъ на часы.

— Ай-ай!... ка̀къ я у васъ засидѣлся... мнѣ и на репетицію пора! Къ тому же я, можетъ-быть, мѣшаю вашимъ занятіямъ... Вы, вѣрно, будете завтра у бенефиціанта послѣ спектакля?

— Непремѣнно буду, отвѣчалъ Гребешковъ.

— И такъ, до пріятнаго свиданія... Позвольте мнѣ рекомендовать себя въ ваше расположеніе и надѣяться на продолженіе вашего знакомства... я вечеромъ, знаете, всегда дома. Женѣ моей будетъ также очень пріятно съ вами познакомиться... Прощайте, Василій Ильичъ, до свиданія... Не безпокойтесь, Николай Николаичъ, продолжалъ Павлюковъ, выходя въ переднюю и надѣвая шинель:—что̀ за церемоніи! мы съ вами собраты по ремеслу; а я васъ съ сынишкомъ своимъ познакомлю: такой, право, бойкій, остренькій мальчуганъ... удивительныя способности... ужь и теперь въ литераторы смотритъ... ну, пусть его!... До свиданія, до свиданія.

— Вотъ чудакъ-то! сказалъ Гребешковъ актеру, когда Павлюковъ ушелъ.

— Чудакъ! повторилъ актеръ, выколачивая табачную золу изъ трубки:—чудакъ! просто дрянь, братецъ, пустѣйшій человѣкъ; ругаетъ Ѳетюкова, а передъ нимъ подличаетъ.... И „Навуходоносоръ“ - то его выѣденнаго яйца не сто̀итъ... Билеты, говоритъ, разобраны!... да онъ одинъ взялъ полпартера для своихъ друзей клакеровъ. Знаемъ мы эти штуки то... А что̀ же, Коля? кончимъ банчишку-то; за мною вѣдь синюха... хочешь на квитъ поставить карту?

— Пожалуй...

— Что̀ идетъ?

— Девятка.

— Убита... Квитъ, братецъ. Да что̀ это ты, не за писанье-ли приниматься хочешь?

— Надо бы, признаюсь, статейку докончить.

— Что за вздоръ! еще успѣешь... Пойдемъ лучше куда-нибудь пошататься... Смертельная тоска! А?... одѣвайся-ка. Зайдемъ въ трактиръ, притреснемъ на бильярдѣ... У меня сердце чувствуетъ, что я спущу тебѣ сегодня красненькую съ хвостикомъ... ну, да ужь такъ и быть... хоть ты, признаться, играешь-то по бабьи: все пропежкой, да надвижкой, а все съ тобою надо ухо востро держать... иной разъ такъ запишешь жолтаго въ среднюю съ подкатцемъ, что просто наше почтеніе! Идемъ, что-ли?

— Идемъ, сказалъ Гребешковъ; — не хочется что̀-то ничего дѣлать: такая лѣнь!

ГЛАВА V.

Театръ.

Въ день представленія „Навуходоносора", часу во второмъ послѣ полудня, въ окнѣ театральной кассы выставлена была бумажка съ извѣщеніемъ: *на сегодняшнее представленіе всѣ билеты разобраны.* Не смотря на это, у кассы толпилось нѣсколько офицеровъ и чиновниковъ. Одинъ изъ офицеровъ, въ совершенномъ отчаяніи, стучалъ въ окно.

— Да что вамъ угодно? съ досадой закричалъ кассиръ:— видите, кажется, что билетовъ нѣтъ.

— Неужели ни одного?

— Стало быть, ни одного, коли касса закрыта, отвѣчалъ кассиръ, не глядя на офицера.

— Таки рѣшительно ни одного мѣстечка?

Кассиръ молчалъ.

— Послушайте, да можетъ-быть, въ заднемъ ряду есть кресла?

— Фу ты, Боже мой! говорятъ вамъ, что нѣтъ.

— Сдѣлайте милость, продолжалъ офицеръ нѣсколько

плачевнымъ голосомъ:—вотъ намъ съ нимъ только два билета Онъ указалъ на своего товарища.

Кассиръ, не говоря ни слова, задернулъ окно занавѣской и отошелъ прочь.

— Это ужасно обидно, мон-шеръ, пропустить такой спекталь!... сказалъ офицеръ своему товарищу и, пожавъ плечами, взглянулъ на всѣхъ стоявшихъ у окна въ молчаливомъ ожиданіи.

— Несчастіе-съ: кабы знать да вѣдать, наканунѣ надо бы запастись билетикомъ, возразилъ чиновникъ, развертывая афишу въ полтора аршина длины. — Это пьесы ужъ можно сказать-съ... должны быть презанимательнаго содержанія-съ.

— Кё феръ, мон-шеръ? Allons, сказалъ офицеръ, не удостоивъ чиновника взглядомъ...

И вслѣдъ за офицеромъ, всѣ стоявшіе у кассы, грустно посмотрѣвъ другъ на друга, разбрелись въ разныя стороны.

Бенефиціантъ, какъ видно, былъ человѣкъ смѣтливый и умѣвшій угодить публикѣ... Это доказывала афишка, которую я считаю необходимымъ передать здѣсь въ сокращеніи:

Въ первый разъ:

НАВУХОДОНОСОРЪ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ и въ семи отдѣленіяхъ, сочиненіе П. Я. Павлюкова, съ разнохарактерными танцами.

Дѣйствіе I. Отдѣленіе I.

Таинственное подземелье.

Дѣйствіе II. Отдѣленіе II.

Ураганъ страстей.

Дѣйствіе III. Отдѣленіе III.

Непостижимое видѣніе.

Дѣйствіе IV. Отдѣленіе IV.

Страшный сонъ.

Дѣйствіе IV. Отдѣленіе V.

Клокотаніе ревности.

Дѣйствіе V. Отдѣленіе VI.

Открытіе чудовищнаго заговора.

Дѣйствіе V. Отдѣленіе VII и послѣднее.

Кровавое мщеніе.

Въ первый же разъ:

КОЛОМНЯ

или зачѣмъ пошелъ, то и нашелъ.

Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. г. Бычкова (автора водевиля: „Проказы внучки, или слѣпая бабушка").

Въ первый же разъ.

МАРѲА ИСАЕВНА ШАРЫГИНА

или Смерть Бусурманамъ.

Патріотическое представленіе въ одномъ дѣйствіи, соч. автора патріотической драмы „Дуняша-Калмычка".

Въ первый же разъ:

ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЙ ПОМѢЩИКЪ.

Интермедія въ одномъ дѣйствіи, съ танцами: русскими, башкирскими, цыганскими, татарскими и калмыцкими.

Начало въ 6 часовъ.

И ровно въ шесть часовъ Гребешковъ сидѣлъ въ своихъ креслахъ. Занавѣсъ еще не поднимался, хотя театръ уже былъ набитъ биткомъ... Публика мужского и женскаго пола была въ этотъ вечеръ, какъ и всегда, отборная... Въ первомъ ярусѣ развѣвались такія удивительныя перья, пестрѣли такіе чепцы и уборы, блестѣли такіе драгоцѣнные камни, какихъ, конечно, уже нигдѣ нельзя встрѣтить кромѣ Александринскаго театра: на это онъ имѣетъ особенную

привиллегію. Во второмъ ярусѣ, во многихъ ложахъ находилось персонъ по десяти и по пятнацати; видно было по всему, что два или три семейства сложились вмѣстѣ, чтобъ купить одну ложу; третій, четвертый ярусы и раекъ были унизаны головами, а въ райкѣ была такая страшная давка, что попавшіеся впередъ отчаянно и недвижимо висѣли на перилахъ, подвергая жизнь свою опасности. Въ партерѣ скромно и молчаливо сидѣли возлѣ разрумяненыхъ супругъ своихъ купчики съ бородками, вытирая пестрыми носовыми платочками потъ, катившійся градомъ по лицу ихъ, ибо въ театральной залѣ была вслѣдствіе такого необыкновеннаго стеченія народа, духота нестерпимая. Львы и онагры александрійскаго партера, купеческіе сынки-кутилы и разные чиновники, обводили небрежно ложи лорнетами и трубками сверхъ-естественной величины, изрѣдка бормоча сквозь зубы: „какая милочка!“, „шармантъ персонъ!“, „бельфамъ!“, „кіэ-са?“ и проч. Эти представители александринской публики одѣты были въ послѣднемъ вкусѣ. — Они совершенно на дружеской ногѣ съ театральными чиновниками, знаютъ имена всѣхъ капельдинеровъ своего театра, очень смѣло разсуждаютъ о литературѣ, называютъ неиначе какъ уменьшительными именами всѣхъ молодыхъ актрисъ: Маша, Даша, Паша и прочее. Они считаютъ себя не только законодателями моды, образованными свѣтскими людьми (слова „образованный“ и „образованная“ не сходятъ съ ихъ языка), но также и не погрѣшительными литературными судьями, ибо постоянное посѣщеніе Александринскаго театра, сильно подѣйствовало на развитіе ихъ эстетическаго чувства. Они обыкновенно приходятъ въ восторгъ отъ всѣхъ двусмысленныхъ водевильныхъ куплетовъ, и заставляютъ актеровъ повторять такого рода куплеты раза по три и по четыре, бормоча сквозь зубы: „се делисьё!“ Но какъ-то дико смотрятъ они на свою родную сцену, когда на нее случайно попадетъ такое произведеніе, въ которомъ съ художническою смѣлостью изображается современная жизнь. Такія слова, какъ напр. подлецъ, болванъ, или такія выраженія, какъ напр.: чортъ возьми, ахъ ты свинтусъ и проч., оскорбляютъ ихъ возвышенный вкусъ и ихъ свѣтскія уши, и въ такихъ случаяхъ обыкновенно, съ значительной гримасой поглядывая другъ на друга, они говорятъ: „Кес-ке са? Сет-

афрё! Кель сосьетé! Откуда авторъ взялъ такихъ лицъ? Можно ли выводить такія сальности на сцену? Се мове жанръ!" Кромѣ водевильныхъ двусмысленныхъ куплетовъ они любятъ пьесы высокаго трагическаго содержанія, написанныя высокимъ слогомъ и потому заранѣе предупреждены были въ пользу „Навуходоносора" великолѣпной афишей, и съ нетерпѣніемъ ожидали поднятія занавѣса. Литературная тля, которой болѣе чѣмъ когда-нибудь набралось въ бенефисъ Скворцова, съ важностію шушукала между собою — и фельетонисты разныхъ газетъ и журналовъ, — эта тля тлей, враждебно и искоса посматривали другъ на друга .. Въ первомъ ряду креселъ находились, между-прочими два значительные господина горделивой осанки, поводившіе глазами съ чувствомъ собственнаго достоинства и съ особенной, очень пріятной величавостью, опиравшіеся на перила, раздѣлявшія партеръ отъ оркестра. Офицеровъ было также очень много.... но изъ всѣхъ ихъ выдавался одинъ офицеръ — нашъ старый знакомый. Онъ перебѣгалъ съ быстротою ртути изъ одного ряда креселъ въ другой, со всѣми попріятельски заговаривалъ, всѣхъ толкалъ и безпрестанно что то напѣвалъ сквозь зубы. Два раза онъ даже задѣлъ одного изъ значительныхъ, продираясь съ правой стороны на лѣвую и пробормоталъ: Ахъ, mille pardons, на что тотъ отвѣчалъ ему однимъ изъ тѣхъ строгихъ взглядовъ, которые такъ ловко умѣютъ бросать высшіе на низшихъ. Офицеръ впрочемъ не замѣтилъ этого взгляда и кричалъ, подбѣгая къ какому-то штатскому франту въ гороховомъ платьѣ.

— Видишь ли, мон-шеръ, — тамъ направо въ бенуарѣ... въ лиловой шляпкѣ Наталья Ѳедоровна... красавица!.. я съ ней пріятель. Я у нея часто бываю... Какъ образована, умна! Жоржъ Занда знаетъ наизусть, mon cher, ей-Богу... Я къ ней сегодня послѣ спектакля ѣду... Черные глазки. . и талія какая!.. прелесть!

— Эль э тре жоли, отвѣчалъ гороховый господинъ.

— О-о! у! чудо! спроси у Петруши: она при немъ меня два раза поцаловала. Приходи, мон-шеръ, въ буфетъ въ антрактѣ, а мнѣ еще нужно поговорить съ однимъ изъ нашихъ.. изъ литераторовъ.. я вѣдь съ ними со всѣми свой. . Славный народъ, мон-шеръ. Au plaisir!

— Послушай, не свѣтреничай... вызывай Павлюкова.. го-

ворятъ, противъ него кабала, сказалъ франтъ, удерживая офицера за фалду сюртука: — мы его вывеземъ непремѣнно... у насъ набрана такая шайка... такіе отчаянные клакеры...

— Это славно мон-шеръ, славно... закричалъ офицеръ, рванувшись впередъ.—Я себѣ всѣ руки отобью, честное слово... Ужь ты меня знаешь... Непремѣнно, непремѣнно...

— Не изволите-ли знать, здѣсь въ театрѣ авторъ пьесы, которую теперь будутъ разыгрывать, какъ-бишь названіе ея.. позвольте... Навуходоносоръ... Драма... Навуходоносоръ... да?.. спросилъ у Гребешкова, взглядывая на афишку, стоявшій подлѣ него господинъ съ лысиной, въ очкахъ и съ Анной на шеѣ.

— Здѣсь, отвѣчалъ Гребешковъ: — вонъ онъ, въ первомъ ярусѣ... третья ложа съ краю...

Въ-самомъ-дѣлѣ, Павлюковъ сидѣлъ въ глубинѣ указанной ложи, въ которой находились двѣ дамы — его супруга и свояченица, обѣ въ цвѣтахъ и перьяхъ, двое малолѣтнихъ, да еще какой-то штатскій.

— Такъ это онъ? спросилъ господинъ съ лысиной и съ Анной, протеревъ очки и поднимаясь на цыпочки. — Скажите.. молодой человѣкъ еще! Онъ вѣрно женатый?

— Да, женатъ.

— Которая же его супруга?

— Право, не знаю.

— А не изволите ли знать, это его что ли дѣтки впереди?..

— Кажется

— Должно быть такъ! Господинъ съ Анной и съ лысиной покачалъ головой и сказалъ про себя: —скажите, молодой еще человѣкъ!...

Павлюковъ скоро однако явился въ партерѣ. Онъ былъ въ новомъ синемъ фракѣ съ блестящими пуговицами, въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ накрахмалеными брыжжами, съ завитыми усами и безъ шляпы.

— Мое почтеніе, Николай Николаичъ, запищалъ онъ, слегка коснувшись плеча Гребешкова: — ну, вотъ наконецъ наступаетъ минута... а знаете, какъ то страшно; оно, конечно, пустое... но все, знаете... Извините, что я не останавливаюсь съ вами: некогда... спѣшу на сцену... и шляпу свою забылъ тамъ... да пора бы, кажется, начинать... А, Александръ Петровичъ здѣсь?...

— Здѣсь... вонъ во второмъ-то ряду съ края...

— А-а!—Павлюковъ и издатель какой-то газеты дружески кивнули другъ другу головами, а Павлюковъ указалъ ему издали рукою на сердце, вѣроятно желая этимъ дать знать, что у него бьется оно отъ страха и ожиданія.

Едва онъ исчезъ изъ партера, какъ оркестръ загремѣлъ... занавѣсъ взвился, и тишина совсѣмъ-было водворилась, какъ вдругъ среди этой тишины, раздалось щелканье орѣховъ. Весь партеръ тотчасъ же со смѣхомъ обратился на верхъ. Павлюковъ блѣднѣлъ, стоя за кулисами и пожималъ плечами. Но когда Навуходоносоръ, въ великолѣпномъ костюмѣ, величественно появился и, медленно приближаясь къ авансценѣ, взялъ за руку друга своего Алхимереса, на которомъ былъ надѣтъ персидскій халатъ и желтыя спальныя туфли,—театръ потрясся отъ рукоплесканій.

Первое дѣйствіе прошло впрочемъ безъ особенныхъ приключеній. Къ концу этого дѣйствія, явился Ѳетюковъ — низенькій и толстенькій человѣчекъ съ тульскими печатями на животѣ.. Появленіе его произвело сильное дѣйствіе на всѣхъ тлей... —Ѳетюковъ! Ѳетюковъ! шептали онѣ:—пришолъ, пришолъ... вонъ онъ.—Гдѣ? гдѣ?... Въ четвертомъ ряду креселъ... Видишь ли?—Въ-самомъ-дѣлѣ... Господа! Ѳетюковъ... посмотрите. — Издатель какой-то газеты взглянулъ на него съ ироническою улыбкою и потомъ перемигнулся съ Гребешковымъ.

Съ четвертаго дѣйствія шумъ и крики становились чаще и чаще,—особенно много аплодировали, когда Навуходоносоръ произнесъ, дико сверкнувъ глазами, закрежетавъ зубами и размахнувъ рукой:

О, страшное свершится скоро дѣло!
Я міръ сей обращу въ одинъ воинскій станъ
И бездыханное Амалафриды тѣло
Низвергну со скалы въ кровавый океанъ!

Но образованная публика рукоплескала, кажется, болѣе скрежету зубовъ актера, чѣмъ этимъ словамъ. Только Кинаревичъ, одинъ изъ литературныхъ тлей, сочинявшій романы и также критики (для собственнаго своего удовольствія), маленькій человѣчекъ съ румяными и пушистыми, какъ у неоперившейся птички, щеками—недовольный вообще драмою Пав-

люкова, при этихъ словахъ Навуходоносора, сказалъ, оборотясь къ своему сосѣду:

— Вотъ хорошаго такъ нельзя не похвалить... Желаніе мести превосходно и энергически выражено авторомъ въ этихъ четырехъ стихахъ.

По окончаніи четвертаго дѣйствія, Павлюковъ снова появился въ партерѣ.

— Ну что, какъ тебѣ нравится? запищалъ онъ съ нѣкоторою робостію, смотря въ глаза издателя какой-то газеты.— Скажи откровенно, по дружески, свое мнѣніе. Мнѣ пріятно узнать его, потому что ты знатокъ этого дѣла, не то, что какой-нибудь Ѳетюковъ. А публикѣ, кажется, нравится пьеса?...

— Пьеса очень-хороша, отвѣчалъ издатель какой-то газеты тономъ знатока: — очень-хороша... только, знаешь, кажется, первое дѣйствіе немного длинновато... надо посократить... за-то есть сцены удивительныя!.. А ты знаешь, что Ѳетюковъ здѣсь?

— Неужьто?... Павлюковъ немного измѣнился въ лицѣ — Гдѣ же? ради Бога, покажи...

— Вонъ на-право, возлѣ полковника... видишь?...

— Да, да, да, въ-самомъ-дѣлѣ... вѣрно хочетъ разругать меня... Пусть ругаетъ... кто жь его слушаетъ? Никто не захочетъ его слушать... пусть ругаетъ!...

Павлюковъ отошелъ отъ издателя какой-то газеты и началъ вертѣться около стульевъ, гдѣ стоялъ Ѳетюковъ. Ѳетюковъ тотчасъ его замѣтилъ.

— Браво, браво, почтеннѣйшій, сказалъ онъ, относясь къ Павлюкову. — Браво, пустился на сцену? Славно, славно; доброе дѣло, да вы этакъ за поясъ заткнете насъ... а?... Право... опасный человѣкъ... говорятъ, первую пѣсенку зардѣвшись спѣть... а?.. Ну, а вы таки смѣло на приступъ лѣзете... да, да... славно, славно!

— Вы шутите?.. запищалъ Павлюковъ, съ пріятностью кланяясь Ѳетюкову и нѣсколько разнѣжась отъ его привѣта. Я знаю, въ моей пьесѣ много недостатковъ; конечно, я не имѣю такого таланта... да и къ тому же нѣкоторые актеры совсѣмъ не понимаютъ своихъ ролей... напримѣръ, Алхимересъ—этотъ характеръ прямодушный...

— Да, да, Алхимересъ, славно... молодецъ, характеръ... стихи звучные... хорошо, хорошо... мастеръ, нечего сказать, мастеръ.

Ѳетюковъ обратился къ стоявшему возлѣ него фельетонисту, взглянулъ на него съ улыбкою и потомъ продолжалъ, трепля по плечу Павлюкова:

— Сердится на меня... а право сердится: знаю, знаю, тамъ объ немъ статья какая-то была... ну, да это все вздоръ... кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ... а? Не правда ли?.. А я васъ люблю, почтеннѣйшій, тамъ вы какъ меня ни браните, люблю васъ... право... у меня сердце доброе... пусть враги тамъ что хотятъ говорятъ... вы эти литературныя сплетни не слушайте, все вздоръ... меня унизить не могутъ... я выше ихъ всегда, всегда...

— Помилуйте, да какъ васъ можно сравнить съ другими? запищалъ Павлюковъ, смотря съ необыкновенною сладостію на Ѳетюкова. — Конечно, мнѣ показался обиднымъ отзывъ, сдѣланный обо мнѣ, но я никогда не сердился на васъ, я всегда уважалъ васъ... всякій благомыслящій литераторъ дорожитъ вашимъ мнѣніемъ; я почту себѣ за особую честь слышать ваше собственное сужденіе о моей пьесѣ...

Литературный сплетникъ, какъ-то незамѣтно очутившійся сзади Павлюкова, выслушалъ весь этотъ разговоръ съ любопытствомъ, не проронилъ изъ него ни одного слова и потомъ, значительно улыбаясь, побѣжалъ къ кресламъ, на которыхъ сидѣлъ издатель какой-то газеты.

— Вызовемъ, вызовемъ... продолжалъ Ѳетюковъ: — надо ободрить талантъ,—статейку составимъ... непремѣнно, непремѣнно... Славную этакую статейку съ прикусочкой...

— Покорнѣйше васъ благодарю... вы мнѣ дадите средства воспользоваться вашими совѣтами...

— Только вы тамъ свели дружбу съ той шайкой... не хорошо, не хорошо...

— Нѣтъ, право, нѣтъ... какія же мои сношенія съ ними?.. никакихъ!

Но занавѣсъ поднялся, и авторъ, явно осчастливленный вниманіемъ Ѳетюкова, побѣжалъ за кулисы.

Въ четвертомъ и особенно въ пятомъ актѣ, Навуходоносоръ непомѣрно свирѣпствовалъ и безъ всякой жалости таскалъ

по сценѣ Амалафриду. Все это очень нравилось образованной публикѣ, и когда Навуходоносоръ завылъ голосомъ шакала надъ трупомъ ея слова, которыми заключалась драма:

Во цвѣтѣ лѣтъ я сей цвѣтокъ —
Невинности чистѣйшую лилею...
И чувствую, ужь день тотъ не далекъ.
Когда и я послѣдую за нею. —

чувствительная супруга автора закрыла лицо платкомъ, — а партеръ разразился громомъ рукоплесканій и криками: „автора! автора!..“

Офицеръ, стоявшій возлѣ своего знакомаго — сочинителя двухъ знаменитыхъ повѣстей, подъ названіемъ: *Фуга Восторга* и *Хаосъ, или Довременное Бытіе*, закричалъ также и громче всѣхъ: „автора!“

Сочинитель „Фуги Восторга“ и „Хаоса“, недовольный пьесой Павлюкова, оборатясь къ офицеру, сказалъ:

— Какъ вамъ не стыдно вызывать автора за этакую гадость... Надо ему шикать...

— И въ-самомъ-дѣлѣ, ужасная гадость, закричалъ офицеръ — и принялся шикать изо всей мочи. Желающихъ шикать оказалось довольно, — они ожидали только сигнала и принялись за свое дѣло такъ усердно, что ни крики, ни рукоплесканія не могли заглушить этого страшнаго для автора голоса недовольныхъ... Но въ ту минуту, когда обѣ стороны начали уже ослабѣвать отъ утомленія, авторъ съ пріятною улыбкою и съ раскраснѣвшимися щеками показался въ директорской ложѣ... „Браво, браво!“ снова и громче прежняго раздались крики. . и въ то же время съ другой стороны сильнѣе прежняго началось шиканье.

— Послушайте-ка, сказалъ издатель какой-то газеты на ухо Гребешкову, когда наконецъ и авторъ и всѣ почти актеры были вызваны и успокоенная публика расходилась по театральнымъ буфетамъ и корридорамъ: — надобно этого молодчика порядкомъ отдѣлать... какъ осмѣливаться писать такія нелѣпости!..

Гребешковъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на издателя.

— Вы, кажется... замѣтилъ онъ: — говорили мнѣ...

— Да, я прежде думалъ, перебилъ его издатель: — но вѣдь есть всему мѣра... Эти господа сдѣлаютъ изъ литературы и изъ

театра чортъ-знаетъ что такое... Пожалуйста, хорошенько его...

— Что бы это значило?.. подумалъ Гребешковъ: — а что-нибудь да не даромъ...

Онъ началъ искать глазами одного изъ фельетонистовъ, чтобъ идти съ нимъ въ буфетъ, и замѣтилъ, что всѣ эти господа-сочинители, на литературныхъ вечерахъ издателя какой-то газеты отзывавшіеся съ презрѣніемъ о Ѳетюковѣ, проходя мимо его, кланялись ему съ величайшимъ почтеніемъ и какъ-бы заискивали его вниманія... Все это Гребешкову казалось непонятно, потому-что опытность пріобрѣтается не вдругъ, и не найдя фельетониста, — онъ въ раздумьи одинъ отправился въ буфетъ.

Страшное зрѣлище представилось Гребешкову въ буфетѣ. Тамъ отъ потолка до пола колыхались волны „жукова", застилая для глазъ всѣ предметы, — и только порою изъ этихъ табачныхъ волнъ высовывалась или голова, или рука, или носъ.. Тысячи голосовъ сливались въ какой-то дикій и нестройный говоръ, вмѣстѣ съ визгомъ откупориваемыхъ бутылокъ, хлопаньемъ пробокъ, звономъ стакановъ и стуканьемъ чашекъ... Гребешковъ протеръ глаза... Передъ нимъ стоялъ гороховый франтъ, а передъ гороховымъ франтомъ юлилъ офицеръ.

— Что? кажется наша взяла? говорилъ гороховый франтъ: — вывезли, братецъ, Павлюкова-то, — а ты сильно хлопалъ?

— Ужасъ, мон-шеръ, ужасъ! отвѣчалъ офицеръ: — ей Богу всѣ руки отбилъ... Да нельзя же, а вѣдь пьеса-то впрочемъ пустая, да что за бѣда, почему не похлопать? А что за публика здѣсь... Фи, моншеръ! это не то, что у насъ въ Михайловскомъ... Французы... Ахъ, французы, мон-шеръ... чудо, прелесть!.. я вѣдь со всѣми съ ними знакомъ... Француженки — это страсть моя... что за душки: я просто умираю...

— Ахъ, это вы, мосье Гребешковъ?..

Офицеръ повернулся на каблукахъ, и чуть не упалъ на Гребешкова.

— Pardon! Ну что, какъ вы нашли пьесу?.. Сет-юньореръ... мерзость, — я все шикалъ... нельзя не шикать... смыслу нѣтъ... Это у насъ только могутъ быть терпимы такія нелѣпости... гдѣ жь намъ?.. куда еще намъ!.. Въ чужихъ краяхъ не

дозволили бы доиграть такую пьесу... вѣдь я былъ вездѣ... и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ, и въ Неаполѣ. — Экуте, мон-шеръ.

И офицеръ ринулся въ сторону за какимъ-то бариномъ, а Гребешковъ спросилъ себѣ чаю съ ромомъ и отправился въ другую комнату. Въ комнатѣ, въ которую вошелъ онъ, у стола, уставленнаго бокалами, засѣдали пять или шесть извѣстныхъ сочинителей и съ жаромъ и съ важностію также разсуждали о драмѣ Павлюкова. Между ними находился и литературный сплетникъ.

— Это непонятное дѣло, говорилъ сочинитель „Фуги Восторга“ и „Хаоса“, допивая свой бокалъ: — какъ можно писать историческія драмы, не изучивъ предварительно исторіи... Исторія — это краеугольный камень, канва, по которой вышиваетъ фантазія свои узоры; а спрашивается, какъ же можно вышивать безъ канвы?

— Нѣтъ, позвольте, замѣтилъ Кинаревичъ, вставъ съ своего мѣста и приподнявшись на-цыпочки: — я полагаю, — не знаю, можетъ-быть мое сужденіе и несправедливо, впрочемъ, каждый можетъ имѣть свое мнѣніе, — я полагаю, что прежде всего драматическому писателю необходимо изучить сердце человѣческое... Это важнѣе всего. Я замѣтилъ уже это въ одной изъ моихъ критическихъ статей, по поводу разбора одной драматической пьесы... Я нахожу, что „Навуходоносоръ“ ревнуетъ Амалафриду безъ всякой причины, — тѣмъ болѣе, что Алхимересъ...

— Помилуйте, все это мелочныя замѣчанія, сказалъ худощавый и бѣлокурый фельетонистъ: — надобно искать мысли въ пьесѣ... Какая мысль въ „Навуходоносорѣ? .“

Кинаревичъ закусилъ губы и вспыхнулъ... Онъ надѣленъ былъ болѣе всѣхъ тлей щекотливымъ и мелочнымъ сочинительскимъ самолюбіемъ и оттого безпрестанно оскорблялся.

— Конечно, произнесъ онъ перемѣнившимся голосомъ, обращаясь къ фельетонисту: — мои замѣчанія мелочныя... я, можетъ-быть, не имѣю такихъ обширныхъ свѣдѣній, какъ вы, и не сужу такъ рѣзко обо всемъ. Вы ужъ опытный критикъ и пользуетесь такою извѣстностію, а мои маранья никто не читаетъ. Куда же, помилуйте, намъ гоняться за вами?..

Литературный сплетникъ наклонился къ уху сочинителя „Фуги Восторга“ и началъ что-то нашептывать ему.

Въ эту минуту подошелъ къ нимъ Гребешковъ.

— А, здравствуй, братецъ, сказалъ сочинитель „Фуги“, взглянувъ на Гребешкова: — не хочешь ли? И онъ налилъ ему бокалъ шампанскаго. — У меня въ горлѣ совсѣмъ пересохло отъ этой драмы и голова разболѣлась; а шампанское, братецъ, знаешь, освѣжаетъ... Совѣтую тебѣ... Ну ужъ драма!.. Странное дѣло! вѣдь у насъ все подпимаются на ходули: писалъ бы тамъ себѣ разсказцы, повѣстцы, а то нѣтъ, куда!..

Кинаревичъ вздрогнулъ при словахъ: „повѣстцы и разсказцы“ и искоса посмотрѣлъ на сочинителя „Фуги Восторга“

— А у меня, братецъ, продолжалъ сочинитель „Фуги“: — теперь письменный столъ заваленъ книгами, фоліантами, я роюсь, отыскиваю, изучаю.. голова такъ работаетъ, воображеніе опережаетъ мысли, мысль сталкивается съ воображеніемъ.. Такая, мон-шеръ, умственная возня идетъ здѣсь (сочинитель указалъ на свою голову) — ужасъ!.. Мнѣ хочется что-нибудь написать изъ эпохи крестовыхъ походовъ... Да послушай-ка, Гребешковъ, на одно слово.. Онъ отвелъ его къ сторонѣ. — Нѣтъ ли, мон-шеръ, у тебя 10 рублей? Позабылъ свой бумажникъ дома... Одолжи, пожалуйста...

Гребешковъ далъ ему деньги и хотѣлъ-было идти...

— Мое почтеніе, давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть! сказалъ, останавливая его Кинаревичъ. — Я слышалъ, *вы* нынче изволите заниматься критиками въ газетѣ Александра Петровича?

— Да-съ.

— Тяжелая работа! Я ее испыталъ очень хорошо... Я самъ два года сряду занимался разборомъ всѣхъ выходящихъ у насъ книгъ по разнымъ частямъ... Добросовѣстнымъ рецензентомъ быть весьма-трудно; разбираемую книгу я считаю непремѣннымъ долгомъ прежде прочесть отъ доски до доски, какая бы она ни была, потомъ обдумать какъ составить на нее рецензію — и послѣ этого уже приступить къ ея составленію. Я никогда не позволялъ себѣ въ своихъ рецензіяхъ никакихъ личностей... По моему мнѣнію, это неблагородно, ибо лицо автора для меня всегда священно... Впрочемъ, можетъ-быть, я и ошибаюсь... Всякій имѣетъ свое сужденіе.

Кинаревичъ вынулъ изъ кармана табакерку и понюхалъ, самодовольно и значительно взглянувъ въ потолокъ.

— Какая у васъ славная табакерка! сказалъ Гребешковъ:—позвольте посмотрѣть.

Кинаревичъ подалъ Гребешкову табакерку и улыбнулся. На крышкѣ табакерки была изображена очень искусно дама въ шнуровкѣ, надѣвающая башмакъ на ногу...

— Вотъ какія у васъ штучки! замѣтилъ Гребешковъ, также улыбаясь...

— Да, я, признаюсь вамъ, люблю прекрасный полъ. Когда посмотришь на хорошенькое дамское личико, такъ сейчасъ какъ-то и вдохновеніе почувствуешь... Я, когда описывалъ въ моемъ послѣднемъ романѣ сцены эротическія, такъ все смотрѣлъ на эту табакерку. — Теперь я отдыхаю; на прошедшей недѣлѣ прочелъ послѣднія корректуры моего романа... Изданьице вышло недурное.., мнѣ книгопродавцы, правду сказать, давали за него 2,500 рублей, да я не взялъ, напечаталъ на свой счетъ... Вы мнѣ позволите прислать вамъ экземпляръ?

— Очень вамъ благодаренъ... Гребешковъ допилъ свой стаканъ чая и хотѣлъ было идти, но сочинитель съ пушистыми щечками какъ будто не замѣтилъ его движенія...

— Конечно, продолжалъ онъ: — можетъ быть, мои произведенія и не заслуживаютъ чтенія, я не принадлежу къ аристократическимъ писателямъ... Чтожъ дѣлать, вѣдь не всѣмъ же быть первыми!

— Помилуйте... ваши сочиненія... я всегда... извините меня, спѣшу въ кресла... я думаю, ужъ началась вторая пьеса.

Гребешковъ все это проговорилъ очень скоро, поклонился Кинаревичу и съ біеніемъ сердца побѣжалъ въ партеръ. Онъ боялся пропустить первую сцену въ водевилѣ: *„зачѣмъ пошелъ, то и нашелъ“*, потому что въ этой сценѣ должна была появиться Катерина Васильевна...

— Извините; можетъ быть я васъ задержалъ, обезпокоилъ моимъ разговоромъ, кричалъ вслѣдъ Гребешкову Кинаревичъ, нѣсколько обиженный быстрымъ его удаленіемъ, но Гребешковъ не слыхалъ ничего. Онъ былъ уже далеко. — Едва онъ, запыхавшійся, сѣлъ въ кресла, какъ Катерина Васильевна, въ простомъ ситцевомъ платьицѣ и передничкѣ, прекраснѣе чѣмъ

когда либо выбѣжала изъ за кулисъ, въ мгновеніе ока очутилась у самой рампы, обвела побѣдоноснымъ и проницательнымъ взоромъ партеръ и запѣла, — съ невинностію потупивъ глазки.

Мнѣ шестнадцать только лѣтъ,
Я еще не знаю свѣтъ,
Отъ чего же сердце бьется,
Стонетъ и изъ груди рвется?
Сердце! сердце! дай отвѣтъ
О, нѣтъ, о нѣтъ!..

И страшный громъ прокатился по залѣ, сопровождаемый дикимъ стономъ — и минутъ пять не умолкали „браво“ и „фора!“ Казалось, груди издававшихъ эти дикіе стоны должны были разорваться на части отъ полноты восторга. Но всѣхъ болѣе стучали, кричали и стонали Гребешковъ, офицеръ, да одинъ сидѣвшій въ первомъ ряду креселъ молодой поэтъ, написавшій къ Катеринѣ Васильевнѣ сорокъ четыре стихотворенія и три раза чуть было не застрѣлившійся отъ безнадежной любви къ ней. По окончаніи водевиля, опять раздались крики: „автора!“ и опять крики эти смѣшались съ шиканьемъ, потому что водевилисты Пѣтушковъ и Курочкинъ роздали даромъ кресла нѣкоторымъ своимъ пріятелямъ, съ тѣмъ, чтобъ они непремѣнно ошикали новое произведеніе смертельнаго врага ихъ, Бычкова. Впрочемъ, Бычковъ, желавшій во что бы то ни стало прослыть писателемъ, сочинялъ не самъ, потому что плохо зналъ грамоту и не могъ написать двухъ строчекъ, — а всѣ водевили, дававшіеся на сценѣ и печатавшіеся въ „Репертуарахъ и Пантеонахъ“ подъ его именемъ,—принадлежали собственно какому-то франту, который писалъ за деньги что угодно и для кого угодно. Это была одна изъ закулисныхъ и литературныхъ тайнъ, извѣстная только немногимъ избраннымъ... Бычковъ былъ человѣкъ незастѣнчивый и не боялся враговъ. Не смотря на шиканье, онъ, такъ же какъ и Павлюковъ, выставилъ изъ директорской ложи свою полную, довольную и плѣшивую голову, которая закивала публикѣ, пріятно улыбаясь; затѣмъ четыре раза сряду вызвали Катерину Васильевну, а за нею еще трехъ актеровъ, и въ томъ числѣ актера, сочинявшаго водевили.

Во время представленія „Марфы Исаевны Шарыгиной“.

когда на сценѣ раздавались крики: „Одна русская баба стоитъ тысячи басурмановъ“... „Ну кто изъ васъ противъ меня? я Русскій, я однимъ кулакомъ сшибу десятокъ нехристей...“ и тому подобныя патріотическія выходки, и когда Гребешковъ и вся утомленная публика зѣвали, просидѣвъ пять часовъ сряду въ душной театральной залѣ, актеръ, сочинявшій водевили, очень кстати появился въ партерѣ для развлеченія Гребешкова.

Онъ подсѣлъ сзади его на пустое кресло...

— Ну, Коля, сказалъ онъ на ухо Гребешкову:—какъ я усталъ! Ты не повѣришь, мочи нѣтъ и чортъ знаетъ, что-то все усы отклеивались. Ужъ я ихъ поддерживалъ, поддерживалъ... нѣтъ, канальство, не держатся!.. Ты, я думаю, замѣтилъ... а?.. усталъ, братецъ, ужасно? Роль-та, знаешь, пустая, да бѣготни много... Для подкрѣпленія силъ я ужъ, знаешь, хватилъ сейчасъ въ буфетѣ рюмочку алегромадерато... А замѣтилъ ты, какъ мы цаловались съ Катинькой?...

— Что про тебя и говорить — счастливецъ! замѣтилъ Гребешковъ.

— Да, я было и забылъ тебѣ сказать... Она просила меня, чтобъ я тебя послѣ завтра утромъ привезъ къ ней...

Гребешковъ при этихъ словахъ подпрыгнулъ на креслахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?...

— Разумѣется, въ самомъ дѣлѣ, а не шутя... Послѣ завтра ровно въ часъ я явлюсь за тобой, и мы отправляемся къ ней...

— Вотъ блаженство-то.... думалъ Гребешковъ, потирая руки.

— Ну, а ты смотри, братъ, роспиши объ ней въ газетѣ разные этакіе турусы на колесахъ... Не ударь себя лицомъ въ грязь.

— Не безпокойся, братецъ: такая статья будетъ, что ты всѣ пальчики оближешь... да и безъ того нельзя не хвалить ее... Это такая актриса...

— Да, послушай, душа моя, для большаго, знаешь, эффекта задѣнь какъ-нибудь кстати Кавалерскую, и отчеши ее... Вотъ тогда ужь разодолжишь Катерину Васильевну...

Актеръ проговорилъ съ Гребешковымъ до самаго окончанія „Марѳы Исаевны Шарыгиной“. Когда занавѣсъ опустился, два голоса въ райкѣ закричали-было по привычкѣ „автора“... Но партеръ отвѣчалъ на этотъ крикъ хохотомъ, не

смотря на все уваженіе, которое онъ питалъ къ имени знаменитаго сочинителя «Дуняши-Калмычки» или Параши-Сибирячки.

Было уже половина перваго, и Гребешковъ, не дожидаясь интермедіи, отправился съ другомъ своимъ актеромъ къ бенефиціанту.

У бенефиціанта было очень весело: пили много, и нѣсколько человѣкъ, поднявъ Павлюкова на руки, подбрасывали къ потолку съ криками «ура!»... Павлюковъ одинъ выпилъ двѣ бутылки шампанскаго... Онъ былъ въ самомъ пріятномъ расположеніи, перецаловалъ рѣшительно всѣхъ присутствовавшихъ и, обнимая Гребешкова, пищалъ:

— Я добрый человѣкъ... сердце у меня открыто... полюби меня... Что тамъ ни говори, а «Навуходоносоръ» вещь хорошая... Нравственная пьеса; нравственность—главное... остальное все чепуха... такъ и скажи въ своей статьѣ, что нравственность и мысль... и Ѳетюковъ просто говоритъ, чудо, говоритъ, драма... Мы помирились съ нимъ... Былъ врагъ мой... что жь такое врагъ?.. Онъ просилъ прощенія у меня... Я добрый человѣкъ... а Александръ Петровичъ—мой другъ...

Но издатель какой-то газеты, не смотря на то, что былъ также навеселѣ, очень сердито поглядывалъ на Павлюкова и явно старался избѣгать его объятій и ласкъ. Офицеръ, явившійся къ бенефиціанту безъ приглашенія, чокался со всѣми сочинителями, называлъ всѣхъ моншерами и разсказывалъ, что онъ въ Парижѣ съ первѣйшими писателями находился въ самыхъ короткихъ сношеніяхъ, что они полюбили его какъ родного, и что всѣ они пьютъ лафитъ-ольдекопъ, а шампанскаго никто изъ нихъ не пьетъ.

Гребешковъ возвратился домой въ шесть часовъ утра. Онъ легъ въ постель не раздѣваясь; голова его кружилась, туманъ застилалъ глаза, а въ этомъ туманѣ танцовала передъ нимъ Катерина Васильевна.

ГЛАВА VI.

Актриса.

Весь слѣдующій день онъ промечталъ о ней, и потому не могъ написать ни одной строчки, хотя факторъ типографіи на-

стоятельно требовалъ оригинала для газеты; а ночь провелъ въ самыхъ упоительныхъ грезахъ, ибо снилось ему, что онъ уже ея счастливый любовникъ, что она говоритъ ему «ты», обвиваетъ его своей длинной, шелковой косой, сгорая любовію смотритъ ему въ очи, и прочее. Сонъ облекъ для него Катерину Васильевну во всевозможную поэтическую роскошь, которой, конечно, она не имѣла на-яву. Катерина Васильевна, занимавшая амплуа первыхъ водевильныхъ любовницъ, была средняго роста, хорошо сложена, имѣла высокую грудь бѣлизны снѣжной, небольшіе глазки неопредѣленнаго цвѣта, быстро перебѣгавшіе изъ одного ряда креселъ въ другой и, при всемъ этомъ, вертлявость въ манерахъ, часто переходившую за черту приличія. Она была не безъ сценическаго дарованія, потому-что ловко могла пропѣть куплетецъ, кстати умѣла поднять и опустить глазки, надуть губки, нахмуриться или пріятно улыбнуться; но тамъ, гдѣ требовалось обнаружить хотя какое-нибудь чувство, она вдругъ измѣнялась, дѣлала сентиментальные глазки, начинала говорить нараспѣвъ и пронзительно вскрикивала. Вообще въ игрѣ ея замѣтно было отсутствіе образованія и чувства. Не смотря на это, просвѣщенная публика, принимавшая ея вертлявость за грацію, а вскрикиванье за чувство, награждала ее всегда самыми яростными рукоплесканіями. Слухи объ образѣ жизни ея были различны: одни говорили о ней, какъ о примѣрной добродѣтели, другіе напротивъ, отзывались о ея поведеніи очень рѣзко и подсмѣивались надъ легковѣріемъ и простотою первыхъ. Трудно было рѣшить, кому вѣрить, тѣмъ болѣе, что и поэтъ, написавшій къ ней сорокъ-четыре стихотворенія, въ которыхъ онъ называлъ ее невинной голубицей, ангеломъ чистѣйшей красоты и проч., вѣроятно, оскорбленный невниманіемъ ея къ его поэтическому жару, въ сорокъ-пятомъ своемъ стихотвореніи назвалъ ее:

«Безчувственной, увядшей красотой,
Незнающей любви возвышенно-святой!»

Достовѣрно-извѣстно было только то, что Катерина Васильевна принимала гостей своихъ съ одинаковою привѣтливостію и ласкою, не отличая никого изъ нихъ: что актеръ-водевилистъ былъ у нея домашнимъ человѣкомъ: что она имѣла большую страсть къ картамъ и косточкамъ, и любила бра-

нить актрису Кавалерскую, съ успѣхомъ дебютировавшую въ одной изъ ея ролей.

Гребешковъ, хотя, можетъ-быть, и не считалъ Катерины Васильевны невинной голубицей, однако почувствовалъ сильное біеніе сердца у ея двери, когда актеръ, дернувъ за ручку колокольчика, сказалъ ему:

— Вотъ, братецъ, мы наконецъ и у Катерины Васильевны... Славная, братецъ, дѣвочка; вотъ ты увидишь! Настоящая, знаешь, артистка, безъ всякой церемоніи, ври, ей сколько хочешь, о чемъ ни попало; веселая такая...

Какая-то старушонка, въ ситцевомъ платьѣ и въ чепцѣ, отворила имъ дверь, осмотрѣла съ ногъ до головы Гребешкова и пробормотала актеру:

— А! здравствуй, Вася... я тебя и не узнала совсѣмъ.

— Отчего же это, матушка Арина Савельевна? спросилъ актеръ. — Кажется, не такъ давно видѣлись?... А что, Катерина Васильевна дома?

— Дома, дома... и старушонка все искоса посматривала на Гребешкова...

Актеръ ввелъ Гребешкова въ комнату, которая была что-то среднее между будуаромъ и гостиной. Тутъ стояло огромное трюмо въ великолѣпной рамѣ ихъ орѣховаго дерева, два дивана, обитые шелковой матеріей, столъ и краснаго дерева этажерки, на которыхъ разбросаны были разныя бронзовыя игрушки, фарфоровые и стеклянные флаконы. Всѣ эти вещи, поднесенныя въ подарокъ актрисѣ разными лицами, были разставлены въ безпорядкѣ и покрыты своемъ пыли. На столѣ, передъ диваномъ, лежала кружевная манишка и рядомъ съ нею — засаленная и растрепанная книга подъ заглавіемъ „Непостижимая“.

— Катерина Васильевна, гдѣ вы? закричалъ актеръ, увидя, что въ комнатѣ никого не было. — Я къ вамъ гостя привелъ.

— Иду, иду... послышался голосокъ — и въ ту же секунду сосѣдняя дверь отворилась, и Катерина Васильевна, блѣдная, въ бѣломъ, не одинъ разъ уже, впрочемъ, надѣванномъ пеньюарѣ, завернутая въ турецкую шаль, предстала взорамъ своего тайнаго обожателя.

— Имѣю честь вамъ представить сказалъ актеръ полусерьезнымъ полушуточнымъ тономъ: — моего лучшаго друга,

Николая Николаича Гребешкова, который горѣлъ нетерпѣсъ вами познакомиться...

И потомъ продолжалъ, указывая на него пальцемъ:

— Вотъ онъ — сей грозный критикъ нашъ
И страстный обожатель — вашъ!

Гребешковъ покраснѣлъ, а Катерина Васильевна пробормотала: какой вздоръ! и потомъ сказала, обращаясь къ гостю.

— Очень-рада съ вами познакомиться; садитесь, пожалуйста.

— Ну, а я, покуда онъ вамъ будетъ строить различные комплименты, набью себѣ трубочку, да и затянусь.

— Ужь будто вы безъ трубки и жить не можете... какой, право!.. Она отвернулась отъ актера и сказала Гребешкову: — впрочемъ, не хотите ли и вы трубки?

— Нѣтъ-съ, покорно васъ благодарю... Что это вы читаете? Гребешковъ взглянулъ на книгу, лежащую на столѣ... Непостижимая.... Вамъ нравится эта книга?

— Да, я люблю все непостижимое, сказала актриса, сдѣлавъ сентиментальные глазки.

— Потому-что вы сами непостижимая, замѣтилъ актеръ, подмигнувъ Гребешкову: — позвольте поцаловать вашу ручку...

Актеръ подошелъ къ Катеринѣ Васильевнѣ, противъ воли схватилъ ея ручку и поцаловалъ.

— Какой несносный! Можете себѣ представить, что онъ мнѣ такъ надоѣдаетъ, что это просто ужасть!

— Полно-те, Катерина Васильевна, притворяться то, говорилъ актеръ, набивая трубку. — Это все штучки! Я вѣдь знаю, что вы меня любите.

— Вотъ еще, право! Слышите какой самонадѣянный!..

Актриса бросилась на диванъ и выставила свою маленькую ножку, на которую Гребешковъ бросилъ пламенный взглядъ.

— А вы были третьяго-дня въ театрѣ? спросила она у Гребешкова.

— Какъ же, былъ-съ, отвѣчалъ онъ, нѣсколько ободрясь: — я не пропускаю ни одного спектакля, въ которомъ вы играете.

— Покорно васъ благодарю за комплиментъ.

— Это не комплиментъ, потому-что тотъ, кто сколько-

нибудь понимаетъ искусство, не можетъ не восхищаться вашей игрой...

— А говорятъ, сказала она, взглянувъ на актера и улыбаясь.—Кавалерская лучше меня играетъ; ее, вонъ, расхваливали до небесъ въ какомъ-то тамъ журналѣ.

— Помилуйте! вскрикнулъ Гребешковъ:—васъ смѣть сравнивать съ нею!... Онъ началъ разбирать игру Кавалерской и умѣлъ представить ее въ самомъ смѣшномъ видѣ.

Катерина Васильевна была въ восторгѣ и хохотала отъ души.

Она, въ-продолженіе получаса, какъ-будто движимая вдохновеніемъ, безъ умолку все разсказывала разные анекдоты о Кавалерской. Повидимому, Кавалерская для нея была то же, что Ѳетюковъ для издателя какой-то газеты.

— А вотъ, погодите, сказалъ актеръ:—онъ ее такъ отканифолитъ въ своей статьѣ, что она прижметъ хвостъ.

— Ахъ, ради Бога, не нужно!... (Актриса сдѣлала сентиментальные глазки.) Она узнаетъ, что я съ вами знакома, подумаетъ еще, что я васъ научила писать противъ нея. Она и безъ того ужасть какія пики мнѣ дѣлаетъ!

Катерина Васильевна подняла голову нѣсколько вверхъ и остановила свой взглядъ на бронзовыхъ часахъ, стоявшихъ на каминѣ....

— Боже мой! ужь скоро два часа. Хороша хозяйка: а я васъ ничѣмъ не потчую... Хотите кофею?

— Разумѣется, сказалъ актеръ.

— Не безпокойтесь, я не васъ спрашиваю...

— Да я не за себя, а за него отвѣчаю.

— Вотъ еще безподобно, за другихъ отвѣчать!... Маменька, маменька! закричала актриса.

Старушка въ чепцѣ показалась въ дверяхъ.

— Сварите намъ пожалуйста кофею.

— Чего?

— Говорятъ вамъ, кофею...

— Кофею! ну, а я думала чаю.

— Вотъ еще, чаю! Ктожь теперь пьетъ чай въ это время? Да и что это, маменька, какъ натопили? вѣдь мочи нѣтъ, такая теплынь...

Катерина Васильевна сбросила съ себя шаль.

— Что за натопили! совсѣмъ не натопили! ворчала старушонка, выходя изъ комнаты и взглянувъ изъ-подлобья на Гребешкова.

— Арина Савельевна сегодня не въ духѣ, сказалъ актеръ.

— Да когда она бываетъ въ духѣ? возразила съ досадою Катерина Васильевна.

Черезъ нѣсколько времени кофе былъ поданъ толстою и растрепанной дѣвкой. За нею старушонка въ чепцѣ принесла въ корзинкѣ сухари и крендели.

— Покушайте крендельковъ, проговорила она Гребешкову, поднося къ нему корзинку:—извините, батюшка, имени и отчества вашего не знаю, а крендельки славные, сдобные. вотъ мы прежде брали въ другой булочной... знаете, вотъ тамъ на углу... нѣмецкій булочникъ... ну ужь тамъ такіе скверные, даромъ, что нѣмецъ: а это мы теперь беремъ у другого... Возьмите-ка вотъ и сухарикъ,—и сухарики хорошіе.

— Ахъ, маменька, сказала Катерина Васильевна, нѣсколько измѣняясь въ лицѣ:—что вы пристали съ вашими сухарями? поставьте корзинку на столъ.

— Ну, слава Богу, и не такъ ужь сдѣлала... что жь! что за бѣда, почему не поподчивать?.. Ворчанье старушонки было прервано звономъ колокольчика въ передней; она поставила корзинку на столъ, прошептала себѣ подъ носъ:—вотъ и еще какого-то Богъ дастъ... и поплелась въ переднюю.

Черезъ минуту раздался крикъ:

— Арина Савельевна, Арина Савельевна! какъ ваше здоровье?.. А я все объ васъ вспоминалъ, давно не видались, соскучился безъ васъ, все на балахъ, знаете, верчусь вездѣ, танцую съ хорошенькими, ей-Богу, совсѣмъ замучили меня; вѣдь я вездѣ въ высшемъ обществѣ: а у насъ тамъ ужасъ, что такое, всякій день пиры такіе...

— Ахъ, ты балагуръ этакій! проворчала старуха, схватывая за руку офицера (ибо это былъ онъ) и ведя его въ гостиную.

— Вотъ вамъ еще гость: это мой фаворитъ! Старушонка потрепала офицера по лицу.

Офицеръ пожалъ руку Катеринѣ Васильевнѣ, три раза повернулся на каблукахъ, захохоталъ и закричалъ, обнимая старушонку за талію:

— Арина Савельевна меня ужасно любитъ; мы съ ней друзья... А вы что-то похудѣли, Катерина Васильевна, ей-Богу! Впрочемъ, это вамъ къ лицу... честное слово... Мосье Гребешковъ, вотръ санте? здравствуй, Базиль... Что новенькаго въ литературѣ?.. Катерина Васильевна, сколько я вамъ книгъ привезу на будущей недѣлѣ, пропасть! серьезныя разныя такія; я вѣдь знаю, что вы любите все въ этакомъ родѣ

— Какъ же-съ, вотъ какъ разъ и угадали! Напротивъ, я люблю романы.

— Да, да, романы; я знаю, что вы охотница до романовъ... Романовъ я привезу вамъ бездну и переводныхъ и оригинальныхъ, какихъ угодно... Вѣдь мнѣ всѣ книгопродавцы пріятели.

Покуда офицеръ болталъ и вертѣлся передъ Катериной Васильевной, старушонка въ чепцѣ, облокотясь о косякъ двери, не спускала съ него глазъ и ворчала про себя:

— Вишь какой, балагуръ какой, право!

Вслѣдъ за офицеромъ явился сочинитель „Фуги Восторга“ и „Хаоса, или Довременнаго бытія“. Онъ отпустилъ нѣсколько любезностей Катеринѣ Васильевнѣ и потомъ, обратясь къ Гребешкову, къ актеру и офицеру, завелъ рѣчь о теоріи искусствъ, и по своему обыкновенію такимъ заносчивымъ языкомъ, который понять рѣшительно не было ни какой возможности. Не смотря на это, офицеръ безпрестанно вскрикивалъ: „Именно такъ. Ну конечно... Я всегда это думалъ...“

Гребешковъ не слушалъ сочинителя „Фуги“ и разговаривалъ съ актрисой, а актеръ затягивался и пускалъ изо рта кольца дыма... Наконецъ ему до того надоѣли разсужденія сочинителя „Фуги“ и „Хаоса“, что онъ, подойдя къ нему и ударивъ его плечу, сказалъ:

— Ну, братецъ, баста; довольно! надоѣлъ, да и обѣдать хочется. Я думаю сегодня хватить въ Старо-палкинскій.

Сочинитель „Фуги“, иронически улыбаясь, посмотрѣлъ на актера.

— Что, мон-шеръ, не любишь головоломныхъ разговоровъ? Нѣтъ? Тебѣ бы все что-нибудь по существеннѣе... Оно, конечно, хорошо пообѣдать имѣетъ свою прелесть... Въ Старо-палкинскій, такъ въ Старо-палкинскій... я очень-радъ.

— Коля, маршъ-ка съ нами! сказалъ актеръ Гребешкову.

— Хорошо, только мнѣ прежде надо зайдти въ книжную лавку Локоткова — за книгами.

— Ну, что жь, братецъ, и мы зайдемъ съ тобой.

— И я, и я съ вами, господа! закричалъ офицеръ, вскочивъ со стула.—Легранъ славный ресторaторъ, я у него прежде всякій день обѣдалъ: онъ ужасно меня любитъ... Какія у него Pigeon à la crapaudine, чудо! чудо! ныньче это модное блюдо... Всѣ ѣдятъ Pigeon à la crapaudine, рѣшительно всѣ!

Катерина Васильевна, провожая своихъ гостей, взглянула на Гребешкова съ особенною пріятностію и сказала ему:

— Не забывайте меня: я всегда рада буду васъ видѣть, слышите? пріѣзжайте ко мнѣ когда-нибудь послѣ спектакля чай пить. Пожалуйста.

Когда они вышли въ переднюю, Гребешковъ крѣпко сжалъ руку актера.

— Какіе у нея глаза! сказалъ онъ: — какая ножка.

— А ты не знаешь, братецъ, возразилъ актеръ, какіе я куплетцы сочинилъ къ ея ножкамъ: послушай ка —

Въ ней все восторгъ, все восхищенье.
Она блистаетъ красотой,
Умомъ и сердца добротой.
А ножки — такъ мое почтенье!

Къ лицу одѣться, и взглянуть.
Какое чудное умѣнье!
И что за станъ и что за грудь...
А ножки — такъ мое почтенье!

— Постой-ка, Вася, сказала Арина Савельевна, удерживая актера за шинель, когда уже всѣ гости вышли на лѣстницу: — кого это ты приводилъ-то съ собой, а? что онъ, чиновникъ что ли какой, или изъ купеческихъ? богатый, что ли?

— Нѣтъ, сочинитель, матушка... Прощайте, некогда.

Актеръ догналъ своихъ пріятелей, и всѣ они вмѣстѣ отправились къ книгопродавцу Локоткову.

— Вишь убѣжалъ, какъ сумасшедшій, ворчала старушонка, запирая дверь:—и слова-то путнаго отъ него не добьешься. Экой пострѣлъ проклятый!

ГЛАВА VII.

Книгопродавецъ.

Еще до-сихъ-поръ у дверей многихъ книгопродавцевъ на-

шихъ, какъ у лавокъ Щукина-двора, стоятъ мальчишки въ сибиркахъ, подвязанныхъ кушаками, для того, чтобъ, по дикому обычаю, надоѣдать проходящимъ, своимъ безсмысленнымъ визгомъ.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте сюда-съ! пищатъ мальчишки, указывая руками на двери: — сюда-съ, здѣсь-съ, у насъ самыя лучшія книги-съ, какія пожелаете-съ, карты-съ, глобусы-съ, атласы-съ, — все есть-съ, что угодно-съ!

Эти пискуны мальчишки, подрастая, переходятъ отъ дверей въ лавку и употребляются обыкновенно хозяиномъ или прикащикомъ на разсылки, потомъ выучиваются кое-какъ грамотѣ и пріучаются помаленьку вести счеты; потомъ поступаютъ въ прикащики и, не смотря на зоркость и тонкость хозяина, крадутъ понемногу книги и препорядочно обсчитываютъ его, и въ нѣсколько лѣтъ составляя себѣ крошечный капиталецъ, сами открываютъ лавчонку, составленную изъ краденыхъ книгъ. Проторговавъ года два-три, они изъ гостинаго двора переходятъ на толкучій и исчезаютъ тамъ въ толпѣ мелкихъ продавцевъ... Тѣ же изъ нихъ, кто половчѣе, поддерживаютъ себя и долѣе, ибо находятъ себѣ покровителя въ какомъ-нибудь газетчикѣ или журналистѣ. Выгодно сбывая свои залежалыя произведенія такимъ книгопродавцамъ, газетчикъ обыкновенно начинаетъ прославлять въ своей газетѣ ихъ акуратность, очень хорошо зная, что они безъ всякаго зазрѣнія совѣсти обманываютъ легковѣрную публику: но обманъ рано или поздно открывается, публика лишаетъ своей довѣренности прославленныхъ газетчикомъ книгопродавцевъ, и они все-таки не избѣгаютъ толкучаго рынка.

Локотковъ былъ представителемъ такого рода книгопродавцевъ.

— Ахъ-съ, Николай Николаичъ-съ, мое-почтеніе-съ! произнесъ онъ скороговоркою, бросившись на встрѣчу къ Гребешкову, за которымъ вошли въ лавку его пріятели: — милости просимъ-съ... Какъ въ своемъ здоровьѣ-съ, Николай Николаичъ-съ?

И Локотковъ, лицо котораго въ то время, когда онъ говорилъ, безпрестанно дергалось, а вѣки моргали, послѣ каждаго слова кланялся Гребешкову, и вмѣстѣ съ этимъ еще какъ-то особенно изгибался.

— Здравствуйте... какъ поживаете? сказали ему въ одинъ голосъ Гребешковъ и сочинитель „Фуги“ и „Хаоса“.

— Слава Богу, живемъ-съ, по маленьку съ... Вотъ-съ новыя книжечки-съ, Николай Николаичъ-съ, не угодно ли посмотрѣть-съ?... вотъ-съ... Михайла Васильевичъ, какъ вы-съ... Локотковъ подскочилъ къ сочинителю „Фуги“:—давно васъ не видать-съ... ей Богу-съ, сочиняете-съ вѣрно что-нибудь-съ... фантазіи-съ какія нибудь-съ, этакія-съ...

— Послушайте же вы, милостивый государь, вамъ я говорю, кажется! закричалъ Локоткову какой-то усастый господинъ, стоявшій по срединѣ лавки подбоченясь фертомъ:— слышите ли? впередъ быть честнѣе, то-то .. И онъ погрозилъ книгопродавцу пальцемъ.

— Ей Богу-съ, виноватъ-съ .. Ѳедоръ Иванычъ! (Локотковъ обернулся къ своему прикащику, стоявшему у конторки) какъ же вы это такъ не досмотрѣли?... Непріятная исторія-съ, Николай Николаичъ-съ, вотъ-съ имъ продали-съ книжку-съ съ вырѣзанными листами-съ... Извините-съ, случайно; только единственно по недосмотру-съ... Впрочемъ-съ, сей-часъ перемѣню-съ.

— То-то по недосмотру... я этого знать не хочу... по недосмотру!.. платятъ, кажется, деньги, а не щепки... на то есть глаза, чтобы смотрѣть всѣ ли листы... По недосмотру!

— А не прикажете ли-съ, вотъ-съ... я сейчасъ велю-съ завернуть, если пожелаете-съ... новый романчикъ вышелъ-съ... отличное сочиненіе-съ: *Любовь или сердце женщины*, такъ называется-съ... только-что сегодня поступилъ-съ въ продажу-съ, отличный съ, можно сказать-съ.

Книгопродавецъ схватилъ съ прилавка книжку и поднесъ ее усастому господину.

Усастый господинъ посмотрѣлъ на обертку и сказалъ пошевеливъ усами:

— Вздоръ, братецъ, какой нибудь... дребедень... Да на чорта ли мнѣ это?.. Любовь тамъ какая-то... что я стану съ этою любовью дѣлать?.. Ужъ можно по заголовку видѣть, что чушь...

— Отчего же это, милостивый государь, вамъ угодно выводить такія заключенія о книгѣ, о которой вы не имѣете ни малѣйшаго понятія?...

Тоненькій и дрожащій отъ оскорбленія голосокъ, произ-

несшій эти слова, и маленькая, румяная фигурка Кинаревича, вдругъ очутившаяся передъ дебѣлымъ усачомъ, и приподнявшаяся отъ негодованія на цыпочки, съ вопросительнымъ взглядомъ,—была до того смѣшна, что, при видѣ ея, Гребешковъ и актеръ едва удержались, чтобъ не захохотать во все горло. Кинаревичъ сидѣлъ доселѣ въ уголку съ книгой, никѣмъ незамѣченный, и появленіе его поразило всѣхъ неожиданностію, исключая усастаго господина.

Усастый господинъ равнодушно посмотрѣлъ внизъ, чтобъ разсмотрѣть фигурку, грозно растопырившуюся передъ нимъ, провелъ рукой по усамъ, крякнулъ, откашлянулся и сказалъ:

— А вамъ, сударь, какое дѣло до моихъ заключеній? развѣ я къ вамъ относился?..

Усастый господинъ сдѣлалъ шагъ впередъ и повторилъ громче:

— Развѣ я къ вамъ относился?

Кинаревичъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Милостивый государь, сказалъ онъ тономъ пониже:— милостивый государь, я только замѣтилъ вамъ... я думалъ, что нельзя судить такъ рѣзко о книгѣ, которую не знаешь...

Пушистое личико Кинаревича горѣло и губы его дрожали.

— Замѣтили! думали! повторилъ усастый господинъ, тономъ еще повыше.—Ну, что вы замѣтили? Что такое? Тутъ нечего и замѣчать; видно, что вздорная книжонка.

И усастый господинъ съ пренебреженіемъ швырнулъ ее на прилавокъ; Кинаревичъ вздрогнулъ, судорожное и безсильное отчаяніе, вмѣстѣ съ злостію, изобразилось въ его маленькихъ, оловянныхъ глазкахъ...

— Я и вамъ и всѣмъ на отрѣзъ скажу, продолжалъ усастый господинъ:—что всѣ сочиненія, которыя нынче выходятъ, не стоятъ полушки. Какіе сюжеты берутъ, напримѣръ? а? всякой этакой вздоръ: любовишки, тамъ, интрижки, вздохи да охи разные: поучительнаго, такъ-сказать, для нравственности, чтобы солиднаго чего-нибудь, касательнаго ума и сердца... гдѣ это найдешь? только умничаютъ, больше ничего; пишутъ сатиры на провинціаловъ, а чѣмъ эти сатирики-то лучше насъ грѣшныхъ, спрашивается? чѣмъ?... а?.. Ничѣмъ, просто ничѣмъ,—ужъ извините, хоть бы тутъ всѣ сочинители собрались, такъ я и имъ тоже въ глаза скажу.

Усастый господинъ кивнулъ головою книгопродавцу, изогнувшемуся передъ нимъ чуть не до земли, и присвистывая вышелъ изъ книжной лавки...

— Николай Николаичъ-съ, слышали-съ?... сказалъ книгопродавецъ, засмѣявшись, изъ приличія въ руку: —вотъ какъ-съ отдѣлалъ-съ всѣхъ сочинителей, то-есть, какой, ей-Богу, этакой забавникъ-съ... А вашему-то романчику-съ... то-есть, смѣхъ да и только-съ... досталось больше всего-съ... Проказники какіе-съ.. ей-Богу-съ.

— Что жъ такое моему роману? сказалъ Кинаревичъ, запикаясь отъ негодованія!—это какой-то дуракъ, необразованный мужикъ... да онъ и не объ одномъ моемъ романѣ говорилъ... а вы слушали его развѣся уши? Этакихъ людей на цѣпь сажаютъ... и смѣшного тутъ ничего нѣтъ Чему жъ вы смѣетесь?...

Кинаревичъ отеръ съ своего лба крупныя капли холоднаго пота, обернулся назадъ и, увидѣвъ передъ собою Гребешкова и сочинителя „Фуги", поклонился имъ въ замѣшательствѣ.

— Вотъ, продолжалъ онъ жалобно, оправляясь и отряхиваясь, какъ птичка, облитая водою: *вотъ наши строгіе цѣнители и судьи*!.. Слышали вы, что кричалъ здѣсь этотъ невѣжда? Пиши послѣ этого для такой публики!..

— Сет-юнь ореръ! вскрикнулъ офицеръ.

— Послушай-ка, Коля, сказалъ актеръ: — а вѣдь этотъ господинъ съ усами чудесное лицо?.. Посмотри, если я его не отшлифую въ первомъ водевилѣ, который буду писать.

— Николай Николаичъ-съ... говорилъ, между тѣмъ, книгопродавецъ Гребешкову, отведя его въ сторону: — есть маменькій секретецъ-съ до васъ, ей-Богу-съ... слова два на ушко-съ.. просьбица, то есть, касательно-съ... Лучше-съ пойдемте-съ туда ко мнѣ-съ, въ комнатку-съ.. при всѣхъ нельзя-съ, ей-Богу... секретецъ-съ...

Книгопродавецъ ввелъ Гребешкова въ чуланчикъ, примыкавшій къ книжной лавкѣ. Въ этомъ чуланчикѣ находились небольшой столъ, покрытый грязною салфеткою: на столѣ нечищенный жолтой мѣди, вѣчно-дымящійся самоваръ, чайникъ и два стакана, да еще енотовая шуба книгопродавца, висѣвшая у замасленной стѣны на гвоздикѣ

— Николай Николаичъ-съ, чайку-съ, сдѣлайте одолженіе-съ,

сказалъ Локотковъ, взявшись за ручку чайника: —выкушайте-съ стаканчикъ-съ... удостойте-съ... чаекъ-съ хорошій, по десяти рублей фунтикъ-съ беру... Ей Богу-съ... съ ромомъ не прикажетели-съ?

— Нѣтъ, спасибо, сказалъ Гребешковъ: —я не хочу чаю.

— Ну, такъ-съ подовыхъ, Николай Николаичъ-съ... прикажете-съ, горяченькихъ-съ, сейчасъ пошлю-съ мальчишку-съ... Алешка, Алешка!

— Мнѣ ничего не нужно; мы идемъ сейчасъ обѣдать, и я зашелъ только сказать вамъ, чтобъ вы мнѣ сегодня непремѣнно прислали тѣ книжки, о которыхъ я писалъ къ вамъ. Знаете?... Я хочу ихъ отдѣлать порядкомъ.

— То-есть, тѣ-съ? да-съ, знаю-съ... на расправу-съ... къ вамъ-съ?.. къ вамъ-съ?... Понимаю-съ, понимаю... хорошеничько ихъ, этакъ, знаете-съ... по дѣломъ-съ, ей-Богу-съ. Ну-съ, Николай Николаичъ-съ, а касательно-съ моихъ-то-съ, моихъ-то-съ изданьицъ-съ, вѣроятно замолвите-съ словечко-съ, вѣдь точно, сочиненія-съ, можно сказать-съ, фундаментальныя-съ, ей-Богу-съ, сами вотъ увидите-съ... слогъ такой-съ, какъ бисеромъ-съ словно нанизано-съ, первѣйшій слогъ-съ... Клянусь вамъ-съ!

— Какія это изданія? спросилъ Гребешковъ, какъ-будто не догадываясь о чемъ книгопродавецъ велъ рѣчь.

— Какъ какія-съ? да вотъ-съ: Вѣрнѣйшій способъ-съ плѣнять прекрасный полъ, да еще, какъ-бишь ее-съ: Вотъ фокусъ-такъ фокусъ! или игра въ карты безъ проигрыша...—Безподобныя книжки-съ... золотымъ перомъ написаны-съ... Оно конечно-съ, какъ для кого-съ, а для провинціи-съ, Николай Николаичъ, объяденье-съ. Сдѣлайте одолженіе-съ, ужъ вы объ нихъ этакъ какъ нибудь-съ скажите-съ, словомъ-съ, этакую-съ рекомендацію, ужъ вы тамъ сами знаете какъ-съ.

— Нѣтъ, ужъ извините, сказалъ Гребешковъ:—похвалами такимъ книжонкамъ можно какъ-разъ уронить газету въ мнѣніи публики.

— Никогда-съ, клянусь, никогда-съ...Ну, а ужъ если вы не хотите похвалить-съ, такъ въ такомъ случаѣ знаете-съ, Николай Николаичъ-съ, лучше-съ промолчите-съ объ нихъ-съ, ей-Богу-съ.

— Хорошо, хорошо.

— Гребешковъ! да куда ты, моншеръ, забился? кричалъ сочинитель „Фуги“, отворяя дверь въ чуланъ...—Э-ге? да у васъ здѣсь секреты?

— Нѣтъ-съ, такъ-съ, ничего-съ: было дѣльцо-съ до Николая Николаича-съ.

Сочинитель „Фуги“ вытащилъ Гребешкова изъ чулана въ книжную лавку, и книгопродавецъ послѣдовалъ за ними...

— Я понимаю, сказалъ сочинитель „Фуги“ книгопродавцу, зачѣмъ вы водили туда Гребешкова...—уговаривать его, чтобъ онъ не ругалъ какія-нибудь изданныя вами книжонки. Что, угадалъ?.. А вамъ не стыдно издавать всякую дрянь?.. Дѣльныхъ и умныхъ сочиненій, не бойсь, не покупаете?

— Покорно васъ благодарю-съ... умныя-то по вашему книжки-съ лежатъ-съ на полкахъ, вонъ извольте-съ взглянуть: ихъ никто не покупаетъ-съ, а дрянь-то, слава Богу, расходится-съ лучше умнаго-съ. За дрянь-то-съ я заплачу двадцать-пять рублей-съ ассигнаціями-съ, а выручу пятьсотъ-съ... вотъ что съ. Тотъ-съ не болванъ, кто наровитъ себѣ въ карманъ... И книгопродавецъ вкрадчиво взглянулъ на автора „Фуги“ и принужденно засмѣялся.

— Петръ Петровичъ великій плутъ! сказалъ актеръ, дружески ударивъ по плечу книгопродавца.

— Это ничего-съ, пусть плутъ-съ, честные-то немного наживутъ-съ въ нынѣшнемъ свѣтѣ-съ, знаемъ мы это-съ, честность, оно хорошо, знаете-съ, только какъ говоришь-съ объ ней въ фантазіяхъ, такъ сказать-съ, а тамъ, изволите видѣть-съ, то-есть, провались я сквозь землю-съ, если это не правда-съ, съ этою честностью-съ въ нашемъ дѣлѣ-съ концы съ концами-съ не сведешь, ей-Богу, не лгу-съ.

Книгопродавецъ снова засмѣялся въ руку.

— А что правда то правда, господа! замѣтилъ актеръ.

— Се-тре вре! закричалъ офицеръ.

— Конечно, всякій можетъ имѣть свое мнѣніе, возразилъ Кинаревичъ: — противъ этого ни слова; но я полагаю, что честность должна быть краеугольнымъ камнемъ человѣческой жизни, ея основою.

— Нѣтъ-съ, ужь тамъ какъ вы-съ не извольте-съ, сказалъ книгопродавецъ, почесывая затылокъ: — а съ нашимъ товаромъ-съ честность тамъ этакая-съ, что вы ни говорите-съ, это,

то есть, повѣрите ли-съ, лучше-съ возьми суму-съ, да и пойди по міру съ.

Кинаревичъ пожалъ плечами и грустно покачалъ головкою, взглянувъ на книгопродавца.

Между-тѣмъ Гребешковъ разсматривалъ его новый романъ.

— Прекрасное изданіе, замѣтилъ Гребешковъ, повертывая книгу въ рукѣ.

— А вы развѣ не изволили получить отъ меня экземпляр-чикъ? спросилъ Кинаревичъ, боязливо и подозрительно посмотрѣвъ на Гребешкова. — Или можетъ-быть вы не обратили на него вниманія? Я еще конечно не пользуюсь въ литературѣ славою... я...

— Меня сегодня утромъ не было дома, вѣроятно книжку принесли безъ меня, сказалъ Гребешковъ кланяясь Кинаревичу и пожавъ ему руку.

— Я въ моемъ романѣ, продолжалъ Кинаревичъ:—какъ вы сами изволите увидѣть, если удостоите только его прочтеніемъ, изобразилъ все какъ есть въ природѣ и жизни и, признаюсь, не придерживался обычая нѣкоторыхъ сочинителей смотрѣть на людей съ одной смѣшной стороны: напротивъ, я старался преимущественно обращать вниманіе читателя на явленія прекрасныя и утѣшительныя. Я не поставляю себѣ за честь быть Гомеромъ кандитерскихъ и Невскаго проспекта и выставлять пошлыя карикатуры. Можетъ-быть, конечно, мой романъ не понравится какому-нибудь журнальному крикуну, выгнанному студенту, который не имѣетъ никакихъ правъ быть критикомъ и ни о чемъ не отзывается съ похвалою, да я о его мнѣніи мало забочусь. Я анализировалъ въ моемъ романѣ сердце женщины и доказалъ, такъ по-крайней-мѣрѣ мнѣ кажется, что безмятежное, семейное счастіе съ милой и нѣжной подругой выше всего на свѣтѣ.

— Вздоръ, братецъ! ромъ да деньги выше всего на свѣтѣ, а деньги, потому-что безъ нихъ нельзя купить рому.

Кинаревичъ, нѣсколько оскорбленный, обратился, чтобъ взглянуть кто такъ невѣжливо перервалъ его рѣчь и увидѣлъ передъ собою своего пріятеля Скворевича. Скворевичъ былъ невысокаго роста, но очень коренастый, съ рѣзкими манерами и грубымъ голосомъ. Онъ славился въ литературѣ своими стихотвореніями, которыя, по выраженію одного остроумнаго

фактора, всегда употреблялись „на затычку“, то-есть когда не хватало оригинала для пополненія страницы. Ко всему этому Скворевичъ имѣлъ сердце доброе и любилъ Кинаревича за то, что онъ, по его выраженію, умѣлъ жить въ свѣтѣ, то-есть, потчивалъ всегда гостей своихъ чаемъ не просто, а съ ромомъ. Кинаревичъ также любилъ Скворевича, за то, что Скворевичъ охотно выслушивалъ его произведенія, прихлебывая ромъ съ чаемъ и отъ поры до времени приговаривая: „Не дурно, братецъ... хорошо... брависсимо... славно“ и т. п.

— Ну, какъ, дружочикъ, пресмыкаешься? сказалъ Скворевичъ Кинаревичу, когда тотъ обратился къ нему. — Ужъ повторяю тебѣ, какъ ты ни хмурься, а ромъ важнѣе всего.

— Ты вѣчно съ своими плоскими шуточками! произнесъ съ важностію Кинаревичъ

— Какъ поживаете, какъ попиваете, милостивые государи? продолжалъ Скворевичъ, обращаясь ко всѣмъ и не обращая вниманія на писк своего пріятеля. — А я что-то не въ своей тарелкѣ послѣ вчерашняго ужина. Надобно вамъ сказать, что меня нелегкое понесло на литературную вечеринку къ Колѣнцову.. Зоветъ, зоветъ, думаю, почему же не пойдти? Что жъ? За ужиномъ, какъ бы вы думали, онъ вздумалъ разсадить насъ по литературнымъ рангамъ... Кукушкина посадилъ на первомъ мѣстѣ и передъ нимъ лафитъ въ 12 рубликовъ бутылку, а меня на конецъ стола, да передо мной подсунулъ... чего бы вы думали? медокъ въ рубль десять копѣекъ, знаете! этакъ съ сандальчикомъ. Каковъ молодчикъ? Да чѣмъ я хуже какого нибудь Кукушкина? Хоть бы двухъ-съ-полтинымъ ямайскимъ доделаванцемъ уважилъ.. ну тогда еще все можно было бы стерпѣть.

При этихъ словахъ, всѣ слушающіе расхохотались, а актеръ, погрозивъ Скворевичу, воскликнулъ:

— Эхъ, узнаю тебя, душа! Ромовикъ, отчаянный ромовикъ! Нашего поля ягода!

— Валеріанъ Антонычъ-съ, проговорилъ книгопродавецъ, кашляя отъ смѣха,—такъ бутылочку-то-съ въ рубликъ поставили передъ вашимъ-съ приборомъ-съ?..

— Да съ вами-то я, почтеннѣйшій, не о бутылочкѣ буду говорить, отвѣчалъ Скворевичъ, подходя къ книгопродавцу:—а о деньгахъ... Когда же вы мнѣ отдадите наконецъ за 20 экзем-

пляровъ моихъ стихотвореній, которые я вамъ давалъ на комиссію? а? когда?

Улыбающаяся физіономія книгопродавца измѣнилась въ одну секунду, и глаза его вопросительно вытаращились...

— На счетъ чего-съ?... сказалъ онъ скороговоркою.

— Деньги за мои 20 экземпляровъ, твердо повторилъ Скворевичъ.

— То-есть касательно-съ того-то-съ? экземпляровъ-то-съ?

— Ну да, касательно экземпляровъ.

— Вашихъ-съ книгъ-съ? то-есть сочиненій... стихотвореній, я хотѣлъ сказать-съ.

— Что вы глухи, что ли? Давайте мнѣ деньги за проданные вами 20 экземпляровъ моихъ стихотвореній. Слышите?

— Да-съ, тѣ то самые-съ, что на комисіи-то были съ? да-съ... 20 что ли экземпляровъ-съ?

— 20-ть; вотъ ваша росписка, смотрите.

Книгопродавецъ бѣгло взглянулъ на росписку.

— Такъ стало быть двадцать-съ? Очень хорошо съ... надо посмотрѣть-съ... непремѣнно-съ, Валеріанъ Антонычъ-съ, непремѣнно-съ.

— Чего непремѣнно?

— Надо, то есть справочку-съ этакую навести-съ, всѣ ли, то-есть точно-съ проданы-съ.... Ѳедоръ Иванычъ (книгопродавецъ обратился къ прикащику), слышите-съ?

— Хорошо-съ, справимся, отвѣчалъ прикащикъ.

— Да вы мнѣ полгода назадъ тому говорили, что всѣ 20 экземпляровъ проданы и что у васъ деньги готовы... Что же это такое? закричалъ Скворевичъ, ударивъ кулакомъ о прилавокъ.

— Полгода-съ? то-есть шесть мѣсяцевъ-съ назадъ тому-съ, говорилъ-съ? Нѣтъ-съ, Валеріанъ Антонычъ-съ, вы ошиблись, повѣрьте-съ... Кажется-съ, три или четыре экземпляр-чика проданы-съ, не упомню-съ до точности-съ, три или четыре-съ; впрочемъ, не безпокойтесь, помилуйте-съ, деньги-съ что-съ! пустяки-съ; за деньгами дѣло не станетъ-съ, только справочку-съ навести-съ... Денекъ другой-съ потерпите-съ, Валеріанъ Антонычъ-съ, сдѣлайте одолженіе-съ, потерпите-съ; полное удовлетвореніе получите-съ, ей-Богу-съ...

— Ну, два дня пожалуй... Будьте свидѣтелями, господа, два дня, а ужь долѣе не стану терпѣть ни полсекунды.

— Важная новость... здравствуйте, господа!... сказалъ въ эту минуту вбѣжавшій въ лавку литературный сплетникъ:— важная новость!

— Какая, какая? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Не-уже-ли не слыхали? Кукушкинъ разсорился съ Ѳетюковымъ за статейку Ѳетюкова „Всякая всячина, или всѣмъ сестрамъ на серьгамъ", которая напечатана была въ третьягоднишнемъ нумерѣ. Тамъ, вѣдь, знаете, есть между-прочимъ намекъ о томъ, что Кукушкинъ придерживается крѣпкихъ напитковъ... вотъ, знаете, Кукушкинъ написалъ къ нему письмо, говоритъ, я не потерплю такихъ дерзостей... слово за слово... неугодно ли, говоритъ, вамъ со мною объясниться.

— Объясниться?... вотъ какъ! воскликнули всѣ.

— Божусь вамъ... Ѳетюковъ ужасно струсилъ, просилъ у него извиненія, и на дняхъ, говорятъ, явится статья, въ которой онъ превознесетъ Кукушкина до небесъ, назоветъ его первымъ русскимъ писателемъ, нашимъ Шиллеромъ, Гете, Вальтеръ-Скоттомъ; въ это дѣло вмѣшался Колючкинъ: онъ безпрестанно ѣздилъ отъ Ѳетюкова къ Кукушкину, отъ Кукушкина къ Ѳетюкову; наконецъ сегодня утромъ торжественно помирили ихъ. Ужь они обнимались и, говорятъ, пили шампанское... Ѳетюковъ читалъ Кукушкину свою статью о немъ и тотъ пришелъ отъ нея въ восторгъ..

— Да вѣрно ли это? спросили всѣ.

— Ей-Богу, клянусь вамъ.

Литературный сплетникъ проговорилъ это скороговоркою и бросился къ прилавку обнюхивать книги.

— А что, господа? сказалъ актеръ:—вѣдь ужь пора бы и червяка заморить. Скворевичъ, ты съ нами что ли?

— Да развѣ такъ, для компаніи, братецъ: ѣсть-то мнѣ не хочется, потому-что я вплотную позавтракалъ: такихъ, знаешь, алгвазиловъ запустилъ въ желудокъ... двѣ преогромнѣйшія, братецъ, колбасы съ чеснокомъ.

— Ѣсть тебя никто не заставитъ, сказалъ актеръ:—а мы козырнемъ, знаешь, лоделаванцу.

— Ну, умныя рѣчи, братецъ, пріятно и слышать, восклик-

нулъ Скворевичъ, обратясь ко всѣмъ и ударивъ по плечу актера. — Отъ лоделаванца мы никогда не отказываемся...

И всѣ эти господа, исключая Кипаревича и литературнаго сплетника, отправились къ Палкину. Дорогою Скворевичъ жаловался на какого-то журналиста, который, по его словамъ, разругалъ его стихотворенія безъ всякой причины: „Я вѣдь“ говорилъ онъ — „никогда не трогалъ его. Что жь я ему сдѣлалъ? За что онъ меня первый задираетъ? Это просто подло! Удивляюсь, какъ не имѣть никакой честности въ душѣ, никакого благородства!“

— И, братецъ, чему тутъ удивляться? возразилъ актеръ: — онъ всѣхъ ругаетъ; ему и не растолкуешь, что такое значитъ честность.

Передъ обѣдомъ сочинитель „Фуги“, Скворевичъ и актеръ выпили четыре рюмки рома, двѣ, какъ они говорили на-черно и двѣ на-бѣло. Гребешковъ также послѣдовалъ ихъ примѣру.

Въ половинѣ обѣда, офицеръ, безпрестанно перебивавшій всѣ разговоры и хваставшій безъ всякаго милосердія, закричалъ:

— Гарсонъ, три бутылки шампанскаго!

Половой уже двинулся, чтобъ исполнить его приказаніе, но онъ шепнулъ ему такъ, что никто не замѣтилъ: „Покуда довольно, братецъ, одной. Слышишь?“

Когда наступила минута денежнаго разсчета, и актеръ вынулъ свой бумажникъ, чтобъ заплатить за себя, сочинитель „Фуги“ подошелъ къ нему.

— Послушай, душа моя, сказалъ онъ, наклоняясь къ актеру — заплати, пожалуйста, и за меня. Я тебѣ завтра отдамъ.

— Пожалуй, братецъ, отвѣчалъ актеръ во все горло и нѣсколько покачиваясь на стулѣ: — заплатить я заплачу, только видишь ли, я тебя накормилъ обѣдомъ, а ты меня хочешь отпотчивать завтракомъ. Это вѣдь не совсѣмъ-то мнѣ выгодно.

Сочинитель „Фуги“, очень равнодушно, какъ будто слова эти вовсе не относились къ нему, отвернулся отъ актера и запѣлъ: — тра-ла-ла-ла...

За тѣмъ пировавшіе гурьбой вышли изъ трактира, съ криками: „извощикъ!“ и, разсѣвшись попарно на извощикахъ, гуськомъ потянулись куда-то.

ГЛАВА VIII.

изъ которой можно усмотрѣть, до какой гибели доводитъ страсть къ сочинительству.

Двѣ статьи Гребешкова о романѣ Кинаревича и о бенефисѣ Скворцова произвели величайшее волненіе между литературными тлями. Статьи эти точно написаны были довольно бойко и даже не безъ остроумія. Впрочемъ издатель какой-то газеты, имѣвшій привычку, вѣроятно, для приданія себѣ большей важности, исправлять всѣ статьи своего сотрудника, въ рецензіи его на романъ Кинаревича вставилъ нѣсколько собственныхъ разсужденій касательно любви и прекраснаго пола... Автора романа онъ назвалъ между-прочимъ *жалкимъ пигмеемъ, который берется за предметы не по своимъ силамъ*, замѣтилъ, что *пониманіе любви дается только немногимъ избраннымъ*, что *любовь — это стонъ горлицы, бѣшеный каскадъ, льющійся по фибрамъ сердца, жгучія иглы, пробѣгающія по всѣму тѣлу и разрушающія органическую систему*, и потомъ, по своему обыкновенію, обращаясь къ *прелестнымъ читательницамъ*, объявилъ имъ, что *ихъ сердецъ, увы! не защищаютъ даже эластическіе корсеты отъ стрѣлъ милаго шалуна, съ крылышками и съ колчаномъ за спиною*. Въ статьѣ о бенефисѣ Скворцова издатель какой-то газеты прибавилъ только намекъ, что третье и четвертое дѣйствіе „Навуходоносора“ сочинены не Павлюковымъ, что *лицо Навуходоносора совсѣмъ не драматическое, а скорѣе эпическое и что скоро мы изложимъ свое мнѣніе о драмѣ вообще*.. Гребешковъ ни мало не сердился на всѣ эти поправки и вставки, тѣмъ болѣе, что издатель какой-то газеты не измѣнилъ ни одной буквы въ томъ мѣстѣ его статьи, гдѣ говорилось объ игрѣ Катерины Васильевны. Катерина Васильевна была, разумѣется, превознесена Гребешковымъ до небесъ. Она, „артистка въ высокомъ и благородномъ значеніи этого слова“, говорилъ онъ: „артистка, которая сдѣ„лала бы честь любому европейскому театру. Игра ея испол„нена граціи, одушевленія, чего-то невыразимо-прелестнаго... „Во всѣхъ роляхъ она мила до обожанія... Заносъ ли она, и

„ея свѣжій, серебряный, гармоническій голосокъ проникаетъ „до глубины сердца: задумается ли она, облокотясь на свою „маленькую ручку, смотрите, какое чудное выраженіе въ гла„захъ ея: улыбнется ли — какая поэзія въ улыбкѣ!.. Она не„сравнима, незамѣнима... Какая-то г-жа Кавалерская вздума„ла-было дебютировать въ одной изъ ея ролей, и тутъ-то мы „поняли безконечную разницу между словами: *артистка* и *актриса*...“ и прочее.

Катерина Васильевна была восхищена этими похвалами. Она начала оказывать Гребешкову самое лестное вниманіе, безпрестанно приглашала его къ себѣ, и онъ, какъ другъ его актеръ водевелистъ, сдѣлался неизбѣжнымъ лицомъ въ ея гостиной. За то Гребешковъ пріобрѣлъ себѣ двухъ жесточайшихъ враговъ въ Павлюковѣ и Кинаревичѣ. Павлюковъ послѣ разбора „Навуходоносора“, пересталъ даже кланяться съ Гребешковымъ и съ издателемъ какой-то газеты, разсказывалъ объ ихъ частной жизни разные неприличные анекдоты и уже явно присталъ къ шайкѣ Ѳетюкова, который, отдавая отчетъ о „Навуходоносорѣ“, привѣтствовалъ такъ своего новаго клеврета:

„Признаюсь, лучше „Навуходоносора“ я ничего не видалъ „на нашей сценѣ. Именемъ всѣхъ друзей искусства, умоляю „васъ, почтеннѣйшій Павелъ Яковлевичъ, продолжать тру„диться на драматическомъ поприщѣ. Вашъ первый опытъ „блистателенъ. Вы рѣшительно знатокъ человѣческаго и въ „особенности женскаго сердца, и къ тому же мастеръ владѣть „стихомъ. Это я вамъ скажу, не смотря ни на какія личныя „отношенія. Правда выше всего; я всегда былъ тѣхъ мыслей, „что если мы спиной обернемся къ правдѣ, то, прошу не про„гнѣваться, и почтеннѣйшая публика обернется къ намъ спи„ною. А отъ васъ, Павелъ Яковлевичъ, наша сцена въ правѣ „надѣяться многаго. Если вы удалитесь отъ всѣхъ литератур„ныхъ партій, запретесь въ свой кабинетъ, какъ я, да будете „только слушаться своего сердца, да своей фантазіи, такъ васъ „можно заранѣе поздравить съ великими успѣхами въ буду„щемъ. Пусть враги мои чернятъ и позорятъ меня — Богъ съ „ними! а публика знаетъ, что я всегда первый радуюсь появ„ленію новаго таланта, и первый привѣтствую его, какъ па„тріотъ и страстный любитель отечественной литературы“.

— Вотъ, пищалъ Павлюковъ, указывая на статью Ѳетюкова:—это лестный для меня отзывъ благомыслящаго и добросовѣстнаго литератора, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ; это не то, что маранье какихъ-нибудь дрянныхъ и безграмотныхъ писачекъ, надъ мнѣніями которыхъ всѣ смѣются.

Но какъ ни сильно было ожесточеніе Павлюкова противъ издателя какой-то газеты и его сотрудника, — оно не могло сравниться съ бѣшенствомъ, въ которое пришелъ Кинаревичъ, послѣ рецензіи на его романъ. Блѣдный, дрожащій отъ негодованія, онъ быстро ходилъ по комнатѣ, рвалъ роковой для него листокъ, топталъ лоскутки ногами, и называлъ Гребешкова—Николашкой.

— Такъ я пигмей, восклицалъ онъ: — пигмей!.. безсмысленный мальчишка!.. неучъ!.. Я покажу ему, я докажу имъ кто я... я напишу на нихъ такую статью, отъ которой у нихъ сдѣлаются корчи и судороги... да... я выведу ихъ на чистую воду... У меня дуренъ слогъ?.. а у нихъ какой слогъ?.. Они писать не умѣютъ, первыхъ правилъ грамматики не знаютъ... Они....

Кинаревичъ, обезсиленный гнѣвомъ, упалъ въ кресла. Черезъ минуту онъ немедленно поднялся, еще нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, ударилъ себя рукою въ лобъ и написалъ слѣдующее письмо къ Гребешкову:

„Милостивый государь.

„Покорно прошу возвратить мнѣ съ симъ посланнымъ экземпляръ полученнаго вами отъ меня моего романа. *Любовь или сердце женщины.* Прочитавъ рецензію вашу на него, я, къ удивленію моему, встрѣтилъ въ ней такія фразы и слова, которыя автору нельзя иначе принять, какъ за личное оскорбленіе. Предоставляю вамъ, милостивый государь, размыслить, можетъ ли благородный человѣкъ переносить хладнокровно такого рода оскорбленія? кажется, мы должны объясниться другъ съ другомъ за которой нибудь изъ городскихъ заставъ. Жду вашего отвѣта

Кинаревичъ.“

Черезъ полтора часа Кинаревичъ получилъ на это письмо слѣдующій отвѣтъ:

„Книжку вашу возвращаю вамъ. Объясняться же съ вами за городской заставой вовсе не считаю необходимымъ. Еслибъ всѣ безталанные писатели, на которыхъ я пишу въ газетѣ рецензіи, вздумали требовать отъ меня объясненій за городскими заставами, то я бы долженъ былъ по нѣскольку разъ въ день ѣздить за городъ, а это невозможно, ибо я имѣю, какъ вамъ извѣстно, срочныя занятія, отъ которыхъ отказываться не могу да и не намѣренъ.

Гребешковъ."

Кинаревичъ, прочитавъ эту записку, судорожно смялъ ее въ рукѣ и проговорилъ задыхаясь:

— Трусъ! презрѣнный трусъ!.. Я убью его сей часъ-же. И онъ вскочилъ со стула, но черезъ нѣсколько минутъ отложилъ это кровавое намѣреніе и просто принялся писать на Гребешкова статейку, изъ которой вышла цѣлая брошюра подъ заглавіемъ: Нѣсколько словъ о томъ, что такое въ наше время рецензенты. Брошюрку эту онъ напечалъ на свой счетъ и нѣсколько поуспокоился, увѣривъ себя, что она принесетъ неисчислимыя пользы русской литературѣ.

Впрочемъ, спокойствіе это было не продолжительно. Всѣ журналы и газеты, какъ будто сговорясь, подняли на смѣхъ и романъ и брошюрку. Кинаревичъ совершенно потерялся; онъ недѣли двѣ не выходилъ изъ дома, не пускалъ къ себѣ никого и въ припадкѣ отчаянія безпрестанно разговаривалъ съ самимъ собою. Съ утра до ночи занятый мыслію, какъ отомстить врагамъ своимъ журналистамъ, онъ наконецъ придумалъ для этого необыкновенное средство — и подалъ на нихъ жалобу въ какое-то присутственное мѣсто. Разумѣется, просьба эта была оставлена безъ вниманія. Кинаревичъ не шутя сдѣлался боленъ, пушистыя и румяныя щечки его поблѣднѣли, а въ оловянныхъ глазахъ показался странный блескъ...

— Это ничего, ничего, говорилъ онъ однажды Скворевичу, часто навѣщавшему его во время болѣзни: —я напишу, вотъ ты увидишь, такое колоссальное произведеніе, которое подавитъ всѣхъ этихъ жалкихъ крикуновъ, завистниковъ моего таланта. Въ головѣ моей шевелится теперь такая ядовитая сатира на нихъ....

— И, братецъ, перебилъ Скворевичъ, прихлебывая ромъ: — охота же тебѣ... Что, братецъ, съ ними связываться; плюнь на нихъ...

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Кинаревичъ схватилъ съ своего стола гипсовую статуйку какого-то великаго мужа, бросилъ ее на полъ и началъ топтать ногами.—Вотъ я какъ раздавлю ихъ!

Скворевичъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Кинаревичъ вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ, и началъ бормотать безсмысленныя и невнятныя рѣчи, указывая на гипсовые обломки... Онъ былъ въ жару. Скворевичъ уложилъ его въ постель и послалъ за докторомъ. Когда докторъ явился, больной принялъ его за какого-то журналиста, злобно бросился на него и потомъ, отступивъ шагъ назадъ и поднявъ руку вверхъ, началъ читать ему наизусть отрывокъ изъ своей брошюрки на рецензентовъ.

Докторъ ѣздилъ къ нему всякій день, прописывалъ лекарства, но больному не было лучше. Помѣшательство его усиливалось быстро. Къ тому же, у него не оказалось ни гроша, ибо послѣднія деньги онъ употребилъ на изданіе своей брошюры, и Скворевичъ, самъ нуждавшійся въ деньгахъ, покупалъ ему лекарство на свой счетъ и почти не отходилъ отъ него.

Но, по прошествіи мѣсяца, докторъ за неплатежъ денегъ отказался лечить больного. Тогда Скворевичъ началъ хлопотать о помѣщеніи его въ домъ умалишенныхъ. Хлопоты Скворевича, послѣ многихъ препятствій, увѣнчались успѣхомъ: онъ нанялъ карету и повезъ несчастнаго своего пріятеля въ его послѣднее убѣжище.

Кинаревичъ не подозрѣвалъ, куда везутъ его. Во время пути, онъ былъ тихъ и печаленъ.—Что я имъ сдѣлалъ? что я имъ сдѣлалъ? говорилъ онъ, схватывая за руку Скворевича.. Я съ-дѣтства чувствовалъ призваніе къ литературѣ... я всего себя хотѣлъ посвятить ей.. Кто же сказалъ, что у меня нѣтъ таланта? Ты не вѣрь этому... Объ этомъ распускаютъ слухи враги мои. Они составили противъ меня заговоръ; въ этомъ заговорѣ, скажу тебѣ по секрету, замѣшанъ весь Петербургъ. Они распускаютъ слухи, будто я не литераторъ. Я... я не литераторъ! Слышишь ли? Я литераторъ, божусь тебѣ, я ли-

тераторъ, я пишу повѣсти, романы, критики... Я призванъ для того, чтобъ возвысить русскую литературу; имъ не уничтожить меня — нѣтъ!.. Я стану издавать журналъ, стану писать на нихъ статьи въ каждомъ нумерѣ, — да я, если захочу, сотру ихъ съ лица земли однимъ взмахомъ пера!

Скворевичъ молчалъ. Никогда ему не было такъ тяжело, какъ въ эту минуту. Пасмурное осеннее небо, мелкій дождикъ, болѣе похожій на туманъ, по сторонамъ дороги ветхіе заборы и палисадники, обнаженныя деревья, да между ними дачи съ наглухо-заколоченными окнами и человѣкъ, сидѣвшій возлѣ него со впалыми щеками, съ безсмысленнымъ взглядомъ и съ безсмысленными рѣчами,—все это какъ-то необыкновенно на него подѣйствовало. Онъ, можетъ быть, первый разъ въ жизни тяжело вздохнулъ и махнувъ рукою, прошепталъ: „Охъ, скучно!“ Но еслибъ могъ понять Скворевичъ, какой ядовитой и горькой ироніей на него былъ этотъ бѣднякъ, помѣшавшійся на литературѣ и возбуждавшій въ немъ такое состраданіе,—онъ, вѣрно, вздохнулъ былъ еще тяжелѣе.

Однако, на возвратномъ пути, тяжесть нѣсколько отлегла отъ сердца Скворевича. Онъ сказалъ самому себѣ: „А что, не выпить ли этакъ цѣлительнаго ямайскаго лоделаванца?“ —и заѣхалъ въ „Марьину Рощу“, на Петергофской дорогѣ.

ГЛАВА IX.

А о томъ, что заключается въ этой главѣ, читатель увидитъ изъ ея содержанія.

Не любитъ русскій человѣкъ ни о чемъ задумываться. Поднимется ли ненарокомъ изъ глубины души его вопросъ, зародится ли въ немъ сомнѣніе,—онъ душитъ ихъ въ самомъ зародышѣ. Заставитъ ли его кто нибудь заглянуть въ самого себя, приведетъ ли въ минутное сознаніе, высказавъ ему горькую и рѣзкую истину,—онъ уже смотритъ на того, какъ на врага, какъ на нарушителя своего покоя. Обезпечивъ, по возможности, свои матеріальныя потребности, онъ живетъ себѣ безъ размышленія и безъ отчета, и если иногда, отъ нечего

дѣлать, вздумаетъ повраждовать съ окружающею его дѣйствительностію, то сейчасъ же снова примиряется съ нею, упрекая себя за свою смѣлость.

Гребешковъ, какъ настоящій русскій человѣкъ, безсознательно отдался тому обществу, въ которое забросила его случайность. И хотя, по натурѣ своей, онъ былъ, можетъ-быть, выше всѣхъ окружавшихъ его, но во внѣшности ничѣмъ отъ нихъ не разнился:—только часто душила его непонятная ему тоска, и въ эти минуты онъ пилъ, а товарищи его кричали ему: «Браво! Ай-да питухъ! Ну, братецъ, честь тебѣ и слава!... Онъ никогда не могъ возвыситься до благороднаго, сознательнаго страданія, которое носитъ въ груди своей только человѣкъ съ убѣжденіями и вѣрованіями. Онъ не имѣлъ никакихъ убѣжденій,—да и откуда ему было взятъ ихъ? Онъ жилъ привычкою, не видя комической стороны окружавшаго его общества. Правда, съ нѣкотораго времени, онъ началъ подсмѣиваться надъ издателемъ какой-то газеты и даже отзывался о немъ съ презрительною жалостію, но не потому, чтобъ въ-самомъ-дѣлѣ видѣлъ въ немъ смѣшное, а просто отъ досады, что тотъ дурно платилъ ему за труды. Въ безпрерывномъ ожиданіи отъ него денегъ, Гребешковъ долженъ былъ безпрестанно занимать—и скоро задолжалъ всѣмъ своимъ пріятелямъ. Издатель какой-то газеты также не совсѣмъ хорошо сталъ отзываться о Гребешковѣ, въ особенности послѣ того, какъ убѣдился, что обсчитывать его было не возможно. Къ тому же издатель пріобрѣлъ себѣ новыхъ друзей и сотрудниковъ въ двухъ семинаристахъ, Благосиловѣ и Коментаторовѣ, которыхъ онъ почти не выпускалъ отъ себя, прочитывая и перечитывая имъ свои статейки. Семинаристы, разумѣется, слушали его разиня рты, а онъ съ самодовольствіемъ улыбался и послѣ каждаго періода останавливался на минуту и восклицалъ: «Каково?».

Между-тѣмъ, Ѳетюковъ, узнавъ черезъ литературнаго сплетника объ отношеніяхъ издателя какой-то газеты къ Гребешкову, однажды при встрѣчѣ съ Гребешковымъ на улицѣ, пожалъ ему руку и сказалъ:

— Почтеннѣйшій, почтеннѣйшій! у васъ талантъ, славно пишете, славно... Только вы попали въ такую шайку, которая знаете... вотъ сейчасъ, вѣрьте мнѣ, сейчасъ вотъ и совратитъ васъ

съ пути... да, да!... Вамъ я думаю. Богъ знаетъ что натолковали обо мнѣ? а?... Чудовищемъ меня представили? а?... Вы бы, почтеннѣйшій, къ намъ перешли: мы васъ бы сейчасъ оцѣнили, тиснули бы объ васъ статейку: имя бы себѣ пріобрѣли, вся бы Россія узнала о васъ...

Гребешкову хотя почему-то и казалось не совсѣмъ ловко связываться съ Ѳетюковымъ, однако, поблагодаривъ его за лестное къ нему вниманіе, онъ сказалъ, что подумаетъ о его предложеніи. Въ-самомъ дѣлѣ, въ случаѣ разрыва съ издателемъ какой-то газеты, Гребешковъ волею или неволею, все-таки долженъ былъ, для поддержанія своего существованія, прибѣгнуть къ покровительству Ѳетюкова.

Катерина Васильевна была къ Гребешкову попрежнему очень-внимательна. Она уже обращалась съ нимъ совершенно за-просто, посвятила его во всѣ закулисныя тайны и безусловно управляла его мнѣніемъ. Отъ-того въ театральныхъ отчетахъ Гребешкова, писавшихся подъ вліяніемъ ея и актера-водевилиста, всѣ ихъ друзья, безталантные актеры и актрисы, были всегда превозносимы, а враги, изъ которыхъ многіе обладали замѣчательнымъ сценическимъ дарованіемъ, съ ожесточеніемъ преслѣдовались. Вообще, не только театральныя, но и литературныя рецензіи Гребешкова стали отличаться явною недобросовѣстностью: онъ часто расхваливалъ въ газетѣ пошлыя книжонки, издаваемыя книгопродавцемъ Локотковымъ, ибо, по увѣренію литературнаго сплетника, получалъ отъ Локоткова по 25 рублей ассигнаціями за каждую расхваленную книжонку. И едва ли это не было справедливо, потому что Гребешковъ, безпрестанно нуждавшійся въ деньгахъ, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ началъ играть въ карты и косточки на вечерахъ Катерины Васильевны, готовъ былъ добывать деньги, не разбирая средствъ. Для бенефиса ея, онъ вмѣстѣ съ актеромъ, написалъ водевиль, въ которомъ она, играя роль свѣтской кокетки высшаго общества, не сходила со сцены, и по мнѣнію знатоковъ своего театра, была «восхитительна». Вообще бенефисъ Катерины Васильевны удался какъ-нельзя-болѣе. Ей платили двойныя и тройныя цѣны, а одинъ старичокъ, изукрашенный дорогими перстнями, кольцами и цѣпями и съ нѣкотораго времени посѣщавшій ее очень-часто, при-

слалъ ей за свое кресло тысячу рублей. Кромѣ того, послѣ каждаго пріѣзда къ ней этого старичка, у нея являлась какая-нибудь вещь рублей въ двѣсти, въ триста, и даже дороже. Катерина Васильевна обращалась съ старичкомъ очень-ласково, драла его за уши, когда онъ, весь разстаявъ, дрожащими и сморщенными губами цаловалъ ея бѣленькія ручки,—и обыкновенно называла его папашей. Но въ совершенномъ восторгѣ отъ него была Арина Савельевна, которой онъ подарилъ шолковой матеріи на платье.

Гребешковъ ненавидѣлъ этого волокиту-старичка, и вообще ему не нравилось то, что въ гостиной Катерины Васильевны и по утрамъ и во вечерамъ всегда вертѣлись гости. Болѣе года былъ онъ знакомъ съ нею, и во все продолженіе этого времени ни разу не имѣлъ случая объяснить ей наединѣ свои чувства.

Однако, разъ вечеромъ (это было вскорѣ послѣ ея бенефиса), онъ, къ удивленію своему, наконецъ засталъ ее одну... Она лежала на кушеткѣ въ своей уборной, тускло освѣщенной свѣтомъ алебастровой люстры. Ножки ея были открыты, рѣсницы опущены, волосы длинными буклями упадали на полуобнаженную грудь. У Гребешкова сильно забилось сердце, когда онъ взглянулъ на нее.

— Вы спите, Катерина Васильевна? сказалъ онъ, подходя къ ней.

Она взглянула на Гребешкова, не перемѣняя своего положенія, и едва замѣтная тѣнь неудовольствія пробѣжала по лицу ея.

— А! это вы? Нѣтъ, не сплю: я не здорова...

— Что съ вами? спросилъ Гребешковъ, садясь на стулъ возлѣ нея и съ участіемъ смотря ей въ глаза.

— Ничего... голова болитъ.

— Что же вы не пошлете за докторомъ?

— Вотъ еще! И такъ пройдетъ.

— Да у васъ, кажется, жаръ? продолжалъ Гребешковъ, взявъ ея руку и слегка пожавъ ее.

— Ахъ, оставьте меня. Ну, жаръ такъ жаръ... Эка важность!

— Помилуйте, съ вами нельзя говорить сегодня. Вы такъ сердиты.

— Скажите, пожалуйста! Вотъ безподобно! Выдумайте еще что-нибудь.

Катерина Васильевна, сказавъ это, посмотрѣла на дверь и съ безпокойствомъ стала къ чему-то прислушиваться. Казалось, какая-то мысль очень тревожила ее. Гребешковъ былъ удивленъ ея страннымъ обращеніемъ съ нимъ. Онъ никакъ не могъ понять причину ея холодности и разсѣянности.

— Я первый разъ добился счастія видѣть васъ наединѣ, сказалъ онъ, посмотря на нее съ особеннымъ чувствомъ: — а вамъ какъ будто непріятно это..

Онъ остановился и продолжалъ черезъ минуту съ замѣтною робостію:

— Быть же наединѣ съ женщиною, которую любишь... это... это...

Гребешковъ не находилъ словъ.

— Это, я думаю, очень-пріятно, можно себѣ представить! перебила Катерина Васильевна, не глядя на него.

— Но любить безъ взаимности...

Катерина Васильевна вскочила съ кушетки, улыбнулась и, присѣдая передъ своимъ обожателемъ, пропѣла водевильный куплетъ:

Любви взаимной наслажденье
Кто никогда не испыталъ,
Того вся жизнь—одно мученье,
Увы! тотъ не жилъ,—а страдалъ.

Гребешковъ разсердился за эту шутку.

— Вы прекрасно поете, сказалъ онъ, закусивъ губу.

— Не дурно-съ, отвѣчала актриса: — немножко получше Кавалерской...

Она еще что-то хотѣла сказать, но остановилась и вздрогнула, потому что въ другой комнатѣ послышался стукъ.

— Вы сегодня какъ-то необыкновенно-странны, замѣтилъ Гребешковъ и съ досадою началъ бить тактъ ногою.

— Постойте, постойте... тише! Актриса заглянула въ дверь сосѣдней комнаты: — нѣтъ, это мнѣ показалось.

— Что же вамъ показалось? Вы, можетъ-быть, ждете кого-нибудь и я мѣшаю вамъ?

— Мнѣ показалось, что кто-то былъ въ той комнатѣ, отвѣчала она съ замѣшательствомъ, отходя отъ дверей: — вы находите, продолжала она, обращаясь къ Гребешкову: — будто я какъ-то необыкновенна что-ли, а я нахожу, что вы сегодня ни на что не похоже что такое .. ужасть, какой смѣшной...

Слова ея были прерваны звономъ колокольчика въ прихожей. Катерина Васильевна бросилась къ Гребешкову и схватила его за руку.— Ради Бога, проговорила она: — подите въ мою спальню, а оттуда пройдите въ переднюю черезъ коридоръ... ко мнѣ пришелъ одинъ человѣкъ, знаете, съ которымъ мнѣ нужно переговорить кое объ какихъ дѣлахъ .. Пожалуйста; я жду васъ завтра... у меня никого не будетъ, слышите?

И съ этими словами она почти-насильно втолкнула Гребешкова въ свою спальню. Онъ вышелъ оттуда въ неосвѣщенный коридоръ, изъ котораго дверь была отворена въ переднюю и увидѣлъ мелькнувшую мимо двери сухощавую тѣнь старичка.

— Э-ге! подумалъ Гребешковъ, начиная приходить въ себя и ощупью спускаясь по лѣстницѣ. Онъ уже занесъ ногу на послѣднюю ступеньку, какъ вдругъ почувствовалъ, что его схватили за шинель.

— Кто тутъ? спросилъ Гребешковъ, испугавшись.

— Это я! я, милостивый государь, отвѣчалъ кто-то заикаясь.

— Кто вы? что вамъ надобно?

— А! вы не узнаете меня?..

— Да какъ же вы хотите, чтобы я узналъ васъ? Здѣсь не видно ни зги. Выйдемте на улицу.

— Извольте, выйдемте.

— Такъ это вы? сказалъ Гребешковъ, увидѣвъ передъ собою, при тускломъ свѣтѣ фонаря, тощую фигуру поэта, написавшаго къ Катеринѣ Васильевнѣ 44 стихотворенія: — Боже мой! да что вы здѣсь дѣлаете? зачѣмъ вы меня остановили?

— Зачѣмъ я остановилъ васъ! воскликнулъ поэтъ, отстегнувъ шинель и размахнувъ рукой: — зачѣмъ я остановилъ васъ? И вы спрашиваете? Я давно караулилъ васъ здѣсь... Я зналъ, что она принимаетъ васъ наединѣ, я зналъ все... Она только разъигрываетъ роль невинности, она... но что

и говорить объ ней? Я дѣлалъ ей благородныя предложенія, хотѣлъ жениться на ней... а вы... вы должны со мною стрѣляться...

— Полноте, батюшка, что съ вами? за что намъ стрѣляться? Кто вамъ сказалъ, что она влюблена въ меня? Она насъ съ вами не полюбитъ; у нея разсчетъ вѣрнѣе: она полюбила, знаете, этого старичка, какъ бишь его...

— Знаю... знаю... не-уже-ли?...

Послѣднія слова Гребешковъ произнесъ съ насмѣшкой и негодованіемъ. Замѣтно было, что Катерина Васильевна сильно оскорбила его самолюбіе.

— Я васъ могу увѣрить.

— Вы... вы смѣетесь надо мной?

— Нисколько! Да развѣ вы не видали, что его карета теперь стоитъ у ея подъѣзда? развѣ вы не знаете, что онъ у нея всякій день сидитъ по два, по три часа?

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Стало быть, я обманывался... Хорошо же! я... я напишу на нее такіе стихи, такіе...

— А я все думалъ, что вы пользуетесь ея благосклонностію... я думалъ...

— Напрасно вы думали! А вмѣсто того, чтобъ стрѣляться, пойдемте-ка лучше въ „Фениксъ“ напьемтесь чаю; я вамъ много поразскажу объ дней...

— Съ большимъ удовольствіемъ-съ.

Поэтъ протянулъ Гребешкову руку въ знакъ примиренія, и они отправились въ „Фениксъ“.

Этотъ вечеръ заставилъ Гребешкова опредѣлить свои отношенія къ Катеринѣ Васильевнѣ. Его любовныя мечты и восторги исчезли, и, посердясь на нее дня три, онъ началъ потомъ ходить къ ней по-прежнему, но уже не за тѣмъ, чтобы вздыхать и дѣлать ей страстные глазки, а чтобъ какъ-нибудь повеселѣе провести время, поболтать съ пріятелями, поиграть въ карточки и выпить пуншу, который Арина Савельевна приготовляла отлично. Между-тѣмъ, обстоятельства его становились день-ото-дня хуже. Долгъ его отъ огромныхъ процентовъ скоро возросъ до трехъ тысячъ, а эта сумма была слишкомъ-значительна для человѣка, у котораго все имущество заключалось въ шкафѣ съ русскими книгами, да еще въ самой необходимой домашней мебели. Кредиторы не давали

ему покоя, а издатель какой-то газеты, съ котораго слѣдовало ему получить тысячъ до трехъ, присылалъ ему по 10 и по 15 рублей. Гребешковъ вышелъ наконецъ изъ терпѣнія. Онъ объявилъ издателю, что если не получитъ отъ него тотчасъ же всѣхъ денегъ, то рѣшительно отказывается отъ сотрудничества въ его газетѣ.

— Что жь, вы этимъ меня пугать вздумали? возразилъ ему издатель какой-то газеты: — развѣ васъ ужь никто замѣнить не можетъ? Газета моя, позвольте вамъ замѣтить, держится не вами, а мною. Деньги же я вамъ отдамъ, но сію минуту вы не можете ихъ отъ меня требовать. На это надобно имѣть законные документы, а развѣ я вамъ давалъ ихъ?...

Гребешковъ поблѣднѣлъ при этихъ словахъ.

— Вы, кажется, просто не хотите мнѣ заплатить ихъ, сказалъ онъ, презрительно посмотрѣвъ на издателя какой-то газеты, который недвижимо стоялъ передъ нимъ подбочась, и разодѣтый какъ восковая кукла, выставленная на окнѣ магазина для образчика моды.

Гребешковъ разгорячился, наговорилъ издателю много непріятныхъ истинъ, и они разстались другъ съ другомъ врагами.

Вскорѣ послѣ этого издатель какой-то газеты тиснулъ въ своемъ листкѣ статейку, подъ названіемъ Микроскопъ, которая была наполнена намеками на Гребешкова, и начиналась такъ:

„Наша литература въ жалкомъ состояніи, съ грустью признаемся мы .. Est-il possible? вѣроятно воскликнутъ милыя читательницы: — а вы заставляете насъ заниматься русской литературой. Прекрасно!“ — Позвольте, mesdames, вы слишкомъ скоры въ вашихъ заключеніяхъ. Есть многіе русскіе писатели, которые, право, заслуживаютъ вашего воздушнаго вниманія. Вы найдете въ ихъ сочиненіяхъ и легкій, образованный языкъ, и свѣтскія познанія, и новыя мысли, — но берегитесь сочинителей молодыхъ и неопытныхъ, которые скропаютъ какой-нибудь пустой водевильчикъ, какіе-нибудь стишки, или напишутъ какую нибудь повѣсть à la Жоржъ Зандъ, — и воображаютъ, что они уже великіе писатели. Такихъ сочинителей развелось у насъ къ несчастію очень много. Они могутъ писать, объ этомъ ни слова, но не иначе, какъ подъ надзоромъ опытнаго литератора, который даетъ имъ мысли, совѣты, исправляетъ ихъ сочиненія. Безъ руководителя

и наставника, эти господа становятся смѣшны, жалки, мелки, какъ букашки (pardon! за сравненіе), которыхъ невозможно разсмотрѣть даже въ микроскопъ...“ и проч.

Только одной литературной тли, да Гребешкову были понятны на кого направлены эти намеки. Въ груди Гребешкова закипѣло мщеніе. Онъ написалъ статью, въ которой обнаружилъ различныя не совсѣмъ-чистыя и ему одному только извѣстныя литературныя продѣлки издателя какой-то газеты, и отправился съ этою статьею къ Ѳетюкову, въ полной увѣренности, что Ѳетюковъ приметъ ее съ восторгомъ, сей-часъ же велитъ напечатать въ своемъ изданіи и сдѣлаетъ его своимъ постояннымъ сотрудникомъ. Но Ѳетюковъ, къ удивленію Гребешкова, обошелся съ нимъ очень холодно и не принялъ его статьи, ссылаясь на то, будто поставилъ себѣ за правило не допускать въ свое изданіе личностей. Гребешковъ не зналъ, что издатель какой-то газеты давно, тайно отъ него, велъ переговоры съ Ѳетюковымъ о мирѣ черезъ литературнаго сплетника, потому-что вознамѣрился за недостаткомъ подписчиковъ, передать свою газету какому-нибудь безкорыстному любителю литературы. И въ то время, какъ Гребешковъ явился къ Ѳетюкову съ своею статьею, миръ этотъ уже былъ заключенъ и договорныя условія съ обѣихъ сторонъ подписаны. Издатель какой-то газеты, въ силу мирнаго договора, долженъ былъ при передачѣ своей газеты поставить въ непремѣнную обязанность новому издателю, чтобы всѣ творенія Ѳетюкова безъ исключенія были постоянно расхваливаемы въ газетѣ, а Ѳетюковъ съ своей стороны обязался между-прочимъ ни подъ какимъ предлогомъ не принимать къ себѣ въ сотрудники Гребешкова и не иначе, какъ съ самой дурной стороны отзываться о его сочиненіяхъ, гдѣ бы таковыя ни показались: отдѣльно, или въ журналахъ. Послѣ этого издателю какой-то газеты оставалось только передать свое изданіе. И черезъ нѣсколько времени онъ передалъ его и притомъ на очень выгодныхъ условіяхъ, одному сочинителю, который пожелалъ издавать журналъ во-первыхъ, какъ онъ говорилъ, для того, чтобъ водворить нравственность въ литературѣ, а во-вторыхъ для того, чтобъ не праздно проводить время.

Такимъ-образомъ, сложивъ съ себя званіе издателя газеты, Александръ Петровичъ сдѣлался по прежнему сотрудникомъ

и другомъ Ѳетюкова, разсчитавъ, что послѣднее гораздо выгоднѣе. И Ѳетюковъ, съ свойственною ему ловкостію и тонкостію, напечаталъ объ этомъ великомъ литературномъ событіи слѣдующее объявленіе:

„Спѣшу извѣстить почтеннѣйшую публику, что извѣстный и по справедливости уважаемый ею литераторъ Александръ Петровичъ Д**, трудившійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашемъ изданіи, а потомъ самъ издававшій свою газету, изъявилъ нынѣ желаніе снова быть нашимъ постояннымъ сотрудникомъ. Мы часто послѣднее время ссорились съ Александромъ Петровичемъ, перестрѣливались другъ съ другомъ въ журналахъ,—я (Антонъ Ѳетюковъ) писалъ много несправедливаго противъ него (грѣшенъ и торжественно въ этомъ каюсь!). Александръ Петровичъ въ свою очередь писалъ много несправедливаго противъ меня (увѣренъ, что и онъ послѣдуетъ моему примѣру и принесетъ въ этомъ столь же чистосердечное покаяніе передъ публикою); но не смотря на все это, мы въ тайнѣ питали другъ къ другу истинное уваженіе. Мы съ нимъ не боги, а смертные — и, слѣдовательно, какъ всѣ смертные, не безъ слабостей. Что дѣлать! между нами пробѣжала черная кошка—и вотъ мы съ нимъ поссорились, да и помирились. Пословица говоритъ правду, „милые бранятся, только тѣшатся, Александръ Петровичъ готовитъ для нашего изданія много статей чрезвычайно любопытныхъ; нѣкоторыя изъ нихъ онъ читалъ мнѣ—и, признаюсь, я не могъ надивиться его таланту самыя обыкновенныя вещи разсказывать мило, ловко, остроумно, заманчиво. Талантъ, необыкновенный талантъ!.. Передъ нимъ самъ Жюль Жаненъ покажется пустымъ и вздорнымъ болтуномъ.“

Послѣ этого объявленія, въ фельетонѣ изданія Ѳетюкова появилась статейка Александра Петровича: Панорама русской литературы, въ которой говорилось все о Ѳетюковѣ и о великихъ услугахъ, оказанныхъ имъ русскому языку. Такъ-то закрѣпили снова узы дружбы передъ лицомъ умиленной публики эти два сочинителя, которые такъ долго и такъ страшно враждовали другъ съ другомъ. Примѣры нерѣдкіе въ современной литературѣ! Александръ Петровичъ, при передачѣ своей газеты, не забылъ Гребешкова—и прислалъ ему деньги, которыя былъ долженъ, обсчитавъ его впрочемъ рублей на двадцать.—

Гребешковъ до того обрадовался этимъ деньгамъ, что и не замѣтилъ недочета: онѣ пришлись ему очень-кстати, потому-что онъ только по милости своихъ знакомыхъ, къ которымъ ходилъ обѣдать, не умеръ съ голоду. Уплативъ нѣкоторые изъ самыхъ важныхъ и необходимыхъ долговъ своихъ, онъ оставилъ себѣ 200 рублей, и отправился на вечеръ къ Катеринѣ Васильевнѣ, намѣреваясь попытать свое счастье. Здѣсь надобно замѣтить, что Катерина Васильевна, съ тѣхъ поръ какъ Гребешковъ пересталъ быть театральнымъ критикомъ, замѣчательно измѣнила съ нимъ свое обращеніе и начала смотрѣть на него съ тою небрежною холодностью, съ какою мы обыкновенно смотримъ на людей совершенно-безполезныхъ намъ. Даже другъ его, актеръ-водевилистъ, сталъ отзываться о немъ очень невыгодно и уже гораздо рѣже посѣщалъ его, особенно съ того дня, какъ Гребешковъ занялъ у него деньги.—Что, братецъ, говорилъ актеръ одному фельетонисту:—Гребешковъ, братецъ, дрянью оказался... Жалко смотрѣть на него, ей-Богу. У всѣхъ занимаетъ деньги, никому не платитъ, и у меня взялъ рублей сто... Мы, артисты, братецъ, люди добрые,—проситъ... ну, отказать какъ-то совѣстно, а послѣ и раскаешься, что далъ—да ужь поздно. Въ карты съ нимъ играть нельзя,—что съ него возьмешь?.. Сущая голь, братецъ!

Гребешковъ, видя охлажденіе къ нему Катерины Васильевны и актера-водевилиста, началъ заискивать ихъ вниманія и отъ того еще болѣе терялъ въ ихъ мнѣніи. Онъ явился къ Катеринѣ Васильевнѣ не много на веселѣ. Въ этотъ вечеръ у нея собралось много гостей—и актеръ-водевилистъ заложилъ для нихъ тысячу рублей банку «собственно то-есть для плезиру», какъ онъ выражался. Изъ этихъ тысячи рублей только двѣсти принадлежали актеру, а остальные Катеринѣ Васильевнѣ, что было, впрочемъ, тайною для гостей. У стола, на которомъ актеръ металъ банкъ, сидѣли и стояли понтирующіе въ разныхъ положеніяхъ. Тутъ были два актера и одинъ танцоръ, Скворевичъ, Павлюковъ, нашъ знакомый офицеръ, театральный чиновникъ, да литературный сплетникъ, который хотя не участвовалъ въ игрѣ, но съ величайшимъ любопытствомъ слѣдилъ за таліею. Катерина Васильевна сидѣла возлѣ банкомета и впивалась глазами въ карты, то вспыхивая, то блѣднѣя. Любопытно было слѣдить за игрою ея физіономіи, на которой

ощущенія восторга, радости, досады и отчаянія поочередно смѣнялись съ какою-то дикою быстротою. Гребешковъ вошелъ въ игорную комнату никѣмъ незамѣченный, исключая литературнаго сплетника,—и остановился сзади стула хозяйки. Когда талія кончилась, онъ поздоровался съ Катериною Васильевною и поцаловалъ ея ручку...

— А! сказала Катерина Васильевна, очень-серьезно посмотрѣвъ на него:—какими это судьбами? откуда?

При этихъ словахъ, всѣ играющіе вдругъ взглянули на Гребешкова. Актеръ-водевилистъ, тасуя колоду, повернулъ голову назадъ и сказалъ ему: «наше вамъ почтеніе-съ.» Скворевичъ, при видѣ его, присвиснулъ и, подмигнувъ, многозначительно щелкнулъ по воротнику своего сюртука, на что Гребешковъ отвѣчалъ ему утвердительно, крякнувъ. Павлюковъ посмотрѣлъ на Гребешкова съ выраженіемъ негодованія, закрутилъ въ кольцо свой накрашенный усъ, наклонился къ уху театральнаго чиновника и сталъ ему что то нашептывать, а офицеръ закричалъ во все горло:—Бонжуръ, мосье Гребешковъ, аншанте де ву вуаръ... а мы здѣсь видите ли какъ отличаемся! Я смертельно люблю играть въ банкъ, банкъ это просто страсть моя. Въ чужихъ краяхъ я въ одинъ вечеръ проигрывалъ по 25,000. Одинъ разъ впрочемъ я выигралъ у англичанина—славный былъ такой малый, мы съ нимъ были друзья, и я теперь съ нимъ переписываюсь, такъ у него я выигралъ тысячъ шестьдесятъ...

— Это ты, братецъ, видно въ чужихъ краяхъ только такіе куши ставишь, замѣтилъ банкометъ:—а здѣсь этакъ прохаживаешься по середнему на двугривенничкахъ да на пятиалтынничкахъ...

— Что жь, мон-шеръ, перебилъ его офицеръ:—я вовсе не расположенъ сегодня играть; я только такъ пошалить захотѣлъ, а спроси у кого хочешь, какъ я играю; да я вотъ на дняхъ у князя Арнаутова выигралъ 2000.

— Знаемъ мы, братецъ, что ты выиграешь по двѣ тысячи безъ двухъ нулей, знаемъ...

— Ну вотъ и пошли спорить, сказала актриса:—очень нужно... Слышите? мечите лучше банкъ... что тутъ разговаривать!..

— Новая талія... кому угодно-съ?

— Идетъ двойка — десять рублей... произнесъ Гребешковъ въ-полголоса, положивъ карту на столъ дрожащей рукою.

Катерина Васильевна съ оскорбляющимъ удивленіемъ осмотрѣла Гребешкова съ ногъ до головы.

— То-есть десять рублей на мѣлокъ? возразилъ банкометъ улыбаясь и покашливая.

— Нѣтъ, братецъ, не на мѣлокъ, а на ассигнаціи.

И Гребешковъ прикрылъ карту ассигнаціей.

— Эй, братъ, лучше препроводи ее опять въ карманъ; а то вѣдь я ее царапну, тогда тебѣ будетъ плохо: къ родителямъ прійдется отписывать.

При этихъ словахъ, на многихъ лицахъ показалась улыбка, а Павлюковъ, безъ всякой церемоніи, залился своимъ пронзительнымъ смѣхомъ.

— Оставь свои шуточки, сдѣлай одолженіе, сказалъ Гребешковъ:—я съ тобой не шучу...

Талія началась, десятка была убита.

— Что, Николай Николаичъ? Не правъ я? Десяточка-то, если не ошибаемся, приказала долго жить.

Въ слѣдующую талію, Гребешковъ поставилъ двѣ карты по 10 рублей — и обѣ онѣ были убиты. Онъ разгорячился и сталъ удвоивать куши. Когда, по разсчету Катерины Васильевны, банкъ былъ въ выигрышѣ около тысячи пятисотъ рублей, кромѣ проигрыша Гребешкова, — она незамѣтно толкнула банкомета локтемъ. Банкометъ дометалъ талію, сказалъ, что онъ бастуетъ—и приступилъ къ разсчету. Получивъ со всѣхъ слѣдующія ему деньги, онъ наконецъ обратился Гребешкову...

— Счетъ, кажется, вѣренъ, братецъ? съ тебя слѣдуетъ ровно восемьсотъ ассигнаціями...

— Восемьсотъ? повторилъ Гребешковъ, измѣняясь въ лицѣ:—восемьсотъ?.. Вотъ сто восемьдесять, а остальные... остальные... я тебѣ отдамъ послѣ... у меня нѣтъ съ собой...

— Да вѣдь мы, братецъ, на чистаганъ играли, а не на фуфу!.. возразилъ актеръ, вставъ съ своего стула и посмотрѣвъ Гребешкову прямо въ глаза. — Господа, продолжалъ онъ обращаясь ко всѣмъ:—кажется, мы на чистаганъ играли?

— Гм! я думаю, что не на орѣшки, пропищалъ Павлюковъ, свысока поглядывая на Гребешкова.

— То-то-съ. По нашему, коли нѣтъ денегъ, такъ лучше не играй.

— Я заплачу тебѣ остальные завтра, на дняхъ... Гребешковъ совершенно смутился.

— На дняхъ?.. а сколько дней, братецъ, прошло съ тѣхъ поръ, какъ ты обѣщалъ мнѣ отдать сто рублей, которые долженъ?...

— Туда же лѣзетъ играть! сказала Катерина Васильевна одному изъ гостей:—а за душой нѣтъ ни гроша: кабы выигралъ, такъ, не бойсь, не отказался бы отъ денегъ.

— Тише, замѣтилъ гость:—онъ стоитъ возлѣ насъ...

— Экая важность! Удивительно! Да пусть его слышитъ.

Гребешковъ точно слышалъ всѣ слова Катерины Васильевны. На блѣдномъ лицѣ его выступили красныя пятна. Скворевичу стало жаль его...

— Что, въ самомъ дѣлѣ, ты присталъ къ нему, сказалъ онъ, подходя къ актеру.—Ну, твои деньги не пропадутъ... онъ тебѣ заплатитъ.

— Знаемъ мы эти платежи! воскликнулъ актеръ и, засвиставъ, вышелъ въ другую комнату... Катерина Васильевна послѣдовала за нимъ... Она подошла къ нему и начала что-то говорить ему съ большою горячностію, размахивая руками.

Между тѣмъ офицеръ подбѣжалъ къ Гребешкову...

— Послушайте, если у васъ нѣтъ денегъ, я могу вамъ дать на дняхъ сколько хотите... двѣ тысячи, четыре тысячи... Я могу у банкира взять, если недостанетъ... вѣдь мнѣ всѣ банкиры пріятели. У меня такой кредитъ, что вы себѣ представить не можете. Одинъ банкиръ хотѣлъ, чтобъ я женился на его дочери... шармантъ персонь, какъ мила! поетъ, играетъ на арфѣ, на фортепьяно, на всѣхъ инструментахъ; на нею четыре милліона приданаго, но мнѣ хочется, знаете, составить партію съ связями, познатнѣе...

Офицеръ говорилъ съ четверть часа, не умолкая, а Гребешковъ не слыхалъ ни полслова изъ его разсказа. Наконецъ, освободясь отъ офицера, Гребешковъ взялся за шляпу и хотѣлъ уйдти незамѣтно, пользуясь отсутствіемъ Катерины Васильевны, но въ ту самую минуту, какъ онъ сдѣлалъ шагъ къ передней, она вошла въ комнату и закричала:

— Маменька, маменька! велите подавать ужинать, да принесите водки, слышите?

— Сейчасъ несу, сейчасъ, проворчала Анна Савельевна изъ передней, и между тѣмъ выпила рюмочку травнику.

— Катерина Васильевна! сказалъ актеръ водевилистъ: — вѣдь Скворевичъ-то не пьетъ водки: велите подать ему бутылочку романеи.

— Вотъ другъ-то, замѣтилъ Скворевичъ, потрепавъ актера по затылку: — а еще говорятъ, что въ нынѣшнемъ свѣтѣ друзей нѣтъ...

— Маменька, подайте рому! закричала Катерина Васильевна, подходя къ дверямъ передней.

Гребешкову никакъ нельзя было уйдти по-тихоньку. Онъ молча поклонился Катеринѣ Васильевнѣ, которая сказала ему отрывисто: „прощайте-съ“ — и вышелъ въ переднюю, преслѣдуемый насмѣшливыми взорами Павлюкова и актеровъ.

— До свиданія, братецъ, сказалъ Скворевичъ, провожая Гребешкова: — до свиданія; а жаль, что ты не остаешься ужинать. Скворевичъ вздохнулъ и крѣпко пожалъ ему руку. — Мы вмѣстѣ бы прошлись по лоделаванцу...

— Спасибо тебѣ! отвѣчалъ Гребешковъ, котораго не могло не тронуть участіе Скворевича: — я что-то не очень здоровъ. Прощай.

— Бѣдный Гребешковъ! воскликнулъ литературный сплетникъ: — онъ совсѣмъ потерялся... Знаете, какъ онъ поссорился съ Александромъ Петровичемъ, онъ побѣжалъ тотчасъ къ Ѳетюкову, чуть въ ногахъ у него не валялся, все просилъ, чтобъ тотъ принялъ его въ сотрудники. Это при мнѣ было... Какія клеветы онъ распускалъ на Александра Петровича, повѣрить нельзя, а вѣдь всѣмъ былъ обязанъ ему. Вотъ что значитъ не имѣть никакихъ правилъ... А жаль Гребешкова, очень жаль!

— Ну ужъ есть чего жалѣть, признаюсь! сказала Катерина Васильевна.

— И онъ думалъ, пропищалъ Павлюковъ; — что Ѳетюковъ его возьметъ въ сотрудники. Его! да что онъ такое? Онъ и писать-то не умѣетъ: ни въ одной статьѣ его нѣтъ смысла, просто человѣческаго смысла. А Ѳетюковъ человѣкъ съ много-

сторонними свѣдѣніями: ученый и тонкій человѣкъ... Онъ выбирать людей умѣетъ...

— Ужасъ, что дѣлается въ нашей литературѣ! закричалъ офицеръ.—Во Франціи такъ это совсѣмъ другое: вѣдь я тамъ былъ, я вотъ вамъ разскажу все какъ тамъ это... Я тамъ въ кафе со всѣми литераторами каждый день видался... Жюль Жаненъ мнѣ говорилъ... Вѣдь онъ, знаете, умнѣйшая голова!.. Онъ...

— Пойдемте ужинать, сказала Катерина Васильевна.

— Пойдемте, пойдемте!.. Офицеръ бросился къ Катеринѣ Васильевнѣ, схватилъ ее за руку и потащилъ въ столовую.

За ними послѣдовали всѣ гости.

ГЛАВА X.

Заключеніе.

На другой день Катерина Васильевна объявила актеру-водевилисту, что она не велитъ болѣе пускать къ себѣ Гребешкова „ни за какія блага въ мірѣ“.

— И дѣльно! возразилъ актеръ:—что за прибыль знаться съ такими скалдырниками!

— Слышите, маменька, сказала Катерина Васильевна, обращаясь къ Аринѣ Савельевнѣ:—когда бы *онъ* ни пришелъ,—говорить, что меня нѣтъ дома. Смерть не люблю его! Такой, право, противный. И въ физіономіи у него есть что-то такое, самое низкое.

— Именно, замѣтилъ актеръ:—у него никакого чувства нѣтъ, и притомъ такая безталантность, что ужасъ... даже безнравственность, я вамъ скажу, вотъ что. Двухъ стишковъ порядочно скропать не умѣетъ, а вѣдь туда же — лѣзетъ въ писатели... и еще мои куплеты выдаетъ за свои. Вышь какой гусь! А вотъ постой: крылья-то мы ему пообрѣжемъ. У меня въ той части, гдѣ онъ живетъ, знакомый квартальный Гаврила Гаврилычъ—славнѣйшій малый, добросердечный этакой... Я съ нимъ переговорю объ этомъ дѣльцѣ.

— Ахъ, вотъ бы славно, кабы устроить такую штуку! воскликнула Катерина Васильевна.

— Ну, да за что же его не пускать? ворчала Арина Савельевна:—онъ такой тихой, совсѣмъ не буянъ.

— Ужъ, пожалуйста, маменька! ужъ сдѣлайте одолженіе! Это совсѣмъ не ваше дѣло. Не пускайте, да и кончено. Вотъ и все тутъ.

Впрочемъ, всѣ эти мѣры предосторожности, которыя принимала Катерина Васильевна противъ посѣщеній Гребешкова, были напрасны, потому-что онъ и безъ того не хотѣлъ къ ней показываться болѣе послѣ вечера, описаннаго мною въ предшествовавшей главѣ. Съ актеромъ водевилистомъ онъ также прекратилъ всѣ сношенія и даже старался избѣгать встрѣчи съ нимъ на улицѣ, боясь, чтобъ тотъ не напомнилъ ему о долгѣ и о проигрышныхъ деньгахъ.

Лишенный наконецъ всѣхъ средствъ къ существованію и удостовѣрясь на опытѣ, что литературой деньги пріобрѣтаются на такъ легко, какъ ему казалось сначала,—Гребешковъ, можетъ статься, снова и съ радостію поступилъ бы на службу. Но объ этомъ нечего было думать, ибо единственный покровитель его — генералъ, не хотѣлъ и слышать объ его имени, съ тѣхъ поръ, какъ Гребешковъ, увлекаемый литературною славою, такъ безрасудно и опрометчиво оставилъ службу.

И такъ, о службѣ Гребешкову нечего было думать. Что было ему дѣлать? Терзаемый различными, весьма горестными размышленіями, онъ рѣшился отправиться съ предложеніемъ своихъ услугъ къ тому знаменитому сочинителю, который, на закатѣ дней своихъ занялся изданіемъ журнала, вопервыхъ, для водворенія въ литературѣ нравственности, а во вторыхъ, для того, чтобъ не праздно проводить время. Знаменитый сочинитель принялъ Гребешкова очень ласково, однако съ тѣмъ благороднымъ чувствомъ личнаго превосходства, съ какимъ обыкновенно у насъ на Руси господинъ, имѣющій значительный чинъ, принимаетъ господина неимѣющаго значительнаго чина Онъ объявилъ Гребешкову, что въ сотрудникахъ не нуждается; что въ газетѣ его принимаютъ участіе все люди солидные, опытные, заслуженные литераторы, въ извѣстныхъ уже лѣтахъ, съ извѣстными правилами. Потомъ, вздыхая, прибавилъ, что литература въ наше время, къ величайшему прискорбію людей благомыслящихъ и благонамѣренныхъ, приняла совершенно безнравственное направленіе, что молодые писатели

пренебрегаютъ обработываніемъ своего слога, не изощряютъ своего вкуса изученіемъ старинныхъ отечественныхъ писателей, въ которыхъ, къ стыду нашего времени и ко всеобщему позору, осмѣливаются даже находить недостатки—и кто же? какіе-то недоучившіеся студенты, наглые и безсовѣстные крикуны, не имѣющіе ученыхъ патентовъ, уличные бродяги безъ чина... Въ заключеніе, знаменитый сочинитель очень краснорѣчиво распространился о томъ, что вообще молодые писатели не изъявляютъ никакой аттенціи и уваженія къ старшимъ по чину и по лѣтамъ литераторамъ, и занимаются литературой единственно изъ корыстныхъ цѣлей, что ясно доказываетъ растлѣніе нравовъ и прочее.

Гребешковъ вышелъ отъ знаменитаго сочинителя, намѣревавшагося водворить нравственность въ литературѣ,—и, самъ не зная куда, побрелъ по тротуару. Онъ взглянулъ на свой истертый сюртукъ, на свою истасканную шинель, махнулъ рукой, и съ видомъ человѣка, которому нечего терять, прошепталъ; „ну будь, что будетъ!“

— Куда это вы, почтеннѣйшій, идете такимъ Манфредомъ? закричалъ Гребешкову съ улыбкою бѣлокурый и подслѣповатый стихотворецъ, съ утра до ночи шатавшійся по всѣмъ петербургскимъ трактирамъ съ своими пріятелями, и во все горло разсуждавшій съ ними о своихъ стихахъ, о Байронѣ и о матерьяхъ важныхъ.—Куда это вы? И бѣлокурый, подслѣповатый стихотворецъ, который впрочемъ былъ болѣе извѣстенъ въ кандитерскихъ и въ трактирахъ, нежели въ литературѣ, заградилъ Гребешкову дорогу длинными своими руками.

— Ахъ, здравствуйте, сказалъ задумчиво Гребешковъ:— а вы куда?

— А я иду къ Локоткову, хочу продать ему свои стихотворенія. Вы вѣдь не читали моей послѣдней русской баллады? какъ вамъ она нравится?

— Нѣтъ, не читалъ.

— Очень недурная вышла штучка, очень удалась мнѣ. Вотъ начало, послушайте:

Олегъ сидѣлъ, раздумья полный
Надъ разыгравшейся рѣкой.
И опѣнившіяся волны
Слѣдилъ съ глубокою тоской.
Мечты въ душѣ его кипѣли;

Онъ думалъ: «Славный мой народъ,
Но управлять имъ тьмы заботъ.»
А птички беззаботно пѣли
Въ ближайшей рощѣ..

Гребешковъ не слушалъ стихотворца. Онъ думалъ: а что, не зайдти ли и мнѣ къ Локоткову? не дастъ ли онъ мнѣ какой-нибудь работы? не добуду ли я черезъ него хоть сколько-нибудь деньжонокъ? И Гребешковъ вдругъ схватилъ за руку разгорячившагося стихотворца.

— Пойдемте вмѣстѣ къ Локоткову, сказалъ онъ прерывая его декламацію:—и мнѣ къ нему нужно зайдти...

— Очень-радъ, пойдемте, отвѣчалъ стихотворецъ:—а какъ вамъ нравится моя баллада?

— Чудесные стихи, превосходные...

И стихотворецъ, ободренный похвалою Гребешкова, продолжалъ декламировать свою балладу всю дорогу до самаго гостинаго двора, гдѣ находилась лавка Локоткова. Въ лавкѣ стихотворецъ нашелъ своего пріятеля, съ которымъ тотчасъ же заговорилъ о своихъ стихахъ, а Гребешковъ, избавясь отъ него и увидѣвъ, что хозяинъ лавки занимался разборомъ книгъ въ задней комнатѣ, отправился къ нему, впрочемъ, не безъ сердечнаго трепета.

— Что это вы здѣсь подѣлываете? сказалъ онъ, подходя къ книгопродавцу.

Книгопродавецъ довольно-равнодушно взглянулъ на Гребешкова и произнесъ, по своему обыкновенію, моргая вѣками:— Такъ-съ, ничего-съ, товарецъ кое-какой-съ, то-есть, немножко этакъ поразобрать-съ надобно-съ.

— Гм!.. Гребешковъ, закусивъ губу и нѣсколько потупивъ глаза, объявилъ книгопродавцу, что имѣетъ до него маленькую просьбицу, что желалъ бы заняться какой-нибудь работой, переводомъ или чѣмъ-нибудь, этакимъ...

— Ну такъ что же-съ?.. возразилъ книгопродавецъ, не глядя на него.

— Я думалъ, что нѣтъ ли у васъ какой-нибудь работы?

— Да-съ, то-есть, у меня-съ? работы извѣстно-съ какъ не быть-съ; только вѣдь я большой платы не могу дать-съ...

Книгопродавецъ зналъ обстоятельства Гребешкова, и, какъ торгашъ смѣтливый, хотѣлъ его поприжать немножко.

— Нынче, извѣстно, Николай Николаичъ-съ, деньги въ

сапожкахъ ходятъ-съ... торговля плохая-съ... А работы какъ не быть-съ! Вотъ-съ, пожалуй, возмите-съ перевести новый романчикъ-съ Пальдекока-съ... говорятъ, безподобнѣйшій-съ, этакъ животики надорвать отъ смѣху можно-съ, ей-Богу-съ... Переведите-съ, а мы уже тамъ въ цѣнѣ условимся-съ... Цѣна извѣстная-съ...

— То-есть, какъ извѣстная? спросилъ Гребешковъ измѣняющимся голосомъ.

— Тамъ ужь увидимъ-съ... Я васъ не обижу-съ, переведите только-съ...

— Однако, сколько на-примѣръ, вы намѣрены дать?

— Сколько-съ?.. Вы сами знаете-съ, что у Пальдекока-съ частички-съ тоненькія-съ, ефирныя, можно сказать-съ; у другого сочинителя-съ такъ одна часть-съ поздоровеннѣе-съ его четырехъ-съ... и переводить-то его-съ, то-есть, просто вы сами знаете-съ, ничего не стоитъ-съ: онъ вотъ такъ легко пишетъ-съ, какъ словно будто-съ по-русски-съ, ей-Богу-съ... Рубликовъ пятьдесятъ, извольте-съ можно дать-съ...

— Какъ! за переводъ цѣлаго романа? воскликнулъ Гребешковъ въ отчаяніи.

— Цѣна хорошая-съ, отвѣчалъ хладнокровно книгопродавецъ. — У меня-съ прошлаго года-съ, можетъ, знаете-съ, Антонъ Ермолаичъ-съ Колышкинъ-съ, за 25 рубликовъ отчесалъ романчикъ-съ. ей-Богу-съ; а вѣдь переводитъ-съ ей-Богу-съ, такъ-съ, что ужь запятой не пропуститъ-съ, по всѣмъ правиламъ грамматики-съ...

Гребешковъ долго торговался съ книгопродавцемъ и наконецъ условился перевести романъ, назначенный имъ, за семьдесять пять рублей.

— И такъ-съ по рукамъ-съ... сказалъ книгопродавецъ, протягивая Гребешкову свою руку.

— По рукамъ! возразилъ Гребешковъ.—Только вы мнѣ дайте задатку рублей хоть 20. Мнѣ очень-нужны деньги...

— 20 нельзя-съ, Николай Николаевичъ-съ, а два цѣлковенькихъ-съ извольте-съ, съ моимъ удовольствіемъ-съ...

Нечего было дѣлать — и Гребешковъ отправился домой съ двумя цѣлковыми. Съ этой минуты онъ поступилъ въ разрядъ тѣхъ безъименныхъ и темныхъ сочинителей и переводчиковъ, которыхъ, полгода тому назадъ, самъ немилосердо преслѣдо-

валъ по долгу критика. Такого рода сочинители и переводчики всегда состоятъ по особымъ порученіямъ у книжнаго торгаша и дѣлаются его рабами изъ черстваго куска насущнаго хлѣба. Они переводятъ, по его приказанію, всякія книжонки, идущія съ рукъ, составляютъ для него различныя шарлатанскія объявленія и брошюрки: *о само-новѣйшемъ и вѣрнѣйшемъ способѣ истребленія насѣкомыхъ и всякихъ домашнихъ гадинъ; о удивительномъ и досель никому еще неизвѣстномъ средствѣ выращиванія на плешинахъ волосъ и приданіи имъ особой мягкости и лоска*; они сочиняютъ новые заголовки на старыя давно-забытыя и залежавшіяся книжонки, покупаемыя книжнымъ торгашомъ у сочинителей по 10 и 5 копѣекъ мѣдью за экземпляръ и пускаемыя имъ въ продажу за совершенно новыя сочиненія; они передѣлываютъ на русскіе нравы французскія повѣсти для дѣтей и различныя физіологіи, которыя книжный торгашъ издаетъ обыкновенно къ новому году и къ свѣтлому-празднику съ лубочными картинками, величая эти лубочныя картинки въ своихъ объявленіяхъ: „роскошнѣйшими политипажными рисунками.“

Гребешковъ продалъ всю свою мебель, которая состояла изъ шести стульевъ, дивана, зеркала и кое-какихъ русскихъ книгъ, и переѣхалъ отъ Владимірской на Пески, гдѣ нанялъ небольшую комнатку, или вѣрнѣе коморку, за 20 рублей въ мѣсяцъ. Но до переѣзда своего, онъ долженъ былъ дать заемное письмо актеру-водевилисту, своему прежнему другу.

Деньги, получаемыя Гребешковымъ за различные переводы и передѣлки, едва доставали ему на пропитаніе... Къ-тому же и эти деньги онъ получалъ отъ Локоткова съ величайшими затрудненіями и по мелочи, иногда по три и по два двугривенныхъ. Часто Гребешковъ долженъ былъ съ тощимъ желудкомъ по цѣлымъ днямъ сторожить Локоткова въ его лавкѣ, ибо книжный торгашъ имѣлъ привычку прятаться отъ тѣхъ, кому былъ долженъ. Въ одинъ изъ такихъ дней Гребешковъ поймалъ его на улицѣ...

— Ради Бога, сказалъ онъ, хватая Локоткова за рукавъ шубы: — что вы со мной дѣлаете? Мнѣ нечего ѣсть, мнѣ стыдно показаться на улицу, потому-что, видите платье мое все износилось...

— Да-съ, то-есть, на-счетъ платья-съ? возразилъ Локот-

ковъ: — конечно-съ... У меня-съ есть знакомый портной-съ: онъ вамъ-съ пожалуй-съ сработаетъ сертучокъ-съ, важнѣйшій будетъ сертучокъ-съ, а ужь мы тамъ съ нимъ сочтемся-съ.

Гребешковъ принужденъ былъ согласиться на предложеніе Локоткова.

— Идемте же къ вашему портному сейчасъ...

— Я думаю ужь лучше завтра-съ, Николай Николаичъ-съ; сегодня некогда-съ, ей-Богу-съ, завтра-съ...

— Нѣтъ, не завтра, сію минуту, произнесъ Гребешковъ рѣшительно.—Я знаю ваше завтра.

И онъ почти насильно потащилъ Локоткова къ портному.

Но терпѣніе Гребешкова истощалось, здоровье его съ каждымъ годомъ становилось слабѣе, нищета доводила его до отчаянія, и онъ, не находя никакого выхода изъ этого состоянія, какъ и всегда, искалъ забвенія въ винѣ. Онъ постепенно началъ охладѣвать къ литературѣ; но еще порою, перебирая листки газеты или журнала, въ которыхъ превозносили какого-нибудь прежняго его пріятеля, вмѣстѣ съ нимъ выступившаго на литературное поприще, онъ измѣнялся въ лицѣ, какъ чиновникъ, прочитавшій въ газетѣ о новомъ награжденіи сослуживца, перегнавшаго его по службѣ. Съ особеннымъ негодованіемъ отзывался Гребешковъ о фельетонистахъ и критикахъ. — И отчего этимъ людямъ такое счастье? говорилъ онъ обыкновенно:—чѣмъ они лучше меня? Я ужь, вѣрно, такъ же, какъ они, умѣлъ бы наполнять столбцы фельетоновъ и библіографій... Нѣтъ! ужь видно моя такая несчастная судьба!

Большую часть времени Гребешковъ проводилъ въ одномъ русскомъ трактирѣ, куда Локотковъ водилъ иногда угощать различныхъ критиковъ и фельетонистовъ, до которыхъ у него была «нуждица», какъ онъ выражался. Гребешковъ не безъ цѣли принадлежалъ къ постояннымъ посѣтителямъ этого трактира: онъ въ послѣднее время, вѣроятно, отъ большой практики, сдѣлался довольно порядочнымъ бильярднымъ игрокомъ и, вслѣдствіе этого, вмѣсто литературы, едва не рѣшился прокармливать себя бильярдомъ. Маркеръ, съ которымъ онъ обращался по-дружески, свелъ его съ неизмѣннымъ членомъ бильярдной, съ какимъ-то господиномъ въ синей венгеркѣ, съ бронзовыми цѣпями на жилетѣ, съ длинными усами и въ спальныхъ мягкихъ сапогахъ, котораго звали другіе господа его

пріятели—люди весьма странной наружности и какого-то подозрительнаго сословія,— Турухтаномъ Турухтанычемъ. Турухтанъ Турухтанычъ принялъ Гребешкова подъ свое покровительство и прочелъ ему чрезвычайно-любопытную лекцію о томъ, что такое жисть и какъ можно невиннымъ маперомъ пощечиться на счетъ неопытности ближняго, заманивая различныхъ невинныхъ пташекъ въ бильярдныя тенета... Сначала образъ мыслей Турухтана Турухтаныча привелъ Гребешкова въ содроганіе, и долго не рѣшался онъ примѣнять къ практикѣ его теорію, долго боролся съ соблазномъ; наконецъ нищета и почти голодъ заставили его рѣшиться на все. Онъ сталъ ловить двухъ купеческихъ сынковъ, которые ежедневно кутили въ трактирѣ, то-есть, выпивали по нѣскольку бутылокъ теплаго шампанскаго въ табачномъ чаду, при освѣщеніи, состоявшемъ изъ четырехъ сальныхъ, оплывшихъ и нагорѣлыхъ свѣчей, воткнутыхъ въ старинные жирандоли, и при звукахъ органа, наигрывавшаго національныя пѣсни. Старанія Гребешкова скоро увѣнчались успѣхомъ, и купеческіе сынки, однажды послѣ обѣда, попались въ сѣти, разставленныя имъ, и проиграли Гребешкову рублей до трехъсотъ. Такой успѣхъ конечно поощрилъ бы его къ дальнѣйшимъ подвигамъ, но около этого времени Турухтанъ Турухтанычъ и его пріятели—господа подозрительнаго сословія, были, по подозрѣнію въ кражѣ, захвачены полиціей. Это происшествіе сильно подѣйствовало на Гребешкова; онъ пересталъ ходить въ трактиръ и не шутя призадумался о своемъ положеніи. Петербургъ съ его Невскимъ-проспектомъ, русская литература съ Ѳетюковымъ и ея карманными интересами, русскій трактиръ съ его бильярдомъ, органомъ и сальными свѣчами въ грязныхъ жирандоляхъ, — все это ему страшно опротивѣло. Эта безобразная и безсмысленная жизнь, налагавшая на Гребешкова постепенно свою разрушительную печать, еще не совсѣмъ умертвила въ немъ чувство достоинства человѣческаго, и, вѣроятно, въ одну изъ такихъ минутъ, когда оно пробудилось въ немъ, онъ написалъ къ своей матери письмо слѣдующаго содержанія:

«Матушка!

«Простите меня. Я виноватъ передъ вами безъ оправданія. Я безсовѣстно обманывалъ васъ въ продолженіе нѣсколькихъ

лѣтъ. Я увѣрялъ васъ, будто совершенно обезпечилъ свое содержаніе литературными трудами, будто я получаю отъ литературныхъ трудовъ своихъ гораздо болѣе, нежели когда-нибудь могъ надѣяться получить на службѣ... И вы перестали безпокоиться, добрая матушка, о моей участи, ибо въ чистую душу вашу не могло закрасться подозрѣніе, что сынъ вашъ лжетъ, безстыдно лжетъ. Вы не хотѣли, чтобъ я выходилъ въ отставку; но я ослушался васъ и вышелъ въ отставку. Чувствую, что я недостоинъ вашего прощенія, но все-таки я у ногъ вашихъ. Сжальтесь надо мною!... Я здѣсь одинъ, безъ друзей, безъ покровителей, преслѣдуемый кредиторами, ежеминутно рискующій быть посаженнымъ въ тюрьму, или умереть отъ голода и холода. До послѣдней крайности я скрывалъ отъ васъ мое страшное положеніе. Я убѣгалъ отъ васъ, какъ отъ своей совѣсти, и для поддержанія своего существованія, прибѣгалъ къ мѣрамъ недостойнымъ человѣка... И всему этому причина безумная моя страсть къ литературѣ! Я думалъ, матушка, что люди, которые руководятъ общественнымъ мнѣніемъ, должны быть благороднѣе, возвышеннѣе и просвѣщеннѣе другихъ; но они... Впрочемъ, зачѣмъ говорить вамъ объ нихъ? Прочь отъ этой литературы! прочь отъ этихъ артистовъ и литератоторовъ!... Какъ страшно я запятналъ себя, увлекаемый собственнымъ безразсудствомъ и обольщаемый ихъ примѣрами!

„О, еслибъ я могъ быть сію минуту въ деревнѣ, у ногъ вашихъ! Но это невозможно; я долженъ около 4,000; кредиторы угрожаютъ мнѣ тюрьмою.... Я можетъ-быть, никогда не увижу васъ. Простите и благословите меня!“

Недѣли черезъ четыре послѣ отсылки этого письма, Гребешковъ получилъ отъ своей матери 4,000 рублей, при слѣдующемъ письмѣ:

„Сынъ мой и другъ мой Николашенька прежде всего прощаю тебя и посылаю тебѣ мое заочное благословеніе а дурно ты сдѣлалъ что отъ матери скрывалъ свои худыя обстоятельства—вотъ тебѣ мой ангелъ 4,000 рублей они лежали въ приказѣ общественнаго призрѣнія и туда еще положены отцомъ твоимъ упокой Господи его душу, помолись за упокой его души, а онъ положилъ эти деньги на случай твоей женитьбы и отъ тебя велѣлъ это скрывать а я потому свято и хранила его моего голубчика волю а теперь видя тебя въ такихъ обстоя-

тельствахъ думала, что надо тебя спасти, заплати скорѣй свои долги не заживайся въ Питербургѣ ради Бога милое дитя мое потому-что тамъ у васъ такіе соблазны что молодой человѣкъ какъ разъ можетъ погибнуть а сейчасъ пріѣзжай ко мнѣ. Да брось ты всѣ эти книги въ печку отъ нихъ вся и бѣда. Пріѣдешь сюда будешь помогать матери въ хозяйствѣ обнимаю тебя моего ангела и цалую а объ деньгахъ напиши получилъ ли и скоро ли будешь къ намъ да на дорогу запасись теплымъ платьемъ дѣло идетъ къ осени здоровье дороже всего на свѣтѣ...“

Гребешковъ нѣсколько разъ перечитывалъ эти строки и, обливая ихъ слезами, прижималъ къ губамъ своимъ.

— Матушка, добрая матушка! шепталъ онъ.—Нѣтъ, я недостоинъ любви твоей!....

И долго потомъ не выпускалъ онъ изъ рукъ этого драгоцѣннаго для него письма; иногда казалось ему, что все это сонъ, одинъ отрадный сонъ, что нѣтъ ему выхода изъ его бѣдственнаго состоянія, и тогда судорожно схватывалъ онъ пакетъ съ деньгами и жадно смотрѣлъ на пачки ассигнацій, потому-что никогда еще такой огромной суммы не бывало передъ его глазами.

Черезъ нѣсколько дней, онъ, къ великому изумленію своихъ кредиторовъ, расплатилъ всѣ долги свои, не исключая и денегъ, проигранныхъ актеру-водевилисту.

Когда Гребешковъ отдавалъ актеру-водевилисту эти деньги, актеръ посмотрѣлъ на него съ особеннымъ чувствомъ и сказалъ, ударивъ его раза три поспинѣ:

— Эхъ, душенька, такъ ужь ты непремѣнно ѣдешь въ деревню?

— Да, непремѣнно.

— И скоро?

— Скоро.

— Ну, такъ, братецъ, надо нарѣзаться на твоихъ проводахъ. Я тебѣ, пожалуй, и куплетики сочиню на отъѣздъ. Вѣдь я тебя смерть люблю, Коля. Намъ, артистамъ, и стыдно бы, казалось, ссориться другъ съ другомъ. И за что, братецъ? Я всегда говорилъ, что мы вотъ какъ-будто рождены другъ для друга!....

Утромъ, въ день отъѣзда своего, Гребешковъ, у котораго, за расплатою долговъ, осталось всего 300 рублей, вспомнилъ,

что Локотковъ долженъ ему рублей до ста, и отправился къ нему въ лавку попытать счастія. Но, къ удивленію Гребешкова, лавка была запечатана.

— Что это значитъ? подумалъ Гребешковъ.

— Мое почтеніе! сказалъ Гребешкову литературный сплетникъ, пробѣгавшій въ эту минуту по гостиному двору.—Что это, васъ, кажется, удивляетъ, что Локоткова лавка запечатана? Помилуйте, да не-уже-ли вы не знаете? Онъ третьягодня посаженъ въ тюрьму за долги.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Ей-Богу. А вы слышали, что Кукушкинъ назвалъ Ѳетюкова публично подлецомъ, и они теперь опять въ страшной ссорѣ. Кукушкинъ пишетъ статью противъ Ѳетюкова, а Ѳетюковъ противъ Кукушкина. Впрочемъ, вѣдь это, я думаю, не надолго; за бутылкой шампанскаго опять помирятся и опять станутъ хвалить другъ друга. Какъ вы думаете?

И литературный сплетникъ, сказавъ это, засмѣялся отъ души и во все горло.

— Да, вотъ чуть-было не забылъ: Павлюковъ написалъ новую историческую драму въ пяти дѣйствіяхъ: Благородный Россіянинъ X вѣка. Говорятъ ее будутъ давать на театрѣ... Кстати о театрѣ: вы слышали, что Катерина Васильевна выходитъ замужъ?

— Не-уже-ли? за кого? спросилъ Гребешковъ, вытаращивъ глаза.

— Да къ ней послѣднее время все ѣздилъ какой-то господинъ Максетычинъ: онъ ужасно волочился за нею и все говорилъ: „Катишь — это славный кусочекъ, и смертельно, канашка, влюблена въ меня, то-есть такъ влюблена просто какъ кошка... Женюсь на ней, непремѣнно женюсь.“ Мы думали, что онъ шутитъ, анъ вотъ и въ-самомъ-дѣлѣ женится.

— Такъ Катерина Васильевна будетъ госпожа Максетычина? Вотъ какъ!

— Да-съ, не шутите съ нею... Ну, а вы чего-нибудь не пишете ли новенькаго? Васъ давно нигдѣ невидно, вы совсѣмъ пропали....

— Я ѣду сейчасъ въ деревню.

— Какъ въ деревню? зачѣмъ?

— Совсѣмъ на житье

— Вы шутите? А литература-то?

— Богъ съ вами и съ вашей литературой! Мнѣ хочется отъ нея куда-нибудь подальше....

Вечеромъ, часа за два до захожденія солнца, Гребешковъ подпрыгивалъ уже, сидя на телѣгѣ. Тройка несла его во весь духъ; версты, какъ частоколъ, мелькали въ его глазахъ. Никогда онъ не дышалъ такъ легко и свободно. Далеко, далеко развивалась передъ нимъ большая дорога, и не было конца ей, потому-что горизонтъ все убѣгалъ отъ нее дальше и дальше. И все легче и легче становилось Гребешкову по мѣрѣ удаленія его отъ Петербурга. Образы Ѳетюкова, издателя какой-то газеты, Павлюкова, книжнаго торгаша, Катерины Васильевны, литературнаго сплетника, офицера, актера-водевилиста и Турухтана Турухтаныча постепенно блѣднѣли въ воображеніи его, и наконецъ слились въ какую-то нестройную, безобразную массу. Изъ глубины души его, почуявшей пробужденіе, поднимались другія видѣнія, обвѣвавшія его свѣжестью и благоуханіемъ. Ему мерещился тамъ, въ таинственной и желанной дали, вправо отъ чернѣющихся и вросшихъ въ землю избушекъ, на косогорѣ маленькій деревянный домъ, склонившійся на-бокъ отъ ветхости и облитый пурпуромъ вечерней зари; у порога этого домика старушка, въ нетерпѣливомъ ожиданіи смотрящая на дорогу; передъ домомъ, въ палисадникѣ, двѣ рябины, отягченныя плодами, а окрестъ его поля, желтѣющія жнивою, да лѣсокъ на горизонтѣ... И въ ту минуту, когда онъ весь проникнулся этой картиной, ямщикъ его пріостановилъ коней, заломилъ шляпу на-бекрень и затянулъ:

«Не бѣлы-то снѣги...»

Удаленіе Гребешкова съ литературнаго поприща не было замѣчено публикою. Оно, вѣроятно, не было бы замѣчено и его собратами, если бы литературный сплетникъ не постарался тотчасъ же разгласить о встрѣчѣ своей съ Гребешковымъ и о разговорѣ съ нимъ.

Ѳетюковъ и его сотрудникъ — бывшій издатель какой-то газеты, продолжаютъ подвизаться по прежнему, съ удивленіемъ однако замѣчая, что толпа ихъ поклонниковъ рѣдѣетъ.

Павлюковы, сочинители „Фугъ и Хаосовъ“, и имъ подобные, не переводятся; они безпрестанно появляются на литературномъ поприщѣ подъ разными именами.

И до-тѣхъ поръ вся эта тля не переведется въ русской литературѣ, покуда эта литература не возвысится до сознанія, покуда она не пойметъ всей важности и святости своего назначенія. Уже она пережила свой баснословный періодъ, когда въ ней вмѣсто русскихъ свирѣпствовали—Россы, вмѣсто вѣтровъ,—дули бореи и вѣяли зефиры, вмѣсто морей ярились—понты, а солнце представлялось въ видѣ огнистаго коня, который

«Летитъ по воздуху и ржетъ...»

Уже миновалась пора ея дѣтскихъ, напыщенныхъ, риторическихъ восторговъ и чувствительныхъ вздоховъ — и появляются среди нея люди, которые, „сквозь видимый міру смѣхъ и невидимыя слезы“, начинаютъ вглядываться въ окружающую ихъ дѣйствительность. Уже нестройные и безсмысленные крики литературныхъ тлей заглушаетъ иногда громкое и могучее слово человѣка съ убѣжденіемъ.

Это пробуждающееся сознаніе въ благородныхъ ея представителяхъ привѣтствуютъ всѣ, лелѣющіе въ груди своей свѣтлое предчувствіе будущаго.... Къ нему, къ этому будущему устремимъ всѣ наши помыслы! Да будетъ оно всегда передъ очами нашими. Да проникнутся сердца наши вѣрованіемъ въ великій и мудрый законъ прогресса. Золотой вѣкъ, который слѣпое преданіе отъискивало въ прошедшемъ—впереди насъ...

Еще лежитъ на небѣ тѣнь.
Еще далекъ прекрасный день;
Но благъ Господь, онъ знаетъ срокъ,—
Онъ вышлетъ утро на востокъ!

БАРЫНЯ.

«Ай барыня, барыня,
Сударыня барыня...»
(Лакейская пѣсня).

Слово „барыня“ принадлежитъ исключительно только русскому языку. Это слово невозможно перевести ни на какой другой языкъ.

У насъ два главныхъ класса мелкихъ барынь: барыни столичныя и провинціальныя. Какъ два величественныя дерева (говоря возвышеннымъ слогомъ) роскошно развѣтвившіяся, красуются онѣ въ безпредѣльномъ царствѣ русскомъ. Столичныя рабыни раздѣляются на московскихъ и петербургскихъ. Москва храмъ настоящаго барства. Московскія барыни отличаются хлѣбосольствомъ, благотворительностію, чувствомъ національной гордости и безобразіемъ экипажей. Онѣ живутъ среди великолѣпныхъ воспоминаній и благоговѣйно вдыхаютъ въ себя пыль прошедшаго, окруживъ себя въ настоящемъ моськами и воспитанницами,—моськами, которыхъ онѣ кормятъ и ласкаютъ; воспитанницами, которыхъ кормятъ и попрекаютъ кормомъ. Онѣ доживаютъ свой вѣкъ раскладывая гран-пасьянсъ, и разсказывая о своихъ благодѣніяхъ. Петербургъ - источникъ барства мелкаго, чиновнаго. Въ петербургскихъ барыняхъ оригинальнаго мало. Онѣ съ утра до ночи бредятъ княгинями и графинями, которыхъ встрѣчаютъ на гуляньяхъ и на балахъ дворянскаго собранія. Онѣ помѣшаны на свѣтскости, о которой не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Онѣ задаютъ балы и вечеринки, оканчивающіеся прескверными ужинами.

Всѣ онѣ говорятъ пронзительно и имѣютъ рѣзкія манеры. У всѣхъ у нихъ грязныя переднія, дочки – невѣсты, сыновья чиновники или офицеры, кареты и коляски, запряженныя еле-движущимися четвернями: за каретами лакеи въ заштопанныхъ ливреяхъ съ фантастическими гербами и съ засаленными аксельбантами, и по нѣскольку сотъ душъ крестьянъ, заложенныхъ въ заемномъ банкѣ или въ опекунскомъ совѣтѣ съ надбавочными. Провинціальныя барыни раздѣляются на деревенскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ. Объ нихъ надобно говорить или много, или ничего. Объ нихъ когда нибудь послѣ.

Съ той поры, когда дочки барышни выходятъ замужъ,— онѣ получаютъ названіе молодыхъ барынь, а маменьки ихъ— старыхъ барынь.

Старыя барыни—представительницы отживающаго поколѣнія барынь. Молодыя барыни — представительницы новаго поколѣнія барынь. Между отцвѣтшимъ и цвѣтущимъ поколѣніемъ разница не слишкомъ рѣзкая, однако шагъ впередъ сдѣланъ. Вмѣстѣ съ бѣльемъ и платьемъ, въ приданое дочекъ поступаютъ обыкновенно лакеи и дѣвки. Прислуга старыхъ барынь начинаетъ искоса смотрѣть на прислугу молодыхъ барынь. Отсюда начало размолвокъ между этими двумя поколѣніями.

Вообще барыни начинаютъ формироваться около тридцати лѣтъ. Съ минуты брака до тридцати лѣтняго возраста, онѣ въ состояніи переходномъ: въ этотъ промежутокъ времени, привычки барышни борются съ возникающими привычками барыни. Къ тридцати годамъ самостоятельное чувство барыни побораетъ нѣкоторыя сентиментальныя наклонности и простодушныя понятія барышни.

Всѣ барыни въ Россіи относятся другъ къ другу въ слѣдующемъ порядкѣ.

Московская барыня выступаетъ впереди и кричитъ во все горло, что „Москва сердце Россіи, что въ Москвѣ Иванъ-Великій и царь-пушка“. Петербургская смотритъ на нее насмѣшливо, говоритъ: „се дроль, способу нѣтъ, какая провинціалка!“ и порывается столкнуть ее съ перваго мѣста. Обѣ онѣ, какъ „столичныя штучки“, взираютъ съ снисходительною гримасою на губернскую барыню. Губернская созерцаетъ съ умиленіемъ московскую и въ особенности петербургскую, едва

удостоивая своего покровительства уѣздную или мелкопомѣстную, которая съ должнымъ смиреніемъ кланяется ей въ поясъ— и между тѣмъ искоса бросаетъ спѣсивые взгляды на стоящую поодаль, разряженную и разрумяненную купчиху съ черными зубами, ворча съ негодованіемъ: „извольте видѣть, какъ разодѣта! будто барыня какая!“

Моя героиня—барыня петербургская. Съ ней я былъ коротко знакомъ, и за достовѣрность ея исторіи могу поручаться.

Она родилась въ 1783 году, за четыре года до полученія отцомъ ея, при отставкѣ, бригадирскаго чина, и наречена въ св. крещеніи Пелагеей. Извѣстно, что бригадирскій чинъ былъ у насъ въ тѣ блаженные годы вершиною честолюбія, какъ теперь, напримѣръ, генеральскій чинъ, но не въ томъ дѣло, обратимся къ моей героинѣ.

Бригадиръ прохаживается по комнатѣ въ пудремантелѣ и въ гусарскихъ сапожкахъ безъ кисточекъ. Онъ поправляетъ кошелекъ косы своей и улыбаясь смотритъ на дочь, которая кричитъ и бѣгаетъ вокругъ него.

— Догоню, догоню, Палаша!

Бригадиръ топаетъ ногами, отчего пудра сыплется на его лицо; потомъ онъ беретъ Палашу на руки, цалуетъ ее и сажаетъ къ себѣ на колѣни.

— Ну, а извѣстно ли тебѣ, Палаша, — спрашиваетъ онъ у четырехъ-лѣтней дочери,—извѣстно ли тебѣ, сколько у тебя душъ крестьянъ? что?... не знаешь, дурочка? Триста чистаганомъ, незаложенныхъ!.. Смѣшно? Гм! Смѣйся! Это называется невѣста, это не то, чтобы... Бригадирская дочь, и триста душъ! Кушъ значительный, канальство! У матери твоей, я тебѣ скажу, и половины этого не имѣлось, когда она вышла за меня замужъ.

— Однако покойница маменька (вѣчная ей память) всегда жила барыней, возражаетъ бригадирша:—ужъ про это нельзя сказать. Бывало, кто къ ней не пріѣдетъ, сейчасъ говоритъ: вы, Елена Ивановна, настоящая барыня. И, правду сказать, она любила показать себя: у нея одной дворни было тридцать человѣкъ,—и я, благодарю моего Бога, не знаю стоила или не стоила, но счастлива была на жениховъ. Всѣ дѣвицы завидовали мнѣ: коллежскихъ и надворныхъ и премьер-майоровъ много сваталось за меня.

— Знаю, знаю,—перебиваетъ бригадиръ съ самодовольствіемъ—ну, а ты предпочла меня всѣмъ имъ, хоть я былъ тогда еще и не Богъ-знаетъ какая штука. Дѣвицы дуры, Матрена Ивановна; имъ лишь бы смазливое личико, а тамъ до этого до всего (бригадиръ водитъ рукою по груди) и до чиновъ имъ дѣла нѣтъ. Впрочемъ тебѣ и на этотъ счетъ, полагаю, нечего теперь раскаяваться.

Бригадиръ самодовольно улыбается и, смотрясь въ зеркало, одною рукою держитъ Палашу, а другою очищаетъ со лба пудру тупымъ серебрянымъ ножичкомъ.

— Что грѣхъ на душу брать, Петръ Максимычъ, лгать не для чего:—ты чина теперь не малаго, живемъ мы душа въ душу. Чего же больше! Одно горе—дѣтокъ много померло; зато вотъ Господь послалъ намъ утѣшеніе—нашу Палашеньку.

Бригадирша вздыхаетъ.

— Далъ бы Богъ только на своихъ глазахъ пристроить ее за хорошаго, солиднаго человѣка.

— Пристроится, пристроится, не заботься! Съ хорошимъ приданымъ въ дѣвкахъ не засидится... Что, Палаша, правду я говорю?

— Да-съ.

— Къ тому же она у насъ родилась въ сорочкѣ.. Что ни говори, Матреша,—она не по годамъ умна. Вѣдь теперь ужь смекаетъ, что бригадирская дочка и наслѣдница села Брылина—покорно прошу!.. Палаша, посмотри-ка, кто идетъ.

— Бабушка.

— Да, баловница твоя. Небось, весело?

Дверь отворяется медленно и торжественно. Входитъ старушка, опираясь на высокую камышевую трость. Старушка въ атласномъ капотѣ брусничнаго цвѣта съ таліею подъ мышками, въ башмачкахъ съ высокими каблуками и съ зонтикомъ на глазахъ. Старушка останавливается среди комнаты, кладетъ руки на золотой набалдашникъ своей трости и ворчитъ, качая головой:

— Не умѣете обращаться съ ребенкомъ... Спусти ее съ колѣнъ, Петруша.

Бригадиръ повинуется.

— Какъ можно такъ близко держать дитя къ лицу? пудра, сохрани Богъ, засоритъ ей глазки... Охъ-охъ! сами-то вы еще

дѣти... Палашенька, поди ко мнѣ. Хочешь гостинцу, милочка?

И старушка вынимаетъ изъ безконечнаго кармана, устроеннаго въ ея капотѣ, изюмъ и сахарныя булки.

Бабушка сама воспитываетъ Палашу. Она кормитъ ее съ утра до вечера и безпрестанно повторяетъ: „ну что, голубчикъ мой, сыта ли ты? не хочешь ли еще чего нибудь, дружочикъ? Мать небось объ тебѣ не позаботится. Съ голоду готовы уморить ребенка!“ Когда дитя рветъ листы въ адресъ-календарѣ папенькиномъ и когда няня отнимаетъ у нея книгу, бабушка вскрикиваетъ на няню съ гнѣвомъ: — Что ты дура! не отнимай у нея книжку, пусть ее, голубчикъ мой, забавляется; ребенокъ дороже книжки!

Палашѣ семь лѣтъ. Бабушка въ день рожденья внучки даритъ ей куклу, а Петръ Максимычъ беретъ ее за щеку и говоритъ:

— А я тебѣ скоро сдѣлаю подарочекъ... такъ, подарочекъ... угадай какой? — Что не угадала? азбуку съ картинками, дурочка. Хочешь учиться?

— Что это ты, Петинька, съ ума сошелъ: ребенка за щеку беретъ! у нея кожа дѣтская, нѣжная, какъ разъ сыпь сдѣлается. Что это за ласки, — помилуй скажи?

— Вѣдь я маменька, чуть дотронулся до нея, — замѣчаетъ бригадиръ... Онъ обращается къ Палашѣ: — Хочешь учиться, Палаша?

— Что это ты, сударь, такое говоришь? я не разслышу. Бабушка прикладываетъ руку къ уху.

— Я говорю, маменька, что ей пора и за азбуку сѣсть.

— За азбуку? это что еще ты выдумалъ? Слыхано ли дѣло, этакого ребенка за книгу сажать! Успѣетъ и наукамъ вашимъ выучиться; время еще не ушло.

— Ей семь лѣтъ, маменька. Она побаловалась ужь довольно.

— Семь? Присчитывай, батюшка! Всего шесть. Что такое въ самомъ дѣлѣ? Она, слава Богу, не мѣщанка, — дворянской фамиліи; она теперь смотритъ какъ княжеское дитя; приданое будетъ, мать хозяйству научитъ. Чего же еще? Не съ неба звѣзды ей хватать! Не въ мадамы вы ее прочите! Я, можно сказать, всѣми была уважаема и любима, а вѣкъ свой прожила безъ книгъ вашихъ.

Впрочемъ черезъ полгода Палашу сажаютъ за азбуку, а на столъ кладутъ прутъ.

— Будешь хорошо учиться, говоритъ ей Матрена Ивановна,—гостинцу дамъ, а если нѣтъ — розгу. Ну, начнемъ благословясь.

Учебныя занятія Палаши, къ величайшему ея удовольствію, всякій разъ прерываются бабушкой.

— Не довольно ли ребенку-то учиться? говоритъ она своей невѣсткѣ:—вы ее совсѣмъ замучаете.

— Я ее только сію-минуту посадила за книги, маменька.

— Эхъ у васъ больно что-то долги минуты! — Бабушка поводитъ носомъ по комнатѣ.—И здѣсь сыростью, кажется, пахнетъ. Она этакъ того гляди занемочь можетъ. Пусть ее, моя душечка, побѣгаетъ по-солнышку...

Проходитъ два года. Въ домѣ смолкаетъ стукъ каблуковъ бабушкиныхъ. Старушка лежитъ на возвышеніи, покрытая парчевымъ покровомъ; голосъ осипшаго дьячка раздается въ головахъ ея. „Бабушка умерла“ говорятъ Палашѣ. Палаша думаетъ, что ее некому будетъ такъ часто кормить сластями, и горько плачетъ: но любопытство скоро пересиливаетъ ея горесть. Она смотритъ: около катафалка посыпаютъ ельникъ, съѣзжаются гости, суетятся лакеи и дѣвки. Маменька Палаши взвизгиваетъ и падаетъ на ступеньки катафалка; барыни стонутъ и бросаются къ ней; папенька всхлипываетъ. Всѣ подходятъ къ бабушкѣ и цѣлуютъ ее; няня поднимаетъ Палашу и также подноситъ ее къ бабушкѣ. Палаша опять плачетъ, няня твердитъ ей:—„нишни, голубушка; нишни, мое сердце“ и сама заливается. Стонъ, визгъ и крикъ. Гробовщикъ прилаживаетъ крышу гроба.

Бабушку увезли, ельникъ изъ столовой вымели, катафалкъ убрали; на мѣстѣ катафалка—столъ для гостей; на немъ конфекты и ягоды. Маменька, папенька и гости возвращаются. Маменька ужь не стонетъ: она бѣгаетъ на кухню отвѣдывать кушанья; папенька ужь не всхлипываетъ: онъ пробуетъ вина. Всѣ садятся за столъ, всѣ кушаютъ съ аппетитомъ, пьютъ съ чувствомъ. Блюдамъ конца нѣтъ.

Двѣ недѣли послѣ этого, Палаша наслаждается полной свободой. Маменька не учитъ ее, „оттого что“ говоритъ она „надо оправиться мнѣ отъ тяжкой потери; тошнехонько! ни

что на умъ нейдетъ; словно, какъ на сердцѣ камень." Няня послѣ похороннаго стола, всякій день опохмѣляется, по ея словамъ — „съ горя." Пользуясь такими обстоятельствами, дитя съ утра до вечера бѣгаетъ на дворѣ съ замасленными и оборванными крѣпостными дѣвчонками.

Черезъ двѣ недѣли, въ одно утро Палаша въ комнатѣ у маменьки. Вдругъ является человѣкъ высочайшаго роста, облеченный въ длиннѣйшій сюртукъ. Этого страннаго человѣка называютъ семинаристомъ.

Матрена Ивановна говоритъ семинаристу.

— У меня до тебя покорнѣйшая просьба, мой милый, касательно моей дочери: она ужъ, видишь, дѣвчонка-то на порѣ,—время бы за нее, этакъ, серьезно приняться...

Здѣсь, можетъ-быть кстати замѣтить, что воспитаніе барышни, 50 лѣтъ назадъ тому, было несравненно проще, чѣмъ теперь. Основы тогдашняго воспитанія барышни были: русская грамота и домашнее хозяйство. Основы воспитанія барышни нашего времени: французскій языкъ, фортепьяно и танцы. Высшая похвала для тогдашней барышни заключалась въ слѣдующихъ словахъ: „да какая она, сударь, я вамъ скажу, хозяйка!" — Высшая похвала для барышни нашего времени заключается въ слѣдующей фразѣ: „какъ славно она говоритъ, мон-шеръ, по французски и какъ хорошо держится, чудо что за турнюра, — отлично воспитана!"...

— Читаетъ она прытко, — продолжаетъ Матрена Ивановна—да ты самъ знаешь, что ей ужь и за письмо надо приняться, ну а у меня почеркъ-то бабій, да и учена-то я безъ затѣй, на мѣдныя деньги.

Семинаристъ — учитель Палаши. Онъ ходитъ два раза въ недѣлю: одинъ разъ онъ учитъ Палашу чистописанію, а другой грамматикѣ и священной исторіи.

Успѣхи Палаши превосходятъ ожиданія родителей.

Петръ Максимычъ въ восторгѣ.

— Ай да пузырь мой!—говоритъ онъ, гладя дочь по головѣ... Признаюсь, Матреша, этого я никакъ не могъ ожидать отъ нее; никакъ!.. А каковъ нашъ семинаристъ! Молодецъ, нечего право, сказать!

— Знаешь ли, Петръ Максимычъ, сестрица Арина Купріяновна берется учить ее по-французскому и на фортепьянѣ и ариѳметикѣ.

— Хорошо. Почему жь... пусть учится. Мы съ тобой, правду сказать, Матреша, обошлись и безъ французскаго діалекта, но коли у дѣвочки есть охота къ ученью,—я не прочь.

Три часа въ день назначаются Палашѣ на уроки; остальное время она или съ куклами или съ приставленными къ ней для забавы дѣвчонками, или играетъ съ маменькой въ дурачки и въ свои козыри. Палаша любитъ слушать, когда маменька разсуждаетъ съ гостями о людскихъ недостаткахъ вообще, и о недостаткахъ своихъ пріятельницъ въ особенности. Палаша переимчива: маменька ссорится съ своими знакомыми и родственницами,—она ссорится съ своими куклами, маменька, бранитъ своихъ лакеевъ и дѣвокъ,—она бранитъ своихъ дѣвчонокъ. А время идетъ, и воспитаніе Палаши близится къ концу. Палаша уже стыдится играть въ куклы. Ея станъ вытягивается, ея формы круглѣютъ, ея понятія расширяются. Она уже пишетъ четко, хоть не совсѣмъ правильно, дѣлаетъ два первыя правила ариѳметики, кое-какъ разбираетъ французскія книги; подъ руководствомъ тетеньки Арины Купріяновны, танцуетъ экосезъ и матрадуръ и поетъ съ акомпаниментомъ:

«Стонетъ сизой голубочекъ» и проч.

или:

«Не свѣти ты мѣсяцъ ясно,
И не мучь мой духъ тоской,
Вспоминая мнѣ всечасно,
Что любезной нѣтъ со мной»....

Но всего лучше ей нравится пѣсенка:

«Всего богатства міра
На что, на что вы мнѣ,—
Когда со мной Темира,
И съ нею мы однѣ?»

Она чаще всего поетъ ее—и грудь ея при этихъ словахъ колышется, и порой волненіе овладѣваетъ ею при томныхъ звукахъ нѣжной пѣсенки.

Палашѣ 18 лѣтъ!

Палаша читаетъ Яшеньку и Жеоржету, или приключеніе двухъ младенцевъ обитающихъ на горѣ, Таинства Удольфскія и Эстеллу, пастушескій романъ. Всѣ эти книги найдены ею случайно въ кладовой за ларемъ съ мукою. Она, впрочемъ, не

находитъ удовольствія ни въ чувствительности Флоріана и Дюкре-Дюмениля, ни въ ужасахъ Радклифъ. Ей пріятнѣй сидѣть подъ окномъ и смотрѣть на статныхъ офицеровъ, которые, посвистывая, проходятъ или проѣзжаютъ мимо ея по улицѣ. Шесть лѣтъ просиживаетъ Палаша у окна. Сколько обманутыхъ ожиданій! сколько тревогъ напрасныхъ! сколько даромъ потраченнаго олова и воску на святкахъ!

Однажды, послѣ обѣда, Матрена Ивановна вяжетъ чулокъ, безпрестанно спуская петли, а Палаша приноситъ ей Новѣйшую и полную поваренную книгу, собранную изъ весьма достовѣрныхъ и безчисленными опытами изслѣдованныхъ домашнихъ записокъ, въ пользу и употребленіе особамъ любящимъ экономію, съ присовокупленіемъ, и проч

— На чемъ, бишь, мы остановились вчера, Палаша?

— На говяжьемъ небѣ съ обливкою, маменька.

Матрена Ивановна откладываетъ чулокъ въ сторону.

— Видишь-ли, Палашенька, говоритъ она, какихъ кушаньевъ, подумаешь, не бываетъ на свѣтѣ; а хозяйкѣ все знать надлежитъ, какъ и что, и также препорцію во всемъ. Такія книжки полезны и не совращаютъ сердца, какъ другія. Конечно, ты будешь жить барыней, но и барынѣ надо имѣть на все свой глазъ, а на холопье племя плохая надежда.

Наставленія доброй матери прерываются приходомъ господина, небольшого роста, курносаго и лысаго, съ накрахмаленными треугольниками, закрывающими по полущекѣ, и съ Владиміромъ 4-й степени величины сверхъ-естественной. Этотъ господинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нравственныхъ и благоразумныхъ людей, у которыхъ глаза всегда закрыты, а ротъ всегда открытъ.

Палаша приподнимается, краснѣетъ и роняетъ книгу.

Господинъ приходитъ въ замѣшательство, извиняется и поднимаетъ книгу.

— Едва ли я не помѣшалъ,—говоритъ онъ,—своимъ приходомъ вашимъ занятіямъ, Матрена Ивановна. Не во-время гость хуже татарина.

Господинъ скромно и почтительно улыбается, потупляя глаза.

— И-и-и, Василій Карпычъ! что это, отецъ мой, ты выдумалъ! восклицаетъ Матрена Ивановна:—такимъ какъ вы,

гостямъ, сударь, мы всегда рады. Я умѣю цѣнить дружественное расположеніе, Василій Карпычъ.

Матрена Ивановна вздыхаетъ.

— Теперь не то что, бывало! Въ нынѣшнемъ свѣтѣ, что другое развѣ, прости Господи, а хорошаго человѣка днемъ съ огнемъ не отъищешь.

Василій Карпычъ также вздыхаетъ и потомъ обращается къ Палашѣ.

— Чтеніемъ изволили заниматься, Пелагея Петровна?

Палаша кусаетъ ногти.—Да-съ.

— Романъ, или какое другое сочиненіе?

— Батюшка Василій Карпычъ, что это ты? Сохрани Богъ! она у меня романовъ не читаетъ. Чему доброму въ романахъ научишься? Тамъ вѣдь только куры да амуры. Приличное ли это занятіе для благородной дѣвицы?

— Вы всегда, замѣчаетъ Василій Карпычъ,—прекрасно и здраво разсуждаете, Матрена Ивановна; истинно пріятно васъ слушать. Разсуждай такъ всѣ, тогда было бы совсѣмъ иначе.

— Что за романы! продолжаетъ Матрена Ивановна:—я вамъ скажу про себя, Василій Карпычъ, какъ я была вотъ въ ея годы, я и возьми разъ книжку съ братцова стола. Братецъ, Андрей Иванычъ, все бывало читаетъ книжки. Вы помните его? Вѣдь балагуръ былъ покойникъ? Ахъ, я на своемъ вѣку перенесла-таки потерь, батюшка!.. Вотъ, знаете, я и возьми книжку, а книжка-то съ картинками. Что жь бы вы думали? глядь-поглядь назадъ, а покойница матушка, дай ей Богъ царство небесное! стоитъ за мною... Боже ты мой! какъ она притопнетъ, сударь, ногой; какъ выхватитъ у меня книжку, да въ печку,— я такъ и обомлѣла,—спасибо, тогда съ дѣтьми обращались попросту, не понынѣшему и бивали насъ, сударь,—ну да зато, слава Богу, людьми вышли.

— Такъ это, нравоучительная книга у васъ, Палагея Петровна? спрашиваетъ Василій Карпычъ.

— Нѣтъ-съ.

— Пріучаю ее къ хозяйству, Василій Карпычъ,—перехватываетъ Матрена Ивановна:—она вѣдь ужь у меня невѣста... Эта книжка поварская и кандитерская,—прекрасная книжка! Отецъ сдѣлалъ ей презентъ въ рожденье. Она по ней и варенье

сама варитъ, и кремъ изъ ягодъ дѣлаетъ, и сухарики къ чаю... Какъ бишь они называются, Палаша?

— Бискотины, маменька-съ,

— И еще есть какое-то другое названіе?

— Сухарики съ филейными узлами.

— Да, вотъ изволите видѣть, еще съ филейными узлами. Вишь какія хитрости! А какъ они приготовляются?

Палаша краснѣетъ.

— Ну, скажи же, дурочка, не краснѣй. Василій Карповичъ свой человѣкъ.

Палаша говоритъ, точно читая по книгѣ, только нѣсколько запинаясь:

— Берется четвертая часть осьмухи муки, въ середкѣ дѣлается яма... въ нее положить надо двѣ ложки мармелады...

— Двѣ-съ? перебиваетъ Василій Карпычъ.

— Да-съ, и сахару... кусокъ величиною въ яйцо, все вмѣстѣ мѣсится съ тремя яичными бѣлками, потомъ .. тѣсто раскатать и рѣзать надо филейными узелками... потомъ положить его на мѣдный листъ и печь въ вольной печи... покуда зарумянятся-съ.

— Вотъ, сударь, какъ! Мы сегодня васъ, Василій Карпычъ, за чаемъ поподчуемъ нашимъ издѣльемъ.

Самоваръ шипитъ на столѣ; Палаша разливаетъ чай; Василій Карпычъ обмакиваетъ въ чашку сухарикъ съ филейными узлами и нѣжно смотритъ на Палашу и говоритъ ей:

— Безподобные сухари! такъ сами, можно-сказать, во рту и таютъ. Пріятно имѣть у себя въ домѣ такую хозяйку.

И хорошенько сообразивъ свои обстоятельства и пообдумавъ о неудобствахъ холостой жизни, Василій Карпычъ черезъ годъ рѣшается просить у Петра Максимыча и у Матрены Ивановны руки Пелагеи Петровны. „Она уже дѣвица солидная“ — думаетъ Василій Карпычъ: „не слишкомъ молода и не стара, къ тому же изъ нравственнаго семейства. Все это, кажется, необходимо должно упрочить семейное счатіе“. Петръ Максимычъ, послѣ долгаго совѣщанія съ Матреной Ивановной, даетъ Василію Карпычу слово за себя и за дочь, и потомъ поздравляетъ Палашу съ женихомъ.

— Ужъ я предчувствовала, говоритъ Матрена Ивановна, что Господь пристроитъ ее въ этотъ годъ. Да и помнишь,

Петръ Максимычъ, я приносила тебѣ показывать, какъ ей олово-то вылилось. Точно теперь вижу: двѣ фигуры, мужская вотъ точно Василій Карпычъ, и подаетъ женской фигурѣ руку.

— Мужская фигура, маменька, была съ усами,—отвѣчала Палаша.

— Съ усами! экой вздоръ! чего не выдумаешь!

Палаша—идеалъ русской невинности. Она не имѣетъ еще никакого опредѣленнаго понятія о мужѣ и его главныхъ обязанностяхъ, но ей по какому-то неопредѣленному чувству хочется имѣть мужа помоложе и въ офицерскомъ мундирѣ. Она, сидя у окна, особенно подмѣтила одного офицера, который впослѣдствіи протанцовалъ съ нею экосезъ въ дворянскомъ танцовальномъ собраніи. Этотъ офицеръ—герой своего времени. Онъ превысокаго роста, съ курчавыми волосами и длинными усами, пристяжная его завивается въ кольцо, онъ щекотитъ ее кнутомъ и самъ управляетъ ею съ ловкостію изумительною. Никто ловче его не мечетъ штосъ; никто искуснѣе не пускаетъ изо-рта кольца дыму; никто не барышничаетъ выгоднѣе его лошадьми.

Палаша знаетъ, что мужъ съ женой цалуются (она видитъ какъ папенька цалуетъ маменьку) и ей лучше хочется цаловать усатаго и удалого офицера, чѣмъ лысаго и скромнаго чиновника. Впрочемъ, она не слишкомъ удивлена и огорчена выборомъ папеньки и маменьки. Она даже радуется, когда узнаетъ, что ей станутъ шить приданое, что она будетъ жить сама по себѣ барыней, что женихъ ея столбовой дворянинъ и владѣлецъ 291-й души.

Наканунѣ свадьбы Матрена Ивановна долго о чемъ то важномъ, шопотомъ разсуждаетъ съ дочерью, но къ сожалѣнію, подслушать материнскихъ наставленій нѣтъ возможности...

Свадьба парадная. Невѣста плачетъ больше по обычаю, чѣмъ по чувству, Матрена Ивановна заливается... Гостей не сосчитать. Женихъ въ мундирѣ и съ улыбкой. Онъ сидитъ съ молодой за столомъ, установленнымъ конфектами, свѣчами и фруктами. Оба они не шевелятся. Музыка гремитъ... Шампанское льется въ уста, поздравленія истекаютъ изъ устъ; маменька съ папенькой въ заднихъ комнатахъ мѣряютъ вѣнчальныя свѣчи; раскрываются карточные столы; посажоный отецъ

Палаши—генералъ со звѣздой, смотритъ съ чувствомъ на зеленое сукно и говоритъ: «обновимъ.» Начинаются танцы: часа три за полночь...

На слѣдующее утро Палаша превращается въ Пелагею Петровну. Она сидитъ задумавшись въ чепцѣ. Василій Карпычъ подходитъ къ ней въ новомъ шелковомъ халатѣ и въ новыхъ торжковскихъ туфляхъ, шитыхъ золотомъ. Онъ смотритъ на жену съ нѣжностію и цѣлуетъ ей ручку. Его лысина поутру свѣтится ярче обыкновеннаго, потому-что онъ не успѣлъ еще зачесать волосъ съ затылка. Пелагея Петровна смотритъ на него робко и не краснѣетъ.

— И такъ я могу уже назвать себя вполнѣ счастливымъ, Палаш.. Пелагея Петровна?—говоритъ Василій Карпычъ

Пелагея Петровна смотритъ на него изъ подлобья и молчитъ.

Василій Карпычъ улыбается.

— Поцалуйте меня, Пелагея Петровна.

Онъ протягиваетъ къ ней руки и губы.

— Полноте-съ. (Пелагея Петровна, краснѣя, вырывается отъ него и убѣгаетъ).

— Сначала оно, конечно, думаетъ Василій Карпычъ, немного дико; ну, а потомъ, натурально, привыкнетъ.

Пелагея Петровна всякій день примѣряетъ наряды, выѣзжаетъ съ визитами, смотритъ въ театрѣ «Днѣпровскую Русалку». Все для нея ново и заманчиво. Она почти прыгаетъ отъ радости.

Василій Карпычъ смотритъ на нее и говоритъ про себя:

— Настоящая козочка.

Медовый мѣсяцъ проходитъ незамѣтно; а за нимъ и другой, и третій. Пелагея Петровна начинаетъ привыкать къ своему новому состоянію. Она зоветъ Василія Карпыча Васинькой; она тихо подкрадывается къ нему, когда онъ занимается дѣлами, цѣлуетъ его въ лысину и говоритъ:

— Мы поѣдемъ сегодня въ театръ, дружочекъ? У Василія Карпыча выпадаетъ перо изъ рукъ; онъ сдергиваетъ очки съ носу; онъ сажаетъ Пелагею Петровну на колѣни и шепчетъ въ волненіи:

— Изволь; поѣдемъ, милочка... Поѣдемъ.

Въ другой разъ она печальна; глаза ея заплаканы. Василій Карпычъ ходитъ около нея въ безпокойствѣ:

— Что это съ тобой, мое сердце, скажи пожалуйста?

— Ничего.

— Какъ ничего? да ты на себя не похожа, а?

— Съ чего это вы взяли? Кажется, все такая же.

— Что же ты милочка, сердишься? Не болитъ ли у тебя что нибудь? Скажи, не скрывайся... Поѣдемъ ли мы вечеромъ къ Ульянѣ Михайловнѣ, какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, я не могу ѣхать;—вы какъ хотите.

— Отчего же ты не можешь?

— Потому что у меня мигрень. Къ тому же я не хочу быть одѣта хуже какой-нибудь Степаниды Ивановны.

— Какъ хуже? Съ чего же ты это взяла, милочка?

— А съ того, что у меня нѣтъ такихъ вещей, какъ у нея. Прошедшій разъ такъ всѣ и ахали отъ ея желтой шали, а я сидѣла, съ позволенія сказать, какъ оплеванная.

— Ну, милочка, отъ чего же... Если тебѣ такъ хочется желтой шали, я не прочь. Не хмурься, мой ангелъ...

При послѣднихъ словахъ, лицо Пелагеи Петровны начинаетъ свѣтлѣть. Она восклицаетъ: въ самомъ дѣлѣ, папаша?—и бросается къ мужу на шею...

Благосклонная и разсудительная читательница вѣрно не потребуетъ отъ меня, чтобы я слѣдилъ за каждымъ днемъ моей героини. Пусть воображеніе ея дополнетъ пропуски, расцвѣчаетъ блѣдныя мѣста, и изъ этихъ очерковъ созидаетъ картину.

Черезъ годъ послѣ женитьбы, а можетъ быть нѣсколько и пораньше, Василій Карпычъ начинаетъ убѣждаться въ истинѣ, конечно допотопной, но въ которой всѣ мы, читатель мой, убѣждаемся слишкомъ поздно — въ великой истинѣ, что розы не бываютъ безъ шиповъ. Пелагея Петровна, иногда по цѣлымъ днямъ, не говоритъ съ нимъ, а если и говоритъ, то очень колко; ея требованія увеличиваются съ каждою недѣлею и начинаютъ превышать средства Василія Карпыча; у нея открываются истерическіе припадки — страшная болѣзнь для небогатыхъ и чувствительныхъ мужей.

Между-тѣмъ тотъ самый удалый и усатый офицеръ, котораго Пелагея Петровна подмѣтила еще въ дѣвицахъ, знако-

мится съ Васильемъ Карпычемъ. Онъ ѣздитъ къ нему въ домъ чаще и чаще.

Усы у него, какъ смоль черные и завитые въ кольца, взглядъ пронзительный, ястребиный; ротъ точно кухонная труба — вѣчно дымящійся. Онъ крутитъ усъ, поводитъ глазами и разсказываетъ о своей силѣ и геройствѣ.

У Пелагеи Петровны альбомъ. Въ этомъ альбомѣ стишки и картинки. Вотъ крестъ, сердце и якорь; вотъ цвѣтокъ и бабочка; вотъ храмъ амура въ лѣску, а подъ нимъ надпись:

«Крылатому божку все въ свѣтѣ покорено,
«Онъ былъ нашъ царь, иль есть, иль будетъ непремѣнно».

Пелагея Петровна подаетъ альбомъ офицеру. Она проситъ его написать ей что нибудь въ память. Офицеръ улыбается и говоритъ:

— Наше дѣло, сударыня, рубиться или стрѣлять. Вотъ если бы вы приказали, напримѣръ, выстрѣлить мнѣ изъ пистолета въ сердце туза шагахъ хоть въ пятидесяти этакъ, ну, тогда я отвѣчу за себя, а стишки писать, я, признаться, не мастеръ. Впрочемъ для васъ (онъ беретъ альбомъ), такъ и быть, смастерю два, три стишка не хуже другихъ.

Онъ пишетъ въ альбомѣ:

«Время жизни скоротечно
Должно въ радости прожить,
Что-же делать, ну конѣчно
Все смеяться и любить.»

И скоротечно время точно льется радостно для Пелагеи Петровны. Она выѣзжаетъ въ гости ежедневно; если же иногда остается дома, то посылаетъ за своей знакомой—бѣдной дѣвицей лѣтъ сорока, которая мастерица гадать въ карты.

— Александра Андреевна, душенька, погадайте мнѣ, говоритъ Пелагея Петровна пришедшей дѣвицѣ.

— Извольте, сударыня, съ удовольствіемъ, отвѣчаетъ дѣвица.—На васъ прикажете загадать?

— Да, на меня.

— Вы вѣдь червонная дама?

— Червонная.

Дѣвица раскладываетъ карты и качаетъ головой въ задумчивости.

— Скажите. пожалуйста, говоритъ дѣвица:—какое вамъ, можно сказать, особенное счастье... Большой интересъ: вѣрно изъ деревни... при очень пріятномъ письмѣ... правда, будутъ маленькія непріятности... вотъ отъ этой отъ пиковой дамы,— впрочемъ это ничего... сейчасъ пройдутъ... на дняхъ вы услышите самую радостную вѣсть и опять интересъ... объ васъ все думаетъ какой-то трефовый король...

Пелагея Петровна улыбается.

— Какой же это такой? я никакого трефоваго короля, кажется, не знаю.

— Такъ выходитъ по картамъ... изволите видѣть: всѣ мысли его устремлены на васъ... ему какое-то препятствіе, однако онъ не боится его...

— А что значитъ эта пиковая десятка?—огорченіе?

— Напротивъ, будто вы не изволите знать, что означаетъ эта карта.

Дѣвица потупляетъ глаза.

— Вотъ исполненіе всѣхъ вашихъ желаній... а трефовый-то король, извольте посмотрѣть: просто-таки не отходитъ отъ васъ.

Пелагея Петровна смѣется.

— Спасибо вамъ, душенька. Не погадаете ли вы мнѣ ужъ и на кофеѣ?..

Приносятъ кофейную гущу...

Два года какъ Пелагея Петровна замужемъ, а власть ея надъ мужемъ неограничена. Она полная хозяйка въ домѣ... Наконецъ, она беременна!

Услышаны молитвы добраго Василья Карпыча. Еще онъ никогда не былъ такъ веселъ—даже при награжденіи орденомъ, даже при полученіи чина...

— Что-то Богъ дастъ! спрашиваетъ самого себя Василій Карпычъ: — сынишка, или дочушку? а въ самомъ дѣлѣ, что лучше: сынокъ или дочка?

Онъ задумывается и потомъ обращается къ женѣ.

— Душенька, ты чего хочешь,—сына или дочку? Пелагея Петровна краснѣетъ.

— Полно-те, что это...

— Нѣтъ не шутя, скажи, мой другъ.

— Я хочу дочь.

— Гм! а я такъ сынка.

— Мальчики всѣ шалуны,—говоритъ Пелагея Петровна:— съ мальчиками и справляться трудно, на нихъ и надежда плохая; ихъ, какъ ни ласкай—они все за двери смотрятъ; дочь же всегда при матери.

— Это вздоръ, мое сердце. Богъ съ ними съ этими лоскутницами. Сынъ издержекъ такихъ не требуетъ.

— Лоскутницы? какое милое слово вы сочинили! Гдѣ это вы слышали этакое слово?.. У васъ все на умѣ издержки: это на мой счетъ. Кажется я немного издерживаю, не разоряю васъ...

Пелагея Петровна вскакиваетъ со стула и выходитъ изъ комнаты, хлопая дверью. Она удаляется къ себѣ и плачетъ. Матрена Ивановна—мать Пелагеи Петровны, застаетъ ее въ слезахъ и поднимаетъ ужасный шумъ въ домѣ.

— Слыхано ли дѣло, кричитъ она,—бранить беременную женщину. Экой извергъ!

— Маменька... маменька... начинаетъ смущенный Василій Карпычъ.

— И слушать, сударь, ничего не хочу! восклицаетъ Матрена Ивановна, затыкая уши. — Она у меня привыкла къ деликатному обращенію, воспитана была по барски...

Однако несмотря на желаніе имѣть дочь, Пелагея Петровна разрѣшается—сыномъ. Она не въ духѣ, она принимала бы и поздравленія равнодушно, если бы барыни, поздравляющія ее, не клали бы къ ней подъ подушку червонецъ, завернутый изъ деликатности въ бумажку, на зубокъ новорожденному. Василій Карпычъ въ торжествѣ. Онъ, потирая руки, думаетъ: „Пріятно быть отцомъ, ей-Богу пріятно. И такъ, именно какъ я хотѣлъ: мальчикъ! люблю мальчиковъ, дѣвочки совсѣмъ другое...“

На крестинахъ множество гостей. Воспріемники: генералъ и генеральша; младенца нарекаютъ Петромъ, въ честь дѣдушки. Повивальная бабушка въ парадномъ чепцѣ обходитъ гостей съ бокалами и съ поклонами. Гости отпиваютъ по четверти бокала и, судорожно пожимаясь, кладутъ на подносъ красненькія, синенькія и цѣлковые,—послѣ чего отправляются къ зеленымъ столамъ, въ надеждѣ возвратить въ карманъ свои невольныя пожертвованія.

Ровно черезъ годъ повторяется тотъ же самый праздникъ въ домѣ Василья Карпыча и съ тѣми же китайскими церемоніями. Пелагеѣ Петровнѣ Богъ даетъ дочку. Дочку, на общемъ родственномъ совѣщаніи, хотятъ наречь Матреной — въ честь бабушки; но Пелагея Петровна видѣла во снѣ, какъ разсказываетъ она, „какого-то старичка; старичокъ всякій разъ грозилъ ей пальцомъ и говорилъ: нареки новорожденную дочь свою Любовью, слышишь? — и потомъ исчезалъ.“

Петруша — фаворитъ папеньки, Любочка — фаворитка маменьки. Отсюда начало новыхъ неудовольствій у папеньки съ маменькой.

Въ самый годъ рожденія Любочки, французъ врывается въ предѣлы Россіи. — Онъ въ Москвѣ... Петербургскія барыни въ ужасѣ. — Василій Карпычъ читаетъ Пелагеи Петровнѣ журналъ:

„Кровожадный, ненасытимый опустошитель, разорившій Европу отъ одного конца до другаго, не перестаетъ ослѣплять всѣхъ своимъ кощунствомъ и лжами, стараясь содѣлать малодушныхъ и подлыхъ сообщниковъ своихъ еще малодушнѣе и подлѣе, если то возможно. Внемли, коварный притѣснитель, внемли и трепещи, не одно потомство станетъ судить козни и злодѣйства твои — современники судятъ ихъ....“

Пелагея Петровна содрагается отъ этихъ громовыхъ строкъ. Офицеръ съ черными усами и съ ястребинымъ взглядомъ, оставшійся сначала въ Петербургѣ съ запаснымъ эскадрономъ, посылается въ дѣйствующую армію. Онъ гремитъ саблей, крутитъ усъ и говоритъ:

„Вотъ я ихъ щелкоперыхъ французовъ, погоди! И до самого-то голубчика доберусь.“

Но судьба, видно, спасая до времени Наполеона, опредѣляетъ офицеру остаться въ Петербургѣ. Ему кто-то наступаетъ на ногу гдѣ-то въ тѣснотѣ и не извиняется. Онъ вызываетъ грубіяна на дуэль и даетъ промахъ, а противникъ оставляетъ его на мѣстѣ.

Надежды супруга на уменьшеніе домашнихъ расходовъ не сбываются, а года — и еще какіе года! — идутъ своимъ чередомъ, а между-тѣмъ чело добраго Василія Карпыча „какъ черепъ голый“. Палагея Петровна, несмотря на прибавившіяся издержки отъ умноженія семейства, кричитъ: „Я хочу чтобы у

меня (она перестаетъ говоритъ у насъ) въ домѣ, все было на барской ногѣ!“ — и наряжается еще пуще прежняго, хотя ей гораздо за 30 лѣтъ.

Послѣ Пелагеи Петровны главные распорядители въ домѣ: новый дворецкій Илья и горничная Даша. Илья надзираетъ за порядкомъ, и ничего не дѣлаетъ. Его зовутъ Ильей Назарычемъ. У него своя комната, енотовая шуба, пестрые атласные жилеты и бисерный шнурокъ на часахъ. Даша лѣтъ 32-хъ; она солитъ грибы, варитъ варенья, приготовляетъ наливки и водки; ходитъ за барыней и съ барскаго плеча получаетъ капоты и платья; бранится съ остальными дѣвками, которыя бѣгаютъ въ затрапезныхъ платьяхъ безъ чулокъ и называютъ Дашу — Дарьей Ивановной. Послѣ дворецкаго Ильи, она вообще пользуется безпредѣльною довѣренностію барыни. По вечерамъ, раздѣвая барыню, Даша передаетъ ей все узнанное ею впродолженіе дня дома и у сосѣдей, а по-утрамъ, одѣвая ее, досказываетъ то, чего не успѣла передать вечеромъ. Дашѣ дозволяется грубить барину, пить по воскресеньямъ наливку, принимать къ себѣ гостей, и проч. Дашу всѣ ненавидятъ въ домѣ, исключая барыни. Дашу всѣ боятся, не исключая и барыни.

Маменька и папенька Пелагеи Петровны умираютъ. Пелагея Петровна перестаетъ танцовать. Характеръ ея установился: она играетъ въ карты, нюхаетъ табакъ, ничего на начинаетъ въ понедѣльникъ; не садится за столъ, гдѣ тринадцать приборовъ; не входитъ въ ту комнату, гдѣ три свѣчи; въ отчаяніи, если кто при ней просыплетъ соль за обѣдомъ, и проч. Она очень уважаетъ одну барыню, генеральшу, которая слыветъ въ своемъ кругу необыкновенно-добродѣтельной женщиной. У генеральши дни по вторникамъ — и Пелагея Петровна не пропускаетъ ни одного вторника. Генеральша любитъ экономію, карты и нюхательный табакъ. Она, кромѣ дохода съ двухъ каменныхъ домовъ, получаетъ доходъ съ своихъ вторниковъ отъ картъ. Она, по обыкновенію, сама подчуетъ гостей картами: въ одной рукѣ у нея игра нераспечатанная, а въ другой нѣсколько потертая, хотя всѣ гости увѣрены, что эта игра сейчасъ только распечатана ею. Такимъ образомъ у нея остается въ запасѣ отъ каждаго стола по одной игрѣ. Она знаетъ именины и рожденье всѣхъ гостей, иг-

рающихъ у нея по вторникамъ въ карты, и принимаетъ родственное участіе въ постороннихъ домашнихъ обстоятельствахъ. Пелагея Петровна называетъ генеральшу своимъ истиннымъ другомъ и во всемъ пользуется ея совѣтами, хотя исподтишка посмѣивается надъ ея скупостью. Петербургскія барыни начинаютъ кричать про Пелагею Петровну: „Ахъ, какая милая! ахъ, какая пріятная! ахъ какая любезная! ахъ, какая добрая! ахъ, ахъ!“ и проч. Василій Карпычъ закладываетъ въ ломбардъ свои 290 душъ. Онъ жалуется на неумѣренные расходы и замѣчаетъ, что „ему скоро придется дѣлать деньги“. Пелагея Петровна сердится и возражаетъ попрежнему: „Я барыня; я хочу жить по-барски: изъ одной амбиціи не захочу быть хуже другихъ“ и проч.

— Но, милый другъ, — говоритъ Василій Карпычъ женѣ: — я не пикнулъ бы о расходахъ, если бы имѣніе наше не было разорено. Тебѣ извѣстно, что твои смоленскіе мужики послѣ бестіи-француза до-сихъ-поръ справиться не могутъ.

— До-сихъ-поръ! Не понимаю. Просто надо старосту смѣнить. Флегошка ужасный мошенникъ; объ этомъ и маменька-покойница всегда говорила. Увеличить оброкъ, такъ и доходы прибавятся. Вы просто безпечны. Нечего баловать мужиковъ-то: что на нихъ смотрѣть! Намъ теперь надо думать объ учителяхъ для дѣтей, надо нанять гувернантку для Любочки. Я хочу, чтобъ мои дѣти были въ самомъ лучшемъ кругу, чтобъ они блестѣли.

Пелагея Петровна въ тотъ же день говоритъ генеральшѣ.

— Вы не повѣрите, Анна Михайловна, какъ трудно нынче съискать хорошую гувернантку. Съ дѣтьми, я вамъ скажу, столько хлопотъ, такая комиссія! И то надо имъ и другое. Я вѣдь не такъ какъ другія матери, вы это знаете; другимъ матерямъ и горя мало, у другихъ и сердце не болитъ, а я ужь не могу.

— Знаю, матушка, знаю—возражаетъ добродѣтельная генеральша:—ты примѣрная мать!

Пелагея Петровна вздыхаетъ.

— Теперь вотъ заботишься объ нихъ и ночи не спишь, а утѣшеніе-то еще Богъ-знаетъ когда будетъ.

— Правда твоя, матушка, правда.

— Не знаете ли вы, Анна Михайловна, гдѣ бы мнѣ до-

стать этакую гувернантку, чтобъ и нравственность была и на фортепьяно могла давать уроки, и по-французски бы говорила—это первое условіе, ну и гулять чтобы ходила съ дѣтьми.

— Постой, матушка, вотъ, что мнѣ пришло на умъ, кабы у Авдѣя Сергѣича переманить гувернантку.

— Да можетъ очень дорогая?

— Нѣтъ, онъ платитъ ей рублей 300, не то 400. Дѣвица хорошая, въ разговоры съ гостями не вмѣшивается,—сидитъ, или съ дѣтьми или въ уголку,—свое мѣсто знаетъ. Погоди, я тебѣ матушка, обработаю это дѣльцо.

Гувернантку переманили. Она говоритъ Любочкѣ: тене ву друатъ, даетъ ей и Петинькѣ уроки на фортепьяно, учитъ ихъ по-французски, географіи, исторіи и ариѳметикѣ. Пелагея Петровна довольна ею и держитъ ее въ приличномъ отъ себя отдаленіи.

— Вене иси,—говоритъ ей Пелагея Петровна,—что это у Любочки прыщикъ на лбу?

— Не знаю-съ.

— Какъ же знаете? Кому же это и знать, какъ не вамъ? Вы должны за дѣтьми хорошенько смотрѣть. Ужь это, милая, ваша отвѣтственность.

Любочка рѣзвится, бренчитъ, на фортепьяно, кое-какъ болтаетъ по французски и беретъ уроки у танцмейстера. Она въ рожденье маменьки приходитъ утромъ къ ея постели, поздравляетъ ее и говоритъ наизустъ басню La cigale et la fourmi, а вечеромъ при гостяхъ тануетъ по-русски въ сарафанѣ.—Это сюрпризъ, говоритъ восхищенная маменька, обращаясь къ гостямъ.

Петинька пресмирный, онъ плохо танцуетъ, онъ совсѣмъ не можетъ разбирать ноты, его способности ограниченны.

Любочка безпрестанно ласкается къ маменькѣ, Петруша вообще не ласковъ, и Пелагея Петровна не рѣдко повторяетъ при немъ:

— Какъ же не любить Любочку больше? она ласковое дитя,—а не даромъ говорятъ, что ласковое телятко двѣ матки сосетъ.

Впрочемъ всѣ единогласно находятъ, что у Петруши почеркъ бойкій. Въ день имянинъ папеньки, онъ подноситъ ему

стихи на почтовомъ листѣ, поздравляетъ его и потомъ начинаетъ эти стихи декламировать наизустъ.

«Въ день ангела священный
Тебѣ, родитель незабвенный» и проч.

Василій Карпычъ растроганъ. Онъ обнимаетъ сына и даритъ гувернанткѣ ситцу на платье. Дашѣ завидно, что на гувернанткѣ обнова, и она начинаетъ коситься на гувернантку и грубить ей; она даже въ одинъ вечеръ намекаетъ барынѣ, что баринъ слишкомъ привѣтливо смотритъ на мамзель и божится, что ситецъ, подаренный бариномъ мамзели стоитъ рубли два аршинъ. Даша достигаетъ своей цѣли. Ея доносъ дѣлаетъ сильное впечатлѣніе на Пелагею Петровну. Пелагея Петровна съ этой минуты преслѣдуетъ гувернантку и скоро отказываетъ ей отъ мѣста, пріискавъ заранѣе другую, подешевле....

Утро. Пелагея Петровна кушаетъ кофе. Цвѣтъ лица ея померанцовый и подъ глазами легкая тѣнь. Даша входитъ.

— Учитель пришелъ, сударыня.

— Французъ! ну такъ мнѣ что за дѣло: пусть его идетъ къ дѣтямъ. (Надо замѣтить, что французскій учитель давно нанятъ для дѣтей).

— Нѣтъ, сударыня, новый учитель, такъ по-русски прекрасно говоритъ, должно быть русскій.

— А-а! пусть подождетъ. Я сейчасъ выйду. Каковъ онъ, Даша?

— Изъ себя недуренъ, сударыня,—такой плотный, высокій.

Черезъ четверть часа Пелагея Петровна выходитъ къ учителю. Цвѣтъ ея лица сливочный, а на щекахъ розы.

Учитель лѣтъ 27, во фракѣ съ высокимъ воротникомъ, на рукавахъ пуфы, талія на затылкѣ, фалды ниже колѣнъ, на шеѣ высокой волосяной галстухъ, грудь прикрыта черной атласной манишкой со складками, въ серединѣ манишки яхонтъ, панталоны узенькіе и безъ штрипокъ, сапоги со скрипомъ. Онъ франтъ и изъ семинаристовъ. При видѣ Пелагеи Петровны учитель дѣлаетъ шагъ назадъ и кланяется краснѣя.

— Васъ Николай Лукичъ прислалъ ко мнѣ?

Учитель вынимаетъ изъ кармана пестрый фуляръ, отряхаетъ его и сморкается.

— Точно такъ-съ. Онъ-съ.

Пелагея Петровна смотрится въ зеркало и опускается на стулъ.

— Садитесь пожалуйста,—говоритъ она учителю, показывая на другой стулъ.

Учитель спотыкается и садится.

— Вы откуда?

— Я изъ Харькова-съ; теперь состою здѣсь въ званіи учителя.

— Гм! мнѣ нужно приговить сына моего для поступленія въ гимназію; ему 13 лѣтъ. Кстати, вы займетесь и съ дочерью моей географіей и другими науками. Мнѣ Николай Лукичъ говорилъ, что вы всѣмъ наукамъ можете обучать?

Учатель съ педагогическою мрачностію поводитъ бровями.

— Почему же-съ? Я преподаю дѣтямъ не только пріуготовительныя, элементарныя такъ—сказать науки, но и высшія, напримѣръ: реторику, алгебру, геометрію, также всеобщую исторію и географію, по принятымъ въ учебныхъ заведеніяхъ руководствамъ, статистику—по Гейму или по Зябловскому, это почти, все-равно, разница не велика-съ... ну и латинскій языкъ тоже! безъ него въ гимназію поступить нельзя, необходимо пройдти склоненія и отчасти спряженія. Латинскій языкъ есть фундаментъ, или лучше-сказать корень всѣхъ языковъ, онъ образуетъ вкусъ, ибо всѣ лучшіе классическіе писатели на латинскомъ языкѣ писали. Вотъ Виргилій, Цицеронъ....

— Да знаю, знаю... А почемъ вы за урокъ берете?

Учитель кусаетъ губы и потупляетъ глаза.

— Обыкновенно... цѣна извѣстная-съ: за два часа по пяти рублей.

— По пяти рублей! А мнѣ Николай Лукичъ, кажется, сказалъ, что по два съ полтиной?

— Нѣтъ съ, какъ можно-съ.

Учитель приподнимается со стула нѣсколько обиженный.

— Право, кажется, пять рублей дорого. Я французу пять рублей плачу. Вѣдь ихъ не Богъ знаетъ какимъ наукамъ обучать. Иное дѣло, еслибы они были побольше я бы ни слова не сказала, а то вы сами посудите...

— Въ такомъ возрастѣ, сударыня, руководить дѣтскими

способностями, или лучше-сказать развивать въ нихъ зерно талантовъ — это, я вамъ скажу, еще труднѣе.

Учитель пятится назадъ.

— Такъ вы ничего дешевле не возьмете?

— Нѣтъ-съ. Мое почтеніе.

Учитель хочетъ идти.

— По-крайней-мѣрѣ не можете ли вы два съ половиной часа заниматься съ ними, вмѣсто двухъ?

— Это собственно опредѣлить нельзя-съ, иногда долѣе, иногда ровно два часа, смотря какъ...

— Ну ужъ нечего дѣлать. Признаюсь вамъ, я дорожу только рекомендаціей Николая Лукича...

Василій Карпычъ возвращается изъ должности.

— Что душечка, былъ учитель?

— Да. Я съ нимъ кончила. Съ завтрашняго дня будетъ ходить. Только вообрази, какъ дорого, по пяти рублей за два часа, и ни полушки не хотѣлъ уступить. Такой право! Но видно сейчасъ, что очень ученый,—только, знаешь, всѣ эти ученые пречудаки. У нихъ у всѣхъ пресмѣшныя манеры.

— Оно конечно по пяти рублей... впрочемъ чтожъ дѣлать!

— Ужъ, я думаю, не взять ли учителя попроще. Право... ну когда будутъ по-старше, тогда разумѣется.

— Куда не шло, душечка!—Василій Карпычъ махаетъ рукой.—Что какой нибудь рубль или два жалѣть, за то умнѣе будутъ...

Петруша поступаетъ въ гимназію.

— Видишь-ли, говоритъ Василій Карпычъ женѣ и родственникамъ,—хорошо, что мы согласились взять этого учителя. Онъ не дешевъ, такъ; но за то старателенъ, и нечего сказать, мастеръ своего дѣла. Петруша славно выдержалъ экзаменъ;—объ этомъ мнѣ самъ директоръ сказывалъ.

Учитель продолжаетъ давать уроки Любашѣ. Онъ уже проходитъ съ нею реторику

Онъ говоритъ ей о качествахъ, принадлежностяхъ, свойствахъ, дѣйствіяхъ и страданіяхъ, замѣчая, что положеніе предмета можетъ быть величественное, прелестное, живописное и смѣшное.

— Возьмемъ примѣръ хоть прелестнаго.

— Чижъ обращается къ зяблицѣ:

«И ей со вздохомъ и слезами.
Носокъ повѣся говоритъ ..»

Вы сейчасъ чувствуете, что это выражено прелестно... Не правда-ли?

— Да-съ, чувствую, отвѣчаетъ Любочка.

— Ну... теперь образецъ величественнаго. Баккаревичъ сказалъ: „Россія одѣянна лучезарнымъ сіяніемъ, въ неприступномъ величіи, златовидный шеломъ осѣняетъ чело ея и проч.“ Это напримѣръ величественно и выражено возвышеннымъ слогомъ, ибо, какъ увидимъ далѣе, слогъ раздѣляется на простой, средній и возвышенный. Проза, изволите видѣть, по противоположности стихамъ и отчасти періодамъ, есть способъ писать, по-видимому безъ всякихъ правилъ, на удачу, безъ всякаго отчету. Кто не имѣетъ ни какого слога, тотъ пишетъ прозою, то есть, prosoluta oratione; но кто знаетъ мѣру стиховъ и соразмѣрность періодовъ, по чувству и вкусу, заимствуя нѣчто отъ обоихъ, того проза бываетъ изящною или прекрасною и фигуральною, что увидимъ ниже, говоря о тропахъ и фигурахъ. Къ слѣдующему классу извольте-съ выучить первыя строфы изъ оды: Россу по взятіи Измаила.

Въ 18 лѣтъ Любочка оканчиваетъ курсъ. Учителю отказываютъ, не доплативъ ему рублей пятьдесятъ изъ слѣдующихъ за уроки.

Любочка дѣвица вполнѣ образованная. У нее между прочимъ пріятный голосокъ. Она безъ всякаго посторонняго пособія выучилась пѣть: Талисманъ и Ты не повѣришь, ты не повѣришь, какъ ты мила. Когда Любочка поетъ, гостьи-барыни, говорящія и не говорящія по-французски, повторяютъ: — Шарманъ! а Пелагея Петровна бьетъ рукой тактъ и восклицаетъ въ порывѣ материнскаго восторга: — се жоли!

Маменька вывозитъ Любочку на танцовальные вечера, въ театры, въ концерты, къ фокусникамъ, къ акробатамъ. Любочка съ нею на всѣхъ гуляньяхъ, на всѣхъ процессіяхъ печальныхъ и радостныхъ, на парадахъ и разводахъ. Любочку втеченіе шести лѣтъ прокатываютъ ежедневно по Невскому проспекту въ коляскѣ или въ каретѣ, запряженной четвернею, которую кормятъ овсомъ черезъ день, по случаю дороговизны овса. Любочка съ маменькой извѣстны всему Петербургу. Любочка всегда вытянутая какъ струнка и съ лорнетомъ въ рукѣ:

она близорука, и цѣлый день все говоритъ о княжнахъ и графиняхъ. Впродолженіи шести лѣтъ Любочки прибавился только одинъ годъ. Она остановилась на двадцатомъ году. Пелагея Петровна питаетъ непримиримую ненависть ко всѣмъ матерямъ, у которыхъ дочери-невѣсты и злословить ихъ немилосердно. Шесть лѣтъ сряду, она, какъ паукъ раскидываетъ вокругъ дочери тонкую паутину и усиливается ловить жениховъ, какъ мухъ. Александра Андреевна — дѣвица гадальщица, все по прежнему раскладываетъ карты и говоритъ, что „Любовь Васильевнѣ выходитъ по картамъ женихъ милліонеръ“.

Отъ дѣвокъ и отъ лакеевъ Пелагея Петровна переходитъ къ дочери. Любочка говоритъ:

— Maman, полноте сердиться.

— Нельзя, мой другъ, будешь сама хозяйкой, вспомнишь свою мамашу. Ты знаешь, что я не прихотница, что у меня сердце доброе, да съ ними ангельскаго терпѣнья недостанетъ... Поцалуй меня, мой другъ... Постойка пройдись... какъ на тебѣ хорошо платье сидитъ, безподобная эта матерія гро-грень, смертельно люблю ее... она такая пышная—прелесть! только держись, душа моя, попрямѣе: вотъ такъ. Пойдемъ ко мнѣ въ комнату... Сядь дружочекъ возлѣ меня.

Пелагея Петровна смотритъ на дочь и подозрительно улыбается.

— Что вы это, maman, улыбаетесь? спрашиваетъ Любочка.

— А ты и не подозрѣваешь, плутовка! Пелагея Петровна грозитъ пальцемъ. — Ты побѣду одержала, Любочка, поздравляю.

— Надъ кѣмъ, maman?

— А кто съ тобой вчера три раза танцовалъ?

Любочка краснѣетъ.

— Фи, maman, quelle idée!

— Ничего, другъ мой, я за то не браню. Онъ мнѣ очень нравится, такой бельомъ и прекрасныя манеры, ктому же штабсъ-капитанъ гвардіи... А о чемъ онъ съ тобой говорилъ?

— Ужь я и забыла... о чемъ бишь? о погодѣ, спрашивалъ много ли я танцую, часто ли бываю въ театрѣ, люблю ли книги читать.

— И только?

— Только-съ.

— Право?... Ты должна быть съ матерью откровенна. Мать лучшій другъ нашъ и лучшій совѣтникъ.

— Ей-богу ничего больше не говорила, maman.

— То-то же. Да, мой другъ, я тебѣ все сбираюсь сказать: ты танцуешь прекрасно, я на тебя все вчера смотрѣла,— только будь поразвязнѣе, посвободнѣе въ движеніяхъ. Тебѣ надо взять кого нибудь за образецъ въ манерахъ... вотъ напримѣръ—эту княжну, что мы встрѣчаемъ на Невскомъ,— замѣть, какая у нее турнюра и копируй. Подражать хорошему не стыдно, дружочекъ... или... чего ближе? Юлія Карловна: у нее такіе самые свѣтскіе пріемы—какъ взойдетъ, какъ взглянетъ. Зато ужъ прошлое лѣто на дачѣ и возвысили ее... Всѣ самыя знатныя дамы брали ее за руку. — Примѣчай, милая моя, какъ она держитъ себя.

— Слушаю, maman.

Любочка цалуетъ ручку у маменьки.

Петинька кончаетъ курсъ въ гимназіи. Папенька опредѣляетъ его въ департаментъ. Петинька необыкновенно трудолюбивъ и въ короткое время заслуживаетъ лестныя похвалы со стороны начальства. Несмотря на это, Пелагея Петровна вѣчно недовольна имъ.

— Удивляюсь тебѣ, Петинька, говоритъ она,—ничего тебя не занимаетъ, что бы должно занимать въ твои лѣта, напримѣръ, балы, собранія, этотъ свѣтскій блескъ. Мнѣ просто за тебя стыдно: войдти не умѣешь, какой-то сгорбленный, на молодого человѣка совсѣмъ не похожъ; я и старше тебя, да прошедшій разъ въ лѣтнемъ саду сижу на скамейкѣ съ Любочкой, вдругъ подходитъ къ намъ дама прекрасно одѣтая, самаго лучшаго тона и спрашиваетъ у меня, показывая на Любочку: что это сестрица ваша? Нѣтъ, я говорю, дочь. Она такъ и ахнула и вѣрить не хотѣла. А ты только-что изъ школы вышелъ, а выглядишь лѣтъ тридцати. И танцовать до сихъ поръ не умѣешь, путаешься во французской кадрили. Вѣдь тебѣ горя мало, а все это падаетъ на мать; мать, говорятъ, не умѣла воспитывать.

— Что жь дѣлать? я, маменька, не люблю танцовать, возражаетъ Петинька.

— Прекрасно! И не стыдится признаваться въ этомъ! Ну,

что объ тебѣ станутъ говорить въ свѣтѣ? и что у тебя за знакомство такое? какіе-то живописишки и всякая дрянь. Нѣтъ чтобы завести знакомство хорошее, приличное своему званію. Посмотри, какъ другія дѣти утѣшаютъ своихъ родителей, а ты — ты чѣмъ меня до сихъ поръ утѣшилъ? Какое пожертвованіе сдѣлалъ для матери? Просила въ военную службу идти — не пошолъ: въ чернилахъ, небось, лучше мараться! Никакихъ высокихъ чувствъ у тебя нѣтъ, ты какой-то флегма, совсѣмъ не въ меня родился.

— Я, кажется, стараюсъ вамъ угождать, маменька.

— Чѣмъ, батюшка? чѣмъ? позвольте узнать. Желала бы я, чтобъ ты посмотрѣлъ на сына Анны Николаевны: это, можно сказать, утѣшаетъ свою мать — такъ и сидитъ цѣлый день съ ней и глазъ съ нее не спускаетъ, голубчикъ. Это нравственность! Малѣйшія желанія матери предупреждаетъ. Говоритъ, маменька-голубушка, у меня, говоритъ, нѣтъ своей воли, я говоритъ дѣлаю только то, что вамъ угодно. Надъ такими дѣтьми и благословеніе Божіе. У меня вчужѣ глядя на него сердце радуется... и не знаю, право, чѣмъ Анна Николаевна лучше другихъ Богу угодила!

— Маменька, я службой занятъ, я не могу быть такъ часто при васъ. Вы это знаете.

— И не требую, батюшка! Богъ съ тобой. Если твои бумаги тебѣ дороже матери...

— Какъ же это можно, маменька?

— Почему же? Нынче дѣти стали умнѣе родителей, они сами лучше обо всемъ разсуждаютъ, нынче сплошь да рядомъ яица курицу учатъ...

По воскресеньямъ у Пелагеи Петровны танцы. Штабсъ-капитанъ, протанцовавшій три раза съ Любочкой, играетъ на этихъ вечерахъ первую роль. Иногда для этихъ вечеровъ Пелагея Петровна занимаетъ по двѣсти и по триста рублей у знакомыхъ, потому, что у нее нѣтъ ни копѣйки. — Къ Пелагеѣ Петровнѣ раза три въ недѣлю является торговка. Торговка эта толстая, низенькая, съ прыщами на носу. У нея Пелагея Петровна забираетъ товары въ долгъ для себя и для дочери. Торговка за все беретъ втрое и дѣлится, по полученіи денегъ, съ Дашей.

— Ильинишна, что это такое? спрашиваетъ Пелагея Пет-

ровна у торговки, вынимая изъ груды гроденаплей и ситцовъ, листъ, кругомъ исписанный.

— Это, матушка, ерестръ жениховъ. У насъ часто купеческія вдовы и дѣвицы интересуются женихами, да и изъ благородныхъ нынче много спрашиваютъ.

Пелагея Петровна смѣется и смотритъ на дочь. Любочка краснѣетъ.

— Что вы, матушка, смѣетесь, да у меня женихи не шваль какая нибудь, — все чиновные и съ орденами — и Любовь Васильевнѣ вашей изъ этого ерестра не стыдно выбрать любова. Право прочитайте-ка, сударыня.

Пелагея Петровна читаетъ съ насмѣшливой улыбкой:

1) Надворный Совѣтникъ Козма Егорычъ Жданковъ 43 лѣтъ. Исправляетъ должность Начальника отдѣленія въ ** Департаментѣ; имѣетъ знакъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ: ордена Св. Анны 3 степени, Св. Владиміра 4 и Св. Станислава на шеѣ. Пользуется казенной квартирой, имѣетъ все домашнее обзаведеніе и получаетъ около 2500 ежегодно, кромѣ денежныхъ награжденій.

2) Коллежскій Совѣтникъ Купреянъ Иванычъ Наливочкинъ, 56 лѣтъ, Правитель канцеляріи въ **, у него знакъ отличія безпорочной службы за XXXV лѣтъ, Анна на шеѣ, Владиміръ въ петлицѣ, квартира казенная, жалованья 3000, денежныя награжденія черезъ два года. Представленъ къ коронѣ на Анну. Вдовецъ. Послѣ покойной жены имѣетъ слѣдующія вещи, а именно:

1) Лисій салопъ съ большимъ воротникомъ. 600 р.
2) Подушекъ пуховыхъ для двухъ-спальней постели 6, въ чехлахъ изъ розоваго демикотону; наволочки къ нимъ декосовыя, съ фалбарами 3 перемѣны, — считая по умѣренной цѣнѣ . . . . . 225 р.
3) Одѣяло для двухъ-спальней же постели стеганое атласное . . . . . 100 р.

— Какія глупости!

Пелагея Петровна, улыбаясь, бросаетъ реэстръ.

— Что за глупости, сударыня, перебиваетъ торговка, — а вотъ здѣсь (она беретъ реэстръ и водитъ пальцемъ) противъ каждой фамиліи отмѣчено какихъ они желаютъ имѣть невѣстъ,

сколько приданаго. Козьма Егорычъ—этотъ, что первый въ спискѣ,—прекрасный, я вамъ скажу, баринъ, балагуръ такой, а ужь чистоплотный, франтъ,—какія у него манишки, жилеты...

Торговка обращается къ Любочкѣ.

— Вамъ, Любовь Васильевна, женишка-то пора, ей-Богу,—только я знаю, вамъ все военные нравятся? Охъ ужъ вы мнѣ, барышни!

Любочка молчитъ и отворачивается отъ торговки съ неудовольствіемъ.

А торговка права. Любочка мечтаетъ въ эту минуту о штабсъ-капитанѣ.

Штабсъ-капитанъ человѣкъ образованный. Онъ читаетъ Поль-де-Кока, знаетъ наизустъ множество водевильныхъ куплетовъ и рукописныхъ стишковъ и начало второй части «Кавказскаго Плѣнника.» Онъ въ восторгѣ отъ Марлинскаго и говоритъ, что хотя Пушкинъ послѣднее время исписался, но все еще *иль фе де жоли веръ*. Штабсъ-капитанъ принадлежитъ къ такимъ людямъ, которые никогда не старѣются, потому что довольны всѣмъ на свѣтѣ и болѣе всего довольны сами собою. Въ полку его называютъ умнымъ малымъ и славнымъ товарищемъ; въ обществѣ любезнымъ кавалеромъ. Пелагея Петровна души въ немъ не слышитъ. Она говоритъ про него Петинькѣ, который произведенъ въ столоначальники:

— Вотъ это я называю образцовый молодой человѣкъ! Если бы у меня былъ такой сынъ, я считала бы себя вполнѣ счастливой. Онъ умѣетъ найдтиться со всѣми, нигдѣ себя не уронитъ. Съ дамами говоритъ о нарядахъ, о балахъ; съ дѣловыми людьми объ дѣлахъ, съ сочинителями объ учености.

Штабсъ-капитанъ женится на Любочкѣ, полагая, что за ней въ приданое дадутъ душъ 400 или 500 и получаетъ всего только 80 и то заложенныхъ. Пелагея Петровна, отдавая дочь, воображаетъ, что у штабсъ-капитана 700 душъ, а на повѣрку оказывается всего 200 и то разоренныхъ. Начинаются ссоры между маменькой, дочкой и зятемъ. Василій Карпычъ умираетъ въ чинѣ статскаго совѣтника, оставляя болѣе ста тысячъ долгу.—Его имѣнія продаютъ съ аукціоннаго торга.

Петруша говоритъ маменькѣ, что ея дѣла разстроены, что ей надобно жить умѣреннѣе: продать все лишнее, какъ-то:

экипажъ, лошадей, отпустить прислугу, нанять небольшую квартиру и прочее.

Пелагея Петровна мечется на диванѣ, кричитъ и плачетъ:

— Вотъ до чего я дожила! Сынъ, сынъ даетъ мнѣ на старости лѣтъ наставленія какъ жить! Ты меня убить хочешь, злодѣй! Утѣшенія еще отъ васъ не видала, хотя всю жизнь мою вамъ пожертвовала, а теперь должна пить отъ васъ горькую чашу... Отпустить лошадей! Что жь мнѣ, пѣшкомъ прикажешь ходить?... Я жила барыней вѣкъ свой и не хочу равняться съ какой нибудь подлой нищей. Хорошъ сынокъ! Вмѣсто того, чтобы утѣшить маменьку въ тяжкой потерѣ, вмѣсто того, чтобы сказать: голубушка маменька, живите какъ жили при папенькѣ, а я съ своей стороны буду помогать вамъ, — онъ, безсовѣстный человѣкъ, изволитъ читать мнѣ наставленія объ умѣренности... Что тебѣ за дѣло до моего состоянія? Развѣ я просила у тебя денегъ? я кормила тебя на свой счетъ, неблагодарный... Отпустите лошадей, прислугу! какъ у тебя языкъ поворотился сказать мнѣ это?

Пелагея Петровна упадаетъ на мягкій диванъ, стонетъ и требуетъ доктора. За докторомъ посылаютъ, но докторъ не ѣдетъ — «потому что», говоритъ онъ, «мнѣ за три года за визиты не заплачено, а даромъ ѣздить не намѣренъ. У меня лошади сѣна требуютъ, а за сѣно нынче по рублю за пудъ берутъ».

Петруша неподвижно стоитъ у дивана, на которомъ лежитъ его мать. У него слезы смѣшиваются съ холоднымъ потомъ. Его впалыя щеки болѣзненно блѣдны.

Вскорѣ послѣ этого, Петруша принужденъ переѣхать на казенную квартиру. Пелагея Петровна, на свободѣ, живетъ еще роскошнѣе прежняго, и, какъ всегда, дворецкій Илья и горничная Даша пользуются ея неограниченною довѣренностію. Съ истиннымъ другомъ своимъ, съ генеральшей, она побранилась за картами, и говоритъ про нее: «Это можно сказать самая низкая женщина». Съ дочерью и съ зятемъ она въ явной враждѣ, сына видѣть не хочетъ. Любимая тема ея разговора, когда къ ней соберутся барыни, бранить своихъ дѣтей.

— Прости Господи согрѣшеніе! говоритъ она, — лучше бы Господь прибралъ ихъ. Они меня преждевременно въ гробъ сведутъ.

Пелагея Петровна обращается къ барынямъ:

— Если бы не вы, мои родныя...

Пелагея Петровна всхлипываетъ.

— Я не знала бы что дѣлать въ моемъ одиночествѣ.

Барыни подносятъ платки къ глазамъ и хоромъ повторяютъ:

— Ахъ, Пелагея Петровна, да какъ тебя бросить,—насъ Богъ бы бросилъ; у насъ сердце изныло, глядя на тебя, матушка. Отъ своихъ дѣтей этакую участь терпѣть! слыхано ли это! какихъ злодѣевъ подумаешь, нѣтъ на свѣтѣ!...

Проходитъ еще годъ. Пелагеѣ Петровнѣ рѣшительно не чѣмъ жить.

Она впадаетъ въ совершенную нищету. Кредиторы не отступаютъ отъ нее и она отдаетъ имъ свою смоленскую деревню.

Даша (давно получившая вольную за свою службу) и дворецкій Илья (выкупленный Пелагеею Петровною) отходятъ отъ нея. Дворецкій Илья записывается въ цехъ и открываетъ лавочку. Говорятъ у него порядочный капиталъ.

Пелагея Петровна занемогаетъ, Петруша перевозитъ ее къ себѣ.

— Нѣтъ, матушка, говоритъ ей старуха, ухаживающая за нею.—Нѣтъ, нечего грѣха на душу брать, Петръ Васильевичъ хорошій человѣкъ и любитъ васъ.

— Еще бы! возражаетъ Пелагея Петровна,—родной сынъ, да чтобъ не любилъ! Куда жъ бы онъ тогда годился.

И черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Пелагея Петровна умираетъ на рукахъ сына. Онъ проситъ у казначея впередъ свое жалованье—и на эти деньги устраиваетъ похороны матери на барскую ногу.

Любочка пріѣзжаетъ на выносъ, но на кладбище не можетъ ѣхать, потому что очень разстроена. Одинъ Петруша, въ сопровожденіи старухи, ходившей за больной, да нѣсколько любительницъ похоронъ, провожаютъ гробъ Пелагеи Петровны.

И въ послѣднее жилище, какъ настоящую барыню, ее отвозятъ четвернею.

Погребеніе кончается. Смерть—великая примирительница. Петруша входитъ на ступеньки катафалка и—глядитъ на мать, съ мучительною скорбію. Дьяконъ возглашаетъ: «во блажен-

номъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, усопшей рабѣ твоей... и сотвори ей вѣчную память!» И хоръ повторяетъ грустно и торжественно: «вѣчная память!»

Петруша прижимается къ холодной рукѣ усопшей и обливаетъ ея руку горькими слезами.

Петруша возвращается съ похоронъ пѣшкомъ на свою квартиру. Тяжело ему. У него не выходитъ изъ головы искаженное страданіями лицо умершей, кладбище въ лѣсу, полуобнаженномъ осенними бурями, и драка нищихъ за брошенныя имъ деньги. Еще въ ушахъ его раздаются звуки погребальнаго пѣнія, стукъ гробового молота и вопли какой-то женщины надъ давнозаросшею могилою... Первый разъ пробуждается въ немъ внутренній голосъ. Первый разъ ясно представляется ему его прошедшее. Онъ спрашиваетъ самого себя:

— Неужели это жизнь?

И вслѣдъ за этимъ страннымъ вопросомъ, у него рождаются другіе, еще страннѣе.

Стѣнные часы бьютъ шесть.

Онъ вздрагиваетъ. Какъ скоро прошло время! Онъ смотритъ на свою комнату. Вотъ его письменный столъ, а на столѣ сѣрая бумага, съ ярлыкомъ къ докладу... къ завтрашнему утру ему надо приготовить, по порученію начальника отдѣленія, нѣсколько бумагъ не терпящихъ отлагательства. Онъ садится къ столу и пишетъ:

«На почтеннѣйшее отношеніе Вашего Высокопревосходительства, имѣю честь...» и прочее.

БАРЫШНЯ.

. . . . . Давно ль
«Я, кажется, тебя крестила?»
— А я такъ на руки брала?
«А я такъ за уши драла?»
— А я такъ пряникомъ кормила?
(Евгеній Онѣгинъ).

I.

Вступленіе.

Моя барышня — настоящая барышня. Отъ нея безъ ума маменька и папенька... Но прежде надо сказать, что такое маменька. Маменька—простая, добрая и толстая русская барыня. Отъ нея въ свое время, были также безъ ума папенька и маменька,—папенька богатый помѣщикъ, извѣстный во всей губерніи суровостью и крутостью нрава, знаменитый псовый охотникъ. Маменька—добрая и слабая женщина, которая не имѣла никакой власти въ домѣ и дрожала отъ страха при видѣ своего супруга съ вѣчно-нахмуренными бровями и вѣчно-вооруженнаго арапникомъ. (Впрочемъ, она никогда не жаловалась на свою участь — и въ самыя горькія минуты своей жизни разсуждала такъ: „На то онъ мнѣ мужъ, чтобъ съ меня „взыскивать... И законъ мнѣ велитъ ему повиноваться“). Бывало, глядя на свою Лизу съ невыразимою нѣжностію и гладя ее по курчавой головкѣ, она говорила: „Не хочешь ли покушать чего нибудь, ненаглядное мое сокровище?...“ И потомъ съ безпокойствомъ прибавляла: „Похудѣла ты что-то у меня, душенька... Мало ты совсѣмъ кушаешь... Вотъ тебѣ

пирожокъ, я испекла его своими руками...“ И въ дрожащихъ звукахъ ея голоса сколько было чувства и любви!

Чѣмъ болѣе такого рода матери любятъ дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе онѣ ихъ кормятъ. Бывали примѣры на Руси, что матери, изъ любви закармливали дѣтей своихъ до болѣзни или до смерти. Странное выраженіе любви!..

Бабушка моей барышни не хлопотала о воспитаніи своей дочки. „Что мучить ребенка по пустому!“ говорила она: „добро „бы еще мальчикъ, — ну, мальчику еще куда не шло, а дѣвочкѣ „вовсе не слѣдъ пичкать голову разными вздорами; только „чтобъ у нея чувство было — это главное, да чтобъ была доброй „женой и хорошей хозяйкой, а на остальное на все наплевать. Я вѣкъ свой прожила безъ ученья, благодаря Бога...“

Дѣдушка еще менѣе хлопоталъ о ея воспитаніи. Дѣдушка любилъ свою дочку, потому что она иногда служила для него развлеченіемъ въ свободное отъ охоты время. Онъ тѣшился ею, какъ тѣшился своими лягавыми и гончими.

Однажды, навеселѣ, окруженный ватагою полупьяныхъ пріятелей, онъ неожиданно съ охоты нагрянулъ домой... Дома продолжалась попойка. Шумъ, крикъ, гамъ. Весь домъ ходилъ ходенемъ. Уже шутъ Васька, давно мертвецки пьяный, въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ и съ шлемомъ на головѣ, валялся на полу; уже два гостя еле-держались на стульяхъ и готовы были послѣдовать примѣру Васьки. Вдругъ дѣдушка, въ шестой разъ наполнивъ позолоченный старинный кубокъ, закричалъ зычнымъ голосомъ:

— Малой!.. И всѣ малые вздрогнули при этомъ голосѣ. — Позвать сюда барыню и сказать ей, чтобъ, молъ, она привела съ собою барышню, что будутъ-дескать пить за ихъ здоровье. Слышишь?

Пять сѣдыхъ исполиновъ въ одно мгновеніе бросились изъ комнаты исполнять приказаніе барина.

Барыня явилась.

— А гдѣ же Лиза? вскрикнулъ баринъ, косо взглянулъ на жену...

— Лиза, Иванъ Васильичъ, почиваетъ, отвѣчала жена: — ужъ болѣе двухъ часовъ, какъ няня уложила ее въ постельку... У нея, у бѣдняжки, цѣлый день болѣла головка...

— Вздоръ! принести ее сюда!

Она вышла изъ залы и черезъ нѣсколько минутъ снова явилась, неся на рукахъ четырехъ-лѣтнюю дѣвочку, которая хныкала и терла ручонками заспанные глаза. На глазахъ матери дрожали слезы...

— Ну, давай ее сюда ко мнѣ на руки!..

Мать хотѣла что-то возразить: но слова замерли на языкѣ ея и она безмолвно повиновалась.

Иванъ Васильичъ, охватилъ дочь лѣвою рукою, въ правую руку взялъ бокалъ, поднялъ его и, обведя взоромъ собраніе, произнесъ: „А теперь мы выпьемъ за здоровье моей наслѣд-„ницы, да чуръ выпивать до дна.“

— Лизаветѣ Ивановнѣ многая лѣта! Онъ самъ выпилъ кубокъ и опрокинулъ его, какъ будто для доказательства, что въ немъ не осталось ни капли.

— Многая лѣта, многая лѣта! хоромъ затянули гости, осушая свои бокалы.

Дѣвочка, со сна, испуганная этими криками и видя вокругъ себя все незнакомыя лица, начала вырываться изъ рукъ отца и плакать. .

— Тсс! У меня на рукахъ не смѣть ревѣть... Ну, кланяйся и благодари гостей.

Иванъ Васильичъ поставилъ Лизу на столъ, загроможденный стаканами и бутылками и наклонилъ ея голову сначала направо, потомъ налѣво.

— Слышишь, Лизавета, продолжалъ Иванъ Васильичъ:— у меня смотри... у меня ни-ни!.. Ну, хочешь подброшу?

Онъ ущипнулъ дочь за щеку и въ самомъ дѣлѣ, схватилъ ее на руки, чтобъ подбросить...

— О, Бога ради! простонала несчастная мать, бросаясь къ Ивану Васильичу, чтобъ выхватить ребенка изъ рукъ его.— Въ своемъ ли ты умѣ? Ты на вѣкъ ее можетъ сдѣлать уродомъ..

— Прочь, баба! загремѣлъ Иванъ Васильичъ, съ сердцемъ оттолкнувъ жену и высоко, какъ мячикъ, подбросилъ Лизу почти къ самому потолку, при общемъ и единодушномъ хохотѣ.

Мать вскрикнула и закрыла глаза руками.

Но Лиза уже была въ объятіяхъ отца...

— Ну, чего испугалась? сказалъ Иванъ Васильичъ, обратясь къ женѣ:— чего глаза то закрыла? Не понимаешь что ли, что я играю съ ребенкомъ? Охъ вы мнѣ, нѣженки!.. Ну, возьми

ее, да отправляйтесь на свою половину, а насъ оставьте погулять...

Мать съ быстротою молніи схватила Лизу, крѣпко прижала къ груди своей и выбѣжала изъ комнаты.

Такого рода сцены повторялись не разъ. Лиза, благодаря Бога, не сдѣлалась уродомъ. Лиза, оставленная на произволъ природы, росла и наливалась, какъ здоровый плодъ, не по лѣтамъ, а по часамъ... Въ шестнадцать лѣтъ, она была завидная невѣста.—настоящая русская красавица: и кругла, и бѣла, и румяна. Станъ ея, можетъ статься, былъ немножко толстоватъ, но это потому, что она никогда не нашивала корсета. Образованіе ея было окончено. Она въ ариѳметикѣ дошла до дѣленія и умѣла по русски читать и писать. Первыя три правила ариѳметики ей пригодились въ жизни за вистомъ и за преферансомъ: умѣнье читать не послужило ни къ чему, потому что кромѣ „Новѣйшей и полнѣйшей стряпухи“ она не имѣла ни случая, ни потребности читать книжки... За то она помогала матери варить варенье, дѣлать желе и пастилу. Она вообще обнаруживала хозяйственные таланты и по особенному способу притовляемая ею яблочная пастила скоро прославила ее въ цѣлой губерніи.

Отецъ, глядя на нее, съ самодовольствіемъ, обыкновенно говаривалъ:

— Эка пышка!

И потомъ обращаясь къ своему гостю и указывая на дочь, прибавлялъ:

— Что, дружище, кажется, не ударилъ себя лицомъ въ грязь? а? Дѣвочка-то я тебѣ скажу! Оно все бы, конечно, сынишка лучше, да впрочемъ... Съ мальчишками возни много. Куда съ ними дѣнешься? Что такое нынѣшнее воспитаніе? Куда оно годиться?.. Дѣвчонку по крайней мѣрѣ сбылъ съ рукъ, да и концы въ воду. Выйдетъ замужъ, такъ и отрѣзанный ломоть. Это что? (онъ снова указывалъ на дочь) это вѣдь такой товаръ, что дома не залежится. .

Иванъ Васильичъ былъ правъ. Въ двадцать три года, Лиза вышла замужъ за отставного майора, Евграфа Матвѣича Ветлина, человѣка отлично-добронравнаго, съ брюшкомъ, и страстнаго охотника до всего съѣстнаго вообще и до яблочной пастилы въ особенности. Лиза переѣхала въ губернскій городъ.

Лиза изъ уѣздной барышни сдѣлалась губернской барыней и завелась своимъ хозяйствомъ. Иванъ Васильичъ вскорѣ послѣ ея брака скончался отъ удара, покушавъ за ужиномъ не въ мѣру и тотчасъ же послѣ ужина разсердясь за что-то не въ мѣру на своего буфетчика. А жена его черезъ годъ послѣдовала за нимъ; тоска по мужѣ свела ее въ могилу. „И побранить-то меня теперь некому“, часто говорила она, заливаясь слезами. Мысль о будущихъ внучкахъ поддерживала еще немного ея существованіе; но неисповѣдимымъ судьбамъ угодно было, чтобъ Лизавета Ивановна забеременила не ранѣе, какъ черезъ годъ послѣ ея смерти. Старушка умирала спокойно, тихо, въ полномъ сознаніи, что она, по мѣрѣ силъ своихъ, исполняла на землѣ долгъ христіанки, то есть была всегда послушною и вѣрною женою и доброю матерью... Она пріобщилась за часъ до своей смерти... это было въ теплый и тихій майскій вечеръ... Окна ея спальни, выходившія въ садъ, были открыты... Весенній воздухъ, растворенный запахомъ черемухи, освѣжалъ лицо умиравшей, потухавшая заря освѣщала комнату своимъ яркимъ румянцемъ... Лизавета Ивановна сидѣла на стулѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ и прислонясь лицомъ къ подоконнику. Супругъ стоялъ близь нея, заложивъ пальцы за обшлага своего сюртука, и безпрестанно говорилъ супругѣ: „полноте-съ, полноте-съ“,—а слезы такъ и катились по его доброму и взрытому рябинами лицу. Старушка подозвала ихъ къ себѣ, поцаловала и благословила; Евграфъ Матвѣичъ произнесъ всхлипывая: „Маменька, будьте покойны касательно Лизаветы Ивановны; я все употреблю, повѣрьте, чтобъ сдѣлать ихъ счастливыми...“ (Евграфъ Матвѣичъ, не смотря на то, что былъ женатъ два года, никакъ не могъ говорить женѣ ты). И онъ, произнеся этотъ обѣтъ, не удержался и зарыдалъ. Старушка сказала слабѣющимъ голосомъ: „Не плачьте, мои голубчики, я иду къ моему Ивану Васильичу...“ Послѣднее слово старушки было имя ея мужа.

Послѣ смерти ея, супруги погрустили, поплакали, и—пораздумавъ немножко, занялись устройствомъ своихъ дѣлъ. Покойный Иванъ Васильичъ былъ разоренъ псами, на имѣніи было пропасть долгу. Супруги, посовѣтовавшись, продали большую половину имѣнія, уплатили долгъ, и оставили только въ своемъ владѣніи одно село Ивановское, Брысскую-Топь-тожъ.

— Распоряжайтесь всѣмъ по своей волѣ, говорила Лизавета Ивановна мужу: — но ужь это село оставьте неприкосновеннымъ. Въ немъ родилась я, въ немъ и умереть хочу. Тутъ лежитъ прахъ моихъ родителей. Такъ, еслибъ мы его продали, насъ бы и громомъ убило да и люди въ глаза бы намъ наплевали.

Умилительно было видѣть картину домашней жизни Лизаветы Ивановны въ первые года замужества. Супруги, казалось, созданы были другъ для друга.

Они ни въ чемъ не противорѣчили другъ-другу, такъ сходны были ихъ понятія и образъ мыслей... Только однажды и то нечаянно супругъ огорчилъ супругу. Лизавета Ивановна вязала чулокъ, Евграфъ Матвѣичъ раскладывалъ гран-пасьянсъ. Онъ первый прервалъ молчаніе.

— А знаете, голубчикъ, вѣдь-то, о чемъ я загадалъ, вышло?..

Онъ всегда звалъ супругу голубчикомъ, а она звала его голубошкой или дружочкомъ.

— А о чемъ вы загадали, дружочекъ?

— Будто ужь вы не догадываетесь?

Евграфъ Матвѣичъ пришелъ въ замѣшательство и покраснѣлъ.

— Нѣтъ, не догадываюсь.

— На счетъ того, понимаете?

— На счетъ чего.

Евграфъ Матвѣичъ наклонился къ уху Лизаветы Ивановны и сказалъ шопотомъ:

— На счетъ того, голубчикъ, чѣмъ насъ Богъ обрадуетъ— сынкомъ или дочкой.

Лизавета Ивановна въ свою очередь пришла въ замѣшательство и покраснѣла.

— Что же вышло? робко прошептала она:—сынокъ или дочка?

— Сынокъ.

— Не-ужь-то сынокъ?.. Такъ, стало-быть, вамъ бы хотѣлось сынка?

— Признаюсь откровенно.

— Отчего же сынка? Ну, а если будетъ дочка, такъ стало-быть, вы ее и любить не станете?

— Какъ же это можно? За какое вы чудовище меня принимаете? Чтобъ я не любилъ свое дитя!.. А видите ли, сынка

я натурально больше потому желаю, что это по моей части... Я бы его самъ обучалъ... всему, чему слѣдуетъ... и опредѣлилъ бы его въ тотъ полкъ, въ которомъ самъ началъ службу...

Воображеніе Евграфа Матвѣича разъигралось... маленькіе, сонные глазки его одушевились... Онъ продолжалъ:

— И вышелъ бы онъ въ офицеры... этотъ клопъ-то, котораго вы на рукахъ носили... Представьте себѣ: офицеръ, со шпагой и съ эполетами и въ шарфѣ!.. ну, словомъ, офицеръ въ полной формѣ, какъ слѣдуетъ!.. Этакій молодецъ рослый, плечистый!..

— Чтобъ я отдала его въ военную службу! вскрикнула Лизавета Ивановна.—Сохрани Господи!.. Чтобъ онъ въ походъ пошелъ, да чтобъ его на сраженіи убили!..

Евграфъ Матвѣичъ посмотрѣлъ на супругу съ упрекомъ.

— Такъ чѣмъ же ему быть, съ позволенія сказать, приказной строкой, что-ли, чтобъ у него руки были въ чернилахъ измараны?.. Какъ же это можно!

— И по штатской службѣ можно до большихъ чиновъ дослужиться, возразила Лизавета Ивановна.

— Какихъ чиновъ не дослуживайся, а все штатскій... замѣтилъ Евграфъ Матвѣичъ

— Нѣтъ, лучше вы мнѣ и не говорите! возразила Лизавета Ивановна:—ужь какъ вы хотите, а сынъ нашъ пойдетъ по штатской части.

ГЛАВА II.

Рожденіе барышни и ея дѣтство.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого разговора, Лизавета Ивановна разрѣшилась отъ бремени дочкою.

— Ну, что, Пелагея Ильинишна, что Богъ далъ? въ одинъ голосъ закричали дворовыя дѣвки, бросаясь на встрѣчу старухиняни.

— Нишните, голубушки, нишните... Охъ, всѣ косточки разломило... устала... дайте отдохнуть.

Няня сѣла на стулъ.

— Помучилась, моя сердечная, да и насъ-то помучила. Ну, да теперь слава Богу.

— Да скажите, Пелагея Ильинишна, что же Богъ далъ?

Дѣвки съ любопытствомъ обступили няню и смотрѣли на нее вытаращя глаза. Няня перевела духъ и произнесла:

— *Барышню.*

— А что, Пелагея Ильинишна, замѣтила Матреша, которая была побойчѣе, покрасивѣе, и почище другихъ: — а вы намъ все говорили, что по всѣмъ вашимъ примѣтамъ будетъ барченокъ... Вотъ вамъ и барченокъ!..

— Ужь ты мнѣ, быстроглазая!.. Пелагея Ильинишна! Пелагея Ильинишна! Языкъ-то безъ костей, такъ все пустяки мелитъ... Барченокъ!.. И потомъ няня продолжала, какъ-будто про себя: — Слава Богу, маменьку выняньчила, такъ вотъ теперь дочку привелось няньчить.

Въ этотъ же вечеръ, съ радости, старуха порядочно выпила, такъ-что уже не могла показаться въ комнаты; она дремала въ людской у стола, нѣсколько покачиваясь и безпрестанно облизывая губы... Дѣвки, стоя вокругъ стола, поддразнивали ее, подсмѣивались надъ нею и потомъ пересмѣхались междусобою. А она безпрестанно повторяла сквозь зубы и какъ-будто сквозь сонъ:

— Зубоскалки вы проклятыя... чего это обрадовались?.. зубоскалки...

— Что? не угодила я вамъ, голубушка? шептала Лизавета Ивановна своему супругу слабымъ голосомъ: — вѣдь вамъ хотѣлось сынка?

— А Богъ съ нимъ, съ сыномъ! отвѣчалъ супругъ, съ лицомъ, сіявшимъ радостію. — Я и дочку буду любить, голубчикъ, такъ же, какъ любилъ бы сына... Еще за сына, можетъ быть, мы бы ссорились (Евграфъ Матвѣичъ, произнося это дурное слово, старался какъ-можно пріятнѣе улыбнуться): а объ дочкѣ у насъ споровъ не будетъ.. Дочка по вашей части...

Крестины праздновались съ шумомъ... Воспріемникъ новорожденной былъ губернаторъ: воспріемницею — вице-губернаторша... Новорожденную нарекли Катериной, въ честь отцовой тетки. Гости за обѣдомъ были необыкновенно любезны. Они безпрестанно повторяли:

— Красавица у васъ будетъ дочка, Лизавета Ивановна! безприданница.. И здоровенькая такая, Богъ съ нею!

Вице-губернаторша была любезнѣе всѣхъ гостей... Она по крайней мѣрѣ разъ пятнадцать повторила:

— У васъ, милая Лизавета Ивановна, дочка, а у меня сынокъ... Вотъ вамъ и женихъ съ невѣстой.

Обѣдъ былъ на-славу и продолжался часовъ пять сряду. Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна, какъ истинно-русскіе люди, отличались хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ. Евграфъ Матвѣичъ самъ не сидѣлъ за столомъ, а все ходилъ около стола и угощалъ гостей, приговаривая: „сдѣлайте одолженіе, еще кусочекъ...“ и кланялся. Лизавета Ивановна повторяла дамамъ тоже.

Къ концу обѣда, нѣсколько пробокъ съ шумомъ полетѣли въ потолокъ...

— Вотъ и артиллерійское ученье начинается, остроумно замѣтилъ, крутя високъ, одинъ изъ гостей, отставной поручикъ. Другой гость балагуръ (изъ семинаристовъ), замѣнявшій старинныхъ шутовъ съ шлемами и бубенчиками, всталъ и, обратясь къ Евграфу Матвѣичу и Лизаветѣ Ивановнѣ, съ поднятымъ бокаломъ произнесъ:

День восторга, восхищенья—
Вашей дщери днесь крещенье!
Всѣ несутъ къ вамъ поздравленья.
На Парнасѣ девять музъ
Превозносятъ вашъ союзъ...
Родилась десята муза
Отъ прекраснаго союза.
Веселитесь и ликуйте.
День сей дивный торжествуйте!
Веселися домъ Евграфе
Веселися, но не въ мале!

Стихотвореніе было длинное. Въ немъ заключалась тонкая и лестная похвала родителямъ, въ особенности же воспріемникамъ, которыхъ семинаристъ между-прочимъ величалъ „знаменитыми сановниками и представителями христіанскаго человѣчества“. Оно оканчивалось слѣдующимъ пятистишіемъ:

Хоть ода нѣсколько быть-можетъ и слаба,
Безъ реторическихъ прикрасъ, безъ ухищренья,
Но да не взыщется съ нижайшаго раба
За искреннее чувствъ живѣйшихъ выраженье —

Когда семинаристъ кончилъ и выпилъ бокалъ, обведя взоромъ собраніе... страшный шумъ рукоплесканій, хохотъ и

одобрительные крики потрясли столовую... А семинаристъ, положа руку на сердце, кланялся низко на всѣ стороны и повторялъ съ самодовольною улыбкою:

— Не достоинъ, не достоинъ!..

Послѣ обѣда, когда всѣ гости вышли изъ столовой и разбрелись по другимъ комнатамъ, въ то время, какъ лакеи собирали со стола, доѣдая и долизывая барскіе остатки, няня, какъ старшая въ домѣ, подъ предлогомъ надзора за людьми, все прохаживалась кругомъ стола и допивала оставленное въ стаканахъ и рюмкахъ вино... Вечеромъ же, въ людской, при собраніи всей дворни, подплясывая и прищелкивая руками, напѣвала:

Ай, люли, ай, люли,
Ай вы люшеньки мои!

И вся дворня каталась со смѣха, приговаривая:—Ай-да Ильинишна! ну-ка еще... Вотъ-такъ... порастряси-ка старыя кости!..

Но обратимся къ барышнѣ.

Вотъ она—моя барышня, румяное и полное дитя, ей полтора года, но ее еще не отняли отъ груди,—вотъ она—на рукахъ у заплывшей жиромъ кормилицы, которую разъ десять въ день поятъ чаемъ и безпрестанно кормятъ селедками. Кормилица обыкновенно по буднямъ носитъ толстую рубашку, ситцевый сарафанъ и ситцевую шапочку на головѣ, а по воскресеньямъ и по праздникамъ—непремѣнно камлотовый сарафанъ, обшитый галуномъ, кисейную рубашку и бархатный кокошникъ... Барышня только что перестала плакать, еще у нея не обсохли слезы на глазахъ... Кормилица вытираетъ ей глазки и носикъ, и приговариваетъ:—Безстыдница этакая... ну что разревѣлась-то? а вонъ ужо трубочистъ прійдетъ и съѣстъ тебя.

Дитя подымаетъ визгъ отъ страха и жмется къ кормилицѣ... Кормилица стращаетъ его розгами,—дитя еще пуще плачетъ. На его визгъ и плачъ прибѣгаютъ маменька, папенька и няня.

Маменька кричитъ:

— Ну, такъ и есть, опять раздразнила ребенка! Не умѣешь ты, мужичка этакая, обращаться съ барскимъ дитятей. Не

плачь, ангельчикъ мой, не плачь... А посмотри, вотъ бобо, душенька.

Папенька кричитъ:

— Охъ вы мнѣ! изуродуете вы ее... Каточекъ, Каточекъ, посмотри на меня... Гдѣ папа? А-а!.. вотъ папа...

Няня кричитъ жалобнымъ голосомъ:

— Что это съ тобой, лапочка ты моя, что съ тобой приключилось... Ужь не зубки ли?.. Покажи-ка.

Няня всовываетъ палецъ въ ротикъ дитяти и потомъ обращается къ барынѣ:

— Вотъ, посмотрите, матушка, у нея тутъ, у моей голубушки, зубокъ прорѣзывается.

Вслѣдъ за няней, маменька и папенька всовываютъ свои пальцы въ ротикъ дитяти, чтобъ ощупать зубокъ.

— Вѣстимо къ зубкамъ плачетъ, замѣчаетъ кормилица:— отчего жь ей больше плакать?

Около ребенка шумъ и крикъ; ребенка затормошили и ревъ его раздается по всему дому...

— Да гдѣ же эти всѣ дѣвчонки? вскрикиваетъ маменька:— пошлите ихъ... Палашка! Дашка! Машка!..

Дѣвчонки прибѣгаютъ.

— Вотъ я васъ! Гдѣ вы тамъ бѣгаете? постойте...

— Дитя плачетъ, вамъ и горя мало, перебиваетъ папенька...

— Вы забыли свою должность... забыли, что надо утѣшать ребенка, продолжаетъ маменька.

Испуганныя дѣвчонки становятся въ рядъ и начинаютъ прыгать и кувыркаться передъ барышней.

Барышню отняли наконецъ отъ груди... Кормилицу удалили, чтобъ барышня отвыкла отъ нея и перестала тосковать: но кормилица, пріученная къ барскому столу и къ различнымъ удобствамъ въ барскомъ домѣ, въ надеждѣ, что авось ее снова призовутъ къ барышнѣ, если барышня будетъ больно скучать по ней, старается нарочно показываться ей на глаза. Когда няня несетъ ее на рукахъ по двору, кормилица становится на дорогѣ, пригорюнясь, и качая печально головой, приговариваетъ, такъ, чтобъ дитя слышало ея голосъ:

— Отняли отъ меня мое красное солнышко.. Похудѣла ты безъ меня, моя касаточка; уморятъ они тебя, мою ласточку...

Дитя, увидѣвъ кормилицу, рвется къ ней. Начинается ссора между кормилицей и няней. Няня жалуется на кормилицу барынѣ. Барыня наконецъ, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія, запрещаетъ приближаться кормилицѣ къ барскому двору.

Между-тѣмъ, барышня уже начинаетъ ходить и бѣгать. Какая радость для родителей! Къ ней приставлены, кромѣ няни еще двѣ дѣвки, которыя должны неотлучно находиться при ней, чтобъ дитя не упало и не расшиблось. И если немного-выпившая няня и полусонныя дѣвки не доглядятъ и дитя ушибется объ уголъ дивана или стула и зареветъ, маменька въ ту-же секунду вдругъ выскакиваетъ какъ-будто изъ-подъ пола. Ея звонкій и пронзительный голосъ пробуждаетъ растрепанныхъ и полусонныхъ дѣвокъ, которыя привыкли преспокойно спать подъ визгъ барышни.

— Гдѣ у васъ глаза-то? Няня—старый человѣкъ, нянѣ нельзя за ребенкомъ вездѣ усмотрѣть.. ребенокъ рѣзвится, бѣгаетъ... а вы что? только спятъ да ѣдятъ цѣлый день... А вотъ я васъ, подождите.

Дѣвки, впрочемъ, не боятся угрозъ барыни, потому-что эти угрозы никогда не приводятся ею въ исполненіе. У барыни доброе сердце.

— Ничего, моя маточка, продолжаетъ барыня, гладя по лицу дочку:—ничего. Вишь стулъ какой гадкой!.. плюнь на него, душенька. Ударь его хорошенько.. Вотъ такъ... Какъ онъ смѣлъ мою Катеньку? Вотъ мы его!..

Барышню кормятъ разъ до шести въ день, и, не смотря на это, маменька безпрестанно повторяетъ:

— Что это, нянюшка, мнѣ кажется, Катенька сегодня что то мало кушала? Здорова ли она?

— Ребенокъ много требуетъ пищи въ эти лѣта, говоритъ папенька:—ребенка надо больше кормить, такъ онъ рости лучше будетъ...

Няня съ этимъ совершенно согласна. Она всегда ужинаетъ въ дѣтской въ то время, когда дѣвки укладываютъ барышню почивать, и, не смотря на то, что у барышни претугой живо-

тикъ, няня всегда еще покормитъ ее изъ своихъ рукъ или гречневой кашкой, или кислой капусткой, или тюрей.

— Ничего, лучше заснетъ, говоритъ няня:—что смотрѣть то на барыню въ самомъ-дѣлѣ? Накрошитъ ребенку бѣлаго хлѣбца въ бульйонъ, да и думаетъ, что ребенокъ будетъ сытъ этимъ... Наша пища лучше, отъ нашей пищи она будетъ здоровѣе. Кушай, голубушка, Христосъ съ тобой.

Если же дитя на другой день сдѣлается нездорово, и барыня спрашиваетъ у няни:

— Отчего бы это она нездорова, няня?

Няня отвѣчаетъ:

— Да вѣрно съ глазу, матушка. Ничего, не безпокойся. Вотъ погоди. Я ее слизну ужо вечеркомъ, какъ мыть буду *).

— А, можетъ, это къ росту, няня?

— А, можетъ, сударыня, и къ росту.

Барышня дѣлается толстымъ, тяжелымъ и сырымъ ребенкомъ. Она ростетъ болѣе въ ширину, чѣмъ въ длину. Она, играя съ своими забавницами дѣвчонками, безпрестанно на нихъ сердится за то, что онѣ лучше ея бѣгаютъ, за то, что онѣ смѣютъ обгонять ее... И потомъ на нихъ же жалуется маменькѣ, а маменька при ней же и вскинется на бѣдныхъ дѣвчонокъ:

— Да какъ вы, негодницы, смѣете обижать барышню? да я вамъ за это ушонки надеру! Да развѣ вы не чувствуете съ кѣмъ играете? да развѣ вы не помните, что она госпожа ваша?..

Способности барышни развиваются туго: ее закормили. И папенька, и маменька, и няня, и гости, и дѣвки, и лакеи, и дѣвчонки—всѣ ей только и твердятъ о гостинцахъ, да объ лакомствахъ.

— Хочешь полакомиться, хочешь бомбошекъ? спрашиваетъ ее маменька по нѣскольку разъ въ день.

— Катенька-то вся въ васъ, дружочекъ, продолжаетъ Лизавета Ивановна, обращаясь къ мужу:—ужь такая жадная до яблочной пастилы, что ужасть!

Если Катенька капризничаетъ и плачетъ, ей няня говоритъ:

---

*) Операція слизыванія производится слѣдующимъ образомъ: когда ребенка вымоютъ въ корытѣ, няня обыкновенно поводитъ три раза языкомъ по его спинѣ, начиная отъ затылка... и потомъ собранную на языкѣ сырость сплевываетъ черезъ корыто.

— Перестань же плакать. Утри глазки. А тому гостинца не дадутъ, кто будетъ плакать!

Если ею довольны, то или маменька или папенька непремѣнно скажутъ ей:

„Вотъ ты сегодня умница. За это тебѣ сейчасъ дадутъ гостинца.

Гости, имѣющіе какую-нибудь нужду до папеньки, въ угодность ему, всегда возятъ дочкѣ гостинцы...

И Катя спрашиваетъ у нихъ:

— А скоро ли вы опять къ намъ пріѣдете? а скоро ли вы опять мнѣ гостинцевъ привезете?...

— Вишь, какая интересанка! замѣчаетъ папенька, заливаясь добродушнымъ смѣхомъ и смотря съ любовію на дочку.—Ухъ, будетъ плутъ-дѣвка!..

— Катенька, хочешь быть моей невѣстой? говоритъ гость, сажая ее къ себѣ на колѣни. — Я тебя буду кормить всякій день конфектами, сладкими пирожками и вареньемъ.

— Хочу, отвѣчаетъ Катя.

— Ужь она у насъ такая сластена! восклицаетъ маменька.

Катя охотница играть въ куклы. У нея есть кукла-барышня и есть кукла-дѣвка. У нея есть кукла женихъ и есть кукла-невѣста, и женихъ все кормитъ невѣсту гостинцами.

Нельзя сказать, чтобъ маменька не хлопотала о ея гардеробѣ: передничкамъ, платьицамъ, панталончикамъ счету нѣтъ, не смотря на это Катя никогда не бываетъ чисто одѣта.

— Что это, няня, какой на ней грязный передничекъ? говоритъ папенька.

— Что же, батюшка, дѣлать, вѣдь на нее не напасешься чистаго. ну, натурально, дитя рѣзвится, бѣгаетъ на травкѣ, иной разъ поваляется и на пескѣ посидитъ: дѣтское, глупое дѣло...

Евграфъ Матвѣичъ большой охотникъ до садоводства. Онъ самъ развелъ небольшой садикъ. Этотъ садикъ расположенъ симетрически (у Евграфа Матвѣича страсть къ симетріи). Деревья въ садикѣ подстрижены въ видѣ вазъ, шаровъ и треугольниковъ. Дорожки усыпаны желтымъ пескомъ: ни одна травка не смѣетъ рости тамъ, гдѣ не слѣдуетъ. Отъ этого садика, акуратно приглаженнаго, вычищеннаго и выглаженнаго, всѣ въ восторгѣ. Евграфъ Матвѣичъ самъ любуется имъ,

какъ игрушкой, и горе тому, кто въ этомъ садикѣ сорветъ листочекъ или цвѣточекъ! Онъ даже не на шутку однажды раскричался на свою Лизавету Ивановну, когда та, гуляя съ нимъ въ садикѣ, оторвала, въ разсѣянности, вѣтку отъ куста... Но Катѣ позволяется все. Такова безпредѣльная любовь Евграфа Матвѣича къ дочери! Катя безнаказано рветъ цвѣты и ломаетъ сучья кустовъ.

Когда Евграфъ Матвѣичъ съ супругой живутъ въ деревнѣ, Катя, часто смотря изъ окна дѣтской вдаль на лугъ, пестрѣющій цвѣтами, и на играющихъ на этомъ лугу дѣвчонокъ, говоритъ нянѣ:

— Няня, я хочу туда, къ этимъ дѣтямъ.

— И, барышня, барышня! отвѣчаетъ няня, качая головою:—чего ты только не выдумаешь? Мало тебѣ здѣсь, что ли, мѣста бѣгать по саду или по двору? Мало, что ли, у тебя здѣсь забавницъ? Ну, что тебѣ дѣлать въ полѣ? Тамъ только простые, деревенскіе ребятишки, грязные, а ты барское дитя, тебѣ нечего тамъ дѣлать съ ними.

Палашка—одна изъ дворовыхъ дѣвчонокъ, забавляющихъ барышню, пользуется особенно ея милостію. Палашка ея фаворитка. Барышня даже даетъ ей гостинцы, и если это случается при нянѣ, няня обыкновенно говоритъ Палашкѣ:

— Ну, что жь ты дура, стоишь? Кланяйся барышнѣ, да цалуй ея ручку...

А родители, иногда, смотря на это, восклицаютъ въ умиленіи:

— Что это, какое у нашей Катеньки доброе сердце!

Но разъ какъ-то, играя, Палашка вздумала поцаловать барышню. Барыня увидѣла это, всплеснула въ ужасѣ руками и бросилась къ нянѣ:

— Помилуй, няня, что это такое? да на что это похоже? да какъ же это ты позволяешь дѣвчонкѣ, простой дѣвчонкѣ, цаловать барышню? Какъ же ты ее не остановишь? Какъ же она, мерзкая, такъ смѣетъ забываться?

И потомъ она продолжала, обратясь къ Палашкѣ:

— Съ чего ты, этакая дрянь, взяла, что ты можешь цаловать барышню? Что, ты ей ровная, что ли? А знаешь ли ты, что за это я велю тебя выгнать въ людскую, чтобъ ты и глазъ въ барскія комнаты не смѣла показывать?... Ты должна, дура, чувствовать, кого ты забавляешь.

III.

Воспитаніе барышни.

Барышнѣ минуло шесть лѣтъ.

Пора моей барышнѣ и за азбуку приниматься.

И въ-самомъ-дѣлѣ, папенька уже купилъ ей азбуку съ картинками.

— Вотъ видишь ли, душенька, говоритъ ей папенька, указывая на картинки:—вотъ буква А... видишь ли арбузъ? Вотъ Е—елка: а Э, другое, на-выворотъ, Этна, огнедышащая гора... Видишь, вотъ огонекъ изъ нея выходитъ?... Хорошія картинки? а?

Барышня выхватываетъ книжку изъ рукъ папеньки и бѣжитъ показать картинки нянѣ. Черезъ недѣлю, отъ этой азбуки остаются цѣлыми только три листика. Папенька покупаетъ другую азбуку. И другую, и третью, и четвертую, и даже пятую постигаетъ та же участь. Впрочемъ, по уничтоженіи шестой, моя барышня, надо отдать ей справедливость, начинаетъ читать по складамъ.

— А что голубчикъ, говоритъ Евграфъ Матвѣичъ своей супругѣ:—намъ объ Катенькѣ-то надо хорошенько подумать. До-сихъ-поръ она все училась у насъ шутя, играючи, а теперь ей пора посерьезнѣе заняться. Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Да не рано ли будетъ? возражаетъ Лизавета Ивановна:—вѣдь еще время не ушло, вѣдь она еще у насъ совсѣмъ ребенокъ. Пусть ее, моя пташечка, еще немножко побѣгаетъ.

Евграфъ Матвѣичъ качаетъ головою.

— Оно точно, коли признаться, и по-моему немного рано; однако посмотри, голубчикъ, вѣдь губернаторскія-то дочки въ ея лѣта уже болтаютъ по-французски.

Лизавета Ивановна задумывается.

Евграфъ Матвѣичъ продолжаетъ:

— Какъ ни думай, а Катеньку надо воспитать намъ какъ слѣдуетъ. Она у насъ одна, единственное сокровище; для нея намъ ужь ничего жалѣть не приходится. Нынче, на-примѣръ, безъ французскаго языка и обойдтись нельзя. Что дѣлать! время такое. Посмотришь, дѣвчонки еще отъ земли не

видно, еще и по-своему-то говорить не умѣетъ, а ужь по-французски стрекочетъ,—настоящая чечотка!

Лизавета Ивановна печально вздыхаетъ.

Евграфъ Матвѣичъ опять продолжаетъ:

— Въ прошедшій понедѣльникъ, у предводителя мы разговорились съ Никаноромъ Григорьичемъ о томъ, о семъ: онъ, между прочимъ и говоритъ мнѣ: „Не имѣете ли намѣренія отдать вашу дочку въ институтъ? Мою, говоритъ, я отвожу непремѣнно на слѣдующую зиму...“

— Въ институтъ! вскрикиваетъ Лизавета Ивановна: — въ институтъ! Чтобъ я мою Катеньку отдала въ институтъ, чтобъ я разсталась съ моимъ ангеломъ! Да я лучше соглашусь заживо лечь въ могилу, чѣмъ разстаться съ нею!

— Полно-те, голубчикъ, Христосъ съ вами! Кто вамъ говоритъ объ этомъ? Я и самъ ни за какія блага не рѣшился бы на это... Единственную дочь отдать изъ дома! Слыханное ли это дѣло! Да развѣ у меня каменное сердце?

— Къ-чему же вы и упоминали объ институтѣ?

— Позвольте, вы мнѣ не дали докончить. Никаноръ-то Григорьичъ и говоритъ мнѣ: ну, а если вы не желаете, говоритъ, отдать въ институтъ, такъ, вѣроятно, вамъ понадобится гувернантка? И посовѣтовалъ мнѣ для этого заглядывать въ „Московскія вѣдомости“. По „Московскимъ, говорятъ, вѣдомостямъ“ часто выписываютъ очень-хорошихъ гувернантокъ. Я, говоритъ, самъ для однихъ своихъ родственниковъ выписалъ такимъ образомъ отличнѣйшую гувернантку и за дешевую цѣну.

— Ну, это другое дѣло Безъ гувернантки ужь, конечно, нельзя обойдтись, замѣчаетъ Лизавета Ивановна.

— Ахъ! восклицаетъ Евграфъ Матвѣичъ:—какое трудное дѣло воспитаніе дѣтей въ нынѣшнее время! Голова кругомъ пойдетъ, какъ подумаешь объ этомъ!

Необходимость гувернантки рѣшена.

И съ этой минуты, Евграфъ Матвѣичъ постоянно и внимательнѣе, чѣмъ когда-нибудь, началъ прочитывать „Московскія вѣдомости“.

Однажды онъ остановился на слѣдующемъ объявленіи:

„Молодая дѣвица, благороднаго происхожденія, изъ Русскихъ, но знающая въ совершенствѣ языки французскій, нѣмецкій, англійскій, и отчасти итальянскій, и свободно объяс-

няющаяся на первыхъ трехъ языкахъ, также могущая обучать и первоначальнымъ правиламъ музыки, сама играющая на фортепьяно и на арфѣ, притомъ имѣющая о себѣ одобрительные аттестаты отъ особъ, заслуживающихъ довѣріе, желаетъ опредѣлиться въ какой-либо благородный домъ гувернанткою или собесѣдницею за весьма умѣренную плату. Она соглашается и на отъѣздъ въ провинцію или за границу. Спросить объ ней на Плющихѣ, въ Приходѣ Николы-на-Пометномъ Вражкѣ, въ домѣ подъ № такимъ-то."

Да это просто кладъ! подумалъ Евграфъ Матвѣичъ.—Четыре языка въ совершенствѣ знаетъ, да еще при этомъ и музыкѣ обучаетъ... Покорно прошу! Да еще сверхъ-того и русская... и молодая дѣвица; можетъ, еще хорошенькая ..

Добрый Евграфъ Матвѣичъ какъ-то странно улыбнулся и покраснѣлъ, какъ-будто какая-нибудь несовсѣмъ-скромная мысль промелькнула въ головѣ его. Онъ, въ отсутствіе супруги, иногда позволялъ себѣ поглядывать на хорошенькихъ; впрочемъ, внутренно упрекалъ себя за это и всякій разъ со вздохомъ говорилъ самому-себѣ: „что это, какъ подумаешь-то, какъ слабъ человѣкъ!"

Евграфъ Матвѣичъ раза три или четыре прочиталъ заманчивое объявленіе, не вѣря глазамъ своимъ, отмѣтилъ сначала ногтемъ, потомъ карандашемъ, потомъ чернилами и, наконецъ, опрометью бросился съ листомъ газеты къ своей Лизаветѣ Ивановнѣ.

Когда Лизавета Ивановна прочла строки, указанныя ей супругомъ, она сказала:

— Все это хорошо, дружочекъ, да только я боюсь, не вѣтреница ли это какая-нибудь. Вишь, тутъ сказано, что молодая...

— Отчего-же? можетъ-быть и не вѣтреница. Часто и изъ молодыхъ встрѣчаются очень скромныя.

Супруги долго трактовали объ этомъ предметѣ и, наконецъ, рѣшились выписать „молодую дѣвицу, знающую въ совершенствѣ четыре языка и играющую на фортепьянѣ и на арфѣ".

Черезъ мѣсяцъ, она была привезена.

Ей на лицо казалось лѣтъ за двадцать за семь. Она была ни хороша, ни дурна, но полна. Говоря, имѣла привычку закатывать глаза подъ лобъ; вмѣсто *р* произносила *л*, изъясня-

лась языкомъ нѣсколько книжнымъ и, по всѣмъ примѣтамъ, очень желала нравиться.

Евграфъ Матвѣичъ съ перваго взгляда остался ею доволенъ.

Лизавета Ивановна замѣтила, что она слишкомъ жеманна.

Евграфъ Матвѣичъ возразилъ, что это еще ничего не доказываетъ, что, можетъ быть, она всегда жила въ знатныхъ домахъ; а извѣстно, что въ знатныхъ домахъ всегда особенныя манеры и совсѣмъ другое обращеніе, нежели въ среднемъ кругу. И точно: гувернантка, чрезъ нѣсколько времени, объявила полковницѣ, что она все жила въ Москвѣ въ самыхъ знатныхъ домахъ, что ее вездѣ любили и обращались съ нею, какъ съ родственницей; что она никогда не разсталась бы съ домомъ княгини Кугушевой, еслибъ только князь Кугушевъ не вздумалъ ей однажды объясниться въ любви; что послѣ такого оскорбительнаго для ея чести поступка со стороны князя Кугушева, она уже никакъ не могла оставаться въ его домѣ; что она обо всемъ тотчасъ же разсказала княгинѣ; что княгиня, разставаясь съ нею, заливалась слезами и говорила: „я никогда не забуду васъ, милая Любовь Петровна!“; что она вездѣ, гдѣ ни жила, старалась главное—дорожить своей репутаціей, потому-что она беззащитная дѣвушка и притомъ круглая сирота; что ея родители нѣкогда были очень богаты, и потому воспитывали ее самымъ блестящимъ образомъ, но потомъ, по особенному какому-то несчастію, вдругъ лишились всего; что она вслѣдствіе этого, рѣшилась скитаться по чужимъ домамъ для того, чтобъ содержать своихъ стариковъ; что они, умирая, называли ее безпримѣрной дочерью и прочее, и прочее.

Лизавета Ивановна до того была тронута этимъ разсказомъ, что даже прослезилась. Она сказала потомъ мужу:

— Послушайте, голубушка; ужь намъ надо обращаться съ нею не такъ, какъ съ простою гувернанткою; вѣдь она изъ дворянокъ... Правда, сначала она показалась мнѣ немного жеманною... ну, это точно отъ-того, что она, должно быть, привыкла тамъ, въ знатномъ кругу, къ этакому обращенію; но нравственность у ней прекрасная, и она такъ мило, такъ солидно обо всемъ разсуждаетъ... Да надобно сказать ей, дружочекъ, чтобъ она какъ можно нѣжнѣе и деликатнѣе обращалась съ Катенькой и не слишкомъ вдругъ налегла на нее, чтобъ

знаете, этакъ исподволь пріучала къ наукамъ, а то вѣдь бѣда: дитя съ-непривычки и захворать можетъ.

— Когда же прикажете начать наши занятія съ мамзель Катринь? спросила гувернантка у Лизаветы Ивановны дней черезъ пять послѣ своего пріѣзда.

— Погодите еще неможко, моя милая, отвѣчала Лизавета Ивановна: — не торопитесь. Вы еще съ дороги немножко поотдохнете, а ребенокъ покуда къ вамъ поприглядится, да попривыкнетъ.

Утромъ, въ тотъ день, въ который барышнѣ назначено было начать ученье, маменька, сопровождаемая папенькой и няней, явилась въ учебную комнату съ образомъ казанской Божіей Матери. Маменька была въ волненіи, глаза ея были красны. Она осѣнила Катю образомъ и проговорила голосомъ торжественнымъ, полнымъ слезъ и дрожащимъ отъ чувства:

— Пусть она, пресвятая и пречистая Дѣва, наставитъ тебя на всякую истину и на всякое добро! Приложись душенька.

Катя, а за нею и гувернантка, приложились къ образу.

Тогда маменька поставила образъ на столъ, покрытый чистою салфеткою, и сказала:

— Помолимся же теперь за ея успѣхи.

И всѣ начали молиться.

По окончаніи молитвы, маменька взяла Катю за руку и подвела къ гувернанткѣ.

— Вотъ вамъ, Любовь Петровна, моя Катя. Прежде всего, прошу васъ, не будьте къ ней слишкомъ взыскательны и строги. А коли она въ чемъ нибудь проштрафится, относитесь прежде ко мнѣ. Мы вмѣстѣ и подумаемъ, какъ бы ее исправить.

— А ты, душенька (Лизавета Ивановна обратилась къ дочери) должна во всемъ слушаться свою наставницу и стараться заслужить ея любовь... Ну, теперь благослови тебя Богъ!

Маменька перекрестила Катю и поцаловала ее.

— Учись, Катюша, прилежно, сказалъ папенька и также перекрестилъ ее и поцаловалъ.

Затѣмъ, няня подошла къ своей питомицѣ, обняла ее и зарыдала надъ нею, какъ надъ умирающею.

Затѣмъ разревѣлась Катя, и, вслѣдствіе этого, долго не могла приняться за урокъ.

Гувернантка занималась съ Катей только по утрамъ, и во время этихъ занятій, маменька обыкновенно по нѣскольку разъ взглядывала изъ полурастворенной двери и обыкновенно говорила:

— А что, Любовь Петровна, не довольно ли?.. Мнѣ кажется, у Кати сегодня что-то головка горяча; да и она, моя крошечка, всю ночь была безпокойна. Не отложить ли лучше урокъ до-завтрева?

Если не болѣзнь, то выискивается какой-нибудь другой предлогъ для освобожденія Кати отъ ученья. Умъ маменьки чрезвычайно-хитеръ и изобрѣтателенъ въ этомъ случаѣ.

Когда маменька и папенька спрашивали у гувернантки:

— Ну, что, милая Любовь Петровна, успѣваетъ ли наша Катенька? довольны ли вы ею?

Гувернантка, какъ дѣвица тонкая и хитрая, обыкновенно отвѣчала:

— Я вамъ скажу по-совѣсти, что такого понятливаго, благонравнаго и милаго дитяти я еще и не видала. Вотъ и у княгини Кугушевой Наденька прекрасный ребенокъ; но ее, по способностямъ, и сравнить невозможно съ вашей Катечкой. Ваша Катечка — феноменъ! Признаюсь, я ни къ одной еще изъ моихъ воспитанницъ не была такъ привязана, какъ къ ней. Впродолженіе года она сдѣлала такіе успѣхи во французскомъ языкѣ, что просто невѣроятно!

Своимъ поведеніемъ и въ особенности такими похвалами Кати, повторявшимися очень-часто, гувернантка пріобрѣла совершенную довѣренность и любовь ея родителей

Гувернантка обладала замѣчательнымъ даромъ слова, то-есть сплетничала немилосердно. Надобно замѣтить, что Лизавета Ивановна, несмотря на доброту своего сердца, чувствовала также нѣкоторое поползновеніе къ сплетнямъ, подобно всѣмъ барынямъ, и поэтому находила несказанное удовольствіе въ обществѣ Любови Петровны. Гувернантка получила значеніе въ домѣ. Она завела между дворовыми дѣвками двухъ фаворитокъ: Машку и Соньку, и приняла подъ свое покровительство одного лакея, Ѳомку, который въ особенности подольщался въ ней, — объявивъ остальнымъ дѣвкамъ и лакеямъ

войну непримиримую. На этихъ остальныхъ она безпрестанно наговаривала и жаловалась то барину, то барынѣ. Дворня пришла въ волненіе... Дѣвки передрались и перессорились между собою, лакеи грозились отдубасить Ѳомку и называли его *шиматономъ*.

Няня ненавидѣла гувернантку (няни вообще ненавидятъ гувернантокъ) и приходила въ ужасное негодованіе при одномъ ея имени.

— И говорить-то о ней не хочу. Вотъ ей — тьфу! (няня плевала). Ея дѣло только каверзничать... да вотъ погоди ты у меня! (няня грозила пальцомъ). Я выведу твои шашни на чистую воду. Дай срокъ! Будешь ты у меня съ офицерами перемигиваться.

Но няня слишкомъ увлекалась личною враждою, и подобно всѣмъ нянямъ, не отдавала должной справедливости гувернанткѣ... А моя барышня точно была ей обязана многимъ. Успѣхи Кати во французскомъ языкѣ не были подвержены ни малѣйшему сомнѣнію... Она утромъ, цалуя ручку папеньки, лепетала: бонжуръ папа; вечеромъ прощаясь съ маменькой и обнимая ее, говорила: бонюи маманъ... Она выучила наизусть двѣ басни Лафонтена и бренчала на фортепьянахъ качучу, ежеминутно впрочемъ сбиваясь съ такту,—и всякій разъ при гостяхъ по приказанію родителей, пробормотавъ эти двѣ басни, садилась за фортепьяно. И гости—знающіе и незнающіе по-французски, имѣющіе музыкальное ухо и неимѣющіе его, всякій разъ отъ этого бормотанья и бренчанья приходили въ восторгъ совершенно одинаковымъ образомъ, и родители всякій разъ, глядя на Катю млѣющими глазами, гладили ее по головѣ и потомъ говорили, указывая на гувернантку:

— Всѣмъ этимъ она обязана Любови Петровнѣ...

Катя также выучилась плясать съ шалью и порусски, но плясала при гостяхъ только въ торжественные случаи, то-есть, въ именины и рожденье родителей...

И тогда обыкновенно раздавались со всѣхъ сторонъ одобрительные возгласы, смѣшанные съ рукоплесканіями. У Евграфа Матвѣича, въ такихъ случаяхъ, отъ удовольствія показывались слезы на глазахъ, и онъ, толкая гостя и указывая ему на дочь, говорилъ:—Ну, посмотри, Яковъ Иванычъ, какъ мило, какъ ловко... а плечиками-то какъ поводитъ!...

Глядя на всѣ эти штуки, губернскія барыни кричали въ одинъ голосъ:

— Ну, ужъ касательно чего другого — мы не знаемъ, а надо отдать справедливость Лизаветѣ Ивановнѣ, что она очень, очень-мило воспитываетъ свою дочку. Даже можно сказать блестящимъ образомъ.

Гувернантка и нѣжные родители называли Катю всегда послушнымъ ребенкомъ... Впрочемъ, гувернантка отзывалась такъ о своей питомицѣ только при гостяхъ и при нѣжныхъ родителяхъ; а наединѣ, очень-часто, выведенная изъ терпѣнія капризами Кати, бормотала сквозь зубы:—У! мерзкая дѣвчонка, еслибъ моя воля—я такъ бы тебя выдрала!...

И въ-самомъ дѣлѣ, моя барышня любила иногда покапризничать.

Если гость говорилъ Катѣ:

— Здравствуйте, Катенька, пожалуйте ручку.

Катя непремѣнно начинала ломаться и пищала:

— Не хочу, оставьте меня...

И тогда или папенька или маменька, или оба они въ одинъ голосъ восклицали:

— Катечка, душенька! что это такое? Это не хорошо, это стыдно... дай сейчасъ Петру Антоновичу ручку...

И потомъ, обращаясь къ гостю, маменька и папенька замѣчали:

— Не понимаемъ, что это сдѣлалось сегодня съ Катей: она у насъ обыкновенно такая послушная...

Вице-губернаторшу Господь благословилъ дочками кромѣ Коли—катенькинова жениха—у нея есть Петя, Наташа, Даша, Анеточка, Вѣрочка, Дунечка. И вице-губернаторша часто со всѣмъ семействомъ на цѣлый день пріѣзжаетъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ. Въ эти дни, подымается въ домѣ страшный шумъ, пискъ и визгъ, гувернантки и няньки бѣгаютъ за дѣтьми изъ одной комнаты въ другую. И среди этого шума, писка, и визга раздаются крики:—Прене гардъ, мамзель Натали или мамзель Аннетъ, ву томбре.—Что это ты, сударыня, выдумала? развѣ можно бить братца?... Ахъ ты пакостница этакая! а вотъ я маменькѣ скажу!... Катя цалуетъ Колю и спрашиваетъ у папеньки:

— Папа, вѣдь это мой женихъ?

— А развѣ ты Сергѣю-то Яколевичу измѣнила? возражаетъ папенька. — Помнишь, ты хотѣла выйдти за него замужъ, а онъ обѣщалъ тебѣ много конфектъ и пирожковъ.

— Не хочу его, пищитъ Катя сквозь слезы:—онъ гадкій, рябой; мой женихъ не онъ, а Коля.

— Что жь, Лизавета Ивановна, говоритъ съ пріятностію вице-губернаторша, тасуя карты: — пора, я думаю, подумать и объ ихъ свадьбѣ? Какъ вы думаете? Приготовляйте-ка невѣстѣ приданое.

Всѣ смѣются.

Барышня замѣтно начинаетъ подростать, способности ея по маленьку изощряются. Прежде для нея существовали только гостинцы, теперь для нея однихъ гостинцевъ мало: ее начинаютъ занимать и платьица и платочки... Она одѣваетъ свою куклу-фаворитку въ шелковое платье, втыкаетъ въ голову цвѣты и говоритъ дѣвочкѣ, играющей съ нею:—видишь ли, Палашка, она поѣдетъ на балъ танцовать,—тамъ будутъ офицеры...

Роковое слово: офицеры уже произнесено барышнею!

Она такъ часто слышитъ это слово отъ всѣхъ, въ-особенности отъ гувернантки и отъ ея фаворитки Соньки.

Гувернантка, напримѣръ, наряжается; фаворитка Сонька затягиваетъ ей корсетъ и говоритъ:

— Барышня, надѣньте сегодня пунцовое платье... оно ужасти какъ къ вамъ идетъ... Сегодня еще можетъ-быть, у насъ кто-нибудь да будетъ...

— А которое ко мнѣ больше идетъ, Соня: голубое или пунцовое?

— Пунцовое, барышня, къ вамъ не въ-примѣръ больше идетъ, да и ихной любимый цвѣтъ пунцовый.

— А ты почему знаешь?

— Да ужь я знаю-съ.

Сонька потупляетъ глаза.

— Ахъ, да я и забыла... Гувернантка грозитъ горничной пальцомъ.

Сонька усмѣхается и вдругъ подбѣгаетъ къ окну...

— Барышня, барышня... офицеръ!

— Офицеръ?... (гувернантка накидываетъ на себя платочекъ и бросается къ окну)...

— Ахъ какой хорошенькій, Соня!—Да это, кажется. Маккавеевъ... посмотри какая у него ножка... Ну, только талія у него хуже чѣмъ у Валуева... гораздо-хуже.

Всякій разъ, когда къ Евграфу Матвѣичу являлись офицеры, гувернантка смотрѣла на нихъ или въ щелку двери, или въ замочную скважину... и сердце ея сильно билось, если между ними красовался одинъ бѣлокурый, высокій, курчавый и съ большимъ носомъ...

Этотъ офицеръ вообще почему-то нравился многимъ губернскимъ барынямъ и въ особенности одной, которую очень любила Лизавета Ивановна... Гувернантка, узнавъ это, возненавидѣла ее, начала употреблять всѣ мѣры, чтобъ поссорить ее съ Лизаветой Ивановной — и наконецъ достигла своей цѣли. И добрая Лизавета Ивановна, которая создана была, чтобъ жить совсѣми въ ладу, быть привѣтливой и ласковой ко всѣмъ, и къ дурнымъ и къ хорошимъ людямъ,—вдругъ прекратила всякія сношенія съ своей лучшей пріятельницей, къ величайшему удивленію не только ея, но и всего губернскаго города...

Лизавета Ивановна была совершенно, какъ говорится, ослѣплена гувернаткой и даже не замѣчала того, что гувернантка въ присутствіи ея бросала очень-странные и не совсѣмъ-скромные взгляды на Евграфа Матвѣича, отъ которыхъ онъ приходилъ всегда въ волненіе и замѣшательство. Къ чести Евграфа Матвѣича надо замѣтить, что онъ всегда умѣлъ побороть въ себѣ всякую искусительную мысль, которая порою случайно забѣгала въ его облысѣвшую голову... Къ тому же, онъ всегда чувствовалъ необыкновенную робость, если ему случалось быть наединѣ съ женщиною.

Однажды подъ-вечеръ, въ отсутствіе своей Лизаветы Ивановны, онъ встрѣтился съ гувернанткою въ темномъ корридорѣ...

— Ахъ, кто это здѣсь? вскричала гувернантка, притворясь испуганной.

— Ничего, ничего-съ, не пугайтесь: это я-съ... проговорилъ Евграфъ Матвѣичъ дрожащимъ голосомъ.

— Это вы, Евграфъ Матвѣичъ?

— Да-съ.

— А у меня, вообразите, такъ и замерло сердце! Мнѣ показалось, что кто-то чужой.

— А вы куда изволите идти?

— Я иду къ себѣ въ комнату.

— Къ себѣ въ комнату съ?

Евграфъ Матвѣичъ колеблющимися шагами приблизился къ гувернанткѣ.

— А вы куда? спросила она его шопотомъ.

— Я-съ... я-съ... я такъ здѣсь искалъ человѣка-съ.. Фильку...

Евграфъ Матвѣичъ пришелъ въ неописанное замѣшательство и вдругъ закричалъ: позвольте поцаловать-съ вашу ручку!.. схватилъ ручку Любови Петровны, крѣпко прижалъ ее къ губамъ своимъ и потомъ, какъ будто преслѣдуемый кѣмъ, изо всѣхъ силъ пустился бѣжать къ себѣ въ кабинетъ, оставивъ Любовь Петровну въ совершенномъ недоумѣніи и изумленіи. Съ-этихъ-поръ, онъ явно старался избѣгать встрѣчи съ нею въ корридорѣ.

Когда Катѣ минуло одиннадцать лѣтъ, гувернантка объявила папенькѣ и маменькѣ, что для ея питомицы необходимо теперь нанять учителей, которые бы обучали ее высшимъ наукамъ, что она высшія науки преподавать не можетъ, а будетъ по-прежнему заниматься съ ней языками (закону Божію уже давно обучалъ ее отецъ-діаконъ). Любовь Петровна замѣтила между прочимъ, что и у вице губернаторскихъ дочерей гувернантка сама по себѣ, а учителя кромѣ того сами по себѣ, и что ужь это всегда такъ водится въ хорошихъ домахъ...

— А коли это нужно, такъ противъ этого мы спорить не будемъ, сказала Лизавета Ивановна.—Мы не захотимъ, чтобъ наша Катенька въ чемъ нибудь отстала отъ другихъ...

Потомъ она обратилась къ мужу и прибавила:

— Ужь это, дружочекъ, твоя забота нанять учителей, какихъ нужно. Я въ этомъ дѣлѣ —сторона.

Учителя математики, исторіи и рисованія тотчасъ же были наняты по рекомендаціи инспектора губернской гимназіи.

Преподаваніе же россійской словесности взялъ на себя тотъ самый пьяный семинаристъ, который за обѣдомъ на крестинахъ барышни произнесъ торжественную оду...

— Вы не смотрите на то, что онъ шутъ, обыкновенно говорилъ объ немъ Евграфъ Матвѣичъ, онъ точно-что ломается,

кривляется, всякій вздоръ болтаетъ, да это все не мѣшаетъ ему быть ученымъ... поговорите-ка съ нимъ серьезно,—просто—книга, заслушаешься; а ужь о стихахъ и толковать нечего—стихи ему ни-по-чемъ, на какой хотите предметъ задайте—онъ вамъ такъ и начнетъ безъ запинки рѣзать. Не будь онъ горкій пьяница, не пей онъ запоемъ, да это былъ бы просто драгоцѣнный человѣкъ и, можетъ-быть, пошелъ бы далеко!..

Въ продолженіе двухъ лѣтъ, учители постоянно даютъ уроки барышнѣ. Два года проходятъ незамѣтно.

Я не могу навѣрно сказать, до какой степени она успѣла въ высшихъ наукахъ, подъ руководствомъ пьянаго семинариста, учителей, нанявшихся по сходной цѣнѣ и гувернантки, которая перемигивалась съ офицерами: но барышня значительно округлилась и выросла въ эти два года. Ей уже четырнадцать лѣтъ, а на лицо кажется даже болѣе. Она уже затянута въ корсетъ, она уже закатываетъ глаза подъ лобъ, по примѣру свой гувернантки, и знаетъ, какой цвѣтъ идетъ къ лицу и какой нейдетъ: она уже прочитала два романа Поль-де-Кока, которые валялись въ комнатѣ ея гувернантки... Она уже въ имянины папеньки протанцовала два или три французскія кадриля съ офицерами и сказала маменькѣ:

— Ахъ, maman! когда у насъ будетъ еще балъ? Я такъ люблю танцовать!

Маменька и папенька не могутъ достаточно ею налюбоваться и говорятъ другъ-другу:

— Вотъ подъ старость-то будетъ намъ утѣшеніемъ!

И все идетъ своимъ чередомъ въ домѣ Евграфа Матвѣича: только Лизавета Ивановна стала въ послѣднее время замѣчать, что гувернантка держитъ себя уже черезъ-чуръ вольно; что на танцовальныхъ вечерахъ она совершенно забываетъ о существованіи своей воспитанницы и такъ и носится въ танцахъ, сломя голову, съ офицерами; что на послѣднемъ балѣ (на именинахъ Евграфа Матвѣича) она вдругъ исчезла изъ танцовальной залы, и что ее вездѣ искали и не могли отъискать... Все это показалось Лизаветѣ Ивановнѣ страннымъ. И она стала внимательнѣе слушать разсказы няни о разныхъ подвигахъ гувернантки.

— Ахъ, няня! восклицала Лизавета Ивановна: — да неуже-ли же это правда?

А няня возражала:

— Убей меня Богъ, матушка, пусть лучше у меня языкъ отсохнетъ, если я лгу... Коли мнѣ не вѣришь, спроси у Евдокима. Онъ все своими глазами видѣлъ...

Но Лизавета Ивановна все еще сомнѣвалась. Она не легко разставалась съ своими убѣжденіями, хотя всѣ ея убѣжденія никогда ни на чемъ на основывались... „Да какъ же“ думала она: „я всегда считала Любовь Петровну прекрасной, скромной дѣвушкой, а теперь она вдругъ сдѣлалась дурная?.. Однако черезъ нѣсколько времени гувернанткѣ отказали отъ дома.

— Да нѣтъ, этого быть не можетъ...

Это происшествіе сильно подѣйствовало на Лизавету Ивановну; она не шутя призадумалась, тяжело вздохнула и сказала Евграфу Матвѣичу:

— Вотъ, голубушка, думали ли вы, что она такого сраму намъ надѣлаетъ?.. Вотъ подлинно въ чужую душу не влѣзешь. Вотъ ужъ истинно говорятъ, что чужая душа потемки.

Няня не долго пережила гувернантку.

Вскорѣ послѣ смерти няни и происшествія съ гувернанткой, Евграфъ Матвѣичъ, по покровительству одной значительной особы, которая приходилась ему съ родни, — получилъ весьма выгодное мѣсто въ Петербургѣ...

Лизавета Ивановна вѣкъ готова была не покидать этихъ мѣстъ, гдѣ она родилась, выросла и начала старѣться, гдѣ все было такъ знакомо, такъ близко ея сердцу; гдѣ каждый шагъ пробуждалъ въ ней воспоминаніе ея дѣтства и молодости, гдѣ, наконецъ, заключалась ея святыня—прахъ родителей.

За недѣлю до отъѣзда своего въ Петербургъ, Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна задали прощальный обѣдъ въ своемъ селѣ Ивановскомъ, а въ день отъѣзда, тотчасъ послѣ обѣдни и напутственнаго молебна, пошли на кладбище. Когда Лизавета Ивановна поравнялась съ могилами своихъ родителей, она схватила дочь за руку.

— Здѣсь лежитъ твой дѣдушка и твоя бабушка, сказала она рыдая:—помолись, Катенька, поклонись въ землю, проси ихъ благословенія... Она хотѣла сказать еще что-то, но слезы задушили ее...

Когда ее подняли, она крѣпко сжала руку мужа и произнесла, указывая на могилу:

*

— Если я умру на чужой сторонѣ, не оставляйте меня тамъ... Ради Бога не оставляйте... Пусть мой прахъ будетъ лежать здѣсь, въ родной землѣ, возлѣ ихъ праха... Не разлучайте насъ...

IV.

Барышня невѣста.

Сначала, Лизаветѣ Ивановнѣ и Евграфу Матвѣичу показалось дико въ Петербургѣ. Лизавета Ивановна, между прочимъ, долго не могла привыкнуть къ мысли, какъ въ одномъ домѣ могутъ помѣщаться по нѣскольку семействъ, совершенно незнакомыхъ другъ съ другомъ, и съ безпокойствомъ спрашивала Евграфа Матвѣича: „кто это, дружочекъ, живетъ съ нами стѣна объ стѣну? да хорошіе ли это люди? да нѣтъ ли въ нашемъ домѣ какой нибудь сволочи, какихъ нибудь дурныхъ женщинъ? Ей также очень непріятно было, что въ Петербургѣ плохи кладовыя и ледники, и что въ квартирахъ нѣтъ никакого хозяйственнаго устройства: ни чуланчиковъ, ни полочекъ.. „Ужъ тутъ нечего и думать о хозяйствѣ“ со вздохомъ замѣчала она: „какое тутъ хозяйство, безъ удобства и безъ простора: здѣсь люди живутъ какъ сельди въ боченкѣ!“ Глядя на пяти этажные дома, она обыкновенно говорила: „Да это настоящее вавилонское столпотвореніе! Долго ли тутъ до грѣха?..“ Невскій проспектъ совсѣмъ ей не нравился. Что это такое? Экой Содомъ! Экая гибель народу!“ твердила она: „и не въ примѣръ еще хуже, чѣмъ у насъ на ярмаркѣ... того и гляди, что или съ ногъ сшибутъ, или лошади задавятъ, или дышломъ убьетъ!“ И потомъ обыкновенно прибавляла, глядя въ окно: „одно только меня здѣсь, на нашей квартирѣ, и радуетъ, что, по крайней мѣрѣ, храмъ Божій передъ глазами: только черезъ дорогу перейдти.“ Между прочимъ, Лизавета Ивановна находила еще, что въ Петербургѣ народъ грубый, необразованный, что когда идешь по улицѣ, то никто посторониться не хочетъ, и вниманія никакого не обращаетъ: что въ Петербургѣ никому до нея нѣтъ дѣла, никто и знать ее не хочетъ, тогда какъ въ своемъ губернскомъ городѣ она лицо почетное, всѣми уважаемое и что тамъ на улицѣ передъ нею всѣ шапки снимаютъ. Но весной и лѣтомъ, Лизаветѣ Ивановнѣ особенно было тяжко и

грустно... Весной и лѣтомъ, Петербургъ ей казался просто нестерпимымъ,—потому что въ это время всегда живѣе воскресали въ ея памяти и безконечное поле, волнующееся рожью, и лѣсъ, дышащій смолистой, благоуханною свѣжестью, тотъ лѣсъ, въ которомъ она, бывало, собирала грибы; и рѣчка съ крутыми и живописными берегами, въ которой деревенскіе мальчишки ловили раковъ, и гумно, гладкое, уставленное скирдами хлѣба, и рядъ почернѣлыхъ избъ, и плетень при въѣздѣ въ деревню, и праздничные хороводы крестьянскихъ дѣвокъ, и заунывная пѣсня мужика, возвращающагося съ барщины... Все, все... Сердце Лизаветы Ивановны такъ и ныло, такъ и разрывалось при этихъ воспоминаніяхъ. Что касается до Евграфа Матвѣича, онъ находилъ много хорошаго въ Петербургѣ. Ему нравились, напримѣръ, блестящіе магазины Невскаго проспекта—и онъ часто останавливался передъ ними и думалъ: „пустая роскошь, а для глазъ пріятно". Еще ему нравился въ Петербургѣ турецкій табакъ дюбекъ Саркиса Богосова, по 5 рублей фунтъ; но болѣе всего нравились ему Милютины лавки.—Тутъ все, разсуждалъ Евграфъ Матвѣичъ самъ съ собою: что душа проситъ: и балыкъ, какъ янтарь, и фруктъ сочный, румяный, и окорокъ провѣсный, жирный, и кіевское варенье, и постила яблочная, и сыръ швейцарскій со слезой, и икра зернистая свѣжая, и лукъ шпанскій, и эти маслянныя рыбки въ жестяныхъ коробкахъ... какъ-бишь ихъ.. ну, да словомъ сказать, все, все!...

И онъ, бывало, никогда не проходилъ мимо Милютиныхъ-лавокъ,—непремѣнно зайдетъ въ свою знакомую лавку и отвѣдаетъ то того, то другого: то солененькаго, то сладенькаго, то кисленькаго, полюбуется то тѣмъ, то другимъ; понюхаетъ то то, то другое, спроситъ: „а это, братецъ, что у тебя такое въ баночкѣ?"—„Мармолатъ, ваше превосходительство."—„Ну, а тамъ, вонъ на-право, въ бочкѣ-то?"—„Виноградъ, ваше превосходительство."—А! дай-ка, братецъ, кисточку винограда. Ну, а вонъ, въ углу-то... четвертая отъ угла банка... это что такое?.."

И Евграфъ Матвѣичъ, по обыкновенію, долго не отводилъ страстныхъ очей отъ всѣхъ этихъ жестянокъ, стклянокъ, банокъ и бочекъ, и, при каждомъ посѣщеніи лавки, отъискивалъ въ ней что-нибудь новенькое, что-нибудь замѣчательное.

Покорясь необходимости и помаленьку устроясь, Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна нашли нужнымъ продолжать воспитаніе дочери. Они наняли для нея танцмейстера, компаньонку, которая называла себя француженкой, а была изъ нѣмокъ и могла давать уроки на фортепьяно, и учителя русскаго—для всѣхъ наукъ.

Въ семнадцать лѣтъ, воспитаніе Кати было совершенно окончено. По-французски хотя она и не говорила отлично, но могла поддержать обыкновенный разговоръ, танцовала очень недурно, вальсировала довольно легко и разъигрывала на фортепьяно бальные танцы довольно бѣгло. Чего же больше?

И такъ, наступила торжественная минута въ жизни моей барышни. Ее надобно было вывозить въ свѣтъ.

Какой то приговоръ произнесетъ свѣтъ надъ моею барышнею?

Лизавета Ивановна, разумѣется, вскорѣ по своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, познакомилась со многими дамами такъ-называемаго средняго круга. Для нея это была горькая необходимость, жертва, которую она безропотно приносила дочери нѣжно любимой, ибо въ обществѣ всѣхъ этихъ петербургскихъ барынь, отпускающихъ французскія фразы, безпрестанно толкующихъ о княгиняхъ и о графиняхъ, о послѣднихъ модахъ и о хорошемъ тонѣ,—Лизаветѣ Ивановнѣ было тяжело и неловко. Она не умѣла принимать участія въ ихъ тонкихъ и любезныхъ разговорахъ, не вмѣшивалась въ ихъ прекрасныя разсужденія о нравственности, и приличіи, не могла сочувствовать ни ихъ интересамъ, ни ихъ сплетнямъ. Безмолвно слушала она этихъ барынь и смиренно сознавая собственное ничтожество, только удивлялась ихъ уму и образованію. Ее поддерживали и выручали въ самыя критическія минуты карты, потому-что всѣ эти умныя и свѣтскія барыни, подобно моей Лизаветѣ Ивановнѣ, были охотницы играть въ преферансъ по десяти копѣекъ мѣдью.

Лизаветѣ Ивановнѣ хотѣлось пристроить свою Катеньку за хорошаго и солиднаго человѣка. Это очень-понятно: вѣдь не вѣкъ же ей было сидѣть подъ крылышками папеньки и маменьки. Зачѣмъ же и на воспитаніе барышень тратятся родители, какъ не для того, чтобъ этимъ воспитаніемъ приманивать жениховъ? И Лизавета Ивановна очень справедливо разсужда-

ла, какъ разсуждаютъ всѣ маменьки, что только вывозя дочку въ свѣтъ можно надѣяться устроить ея участь; но она, по простотѣ своей, никогда не рѣшилась бы прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, къ которымъ иногда прибѣгаютъ отчаянныя петербургскія маменьки для сбыванія съ рукъ своихъ дочекъ. Ей не пришло бы, напримѣръ, въ голову заставлять дочь кокетничать и употреблять всѣ роды соблазновъ передъ какимъ-нибудь безпутнымъ богачомъ, отъ-того только, что тотъ однажды, и то нечаянно, навелъ въ театрѣ лорнетъ на ихъ ложу; она не стала бы разглашать по всему городу, что ея дочь выходитъ за г-на X. X., когда г. X. X и не думаетъ о ея дочери, и не рѣшилась бы поддерживать своего кредита въ магазинахъ именемъ этого г-на X. X.; она не могла бы обѣщать жениху своей дочери и капиталы и деревни въ приданое, а послѣ брака объявить зятю и дочери, что она покуда, къ-сожалѣнію, ничего не можетъ дать имъ, а что, со-временемъ, если позволятъ обстоятельства, и прочее,—да еще въ довершеніе всего, заставить легковѣрнаго зятя заплатить за вѣнчальное платье...

Все это казалось Лизаветѣ Ивановнѣ просто несбыточнымъ, и она говорила съ свойственнымъ ей простосердечіемъ:

— И вѣрить не хочу, чтобъ были на свѣтѣ такія матери...

Но обратимся къ барышнѣ. Ужъ близка рѣшительная и желанная минута ея жизни. Сегодня балъ у одной изъ тѣхъ генеральшъ, съ которыми знакома ея маменька. Балъ!... О блаженство. На этомъ балѣ, она первый разъ предстанетъ Свѣту! Сердце ея бьется и замираетъ; ей мерещится то золотой, то серебряный эполетъ; передъ ней уже, кажется, трепещутъ аксельбанты... ахъ, какъ она любитъ аксельбанты! Ей слышатся порою звуки вальса и бренчанье шпоръ... А часы идутъ такъ медленно, досадные часы!... А ужъ бальное платье готово... вотъ оно виситъ на стулѣ; и какое платье, еслибъ вы видѣли! и какъ обрисовываетъ роскошныя ея формы! Парикмахеръ-французъ уже причесалъ ее; на ея темныхъ волосахъ бѣлая роза... Барышня то посидитъ на стулѣ и помечтаетъ, то подбѣжитъ въ волненіи къ зеркалу...

Маменька и папенька въ такой же тревогѣ, какъ и она.

— А что, хорошо ли, голубчикъ, будетъ одѣта наша Катенька? спрашиваетъ съ безпокойствомъ папенька у маменьки.

— Не знаю, дружочекъ, отвѣчаетъ вздыхая маменька: —

но на ней будетъ все хорошее и дорогое; все, кажется, такъ, какъ слѣдуетъ; а впрочемъ, Богъ знаетъ...

Вотъ, наконецъ, барышня совсѣмъ одѣта... Боже мой! какая у нея талія! Но она еле-дышетъ, бѣдная барышня.

Маменька уже нѣсколько разъ осмотрѣла ее съ ногъ до головы. И папенька начинаетъ ее осматривать.

— Мило, мило, замѣчаетъ генералъ:—да только мнѣ кажется, грудь-то ужь очень открыта. Прилично ли это?

— Ахъ, папа, восклицаетъ барышня: — какіе вы смѣшные; да вѣдь *всѣ* такъ носятъ...

Балъ великолѣпный. Все, какъ водится: и въ залѣ накурено одеколономъ, и лампы горятъ довольно-ярко, и много генераловъ военныхъ и штатскихъ со звѣздами, и музыка гремитъ и мороженое разносятъ, и расплывшіяся барыни въ чепцахъ сидятъ кругомъ стѣнъ, и барышни, нарядныя и перетянутыя, прыгаютъ подъ музыку съ офицерами. Царицы бала—двѣ дочери хозяйки, Sophie и Lise, полненькія и бѣленькія, съ томными глазками. Онѣ слывутъ красавицами; отъ нихъ съ ума сходятъ мои пріятели-офицеры и о существованіи ихъ знаютъ даже въ высшемъ свѣтѣ... Штатскихъ немного, человѣкъ пять, да и то одинъ изъ нихъ не танцуетъ, а ходитъ по комнатамъ, безпрестанно зѣвая (хотя ему зѣвать совсѣмъ не хочется), и иногда приставляетъ къ глазу лорнетъ, съ равнодушной и нѣсколько презрительной гримасой посматривая на барынь, на барышень, на кавалеровъ, на потолокъ и на стѣны. Онъ всѣмъ хочетъ показать, что случайно попалъ въ это общество, которое гораздо-ниже его... Говорятъ, будто этотъ господинъ въ-самомъ-дѣлѣ принадлежитъ къ высшему свѣту—что̀ мудренаго! Не даромъ же хозяйка дома болѣе всѣхъ ухаживаетъ за нимъ.

Ослѣпленная и пораженная блескомъ бала, барышня робко вступила въ залу.

— Ахъ, сколько здѣсь офицеровъ! подумала она.—Ахъ, какъ здѣсь должно быть весело! Но она не смѣла ни на кого взглянуть. Она проходила черезъ залу, покраснѣвъ и потупивъ головку. И взгляды всѣхъ обратились на нее, какъ на лицо новое...

— Это еще что такое? Кто эта такая? спросила глухая и брюзгливая старуха-барыня у своей сосѣдки, показывая на

барышню и неблагосклонно осматривая ее съ головы до ногъ въ лорнетъ.

(У брюзгливой старухи барыни пять дочерей, — пять! и ни одна не замужемъ!)

— Кто же это такая, матушка?.. а?

— Это, кажется, дочь Ветлиной, закричала ей на ухо сосѣдка...

— Какая жирная! пробормотала себѣ подъ-носъ старуха. — Какъ раскормили ее!..

(У брюзгливой старухи-барыни всѣ пять дочерей тонки, какъ спички).

— Ахъ, ma chère, говоритъ одна барышня другой барышнѣ, смотря на мою барышню прищурясь: — взгляни Богаради, какъ она затянута. . Бѣдная! на нее смотрѣть жалко... Вотъ ужь не понимаю, что за охота такъ тянуться...

А барышня, говорящая эти слова, сама до того затянута, что ей нѣтъ никакой возможности наклониться; въ продолженіе бала ей уже дѣлалось три раза дурно.

— А что? ель не па маль, толкуютъ между собою офицеры о барышнѣ.

— Такъ, живетъ-себѣ.

— А каковы плечики-то!

— И очень... Только Таня, кажется, немножко повыше ея...

Одинъ изъ офицеровъ ангажируетъ барышню... Она подаетъ ему руку, и рука ея дрожитъ...

Лизавета Ивановна не спускаетъ глазъ съ Кати... Лизавета Ивановна даже отказывается отъ преферанса!

Евграфъ Матвѣичъ и играетъ въ карты, но онъ не покоенъ. Онъ часто вскакиваетъ изъ-за картъ посмотрѣть, что дѣлаетъ Катя.

А Катя такъ счастлива! Она безпрестанно танцуетъ; на мазурку ангажируетъ ее какой-то штатскій. Это ей немножко досадно. Она не любитъ штатскихъ...

Штатскій, танцовавшій съ нею мазурку — хотя не франтъ, но одѣтъ очень акуратно и прилично: въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ желтыхъ перчаткахъ. Онъ небольшого роста, имѣетъ круглое и румяное лицо, съ котораго не сходитъ пріятная и почтительная улыбка... Онъ говоритъ необыкновенно-

вѣжливо и, говоря, всегда наклоняетъ свой станъ немного впередъ. Всѣ знакомыя дамы безъ памяти его любятъ, потому-что онъ никогда не бываетъ лишнимъ въ домѣ. Не достаетъ ли, напримѣръ, кавалера для танцевъ, нуженъ ли тремъ старымъ генеральшамъ четвертый для преферанса,—хозяйка дома ужь непремѣнно подбѣгаетъ къ нему съ просьбой или съ карточкой, и онъ всегда выручаетъ ее изъ бѣды... Его всѣ называютъ примѣрнымъ молодымъ человѣкомъ. Имѣя не болѣе двадцати-семи лѣтъ, онъ уже исправляетъ должность начальника отдѣленія и имѣетъ чинъ надворнаго совѣтника. Онъ изъ нѣмцевъ, хотя по-нѣмецки говоритъ плохо; нѣмцевъ совсѣмъ не любитъ, и ведетъ знакомство больше съ русскими. Его даже зовутъ не Карломъ Карлычемъ, и не Иваномъ Иванычемъ, а Александромъ Петровичемъ. Превосходный чиновникъ—обладающій въ высшей степени терпѣніемъ и трудолюбіемъ, строгій и взыскательный съ подчиненными, онъ имѣетъ слабость—казаться человѣкомъ свѣтскимъ и большой охотникъ до барышень, хотя барышни вообще терпѣть его не могутъ. Съ той минуты, какъ его произвели въ надворные совѣтники, онъ началъ помышлять, какъ бы завести надворную совѣтницу, и ему непремѣнно хочется, чтобъ за будущей надворной совѣтницей было по-крайней-мѣрѣ 2000 душъ крестьянъ, или полтораста тысячъ капитала.

Когда мазурка кончилась, Александръ Петровичъ довелъ барышню до ея маменьки и почтительно поклонился той и другой.

— Что, вы, я думаю устали? сказала ему привѣтливо Лизавета Ивановна.—Шутка ли, мазурка-то вѣдь больше двухъ часовъ длилась.

Помилуйте, ваше превосходительство, отвѣчалъ Александръ Петровичъ, закусивъ нижнюю губу и изъ вѣжливости нѣсколько покачнувшись впередъ: эти часы показались мнѣ однимъ мгновеніемъ.

Онъ бросилъ бѣглый, но значительный взглядъ на барышню и, снова почтительно поклонясь, исчезъ въ толпѣ.

— Какой пріятный молодой человѣкъ! сказала Лизавета Ивановна дочери, поправляя ей брошку.—Онъ, по мнѣ, лучше всѣхъ этихъ, которые танцовали съ тобою.

— Фи, маменька! вскрикнула дочь.—Онъ противный!

Вскорѣ послѣ мазурки, когда барышня совсѣмъ остыла, маменька увезла ее домой. Папенька, увидѣвъ приготовленіе къ ужину и форель, которую втаскивали въ столовую на огромномъ блюдѣ, не утерпѣлъ, и остался ужинать...

За ужиномъ, нѣсколько офицеровъ расположились около барышень.. Другіе же охотники попить, сѣли за особенный столъ. Послѣ ужина по обыкновенію, еще немного потанцовали и гораздо свободнѣе, чѣмъ передъ ужиномъ — наконецъ всѣ разъѣхались.

Два франта, сходя съ лѣстницы, говорили между собою:

— А что, душа моя, ты Лизистъ, или Софистъ?

— Разумѣется, мон-шеръ, Софистъ, хоть, впрочемъ, я и не охотникъ до софизмовъ...

Въ это время, уже барышня почивала — и снилось ей, будто она, озираясь кругомъ съ біеніемъ сердца, выдернула бѣлое перо изъ султана и цаловала его.

Первый шагъ въ свѣтъ былъ сдѣланъ — и уже съ-этихъ-поръ барышня только и грезила о балахъ, маскарадахъ, театрахъ и нарядахъ. Она познакомилась со всѣми барышнями своего круга — и взяла себѣ за образецъ одну, которая была очень-богата и за которой бѣгали молодые люди толпами. Изъ застѣнчивой и даже робкой, барышня незамѣтно превратилась въ развязную и бойкую. Впрочемъ, въ случаѣ нужды, она умѣла прикинуться величайшей скромницей. Она совершенно взяла въ руки маменьку и папеньку, и дѣлала изъ нихъ все, что хотѣла. Ея комнату уставили диванами и кушетками Гамбса. Она разложила у себя на столахъ кипсеки и книги; она сдѣлалась страстною охотницей до французскихъ стишковъ и, читая ихъ, обыкновенно отмѣчала карандашемъ или ногтемъ тѣ строфы, которыя ей больше нравились, въ надеждѣ, что авось-ли бы онъ (онъ былъ кирасирскій офицеръ), раскроетъ книжку и остановится на строфахъ, отмѣченныхъ ею. Она смѣялась надъ тѣми барышнями, которыя читали русскія книги и восхищались Бенедиктовымъ. Она знала всѣ выпушки и петлички на мундирахъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ, и рисовала офицеровъ, но только однихъ кавалерійскихъ, въ различныхъ видахъ: и верхомъ, и на дрожкахъ, и въ саняхъ, и въ каретахъ, и въ колясках... Она почти каждую недѣлю ѣздила во

французскіе спектакли и возила съ собою маменьку, которая, не понимая ни слова, зѣвала, смотря на сцену.

— Да не съѣздить ли намъ, Катюша, когда нибудь въ русскій театръ? сказала ей однажды Лизавета Ивановна.

— Какая гадость, maman! Да кто же изъ порядочныхъ ѣздитъ въ русскій театръ? Коли вы хотите, такъ поѣзжайте однѣ, а ужь я ни за что не поѣду.

— Ну, какъ тебѣ угодно, отвѣчала Лизавета Ивановна:— ты знаешь, что я одна безъ тебя ужь никуда не поѣду.

Если на вечерѣ вдругъ моей барышнѣ дѣлалось скучно, или потому-что тамъ не было кирасирскаго офицера, или потому-что онъ слишкомъ-много говорилъ съ другой барышней, она подходила къ карточному столу, за которымъ сидѣла ея мать.

— Maman, скоро вы кончите?

— Нѣтъ еще, душенька, вотъ сейчасъ, только передъ твоимъ приходомъ безъ двухъ въ червяхъ осталась...

— У меня голова болитъ, я не могу больше оставаться здѣсь. Поѣдемте домой.

— Что это съ тобой? не простудилась ли ты?

Лизавета Ивановна смотрѣла на дочь съ безпокойствомъ.

— Погоди немножко, мой другъ... нельзя же мнѣ не докончивши игры встать изъ-за стола...

— Ужь этотъ несносный преферансъ! Какъ хотите, маменька, — я вамъ говорю, что не могу ждать... мнѣ можетъ сдѣлаться дурно...

Лизавета Ивановна приходила въ смущеніе и не знала, что дѣлать, но въ такихъ случаяхъ обыкновенно являлся выручить ее обязательный Александръ Петровичъ и доигрывалъ за нее партію.

Однажды, случилось совершенно на оборотъ. На одномъ вечерѣ, Лизавета Ивановна сдѣлалась нездоровою въ то время, какъ дочь ея танцовала мазурку съ кирасирскимъ офицеромъ.

Лизавета Ивановна подошла къ дочери.

— Другъ мой, Катенька, сказала она ей:—мнѣ что-то нездоровится... Поѣдемъ!..

— Вотъ еще, маменька! отвѣчала Катя.—Я не могу ѣхать прежде окончанія мазурки. Вы вѣчно лишаете меня всѣхъ удовольствій...

Лизавета Ивановна не произнесла ни слова. Она вышла изъ залы, не показавъ ни малѣйшаго неудовольствія дочери, прошла нѣсколько комнатъ, не зная зачѣмъ,—и очутилась въ комнатѣ, въ которой никого не было. Слезы закапали у нея изъ глазъ.

— Не-уже-ли ей не жалко меня? подумала она.—Не-уже-ли она меня не любитъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ,—ей не любить меня,—меня!.. ни я, ни отецъ, кажется, ни въ чемъ ей не отказываемъ, исполняемъ ея малѣйшія желанія, для нея живемъ сверхъ состоянія,—а она еще говоритъ, что я лишаю ее всѣхъ удовольствій!...

Но никто,—ни хозяйка дома, ни гости, ни барышня не видали слезъ Лизаветы Ивановны. Лизавета Ивановна едва дождалась окончанія мазурки, такъ ей было тяжело, а въ передней, не смотря на то что едва стояла на ногахъ, сама укутывала дочь, говоря:

— Дай, я тебя закрою хорошенько, чтобъ какъ нибудь вѣтеръ на тебя не пахнулъ... Видишь, какая ты горячая. Долго ли тутъ простудиться?

И, странное дѣло! всѣ ласки, вся заботливость матери были только въ тягость моей барышнѣ. Она часто съ своими пріятельницами подсмѣивалась надъ матерью, въ обществѣ стыдилась ея и думала:

— Это ни на что не похоже, какія манеры у маменьки! Я вѣчно должна за нее краснѣть.

Да не подумаютъ, что у барышни было жестокое сердце и что она въ самомъ дѣлѣ не любила своей маменьки. Сердце у нея было нѣжное, какъ вообще у всѣхъ барышень, потому что, во время представленія чувствительной французской пьесы, она подносила платокъ къ глазамъ и приходила въ разстройство отъ малѣйшей бездѣлицы. Что же касалось до любви ея къ маменькѣ, въ этомъ смѣшно было бы и сомнѣваться.

Съ папенькой моя барышня обращалась поласковѣе, нежели съ маменькой, въ-особенности если ей нужно было выпросить у папеньки денегъ сверхъ тѣхъ, которыя онъ выдавалъ ей ежемѣсячно на булавки. Впрочемъ, она изподтишка надъ папенькой подсмѣивалась такъ же, какъ и надъ маменькой. Ихъ предразсудки казались ей грубы и странны, хотя барышня сама любила иногда пококетничать предразсудками... Она

морщилась, напримѣръ, когда кто нибудь подносилъ ей за столомъ солонку, или предлагалъ булавку.

Иногда, барышня ѣздила въ церковь вмѣстѣ съ маменькой и съ папенькой, но она не молилась такъ искренно, такъ усердно какъ молились ея родители. Она кушала постное только на первой и на послѣдней недѣлѣ великаго поста, и то въ это время чувствовала себя нездоровою и говорила, что ея желудокъ не можетъ переносить грубаго постнаго кушанья.

Она любила гадать на рождествѣ—гаданье она не считала предразсудкомъ. Вмѣстѣ съ своей горничной она выливала олово, или жгла бумагу на подносѣ, а потомъ смотрѣла, какія изъ олова или изъ жженой бумаги выходили на тѣни фигуры. Выходили всегда офицеры съ султанами, въ саняхъ или въ колясках, а вдали церковь. И горничная всегда замѣчала барышнѣ:

— Вотъ, барышня, вы ужь непремѣнно выйдете нынѣшній годъ замужъ за военнаго.

Однако пророчество горничной не сбывалось. Пять зимъ сряду барышня выѣзжала въ свѣтъ, и ни одинъ изъ ухаживавшихъ за нею офицеровъ не думалъ за нее свататься. Кирасиръ болѣе всѣхъ за нею приволакивался, и говорили, будто барышня писала къ нему раздушенныя записочки на французскомъ языкѣ (съ орѳографическими ошибками) и получала отъ него таковыя же; будто... ну, да можно ли вѣрить сплетнямъ? Извѣстно было навѣрное только, что послѣ кирасира ей очень нравился конноегерь, затѣмъ гусаръ, а послѣ гусара уланъ.

Лѣто она любила даже болѣе, нежели зиму, потому что лѣтомъ на дачѣ такъ пріятны прогулки въ саду, при лунѣ... Ей хотѣлось также очень ѣздить верхомъ, но касательно верховой ѣзды ея воля не могла восторжествовать надъ волей родителей.

— И слышать не хочу объ этомъ, кричалъ папенька: — что за безстыдство такое дѣвицѣ ѣздить верхомъ... Это ни на что ни похоже...

— Отчего же, папа? И княжны и графини ѣздятъ. Отъ чего же мнѣ не ѣздить?..

— Замолчи! сдѣлай одолженіе, замолчи! Ты знаешь, что я тебѣ ни въ чемъ не противорѣчу. Уступи же мнѣ хоть въ чемъ нибудь. Пожалуй, коли хочешь, это мой капризъ, ну да исполни же хоть капризъ папенькинъ.

Добрый Евграфъ Матвѣичъ начаналъ немного сердиться.

Тогда Лизавета Ивановна обращалась къ нему:

— Полно, дружочекъ, полно, не тревожь себя; она не будетъ ѣздить верхомъ. Сохрани ее Господи отъ этого! Она совсѣмъ этого и не хочетъ; вѣдь это она такъ только пошутила.

— Совсѣмъ не пошутила, шептала барышня себѣ подъ носъ.

Съ дачей барышня всегда разставалась почему-то со слезами. За день до переѣзда, она обыкновенно отправлялась гулять для того, чтобъ проститься съ садомъ и съ паркомъ, заходила во всѣ бесѣдки, на колоннахъ писала карандашомъ французскіе стишки, втыкала въ деревья булавочки, клала въ чугунныя и мраморныя вазы бантики и ленточки и прочее.

Приличіе и мода—сдѣлались цѣлію ея жизни. Къ приличію и къ модѣ, она стремилась всѣми силами души своей. Приличіе и мода обратились для нея въ несокрушимое вѣрованіе и убѣжденіе.

— Ахъ, папа, или ахъ, maman! толковала она ежедневно: — да какъ это можно, да это не принято, да надъ этимъ будутъ смѣяться въ свѣтѣ, да это не въ модѣ. И, въ такихъ случаяхъ, она всегда ссылалась на авторитетъ дамъ и дѣвицъ высшаго свѣта, которыхъ знала по именамъ, хотя видѣла ихъ только въ театрахъ и на гуляньяхъ.

Маменька и папенька, смотря на свою Катю, находили, можетъ быть, въ ней много такого, что имъ очень не нравилось. Но они никогда не сердились на нее, не упрекали ее ни за что и думали: — Что жь дѣлать? Она голубушка, въ этомъ не виновата... Ужь измѣнить этого нельзя. Ныньче ужъ свѣтъ таковъ! Нельзя же ей не соображаться съ свѣтскими обычаями...

Ни папенькѣ, ни маменькѣ не нравилась большая часть молодыхъ людей, ѣздившихъ къ нимъ въ домъ.

— Нѣтъ, это не то, что было въ наше время! говорилъ со вздохомъ папенька, глядя на нихъ.

— Они всѣ вѣтрогоны, прибавляла маменька: — куда же имъ быть хорошими и добрыми мужьями!

Но и папенькѣ и маменькѣ—обоимъ имъ очень приходился по сердцу молодой надворный совѣтникъ, исправляющій должность начальника отдѣленія.

Они отзывались о немъ, какъ отзывались всѣ пожилые люди—съ отличной стороны:

— Александръ Петровичъ кроткій, благонравный человѣкъ, и пойдетъ далеко; одно только жаль—нѣмецъ...

Александръ Петровичъ познакомился съ Евграфомъ Матвѣичемъ и Лизаветою Ивановной вскорѣ послѣ того времени, какъ онъ въ первый разъ увидѣлъ ихъ дочь на балѣ и протанцовалъ съ нею мазурку. Съ-тѣхъ-поръ онъ постоянно являлся къ нимъ въ домъ по воскресеньямъ, постоянно игралъ въ преферансъ съ Лизаветой Ивановной по двѣ копѣйки серебромъ (потому что Лизавета Ивановна только въ гостяхъ играла по десяти копѣекъ мѣдью), и постоянно устремлялъ кроткіе и сладкіе взоры на барышню, хотя она постоянно не обращала на него никакого вниманія, называла его, какъ всегда, противнымъ или досаднымъ, и подсмѣивалась надъ нимъ вмѣстѣ съ офицерами. Послѣ полутора-годового знакомства, онъ рѣшился однако просить ея руки у папеньки и у маменьки. Папенька и маменька приняли его предложеніе очень благосклонно, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что они принуждать дочери не могутъ, что они считаютъ это грѣхомъ и что, если ихъ дочь съ своей стороны изъявитъ согласіе, то они съ своей стороны будутъ этому очень рады и даютъ на бракъ полное свое благословеніе.

Когда папенька и маменька призвали барышню къ себѣ и объявили ей такую важную для нея новость—она сначала заплакала, потомъ зарыдала, потомъ захохотала; съ ней сдѣлался истерическій припадокъ... Маменька и папенька перепугались, сами заплакали, а на другой день объявили Александру Петровичу, что она еще не думаетъ о бракѣ, но что, вѣроятно, со временемъ, когда она съ нимъ (то-есть съ Александромъ Петровичемъ короче ознакомится и увидитъ его достоинства, то не пожелаетъ себѣ лучшаго мужа; что молодыя дѣвушки—дуры; что онѣ сами своего счастья не знаютъ; что постоянство и терпѣніе—города берутъ, и прочее.

Александру Петровичу нечего было говорить о терпѣніи. Онъ бросился на шею къ Евграфу Матвѣичу, поцаловалъ ручку Лизаветы Ивановны и сказалъ, что онъ терпѣть и ждать будетъ сколько имъ угодно, лишь-бы только его поддерживала лестная надежда — удостоиться чести вступить съ ними въ родство.

И не смотря на то, что моя барышня совсѣмъ перестала говорить съ нимъ, узнавъ о его намѣреніяхъ. — Александръ Петровичъ показывалъ, что онъ не мало не оскорбляется этимъ, и продолжалъ на нее смотрѣть по обыкновенію, кротко и сладко.

Такъ прошло пять лѣтъ. Александръ Петровичъ по прежнему являлся къ Евграфу Матвѣичу и Лизаветѣ Ивановнѣ каждое воскресенье и по прежнему игралъ съ Лизаветой Ивановной въ преферансъ по двѣ копѣйки серебромъ... А между тѣмъ, его произвели въ коллежскіе совѣтники и утвердили въ должности начальника отдѣленія. А между тѣмъ, барышня очень измѣнилась, въ продолженіе этого времени: похудѣла и потеряла надежду выдти замужъ за офицера, хотя все еще поглядывала неравнодушными глазами на улана...

Въ началѣ шестого года (считая съ перваго ея выѣзда на балъ) она стала чрезвычайно ласково обращаться съ Александромъ Петровичемъ и къ концу этого года торжественно объявила родителямъ, что, убѣдясь въ его постоянствѣ и, главное, желая сдѣлать имъ угодное, она готова выдти за него замужъ.. Въ послѣдніе годы, ей запала въ голову мысль, что можно быть женой и не любя мужа; оставаться же вѣчно дѣвушкой — неловко, и неудобно. Къ тому же, она часто слышала отъ одной изъ своихъ пріятельницъ такого рода фразу:

— Ахъ, mesdames, вы не вовѣрите, какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть мужа дурака, такъ чтобъ я могла имъ вертѣть, какъ пѣшкой.

И въ ту же самую минуту, какъ барышня объявила родителямъ свое согласіе на бракъ съ Александромъ Петровичемъ, — воображенію ея предстала отличная карета съ великолѣпными козлами и съ гербомъ, четверня лошадей вороныхъ съ сѣрыми на перекосокъ, вѣнчальное и визитныя платья, и шляпки, и чепчики...

Александръ Петровичъ просіялъ, сдѣлавшись женихомъ. Онъ все цаловалъ ручку невѣсты и думалъ: „Правду говоритъ пословица: терпи, казакъ, атаманъ будешь!..“

Благословляя дочь къ вѣнцу, Евграфъ Матвѣичъ и Лизавета Ивановна, какъ водится, плакали навзрыдъ. Свадьба праздновалась великолѣпно. Александръ Петровичъ стоялъ подъ вѣнцомъ въ мундирѣ съ богатымъ шитьемъ на воротникѣ. У него

въ карманѣ былъ ломбардный билетъ въ 150,000 рублей ассигнаціями — цѣль его желаній. Къ тому же, тесть и теща, улыбаясь, дали ему замѣтить, что у нихъ нѣтъ другой наслѣдницы, кромѣ ихъ милой и ненаглядной Катеньки — и все, что останется послѣ ихъ смерти, принадлежитъ ей одной...

Здѣсь и кончается собственно исторія барышни, потому-что, какъ видите, барышня превращается въ барыню. Остается досказать очень немногое.

Евграфъ Матвѣичъ скончался черезъ годъ послѣ брака дочери, и неутѣшная Лизавета Ивановна, разумѣется, тотчасъ переѣхала въ домъ зятя, отдавъ свое село Ивановское Брысскую-Топь тожъ (впрочемъ уже заложенное), въ его распоряженіе. Четыре года только прошло со смерти ея милаго Евграфа Матвѣича, — а она смотритъ совсѣмъ старухой. Ее ничто не утѣшаетъ кромѣ внучекъ, которымъ она вполнѣ замѣняетъ мать... Здоровье ея хилѣетъ съ каждой минутой, глаза бываютъ часто красны, говорятъ, будто отъ слезъ, — и она уже не играетъ болѣе въ преферансъ. Катерина Евграфовна веселѣе чѣмъ когда нибудь. Она всякій день или на балѣ, или въ театрѣ... Александръ Петровичъ облысѣлъ и похудѣлъ: его щеки ввалились, и на нихъ нѣтъ признака бывшаго румянца. Одинъ мой знакомый нынѣшнею осенью встрѣтилъ его въ ломбардѣ... Онъ бралъ деньги изъ капитала, чтобъ по приказанію жены абонировать ложу въ бэль-этажѣ на итальянскую оперу.

Лизавета Ивановна часто съ грустію смотритъ на зятя и думаетъ тяжело вздыхая:

— Какъ онъ перемѣнился, голубчикъ! Отчего же Катя огорчаетъ его? Отчего же она мало занимается своими дѣтьми?.. Отчего же она, моя Катя, часто забываетъ свою старуху мать? Развѣ она не видитъ, что мнѣ ужъ не долго остается погостить здѣсь?..

Отчего? отчего?..

Но я не берусь разрѣшать всѣ эти вопросы.

Не разрѣшите ли вы ихъ, мой читатель, или вы, моя читательница?

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЗАЯЦЪ.

Можно бы написать большую книгу объ авторскомъ самолюбіи вообще, и о сочинительскомъ самолюбіи въ особенности.

Первому бываютъ подвержены люди съ талантомъ; второму—посредственность и бездарность. Въ обоихъ случаяхъ, эта страсть—источникъ величайшихъ страданій для одержимыхъ ею. Впрочемъ, талантъ, какъ бы ни былъ болѣзненно-раздражителенъ, всегда имѣетъ свои минуты торжества, которыя, по возможности, ослабляютъ ѣдкую силу страданія отъ неудачь, или отъ несправедливыхъ приговоровъ, внушаемыхъ пристрастіемъ и невѣжествомъ. Но когда бездарный человѣкъ, одержимый бѣсомъ сочинительства, въ то же время исполненъ раздражительнаго самолюбія, которое, будучи въ заговорѣ съ его безвкусіемъ и невѣжествомъ, убѣждаетъ его въ томъ, что его произведенія превосходны и единодушно порицаются всѣми только по недоброжелательству, зависти и ослѣпленію: тогда взору наблюдателя представляется явленіе, столько-же жалкое и страшное внутри, сколько смѣшное и комическое снаружи. Подобныя явленія подлежатъ изслѣдованію и психолога и врача. Задорный писака—истинный мученикъ, онъ не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью, и вездѣ, во всемъ видитъ злыя противъ него намѣренія. Вы сказали при немъ, что не любите читать: онъ обидѣлся: другой сказалъ при немъ, что не хотѣлъ бы быть литераторомъ: онъ обидѣлся; третій сказалъ при немъ, что не любитъ романовъ и повѣстей: онъ

*

обидѣлся; четвертый похвалилъ при немъ какое-нибудь новое произведеніе (не его, разумѣется): онъ обидѣлся... Несчастный! его мучитъ всякій чужой успѣхъ, его терзаетъ появленіе всякаго замѣчательнаго сочиненія, всякаго замѣчательнаго таланта; онъ завидуетъ даже славѣ первоклассныхъ европейскихъ поэтовъ!.. А въ „своей литературѣ", онъ играетъ роль *зайца*, котораго всѣ травятъ изъ одного удовольствія травить. Выйдетъ плохое сочиненіе, совсѣмъ не имъ написанное: его сравниваютъ съ тѣмъ или другимъ изъ его сочиненій. Имя его вѣчно, кстати и некстати, подъ перомъ рецензентовъ. То онъ издаетъ сочиненіе за сочиненіемъ, то на время примолкаетъ, выжидаетъ и вдругъ, думая, что всѣ забыли его старые грѣхи, смѣшитъ журналы и публику изданіемъ новаго жалкаго дѣтища своей бѣдненькой фантазіи. Видя, что всѣхъ не задобришь, онъ выбираетъ одинъ изъ наиболѣе насмѣхавшихся надъ нимъ журналовъ—и начинаетъ льстить ему некстати въ своихъ сочиненіяхъ; но неумолимый журналъ тѣмъ больше издѣвается надъ нимъ... Что дѣлать? Бѣднякъ рѣшается самъ сдѣлаться критиканомъ и рецензентомъ. „Меня бранили", говоритъ онъ: „буду же и я бранить другихъ". Но ему въ то же время хочется казаться безпристрастнымъ, и онъ считаетъ долгомъ своимъ хоть что нибудь да похвалить во всякой вздорной книжонкѣ. Впрочемъ, по сочувствію, бездарности, онъ хвалитъ только одно посредственное, ничтожное, и охуждаетъ только геніальное и талантливое, да ужь развѣ что-нибудь очень безсмысленное и безграмотное. Но онъ охуждаетъ „съ легкою ироніею", а въ самомъ дѣлѣ сонно, вяло, плоско, съ беззубыми остротами и пошлыми шуточками. Однакожь, и это ему не удается. Рецензій его не принимаетъ ни одинъ журналъ; онъ издаетъ ихъ отдѣльными тетрадками, которыя доставляютъ обильную пищу насмѣшливости журналовъ, а сами не идутъ, не раскупаются... Чудакомъ овладѣваетъ отчаяніе: изъ полемическаго рыцаря печальнаго образа, онъ становится полемическимъ Orlando Furioso. Ему остается одно: найдти пріютъ въ какомъ нибудь изданіи. Наконецъ—о радость! издатель какого-нибудь литературнаго сора, видя въ нашемъ *зайцѣ* большой полемическій задоръ, предлагаетъ ему безвозмездно трудиться въ своемъ изданіи. Несчастный заяцъ радъ и самъ платить послѣднія деньжонки, чтобъ только пе-

чатали его статейки, даромъ же онъ готовъ работать съ плеча. день и ночь. Издатель тоже радъ ему: онъ употребляетъ его даромъ и только поправляетъ его статьи. Самолюбивый заяцъ блѣднѣетъ и дрожитъ за всякое вычеркнутое или поправленное слово; но прошлыя неудачи дѣлаютъ его по-неволѣ уступчивымъ; лишь бы не отняли у него возможность бранить тѣхъ, которые такъ долго смѣялись надъ нимъ,—онъ готовъ переносить отъ своего хозяина все... Но, за то, трепещите вы, враги его! Онъ ужь больше не говоритъ о безпристрастіи. о справедливости... Но, увы! враги его. которыхъ онъ думалъ видѣть подъ своими ногами, уничтоженныхъ, умирающихъ,— его враги опять весело смѣются, потому что ничего нѣтъ смѣшнѣе и пріятнѣе, какъ безсильная злоба. какъ пухлое изверженіе надувшейся бездарности... Что же будетъ дѣлать заяцъ. когда убѣдится въ своемъ безсиліи? что ожидаетъ его несчастнаго?.. Да, это любопытный типъ, драгоцѣнный предметъ для литературно-физіологическаго очерка съ картинками, подъ названіемъ: „Литературный Заяцъ...“

ЭСКИЗЫ.

Изъ портретной галлереи **Ив. Панаева.**

„Я и литературой занимаюсь тоже".
(Хлестаковъ въ „Ревизорѣ").

Въ 26 № Демутовской гостинницы, что у Полицейскаго моста, остановился очень полный помѣщикъ въ венгеркѣ, пріѣхавшій въ Петербургъ къ Рождеству, по порученію супруги своей, для закупки чепца послѣдняго фасона въ магазинѣ г-жи Тринклеръ и какой-то двуличневой матеріи, съ атласнымъ отливомъ, о которой было объявлено въ модахъ при „Библіотекѣ для Чтенія". Помѣщикъ этотъ человѣкъ образованный: онъ выписываетъ журналы, по большей части такого рода, къ которымъ прилагаютъ модныя или другія картинки, играетъ въ вистъ и преферансъ съ сосѣдями; охотится, крутитъ усы, потому что онъ штабсъ-капитанъ въ отставкѣ и имѣетъ въ Петербургѣ хорошее знакомство.—29-го декабря 1840 года, онъ пригласилъ къ себѣ гостей, на вечеръ.—Гости съѣхались. Двѣ Анны 2-й степени, два Станислава 2-й, одинъ Владиміръ 4-й, господинъ величественной наружности, съ улыбкой, выражающей благородное сознаніе въ собственномъ превосходствѣ, и молодой человѣкъ, необыкновенно застѣнчивый.—Общество, какъ видите, вообще очень пріятное, настоящее петербургское.—Комната гостинницы средней величины: два ломберныхъ стола, четыре зажженныя стеариновыя свѣчи, чемоданъ полураскрытый подъ диваномъ, нѣсколько деревянныхъ ящиковъ въ углахъ, да еще третій круглый столъ передъ диваномъ, и на немъ сигары, карты, афиши и разныя объявле-

нія. Все въ безпорядкѣ, какъ обыкновенно въ нумерахъ для пріѣзжающихъ. Разговоръ живой и занимательный.

— Позвольте спросить, много по вашему министерству представленій къ празднику? спросилъ господинъ съ Анной у господина съ Станиславомъ.

Сухощавый и длинноногій господинъ съ Станиславомъ, передернувъ бровями, отвѣчалъ:

— Нѣтъ-съ, нельзя сказать; въ истекшемъ году было гораздо болѣе, особенно по части денежныхъ награжденій. Илья Иванычъ Недалековъ, напримѣръ, получилъ денежное, окромя ордена.

— Неимовѣрное счастье-съ по службѣ этому Ильѣ Иванычу, даже просто что-то непостижимое-съ,—замѣтилъ другой господинъ съ синей бородкой и съ жидовскими ухватками.

Господинъ съ Владиміромъ вздохнулъ и обратился къ помѣщику:

— Ахъ! то-ли дѣло ваше житье, Сергѣй Никифорычъ, сказалъ онъ:—совершенное, безмятежное уединеніе,—не то, что наше столичное: ни суеты никакой, ни отвѣтственности...

— И точно славное житье! возразилъ помѣщикъ, остановясь посреди комнаты и подбочась:—я-бы и носу не показалъ въ вашъ Петербургъ, да жена... При этомъ онъ началъ крутить усы...

— Впрочемъ, есть-таки и дѣлишки кой-какія, а то бы зачѣмъ меня нелегкая принесла сюда? На улицахъ у васъ толкотня, давка; ни къ чему приступа нѣтъ: магазинщики—невѣжи, — да я ужъ одного изъ нихъ порядкомъ проучилъ. Видишь, французъ не понимаетъ по русски!—Да какъ же онъ смѣетъ не понимать по русски, когда онъ въ русскомъ царствѣ находится?

— Именно, эти французы таковы съ, началъ господинъ съ синей бородкой.—Я на дняхъ зашелъ къ парикмахеру-съ на Невскій, парикъ свой немножко поправить-съ и говорю хозяину, показывая на голову „вотъ, я говорю, поправить надо; а онъ что бы вы изволили думать-съ? посмотрѣлъ на меня да и сказалъ:—послѣ, мусье!—А на мнѣ, какъ и теперь, былъ орденъ. Что же я за мусье? Ужъ точно можно сказать, что дерзкій народъ, на нихъ и суда нѣтъ-съ.

Господинъ величественной наружности неговорилъ ни слова

Онъ смотрѣлъ въ потолокъ, нѣсколько презрительно поводилъ языкомъ за губами и значительно прищуривалъ глаза.

— Что, милостивые государи, въ вистикъ или въ преферансикъ? воскликнулъ помѣщикъ: — У васъ въ Петербургѣ нынче во что играютъ?

— Преферансъ болѣе въ модѣ, сказалъ господинъ съ Анною.

— Но я, воля ваша, придерживаюсь старинки, возразилъ длинноногій господинъ съ Станиславомъ:—вистъ —игра, болѣе или менѣе требующая головной работы; тутъ умственныя способности въ напряженіи: а преферансъ игра самая пустая.

— Всѣ то ваши игры пустыя! и, говоря это, помѣщикъ подносилъ карты гостямъ.

— Я вѣдь, Сергѣй Никифорычъ, по маленькой, —сказалъ господинъ съ Анной.

— И я тоже по маленькой, произнесъ господинъ съ Владиміромъ.—Я полагаю, лучше въ вистикъ?

— Конечно-съ.

— Что это за игры? продолжалъ помѣщикъ: помнишь ли, Андрей Яковличъ, какъ мы въ походѣ въ штосикъ, бывало? а? Все прошло, братецъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ женился, и я только въ вистъ да въ преферансъ играю.

Помѣщикъ вздохнулъ.

Господинъ величественной наружности, къ которому относилась эта рѣчь, поморщился или улыбнулся.—этого нельзя было въ точности замѣтить.

— Смѣшно и вспоминать объ этихъ глупостяхъ, отвѣчалъ онъ, обращаясь къ помѣщику и избѣгая мѣстоименій въ разговорѣ: на все есть время. Теперь мнѣ не до штосиковъ, —я заваленъ дѣлами, и такими дѣлами, которыя министръ поручилъ собственно мнѣ... Я иногда долженъ видѣться съ нимъ два, три раза въ день. Вчера онъ мнѣ сказалъ. „Я только на васъ и надѣюсь, просто на однихъ на васъ.“ Тутъ ужь, господа, не пойдетъ на умъ штосикъ, какъ вы думаете?

Онъ посмотрѣлъ на всѣхъ.

При словѣ: „министръ—всѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣли сначала другъ на друга, потомъ на господина величественной наружности.

— А ты будешь играть, Андрей Яковличъ?

Нѣтъ, я почти совсѣмъ не играю.

— Эхъ, эхъ, эхъ! воскликнулъ помѣщикъ: — все то на свѣтѣ измѣняется: вѣдь четыре года только не былъ въ Петербургѣ, а покорно прошу—какія перемѣны! И пріятелей-то не узнаешь и улицы какъ будто новыя — и освѣщеніе газовое, и домы такіе огромные и высокіе, что въ иной тысячъ пять душъ помѣстится — цѣлая шереметевская вотчина... Андрей Яковличъ, да вѣдь четыре года тому назадъ ты игралъ въ вистикъ?

— Четыре года! выразительно повторилъ, улыбаясь, господинъ величественной наружности, у котораго замѣтно коробилось лицо при каждомъ *ты* помѣщика, относившемся къ нему.

— Что же четыре года? да много ли это времени? Я, право не знаю, какъ у васъ въ столицѣ, а я такъ въ деревнѣ гонялся за зайцами и не замѣтилъ, какъ пролетѣли эти четыре года. Право, братъ, у стараго пріятеля не грѣхъ иногда и въ картишки перекинуть. Впрочемъ, я тебя не неволю, какъ ты себѣ хочешь,—или можетъ статься у васъ въ большомъ кругу не въ тонѣ играть?.. Вѣдь я ото всего, другъ сердечный, отсталъ въ своемъ захолустьи. Что же вы тамъ, разговорами что-ли больше занимаетесь?

— Нѣтъ-съ, извините, сказалъ господинъ съ Анной: — карты во всеобщемъ употребленіи; кто не умѣетъ играть въ карты, тому и носу, я вамъ скажу, нельзя показать въ обществѣ, тотъ торчитъ у всѣхъ, какъ бѣльмо на глазу.

— Я изрѣдка играю, но только въ большую, протяжно произнесъ господинъ величественной наружности: — съ недѣлю тому, я игралъ въ вистъ по 200 рублей роберъ, и такъ счастливо, что одинъ мой пріятель статсъ-секретарь, сидѣвшій возлѣ меня, говоритъ, „мнѣ кажется у тебя, mon cher, сама фортуна за пазухой“.

Гг. съ Анною и Станиславомъ засмѣялись, а Владиміръ, съ картой въ рукѣ, подойдя къ синей бородкѣ, прошепталъ ей на ухо, поведя глазомъ на господина величественной наружности:—не изволите знать, кто это такой?

— Не могу сказать-съ, только возвышенная физіономія. Странно, впрочемъ съ, что у него нѣтъ никакого ордена.

— Многіе нынче, Матвѣй Иванычъ, надѣваютъ ордена только въ экстренные случаи. Иногда отъ этого можно попасть въ такой лабетъ—и человѣка значительнаго принять такъ, за какого-нибудь... ничего нѣтъ мудренаго: на лбу вѣдь ни у кого не написано ни чина, ни фамиліи. Осторожность въ нынѣшнее время—главное!

— Что же, господа? принимайтесь за дѣло, кричалъ помѣщикъ, вытаскивая изъ огромнаго кармана своей венгерки кисетъ съ табакомъ.—Столъ готовъ, мѣлки важные, только записывай... Онъ началъ набивать свою огромную дорожную трубку съ коротенькимъ чубучкомъ и продолжалъ:

— А мы—люди праздные, между тѣмъ поболтаемъ кое о чемъ. Не правда ли, Андрей Яковличъ?

Закуривъ трубку, помѣщикъ подсѣлъ къ господину величественной наружности. Въ эту минуту безмолвный и застѣнчивый молодой человѣкъ, доселѣ никѣмъ незамѣченный, нѣсколько разъ кашлянулъ.

— Видишь, усѣлся тамъ въ уголку, какъ красная дѣвушка, сказалъ помѣщикъ, обращаясь къ закашлявшему молодому человѣку:—и слова не вымолвитъ. Что это ты кашляешь? Не простудился ли, Вася?

Молодой человѣкъ, когда на него обратили вниманіе, неловко пошевельнулся на своемъ стулѣ, весь вспыхнулъ и, запинаясь, отвѣчалъ:

— Нѣтъ-съ, это такъ-съ.

— Рекомендую тебѣ, Андрей Яковличъ, продолжалъ помѣщикъ, указывая чубукомъ на молодого человѣка:—это сынъ моего закадычнаго пріятеля и сосѣда деревенскаго, — малый добрый; есть у него впрочемъ кое-какія коловратныя мысли, да это еще по молодости, недавно изъ Москвы пріѣхалъ сюда опредѣляться на службу, а обучался въ университетѣ.

Молодой человѣкъ, раскланиваясь, покраснѣлъ еще болѣе прежняго.

Господинъ величественной наружности наклонилъ немного свою голову въ отвѣтъ на поклонъ его и сказалъ, улыбаясь, помѣщику:

— Стоитъ только пообжиться немного въ Петербургѣ, такъ коловратныя мысли какъ разъ исчезнутъ. Я знаю многихъ московскихъ молодыхъ людей, которые пріѣхали сюда съ

такимъ сумбуромъ въ головѣ, что Боже упаси: толковали о разномъ вздорѣ,—о гуманизмѣ, о направленіи вѣка... они всѣ тамъ помѣшаны на философіи. Но горячку ихъ здѣсь, какъ рукой сняло, и теперь они сдѣлались такіе любезные, ровные, милые молодые люди, танцуютъ до упаду безъ всякихъ претензій, работаютъ въ департаментахъ славно. На свободѣ-то, оно, конечно, хорошо сочинять разныя теоріи да отвлеченности, вдаваться въ поэзію, — другимъ нечѣмъ заняться, а у насъ, батюшка, проза: чистая проза безъ всякой примѣси...

— Прекрасное и здравое разсужденіе! замѣтилъ въ полголоса господинъ съ Анной своему партнеру съ Владиміромъ.

— Помилуйте, да у васъ дама самъ шестъ козырей, а вы не козыряете, вѣдь мы маленькій шлемъ могли бы сдѣлать. На что же это похоже?

— Виноватъ, заслушался, — да нельзя: славно говоритъ...

— Потерять отъ этого шлемъ! ворчалъ господинъ съ Владиміромъ,—шлемъ!

Молодой человѣкъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, слушая господина величественной наружности; лицо его попеременно то краснѣло, то блѣднѣло, губы шевелились: но онъ не могъ выговорить ни одного слова отъ застѣнчивости и вертѣлъ въ рукахъ носовой платокъ. Очень пріятное положеніе!

— Андрей Яковличъ, говорилъ помѣщикъ:—ты со всѣми въ связи и съ министромъ, какъ сказываешь, свой человѣкъ, и съ разными статсъ-секретарями. Сыщи-ка, братецъ, юношѣ-то мѣстечко; отецъ его человѣкъ небогатый; я тебѣ за это спасибо скажу, да еще къ будущему Рождеству моченыхъ яблокъ пришлю; вѣдь я знаю, супруга твоя до нихъ охотница, а у васъ здѣсь не умѣютъ мочить яблокъ, какъ должно.

— Помилуйте, Сергѣй Никифорычъ! жалобно воскликнулъ молодой человѣкъ, вытирая крупныя капли пота, проступившія у него на лбу. Моченыя яблоки, обѣщанныя за его опредѣленіе, привели бѣдняжку въ совершенное отчаяніе.

— Ничего, Вася, ничего... ужъ ты, пожалуйста, не церемонься и молчи, это не твое дѣло.

— Я съ большимъ удовольствіемъ постараюсь сдѣлать, что могу, сказалъ господинъ величественной наружности:—я увѣренъ, что *мою* просьбу министръ уважитъ; но объ этомъ только

надобно сказать директору, а я съ директоромъ на пріятельской ногѣ: мы всегда другъ у друга разъ въ недѣлю обѣдаемъ.

— И прекрасно! и дѣло въ шляпѣ! Вотъ видишь ли, Вася, пословица-то не лжетъ: старый другъ лучше новыхъ двухъ.

— Но зачѣмъ безпокоить такими просьбами... едва слышно проговорилъ молодой человѣкъ.

— Говорятъ тебѣ, Вася, толкомъ: молчи... Послушай, Андрей Яковличъ, гдѣ здѣсь достать хорошаго кнастера? Отецъ его просилъ меня купить нѣсколько картузиковъ. Онъ вотъ видишь-ли, служа въ пѣхотныхъ полкахъ въ Выборгѣ, взялъ привычку курить кнастеръ,—а по мнѣ такъ это скверный табачишка!

— Право, не знаю.

Господинъ величественной наружности взялъ со стола какое-то объявленіе и началъ его небрежно просматривать.

— А, это объявленіе на журналы, сказалъ онъ, бросая листокъ.

— Да, братецъ. А на какіе бы подписаться, я все думаю. Какъ ты посовѣтуешь? вѣдь тебѣ это должно лучше быть извѣстно?

— Я давно не читаю русскихъ журналовъ. У меня едва достаетъ время на англійскіе и французскіе *ревю*. Наши журналы всѣ и скучны и...

— Ну, нѣтъ, воля твоя, этого нельзя сказать, перебилъ помѣщикъ. Иногда попадаются и анекдотцы хорошіе, и водевили забавные. Мы съ женой надъ однимъ... какъ бишь его... забылъ названіе... въ запуски хохотали,—ну, это смерть моя, терпѣть не могу. Они тамъ промежь себя что хочешь толкуй, да публикѣ-то какое до этого дѣло?

— Хороша ученость въ нашихъ журналахъ! замѣтилъ господинъ величественной наружности, поправляя яхонтовую застежку на массивной золотой цѣпочкѣ, живописно расположенной на его бархатномъ жилетѣ вишневаго цвѣта.

— Я разъ нечаянно развернулъ такъ, не помню какой-то журналъ и прочелъ, что у французовъ не было философовъ. Эти господа журналисты забыли бездѣлицу—Декарта и Маль-

бранна! Я такъ ужь не забуду Декарта: я надъ нимъ 8 лѣтъ сидѣлъ, не поднимая головы.

— Все это еще ничего-съ, скромно возразилъ господинъ съ синей бородкой: — а вотъ что обидно: тамъ въ журналахъ помѣщаются такъ сказать оскорбительныя для человѣческой чести личности-съ. И на меня была недавно написана сатира. Я ужь хотѣлъ жаловаться-съ. Конечно, у меня знакомство хорошее и репутація моя составлена:—мнѣ это повредить не можетъ, да оно все, какъ хотите, щекотливо. И сочинителя-то я еще ребенкомъ зналъ, ей-Богу-съ, человѣкъ безъ всякой солидности, разговариваетъ больше о пустякахъ-съ и все по Невскому бѣгаетъ.

— Охота же вамъ, Матвѣй Иванычъ, Богъ знаетъ что на свой счетъ принимать, перебилъ помѣщикъ,—мало ли что сочинители выдумываютъ, на то они и сочинители. Они, извѣстно насмѣшники.

Господинъ величественной наружности едва замѣтно улыбался.

— Какъ же ты мнѣ посовѣтуешь, Андрей Яковличъ, продолжалъ помѣщикъ:—на какой журналъ подписаться? а?— Я, братецъ, хочу подмахнуть на два: на „Репертуаръ",—это, я тебѣ скажу, безподобный журналъ, да и на „Энциклопедическій" кстати,—говорятъ и онъ съ будущаго года опять пойдетъ. Странно только, что объ немъ вотъ въ этомъ объявленіи вмѣстѣ съ другими журналами не упомянуто.

Господинъ величественной наружности закусилъ нижнюю губу.

— Да, „Репертуаръ" точно занимательнѣе другихъ, сказалъ онъ:—утомясь отъ занятій, отъ головной работы, съ удовольствіемъ иногда можно перелистывать его.

— Вѣдь и вообще, кажется, замѣтилъ длинноногій господинъ, тасуя карты: — всѣми этими сочиненіями, собственно говоря, хорошо позабавиться въ свободные часы отъ службы. Это, такъ сказать, десертъ послѣ обѣда, безъ котораго и обойтись можно.

— Но я признаюсь, хотѣлъ-бы, чтобъ у насъ былъ журналъ дѣльный, продолжалъ господинъ величественной наружности:— дѣльный въ полномъ смыслѣ слова и вмѣстѣ съ тѣмъ добросовѣстный, безпристрастный...

— Да вотъ, запищалъ тоненькимъ голосомъ господинъ съ Анной, пересмотрѣвъ свои карты:—съ будущаго года въ Петербургѣ станетъ издаваться какой-то новый журналъ, — тотъ ужь, обѣщаютъ, будетъ совершенно добросовѣстный и безпристрастный. При этомъ даже застѣнчивый молодой человѣкъ не могъ выдержать: онъ засмѣялся, покраснѣлъ и спряталъ лицо свое въ носовой платокъ.

— Журналъ долженъ имѣть разнообразіе, говорилъ господинъ величественной наружности:—это первое условіе; второе, чтобы онъ имѣлъ направленіе чисто-практическое; всѣ философическія и теоретическія бредни въ сторону... практика и практика. Она только и можетъ принести истинную пользу Россіи... Конечно, повѣсти нельзя не помѣщать въ журналѣ, но повѣсти должны быть коротенькія.

— Отчего же, братецъ? перебилъ помѣщикъ:—съ этимъ я не согласенъ. Я люблю повѣсти, особенно веселыя, и жена моя тоже ихъ очень любитъ... Ну, печальныя — ни слова: эти такъ Богъ съ ними. Въ жизни и безъ этого много слезъ, да еще отъ книгъ плакать,—нѣтъ, ужь покорный слуга!

— Стишки, декламировалъ господинъ величественной наружности:—вовсе не должны быть въ журналѣ, потому что теперь всѣ пишутъ преплохіе стишки, да и вообще писать стихи въ XIX вѣкѣ—анахронизмъ.

— Стишковъ точно хоть бы и не было, возразилъ помѣщикъ: — не велика будетъ потеря; иное дѣло куплетцы водевильные,—безъ нихъ нельзя, братецъ. Есть вѣдь чудо какіе. Я въ „Репертуарѣ", кажется, читалъ куплетецъ объ усахъ— и помѣщикъ расправилъ свои усы:—какъ бишь его, я наизусть помнилъ:

«Что усы твои, усы...»

ахъ, чортъ возьми, позабылъ, а безподобный куплетецъ.

Застѣнчивый молодой человѣкъ, выслушавъ мнѣніе господина величественной наружности о стишкахъ, грызя ногти и заикнувшись раза два или три, осмѣлился замѣтить, что Байронъ и Пушкинъ принадлежатъ XIX вѣку, что они писали стихами и не считались однакоже анахронизмами.

— Да, конечно, но я собственно говорю о послѣднихъ

годахъ, возразилъ господинъ величественной наружности: еще лѣтъ восемь тому назадъ были стишки...

— Помилуйте-съ, перебилъ молодой человѣкъ: — еще недавно появился у насъ въ литературѣ истинный и глубокій поэтическій талантъ. Вы, можетъ быть, не читали его стихотвореній? позвольте мнѣ, — я знаю нѣкоторыя наизусть.

И робость его мгновенно исчезла; онъ какъ бы движимый непреодолимою силою вдохновенія, вдругъ вскочилъ со стула и съ сверкающими глазами, съ разгорѣвшимся лицомъ, началъ читать одно стихотвореніе. Молодой человѣкъ позабылъ гдѣ онъ и кто его слушатели. Онъ, бѣдный, былъ очень смѣшонъ и жалокъ въ эту минуту. Господинъ величественной наружности, лицо котораго приняло выраженіе рѣзко ироническое, перебиралъ табакъ въ своей табакеркѣ.

Помѣщикъ, позѣвывая, соскабливалъ ногтемъ пятно со стѣны.

Господинъ съ Анной, игравшій въ карты, говорилъ другому съ Владиміромъ:

— Этотъ молодой человѣкъ мило декламируетъ.

А господинъ съ Владиміромъ отвѣчалъ ему:

— Не дурно съ, только слишкомъ изъ себя выходитъ.

Окончивъ стихи, молодой человѣкъ съ участіемъ посмотрѣлъ на своихъ слушателей, какъ бы желая прочесть на лицахъ ихъ, заронилась ли въ ихъ души хотя малѣйшая искра восторга, одушевлявшаго его.

— Стихи хороши, но не совсѣмъ выдержаны, замѣтилъ господинъ величественной наружности: — есть кое-какіе грамматическіе промахи. — Въ эту минуту онъ думалъ:

— Эге! да на этого молодчика плоха надежда по службѣ: онъ поэзію слишкомъ горячо къ сердцу принимаетъ. Молодой человѣкъ молча опустился на стулъ; онъ почувствовалъ весь комизмъ своего положенія онъ понялъ, какъ некстати и глупо обнаружилъ свой юношескій жаръ, свое кипучее чувство... Какъ провинившееся дитя, онъ смиренно притаился въ уголокъ и ужь не произнесъ ни одного слова въ продолженіе цѣлаго вечера.

— Такъ мы говорили о журналѣ, началъ опять господинъ величественной наружности: да. — На отдѣленіе наукъ должно быть преимущественно обращено вниманіе журналиста.

— И, братецъ, это ей Богу напрасно! закричалъ помѣщикъ.

— Наукамъ мы въ школѣ учились, да изъ этого мало толку вышло, а теперь, на старости лѣтъ учиться поздно;—статейки же по части сельскаго хозяйства не мѣшаетъ; ихъ всегда съ любопытствомъ прочтешь.

— Позвольте-съ, замѣтилъ господинъ съ синей бородой,—для столичныхъ жителей это не имѣетъ-съ интереса.

— Критика должна заниматься серьезными книгами, а не романами и повѣстями.

— Серьезными? возопилъ помѣщикъ—да кто же, братецъ, станетъ читать твои серьезныя критики? Я какъ увижу, что статейка чуть по серьезнѣе, такъ и листовъ не разрѣзываю.

— Разборы книгъ надобно поручить такимъ людямъ, у которыхъ головы логически образованы. Смѣсь тоже важная статья. Въ смѣси могутъ быть статьи по части политической экономіи, по части...

— Въ смѣси-то анекдотцевъ по больше. Я ничего такъ не люблю, какъ небольшіе акекдотцы: это просто страсть моя. Послѣ обѣда книгу въ руки, кожаную подушку подъ голову... анекдотецъ за анекдотцемъ, такъ незамѣтно и глаза слипнутся, да съ часокъ другой и соснешь.

— Анекдотцы, именно анекдотцы! хоромъ повторили всѣ.

— Только вотъ что неудобно нынче, продолжалъ помѣщикъ:—книжки такія толстыя, что держать невозможно, рука отекаетъ.

— Это правда сказалъ господинъ величественной наружности, захохотавъ очень громко:—вотъ еще одна изъ причинъ, почему нашихъ журналовъ не беру въ руки.

Когда вистъ кончился, длинноногій господинъ, выигравшій 5 р. 20 к., въ чрезвычайно веселомъ расположеніи духа подошелъ къ столу, на которомъ лежали объявленія и афишки.

— Неужели-съ, произнесъ онъ, разсматривая объявленія о журналахъ: неужели-съ это все журналы на 1841 годъ? Боже мой, да сколько ихъ! Къ чему бы, казалось, еще новые издавать? И старыхъ-то, я полагаю, еще многіе не прочли-съ.

— А знаете ли, господа, сказалъ помѣщикъ, выколачивая свою трубку:—по моему мнѣнію; всѣ эти журналы и книги для того только и сочиняютъ, чтобы съ насъ деньги обирать. Ей Богу такъ.

— Да, именно такъ! раздалось нѣсколько голосовъ.

Господинъ величественной наружности взялъ свою шляпу и, отговорясь важными дѣлами, докладомъ, который ему надобно приготовить къ слѣдующему дню и еще чѣмъ-то, раскланялся и вышелъ.

— Ну, что съ тобой дѣлать! говорилъ помѣщикъ, провожая его: — а все это, братецъ, проклятое честолюбіе, ей Богу честолюбіе... Не забудь же о моемъ молодомъ человѣкѣ, я пришлю его къ тебѣ.

— Непремѣнно, пробормоталъ господинъ величественной наружности, надѣвая свою шубу.

Помѣщикъ возратился къ остальнымъ гостямъ.

— Идетъ въ гору! сказалъ онъ, будто про себя и потряхивая головою.

— Да кто это такой, Сергѣй Никифорычъ? спросили у него гости почти въ одинъ голосъ.

— Это, изволите видѣть, чиновникъ по особымъ порученіямъ при...

— Голова, нечего сказать! замѣтилъ господинъ съ Анной: — видно сейчасъ, что изъ ученыхъ.

— Онъ! о, да я вамъ скажу, онъ все знаетъ; о чемъ ни заговорите съ нимъ, его ни на чемъ не собьешь, — я вѣдь служилъ съ нимъ вмѣстѣ.

— Боекъ-съ, боекъ! воскликнулъ господинъ съ Владиміромъ.

Когда гости разъѣхались, помѣщикъ тотчасъ затушилъ стеариновыя свѣчи и подумалъ.

— Радъ душевно, что почти устроилъ Васю: у меня какъ гора съ плечь свалилась: теперь малый-то перестанетъ бить баклуши. Обрадую же я отца его: я думаю старикашка мой такъ и зальется слезами. — Спасибо Андрею Яковлевичу, спасибо, — и вѣрно онъ ему славное мѣсто доставитъ.

Послѣ этого помѣщикъ легъ спать и по обыкновенію спалъ до утра безъ просыпа... Когда господинъ величественной наружности возвратился домой, онъ сказалъ своему лакею:

— Послушай, Антошка, если комнѣ будетъ приходить молодой человѣкъ такой худощавый, средняго роста, отъ Сергѣя

Никифорыча, который остановился у Демута, то говорить, что меня дома нѣтъ! Слышишь?

— Слушаю-съ.

Послѣ этого господинъ величественной наружности легъ почивать, но онъ провертѣлся на постели до самаго утра, а заснуть ни какъ не могъ, потому что все размышлялъ о томъ: получитъ-ли онъ къ новому году Владиміра 3 степени и удастся ли ему лишить мѣста одного своего товарища по службѣ, который иногда заслонялъ его собою...

F.L. 2-8-68

PG
3337
P2
1888
t.1-2

Panaev, Ivan Ivanovich
Pervoe polnoe sobranie
sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY